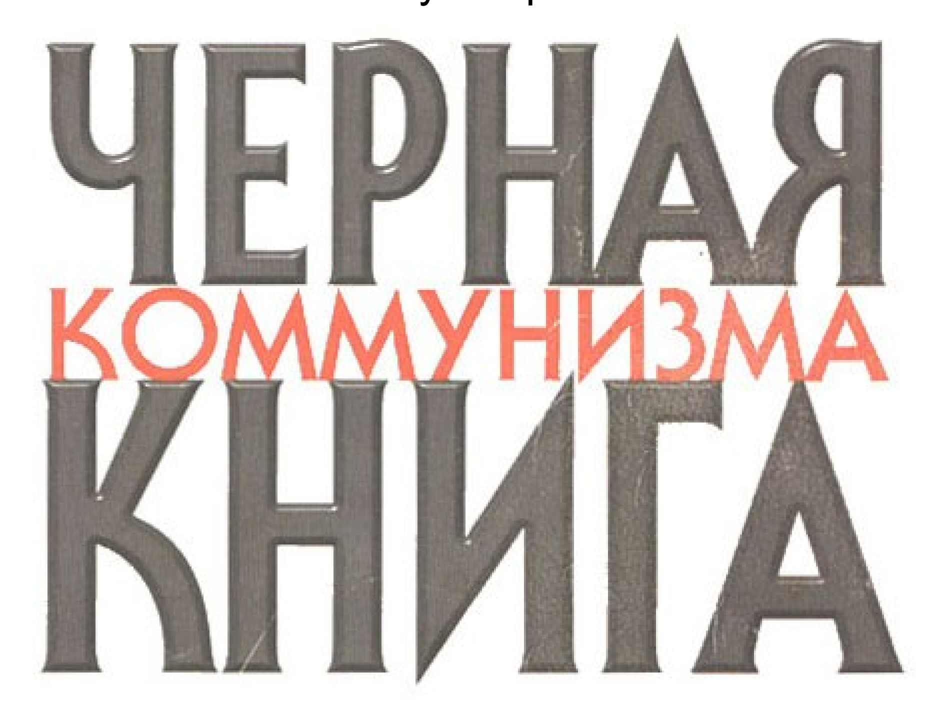
Стефан Куртуа
Николя Верт
Жак-Луи Панне
Анджей Пачковский
Карел Бартошек
Жан-Луи Марголен

ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ТЕРРОР
РЕПРЕССИИ

95

миллионов

жертв

Новая стр.

Издательство «Робер Лаффон» и авторы
посвятили эту книгу памяти Франсуа Фюре,
который обещал, но не успел
написать к ней предисловие

ЧЕРНАЯ КНИГА КОММУНИЗМА

Оригинальное издание осуществлено
под руководством Чарльза Ронсака

Новая стр.

STÉPHANE COURTOIS, NICOLAS WERTH,
JEAN-LOUIS PANNE, ANDRZEJ PACZKOWSKI,
KAREL BARTOSEK, JEAN-LOUIS MARGOLIN

LE LIVRE NOIR DU COMMUNISME

Crimes, terreur et répression

avec la collaboration de Rémi Kauffer, Pierre Rigoulot,
Pascal Fontaine, Yves Santamaria et Sylvain Boulouque

Новая стр. - титульный лист

Стефан Куртуа
Николя Верт
Жан-Луи Панне
Анджей Пачковский
-Карел Бартошек
Жан-Луи Марголен

ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ТЕРРОР
РЕПРЕССИИ

Перевод с французского

МОСКВА
«ТРИ ВЕКА ИСТОРИИ»
2001

Новая стр.

ББК 63.3(2)615-4
4 49

ЧЕРНАЯ КНИГА КОММУНИЗМА

Издание второе, исправленное

Перевод с французского

Вступительная статья
А.Н. Яковлев

Общая редакция
Н.Ю. Сыромятников

Ответственный редактор
И.Ю. Белякова

Художественное оформление
А.А. Зубченко

Издание
выпущено при содействии
«СОЮЗА ПРАВЫХ СИЛ».
Предназначено для распространения
в муниципальных,
сельских, школьных
и вузовских библиотеках.

ISBN 5-93453-037-2 (Рос.)
2-221-08204-4 (Фр.)

Оформление последних стр. книги

Стефан Куртуэ
Николл Верт
Жан-Луи Панне
Анлжей ПачкооскиО
Карел Бартошек
Жан-Луи Марголен

ЧЕРНАЯ КНИГА КОММУНИЗМА

Преступления, террор,репрессии

Перевод
Э.Я. Браиловская, А.И. Виноградова, О.В. Захарова,
С.Г. Родина, О.В. Тимашева, И.В. Топоркова,
ЕЛ. Храмов (руководитель группы)

Редакторы перевода АД Бакулов, Е.И. Дюшен, Д.П. Ческис, З.Б. Ческис

Литературный редактор И.П. Оловянникова

Технический редактор О.В. Степанова

Корректоры
Н.П. Бахолдина, Л.С. Бражникова, Н.Г. Гукасян, А.Б. Панеях, Е.Б. Тотмина

Набор
М.Ю. Мелкова, И.В. Попова, И.А Прохорова, Т.К. Тугушева

Следующая стр.

Ч 49 Черная книга коммунизма.
Преступления, террор, репрессии.
М.: Издательство «Три века истории», 2001, 2-е издание, исправленное, 780 с, илл.

BBN 5-934353037-2 (Рос.) ISBN 2-221-08204-4 (Фр)

«Черная книга коммунизма»
посвящена исследованию преступлений
коммунистических режимов, существовавших в XX веке.
Основана исключительно на достоверных документах и фактах,
снабжена иллюстративным материалом,
картами концлагерей и депортаций народов,
свидетельскими показаниями.

Лицензия на издательскую деятельность: Л.Р. № 066548 от 12 мая 1999 г.

Подписано в печать 09.04.01. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Печ. л. 50. Тираж 100 000 экз. Заказ № 3386

Издательство «Три века истории»;
Москва, Таганрогская, д. 10/21. Адрес для переписки: 101000, Москва, Главпочтамт, а/я 76.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Последняя стр.

Каким образом идеалы освобождения и всеобщего братства обернулись в октябре 1917 созданием тоталитарного государства, основой политики которого стало систематическое подавление социальных слоев общества и целых народов, а способом её воплощения — масштабные депортации и массовое истребление людей?

Завеса секретности, наконец, полностью сброшена. Крах большинства коммунистических режимов, открытие множества ранее недоступных архивов, многочисленные свидетельства и воспоминания очевидцев позволяют сделать напрашивающийся вывод: у коммунистических стран лучше получается выращивать концлагеря, чем хлеб и производить трупы — чем потребительские товары.

Коллектив ученых-историков провел максимально полное изучение преступлений, совершённых под флагом коммунизма во многих странах на разных континентах: места, даты, факты, палачи, жертвы... Десятки миллионов в СССР и в Китае, миллионы в небольших странах, таких, как Северная Корея и Камбоджа: всего около **95 миллионов жертв** — такова плата человечества за увлечение коммунистической утопией в XX веке.

О трагедии планетарного масштаба — первое справочное издание.

Многочисленные свидетельские показания, карты концлагерей и депортаций народов, 32 страницы документальных фотографий.

Большевизм — социальная болезнь XX века

Книга, предлагаемая вниманию читателя, уже издана во многих европейских странах. Она серьезна, масштабна, туго набита фактами, многие из них уникальны своей новизной, подчас невероятностью. Это своего рода исследование о раковой опухоли большевизма, которая беспощадно уничтожала поколение за поколением во всем мире и, прежде всего, в России.

Книгу создали зарубежные историки. Жаль, что не российские. Но замечательно, что исследование выходит в русском издании.

Что же это за явление — большевизм, основанный В. Ульяновым в 1903 году? Задумаемся, уважаемый читатель, над таким простым фактом. В XX веке пять раз менялось название страны на политической карте мира — Российская империя (до 1917 г.), Российская республика (1917 г.), РСФСР (1918—1922 гг.), СССР (1922—1991 гг.). Российская Федерация, Россия (с 1993 г). Четыре раза меняли мы гимн: «Боже, царя храни... (до 1917 г.), «Марсельеза» (1917 г.), «Интернационал» (1918—1944 гг.), «Союз нерушимый...» (1944—1991 гг.), нынешний гимн — «песня без слов» (с 1993 г.)*.

Резали, кромсали административно-территориальное деление страны, переименовывали города, некоторые по несколько раз, дошли до абсурдистики типа: Ленинградская область с центром Санкт-Петербург, Свердловская область с центром Екатеринбург и т.д.

О чем это говорит? Ставлю отточие...

Ленин в начале века патетически воскликнул: «Дайте нам партию революционеров, и мы перевернем Россию!»

Перевернули. Поставили с ног на голову. Что получили? Ничего, зато потеряли целое столетие. На то же столетие отстали от цивилизованных стран. Убиты десятки миллионов людей. Страна — нищая, отсталая, нация биологически вырождается. И перспективы выздоровления страны и нации отнюдь не радужны. Почему? Потому, что наше общество пусть еще не смертельно, но все еще запредельно отравлено ложью. Мы все еще продолжаем жить в каком-то кошмарном сне. Боремся за свободу, а живем по-советски.

Самое ужасное, что существует на белом свете, — это извращение прекрасного. Большевистский режим родился из революционной решительности,на словах вдохновляемой гуманистическими идеалами. Ленинцы были убеждены, что только насилие является универсальным и единственным средством осуществления этих идеалов.

Большевизм и фашизм — две стороны одной и той же медали. Медали вселенского зла. Целью большевистского террора было создание якобы идеального бесклассового общества, идеологически чистого, как дистиллирован-

*В 2001 году утвержден новый вариант старого гимна (музыка Александрова, слова Михалкова). *(Прим.ред.)*

ная вода. Гитлеровский террор был более предсказуемым: очистить для начала Европу, а затем и весь мир от неполноценных народов, прежде всего славян и евреев. Славяне и евреи, затем желтые и черные — это ясно и понятно: на планете Земля должны жить только «белокурые бестии».

В политическом завещании Ленина, которое затем стало 58-й статьей Уголовного кодекса СССР 1926 года, первый пункт определял любое действие или бездействие, служащее ослаблению власти, преступлением. Вместо презумпции невиновности — презумпция виновности. Ибо «кто **не** с нами, тот против нас». Люди с первого дня гражданской войны, развязанной Лениным, стали жить в условиях тиранической, уголовной анархии.

Кажется, несовместимы эти понятия — чудовищная деспотия и анархия. Увы, это было так. Любой негодяй-чекист мог единолично приговорить к смерти любого классово неполноценного, по его определению, человека. Сталин «демократизировал» этот процесс, упорядочил уголовную анархию, доведя число негодяев до «троек». Именно благодаря анархии преступная власть стала как бы невидимой и всегда праведной: власть хорошая, люди плохие.

В итоге высшим средством созидания стала борьба всех со всеми и за все. Вспомним эту абсурдистику. В СССР боролись с буржуазной идеологией и традицией, боролись за повышение производительности труда и партийности искусства, за «нового человека» и с пережитками прошлого... Вели нескончаемые «битвы за урожай», за сверхплановый выруб леса и распашку целины, за 100%-ную коллективизацию и за «мир во всем мире».

Гитлеризм кристально ясен, как бандит-насильник. Фашисты демонстративно сжигали книги на площадях, коммунисты сожгли их в сотни раз больше, но тайно, по списочкам, с обязательной точностью. Кстати, сжигание книг, прежде всего Библии, Корана, произведений Достоевского, сотен других авторов, началось по инициативе Крупской, жены Ленина.

Как известно, все режимы, в том числе и демократические, во время войны прибегают к «информационной автаркии», ограничивают распространение информации, свободу передвижения людей и идей. Большевизм это сделал политической константой мирного времени. Радио глушили, свирепость цензуры доходила до абсурда, выезд за границу был закрыт, жены неверных мужей бегали в парткомы, где их, неверных мужей, «воспитывали». Не случайно же Ленин запретил все «буржуазные» газеты, издавались только коммунистические. Партия решала, какие книги читать, какие песни петь, о чем говорить, как говорить и зачем говорить.

Контроль над информацией и закрытие границ, ГУЛАГ и беззаконие, прочие издевательства над живой жизнью служили тому, чтобы псевдореальность воспринималась людьми как подлинная реальность. Перевоспитание масс было доведено до такой степени, что люди перестали «быть», а начали «казаться», играть верноподданническую роль везде и во всем. В миру нельзя было показать, что ты не веришь своим глазам и ушам, что белое — это черное, с языка рефлекторно срывалась одна ложь. Житие во лжи стало обязательно-принудительным, и потому набатно-солженицынское «Жить не по лжи» стало национальной идеей по демонтажу тоталитаризма: хирение и вырождение последнего стало явью во времена гласности, столь памятной многим и столь дорогой лично мне.

Советский Союз после гитлеровского разбоя — все эти ужасы, даже вмесе взятые, не идут ни в какое сравнение с тем, что представляла из себя наша Родина после семи неполных лет ленинской тирании. Россия и ее народ были ог-

раблены до нитки. Золото, бриллианты, валюта были прикарманены высшей партийной кастой для «мировой революции», но прежде для самих себя.

Физически было уничтожено дворянство. Уничтожено купечество, предприниматели, интеллигенция, цвет армии — офицерство. Перебиты миллионы крестьян, стерт в порошок рабочий класс, от имени которого якобы и вела свои бандитские дела ленинская шайка.

Экономика развалилась. Погиб лучший в мире речной флот, гордость российского купечества. Замерли, заросли бурьяном лучшие в мире железные дороги. Порушена, превращена в прах лучшая в мире банковская система. Разграблены и изничтожены тысячи лучших в мире аграрных хозяйств, в которых производительность труда и урожайность были выше, чем в Западной Европе и Америке. Замерла лучшая в мире система народного образования, созданная Александром II и усовершенствованная Столыпиным.

Среди большевиков Сталин был хитрее всех, коварнее всех, рассчитывал свои действия на годы вперед, знал тюремную и ссыльную жизнь, обладал невероятной, фантастической памятью, натренировался фотографически читать тексты, терпеть не мог ни оппонентов, ни конкурентов, в чем схож с Лениным, виртуозно матерился, в быту был скромен, осмотрителен, патологически ненавидел революционеров всех мастей, в том числе и своего учителя Ленина, особенно его жену Крупскую. Но, как законченный циник и прагматик, лучше других понимал, что в единоличные вожди можно въехать только на спине Ленина, поэтому объявил себя лучшим его учеником, продолжателем дела, вбил в мозги партийцев, что «Сталин — это Ленин сегодня».

В истории не было большего русоненавистника, русофоба, чем Ленин. К чему бы он ни прикасался, все превращалось в кладбище. В человеческое, социальное, экономическое... Все ограблены — и живые, и мертвые. Ограблены даже могилы. Все разворовано. Все оболгано. Все уничтожено. Так завершилась величайшая афера, спланированная германским генеральным штабом, лично фельдмаршалом Людендорфом, наставником и кумиром Гитлера.

Поскольку весь марксизм был построен «на религии классовости», прежде всего нужно было отменить религию истинную. И Маркс, и особенно Ленин, родившийся в многонациональной и разнорелигиозной империи, понимали, что «загнать человечество в рай коммунизма» можно только исключительно насилием, в том числе и духовным, создав монорелигию атеизма для всех.

Ленин — патологический мракобес религии атеизма. Почему мы забываем о мегамракобесии марксизма-ленинизма? Разве не первым в мире патриарх Тихон уже 19 января 1918 года предал анафеме большевиков и страстно призвал верующих «не вступать с извергами рода человеческого в какое-либо общение»?

Ущербность всей советской и постсоветской марксологии, как истинной, т.е. критической, так и мнимой, т.е. апологетичной, просматривается в ее запредельно материалистическом уклоне, атеистической предрасположенности. Все то же топтание на марксовом информационном поле. Все одни и те же: Гегель, Фейербах, Кант, Лассаль.

Идеологический монополизм обеспечивал всеобщий контроль за всеми и каждым. Умы и души идут по тому же разряду, что и вещи. Несогласные уничтожаются или изолируются. Свободный труд, свободная мысль, свободное слово упраздняются. Поиск истины под запретом. Наука и искусство большевизируются. Более того, в ранг идеологических сфер переводятся агрономия, медицина, электроника — все и вся.

В системе «моновласть — мonoсобственность» отрицательные обратные связи (мнимая информация) считаются положительными. Отсюда чудовищное искажение действительности, статистическое строительство «рая земного». Юридические нормы подменяются инструкциями и предписаниями, верховенство права — верховенством политической власти снизу доверху.

Поскольку нравственно лишь то, что служит построению коммунизма, трудовая и интеллектуальная селекция заменяются политико-идеологической, карьеристской.

Практика большевизма усиливала вредоносность феодального атавизма о делении труда на производительный и непроизводительный, на «чистый» и «грязный», на престижный и непрестижный.

Экспроприация средств производства, передел чужого имущества не только не сделали трудящихся богаче, напротив, в силу неумолимой логики экономического развития и законов морального возмездия привели к унизительному люмпенству. Экспроприация деформировала психику, сознание людей. Она подорвала стимулы к труду, размыла ответственность людей за собственное благосостояние.

Пролетарский интернационализм, с которым марксизм связывал большие надежды, и прежде всего решение национального вопроса, преодоление национального эгоизма, расизма, шовинизма, антисемитизма, привел к противоположным результатам.

Как выяснилось, большевизм, освобождающий человека от ответственности за свое экономическое положение, деформирующий его экономическое и социальное мышление, делает его податливым к ультранационалистической идеологии. Националистический экстремизм, будучи одной из форм современного фашизма, словно смерч, сметает все на своем пути, оставляя за собой развалины.

Участие трудящихся в октябрьском перевороте и вызванной им гражданской войне не только не очистило их от «старой грязи», а, напротив, озлобило их, надломило духовно и морально. Взаимная нетерпимость приобрела характер массового психического заболевания. Революция оказалась не праздником справедливости, а вакханалией мести, зависти, расправы.

Возведя нетерпимость и ненависть в государственную идеологию, большевизм сделал все возможное и невозможное, чтобы превратить людей в соучастников вандализма.

Люди всегда творили преступления. Творили их и организованно, и спонтанно, но такой преступности власти, которую породил большевизм, в истории не было. И всё под прикрытием заботы о всем человечестве.

Террор — вот путь переделки человеческого материала во имя будущего. С точки зрения человеческой, этому названия просто нет. Трудно синтезировать в одно понятие социальный каннибализм, каинизм, геростратство, иудин грех в своем законченном развитии — от предательства Учителя до предательства Отца, что и Святому Писанию неведомо.

Пренебрежение к конкретному человеку большевики полностью взяли из марксизма. Но не только. Были и свои, российские, традиции — нигилизм, нечаевщина, анархизм.

Маркс в конце концов отбросил рассуждения о гуманности и любви, которые были в первых его произведениях. Он уже не говорит о моральной справедливости, хотя беспрерывно морализирует, изобличая и осуждая своих вра-

гов. И все это выросло в утверждение, что нравственно все, что соответствует интересам революции, пролетариата, коммунизма.

Именно с такой моралью и расстреливали заложников в гражданскую войну, уничтожали крестьянство, строили концентрационные лагеря, переселяли целые народы.

Примат иллюзорного будущего над человечностью давал полную свободу не стесняться в средствах, быть по ту сторону добра и зла, когда дело шло о власти, насильственных действиях, репрессиях и тому подобном. Действительные ценности — доброта, любовь, сотрудничество, солидарность, свобода, верховенство закона и т.д. — оказались непригодными, излишними, они ослабляли классовое сознание.

Есть раны, которые не заживают. Как могло случиться, что миллионы ни в чем не повинных людей были уничтожены по прихоти небольшой группы преступников, а еще миллионы были обречены на бесконечные страдания,оказавшись изгоями общества, жертвами злой государственной машины?

И все это при молчаливом или шумливом одобрении других миллионов, сбитых с толку и едва ли отдающих себе отчет в том, что они тоже принадлежат к расстрелянному поколению.

Трагедия не только в мертвых, но и в живых.

Миллионы людей честно трудились, радовались, были счастливыми, растили детей, мечтали о лучшем будущем. Они верили в это будущее и отвергали тех, кто, как им внушалось, мешал быстрому бегу к этой вожделенной минуте счастья.

Проклятые времена, но и времена противоречивые, с разделенными сердцами и душами, с совестью, исковерканной лживой верой.

Нынешний большевизм — красно-коричневый. Он рвется к полной власти с остервенением маньяка. Способ захвата все тот же — тотальная ложь. Ложь о гибнущей России, о потерянном рае, о «великих завоеваниях социализма». Как в свое время Ленин лгал и клеветал на все, что мешало ему захватить власть, так и сейчас оппозиция все и вся представляет исключительно в негативе. Всё в тех же ленинских традициях. Геббельс только повторил Ленина, требуя былинной клеветы на все тот же «проклятый» демократический Запад.

Кто виноват, что в России вселенский бардак? Кто его вытворил? Выпестовал, взлелеял? Абсолютно полное экономическое ничтожество большевиков засеяло все пространство и время нашего бытия миллионами микро- и макрочернобылей. Пространством — от Калининграда до Чукотки, временем — 70 годами с гаком, с 1917. С приходом Ленина к власти и с приходом военного коммунизма.

Я знаю, о чем пишу. И мне нелегко это далось. Вступил в партию во время войны, воевал, прошел в КПСС длинный путь — от секретаря первичной парторганизации до члена Политбюро. В 1991 году, незадолго до мятежа, был исключен из КПСС. За мои долгие годы многое узнал, а еще больше — понял. Про меня написано всякой дряни столько, что захлебнуться можно. На себе испытал всю мерзопакостность продавцов товара из мира теней. Не скажу, что легко все это читать и слышать, но спасает то, что я глубоко верю в будущее свободной России, а коли так, то всякий вздор заслуживает лишь презрения, и ничего другого.

Возродиться на большевистском пепелище, а тем более построить гражданское общество неимоверно трудно, ибо прощание с ленинско-сталинским фашиз-

мом слишком затянулось. Прорыв к свободе обременен нетерпимостью, кровью, пренебрежением к человеку, всеобщим доносительством и всеобщим притворством, потому в результате и получается нечто несуразное, топкое, скользкое.

Официальные догмы большевизма жестко и неукоснительно диктуют политику насилия как «повивальной бабки истории»; насильственных революций как «локомотивов истории»; классовой борьбы вплоть до полного уничтожения одного класса другим: диктатуры пролетариата; уничтожения частной собственности; отрицания правового государства и гражданского общества; попрания прав наций и прав человека; отрицания семейного воспитания; установления мировой империи коммунизма.

Это вероучение, несмотря на уже доказанную историей теоретическую абсурдность и практическую несостоятельность, дышит и сегодня. Оно мимикрирует, приспосабливается, извивается, крутит хвостом во все стороны. Будучи злейшим врагом демократии, большевизм активно паразитирует на ее принципах с тем, чтобы, захватив власть, похоронить демократию, как это уже случилось после октябрьской контрреволюции в 1917 году. Еще вчера большевики — «последовательные интернационалисты», а сегодня — национал-патриоты. Теперь пролетариат — уже не богоизбранная, наднациональная и единственная секта, призванная владеть миром, а всего лишь соборные трудящиеся, которые, согласно очередному мифу национал-большевиков, связывают с ними национал-патриотические надежды на спасение России. Итак, одна секта — интернационал-большевистская — без особых церемоний превращается в другую — национал-патриотическую.

Еще вчера они — воинствующие безбожники, уничтожающие храмы и расстреливающие священников, сегодня, не моргнув глазом, перекинулись в радетели религии.

Еще вчера частная собственность была для них воплощением социального зла и смертельным грехопадением, а сегодня они сами с жадностью хватают все, что плохо лежит.

Еще вчера, будучи у власти, они физически уничтожали всех инакомыслящих, а сегодня живописуют себя чуть ли не главными защитниками свобод и конституционности.

И прочее, и прочее, чему предел за горизонтом.

Но все эти увертки, клоунады с идеологическими переодеваниями, как и прежде, пропитаны ритуальной ложью и корыстью. Узнай Ленин о подобных перевоплощениях, он в гробу бы перевернулся, хотя сам переделывал марксизм в угоду призраку коммунизма, который, по Марксу, бродяжничал по Европе.

Впрочем, тут своя, большевистская, логика, основанная на принципах революционной целесообразности и проституированной диалектики. В начале столетия большевизм во имя химеры мировой пролетарской революции превратил Россию в свою экспериментальную колонию, а народы России — в подопытное селекционное стадо для выведения особой породы человека. Результат известен: Россия облилась кровью и отстала, а народ ее поставлен на колени. Ради той же неутолимой жажды власти на крови большевизм готов сепродать за власть и свое капище — «всесильное и непобедимое марксистско-ленинское учение».

Как и многие десятилетия назад, большевизм с его основными политическими игроками и трубачами — РСДРП(б), ВКП(б), КПСС и КПРФ, объявившей себя наследницей КПСС, вместе с другими группировками, включая фашист-

ские, является преградой к прочной свободе человека и зрелому демократическому устройству в России, источником раскола и политической нестабильсти, не утихающего страха.

С точки зрения их «вождей», нынешняя власть — это режим «национальной измены», «оккупации», «национального предательства», «кремлевских власовцев». Продолжая питаться агрессией, взращенной за семь десятилетий их же властью, равно как и растерянностью людей в условиях быстрых общественных перемен, большевики упорно ведут дело к новому социальному взрыву и гражданской войне.

Спросим себя, почему и откуда идут наша нервозность, наш страх сегодня? Да потому, что Ленин и Сталин все еще живы, что идеология взаимной неприязни и подозрительности, равенства в нищете, иждивенчества продолжает угнетать нас, эксплуатировать нас, не дает разогнуться согбенным спинам, мешает свободному дыханию.

Идеология нетерпимости целенаправленно превращена большевиками в государственную. И вот многие десятилетия мы ожесточенно боремся, не ведая ни милосердия, ни сострадания, не жалея ни желчи, ни чернил, ни ярлыков, ни оскорблений, ни детей наших, ни внуков, не страшась Бога, лишь бы растоптать ближнего, размазать его, как грязь, испытывая при этом сладостное удовлетворение.

По меркам истории, Россия очень быстро идет к обретению свободы — этой подлинной идеологии человека и его всеохватной религии.

Но путь к торжеству свободы России может быть прерван в любой день, если не поставить вне закона большевистскую идеологию человеконенавистничества, всеобщей борьбы, равно как и организации, исповедующие насилие, агрессивный национализм и национальную рознь, расизм, антисемитизм, шовинизм. Только излечившись от большевизма, Россия может рассчитывать на сегодняшнее и грядущее здоровье и благополучие.

Поэтому я неоднократно обращался к российской и мировой общественности, к Президенту России, к Правительству, Генеральной прокуратуре, Федеральному собранию, в Конституционный суд с призывом возбудить преследование фашистско-большевистской идеологии и ее носителей*. Никто мне не ответил, кроме коммунистов, которые обратились в Генпрокуратуру с требованием привлечь меня к ответственности за посягательство на свободу слова. Не смешно ли?

Большевизм не должен уйти от ответственности за насильственный и незаконный государственный переворот в 1917 году и начавшуюся вслед за ним политику «красного террора».

Большевизм не должен уйти от ответственности за развязывание братоубийственной гражданской войны, в результате которой была разрушена страна, а в ходе бессмысленных и кровавых боев было убито, умерло от голода, эмигрировало более 13 миллионов человек.

Большевизм не должен уйти от ответственности за уничтожение российского крестьянства. Попраны нравственность крестьянской России, ее традиции и обычаи. Производительные силы деревни подорваны у нас настолько, что и сегодня страна закупает прокормление за рубежом. До сих пор власти не дают крестьянам землю. В наши дни думские большевики упорно блокируют решение земельного вопроса, понимая, что без этого любые реформы обречены на провал.

* См., например, АН. Яковлев, *Обращение к общественности,* М., 1996.

Большевизм не должен уйти от ответственности за уничтожение христианских храмов, буддистских монастырей, мусульманских мечетей, иудейских синагог, молельных домов, за расстрелы священнослужителей, за гонения на верующих, за преступления против совести, покрывшие страну позором.

Большевизм не должен уйти от ответственности за уничтожение традиционных сословий российского общества — офицерства, дворянства, купечества, корневой интеллигенции, казачества, банкиров и промышленников.

Большевизм не должен уйти от ответственности за практику неслыханных фальсификаций, ложных обвинений, внесудебных приговоров, за расстрелы без суда и следствия, за истязания и пытки, за организацию концлагерей, в том числе для детей-заложников, за применение отравляющих газов против мирных жителей. В мясорубке ленинско-сталинских репрессий погибло более 20 миллионов человек.

Большевизм не должен уйти от ответственности за уничтожение всех партийных движений, в том числе демократической и социалистической ориентации.

Большевизм не должен уйти от ответственности за бездарное ведение войны с гитлеровским фашизмом, особенно на ее первоначальном этапе, когда вся регулярная армия, находившаяся в западных районах страны, была пленена или уничтожена. И только стена из 30 миллионов погибших заслонила страну от иноземного порабощения.

Большевизм не должен уйти от ответственности за преступления против бывших советских военнопленных, которых из немецких концлагерей перегнали, как скот, в советские тюрьмы и лагеря. Практически все крупнейшие стройки СССР стоят на костях политзаключенных. Ими сооружались химические заводы, урановые рудники, северные поселения и многое другое.

Большевизм не должен уйти от ответственности за организацию травли ученых, литераторов, мастеров искусств, инженеров и врачей, за колоссальный урон, нанесенный отечественной науке и культуре. По преступным идеологическим мотивам были подвергнуты остракизму генетика, кибернетика, прогрессивные направления в экономике и языкознании, в литературном и художественном творчестве.

Большевизм не должен уйти от ответственности за организацию расистских процессов (против Еврейского антифашистского комитета, «космополитов-антипатриотов», «врачей-убийц»), направленных на разжигание межнациональной розни, на возбуждение низменных инстинктов и предрассудков.

Большевизм не должен уйти от ответственности за организацию преступных кампаний против любого инакомыслия. Все, кто рассуждал или писал не по его директивам, неотвратимо обрекались на тюрьмы, ссылки, спецпоселения, психбольницы, увольнения с работы, изгнания за границу, травлю в печати, другие изощренные издевательства над личностью.

Большевизм не должен уйти от ответственности за сплошную и всеохватывающую милитаризацию страны, в результате чего народ вконец обнищал, а развитие общества катастрофически затормозилось. До сих пор радетели большевистской милитаризации саботируют переход военного производства на гражданское.

Большевизм не должен, в конечном итоге, **уйти от ответственности** за установление диктатуры, направленной против человека, его чести и

достоинства, его свободы. В результате преступных действий большевистской власти погублено более 60 миллионов человек, разрушена Россия. Большевизм, будучи разновидностью фашизма, проявил себя главной антипатриотической силой, вставшей на путь уничтожения собственного народа. Эта неудержимо злобная сила нанесла немыслимый ущерб генофонду народа, его физическому и духовному здоровью.

Во имя спасения страны и всего мира необходима последовательная и решительная дебольшевизация государства и общества.

Было бы пагубным для России повторить ошибки, допущенные демократической властью после августовских и октябрьских событий 1991 и 1993 годов, когда вдохновители и организаторы военных мятежей были странным образом прощены, более того, перед ними распахнуты двери для продолжения антинародной деятельности и подготовки ползучего переворота, признаки которого очевидны.

Я против «охоты на ведьм». Тем более что основные преступники уже покинули сей мир. Да и то сказать: все мы — вольно или невольно, прямо или косвенно, — но были соучастниками или молчаливыми свидетелями сотворенного Зла. Рано или поздно, но всем нам не избежать покаяния.

Речь идет о другом. Я призываю к последовательной диктатуре Закона в России, и только Закона, включая неукоснительное исполнение решения Конституционного суда относительно компартии.

Новое нашествие большевизма должно быть предотвращено, чтобы коммунистические оккупанты навсегда остались на помойке истории, как это сделал Запад в отношении гитлеризма.

Так уж сложилась моя судьба, что я много и въедливо изучал работы Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, Мао и других «классиков» марксизма, основателей новой религии — религии ненависти, мести и атеизма. Это не прошло даром: именно «классики» сделали меня убежденным антикоммунистом, противником мракобесного, коварного своей простотой и доступностью учения.

Давным-давно, более 40 лет назад, я понял, что марксизм-ленинизм — это не наука, а публицистика — людоедская и самоедская. Поскольку я жил и работал в высших «орбитах» режима, в том числе и на самой высшей — в Политбюро ЦК КПСС при Горбачеве, — я хорошо представлял, что все эти теории и планы — бред, а главное, на чем держался режим, — это номенклатурный аппарат, кадры, люди, деятели.

Деятели были разные: толковые, глупые, просто дураки. Но все были циники. Все до одного, и я — в том числе. Прилюдно молились лжекумирам, ритуал был святостью, истинные убеждения — держали при себе.

Любое деяние, доведенное до абсурда, неизменно становится фарсом. Сталин, Хрущев и Брежнев не жалели ни денег, ни времени на создание чудовищного по масштабности и нелепости культа Ленина. Он стал советским богом, его «труды», любая глупость или банальность сомнению не подлежали.

В любом зачуханном кабинете даже малюсенького советского чиновника — партийного, государственного, мундирного — в застекленном шкафу сзади или сбоку столоначальничьего кресла неизменно стояли 55 томов Полного собрания ленинских статей и брошюр. В подавляющей массе своей чиновники никогда не пользовались этими книгами, но они, как галстук, были обязательной составляющей кабинетного интерьера номенклатуры всех мастей.

После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды «идей» позднего Ленина. Надо было ясно, четко и внятно вычленить феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потому без устали говорили о «гениальности» позднего Ленина, о необходимости возврата к ленинскому «плану строительства социализма» через кооперацию, через государственный капитализм и т.д.

Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработали (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и «нравственным социализмом» — по революционаризму вообще.

Начался новый виток разоблачения «культа личности Сталина». Но не эмоциональным выкриком, как это сделал Хрущев, а с четким подтекстом: преступник не только Сталин, но и сама система преступна.

Потом появилось мое определение большевизма. В законченном нынешнем варианте оно выглядит так:

*«**С точки зрения исторической,** большевизм—это система социального помешательства, когда были физически уничтожены крестьяне, дворянство, купечество, весь слой предпринимателей, духовенство, интеллектуалы и интеллигенция; это «крот истории», вырывший братские могилы от Львова до Магадана, от Норильска до Кушки; это основанная на всех видах угнетения эксплуатация человека и экологический вандапизм; это—античеловеческие заповеди, вбиваемые с беспощадностью идеологического фанатизма, скрывающего ничтожемыслие; это—фугас чудовищной силы, который чуть было не взорвал весь мир.*

***С точки зрения философской** —это субъективное торможение объективных процессов, непонимание сути общественных противоречий; это мышление категориями социального нарциссизма и рефлекторное неприятие любого оппонента; мегатоннаж догматизма, промежуточный и конечный резулыпат потребительски-расчетливого отношения к истине.*

***С точки зрения экономической** —это минимальный конечный результат при максимальных затратах в силу волюнтаристского отрицания закона стоимости; анархия производительных сил и бюрократический абсолютизм производительных отношений; консервация научно-технической отсталости; нарастание застойных явлений; уравниловка как универсальный, может быть, единственный способ "винтикообразитъ" людей.*

***В международном плане** он является явлением одного порядка с германским нацизмом, итальянским фашизмом, испанским франкизмом, полпотовщиной, с современными диктаторскими режимами, каждый имеет свои особенности, но суть остается одной и той же».*

Советский тоталитарный режим можно было разрушить только через гласность и тоталитарную дисциплину партии, прикрываясь при этом интересами совершенствования социализма. Уже в начале перестройки были изданы

десятки ранее запрещенных книг: «Ночевала тучка золотая» Приставкина, "Белые одежды» Дудинцева, «Дети Арбата» Рыбакова и многие другие, выпущены на экран около 30 фильмов, тоже ранее запрещенных, в том числе «Покаяние" Т. Абуладзе. Появилась свободная печать.

Блистательные экономисты-публицисты — покойный Василий Селюнин Николай Шмелев, Гавриил Попов, Лариса Пияшева, Николай Петраков, Анатолий Стреляный и другие вначале скороговоркой, а затем и в полный голос заговорили о рынке, товарно-денежных отношениях, кооперации и прочем.

Затратность, т.е. патологическая неэффективность плановой, административно-командной экономики, сидела в печенках каждого здравомыслящего человека. Кошмарный товарный голод и невероятные ресурсные затраты, коррупция, дефицит, полумифические деньги, на которые ничего нельзя было купить, водочные и табачные бунты...

В защиту «завоеваний социализма» против реформ немедленно встала «вся сталинская рать» номенклатуры во главе с вождями большевизма. Газета «Советская Россия», основной издатель клеветы в мой адрес и по сей день, в марте 1988 года опубликовала статью Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами». Это был своего рода антиперестроечный манифест, боевой клич неосталинистов.

В ответ была резко ужесточена антисталинская дискуссия под девизом «Факты выше принципа». Быстро дошла очередь и до Ленина: факты его деятельности потрясали людей, ничего не знавших о мегапреступности вождя.

Оглядываясь назад, могу с гордостью сказать, что хитроумная, но весьма простая тактика — механизмы тоталитаризма против системы тоталитаризма — сработала. Иного способа политической борьбы у нас не было: большевизм напрочь отвергал любые демократические преобразования, любое инакомыслие.

Например, мои работы и выступления 1987—1988 годов, частично и 1989 года были густо напичканы цитатами из Маркса и особенно из Ленина. Благо, что у Ленина можно найти сколько угодно взаимоисключающих высказываний и практически по любому принципиальному вопросу.

Можно ли было в те годы быть реформатором более радикальным? Нет, лобовой, таранный реформизм был бы немедленно остракизирован, изничтожен, изолирован в тюрьмах и лагерях. Главное в то время — обеспечить максимально возможный доступ людей к объективной информации. Выше я говорил об «информационной автаркии». Режим всячески оберегал ее, ибо 70 лет вел против своих подданных перманентную гражданскую войну всеми мыслимыми и немыслимыми способами. Горбачеву и его сподвижникам удалось сначала смикшировать, а потом и закончить эту проклятую войну.

Лично я считаю, что *завершение 70-летней гражданской войны в России, развязанной Лениным и унесшей десятки миллионов жизней наших соотечественников, — главная заслуга команды Горбачева перед историей, основной итог перестройки.* Холодная война тоже была завершена, ее знаковым символом стал вывод советских войск из Афганистана.

В августе 1991 года путчисты во главе с руководством КПСС, КГБ и армии попытались возобновить эту войну, но были разгромлены.

Когда нынешние аналитики пишут о перестройке, неважно, поддерживая ее или критикуя, они обходят стороной суть явления, а именно то, что новый политический курс означал исторический поворот от *революции к эво-*

люции, т. е. переход к социал-реформизму. Страна практически встала на путь социал-демократического развития. На официальном партийном уровне в начале перестройки это упорно отрицалось, в том числе и мною (иначе и быть не могло), но в жизни восторжествовала именно политика реформизма.

Когда я говорю о российской специфике социал-демократизма, то имею в виду конкретную логику демократических перемен в условиях сохранения тоталитарной основы государства, его стержня — партии.

Опора любого тоталитаризма — в его догмах, охраняемых силой. Именно так было у нас. Но взметнувшаяся гласность заговорила о других возможных вариантах общественного развития. Однако политическая зашоренность была столь непроницаемой, что накопившиеся вопросы бытия, диктуемые самой жизнью, предпринимательство, фермерство, частная собственность, многопартийность и многое другое — в то время были еще опасным ревизионизмом, ересью. Контекст времени был совершенно иным.

Но сколько же сегодня замелькало храбрецов, у которых, оказывается, были свои планы «борьбы и свершений», но вот что-то мешало им бесстрашно ринуться в бой, преодолев в одночасье летаргический сон и озноб страха.

Впрочем, от курьезов и капризов индивидуального и общественного сознания никуда не денешься, равно как от политических и нравственных спекуляций. По инерции мы продолжаем измерять все новое критериями прошлого, а прошлое — критериями нынешних дней, стараясь выглядеть как можно современнее: «Я думал иначе, я бы и сделал не так». Ох уж эта шкодливая смелость тех, кто смотрит на драку со стороны, из-за угла и всегда готов прислониться к победителю и в очередной раз облизать его.

Как было тогда, поначалу?

В принципе, доперестроечное общество могло бы жить и дальше на базе организованной преступности в размерах государства. И существовать так годы, десятилетия и дольше, прикрываясь привычными мифами. Эволюция в подобном направлении у нас зашла очень далеко. Демонтаж сталинизма — лишь самый наружный слой прогнившей луковицы, дальше ленинизм — сплошная гниль.

Нас, реформаторов 1985 года, никто не гнал с вершины власти. По Красной площади носили наши портреты, демонстранты пели песни и рукоплескали. Можно было по-андроповски взять лопату и почистить конюшню, несколько ослабить политические репрессии, встать на путь управляемой демократии, «просвещенной диктатуры» и т. д. Хватило бы еще инерции лет на 15—20.

Перестройка избрала «мягкий вариант». Стержнем перестроечно-реформаторских начинаний было стремление облагородить социализм, придать ему человеческий облик. Рычагом перемен оставалась КПСС. Если взять Политбюро того состава, с благословения которого и пошла перестройка, то при всех различиях в возрасте, характере, образовании, опыте жизни, личных наклонностях, темпераменте и прочем все, хотя и в неодинаковой степени, понимали необходимость реформ, но в рамках существующей системы.

При этом, как и в прошлом, не принимался в расчет тот факт, что Ленину и Сталину удалось создать на обломках крепостничества и незавершенной промышленной революции уникальную систему лжи и насилия, уникальную потому, что она *органически* отторгала любые посягательства на свои устои, причем даже в тех случаях, когда сами «вожди» делали попытки несколько поправить ход вещей. Никита Хрущев поднял руку на Иосифа Джугашвили и его

репрессивную политику, однако система быстро пришла в себя и ответила новым насилием — преследованием инакомыслия, агрессиями в Восточной Европе, расстрелом новочеркасских рабочих. Алексей Косыгин пытался внести в экономику элементы динамики, но система отторгла это новшество и, исчерпав прежние силовые возможности развития, ответила застоем. Михаил Горбачев встал на путь практических реформ, однако система до сих пор огрызается, цепляясь за любую возможность возродиться. Мы видим, какое бешеное сопротивление оказывают большевики курсу Бориса Ельцина.

В 1985 году Политбюро, еще не отказавшись от революционной риторики, но признав реформы неизбежными, оказалось не в состоянии понять, что тоталитарный способ правления может переварить лишь частичные реформы, он согласится с побелкой грязных стен, но не допустит их слома. Годы перестройки подтвердили, что далеко не всем нужны демократия, рынок, частная собственность, военная и аграрная реформы, реформа судебной системы и реальное самоуправление.

Они чужды старому партийному и государственному аппарату, вся власть и само положение которых обеспечивались как раз за счет отсутствия этих обязательных составляющих демократического общества.

Они чужды тем высшим командным структурам армии, КГБ, правоохранения, что сами составляли не только часть этого аппарата, но его сердцевину, и одновременно были сторожевой вышкой всеобщей казармы.

Они чужды всему люмпенизированному, что есть в нашем обществе, во всех его слоях без исключения: от люмпен-пролетариев до люмпен-начальников.

Они и сегодня **чужды** тем внешне вроде бы новым, а по сути более чем старым силам, которые смысл обновления усматривают лишь в собственном утверждении в креслах, должностях, полномочиях, в привилегиях и возможностях, ранее принадлежавших другим.

Нас, реформаторов 1985 года, часто обвиняют в нерешительности, половинчатости и прочем, совершенно игнорируя то обстоятельство, что в руководстве страны были люди разных, порой противоположных взглядов, представляющих многоцветие идеологических вариантов. Разве это не существенный факт, что во главе заговора 1991 года оказались вице-президент, премьер-министр, министры обороны и внутренних дел, председатель КГБ, председатель Верховного Совета?

Нас в Политбюро многое разъединяло, но многое и объединяло. Каждый день реформ преподносил сюрпризы, они требовали конкретных решений и рациональной реакции, но тут всегда вступала в силу разрушительная одномерная идеология. Разумные намерения и меры она губила, иррациональные — одобряла, будучи сама иррациональной.

Пройдя непростой жизненный путь, испытав на нем всякое — и награды, и унижения, — руководители страны многое видели, немало узнали и постепенно начинали понимать, что жизнь упрямее догм. Они сумели подняться до больших высот в партии, государстве, науке, других сферах. И в прежней системе добились успеха, а потому искренне верили, что и система в целом может одолеть кризис, надо только ее почистить, подмазать, убрать ржавчину.

На политическое сознание многих из нас, если не всех, серьезное воздействие оказали первые реформаторские начинания Хрущева, Косыгина, «пражской весны». Но одних настораживало, других смущало то, что ни одно из этих серьезных начинаний не прошло испытания жизнью, ни одно не выявило в практической форме социалистического реформизма.

В силу этих причин (впрочем, не только) перестройка страдала от упрощенно-розового взгляда на вещи, особенно что касается перспектив реформ, незнания степени заинтересованности масс, их готовности поддержать реформы практически. Как в тайге, верхушки деревьев скрипели от ветра, а внизу стояла гнетущая тишина. Порой перестройка совершала действия, которые сегодня, задним числом, просто трудно объяснить, подчас пыталась проломить бетонную стену, не замечая настежь открытой двери.

Нередко приходится слышать, что мы, реформаторы первой волны, были слишком наивны. В чем-то — безусловно. Но наша наивность — во многом и наивность общественного сознания, наивность интеллигенции в целом. Наш путь к познанию и прозрению — это путь всей страны, которая в абсолютном своем большинстве еще совсем недавно была крестьянской, да к тому же крепостнической, феодальной. В той или иной мере все общество должно было пройти этим трудным путем, чтобы обрести способность свободно мыслить, сбросить шоры с глаз и реально оценивать быстро меняющуюся обстановку.

Рассуждая умозрительно, сверхцентрализованная забюрокраченная система, намеренно лишенная обратных связей и настроенная на неограниченную эксплуатацию человека, которую мы так долго именовали «социализмом», все же могла быть частично реформирована. Но при условии ее как бы согласия на рассудочный, рациональный, прагматический подход к преобразованиям, если бы система в целом, все ее главные подсистемы на деле поступились бы хоть чем-то в пользу человека и здравого смысла.

Но именно этого и не произошло, да и не могло произойти. Система отвергала любое реформирование, а поэтому рухнула, не выдержав естественного исторического отбора.

Да, иллюзии на старте перестройки были, и немалые. Наверное, в жизни вообще нет людей, свободных от иллюзий. Эти иллюзии как раз и питались убеждением, что систему можно реформировать, не прибегая к ее слому.

Рациональное течение событий могло бы разрушить какие-то из них. Но ожесточенное сопротивление партийного и военного аппарата перечеркнуло подобный сценарий изначально и в корне. Оно, это сопротивление, подрывало реальный опыт Реформации, деформировало его. Таковы неизбежные издержки эволюционной смены общественного уклада.

Закономерным итогом суеты в делах и смятения в умах стало размывание притягательности позиций политического центра и, напротив, формирование мощных политико-психологических предпосылок всяческого экстремизма. Процессы общественной поляризации начали обретать опасные масштабы, чем и воспользовалось руководство КПСС, организовав августовский мятеж 1991 года.

Вспомним, что предшествовало августовским событиям. К началу 1990 года силы демократии не смогли самоорганизоваться, преодолеть внутренние разногласия, выработать полновесную программу действий. Нарастала неуверенность президентской власти.

В этой обстановке реакция перешла к тактике агрессивного противодействия преобразованиям.

Дополнительным сигналом для нее послужило, я убежден, удушение программы «500 дней». Демократия смирилась с поражением. Это была ошибка с тяжелыми последствиями. Именно этот просчет открыл путь январскому (1991 года) вооруженному выступлению реакции в Вильнюсе, затем в Риге и к

генеральной репетиции путча — военно-большевистской демонстрации в Москве 28 марта того же года. Из той же колоды — обсуждение на Пленуме ЦК в апреле 1991 года вопроса о снятии Михаила Горбачева с поста Генсека партии, что символизировало открытый разрыв «реакционно-обновленного» руководства партии с политикой преобразований.

Августовская (1991 года) попытка государственного переворота, прервав эволюционное развитие реформ, в то же время ускорила переход к кардинальным реформам. Возможно, что объективно они были несколько преждевременными, хотя стагнация в социально-экономическом развитии в доавгустовский период таила немалую угрозу реставрации.

Первые, сравнительно легкие победы вскружили демократам голову. Их поразило зазнайство, за которым последовало политическое разгильдяйство.

При всех благотворных переменах последних лет все же нельзя обманывать себя: подлинной и прочной демократии у нас пока не состоялось. Более того, итоги парламентских выборов последних лет уже отрицательно сказываются на процессах демократических реформ.

Время после августа 1991 года —время упущенных возможностей во многих отношениях. Это касается прежде всего политической сферы. Не была осуждена всенародным референдумом большевистская идеология и политика. Путчисты остались безнаказанными. Не подвергся кардинальной реорганизации и государственный аппарат.

Драма нашей демократии в том, что она никак не может создать себе опору в главном — в работающих экономических свободах. Послеавгустовские попытки новой экономической политики, верные по замыслу, были проведены второпях. Либерализация цен не была подкреплена земельной реформой. На рынке не оказалось ни жилья, ни средств производства, ни иностранных инвестиций. Промышленность осталась предельно монополизированной. Не было принято кардинальных решений для развития малого и среднего предпринимательства.

Вот почему экономика захлебывается в трудностях, мечется между полуэкономическими и полуадминистративными решениями.

Вот почему интересы человека с его болями, нуждами и надеждами остаются в стороне.

Вот почему столь медленно прививается политическая культура.

Продолжающаяся перестройка, к сожалению, сводится к столкновению исполнительных и законодательных структур, частной и государственной собственности, центральных и региональных, партийных и государственных интересов.

Смириться с подобным ходом дел — значит дать дорогу хаотическому варианту развития. Что, собственно, и произошло после октября 1917 года. Тогда пришла новая тирания, еще более лютая и мракобесная. Неизмеримо усилились бюрократизация всего и вся, гнет и эксплуатация народа, не имеющие себе равных ни в мире, ни в нашей истории.

Без действительной экономической свободы, суверенитета собственности и личности нам не вырваться из плена власти, объективно тяготеющей к авторитаризму, из плена эгоизма и коррупции, кто бы персонально или по партийной принадлежности ни оказался у руля ледокола.

Потому и демократизация получается у нас деформированной, легко допускающей спекуляции и на ней самой, и на конкретной социально-экономической обстановке в целом. Потому фактическое положение человека

мало изменилось. Потому и новая бюрократия столь же равнодушна к людям, как и прежняя.

Человек до сих пор бессилен перед государством: юридически, политически, экономически, да и просто в повседневной жизни. Бессилен в любой ситуации. Человек и государство — несоизмеримые силовые величины: как песчинка и гора, капля и море, как вздох и ураган. На высокомерие, некомпетентность, равнодушие — а по большому счету, на бессовестность власти человек отвечает тем же самым. Иного и ожидать бессмысленно.

Задача высшего смысла — это насаждение ответственности социальных структур перед личностью, перед человеком. Ответственности и в системообразующем смысле, имея в виду демократию, право, отчетность и т. д. И в самом практическом и непременно экономическом смысле: любой нанесенный гражданину ущерб должен возмещаться в полном объеме и безотлагательно. Лишь на этой основе свободный человек станет действительно уважаемым и уважающим себя, обретет чувство достоинства.

К сожалению, нашей еще хилой демократии правомерно бросить в этом плане вполне обоснованные упреки. Очень многие из актеров демократического театра действуют так, будто завтра прямо с утра наступит всемирный потоп и нужно успеть запастись всем впрок на две-три последующие жизни, если удастся устроиться на каком-нибудь необитаемом островке.

Но дело, разумеется, не только в субъективных факторах. Многие несуразицы идут от особенностей модернизации в отсталой стране. Она, эта модернизация, постоянно воспроизводит психологию иждивенчества, уравниловки, эгоистически толкуемой социальной справедливости и прочие прелести уходящего уклада жизни.

Модернизация, я подчеркиваю, в отсталой стране неизбежно порождает эмоциональную реакцию двоякого плана. С одной стороны, все омертвелое видит в наступлении чего-то нового угрозу своим интересам, оскорбление своим прежним представлениям, своим верованиям, авторитетам и героям. И чем быстрее идет модернизация, тем к более трагичным «выбросам» она способна привести.

Но мощные негативные эмоции бурлят и в противоположной части политического спектра. Всегда есть и будут те, кто хотел бы идти быстрее, действовать решительнее. Эти люди соизмеряют день сегодняшний не со вчерашним, а с неопределенным завтрашним, выдуманным, а потому особо привлекательным. Их неудовлетворенность темпами прогресса, психологическое нетерпение тоже способны рождать не менее драматические последствия в общественной жизни.

Добавим сюда, что жизнь не бывает без теневых и даже омерзительных сторон, что за всякий прогресс приходится платить. Остается еще и политическое, групповое, клановое и всякое прочее соперничество. Да еще неискоренимое самодовольство правящего класса.

В любом случае объективные процессы модернизации вызывают мощное сопротивление. Но формы его могут быть существенно разными. В одном случае — откровенный бунт реакции, попытка силой вернуть прошлое. В другом — особый вид саботажа, когда скромные шаги в реформах возводятся в достижения революционного масштаба.

Но социальная база того и другого сходная — опора на люмпенские паразитические элементы. На наименее трудоспособные и трудожелающие

его слои. А потому и результат во многом тоже сходен: откат в прошлое или авантюра «большого скачка». Естественный ход прогресса резко замедляется. Реанимируются либо реакционные структуры, либо в новом обличье возрождаются по сути все болячки и пороки того общественного устройства, которое торопятся объявить разрушенным. Иными словами, отсталая страна не располагает эффективными средствами и механизмами поддержания общественной стабильности.

Именно от люмпенизированного сознания идет, например, психологическая и политическая возня в России, которую условно можно назвать *новые русские*. Отечественному мнению настойчиво внушается мысль, будто демократические формы жизни выгодны только нарождающейся буржуазии, норовящей то ли скупить, то ли продать на корню всю страну.

Конечно, среди новых богачей немало жуликов, мошенников, воров, которым не избежать, рано или поздно, ответственности перед законом. Они позорят и демократию, и свою страну. Стыдно слышать рассказы иностранцев о том, как некоторые российские «бизнесмены», будучи за рубежом, швыряются долларами в ресторанах и магазинах. Ясно, что подобные люди вовсе не предприниматели, а просто воры.

Но я говорю не о конкретных лицах, а о попытках дискредитировать тенденции, которые пробивают дорогу к экономической свободе, нормальному рынку.

За спекуляциями на тему «новые русские» — прежний классовый подход, только по-новому представленный. То же стремление разделить общество на злых богатых и несчастных бедных, олицетворяющих добро и справедливость. Но это уже было и принесло только беды. Сегодня подобные спекуляции нельзя квалифицировать иначе, как злонамеренные, подстрекательские.

Схема «богатые — бедные» постоянно подпитывается нерешенностью противоречий между творцами и паразитами, производителями и трутнями, людьми нравственными и двуногими созданиями из клана воинствующего аморализма. Оно изначально заложено в любом обществе. Но только XX век с его уровнем требований к личной и социальной ответственности придал этому противоречию повышенную остроту. Особенно в нашей стране, в которой большевистское государство с самого начала строилось на удушении работающих и возвышении бездельников.

Стихия правит бал там, где власть лелеет пассивного, ленивого и равнодушного. Цивилизация, однако, — это каждодневность усилий, муки творческого поиска, тяжесть сомнений, груз ответственности, на основе чего личность только и может достичь счастья самореализации и обрести достоинство.

Наш исторический выбор состоит в том, пойдет ли общество, страна к возвышению действительного труженика, к его социальной защите, к утверждению за каждым человеком неотторжимого права на самореализацию. Или же мы снова повернем к люмпенопоклонству и тем самым обречем общество на вырождение.

Босяки жгут сарай, чтобы зажарить поросенка. К тому же не своего. Люмпен — носитель зависти, первого греха человека. Каин убил Авеля из зависти. У люмпенов своя система ценностей: мораль, нравственность, честь, совесть, порядочность — зловредны. Лень — мать всех пороков. Хлестаков — гениальнейший образец босяка в чиновничьем мундире. Босяк — за уравниловку, за воровство. Сталин — эталон растления властью. Брежнев — воровством. Проблемы босячества, зависти к заработанному достатку, «ком-

плекс Сальери» — это те рефеодальные камни на нашем пути, на которых демократы будут спотыкаться на каждом шагу. И падать придется.

Моцартовское начало — самое светлое, самое ценное, что есть в человеке. Все земное — от перворукотворного костра дикаря до компьютера, от колеса до космической станции — сделали люди моцартовского склада, таланты и интеллектуалы.

Авангард реформации идет по минному полю. Ошибки, потери, разочарования. С трудом, и немалым, мы учимся жить в условиях демократизации, осваиваем азы свободы. Полемическое невежество, неуважение к оппоненту и даже партнеру выплескивается из всякого, раскрывающего уста. В спорах кратно больше хамства, неприятия иной точки зрения, чем истины. Самая пора браться за ум — иначе беда неминуема.

Последние годы слишком глубоко изменили наши понятия об общественной жизни, чтобы и сегодня продолжать действовать на той же интеллектуальной и политической базе, что и в начале Реформации. Поэтому неизбежно:

Первое. Серьезное переосмысление происходящих процессов, интеллектуальное освоение нового опыта, а главное, понимание самих себя с позиций всего познанного, накопленного за эти годы.

В понимании законов и условий социализации личности, строительства духовно здорового общества марксисты начала двадцатого века — и русские, и немецкие, и иные — были во власти кривых зеркал. Их попытки создать теорию личности отличались неистребимой политической демагогией.

Какое, впрочем, можно создать учение о всесторонне развитой личности, если ее предварительно втиснуть в классовые общественные структуры? Классовая завороженность отбросила за негодностью такие факторы социальной интеграции, как общечеловеческая мораль, религия, семья, которые играют первостепенную роль в сохранении человечности.

В сущности, позаимствованная у сенсимонистов идея, что вся история человеческого общества является историей борьбы классов, затеняла основополагающую проблему, почему общество сохраняется как целостность? До сей поры марксоориентированнэя социальная философия отвечает на этот вопрос очередным каламбуром: единство существует через борьбу и противоречия, то есть через разъединение, разрыв.

Вероятность того, что реальный исторический процесс разойдется с прогнозом Маркса, была велика с самого начала. И в то давнее время можно было заметить, что каждый очередной кризис перепроизводства, с которым связывались надежды на начало революции, разрешался мирным путем, подталкивая капитализм на новую ступень расширенного воспроизводства.

Не случайно Энгельс в конце жизни признал, что его и Маркса взгляды на отличие будущего некапиталистического общества от общества современного не имеют никакой теоретической и практической ценности вне связи с конкретными фактами и процессами истории.

Второе. Необходим перенос центра тяжести практических преобразований на закрепление достигнутого, создание надежной опоры демократии в институтах, механизмах и структурах экономики, государства, общества.

Третье. Мы вступаем в период еще большего числа неопределенностей, запрогнозировэть исход которых, вычислить траекторию их развития чрезвычайно трудно. Нео-

пределенностей и во внутренней жизни, и в мировой политике, и в мире в целом. Период этот требует особой осторожности. Конечно же, не отказа от осуществления реформ, отказа, который искусственно породит новые неопределенности.

Четвертое. Под любые реформы, имея в виду реформы оправданные, направленные на благо человека, сейчас необходим колоссальный объем предварительных исследований, прогнозов, разработок, проверки ряда исходных положений на моделях. Недостаточность разработок больно ударяет по реформам и их сторонникам, замедляет или останавливает преобразования.

Отныне и далее в структуру политической и государственной систем, экономики, всей общественной жизни должен быть заложен институт реформ в качестве постоянного и всеобъемлющего института, обеспечивающего жизнеспособность общества.

Пятое. Скажу так — поверить в возможность и реальность обновления в наших условиях в начале 1985 года было немыслимо. Однако — свершилось.

Тем самым жизнь еще раз, хотя и крайне драматично, подтвердила, что все общественные процессы неизменно носят циклический характер. И потому противодействие консервативной волны тоже неизбежно. Само по себе оно не тождественно отступлению, частичной реставрации прошлого (хотя может дойти и до этого).

Реформация должна уже сейчас задуматься над тем, как облегчить наступление следующей фазы цикла — реформаторской, а не стихийно реставрационной. Тут есть много возможностей.

На пережитую в 1990—1991 годах, в 1993 году и вновь всколыхнувшуюся сегодня фазу оживления реваншизма, подкрепляемую фашизмом, необходимо взглянуть не только как на неудачу или неизбежное зло, с которым приходится считаться, но и как на определенный сигнал о подстерегающих демократию опасностях.

Шестое. Куда же все-таки эволюционирует обновление? Предперестроечное общество сильно напоминало феодальное с точки зрения того, как строились в нем взаимные интересы и вся система экономической и социальной мотивации.

Полное отчуждение всех от всего предопределило то обстоятельство, что система в целом была никому не нужна: ни низам, ни верхам. Максимум, что мотивировало — это личное, индивидуальное положение, если оно приносило хотя бы небольшие привилегии.

Именно поэтому «тот социализм» рухнул так же молниеносно и на удивление легко, как в свое время рухнул — без войн и революций — рабовладельческий строй.

Возможно несколько вариантов развития. Один из них беспокоит меня больше всего. Сегодня общество отличается высоким уровнем конфликтности. Но конфликтность порождает потребность в защите — военной, экономической, социальной, — а потребность эта, в свою очередь, взращивает определенную иерархию отношений.

Так возник феодализм. Именно стадию социализированного феодализма мы еще переживаем и сегодня. Тенденция к своеобразному региональному феодализму будет, на мой взгляд, достаточно сильной в нашей внутренней жизни, по крайней мере на ближайшее десятилетие. И центральным звеном станут новые республики; министерства и ведомства — там, где они сохранятся, - крупнейшие концерны.

Если наше развитие не сорвется в ближайшее время на какую-то иррациональную траекторию, то относительно раскрепощенным будет поколение, которому сейчас 17—20 лет. Таким образом, до того момента, когда новая общественная система в форме социального капитализма станет достаточно сильной

продвинутой, придется ждать, как минимум, 25—30 лет при условии, что в течение этого периода не возникнут какие-то сильные и устойчивые факторы, способные существенно повлиять в ту или иную сторону на эволюцию общества. Что касается подъема жизненного уровня, то он начнется гораздо раньше. Разумеется, все это — лишь самые общие соображения, рожденные скорее об-
разными ассоциациями, чем реальными фактами.

Перспективы обновления, доступные ему альтернативные пути дальнейшего движения, — самостоятельная тема, нуждающаяся в отдельной разработке.

Главные же вопросы сейчас: что и как должно быть сделано для того, чтобы реформы действительно стали неотъемлемым принципом общественной жизни? Что можно противопоставить тенденциям, толкающим к авторитарности, рефеодализму, укреплению иерархических и клановых структур? Что надо сделать, чтобы жизнь в стране чем дальше, тем сильнее подчинялась критериям рациональности?

В целях кардинального изменения социального бытия, на мой взгляд, необходимо сосредоточить всю деятельность по направлениям, способным определить уход коммунизма и придать качественно новый облик обществу. Эти направления я символически называю «Семь "Д"»:

Депаразитация; Демилитаризация; Денационализация; Деколлективизация; Демонополизация; Деиндустриализация -- экологическая; Деанархизация.

Депаразитация. Это — самое трудное. Наше государство — единственное во всемирной истории, которое запрещало человеку зарабатывать столько, сколько он может. Библейски вечно истинное «в поте лица своего» люмпены назвали «рвачеством», «обуржуазиванием», «перерождением», «шкурным интересом» и т. д.

Большевизм через уравниловку сделал большинство людей нищими. Уравниловка — мутный источник иждивенчества, полуработы-полупаразитизма. Она принуждает даже труженика опускаться до уровня лодыря. Бездельный ритуал, то есть присутствие на работе - суть отношения к труду. Отсюда — тотальная люмпенизация общества. По качеству и образу жизни, по отношению друг к другу, к политике, духовной и материальной жизни. Надо только научиться лгать, воровать, списывать, приписывать, обвешивать, обсчитывать и т. д.

Сюда надо прибавить тьму убыточных предприятий, колхозов и совхозов, работники которых сами себя не кормят, следовательно, паразитируют на других. А все мы — вольно или невольно — паразитируем на природе. Благо, что не обделены богатством.

Депаразитация общества возможна только через введение института частной собственности. Причем под частной собственностью имеются в виду все формы собственности, кроме государственной. На Руси никогда не было нормальной частной собственности, и поэтому здесь всегда правили люди, а не законы. Законность, правопорядок — это императив частной собственности, ее творение. Частная собственность непобедима, ибо она наиболее эффективна. Только частная собственность через действие закона стоимости и конкуренции непрерывно повышает производительность труда и создает материальные блага в изобилии. Частная собственность — первооснова автономии личности, ее обогащения — интеллектуального и материального. Человек без

собственности — винтик, терпеливо ждущий, когда его, заржавевшего, смажут социальным маслицем. Человек без собственности не может быть свободным.

Денационализация. До сих пор в национальном богатстве страны преобладающая его часть принадлежит государству, его структурам типа государственных предприятий, опекаемых государством все тех же колхозов и совхозов и т. д. Денационализация реальна только вместе с деколлективизацией. Здесь надо завершить столыпинскую реформу. Автор ее был слишком истиноемок. Для царя и двора Столыпин — левый, для интеллигенции — правый. Разновеликая, но единая ненависть к Столыпину убила его. А ведь именно он предложил дорогу, чтобы вывести Россию в белый свет.

Марксистские классики не любили крестьянство: крестьянин и темен, и глуп, и жаден, и бесконечно подражает буржуазии, и прочая, и прочая. Большевики повели себя в крестьянской стране как иноземные завоеватели. Продотряды по жестокости превзошли все мыслимое и немыслимое. В гражданскую войну — институт заложников. Огнем артиллерии сметались заложные деревни. Затем — геноцид казачества, физическое уничтожение «комбедами» столыпинских кулаков, то есть самых работящих крестьян.

В пространстве полицейского государства крестьянина сажали «на якорь» в колхозной бухте беспаспортностью. Приусадебное хозяйство рушили налогом — при Сталине, безземельем — при Хрущеве, невозможностью торговать — при Брежневе. А «неперспективные деревни»? А грабеж со стороны «Сельхозтехники», «Сельхозхимии»? А мелиоративный разбой?

Деревня порушена. Если раньше было аграрное перенаселение, то сейчас — урбанистическое. Аграрное безлюдье можно поправить за счет города. Но для этого надо было создать его величество Интерес. Крестьянин-единоличник, фермер, хуторянин должны иметь реальный доход в два-три и более раз выше, чем у горожанина. Тогда будет толк.

Нужны воля и мудрость, чтобы постепенно разрушить большевистскую общину — колхоз, эту безнадежно больную корову системы: она уже давно перестала давать молоко.

Как упразднить колхозы и совхозы?

Они должны отжить свой век, постепенно заменяясь фермерством, рационально организованными кооперативами, агрофирмами. Деколлективизацию необходимо вести законно, но жестко. И опять же: создано множество законов, с точки зрения формальной логики неплохих. Но они бездействуют.

Демонополизация. Признание конкуренции естественной и общественно необходимой частью экономической жизни, ее главным здоровьетворящим фактором. Защита конкуренции всеми средствами закона и общественного мнения. Жесткие экономические санкции за нарушение антимонопольного законодательства.

Монополия не только гниет сама, она тянет в пропасть и экономику, и общество. Обрекает на техническое и иное отставание. Сеет вокруг себя коррупцию, бюрократизм. Объективно подкрепляет и умножает авторитарные тенденции в общественной жизни.

Необходимо создать все условия и гарантии для того, чтобы иностранные фирмы могли действовать на нашем рынке непосредственно, были бы

надежно защищены нашими и общепризнанными международными законами. Иначе нормальной экономики, как и нормальной жизни, не достичь.

Деиндустриализация — экологическая. Потребительское отношение к природе воспитывалось веками и даже тысячелетиями. Мы же, надрываясь на тупиковом общественном пути, тоже немало сделали для аксиоматизации атавизма пещерных времен, когда человек был действительно беззащитен.

Капитализм, особенно в ранней своей стадии, устами Фрэнсиса Бэкона, гордился тем, что пользуется только опытом. Отношение к мышлению, гуманизму полно презрения. Образ матери-природы уступил место образу природы-машины, природы — дойной коровы.

Сегодня более чем очевидно, что материальный и духовный мир едины. И потому так необходимы философия реальной безопасности, мировоззрение, которое базируется на вечных ценностях. Человек познает себя через природу и природу познает через себя. И никак иначе.

Любое общество, которое ставит во главу угла «принцип полезности» как принцип всеобщей эксплуатации природных и человеческих сил, безжалостно иссушает эстетические, эмоциональные, духовные способы общения между людьми, между людьми и природой.

Сколько пустынь сотворили мы? Диву даешься идиотизму, взращенному большевистскими догмами. Система, которая теряет плодородные земли, обращает пашни в пустыни, разоряет природу, убивает сама себя. И никакие идеологические обманы не в силах компенсировать эту потерю.

Но самая страшная пустыня — в нашей душе, иссушенной эгоизмом, растерзанной двойной моралью, заблудившейся в гуманистических координатах в силу разделения фокусной точки мировоззрения. Милосердие, альтруизм, честь, совесть, человеко- и природолюбие — какова доля этой вечности в душах и умах наших?

Смертоподобно и дальше нарушать механизм разумности в экосистемах природы. Уже не за горами, а вблизи, вот-вот начнутся необратимые изменения. Сначала «положим зубы на полку» из-за почвенного Чернобыля, начнем угасать от химических и других индустриальных отрав, в смоговых нечистотах.

А потом что?

Потом экологическая смерть.

Демилитаризация. Время есть скорость передачи информации. Сдвинули время благодаря цепной реакции, и тихие куски урана, «горевшие миллионы лет», обрели способность сгореть в микромгновение, подвинули нас к концу света. Конец света вытворен. Голово- и рукотворно.

Но обратная дорога — не только в уничтожении накопленного оружия, не в механическом сокращении армии. Она — в переосмыслении всего того образа жизни, в котором все военное было почти неприкосновенным. И который привел нас к сегодняшнему положению. Привел, повинуясь политике и инерции, следуя надежно защищенному бездумью.

Более полувека минуло с окончания второй мировой войны, а мы до сих пор разобраться не можем, сколько же средств ушло и уходит у нас на военные нужды, куда и как именно. Ясно, что много, но сколько? Ясно, что скрывали и запутывали, заморочив только самих себя.

И так ли уж бескорыстна эта секретность, верно ли, что она направлена против потенциального противника? Если невозможно проследить все и всяческие расходы, то совершенно очевидно, что здесь широчайшее поле для любой бесхозяйственности и любых злоупотреблений. Слава Богу, что сейчас хоть как-то пытаются навести элементарный порядок в армии, борются с финансовыми и иными злоупотреблениями. Но проблема куда глубже, нежели только экономические ее аспекты. Демилитаризация должна прежде всего затронуть сознание, общественную психологию, образ жизни.

Деанархизация. Парадокс коммунистического общества: жесточайший тоталитаризм уживался с беспрецедентным анархизмом, ибо власть держалась на анархии террора, чтобы все и каждый жили в страхе. Но если вдуматься, то противоречия здесь нет. Возможность произвола сверху создает простор и для произвола на всех иных уровнях. Конечно, в иных масштабах, на ином «материале», в разных направлениях, но все равно произвола.

В системе военно-бюрократического строя нет места закону, его уважению, его действительному и строгому соблюдению. Те же законы, которые принимаются в тоталитарном обществе, выполняют две политические функции. Во-первых, они призваны хоть как-то оправдать, прикрыть, облагородить произвол «сверху». А во-вторых, дать властвующим структурам дополнительные рычаги и средства нажима на подданных, управления ими.

Отсюда мощные порывы к анархии, что проявляется в самых разных формах, от полнейшего неуважения к каким угодно нормам и правилам до пренебрежения к собственности, к труду — ко всему и ко всем, кроме себя.

Особенно опасны позывы к анархии, которые возникают на уровне духовном, в пластах политической и общей культуры. Здесь традиции анархизма у нас исторически сложились богатые и прочные, и идут они не только от Пугачева или Разина, Бакунина или Нечаева. Национальная психология издавна легко отзывалась на насилие «в благородных», как считалось, целях. Этим как раз и воспользовались российские коммунисты для захвата власти.

Здесь, пожалуй, следует обратить внимание на одно чисто российское явление. В сущности, вся освободительная борьба в прошлом шла под лозунгом "воли", а не «свободы». «Воля» — это свобода для меня, а потом для другого, но и последнее зависит от меня, дающего волю. «Свобода» — это свобода прежде всего для другого, что и дает свободу всем.

Традиции «воли» вдохновляли на Руси не только крестьянские бунты, но и революционеров конца XIX века. Она продолжает жить в психологии современников, совершающих Реформацию, что в значительной мере блокирует пу**ть** к подлинной свободе.

Семь «Д» имеют всеобщий знаменатель—дебольшевизацию. И людей, и экономики, и культуры, и отношения к природе. Только дебольшевизируясь, декоммунизируясь, можно продвигаться вперед ко все более нормальному образу жизни.

Все, что с нами происходит, — это расплата за большевизм. Большевизм не только иституционный, тот, который ассоциируется со словами «сталинизм», «марксизм», «абсолютизм власти КПСС». Но едва ли не в той же мере и большевизм психологический, ассоциируемый с нетерпимостью, поклонением авторитетам, мифологизацией власти, постоянным ожиданием спасителя, духовным и нравственным иждивенчеством.

Он закрепил в нашей общественной психологии многие худшие черты и качества авторитарного сознания, мышления, типа личности. Но и сам сумел утвердиться во многом потому, что общественная почва для него была подготовлена предшествующими веками.

В условиях России в большевизме сплелись и вековые традиции беззакония и авторитаризма, и труднообъяснимая тяга к утопиям, и мерзость бытия, и смешение разных культурных эпох и экономических укладов на одном государственном пространстве, и зловещая череда кровавых «вождей», и многое иное.

История наградила нас идеологией нетерпимости, большевики превратили ее в государственную. И та же история, как бы наслаждаясь творением своим, продолжает безжалостно колотить копытами по дурацким черепам.

История, надо полагать, надеется, что мы поумнеем. И напрасно. Насилие — наш кислород, а свобода — угарный газ.

Страна обосновалась на обочине цивилизации. Три революции, первая мировая, гражданская, вторая мировая войны, индустриализация и коллективизация, массовый террор. Насильственно уничтожено более *шестидесяти миллионов* людей, в основном молодых, красивых и здоровых, родившихся, чтобы жить, творить и радоваться жизни. Их нет. Подорвана сама корневая система народа. Потому и несут нас на погост молодыми...

Говорят, что нынешние большевики «не те». Вот те раз! Это ведь они говорят, что «не те». До переворота в 1917 году они тоже говорили о свободе, демократии, справедливости и прочем. А что получилось?

В наши дни большевизм, получив изрядные пробоины, пытается задраить их, и снова ложью. Снова говорят о демократии и справедливости. Как будто бы его «новые вожди» уже запамятовали, что именно большевизм оставил после себя выжженную экологическими и технологическими бедствиями землю, выжженную бесхозяйственностью и милитаризацией экономику, выжженные коррупцией и жаждой власти национальные отношения, выжженные цинизмом души людей.

Сегодня мы видим поразительную по цинизму картину многоликости большевизма. Обновленцы и ортодоксы, национал-социалисты и шовинисты. Все они до нездорового блеска в глазах клянутся в верности демократии, паразитируют на ее процедурах, одновременно обещая уничтожить ее незамедлительно, начиная с Конституции, как только придут к власти. Они и дальше будут действовать по принципу — чем хуже для страны, тем лучше для них.

Для нынешних большевиков Сталин был недостаточно крут. Многие натягивают штаны «патриотов», утверждая, что только они любят Отечество, болеют за народ, денно и нощно думают о его горькой судьбе. Но фактически идеология большевизма глубоко антипатриотична. Она всегда была такой, такой же остается и сегодня.

Это большевики выступали за поражение России в первой мировой войне. Шпионили в пользу врага Отечества. Ехали в Россию в пломбированных вагонах. Превращение мировой войны в гражданскую было их программной целью. И все ради собственной власти. Большевики рушили национальные святыни России: даже монгольские завоеватели не позволяли себе уничтожать храмы и монастыри.

Наше сознание глубоко больно, оно опутано и добросовестными заблуждениями, и ложью. Творчество содержалось в клетке разрешенного взгляда на мир и лишь иногда дозволенных светотеней. Нравственность теряла свой первозданный смысл, ибо служила корысти. Жизнь народа ставилась на службу

классовым интересам, которые выдавались за истину общественного бытия. Но «классовая правда» — ложь по природе. Лишь общечеловеческое начало может претендовать на истину.

Анализ реального состояния общества долгие годы отсутствовал, да и сегодня он несет на себе печать большевистского мировоззрения. Научные методы искоренялись десятилетиями — в угоду политике единства через насилие. Писал же Ленин, что «диктатура означает — примите это раз и навсегда к сведению... неограниченную, опирающуюся на силу, а не на закон, власть».

Разрушительную миссию большевизма видели многие российские интеллигенты: Владимир Короленко и Иван Бунин, Иван Павлов и Владимир Вернадский, Николай Бердяев и многие другие.

Нобелевский лауреат академик Иван Павлов направил письмо в СНК СССР 21 декабря 1934 года:

«Вы напрасно верите в мировую революцию. Вы сеете по культурному миру не революцию, а с огромным успехом фашизм. До Вашей революции фашизма не было. Ведь только политическим младенцам Временного правительства было мало даже двух Ваших репетиций перед Вашим Октябрьским торжеством. Все остальные правительства вовсе не желают видеть у себя то, что было и есть у нас, и, конечно, вовремя догадываются применить для предупреждения этого то, чем пользовались Вы, — террор и насилие.

Но мне тяжело не от того, что мировой фашизм попридержит на известный срок темп естественного человеческого прогресса, а от того, что делается у нас, и что, по моему мнению, грозит серьезной опасностью моей Родине».

Иван Бунин сказал о том же, но еще раньше, в 1924 году. Приведу его горестные слова:

«Была Россия, был великий, ломившийся от всякого скарба дом, населенный могучим семейством, созданный благословенными трудами многих и многих поколений, освященный богопочитанием, памятью о прошлом и всем тем, что называется культом и культурой. Что же с ним сделали? Заплатили за свержение домоправителя полным разгромом буквально всего дома и неслыханным братоубийством, всем тем кошмарно-кровавым балаганом, чудовищные последствия которого неисчислимы... Планетарный же злодей, осененный знаменем с издевательским призывом к свободе, братству, равенству, высоко сидел на шее русского «дикаря» и призывал в грязь топтать совесть, стыд, любовь, милосердие... Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее, он разорил величайшую в мире страну и убил миллионы людей, а среди бела дня спорят: благодетель он человечества или нет?»

Не могу удержаться от вопроса: неужели и впрямь нынешние продолжатели дела Ульянова—Джугашвили умнее, прозорливее и ответственнее Бунина и Павлова, Вернадского и Бердяева, Короленко и Горького, сотен офицеров, убитых в гражданскую, миллионов людей, расстрелянных без суда и следствия?

Однако насколько же коварна и коротка наша память.

Мы уже готовы забыть, что немедленно после октябрьского переворота были запрещены все оппозиционные газеты, начались преследования всех некоммунистических партий. Социал-демократическая партия, которую возглавлял Ленин, была быстренько переименована в коммунистическую. Была развязана братоубийственная гражданская война, в крови потоплены кронштадтское сопротивление, крестьянские восстания в Поволжье, на Дону, в Сибири.

Нам неприятно признавать, что В. Ульянов-Ленин, перед которым нас заставляли стоять на коленях, оказался убийцей с большой дороги. Именно он уничтожил нашу родину-мать Россию, бросил ее, как охапку хвороста, чтобы разжечь костер «мировой революции». Именно он санкционировал «красный террор», создание концентрационных лагерей, в том числе для детей-заложников, применение удушливых газов против восставших тамбовских крестьян. Именно он несет ответственность за бессмысленные жертвы гражданской войны.

Мы стали забывать, с какой свирепостью Ленин и ленинцы уничтожали крестьянство, дворянство, купечество, офицерство, творческую и научную интеллигенцию. Именно у Ленина была патологическая ненависть к русскому народу, православию, культуре.

Мы как бы запамятовали, что нас сажали в тюрьмы за сбор колосков на уже убранных полях, за невыработку трудодней, за опоздание на работу, за критику властей и политические анекдоты.

Мы хотели бы забыть, что наших отцов и дедов, попавших по вине бездарного командования в плен, из концлагерей Германии переселили в советские лагеря. Сотни и сотни тысяч умерли от непосильного труда и голода.

Да мало ли еще всего, что мы упорно отгоняем от себя. Память насилуем беспамятством и топаем на выборы, чтобы проголосовать за то, чтобы нас снова унижали, оскорбляли и расстреливали.

Вспомним совсем близкое наше бытие. XX съезд, на котором нам кое-что рассказали о Сталине. Но тут же посадили в тюрьму тех романтиков, что приняли интриги в борьбе за власть за десталинизацию. Затем осудили неразрешенную «оттепель» и продолжили преследования инакомыслящих.

Но вирус сомнения совсем убить было уже невозможно. Семя недовольства прорастало и развивалось. Вспомним исповедальную деревенскую прозу. Вспомним стихи поэтов и песни бардов. Вспомним расхожие анекдоты, беседы за полночь на кухнях и многое другое.

Как прозрачно проявлялось во всем этом, с одной стороны, осознание убожества нашего бытия. А с другой — отчетливое ощущение собственного бессилия, идущее от липкого страха перед властью, равно как и от нашей лени — физической и душевной, от неумения и нежелания победить самих себя, от неуважения к самим себе, острого дефицита собственного достоинства.

«Ленин нас когда-то учил, что каждый член партии должен быть агентом ЧК, то есть смотреть и доносить, — писал соратник Ильича Гусев. — Если мы от чеголибо страдаем, то это не от доносительства, а от недоносительства... Можно быть прекрасными друзьями, но раз мы начинаем расходиться в политике, мы вынуждены не только рвать нашу дружбу, но идти дальше — идти на доносительство».

Уже к 10-летию октябрьского переворота — Кольцов, столь трогательно оплакиваемый «шестидесятниками», восхищался бдительностью советского человека:

«Если белый гость покажется подозрительным, им тревожно заинтересуется фракция жилтоварищества. На него обратит внимание комсомолец-

слесарь, починявший водопровод. Прислуга начнет пристальнее всматриваться в показавшегося ей странным жильца. Наконец, дочка соседа, пионерка, услышав случайный разговор в коридоре, вечером долго не будет спать, что-то, лежа в кровати, взволнованно соображать. И все они сами пойдут в ГПУ и сами расскажут о том, что видели и слышали».

И, как бы отвечая «проклятому Западу», сколько человек тайно работает на ГПУ, Кольцов повизгивает от восторга:

«Не сорок, не шестьдесят, не сто тысяч человек работают для ГПУ. Какие пустяки! Миллион двести тысяч членов партии, два миллиона комсомольцев, десять миллионов членов профсоюза — свыше 13 миллионов (миллион «чертовых дюжин»!) по самой меньшей мере. Если взяться этот актив уточнить, несомненно, цифра вырастает вдвое».

Когда нынешние аналитики пишут о перестройке, неважно, поддерживая ее или критикуя, они обходят стороной суть явления, а именно то, что новый политический курс означал исторический поворот от революции к эволюции, т. е. переход к социал-реформизму. Страна практически встала на путь социал-демократического развития. На официальном партийном уровне в начале перестройки это упорно отрицалось, в том числе и мною (иначе и быть не могло), но в жизни восторжествовала именно концепция реформ.

Как бы там ни было, но перестройка спасла страну и народ от новой гражданской войны, которую Россия уже не смогла бы пережить. Гадко и омерзительно жить сейчас. По многим причинам. Но не будь перестройки, было бы значительно гаже.

Горбачевский режим — арьергард ушедшей в подполье номенклатуры, ельцинский — авангард новой, вышедшей из подполья. В этом авангарде немало старых лиц, сумевших при уходе развернуться на 180 градусов. Но немало и новых, некоторые из них — благородно-либеральные. Их мало. Но они есть. И хочется верить, что они выведут страну на главную магистраль прогресса, имя которой либерализм. Не вина, а беда Горбачева и Ельцина, что они не достигли неокантианского и либерального озарения. Не дано. Как не достигла этого и страна в целом. Только Бог знает, когда это произойдет. Но отправная точка известна: эпоха перестройки.

В заключение хотел бы высказать несколько соображений по книге. Сила ее — в документальности. Она рассказывает о коммунизме как явлении мирового порядка, его катастрофическом влиянии на развитие человечества. Но, как мне представляется, в политологии произошло смешение понятий. Коммунизма реального нигде не было и быть не могло. Коммунистическая теория — это утопия, игра фантазии, злой обман, игра на инстинктах, спекуляция на реальных социальных уродствах и противоречиях. Маркс и Энгельс ловко приспособили многовековые коммунистические идеи к условиям эпохи первоначального накопления капитала, объявив коммунизм конечной целью общественного развития, а рабочий класс — могильщиком капитализма.

В этой схеме русские большевики увидели спекулятивную возможность мобилизации обнищавших и бесправных масс России на свержение старого режима на основе мести и ненависти. Заманчивая мечта переродилась в уродливую практику, которую я называю ***большевизмом.*** Он интернационален, но в каждой стране приобрел свои особенности. Нацизм — в Германии, фашизм — в Италии, франкизм — в Испании, маоизм — в Китае и т. д.

Свои особенности он имеет и в тех странах, где определенные силы, называющие себя коммунистическими, не сумели прийти к власти, остались на уровне носителей спекулятивных идеалов охлократии.

Другое мое соображение вызвано распространенной неточностью в определении времени свержения большевизма в России. Советские и российскиеполитологи за точку отсчета взяли август 1991 года — военно-фашистский мятеж большевистской верхушки. Эту трактовку взяли на вооружение и западные политологи. Я не могу согласиться с этим.

Во-первых, смена любого строя — не одномоментный акт, а длительное вызревание чего-то нового во всех областях жизни, особенно в сознании. *Агония коммунизма-большевизма* (употребим такой термин) *началась сразу жепосле смерти Сталина.* Еще памятны политические кульбиты того времени.Особенно активная фаза этой агонии началась в 1985 году, с началом перестройки. Еще до 1991 года была изъята из Конституции 6-я статья*, началась эпоха гласности, парламентаризма, прекращены политические репрессии и преследования церкви, возобновлена реабилитация жертв политических репрессий, закончена холодная война.

Во-вторых, разгром мятежа 1991 года —великое событие. Но без обстановки, созданной перестройкой, не было бы ни путча, ни его поражения. Большевики восстали против Горбачева, а заодно и Ельцина. Кроме того, не стоит умиляться:коммунистическая партия до сих пор правит в парламенте, правит во многих регионах, стремится к захвату президентской власти. Так что и краха еще не случилось,а торможение демократических реформ продолжается и наши студенты и школьники продолжают учиться по тем же (по содержанию) учебникам, что и раньше.

В заключение следует подчеркнуть значение, которое должна иметь «Черная книга коммунизма» в современном российском обществе. Нет сомнения, что читатель найдет ее чрезвычайно интересной. Она правдива и поучительна.

Александр Н. Яковлев,
академик РАН

*Статья о руководящей роли КПСС.

Стефан Куртуа

ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОММУНИЗМА

«Жизнь проиграла смерти,
но память побеждает
в борьбе с небытием»

Цветэн Тодоров
Заблуждения памяти

История — это «наука человеческих бедствий»[1]*, по выражению Р. Кено, и наш бурный век красноречиво подтверждает эту формулу. Разумеется, и в минувшие времена иные народы и государства демонстрировали примеры массового насилия. Главные европейские державы замешаны в торговле черными рабами; французская колонизация, несмотря на известные положительные стороны, была отмечена, вплоть до конца колониальной эпохи, рядом отвратительных эпизодов. Культ насилия, до сих пор в определенной степени присущий североамериканскому обществу, корнями уходит во времена истребления индейцев и рабства черных.

Тем не менее наш век явно превзошел в этом отношении предшествующие века. Достаточно беглого ретроспективного обзора, чтобы прийти к выводу, что XX век — это столетие грандиозных гуманитарных катастроф: две мировые войны, нацизм, не говоря о локальных катастрофах в Армении, Биафре, Руанде и других странах. Оттоманская империя осуществила подлинный геноцид армян, Германия — евреев и цыган. Италия Муссолини отметилась убийствами эфиопов. Чехи с трудом, но признали, что их поведение по отношению к судетским немцам в 1945—1946 годах не заслуживает, мягко говоря, одобрения. Даже маленькая Швейцария в наши дни уличена в использовании золота, украденного нацистами у истребленных ими евреев, хотя это деяние всё же нельзя полностью отождествлять с геноцидом.

Среди трагедий, потрясавших мир в XX веке, коммунизм — этот грандиозный феномен эпохи, начавшейся в 1917 году и окончившейся в Москве в 1991, — занимает одно из самых значительных мест. Коммунизм родился ранее фашизма и нацизма и пережил их на много лет, затронув четыре великих континента.

Что в точности мы подразумеваем под термином «коммунизм»? Необходимо сразу же сказать о различии между доктриной и практикой коммунизма. Как философское и политическое учение коммунизм существует века, даже тысячелетия. Разве Платон в диалоге О *государстве* не обосновал идею коммунистического города, где люди не развращены богатством и властью, где царствуют мудрость, порядок и справедливость? А такой выдающийся мыслитель и государственный деятель, как сэр Томас Мор, канцлер Англии в 1530-х годах, автор знаменитой *Утопии,* сложивший голову под топором палача Генриха VIII, — разве не был он провозвестником «идеального» государства? Утопические воззрения выглядят вполне законными как средство социальной критики. Они уча-

* Авторские примечания обозначаются арабскими цифрами и расположены в конце книги. *(Прим. ред.)*

ствуют в борьбе идей, они вдохновляют наши демократии. Однако тот коммунизм, о котором пойдет речь здесь, не принадлежит заоблачному миру высоких идей. Это очень реальный коммунизм, существовавший на земле в определенное время, в определенных странах, воплотившийся в фигурах известных вождей — Ленина, Сталина, Мао Цзэдуна, Хо Ши Мина, Ким Ир Сена, Кастро.

Какова бы ни была степень причастности коммунистических учений, возникших до 1917 года, к практике реального коммунизма — а это мы еще рассмотрим, — все-таки именно коммунизм запустил машину систематических репрессий, доходивших временами до высшей степени государственного террора. Так ли уж неповинна во всем этом идеология? Ограниченные или схоластические умы могут сколько угодно утверждать, что реальный коммунизм не имеет ничего общего с коммунизмом идеальным. Действительно, бессмысленно было бы возлагать на учения, явившиеся на свет еще до Иисуса Христа или в Средние века, или даже в девятнадцатом веке, ответственность за то, что вершилось в двадцатом... Однако, как написал Игнасио Силоне, «в действительности, революции, как деревья, познаются по плодам своим». И русские социал-демократы, известные под именем «большевиков», не без оснований решили свою партию переименовать вскоре после захвата власти в «Российскую коммунистическую»*. И так же не случайно у стен Кремля они воздвигли монумент во славу тех, кого считали своими предтечами — Мора и Кампанеллы**.

От преступлений единичных, от резни ограниченной, вызываемой обстоятельствами, коммунистические режимы в целях обеспечения своей власти переходили к преступлениям массовым, к террору как средству управления. Правда, через некоторый промежуток времени (несколько лет для стран Восточной Европы и несколько десятилетий для Советского Союза или Китая) террор терял свою свирепость, режимы стабилизировались, система каждодневного подавления становилась более мягкой, ограничиваясь в основном цензурой всех средств массовой информации, жестким контролем границ и высылкой диссидентов. Но «память о терроре» продолжала жить, и страх населения перед возможными репрессиями способствовал надежности и эффективности управления. Ни один из коммунистических экспериментов, бывших временами весьма популярными на Западе, не смог избежать этой закономерности: ни Китай «Великого Кормчего», ни Корея Ким Ир Сена, ни даже Вьетнам «доброго дядюшки Хо», ни Куба пламенного Фиделя и его фанатичного сподвижника Че Гевары; нельзя не упомянуть в этом ряду и Эфиопию Менгисту, Анголу Нето и Афганистан Наджибуллы.

Преступления коммунизма не укладываются в рамки законности и обычая ни с точки зрения исторической, ни с точки зрения моральной. В этой книге преступная сторона коммунизма рассматривается как одно из его основных, конституирующих свойств. Возможно, раньше вопрос не ставился именно таким образом. Нам возразят, что большинство этих деяний отвечает понятию «законности»: они совершались государственными учреждениями и по законам режимов, признанных международным сообществом, режимов, чьи руко-

* На VII съезде в марте 1918 года. *(Прим. ред.)*

**Имеется в виду созданный по предложению Ленина памятник-обелиск выдающимся мыслителям и деятелям борьбы за освобождение трудящихся. Памятник был открыт 7 ноября 1918 года в Александровском саду. На обелиске были высечены имена; Маркс, Энгельс, Либкнехт, Лассаль, Бебель, Кампанелла, Мелье, Уинстлей, Т. Мор, Сен-Симон, Вальян, Фурье, Жорес, Прудон, Бакунин, Черышевский, Лавров, Михайловский, Плеханов. *(Прим. ред.)*

водители принимались с большой помпой властями демократических государств, режимов, с которыми заключались международные договоры и соглашения. Но разве не так же обстояло дело и с нацизмом? Преступления, которые мы рассматриваем в этой книге, не квалифицируются как преступления в соответствии с юридическими нормами коммунистических государств, их надо рассматривать с точки зрения неписаного кодекса естественных и неотъемлемых прав рода человеческого.

Исторический анализ коммунистических режимов и коммунистических партий, их политики, отношений со своим обществом и со всем остальным миром не сводится к измерению размаха этих преступлений, размаха террора и репрессий. В СССР и странах «народной демократии» после смерти Сталина, в Китае — после смерти Мао, террор смягчился, общество начало «расцветать всеми цветами», мирное сосуществование — даже если оно было «продолжением классовой борьбы в других формах» — стало реальной нормой международной жизни. Однако архивные документы, показания многочисленных свидетелей убедительно доказывают, что террор был с самого начала основной составляющей современного коммунизма. Отбросим мысль о том, что единичный случай убийства заложников, единичный расстрел возмутившихся рабочих, массовая гибель от голода крестьян отдельной местности — всего лишь «происшествие», относящееся к той или иной стране, к тому или иному времени. Мы исследовали каждый участок этого обширного поля и убедились, что коммунистическая система была преступной во все времена своего существования.

Так о чем же мы будем говорить, о каких именно преступлениях? Преступления коммунизма неисчислимы: назовем прежде всего преступления против духа, а также против культуры вообще и национальных культур в частности. По распоряжению Сталина были взорваны сотни церквей в Москве и других городах России; Чаушеску снес исторический центр Бухареста, воздвигнув на его месте, в угоду своей мегаломании, помпезные здания и проложив широченные проспекты; Пол Пот заставил разобрать по камешку кафедральный собор в Пномпене и оставил разрушаться в гуще джунглей храмы Ангкора; во время маоистской «культурной революции» хунвейбинами были сожжены или уничтожены другим путем бесценные художественные сокровища. Но как бы ни были тяжелы эти варварские акции для отдельных народов и для всего человечества, еще более тяжким грузом ложатся на их плечи массовые убийства людей, гибель мужчин, женщин, детей.

Мы остановимся только на преступлениях против личности, что составляет суть такого явления, как террор. Мы включаем их в общий перечень, не уточняя, какая практика характеризует тот или иной режим. Расправа осуществлялась самыми различными способами: расстрел, повешение, утопление, забивание до смерти; смерть в результате искусственно вызванного голода, оставление на произвол судьбы жертвы с запретом оказывать ей помощь; депортация — смерть во время транспортировки (передвижение пешим порядком или в неприспособленных вагонах), в местах высылки и принудительных работ (изнурительный труд, болезни, недоедание, холод). Использовались также боевые отравляющие вещества, организовывались автомобильные катастрофы. Что касается периодов, именуемых гражданской войной, то в этом случае провести различие между теми, кто погиб в вооруженных столкновениях с властью, и жертвами массовой резни среди гражданского населения достаточно сложно.

Всё-таки мы можем подвести предварительный итог, который дает общее представление о масштабах потерь и позволяет воочию увидеть размах преступлений:

—СССР: 20 миллионов убитых;

—Китай: 65 миллионов убитых;

—Вьетнам: 1 миллион убитых;

—Северная Корея: 2 миллиона убитых;

—Камбоджа: 2 миллиона убитых;

—Восточная Европа: 1 миллион убитых;

—Латинская Америка: 150 тысяч убитых;

—Африка: 1, 7 миллиона убитых;

—Афганистан: 1, 5 миллиона убитых;

—международное коммунистическое движение и партии коммунистов, не стоящие у власти: 10 тысяч убитых.

Общее число убитых приближается к отметке в сто миллионов.

Эти данные обнаруживают большую диспропорцию. «Пальма первенства», бесспорно, принадлежит маленькой Камбодже, где Пол Пот за три с половиной года уничтожил самым жесточайшим образом — всеобщим голодом, варварскими пытками — четвертую часть всего населения страны. Опыт маоистов, однако, поражает своим размахом в том, что касается абсолютного числа жертв. Что же до России времен Ленина и Сталина, то кровь стынет в жилах от продуманности, логики и безжалостной последовательности этого эксперимента.

На первоначальной стадии изучения темы нельзя исчерпать вопрос, требующий дальнейшего углубления и прежде всего определения самого понятия «преступление». Оно должно отвечать «объективным» и юридическим критериям. С понятием «преступления, совершенные государством» юристы впервые столкнулись в 1945 году при учреждении союзниками Международного военного трибунала для суда над нацистскими преступниками. Природу этих преступлений определяет статья 6 Устава Нюрнбергского трибунала, в которой упоминаются три основных вида преступлений: преступления против мира, военные преступления, преступления против человечности. Исследуя в совокупности преступления, совершенные ленинско-сталинским, а затем и другими коммунистическими режимами, мы встречаемся со всеми этими тремя категориями.

Преступлениями против мира согласно статье 6а Устава являются: "Планирование, подготовка, развязывание и ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений и заверений либо участие в общем плане или заговоре, направленном на осуществление любого из указанных действий". Сталин, бесспорно, совершил эти преступления; примеры тому — тайное сотрудничество с Гитлером, вылившееся в заключение соглашений от 23 августа и 28 сентября 1939 года, раздел Польши и аннексия Советским Союзом государств Балтии, Северной Буковины и Бессарабии. Советско-германский договор от 23 августа, обезопасив Германию от угрозы войны на два фронта, напрямую способствовал развязыванию Второй мировой войны. Новое преступление против мира Сталин совершил, предприняв 30 ноября 1939 года агрессию против Финляндии. Внезапное нападение Северной Кореи на Южную Корею 25 июня **1050** года и последующая интервенция вооруженных сил коммунистичес-

кого Китая — явления того же порядка. Подрывная деятельность, проводившаяся одно время при поддержке коммунистических партий, финансируемых Москвой, также может считаться преступлением против мира, ибо зачастую имеет следствием развязывание войн; так, коммунистический переворот в Афганистане привел 27 декабря 1979 года к крупномасштабному вторжению советских войск в эту страну и началу войны, которая до сих пор не закончилась.

Военные преступления определены в статье 6b как «исключительные нарушения законов и обычаев войны: убийства, истязания и увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; грабеж общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение населенных пунктов; разорение, не оправданное военной необходимостью». Эти законы и обычаи были записаны в различных конвенциях, из которых наиболее известна Гаагская конвенция 1907 года, гласящая: «Во время войны гражданское население и участники боевых действий остаются под защитой принципов права, установленного цивилизованными народами, законов гуманности и требований совести».

А ведь множество военных преступлений были совершены по распоряжению Сталина или с его одобрения. Ликвидация почти всех польских офицеров, сдавшихся в плен в 1939 году (4, 5 тысячи расстрелянных в Катыни — всего лишь один эпизод этой акции), — самый наглядный тому пример, получивший широкую огласку. Но преступления несравненно большего размаха остались по существу незамеченными, в их числе — убийства или смерть в лагерях ГУЛАГа тысяч немецких солдат и офицеров, попавших в плен в 1943—1945 годах; прибавим к этому массовые изнасилования солдатами Красной Армии женщин в оккупированной Германии, не говоря уже о систематическом разграблении промышленных предприятий в странах, занятых Красной Армией. К той же самой статье 6b надо отнести и судьбы организованных участников сопротивления, боровшихся с коммунистической властью с оружием в руках, когда они попадали в плен и отправлялись на расстрел или в ссылку: участь бойцов польского антинацистского сопротивления (ПОВ и АК), «лесных братьев» в Литве и украинских партизан, афганских моджахедов и т. д.

Понятие «преступление против человечности» впервые появилось в совместной декларации правительств Великобритании, Франции и России от 18 мая 1915 года по поводу массовых убийств армян, совершаемых в Турции. Эти убийства были квалифицированы как «новое преступление Турции против человечности и цивилизации». Зверства нацистов побудили Нюрнбергский трибунал заново определить это понятие в своем Уставе (раздел 6с): «... убийства, истребление, обращение в рабство, ссылка и другие жестокие меры, направленные против гражданского населения до или во время войны, или преследование по политическим, расовым либо религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежат юрисдикции трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет».

В своей обвинительной речи в Нюрнберге представитель обвинения от Франции Франсуа де Ментон подчеркнул идеологическую значимость этих преступлений:

«Я намерен показать Вам, что эта всеохватывающая организованная преступность проистекает из того, что я позволил бы себе назвать преступлением против человеческого духа, из доктрины, отвергающей все духовные, основанные на разуме и морали ценности, выработанные людьми за тысячелетия их движения по пути прогресса. Эта доктрина стремится отбросить человечество к варварству, но не к естественному и стихийному варварству примитивных народов, а к варварству, осознающему себя, использующему в этих целях все материальные средства, которые современная наука поставила на службу человеку. Преступление против духа — вот в чем первородный грех национал-социализма, откуда исходят все его преступления. Эта чудовищная доктрина называется расизмом. <... > Будь это преступления против мира или военные преступления, это преступления не случайные, их нельзя оторвать от всей цепи событий, они систематичны, они непосредственно и необходимо вытекают из той чудовищной доктрины, которой добровольно служили руководители нацистской Германии».

Франсуа де Ментон указал также, что депортации, призванные обеспечить дополнительной рабочей силой германскую военную машину или истребить противников режима, были «естественным следствием национал-социалистской доктрины, для которой сам по себе человек не имеет никакой ценности, если он не поставлен на службу немецкой расе». Во всех заявлениях Нюрнбергского трибунала выделяется одна важнейшая черта преступлений против человечности: вся мощь государства была поставлена на службу преступной политике. Однако юрисдикция трибунала распространялась лишь на преступления, совершенные во время Второй мировой войны. Необходимо было охватить юридически и ситуации, не относящиеся ко времени этой войны. Новый французский Уголовный кодекс, принятый 23 июля 1992 года, так определяет преступление против человечности: «Депортация, обращение в рабство и систематическая практика казней без суда и следствия, похищение людей, пытки и прочие акты негуманного обращения по *политическим, философским, расовым или религиозным* мотивам согласно заранее выработанному плану, осуществляемому против какой-либо группы гражданского населения» (курсив наш. —*С. К).*

Отметим, что все эти определения и, в частности, недавнее определение французского законодательства вполне соответствуют многочисленным преступлениям, совершенным при Ленине и особенно при Сталине, а затем и в других странах, где правили коммунисты, за исключением (требующим еще проверки) Кубы и сандинистского Никарагуа. Принципиальное положение кажется нам бесспорным: коммунистические режимы создают государства, «действующие в условиях идеологической гегемонии». Именно во имя доктрины, положенной в основу коммунистической системы, были уничтожены десятки миллионов невинных людей без какого-либо предъявления им обвинения, являющихся в глазах этой системы преступниками лишь потому, что они принадлежат к дворянам, буржуазии, кулакам... украинцам... даже рабочим или... к членам партии коммунистов! Нетерпимость была положена в основу программы действий. Недаром глава советских профсоюзов Томский заявлял 13 ноября 1927 года в *«Труде»:* «У нас тоже могут существовать другие партии. Но вот в чем каше принципиальное отличие от Запада, <... > У нас одна партия правит, а все остальные сидят в тюрьме»2.

Понятие преступления против человечности включает в себя ряд точно обозначенных преступлений. Самым характерным из них является геноцид. В связи с геноцидом, осуществленным нацистами в отношении евреев, и с целью уточнения статьи 6с Нюрнбергского трибунала в Конвенции ООН от 9 декабря 1948 года понятию «геноцид» было дано следующее определение: «Под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую: а) убийство членов такой группы; b) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; с) предумышленное создание для какойлибо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее; d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения среди членов такой группы; е) насильственная передача детей, принадлежащих одной группе людей, в другую».

Новый французский Уголовный кодекс расширяет понятие геноцида - «Деяния, совершенные в соответствии с *предварительно составленным планом,* приведшие к полному или *частичному* истреблению национального, этнического, расового или религиозного сообщества или другой *группы, выделенной по произвольному критерию»* (курсив наш - *С. К.).* Эта юридическая формула ничуть не противоречит философскому подходу Андре Фроссара, для которого «преступление против человечности — всякое убийство любого человека под единственным предлогом, что он вообще" появился на свет»[3]. Ва-илий Гроссман в великолепной повести *Все течет* говорит об Иване Григорьевиче, человеке, вернувшемся из лагерей: «Он оставался тем, кем был от рождения, — человеком»*. Потому-то он и был подвергнут гонениям. Французское толкование позволяет подчеркнуть, что геноцид не всегда бывает того типа, какой обрушили нацисты на евреев и цыган, — его жертвами могут стать и социальные группы. В книге русского историка-социалиста Сергея Мельгунова *Красный террор в России,* изданной в Берлине в 1924 году, приводится инструкция, данная одним из первых шефов ЧК Лацисом своим подручным: «Мы не ведем войны против отдельных лиц, — пишет Лацис 1 ноября 1918 года, — Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал словом или делом против советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого»4.

С самого начала Ленин и его сподвижники определили для себя рамки беспощадной «классовой войны», когда политические и идеологические оппоненты, а также упрямо неподдающееся население рассматриваются как злейшие враги, подлежащие уничтожению. Большевики решили устранить физически, придав этому законную форму, любую оппозицию, любое сопротивление, пусть даже и пассивное, их власти. Устранению подлежали не только политические, но и социальные группы, такие как дворянство, буржуазия, интеллигенция, духовенство, а также группы профессиональные — армейские и флотские офицеры, чины жандармерии и т. д. Эти действия зачастую принимали характер геноцида. Проводимое с 1920 года рас-

* Здесь и далее повесть В. Гроссмана *Всё течёт* цитируется по изданию: Гроссман В., Собрание сочинений в 4-х т., М. «Вагриус», 1998, т. 4.

казачивание, несомненно, подходило под определение «геноцид»: группа населения, расположенная в пределах строго очерченной территории, казаки, уничтожалась как таковая, мужчин расстреливали, детей, женщин и стариков депортировали, поселения стирались с лица земли или передавались новым поселенцам, не принадлежащим к казачьему сословию. Ленин, уподобивший казачьи области Вандее времен Французской революции, был намерен применить к ним метод, который Гракх Бабеф, «изобретатель» современного коммунизма, назвал в 1795 году «популицидом»5.

Раскулачивание 1930—1932 годов было всего лишь повторением расказачивания в гораздо больших масштабах. Предпринятое по требованию Сталина, оно проводилось под официальным лозунгом, усердно повторяемым пропагандой: «Ликвидация кулачества как класса». Кулаки, оказывающие сопротивление коллективизации, были расстреляны, другие — вместе с женщинами, стариками и детьми — подверглись высылке. Конечно, они не были ликвидированы поголовно, но тяжкий принудительный труд в необжитых районах Сибири и Крайнего Севера оставлял им мало надежд на выживание. Сотни тысяч людей сложили там свои головы, но точное число жертв так и осталось неизвестным. Что же касается грандиозного голода 1932—1933 годов на Украине, вызванного упорным сопротивлением крестьян насильственной коллективизации, то он за несколько месяцев обрек на гибель б миллионов человек.

Здесь классовый геноцид смыкается с геноцидом расовым: голодная смерть детей украинского кулака, жертв сталинского режима, «тянет на весах» столько же, сколько голодная смерть еврейского ребенка в гетто Варшавы, жертвы режима нацистского. Знак равенства между двумя этими фактами ни в коем случае не затрагивает исключительности «освенцимского феномена»: мобилизации современных технических средств для налаживания самого настоящего «промышленного процесса» — строительства подлинной «фабрики уничтожения» с использованием газа и кремационных печей. Но подчеркнем все же одну особенность многих коммунистических режимов: систематическое использование голода как оружия — власть стремится взять под контроль все наличные запасы продовольствия и через систему рационирования, зачастую довольно сложную, перераспределять их по своему усмотрению в зависимости от «заслуг» тех или иных субъектов. Такой прием может дойти до провоцирования голода, охватывающего гигантские пространства. Вспомним, что начиная с 1918 года странам, находившимся под властью коммунистов, пришлось испытать ужасы голода, уносившего сотни тысяч, если не миллионы жертв. Даже в последние десятилетия два государства Африки, провозгласившие «марксистский путь развития», — Эфиопия и Мозамбик — были опустошены подобным образом.

Можно подвести первый общий итог этим преступлениям:

—расстрелы без суда и следствия десятков тысяч заложников и находящихся в местах заключения лиц и убийства сотен тысяч взбунтовавшихся рабочих и крестьян в период 1918—1922 годов;

—голод 1921 — 1922 годов, послуживший причиной смерти 5 миллионов человек;

—уничтожение и депортация донских казаков в 1920 году;

— гибель десятков тысяч заключенных концентрационных лагерей в 1918—1930 годах;

- Большой террор 1937—1938 годов, в ходе которого было уничтожено около 690 тысяч человек;

—депортация двух миллионов кулаков (и причисленных к ним) в 1930— 1932 годах;

—уничтожение посредством неоказания помощи во время организованного властями голода шести миллионов украинцев в 1932—1933 годах;

—депортация сотен тысяч поляков, украинцев, жителей государств Прибалтики, Молдавии и Бессарабии в 1939—1941 годах, а затем в 1944— 1946 годах;

—депортация жителей Республики немцев Поволжья в 1941 году;

—депортация крымских татар в 1944 году;

—депортация чеченцев, ингушей и ряда других кавказских народностей в 1944 году;

—депортация и ликвидация городского населения Камбоджи в 1975— 1978 годах;

— постепенное уничтожение тибетцев Китаем, начиная с 1950 года, и т. д. Это далеко не полный перечень преступлений ленинизма и сталинизма и

их почти точных копий, совершенных режимами Мао Цзэдуна, Ким Ир Сена, Пол Пота.

Тут остается одна, чисто гносеологическая проблема. Имеет ли право историк пользоваться при характеристике и толковании фактов понятиями «преступление против человечности», «геноцид», относящимися к области юридической? Не слишком ли эти понятия зависят от конкретного события — осуждения нацизма в Нюрнберге, — чтобы стать частью исторического исследования, целью которого является анализ основных сторон явления, актуальных не только на данный момент, но и в дальнейшей перспективе? И не слишком ли обременены эти понятия весьма эмоциональными «оценками», способными исказить объективность исторического анализа?

На первый вопрос отвечает современная история, показывающая, что практика массовых убийств, совершаемых государством или партией, отождествленной с государством, не относится лишь к нацистскому государству или к нацистской партии. Босния, Руанда дали доказательства того, что эта практика по-прежнему существует, к тому же она является одной из основных черт XX столетия.

Что касается второго вопроса, то речь не идет о возвращении к концепциям прошлого века, когда историк часто слову «понять» предпочитал слово «осудить». Однако может ли историк, оказавшись лицом к лицу с неисчислимыми человеческими трагедиями, причиной которых были определенная идеология и политика, полностью пренебречь принципами, с которыми связана наша иудео-христианская цивилизация и наша демократическая культура, — таким, например, как уважение к человеческой личности? Многие известные историки без всяких колебаний применяют термин «преступления против человечности», как, например, Жан-Пьер Азема в статье *Аушвицб* («Освенцим») или Пьер Видаль-Наке, который в связи с процессом Тувье в своих *Размышлениях о геноциде* пишет: «Говорят о Катыни, об убийствах Советами пленных польских офицеров. Катынь полностью подпадает под определения Нюрнберга»7. Таким образом, нам представляется, что мы вполне законно можем употреблять эти определения применительно к преступлениям, совершенным коммунистическими режимами.

Помимо вопроса о прямой ответственности коммунистов, стоявших у власти, возникает вопрос и о пособничестве. Канадский Уголовный кодекс, модернизированный в 1987 году, устанавливает в статье [7] (3. 77), что причастность к правонарушению, определяемому как «преступление против человечности», включает в себя покушение, пособничество, подстрекательство, совет, *одобрение или фактическое согласие* (курсив наш — *С. К.).* Кроме того, преступлениями против человечности считаются: покушение, участие в заговоре, *согласие с уже совершенным деянием,* совет, помощь или одобрение свершившегося факта [статья [7] (3. 76)] (курсив наш — *С. К).* Мы видим, что на протяжении 20-50-х годов коммунисты всего мира и многие другие люди вовсю аплодировали сначала политике Ленина, а затем политике Сталина. Сотни тысяч людей состояли в рядах Коммунистического Интернационала в национальных секциях «всемирной революционной партии». В 50-70-е годы другие сотни тысяч пели хвалу «Великому Кормчему», «большому скачку» и «культурной революции» в Китае. Да и совсем недавно немало было тех, кто радовался захвату власти Пол Потом[9]. Многие из них ответят нам: «Мы ничего не знали». Это правда: утаивание, засекречивание всегда было одним из излюбленных защитных средств коммунистической власти. Но достаточно часто неведение было результатом слепой и воинствующей веры. Ведь уже с 40-50-х годов стали известны многие факты, и оспаривать их было трудно. Многие из этих громогласных подпевал разочаровались в своих вчерашних идолах, но, к сожалению, они сделали это тихо и незаметно. Но как же мы должны оценивать подобную аморальность: молча отказаться от своих взглядов, о которых когда-то заявлялось во всеуслышание, и не извлечь из прошлого никаких уроков!

В 1969 году один из первых исследователей коммунистического террора Роберт Конквест писал: «... трудно устоять перед искушением составить полный перечень неверных толкований и ошибок, допущенных на Западе [в оценке сталинского государства] <... > Мы решили остановиться лишь на нескольких наиболее типичных ошибках, допущенных теми, кто претендует на ясность выводов, моральную зрелость, неподкупность и политическую эрудицию. Один из важных аспектов сталинских репрессий — их воздействие на мировое общественное мнение. Сталин сам учитывал этот аспект, давая распоряжение о проведении процесса Зиновьева». Далее Конквест цитирует слова известного историка-эмигранта Б. Николаевского: «... на все такие доводы* он презрительно отвечает: "Ничего, проглотят!"». «Многие действительно "проглотили", — пишет Конквест, — и это один из факторов, сделавших возможным проведение массовых репрессий в СССР. Суды в особенности были бы малоубедительны, если бы какие-нибудь иностранные и посему "независимые" комментаторы не придавали им юридического значения... » И Конквест делает суровый вывод о том, что есть полное основание «предположить, что если бы процесс Зиновьева [в 1936 поду] был во всеуслышание и более или менее единодушно осужден на Западе, то Сталин, возможно, не действовал так беспощадно... Те, кто «проглотили» тогда советские процессы, стали до некоторой степени соучастниками дальнейших репрессий, пыток и смерти ни в чем не повинных людей»[10]. Если уж такой мерой измерять моральное и духовное соучастие известного числа некоммунистов, то что же тогда сказать о коммунистах? И как тут не вспомнить о Луи Арагоне, призывавшем в 1931 году создать тайную коммунистическую поли-

* Об отношении общественного мнения Европы. *(Прим. перев.)*

цию во Франции[11] (правда, потом он публично сожалел об этом и порой выступал с критикой сталинизма).

Йозеф Бергер, бывший функционер Коминтерна, «вычищенный» из партии и побывавший в лагерях, цитирует письмо одного из бывших узников ГУЛАГа, оставшегося членом партии и после возвращения из лагерей: «Коммунисты моего поколения приняли власть Сталина. Они одобряли его преступления. Я имею в виду не только советских коммунистов, но и членов других коммунистических партий во всем мире, и это пятно лежит на каждом из нас в отдельности и на всех вместе. И стереть это пятно мы можем только единственным путем: добиться, чтобы такое никогда не повторилось. Что же произошло? Потеряли ли мы разум или теперь мы можем считаться изменниками делу коммунизма? Правда заключается в том, что все мы, включая наиболее близко стоящих к Сталину товарищей, принимали эти преступления за полную противоположность тому, чем они были на самом деле. Нам они представлялись самым большим вкладом в дело борьбы за решающую победу социализма. Мы истово верили, что чем больше растет значение коммунистической партии в Советском Союзе и во всем мире, тем ближе победа социализма. Мы никак не могли представить себе, что внутри самого коммунизма возникнет такое противоречие между политикой и этикой»[12].

Бергер со своей стороны вносит необходимое уточнение: «Я считаю, что если можно осуждать позицию тех, кто принял политику Сталина, то это осуждение не стоит распространять на всех коммунистов огульно; еще труднее упрекать их в том, что они допустили все эти преступления. Думать, что эти люди могли противодействовать замыслам Сталина, значит, ничего не понимать в его византийском деспотизме». Бергера «извиняет» то, что он находился в Советском Союзе и потому оказался захваченным сатанинской машиной, вырваться из чрева которой не было ни малейшей возможности. Всё это, возможно, и так, но как быть с коммунистами Западной Европы? Они не находились под непосредственным владычеством НКВД, так какое же ослепление вынуждало их попрежнему превозносить систему и ее главаря? Надо было отцеживать информацию поистине колдовским фильтром, чтобы держать их в столь впечатляющем подчинении! В своем замечательном труде о русской революции *Советская трагедия* [13] Мартин Мала приподнимает краешек занавеса, говоря о «парадоксе великого идеала, приведшего к великому злодеянию». Другой крупный исследователь коммунизма Анни Кригель настаивает на почти не известной взаимосвязи двух ликов коммунизма: один источает сияние, другой — покрыт мраком.

Цветан Тодоров первым дал объяснение этому парадоксу: «Живущий в условиях западной демократии склонен считать, что тоталитарная система совершенно чужда устремлениям человека. Однако тоталитаризм не мог бы продержаться столь долго, не мог бы увлечь за собой стольких людей, если бы дело обстояло именно так. Но устрашающий механизм тоталитаризма, напротив, работает на редкость эффективно. Коммунистическая идеология рисует перед нами соблазнительную картину прекрасного будущего и побуждает нас стремиться к его созиданию: желание переделать мир во имя идеала — не есть ли это неотъемлемое качество человеческой личности? <... > Более того, коммунистическое общество освобождает индивидуума от ответственности: всё решает оно. А ответственность зачастую представляется весьма тяжким бременем. <... > Для многих привлекательность тоталитарной системы проистекает из неосознанной боязни свободы и ответственности — вот где причина популярности

всех авторитарных режимов (такова мысль Эриха Фромма, изложенная им в *Бегстве от свободы);* а о существовании добровольного рабства говорил еще Ла Боэси»[14]*.

Причастность тех, кто вовлечен в добровольное рабство, к злодеяниям никогда не носила и не носит абстрактного характера. Сам факт принятия и (или) ведения пропаганды, призванной скрывать правду, означал и будет означать активное соучастие в преступлениях. Ибо существует единственное средство — хотя не всегда действенное, как только что показала трагедия в Руанде, — борьбы против массовых преступлений, замышляемых и творимых втайне, и это средство — гласность.

Анализ сути феномена коммунистической власти — диктатуры и террора — не слишком легкая задача. Жан Элленштейн определил сталинизм как гибрид методов греческих тиранов и восточных деспотов. Формула соблазнительная, однако она не объясняет своеобразия этого опыта новейшей истории, его всеохватности, весьма отличной от диктатур, знакомых нам по прошлым периодам. Посмотрим же, каково оказалось в реальности коммунистическое правление в разных странах.

Прежде всего стоит напомнить о русской традиции подавления инакомыслия. Большевики боролись с самодержавным режимом царской России, но жестокости этого режима бледнеют в сравнении с ужасами большевистского господства. Российский император предавал своих политических противников суду, где защита могла излагать свои аргументы наравне с обвинением (если не в большем объеме) и призывать в свидетели общественное мнение страны, которого при большевиках вообще не существовало, а также общественное мнение всего мира. Как на предварительном следствии, так и после осуждения с арестантами обходились в соответствии с установленным регламентом, а режим ссылки был сравнительно легким. Ссыльные имели право взять с собой семьи, им было позволено читать и писать что угодно, государство определяло на их содержание известную сумму денег, они могли заниматься охотой и рыбной ловлей, свободно встречаться с товарищами «по несчастью». И Ленин, и Сталин могли убедиться в этом на собственном опыте. Даже *Записки из мертвого дома* Достоевского, так поразившие в свое время многие умы, представляются довольно безобидными на фоне коммунистических злодеяний. Разумеется, в царской России жестоко подавлялись бунты и восстания. За период 1825—1917 годов в России было приговорено к смертной казни за политические преступления бЗбО человек, в 3932 случаях приговоры были приведены в исполнение: 191 — с 1825 по 1905 год и 3741 — с 1906 по1910 год. Но большевики превысили эти цифры *уже к марту 1918 года,* всего за четыре месяца пребывания у власти. Число жертв царских репрессий не идет ни в какое сравнение с жертвами коммунистического террора.

В 20—40-е годы коммунисты яростно клеймили террор фашистских режимов. Но даже при беглом рассмотрении выясняется, что и здесь сравнение не в пользу обличителей. Итальянский фашизм, первым появившийся на исторической сцене и открыто называвший себя «тоталитарным», сажал в тюрьмы и подвергал жестокому обращению своих политических оппонентов. Тем не

* Этьсн Ла Боэси — французский гуманист XVI века, автор трактата *Рассуждение о добровольном рабстве (Прим. перев.)*

менее крайне редко дело доходило до убийств, и в середине 30-х годов в Италии насчитывалось несколько сотен политических заключенных и несколько большее число *confinati* — лиц, высланных под гласный надзор полиции на острова Средиземного моря. Правда, число политических изгнанников достигало нескольких десятков тысяч.

Накануне войны нацистский террор был направлен против нескольких групп: противников режима, в первую очередь коммунистов, социал-демократов, анархистов и деятелей профсоюзов — они подвергались открытому преследованию, их сажали в тюрьму, но главным образом, помещали в концентрационные лагеря, где они подвергались весьма жестокому обращению. С 1933 по 1939 год в тюрьмах и концлагерях было уничтожено, по суду или без суда, 20 тысяч левых активистов; мы не будем говорить здесь о жертвах сведения внутренних нацистских счетов («Ночь длинных ножей» в июле 1934 года). В другую категорию обреченных на смерть попали немцы, не отвечавшие критерию «представитель здоровой арийской расы», — психически больные, беспомощные инвалиды, старики. Гитлер осуществил страшную акцию в связи с началом войны:. 70 тысяч немцев стали жертвами программы эвтаназии, погибнув в газовых камерах с конца 1939 по начало 1941 года. Программа была свернута ввиду резкого протеста Церкви, но газовые камеры пригодились для ликвидации третьей группы жертв — евреев.

Перед войной меры, направленные на ограничение прав евреев, были широко распространены в Германии, их апогеем стал погром, известный как «Хрустальная ночь», в результате которого несколько сот человек были убиты и 35 тысяч заключены в концлагеря. Однако с началом войны и особенно после нападения на СССР нацисты развязали подлинный террор, итогом которого стали: 15 миллионов убитых среди гражданского населения оккупированных стран, 5, 1 миллиона уничтоженных евреев, 3, 3 миллиона советских военнопленных, 1, 1 миллиона умерших в концентрационных лагерях, сотни тысяч цыган. Добавим к этим жертвам 8 миллионов человек, депортированных для принудительных работ в промышленности и сельском хозяйстве Германии, и 1, 6 миллиона выживших узников концлагерей.

Нацистский террор поражал воображение людей по трем причинам: вопервых, он непосредственно затронул европейцев; во-вторых, нацисты были побеждены, а их главари осуждены в Нюрнберге, их деяния были официально квалифицированы как преступления и заклеймены. И, наконец, разоблачение геноцида оказалось шоковым, преступления потрясали своим внешне иррациональным характером, своей масштабностью и жестокостью.

Мы не ставим себе целью заниматься этой мрачной сравнительной арифметикой, двойной бухгалтерией ужаса, устанавливать иерархию жестокостей. Но факты упрямы, и они показывают, что преступления коммунистов затронули около ста миллионов человек, тогда как нацисты расправились с 25 миллионами. Это простое сопоставление побуждает задуматься о сходстве между режимом, который начиная с 1945 года рассматривается как самый преступный режим нашего века, и другим, который пользовался до 1991 года международным признанием, до сих пор является правящим в некоторых странах и сохраняет своих приверженцев по всему миру. И хотя многие коммунистические партии запоздало осудили преступления сталинизма, они, по большей части, не отреклись от принципов Ленина и не задались вопросом о своей собственной причастности к феномену террора.

Методы, пущенные в ход Лениным и возведенные в систему Сталиным, не только схожи с методами нацистов, но являются их предтечей. Нацисты были во многом подражателями коммунистов. Рудольф Гесс, организатор лагеря в Освенциме, ставший затем его комендантом, оставил знаменательное свидетельство: «Руководство Имперской Безопасности распорядилось доставить комендантам лагерей достаточно подробную документацию, касающуюся русских концентрационных лагерей. Свидетельства очевидцев, беглецов из этих лагерей, дали нам ясную картину условий тамошней жизни. Следует особенно подчеркнуть, что путь, выбранный русскими для уничтожения целых популяций, заключался в использовании людей на каторжных работах»[15]. Однако тот факт, что масштабы и методы массовых насилий были впервые введены коммунистами и наци могли лишь перенять этот опыт, не означает всё же, по нашему мнению, что можно установить прямую связь между приходом большевиков к власти и появлением нацизма.

На рубеже 20-х и 30-х годов ГПУ положило начало методу квотирования: каждая область, каждый район должны были арестовать, выслать или расстрелять определенный процент лиц, принадлежащих к «чуждым социальным группам». Этот процент спускался сверху как партийная директива. Безумие планирования и учета, мания статистики захватили не только сферу экономики, но и определили тактику и стратегию террора. Начиная с 1920 года, с победы Красной Армии над белыми в Крыму, стали применяться эти статистические, даже социологические методы: жертвы отбирались по строго определенным критериям, на основании анкет, заполнения которых никто не мог избежать. Тот же самый «социологический» метод применялся Советами при организации массовых высылок из Балтийских государств и оккупированной части Польши в 1939—1941 годах. Перевозка высылаемых в товарных вагонах — непременная деталь таких акций — представлялась настолько важной, что в 1943—1944 годах, в самый разгар войны с нацистами, Сталин счел возможным отозвать с фронта тысячи вагонов и десятки тысяч солдат специальных войск НКВД, чтобы в кратчайший срок провести массовую депортацию народов Кавказа. Эта логика геноцида, когда можно пожертвовать на какое-то время успехами в борьбе с внешними врагами ради уничтожения части своего народа, объявленной врагом внутренним, нашла свое крайнее выражение в пароксизмах Пол Пота и его красных кхмеров.

Мысль о сходстве нацизма и коммунизма в том, что касается их методов уничтожения людей, многим кажется кощунственной. Но вот Василий Гроссман, чья мать была убита нацистами в Бердичевском гетто, первым написавший о Треблинке, один из составителей *Черной книги* об истреблении евреев на территории СССР, заставляет одного из персонажей повести *Все течет,* украинскую крестьянку, так рассказывать о голоде на Украине: «... и писатели пишут, и сам Сталин, и все в одну точку: кулаки, паразиты, хлеб жгут, детей убивают, и прямо объявили: поднимать ярость масс против них, уничтожать их всех, как класс, проклятых <... > И никакой к ним жалости: они не люди, а не разберешь «что за твари». А дальше рассказчица переходит к другому: «Как немцы могли у евреев детей в камерах душить?.. » И героиня повести заключает: «Кто слово такое придумал — кулачье, неужели Ленин? Чтобы их убить, надо было объявить — кулаки не люди. Вот также как немцы говорили: жиды не люди... »

Как мы видим, удар наносится не столько по отдельной личности, сколько по группе людей. Эта группа, определяемая деятелями террора как «вражес-

кая», является частью общества, и, согласно логике геноцида, она искореняется именно как группа. И тогда механизмы сегрегации и отторжения, свойственные «классовому тоталитаризму», становятся удивительно похожи на методы «расового тоталитаризма». Нацисты предполагали выстроить свое общество будущего на основе «чистоты расы», коммунисты — на основе пролетариата, очищенного от всякой «буржуазной скверны». Переделка обоих обществ замышлялась в похожей манере, даже если критерии отторжения неугодных и были разными. Поэтому несостоятельны претензии коммунизма на универсальность, всеобщность: коли план предназначен для осуществления в мировом масштабе, а какая-то часть человечества провозглашается недостойной этого нового идеального мира, то отличие от нацизма лишь в одном: здесь — страты (классы), там — раса. Злодеяния последователей Ленина, Сталина, маоистов, опыт Камбоджи ставят перед человечеством — и перед правоведами и историками в частности — новую проблему: как квалифицировать преступления по политико-идеологическим мотивам, направленные на уничтожение не только отдельных личностей или ограниченных групп оппонентов, но и огромных масс людей, являющихся частью всего общества? Надо ли вводить новое определение? Некоторые англо-саксонские авторы полагают, что надо, и предлагают термин «политицид». Или следует пойти по пути чешских юристов, называющих все преступления, совершенные при режиме коммунистов, просто «коммунистическими преступлениями»?

Что мы знаем о преступлениях коммунизма? Что хотим узнать? Почему надо было ждать конца века, чтобы эта тема стала предметом научного исследования? Ведь очевидно, что изучение преступлений сталинизма и коммунизма идет с огромным опозданием в сравнении с изучением нацистских преступлений, несмотря на то что на Востоке немало трудов посвящено этой теме.

Здесь нельзя не обратить внимание на поразительный контраст. Победители 1945 года законно поставили в центр своего приговора нацизму его преступления, и особенно геноцид евреев. С тех пор многочисленные исследователи во всем мире работают в этой области. На эту тему написаны сотни книг, сняты десятки фильмов — в их числе такие знаменитые и разные по стилю, *кяк Ночь и туман, Выбор Софи, Шоа, Список Шиндлера.* Так, Рауль Хильберг поставил в центр своего важнейшего произведения подробное описание методов умерщвления евреев в Третьем рейхе[16].

Однако нет подобных же исследований коммунистических преступлений. И если Гиммлер или Эйхман стали для всего мира символами современного варварства, то многим и многим ничего не скажут имена Дзержинского, Ягоды или Ежова. Что же касается Ленина, Мао, Хо Ши Мина и даже Сталина, то, как ни удивительно, о них говорят порой чуть ли не с благоговением. *Лото,* государственная организация Франции, легкомысленно соединила с именами Сталина и Мао Цзэдуна одно из своих публичных мероприятий. Возможно ли использование имен Гитлера или Геббельса для подобных акций?

Исключительное внимание к преступлениям гитлеризма полностью обоснованно. Оно отвечает стремлению тех, кто стал жертвой этих преступлений, свидетельствовать против них, стремлению ученых понять их, помогает нравственным и политическим авторитетам еще раз утвердить демократические ценности. Но почему так слаб отклик на свидетельства преступлений коммунизма? Что мешает политикам разомкнуть уста? И, главное, откуда это «академическое»

молчание о катастрофе, охватывавшей на протяжении восьми десятков лет треть человечества на четырех континентах? Откуда эта неспособность поставить в центр изучения коммунизма прежде всего такую важную проблему, как проблему массовых и систематических преступлений против человечности? Неужели все дело в нашей неспособности их понять? Или, может быть, стоит говорить о намеренном отказе от знания, о боязни проникнуть в суть?

Причины расплывчатости наших представлений о преступлениях коммунизма сложны и многообразны. Главную роль играет здесь извечное стремление преступников стереть следы своих преступлений и оправдать то, чего не удалось утаить. «Тайный доклад» Хрущева в феврале 1956 года, ставший первым признанием коммунистического вождя в преступлениях, совершенных коммунистической властью, представлял собою также и попытку палача замаскировать и скрыть свои собственные злодеяния в период нахождения на посту руководителя коммунистов Украины, где террор свирепствовал особенно люто, возложив вину за них на одного Сталина, вынуждавшего подчиняться его приказам. Помимо этого утаивалась большая часть преступлений — говорилось только о жертвах среди коммунистов, число которых было гораздо меньше, чем среди других групп населения. Да и преступления эти были затуманены эвфемизмом «последствия культа личности» Сталина с целью продлить существование системы с теми же принципами, теми же структурами и теми же кадрами.

Сам Хрущев ярко засвидетельствовал это в своих *Воспоминаниях,* рассказывая, на какое сопротивление он наткнулся при подготовке «тайного доклада» со стороны своих коллег по Политбюро и, в частности, со стороны одного из самых доверенных лиц Сталина: «Каганович <... > Такой подхалим, как Каганович, да он отца родного зарезал бы, если бы Сталин лишь моргнул и сказал бы, что это нужно сделать в интересах какого-то сталинского дела. Сталину и не требовалось втягивать Кагановича: тот сам больше всех кричал, где надо и где не надо, из кожи вон лез в угодничестве перед Сталиным, арестовывая налево и направо и разоблачая «врагов» <... > Это были позиции <... > шкурные. Это было желание уйти от ответственности, и если состоялось преступление, то замять их и прикрыть»[17]. Полная недоступность архивов в коммунистических странах, всеобщий контроль над прессой, средствами масс-медиа, связями с заграницей, пропаганда «достижений» режима — вся система дезинформации была вправлена в первую очередь на то, чтобы воспрепятствовать раскрытию правды о преступлениях.

Не останавливаясь на простом утаивании своих злодеяний, палачи всячески боролись с теми, кто пытался проинформировать общество. Ведь у некотонаблюдателей и аналитиков уже был опыт подобного просвещения современников. После Второй мировой войны это особенно ярко проявилось во Франции в двух случаях. В январе — апреле 1949 года в Париже состоялся суебный процесс, в котором столкнулись Виктор Кравченко, бывший советский крупный функционер, автор нашумевшей книги *Я выбрал свободу,* раскрывающей подлинную сущность сталинского строя, и коммунистическая газета *«Lettres francaises",* возглавляемая Луи Арагоном, пытавшаяся доказать лживость книги Кравченко и даже моральную нечистоплотность самого автора. С ноября 1950 по январь 1951 года проходил, опять же в Париже, другой процесс меж той же газетой и Давидом Руссе. Давид Руссе, литератор, бывший троцкист, депортированный нацистами в Германию, получил в 1946 году премию Ренодо за свою книгу *Концентрационный мир.* 12 ноября 1949 года Руссе призвал всех

бывших заключенных нацистских лагерей образовать комиссию для сбора сведений о советских концлагерях, и на него тут же набросилась коммунистическая пресса, отрицавшая само существование этих лагерей. Вслед за призывом Руссе в *«Figaro litteraire»* 25 февраля 1950 года появилась статья «По поводу расследования о советских лагерях. Кто хуже, Сатана или Вельзевул?». Автором ее была Маргарет Бубер-Нейман, обладательница вдвойне страшного опыта пребывания и в нацистских лагерях, и в советских.

Против людей, пытавшихся пробудить человеческое сознание, вели систематическую борьбу, используя весь арсенал мощного современного государства. Их лишали возможности работать, на них клеветали, их запугивали. А. Солженицын, В. Буковский, А. Зиновьев, Л. Плющ были изгнаны из своей страны, А. Сахаров выслан в Горький, генерал Петр Григоренко помещен в психиатрическую больницу, болгарский диссидент Марков убит уколом отравленного зонта.

При таком давлении многие, не способные признать своим общество, где припеваючи живут доносчики и истязатели, не решались открыто заявить о себе. В уже цитированной нами повести *Все течет* Гроссман описал такое отчаянное положение. В отличие от евреев, о трагедии которых не давало забыть мировое еврейство, жертвы коммунизма и их близкие долгое время были лишены права на живую память, на поминальную молитву, на возмещение потерь — всё это было запрещено.

А когда, в отдельных случаях, палачам не удавалось скрыть правду о расстрелах, о концлагерях, об искусственно созданном голоде, они пытались обелить злодеяния, нанося на них аляповатый грим. Чтобы оправдать свое право на террор, они пользовались ходячей риторикой революционных фраз: «лес рубят — щепки летят», «нельзя сделать яичницу, не разбив яйца». Владимир Буковский метко ответил на такие ухищрения, сказав, что он видел много разбитых яиц, но ни разу не отведал яичницы. Самым худшим из этих приемов было, пожалуй, извращение языка. Магический словарь превращал систему концлагерей в систему перевоспитания, а палачей — в воспитателей, призванных сделать из людей старого, «прогнившего» общества «нового человека». *Зеков* — так называли заключенных в советских концлагерях — силой принуждали поверить в поработившую их систему. В Китае узники именовались «обучающимися»: они должны были обучаться правильному, партийному мышлению и отказаться от своих собственных неправильных убеждений.

Как это часто случается, ложь не обязательно бывает простой противоположностью, sensu stricto*, правды и держится на ее подпорках. Слова, вывернутые наизнанку, приобретают другой смысл, искажающий общую перспективу: мы сталкиваемся с социальным и политическим астигматизмом. Однако если деформированное коммунистической пропагандой зрение можно сравнительно легко исправить, то очень трудно возвратить правильное восприятие действительности. Предрассудки и предубеждения живучи. В своей массированной, беззастенчивой пропаганде, в основе которой лежит именно извращение языка, коммунисты действуют как борцы дзюдо: каждую атаку на них они превращают в контратаку, даже критику их террористических методов направляя против самих критиков. И каждый раз какой-нибудь перелицованный коммунистический догмат еще теснее сплачивает ряды активистов и сочувствующих. Так они перевернули пер-

" В прямом смысле слова *(лат).*

вый принцип вероисповедания, сформулированный в свое время Тертуллианом: «Верую, ибо абсурдно».

Одураченные беззастенчивой контрпропагандой, многие интеллектуалы буквально проституируют себя. В 1928 году Горький принимает предложение совершить «экскурсию» на Соловецкие острова, в экспериментальный концлагерь, который затем, по выражению Солженицына, «дал метастазы», породив систему ГУЛАГа. Об этих островах Горький написал восторженные слова, воздав заодно хвалу и советскому правительству, придумавшему этот лагерь. Французский писатель, гонкуровский лауреат 1916 года, Анри Барбюс, за хорошие деньги, не колеблясь, принялся воскурять фимиам сталинскому режиму. В 1928 году он писал о «великолепной Грузии», той самой Грузии, где в 1921 году Сталин руками своего прислужника Орджоникидзе учинил форменную резню, той самой Грузии, где начал свою зловещую карьеру Берия, будущий шеф НКВД, изощренный интриган и садист. В 1935 году Барбюс пишет апологетическую книгу *Сталин,* становясь тем самым первым официальным сталинским биографом. Корыстолюбие, бесхарактерность, тщеславие, восхищение могучей силой, революционный пыл — каковы бы ни были мотивы, тоталитарные диктатуры всегда находили нужных им подпевал. Коммунистическая диктатура в этом смысле не отличается от других.

По отношению к пропаганде коммунистов Запад долгое время демонстрировал исключительную слепоту, объясняемую и наивным легковерием перед лицом изощреннейшей системы, и боязнью советской мощи, и цинизмом политиканов и дельцов. Эта слепота проявилась в Ялте, когда Рузвельт отдал в руки Сталина всю Восточную Европу в обмен на формальное обещание, что тот как можно скорее проведет в этих странах свободные выборы. Прагматическая лживость присутствовала и в Москве, когда в декабре 1944 года генерал де Голль предал коммунистическому молоху несчастную Польшу, получив за то гарантии социального и политического мира, подтвержденные по возвращении в Париж Морисом Торезом.

Это ослепление было подкреплено, почти узаконено, убеждением коммунистов и вообще многих левых на Западе, что восточно-европейские страны встали на путь «построения социализма», что утопия эта — причина социальных и политических конфликтов в демократических государствах— станет там реальностью. Величие этой реальности подчеркивала в своей посмертно вышедшей работе *Укоренение*[18] Симона Вайль: «Революционные рабочие счастливы иметь за собой государство. Государство, придающее их действиям характер законности, характер обоснованности, характер реальности, т. е. то, что может дать только государство, власть. И в то же время государство это слишюм географически удалено, чтобы давить на них». Коммунизм выставлял в то время свое светлое лицо: он ссылался на гуманистов эпохи Просвещения, на традицию борьбы за социальное освобождение человека, взывал к мечте о «подлинном равенстве», о «благоденствии для всех», воплотившемся в идеях Гракха Бабефа. И это сияющее лицо почти полностью закрывало лик тьмы.

К этому нежеланию — намеренному или нет — знать о размахе преступлений коммунизма добавлялось обычное равнодушие наших современников к своим братьям по разуму. Вовсе не потому, что человек вообще черств душой. Напротив, сколько раз в пограничных ситуациях он показывает, как много хранится в нем неожиданных ресурсов солидарности, дружбы, привязанности и даже любви. Но, подчеркивает Цветан Тодоров, «память о наших бедах мешает нам

проникнуться страданиями других»[19]. И в самом деле, какой европейский или азиатский народ после выхода из Первой, а затем и Второй мировой войны не был занят залечиванием нанесенных многочисленными бедствиями ран? Трудности, которые пришлось пережить Франции в мрачные периоды истории, достаточно впечатляющи. Время, или, вернее, безвременье, оккупации по-прежнему отравляет сознание французов. И то же самое происходит и с историей периода наци в Германии, фашистов в Италии, франкистов в Испании, гражданской войны в Греции и т. д. В нашем веке железа и крови каждый был слишком обременен своими несчастьями, чтобы сочувствовать несчастьям других.

То, что размах преступлений коммунизма был как бы затемнен для западного взгляда, объясняется еще тремя, более специфическими причинами. Первая заключается в приверженности самой идее революции как претворявшейся в жизнь на протяжении XIX и XX веков. Мы и сегодня не до конца попрощались с ней. Ее символы — красное знамя, Интернационал, поднятый кверху кулак—вновь появляются при каждой сколько-нибудь яркой революционной вспышке. Че Гевара снова в моде. Активно и открыто действуют революционные группы, они совершенно законно выражают свои взгляды и с презрением встречают малейшую попытку критически поразмыслить о преступлениях их предшественников. Ничуть не смущаясь, они повторяют старые речи, оправдывающие Ленина, Троцкого или Мао Цзэдуна. Никто не застрахован от этого, и некоторые авторы этой книги верили в свое время в коммунистическую ложь.

Вторая причина — участие Советов в победе над нацизмом, что позволило коммунистам маскировать под горячий патриотизм свои конечные цели захвата власти. Начиная с июня 1941 года все коммунистические партии в оккупированных странах приступили к активному, и зачастую вооруженному, сопротивлению нацистским или итальянским оккупантам. Как и другие участники Сопротивления, коммунисты дорого заплатили за свою борьбу — тысячи расстрелянных, убитых в боях, депортированных. Коммунисты сыграли на этих жертвах, чтобы освятить идеи коммунизма и представить всякую критику в свой адрес как кощунственную. Кроме того, многие некоммунисты в процессе борьбы против общего врага оказались связаны с коммунистами узами солидарности, узами совместно пролитой крови, а это мешало им непредвзято посмотреть на своих боевых товарищей. Во Франции тактика голлистов во многом определялась этими общими воспоминаниями и тем, что генерал де Голль использовал СССР как противовес в трениях с американцами[20].

Участие коммунистов в войне, их вклад в победу над нацизмом решительным образом способствовали торжеству понятия «антифашизм» как критерия истинности для левых, и, конечно же, коммунисты постарались выставить себя лучшими представителями и лучшими защитниками антифашизма. Антифашизм стал для коммунизма престижной «товарной маркой», и им не составляло труда во имя антифашизма затыкать рты непокорным. Побежденный нацизм был определен победителями-союзниками как абсолютное Зло, что автоматически переместило коммунизм в лагерь Добра. Это стало очевидным на Нюрнбергском процессе, где Советы выступали в роли обвинителей. В результате были быстро сняты с обсуждения такие щекотливые, с позиций демократических ценностей, вопросы, как заключение Советско-германского пакта о ненападении 1939 года и расстрелы в Катыни. Победа над нацизмом оборачивалась доказательством превосходства советской системы. Во всю мощь коммунистическая пропаганда использовала и настроения, господствовавшие тог-

да в странах Европы, освобожденных англичанами и американцами: чувство благодарности по отношению к Красной Армии (поскольку они не подверглись ее оккупации) и чувство вины перед народами Советского Союза, принесшего огромные жертвы ради Победы.

В то же время условия «освобождения» Красной Армией Восточной Европы оставались совершенно неверно истолкованными на Западе. Историки не замечали различия между двумя типами освобождения: один привел к восстановлению демократии, другой открыл дорогу к установлению диктатур. В Центральной и Восточной Европе советская система по сути претендовала на наследство Тысячелетнего рейха, и Витольд Гомбрович в нескольких точных образах представил трагедию этих народов: «Окончание войны не принесло полякам освобождения. В этой унылой Центральной Европе она означала лишь то, что на смену одной ночи пришла другая, палачей Гитлера заменили палачи Сталина. В то время как возвышенные души в парижских кафе приветствовали ликующим пением «освобождение польского народа от феодального ига», в самой Польше те же самые сигареты перешли из одних рук в другие и попрежнему жгли человеческую кожу»[21]. Вот где находится разлом между двумя типами европейского опыта. Однако очень скоро некоторым авторам удалось приподнять край занавеса над методами обращения в СССР с освобожденными от нацизма поляками, немцами, чехами и словаками[22]. Третья причина «затемнения» более изощренна, а также более деликатна. После 1945 года геноцид еврейского народа казался парадигмой новейшего варварства, заняв все обозримое поле массового террора в XX веке. Коммунисты, отрицая на первых порах специфику нацистских преследований евреев, быстро сообразили, какую выгоду они могут извлечь из признания этой специфики для регулярного реанимирования антифашизма. Призрак «гнусного чрева, еще способного плодоносить» — знаменитая формула Бертольда Брехта — регулярно возникал в их пропаганде по всякому поводу и вовсе без повода. В более поздние времена, подчеркивая «единичность» геноцида евреев и сосредотачивая внимание на исключительности этих зверств, они препятствовали распознаванию явлений того же порядка в коммунистическом мире. Да и можно ли было вообразить, чтобы те, кто своей победой в войне способствовали крушению человеконенавистнической системы, сами действовали теми же методами? Наиболее распространенной реакцией на постановку подобного вопроса был отказ вообще рассматривать такой парадокс.

Первый крутой поворот в официальном признании коммунистических преступлений произошел 24 февраля 1956 года. В тот вечер первый сежретарь ЦК КПСС Никита Хрущев поднялся на трибуну XX съезда Коммунистической партии Советского Союза. Заседание было наглухо закрыто для гостей, присутствовали только делегаты съезда. В полном молчании, ошеломленные, слушали они, как первый секретарь партии методично разрушал образ «отца народов», «гениального Сталина», бывшего на протяжении тридцати лет героем в глазах всего мирового коммунизма. Этот доклад, известный как «тайный доклад Хрущева», стал основной точкой разлома современного коммунизма. Впервые коммунистический руководитель самого высокого ранга признавал официально, хотя только перед своими товарищей по партии, что режиму, захватившему власть в 1917 году, были свойственны *уклоны» самого преступного характера.

«Господин X» сокрушил одно из главных табу советского режима по многим соображениям. Главная его цель заключалась в том, чтобы приписать злодеяния коммунизма одному Сталину и таким образом ограничить вред, наносимый режиму подобным разоблачением. Равным образом его решение объяснялось и желанием нанести удар по клану сталинистов, сопротивлявшихся действиям Хрущева, которые противоречили методам их былого хозяина; впрочем, летом 1957 года эти люди были отстранены от всех высоких постов. Заметим в этой связи, что в первый раз после 1934 года за их «политической смертью» не последовала смерть *реальная,* и, оценивая эту простую «деталь», можно понять, что мотивация Хрущева была более глубокой. Его, годами стоявшего во главе Украины, причастного к совершению и сокрытию огромного количества убийств, тяготила пролитая кровь. В своих воспоминаниях, несомненно приукрашивая себя, Хрущев так рисует свое душевное состояние: «Меня мучила мысль: "Вот кончится съезд, будет принята резолюция, и всё это формально. А что дальше? На нашей совести останутся сотни тысяч безвинно расстрелянных людей... "[23].

И сразу же он резко упрекает своих товарищей: «Как быть с прошлыми расстрелами и арестами? <... > Ведь мы уже знаем, что люди, подвергавшиеся репрессиям, были невиновны и не являлись врагами народа. Это — честные люди, преданные партии, революции, ленинскому делу строительства социализма в СССР. <... > Невозможно скрыть. Люди будут выходить из тюрем, приезжать к родным, расскажут родственникам, друзьям, товарищам, как всё было.

<... > Именно на <... > съезде мы должны чистосердечно рассказать всю правду о жизни и деятельности нашей партии <... > Когда от бывших заключенных партия узнает правду, нам скажут: позвольте, как же это так? Состоялся XX съезд, и там нам ни о чем не рассказали? И мы ничего не сумеем ответить. Сказать, что мы ничего не знали, будет ложь. <... > Даже у людей, которые совершили преступления, раз в жизни наступает такой момент, когда они могут сознаться, и это принесет им если не оправдание, то снисхождение»[24].

Некоторые из этих людей, непосредственно принимавших участие в преступлениях Сталина и своим продвижением по карьерной лестнице обязанных уничтожению предшественников на высоких постах, выражали в какой-то степени сожаление — сожаление, конечно, деланное, небескорыстное, сожаление политиканов, но все же сожаление. Однако это вовсе не значило, что кто-то из них пытался остановить убийства. У Хрущева хватило на это решимости, хотя в том же 1956 году он не колеблясь двинул советские танки на восставший Будапешт.

В 1961 году на XXII съезде КПСС Хрущев говорил уже не только о жертвах среди коммунистов; он напомнил обо всех жертвах Сталина и даже предложил воздвигнуть им памятник в Москве. Это был явный подступ к черте, за которой пришлось бы затронуть сам принцип режима: монополию партии на абсолютную власть. Памятник никогда не был поставлен. В 1962 году первый секретарь разрешил публикацию *Одного дня Ивана Денисовича* Александра Солженицына, и не прошло двух лет, как 14 октября 1964 года Хрущев был насильственно смещен со всех своих постов. За этим, однако, не последовало его ликвидации, он тихо умер своей смертью в 1971 году.

Все аналитики признают решающее значение «тайного доклада», резко перечеркнувшего траекторию полета коммунизма XX века. Франсуа Фюре, по-

рвавший в 1954 году с Французской коммунистической партией, писал в связи с этим: «Итак, тайный доклад февраля 1956 года сразу же, как только он стал известен на Западе, решительно изменил статус коммунистической идеи во всем мире. Изобличающий преступления Сталина голос донесся не с Запада, он прозвучал из Москвы, из ее святая святых, из Кремля. Он принадлежал не коммунисту-отступнику, но первому коммунисту мира, главе Коммунистической партии Советского Союза. Вместо того, чтобы вызывать подозрения в предательстве, что происходило с прежними выступлениями экс-коммунистов, он был подтвержден всем авторитетом, каким наделяла партия своего вождя. <... > Могучая власть тайного доклада над умами подтверждается тем, что не нашлось никого, кто осмелился бы его опровергать»[25].

Этот факт тем более парадоксален, что с самого начала многие современники предостерегали большевиков против подобных действий. С 1917—1918 годов внутри социалистического движения противостояли друг другу поверившие в «свет с Востока» и беспощадные критики большевиков. Особенно споры касались методов Ленина: насилия, преступлений, террора. Несмотря на то, что в 20—50-е годы темная сторона большевистского эксперимента разоблачалась множеством свидетелей, жертв и специалистов по изучению режима в бесчисленных статьях и книгах, нужно было дожидаться, пока сами стоящие у власти коммунисты не признают, пусть осторожно и в ограниченных масштабах, эту реальность, чтобы в общественном мнении все шире и шире начало проявляться сознание истинности произошедшей драмы. Признание коммунистов было половинчатым, поскольку касалось только пострадавших товарищей по партии, но все-таки это было признание. Оно снимало обвинение в клевете с прежних свидетельств и явилось первым подтверждением того, что каждый подозревал уже давно: коммунизм стал причиной многих трагедий России.

Руководители «братских партий» не торопились вступать на путь разоблачений. От первооткрывателя Хрущева они сильно отстали: надо было ждать годы, чтобы Коммунистическая партия Китая отделила в политике Мао на «великие заслуги» — до 1957 года —от «великих ошибок» последующкх лет. Вьетнамцы увильнули от решения этого вопроса, осудив лишь геноцид, учиненный Пол Потом. Что же касается Кастро, тот вообще отрицал, что под его руководством совершались какие-либо насилия.

До того момента разоблачение коммунистических преступлений было делом либо врагов коммунизма, либо троцкистских или анархистских диссидентов; они не давали особенного эффекта. Желание изобличить преступников было так же сильно у тех, кто спасся от коммунистических убийц, как и у тех, кто вырвался из лап нацистов. Но их слушали плохо или не слушали вовсе. Особенно это относится к Франции, где советский концентрационный опыт затронул непосредственно очень узкий круг людей, таких, например, как насильственно мобилизованные в германскую армию жители Эльзаса и Лота рингии [26]. Показания свидетелей, труды независимых комиссий, созданных по инициативе отдельных личностей (как, например, упоминавшаяся выше комиссия Давида Руссе или Комиссия по раскрытию правды о сталинском режиме), тут же перекрывались барабанным боем коммунистических пропагандистов, сопровождаемым трусливым или равнодушным молчанием. Это молчание, следовавшее за краткими вспышками интереса после появления таких неопровержимых свидетельств, как *Архипелаг ГУЛАГ* Александра Солженицына, или Колымские рас*сказы* Варлама Шаламова, или *Смертоносная утопия* Пин

Ятхая[27], демонстрирует закоснелость западного общества перед лицом коммунистического феномена. До настоящего времени оно не хотело признавать, что коммунистическая система имеет, по сути, криминальный характер. Своим отказом оно способствовало распространению лжи, в том смысле, как это понимал Ницше: «Отказаться видеть то, что видишь, отказаться видеть что-то так, как оно есть».

Несмотря на все трудности, с которыми сталкивались приступающие к рассмотрению этого вопроса, такие попытки не прекращались. В 20—50-е годы исследования — за неимением более достоверных сведений, тщательно скрываемых советским режимом, — базировались в основном на свидетельствах перебежчиков. Эти свидетельства были спорными для историков, как всякие свидетельские показания. К тому же они постоянно дискредитировались наемными или добровольными адептами коммунизма. Как можно было поверить в 1959 году описанию ГУЛАГа, данному перебежчиком из высших чинов КГБ, которое приводил в своей книге Поль Бартон?[28] Да и что думать о самом Бартоне (настоящее имя Иржи Велтрусский), одном из организаторов Пражского антинацистского восстания 1945 года, принужденном бежать из своей страны в 1948 году? Однако сопоставление его сведений с данными ставших недавно доступными архивов показало, что Бартон в 1959 году был прав.

В 70—80-е годы великий *труд Архипелаг ГУЛАГ,* а следом *Узлы,* посвященные революции в России, потрясали умы. Это было потрясение литературой, потрясение гениальностью летописца, раскрывшего всю страшную суть описываемой им системы. Но Солженицын с большим трудом пробивал защитный покров лжи, наталкиваясь на сильное сопротивление; некоему журналисту из влиятельной французской газеты даже пришло в голову сравнить Солженицына в 1975 году с Пьером Лавалем, Дорио и Деа*, «принимавшими наци, как освободителей»[29]. Тем не менее свидетельство Солженицына первым пробило брешь в равнодушии общества, наравне с шаламовскими рассказами о Колыме и книгой Пин Ятхая о Камбодже. Совсем недавно один из ведущих советских диссидентов времен Брежнева Владимир Буковский выступил с еще одним громким протестом (известным под названием *Процесс в Москве),* требуя осудить действия коммунистического режима на новом Нюрнбергском процессе[30]. Книга Буковского имела заслуженный успех на Западе. Одновременно пышным цветом расцвели и реабилитирующие Сталина публикации[31].

Какие же мотивы могут сейчас, в самом конце XX века, побудить нас к реанимации исследований в этой области, столь трагической, столь мрачной, столь чреватой полемикой? Сегодня архивы не только подтверждают отдельные свидетельства, но и позволяют идти гораздо дальше. Тайники карательных органов бывшего Советского Союза, бывших стран народной демократии

*Пьер Л аваль (1883—1945) — французский политический деятель, министр во многих предвоенных правительствах, дважды занимал пост Председателя кабинета министров; некоторое время возглавлял колаборационистское правительство Виши. В 1945 г. бежал вместе с немецкими оккупантами, но был арестован американцами в Австрии и передан французским властям. В том же году расстрелян по приговору суда. Жак Дорио (1898—1945) проделал путь от генерального секретаря Союза коммунистической молодежи Франции (1924) до основателя и вождя фашистской Французской народной партии (1936). Организовал и возглавил «антибольшевистский легион», сражавшийся в составе германских войск на Восточном фронте. Марсель Деа (1894—1955), — в предвоенные годы фашиствующий журналист, выступавший за «умиротворение» Гитлера (статья «Умирать за Данциг?»), член правительства Виши. После разгрома Германии бежал из Франции. *(Прим. ред.)*

Камбоджи проливают свет на ужасающую реальность: массовый и систематический характер террора, который в огромном большинстве случаев смыкался с преступлениями против человечности. Настал час подойти научно — с документированными неопровержимыми фактами, освободившись от всяких политико-идеологических нагрузок, — к решению периодически возникающего перед всеми наблюдателями вопроса: какое место занимают преступления в коммунистической системе?

Каким может быть в этой перспективе наш специфический вклад? Наша работа основывается прежде всего на понимании нами долга историка. Никакая тема не может быть табуирована для историка, никакие соображения — политические, идеологические или личные — не должны помешать познанию, извлечению из-под спуда и истолкованию фактов, особенно когда факты долго и умышленно утаивались в секретных архивах и в глубинах угнетенного сознания. Ибо история коммунистического террора составляет важнейшую сторону европейской истории XX века, одну из граней огромной историографической проблемы тоталитаризма. У этой проблемы есть не только гитлеровская, но и ленинско-сталинская версия, и нельзя удовлетвориться слепой на один глаз историей, игнорирующей коммунистическую сторону проблемы. Не более пригодна и позиция, в которой история коммунизма замыкается в национальных, социальных и культурных рамках. Тем более что феномен тоталитаризма не ограничен Европой и советским экспериментом. Равным образом он имел отношение и к маоистскому Китаю, и к Северной Корее, и к Камбодже Пол Пота. Каждый национальный коммунистический режим был связан своего рода пуповиной с советским материнским организмом и по-своему способствовал развитию этого мирового движения. История феномена, который нам предстоит рассматривать, есть история явления, захватывавшего во всем мире одну позицию за другой и затронувшего все человечество.

Еще один наш долг — долг памяти. Существует нравственная обязанность чтить память мертвых, тем более если эти мертвые — невинные и безымянные жертвы молоха абсолютной власти, стремившейся стереть даже воспоминание о них. После падения Берлинской стены, после краха центра коммунистического могущества в Москве Европа, родина трагического эксперимента, встала на путь восстановления общей памяти. Авторы этой книги тоже носители такой памяти: судьба одного из них связана с Центральной Европой, судьба другого — с идеями революции и ее практикой — событиями 1968 года и более поздними.

Необходимость исполнения этого двойного долга перед историей и памятью обусловлена разными факторами. В одних случаях он касается стран, где коммунизм никогда не давил ни на общество, ни на государство, — таких как Великобритания, Австралия, Бельгия и т. д. В других — речь идет о странах, где коммунизм, даже не будучи у власти, обладал возможностями тревожащими (Соединенные Штаты после 1946 года) или угрожающими (Франция, Италия, Испания, Греция, Португалия). В тех странах, где коммунизм только что утратил власть, принадлежавшую ему на протяжении десятилетий, — в России, в странах Восточной Европы — обязательность отдания этого долга очевидна. И, наконец, он мерцает слабым огоньком во мраке тех стран, где коммунисты еще стоят у власти, — Китай, Северная Корея, Куба, Лаос, Вьетнам.

Поэтому позиция наших современников разнится в свете истории и памяти. В первых двух случаях это относительно простое положение узнаю-

щих и размышляющих. В третьем случае они сталкиваются с необходимостью национального примирения, независимо от того, подвергаются палачи наказанию или нет. В этом отношении объединенная Германия являет удивительный, граничащий с чудом пример, тем более впечатляющий на фоне развала Югославии.

Но в бывшей Чехословакии (превратившейся в Чехию и Словакию), Польше, Камбодже еще очень свежа память о страданиях времен коммунизма. Некоторая степень амнезии, стихийной или предписанной официально, кажется здесь необходимой для того, чтобы залечить моральные, психические, эмоциональные раны, нанесенные всем и каждому полувековым, или около того, господством коммунизма. Там же, где коммунизм все еще у власти, палачи и их наследники либо придерживаются тактики систематического запирательства, как в Китае или на Кубе, либо не стесняются открыто отстаивать террор как метод управления — примером здесь служит Северная Корея.

Этот долг перед историей и перед памятью, несомненно, относится к категориям моральным. И некоторые могут спросить нас: «А кто уполномочил вас определять Добро и Зло?»

Мы обратимся здесь к тем целям, которые имела в виду Католическая Церковь, когда с разницей в несколько дней папа Пий XI осудил в двух энцикликах нацизм *(Mit Brennender Sorge,* 14 марта 1937 года) и коммунизм *(Divini redemptoris,* 19 марта 1937 года). В последней утверждалось, что Богом дарованы человеку «право на жизнь, право на неприкосновенность личности и на необходимые средства к существованию; право придерживаться до смертного конца стези, указанной Богом; право на объединение в общества, на собственность и на пользование этой собственностью». И если даже признавать некоторое лицемерие Церкви, спокойно взиравшей на обогащение одних за счет других, ее слово об уважении к человеческому достоинству не становится менее значимым.

Еще в 1931 году Пий XI писал в энциклике Quadragesimo Anno: «Коммунизм в своем учении и в своих действиях преследует две цели, которые он не держит в тайне, не идет к ним окольными путями, а, напротив, заявляет о них совершенно открыто и стремится к их достижению всеми средствами, не останавливаясь перед насилием. Эти цели — ведение беспощадной классовой борьбы и полное исчезновение частной собственности. Здесьнет ничего, на что бы он не решился, здесь нет ничего, что он стал бы уважать. Там, где он захватывает власть, он являет себя диким и бесчеловечным до такой степени, что в это нельзя было бы поверить, если бы об этом не свидетельствовали чудовищные убийства и разрушения, совершенные им в Восточной Европе и в Азии». Предостережение исходило от института, который в течение многих веков во имя своей веры оправдывал убийство еретиков, покрывал Инквизицию, душил свободомыслие и которому еще предстояло благословить диктаторские режимы Франко и Салазара.

Однако если Церковь играла присущую ей роль морального цензора, то какова же должна быть реакция историка на «героические» рассказы о «добле-тях» сторонников коммунизма и патетические свидетельства их жертв? В *Замогильных записках* Франсуа Рене де Шатобриан пишет: «Когда в этом мерзком безмолвии раздаются только звон рабских цепей и голоса доносчиков, когда все трепещет перед тираном и так же опасно попасть к нему в фавор, как и навлечь на себя его немилость, тогда является историк, и ему поручено вершить

народное отмщение. Пусть благоденствует Нерон, в его империи уже родился Тацит»[32]. Мы далеки от мысли взвалить на свои плечи бремя загадочного «народного отмщения», в которое, кстати, Шатобриан к концу своей жизни не верил, но на своем скромном уровне историк должен, почти независимо от своей воли, стать голосом тех, кто не мог в условиях террора сказать правду о своей участи. Он здесь, чтобы выполнять работу исследователя, идущего по пути: память — история — познание; его первейший долг состоит в установлении фактов и элементов истины, которые и становятся основой познания. Но помимо того, его отношения с историей коммунизма имеют особый характер: он вынужден стать историографом лжи. И если даже открывшиеся архивы предоставят ему необходимые материалы, в обращении с ними он должен остерегаться наивного простодушия: ведь множество сложных вопросов являются предметом контроверз, не лишенных нередко задней мысли. Тем не менее результатом этого исследования должен быть приговор, основанный на непреложном принципе уважения к законам представительной демократии и — особенно — признания ценности человеческой жизни и человеческого достоинства.

Помимо общих соображений, у некоторых из авторов этой книги существуют и личные причины, побуждающие приступить к работе по исполнению долга перед историей и памятью. Авторам когда-то вовсе не было чуждо преклонение перед идеями коммунизма. Более того, на своем скромном уровне они принимали участие в идейной борьбе внутри коммунистического стана, вставая в одном случае на сторону ленинско-сталинских ортодоксов, в дру-ом — на сторону «ревизионистов» и диссидентов (троцкистов, маоистов). Именно потому, что они долгое время находились среди приверженцев лагеря левых, им стоит проанализировать причины своего былого ослепления. Работа мысли уже направила их по пути познания, отмеченному, как вехами, вы-ором темы своего исследования, своими научными публикациями и своим сотрудничеством в журналах *«La Nouvelle Alternative», «Commumsme».* Данная книга — промежуточный итог таких размышлений. Взяться за нее побудило еще и сознание того, что нельзя оставить правым экстремистам привилегию быть единственными глашатаями истины в этом вопросе; мы анализируем и осуждаем преступления коммунизма не во имя национал-фашистских идей, а во имя демократических ценностей.

В нашей книге много слов и мало изобразительного материала. Здесь мы касаемся причины трудностей в освещении коммунистических злодеяний. В современном информационно-насыщенном обществе изобразительный материал — фотографический или телевизионный — самый убедительный путь воздействия на общественное мнение. Мы же располагаем лишь редкими фото из архивов ГУЛАГа и подобных учреждений Китая, нет никаких фотографий, относящихся к раскулачиванию или к голоду времени «большого скачка». Победители Нюрнберга могли пользоваться фото- и киноизображениями горы трупов в лагере Берген-Бельзен, фотографиями, сделанными самими палачами, как, например, та, где изображен немецкий офицер, расстреливающий женщину с ребенком на руках. Ничего подобного не предоставляет нам мир коммунизма, где террор проводился в условиях строжайшей тайны.

Пусть же читатель не удовлетворяется лишь приведенными здесь иллюстративными документами. Пусть не пожалеет он труда, чтобы познать, страни-

ца за страницей, тот крестный путь, которым прошли миллионы людей. Пусть напряжет все силы своего воображения, чтобы представить себе грандиозную трагедию, оставившую на долгие годы глубокий след в мировой истории. И тогда перед ним встанет, пожалуй, самый важный вопрос: почему? Почему Ленин, Троцкий, Сталин и другие считали необходимым уничтожать всех, кто представлялся им «врагами»? Почему сочли они себя вправе преступить священную заповедь, обращенную ко всему человечеству: «Не убий»? Мы попытаемся ответить на этот вопрос к концу этой книги.

Полное издание книги включает 5 частей:

1.«Государство против своего народа»;

2.«Мировая революция, гражданская война и террор»;

3.«Восточная Европа - жертва коммунизма»;

4.«Коммунистические режимы Азии: от «перевоспитания» - к кровавой резне»;

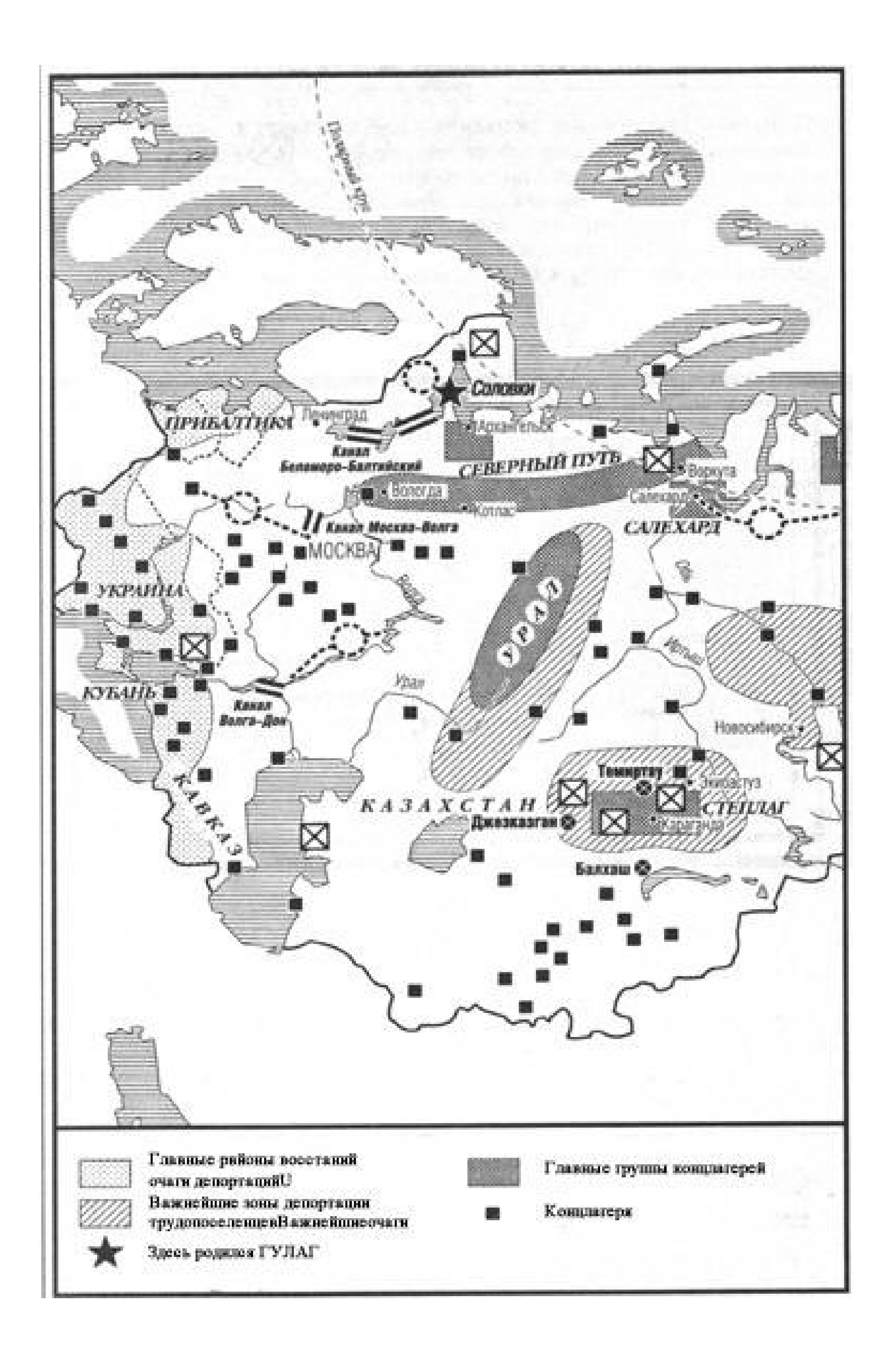
5.«Третий мир».

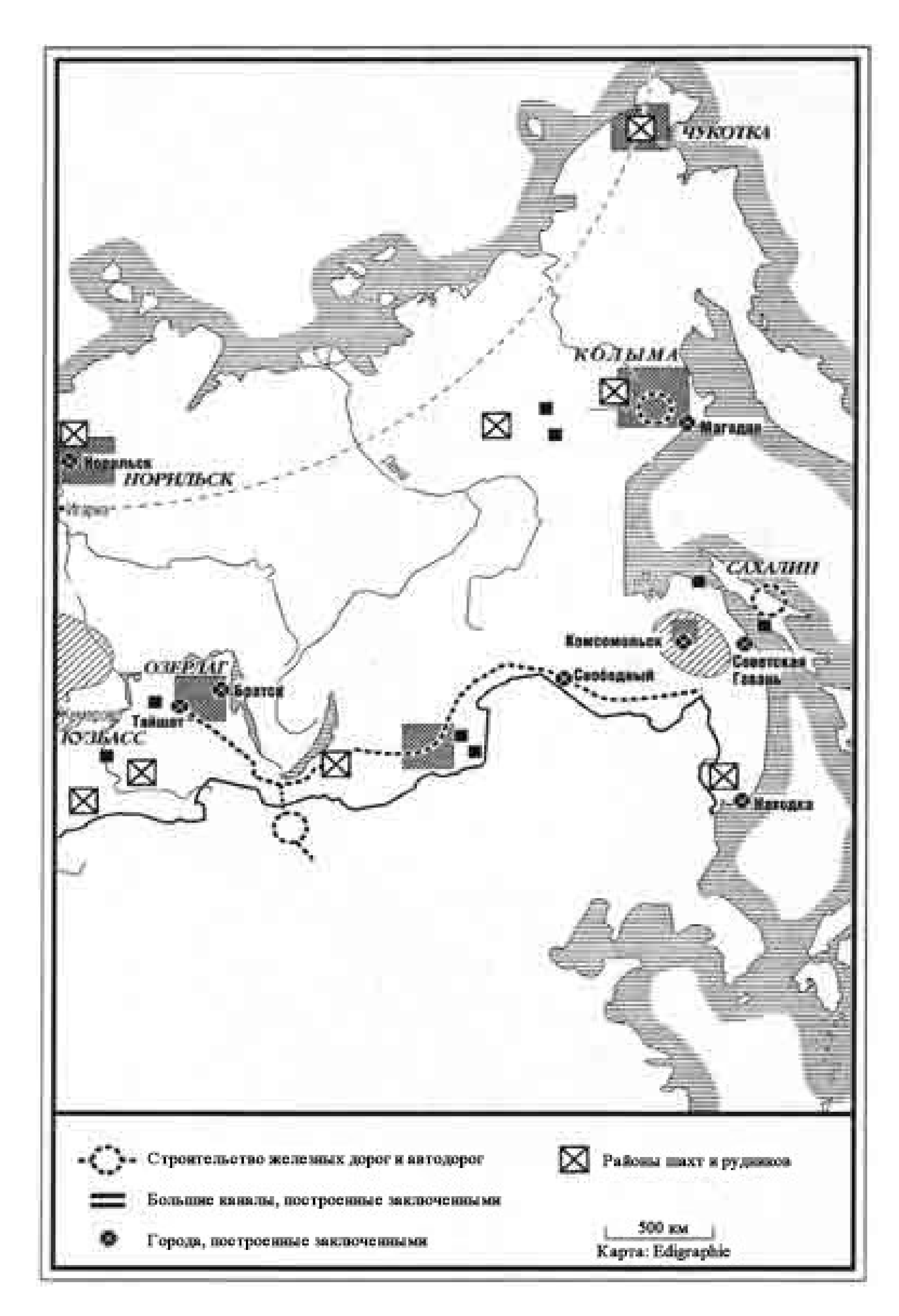
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Николя Верт

ГОСУДАРСТВО ПРОТИВ СВОЕГО НАРОДА

НАСИЛИЕ, РЕПРЕССИИ И ТЕРРОР В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Соловки
Ленинград
ПРИБАЛТИКА
Архангельск
Канал Беломоро-Балтийский
СЕВЕРНЫЙ ПУТЬ
Воркута
Вологда
Котлас
Салехард
САЛЕХАРД
Канал Москва-Волга
МОСКВА
УКРАИНА
УРАЛ
КУБАНЬ
Канал Волго-Дон
Урал
Новосибирск
Темиртау
Экибастуз
КАВКАЗ
КАЗАХСТАН
Джезказган
СТЕПЛАГ
Караганда
Балхаш
Главные районы восстаний очаги депортацийU
Важнейшие зоны депортации трудопоселенцевВажнейшиеочаги
Здесь родился ГУЛАГ
Главные группы концлагерей
Концлагеря

Архипелаг ГУЛАГ

Прибалты
Поляки
Украинцы
Молдаване
Болгары
Греки
Татары
Немцы
Греки
Карачаевцы
Месхетинцы
Калмыки
Хемшины
Курды
Корейцы
ЭСТОНИЯ
ЛАТВИЯ
ЛИТВА
БЕЛОРУССИЯ
МОЛДАВИЯ
УКРАИНА
ГРУЗИЯ
АРМЕНИЯ
АЗЕРБАЙДЖАН
ТУРКМЕНИЯ
УЗБЕКИСТАН
КАЗАХСТАН
КИРГИЗИЯ
ТАДЖИКИСТАН
РОССИЯ
Ленинград
Минск
Киев
Москва
Ярославль
Волга
Обь
Енисей
Лена
Омск
Томск
Новосибирск
Красноярск
Иркутск
Алтай
Владивосток
Баку
Джамбул
Фрунзе
Алма-Ата
Ташкент
Душанбе

1. Балкарцы
2. Чеченцы и ингуши

Греки — Депортированные народы
Направление депортаций
Зоны размещения депортированных

750 км
Карта: Edigraphie

КАРТА ДЕПОРТАЦИЙ НАРОДОВ

1-ый
2-ой
3-ий
4-ый
от Тайшета до Братска 300 км

угольный карьер
«золотые прииски»
центральная больница
лагерь — животноводческая ферма
(перенесен затем на 185 км)
инвалидный лагерь
механические мастерские
ТАЙШЕТ
кирпичный завод
лесопилка
деревобумажный комбинат
больница №2
«гробовой» лагерь
инвалидный лагерь
БРАТСК
Братское водохранилище

Лагерь политзаключенных
Лагерь уголовников
Дополнительный лагерь
Пересылочный лагерь (f — женщины, h — мужчины)
Лагерь японских военнослужащих
Сельскохозяйственный лагерь
Женский лагерь
Лагерь «мамок»
Лагерная больница
Лагерное кладбище
Главная администрация лагерей
Местная лагерная администрация

Железнодорожные разъезды:
1. Гоголевка
2. 30 км
3. Борисово
4. Квиток
5. 49–50 км. Топорок
6. 56 км. Невельская
7. 65 км. 5-й разъезд
8. 74 км
9. 6-й разъезд
10. 86–87 км
11. 100-й км. Паргум
12. 105 км
13. 110 км
14. 116 км. Новочунка
15. 120 км
16. 124 км
17. Коньяки
18. 129 км. Сосновый источник
19. 136 км
20. 141 км. Чуна
21. 152 км
22. 173 км. Чукча
23. Савельевка
24. 175 км
25. 185 км
26. 191 км
27. 210–211 км. Торея
28. 225–226 км. 17-й разъезд
29. 237–238 км. 18-й разъезд
30. 245–246 км. Тюрьма
31. 258–259 км. 19-й разъезд
32. 272 км. Вихоревка
33. Кузнецовка
34. Моргондан
35. Чекновский
36. Падун
37. Гидрострой

Источник: Leonid Moukhine in Ozerlag 1937–1964, Édition Autrement, coll. Mémoires, 1991, Paris

АРХИПЕЛАГ ОЗЕРЛАГ

1

Парадоксы Октября

С крушением коммунизма отпала необходимость подчеркивать историческую неизбежность *Великой Октябрьской социалистической революции.* 1917 год может наконец стать нормальным объектом исторического исследования. К сожалению, ни историки, ни, самое главное, общество в целом не готовы порвать с основным мифом об этом нулевом годе, годе, с которого все началось, то ли к счастью народа России, то ли ему на беду.

Эта мысль свидетельствует об удивительном постоянстве: через восемьдесят лет после события все еще продолжается борьба за «право на рассказ» о нем.

Для одной школы историков, которую можно назвать «либеральной», Октябрьская революция была путчем, который силой навязала пассивному обществу кучка циничных заговорщиков, не имевших какой-либо реальной опоры в стране. Сегодня большинство русских историков, как и культурная элита и правящие круги посткоммунистической России, усвоили эту либеральную «истину». Лишенная всякой социальной и исторической содержательности, Октябрьская революция 1917 года предстает теперь несчастным случаем, перечеркнувшим естественный ход развития предреволюционной России, страны богатой, трудолюбивой, стоявшей на верном пути к демократии.

Провозглашается это громко и настойчиво, но на деле мы наблюдаем примечательную преемственность правящей элиты, почти поголовно состоящей из коммунистической *номенклатуры;* ее символический разрыв с «чудовищными извращениями советской системы» — главный козырь, с помощью которого русское общество освобождается от груза виновности, от неуклюжего раскаяния времен перестройки, отмеченных новыми печальными разоблачениями сталинизма. Если государственный переворот 1917 года был всего лишь несчастным случаем, русский народ — всего лишь его невинная жертва.

Сталкиваясь с подобной интерпретацией, советская историография пыталась показать, что Октябрь 1917 года был прогнозируемым, неизбежным, логическим завершением пути, по которому сознательно пошли «народные массы» под водительством большевиков. Воплощенное в разных ипостасях, это историческое направление совмещает в себе борьбу за «право на рассказ» о 1917 годе и проблему легитимности советского режима. Если Великая Октябрьская Социалистическая Революция была осуществлением замысла истории, провозвестником грядущего освобождения народов всего мира, тогда политическая система, установления, государство, возникшие в результате этого события, были, вопреки всем прегрешениям сталинизма, абсолютно законны.

Крушение советского режима совершенно естественно повлекло за собой полную делегитимизацию Октябрьской революции и одновременно ис-

чезновение вульгарной марксистской концепции, отправленной, по известной большевистской формуле, «на свалку истории». Тем не менее так же, как и память о страхе, осколки этой расхожей теории оказались живучи, если не на Западе, то уж в бывшем Советском Союзе безусловно.

Отбросив как либеральную, так и марксистскую вульгаризацию, третье историографическое направление стремится «деидеологизировать историю» русской революции и понять, как написал Марк Ферро, что «Октябрьская революция вполне могла отвечать устремлениям народа, но что реально в ней приняли участие немногие». Среди вопросов о 1917 годе, которые приходится сегодня решать историкам, отказавшимся от упрощенной либеральной схемы, основными являются следующие: Какую роль сыграли милитаризация экономики и известное огрубление социальных отношений вследствие вступления Российской империи в Первую мировую войну? Явилась ли вспышка социального насилия тем самым средством, которое расчистило путь к насилию политическому, обернувшемуся затем против общества? Как могла народная, даже простонародная, революция, антиавторитарная и антигосударственная по своему содержанию, привести к власти группу сторонников самой жестокой диктатуры и подавляющей роли государства? Какую связь можно установить между неоспоримой радикализацией русского общества в течение всего 1917 года и большевизмом?

Прошло достаточно времени, появилось немало работ в области конфликтологии, и в этом свете Октябрьская революция предстает перед нами как одномоментная конвергенция двух факторов: захвата политической власти партией, решительно отличавшейся от всех других своей организацией, тактикой, идеологией, — и широчайшей социальной революции, многообразной и самостоятельной. Эта социальная революция проявлялась прежде всего в виде широкомасштабного крестьянского восстания, мощного движения, уходящего корнями в глубины истории, отмеченной не только вековой ненавистью к помещикам-землевладельцам, но и присущим крестьянству недоверием к городу, ко всему внешнему миру, ко всякой форме государственного вмешательства.

Период лета и осени 1917 года видится теперь как победоносный финал цикла восстаний, начавшегося в 1902 году и впервые поднявшегося до кульминационной отметки в 1905—1907 годах. 1917 год является решающим этапом масштабной аграрной революции, борьбы между крестьянами и помещиками за владение землей, за осуществление вожделенного «черного передела», т. е. перераспределения всех сельскохозяйственных угодий по числу едоков в каждом хозяйстве. Но это был и важный этап в столкновениях крестьян, протестовавших против давления города, с государственной властью. В этом смысле 1917 год есть только звено в цепи противостояний, резко обострявшихся в 1918— 1922 годах, затем в 1929—1933 годах и закончившихся полным разгромом крестьянского мира, срубленного под корень насильственной коллективизацией.

Параллельно с крестьянской революцией отметим и глубочайшее разложение армии: почти десять миллионов крестьян, одетых в солдатские шинели, едва ли понимали смысл войны, которую они вели три с лишним года, — почти все военачальники жаловались на отсутствие патриотизма у этих солдат-крестьян, чей политический и гражданский героизм ограничивался околицей родного села.

Третий слой, задетый революционным брожением, составлял около 3% активного населения, это было политически активное меньшинство, сконцен-

трированное преимущественно в городах, — рабочий класс. Этот класс сосредоточил в себе все противоречия бурной модернизации российской экономики, породившей в течение жизни всего одного поколения именно рабочее движение под подлинно революционными лозунгами: «Рабочий контроль» и «Власть Советам».

Четвертой составляющей революционного движения было стремление нерусских народов царской России к автономии, а в дальнейшем к независимости от центральной власти.

Каждое из этих движений имело свои собственные временные параметры, внутреннюю динамику, свои специфические чаяния, которые явно не ограничивались ни большевистскими лозунгами, ни деятельностью большевистской партии. И все эти движения на протяжении 1917 года действовали как *разрушительные силы,* способствующие развалу традиционных учреждений, а если говорить более общо, всяких форм управления. На короткий, но решающий момент (конец 1917 года) выступление большевиков — политического меньшинства, действовавшего, по сути дела, в вакууме, — совпало со стремлениями большинства, хотя цели и средства их достижения различались у тех и у других. На один миг совпали, точнее сказать, слились воедино государственный переворот и социальная революция, перед тем как разойтись на несколько десятилетий — и это были десятилетия диктатуры.

Социальные и национальные движения, приведшие к взрыву осенью 1917 года, развивались в весьма необычной обстановке всеобщей войны, которая сама по себе была источником общего упадка и огрубления, экономического кризиса, социальных потрясений и падения авторитета государства.

Первая мировая война никак не могла способствовать ни укреплению власти государя, ни консолидации общества, и без того достаточно разобщенного; напротив, она разоблачила слабости самодержавного режима, уже поколебленного революцией 1905—1907 годов, ослабленного непоследовательной политикой, когда власти то нехотя уступали давлению общества, то делали попытки вернуться на путь консерватизма. Война обнажила также слабые места еще неоконченной модернизации экономики, в большой степени зависящей от регулярного притока иностранных капиталовложений, специалистов и технологий. Она углубила и без того глубокую трещину между Россией городской — Россией промышленной, Россией правящей — и Россией деревенской, никак не участвующей в управлении, замыкающейся в своих местных, общинных структурах.

Как и другие участники всемирного конфликта, царское правительство рассчитывало на то, что война будет недолгой. Закрытие черноморских проливов и экономическая блокада резко выявили зависимость империи от экспорта. Потеря западных губерний, захваченных германскими и австро-венгерскими армиями в 1915 году, лишила Россию продукции польской индустрии, одной из самых развитых в империи. Национальная экономика не справлялась с трудностями затягивающейся войны: с 1915 года началась дезорганизация желе нодорожного транспорта, вызванная нехваткой запасных частей. Переход почти всех предприятий на обслуживание нужд армии подорвал внутренний рынок. Уже через несколько месяцев тыл начал ощущать недостаток промышленных товаров и страна узнала, что такое дефицит и инфляция. В деревне положение стремительно ухудшалось: внезапное прекращение земельного кредита, массовая мобилизация трудоспособных мужчин в армию, реквизиции

скота и зерна, нехватка промышленных товаров, нарушение правильного товарооборота между городом и селом свели на нет успешно развивавшийся процесс модернизации сельского хозяйства, начатый в 1906 году аграрной реформой премьер-министра Петра Столыпина, убитого в 1911 году. Три года войны еще более усугубили отношение крестьян к государству как к враждебной и чуждой им силе. Каждодневные притеснения в армейских частях, где с солдатом обращались как с крепостным, а не как со свободным гражданином, углубляли раскол между рядовым составом и офицерством, а военные поражения подрывали даже то, что еще оставалось от престижа императорской власти. Все это укрепляло живучие на селе древние и жестокие инстинкты, уже проявившие себя во время крестьянских восстаний 1902—1906 годов.

К концу 1915 года власть больше не владела ситуацией. На фоне беспомощности режима то тут, то там начали создаваться различные общественные комитеты и союзы, бравшие на свои плечи повседневную работу, которой государство не могло должным образом заниматься: заботу о раненых и увечных, снабжение городов и фронта. Широкое движение самоуправления, поднявшееся из глубин, о которых никто не подозревал, пробивалось на поверхность. Но для того, чтобы это движение восторжествовало над разрушительными силами, тоже делавшими свое дело, надо было, чтобы правительство оказало ему поддержку, протянуло руку навстречу.

Однако, вместо того чтобы перебросить мост между властью и наиболее положительными элементами гражданского общества, Николай II ухватился за сусально-монархическую утопию «царя-батюшки во главе православного воинства». Он принял на себя звание Верховного Главнокомандующего, что на фоне постоянных военных поражений явилось для самодержавия поступком самоубийственным. Изолированный в своем поезде в Ставке в Могилеве, Николай II с осени 1915 года в действительности уже не принимал непосредственного участия в управлении страной, зато резко возросла роль его жены, императрицы Александры Федоровны, крайне непопулярной из-за своего немецкого происхождения.

В течение всего 1916 года распад власти продолжался. Государственная дума, единственный выборный орган, какой бы малопредставительной она ни была, собиралась на заседания всего на несколько недель в году, министры сменялись беспрестанно, на смену одним, малокомпетентным и непопулярным, приходили другие, ничуть не лучше. Общественное мнение открыто обвиняло влиятельные придворные круги во главе с императрицей и Распутиным в предательстве национальных интересов. Становилось очевидно, что самодержавие более не способно вести войну. К концу 1916 года страна стала неуправляемой. В обстановке политического кризиса, отягощенного убийством в ночь с 17 на 18 декабря всесильного Распутина, резко возросло число забастовок, почти прекратившихся с началом войны. Антивоенная агитация добралась до армии, паралич транспорта обрушил всю систему снабжения. Режим, дискредитированный и ослабленный, был застигнут врасплох февралем 1917 года.

Падение царского режима, ставшее итогом пятидневных рабочих волнений и мятежа солдат* из Петроградского гарнизона, вскрыло не только ужаса-

* Военный гарнизон Петрограда составлял к февралю 1917 года около 200 тысяч солдат и офицеров, в основном запасных гвардейских полков, ожидавших отправки на фронт. Число участучаствовавших в солдатском мятеже в Петрограде в конце февраля 1917 года составляло десятки тысяч человек. *(Прим. ред.)*

ющую слабость царизма и дезорганизацию армии, где командиры не решались отдать солдатам приказ силой подавить народный бунт, но и полную политическую неподготовленность всех оппозиционных сил, от либералов-кадетов (Конституционно-демократическая партия) до социал-демократов.

Ни в какой момент этой стихийной революции, начавшейся на улице и закончившейся в уютных кабинетах Таврического дворца (местопребывание Думы), ее не возглавляла какая-либо определенная оппозиционная сила. Либералы испытывали страх перед улицей, социалисты боялись военного вмешательства. Между либералами, обеспокоенными необходимостью справляться со все возрастающими трудностями и социалистами, для которых революция была очевидно «буржуазной» (т. е. первым этапом пути, который со временем приведет к революции социалистической), сложились отношения, приведшие в конце концов к установлению так называемого двоевластия. С одной стороны, было заботившееся о порядке Временное правительство, идущее по пути парламентаризма и преследующее цель создания России капиталистической, современной, либеральной, верной обязательствам перед своими англофранцузскими союзниками. С другой стороны — власть Петроградского Совета, детища горстки социалистических активистов; их целью было создание, в духе традиции Санкт-Петербургского Совета 1905 года, самой прямой и самой революционной «власти трудовых масс». Но эта «власть Советов» была сама по себе чрезвычайно подвижной и изменчивой реальностью, зависящей от перемены настроений в ее местных, децентрализованных структурах и от столь же переменчивого и непостоянного общественного мнения.

Три состава Временного правительства, сменявшие друг друга в период между 2 марта и 25 октября 1917 года, показали полную его неспособность решить проблемы, доставшиеся в наследство от старого режима: экономический кризис, продолжение войны, рабочий и земельный вопросы. Либералы из партии конституционных демократов, преобладавшие в первых двух составах кабинета министров, так же, как меньшевики и социалисты-революционеры, составлявшие большинство в третьем, целиком принадлежали к городской культурной элите, к тем кругам интеллигенции, которые соединяли в себе наивную и слепую веру в «народ» и страх перед окружавшей их «темной массой», которую, впрочем, они знали совсем плохо. В большинстве своем они полагали (по крайней мере, в первые месяцы революции, поразившей их своим мирным характером), что необходимо дать полную волю демократи- ческому потоку, освобожденному сначала кризисом, а затем — падением старого режима. Превратить Россию в «самую свободную страну в мире» — такова была мечта прекраснодушных идеалистов вроде князя Львова, председателя двух первых послефевральских правительств.

«Душа русского народа оказалась мировой демократической душой по самой своей природе, — говорил он в одной из своих первых «председательских» речей. — Она готова не только слиться с демократией всего мира, но стать впереди нее и вести ее по пути развития человечества на великих началах французской революции: Свободы, Равенства и Братства».

Верное своим убеждениям, Временное правительство не скупилось на демократические шаги: провозглашались основные свободы, всеобщее избирательное право, запрещение всякой социальной, расовой и религиозной дискриминации, признание за Польшей и Финляндией права на самоопределение, обещание автономии для национальных меньшинств. Предполагалось, что все

эти меры вызовут широкий прилив патриотизма, укрепят социальное сотрудничество, убедят в неизбежности военной победы союзников над германским милитаризмом, прочнее соединят новый режим с западными демократиями. Из-за слишком щепетильного отношения к законности правительство отказалось, однако, предпринять в условиях продолжающейся войны ряд шагов, решив сделать их после выборов будущего Учредительного собрания, которые были намечены на осень 1917 года. Оно предпочло добровольно остаться «временным», отложив "на время" решение таких жгучих проблем, как вопрос о мире и вопрос о земле. Что же касается экономического кризиса, вызванного войной, то за все месяцы своего существования Временное правительство, подобно своим предшественникам, не смогло с ним справиться: проблемы снабжения, дефицит, инфляция, крах товарообмена, закрытие промышленных предприятий, взрыв безработицы только способствовали росту социальной напряженности.

В то время как правительство придерживалось выжидательной стратегии, общество продолжало самоорганизовываться. В течение нескольких недель возникли многочисленные советы, фабричные и заводские комитеты, вооруженная рабочая милиция («Красная гвардия»), крестьянские, солдатские, казачьи комитеты и даже комитеты домработниц. И во всех этих комитетах начались дискуссии, в ходе которых высказывались различные предложения, претензии, выдвигались требования, формировалось общественное мнение, — в общем, это был новый способ заниматься политикой. Истинный праздник освобождения, Февральская революция, высвободила накопленные за долгое время озлобленность и раздражение; новое русское слово *митингование* (перманентный митинг) стало антиподом парламентской демократии, о которой мечтали политики нового режима. В продолжение всего 1917 года требования, выдвигаемые общественными движениями, становились все более и более радикальными.

Рабочие начинали с экономических требований: восьмичасовой рабочий день, отмена штрафов и других жестких мер, социальное обеспечение, увеличение заработной платы, но вскоре они перешли к требованиям политическим, заключавшимся в коренном изменении отношений между работодателями и наемными работниками. На предприятиях организовывались комитеты, главной целью которых было помешать хозяевам останавливать предприятие под предлогом перебоев со снабжением, установить рабочий контроль над приемом и увольнением рабочих, а затем вообще взять под контроль все производство продукции. Однако для того чтобы рабочий контроль начал действовать, необходима была совершенно новая форма правления — «власть Советов». Только такая власть могла применить решительные меры, наложить секвестр на предпринимателей и даже национализировать их предприятия. Этот лозунг, совершенно неизвестный весной 1917 года, полгода спустя стал звучать все чаще и чаще.

В ходе революции 1917 года роль солдат — десяти миллионов крестьян в серых шинелях — стала решающей. Стремительный развал русской армии, обусловленный дезертирством и требованиями немедленного мира, играл роль привода в механизме общего краха. Солдатские комитеты, разрешенные пресловутым Приказом номер один, этой истинной Декларацией прав солдата, благодаря которой исчезли наиболее унизительные дисциплинарные правила, принятые в старой армии, непрерывно расширяли свои прерогативы. Они могли смещать того или иного командира и выбирать нового, они вмешивались в вопросы военной стратегии, являя собой небывалый образец «солдатской власти». Эта солдатская власть проложила путь своеобразному «окопному

большевизму», который Верховный Главнокомандующий русской армии генерал Брусилов охарактеризовал следующим образом: «Солдаты не имели ни малейшего представления о том, что такое коммунизм, пролетариат или конституция. Им хотелось только мира, земли да привольной жизни, чтоб не было ни офицеров, ни помещиков. Большевизм их был на деле всего лишь отчаянным стремлением к свободе без всяких ограничений, к анархии».

После провала последнего наступления русской армии в июне 1917 года сотни офицеров, заподозренных в «контрреволюции», были арестованы солдатами и многие из них убиты. Число дезертиров резко возросло и достигало в августе — сентябре нескольких десятков тысяч в день. Солдаты были воодушевлены лишь одним желанием: поскорее добраться домой, чтобы не пропустить дележа земли и скота, отобранных у помещиков. С июня по октябрь 1917 года более двух миллионов уставших воевать и голодать в окопах и гарнизонах солдат покинули части разлагавшейся армии. Их возвращение в родные деревни подлило масла в огонь усиливающихся беспорядков.

До наступления лета крестьянские волнения еще не достигали уровня 1905—1906 годов. Сразу же после известия об отречении царя на многих крестьянских сходах, как это обычно бывало после значительных событий, стали вырабатываться «наказы», в которых в письменной форме излагались основные крестьянские жалобы и пожелания. На первом месте стояло требование отдать землю тем, кто на ней трудится, немедленно перераспределить земли, не обрабатываемые крупными собственниками, пересмотреть в сторону снижения арендные платежи. Мало-помалу крестьяне стали организовываться, создавая в отдельных деревнях и селах, а также в волостях и уездах земельные комитеты, во главе которых, как правило, вставали представители сельской интеллигенции: учителя, священники, агрономы, земские врачи, близкие к партии социалистов-революционеров. Начиная с мая —июня 1917 года отношения в аграрном секторе резко обострились: боясь, как бы крестьяне, нетерпеливо ожидавшие перемен, не вышли из-под их влияния, многие земельные комитеты приступили к захвату сельскохозяйственного инвентаря и скота в помещичьих хозяйствах, выпасу на помещичьих пастбищах, вырубкам в помещичьих лесах. Эта унаследованная от отцов и дедов борьба за «черный передел» проходила не только за счет крупных землевладельцев, но затронула также и «кулаков», зажиточных крестьян, которые воспользовались реформой Столыпина и, будучи освобожденными от всех общинных тягот, вышли из состава сельских общин и обустраивались на своих, выделенных им в собственность, участках. Перед Октябрьской революцией эти крестьяне, превращенные во всех большевистских выступлениях в страшное пугало, заклейменные как «богатеи-мироеды», «деревенские буржуи», «эксплуататоры», «кулаки-кровососы», стали тенью самих себя. На самом деле, им пришлось уступить сельской общине большую часть своего скота, машин, земель, обращенных в общее пользование и разделенных по дедовскому принципу «на едоков».

В течение лета аграрные беспорядки делались все более и более ожесточенными, что объяснялось и сотнями тысяч дезертиров, хлынувших с фронта в деревню. Начиная с последних дней августа, крестьяне, уставшие ждать от правительства решения аграрных проблем, взялись за разграбление и поджоги помещичьих усадеб, безжалостно изгоняя их владельцев с насиженных мест. На Украине и в России — в Тамбовской, Пензенской, Воронежской, Саратов-

ской, Орловской, Тульской, Рязанской губерниях — были сожжены тысячи усадеб, убиты сотни их владельцев.

Перед лицом этого социального взрыва правительственные круги и политические партии — за примечательным исключением большевиков, о чьей тактике мы поговорим позже, — метались между попытками как-то контролировать ситуацию и соблазном вооруженного подавления беспорядков. Популярные среди тысяч рабочих меньшевики и наиболее влиятельная на селе партия — социалисты-революционеры, — согласившись в мае войти в правительство, обнаружили, что сам факт участия их представителей в правительстве, заботящемся о порядке и законности, лишает их возможности проводить давно задуманные ими реформы. Например, социалистам-революционерам не удалось осуществить •черный передел», или, пользуясь термином их программы, «социализацию» земли. Приняв участие в управлении «буржуазным» государством и в защите его, умеренные социалистические партии уступили «протестное поле» большевикам, не получив при этом никакой выгоды от участия в правительстве, с каждым днем все менее влияющим на положение в стране.

Сталкиваясь со все возрастающей анархией, промышленные магнаты, крупные землевладельцы, командование армией и многие обескураженные либералы склонялись к военному перевороту, который и был подготовлен генералом Корниловым. Путч провалился, правительство Керенского выступило против него. В случае победы военных, безусловно, была бы ликвидирована гражданская власть, которая при всей своей слабости всё еще цеплялась за формальное право управления страной. Неудача корниловского переворота 25—30 августа 1917 года вызвала окончательный кризис Временного правительства, переставшего контролировать все традиционные рычаги власти. В то время как наверху все еще продолжались политические игры, в которых сталкивались гражданские деятели и военные, стремившиеся к иллюзорной диктатуре, устои государства — юстиция, администрация, армия — рушились. Над правом глумились, власть во всех ее формах была поставлена под сомнение.

Была ли несомненная массовая радикализация городского и сельского населения признаком его большевизации? Оценка этой ситуации отнюдь не может быть однозначной. Под общими лозунгами «Рабочий контроль» и «Вся власть Советам» рабочие-активисты и большевистские вожаки подразумевали вовсе не одно и то же. В армии «окопный большевизм» отражал прежде всего общее стремление к миру, разделяемое всеми сражающимися во всех странах, вовлеченных в эту грандиозную и смертоубийственную мировую войну. Что же касается крестьянской революции, то она следовала своим собственным путем, более близким к программе социалистов-революционеров с их «социализацией» земли, чем к большевистской программе национализации земли и создания на ней крупных коллективных хозяйств. В деревне большевиков знали только по рассказам дезертиров — этих предвестников большевизма, бежавших из армии и принесших с собой два волшебных слова — мир и земля. Далеко не все недовольные вступали в партию большевиков, которая к октябрю 1917 года насчитывала по разным оценкам от ста до двухсот тысяч членов. Тем не менее в институциональном вакууме осени 1917 года, когда государственная власть уступила место бесчисленным комитетам, советам и прочим подобным структурам. достаточно было тесно сплоченного и дисциплинированного ядра, готового к решительным действиям, чтобы партия большевиков могла заполу-

чить власть и пользоваться ею совершенно непропорционально своим реальным силам.

С момента своего организационного оформления в 1903 году эта партия отличалась от всех других течений как российской, так и мировой социал-демократии прежде всего своей волюнтаристской стратегией свержения существующего порядка и своей концепцией организации партии — жестко структурированной, дисциплинированной, состоящей из отборных революционеров-профессионалов, партии — антипода расплывчатым массовым партиям, широко открытым для сочувствующих, для борьбы мнений и дискуссий, т. е. таким, какими были российские меньшевики и почти все европейские социал-демократы.

Первая мировая война еще раз подчеркнула специфичность ленинского большевизма. Отказываясь от сотрудничества с другими течениями социал-демократии, все больше оставаясь в изоляции, Ленин теоретически обосновал свою позицию в работе *Империализм как высшая стадия капитализма.* Он утверждал, что революция может вспыхнуть не только в странах с уже окрепшим и сильным капитализмом, но и в стране, еще недостаточно развитой экономически, — такой, как Россия — при условии, что во главе революционного движения станет дисциплинированный авангард, готовый идти до конца, т. е. к установлению диктатуры пролетариата и превращению войны империалистической в войну гражданскую.

В письме к одному из большевистских руководителей, Шляпникову, от 17 октября 1914 года, Ленин писал: «В ближайшем будущем наименьшим злом явилось бы *поражение* царизма в войне. <... > Главное в нашей работе (кропотливой, систематической, и, возможно, продолжительной) — попытаться превратить эту войну в войну гражданскую. Другое дело, когда этого удастся достичь; пока это неясно. Мы должны дать ситуации созреть и систематически подталкивать ее к созреванию... Мы не можем ни обещать, ни декретировать гражданскую войну, но наша задача работать, — столько, сколько понадобится, — *в этом направлении».*

Обнажив «противоречия между империалистами», «империалистическая война» опрокинула догмы классического марксизма и сделала весьма возможным революционный взрыв именно в отсталой России. На протяжении всей войны Ленин носился с идеей, что большевики должны быть готовы всеми силами содействовать развертыванию гражданской войны.

«Тот, кто признает классовую борьбу, — писал он в сентябре 1916 года, — должен признавать и гражданскую войну, которая в любом классовом обществе представляет собой естественное развитие и усиление классовой борьбы».

Большевики, чьи ведущие деятели по большей части были либо в ссылке, либо в эмиграции, не внесли сколько-нибудь заметного вклада в победу Февральской революции. В первые дни марта возвратившиеся из ссылки большевистские руководители, вошедшие в состав Петроградского Совета депутатовсклонялись, как и большинство Совета (меньшевики и эсеры), к сотрудничеству с Временным правительством. Ленин же, наперекор господствующему в среде петроградских большевиков мнению, предрекал скорое банкротство такой политики. В четырех *Письмах издалека,* написанных в Цюрихе между 7 и 12 марта, из которых большевистская *«Правда»* рискнула опубликовать, да и то с сокращениями, только первое — настолько они шли вразрез с проводимой вожаками большевиков политикой, — Ленин настаивал на немедленном раз -

рыве Петроградского Совета с Временным правительством в целях активной подготовки перехода к следующему, «пролетарскому», этапу революции. Для Ленина возникновение Советов было знаком, что революция уже прошла свою «буржуазную фазу» и революционные органы должны, не откладывая дела в долгий ящик, захватить власть, чтобы положить конец войне любой ценой, даже ценой гражданской войны, неизбежной при всяком революционном процессе.

Возвратившись в Россию 3 апреля 1917 года, Ленин продолжал отстаивать свою крайнюю позицию. В своих знаменитых *Апрельских тезисах* он вновь подтвердил неприятие парламентской республики и демократического процесса. Встреченные петроградской верхушкой большевиков с изумлением и неприязнью, идеи Ленина имели большой и значимый успех среди новых рекрутов партии, которых Сталин совершенно правильно называл *практиками,* противопоставляя их *теоретикам.* В течение нескольких месяцев малограмотные элементы, среди которых центральное место занимали крестьяне в солдатских шинелях, решительно возобладали над интеллектуальной городской частью партии, стреляными воробьями организованной политической борьбы. Обуянные жаждой насилия и злобой, выросшие на сельской ниве и орошенные кровью трехлетней войны, свободные от марксистских догм, о которых они мало что знали, эти политически малообразованные бойцы из народных масс, представители, так сказать, «плебейского» большевизма, постепенно затмевавшего большевизм «научный», интеллектуальный, не слишком интересовались вопросом, необходим ли «буржуазный этап» революции и не пора ли переходить к социализму. Сторонники прямых действий, переворота, они были яростными приверженцами того большевизма, где теоретические дебаты уступили место одному вопросу, поставленному на повестку дня, — взятию власти.

Между нетерпеливыми, рвущимися к авантюре низами — матросами Кронштадта, морской крепости вблизи Петрограда, некоторыми частями Петроградского гарнизона, красногвардейцами рабочих кварталов Выборгской стороны — и партийными верхами, опасавшимися краха всего дела из-за преждевременного выступления, пролегала очень узкая ленинская тропинка. На протяжении всего 1917 года партия большевиков, вопреки широко распространенному мнению, оставалась глубоко разделенной разнузданным напором одних и колебаниями других. Знаменитая партийная дисциплина стала скорее символом, чем реальной силой. К началу июля нетерпение низов, жаждущих схватиться с правительством врукопашную, привело, после кровавых демонстраций 3-5 июля, к объявлению партии большевиков вне закона, к аресту одних ее лидеров и уходу в подполье других, включая Ленина.

Неспособность правительства решить важнейшие проблемы, бессилие всех традиционных институтов власти, все более широкое развертывание социальных движений, неудача военного путча генерала Корнилова позволили большевикам к концу августа 1917 года снова появиться на сцене в ситуации, весьма благоприятной для захвата власти вооруженным путем.

И снова роль Ленина как теоретика и стратега вооруженного восстания оказалась решающей. За недели, предшествовавшие большевистскому перевороту 25 октября, Ленин разработал всю стратегию вооруженного захвата власти, который не должен быть затоплен стихийным возмущением «масс» и не должен быть обуздан «революционной законностью», о которой радели такие лидеры большевиков, как Зиновьев и Каменев, все еще не оправившиеся после

горького опыта июльских дней и считавшие, что к власти надо идти через завоевание решающего большинства в Советах социалистами-революционерами и социал-демократами всех направлений. Из своего финляндского подполья Ленин бомбардировал Центральный Комитет партии письмами и. статьями, призывающими к восстанию.

«Предложив немедленный мир и отдав землю крестьянам, — писал он, — большевики установят власть, которую *никто* не опрокинет... Не следует ждать поддержки со стороны *формального* большинства. Этого не ждет ни одна революция. Если мы не возьмем власть сейчас же, История нам этого не простит».

«... Если нельзя взять власть без восстания, надо идти на восстание тотчас», — вновь обращался он к членам ЦК в письме от 1 октября 1917 года.

Эти призывы были встречены многими большевистскими лидерами с большой долей скептицизма. К чему форсировать события, когда с каждым днем ситуация радикализируется всё больше? Не достаточно ли будет привлечь на свою сторону массы, одобряя их стихийные выступления, позволить действовать разрушительным силам социального протеста в ожидании II Всероссийского съезда Советов, назначенного на 20 октября? Большевики имеют все шансы получить там относительное большинство, поскольку представительство рабочих и солдатских Советов значительно шире Советов крестьянских, где доминируют эсеры (социалисты-революционеры). Однако Ленин указывал, что если переход власти состоится по воле съезда Советов, правительство, созданное таким образом, неизбежно будет коалиционным, и большевикам придется разделить власть с другими социалистическими партиями. Ленин же, месяцами добивавшийся власти для одних большевиков, настаивал, что власть надо непременно захватить вооруженным путем *перед* созывом II съезда Советов. Он понимал, что другие социалистические партии осудят вооруженный переворот, и им останется только играть роль оппозиции, отдав всю власть в руки большевиков.

Вернувшись тайно в Петроград, Ленин провел 10 октября заседание Центрального Комитета партии, на котором присутствовало двенадцать из двадцати одного его члена. После десяти часов дискуссий Ленину удалось убедить большинство собравшихся принять самое важное в истории партии решение: начать подготовку к вооруженному восстанию в самые короткие сроки. За это решение голосовало десять человек, против — двое: Зиновьев и Каменев, продолжавшие считать, что надо ждать созыва Съезда Советов. 16 октября приступил к работе Военно-революционный комитет (ВРК), во главе его встал Троцкий, которому удалось создать комитет, несмотря на противодействие умеренных социалистов. Формально ВРК был создан Петроградским Советом, но в его состав вошли большевики. Военно-революционный комитет должен был так подготовить и провести вооруженное восстание, чтобы большевиков не захлестнуло стихийное выступление неконтролируемых масс.

Как и рассчитывал Ленин, число непосредственных участников революции удалось ограничить четкими рамками: несколько тысяч солдат гарнизона Петрограда, матросы из Кронштадта, красногвардейцы, собранные ВРК, несколько сот большевистских активистов из заводских и фабричных комитетов. Лишь несколько мелких стычек, малое число жертв — все это свидетельствует о легкости, с которой совершился этот давно ожидаемый и не встретивший серьезного сопротивления переворот. Знаменательно, что захват власти осуществлялся от имени ВРК. Таким образом, большевики обеспечили всей полнотой государственной власти инстанцию, в которую не входил никто, кто не был бы

уполномочен Центральным Комитетом партии большевиков, и которая, следовательно, никак не зависела от съезда Советов.

Расчет Ленина оправдался полностью: поставленные перед свершившимся фактом «военного заговора, организованного за спиной Советов», умеренные социалисты демонстративно покинули зал заседания II съезда Советов. Большевики и поддержавшая их небольшая группа левых эсеров вынудили оставшихся в зале делегатов «узаконить» переворот, проголосовав за одобрение подготовленного Лениным текста о предоставлении «всей власти Советам». Эта чисто формальная резолюция позволила большевикам впоследствии поддерживать фикцию, которую принимали за правду: они правят от имени народа «страны Советов». Еще через несколько часов съезд, прежде чем разойтись, утвердил новое правительство — Совет Народных Комиссаров, возглавляемый Лениным. Затем были одобрены Декрет о мире и Декрет о земле, первые законы нового режима.

Очень скоро между новой властью и движениями, которые действовали по отдельности как силы, разрушавшие прежний экономический, политический и социальный порядок, стали возникать и множиться разногласия, а затем и конфликты. Прежде всего это касалось аграрной революции. Большевики, которые всегда отстаивали программу национализации земли, были вынуждены, столкнувшись с не очень расположенными к ним общественными силами«украсть» программу социалистов-революционеров и одобрить перераспределение земли в пользу крестьян. Декрет о земле, провозгласивший, что «помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа», ограничился, по сути дела, узакониванием самовольного захвата земель помещиков и кулаков, который осуществлялся в деревнях уже с лета 1917 года. Временно «приклеившись» к этой самостоятельной крестьянской революции, так облегчившей им путь к власти, большевики вернулись к своей программе двенадцать лет спустя. Насильственная коллективизация села, ставшая апогеем борьбы между победителями Октября и крестьянством, явилась трагическим разрешением разногласия 1917 года.

Второе разногласие возникло в отношениях большевистской партии со всеми учреждениями, которые одновременно участвовали и в сломе прежних органов управления и в борьбе за утверждение и расширение своей собственной компетенции: с заводскими, фабричными, районными и профсоюзными комитетами, с социалистическими партиями, Красной гвардией и, что особен

но парадоксально, с Советами. За несколько недель эти учреждения были лишены своей власти, подчинены партии большевиков или исчезли. «Вся власть Советам» — самый, без сомнения, популярный лозунг в России октября 1917 года — в один миг обернулся властью большевистской партии над Советами. Что же касается «рабочего контроля», еще одного важнейшего требования пролетариев Петрограда и других крупных индустриальных центров, от имени которых якобы действовали большевики, то он столь же быстро превратился в контроль государства, именующего себя «рабочим», над предприятиями и трудящимися. Между властью и рабочим классом, страдавшим от безработицы, постоянного снижения покупательной способности и голода, постепенно росло взаимное непонимание. Уже в декабре 1917 года новая власть столкнулась с волной рабочих демонстраций и стачек. За несколько недель большевики лишились значительной части кредита доверия, полученного ими от трудового народа в течение 1917 года.

Разногласие третье: отношения новой власти с национальными движениями бывшей Российской империи. Большевистский переворот развязал центробежные силы, которым, как казалось на первых порах, новые правители не станут препятствовать. Признавая равенство и самостоятельность народов бывшей империи, их право на самоопределение, федеративное устройство и на отделение, большевики словно бы приглашали нерусские народы избавиться от опеки центральной русской власти. В течение нескольких месяцев поляки, финны, прибалты, украинцы, грузины, армяне, азербайджанцы образовали национальные парламенты и правительства, стремящиеся к независимос-и. Застигнутые врасплох, большевики вскоре оказались перед необходимостью подчинять право народов на самоопределение необходимости сохранить за собой зерно Украины, нефть и другие полезные ископаемые Кавказа, словом, позаботиться о жизненных интересах нового государства, которое стремительно утверждалось территориально, в том числе и как наследник бывшей им-ерии в большей степени, чем Временное правительство.

Многочисленные изменения в социальной и национальной сфере входили в противоречие с весьма специфической политической практикой большевиков, которые не собирались делиться властью с кем бы то ни было, и такое положение вещей должно было неминуемо привести к столкновению между новой властью и большинством общества, столкновению, породившему насилие и террор.

2

«Вооруженная рука пролетарской диктатуры»

Новая власть представляла собой сложную конструкцию: фасад, «власть Советов», формально представленная Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом; легальное правительство, Совет Народных Комиссаров, силившийся как можно скорее добиться признания, как международного, так и внутреннего; революционная организация, Петроградский Военно-революционный комитет (ПВРК), оперативно действующая структура, центр механизма по захвату власти. Вот как охарактеризовал этот комитет Феликс Дзержинский, которому с самых первых дней была отведена в нем решающая роль: «Быстрая, гибкая, немедленно реагирующая без всякого мелочного юридического формализма структура. Никаких оговорок в практике решительных действий, ударов по врагу вооруженной рукой пролетарской диктатуры».

Эта образная формулировка Дзержинского была позднее использована им для характеристики политической полиции большевиков — ЧК. Как же действовала с самых первых дней нового режима эта «вооруженная рука пролетарской диктатуры»? — Просто и эффективно. ПВРК состоял примерно из шестидесяти человек, из них сорок восемь большевиков, несколько левых эсеров и анархистов. Формально во главе его стоял председатель, левый эсер Лазимир, но он был предусмотрительно окружен четырьмя большевистскими помощниками, среди которых были Антонов-Овсеенко и Дзержинский. На деле же два десятка человек могли составлять и подписывать в качестве «председателя» или «секретаря» огромное количество разных поручений, предписаний, мандатов, представлявших собой в основном клочки бумаги с кое-как нацарапанной карандашом подписью. Около шести тысяч подобных документов «издал» ПВРК за пятьдесят три дня своего существования.

Такая же «оперативная простота» наблюдалась в рассылке директив и в исполнении приказов: ПВРК действовал через посредство сети «комиссаров» и «эмиссаров», направленных в сотни различных учреждений, воинские части, советы, районные комитеты и т. д. Ответственные исключительно перед ПВРК, эти комиссары зачастую принимали те или иные меры, не дожидаясь санкции ни правительства, ни Центрального Комитета партии большевиков. Уже 26 октября (8 ноября[1]), пока все главные руководители большевиков были заняты формированием правительства, безвестные «комиссары», так и оставшиеся анонимными, решили «укрепить диктатуру пролетариата» следующими мерами: запретом всех «контрреволюционных» листовок и брошюр, закрытием семи главных столичных газет, как «буржуазных», так и «умеренно социалистиче-

ских»*, принятием плана реквизиции квартир и частных автомобилей. Закрытие газет было легализировано днем позже декретом правительства, а еще через неделю, правда, не без дискуссий — Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом (ВЦИК)[2].

Еще не слишком уверенные в своих силах, большевистские лидеры искали в первое время, следуя своей тактике в течение всего 1917 года, поддержку в том, что они называли «революционной стихийностью масс». Отвечая представителям крестьянских Советов Псковской губернии, прибывшим выяснить в ПВРК, каким образом можно «предотвратить анархию», Дзержинский пояснял: «Задача настоящего момента — разрушить старый порядок. Нас, большевиков, еще не так много, чтобы выполнить эту историческую задачу. Надо предоставить возможность действовать революционной стихийности стремящихся к освобождению масс. В свое время мы, большевики, укажем массам путь, по которому надо следовать. Через Военно-революционный комитет обретают голос массы, восстающие против классовых врагов, против врагов народа. Мы здесь только для того, чтобы <... > направить в нужное русло действия масс, в которых говорит ненависть и законное желание угнетенных отомстить своим угнетателям».

Через несколько дней, на заседании ПВРК 29 октября (10 ноября), оставшиеся анонимными члены комитета напомнили о необходимости более энергично вести борьбу против «врагов народа», введя в обиход знаменитую формулу, которой на протяжении последующих десятилетий было суждено блестящее будущее. Она была повторена в заявлении ПВРК от 13 (26) ноября: «Чиновники правительственных учреждений, банков, казначейства, железных дорог, почт и телеграфов саботируют работу правительства. Они объявляются врагами народа. Их имена будут отныне опубликованы во всех советских изданиях и списки врагов народа будут вывешиваться во всех публичных местах». Через несколько дней после сообщения об этих проскрипционных списках — новое заявление: «Все лица, подозреваемые в саботаже, спекуляции, скрывании запасов и скупке, подлежат немедленному аресту, как враги народа, и заключению в тюрьмах Кронштадта, впредь до предания военно-революционному суду»[4].

Так в течение нескольких дней ПВРК ввел два устрашающих понятия: «враги народа» и «подозреваемые».

28 ноября (10 декабря) правительство придало официальный характер понятию «враг народа»; подписанный Лениным декрет недвусмысленно заявлял: «В полном сознании огромной ответственности, которая ложится сейчас на Советскую власть, за судьбу народа и революции, Совет Народных Комиссаров объявляет кадетскую партию... партией врагов народа»[5]. Руководители партии подлежали суду революционных трибуналов. Трибуналы эти были только что учреждены Декретом о суде, согласно которому считались отмененными «все законы, противоречащие декретам ЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Рабочего и Крестьянского Правительства, а также программам-минимумам РСДРП и партии СР... ». В ожидании появления новой редакции Уголовного кодекса суды должны руководствоваться лишь теми законами, которые «не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному сознанию», — определение довольно широкое, дающее простор различным злоупотреблениям. Все судебные учреждения старо-

* В частности, были закрыты кадетская *«Речь»* и меньшевистский *«День»*. *(Прим. ред.)*

го режима были упразднены и заменялись местными судами и рабоче-крестьянскими революционными трибуналами. Трибуналы предназначались «для борьбы против контрреволюционных сил в виде принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищениями, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и пр. лиц», и, как признавал народный комиссар юстиции 1918—1928 годов Д. Курский, не были судами в привычном, «буржуазном» смысле этого слова; они были трибуналами диктатуры пролетариата, органами борьбы против контрреволюции, стремящимися скорее искоренить, чем судить[6]. Среди этих трибуналов фигурировал и Революционный трибунал по делам печати, призванный рассматривать правонарушения прессы и прекращать издание печатных органов, «сеющих смуту путем явно клеветнического извращения фактов»[7].

Пока понятия «враг народа» и «подозреваемый» занимали свое место в новом судебном механизме, Военно-революционный комитет приобретал определенную структуру, в нем продолжали образовываться новые отделы. В городе, где запасы муки были ничтожны (их хватало на выдачу полфунта хлеба в день на взрослого человека), вопрос продовольственного снабжения получал первостепенное значение.

4 (17) ноября был организован Отдел снабжения и продовольствия ПВРК, который в первом же своем обращении к гражданам Петрограда заклеймил представителей «богатых классов, пользующихся нуждой народа», и объявил, что «пришло время реквизировать у богачей излишки, а возможно, и все их добро». 11 (24) ноября Отдел принял решение немедленно отправить в хлебопроизводящие губернии особые отряды, сформированные из солдат, матросов, рабочих и красногвардейцев, для доставки продуктов первой необходимости, нужных Петрограду и фронту»[8]**.** Это предприятие ПВРК предвосхитило будущую политику реквизиций, которую в течение трех последующих лет будут осуществлять «продовольственные отряды» и которая станет еще одним фактором усиления конфронтации между новой властью и крестьянством, фактором террора и репрессий.

На Военно-следственную комиссию, созданную 10 (23) ноября, были возложены обязанности арестовывать офицеров-контрреволюционеров, изобличаемых, как правило, их солдатами, членов «буржуазных» партий, чиновников, подозреваемых в «саботаже». Но очень скоро Комиссии пришлось взяться за самые разные дела. В тревожной обстановке голодающего города, где отряды Красной гвардии и только что возникшей милиции проводили обыски, занимались вымогательствами и грабежами от имени Революции, размахивая сомнительными мандатами с подписью какого-нибудь «комиссара», каждый день перед Комиссией представали сотни личностей, обвиненных в различных преступлениях: грабежах, спекуляции, скупке предметов первой необходимости, а также в «принадлежности к враждебному классу» или «в состоянии опьянения»[9].

С апелляцией к «революционной стихийности масс» большевикам надо было обходиться с большой осторожностью. Случаи сведения счетов, разные виды насилия множились с каждым днем, особенно часты были вооруженные разбои и грабежи винных лавок и погребов Зимнего дворца. Явление это приняло такие размеры, что, по предложению Дзержинского, ПВРК создал Комиссию по борьбе с погромами. 6 (19) декабря эта Комиссия объявила город Пет-

роград на осадном положении и ввела комендантский час, чтобы «покончить с погромами и грабежами, чинимыми темными элементами, маскирующимися под так называемых "революционеров"»[10].

Но куда серьезнее этих спорадических трудностей большевистское правительство опасалось все разрастающейся чиновничьей забастовки, начавшейся сразу же после переворота 25 октября (7 ноября). Эти опасения привели к созданию 7 (20) декабря *Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем,* вошедшей в историю как ВЧК или ЧК.

За несколько дней до рождения ЧК правительство не без колебаний приняло решение о роспуске ПВРК. Временная оперативная структура, созданная накануне вооруженного восстания для руководства боевыми действиями, выполнила поставленные перед ней задачи. ПВРК осуществил захват власти и сумел защитить новый режим до той поры, пока тот не создал свой собственный аппарат. И теперь, чтобы избежать смешения властных функций, неразберихи компетенций, он должен был уступить свои полномочия законному правительству, Совету Народных Комиссаров.

Но как в этот критический, по мнению большевистских вожаков, момент перейти к управлению «вооруженной рукой пролетарской диктатуры»? На своем заседании б декабря правительство поручило «товарищу Дзержинскому составить особую комиссию для выяснения возможностей борьбы с такой забастовкой* путем самых энергичных революционных мер, для выяснения способов подавления злостного саботажа». То, что выбор пал на «товарища Дзержинского», не вызвало никаких возражений, этот выбор был для всех очевиден. За несколько дней до заседания Ленин, падкий до параллелей между двумя великими революциями — французской 1789 года и российской 1917, — спрашивал своего секретаря Бонч-Бруевича: «Неужели у нас не найдется своего Фукье-Тенвиля, который привел бы в порядок расходившуюся контрреволюцию?»[11]. 6 декабря выбор такого, пользуясь другой формулировкой Ленина, «крепкого пролетарского якобинца» был одобрен единодушно. Феликс Дзержинский, проявивший себя за несколько недель своей работы в ПВРК отличным специалистом по вопросам безопасности, проведший к тому же многие годы в царских застенках и хорошо познакомившийся с методами «охранки» (царской политической полиции), «знал свое дело!»[12].

Перед заседанием правительства 7 (20) декабря Ленин отправил Дзержинскому следующую записку:

«К сегодняшнему Вашему докладу о мерах борьбы с саботажниками и контрреволюционерами.

Нельзя ли двинуть подобный декрет:

О борьбе с контрреволюционерами и саботажниками

Буржуазия, помещики и все богатые классы напрягают отчаянные усилия для подрыва революции, которая должна обеспечить интересы рабочих, трудящихся и эксплуатируемых масс. Буржуазия идет на злейшие преступления, подкупая отбросы общества и опустившиеся элементы, спаивая их для целей погромов. Сторонники буржуазии, особенно из высших служащих, из банковых чиновников и т. п., саботируют работу, организуют стачки, чтобы подорвать правительство в его мерах, направленных к осуществлению социалистических

* Имеется в виду забастовка чиновников. *(Прим. ред.)*

преобразований. Доходит дело даже до саботажа продовольственной работы, грозящего голодом миллионам людей.

Необходимы экстренные меры борьбы с контрреволюционерами и саботажниками. Исходя из этой необходимости Совет Народных Комиссаров постановляет... »(13). Вечером 7 (20) декабря Дзержинский представил свой проект Совету Народных Комиссаров. Свое выступление он начал словами об опасностях, грозящих революции на «внутреннем фронте»: «Мы должны послать на этот фронт — самый опасный и жестокий — решительных, твердых, преданных, на все готовых для защиты завоеваний революции товарищей. Не думайте, тов[арищи], что я ищу форму революционной юстиции: «юстиция» сейчас нам не нужна! Теперь борьба — грудь с грудью, борьба не на жизнь, а на смерть — чья возьмет! Я предлагаю, я требую органа революционной, большевицкой расправы над деятелями контрреволюции!»

Затем Дзержинский перешел к самой сути своего выступления. Чтобы понять, в чем она заключалась, мы приводим выдержки из протокола заседания:

> «Задачи комиссии: 1) Пресекать и ликвидировать все контрреволюционные и саботажнические попытки и действия по всей России, со стороны кого бы они ни исходили.
>
> 2) Предание суду Революционного Трибунала всех саботажников и контрреволюционеров и выработка мер борьбы с ними.
>
> 3) Комиссия ведет только предварительное расследование, поскольку это нужно для пресечения.
>
> Комиссия разделяется на отделы: 1) информационный, 2) организационный отдел, 3) отдел борьбы <... >,
>
> Комиссии обратить в первую очередь внимание на печать, саботаж, к-д [конституционных демократов], правых с-р [социал-революционеров], саботажников и стачечников. Меры — конфискация, выдворение, лишение карточек, опубликование списков врагов народа и т. д.
>
> Постановили: назвать комиссию — Всероссийской чрезвычайной комиссией при Совете Народных комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем — Опубликовать»[14].

Этот текст, учреждающий политическую полицию Советов, сразу же вызывает вопрос. Как объяснить несоответствие между жесткой, агрессивной речью Дзержинского и относительно скромными полномочиями, дарованными ЧК? Дело в том, что большевики готовились к заключению коалиции с левыми эсерами (шесть членов этой партии вошли 12 декабря в состав правительства), чтобы выйти из политической изоляции в тот момент, когда приближался созыв Учредительного собрания, где большевики были в явном меньшинстве. Надо было принять более приличный вид. Вопреки резолюции, принятой на заседании правительства 7 (20) декабря, декрет об организации ЧК и круге ее компетенции опубликован не был.

Чрезвычайная Комиссия — ЧК — расширяла свою деятельность без всякой законной базы. Дзержинский, желавший, как и Ленин, иметь свободные руки, произнес примечательную фразу: «Сама жизнь подсказывает путь, по которому идет ЧК», — жизнь, т. е. «революционный террор масс», уличное насилие. которое большевики явно поощряли, моментально забыв о своем недавнем недоверии к «революционной самодеятельности» народа.

Обращаясь 1 (14) декабря к членам Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, будущий военный министр большевиков Лев Троцкий говорил: «Не позже как через месяц, террор примет, подобно тому, что произошло во время Великой французской революции, весьма жестокую форму. Речь тогда будет идти не о тюрьмах, а о гильотине, этом прекрасном изобретении Великой французской революции, обладающим общепризнанным преимуществом — укорачивать человека на голову»[15].

Через несколько недель в речи на собрании рабочих Ленин в который раз взывал к террору, этой «революционной юстиции класса»: «Петроградские рабочие и солдаты должны понять, что им никто не поможет, кроме их самих... Если не поднять массы на самодеятельность, ничего не выйдет... Пока мы не применим террора — расстрел на месте — к спекулянтам, ничего не выйдет... »[16].

Эти призывы к террору провоцировали жестокость и насилие, хотя, конечно, этим силам не надо было ждать прихода большевиков к власти, чтобы обрушиться на общество. Осенью 1917 года тысячи крупных помещичьих хозяйств подверглись грабежу, а сотни их владельцев были убиты. С лета 1917 года насилие в России стало превращаться во всемогущее средство. Жестокость и грубая сила не были новостью для России, но события 1917 года позволили вырваться на поверхность многим формам насилия, дремавшим до поры до времени в глубинах общественного сознания: озлобленность рабочих как реакция на беззастенчивый гнет капиталистов; традиционная крестьянская озлобленность; «современная» страсть к насилию, рожденная Первой мировой войной с ее обесцениванием человеческой жизни и общим «озверением и одичанием». Эти три формы, перемешавшись друг с другом, создали взрывчатую смесь, эффект которой мог быть воистину опустошительным в условиях революционной России, где на фоне краха традиционных институтов власти наблюдался огромный рост всех накопившихся за долгие годы разрушительных импульсов. Между горожанами и сельскими жителями росло взаимное недоверие; для крестьян город более чем когда-либо представлялся средоточием власти и эксплуатации. Для городской элиты, для профессиональных революционеров, в подавляющем большинстве выходцев из интеллигенции, крестьяне оставались такими, как их описывал Горький, — «массой полудиких людей», чей «жестокий собственнический инстинкт» должен быть подавлен «организованным разумом города». В то же время политики и партийные интеллигенты отчетливо сознавали тот факт, что именно поток бунтующих крестьян, выбивший почву из-под ног Временного правительства, позволил большевистскому меньшинству овладеть властью.

Конец 1917 —начало 1918 года ознаменованы отсутствием какого-либо серьезного противодействия новому режиму. Через месяц после переворота большевики контролировали территорию не только севера и центра России вплоть до среднего течения Волги, но также и большие города на Кавказе (Баку) и в Средней Азии (Ташкент). Конечно, Украина и Финляндия отделились от России, но ничем не проявляли своего враждебного отношения к большевистской власти. Единственной организованной антибольшевистской силой была крошечная Добровольческая армия на юге России, насчитывавшая около трех тысяч штыков и сабель, эмбрион будущей Белой армии. Ее создатели, генералы Алексеев и Корнилов, возлагали свои надежды на казаков Дона и Кубани. Казаки резко отличались от других крестьян России: это было привилегированное военное сословие, которое в обмен на обязанность нести военную службу до тридцати-

шестилетнего возраста наделялось земельными участками в размере 30 десятин на каждого казака. Они не нуждались в новых землях, им надо было сохранить то, чем они владели. Желая прежде всего защитить свой статус и свою независимость, обеспокоенные большевистскими декларациями, клеймящими кулаков, казаки весной 1918 года присоединились к антибольшевистским силам.

Можно ли говорить о гражданской войне применительно к первым стычкам зимы и весны 1917—1918 годов между тремя тысячами вооруженных добровольцев на юге России и большевистскими отрядами под командованием Сиверса, едва ли насчитывавшими шесть тысяч человек? Прежде всего поражает контраст между незначительной численностью творцов террора и невероятной жестокостью большевиков по отношению не только к военнопленным, но и к гражданским лицам. Образованная в июне 1919 года командующим Вооруженными силами юга России генералом Деникиным Особая комиссия по расследованию деяний большевиков постаралась собрать за несколько месяцев своей работы свидетельства о зверствах, совершенных большевиками на Украине, Дону, Кубани и в Крыму. Собранные Комиссией сведения (а они явились одним из главных источников книги СП. Мельгунова *Красный террор в России)* касаются бесчисленных жестокостей, совершенных с января 1918 года. В Таганроге люди из отрядов Сиверса бросили пятьдесят связанных по рукам и ногам юнкеров и офицеров в горящую доменную печь. В Евпатории несколько сотен офицеров и «буржуев» были после страшных истязаний сброшены связанными в море. Подобные же зверства имели место во многих городах Крыма, занятых большевиками: в Севастополе, Ялте, Алуште, Симферополе. Такая же жестокость проявлялась и в казачьих станицах в апреле-мае 1918 года. В досье комиссии Деникина есть сообщения о «трупах с отрубленными руками, переломанными костями, об обезглавленных телах, о раздробленных челюстях, об отрезанных половых органах»[17].

Все же, как отмечает Мельгунов, «трудно отличить систематическую практику организованного террора от того, что представлялось неконтролируемыми «эксцессами». До августа-сентября 1918 года почти не встречаются упоминания о местных ЧК, руководивших убийствами. Впрочем, до этого времени сеть местных «чрезвычаек» оставалась довольно редкой. Убийства не только захваченных на поле боя противников, но и «врагов народа» из гражданского населения (так, среди 240 человек, уничтоженных в Ялте в начале марта 1918 года, помимо 165 офицеров насчитывалось около 70 мирных политиков, адвокатов, журналистов, преподавателей) совершались чаще всего «военными отрядами», Красной гвардией и другими, четко не определенными «большевистскими элементами». Уничтожение «врагов народа» явилось логическим продолжением революции, одновременно и политической и социальной, где одни были «победителями», а другие «побежденными». Это миропонимание не возникло вдруг после октября 1917 года, но, с точки зрения большевиков, представлялось вполне естественным и законным.

Позволим себе привести выдержку из удивительно проницательного письма одного молодого капитана, написанного еще в марте 1917 года, по поводу отношения к революции в его полку: «Между нами и солдатами — бездонная пропасть. Для них мы есть и останемся «барами». Для них то, что произошло, не политическая революция, а революция социальная, из которой они вышли победителя а мы — побежденными. Они говорят нам: «Прежде вы были барами, а теперь наш черед барствовать!» Они чувствуют, что пришла пора реванша за века рабства.

Большевистские вожди всячески поощряли и поддерживали это «стремление к реваншу», следствием которого были доносы, террор и «справедливая», как утверждал Ленин, гражданская война. 15 (28) декабря 1917 года Дзержинский публикует в *«Известиях»* призыв ко всем местным советам создавать свои ЧК. В результате расплодилось чудовищное число различных «комиссий», «отрядов», прочих «чрезвычайных органов», с которыми центральным властям пришлось немало повозиться, прибирая их к рукам, когда через несколько месяцев пришла нужда положить предел «инициативе масс» и приступить к организации структурированной и централизованной сети «чрезвычаек»[19].

Характеризуя первые шесть месяцев существования ВЧК, Дзержинский писал в июле 1918 года: «Это был период импровизаций и проб, в течение которого наша организация не всегда оказывалась на высоте положения»[20]. Тем не менее, к моменту этого признания вклад ВЧК в дело ограничения свободы и осуществления репрессий был уже достаточно весомым. И организация, насчитывающая при появлении на свет менее сотни сотрудников, выросла за полгода в несколько десятков раз!

Конечно, первые шаги новоявленного учреждения были еще довольно робкими. 11 января 1918 года Дзержинский направляет Ленину записку, где жалуется на обстановку, в которой приходится работать его сотрудникам: «Никакого финансирования. Работаем день и ночь, без хлеба, без сахара, чая, масла, сыра. Примите меры для установления нам приличного рациона или разрешите нам самим производить реквизиции у буржуазии»[21]. Дзержинский подбирал в свой все растущий штат в основном товарищей по подпольной работе, преимущественно поляков и прибалтов. Почти все они работали в Петроградском Военно-революционном комитете, фигурируют среди них и будущие кадры ГПУ 20-х годов и НКВД 30-х*: Лацис, Менжинский, Мессинг, Мороз, Петере, Трилиссер, Уншлихт, Ягода.

Первой операцией ВЧК было прекращение саботажа служащих Петрограда. Схема действия — оперативная: арест «главарей», юридическая база — простая: «Тому, кто не хочет работать с народом, нет места среди этого народа», — объявил Дзержинский. Он распорядился арестовать часть социалистов-революционеров и меньшевиков, выбранных в Учредительное собрание. Народный комиссар юстиции, левый эсер Штейнберг, буквально на днях ставший членом правительства, тотчас же резко осудил самоуправство Дзержинского. Этот первый конфликт между ВЧК и НКЮ (Народный комиссариат юстиции) обозначил главную проблему — надзаконный статут политической полиции.

«— Для чего тогда Народный комиссариат юстиции? — спросил Штейнберг у Ленина. — Назвали бы его Комиссариатом по социальному уничтожению, и дело с концом!

* Напомним читателю цепочку названий советской политической полиции: Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией и саботажем (образована постановлением СНК РСФСР от 7 (20) декабря 1917 г.) — Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР (постановление ВЦИК РСФСР от 6 февраля 22 г.) — Объединенное государственное политическое управление (ОПТУ) при СНК СССР (постановление Президиума ЦИК СССР от 2 ноября 1923 г.) — Главное управление государственной безопасности (ГУГБ) НКВД (постановление ЦИК СССР от 10 июля 1934 г.) — Наркомат государственной безопасности (НКГБ, указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 февраля 1941 г.) — НКВД СССР (с 20 июля 1941 года) — НКГБ СССР (с 14 апреля 1943 г.) — Министерство государственной безопасности (МГБ) СССР (с 1946 г.) — Комитет государственной безопасности (КГБ) при Совете Министров СССР (указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 марта 1954 г.). *(Прим. ред.)*

— Великолепная мысль, — отозвался Ленин. — Это совершенно точно отражает положение. К несчастью, так назвать его мы не можем!»[2]*.

Разумеется, спор между Штейнбергом, настаивавшем на подчинении ВЧК Наркомату юстиции, и Дзержинским, восстававшим против «юридической формалистики старого режима», Ленин решил в пользу последнего. ВЧК в своих действиях должна отчитываться только перед правительством.

День 6(19) января 1918 года отмечен как важный этап на пути упрочения большевистской диктатуры. Ранним утром этого дня выбранное на основе всеобщего избирательного права Учредительное собрание, в котором большевики имели только 175 депутатов из 707 избранных, просуществовав меньше суток, было разогнано. Этот незаконный акт не вызвал сколько-нибудь значительного отклика в стране. Малочисленная демонстрация протеста в Петрограде была встречена залпами матросских отрядов. Двадцать тел, оставшихся лежать на мостовых Петрограда, — такова была тяжкая расплата за несколько часов эксперимента с парламентской демократией в России[23].

В дни и недели, последовавшие за разгоном Учредительного собрания, положение большевистского правительства в Петрограде становилось все более и более неудобным. И хотя Троцкий, Каменев, Иоффе и Радек вели в это время в Брест-Литовске переговоры о заключении мира с ведущими державами, 9 (22) января 1918 года в правительстве стал обсуждаться вопрос о переезде в Москву[4].

Дело заключалось не столько в германской угрозе - с 15 (28) декабря 1917 года на фронтах соблюдалось перемирие, — сколько в сильно беспокоивших большевистских руководителей волнениях среди рабочих. В самом деле, в тех рабочих районах, что поддержали большевиков двумя месяцами раньше, нарастало недовольство. В связи с демобилизацией и прекращением военных заказов предприятия увольняли рабочих тысячами; трудности со снабжением продовольствием привели к снижению дневного рациона хлеба до четверти фунта. Неспособный исправить ситуацию, Ленин выбрал в козлы отпущения «мешочников» и «спекулянтов» и обрушился на них. «Необходимо... провести массовые обыски в Петрограде и на товарных станциях. Для обысков каждый завод, каждая рота должны выделить отряды, к обыскам надо привлечь не желающих, а обязать каждого, под угрозой лишения хлебной карточки», — говорил он на совещании с представителями продовольственных организаций 14 (27) января 1918 года[25].

Назначение Троцкого после возвращения из Бреста 31 января 1918 года главой Чрезвычайной Комиссии по снабжению и транспорту было признаком того, какое огромное значение придавало правительство «охоте за провиантом», первому этапу «продовольственной диктатуры». Именно этой комиссии в середине февраля Ленин предложил проект декрета, который даже члены комиссии (среди них помимо Троцкого важно отметить народного комиссара продовольствия Цюрупу) решили отклонить. Ленин предлагал обязать всех крестьян сдавать излишки продовольствия в обмен на квитанции. В случае отказа или даже задержки с поставками продуктов виновных следовало расстреливать. «Мы были ошеломлены, прочитав этот проект, — пишет Цюрупа в своих воспоминаниях. — Принятие такого декрета привело бы к массовым казням. В конце концов проект Ленина был отклонен»[26].

Тем не менее этот эпизод очень показателен. С начала 1918 года Ленин, загнанный в тупик собственной политикой, встревоженный катастрофическим положением со снабжением промышленных центров, представлявших собой большевистские островки среди бескрайнего крестьянского океана, был

готов на самые крайние меры, лишь бы «взять хлеб» и ни на шаг не отступить от своей политики. Конфликт между крестьянином, желавшим пользоваться плодами своего труда и отторгавшим всякое постороннее вмешательство, и новым режимом, стремившимся навязать свое господство, не желающим понимать природу экономических связей, пытающимся подавить то, что ему представлялось проявлением социального анархизма, стал неизбежен.

21 февраля 1918 года в связи с наступлением немецких войск, внезапно начавшимся после приостановления переговоров в Брест-Литовске, правительство объявило: «Социалистическое отечество в опасности». Призыв к сопротивлению «германским империалистам» сопровождался призывом к массовому террору: «Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления»[27]. Эта прокламация вновь ввела в действие законы военного времени во фронтовой полосе. После заключения 3 марта 1918 года Брестского мира она стала недействительной. Законодательно смертная казнь в России была восстановлена 16 июня 1918 года. Однако начиная с февраля 1918 года ЧК проводила многочисленные бессудные расстрелы вне зоны военных действий.

10 марта правительство выехало из Петрограда в объявленную столицей Москву. ВЧК разместилась неподалеку от Кремля, на Большой Лубянке, в здании бывшей страховой компании. Здесь она и оставалась под разными наименованиями — ГПУ, ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ — вплоть до падения-советского режима. С шестисот чекистов, работавших в московском «Большом Доме» в марте, штат ВЧК вырос к июлю 1918 года до двух тысяч человек (без учета особых отрядов). Цифра впечатляющая, если знать, что Наркомат внутренних дел, ведавший делами местных Советов по всей стране, насчитывал к этому времени всего четыреста сотрудников.

Первую крупную операцию ВЧК провела в ночь с 11 на 12 апреля 1918 года: ее особые войска численностью более тысячи бойцов атаковали два десятка московских зданий, захваченных анархистами. После нескольких часов ожесточенной борьбы было арестовано 520 членов анархиствующих групп. 25 человек из этого числа были расстреляны на месте как «бандиты» — определение, которое с этих пор стало прилагаться к бастующим рабочим, к дезертирам, скрывающимся от воинской повинности, а также к крестьянам, восстающим против реквизиций[28].

После этого первого успеха, за которым последовали другие операции по «наведению революционного порядка» в Москве и Петрограде, Дзержинский обратился 29 апреля 1918 года во ВЦИК с письмом, в котором требовал значительного увеличения средств ВЧК. «На современном этапе, — писал он, — становится очевидно, что активность ЧК должна неуклонно возрастать перед лицом умножения контрреволюционных сил самых разных оттенков»[29].

«Современный этап», о котором говорил Дзержинский, являлся на деле решающим периодом установления политической и экономической диктатуры и ужесточения репрессий против все более проявляющего свою враждебность к большевикам населения. Российские граждане с октября 1917 года чувствовали, что условия их жизни не улучшаются, а обретенные после Февральской революции свободы все больше оказываются под угрозой. Большевики, единственные из всех политиков позволившие крестьянам осуществить давнюю мечту о земле, превращались в крестьянских глазах в «коммунистов», отбирающих у крестьян плоды их труда. В своих многочис-

ленных жалобах крестьяне четко отличали «большевиков», которые «дали землю», от «коммунистов», которые «дерут с мужика три шкуры».

Весна 1918 года была действительно ключевым моментом, когда многое определилось, но ставки еще не были сделаны. Советам еще не заткнули рта, они пока еще не превратились в простые органы государственного управления, и в них еще происходили жаркие дебаты между большевиками и умеренными социалистами. Оппозиционные газеты, несмотря на каждодневные преследования, все еще существовали. На местах конкурировали самые различные организации. В течение всего этого периода, отмеченного снижением жизненного уровня населения и полным крахом продуктообмена между городом и деревней, социалисты-революционеры и меньшевики добились неоспоримых успехов. На выборах в обновляющиеся Советы эти партии, несмотря на давление и манипуляции, победили в девятнадцати из тридцати губернских и уездных центров, где были проведены выборы и опубликованы их результаты[30].

На эту ситуацию правительство большевиков реагировало ужесточением своей диктатуры как в плане политическом, так и в экономическом. Система экономического распределения бездействовала и на уровне средств доставки по причине ужасающего развала транспорта, особенно железных дорог, и на уровне мотивации, так как отсутствие промышленных товаров не стимулировало крестьян к торговле, к получению за свои продукты стремительно обесценивающихся денег. Таким образом, жизненно необходимой проблемой становилось снабжение армии и городов, где находились власти и был сосредоточен «пролетариат». В этой ситуации перед большевиками открывались две возможности: либо в условиях разрушенной экономики попытаться восстановить хоть какой-нибудь рынок, либо использовать принуждение. Они выбрали вторую, убежденные в необходимости решительно идти вперед в борьбе за слом «старого порядка».

Выступая 29 апреля 1918 года на заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Ленин говорил: «Да, мелкие хозяйчики, мелкие собственники готовы нам, пролетариям! помочь скинуть помещиков и капиталистов, но дальше пути у нас с ними разные. Они не любят организации, дисциплины, они — враги ее. И тут нам с этими собственниками, с этими хозяйчиками придется вести самую решительную, беспощадную борьбу»".

Через несколько дней народный комиссар продовольствия заявил в той же самой аудитории: «Я хочу с полной ответственностью заявить, что речь идет о войне — только с оружием в руках можно получить хлеб» (32). Троцкий, без всяких околичностей, еще выше поднял ставки: «Наша партия за гражданскую войну. Гражданская война уперлась в хлеб. <... > Да здравствует гражданская война!»(33).

Приведем еще один текст, написанный в 1921 году другим вождем большевиков — Карлом Радеком, — текст, который прекрасно объясняет большевистскую политику весны 1918 года, т. е. за много месяцев до *того,* как началось двухлетнее вооруженное противостояние красных и белых: «Крестьянин только что получил землю, он только что вернулся с войны в деревню, у него было оружие и отношение к государству весьма близкое к мнению, что такая вещь как государство вообще не нужно крестьянину. Если бы попытались обложить его натуральным налогом, мы бы не сумели собрать его, так как для этого у нас не было аппарата, старый был сломан, а крестьянин добровольно ничего бы не дал. Нужно было, в начале 18-го года, сначала разъяснить ему весьма грубыми средствами, что государство не только

имеет право на часть продуктов граждан для своих потребностей, но оно обладает и силой для осуществления этого права»[34].

В мае — июне 1918 года правительство большевиков приняло два решения, обозначивших начало периода, традиционно называемого «военным коммунизмом». Декретом ВЦИК и СНК от 13 мая Народный комиссариат продовольствия был наделен чрезвычайными полномочиями «по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими». Наркомпроду была поручена реквизиция продовольственных товаров на селе, и с этой целью он организовал «продовольственную армию»*. К июлю 1918 года уже 12 000 человек состояли в частях этой армии — в «продотрядах», численность которых выросла к моменту пика их деятельности в 1920 году до 80 000. Едва ли не половина солдат этих отрядов состояла из рабочих охваченного безработицей Петрограда, привлеченных регулярным содержанием и получением определенной части конфискованного зерна. Вторым важным решением было создание декретом от 11 июня 1918 года Комитетов деревенской бедноты (комбедов), призванных тесно сотрудничать с продовольственными отрядами, а также участвовать в реквизициях в обмен на передаваемую им часть изъятых у зажиточных крестьян излишков зерна. Комитеты бедноты должны были также занять место сельских Советов, слишком, по мнению большевиков, слабых и попавших под влияние эсеровской идеологии. Перед комбедами была поставлена задача отбирать силой плоды чужого труда; людям была предоставлена власть, их обуревали давно копившиеся озлобленность и зависть к «богатеям», им была обещана часть добычи — можно легко вообразить себе, каковы были первые представители власти большевиков в деревне. Проницательный Андреа Грациози так пишет о них: «У этих людей преданность делу, или, вернее, власти и неоспоримая одержимость работой шли рука об руку с политической и социальной незрелостью, жаждой карьеры и такими «традиционными» поведенческими стереотипами, как грубость по отношению к нижестоящему, алкоголизм, кумовство.... Перед нами отличный пример того, каким «духом» революции низов проникался новый режим»[35].

Несмотря на некоторые первоначальные успехи, Комитеты бедноты долго не протянули. Мысль об опоре на самые бедные слои отражает глубокое непонимание большевиками специфики крестьянства. Согласно примитивной марксистской схеме они представляли его разделенным на антагонистические классы, не учитывая способность крестьянства солидаризироваться перед лицом внешнего мира, перед городскими чужаками. Как только дело доходит до изъятия излишков, начинает вовсю проявляться уравнительный общинный рефлекс сельского общества; вместо того чтобы обрушиться лишь на зажиточных крестьян, груз реквизиций лег на плечи каждого. Это вызвало всеобщее недовольство. Начались крестьянские волнения, вызванные жестокостью продотрядов, действовавших при поддержке армейских частей или сил ЧК. К июню 1918 года волнения приияли форму настоящей крестьянской войны. В июле — августе сто двадцать крестьянских восстаний (большевики называли их «кулацкими мятежами», хотя в них принимали участие крестьяне всех категорий)

* Слово «реквизиция» применялось большевиками неточно, поскольку *реквизиция* — это принудительное отчуждение за плату (в отличие от *конфискации)* или *временное* изъятие гос. органами имущества отдельных граждан или юридических лиц (см.: Словарь иностранных слов. М., 1980, с. 436; СЭС, М., 1986, с. 1116). Называя свою армию продовольственно-реквизиционной, они, тем не менее, занимались именно конфискацией. *(Прим. ред.)*

вспыхнули в губерниях, контролируемых новыми властями. Кредит доверия, завоеванный большевиками, не противившимися захвату земель крестьянами в 1917 году, испарился в несколько недель. В течение трех лет политика жестоких реквизиций встречала отпор со стороны крестьян, чьи восстания и мятежи подавлялись беспощадно.

В политическом плане ужесточение диктатуры выразилось весной 1918 года в окончательном запрещении всех небольшевистских газет, роспуске всех Советов, где у большевиков не было большинства, жестоком подавлении многочисленных забастовок. В мае — июне были закрыты двести пять газет социалистической оппозиции. Советы Калуги, Твери, Ярославля, Рязани, Костромы, Казани, Саратова, Пензы, Тамбова, Воронежа, Орла, Вологды, в которых преобладали меньшевики и эсеры, были разогнаны силой[36]. Сценарий повсюду был почти одинаков: через несколько дней после победоносных для оппозиционных партий выборов и формирования Совета большевистская фракция обращалась к помощи вооруженной силы, чаще всего к отрядам ЧК, объявлялось военное положение и производились аресты оппозиционеров.

Роспуск оппозиционных Советов, удаление 14 июня 1918 года меньшевиков и эсеров из Всероссийского ЦИКа вызвало демонстрации, манифестации и попытки стачек во многих рабочих кварталах, где продовольственное снабжение продолжало между тем ухудшаться. В Колпине, вблизи Петрограда, юмандир отряда чекистов приказал стрелять по голодному маршу рабочих, чей месячный рацион уменьшился до двух фунтов муки! Десять убитых. В тот же день в Березовском Заводе неподалеку от Екатеринбурга рабочие проводиди митинг протеста против действий «большевистских комиссаров», обвиняя их в захвате лучших домов городка и в присвоении ста пятидесяти рублей контрибуции, взысканной с местных богачей. Отряд Красной гвардии открыл огонь по митингующим, и пятнадцать человек было убито. На следующий день власти округа ввели военное положение в этом рабочем городке, и четырнадцать человек были немедленно расстреляны местным ЧК, которое даже не снеслось по этому поводу с Москвой.

Во второй половине мая и в июне 1918 года были потоплены в крови многочисленные рабочие манифестации в Сормове, Ярославле, Туле, а также в таких индустриальных центрах Урала, как Нижний Тагил, Белорецк, Златоуст, Екатеринбург. Об участии в репрессиях местных ЧК свидетельствуют лозунги, широко распространявшиеся в рабочих кругах. В них содержатся протесты против «новой охранки», состоящей на службе у «комиссародержавия»[18].

С 8 по 11 июня под председательством Дзержинского проходила первая конференция местных органов ВЧК. На конференции присутствовало около сотни делегатов, представлявших 43 чрезвычайные комиссии на местах; на тот и мент в этих комиссиях работало уже 12 000 сотрудников — к концу 1918 года их станет 40 000, а к началу 1921 года 280 000. Провозгласив себя стоящей над Советами и даже, по словам некоторых большевиков, «над партией», конферен-ия объявила, что принимает на себя «по всей территории республики тяжесть борьбы с контрреволюцией в качестве высшего органа административной власти». Организационная схема ЧК, принятая в конце этой конференции, демонстрирует действительно широкие масштабы полномочий, возложенных на политическую полицию с первых дней июня 1918 года, т. е. еще *до всплеска кон*трреволюционных» восстаний лета 1918 года. Моделью для местных ЧК явилась «альма-матер» на Большой Лубянке. Местные «чрезвычайки» должны

были в кратчайшие сроки создать структуру из следующих отделов и подотделов: 1. Отдел по борьбе с контрреволюцией. Подотделы по работе в Красной Армии, среди монархистов, кадетов, правых эсеров и меньшевиков, анархистов, профсоюзов, нацменьшинств, иностранцев, по борьбе с алкоголизмом, по борьбе с погромами и по делам печати. 2. Следственный отдел. Подотделы: Красной Армии, монархистов, кадетов, правых эсеров и меньшевиков, анархистов и уголовных элементов, буржуазии и духовенства, профсоюзных и рабочих комитетов, иностранных подданных. По каждой из этих категорий соответствующие подотделы должны составлять списки подозрительных лиц. 3. Отдел по борьбе со спекуляцией и должностными преступлениями. 4. Транспортный отдел. 5. Оперативный отдел, ведающий боевыми частями ЧК[39].

Через два дня после окончания Всероссийской конференции чекистов был принят Декрет о восстановлении смертной казни. Смертная казнь, отмененная сразу же после Февральской революции, была восстановлена Керенским в июле 1917 года. Однако применение ее ограничивалось только фронтовой полосой, находящейся под военной юрисдикцией. Одним из первых постановлений II съезда Советов 26 октября (8 ноября) 1917 года смертная казнь была отменена вообще. Это решение вызвало бешеный гнев Ленина: «Ошибка, недопустимая слабость, пацифистская иллюзия!»[40] Ленин и Дзержинский не переставали добиваться восстановления смертной казни, прекрасно зная, что она без всякого «юридического крючкотворства» применяется таким надзаконным органом, как ЧК. Первый законный смертный приговор был вынесен революционным трибуналом 21 июня 1918 года: первым «контрреволюционером», расстрелянным «вполне законно», оказался адмирал Щастный.

20 июня 1918 года в Петрограде эсеровским боевиком был застрелен один из руководителей петроградских большевиков В. Володарский. Убийство Володарского произошло в период наивысшего напряжения в бывшей столице.

В течение предшествующих этому событию недель отношения между большевиками и рабочими Петрограда все ухудшались; за май — июнь Петроградская ЧК зарегистрировала семьдесят инцидентов: забастовок, митингов, антибольшевистских манифестаций. Участвовали в этих инцидентах преимущественно рабочие-металлисты, еще недавно (в 1917 году и ранее) пылкие приверженцы большевиков. Власти ответили забастовщикам локаутом* на всех крупных национализированных заводах, этот способ широко применялся и в последующие месяцы для преодоления сопротивления рабочих. За убийством Володарского последовала небывалая волна арестов в рабочих кругах Петрограда; Собрание рабочих уполномоченных — меньшевистская организация, координирующая оппозиционную деятельность среди рабочих, подлинная рабочая «контрвласть», противопоставлявшая себя большевистским Советам, — было распущено. За два дня было арестовано более восьмисот «зачинщиков». Рабочие ответили на эти массовые аресты призывом к всеобщей забастовке 2 июля.

Ленин послал руководителю петроградских большевиков Зиновьеву письмо. Этот документ показывает нам, с одной стороны, как Ленин относился к террору, а с другой — какими иллюзиями мог жить этот политик. Это действительно чудовищная политическая ошибка — считать, что рабочие волнения вызваны убийством Володарского! Приводим это письмо.

* Локаут — закрытие предприятий и массовое увольнение рабочих с целью заставить их отказаться от своих требований. *(Прим. ред.)*

«Товарищ Зиновьев! Только сегодня мы услыхали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские цекисты или пекисты) удержали.

Протестую решительно!

Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную инициативу масс, вполне правильную.

Это не-воз-мож-но!

Террористы будут считать нас тряпками. Время архиважное. Надо поощрять энергичность и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего решает. Привет! Ленин»[42].

3

Красный террор

Болыпевики в открытую говорят, что их дни сочтены, — доносил 3 августа 1918 года своему правительству германский посол в Москве Карл Гельфрейх. — Москву охватила настоящая паника... По городу ходят невероятные слухи об «изменниках», проникших в Москву».

Никогда большевики не чувствовали, что их положение так шатко, как в летние месяцы 1918 года. Их власти, контролирующей территорию, равную былому Московскому царству, грозили с трех сторон мощные антибольшевистские силы, С юга, из Донской области, угрожали казаки атамана Краснова и Белая армия генерала Деникина; на западе вся Украина была в руках германских войск и Центральной Рады (украинского национального правительства); и наконец, по всему протяжению Транссибирской железнодорожной магистрали важнейшие города оказались под ударами Чехословацкого корпуса, поддержанного эсеровским правительством в Самаре.

В районах же, остававшихся под контролем большевиков, в течение лета 1918 года то и дело вспыхивали восстания и бунты; чаще всего они были вызваны беззастенчивым грабежом крестьян, осуществлявшимся продотрядами, запретами на свободную торговлю и насильственной мобилизацией в части Красной Армии[1]. Толпы возмущенных крестьян врывались в близлежащие города, подступали к зданию местного Совета, пытаясь иной раз поджечь его или разгромить. Как правило, инциденты подавлялись: воинская часть, милиция, призванная обеспечивать порядок, или, все чаще и чаще, особые отряды ЧК не раздумывая пускали в ход оружие.

Во всех этих умножавшихся изо дня в день выступлениях большевистские руководители видели проявления широкого контрреволюционного заговора, направленного против их власти «кулаками и скрытыми белогвардейцами».

«В Нижнем явно готовится белогвардейское восстание, — телеграфирует Ленин 9 августа 1918 года председателю Нижегородского губисполкома Федорову в ответ на его сообщение о волнениях недовольных реквизициями крестьян, — надо напрячь все силы, составить «тройку» диктаторов (Вас, Маркина и др.), навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т. п.

Ни минуты промедления. Проведите массовые обыски. За ношение оружия — расстрел. Организуйте массовую высылку меньшевиков и других подозрительных элементов»[2]. На следующий день, 10 августа, телеграмма такой же тональности отправлена в Пензенский губисполком:

«Товарищи! Восстание пяти волостей кулачья должно повести к беспощадному подавлению. Этого требует интерес всей революции, ибо теперь взят «последний решительный бой» с кулачьем. Образец надо дать.

1) Повесить (непременно повесить, *дабы народ видел)* не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц.

2) Опубликовать их имена.

3) Отнять у них весь хлеб.

4) Назначить заложников — согласно вчерашней телеграмме.

Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал, знал, кричал: душат и задушат кровопийц кулаков.

Телеграфируйте получение и исполнение.

Ваш Ленин.

Найдите людей потверже»[3].

В действительности же, как свидетельствует внимательное изучение донесений ВЧК о восстаниях лета 1918 года, только мятежи в Ярославле, Рыбинске и Муроме, организованные «Союзом защиты родины и свободы» под руководством эсера Бориса Савинкова, да еще восстание рабочих Ижевского оружейного завода, подготовленное местными меньшевиками и эсерами, были, по-видимому, спланированы заранее. Все же другие восстания были стихийными и вызывались сопротивлением крестьянской массы реквизициям и насильственной мобилизации.

Войскам Красной Армии и отрядам чекистов хватило нескольких дней для подавления всех этих восстаний, и только в Ярославле восставшие смогли продержаться две недели. После падения города Дзержинский направил туда специальную следственную комиссию, которая за пять дней, с 24 по 28 июля, расстреляла 428 человек[4].

В течение августа 1918 года, т. е. еще до «официального» провозглашения 3 сентября красного террора, большевистские руководители, и прежде всего Ленин и Дзержинский, отправили в различные местные органы ЧК или партийные комитеты множество телеграмм с требованием принять «профилактические меры» для предупреждения попыток восстания. Среди этих мер, объяснял Дзержинский, «самая действенная — взятие заложников среди буржуазии, исходя из списков, составленных вами для взыскания наложенной на буржуазию контрибуции <... > арест и заключение всех заложников и подозрительных в концентрационных лагерях»[5]. 10 августа Ленин предлагает наркому продовольствия Цюрупе проект декрета: «... в каждой хлебной волости 25—30 заложников из богачей, отвечающих жизнью за сбор и ссыпку всех излишков».

Цюрупа прикинулся непонимающим, указав, что взятие заложников весьма трудно осуществить. Ленин отправил ему вторую, совершенно недвусмысленную записку: «Я предлагаю «заложников» не взять, а *назначить поименно* по волостям. Цель назначения именно богачи, так как они отвечают за контрибуцию, отвечают жизнью за немедленный сбор и ссыпку излишков хлеба в каждой волости»[6].

Помимо системы заложничества большевистские руководители применили летом 1918 года другой репрессивный инструмент, возникший в России во время войны, а именно концентрационные лагеря. 9 августа 1918 года Ленин телеграфировал в Пензенский губисполком: «Необходимо произвести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города»[7].

Несколькими днями ранее Дзержинский и Троцкий подобным образом приказывали заключать заложников в «концентрационные лагеря». Заключение в эти лагеря не требовало никакой судебной процедуры и осуществлялось

как элементарная административная мера в отношении «сомнительных». Концентрационные лагеря для военнопленных существовали во время войны как в России, так и в других воюющих государствах, но концлагеря для лиц гражданских — изобретение большевиков.

Среди «сомнительных элементов», подлежащих превентивному аресту, на первом месте фигурировали еще остающиеся на свободе видные политики оппозиционных партий. 15 августа Ленин и Дзержинский подписали ордера на арест Мартова, Дана, Потресова, Гольдмана, лидеров партии меньшевиков, партии, газеты которой к этому времени были уже обречены на молчание, а представители — изгнаны из Советов[8].

Отныне для большевиков не существовало границ между различными категориями лиц, противостоящих им в гражданской войне, которая, как они считали, имеет свои законы.

«Гражданская война не знает писаных законов, — утверждал в *«Известиях»* 23 августа 1918 года М. Лацис, главный помощник Дзержинского. — Капиталистические войны имеют свои писаные законы, <... > но у гражданской войны законы свои. <... > Надо не только разгромить действующие вражеские силы, но и показать, что кто бы ни поднял меч против существующего классового строя, от меча и погибнет. По таким правилам действовала буржуазия в гражданских войнах, которые она вела против пролетариата. <... > Мы еще недостаточно усвоили эти правила. Они убивают нас сотнями и тысячами. Мы казним их по одному, после долгих обсуждений перед комиссиями и судами. В гражданской войне нет места для суда над врагами. Это — смертельная схватка. Если не убьешь ты, убьют тебя. И если ты не хочешь быть убитым, убей сам!»[9]

Совершенные 30 августа 1918 года два террористических акта —один против главы Петроградской ЧК М. С. Урицкого, второй против Ленина — укрепили большевиков в мысли, что их власти угрожает широко разветвленный заговор. В действительности эти два покушения никак не были связаны между собой. Первое было совершено в безукоризненных традициях народнического терроризма Леонидом Канегисером, пожелавшим отомстить за группу офицеров, расстрелянных за несколько дней до этого Петроградской ЧК Что же касается второго, направленного против Ленина, то оно долгое время приписывалось эсеровской активистке Фанни Каплан, арестованной на месте преступления и расстрелянной через три дня без какой-либо судебной процедуры. Но сейчас появляются некоторые данные в пользу того, что это покушение — результат провокации, организованной ЧК, избавившейся вслед за тем от исполнителей[10]. Большевистское правительство тотчас же приписало эти покушения «правым эсерам, прислужникам англо-французского империализма». На следующий после покушения день в газетных статьях и правительственных сообщениях зазвучали призывы к террору.

«Трудящиеся, — писала *«Правда»* 31 августа 1918 года, — настал час, когда мы должны уничтожить буржуазию, если мы не хотим, чтобы буржуазия уничтожила нас. Наши города должны быть беспощадно очищены от буржуазной гнили. Все эти господа будут поставлены на учет и те из них, кто представляет опасность для революционного класса, уничтожены. <... > Гимном рабочего класса отныне будет песнь ненависти и мести!»

В тот же день Дзержинский и его заместитель Петерс составили обращение «К рабочему классу», выдержанное в подобном же духе: «Пусть рабочий класс раздавит массовым террором гидру контрреволюции! Пусть враги рабо-

чего класса знают, что каждый задержанный с оружием в руках будет расстрелян на месте, что каждый, кто осмелится на малейшую пропаганду против советской власти, будет немедленно арестован и заключен в концентрационный лагерь!» Этот призыв был опубликован в *«Известиях»* 3 сентября, на следующий день в тех же *«Известиях»* появилась инструкция народного комиссара внутренних дел Г. Петровского всем местным Советам. Посетовав на то, что, несмотря на «массовые расстрелы десятками тысяч наших товарищей», все еще не введен массовый террор против «эсеров, белогвардейцев и буржуазии», Петровский продолжает:

«Расхлябанности и миндальничанью должен быть немедленно положен конец. Все известные правые эсеры должны быть немедленно арестованы. Из буржуазии и офицерства должно быть взято значительное количество заложников. При малейших попытках сопротивления должен применяться массовый расстрел. Местные губисполкомы должны проявить в этом направлении особую инициативу. Отделы милиции и чрезвычайные комиссии должны принять все меры к выяснению и аресту всех подозреваемых с безусловным расстрелом всех замешанных в контр. р. [контрреволюционной] и белогвардейской работе. <„. >

О всяких нерешительных в этом направлении действиях тех или иных органов местных советов Завуправы исполкомов обязаны немедленно донести народному комиссариату Внутренних Дел. <... > Ни малейших колебаний, ни малейшей нерешительности в применении массового террора!»[11].

Эта инструкция, сигнализирующая об официальном начале красного террора, опровергает позднейшие утверждения Дзержинского и Петерса, что красный террор, как выражение всеобщего стихийного возмущения масс покушениями 30 августа 1918 года, начался без всякого указания Центра». На самом деле красный террор явился как бы естественным выходом клокотавшей во многих большевиках абстрактной ненависти к «эксплуататорам», которых они готовы были уничтожать не только индивидуально, но и «как класс». В своих воспоминаниях видный меньшевик Рафаил Абрамович сообщает о беседе с Феликсом Дзержинским, будущим главарем ВЧК. Беседа эта состоялась в августе 1917 года:

«— Абрамович, ты помнишь речь Лассаля о сущности конституции?

—Конечно.

—Он говорил, что всякая конституция определяется отношениями социальных сил в стране на данный момент. Вот я и интересуюсь, как можно изменить это политическое и социальное соотношение.

—Ну, различными процессами политической и экономической эволюции, возникновением новых экономических форм, появлением и развитием некоторых социальных классов, все эти вещи ты же, Феликс, прекрасно знаешь.

—Да, но почему нельзя радикально изменить это соотношение? Например, подавлением или уничтожением каких-либо классов?»[12].

Эта холодная, расчетливая, циничная жестокость, плод доведенной до крайности логики беспощадной «войны классов», характеризовала многих большевиков. Вот что заявлял в сентябре 1918 года один из их руководителей, Григорий Зиновьев, на страницах газеты *«Северная коммуна»:* «Чтобы успешно бороться с нашими врагами, мы должны иметь собственный, социалистический гуманизм. Мы должны завоевать на нашу сторону девяносто из ста миллионов жителей России под Советской властью. Что же касается остальных, нам нечего им сказать. Они должны быть уничтожены»[13].

5 сентября Советское правительство легализовало террор знаменитым Декретом о красном терроре: «При данной ситуации <... > усиление деятельности ВЧК является прямой необходимостью <... >. Необходимо обезопасить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в лагеря. Подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам. Необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения этой меры»[14]. Позднее Дзержинский признавался: «Законы 3 и 5 сентября наконец-то наделили нас законными правами на то, против чего возражали до сих пор некоторые товарищи по партии, на то, чтобы кончать немедленно, не испрашивая ничьего разрешения, с контрреволюционной сволочью».

В секретном циркуляре от 17 сентября Дзержинский предлагает местным ЧК «ускорить и закончить, *т. е. ликвидировать,* нерешенные дела»[15]. В действительности же «ликвидации» начались 31 августа. 3 сентября *«Известия»* сообщили, что в предыдущие дни в Петрограде местной ЧК было расстреляно свыше 500 заложников. Из чекистских источников известно, что в течение сентября в Петрограде было расстреляно 800 человек. Эта цифра сильно преуменьшена. Очевидец событий описывает следующие подробности: «Что касается Петрограда, то, при беглом подсчете, число казней достигает 1300. <... > В своей статистике большевики не учитывают сотен офицеров и гражданских лиц, которые были расстреляны в Кронштадте по приказу местных властей. В одном только Кронштадте за одну ночь было расстреляно 400 человек. Во дворе были вырыты три больших ямы, 400 человек поставлены перед ними и расстреляны один за другим»[16]. В интервью, данном 3 ноября 1918 года газете *«Утро Москвы»,* правая рука Дзержинского Я. X. Петерс признавал: «В Петербурге, я бы сказал, истерическому террору прикосновенны больше всего те мягкотелые чекисты, которые были выведены из равновесия и стали чересчур усердствовать.

До убийства Урицкого в Петрограде не было расстрелов — и я должен сказать, что вопреки распространенному мнению я вовсе не так кровожаден, как думают, — а после него слишком много и часто без разбора, тогда как Москва в ответ на покушение <на> Ленина ответила лишь расстрелом нескольких царских министров»[17]. Тем не менее, как сообщали *«Известия»,* 3 и 4 сентября в Москве было расстреляно *только* 89 заложников, принадлежащих к «контрреволюционному лагерю». Среди них два бывших министра Николая II — А. Хвостов (министр внутренних дел) и И. Щегловитов (министр юстиции). Однако существуют многочисленные свидетельства того, что в московских тюрьмах во время «сентябрьских убийств» были расстреляны сотни заложников.

И в эти дни красного террора Дзержинский отдает распоряжение об издании *«Еженедельника ВЧК».* Этому органу поручено было превозносить заслуги политической полиции и всячески поддерживать «справедливую жажду мести» в массах. Шесть недель, вплоть до своего закрытия Центральным Комитетом партии по требованию многих большевистских руководителей, *«Еженедельник»* методично, без всякого стыда и совести, сообщал о взятии заложников, заключениях в концентрационные лагеря, казнях и т. п. Он представляет собой официальный источник по истории красного террора за сентябрь и октябрь 1918 года. Там можно прочитать, что ЧК Нижнего Новгорода, действуя особенно оперативно под руководством Николая Булганина (будущего главы правительства СССР в 1955—1958 годах), расстреляла с 31 августа 141 заложника; 700 заложников было арестовано в течение трех дней.

В Вятке эвакуированная из Екатеринбурга Уральская ЧК отрапортовала о расстреле за неделю 23 «бывших жандармов», 154 «контрреволюционеров», 8 «монархистов», 28 «членов партии кадетов», 186 «офицеров» и 10 «меньшевиков и правых эсеров». ЧК Иваново-Вознесенска сообщила о взятии 181 заложника, казни 25 «контрреволюционеров» и об организации «концентрационного лагеря на 1000 мест». ЧК маленького городка Себежа казнила «16 кулаков и попа, отслужившего молебен в память кровавого тирана Николая II»; ЧК Твери — 130 заложников, 39 расстрелянных; Пермская ЧК — 50 казненных. Можно еще продолжать этот каталог смерти, извлеченный из шести вышедших номеров *«Еженедельника ВЧК»*[18].

И другие местные газеты осенью 1918 года также сообщают о сотнях арестов и казней. Ограничимся лишь двумя примерами: единственный вышедший номер *«Известий Царицынской Губчека»* сообщает о расстреле 103 человек за неделю между 3 и 10 сентября. С 1 по 8 ноября 1918 года перед трибуналом местной ЧК предстал 371 человек: 50 были приговорены к смерти, другие — «к заключению в концентрационный лагерь в качестве профилактической меры как заложники вплоть до полной ликвидации всех контрреволюционных восстаний». Единственный номер *«Известий Пензенской Губчека»* сообщает без всяких комментариев: «За убийство товарища Егорова, петроградского рабочего, присланного в составе продотряда, было расстреляно 152 белогвардейца. Другие, еще более суровые (!) меры будут приняты против тех, кто осмелится в будущем посягнуть на железную руку пролетариата»[19].

С недавних пор исследователям стали доступны секретные донесения местных ЧК в Москву. Из этих донесений *(сводок)* видно, с какой жестокостью, начиная с лета 1918 года, подавлялись малейшие попытки крестьянских сообществ воспротивиться как реквизиционным поборам продотрядов, так и насильственной мобилизации в армию; все эти попытки характеризовались как «мятежи кулаков-контрреволюционеров», которым нечего было рассчитывать на пощаду.

Было бы напрасно пытаться точно сосчитать число жертв этой первой волны красного террора. Один из видных руководителей ВЧК М. Лацис, утверждая, что за второе полугодие 1918 года ВЧК казнила 4 500 человек, не без цинизма добавил: «Если можно в чем-нибудь обвинить ЧК, то не в излишнем рвении к расстрелам, а в недостаточности применения высшей меры наказания. Строгая железная рука уменьшает всегда количество жертв»[20]. В конце октября 1918 года лидер меньшевиков Ю. Мартов считал, что жертв ЧК с начала сентября было «более чем десять тысяч»[21].

Каково бы ни было точное количество жертв красного террора осенью 1918 года (а мы можем пользоваться лишь сведениями прессы, которые позволяют считать, что их было никак не меньше 10—15 тысяч), этот террор решительным образом закрепил большевистскую практику рассматривать всякое несогласие, реальное или потенциальное, с точки зрения беспощадной классовой войны, у которой, как утверждал тот же М. Лацис, «законы свои». Стоило только рабочим начать забастовку, как весь завод тотчас же объявлялся местными властями «в состоянии мятежа». Так было в начале ноября 1918 года на большом оружейном заводе в Мотовилихе близ Перми, когда рабочие выступили против большевистского принципа снабжения «в зависимости от социального происхождения» и против превышения власти местными органами ЧК Никаких переговоров с забастовщиками: увольнение всех рабочих, арест зачинщи-

ков, поиски «контрреволюционеров-меньшевиков», подозреваемых в организации забастовки[22]. Такая практика была обычной в течение всего лета 1918 года. Однако в ноябре того же года в Мотовилихе местная ЧК, вдохновляемая призывами из центра, пошла дальше: более 100 забастовщиков были расстреляны без всякого суда.

Сама по себе эта цифра — от 10 000 до 15 000 казненных за два месяца — говорит о резком изменении масштаба репрессий по сравнению с царским режимом. Напомним, что за время с 1825 по 1917 год число смертных приговоров, вынесенных судами дореволюционной России (включая военные суды) по так называемым «политическим преступлениям» достигло за 92 года цифры 6 3бО, при максимуме в 1 310 приговоренных к смерти в 1906 году, в первый год реакции после революции 1905 года. За два месяца ВЧК казнила в два или три раза больше людей, чем приговорила к смертной казни царская Россия за 92 года, при этом надо учитывать, что в царской России все эти приговоры были вынесены после законной судебной процедуры, и значительная часть из них не была приведена в исполнение, но заменена каторжными работами[23].

Но это изменение коснулось не только цифр. Появление таких понятий, как «подозрительный», «враг народа», «заложник», «концентрационный лагерь», «революционный трибунал», неслыханная практика таких действий, как «профилактическое заключение», массовые расстрелы сотен и тысяч людей, арестованных без суда и следствия стоящей над законом ВЧК, произвели подлинный переворот в юридической практике и теории.

К такому перевороту оказались не готовы многие из большевистского руководства, об этом свидетельствует полемика, развернувшаяся в октябре — декабре 1918 года вокруг деятельности ВЧК. В отсутствие Дзержинского, посланного под чужой фамилией на месяц в Швейцарию поправить нервы и окрепнуть физически, Центральный Комитет РКП(б) обсудил 25 октября новое положение о ВЧК. Критикуя «полновластие организации, ставящей себя не только выше Советов, но и выше самой партии», Бухарин, партийный ветеран Ольминский и наркомвнудел Петровский требовали принять меры по ограничению «произвола организации, напичканной преступниками, садистами и разложившимися элементами люмпен-пролетариата». Была создана комиссия политконтроля. Вошедший в ее состав Каменев зашел настолько далеко, что предложил попросту упразднить ВЧК[24].

Однако вскоре лагерь безоговорочных сторонников ВЧК одержал верх. На его стороне выступили такие партийные светила, как Свердлов, Сталин, Троцкий и, конечно, Ленин. Последний решительно встал на защиту организации, «подвергшейся, за некоторые свои действия, несправедливым обвинениям со стороны ограниченной интеллигенции, <... > неспособной взглянуть на вопрос террора в более широкой перспективе»[25]. 19 декабря 1918 года по предложению Ленина ЦК партии постановил: «На страницах партийной и советской печати не может иметь место злостная критика советских учреждений, как это имело место в некоторых статьях о деятельности ВЧК, работы которой протекают в особо тяжелых условиях»[26]. На этом с дебатами было покончено. «Вооруженная рука пролетарской диктатуры» получила «индульгенцию», свидетельство непогрешимости. Как сказал Ленин, «хороший коммунист всегда и хороший чекист».

В начале 1919 года Дзержинский добивается в Центральном Комитете партии создания специального отдела ВЧК, которому поручаются вопросы во-

енной безопасности. 16 марта 1919 года Дзержинский был назначен народным комиссаром внутренних дел, оставаясь председателем ВЧК. Он проводит реорганизацию милиции и вспомогательных войск (железнодорожной милиции, продовольственных отрядов, пограничной стражи, боевых рот ЧК), разделенных до того времени между разными ведомствами. В мае 1919 года все они объединяются в особый корпус — Войска внутренней охраны республики (ВОХР), выросший до 200 000 человек к 1921 году. Этим войскам поручалась охрана концентрационных лагерей, железнодорожных станций и других стратегических пунктов, они осуществляли реквизиции и, разумеется, подавление крестьянских восстаний, вызванных этими реквизициями, рабочих волнений и мятежей в Красной Армии. Специальные части ЧК и Войска внутренней охраны республики — в общем и целом почти 200 000 человек — представляли собой мощный инструмент контроля и подавления; это была поистине армия внутри страдавшей от дезертирства Красной Армии, которая, хотя и считалась теоретически весьма многочисленной (от 3 до 5 миллионов человек), в действительности никогда не могла выставить более 500 тысяч вооруженных солдат[27].

В одном из первых декретов нового Наркомвнудела подводилась юридическая база под существование концлагерей, устанавливались принципы их организации, которые существовали с лета 1918 года без какой-либо реглментирующей юридической базы. В декрете от 15 апреля 1919 года проводилось различие между двумя типами лагерей: принудительно-трудовыми лагерями, куда попадали лица по приговорам трибуналов, и концентрационными, предназначенными, главным образом, для заложников (в этом случае было достаточно простого административного решения). На деле же разница между двумя типами была чисто теоретическая, что доказывает дополнительная инструкция от 17 мая 1919 года. Эта инструкция, помимо создания в каждой губернии по меньшей мере одного лагеря с минимальной вместимостью на триста мест», предусматривала шестнадцать категорий заключенных. Среди них фигурировали такие разные категории, как «заложники из кругов высшей буржуазии», «чиновники старого режима от коллежского асессора, прокуроры и их помощники, городские головы и исправники», лица, осужденные при советской власти за такие преступления, как тунеядство, сводничество, проституция», «дезертиры и солдаты, взятые в плен во время гражданской войны» и т. д. [28]

Число заключенных как в трудовых, так и в концентрационных лагерях, постоянно росло в течение 1919—1921 годов: от приблизительно 16 000 в мае 1919 года до 70 000 в сентябре 1921 года[29]. Но при этом не принимаются в расчет лагеря, созданные непосредственно в зоне восстаний против советской власти: только в одной Тамбовской губернии к лету 1921 года насчитывалось семь подобных лагерей, предназначенных для репрессий против восставших крестьян. В них содержалось по крайней мере 50 000 «бандитов» и членов их семей, взятых в заложники[30].

4

«Грязная война»

Гражданскую войну в России обычно рассматривают как столкновение красных (большевиков) и белых (монархистов). В действительности же, за весьма зыбкими и подвижными линиями противостояния Красной Армии и разнородных формирований, составлявших Белую армию, происходили не менее важные события. Эта ипостась гражданской войны, называемая «внутренним фронтом», характеризуется разнообразными репрессиями властей предержащих, как красных, так и белых, — впрочем, репрессии красных отличались большим размахом и систематичностью. Они были направлены против политически активных членов оппозиционных партий или групп, против бастующих рабочих, против дезертиров, а то и просто против всех граждан, принадлежащих к подозрительным или «враждебным» социальным группам, единственная вина которых заключалась в том, что они оказались в городе или поселке, только что отвоеванном «у врагов». Борьба на внутреннем фронте гражданской войны была прежде всего сопротивлением тысяч крестьян, уклонившихся от мобилизации или дезертировавших из обеих армий; они не были ни красными, ни белыми — они были зелеными. Под этим именем они вошли в историю гражданской войны, и их роль в отдельных сражениях и кампаниях иногда оказывалась решающей.

Так, летом 1919 года именно мощные крестьянские восстания против большевиков на Средней Волге и Украине позволили армиям Колчака и Деникина прорвать фронт Красной Армии и продвинуться на сотни километров. Точно так же, несколькими месяцами позже, восстание сибирских крестьян, возмущенных восстановлением дореволюционных земельных порядков, способствовало разгрому войск адмирала Колчака и победе Красной Армии.

Собственно крупные военные операции белых и красных длились немногим больше года (с конца 1918 до начала 1920 года), и то, что мы привыкли называть гражданской войной, оборачивается в массе своих проявлений «грязной войной», войной с целью «усмирения», которую вели военные или гражданские власти, белые или красные, против всех своих действующих или потенциальных противников на территориях, находившихся в данный момент под контролем этих властей. На территориях, принадлежавших красным, это были «классовая борьба» с «бывшими», «буржуями», «социально чуждыми элементами», преследование активистов небольшевистских партий, подавление рабочих стачек, волнений в ненадежных частях Красной Армии, крестьянских восстаний. На «белых» территориях это была охота за теми, кто подозревался в сотрудничестве с «жидо-большевиками».

Монополия на террор не принадлежала исключительно большевикам, существовал и белый террор, самым страшным проявлением которого была волна еврейских погромов, прокатившаяся по Украине летом и осенью 1919 года. На счету армии Деникина и воинства Петлюры почти 150 тысяч жертв. Но, как подчеркивали многие исследователи красного и белого террора времен гражданской войны, это явления не одного порядка. Политика большевистского террора была более продумана, организована, возведена в систему и одобрена еще до начала гражданской войны. Красный террор имел также теоретическую базу и был направлен против целых общественных групп. Белый террор никогда не вырастал до уровня системы, он почти всегда был делом отдельных отрядов, вышедших из-под контроля военного командования, пытавшегося в Белом движении играть роль правительства. Если исключить погромы, которые Деникин осудил, остальные акты террора представляют собой политические репрессии на уровне служб военной контрразведки. Но ЧК и Войска внутренней охраны республики создали для борьбы со шпионажем белых репрессивный инструмент, куда более организованный и могущественный, пользующийся всеми благами, которые мог ему обеспечить советский режим[1].

Как в любой гражданской войне, здесь весьма трудно составить общую картину различных форм репрессий и типологию террора, совершавшегося тем или другим противоборствующим лагерем. Но анализ большевистского террора — а мы занимаемся именно его исследованием — позволяет наметить те группы, к которым террор начал применяться еще до начала гражданской войны. Это следующие группы:

—политики небольшевистских партий, начиная с анархистов и кончая монархистами;

—рабочие, борющиеся за свои элементарные права: зарплату, работу, минимум свободы и уважения;

—крестьяне, часто дезертиры, вовлеченные в одно из крестьянских восстаний или волнений в частях Красной Армии;

—казаки, подвергшиеся массовой депортации как социальная и этническая группа, враждебная Советской власти. Расказачивание предвосхитило массовые депортации 30-х и 40-х годов (раскулачивание и высылка целых этнических групп) и подчеркнуло последовательность и связь ленинских и сталинских методов репрессий;

—«социально чуждые элементы» и другие «враги народа», «подозреваемые», «заложники», ликвидируемые превентивно, особенно в случаях, когдабольшевикам приходилось спешно уходить из какой-либо местности под натиском белых.

Репрессии, затронувшие разные оппозиционные большевикам партии, относятся, без сомнения, к наиболее исследованным. Существуют многочисленные свидетельства, оставленные ведущими политиками этих партий, отсидевшими в тюрьмах, отправленными в изгнание, но в большинстве своем оставшимися в живых, в отличие от рядовых рабочих и крестьянских активистов, расстрелянных без суда или ставших жертвами массовых убийств во время чекистских карательных операций.

Одним из первых подобных действий была чекистская атака на московских анархистов 11 апреля 1918 года, во время которой несколько десятков человек были расстреляны на месте. Борьба с анархистами продолжалась и в по-

следующие годы, хотя кое-кто из них вступил в ряды большевиков и даже, как Александр Гольдберг, Михаил Бренер и Тимофей Самсонов, занимал важные посты в ЧК. Дилемму большинства анархистов, которые были против как диктатуры большевиков, так и возврата к старым порядкам, иллюстрируют метания крупнейшего вождя анархистов Нестора Махно. Вместе с Красной Армией он воевал против белых, а когда белая угроза исчезла, ему, чтобы отстоять свои идеалы, пришлось повернуть оружие против Красной Армии. Тысячи безвестных анархистских бойцов были расстреляны «за бандитизм» во время репрессий против повстанческой армии Махно и его сторонников. Эти крестьяне и составляют большинство жертв среди анархистов, если судить по документу, разумеется, не полному, но единственно доступному, представленному русскими изгнанниками-анархистами в 1922 году в Берлине. Согласно этому документу, 138 анархистских активистов были расстреляны в течение 1919—1921 годов, 281 эмигрировал и 608 находились к 1 января 1922 года в советских тюрьмах и лагерях[2].

До февраля 1919 года к партии левых эсеров (союзникам большевиков до июля 1918 года) относились сравнительно мягко. Их прославленный лидер Мария Спиридонова в декабре 1918 года председательствовала на допущенном большевиками съезде своей партии и выступила с решительным осуждением повседневного террора ЧК. 10 февраля 1919 года она, как и 210 других участников съезда, была арестована и приговорена революционным трибуналом к «помещению в санаторий ввиду своего истерического состояния». Здесь мы встречаемся с первым примером заключения противников Советской власти в психиатрические лечебницы. Спиридоновой удалось бежать, и она руководила партией левых эсеров, запрещенной большевиками, из подполья. Согласно чекистским источникам, 58 левоэсеровских организаций было ликвидировано в 1919 году и 45 — в 1920. В результате операций, проведенных за эти два года, 1875 левых эсеров лишились свободы, оказавшись заложниками. Действовали директивы Дзержинского, объявившего 18 марта 1919 года: «Отныне ВЧК не будет делать разницы между белогвардейцами типа Краснова и белогвардейцами из социалистического лагеря <... >. Арестованные эсеры и меньшевики будут рассматриваться как заложники, и их участь будет зависеть от политического поведения их партий»[3].

Правые эсеры всегда воспринимались большевиками как соперники самые опасные. Никто не забыл об их широкой популярности осенью 1917 года, когда на выборах в Учредительное собрание они завоевали большинство мест. И после разгона Учредительного собрания эсеры сохранили свои места в Советах и Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете, откуда они были изгнаны вместе с меньшевиками в июне 1918 года. Часть эсеровских вождей совместно с конституционными демократами (кадетами) и меньшевиками приняли участие в формировании эфемерных правительств в Самаре и Омске, вскоре разогнанных адмиралом Колчаком. Социалистам-революционерам (эсерам) и меньшевикам, оказавшимся меж двух огней, между большевиками и белыми, пришлось испытать много трудностей при выработке логичной политики противостояния большевистскому режиму, который, столкнувшись с социалистической оппозицией, искусно маневрировал, переходя от методов успокоения и проникновения в круги оппозиционеров к жесточайшим репрессиям.

Так, разрешив в момент самых успешных действий наступающих войск Колчака (между 20 и 30 марта 1919 года) возобновление выхода эсеровской га-

зеты *«Дело народа»,* ВЧК 31 марта провела широкую облаву на эсеров и меньшевиков, хотя в тот период партии эти не были официально запрещены. Более 1 900 умеренных социалистов были арестованы в Москве, Туле, Смоленске, Воронеже, Пензе, Самаре, Костроме[4]. А сколько было расстреляно во время подавления стачек, рабочих и крестьянских восстаний, в которых меньшевики и эсеры часто играли главные роли? Данных об этом у нас практически нет, так как лаже в тех случаях, когда общее число жертв известно (хотя бы приблизительно), никто не знает, каков был процент членов политических группировок, погибших во время подобных акций.

Вторая волна арестов последовала после статьи Ленина, появившейся в *•Правде»* 28 августа 1919 года. В этой статье Ленин в который раз бичевал эсеров и меньшевиков: «Меньшевики и эс-эры на деле — пособники помещиков и капиталистов». В последние четыре месяца 1919 года, по данным ВЧК, было арестовано 2380 эсеров и меньшевиков[5]. 23 мая 1920 года на митинге, прово-дившемся в Петрограде профсоюзом типографщиков в честь английской ра-бочей делегации, выступил человек, едко высмеявший чекистов и Советское правительство. Это был один из лидеров эсеров Виктор Чернов, бывший недолгое время председателем разогнанного большевиками Учредительного собрания; его активно разыскивала ЧК, и он выступал в парике и гриме. Сразу же после такого казуса чекисты рьяно взялись за дело. Все члены семьи Чернова были арестованы и объявлены заложниками, а еще остававшиеся на свободе эсеровские лидеры — брошены в тюрьму[6]. В течение лета 1920 года более двух тысяч эсеровских и меньшевистских активистов подверглись аресту и попали в заложники. Предназначенный для внутреннего пользования документ ВЧК, датированный 1 июля 1920 года, показывает, каким редким цинизмом отлича-
ются действия чекистов против социалистической оппозиции:

«Запрет этих партий приведет к тому, что они уйдут в подполье и их будет трудно держать под контролем. Предпочтительнее оставить их на полулегальном положении. Таким образом за ними легче будет вести наблюдение и по необходимости привлекать смутьянов, а также ренегатов и других возможных поставщиков полезной информации. <... > Против этих антисоветских партий необходимо использовать ситуацию происходящей в настоящее время войны для обвинения их членов в таких преступлениях, как «контрреволюционная деятельность», «государственная измена», «разложение тыла», «шпионаж в пользу интервенционистских держав» и тд. »[7].

С особой тщательностью новая власть пыталась скрыть репрессии против рабочего класса, от имени которого большевики взяли власть. Начавшись в 1918 году, эти репрессии применялись все чаще и чаще в течение 1919—1920 годов, чтобы достичь кульминации в хорошо известных событиях в Кронштад те 1921 года. Ослабление веры в большевиков у рабочих Петрограда наблюдается уже в первые дни 1918 года. После провала всеобщей стачки 2 июля 1918 го да второй подъем рабочих волнений в бывшей столице обозначился в марте
1919 года, после того как большевиками были арестованы многие ведущие эсеры и, в том числе, Мария Спиридонова, только что с триумфом завершившая целую серию блестящих выступлений на важнейших заводах Петрограда. Эти аресты, проведенные в сгущающейся атмосфере нехватки продовольствия, вызвали волну протестов и забастовок. 10 марта общее собрание рабочих Пути-ловского завода (10 000 участников) одобрило воззвание, осуждающее боль-

шевиков, чье правительство «представляет собой диктатуру Центрального Комитета партии коммунистов и правит с помощью ЧК и революционных трибуналов»[8].

В воззвании были выдвинуты требования перехода всей власти к Советам, свободных выборов в Советы и заводские комитеты, отмены ограничений на ввоз рабочими продуктов питания из деревни в Петроград (разрешено было только полтора пуда (24 килограмма) муки в месяц на семью), освобождения всех политических заключенных из числа «настоящих революционных партий» и особенно Марии Спиридоновой. С целью обуздания все шире распространявшихся рабочих волнений 12 марта в Петроград прибыл сам Ленин. Однако, когда он попытался взять слово на захваченном бастующими рабочими заводе, его, как и Зиновьева, встретили свистом и криками: «Долой евреев и комиссаров!»[9]. Таящийся в темных глубинах и всегда готовый вырваться на поверхность народный антисемитизм тотчас же, как только большевики утратили кредит доверия, ассоциировал их с евреями.

16 марта войска Петроградской ЧК взяли штурмом Путиловский завод. Около 900 рабочих были арестованы немедленно. В последующие дни примерно 200 забастовщиков были бессудно расстреляны в Шлиссельбургской крепости в пятидесяти километрах от Петрограда. Согласно новому порядку, уволенные забастовщики могли быть вновь приняты на работу только после подписания ими заявления, в котором они признавались, что поддались на «подстрекательства контрреволюционных зачинщиков» и совершили преступление[10]. Отныне рабочие находились под неусыпным надзором. С весны 1919 года секретный отдел ЧК имел на всех важных заводах осведомителей из рабочей среды, которым было поручено поставлять регулярную информацию о настроениях на том или ином заводе.

Весна 1919 года отмечена жестоко подавленными забастовками во многих рабочих центрах России: в Туле, Сормове, Орле, Твери, Брянске, Иваново-Вознесенске, Астрахани[11]. Требования рабочих повсюду были почти одинаковы. Доведенные до голода нищенским жалованьем, которого едва хватало на оплату скудных (полфунта хлеба в день на человека) карточных рационов, забастовщики требовали уравнивания их пайков с солдатскими пайками Красной Армии. Но, главное, они выдвигали и политические требования: отмена привилегий для коммунистов, освобождение всех политических заключенных, свободные выборы в заводской комитет и в совет, прекращение набора в Красную Армию, свобода союзов, слова, печати и т. п.

Наиболее опасным для большевиков было то обстоятельство, что в эти движения часто оказывались вовлеченными расквартированные в рабочих городах части Красной Армии. В Орле, Брянске, Гомеле, Астрахани взбунтовавшиеся красноармейцы присоединялись к забастовщикам и с криками «Бей жидов! Долой большевистских комиссаров!» овладевали многими городскими кварталами, где предавались безудержному грабежу, пока подоспевшие отряды чекистов и верные режиму войска не отбивали (порой в результате многодневных боев) эти районы[12].

Репрессивные меры против забастовщиков и бунтовщиков предпринимались самые разнообразные: от массовых локаутов с лишением продовольственных карточек («костлявая рука голода» была эффективным орудием большевистской власти) до массовых — сотнями человек — расстрелов.

Среди наиболее значительных эпизодов подобных репрессий в марте — апреле 1919 года следует назвать события в Туле и Астрахани. 3 апреля 1919 го-

да Дзержинский лично прибыл в Тулу, чтобы ликвидировать забастовку на оружейных заводах. Зимой 1918—1919 годов эти жизненно необходимые Красной Армии заводы, производившие 80% винтовок, уже становились ареной забастовок и кратковременных остановок работы («волынки»). Среди высококвалифицированных рабочих Тулы было немало меньшевиков и эсеров. Их арест в начале марта 1919 года, когда под стражу было взято несколько сот человек, вызвал волну протестов, достигшую пика 27 марта во время громадного «марша за свободу и против голода», собравшего тысячи рабочих и железнодорожников. 4 апреля Дзержинский распорядился арестовать еще 800 «зачинщиков» и очистить заводы, уже в течение нескольких недель занятые бастующими. Все рабочие были уволены. Сопротивление было задушено рукой голода. В течение многих недель карточки рабочих не отоваривались. Чтобы получить новые карточки на 250 граммов хлеба и вернуться на предприятия, рабочие должны были подписать прошение о приеме на работу, в котором указывалось, что всякая остановка работы приравнивается к дезертирству, влекущему за собой наказание вплоть до смертной казни. 10 апреля работа возобновилась. Накануне 26 «зачинщиков» были расстреляны[13].

Расположенная в дельте Волги Астрахань приобрела весной 1919 года важное стратегическое значение: этот город стал последней преградой, препятствующей соединению войск Колчака, наступающего с северо-востока, и Деникина, идущего с юго-запада. Возможно, именно это обстоятельство объясняет ту чрезвычайную жестокость, с которой была подавлена в марте 1919 года стачка рабочих в этом городе. Она началась в первых числах марта по причинам как экономическим (снижение продовольственного рациона), так и политическим (арест социалистических активистов). 10 марта, когда красноармейцы 45-го пехотного полка отказались стрелять в рабочую демонстрацию, проходившую по центру города, стачка приняла другой характер. Присоединившись к забастовщикам, солдаты двинулись к зданию горкома партии, разгромили его и убили нескольких ответственных работников. СМ. Киров, председатель Временного военно-революционного комитета Астраханской губернии, приказал «уничтожать безжалостно белогвардейских гадов». Оставшиеся верными правительству части и отряды ЧК, заблокировав все подступы к городу, начали методическое вытеснение мятежников из занятых ими кварталов. Когда тюрьмы оказались наполненными до отказа, забастовщиков и солдат-бунтарей погрузили на баржи и с привязанными на шею камнями сотнями сбросили в Волгу. От двух до четырех тысяч пленных было расстреляно и утоплено в дни 12—14 марта. Начиная с 15 марта взялись за городскую буржуазию, ведь это «буржуи» стояли во главе заговора «белогвардейцев» и «вдохновляли» его, а рабочие и красноармейцы были всего лишь мелкой сошкой. За два дня дома богатых торговцев Астрахани были разграблены, а их владельцы арестованы и убиты. Точное количество убитых в Астрахани «буржуев» установить трудно, но оценки колеблются между 600 и 1000 человек. А в общей сложности за одну неделю было расстреляно и утоплено от 3 до 5 тысяч человек Что же касается числа коммунистов, убитых и сгоревших во время грандиозного пожара 18 марта, в день Парижской коммуны, то, по данным властей, погибло 47 человек. Астраханские убийства долгое время рассматривались в ряду других, более или менее жестоких эпизодов войны между белыми и красными, но теперь, в свете документов из ставших доступными архивов, они предстают как наиболее грандиозная расправа большевиков с рабочими, если не считать Кронштадта 1921 года[14].

В последние месяцы 1919 и в начале 1920 года отношения между большевистской властью и рабочим классом осложнились еще больше ввиду перевода на военное положение более чем двух тысяч предприятий. Главный защитник идеи милитаризации труда Лев Троцкий в марте 1920 года в докладе IX съезду РКП(б) «Очередные задачи хозяйственного строительства» развивал следующую концепцию. Троцкий объяснял, что человек по своей природе склонен лениться. При капитализме рабочий вынужден искать работу, чтобы прокормить себя. Это и есть капиталистический рынок, побуждающий работать. При социализме «на место рынка встает рациональное использование трудовых ресурсов». Задача государства — направить, взять на учет и организовать рабочих, которые должны по-солдатски подчиняться рабочему государству, защитнику интересов пролетариата. Таковы были основные положения и смысл политики милитаризации труда, вызвавшие критику со стороны некоторых представителей профсоюзов и большевистских руководителей. На деле эта политика означала запрещение забастовок, которые приравнивались к дезертирству из действующей армии в военное время, укрепление дисциплины и усиление роли дирекции и функций управления, полное подчинение профсоюзов и производственных комитетов, чья роль отныне ограничивалась вопросами производства, запрещение рабочим самовольно покидать свои рабочие места, установление наказаний за прогулы и опоздания, весьма частые в ту пору, когда рабочим приходилось тратить немало времени на долгие и чаще всего напрасные поиски пропитания.

К недовольству рабочих, вызванному милитаризацией, прибавились все возрастающие трудности повседневной жизни. Вот характерное донесение ВЧК правительству от 6 декабря 1919 года: «В последнее время продовольственный кризис все более и более обостряется, рабочие массы все сильней сжимаются голодом. Рабочие обессиливают, теряют всякую физическую силу работать у станков и под влиянием тяжелых мук голода и холода прекращают работы. На этой почве на целом ряде московских металлообрабатывающих предприятий рабочие близки к открытому выступлению — стачка, массовое волнение, — если не будет решен в ближайший срок продовольственный вопрос»[15].

В начале 1920 года зарплата рабочих в Петрограде составляла от 7000 до 12 000 рублей в месяц (на черном рынке фунт масла стоил 5000 рублей, фунт мяса — 3000, литр молока — 750!). Помимо этой явно недостаточной зарплаты, каждый трудящийся имел право на известное количество продуктов, в зависимости от категории, к которой он принадлежал. В Петрограде в конце 1919 года рабочий на военном предприятии получал полфунта хлеба в день, фунт сахара в месяц, полфунта жиров и четыре фунта воблы...

Формально граждане были разделены на пять категорий «едоков», начиная с трудящихся, занятых на физических работах, и солдат Красной Армии, кончая «нетрудовым элементом» — в эту категорию попадали интеллектуалы, особенно плохо снабжавшиеся. В реальности система была достаточно несправедливой и к тому же сложной. «Нетрудовые элементы», интеллигенты, «бывшие», относящиеся к наименее привилегированной категории, — снабжались в последнюю очередь и зачастую не получали ничего. Что же касается «трудящихся», в действительности они были разделены на множество категорий согласно иерархии жизненно важных секторов производства. В Петрограде зимой 1919—1920 годов насчитывалось тридцать три категории карточек, срок действия которых не превышал одного месяца! В централизованной сис-

теме снабжения, введенной большевиками, продовольствие играло решающую роль в поощрении и наказании той или иной категории граждан.

«Хлебный рацион должен быть снижен для тех, кто не работает в секторе транспорта, решающем на сегодняшний день, и увеличен для тех, кто в нем работает, — писал 1 февраля 1920 года Ленин Троцкому. — Пусть, если это необходимо, погибнут тысячи людей, но страна должна быть спасена»[16].

Столкнувшись с такой политикой, все сохранившие связи с деревней рабочие (а таких было немало) старались использовать каждую возможность, чтобы выехать туда в поисках продуктов питания.

Призванная «обеспечить порядок» на предприятиях, милитаризация труда привела, вопреки замыслу, ко многим случаям «волынки», приостановкам работы, забастовкам и волнениям, безжалостно подавляемым. «Лучшее место для желтых забастовщиков, этих вреднейших паразитов, — писала «Правда» 12 февраля 1920 года, — концентрационный лагерь». Согласно официальным данным Народного комиссариата труда, 77% крупных и средних предприятий России были в первом полугодии 1920 года охвачены забастовками. Важно отметить, что больше всего волнений происходило в металлургии, на шахтах и железных дорогах, т. е. в тех секторах хозяйства, где милитаризация труда шла наиболее ускоренными темпами.

Донесения секретного отдела ВЧК партийному руководству дают яркую картину репрессий в отношении рабочих, сопротивляющихся милитаризации. Арестованные чаще всего осуждались революционными трибуналами за «саботаж» или «дезертирство». Так, например, в Симбирске двенадцать рабочих оружейного завода в апреле 1920 года были приговорены к заключению в исправительно-трудовых лагерях «за факты саботажа в форме итальянской забастовки, <... > ведение против советской власти пропаганды, опирающейся на религиозные суеверия и слабую политизацию масс, <... > ложное истолкование советской политики в области оплаты труда»[17]. Если перевести эти суконные фразы на человеческий язык, можно понять, что рабочих обвиняли в несанкционированных перерывах в работе, в протестах против работы по воскресным дням и выступлениях против привилегий для коммунистов и нищенской зарплаты...

Самые высокие партийные руководители, в числе которых был Ленин, требовали показательной расправы над забастовщиками. 29 января 1920 года Ленин, обеспокоенный развитием рабочего движения на Урале, телеграфировал председателю Реввоенсовета 5-й армии Смирнову: «Мне донесли о явном саботаже среди железнодорожников <... >. Мне говорят, что рабочие Ижевска также участвуют в этом. Я удивлен Вашим примиренчеством и тем, что Вы не осуществили массовой расправы с саботажниками»[18]. Забастовок, вызванных милитаризацией в 1920 году, было много: в Екатеринбурге в марте 1920 года было арестовано и приговорено к исправительно-трудовым лагерям 80 рабочих; на Рязано-Уральской железной дороге в апреле 1920 года было осуждено 100 железнодорожников; на Московско-Курской дороге в мае 1920 года — 160 железнодорожников; на Брянском металлургическом заводе в июне 1920 года осуждено 152 рабочих. Можно множить и множить примеры забастовок, сурово подавленных в процессе милитаризации труда[19].

Одно из самых заметных событий связано с забастовкой в июне 1920 года на заводах в Туле, уже прославившейся событиями апреля 1919 года. В воскресенье 6 июня значительная часть рабочих-металлургов отказалась выполнять распоряжение дирекции о сверхурочных работах. Работницы же вообще

отказались работать и в это воскресенье, и в последующие, объяснив, что воскресенье— это единственный день, когда они могут отправиться в поисках продуктов по окрестным деревням. По вызову администрации для ареста забастовщиков прибыл значительный отряд чекистов. Было введено военное положение, и «тройке» из представителей партии и ЧК было поручено разоблачить «контрреволюционный заговор, затеянный польскими шпионами и черносотенцами в целях ослабления боевой мощи Красной Армии».

Забастовка ширилась, аресты множились, когда новые обстоятельства изменили привычный ход событий: сотни, а вскоре и тысячи работниц и простых домохозяек стали приходить в ЧК с требованием арестовать также и их. Движение разрасталось, теперь уже и рабочие требовали, чтобы арестовали их всех, делая совершенно абсурдным тезис о «польском и черносотенном заговоре». За четыре дня более десяти тысяч человек были заключены в тюрьму, вернее, размещены на обширной поляне на открытом воздухе под охраной чекистов. Не зная сначала, перед тем как доложить о происходящем Москве, местные партийные органы и ЧК сумели в конце концов убедить Центр в реальности широкого заговора. Комитет по ликвидации заговора в Туле допрашивал тысячи рабочих и работниц в надежде отыскать воображаемых виновников. Чтобы выйти на свободу, снова получить работу и новые продовольственные карточки, все арестованные должны были подписать следующую бумагу: «Я, нижеподписавшийся, гнусный вонючий пес, раскаиваюсь перед революционным трибуналом и Красной Армией в своих преступлениях и обещаю впредь добросовестно трудиться».

В отличие от других возмущений рабочих, беспорядки в Туле летом 1920 года закончились для их участников сравнительно малыми потерями: 28 человек были заключены в исправительно-трудовые лагеря и 200 человек высланы (20). В условиях острого дефицита квалифицированной рабочей силы большевистская власть не могла обойтись без лучших в стране оружейников. В вопросах репрессий, как и в вопросах снабжения, необходимо было внимательно относиться к решающим секторам хозяйства и учитывать высшие интересы режима.

Как бы ни был важен и агитационно, и стратегически «рабочий фронт», он все же составлял едва ли не самую малую часть той борьбы, которую приходилось вести власти на бесчисленных «внутренних фронтах» гражданской войны. Борьба против зеленых, т. е. крестьян, сражающихся в партизанских отрядах против реквизиции и насильственной мобилизации, требовала огромных усилий. Ставшие доступными в наши дни донесения особых отделов ЧК и командования частей ВОХР, боровшихся с взбунтовавшимися солдатами, дезертирами, крестьянскими повстанцами, раскрывают перед нами чудовищные злодеяния этой карательной «грязной войны», развернувшейся помимо боев между красными и белыми. Решительное противостояние между властью большевиков и крестьянством порождало политику террора, основанную на чрезвычайно пессимистическом взгляде на массу «темных и невежественных людей, неспособных даже увидеть, где лежат их собственные интересы» (Дзержинский). Эти озверевшие толпы можно было укротить только «железной метлой», как образно охарактеризовал Троцкий репрессии, примененные им для того, чтобы «вымести» с Украины «разбойничьи шайки» Нестора Махно и других крестьянских вожаков[21].

Крестьянские восстания начались летом 1918 года. Они приобрели новый размах в 1919—1920 годах и достигли кульминации зимой 1920—1921 годов, временами вынуждая большевистский режим отступать.

Две причины непосредственно толкали крестьян к выступлениям: реквизиции и насильственная мобилизация в Красную Армию. Беспорядочные поиски сельскохозяйственных излишков в январе 1919 года, сопровождавшие первые реквизиционные операции лета 1918 года, были заменены централизованной системой планирования реквизиций. Каждая губерния, уезд, волость, каждая сельская община должны были поставить государству определенную, заранее установленную квоту, размер которой зависел от ожидаемого урожая. Эти квоты включали в себя не только зерно, но и два десятка других видов продукции: картофель, мед, яйца, масло, семена подсолнечника, мясо, сметану, молоко... Каждая сельская община несла коллективную ответственность за выполнение поставок. Только тогда, когда все нормы были выполнены, власти разрешали использовать оставшееся для приобретения промышленных товаров, причем в объеме, явно не удовлетворяющем спрос; к концу лета 1920 года спрос мог быть покрыт не более, чем на 15%. Оплата же сельскохозяйственных поставок была чисто символической — рубль стремительно падал в цене, потеряв к концу 1920 года 96% своей стоимости по отношению к золотому рублю. Трудно определить точно число крестьянских восстаний, но, если с 1918 по 1920 год размеры реквизиций выросли втрое, думается, что в такой же пропорции росло и число восстаний".

Вторая причина крестьянских волнений заключалась в отказе солдат, вернувшихся домой после трехлетнего пребывания в окопах империалистической войны, вступать в ряды Красной Армии. Уклонившиеся от мобилизации уходили в леса, составляя основной контингент отрядов зеленых. Число дезертиров в 1919—1920 годах оценивается в три с лишним миллиона. В 1919 году было задержано и арестовано различными подразделениями ЧК и специальных комиссий по борьбе с дезертирством около 500 000 человек; в 1920 году—от 700 до 800 тысяч. От полутора до двух миллионов дезертиров, в подавляющем большинстве крестьян, отлично знавших местность, смогли тем не менее избежать поимки[23].

Столкнувшись с проблемой такого масштаба, правительство применяло, все более и более жестокие меры. Были не только расстреляны тысячи дезертиров, но и объявлены заложниками члены их семей. Система заложничества применялась с лета 1918 года и была, по существу, рутинной практикой большевиков. Об этом свидетельствует, например, Постановление Совета обороны о применении репрессий к лицам, саботирующим расчистку железнодорожных путей от 15 февраля 1919 года: «... в тех местностях, где расчистка снега производится не вполне удовлетворительно <... > взять заложников из крестьян с тем, что, если расчистка снега не будет произведена, они будут расстреляны»[24]. 12 мая 1920 года Ленин направляет всем губернским комиссиям по борьбе с дезертирством следующую инструкцию: «После истечения срока помилования, предоставленного дезертирам для сдачи властям, необходимо еще более усилить санкции в отношении этих неисправимых предателей трудящегося народа. С семьями дезертиров и со всеми, кто помогает дезертирам каким бы то ни было способом, следует обращаться как с заложниками и соответственно с ними поступать»[25]. Это распоряжение всего лишь легализировало повседневную практику. Но дезертиров меньше не стало, и в 1920—1921 годах, так же, как в 1919 году, они составляли главные силы зеленых, с которыми большевики вели на протяжении трех (а в некоторых регионах — четырех или пяти) лет беспощадную войну, проявляя невиданную жестокость.

Но дело не только в реквизициях и мобилизациях. Крестьяне вообще отвергали всякое грубое вмешательство остающейся для них чужой «власти» нахлынувших из города «коммуняк». Ведь в сознании многих крестьян коммунисты с их реквизициями отличались от «большевиков», призывавших к аграрной революции в 1917 году. В деревнях, оказывавшихся во власти то белой солдатни, то красных продотрядов, беспорядки и насилия превышали всякий мыслимый предел.

Исключительный источник, позволяющий представить себе многогранность этой крестьянской войны, — донесения различных отделов ЧК. Различают два главных типа крестьянских волнений: первый — это *бунт,* резко ограниченное возмущение, короткая вспышка насилия, осуществленная сравнительно небольшой группой в несколько десятков (не более сотни) человек; второй — *восстание,* в которое вовлекаются тысячи, если не десятки тысяч крестьян, организующихся в настоящие армии, способные захватить крупные села и города, оснащенные политической программой, как правило, эсеровской или анархистской окраски.

«30 апреля 1919 г. Тамбовская губерния. В начале апреля, в Лебедянском уезде вспыхнуло восстание кулаков и дезертиров на почве мобилизации людей и лошадей, и учета хлеба. Восстание шло под лозунгом: "Долой коммунистов! Долой советы!" Восставшие разгромили четыре волисполкома, замучили варварски семь коммунистов, заживо распиленных. Прибывший на помощь продармейцам 212-й отряд внутренних войск ликвидировал кулацкое восстание, 60 чел. арестовано. 50 расстреляно на месте, деревня, откуда вспыхнуло восстание, — сожжена».

«11 июня 1919 г. Воронежская губерния. Положение улучшается. Восстание в Новохоперском уезде можно считать ликвидированным. Бомбами с аэропланов сожжено село Третьяки — гнездо восстания. Операции продолжаются».

«Из Ярославля 23 июня 1919 г. Восстание дезертиров в Петропавловской вол [ости] ликвидировано. Семьи дезертиров были взяты в качестве заложников. Когда стали расстреливать по мужчине в каждой семье, зеленые стали выходить из леса и сдаваться. Расстреляно 34 вооруженных дезертира»[26].

Тысячи подобных донесений[27] говорят о беспримерной жестокости карательных мер, направленных против крестьянских восстаний, в которых участвовали главным образом дезертиры, но которые чаще всего квалифицировалась в донесениях как «кулацкие бунты» или «действия бандитских шаек». Три процитированных отрывка показывают нам, какие методы усмирения в основном применялись: взятие заложников из семей дезертиров или «бандитов», бомбардировка и сожжение деревень. В ослеплении власть прибегала к самым крайним мерам, но при этом явно помнила о традиции коллективной ответственности, существующей в деревне. Обычно власти давали дезертирам определенный срок для сдачи оружия и капитуляции. По истечении такого срока дезертиры рассматривались как «лесные бандиты», подлежащие немедленному расстрелу. Обращения властей как гражданских, так и военных, уточняют, что «если жители деревень помогают каким бы то ни было способом прячущимся в соседних лесах бандитам, эти деревни будут полностью сжигаться».

Обобщенные донесения ЧК содержат цифровые показатели размаха войны по усмирению деревни. Так, за период между 15 октября и 30 ноября 1918 года только в двенадцати губерниях России вспыхнуло 44 бунта, в результате которых 2320 человек были арестованы, 620 убиты в бою, 982 расстреля-

ны. При этом погибли 480 советских работников и 112 бойцов продовольственных отрядов, Красной Армии и частей ЧК За сентябрь 1919 года в десяти губерниях, о которых есть обобщенная информация, арестованы 48 735 дезертиров и 7325 «бандитов», 1826 человек убиты в бою и 2230 — расстреляны, 430 жертв насчитывается среди военных и советских работников. Этот далеко не полный перечень не включает число жертв крупнейших крестьянских восстаний.

А такими восстаниями отмечено несколько периодов: март — август 1919 года — в районах Средней Волги и Украины; февраль — август 1920 года — в губерниях Самарской, Уфимской, Казанской, Тамбовской и снова на Украине, отвоеванной большевиками у белых, но контролируемой «в глубинке» крестьянскими партизанами. С конца 1920 года и в течение всей первой половины 1921 года крестьянские волнения, жестоко подавляемые на Украине, Дону и Кубани, достигают в России масштабов подлинной крестьянской войны с центром в Тамбовской, Пензенской, Самарской, Саратовской и Симбирской губерниях[28]. Пожар этой крестьянской войны погас только с наступлением самого страшного голода XX века.

Именно в двух богатейших губерниях, Симбирской и Самарской, на которые пришлась в 1919 году пятая часть всех хлебных реквизиций в России, отдельные крестьянские бунты превратились в марте 1919 года, впервые после установления большевистской власти, в широкое крестьянское восстание. Десятки сел были захвачены повстанческой крестьянской армией, насчитывавшей до 30 000 вооруженных бойцов. Чуть ли не на месяц советская власть утратила контроль над Самарской губернией. Восстание провозгласило политическую программу с требованиями прекращения реквизиций, разрешения свободной торговли, свободных выборов в Советы и уничтожения «большевистской комиссарократии». Это восстание способствовало успешному продвижению к Волге частей Белой армии адмирала Колчака, т. к. большевикам пришлось перебросить на «внутренний фронт» десятки тысяч солдат, чтобы покончить с хорошо организованной повстанческой армией. В итоге, как докладывал глава Самарской ЧК в начале апреля 1919 года, 4240 повстанцев были убиты, 625 расстреляны, 6210 дезертиров и «бандитов» арестованы...

Едва погасили огонь в Самарской губернии, как он с новой силой вспыхнул на Украине. После того как в конце 1918 года Украину начали покидать германские и австро-венгерские войска, большевики вознамерились овладеть этой самой богатой в сельскохозяйственном отношении частью бывшей империи, предназначенной, по мысли большевиков, «накормить пролетариат Москвы и Питера». Здесь, в сравнении с другими районами, были резко завышены нормы реквизиций. Выполнить их — значило обречь на голод тысячи деревень, уже обобранных во время германо-австро-венгерской оккупации в течение всего 1918 года. Кроме того, в отличие от политики, проводившейся ими в конце 1917 года в России — раздел земли между крестьянскими общинами, — русские большевики намеревались провести на Украине национализацию всех крупных помещичьих хозяйств (самых развитых на территории бывшей империи). Эта политика, направленная на превращение крупных зерновых и свекловодческих хозяйств в коллективные хозяйства, а крестьян — в сельскохозяйственных рабочих, не могла не вызвать недовольства в крестьянской среде. Закаленные в борьбе против германских и австро-венгерских оккупантов, крестьяне к началу 1919 года стали объединяться в крестьянские армии численностью в несколько десятков тысяч человек под политическим и военным

командованием таких командиров, как Симон Петлюра, Нестор Махно, атаманы Григорьев, Зеленый и десятков других более мелких атаманов. Эти крестьянские армии были полны решимости осуществить программу своей аграрной революции: земля — крестьянам, свободная торговля, свободно избираемые Советы «без москалей и жидов». Для большинства украинских крестьян, привыкших к традиционному противопоставлению украинского села и городов, населенных преимущественно русскими и евреями, казался простым и естественным сплав: москали — большевики — евреи. Всех их надо гнать с Украины.

Все эти особенности объясняют ожесточенность и продолжительность столкновений между большевиками и украинским селом. Присутствие на арене третьего участника — белых, которые сражались одновременно и с большевиками, и с различными крестьянскими армиями, не желавшими возвращения старых порядков, еще более запутывало политическую и военную обстановку в этом регионе. Киев четырнадцать раз за два года переходил из рук в руки.

Первые вспышки сопротивления большевикам и их реквизиционным отрядам отмечены в апреле 1919 года. Уже в следующем месяце произошло 93 крестьянских восстания в Киевской, Черниговской, Полтавской губерниях и в окрестностях Одессы. За первые двадцать дней июля официальные данные ЧК сообщают о 210 восстаниях, в которых приняло участие несколько сотен тысяч крестьян и к подавлению которых были привлечены войска численностью в 100 000 человек. Крестьянская армия Григорьева — почти 20 000 бойцов, в основном из взбунтовавшихся частей Красной Армии, с 50 орудиями, 700 пулеметами — в апреле — мае взяла целый ряд городов Южной Украины: Черкассы, Херсон, Николаев, Одессу и некоторые другие. Свои цели Григорьев провозглашал без экивоков: «Вся власть Советам народа Украины!», «Украина для украинцев без большевиков и евреев!», «Раздел земли», «Свобода предпринимательству и торговле»[29]. Почти 20 000 партизан атамана Зеленого удерживали чуть ли не всю Киевскую губернию, за исключением важнейших городов. Под лозунгом «Да здравствует власть Советов, долой большевиков и жидов» они организовали десятки погромов в еврейских местечках и городках Киевской и Черниговской губерний. Гораздо более известна деятельность Нестора Махно, вождя огромного народного движения, армии в десятки тысяч бойцов. У этого движения была своя программа, одновременно национальная, социальная и анархистская, принятая на съезде крестьянских, повстанческих и рабочих делегатов Гуляй-поля, состоявшемся в апреле 1919 года в самом центре махновского восстания. Так же, как и другие, менее структурированные крестьянские движения, махновцы выражали прежде всего полное неприятие всякого государственного вмешательства в крестьянские дела и желание жить в условиях *самоуправления* в виде свободно избранных Советов. К этим основным требованиям добавлялись другие, общие для всех крестьянских движений: приостановка реквизиций, отмена налогов и сборов, свобода для всех социалистических партий и анархистских групп, раздел земель, упразднение «большевистской комиссарокра-тии», отрядов особого назначения и ЧК[30].

Сотни крестьянских повстанцев, действовавших в тылу Красной Армии весной и летом 1919 года, сыграли не последнюю роль во временных успехах Белой армии генерала Деникина. Выступив с юга Украины 19 мая 1919 года, войска белых продвигались на север и запад. Части Красной Армии были ослаблены борьбой с крестьянскими восстаниями. 24 июня войска Деникина взя-

ли Харьков, 24 августа — Киев, 6 октября — Воронеж*. Отступление большевиков, чья власть держалась только в городах, тогда как сельские местности были предоставлены восставшим крестьянам, сопровождалось массовыми расправами с узниками тюрем и заложниками. В стремительном отступлении через враждебные местности Красная Армия и чекисты не знали жалости, их путь был отмечен сожженными селами, массовыми расстрелами дезертиров, «бандитов» и заложников. Возвращение их на Украину, отвоеванную у противника в конце 1919 — начале 1920 года, сопровождалось не менее страшными расправами над гражданским населением, описание которых можно найти в шедевре Исаака Бабеля *Конармия (31).*

К марту 1920 года войска белых оказались разгромленными. Лишь части их, под командованием преемника Деникина, барона Врангеля, удалось закрепиться в Крыму. Большевики и крестьяне оказались лицом к лицу на театре военных действий. Вплоть до 1922 года селу предстояло испытать всю беспощадность репрессий утверждавших свою власть большевиков. В феврале — марте 1920 года новое грандиозное волнение, так называемое «вилочное восстание», охватило обширное пространство между Волгой и Уралом, Казанскую, Симбирскую и Уфимскую губернии. В этих краях, где наряду с русским населением проживали татары и башкиры, реквизиции были особенно тяжелы. За несколько недель восстание охватило десятки уездов. Численность повстанческой крестьянской армии «черных орлов» в момент наивысшего подъема достигала 50 тысяч человек. Части ЧК и ВОХРа, вооруженные пушками и пулеметами, безжалостно истребляли повстанцев с их вилами и пиками. За несколько дней тысячи крестьян были убиты и сотни сел сожжены[32].

После быстрого подавления «восстания вил» пламя крестьянских волнений снова распространилось на центральные и средневолжские губернии, также сильно затронутые реквизициями: Тамбовскую, Пензенскую, Самарскую и Саратовскую. Как признавал большевистский функционер Антонов-Овсеенко, руководивший репрессиями против повстанцев Тамбовской губернии, если бы план реквизиций (продразверстка) 1920—1921 годов был выполнен, это обрекло бы крестьян на верную смерть: им оставляли в среднем по пуду зерна и по полтора пуда картофеля на человека в год, в 10—12 раз меньше прожиточного минимума! Таким образом, крестьянам этих губерний с лета 1920 года пришлось вступить в борьбу за выживание. Этой борьбе предстояло затянуться на два года, пока с крестьянскими повстанцами не покончил голод.

Третьим центром противостояния большевиков и крестьян оставалась в 1920 году Украина, доставшаяся большевикам после поражения армии Деникина. Глубинные сельские местности Украины тем не менее все еще находились под контролем сотен больших и малых отрядов зеленых или формирований, в разной степени связанных с армией Махно. В отличие от «черных орлов» России, украинские зеленые, чьи отряды состояли в основном из дезертиров, были хорошо вооружены. Летом 1920 года в армии Махно насчитывалось около 15 тысяч пехоты, 2500 кавалеристов, сотня пулеметов, 20 орудий и два бронепоезда. Сотни более мелких «шаек» численностью от нескольких десятков до нескольких сотен бойцов каждая также оказывали сильное сопротивление

* Весной и летом 1919 г. войска Деникина заняли Донбасс и обширную область от Царицына до Харькова и Екатеринослава. Начав поход на Москву в июле 1919 года, Добровольческая армия 6 октября заняла Воронеж, 13 октября — Орел и создала угрозу Туле. (См.: БСЭ, т. 8, М., 1972, с. *96). (Прим. ред.)*

большевикам. Для «ликвидации бандитизма на Украине» правительство назначило в мае 1920 года Дзержинского начальником тыла Юго-Западного фронта. Более двух месяцев Дзержинский оставался в Харькове, создав 80 специальных частей ВОХР — отборные войска, оснащенные кавалерией, чтобы преследовать «мятежников», и авиацией, чтобы бомбить «бандитские гнезда»[33]. Перед ними была поставлена задача в три месяца покончить с крестьянским партизанским движением. На деле же борьба затянулась на два с лишним года, с лета 1920 по осень 1922 года, и стоила десятков тысяч жертв.

Среди различных эпизодов войны, которую большевики вели против крестьянства, расказачивание, т. е. устранение казаков Дона и Кубани как социальной группы, занимает особое место. В самом деле, впервые новый режим предпринял ряд карательных мер, чтобы устранить, уничтожить, выслать, следуя принципу коллективной ответственности, все население территории, именовавшейся на лексиконе большевистских вождей «советской Вандеей»[34]. Эта операция не была ответной мерой, предпринятой в разгаре сражений; она была спланирована заранее, стала предметом многочисленных распоряжений, отданных на самом высоком государственном уровне многими ответственными лицами в большевистском руководстве (Ленин, Орджоникидзе, Сырцов, Сокольников, Рейнгольд)*. Расказачивание, неудавшееся с первой попытки весной 1919 года ввиду отступления большевиков, возобновилось с новой силой в 1920 году, когда большевики вернулись на казачьи земли Дона и Кубани.

В декабре 1917 года большевики лишили казаков того статуса, который существовал при старом режиме; в глазах большевиков они представляли собой «кулаков» и, стало быть, являлись «классовыми врагами». Отказавшись от первоначального нейтралитета, казаки под знаменами атамана Краснова присоединились к белым силам, собиравшимся на юге России весной 1918 года. Только в феврале 1919 года во время генерального наступления большевиков на Украине и юге России первые части Красной Армии вышли к станицам донских казаков. Прежде всего большевики предприняли меры по упразднению всего, что составляло специфику казачества: казачьи земли были конфискованы и переданы в пользование поселенцам из России и местным крестьянам, не имевшим статуса казаков; казаки обязаны были под угрозой смертной казни сдать все оружие (согласно своему статусу защитников Российской империи все казаки имели право на ношение оружия); все окружные и станичные органы самоуправления были распущены.

Эти шаги были частью заранее составленного плана расказачивания, определенного в секретной резолюции ЦК партии большевиков от 24 января 1919 года: «Учитывая опыт гражданской войны против казачества, признать единственным правильным политическим ходом массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно. Провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью»[35].

На деле же, как признавал в июне 1919 года председатель Донского ревкома Рейнгольд, на которого была возложена задача «навести большевистский порядок» на казачьих землях, «у нас была тенденция проводить массовое унич-

* В этом перечне стоит упомянуть также Свердлова — наиболее последовательного и яростного сторонника политики расказачивания. *(Прим. ред.)*

тожение казачества без малейшего исключения»[36]. В течение нескольких недель с середины февраля до середины марта большевистские отряды уничтожили более восьми тысяч казаков[37]. В каждой казачьей станице революционным трибуналам требовались минуты, чтобы просмотреть списки подозреваемых; как правило, всех их приговаривали к «высшей мере» за «контрреволюционное поведение». Перед лицом такого разгула репрессий казакам ничего не оставалось, как поднять восстание.

Восстание началось в Вешенском округе 11 марта 1919 года. Организовано оно было превосходно. Восставшие казаки объявили поголовную мобилизацию всех мужчин от шестнадцати до пятидесяти пяти лет; они разослали во все округа Войска Донского и в соседнюю Воронежскую губернию телеграммы с призывом к населению подниматься против большевиков. «Мы, казаки, не против Советов. Мы за свободно избранные Советы. Мы против коммунистов, коммун и жидов. Мы против разверстки, грабежа и безобразий, причиненных большевицкими охранками»[38]. К началу апреля 1919 года восставшие казаки представляли собою армию в тридцать тысяч опытных и хорошо вооруженных бойцов. Действуя в тылу Красной Армии, сражавшейся южнее с Деникиным и кубанскими казаками, донские казаки, как и восставшие украинские крестьяне, обеспечили стремительное продвижение армии белых в мае — июне 1919 года. В начале июня восставшие казаки соединились с основными частями Белой армии и кубанскими казаками. Вся «казачья Вандея» была освобождена от позорной власти «москалей, жидов и большевиков».

Однако военное счастье переменчиво, и большевики вернулись на Дон в феврале 1920 года. Вторая оккупация казачьих земель оказалась гораздо разрушительней и смертоносней первой. На область Войска Донского была наложена контрибуция в 36 миллионов пудов зерна — количество, явно превосходящее возможности края; у сельского населения отбирались не только скудные запасы продовольствия, но и все имущество, «включая обувь, одежду, подушки и самовары», как уточняется в одном из донесений ЧК[39]. В ответ на эти грабежи и притеснения все мужчины, способные носить оружие, присоединялись к партизанским отрядам зеленых. К июлю 1920 года в таких отрядах на Кубани и Дону насчитывалось по меньшей мере 35 тысяч человек. Запертый с февраля 1920 года в Крыму генерал Врангель решил прибегнуть к союзу с зелеными Кубани как к последнему средству*. 17 августа 1920 года пять тысяч человек высадились в районе Новороссийска. Под объединенным натиском белых, казаков и зеленых большевики вынуждены были оставить Кубань. Также Врангель вел наступление на юге Украины. Но успехи белых оказались недолгими. Охваченные с флангов превосходящими силами противника, отягощенные массой гражданских лиц и обозами, войска Врангеля к концу октября в беспорядке отступили в Крым. Занятие Крыма большевиками — последний этап открытого противостояния белых и красных — стало причиной самых массовых убийств за все время гражданской войны: десятки тысяч гражданских лиц были уничтожены большевиками в ноябре — декабре 1920 года[40].

Снова оказавшись в лагере побежденных, казаки в очередной раз подверглись красному террору. Один из руководителей ВЧК латыш Карл Ландер, назначенный полномочным представителем ВЧК на Дону и Северном Кавказе, орга-

* Врангель так объяснял свое решение: «Приходилось искать новые источники пополнения». *(Белое дело. Летопись белой борьбы,* Берлин, 1928, т. VI, с. 116.). *(Прим. ред.)*

низовал на месте специальные трибуналы *(тройки)* по расказачиванию. За один только октябрь 1920 года эти тройки приговорили к смерти с немедленным исполнением приговора более шести тысяч человек[41]. Семьи, а иногда и просто соседи зеленых и казаков, еще не попавших в руки властей и боровшихся с оружием в руках против большевиков, повсеместно арестовывались, объявлялись заложниками и попадали в концентрационные лагеря, представлявшие собой, по сути, лагеря смерти. Вот красноречивое свидетельство Мартына Лациса, в то время председателя Украинской ЧК: «Заложники — женщины, дети, старики — изолированы в лагере недалеко от Майкопа, выживают в страшных условиях, при холоде, октябрьской грязи <... >. Дохнут, как мухи <... >. Женщины готовы на все ради спасения, и стрелки, охраняющие лагерь, этим воспользуются»[42].

Всякое сопротивление подавлялось беспощадно. Когда председатель Пятигорской ЧК попал в засаду, его коллеги решили устроить «День красного террора». В своем рвении они пошли гораздо дальше инструкций самого Ландера, который предписывал «использовать эти акции устрашения, чтобы захватить ценных заложников для последующего их расстрела и чтобы расширить масштабы экзекуций в отношении белых шпионов и контрреволюционеров вообще». Пятигорские же чекисты устроили настоящий разгул арестов и казней. Вот как это выглядело по Ландеру: «Вопрос красного террора был решен самым простейшим образом. Пятигорские чекисты решили расстрелять триста человек в один день. Они определили норму для города Пятигорска и для каждой из окрестных станиц и распорядились, чтобы партийные ячейки составили списки для исполнения. <... > Этот, крайне неудовлетворительный, метод привел ко многим случаям сведения личных счетов. <... > В Кисловодске дело дошло до того, что было решено убить людей, находившихся в лазарете»[43].

Наиболее быстрым и распространенным методом расказачивания было разрушение казачьих станиц и депортация их обитателей. В архиве С. Орджоникидзе, крупного большевистского руководителя, направленного в те дни на Северный Кавказ, сохранились документы, относящиеся к одной такой операции в октябре — ноябре 1920 года[44].

23 октября С. Орджоникидзе приказал:

«1. станицу Калиновскую сжечь

2. станицы Ермоловская, Романовская, Самашинская и Михайловская отдать беднейшему безземельному населению и, в первую очередь — всегда бывшим преданным совласти нагорным чеченцам, для чего:

3. все мужское население вышеназванных станиц от 18 до 50 лет погрузить в эшелоны и под конвоем отправить на Север для тяжелых принудительных работ;

4. стариков, женщин и детей выселить из станиц, разрешив им переселиться на хутора или станицы на Север;

5. лошадей, коров, овец и проч. скот, а также пригодное имущество передать Кавтрудармии <... >».

Три недели спустя в донесении, адресованном Орджоникидзе, так описывался ход операции:

«— Калиновская: <... > полностью выселена.

Ермоловская — от жителей очищена (3218)

Романовская — выселено 1600; остается к выселению 1661 чел.

Самашинская — выселено 1018 чел.; остается к выселению 1900 чел.

Михайловская — выселено 600 чел.; остается к выселению 2200 чел.

Кроме того, в Грозный вывезено 154 вагона продовольствия. Из трех станиц, где выселение еще не закончилось целиком, выселены в первую очередь семьи злостных бело-зеленых и принимавших участие в последнем восстании. Не выселенные еще составляют часть населения, сочувственно относящихся к Советской власти: семьи красноармейцев, советских служащих и коммунистов.

Медленное выселение объясняется <...> плохой подачей вагонов, которых подается в количестве одного эшелона в сутки. К настоящему времени для выселения людей требуется еще 306 вагонов»[45].

Как же закончились эти операции? К сожалению, ни в одном документе не содержится исчерпывающего ответа на этот вопрос. Известно, что они затянулись и в конечном счете депортированные мужчины были отправлены не на Крайний Север, как это будет практиковаться впоследствии, а гораздо ближе: на шахты Донбасса. Поступить иначе не позволяло тогдашнее состояние железнодорожного транспорта... Однако во многих аспектах операции расказачивания 1920 года предвосхитили «великие операции» раскулачивания, проведенные десятью годами позже: та же концепция коллективной ответственности, те же трудности в снабжении, та же неподготовленность на местах к приему депортированных и та же идея эксплуатировать труд депортированных на принудительных работах. Дорогую цену заплатили казаки Дона и Кубани за свое сопротивление большевикам. Согласно заслуживающим доверия подсчетам, цена эта — от 300 до 500 тысяч погибших и депортированных в 1919—1920 годах из общего числа населения в 3 миллиона человек.

Самыми трудными для подсчета жертв и общей оценки являются карательные мероприятия, которые связаны с уничтожением арестованных подследственных и заложников, подвергшихся каре лишь за принадлежность к «враждебному классу» или к «социально чуждым элементам». Эти убийства вписываются в логику красного террора второй половины 1918 года, но масштабы их еще более потрясают. Оргия убийств «на классовой основе» постоянно оправдывалась родовыми схватками нового мира. Рождался новый мир, и при этом было «все позволено», как объяснялось читателям первого номера *«Красного меча»,* газеты Киевской ЧК «Для нас нет и не может быть старых устоев "морали" и "гуманности", выдуманных буржуазией для угнетения и эксплуатации "низших классов".

Наша мораль новая, наша гуманность абсолютная, ибо она покоится на светлом идеале уничтожения всякого гнета и насилия.

Нам все разрешено, ибо мы первые в мире подняли меч не во имя закрепощения и угнетения кого-либо, а во имя раскрепощения от гнета и рабства всех <...>.

Кровь? Пусть кровь, если только ею можно выкрасить в алый цвет Революции серо-бело-черный штандарт старого разбойничьего мира. Ибо толь-ко полная бесповоротная смерть этого мира избавит нас от возрождения старых шакалов!.. <...>»[46].

Эти подстрекательства к убийствам разжигали страсть к насилию и жажду мести, дремавшие в глубине души у многих чекистов, вышедших, как это признавали даже сами большевистские руководители, из криминальной среды, из «социально опустившихся слоев общества». В письме, адресованном Ленину, большевик Гопнер описывал деятельность чекистов в Екатеринославе (письмо датировано 22 марта 1919 года): «В этой организации, пораженной преступно-

стью, насилием и произволом, управляемой уголовным сбродом, вооруженные до зубов субъекты расправляются с каждым, кто придется им не по нраву, производят обыски, грабят, насилуют, сажают в тюрьму, сбывают фальшивые деньги, вымогают взятки, а потом шантажируют тех, кто им эти взятки дал, и освобождают за суммы в десять, а то и в двадцать раз крупнее»[47].

В архивах ЦК партии, в архиве Дзержинского сохранились бесчисленные рапорты ответственных партийцев, ревизоров ВЧК, рисующие «разложение» местных органов политической полиции, «опьяненных кровью и властью». Упразднение всех юридических и моральных норм очень часто благоприятствовало полной самостоятельности местных ЧК, которые пренебрегали отчетами перед вышестоящими инстанциями и превратились в кровавые деспотии, никем и ни в чем не контролируемые. Три выдержки из подобных рапортов, так же, как и сотни других, иллюстрируют чекистский «уклон» в сторону полного произвола и беззакония.

Инструктор ВЧК Смирнов сообщает Дзержинскому 22 марта 1919 года из Сызрани: «Я просмотрел дело о кулацком восстании в Ново-Патренской волости. Пришел в ужас от хаотического ведения дел. Допрошено 75 лиц. Изо всех показаний невозможно уловить, что произошло <... >. Расстрелы производились так: 16. II — 5; 17. II — 13. Постановления вынесены 28. II, двенадцать дней позже произведения в исполнение. Когда я спросил местного начальника ЧК, он мне ответил: "Некогда разбираться и писать постановления. И к чему же, раз ликвидируем кулачество и буржуазию?"»[48].

Ярославль, 26 сентября 1919 года, донесение секретаря губкома РКП(б): «Чекисты грабят и задерживают кого угодно. Зная, что они будут безнаказанными, они превратили местную ЧК в сплошной притон, куда приводят "буржуек". Пьянствуют вовсю. Кокаин употребляется местным начальством»[49].

Астрахань, 16 октября 1919 года, донесение Н. Розенталя, инспектора Управления особыми отделами: «Начальник Особых Отделов [О. О.] XI Армии, Атарбеков, не признает даже и центральной власти. 30 июля, когда тов. Заков-ский, сотрудник ВЧК откомандирован(ный) из Москвы для ревизии и налаживания работы О. О., зашел к Атарбекову, тот ему заявил: "Скажите Дзержинскому, что я проверять себя не дам". <... >. Штат частей О. О. состоит из подозрительных, а иногда и уголовных элементов, не соблюдающих никаких норм <... >. Дела операц[ионного] отдела в полном беспорядке. О расстрелах даже нет личных постановлений, лишь списки, часто неполные, с краткой заметкой, что "расстрелян по распоряжению тов. Атарбекова". В деле мартовских восстаний даже не разберешь, кого за что и почему расстреляли <... >»[50].

Рассекреченные ныне документы ВЧК и партийного руководства подтверждают свидетельства, которые начиная с 1919—1920 годов собирали противники большевистского режима. Особенно надо отметить роль созданной Деникиным Комиссии по расследованию деяний большевиков. Архивы этой комиссии были вывезены в 1945 году из Праги в Москву и стали доступными лишь в последнее время. Сергей Мельгунов в книге *Красный террор в России* попытался составить опись главнейших случаев массовых убийств заключенных, заложников и просто граждан, совершенных большевиками почти всегда на «классовой основе». Хотя и неполная, эта опись, сделанная первопроходцем жанра, теперь подтверждена всей совокупностью документов, вышедших из обоих противоборствовавших лагерей. И все же, даже если иметь в виду только те эпизоды чекистских репрессий, достоверность которых на сегодняшний

день не вызывает сомнений, точное число жертв невозможно установить до сих пор. Одна из причин этого — организационный хаос, царивший в то время в ЧК. Опираясь на существующие источники, можно дать лишь приблизительную оценку количества погибших.

Первые массовые убийства «подозреваемых», заложников и других «врагов народа», оказавшихся под превентивным арестом в тюрьмах или концентрационных лагерях, начались в сентябре 1918 года, во время первой волны *Красного террора.* Категории «подозреваемых», «заложников», «врагов народа» были установлены, концентрационные лагеря наскоро организованы, машина репрессий была готова к запуску. В условиях маневренной гражданской войны с ее зыбкими фронтами, когда каждый месяц менялось военное счастье, сигналом к запуску в ход этой машины совершенно естественно представлялось взятие какого-нибудь города, занятого до этого момента врагами, или, наоборот, поспешное отступление из города.

Установление «диктатуры пролетариата» в завоеванных или отвоеванных городах проходило одинаково: разгон всех выборных органов предшествующей власти; запрещение свободной торговли — мера, которая тут же вызывала резкое удорожание всех товаров, а затем и полное их исчезновение; конфискация всех предприятий, национализируемых или муниципализируемых; наложение огромных денежных контрибуций на буржуазию — 600 миллионов рублей в Харькове в феврале 1919 года, 500 миллионов в Одессе в апреле того же года. Чтобы гарантировать получение таких контрибуций, сотни «буржуев» были заключены в концлагеря как заложники. Контрибуция фактически являлась синонимом грабежей и экспроприации и была первым этапом «ликвидациибуржуазии как класса».

«В соответствии с решениями Совета трудящихся, сегодняшний день 13 мая объявлен Днем экспроприации буржуазии, — можно было прочесть в "*Известиях Одесского Совета рабочих депутатов»* от 13 мая 1919 года. — Принадлежащие к имущим классам должны заполнить подробную анкету, перечислить имеющиеся у них продукты питания, обувь, одежду, драгоценности, велосипеды, одеяла, простыни, столовое серебро, посуду и другие не-обходимые для трудового народа предметы.

<... > Каждый должен оказывать содействие комиссии по экспроприации в ее святом деле. <... > Тот, кто не подчинится распоряжениям комиссии, будет немедленно арестован. Сопротивляющиеся будут расстреляны на месте».

Как признавал глава Украинской ЧК Лацис в циркуляре местным филиаалам своей службы, все эти «экспроприированные» предметы шли в карманы чекистов и других командирчиков из реквизиционных отрядов, из отрядов Красной Армии, которые в этих обстоятельствах плодились беспрестанно.

Вторым этапом экспроприации была конфискация квартир буржуазии. Но надо было не только отобрать, в этой «классовой» войне важную роль играло издевательство над побежденными. Уже цитированная нами одесская газета писала в номере от 26 апреля 1919 года: «Карась любит, чтобы его жарили в сметане. Буржуазия любит власть, которая свирепствует и убивает. Если мы расстреляем несколько десятков этих негодяев и глупцов, если мы заставим их чистить улицы, а их жен мыть красноармейские казармы (честь немалая для них), то они поймут тогда, что власть у нас твердая, а на англичан и готтентотов надеяться нечего»[51].

Унижение «буржуек», которых принуждали чистить «отхожие места» в чекистских и красноармейских казармах, ставшее обычной практикой, — посто-

янная тема большевистских газет, выходивших на Украине, в Одессе, Киеве, Харькове, Екатеринославе (а также в Перми, на Урале и в Нижнем Новгороде). Но эти газеты представляли и смягченную, «политически презентабельную» версию жестокой реальности — насилия, принимавшего особенно чудовищные формы при вторичном завоевании Украины, казачьих областей и Крыма в 1920 году.

Логический и последний этап «ликвидации буржуазии как класса» — казни заключенных в тюрьмах, «подозреваемых» и заложников — разворачивался во многих украинских городах после взятия их большевиками. В Харькове от 2000 до 3000 казненных в феврале — июне 1919 года; от 1000 до 2 000 во время второго прихода большевиков в декабре 1919 года. В Ростове-на-Дону — около 1000 в январе 1920 года; в Одессе— 2200 в мае —августе 1919 года, а затем от 1500 до 3000 в период между февралем 1920 и февралем 1921 года; в Киеве — не менее 3000 феврале — августе 1919 года; в Екатерино-даре — не меньше 3000 между августом 1920 и февралем 1921 года; в Армавире, маленьком городе на Кубани, — от 2000 до 3000 в августе — октябре 1920 года. Этот список можно продолжить.

В действительности много казней происходило и в других местах, но они не стали предметом расследований, проводимых вскоре после совершения этих убийств. О событиях на Украине и в Южной России известно гораздо больше, чем о том, что творилось на Кавказе, в Средней Азии или на Урале. Ведь число казней обычно увеличивалось по мере приближения противника к тому или иному городу, и большевики, покидая его, спешили «разгрузить» места заключения. В Харькове за два дня, предшествовавших вступлению в город белых, 8 и 9 июня 1919 года, были расстреляны сотни заложников. В Киеве разделались с более чем 1800 людьми между 22 и 28 августа 1919 года, перед тем как белые заняли город 31 августа. Та же картина в Екатеринодаре, где перепугавшийся приближения казачьего десанта врангелевского генерала Улагая глава местной ЧК Атарбеков приказал расстрелять 1600 «буржуев» за три дня — 17, 18 и 19 августа 1920 года[52]. При этом все население города составляло до войны менее 30 000 человек.

Документы следственных комиссий Белой армии, прибывавших на место через несколько дней, а то и часов после расправы, содержат множество доказательств, свидетельских показаний, протоколов вскрытия и идентификации жертв, фотографий разрытых захоронений и т. п. Если тела казненных «в последнюю минуту», убитых второпях выстрелом в затылок, не носят следов пыток, то иначе обстоит дело с грудами трупов, извлеченных из более ранних могил. О самых страшных пытках свидетельствуют протоколы вскрытия тел, материальные доказательства и свидетельские показания. Они собраны в уже неоднократно цитировавшемся труде Сергея Мелыунова и в материалах Центрального бюро партии эсеров *Чека: материалы по деятельности чрезвычайной комиссии,* изданных в Берлине в 1922 году[53].

Но своего апогея массовые убийства достигли в Крыму после эвакуации последних белых частей генерала Врангеля и гражданского населения, спасавшегося от большевиков. За несколько недель, с середины ноября до конца декабря 1920 года, десятки тысяч человек были расстреляны или повешены[54]. Многочисленные расправы имели место тотчас же после отплытия кораблей Врангеля. Многие сотни портовых рабочих были расстреляны в Севастополе 26 ноября за содействие эвакуации белых. 28 и 30 ноября *«Известия Севастопольского ревкома»* опубликовали списки расстрелянных. Первый насчи-

тывал 1634 имени, второй—1202. В начале декабря, когда первая волна убийств пошла на убыль, власти приступили к процедуре регистрации, сделав ее насколько возможно подробной. Ведь, по представлениям победителей, среди жителей городов и поселков Крыма скрывались десятки, если не сотни тысяч представителей эксплуататорских классов, бежавших из России в привычные для них курортные места. 6 декабря 1920 года Ленин успокаивал собравшихся активистов Московской организации РКП (б): «Сейчас в Крыму 300 000 буржуазии. Это — источник будущей спекуляции, шпионства, всякой помощи капиталистам. Но мы их не боимся. Мы говорим, что возьмем их, распределим, подчиним, переварим»[55].

Военные заставы на Перекопском перешейке, единственном сухопутном пути из Крыма, были усилены. Клетка захлопнулась, власти приказали каждому жителю явиться в ЧК, чтобы заполнить пространную анкету, содержавшую чуть ли не пятьдесят пунктов. Вопросы касались социального происхождения (принадлежности к ныне ликвидированным сословиям), прошлой деятельности, имущественного положения, родственных связей. Спрашивали и о месте службы в ноябре 1920 года, об отношении к Польше, к Врангелю, к большевикам и т.д. На основе этих данных население было разделено на три категории: подлежащих расстрелу, подлежащих отправке в концентраци-)нный лагерь, третья же категория могла жить спокойно до поры до времени. Свидетельства немногих переживших крымскую позднюю осень 1920 года, помещенные в эмигрантских газетах в 1921 году, описывают наиболее пострадавший от репрессий город Севастополь как «город висельников». «Нахимовский проспект увешан трупами офицеров, солдат и гражданских лиц, арестованных на улице и тут же наспех казненных без суда. Город вымер, население прячется в погребах, на чердаках. Все заборы, стены домов, телеграфные, телефонные столбы, витрины магазинов, вывески — оклеены плакатами: "Смерть предателям!" <...> На улицах вешали для назидания»[56].

Последний эпизод противостояния белых и красных не означал конца репрессий. Военных фронтов гражданской войны больше не существовало, но оставался еще фронт внутренний, и война на нем затянулась еще на два года.

5

От тамбовского восстания к Великому голоду

К концу 1920 года большевистский режим выглядел триумфатором. Последняя белая армия была побеждена, казаки разбиты, отряды Махно рассеяны. Однако, если война между белыми и красными, о которой всем было известно, закончилась, война между властью и широкими слоями общества продолжалась, не ослабевая. Апогей крестьянских войн приходится на начало 1921 года, когда целым губерниям удавалось вырваться из-под власти большевиков. В Тамбовской губернии, в части губерний Поволжья (Самарской, Саратовской, Симбирской), в Западной Сибири власть большевиков держалась только в городах. Село контролировали сотни банд зеленых и даже настоящие крестьянские армии. Чуть ли не каждый день вспыхивали волнения в частях Красной Армии. Число стачек, «итальянских» забастовок*, протестных собраний рабочих росло в еще действующих промышленных центрах: в Петрограде, Москве, Иваново-Вознесенске, Туле. В конце февраля 1921 года заволновались моряки военно-морской базы Кронштадта, расположенной вблизи Петрограда. Положение становилось взрывоопасным, страна выходила из-под управления. Перед угрозой подлинного социального шторма, который мог смести режим, руководители большевиков были вынуждены пойти на попятную и принять единственное решение, способное успокоить большую и самую грозную часть недовольных — крестьянство. Крестьянам была обещана отмена системы реквизиций — продразверстки, которая отныне заменялась продналогом. В таком контексте противостояния власти и общества начали вырисовываться, начиная с марта 1921 года, черты новой экономической политики — НЭПа.

До недавнего времени в исторических исследованиях особо подчеркивалась роль «переломного момента» в марте 1921 года. Однако решение о замене продразверстки продналогом, наспех принятое под угрозой социального взрыва в последний день заседаний X съезда РКП (б), не повлекло за собой ни прекращения крестьянских восстаний и рабочих забастовок, ни ослабления карательной политики Советов. Ставшие теперь доступными архивы убедительно доказывают, что гражданский мир по всей стране не воцарился в один прекрасный день весны 1921 года. Напряженность во многих районах сохранялась до лета 1922 года, а в некоторых областях и дольше. Реквизиционные команды продолжали свирепствовать на селе, рабочие забастовки по-прежнему сурово пресекались, последние социалистические активисты оставались за решеткой, «искоренение бандитского элемента» продолжалось по «всем прави-

* Вид забастовки, во время которой забастовщики являются на работу, но не работают. *(Прим. ред.)*

лам» — с массовыми расстрелами заложников и применением в непокорных деревнях отравляющих газов. В конце концов верх взял небывалый голод 1921 — 1922 годов, поразивший именно те районы, где сопротивление продовольственным реквизициям было особенно сильным, где крестьяне восставали просто для того, чтобы выжить. Если нанести на карту все местности, пострадавшие от голода, то мы увидим, что это как раз те районы, где в течение нескольких лет до начала голода проводились особенно опустошительные реквизиции, а также районы, отмеченные мощными крестьянскими восста-иииями. Став «объективным» союзником большевиков, безотказным орудием усмирения, голод к тому же послужил для них предлогом для нанесения решающего удара по Православной Церкви и интеллигенции, пытавшимся бороться с этим бедствием.

Из всех крестьянских выступлений, начавшихся с лета 1918 года вместе с широкой кампанией реквизиций, восстание в Тамбовской губернии было самым продолжительным, самым важным и самым организованным. Расположенная в пятистах километрах на юго-восток от Москвы, Тамбовская губерния представляла собой с начала века один из бастионов партии эсеров, наследников русских народников. В 1918—1920 годах, несмотря на все репрессии, обрушившиеся на эту партию, ее сторонники были многочисленны и активны на Тамбовщине. Но помимо этого Тамбовская губерния была еще и ближайшим к Москве хлебопроизводящим районом, и с осени 1918 года более сотни продовольственных отрядов свирепствовали в этой густонаселенной местности. В 1919 году здесь разразились десятки бунтов, и все они были безжалостно по-давлены. В 1920 году была резко повышена продразверстка: губерния вместо 18 миллионов пудов зерна должна была сдать 27 миллионов пудов. Но еще до этого распоряжения крестьяне, зная, что всё, что они не смогут потребить, будет реквизировано, резко сократили посевные площади[1]. Таким образом, выполнение продразверстки означало голодную смерть для крестьянства. 19 августа 1920 года в селе Хитрово произошел инцидент, обычный для практики продовольственных отрядов, но повлекший за собой значительные последствия. Как признавали сами местные власти, «продармейцы совершили целый ряд злоупотреблений: они грабили и разоряли все хозяйства, что встречались им на пути, реквизируя даже подушки и кухонную утварь, делили награбленное между собой и зверски избивали семидесятилетних стариков на виду у всех. Старики обвинялись в том, что их сыновья дезертировали и прячутся в окрестных лесах. <...> Также возмутило крестьян, что конфискованное зерно, погруженное на подводы для транспортировки на железнодорожную станцию, осталось тлеть под открытым небом»[2].

Вспыхнув в Хитрове, крестьянское восстание стремительно распространялось. К концу августа более четырнадцати тысяч крестьян, в большинстве своем дезертиров, вооруженных ружьями, вилами и косами, изгнали или убили всех «представителей Советской власти» в трех уездах Тамбовской губернии. За несколько недель крестьянское восстание', ничем вначале не отличавшееся от других крестьянских выступлений в России и на Украине, превратилось в этом традиционном бастионе эсеров в широкое повстанческое движение, отлично организованное под руководством военачальника Александра Степановича Антонова.

Член партии социалистов-революционеров с 1906 года, политический ссыльный с 1908 года по февраль 1917 года, Антонов, как и другие левые эсеры,

временно сотрудничал с большевиками, занимая должность начальника милиции в Кирсановском уезде Тамбовской губернии, на своей родине. В августе 1918 года он порвал с большевиками и возглавил один из многих дезертирских отрядов, действовавших в тамбовской «глубинке» против реквизиционных команд и нападавших на редких советских работников, рискнувших добираться до глухих деревень. Когда в августе 1920 года крестьянское восстание охватило его уезд, Антонов создал не только великолепно организованное крестьянское ополчение, но и замечательную службу разведки, сотрудники которой сумели проникнуть даже в Тамбовскую ЧК. Был создан и пропагандистский аппарат, выпускавший брошюры и листовки, обличавшие «большевистскую комиссаро-кратию» и сплачивающие крестьян вокруг таких популярных лозунгов, как свобода торговли, прекращение реквизиций, свободные выборы и упразднение комиссаров и ЧК[3].

Параллельно с этим подпольный ЦК партии эсеров создал в губернии Союз трудового крестьянства с обширной сетью местных отделений. Несмотря на сильные трения между Антоновым, по сути дела, эсеровским диссидентом, и руководством Союза, тамбовские крестьяне располагали военной организацией, разведывательной службой и политической программой, усилившей и сплотившей их, чего до сих пор не знали другие крестьянские движения, за исключением махновцев.

К октябрю 1920 года большевистская власть в Тамбовской губернии сохранялась только в губернском центре и в нескольких других городах. Дезертиры тысячами вливались в армию Антонова, которая достигала пятидесяти тысяч бойцов. 19 октября, осознав всю серьезность ситуации, Ленин пишет командующему ВОХР В. Корневу и Дзержинскому: «Скорейшая (и примерная) ликвидация* безусловно необходима. Прошу сообщить мне, какие меры принимаются. Необходимо проявить больше энергии и дать больше сил»[4].

Энергию проявили, силы дали. К началу ноября большевики имели на Тамбовщйне едва 5000 штыков из состава ВОХР, но сразу же после разгрома в Крыму Врангеля численный состав войск ВЧК, отправляемых в Тамбовскую губернию, непрерывно увеличивался, достигнув вскоре 100 000 человек, включая части Красной Армии, правда, немногочисленные, так как на них не очень надеялись при подавлении народных восстаний.

К началу 1921 года крестьянские волнения охватили новые районы —не только всю Нижнюю Волгу (Самарскую, Саратовскую и Астраханскую губернии), но и Западную Сибирь. Положение становилось взрывоопасным, голод грозил этим богатым, но безжалостно обобранным в предыдущие годы краям. Из Самарской губернии командующий Волжским военным округом доносил 12 февраля 1921 года: «Многотысячные толпы голодных крестьян осаждают склады, где хранится реквизированное для армии и городов зерно. Дело дошло до попыток захвата, и войска были вынуждены стрелять в разъяренную толпу». Руководство саратовских большевиков телеграфировало в Москву: «Бандитские выступления охватили всю губернию. Все запасы зерна — три миллиона пудов — на государственных складах захвачены крестьянами. Они отлично вооружены, благодаря дезертирам, доставившим им оружие. Надежные части Красной Армии рассеяны».

И в то же самое время за тысячу километров на восток обозначился новый очаг крестьянских волнений. Выкачав все, что можно, из сельских районов

* Тамбовского восстания. *(Прим, ред.)*

южной России и Украины, большевики обратили свой взор осенью 1920 года на Западную Сибирь, где продразверстка была произвольно определена в соответствии с... экспортом зерна из края в 1913 году! Но как можно сравнивать урожай, выращенный в расчете получить за него полновесный золотой рубль, с тем, который крестьянину предстоит отдать под угрозой расправы? Как и повсюду, сибирские крестьяне поднялись на защиту плодов своего труда и ради собственного выживания. В январе —марте 1921 года большевики утратили контроль над губерниями Тобольской, Омской, Оренбургской, Екатеринбургской — то есть территорией, превосходящей по размерам Францию. Транссибирская магистраль, единственная железная дорога, связывающая европейскую часть России с Сибирью, оказалась перерезанной. 21 февраля Народная крестьянская армия овладела Тобольском и удерживала этот город до 30 марта[5].

На другом конце страны, в столицах, ситуация к началу 1921 года тоже оказалась на грани взрыва. Промышленность почти остановилась; поезда не ходили; из-за нехватки топлива большинство заводов и фабрик или закрывались, или работали еле-еле; снабжение городов больше не удавалось обеспечить. Рабочие либо оказались на улице, либо рассеялись по деревням в поисках продуктов питания, либо вели жаркие дискуссии в холодных, неработающих цехах; каждый тащил с производства все, что было можно, в надежде обменять • мануфактуру» на какую-нибудь еду.

«Недовольство повсеместное. В рабочей среде ходят слухи о свержении коммунистической] власти. Люди голодают и не работают. Ожидаются крупномасштабные забастовки. Замечены брожения среди частей Московского гарнизона, которые могут в любое время выйти из-под контроля. Необходимы предохранительные меры»[6].

Распоряжением правительства от 21 января со следующего дня были сокращены на треть хлебные рационы в Москве, Петрограде, Иваново-Вознесен-ске и Кронштадте. Эта мера, предпринятая в тот момент, когда власть не могла сослаться на контрреволюционную угрозу и воззвать к классовому патриотизму трудящихся масс (последние белые войска были уже изгнаны из России), оказалась спичкой, брошенной в пороховой погреб. С конца января до середины марта забастовки, митинги протеста, голодные марши, манифестации, захваты заводов и фабрик рабочими происходили ежедневно. Своего апогея они достигли в конце февраля — начале марта в обеих столицах. 22, 23, 24 февраля в Москве происходили стычки отрядов ЧК с рабочими, пытавшимися вывести войска из казарм и начать брататься с ними. Несколько рабочих были убиты, а сотни арестованы[7].

В Петрограде волнения приняли новый размах 22 февраля, когда рабочие крупнейших предприятий провели, как в марте 1918 года, выборы в Собрание рабочих уполномоченных — учреждение с достаточно яркой меньше-зистско-эсеровской окраской. В своем первом воззвании «уполномоченные» призывали к упразднению большевистской диктатуры, требовали свободных выборов в Советы, свободы слова, собраний, печати и освобождения всех политических заключенных. Для достижения этих целей Собрание призвало к всеобщей забастовке. Многие воинские части провели митинги, на которых были приняты резолюции в поддержку требований рабочих. Армейское ко-мандование не смогло помешать этому. 24 февраля войска ЧК открыли огонь по рабочей демонстрации, убив двенадцать ее участников. В тот же день было арестовано около тысячи рабочих и социалистических активистов[8]. Тем не

менее демонстрации нарастали, сотни красноармейцев покидали свои части, чтобы присоединиться к рабочим. Через четыре года после Февральской революции, покончившей с царским режимом, повторился тот же сценарий: братание рабочих демонстрантов и вышедших из повиновения солдат. В 9 часов вечера 26 февраля глава петроградских большевиков Зиновьев отправил Ленину паническую телеграмму: «Рабочие вступили в контакт с солдатами в казармах. <...> Мы ждем подкрепления войсками, затребованными из Новгорода. Если надежные части не прибудут в ближайшие часы, мы будем опрокинуты».

На третий день после этой телеграммы произошло событие, которого большевистские главари опасались больше всего: мятеж моряков двух линейных кораблей, стоявших на якоре в Кронштадте, в двух десятках километров от Петрограда. 28 февраля в 23 часа Зиновьев адресует Ленину новую телеграмму: «<В> Кронштадте два самых больших корабля — *Севастополь, Петропавловск* — приняли эсеровски черносотенные резолюции, предъявив ультиматум 24 часа. Среди рабочих Питера положение по-прежнему очень неустойчивое. Крупные заводы не работают. Предполагаем со стороны эсеров решение форсировать события»[9].

Требования, квалифицированные Зиновьевым как «эсеровски-черносотенные», были такими же, какие могло предъявить подавляющее большинство граждан страны после трех лет большевистской диктатуры: перевыборы Советов путем тайного голосования и широкого обсуждения кандидатур; свобода слова и печати, однако с уточнением — «для рабочих и крестьян, анархистов и левых социалистических партий»; уравнивание пайков для всех трудящихся, за исключением вредных цехов; освобождение всех членов социалистических партий, всех рабочих, крестьян, красноармейцев и матросов, арестованных в связи с рабочими и крестьянскими движениями; создание комиссии для пересмотра дел заключенных в тюрьмах и концлагерях; отмена реквизиций; упразднение особых частей ЧК; «дать полное право крестьянам над всею землею так, как им желательно, а также иметь скот, который содержать должен и управляться своими силами, т.е. не пользуясь наемным трудом»[10].

Ситуация в Кронштадте развивалась стремительно. 1 марта там на Якорной площади состоялся огромный митинг, который собрал свыше 15 000 человек, четвертую часть всего гражданского и военного населения военно-морской базы. Прибывший в Кронштадт в попытке спасти положение председатель ВЦИК Михаил Калинин был изгнан с трибуны под улюлюканье и свист толпы. На следующий день мятежники, к которым присоединилась почти половина из двух тысяч большевиков Кронштадта, создали Временный Революционный комитет, который сразу же попытался установить связь с рабочими и красноармейцами Петрограда.

Ежедневные донесения ЧК о положении в Петрограде в первые дни марта 1921 года свидетельствуют о растущей народной поддержке восставших Кронштадта: «Кронштадтский Ревком со дня на день ожидает всеобщего восстания в Питере. Установлена связь между мятежниками и многими заводами <...>. Сегодня, на общезаводском собрании «Арсенала», рабочие приняли резолюцию, призывающую к восстанию.

Делегация, состоящая из трех чел[овек] — анархист, меньшевик, соц[иа-лист]-рев[олюционер], — была избрана для поддержания связи с Кронштадтом»[11].

7 марта Петроградская ЧК п лучила приказ «предпринять решительные действия на заводах». В двадцать четыре часа было произведено более двух ты-

сяч арестов среди рабочих, членов социалистических партий и анархистских групп, а также сочувствующих им. В отличие от восставших, у рабочих не было оружия, чтобы оказать сопротивление отрядам ЧК. Чтобы покончить с оплотом восстания, большевики тщательно готовили штурм Кронштадта. Подавление восстания было поручено красному генералу Тухачевскому. Для стрельбы по народу этот герой недавней Польской кампании (1920 г.) привлек юных рекрутов из военного училища, «красных курсантов», не имевших опыта революционной борьбы, и специальные войска ВЧК. Операции начались 8 марта, и на десятый день Кронштадт был взят ценой тысяч убитых с
обеих сторон. Расправа с восставшими была безжалостной. Тысячи взятых в плен матросов были расстреляны в первые дни после разгрома восстания. Недавно опубликованные документы сообщают о 2103 приговоренных к смерти и 6459 отправленных в тюрьмы и концентрационные лагеря только за апрель —- июнь 1921 года[12]. Перед самым падением Кронштадта около восьми тысяч человек успели спастись, уйдя по замерзшему заливу в Финляндию. Они были интернированы в транзитные лагеря в Териоки, Выборге и Ино. Обманутые обещанной амнистией, многие из них возвратились в 1922 году в Россию, где тотчас же были арестованы и отправлены в лагеря на Соловецкие острова и в Холмогоры, вблизи Архангельска, один из самых страшных концентрационных лагерей[13]. Согласно сведениям из анархистских кругов, из пяти тысяч узников Кронштадта, отправленных в этот лагерь, к весне 1922 года в живых оставалось не больше полутора тысяч[14].'

Расположенный на берегу могучей Северной Двины, лагерь в Холмогорах приобрел мрачную славу благодаря способу избавления от заключенных. Несчастных погружали на баржу и там, связав руки, сбрасывали с камнем на шее в реку. Придумал эти массовые утопления один из видных чекистов Михаил Кедров в июне 1920 года. Согласно многим собранным свидетельствам, таким путем было покончено со многими кронштадтцами, казаками и крестьянами Тамбовской губернии, присланными в Холмогоры в 1922 году. В том же году Особая эвакуационная комиссия депортировала в Сибирь 2514 жителей Кронштадта только за то, что они оставались в крепости во время восстания![15]

Покончив с восстанием в Кронштадте, власть направила свои усилия на преследование активистов социалистических партий, на борьбу против забастовок, на разгром Церкви и на подавление крестьянских восстаний, которые все еще продолжались, несмотря на провозглашенную отмену реквизиций.

Еще 28 февраля 1921 года Дзержинский приказал всем губернским ЧК: • 1) Немедленно арестовать всю анархиствующую, меньшевистскую и эсеровскую интеллигенцию, прежде всего тех, кто работает в комиссариатах сельского хозяйства и продовольствия; 2) После этого арестовать всех анархистов и меньшевиков, работающих на заводах и фабриках, способных призывать рабочих к стачкам или манифестациям»[16].

Введение НЭПа вовсе не означало ослабления карательной политики, на-оборот, начиная с марта 1921 года оно сопровождалось усилением репрессий в отношении умеренных социалистов. Это усиление было продиктовано **не о**пасениями, что меньшевики и эсеры станут в оппозицию к новой экономической политике, а тем фактом, что именно они призывали именно к подобным мерам, и жизнь подтверждала правильность их анализа. Раздосадованный **Ленин** высказался в апреле 1921 года вполне определенно: «Единственное **место**

для меньшевиков и эсеров, что бы они ни провозглашали и как бы ни маскировались, — это тюрьма».

Несколькими месяцами позже, сочтя, что социалисты всё еще слишком «суетятся», он писал: «Если меньшевики и эсеры еще раз высунут свой нос — расстреливать их безжалостно!» С марта по июнь 1921 года было арестовано еще две тысячи членов умеренных социалистических партий и сочувствующих им. Все члены Центрального Комитета РСДРП (партии меньшевиков) снова оказались в тюрьмах; протестуя против уготованной им ссылки в Сибирь, они объявили в январе 1922 года голодовку; двенадцать ее руководителей, в их числе Дан и Николаевский, были высланы за границу и в феврале 1922 года обосновались в Берлине.

Одним из приоритетных вопросов, вставших перед режимом весной 1921 года, был вопрос о росте промышленной продукции, объем которой упал до 10% от уровня лета 1913 года. Далекие от мысли ослабить давление на рабочих, большевики продолжали и даже усилили милитаризацию труда, начавшуюся в предыдущий период. Политика, проводившаяся после введения НЭПа в Донбассе, крупнейшем горнодобывающем и металлургическом районе (80% угля и стали страны), представляется, на взгляд многих исследователей, показательной для диктаторских методов, применявшихся большевиками, «чтобы заставить рабочих работать». В конце 1920 года один из соратников Троцкого Григорий Пятаков был назначен председателем Центрального правления каменноугольной промышленности Донбасса. За один год путем жесточайшей эксплуатации ста двадцати тысяч шахтеров, основанной на все той же милитаризации труда, Пятаков увеличил добычу угля в пять раз. Была установлена строжайшая дисциплина: любое отсутствие на работе приравнивалось к «акту саботажа» и наказывалось заключением в лагерь и даже смертной казнью — 18 шахтеров были расстреляны в 1921 году за «злостный паразитизм». Продолжительность рабочей недели была увеличена за счет труда по воскресеньям, широкое распространение получила практика «шантажа продовольственными карточками» в целях увеличения производительности труда. Все эти меры предпринимались в то время, когда рабочие в качестве зарплаты получали паек, составлявший от одной трети до половины необходимого для выживания рациона, когда им приходилось в конце рабочего дня отдавать свою единственную шахтерскую обувь товарищам из следующей смены. Само Правление каменноугольной промышленности среди причин многочисленных неявок на работу, помимо болезней, называло «хронический голод», а также «почти полное отсутствие рабочей одежды и обуви». Чтобы уменьшить количество едоков в условиях надвигающегося голода, Пятаков 24 июня 1921 года распорядился выселить из шахтерских городов и поселков всех лиц, не занятых работой на шахтах, избавившись таким образом от «мертвого груза». Продовольственные карточки у членов шахтерских семей были аннулированы. Было проведено строгое рационирование в зависимости от производства, на котором занят работник, вводилась примитивная форма сдельной оплаты[17].

Все эти меры шли вразрез с идеями равенства и «гарантированного снабжения», которыми все еще баюкали себя многие, поверившие в пролетарскую мифологию большевизма. На деле все это предвещало комплекс антирабочих мер 30-х годов (заключение в тюрьму за опоздание на работу, запрет на увольнение и т.д.). Рабочий класс превращался *ърабсилу,* которую надо было эксплуатировать самым эффективным способом, обходя законодательство о труде и

используя профсоюзы прежде всего в качестве палки погонщика. Милитаризация труда представлялась самой подходящей формой для управления этой рабочей силой — строптивой, голодной и малопродуктивной. Но трудно удержаться от вопроса: чем отличалась эта форма эксплуатации свободного труда от принудительных работ в карательных системах, расцветших в 3О-е годы? Как и другие эпизоды этих лет, то, что происходило в Донбасе в 1921 году, несло в себе черты будущего сталинизма.

Среди других вопросов, имевших для режима приоритетное значение весной 1921 года, надо назвать наведение порядка в регионах, где действовали банды дезертиров и крестьянские отряды. 27 апреля 1921 года Политбюро назначило героя Кронштадта Тухачевского ответственным «за операции по ликвидации банд Антонова в Тамбовской губернии». Встав во главе почти стотысячной армии, в которую вошли многочисленные специальные части ВЧК с тяжелой артиллерией и авиацией, Тухачевский покончил с отрядами Антонова, проводя жесточайшие карательные акции. Командующий войсками Тамбовской губернии Тухачевский и председатель Полномочной комиссии ВЦИК Антонов-Овсеенко установили в Тамбовской губернии подлинный оккупационный режим, применяя такие меры, как массовые взятия заложников, смертные казни, заключение в наспех оборудованные концлагеря, атаки отравляющими боевыми веществами и депортации целых деревень, заподозренных в помощи «бандитам»[18].

Чтобы показать, какими методами проводилось «умиротворение» Тамбовской губернии, приведем выдержки из приказа № 171 от 11 июня 1921 года, подписанного Антоновым-Овсеенко и Тухачевским:

«1. Граждан, отказывающихся называть свое имя, расстреливать на месте, без суда.
2. Селениям, в которых скрывается оружие, властью уполиткомиссии или райполиткомиссии объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае несдачи оружия.
3. В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда старшего работника в семье.
4. Семья, в доме которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется, старший работник в этой семье расстреливается без суда.
5. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитов, и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда.
6. В случае бегства семьи бандита имущество таковой распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать или разбирать.
7. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно»[19].

На следующий день после объявления этого приказа командующий Тухачевский приказал применить газы против повстанцев. «Остатки разбитых банд и отдельные бандиты продолжают собираться в лесах. <...> Леса, в которых укрываются бандиты, должны быть очищены с помощью удушающих газов. Все должно быть рассчитано так, чтобы газовая завеса, проникая в лес, уничтожала там все живое. Начальник артиллерии и специалисты, компетентные в такого рода операциях, должны обеспечить достаточное количество газов». Приказ

№ 171 был отменен 19 июля в связи с резким противодействием многих большевистских руководителей такой форме «искоренения»[20].

К июлю 1921 года военные власти и органы ЧК уже приготовили семь концентрационных лагерей, где, согласно пока еще не полным данным, было размещено по меньшей мере 50 000 человек, главным образом стариков, женщин и детей, «заложников» и членов семей крестьян-дезертиров. Обстановка в этих лагерях была ужасающей: там свирепствовали тиф и холера, и полуодетые узники страдали от всех возможных бед. Летом 1921 года дал о себе знать голод. Смертность к осени поднялась до 15 — 20% в месяц! К 1 сентября 1921 года осталось некоторое количество разрозненных банд, в которых едва можно было насчитать до тысячи вооруженных людей. Напомним, что в феврале число повстанцев доходило до 40 тысяч. С крестьянской армией Антонова было покончено*. Начиная с ноября 1921 года многие тысячи заключенных из числа наиболее работоспособных вывозились из «усмиренных» деревень и сел в концентрационные лагеря на север России, в Архангельск и Холмогоры[21].

Судя по ежедневным сводкам ЧК большевистскому руководству, «наведение революционного порядка» на селе продолжалось во многих регионах — на Украине, в Западной Сибири, губерниях Поволжья, на Кавказе — по крайней мере, до второй половины 1922 года. Навыки, полученные в предшествующие годы, сохранились, и, хотя продразверстка и связанные с ней реквизиции были официально отменены в марте 1921 года, заменивший их продналог нередко взимался с прежней свирепостью. Нормы налога, взвинченные в связи с тяжелым положением в сельском хозяйстве в 1921 году, поддерживали постоянное напряжение в деревнях, где у многих крестьян еще сохранялось оружие.

Передавая свои впечатления о поездке в Тульскую, Орловскую и Воронежскую губернии в мае 1921 года, заместитель наркома сельского хозяйства Николай Осинский писал об убеждении местных функционеров в том, что к осени реквизиции возобновятся. Местные власти «смотрят на крестьян как на прирожденных саботажников»[22].

Из доклада председателя полномочной «пятерки» о карательных мерах против бандитов Тамбовской области. 10.7.1921

«Операции по очистке селений КурдюковскоО волости начались 27-го июня с деревни Осиновки, являвшейся ранее частым местом пребывания банд. Настроение крестьян к прибывшим для операции отрядам — недоверчиво выжидательное: банды не выдавали, на все задаваемые вопросы отвечали незнанием.

Было взято 40 заложников, селение объявлено на осадном положении, изданы приказы, устанавливающие 2-часовой срок для выдачи бандитов и оружия с предупреждением — за невыполнение будут расстреляны заложники. На общем собрании крестьяне заметно стали колебаться, но не решались принять активное участие в оказании помощи по изъятию бандитов. Повидимому, они мало верили в то, что приказы о расстреле будут приводиться в исполнение. По истечении установленного срока был расстрелян 21 заложник в присутствии схода крестьян. Публичный расстрел, обставленный со всеми формальностями, в присутствии всех членов «пятерки», уполномоченных, комсостава частей и пр., произвел потрясающее впечатление на крестьян <...>.

* Сам Антонов погиб летом 1922 года, попав вместе с несколькими оставшимися верными ему людьми в чекистскую засаду. *(Прим. ред.)*

Что касается д[еревни] Кареевки, где ввиду удобного территориального положения было удобное место для постоянного пребывания бандитов <...>, «пятеркоО» было решено уничтожить данное селение, выселив поголовно все население и конфисковав их имущество, за исключением семей красноармейцев, которые были переселены в село Курдюки и размещены в избах, изъятых у бандитских се-мей. Строго после изъятия ценных материалов — оконных рам, сеялок, срубов, и др. — деревня была зажжена <...>.

3 июля приступили к операции в с. Богословкэ. Редко где приходилось видеть столь замкнутое и сорганизованное крестьянство. При беседе с крестьянами от малого до старика, убеленного сединами, все как один по вопросу о бандитах отговаривались полным незнанием и даже с вопрошающим удивлением отвечали: «У нас нет бандитов»; «Когда-то проезжали мимо, но даже хорошо не знаем, были ли то бандиты или кто другой, мы живем мирно, никого не беспокоим и никого не знаем».

Были повторены те же приемы, какие и в Осиновке, взяты заложники в количестве 58 человек. 4 июля была расстреляна первая партия в 21 человек, 5 июля — в 15 человек, изъято 60 семей бандитских — до 200 человек. В конечном результате перелом был достигнут, крестьянство бросилось ловить бандитов и отыскивать скрытое оружие <...>.

Окончательная чистка упомянутых сел и деревень была закончена 6 июля, результаты каковой сказались не только на районе двух волостей, прилегающих к ним,- явка бандитского элемента продолжается.

Председатель полномочной «пятерки»
Усконин»[20].

Чтобы улучшить сбор налога в Сибири, регионе, который должен был поставить большую часть сельскохозяйственных продуктов в момент, когда приволжские губернии были поражены голодом, Феликс Дзержинский в декабре 1921 года был командирован в Сибирь как чрезвычайный уполномоченный. Он ввел в дело «летучие революционные трибуналы», разъезжавшие по селам и приговаривавшие тут же, на месте, крестьян, не сдавших продналог, к тюрьме или лагерю[24]. Как и реквизиционные отряды, эти трибуналы при поддержке «налоговых отрядов» допускали столько злоупотреблений, что сам председатель Верховного трибунала Николай Крыленко вынужден был направить специальную комиссию для расследования действия этих органов, опиравшихся на авторитет шефа ВЧК. Из Омска один из инспекторов комиссии доносил 14 февраля 1922 года: «Злоупотребления реквизиционных отрядов достигли невообразимого уровня. Практикуется систематически содержание арестованных крестьян в неотапливаемых амбарах, применяются порки, угрозы расстрелом. Не сдавших полностью налог гонят связанными и босиком по главной улице деревни и затем запирают в холодный амбар. Избивают женщин вплоть до потери ими сознания, опускают их нагишом в выдолбленные в снегу ямы...»

Напряжение во всех губерниях не ослабевало. Вот выдержки из сводки политической полиции за октябрь 1922 года, через полтора года после начала НЭПа:

«В Псковской губернии на продналог пойдет более 2/3 урожая. Четыре уезда восстали. <...> В Новгородской губернии сбора продналога не выполним, несмотря на 25-процентное понижение ставок, из-за неурожая. В Рязанской и Тверской губерниях выполнение 100% продналога обрекает крестьян на голод. <...> В городе Новониколаевске Томской губернии

развивается голод, и крестьяне для своего пропитания заготовляют на зиму траву и корни. <...> Но все эти факты бледнеют рядом с сообщениями из Киевской губернии о массовых самоубийствах крестьян вследствие непо-сильности продналоговых ставок и конфискации оружия. Голод, постигший ряд районов, убивает в крестьянах всякие надежды на будущее"[25].

И все же осенью 1922 года случилось худшее. После двухлетнего голода выжившие ссыпали в закрома урожай, который позволил бы им пережить зиму, при условии, что нормы продналога будут уменьшены. «В этом году урожай зерновых обещает быть ниже среднего уровня десяти последних лет», — такими словами 2 июля 1921 года в газете *«Правда»* в первый раз на последней полосе, в коротенькой заметке, было упомянуто об обострении «проблемы продовольствия» на «фронте земледелия». Десятью днями позже в обращении Президиума ВЦИК от 12 июля «Ко всем гражданам РСФСР», подписанном председателем ВЦИК Михаилом Калининым, признавалось, что «во многих районах засуха этого года уничтожила посевы». Следом Центральный Комитет РКП(б) принял обращение *Задачи партии в борьбе с голодом,* появившееся в *«Правде» 2*1 июля. «Бедствие, — объяснялось в обращении, — является результатом не только засухи этого года. Оно подготовлено и обусловлено прошлой историей, отсталостью нашего сельского хозяйства, неорганизованностью, низким уровнем сельскохозяйственных знаний, низкой техникой, отсталыми формами севооборота. Оно усилено результатами войны и блокады, не прекращающейся борьбой против нас помещиков, капиталистов и их слуг; оно и сейчас усугубляется выполнителями воли организаций, враждебных Советской России и всему ее трудящемуся населению»[26].

В долгом перечислении причин этого бедствия, которое еще не осмеливались назвать его подлинным именем, был пропущен самый важный фактор: политика реквизиций и грабежей, которую годами проводили в отношении и так уже ослабленного сельского хозяйства. Руководители затронутых голодом губерний, собранные в Москве в июне 1921 года, в один голос обвиняли правительство и всесильный Наркомат продовольствия в провоцировании голода. Представитель Самарской губернии, некто Вавилин, заявил, что губернский комитет по продовольствию с самого начала продразверстки давал дутые цифры при оценке урожая.

Несмотря на скудный урожай 1920 года, тогда реквизировано было десять миллионов пудов зерна. Взяли все резервы, даже семенной фонд будущего урожая. В январе 1921 года многим крестьянам было нечем кормиться. С февраля начала расти смертность. В течение двух-трех месяцев в Самарской губернии не прекращались крестьянские волнения. «Сегодня, — объяснял собравшимся тот же Вавилин, — больше не идет речь о восстаниях. Мы столкнулись с совершенно новым явлением: тысячные толпы голодных людей осаждают исполкомы Советов или комитеты партии. Молча, целыми днями, стоят и лежат они у дверей словно в ожидании чудесного появления кормежки. И нельзя разгонять эту толпу, где каждый день умирают десятки человек. <...> Уже сейчас в Самарской губернии более 900 тысяч голодающих. <...> Нет бунтов, а есть более сложные явления: тысячные голодные толпы осаждают уездисполком и терпеливо ждут. Никакие уговоры не действуют, многие тут же от истощения умирают»[27].

Из донесений ЧК и военного командования можно заключить, что первые признаки голода появились во многих регионах уже в 1919 году. В течение всего 1920 года ситуация неуклонно ухудшалась. В своих секретных сводках,

прекрасно осведомленные об истинном положении дел органы ЧК, Наркомата земледелия, Наркомата продовольствия вели с лета 1920 года счет «голодным» уездам и губерниям. В одной из таких сводок, в январе 1921 года, среди причин голода в Тамбовской губернии назван «разгул» реквизиций 1920 года. Для простых людей было очевидно (и об этом свидетельствуют чекистские донесения о настроениях в обществе), что «советская власть хочет голодом сломать тех крестьян, кто ей противится». Прекрасно осведомленное о неизбежных последствиях своей политики реквизиций, правительство тем не менее не принимало никаких мер. Даже тогда, когда голод охватил уже немалое количество губерний, Ленин и Молотов в телеграмме, отправленной партийным руководителям на местах 30 июля 1921 года, требовали неуклонного взимания продналога, рекомендуя применять для этого «всю карательную власть государственного аппарата»[28].

Интеллигенция, осознавая позицию правительства, намеренного любой ценой продолжать свою политику давления на деревню, и представляя себе размах продовольственной катастрофы, решила мобилизовать свои силы. В июне 1921 года группа агрономов, экономистов, университетских преподавателей, общественных деятелей разных направлений объявила о создании Всероссийского общественного комитета борьбы с голодом. Среди первых членов этого комитета фигурировали видные экономисты Кондратьев и бывший министр продовольствия Временного правительства Проко-пович, близкая к Максиму Горькому известная общественная деятельница и журналистка Кускова, академики, писатели, врачи. Благодаря содействию Горького, пользовавшегося влиянием в большевистских кругах, делегация комитета была принята Львом Каменевым в середине июля 1921 года (Ленин отказался встретиться с делегацией). После этой встречи Ленин, всегда настороженно относившийся к излишней «сентиментальности» некоторых большевистских руководителей, послал записку своим коллегам по Политбюро: «Строго обезвредить Кускову. <...> От Кусковой возьмем имя, подпись, пару вагонов от тех, кто ей (и эдаким) сочувствует. Больше ни-че-го» [29].

В конце концов члены Комитета смогли убедить большевистское руководство в своей полезности. Представители русской науки, культуры, литературы, известные на Западе, они в большинстве своем принимали активное участие в организации помощи голодающим еще в 1891 году. Помимо этого, у них были многочисленные связи с зарубежным интеллектуальным миром, они пользовались доверием и могли служить надежным гарантом правильного распределения возможной международной помощи. Они были готовы исполнить свой долг, но настаивали на том, чтобы Комитету был придан официальный статус.

21 июля 1921 года после трех дней дебатов в Политбюро большевистское правительство приняло декрет об организации Комитета. Он получил официальное название Всероссийский комитет помощи голодающим и должен был действовать под эгидой Красного Креста. Комитет имел право добывать в России и за границей продовольствие, фураж, медикаменты, распределять помощь среди нуждающегося населения, пользоваться транспортными средствами для доставки этих продуктов, организовывать бесплатное питание, учреждать местные комитеты и отделения, «беспрепятственно сноситься с заграничными организациями и фондами» и даже «участвовать в обсуждении мер, предпринимаемых центральными и местными властями, относящихся, по мнению комитета, к вопросу борьбы с голодом»[30]. Ни в один из моментов советской истории

никакая общественная организация не наделялась подобными правами. Можно сказать, что государство поступилось своими принципами, но эта мера была вполне адекватна тому кризисному положению, в котором находилась страна спустя четыре месяца после официального объявления НЭПа, делавшего лишь первые шаги.

Комитет обратился к главе Православной Церкви патриарху Тихону, который сразу же создал Всероссийский церковный комитет помощи голодающим. 7 июля 1921 года во всех российских храмах читали пастырское послание патриарха: «Падаль стала пищей голодающих, и даже эту пищу трудно найти. Плач и стенания доносятся со всех сторон. Уже доходят и до каннибализма... Протяните руку помощи вашим братьям и сестрам! С согласия верующих вы можете жертвовать на нужды голодающих церковные драгоценности и предметы, не имеющие богослужебного употребления, кольца, цепи, браслеты, оклады икон и т.д.»

Получив поддержку Церкви, Всероссийский комитет помощи голодающим вступил в контакты с различными международными организациями, такими, как Красный Крест, Квакеры, Американская ассоциация помощи (ARA), которые откликнулись на просьбы о помощи. Тем не менее сотрудничество между властями и Комитетом длилось чуть больше месяца: 27 августа 1921 года Комитет был распущен. За шесть дней до этого правительство подписало соглашение с представителем Американской ассоциации помощи, возглавляемой Эдгаром Гувером. Теперь, когда в Россию пошли первые грузы ARA, Комитет сыграл свою роль: «имя и подпись» Кусковой послужили большевикам. И хватит.

«Предлагаю сегодня же, - писал Ленин в записке, - в пятницу 26.8, распустить «Кукиш»*. <...> Прокоповича сегодня же арестовать по обвинению в противоправительственной речи <...> и продержать месяца три. <...> Остальных членов «Кукиша» тотчас же, сегодня же, выслать из Москвы, разместив по одному в уездных городах, по возможности без железных дорог, под надзор. <...> Напечатаем завтра же пять строк короткого, сухого правительственного сообщения: Распущен за нежелание работать. Газетам дадим директиву: завтра же начать на сотни ладов высмеивать «Кукишей». Баричи, белогвардейцы, хотели прокатиться за границу, не хотели ехать на места. Изо всех сил их высмеивать и травить не реже одного раза в неделю в течение двух месяцев»[31].

Буквально следуя этой инструкции, пресса накинулась на шесть десятков известных представителей интеллигенции, входивших в Комитет. Заголовки статей показывают, каков был характер этой травли: «Не играйте с голодом!» *("Правда»,* 30 августа); «Они спекулируют на голоде!» *("Коммунистический труд",* 31 августа); «Комитет помощи... контрреволюции» *(«Известия»,* 30 августа). В беседе с одним из тех, кто высказывался в защиту арестованных и сосланных членов Комитета, заместитель Дзержинского, Уншлихт, заявил без обиняков: «Вы говорите, что Комитет не сделал ни одного нелояльного шага. Это — верно. Но он являлся центром притяжения для русского общества. Это мы не можем допустить. Знаете, когда нераспустившуюся вербу опустят в стакан с водой, она начинает быстро распускаться. Так же быстро начал обрастать старой общественностью и «Комитет». <...> Вербу надо было выбросить из воды и растоптать (32).

Вместо Комитета правительство создало Комиссию помощи голодающим (известную как Помгол), громоздкую бюрократическую организацию, со-

* Так цинично Ленин называл Всероссийский комитет помощи голодающим. *(Прим. ред.)*

ставленную из функционеров различных народных комиссариатов, весьма неэффективную и коррумпированную. При самом сильном голоде летом 1922 года, который охватил чуть ли не 30 миллионов человек, Комиссия оказывала, и довольно нерегулярно, продовольственную помощь лишь 3 миллионам лиц. Что же касается ARA, Квакеров, Красного Креста, они обеспечивали питанием около 11 миллионов в день. Несмотря на такую международную помощь, голод 1921 — 1922 годов унес по меньшей мере 5 миллионов жизней, при том что голодало в общей сложности 29 миллионов человек(33). Последний страшный голод в дореволюционной России, обрушившийся на страну в 1891 году и охвативший примерно те же регионы (Среднюю и Нижнюю Волгу и часть Казахстана), унес с собой от 400 до 500 тысяч человек. Но тогда государство и общество соревновались между собой в оказании помощи голодающим. Юный помощник присяжного поверенного Владимир Ульянов жил в начале девяностых годов в Самаре, центре наиболее пострадавшей в 1891 году от голода губернии. Он оказался единственным представителем местной интеллигенции, не только не принявшим никакого участия в организации помощи голодающим, но и категорически возражавшим против такой помощи. Как вспоминал один из его друзей, «Владимир Ильич имел мужество открыто заявить, что последствия голода — нарождение промышленного пролетариата, этого могильщика буржуазного строя, — явление прогрессивное. <.„> Голод, разрушая крестьянское хозяйство, двигает нас к нашей конечной цели, к социализму через капитализм. Голод одновременно разбивает веру не только в царя, но и в Бога»(34).

Через тридцать лет юный помощник присяжного поверенного, став главой большевистского государства, повторил ту же мысль: голод может и должен послужить делу нанесения «смертельного удара в голову врага». Этим врагом являлась Церковь. «Электричество заменит бога. Дайте крестьянину возможность молиться электричеству, и он поверит в могущество властей более, чем в могущество бога», — говорил Ленин в 1918 году во время дискуссии с Леонидом Красиным об электрификации России. С самого прихода большевиков к власти отношения между ними и Православной Церковью постоянно ухудшались. 23 января 1918 года в официальном правительственном органе *«Газете рабочего и крестьянского правительства»* появился Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, провозглашавший свободу совести и культов, а также объявлявший о предстоящей национализации церковного имущества. Против этого посягательства на Православную Церковь резко протестовал патриарх Тихон в четырех посланиях к верующим. Большевики учащали провокации, подвергая «экспертизе» православные реликвии — мощи святых, организовывая в дни церковных праздников «антирелигиозные карнавалы», требуя превращения Троице-Сергиевой Лавры, где хранились мощи святого Сергия Радонежского, в музей атеизма. В атмосфере, когда многие архиереи и священники были арестованы за противодействие этим провокациям, большевики по инициативе Ленина использовали голод как предлог для нанесения решающего удара по Церкви.

26 февраля 1922 года в *«Известиях»* было опубликовано постановление ВЦИК, в котором предлагалось «местным Советам в месячный срок со дня опубликования сего постановления изъять из церковных имуществ <...> все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы культа, и передать в органы Наркомфина, со специальным назначением в фонд Центральной комиссии помощи голодаю-

щим». Операции по изъятию ценностей начались в первые дни марта и сопровождались повсюду многочисленными столкновениями между членами комиссий по изъятию и верующими. Самый крупный из таких инцидентов произошел 15 марта 1922 года в Шуе, маленьком промышленном городе вблизи Иваново-Вознесенска, где войска открыли огонь по толпе, убив двенадцать человек. Ленин сейчас же воспользовался этим убийством, чтобы усилить антирелигиозную кампанию.

В строго секретном письме («просьба ни в коем случае копий не снимать») от 19 марта, адресованном членам Политбюро, он с обычным для него цинизмом объясняет, каким образом голод может помочь нанести «смертельный удар врагу»:

> «По поводу происшествия в Шуе, которое уже поставлено на обсуждение Политбюро, мне кажется, необходимо принять сейчас же твердое решение в связи с общим планом в данном направлении <...>.
>
> Если сопоставить то, что сообщают газеты об отношении духовенства к декрету об изъятии церковных ценностей, а затем то, что нам известно о нелегальном воззвании патриарха Тихона, то станет совершенно ясно, что черносотенное духовенство во главе со своим вождем совершенно обдуманно проводит план дать нам решающее сражение именно в данный момент <...>.
>
> Я думаю, что здесь наш противник делает громадную стратегическую ошибку, пытаясь втянуть нас в решительную борьбу тогда, когда она для него особенно безнадежна и особенно невыгодна, наоборот, для нас именно данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы имеем 99 из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и потому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо, во всяком случае, будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства <...>.
>
> Мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство, в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе, в особенности, совершенно немыслимы <...>.
>
> А сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать нам этого не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечивал нам сочувствие этой массы, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализирование этих масс <...>.
>
> Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному

> духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий.
>
> Самую кампанию проведения этого плана представляю себе следующим образом:
>
> Официально выступать с какими бы то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин, — никогда и ни в коем случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий <...>.
>
> В Шую послать одного из самых энергичных, толковых и распорядительных членов ВЦИК (лучше одного, чем нескольких), причем дать ему словесную инструкцию через одного из членов Политбюро. Эта инструкция должна сводиться к тому, чтобы он в Шуе арестовал, как можно больше — не меньше, чем несколько десятков представителей местного духовенства, местного мещанства и местной буржуазии — по подозрению в прямом или косвенном участии в деле насильственного сопротивления декрету об изъятии церковных ценностей. Тотчас по окончании этой работы он должен приехать в Москву и лично сделать доклад на полном собрании Политбюро. На основании этого доклада Политбюро дает детальную директиву судебным властям, тоже устную, чтобы процесс против шуйских мятежников, сопротивляющихся помощи голодающим, был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе, как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи, а по возможности, также и не только этого города, а и Москвы и нескольких других духовных центров <.„>.
>
> Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше: надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать <...>»[35].

Как свидетельствуют еженедельные сводки политической полиции, кампания по изъятию церковных ценностей, достигшая своего апогея в марте, апреле и мае 1922 года, вызвала 1414 зарегистрированных инцидентов и привела к аресту многих тысяч священников, монахов и монахинь. Церковные источники приводят другие данные: 2 691 священник, 1962 монаха, 3447 монахинь были убиты в 1922 году[36]. Правительство организовало многочисленные судебные процессы над служителями Церкви в Москве, Иваново-Вознесенске, Шуе, Смоленске, Петрограде. С 22 марта, через неделю после событий в Шуе, Политбюро наметило, согласно указаниям Ленина, ряд мер: «Синод и патриарха арестовать не сейчас, но через две-три недели. Обнародовать обстоятельства событий в Шуе. Провести через неделю судебный процесс над священниками и мирянами Шуи. Зачинщиков приговорить к расстрелу»[37]. В записке Политбюро Дзержинский указывал: «Патриарх и его банда <...> открыто противодействуют изъятию церковного имущества. <...> Сейчас уже более чем достаточно оснований для ареста Тихона и наиболее реакционных членов Синода. ГПУ полагает что: 1) арест Синода и патриарха вполне своевременен; 2) избрание нового синода не должно быть допущено; 3) всякий священник, сопротивляющийся изъятию церковных ценностей, должен быть отнесен к врагам народа и отправлен в наиболее пострадавшие от голода районы Поволжья <...>»[38].

В Петрограде 76 священников и мирян были приговорены к заключению в лагерь, а четверо: митрополит Вениамин, очень популярный в народе, всегда

стремившийся оградить Церковь от политики; архимандрит Сергий, избранный в 1917 году, бывший член Государственной думы; профессор Новицкий и адвокат Ковшаров — расстреляны*. В Москве приговорили к заключению в лагерь 148 священников и мирян, а шестерых расстреляли. Патриарх Тихон был помещен под строгий надзор ГПУ в Донской монастырь в Москве.

Через несколько недель после этих судилищ, 6 июня 1922 года, начался грандиозный открытый судебный процесс, сообщения о котором появились в прессе еще 28 февраля (на следующий день после ареста 34 руководителей партии эсеров). Судили партию эсеров. Подсудимые обвинялись в том, что вели «активные контрреволюционные и террористические действия против советского правительства». Среди этих действий фигурировали такие, как покушение на Ленина 31 августа 1918 года и «политическое руководство» крестьянским восстанием в Тамбовской губернии. Согласно практике, получившей в дальнейшем широкое распространение на процессах 30-х годов, на скамье подсудимых находилась разношерстная группа: руководители партии, среди которых были 12 членов ЦК во главе с Абрамом Гоцем и Дмитрием Донским, и агенты-провокаторы, чья задача была изобличать товарищей по процессу и «исповедоваться в своих преступлениях». Этот процесс позволил также, как пишет Элен Каррер д'Энкос, опробовать следующую «методику обвинений: исходя из точно установленного факта, что с 1918 года эсеры были в оппозиции к большевистскому самодержавию, делается принципиальный вывод, что всякая оппозиция обязательно прибегает, как к последнему средству, к сотрудничеству с международной буржуазией»(39).

В результате этой театрализованной пародии на суд, во время которой власти вывели на сцену многочисленные народные манифестации с требованиями смертной казни для «террористов», 11 руководителей партии эсеров были приговорены 7 августа 1922 года к «высшей мере». Но протесты международной общественности, мобилизованной русскими социалистами-эмигрантами, и опасения, что деревня, где еще жив был «эсеровский дух», опять забунтует, привели к тому, что исполнение приговора было приостановлено с условием, что партия эсеров прекратит свою «подпольно-конспиративную работу и вооруженную борьбу». В январе 1924 года смертные приговоры были заменены на пятилетнее заключение в лагерях. Однако никто из осужденных так и не вышел из этих лагерей на свободу. Все они погибли в середине 30-х годов, когда большевистское руководство уже не беспокоили ни протесты мировой общественности, ни возможность крестьянских волнений.

К процессу эсеров был подготовлен новый Уголовный кодекс, вступивший в действие 1 июня 1922 года. Ленин внимательно следил за разработкой этого кодекса, которому предстояло легализировать насилие по отношению к политическим противникам, ведь та быстрота расправы, которая оправдывалась гражданской войной, теперь официально не могла быть одобрена. Первые наброски, переданные Ленину, вызвали с его стороны замечания, которые он адресовал народному комиссару юстиции Курскому в письме от 15 мая 1922 года: «По-моему, надо расширить применение расстрела (с заменой высылкой за границу) ко всем видам деятельности меньшевиков, эсеров и т.п.; найти формулировку, ставящую эти деяния в *связь* с международной буржуазией»[40]. Через два

* Митрополит Вениамин недавно канонизирован Русской Православной Церковью. *(Прим .ред.)*

дня Ленин снова обращается к Курскому: «Т. Курский! В дополнение к нашей беседе посылаю вам набросок дополнительного параграфа Уголовного кодекса. <...> Основная мысль, надеюсь, ясна: открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его пределы. Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широко»[41].

В соответствии с этими ленинскими инструкциями Уголовный кодекс определял контрреволюционное преступление как «всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских Советов, установленной пролетарской революцией», а также как всякое действие, представляющее собой «оказание каким бы то ни было способом помощи части международной буржуазии, активно враждебной коммунистической системе, идущей на смену капиталистической, и пытающейся свергнуть ее силой, военной интервенцией, блокадой, шпионажем, финансированием прессы и другими подобными средствами».

Приговор к смертной казни мог последовать не только за всякое действие (массовые волнения, мятеж, саботаж, шпионаж и т.п.), но и за подготовку к таким действиям. Даже *«пропаганда,* способствующая международной буржуазии», рассматривалась как контрреволюционное преступление, влекущее за собой лишение свободы «на срок не менее трех лет» или высылку за границу навсегда.

К мерам по легализации политического насилия можно отнести и внешнюю реорганизацию политической полиции, предпринятую в начале 1922 года. 6 февраля была упразднена ВЧК, на смену ей пришло ГПУ — Государственное политическое управление, подведомственное Наркомату внутренних дел. Изменилось только наименование — сфера деятельности и структура остались те же, ярко демонстрируя преемственность организации. Что же означала перемена этикетки? ВЧК была *чрезвычайной* комиссией, в самом этом названии подчеркивался временный характер ее существования и оправдание этого существования. ГПУ же указывало на то, что государство должно располагать нормальным, постоянно действующим институтом политического контроля и репрессий. За переменой наименования вырисовывались легализация и придание постоянного статуса террору как способу разрешения конфликтов между государством и обществом.

Одно из небывалых доселе положений нового Уголовного кодекса — изгнание навечно за пределы страны и немедленный расстрел в случае несанкционированного возвращения. Эта мера применялась в ходе грандиозной операции по высылке за границу начиная с осени 1922 года двухсот с лишним широко известных интеллектуалов, подозреваемых в оппозиции к большевизму, среди которых были все те, кто принимал участие в деятельности Всероссийского комитета помощи голодающим, ликвидированного 27 июля 1921 года.

19 мая 1922 года Ленин направляет Дзержинскому письмо, в котором излагает обширный план высылки за границу «писателей и профессоров, помогающих контрреволюции». «Надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглупим, — пишет Ленин. — Собрать совещание Мессинга, Манцева и еще кое-кого в Москве. Обязать членов Политбюро уделять 2 — 3 часа в неделю на

просмотр ряда изданий и книг. <...> Собрать систематические сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей».

И Ленин показывает пример: «Вот... питерский журнал *Экономист»...* Это, по-моему, явный центр белогвардейцев. В № 3 (только третьем!!! это *nota bene!)* напечатан на обложке список сотрудников. Это, я думаю, почти все — законнейшие кандидаты на высылку за границу.

Всё это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу»[42].

С 22 мая специальная комиссия, в которую вошли Каменев, Курский и два заместителя Дзержинского, Уншлихт и Манцев, работала по поручению Политбюро над составлением списков интеллигентов для ареста и последующей высылки за границу. Первыми к высылке в июне 1922 года были намечены двое наиболее активных деятелей бывшего Комитета помощи голодающим — Сергей Прокопо-вич и Екатерина Кускова. Первая группа, состоявшая из 16О известных общественных деятелей, философов, писателей, историков, профессоров университетов, арестованных 16 и 17 августа, в сентябре 1922 года была отправлена на немецком пароходе в вечное изгнание. Среди них были уже приобретшие мировую известность Николай Бердяев, Семен Франк, Николай Лосский, Лев Карсавин, Федор Степун, Сергей Трубецкой, Александр Изгоев, Иван Лапшин, Михаил Осоргин, Александр Кизеветтер... Каждый обязан был подписать документ, указывающий, что в случае возвращения в РСФСР он будет немедленно расстрелян. Каждому высылаемому позволялось взять с собой одно зимнее пальто, одно летнее, костюм, две смены нательного белья, две сорочки и две ночные рубашки, две пары кальсон, две пары обуви! Кроме этих личных вещей, каждый высылаемый имел право на вывоз суммы, не превышающей эквивалент 20 американских долларов.

Параллельно с этими высылками ГПУ продолжало регистрацию всех подозрительных представителей интеллигенции, не являвшихся столь крупными фигурами; они могли быть осуждены либо на административную высылку в «определенные местности РСФСР», узаконенную декретом ВЦИК от 10 августа 1922 года, либо на заключение в концентрационный лагерь. 5 сентября 1922 года Дзержинский пишет своему заместителю Уншлихту:

«Т. Уншлихт! У нас в области составления списков на интеллигенцию большое кустарничество. У нас нет с отъездом Агранова лица, достаточно компетентного, который этим делом занимался бы сейчас. Зарайский слишком мал для руководителя. Мне кажется, что дело не двинется, если не возьмет этого на себя сам т. Менжинский. <...>

Необходимо выработать план, постоянно коррегируя его и дополняя. Надо всю интеллигенцию разбить по группам.

Примерно

1) Беллетристы, 2) Публицисты и политики, 3) Экономисты (здесь необходимы подгруппы): а) финансисты; б) топливники; в) торговля; д) кооперация и тд. 4) Техники (здесь тоже подгруппы): а) инженеры; б) агрономы; в) врачи — и т.д. 5) Профессора и преподаватели и т.д. и т.д.

Сведения должны собираться всеми нашими отделами и стекаться в отдел по интеллигенции. На каждого интеллигента должно быть дело <...>.

Надо всегда помнить, что задачей нашего отдела должен быть не только арест или высылка, а содействие выпрямлению линии по отношению к спецам,

т.е. внесение в их ряды разложения и выдвигания тех, кто готов без оговорок поддержать Советскую власть»[43].

Через несколько дней Ленин адресовал Сталину пространный меморандум, в котором с маниакальным смакованием подробностей перечислялись мероприятия по «окончательной очистке» России от всех социалистов, интеллигентов, либералов и других «господ»: «К вопросу о высылке из России меньшевиков, народных социалистов, кадетов и т.п., я бы хотел задать несколько вопросов ввиду того, что эта операция, начатая до моего отпуска, не закончена и сейчас. Решено ли искоренить всех энесов? Пешехонова, Мя-котина, Горнфельда? Петришева и других? По-моему, всех выслать. Вреднее всякого эсера, ибо ловчее. То же Потресов, Изгоев и все сотрудники *«Экономиста»* (Озеров и многие, многие другие). Меньшевики Розанов (врач, хитрый), Вигдорчик (Микуло или как-то в этом роде), Любовь Николаевна Рад-ченко и ее молодая дочь (понаслышке злейшие враги большевизма); Н.А.Рожков (надо его выслать; неисправим) <...>.

Комиссия под надзором Манцева, Мессинга должна представить списки и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго <...>.

Всех авторов *«Дома литераторов»,* Питерской *«Мысли».* Харьков обшарить, мы его не знаем, это для нас «заграница». Чистить надо резко, быстро, не позже конца процесса эсеров.

Обратите внимание на литераторов в Питере (*«Новая Русская Книга»* № 4,1922, с. 37) и на список частных издательств (стр. 29). Это архи-важно!»[44].

6

От передышки к «великому перелому»

С начала 1923 года и до конца 1927 года, т.ею на период около 5 лет в противостоянии советской власти и общества наступила кратковременная передышка. Большую часть партийных руководителей захватила борьба за власть — за то, кто станет преемником Ленина, умершего 21 января 1924 года, но полностью отстраненного от политической деятельности вследствие третьего удара ещё в марте 1923 года. В течение этих нескольких лет общество залечивало раны.

Крестьянство, составлявшее 85% населения страны, попыталось восстановить связи на внутреннем рынке, продавать свою продукцию и жить так, словно «наступило время крестьянской утопии», согласно формуле крупного историка русского крестьянства Михаэля Конфино. Эта «крестьянская утопия», названная большевиками *эсеровщиной,* т.е. «господством социал-революционного сознания», основывалась на четырех принципах, которые можно найти во всех аграрных программах разных десятилетий: это отмена помещичьего землевладения и раздел земли в зависимости от количества едоков; свобода пользования плодами своего труда; возможность торговать; и, наконец, создание крестьянского *самоуправления* — традиционной сельской общины; при этом представительство большевистского государства сводилось к сельским Советам, избираемым жителями нескольких деревень, и партийным ячейкам, по одной на каждые сто деревень!

Разрушенные в период с 1914 по 1922 год механизмы рынка, частично признанные властью, хотя и оцененные как знак отступления (в стране, где большинство составляло сельское население), снова начали действовать. Сезонная миграция в города, столь частая при прежней власти, также возобновилась; поскольку государственная индустрия пренебрегала сектором потребления, заметно расцвело ремесленничество, недоимки и голод в деревнях стали более редкими, крестьяне снова могли есть досыта.

Однако кажущееся затишье этих нескольких лет не могло снять глубокие противоречия между правящим режимом и обществом, не забывшим насилие, жертвой которого оно стало. У крестьян причин для недовольства было немало[1]. Закупочные цены на сельскохозяйственные продукты были очень низкими, не хватало фабричных товаров, которые при этом были дорогими, и, кроме того, давили непосильные налоги. Крестьяне чувствовали себя гражданами второго сорта, поскольку рабочие стали категорией привилегированной. Жаловались крестьяне и на многочисленные злоупотребления представителей Советского государства, получивших закалку в «школе военного коммунизма», и на произвол местных властей, одновременно впитавших черты русской традиции и следовавших практике террора последних лет. «Судебный, административ-

ный и местный милицейский аппарат были парализованы алкоголизмом, взяточничеством, бюрократизмом и общей грубостью нравов крестьянских масс»[2], — отмечалось в пространном докладе ГПУ «О соблюдении социалистической законности в деревнях» в конце 1925 года.

Осуждая наиболее кричащие нарушения законности представителями советской власти, многие большевистские руководители все равно считали деревню опасной *terra incognita,* «средой, кишащей кулацкими элементами, эсерами, попами, бывшими помещиками, которых еще не успели "убрать", по образному выражению руководителя ГПУ Тульской губернии»[3].

Как свидетельствуют документы отдела информации ГПУ, рабочий класс тоже оставался «под пристальным наблюдением». Эта социальная категория, менявшаяся в послевоенные годы, в период революции и гражданской войны, всегда подозревалась в сохранении связей с враждебным советской власти миром деревни. На каждом предприятии были свои тайные осведомители, следящие за «крестьянскими настроениями», которые рабочие, вернувшиеся из проведенного в деревне отпуска, могли занести в город. В докладах органов ГПУ рабочий класс делился на «враждебные элементы», находящиеся под влиянием контрреволюционных групп; на «политически отсталых», в основном недавно приехавших из деревень, а также на тех, которые еще могли стать «политически сознательными». Остановка работ на предприятиях и забастовки, весьма немногочисленные в эти годы большой безработицы и относительного улучшения уровня жизни тех, у кого была работа, были тщательно расследованы, а их вожаки арестованы.

Секретные документы ГПУ, сегодня частично ставшие доступными, показывают, что после нескольких лет ошеломляющего роста численности эта организация вдруг столкнулась с некоторыми трудностями, связанными с передышкой в волюнтаристской реорганизации общества. В 1924—1926 годах Дзержинскому пришлось твердо отстаивать свои позиции перед некоторыми руководителями, считавшими, что нужно ограничить численный состав органов ГПУ, дела которого шли на убыль. В первый и единственный раз вплоть до 195 3 года численный состав органов ГПУ был значительно сокращен. В 1921 году ЧК использовала 105 000 гражданских лиц и около 180 000 военных из различных войск специального назначения, включая пограничные войска, чекистов-железнодорожников, а также конвойные войска. В 1925 году эти части поредели, их численность уменьшилась приблизительно до 26 000 гражданских лиц и 63 000 военных. К этому числу следует прибавить 30 000 осведомителей, на которых нет данных за 1921 год в силу нынешнего состояния документации[4]. В декабре 1924 года Николай Бухарин написал Феликсу Дзержинскому: «Я полагаю, что мы должны как можно скорее перейти к более "либеральной" форме советской власти: меньше репрессий, больше законности, дискуссий, больше местной власти (под руководством партии *naturaliter)* и т.д.»[5].

Несколько месяцев спустя, 1 мая 1925 года, Николай Крыленко, возглавлявший в свое время судебный процесс над эсерами, направил в Политбюро длинную докладную записку, где он критиковал злоупотребления ОПТУ, которое, с его точки зрения, превысило полномочия, предписанные ему законом. Многие декреты, принятые в 1922—1923 годах, действительно ограничивали компетенцию ОПТУ делами о шпионской деятельности, бандитизме, фальшивомонетчиках, «контрреволюционерах*. В этих преступлениях ОПТУ было единственным судьей, и его специальная коллегия могла приговорить к ссылке

и поселению под надзором (сроком до трех лет), к содержанию в лагере или даже к смертной казни. В 1924 году из 62 000 начатых ОГПУ дел немногим более 52 000 были проведены через обычный суд. ОГПУ оставило в своем ведении 9 000 дел, что составляет значительную цифру, позволяющую сделать заключение о политической обстановке. По словам Николая Крыленко: «Условия жизни депортированных и сосланных на поселение в затерянные углы Сибири лиц, без малейших средств к существованию, ужасающи. Туда ссылают наряду с семидесятилетними стариками юношей восемнадцати-девятнадцати лет из учащейся молодежи, духовенство, старух, "принадлежащих к социально опасным элементам"».

Крыленко предложил ограничить категории «контрреволюционеров» только членами «политических партий, представляющих интересы буржуазии», чтобы избежать произвольного толкования этого термина службами ОГПУ.

Обеспокоенные такой критикой, Дзержинский и его помощники не могли не довести до сведения партийного руководства и, в частности, Сталина тревожные сообщения о сложных внутренних проблемах, а также об угрозе диверсий со стороны Польши, Франции и Японии. В докладе о своей деятельности в 1924 году ОГПУ рапортовало:

—арестовано 11 453 бандита, из которых 1 858 были убиты;

—задержано 926 иностранцев (357 высланы из страны) и 1 542 шпиона;

—предупреждено восстание белогвардейцев в Крыму (132 человека расстреляны по этому делу);

—проведена 81 операция против групп анархистов, в ходе которых осуществлено 266 арестов;

—ликвидировано 14 меньшевистских организаций (540 арестованных), б организаций правых эсеров (152 арестованных), 7 организаций левых эсеров (52 арестованных), 117 организаций различных интеллигентов (1 360 арестованных), 24 организации монархистов (1 245 арестованных), 85 церковных организаций и сектантских объединений (1 765 арестованных), 675 кулацких групп (1 148 арестованных);

—высланы с помощью двух операций в феврале и июле 1924 года 4500 воров, рецидивистов и нэпманов (торговцев и мелких предпринимателей) из Москвы и Ленинграда;

—взяты под надзор 18 200 социально-опасных лиц;

—под наблюдением также находятся 15 501 предприятие и управление ими;

—вскрыто и прочитано 5 078 174 письма и другой корреспонденции[7].

В какой мере этим данным, скрупулезность которых являет собой пример бюрократического абсурда, можно доверять? Включение их в проект бюджета ОГПУ на 1925 года означает, что функции тайной полиции не были ограничены, она по-прежнему обеспечивала защиту от внутренней угрозы и потому заслуживала выделения новых средств. Для историка ценно, что помимо приведенных цифр и произвольно выбранных социальных «категорий» этот перечень свидетельствует о постоянстве методов ОГПУ, об обязательном поиске и «обнаружении» потенциальных врагов, о непременном «наличии» вражеской сети, порой «недостаточно действенной», но всегда «действующей».

Несмотря на бюджетные сокращения и некоторую критику со стороны непоследовательных большевистских руководителей, деятельность ОГПУ подстегивалась ужесточением уголовного законодательства. Действительно, *Основные принципы уголовного законодательства СССР,* принятые 31 октября 1924 года, значительно расширяли, так же, как и новый Уголовный кодекс 1926 года, определение контрреволюционных преступлений и вводили понятие «лицо социально опасное». Закон включал в «контрреволюционные преступления» любые виды деятельности, которые, не имея целью непосредственно свержение и ослабление советской власти, были тем не менее «правонарушением», «посягательством на политические или экономические завоевания пролетарской революции». Таким образом, закон наказывал не только за прямые намерения, но также за намерения случайные или косвенные.

Кроме того, «социально опасным <...> считалось всякое лицо, совершившее общественно опасный поступок, имеющее отношения с преступной средой или осуществлявшее в прошлом такую деятельность, которая признана "социально опасной"». Привлеченные в соответствии с этими очень неточными критериями лица могли быть приговорены к наказанию даже при отсутствии всякой вины. Было разъяснено, что «суд может принимать меры социальной защиты от лиц, признанных социально опасными, либо действительно совершивших определенное преступление, либо привлеченных в качестве обвиняемых по какому-либо преступлению и оправданных судом, но остающихся социально опасными». Все эти положения, введенные в 1926 году, среди которых фигурирует знаменитая 58 статья Уголовного кодекса с ее четырнадцатью пунктами, определяющими, что такое контрреволюционные преступления, давали законное основание для усиления террора[8]. 4 мая 1926 года Дзержинский направил своему заместителю Ягоде письмо, в котором изложил обширную программу «борьбы со спекуляцией», определившей окончание НЭПа и постоянство «духа гражданской войны» среди высшего партийного руководства. В этом письме указывалось:

«...Сейчас очень большое значение имеет вопрос о "спекуляции"<...>. Необходимо в связи с этим заняться очисткой Москвы от паразитического и спекулятивного элемента. Я дал задание Паукеру собрать мне материал о распределении населения г. Москвы по этому признаку. Пока не получил от него ничего. Не стоило бы у нас в ОГПУ создать на сей предмет колонизационный отдел или какую-л[ибо] ячейку и получить для этого специальный фонд, хотя бы из конфискуемых средств? <...>

Надо заселить паразитическим элементом (с семьями) наших городов малонаселенные местности по особо выработанному и утвержденному СНКо-мом плану. Мы должны во что бы то ни стало освободить наши города от сотен тысяч паразитически-спекулятивного элемента <...>. Нас объедают эти паразиты. Отсюда нет товаров для крестьян, отсюда рост цен и падение нашего червонца. ОГПУ должно этим вопросом заняться со всей энергией»[9].

Среди других особенностей советского уголовного законодательства следует отметить существование двух различных систем борьбы с преступностью, судебной и административной, и двух систем мест заключения, одна из которых управляется Комиссариатом внутренних дел, другая — ГПУ. Наряду с традиционными тюрьмами, где содержались лица, осужденные в соответствии с обычной уголовной процедурой, существовали также лагеря, находящиеся в ведении ГПУ, где были заключены лица, приговоренные специальны-

ми судами политической полиции за следующие преступления: контрреволюция во всех формах, бандитизм, подделка ценных бумаг, преступления, совершенные самими сотрудниками ГПУ.

В 1922 году правительство предложило ГПУ организовать большой лагерь на Соловецких островах в Белом море, расположенных недалеко от Архангельска. На главном острове Соловков находился один из больших православных монастырей. После изгнания оттуда монахов ГПУ устроило на островах лагерь, получивший название СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения). Первые заключенные прибыли сюда из лагерей в Холмо-горах и Пертоминске в начале июля 1923 года. К концу этого года в лагере было 4 000 заключенных, в 1927 году — 15 000, а к концу 1928 года — 38 000.

Одной из особенностей пенитенциарной системы Соловков было самоуправление. Кроме начальника и нескольких других ответственных постов, все лагерные «должности» занимали заключенные. В подавляющем большинстве это были бывшие сотрудники ГПУ, осужденные за серьезные проступки, связанные с превышением власти. Осуществляемое таким контингентом самоуправление было настоящим произволом, который весьма скоро ухудшил судьбу привилегированных заключенных, какими при прежней власти считались политические.

Во времена НЭПа администрация ГПУ разделяла заключенных на три категории. Первая состояла из политических, т.е. исключительно из членов бывших партий меньшевиков, эсеров, анархистов; поначалу эти заключенные добились от Дзержинского привилегий, которые тот сам имел при царском режиме: около десяти лет он провел в тюрьмах и ссылках, где к политическим относились сравнительно мягко, они получали лучшее питание, называемое «политическим рационом», имели право на некоторые личные вещи, могли получать газеты и журналы. На поселении им позволялось жить коммуной, и они освобождались от принудительных работ. Все эти привилегии были уничтожены в конце 20-х годов.

Вторая категория заключенных, самая многочисленная, состояла из контрреволюционеров, членов политических партий несоциалистических или анархистского направлений, представителей духовенства, бывших офицеров царской армии, бывших чиновников, казаков, участников Кронштадтского и Тамбовского восстаний, а также других лиц, арестованных по 58 статье Уголовного кодекса.

В третью категорию заключенных входили осужденные ГПУ уголовники (бандиты и фальшивомонетчики), а также бывшие чекисты, осужденные за различные преступления, в том числе должностные. Контрреволюционеры, обязанные проживать совместно с уголовниками, устанавливавшими свои законы, подвергались самому чудовищному произволу внутри лагеря, голодали, мерзли зимой, летом их сжирала мошка и комары (одна из летних пыток заключалась в том, что пленника обнаженным привязывали к дереву в лесу и оставляли на съедение мошке и комарам, весьма злым и многочисленным на этих северных озерных островах). Как вспоминает один из известных заключенных Соловков писатель Варлам Шаламов, при переходе из одного лагерного сектора в другой заключенные требовали связать им руки за спиной и настаивали, чтобы это условие было специально оговорено в правилах внутреннего распорядка. «Это было единственное средство самозащиты заключенных против лаконичной формулы "убит при попытке к бегству"»[10].

Соловецкий лагерь — то место, с которого началась замена «импровизированных» лагерей времен гражданской войны специально продуманной системой принудительных работ, получившей начиная с 1929 года ужасающее развитие. До 1925 года заключенные, как правило, были заняты малопродуктивной работой для внутрилагерных нужд. В 1926 году администрация лагеря решила перейти на заключение производственных договоров с некоторыми государственными предприятиями и более «рационально» использовать принудительные работы, ставшие источником дохода, тогда как раньше, в 1919— 1920 годах, «исправительные работы» рассматривались как средство «перевоспитания». Лагерь Соловки, реорганизованный в УСЛОН (Управление Соловецкими лагерями особого назначения), шагнул на континент и прежде всего на побережье Белого моря. В 1926—1927 годах появились лагеря в устье Печоры, в Коми и в других местах этого сурового, но богатого лесами края. Заключенные выполняли точно расписанный план по заготовке, рубке и распиловке леса. Рост планов лесозаготовок по стране потребовал увеличения числа заключенных. Это обстоятельство привело в июне 1929 года к полной реформе содержания заключенных: в лагеря стали отправлять и тех, кто был приговорен к трем годам тюремного заключения. Подобные меры способствовали чудовищному развитию системы исправительных лагерей. Экспериментальная лаборатория принудительных работ — «специальные лагеря» Соловецкого архипелага стали отправной точкой появления и приведения в действие большой континентальной системы — «архипелага ГУЛАГ».

Обычная деятельность ОПТУ с ее ежегодным «уловом» в несколько тысяч заключенных, приговоренных к лагерным работам или ссылке под надзор, не исключала при этом проведения широкомасштабных операций по подавлению всякого рода выступлений. В течение спокойных лет НЭПа с 1923 по 1927 год граничащие с Россией республики Закавказья и Средней Азии стали местом наиболее масштабных и кровавых репрессий. Эти регионы, в большинстве своем яростно сопротивлявшиеся русским завоеваниям еще в XIX веке, были завоеваны и подавлены большевиками: Азербайджан — в апреле 1920 года, Армения — в декабре 1920 года, Грузия — в феврале 1921 года, Дагестан — в конце 1921 года, а Туркестан с Бухарой — осенью 1920 года. Завоеванные, они продолжали оказывать сильнейшее сопротивление «советизации». «Мы держим под контролем только центральные города или скорее центры центральных городов», — писал в январе 1923 года Петерс, полномочный представитель ОГПУ в Туркестане. С 1918 года до конца 1920-х годов, а в некоторых регионах до 1935—1936 годов, большая часть Средней Азии, за исключением отдельных городов, *удерживалась басмачами.* Название *басмачи'* применялось русскими по отношению как к оседлым, так и к кочевым народам, защищавшим свою территорию, — узбекам, киргизам, туркменам, — действовавшим независимо друг от друга во многих областях.

Главный очаг восстания находился в долине Ферганы. После завоевания Ферганы Красной Армией в сентябре 1920 года началось большое восстание, охватившее восточные и южные регионы бывшего Бухарского эмирата и северные области туркменских степей. В начале 1921 года, по оценке штаба Красной Армии, в нем участвовало около 30 000 вооруженных басмачей. Состав ру-

* Басмач —человек, совершающий внезапное нападение, атакующий; от *тюрк,* басмак — внезапно нападать, совершать налет. *(Прим. перев.)*

ководителей басмаческого движения был неоднородным, в него входили почетные лица кишлака или клана, представители мусульманского духовенства, а также националисты и даже иностранцы, как, например, Энвер-паша, бывший военный министр Турции, убитый при столкновении с отрядом чекистов в 1922 году.

Движение басмачей было стихийным восстанием, поднявшимся против «неверных», против «русского угнетателя» — старого врага с новым лицом, стремившегося не только заполучить их земли и скот, но также лишить их мусульманской веры. Война по «усмирению» восставших была по сути «колониальной войной». Борьба против басмачей мобилизовала на десять лет значительную часть армии специальных войск ОПТУ, одним из главных отделов которой был восточный. И в настоящее время невозможно даже приблизительно оценить количество жертв этой войны(11).

Второй большой сектор восточного отдела ОПТУ занимался Закавказьем. В первой половине 20-х годов Дагестан, Грузия и Чечня были более всего затронуты репрессиями. Дагестан противостоял советскому проникновению вплоть до конца 1921 года. Под руководством шейха Узуна-хаджи мусульманское братство Нахбандиса возглавило большое восстание горцев, и борьба приняла характер священной войны против русских захватчиков, длившейся больше года. Некоторые регионы так и не удалось смирить даже ценой массированных бомбардировок и жертв среди гражданского населения, покорились они только в 1923—1924 годах[12].

В феврале 1921 года, после трех лет независимого существования под властью меньшевистского правительства, Грузия была занята Красной Армией, но осталась, по признанию секретаря компартии большевиков в Закавказье Александра Мясникова, «довольно горячим делом». Партия большевиков здесь, оказалась немногочисленной, за три года после прихода к власти она сумела принять в свои ряды только десять тысяч членов, в то время как ей приходилось/ противостоять мощному слою антибольшевистски настроенной интеллиген-ции и знати, а это были сотни тысяч человек, не говоря уже о том, что в организации меньшевиков в Грузии в 1920 году насчитывалось более шестидесяти тысяч членов. Несмотря на террор, организованный всемогущей ЧК Грузии, мало зависимой от Москвы и управляемой молодым руководителем тайной полиции Лаврентием Берия, меньшевистские руководители в изгнании к концу 1922 года сумели организовать совместно с другими антибольшевистскими партиями тайный Комитет независимости Грузии, который подготовил восстание. Начавшись 28 августа 1924 года в маленьком городе Чиатура, это восстание, основными участниками которого были крестьяне из Гурии*, охватило за несколько дней пять из двадцати пяти районов Грузии. Но силы были неравны, в оснащение противника входили артиллерия и авиация, и восстание было подавлено за неделю. Серго Орджоникидзе, первый секретарь компартии большевиков в Закавказье, и Лаврентий Берия воспользовались этим восстанием как предлогом для того, чтобы «покончить с меньшевизмом и грузинской знатью». По недавно опубликованным данным, с 29 августа по 5 сентября 1924 года 12 578 человек были расстреляны. Размах репрессий был настолько велик, что вызвал беспокойство Политбюро. Руководители партии направили Орджоникидзе напоминание о том, что существует приказ не устраивать массовых и чересчур многочисленных казней, особенно политических, без специального

* Гурия — историческая область в Западной Грузии. *(Прим. ред.)*

разрешения Центра. Тем не менее повальные казни продолжались долго. На Пленуме Центрального комитета, собравшемся в октябре 1924 года в Москве, Серго Орджоникидзе «уступил»: «Может быть, мы немного погорячились, но мы не могли иначе!»[13]

Год спустя после грузинского восстания в августе 1924 года новый режим начал обширную операцию по усмирению Чечни, где население не признавало советской власти. С 27 августа по 15 сентября 1925 года войска Красной Армии численностью более десяти тысяч человек, возглавляемые И. Уборевичем, при поддержке специальных частей ОГПУ, предприняли попытку разоружения чеченских партизан, которые особенно прочно удерживали внутренние территории страны. Были схвачены десятки тысяч вооруженных людей, около тысячи «бандитов» арестованы. Сопротивление населения, по признанию зампреда ОГПУ Ун-шлихта, подавлялось тяжелой артиллерией и бомбардировкой наиболее упорных «бандитских гнезд». По окончании этой новой операции по «усмирению», проводившейся в период, который стали называть «апогеем НЭПа», Уншлихт в докладе руководству страны сделал следующий вывод: «Как это показал опыт борьбы против басмачей в Туркестане, против бандитов на Украине, в Тамбовской губернии и в других местах, военные репрессии могут быть эффективны только в том случае, когда сразу же следует глубокая советизация всего района»[14].

С конца 1926 года, после смерти Дзержинского, ОГПУ, управляемое отныне правой рукой основателя ЧК Вячеславом Рудольфовичем Менжинским (как и Дзержинский, поляком по происхождению), снова понадобилось Сталину, готовившему политическое наступление против Троцкого и Бухарина. В январе 1927 года ОГПУ получило приказ усилить работу по учету «социально опасных и антисоветских элементов» на селе. За год число учтенных увеличилось с 30 000 до примерно 72 000. В сентябре 1927 года ОГПУ начало многочисленные кампании по аресту кулаков и других «социально опасных и антисоветских элементов» сразу во многих областях. Впоследствии эти операции будут рассматриваться как подготовительные к большим «чисткам» периода «борьбы с кулачеством» зимой 1929—1930 годов.

В 1926—1927 годах ОПТУ проявило также большую активность в преследовании оппозиционеров, одни из которых были «зиновьевцами», другие — "троцкистами». Практика учета и преследования членов коммунистической оппозиции началась очень рано, еще в 1921 — 1922 годах. Летом 1923 года Дзержинский предложил коммунистам для «идеологического сплочения партии» передавать органам ОГПУ всю информацию о существовании фракций или уклонов внутри партии. Это предложение вызвало возмущение некоторых партийных руководителей, в частности — Троцкого. Тем не менее опыт слежки за оппозиционерами в последующие годы стал всеобщим. Чистка возглавляемой Зиновьевым партийной организации Ленинграда в январе — феврале 1926 года была вменена в обязанность службам ОГПУ. Оппозиционеры не только были исключены из партии; сотнями они были высланы в удаленные города страны, где оставались без средств к существованию, так как никто не осмеливался взять их на работу. В 1927 году началась охота на троцкистскую оппозицию — троцкистов оставалось в стране несколько тысяч, — и для этого также был мобилизован ряд служб ОГПУ.

Все троцкисты были взяты на учет, сотни активных троцкистов — арестованы и высланы. В декабре 1927 года все основные руководители оппозиции — Троцкий, Зиновьев, Каменев, Радек, Раковский — были исключены из

партии, а затем арестованы. Все оппозиционеры, отказавшиеся от публичных саморазоблачений, были высланы. 19 января 1928 года *«Правда»* объявила об отъезде из Москвы Троцкого и группы из тридцати оппозиционеров, сосланных в Алма-Ату. Год спустя Троцкий был выслан из СССР. С момента превращения одного из главных вдохновителей большевистского террора в контрреволюционера начался новый этап в жизни страны под руководством Сталина.

В начале 1928 года, сразу после удаления троцкистской оппозиции, сталинское большинство в Политбюро приняло решение закончить временную передышку в обществе, которое, как им казалось, уходило все дальше от намеченного большевиками пути. Главным врагом оставалось, как и десять лет назад, крестьянское большинство, которое воспринималось как громадная, враждебная масса, не поддающаяся контролю. Так начался второй этап борьбы против крестьянства; как справедливо отмечает историк Андреа Грациози, «он весьма отличался от первого. Инициатива отныне была в руках государства, крестьяне же, постепенно ослабевая, могли лишь кое-как реагировать на атаки с его стороны»[15].

Несмотря на то что концу 20-х годов сельское хозяйство заметно поднялось после катастрофы 1918—1922 годов, «крестьянский враг» все равно был слабее, а государство сильнее. Об этом свидетельствуют, например, подробные информационные сводки о том, что происходило в деревне, а также перепись «социально опасных элементов», позволившая ОГПУ успешно провести первые акции по раскулачиванию, искоренению «бандитизма», разоружению крестьян, увеличению процента военнообязанных среди них. Как свидетельствуют письма большевиков и стенограммы дискуссий в высших эшелонах партийной власти, сторонники Сталина, как, впрочем, и его противники — Бухарин, Рыков и Каменев, — прекрасно знали в 1928 году чего может стоить новое наступление против крестьянства. «Вы получите крестьянскую войну как в 1918—1919 годах», — предупреждал Бухарин. Сталин к этому был готов: он знал, что на этот раз власть выйдет победительницей, какой бы ни была цена победы[16].

Срыв плана хлебозаготовок в конце 1927 года дал Сталину искомый предлог. Ноябрь 1927 года был отмечен заметным падением поставок сельскохозяйственной продукции в государственные закрома, которое приняло катастрофические размеры в декабре. В январе 1928 года стало ясно, что, несмотря на хороший урожай, крестьяне обеспечили поставки только 4,8 миллиона тонн, вместо 6,8 миллионов тонн предыдущего года. Понижение цен на закупку сельскохозяйственной продукции, дороговизна и нищета, отсутствие промышленных товаров, дезорганизация закупочных органов, слухи о предстоящей войне — все это вызывало всеобщее недовольство крестьянства правящей властью и явилось причиной кризиса, который Сталин назвал «кулацкой забастовкой».

Сталин и его сторонники воспользовались этим недовольством как предлогом для того, чтобы вновь начать репрессии, как это уже было сделано при военном коммунизме. Сталин самолично отправился в Сибирь. Другие руководители, такие как Андреев, Микоян, Постышев и Косиор, поехали в хлебные районы Черноземья, на Украину и Северный Кавказ. 14 января 1928 года Политбюро направило местным властям циркуляр с требованием «арестовать спекулянтов, кулаков и других дезорганизаторов рынка и политики цен». Вновь появилось слово «уполномоченные», напоминающее о реквизициях 1918— 1921 годов, об отрядах коммунистических борцов, направленных в деревню для «чисток» местной власти, которую обвиняли в сочувствии кулакам, и для того, чтобы поискать припрятанные излишки, «столь необходимые беднейшему

крестьянству», причем беднякам была обещана четверть найденных у «богатых» излишков зерна.

В арсенале средств наказания непокорного крестьянства было постановление в предписанные сроки сдать по смехотворно заниженным ценам — в три-четыре раза дешевле, чем на рынке, — свою сельскохозяйственную продукцию. Статья 107 Уголовного кодекса предусматривала заключение на три года в тюрьму за любую попытку поднять цену, и эта статья широко применялась. Наконец, налоги для кулаков были увеличены за два года в десять раз. ОПТУ приступило также к закрытию рынков как таковых, а эта мера касалась уже не только зажиточных крестьян. За несколько недель все эти меры свели на нет передышку, которая с 1922—1923 годов, хорошо ли, плохо ли, но все-таки наладила отношения между властью и крестьянством. Реквизиции и репрессивные меры, конечно, только углубили кризис; очень скоро власти силой добились выполнения плана хлебозаготовок с несколько худшими показателями, чем в 1927 году, однако на следующий год крестьяне, как во времена военного коммунизма, отреагировали на эти меры тем, что понизили размеры своих посевных площадей[17].

«Кризис хлебозаготовок» зимой 1927—1928 годов сыграл решающую роль в ходе дальнейших событий. Сталин сделал свои выводы из того, что произошло, и решил, что необходимо создать на селе «бастионы социализма» — колхозы и гигантские совхозы; итогом коллективизации сельского хозяйства должен был стать постоянный контроль над производством сельскохозяйственной продукции и над самими производителями, которых нельзя допускать на рынок; и тогда можно будет избавиться сразу от всех кулаков, «ликвидировать их как класс».

В 1928 году власть решила покончить также с передышкой и для другой социальной категории — так называемых *спецов,* тех «буржуазных специалистов», представителей дореволюционной интеллигенции, которые в конце 20-х годов занимали большую часть должностей на предприятиях и в администрациях. На Пленуме Центрального комитета в апреле 1928 года обсуждалось "шахтинское дело": в городе Шахты на одном из предприятий треста Донуголь, который использовал «буржуазных специалистов» и поддерживал отношения с западными финансовыми кругами, был обнаружен так называемый промышленный саботаж. Спустя несколько месяцев 53 обвиняемых, в большинстве своем инженеры, предстали на первом со времен процесса эсеров в 1922 году публичном политическом разбирательстве. Суд завершился пятью смертными приговорами, остальные подсудимые были приговорены к различным мерам наказания. Этот показательный процесс, о котором писали все газеты, должен был подтвердить одну из главных легенд власти — о присутствии на предприятиях «саботажников, финансируемых из-за рубежа»; эта легенда делала оправданной новую мобилизацию сил ОГПУ, призванных «предотвратить» возможный экономический ущерб, позволила «ликвидировать» старые кадры, а также организовать «специальные конструкторские бюро», где инженеры, ученые, исследователи работали над стратегическими проектами, находясь в заключении. В народе такие КБ назывались *шарашками**. Тысячи инженеров и техников, осужденных за саботаж, «заглаживали свою вину» принудительным трудом на стройках и предприятиях первой пятилетки. В месяцы, которые последовали после первого процесса в Шахтах, экономический отдел ОГПУ подготовил

* Через «шарашки» прошли многие видные инженеры и конструкторы, например, А.Н. Туполев, СП. Королев, В.П. Глушко, В.М. Петляков и др. *(Прим. ред.)*

десятки подобных дел, особенно на Украине. Только на одном промышленном комплексе Югосталь в Днепропетровске 112 сотрудников были арестованы в мае 1928 года[18].

Широкомасштабная борьба со «спецами» велась не только против промышленной и технической интеллигенциии, множество преподавателей и «социально чуждых студентов» были изгнаны из учебных заведений в результате многочисленных кампаний по «чистке» университетов и выдвижению новой «красной пролетарской интеллигенции».

Ужесточение преследований и экономические трудности в последние годы НЭПа, отмеченные возрастающей безработицей, имели результатом впечатляющее увеличение обвинительных приговоров: 578 000 в 1926 году, 709 000 в 1927 году, 909 000 в 1928 году, 1 178 800 в 1929 году (19). Часть людской лавины была направлена в тюрьмы, рассчитанные в 1928 году только на сто пятьдесят тысяч мест. В связи с этим обстоятельством постановлением от 26 марта 1928 года кратковременные заключения за небольшие проступки заменялись неоплачиваемыми исправительными работами «на стройках, предприятиях и лесоповале». Еще одно «нововведение», предусмотренное постановлением от 27 июня 1929 года, имело грандиозные последствия. Согласно этому постановлению, все заключенные, приговоренные как минимум к трем годам лишения свободы, переводились на исправительные работы в лагерях с «целью освоения естественных природных богатств восточных и северных районов страны». Эта идея носилась в воздухе долгое время. ОПТУ решило принять меры для выполнения программы заготовки леса на экспорт; неоднократно эта организация обращалась с предложениями в Главное управление мест заключения, находившееся в подчинении Народного комиссариата внутренних дел и занимавшееся обычными тюрьмами, с просьбой о выделении им дополнительной рабочей силы, так как «собственные» заключенные Соловецкого лагеря особого назначения в числе 38 000 человек в 1928 году не могли выполнить установленные производственные планы[20].

Подготовка первого пятилетнего плана выдвинула на повестку дня вопросы распределения рабочей силы и освоения отдаленных, но. богатых естественными ресурсами регионов страны. Рабочая сила заключенных, до того не использованная, могла стать при условии хорошо организованной эксплуатации настоящим богатством; контроль и управление рабочей силой могли стать источником дохода, влияния и власти. На это и сделали ставку руководители ОГПУ, в частности Менжинский и его заместитель Ягода, поддерживаемые Сталиным. Летом 1929 года они привели в исполнение амбициозный план «колонизации» Нарымского края, занимающего 350 тысяч квадратных километров западно-сибирской тайги, и потребовали немедленного приведения в исполнение постановления от 27 июня 1929 года. Именно в такой ситуации родилась идея «ликвидации кулачества как класса», т.е. массовой депортации зажиточных крестьян, рассматриваемых в правящих кругах в качестве серьезных противников коллективизации[21].

Целый год понадобился Сталину и его сторонникам, чтобы выдержать противостояние и сломить сопротивление теперь уже внутри партийного руководства. Последнее необходимо было склонить к политике принудительной коллективизации, к ликвидации кулачества и ускоренной индустриализации, что составляло три нераздельные части программы по изменению экономики и общества путем грубого вмешательства в естественный ход их развития. Эта программа была основана на остановке рыночных механизмов, экспроприа-

ции крестьянских земель и освоении естественных богатств страны посредством принудительного труда сотен тысяч заключенных и других жертв «второй революции».

Правая оппозиция, возглавляемая Рыковым и Бухариным, полагала, что коллективизация приведет только к «военно-феодальной эксплуатации крестьянства», гражданской войне, развязыванию террора, хаосу и голоду; эта оппозиция была разгромлена в апреле 1929 года. В течение лета 1929 года в прессе была развернута кампания по борьбе с «правой» оппозицией, ежедневно газеты яростно набрасывались на нее, обвиняя в «сотрудничестве с капиталистическими элементами» и в «сговоре с троцкистами». Полностью лишенные доверия, оппозиционеры выступили с публичным покаянием и самокритикой в ноябре 1929 года.

В то время как во властных структурах разворачивалась борьба между защитниками и противниками НЭПа, страна постепенно погружалась во все более глубокий экономический кризис. Сельскохозяйственное производство в 1928—1929 годы выглядело плачевно. Хотя к крестьянству было применено множество различных способов воздействия: большие налоги, заключение в тюрьмы тех, кто отказывался продавать излишки продукции государству, — зимняя кампания по хлебозаготовкам 1928—1929 годов принесла зерна меньше, чем предшествующая. В деревнях чувствовалось сильное недовольство; ОПТУ зафиксировало в период с января 1928 по декабрь 1929 года, т.е. в период насильственной коллективизации, более 1300 бунтов и массовых крестьянских выступлений, во время которых десятки тысяч крестьян были арестованы. Другая цифра говорит нам о царившей в стране атмосфере: в 1929 году более 3 200 советских чиновников стали жертвами «террористических актов». В феврале 1929 года продуктовые карточки, исчезнувшие с начала НЭПа, опять появились в городах, где вновь началось обнищание, связанное с закрытием большей части коммерческих магазинов и лавок ремесленников. Эти небольшие магазинчики тоже считались «капиталистическими предприятиями».

Сталин возлагал ответственность за критическое положение в сельском хозяйстве на кулаков и другие силы, враждебно относящиеся к установлению советской власти. Действующими лицами в этой игре стали «сельские капиталисты» и колхозники. В июне 1929 года правительство объявило «новую фазу сплошной коллективизации». Задачи первого пятилетнего плана, одобренные в апреле XVI партконференцией, были пересмотрены с точки зрения увеличения производственных задач. План предусматривал изначальную коллективизацию 5 млн. хозяйств, что составляло приблизительно 20% всех хозяйств в период первой пятилетки. Но в июне власти выдвинули новую задачу — коллективизацию 8 млн. хозяйств за один только 1930 год, а к сентябрю эта цифра выросла до целых 13 млн.! Летом 1929 года правительство мобилизовало десятки тысяч коммунистов, членов профсоюза, комсомольцев, рабочих, учащихся для отправки в деревню, где они работали вместе с представителями местных партячеек и агентов ОПТУ. Давление на крестьян все усиливалось, местные партийные комитеты организовывали соревнования за лучшие показатели коллективизации. 31 октября 1929 года *«Правда»* объявила о «сплошной коллективизации» без всяких ограничений. Неделю спустя, по случаю двенадцатой годовщины революции, Сталин опубликовал свою знаменитую статью *Великий перелом,* основанную на глубоко ошибочной оценке позиции среднего крестьянина, который "якобы повернулся в сторону колхозов". НЭП приказал долго жить.

7

Насильственная коллективизация и раскулачивание

Как свидетельствуют ныне доступные архивы, насильственная коллективизация стала настоящей войной, объявленной Советским государством классу мелких хозяйчиков. Вот несколько цифр, показывающих масштаб человеческой трагедии, которой стало это «великое наступление" против крестьянства: более 2 миллионов крестьян были депортированы, из них 1 800 000 только в 1930—1931 годах; б миллионов умерло от голода, сотни тысяч — в ссылке. Эта война далеко не закончилась в 1929—1930 годах; она длилась по крайней мере до середины 30-х годов, достигнув кульминации в 1932—1933 годах, отмеченных ужасающим голодом, спровоцированным властями, чтобы сломить сопротивление крестьянства. Учиненное над крестьянами насилие позволило начать эксперимент, проведенный впоследствии и над другими группами населения, и в этом смысле оно действительно сыграло решающую роль в развитии сталинского террора.

В докладе Пленуму Центрального комитета, состоявшемуся в ноябре 1929 года, Вячеслав Молотов заявлял: «Вопрос о темпах коллективизации не ставится в рамках хозяйственного плана. <...> Остается ноябрь, декабрь, январь, февраль, март, четыре с половиной месяца, в течение которых, если империалисты впрямую не атакуют нас, мы сможем осуществить решительный прорыв в экономике и коллективизации». Решения Пленума подстегнули это движение вперед. Специальная комиссия разработала новый календарный план коллективизации, который несколько раз пересматривался в сторону еще большего сокращения сроков. План был обнародован 5 января 1930 года. Северный Кавказ, Нижняя и Средняя Волга должны были стать зоной сплошной коллективизации осенью 1930 года, другие производящие зерно сельскохозяйственные регионы — на год позднее[1].

27 ноября 1929 года Сталин объявил о переходе от «ограничения эксплуататорских тенденций кулаков» к «полной ликвидации кулачества как класса». На специальную комиссию Политбюро под председательством Молотова было возложено проведение практических мер по этой «ликвидации». Комиссия определила три категории кулаков: первые —это «те, кто принимал участие в контрреволюционной деятельности», они должны быть арестованы и отправлены на исправительные работы в лагеря ОПТУ или расстреляны в случае оказания сопротивления, семьи их должны быть высланы, а имущество конфисковано. Кулаки второй категории, «не проявившие себя как контрреволюционеры, но все-таки являющиеся сверхэксплуататорами, склонными помогать контрреволюции», должны быть арестованы и сосланы вместе со своими семьями в отдаленные регионы страны. Наконец, кулаки третьей категории, определенные

как «в принципе лояльные к режиму», должны быть выселены с прежних мест обитания и устроены на жительство «вне зон коллективных хозяйств, на худородных землях, требующих возделывания». Настоящий декрет уточнял, что число кулацких хозяйств, подлежащих ликвидации в течение четырех месяцев, находится между *3%* и 5% от общего «числа хозяйств»; таковы, во всяком случае, были цифры, объявленные в период проведения операций по раскулачиванию[2].

В каждом округе действовала «тройка», состоявшая из секретаря партийного комитета, председателя исполнительного комитета местного Совета и местного уполномоченного от ОГПУ; операции проводились непосредственно комиссиями и бригадами по раскулачиванию. Список кулаков первой категории был в ведении исключительно органов ОГПУ и включал, согласно «подлежащему обнародованию плану», специально предусмотренному в Политбюро, 60 тысяч отцов семейств. Что касается списков кулаков других категорий, они были подготовлены на месте согласно «рекомендациям» «активистов» деревни. Кто были эти активисты? Один из близких соратников Сталина Серго Орджоникидзе так говорил об этом: «Поскольку в деревне нет партийных борцов, мы туда направим по одному *молодому коммунисту* в село, у него будут двое или трое помощников из бедных крестьян, и вот этот *актив* и решит все деревенские вопросы: коллективизацию, раскулачивание»[3]. Главной целью было обобществление как можно большего количества хозяйств и арест сопротивляющихся кулаков.

Подобная практика открыла путь злоупотреблениям, как и при всяком сведении счетов. Как определить, что такое кулак? Что такое кулак второй и, в особенности, третьей категории? В январе — феврале 1930 года уже нельзя было использовать критерии определения кулацкого хозяйства, старательно выработанные на многих дискуссиях различными идеологами и экономистами партии в предшествующие годы. В самом деле, в течение последнего года кулаки заметно обеднели; они с трудом выносили все возрастающее бремя налогов, становящееся все более и более нестерпимым. При отсутствии внешних признаков богатства комиссия должна была прибегнуть к старым фискальным спискам, сохранившимся в деревенских советах, к осведомителям ОГПУ, к разоблачительным выступлениям соседей, привлеченных возможностью разграбить чужое хозяйство. Действительно, вместо того чтобы вести точную и детальную инвентаризацию в интересах колхоза и для пополнения его фондов, бригады по раскулачиванию часто действовали под девизом: «Всё наше, всё съедим и выпьем». Об этом свидетельствует выдержка из доклада ОГПУ Смоленской области: «Раскулачивающие снимали с зажиточных крестьян их зимнюю одежду, теплые поддевки, отбирая в первую очередь обувь. Кулаки оставались в кальсонах, даже без старых галош, отбирали женскую одежду, пятидесятикопеечный чай, последнюю кочергу или кувшин... Бригады конфисковывали всё, включая маленькие подушечки, которые подкладывают под головы детей, горячую кашу в котелке, вплоть до икон, которые они, предварительно разбив, выбрасывали»[4]. Собственность раскулаченных они или просто присваивали, или продавали ее на торгах членам бригады по раскулачиванию по смешным ценам: избу за 60 копеек, корову за 15 копеек, что было в сотни раз ниже их реальной стоимости. Иными словами, бригада имела неограниченные возможности для разграбления, раскулачивание часто служило предлогом для сведения личных счетов.

При этом в некоторых районах 80% или 90% раскулаченных крестьян в действительности были *середняками.* А поскольку было необходимо отчитать-

ся перед центральными властями, указав значительное число кулаков, загребали и тех, кто в списках местных властей не числился! Ссылали и арестовывали крестьян, пытавшихся летом продать зерно на рынке, крестьян, нанимавших на два месяца в 1925 или в 1926 году одного сельскохозяйственного рабочего, крестьян, имевших два самовара, а также таких крестьян, кто в сентябре 1929 года «убил свинью с тем, чтобы ее съесть и тем самым не дать ей стать социалистической собственностью». Были крестьяне, которых арестовывали за то, что «они пускались в коммерцию», и это тогда, когда крестьяне просто продавали самостоятельно произведенные продукты или товары. Ссылали также тех, чьи братья служили в царской армии; была категория ссылаемых «кулаков», «которые слишком прилежно посещали церковь». Но чаще всего «кулаками» называли тех, кто просто пытался противиться коллективизации. Комиссии по раскулачиванию состояли из обычных крестьян, не всегда бедняков, которых трудно было «расклассифицировать». Так, в одном селе на Украине некий середняк, член бригады по раскулачиванию, был арестован как *кулак* другой комиссией по раскулачиванию, которая работала на другой окраине того же села.

Следует отметить, что после этой первой фазы «борьбы с кулаками в деревне», которая часто оказывалась, как было показано выше, просто сведением старых счетов односельчан, деревенская община сплотила свои ряды в выступлениях против комиссий по раскулачиванию и организаторов колхозов. В январе 1930 года ОПТУ отмечает 402 массовых выступления «крестьян против коллективизации и раскулачивания», в феврале — 1048 подобных выступлений, а в марте — даже 6528[5].

Неожиданное и массовое сопротивление крестьянства заставило власть мгновенно переменить свои планы. 2 марта 1930 года все советские газеты немедленно опубликовали знаменитую статью Сталина *Головокружение от успехов,* в которой он осудил многочисленные перекосы и волюнтаризм при «приеме крестьян в колхозы», вменяя злоупотребления в вину членам комиссий по раскулачиванию и организаторам колхозов и делая их ответственными за последствия «головокружения от успехов». Реакция на статью последовала незамедлительно: только в течение марта больше 5 млн. крестьян покинули колхозы. Беспорядки, часто связанные с насильственным возвращением средств производства и скота, продолжались. В течение всего марта центральные власти ежедневно получали доклады ОПТУ о массовых выступлениях в западных областях Украины, районах Черноземья, на Северном Кавказе и в Казахстане... Всего ОПТУ насчитало в этот критический месяц 6500 массовых выступлений, из которых 800 было подавлено с применением оружия. Во время этих событий было убито, ранено или пострадало 1500 советских служащих. Число жертв среди восставших неизвестно, но это многие тысячи людей[6].

В начале апреля власть должна была решиться на новые уступки. Она направила местным властям распоряжения, устанавливающие снижение темпов коллективизации, по причинам «реальной опасности крестьянских бунтов» и возможности «физического уничтожения представителей советской власти». В апреле число крестьянских восстаний и стычек с властями понизилось, хотя все равно было зарегистрировано 1992 массовых выступления. Постепенное уменьшение числа выступлений наблюдалось летом: 886 в июне, 618 в июле, 256 в августе. В целом в течение 1930 года около 2,5 миллионов крестьян приняли участие в 14 000 восстаний, бунтов и манифестаций против режима. Наиболее «беспокойным» регионом была Украина, особенно западные ее области,

в частности, на границах с Польшей и Румынией, которые буквально вышли из-под контроля органов советской власти, а также некоторые районы Черноземья и Северный Кавказ[7].

Одной из особенностей этих выступлений было участие в них женщин, которых выставляли первыми в надежде, что их не тронут[8]. Конечно, зрелище крестьянок, протестующих против закрытия церкви или обобществления молочных коров, грозившего смертью их детям, производило впечатление на власти, но это не значит, что между отрядами ОПТУ и группами крестьян с топорами и вилами не вспыхивали кровавые стычки. Сотни сельских Советов были разгромлены, крестьянские комитеты на несколько часов или даже дней брали власть у себя в деревне, составляли списки требований, среди которых вперемежку шли требования возвращения в собственность средств производства и конфискованного скота, роспуска коллективных хозяйств, восстановления свободы торговли, открытия церквей, возвращения награбленных богатств кулакам, возвращения высланных крестьян, уничтожения власти большевиков и даже восстановления «самостийной Украины»[9].

Если крестьянам и удалось в марте — апреле нарушить правительственные планы ускоренной коллективизации, успех их был недолог. В отличие от 1920— 1921 годов, к концу 20-х они уже не могли создать настоящей организации, найти лидеров, объединиться хотя бы на региональном уровне. У них не было времени, поскольку власти действовали мгновенно, у них не было руководителей, потому что они были уничтожены во время гражданской войны, у них не было оружия, которое у них постепенно конфисковали на протяжении всех 20-х годов. Крестьянские восстания постепенно затухали.

Репрессии были ужасны. В одном только приграничном округе на западе Украины «чистка контрреволюционных элементов» привела к аресту в конце марта 1930 года более 15 000 человек ОГПУ Украины арестовало в течение сорока дней, с 1 февраля по 15 марта 1930 года, 26 000 человек, из которых 650 были приговорены специальными судами к расстрелу. Согласно данным ОГПУ, в 1930 году им было приговорено к смерти 20 200 человек[10].

Продолжая репрессии против «контрреволюционных элементов», ОГПУ воплотило в жизнь директиву Ягоды № 44/21 об аресте 60 тысяч кулаков первой категории. Судя по ежедневным рапортам, посылаемым Ягоде, операция была проведена быстро, начавшись 6 февраля, когда арестовали сразу 15 985 человек А к 9 февраля уже 25 245 человек, по выражению ОГПУ, «были изъяты». В секретном докладе *(спецсводке),* датированном 15 февраля, уточнялось: «При ликвидации кулаков как класса "изъято" в массовых операциях и при индивидуальных чистках 64 589 человек, из них в ходе подготовительных операций (1 категории) 52 166 человек, а в ходе массовых операций — 12 423 человека». За несколько дней «план-заказ» на 60 000 кулаков первой категории был перевыполнен[11].

В действительности же кулаки представляли собой лишь часть «изъятых из обращения» людей. Местные агенты ОГПУ воспользовались чисткой и для того, чтобы расправиться в своем округе, *области,* крае со всеми «социально чуждыми элементами», среди которых были бывшие полицейские, белые офицеры, служители культа, сельские ремесленники, бывшие купцы, представители местной интеллигенции и другие. В докладе 15 февраля 1930 года, где детально перечислялись категории арестованных, Ягода писал: «Северо-западные регионы и Ленинград не поняли наших указаний и не желают их понимать; *надо за-*

ставить их понять. Мы не очищаем территории от попов, купцов и других. Если они говорят "другие", это значит, что они не знают, *кого они арестуют.* У нас есть еще время, чтобы избавиться от попов и купечества, но сегодня надо точно указать цель: *кулаки* и кулаки-контрреволюционеры»[12]. Сколько же всего людей было в ходе этой операции по «ликвидации кулаков первой категории» арестовано и казнено? На сегодняшний день мы такими данными не располагаем.

Кулаки «первой категории» составляли, без сомнения, заметную часть первых партий заключенных в исправительных лагерях. Летом 1930 года ОПТУ уже ввело в действие обширную сеть лагерей. Это, во-первых, исправительный лагерь Соловки с филиалами на побережье Белого моря, в Карелии и в районе Архангельска. Более 40 000 заключенных этого лагеря строили дорогу Кемь—Ухта, и они же давали большую часть лесопродукции, вывозимой из порта Архангельск. В группе северных лагерей насчитывалось 40 000 заключенных, принимавших участие в строительстве трехсоткилометровой железной дороги между Сыктывкаром (бывшим Усть-Сысольском) и Пинегой и дороги длиной в 290 километров между Сыктывкаром и Ухтой. В восточной группе лагерей 15 000 человек использовались на строительстве Богучанской железной дороги. Четвертая группа лагерей была на Вишере, Где содержалось 20 000 заключенных, которые обеспечивали строительство громадного химического комбината в Березниках на Урале. И, наконец, была еще группа сибирских лагерей, где содержалось приблизительно 24 000 заключенных, работавших на строительстве железной дороги Томск — Енисейск и металлургического комбината в Кузнецке[13].

За полтора года, приблизительно с конца 1928 и до лета 1930, число заключенных, эксплуатируемых в лагерях ОГПУ, увеличилось в 3,5 раза; вместо 40 тысяч их стало 140 тысяч. Успехи в использовании бесплатной рабочей силы вдохновили власть на новые, еще более грандиозные проекты. В июне 1930 года правительство решило построить канал длиной в 240 километров, связывающий Белое море с Балтийским, проложив большую часть его русла в скальном грунте. Без всякой техники этот «проект века» потребовал усилий 120 000 заключенных с мотыгами, лопатами и тачками. Но летом 1930 года, когда раскулачивание было в полном разгаре, рабочая сила заключенных перестала быть дефицитным товаром!

К концу 1930 года реальное число раскулаченных составляло свыше 700 000 человек, к концу 1931 года — более 1 800 000 (14), и потому «принимающие организации» «не справлялись с наплывом». Совсем непродуманно и при полной анархии проходили операции по депортации кулаков «второй» и «третьей» категорий. Для них нашли беспрецедентную форму «высылки-забвения», абсолютно нерентабельную для властей, а ведь главной целью раскулачивания было освоение спецпоселенцами незнакомых регионов богатой естественными ресурсами страны[15].

Ссылка кулаков «второй категории» началась в первую неделю февраля 1930 года. По одобренному Политбюро плану, 60 000 предполагалось сослать в ходе первой фазы операции ОГПУ, которая должна была завершиться к концу апреля. Районы Севера должны были принять 45 000 семей, Урал — 15 000 семей. 16 февраля Сталин телеграфировал Эйхе, первому секретарю Западно-Сибирского крайкома: «Недопустимо, чтобы Сибирь и Казахстан были не готовы для приема ссыльных. Сибирь должна непременно принять 15 000 семей уже в конце апреля*. В ответ Эйхе прислал в Москву сметную стоимость возможного расселения запланированных континген-

тов ссыльных, она составляла около 40 миллионов рублей, которые ему никогда так и не удалось получить![16]

В операциях по высылке заключенных наблюдается полное отсутствие координации между отдельными звеньями цепи. Высланные крестьяне неделями содержались в местах, для проживания не предназначенных, — казармах, административных зданиях, вокзалах, откуда, кстати, многим из них удавалось бежать. ОПТУ запланировало для первой фазы операции 240 составов по 53 вагона. Один железнодорожный состав, согласно нормам ОПТУ, состоял из 44 вагонов для перевозки скота (каждый вагон — на 40 заключенных) и 8 вагонов для перевозки орудий труда, пропитания и скарба, принадлежащего заключенным из расчета 480 килограммов на семью, и одного вагона для сопровождающего конвоя. Как свидетельствует переписка между ОПТУ и Народным комиссариатом путей сообщения, редкие поезда добирались до места, сохранив всех пассажиров. В больших центрах по сортировке контингентов, например, в Вологде, Котласе, Ростове, Свердловске и Омске, составы неделями оставались без движения со всем своим живым грузом. Длительные остановки составов с людьми, среди которых было большое число женщин, стариков и детей, не могли остаться не замеченными местным населением — об этом свидетельствуют многочисленные коллективные письма, отправленные в Москву, в которых говорится об «избиении младенцев*, истреблении невинных; письма подписаны «коллективами рабочих и служащих Вологды" или «железнодорожниками Котласа»[17].

Зимой, в неподвижно застывших на путях составах, ожидающих указания места назначения, где будут «размещены» высланные, холод, отсутствие гигиены, эпидемии становились причиной смерти огромного числа людей.

Здоровых ссыльных отделяли от их семей, временно устраивали в наспех сколоченных бараках, а затем под охраной отсылали в «места колонизации», как это было указано в официальных инструкциях, находившиеся в стороне от путей сообщения. Бесконечное путешествие продолжалось еще очень долго, многие сотни километров люди продвигались с семьей или без нее, зимой на санях, летом в телегах, иногда пешком. Практически этот последний этап путешествия кулаков «второй категории» совпадал с этапированием кулаков «третьей категории», перемещаемых на «залежные земли» для «освоения регионов», а это были как раз земли Сибири, Урала, простиравшиеся на сотни тысяч квадратных километров. Как рапортовали 7 марта 1930 года власти Томской области, «у прибывших эшелонов кулаков III категории, не оказалось лошадей, саней, сбруй. <...> Все лошади абсолютно непригодны к передвижению на 300 километров, так как на месте отправки хороших лошадей заменили клячами. <...> При таком состоянии средств передвижения не только не приходится говорить о перевозке домашних вещей и двухмесячного запаса продовольствия, но как же перевозить детей и стариков, которых в эшелоне свыше 50%?»[18].

В другом докладе из той же местности Западно-Сибирский краевой исполнительный комитет объяснял невозможность проведения в жизнь инструкций ОГПУ, касающихся депортации 4902 кулаков «третьей категории» из двух районов Новосибирской области, поскольку ситуация доходила до нелепости: •Для перевозки гужом, на расстояние 370 верст плохих дорог, такого громадного количества груза, как 578 191 пуд[ов] по установленным нормам <...> потребуется мобилизация <...> 28 909 лошадей, 7227 сопровождающих (1 сопровождающий на 4 подводы) <...>». В конце доклада утверждалось, что «выполнение этого задания гибельным образом отразится на посевной кампании, т.к. лоша-

ди не в состоянии будут работать и потребуют продолжительного отдыха .<...> И, наконец, стоит ли так ограничивать количество провизии, которую ссыльные могут взять с собой»[19].

Иначе говоря, ссыльные, без достаточного пропитания и орудий труда, чаще всего без крова, должны были устраиваться на поселение. В рапорте, поступившем из Архангельска, признавалось, что в сентябре 1930 года вместо 1 641 барака для ссыльных было построено только семь! Ссыльным приходилось устраиваться на клочке земли в степи или тайге. Самыми счастливыми были те, кто сумел захватить с собой хоть какие-нибудь орудия труда, позволявшие построить подобие жилища; чаще всего это были традиционные *землянки,* т.е. простые ямы, прикрытые сверху ветками. В некоторых случаях, когда ссыльные тысячами прибывали для работы на больших стройках или на строительство нового промышленного предприятия, их селили в общие бараки с трехъярусными нарами; каждый барак был рассчитан на несколько сотен человек.

Неизвестно, сколько человек из 1 803 392, официально сосланных по графе «раскулачивание» в 1930—1931 годах, погибли от голода и холода в первые месяцы «новой жизни». Новосибирские архивы сохранили душераздирающий документ, посланный в мае 1933 года инструктором горкома партии Нарыма в Западно-Сибирский крайком. Он касается судьбы двух составов, в которых прибыло более 6 тысяч человек ссыльных из Москвы и Ленинграда. Хотя и запоздало, сообщающий о судьбе, постигшей другую категорию ссыльных, не крестьян, но тоже «социально чуждых элементов», изгнанных из нового «социалистического города» в конце 1932 года, этот документ дает яркое представление о том, что такое ссылка на вечное поселение.

Вот несколько отрывков из этого ужасающего свидетельства:

«29 и 30 апреля этого года из Москвы и Ленинграда были отправлены на трудовое поселение два эшелона деклассированных элементов. Прибывши в Томск, этот контингент был пересажен на баржах. 18 мая первый и 26-го мая второй эшелоны были высажены на р[еке] Оби у устья р[еки] Назина на острове Назино. <...>

Первый эшелон составлял 5 070 человек, второй — 1 044. Всего 6 114 человек В пути люди находились в крайне тяжелом состоянии: скверное питание, скученность, недостаток воздуха, массовая расправа над самыми слабыми <...>. В результате — высокая смертность, порядка 35—40 чел. в день <...>.

Жизнь на баржах оказалась роскошью, по сравнению с тем, что постигло эти оба эшелона на острове Назино (здесь должна была произойти разбивка людей по группам для расселения поселками в верховьях р[еки] Назины). Сам остров оказался совершенно девственным, без каких бы то ни было построек. <...> При этом на острове не оказалось никаких инструментов, ни семян, ни крошки продовольствия...

Жизнь на острове началась. На второй день прибытия первого эшелона, 19 мая, выпал снег, поднялся ветер, а затем мороз. Голодные, истощенные люди без кровли, не имея никаких инструментов <...> очутились в безвыходном положении. Обледеневшие, они были способны только жечь костры, сидеть, лежать, спать у огня. Люди начали умирать. <...> В первые сутки бригада могильщиков смогла закопать 295 трупов. <...> И только на четвертый или пятый день прибыла на остров ржаная мука, которую и начали раздавать трудпоселенцам по несколько сот грамм.

Получив муку, люди бежали к воде и в шапках, портянках, пиджаках и штанах разводили болтушку и ели ее. При этом огромная часть их просто съедала муку, падала и задыхалась, умирая от удушья. Наиболее устойчивая часть пекла в костре лепешки, но не было никакой посуды <...>. Вскоре началось в угрожающих размерах людоедство <...>.

В начале июня началась отправка людей на так называемые участки, т.е. места, отведенные под поселки.

Участки были расположены под р[екой] Назиной за 200 километров от устья. Участки оказались в глухой необитаемой тайге. <...> Здесь впервые начали выпекать хлеб в наспех сооруженной одной пекарне. Продолжалось то же ничегонеделанье, как и на острове. Тот же костер, та же нищета, все то же, за исключением муки. Истощение людей шло своим чередом. Достаточно привести такой факт. На 5-ый участок с острова пришла лодка в количестве 78 чел[овек]. Из них оказались живыми только 12.

Участки были признаны непригодными, и весь состав людей стал перемещаться на новые участки, вниз по этой же реке, ближе к устью. Бегство приняло массовые размеры <...>.

После расселения на новых участках приступили к строительству полуземляных бараков во второй половине июля. Здесь еще были остатки людоедства <...>.

Но жизнь начала входить в свое русло: появился труд, однако расстройство организмов оказалось настолько большим, что люди, съедая 750—1000 граммов (паек) хлеба, продолжали заболевать, умирать, есть мох, листья, траву и пр. <...>

В результате всего из 6100 чел[овек], выбывших из Томска (и плюс к ним 500—700 чел., переброшенных на назинские участки из других комендатур, на 20 августа осталось в живых 2200 чел[овек]»[20].

Сколько же было пересылок, подобных назинской? Несколько цифр дают нам представление о потерях. Между февралем 1930 года и декабрем 1931 года было депортировано чуть более 1 800 000 человек. Когда 1 января 1932 года власти сделали первую попытку регистрации заключенных, то их оказалось 1317 022[21]. Иными словами, потери составили полмиллиона, т.е. около 30% от общего числа. Однако число тех, кому удалось бежать, без сомнения, росло[22]. В 1932 году состояние контингентов на разных этапах следования впервые стало предметом изучения ОГПУ. Именно ОГПУ, начиная с лета 1931 года, было фактически единственным ответственным за депортированных, или спецпоселенцев, на протяжении всего их продвижения до мест назначения. Согласно данным этого исследования, 210 000 человек сбежало и 90 000 умерло. В голодном 1933 году власти зафиксировали 151 601 умершего в спецпоселениях из 1 142 022 подсчитанных на 1 января 1933 года. Процент смертности, таким образом, составлял приблизительно 6,8% в 1932 году, 13,3% — в 1933 году. По поводу 1930—1931 годов мы располагаем только частичными данными, но они достаточно красноречивы: в 1931 году смертность была 1,3% в месяц среди депортированных Казахстана, 0,8% в месяц — в Западной Сибири. Что касается детской смертности, она колеблется между 8% и 12% в месяц, а в Магнитогорске — 15% в месяц. С 1 июня 1931 по 1 июня 1932 года смертность среди высланных в район Нарыма в Западной Сибири достигла 11,7% в год. Мало вероятно, чтобы в 1930—1931 годах процент

смертности был ниже, чем в 1932 году. По-видимому, он равнялся, приблизительно, 10% в год. Из всего этого можно сделать вывод, что в спецпоселениях умерло за 3 года 300 000 депортированных[23].

Для центральных властей, озабоченных нерентабельностью работы тех, кого они называли *спецпоселенцами,* а начиная с 1932 года — *трудпоселенца-ми* высылка стала лишь крайним средством; как писал один из руководителей ОГПУ Н. Пузицкий, ответственный за *трудпоселки ,* все дело было «в преступной небрежности представителей ОГПУ и политической близорукости в работе с представителями местной власти, которые не поняли идею *трудовых поселений* раскулаченных»[24].

В марте 1931 года по указанию Политбюро, чтобы положить конец потерям рабочей силы депортированных, организуется специальная комиссия под председательством Андреева, где Г. Ягода играл ключевую роль. Целью этой комиссии была проверка эффективности управления спецпоселениями. Из первых полученных комиссией сведений стал ясен практически нулевой эффект привлечения рабочей силы из среды депортированных. Оказалось, что из трехсот тысяч депортированных на Урал только 8% в апреле 1931 года вышли на работу по рубке леса или другой общественно-полезной работе, остальные «здоровые взрослые» строили жилье для самих себя и пытались что-то предпринять, чтобы выжить. Из другого документа становится понятным также, что операции по раскулачиванию были накладны для государства: средняя стоимость конфискованного у кулаков имущества в 1930 году Составляла максимум 564 рубля на хозяйство (мизерная сумма, равная 15-месячному заработку рабочего) — яркое свидетельство якобы имеющегося у кулака «богатства». Что же касается затрат на депортацию кулаков, то они достигали 1000 рублей на семью![25]

Комиссия Андреева начала свою деятельность по перестройке управления спецпоселениями с реорганизации отвечающих за депортацию административных структур. В течение лета 1931 года ОГПУ получило монополию управления «специальными поселениями», которые до того времени зависели лишь от местных властей. Создалась сеть *комендатур,* настоящих администраций, позволяющих ОГПУ извлекать пользу из «экстерриториальности» спецпоселений и полностью контролировать огромные территории, где спецпоселенцы составляли отныне основную часть местного населения. Их жизнь подчинялась теперь строгим правилам. Привязанные к месту жительства, переселенцы распределялись администрацией на государственное предприятие, в «сельскохозяйственный кооператив», в кооператив ремесленников, имеющий специальный статус и охраняемый местной командой ОГПУ, других направляли на строительные или дорожные работы, а также работы по возделыванию новых земель. Конечно, нормы и заработки здесь были специальными — нормы в среднем на 30%—50% более высокими, чем у трудящихся «на воле», заработки, наоборот, более низкими; если, например, заработок выплачивался деньгами, 15% или 25% удерживалось для администрации ОГПУ.

В результате предпринятой реорганизации управления спецпоселениями, как об этом свидетельствуют документы комиссии Андреева, ОГПУ справилось с задачей; теперь оно могло поздравить себя с созданием источников рабочей силы — *труд. поселений,* чья охрана обходилась им в девять раз дешевле, чем заключенные лагерей; в июне 1933 года 203 000 спецпоселенцев Западной Сибири были распределены между 83 комендатурами, для наблюдения за ними

нужен был всего 971 человек[26]. ОГПУ выполняло важную задачу поставки своей рабочей силы некоторым большим комбинатам, которые осваивали естественные ресурсы северных и восточных районов страны, таким как Ураллес-пром, Уралуголь, Востокутоль, Востоксталь, Цветметзолото, Кузнецкстрой и т.д. В принципе, предприятие брало на себя обязанность обеспечить спецпоселенцев жильем, производить обучение кадров, снабжать депортированных необходимым рабочим инвентарем. В действительности, как признавали сами чиновники ОГПУ, предприятия имели тенденцию рассматривать этих «по-лусвободных-полузаключенных» как бесплатную рабочую силу. Трудпоселен-цы не получали часто никакой зарплаты, поскольку суммы, которые им начисляли, были ниже тех, которые удерживала администрация за постройку бараков, предоставление средств производства, профсоюзные взносы, государственные займы и т.д.

Стоящие последними в списках на питание, настоящие парии, они страдали не только от голода и лишений, но также от различных злоупотреблений: установки завышенных норм, отказа от выплат зарплаты, наказаний поркой или заключением в холодный карцер среди зимы. Ссыльных женщин руководство ОГПУ обменивало на товары или бесплатно поставляло «в качестве прислуги» местным начальникам. Эти факты стали известны из донесения директора одного лесного предприятия Урала, использующего работников трудпоселений, и приведены в докладе ОГПУ в 1933 году. В этом докладе критиковалась позиция руководителей предприятий, использующих бесплатную рабочую силу, которые спокойно заявляли своим работникам: «Мы могли бы вас вообще ликвидировать, в любом случае ОГПУ пришлет на ваше место еще сто тысяч таких, как вы!»

С течением времени использование трудпоселений становилось, с точки зрения производительности труда, все более эффективным. Начиная с 1932 года предпринимается переселение рабочей силы из спецпоселений в климатически трудных районах поближе к большим стройкам, шахтам и промышленным предприятиям. В некоторых районах процент *спецпересе-лвнцев,* которые работали бок о бок со свободными рабочими и жили с ними в соседних бараках, был весьма значительным, а порой — доминирующим. На шахтах Кузбасса в конце 1933 года около 41 000 спецпоселенцев составляли 47% от всех шахтеров. В Магнитогорске в сентябре 1932 года было зарегистрировано 42 462 депортированных, что составляло две трети местного населения[27]. Определенные на поселение в четырех зонах жительства на расстоянии от двух до шести километров от главного места работы, они работали в тех же бригадах, что и «вольные» рабочие. При такой ситуации в конце концов стерлась граница между теми, кто имел специальный статус, и свободными работниками. В силу экономических обстоятельств вчерашние раскулаченные снова стали частью общества, в котором никто не знает, что будет дальше и кого это общество отторгнет в следующий раз.

6

Великий голод

Одним из белых пятен советской истории долгое время был Великий голод 1932—1933 годов, который, судя по безусловно надежным источникам, унес 6 миллионов жизней[1]. Эта катастрофа не умещается в масштабы прочих затяжных голодных лет или периодов, которые с разными интервалами постигали Россию. Великий голод был прямым следствием новой системы хозяйствования на селе, «военно-феодального способа правления», как выражался один из большевистских руководителей, выступавший против Сталина, Николай Бухарин. Голод возник в период насильственной коллективизации и стал трагической иллюстрацией чудовищного социального регресса, которым сопровождалась форсированная политика советской власти на селе в конце 20-х годов.

В отличие от голода 1921 — 1922 годов, во время которого советское правительство обращалось за помощью к другим государствам, голод 1932—1933 годов советский режим отрицал, более того, он с помощью средств пропаганды заставлял умолкнуть те голоса, которые пытались привлечь внимание к этой трагедии. В этом советской власти очень помогли «личные впечатления» французского депутата и лидера радикальной партии Эдуара Эррио, совершившего летом 1933 года путешествие по Украине и выяснившего, что там теперь есть только «колхозные сады и огороды, прекрасно возделываемые и орошаемые». Эррио поспешил сделать следующее заявление: «Я проехал через всю Украину. И что же! Я видел большой плодоносящий сад»[2]. Это ослепление было отчасти итогом потрясающей инсценировки, организованной ОГПУ для иностранных гостей, маршрут которых пролегал через образцовые колхозы и образцовые детские сады. Такая позиция подкреплялась, вероятно, еще и политическими соображениями со стороны французских руководителей, стоявших в то время у власти: с их точки зрения, не следовало прерывать наметившийся процесс сближения с Советским Союзом перед лицом все более ощутимой угрозы со стороны Германии, где недавно к власти пришел Адольф Гитлер.

Однако некоторые высокие политические руководители, особенно немецкие и итальянские, были осведомлены о голоде 1932—1933 годов. Донесения итальянских дипломатов из Харькова, Одессы и Новороссийска, недавно открытые и опубликованные итальянским историком Андреа Грациози[3], показывают, что Муссолини читал эти тексты с особой тщательностью и был прекрасно осведомлен о положении дел в России. Тем не менее он никогда не использовал полученных сведений для антикоммунистической пропаганды, наоборот, лето 1933 года было отмечено договором об итало-советском сотрудничестве в области торговли, за которым последовал договор о дружественных отношениях и о ненападении. Отрицаемая или замалчиваемая в госу-

дарственных интересах правда о большом голоде, известная ранее лишь немногим из публикаций в изданиях украинских организаций за границей, начала осознаваться только со второй половины 80-х годов после опубликования серии исследовательских работ как западных историков, так и историков бывшего Советского Союза.

Наверное, нельзя понять голода 1932—1933 годов вне контекста новых «экономических отношений» между государством и крестьянством, ставших следствием насильственной коллективизации деревни. В деревнях, где состоялось обобществление хозяйств, роль колхозов была стратегической. Целью обобществления было обеспечение фиксированных поставок сельскохозяйственных продуктов, причем львиную долю всех сельскохозяйственных поставок должна была занимать продукция колхозов. Каждой осенью кампания по коллективизации превращалась в настоящее испытание на прочность отношений между государством и крестьянством, которое всеми средствами старалось утаить часть своего урожая. Игра была масштабной: государство думало только об увеличении получаемой от крестьян продукции, в то время как крестьянину важно было выжить. Чем более плодородным был регион, тем большей сдачи сельхозпродукции от него требовали. В 1930 году государство забрало 30% колхозной продукции на Украине, 38% — в богатых районах Кубани и Северного Кавказа, 33% — в Казахстане. В 1931 году при получении еще более низкого, чем в предыдущем году, урожая эти проценты поднялись соответственно до 41,5%, 47% и 39,5%. Такое изъятие сельскохозяйственной продукции у крестьянства могло полностью расстроить производственный цикл; достаточно напомнить, что при НЭПе крестьяне продавали только 15%—20% своей продукции, оставляя 12%—15% всего собранного зерна на семена, 25%—30% — на корм скоту, а остальное — для собственных нужд. Крестьяне, которые пытались сохранить хотя бы часть своего урожая, и местные власти, обязанные во что бы то ни стало выполнять все более ирреальный план хлебозаготовок (так, план сдачи сельхозпродукции государству в 1932 году превышал на 32% план сдачи 1931 года)[4], неизбежно вступали в конфликт.

Кампания по заготовкам 1932 года разворачивалась постепенно. Как только началась новая жатва, колхозники стали стараться спрятать хотя бы малую часть своего урожая. Настоящий фронт «пассивного сопротивления» возникал при молчаливом согласии колхозников и бригадира, бригадира и бухгалтера, бухгалтера и председателя колхоза, тоже крестьянина, который только недавно был выдвинут из массы; зачастую к нему примыкал также и секретарь местного партбюро. Чтобы «взять зерно», центральные власти вынуждены были посылать в деревню новые «ударные комиссии», состоявшие из городских коммунистов и комсомольцев.

В деревне установилась атмосфера войны и противостояния, о чем пишет инструктор Центрального исполнительного комитета, прибывший в командировку в один из зерновых районов на Нижней Волге:

> «Арестовывают и обыскивают все, кому не лень: и члены сельсоветов, и уполномоченные, и члены штурмовых бригад, и вообще всякий комсомолец, кому не лень. За этот год осуждено судами в районе 12% хозяйств, не считая раскулаченных высланных хозяйств, оштрафованных и т.д. По подсчетам бывшего здесь помощника] краевого прокурора, Васильева, за год репрессировано 15% взрослого населения. Если к тому прибавить,

что за последний месяц исключено из колхозов в районе 800 хозяйств, то масштаб репрессивных методов в районе будет ясен. <...>

Не говоря о массовости репрессий, репрессировании тех, кого надо, эффективность мер принуждения снижается и потому, что они вследствие своего большого количества часто в жизнь не проводятся. <...>

Все домзаки и арестные дома переполнены. Балашовский домзак переполнен в 5 раз, в Елани в арестном доме сидит 610 человек. За последний месяц Балашовский домзак «вернул» в Елань 78 осужденных, из которых 48 до 10 лет, причем 21 из них были просто сразу же освобождены. <...>

Для того, чтобы закончить с единственным применяемым здесь методом — методом принуждения — пара слов о единоличнике, с кот[орым] делают все возможное для того, чтобы его оттолкнуть, чтобы он не сеял.

Насколько все единоличники без исключения терроризованы, показывает то, что в Морцах единоличник полностью 100% засыпавший семена, приходит к председателю РИКа т. Фомичеву и просит его выслать из края на север, так как «все равно житья не будет».

Показательно тоже заявление 16 единоличников Александровского сельсовета, которые сами просят о высылке их из пределов края! <...>

Есть только один вид «массовой работы» — штурм. «Штурмуют» семена, заем, животноводство, выход на работу и т.д. Без «штурма» ничего не делается. <...>

«Штурмуют» ночью, от 9—Ю час. вечера до утра. Штурм заключается в том, что «штурмовая бригада», сидящая в одной избе, «вызывает» поочередно невыполнивших то или другое обязательство и «уговаривает» их, любым способом, их выполнить. «Штурмуют» каждого по списку, за ночь несколько раз. То же повторяется и в следующую ночь»[5].

В арсенал репрессивных мер попал и знаменитый закон от 7 августа 1932 года, изданный в момент наиболее напряженного противостояния власти и крестьянства. Закон устанавливал осуждение на 10 лет лагерей или смертную казнь за «кражу и расхищение колхозной собственности». Этот закон народ прозвал законом «о трех колосках», так как, согласно ему, могли быть наказаны и те, кто собирали на колхозных полях оставшиеся после уборки колоски ржи или пшеницы. Закон позволил осудить в период с августа 1932 по декабрь 1933 года более 125 000 человек, из которых 5 400 были приговорены к смертной казни[5].

Но, несмотря на эти драконовские меры, зерно никак не собиралось в нужных количествах. В середине октября 1932 года общий план главных зерновых районов страны был выполнен только на 15%—20%. 22 октября 1932 года Политбюро решило послать на Украину и Северный Кавказ две чрезвычайные комиссии, одну под руководством Вячеслава Молотова, другую — Лазаря Кагановича, с целью «ускорения хлебозаготовок»[7]. 2 ноября комиссия Лазаря Кагановича, членом которой был и Генрих Ягода, прибыла в Ростов-на-Дону. Тотчас было созвано совещание всех секретарей парторганизаций Северо-Кавказского региона, по окончании которого была принята следующая резолюция: «В связи с постыдным провалом плана заготовки зерновых, заставить местные парторганизации сломить саботаж, организованный кулацкими контрреволюционными элементами, подавить сопротивление сельских коммунистов и председателей колхозов, возглавляющих этот саботаж». Для некоторого числа округов, внесенных в черный список, были приняты следующие

меры: возврат всей продукции из магазинов, полная остановка торговли, немедленное закрытие всех текущих кредитов, обложение высокими налогами, арест всех саботажников, всех «социально чуждых и контрреволюционных элементов» и суд над ними по ускоренной процедуре, которую должно обеспечить ОГПУ. В случае, если саботаж будет продолжаться, население предполагалось подвергнуть массовой депортации.

В течение только одного месяца «борьбы против саботажа» — ноября 1932 года — 5 000 сельских коммунистов, обвиненных в «преступном сочувствии» «подрыву» кампании хлебозаготовок, были арестованы, а вместе с ними — еще 15 000 колхозников такого важного сельскохозяйственного района, каким является Северный Кавказ. В декабре началась массовая депортация не только отдельных кулаков, но и целых сел, в частности казацких станиц, уже подвергавшихся в 1920 году подобным карательным мерам[8]. Число спецпоселений, таким образом, стало быстро расти. Если в 1932 году, по данным администрации ГУЛАГа, прибыли 71 236 поселенцев, то в 1933 году был зарегистрирован приток в количестве 268 091 спецпоселенца[9].

На Украине комиссия Молотова приняла аналогичные меры: началась регистрация округов, где не выполнен план заготовок, в черном списке оказывались многие из них со всеми выше отмеченными последствиями — чисткой местных партячеек, арестами не только колхозников, утаивших часть своего урожая, но также и колхозных руководителей, занижающих доходы коллективного хозяйства. Вскоре эти меры распространились и на другие зернопроизво-дящие регионы страны.

Могли ли эти репрессивные меры помочь государству в войне против крестьянства? «Нет, никак», — отмечал в своем донесении весьма проницательный итальянский консул из Новороссийска:

«Советский государственный аппарат, сверх меры вооруженный и мощный, находится перед фактом невозможности победы в одном или нескольких сражениях; враг в данном случае не сконцентрирован, он разбросан, и аппарат изматывает силы, осуществляя много мелких операций: здесь, например, не прополото поле, там укрыли несколько центнеров пшеницы; тут не работает один трактор, другой трактор сломан, третий, вместо того чтобы работать, куда-то уехал. Далее следует отметить, что амбары, где хранят зерно, разграблены, бухгалтерский учет по всем статьям плохо ведется или фальсифицируется, а председатели колхозов из страха или по небрежности не говорят правды в своих отчетах. И так далее и до бесконечности на этой огромной территории! <...> Враг, его ведь надо искать, переходя из дома в дом, из деревни в деревню. А это все равно что носить воду дырявым черпаком!»[10]

Таким образом, чтобы победить врага, остается единственный выход: оставить его голодным.

Первые сообщения о возможной критической ситуации с продовольствием зимой 1932—1933 годов пришли в Москву летом 1932 года. В августе Молотов рапортовал в Политбюро, что «существует реальная угроза голода в районах, где всегда снимали превосходный урожай». Тем не менее он же предложил выполнить план хлебозаготовок во что бы то ни стало. В том же августе председатель Совнаркома Казахстана Исаев информировал Сталина о том, до какой степени голодно в республике, где коллективизация сочеталась с попыткой сделать оседлым традиционно кочевое население, в результате чего хозяйство было дез-организовано. Даже ярые сталинисты, такие как Косиор, первый секретарь Ком-

партии Украины, или Михаил Хатаевич, первый секретарь Днепропетровского обкома, попросили Сталина и Молотова урезать план хлебосдачи. «Для того, чтобы в будущем сельскохозяйственная продукция могла бы действительно соответствовать нуждам пролетарского государства, — писал Хатаевич в Москву в ноябре 1932 года, — мы должны принять во внимание хотя бы минимальные нужды колхозников, а то вообще будет некому сеять и убирать урожай».

«Ваша позиция, — отвечал Молотов, — глубоко неправильная, небольшевистская. Мы большевики, и мы не можем отодвигать нужды государства ни на десятое, ни даже на второе место, это определено нашими партийными постановлениями»[11].

Несколько дней спустя Политбюро направило местным властям циркуляр, предписывающий немедленное лишение колхозов, не выполняющих свой план заготовок, «всего зерна, включая семенные запасы»!

Вынужденные под угрозой пыток сдавать все свои скудные запасы, не имея ни средств, ни возможностей покупать что бы то ни было, миллионы крестьян из самых богатых в Советском Союзе сельскохозяйственных регионов остались голодными, при этом они даже не могли выехать в город. 27 декабря 1932 года правительство ввело общегражданский паспорт и объявило об обязательной прописке городских жителей в целях ограничения исхода крестьянства из деревень, «ликвидации социального паразитизма» и остановки «проникновения кулаков в города». Столкнувшись с бегством крестьян в города с целью «выживания», правительство издало 22 января 1933 года распоряжение, в котором миллионы фактически приговаривались к голодной смерти. Подписанное Сталиным и Молотовым, это распоряжение предписывало местным властям и в, частности, ОГПУ запретить «всеми возможными средствами массовое передвижение крестьянства Украины и Северного Кавказа в города. После ареста "контрреволюционных элементов" других беглецов надлежит вернуть на прежнее жительство». В этом распоряжении ситуация объяснялась следующим образом: «Центральный комитет и Правительство имеют доказательства, что массовый исход крестьян организован врагами советской власти, контрреволюционерами и польскими агентами с целью антиколхозной пропаганды, в частности, и против советской власти вообще»[12].

Во всех областях, пораженных голодом, продажа железнодорожных билетов была немедленно прекращена; были поставлены специальные кордоны ОГПУ, чтобы помешать крестьянам покинуть свои места. В начале марта 1933 года в донесении ОГПУ уточнялось, что только за один месяц были задержаны 219 46О человек в ходе операций, предназначенных ограничить массовое бегство крестьян в города. 186 588 человек были возвращены на места проживания, многие арестованы и осуждены. Но в докладе замалчивалось состояние, в котором находились вынужденно покидавшие свои дома крестьяне.

В продолжение этой темы приведем свидетельство итальянского консула из Харькова, города, находившегося в самом центре охваченных голодом районов.

«За неделю была создана служба по поимке брошенных детей. По мере того, как крестьяне прибывали в город, не имея возможности выжить в деревне, здесь собирались дети, которых приводили сюда и оставляли родители, сами вынужденные возвратиться умирать у себя дома. Родители надеялись, что в городе кто-то займется их отпрысками. <...> Городские власти мобилизовали *дворников* в белых фартуках, которые патрулировали город и приводили в милицейские участки брошенных детей. <...> В полночь их увозили на грузовиках

к товарному вокзалу на Северском Донце. Там собрали также и других детей, найденных на вокзалах, в поездах, в кочующих крестьянских семьях, сюда же привозили и пожилых крестьян, блуждающих днем по городу. Здесь находился медицинский персонал, который проводил «сортировку». Тех, кто еще не опух от голода и мог выжить, отправляли в бараки на Голодной Горе или в амбары, где на соломе умирали еще 8 000 душ, в основном дети. Слабых отправляли в товарных поездах за город и оставляли в пятидесяти—шестидесяти километрах от города, чтобы они умирали вдали от людей. <...> По прибытии в эти места из вагонов выгружали всех покойников в заранее выкопанные большие рвы»[13].

В деревнях смертность достигла предельной точки весной 1933 года. К голоду добавился еще тиф; в селах с населением в несколько тысяч человек насчитывалось не более нескольких десятков выживших. Случаи каннибализма отмечены как в докладах ОГПУ, так и в донесениях итальянских дипломатов из Харькова.

«Каждую ночь в Харькове собирают 250 трупов умерших от голода или тифа. Замечено, что большое число из них не имеет печени, и эти деяния приняли солидный размах. Полиции удалось схватить охотников за печенью, которые признались, что готовят из этого "мяса" *пирожки* и торгуют ими на рынке»[14].

В апреле 1933 года писатель Михаил Шолохов, проехав по многим станицам Кубани, написал два письма Сталину, в которых подробно рассказал о том, как местные власти изымают под пытками все колхозные запасы, оставляя крестьян голодными. Он просил первого секретаря послать на Кубань продовольственную помощь. В своем ответе писателю Сталин изложил свою позицию: крестьяне справедливо наказаны за то, что бастуют и саботируют, они, оказывается, «ведут тихую "тайную" войну с советской властью <...> на измор»[15]. Только в 1933 году миллионы крестьян умерли от голода, а советское правительство продолжало поставлять зерно за границу; 18 миллионов центнеров пшеницы были вывезены из страны ради «нужд индустриализации».

Отрывки из письма И.Сталину, направленного автором «Тихого Дона» Михаилом Шолоховым 4 апреля 1903 года

т. Сталин!

Вешенский район, наряду со многими другими районами Северо-Кавказского края, не выполнил плана хлебозэготов[ок] не потому, что одолел кулацкий саботаж и парторганизация не сумела с ним справиться, а потому, что плохо руководит краевое руководство. <...>

В декабре крайком направил в Вешенский район особого «уполномоченного», чтобы «ускорить» дела, тов. Овчинникова. <...>

Овчинников провел следующие мероприятия: 1) приказал изъять весь хлеб, по всем хозяйствам района, в том числе и выданный в счет 15% аванса по трудодням; 2) задолженность каждого колхоза по хлебозаготовкам приказал разверстать по дворам. <...>

Какие же результаты дали эти мероприятия? Когда начались массовые обыски (производившиеся обычно по ночам)... крестьяне стали прятать и зарывать хлеб, чтобы не отобрали. <...> Теперь, несколько слов о результатах этих обысков... всего 5 930 цент[неров]. Вот перечисление способов, при помощи которых добыто 573 тонны хлеба, часть которого была зарыта ... с 1919 г.! <...>

Сажание «в холодную»... Колхозника раздевают и босого сажают в амбар или сарай. Время действия — январь, февраль. Часто в амбары сажали целыми бригадами.

В Вашаевском колхозе колхозницам обливали ноги и подолы юбок керосином, зажигали, а потом тушили, и снова начинали...

В Наполовском колхозе «уполномоченный» РК кандидат в члены бюро РК Плоткин при допросе заставлял садиться на раскаленную лежанку... а потом «прохладиться» выводили на мороз и запирали в амбар...

В Лебяженском колхозе ставили к стенке и стреляли мимо головы...

Примеры эти можно бесконечно умножить. Это — не отдельные случаи загибов, это — узаконенный в районном масштабе «метод» проведения хлебозаготовок. Если же описанное мною заслуживает внимания ЦК — пошлите в Вешенский район дополнительных коммунистов, у которых хватило бы смелости разоблачить всех, по чьей вине смертельно подорвано колхозное строительство района... Только на Вас надежда.

Ваш Михаил Шолохов[16].

И.В. Сталин — М.А. Шолохову 6 мая 1933 г.

Дорогой тов. Шолохов!

Оба ваших письма получены, как вам известно. Помощь, какую требовали, оказана уже.

Для разбора дела прибудет к Вам в Вешенский район т. Шкирятов, которому очень прошу Вас оказать помощь.

Это так. Но это не все, т. Шолохов. Дело в том, что Ваши письма производят несколько однобокое впечатление. Об этом я хочу написать Вам несколько слов.

Я поблагодарил Вас за письма, так как они вскрывают болячку нашей партийно-советской работы, вскрывают то, как иногда наши работники, желая обуздать врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма. Но это не значит, что я во всем согласен с Вами. Вы видите одну сторону, видите неплохо. Но это только одна сторона дела. Чтобы не ошибиться в политике (Ваши письма не беллетристика, а сплошная политика), надо обозреть, надо уметь увидеть и другую сторону. А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлеборобы вашего района (и не только вашего района) проводили «итальянку» (саботаж!) и не прочь были оставить рабочих. Красную Армию без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), — этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы по сути дела вели «тихую» войну с советской властью... Войну на измор, дорогой тов. Шолохов...

Конечно, это обстоятельство ни в какой мере не может оправдать тех безобразий, которые были допущены, как уверяете Вы, нашими работниками. И виновные в этих безобразиях должны понести должное наказание. Но все же ясно, как божий день, что уважаемые хлеборобы не такие уж безобидные люди, как это могло показаться издали.

Ну, всего хорошего и жму Вашу руку.

6.V.33 г. Ваш И. Сталин[17].

Демографические архивы и переписи 1937 и 1939 годов, которые до недавнего времени были засекречены, позволяют проследить, как разрастался голод 1933 года. Географически «голодная зона» занимала почти всю Украину, часть Черноземья, богатые долины Дона, Кубани, а также Северный Кавказ и большую часть Казахстана. Около 40 миллионов человек пострадали от голода и лишений. В наиболее затронутых голодом районах, в сельской местности во-

круг Харькова, смертность в январе и июне 1933 года увеличилась в десять раз по сравнению со средней смертностью: 100 000 похоронено в июне 1933 года в районе Харькова против 9 000 в июне 1932 года. Нужно ли говорить о том, что далеко не все случаи смерти были зарегистрированы? Сельские районы пострадали больше, чем города, но голод не пощадил и их. Харьков за год потерял 120 000 своих жителей, Краснодар — 40 000, Ставрополь — 20 000.

За пределами «голодной зоны» также нельзя снимать со счетов демографические потери, связанные с недоеданием. В сельской местности вокруг Москвы смертность достигла 50% в период между январем и июнем 1933 года, в Иванове — эпицентре голодных бунтов 1932 года, в последние месяцы 1933 года смертность возросла на 35%. Иначе говоря, за весь 1933 год в целом по стране наблюдается увеличение числа смертей более чем до 6 миллионов. Большая часть этих смертей вызвана голодом, именно с голодом и только с ним связаны 6 миллионов жертв развернувшейся трагедии. Крестьянство Украины понесло особо тяжкие потери — 4 миллиона человек. В Казахстане от голода умерли приблизительно миллион человек, в основном, ведущих кочевой образ жизни. Создавая коллективные хозяйства, людей принуждали к оседлой жизни, при этом они теряли свой скот. На Северном Кавказе и в районах Черноземья также насчитывается миллион погибших...[18]

За пять лет до Большого террора, который поразил в первую очередь интеллигенцию, экономистов и партийцев, Великий голод 1932—1933 годов стал кульминацией второго действия направленной против крестьян тихой войны, развязанной «партийным государством» в 1929 году. Голод 1932—1933 годов стал решающим эпизодом в процессе становления репрессивной системы, выступающей то против одной, то против другой группы населения. Насилия, пытки, смертные приговоры целым группам и слоям населения привели к ужасающему регрессу, политическому и социальному одновременно. Появилось много местных деспотов и тиранов, готовых на все, чтобы забрать у крестьян их последние запасы, и воцарилось варварство. Лихоимство превратилось в каждодневную практику, перестали быть новостью брошенные дети, каннибализм, эпидемии и грабительство, как-то сами собой организовались «бараки смертников», крестьяне познали новую форму рабства — и все это по указке государства! Как провидчески писал Серго Орджоникидзе Сергею Кирову в январе 1934 года, «наши кадры, прошедшие через ситуацию 1932—1933 годов и выдержавшие ее, закалились как сталь. Я думаю, что с ними можно будет построить Государство, которого история еще не знала».

Нужно ли видеть в этом голоде, как утверждают сегодня некоторые украинские публицисты и историки, «геноцид украинского народа»?[9] Украинское крестьянство, бесспорно, было главной жертвой голода 1932—1933 годов, и «нажиму» на него предшествовали наступления 1929 года: наступление на украинскую интеллигенцию, обвиненную в «националистическом уклоне», потом, начиная с 1932 года, наступление на украинскую компартию. Бесспорно, можно, используя выражение Андрея Сахарова, говорить об «украинофобии Сталина». Однако следует отметить, что репрессии голодом постигли также места расселения казаков на Дону и Кубани и жителей Казахстана. В этой республике коллективизация и принуждение к оседлости имели разрушительные последствия: 80% скота было уничтожено за два года. Лишенные всего, что имели, принужденные голодать, два с лишним миллиона казахов покинули пределы республики, около миллиона из них ушли в Центральную Азию, полтора миллиона — в Китай.

В действительности, на Украине, в областях, заселенных казаками, некоторых районах Черноземья голод стал последней каплей в противостоянии между большевиками и крестьянством, возникшем еще в 1918—1922 годах. Можно сравнить зоны, сопротивлявшиеся продразверстке 1918—1921 годов и коллективизации в 1929—1930 годах, и зоны, пораженные голодом. Из тех местностей, где состоялись 14 000 бунтов и крестьянских восстаний, зарегистрированных ОГПУ в 1930 году, 85% были наказаны голодом в 1932— 1933 годах. Это самые богатые и самые перспективные сельскохозяйственные районы, т.е. такие, которые могли бы дать государству больше других, но именно эти районы больше всего потеряли при изъятии у них сельскохозяйственной продукции во время хлебозаготовок, смененной затем насильственной коллективизацией, и именно в эти районы принес смерть голод 1932—1933 годов.

9

«Социально чуждые элементы» и циклы репрессий

Если крестьянство заплатило самую тяжелую дань волюнтаристскому сталинскому плану радикального изменения общества, то другие социальные группы, называемые «социально чуждыми», были под разными предлогами выброшены на обочину нового общества, лишены гражданских прав, изгнаны с работы, оставлены без жилья, спущены вниз по ступеням социальной лестницы, отправлены в ссылку. Духовенство, люди свободных профессий, мелкие предприниматели, торговцы и ремесленники были главными жертвами «антикапиталистической революции», начатой в ЗО-е годы. Население городов входило отныне в категорию «рабочего класса, строителя социализма», однако и рабочий класс подвергся репрессиям, которые в соответствии с господствующей идеологией превратились в самоцель, тормозя активное движение общества к прогрессу.

Знаменитый процесс в городе Шахты* обозначил конец «передышки» в противостоянии власти и *спецов,* начавшейся в 1921 году. Накануне «запуска» первого пятилетнего плана политический урок процесса в Шахтах стал ясен: скептицизм, нерешительность, равнодушие в отношении предпринимаемых партией шагов, могли привести только к саботажу. Сомневаться — это уже предавать. Преследование специалиста («спеца») глубоко внедрилось в большевистское сознание, а процесс в Шахтах стал сигналом к проведению других подобных процессов. Специалисты стали козлами отпущения за экономические неудачи и лишения, порожденные падением уровня жизни. С конца 1928 года тысячи промышленных кадров, «старорежимных инженеров» были уволены, лишены продуктовых карточек, бесплатного доступа к врачам, иногда выселены из своих жилищ. В 1929 году тысячи чиновников Госплана, Наркомфина, Наркомзема, Комиссариата по торговле были уволены под предлогом «правого уклона», саботажа или принадлежности к «социально чуждым элементам». Действительно, 80% чиновников Наркомфина служило при царском режиме[1].

Кампания по «чистке» отдельных учреждений ужесточилась летом 1930 года, когда Сталин, желая навсегда покончить с «правыми», и в частности с Рыковым, в тот момент занимавшим пост главы правительства, решил продемонстрировать связи последних со «специалистами-саботажниками». В августе-сентябре 1930 года ОГПУ многократно увеличило число арестов известных

* В марте 1928 года было объявлено, что раскрыта «контрреволюционная организация», осуществлявшая акты саботажа на шахтах Шахтинского района Донбасса, и арестовано 55 человек, в основном инженеры и техники. Пять человек были расстреляны, многие осуждены на 10 *лет. (Прим .ред.)*

специалистов, занимавших важные посты в Госплане, в Государственном банке и в наркоматах финансов, торговли и земледелия. Среди арестованных был, в частности, профессор Кондратьев — открыватель знаменитых циклов Кондратьева*, заместитель министра сельского хозяйства по продовольствию во Временном правительстве, руководивший смежным с Наркомфином институтом, а также профессора Чаянов и Макаров, занимавшие важные посты в Нар-комземе, профессор Садырин, член правления Государственного банка СССР, профессора Рамзин и Громан, бывший одним из видных экономистов и самых известных в Госплане статистиков, и многие другие известные специалисты[2].

Надлежащим образом проинструктированное самим Сталиным по вопросу о «буржуазных специалистах», ОГПУ подготовило дела, которые должны были продемонстрировать существование сети антисоветских организаций внутри якобы существующей рабоче-крестьянской партии, возглавляемой Кондратьевым, и промышленной партии, возглавляемой Рамзиным. Следователям удалось выбить из некоторых арестованных «признания» как в их контактах с «правыми уклонистами» Рыковым, Бухариным и Сырцовым, так и в их участии в воображаемых заговорах, имеющих целью свергнуть Сталина и советскую власть с помощью антисоветских эмигрантских организаций и иностранных разведок. ОГПУ пошло еще дальше: оно вырвало у двух инструкторов Военной академии «признания» о готовящемся заговоре под руководством начальника Генштаба Красной Армии Михаила Тухачевского. Как свидетельствует письмо, адресованное Сталиным Серго Орджоникидзе, вождь тогда не рискнул сместить Тухачевского, предпочитая другие мишени — «специалистов-саботажников»[3].

Приведенный эпизод ясно показывает, как, начиная с 1930 года, фабриковались дела так называемых террористических групп, включавших представителей антисталинской оппозиции. В тот момент Сталин не мог и не хотел идти дальше. Все провокации и маневры этого момента имели узко определенную цель: полностью скомпрометировать последних его противников внутри партии, запугать всех нерешительных и колеблющихся.

22 сентября 1930 года *«Правда»* опубликовала «признания» 48 чиновников Наркомторга и Наркомфина, которые признали себя виновными «в трудностях с продовольствием и исчезновением серебряных денег». За несколько дней до этого Сталин в письме, адресованном Молотову, таким образом его проинструктировал: «Нам нужно: а) радикально очистить аппарат Наркомфина и Государственного банка, несмотря на крики сомнительных коммунистов типа Пятакова-Брюханова; б) расстрелять два или три десятка проникших в аппарат саботажников. <...> в) продолжать на всей территории СССР операции ОГПУ, имеющие целью возвращение в обращение серебряных денег». 25 сентября 1930 года 48 специалистов были казнены[4].

В последующие месяцы состоялось несколько аналогичных процессов. Некоторые из них происходили при закрытых дверях, такие, например, как процесс «специалистов ВСНХ» или о «рабоче-крестьянской партии». Другие процессы были публичными, например, «процесс промпартии», в ходе которого восемь человек «признались» в том, что создали обширную сеть, состоящую из двух тысяч специалистов, чтобы на деньги иностранных посольств органи-

*Н.Д. Кондратьев (1892—1938), экономист. Автор теории больших циклов конъюнктуры, смена которых связана с качественными изменениями в хозяйственной жизни *общества.(Прим.ред.)*

зовать экономический переворот. Эти процессы поддержали легенду о сабота же и заговорах, которые были столь важны для укрепления сталинской идеоло гии.

За четыре года, с 1928 по 1931 год, 138 000 специалистов промышленности и управленческого аппарата оказались выключенными из жизни общества, 23 000 из них были списаны по первой категории («враги советской власти») и лишены гражданских прав[5]. Травля специалистов приняла огромные размеры на предприятиях, где их заставляли необоснованно увеличивать выпуск продукции, отчего росло число несчастных случаев, брака, поломок машин. С января 1930 до июня 1931 года 48% инженеров Донбасса были уволены или арестованы: 4 500 «специалистов-саботажников» были «разоблачены» в первом квартале 1931 года в одном только секторе транспорта. Выдвижение целей, которые заведомо не могут быть достигнуты, приведшее к невыполнению планов, сильному падению производительности труда и рабочей дисциплины, к полному игнорированию экономических законов, закончилось тем, что надолго расстроило работу предприятий.

Кризис обозначился в грандиозных масштабах, и руководство партии вынуждено было принять некоторые «корректирующие меры». 10 июля 1931 года Политбюро решило ограничить преследование спецов, ставших жертвами объявленной на них в 1928 году охоты. Были приняты необходимые меры: немедленно освобождено несколько тысяч инженеров и техников, в основном в металлургической и угольной промышленности, прекращена дискриминация в доступе к высшему образованию для детей интеллигенции, ОПТУ запретили арестовывать специалистов без согласия соответствующего наркомата. Даже простое перечисление этих мер показывает масштаб предшествующих преследований, жертвами которых стали со времен шахтинского дела десятки тысяч инженеров, агрономов, техников и администраторов всех уровней[6].

Среди других социальных групп, отправленных на обочину «нового социалистического общества», было также и духовенство. В 1929—1930 годах начинается второе большое наступление Советского государства на духовенство, следующее после антирелигиозных репрессий 1918—1922 годов. В конце 20-х годов, несмотря на осуждение некоторыми высшими иерархами духовенства «верноподданнического» по отношению к советской власти заявления митрополита Сергия, преемника патриарха Тихона, влияние Православной церкви в обществе оставалось достаточно сильным. Из 54 692 действующих в 1914 году церквей в 1929 году оставалось 39 000[7]. Емельян Ярославский, председатель основанного в 1925 году Союза воинствующих безбожников, признавал, что только около 10 миллионов человек из 130 миллионов верующих «порвали с религией».

Антирелигиозное наступление 1929—1930 годов разворачивалось в два этапа. Первый — весной и летом 1929 года — был отмечен ужесточением действия антирелигиозного законодательства периода 1918—1922 годов. 8 апреля 1929 года было издано постановление, усиливающее контроль местных властей за духовной жизнью прихожан и добавляющее новые ограничения в деятельности религиозных объединений. Отныне всякая деятельность, выходящая за рамки «удовлетворения религиозных потребностей», попадала под действие закона об уголовной ответственности, в частности, 10 параграфа 58 статьи Уголовного кодекса, предусматривающего наказание от трех лет тюремного заключения и до смертной казни за «использование религиозных предрассудков для ослабле-

ния государства». 26 августа 1929 года правительство установило пятидневную рабочую неделю — пять дней работы и один день отдыха, выходной; таким образом, указ устранял воскресенье как день отдыха для всех групп населения. Эта мера должна была помочь «искоренению религии»[8].

Но эти законы и постановления были только прелюдией к прямым действиям в отношении церкви, ко второму этапу наступления на церковь. В октябре 1929 года было приказано снять церковные колокола: «Колокольный звон нарушает право широких атеистических масс городов и деревень на заслуженный отдых». Служители культа были приравнены к кулакам: задавленные налогами (которые в 1928—1930 годах возросли в десять раз), лишенные всех гражданских прав, что означало в первую очередь лишение продовольственных карточек и бесплатного медицинского обслуживания, они стали также подвергаться арестам, высылке или депортации. Согласно существующим неполным данным, более 13 тысяч служителей культа были репрессированы в 1930 году. В большинстве деревень и городов коллективизация началась с символического закрытия церкви, «раскулачивания попа». Весьма симптоматично, что около 14% бунтов и крестьянских волнений, зарегистрированных в 1930-х годах, имели первопричиной закрытие церкви и конфискацию колоколов. Антирелигиозная кампания достигла своего апогея зимой 1929—1930 годов[9]. К 1 марта 1930 года 6715 церквей были закрыты, часть из них разрушена. Однако после знаменитой статьи Сталина *Головокружение от успехов* резолюция Центрального, комитета ВКП(б) цинично осудила «недопустимые отклонения в борьбе против религиозных предрассудков» и, в частности, закрытие церквей без согласия прихожан. Это была чисто формальная отговорка со стороны властей, ибо она не имела никакого положительного влияния на судьбы сосланных служителей культа.

В последующие годы открытое активное наступление против церкви сменилось негласным, но жестким административным преследованием духовенства и верующих. Свободно трактуя шестьдесят восемь пунктов Постановления от 8 апреля 1929 года, превышая свои полномочия при закрытии церквей, местные власти продолжали вести борьбу под различными «благовидными» предлогами: старые, обветшавшие или «находящиеся в антисанитарном состоянии здания» церквей, отсутствие страхования, неуплата налогов и других многочисленных поборов выставлялись как достаточные основания для оправдания действий властей. Лишенные гражданских прав и духовного влияния, без возможности зарабатывать на жизнь, подведенные под категорию «паразитические элементы, живущие чужими доходами», некоторые служители культа вынужденно превращались в «бродячих попов», ведущих подпольную жизнь вне общества. Кроме того, внутри самой церкви возникло сектантство: так, не согласные с верноподданнической политикой митрополита Сергия, часть верующих откололась от официальной церкви, особенно в Тамбовской и Воронежской областях.

Например, прихожане Алексея Буя, епископа из Воронежа, арестованного в 1929 году по причине его непримиримого отношения к идее любого компромисса церкви с государством, организовали свою собственную, «Истинно православную церковь» с собственным духовенством, часто «бродячим», отступившим от церкви, послушной митрополиту Сергию. Адепты «раскольнической церкви», у которых не было собственных культовых зданий, собирались на моление в самых различных местах: в частных домах, в пустынных местах, в пещерах[10]. Эти «истинно православные христиане», как они себя называли, подвергались усиленным репрессиям; тысячи из них были арестованы и отправле-

ны на спецпоселение или в лагеря. Что касается Православной церкви в целом, то число служителей и мест проведения служб сильно уменьшилось под постоянным давлением властей, несмотря на то, что перепись населения 1937 года, позднее засекреченная, показала наличие 70% верующих в стране. На 1 апреля 1936 года в СССР оставалось только 15 835 действующих православных церквей (28% от числа действовавших до революции), 4 830 мечетей (32% от числа дореволюционных) и несколько десятков католических и протестантских храмов. При перерегистрации служителей культа их число оказалось равным 17 857 вместо 112 629 в 1914 году и около 70 000 в 1928 году. Духовенство стало, согласно официальной формуле, «осколком умирающих классов»[11].

Кулаки, «спецы» и представители духовенства были не единственными жертвами «антикапиталистической революции» в начале 30-х годов. В январе 1930 года власти начали кампанию по искоренению «частного предпринимательства». Эта операция была направлена против торговцев, ремесленников, а также многих представителей свободных профессий, в целом их было зафиксировано около полутора миллионов. Во времена НЭПа они весьма мирно трудились в «частном секторе». Эти предприниматели, частный капитал которых в торговле не превышал 1000 рублей (98% из них вообще не использовали наемных работников), были мгновенно лишены возможности продолжать свою деятельность из-за увеличения налогообложения в десять раз. Они подверглись конфискации имущества как «деклассированные, паразитические или «социально чуждые элементы», были лишены всех гражданских прав как представители «бывших» или как «члены прежнего класса имущих и царского аппарата». Постановление от 12 декабря 1930 года зафиксировало более 30 категорий *лишенцев:* бывших землевладельцев, бывших торговцев, бывших кулаков, бывших дворян, бывших полицейских, бывших царских чиновников, бывших «владельцев частных предприятий», служителей культа, монахов, монахинь, бывших членов оппозиционных политических партий, бывших белых офицеров и т.д. Дискриминационные меры, жертвами которых стали лишенцы, представлявшие в 1932 году 4% избирателей, составлявшие вместе с семьями 7 миллионов человек, не ограничивались лишением избирательных прав. В 1929—1930 годах их лишили права на жилье, на медицинское обслуживание и на продуктовые карточки. В 1933—1934 годах были приняты еще более строгие меры, возникшие в ходе операций по паспортизации, направленных на чистку городов от «деклассированных элементов»[12].

Срезавшая под корень сельский образ жизни и уничтожившая под корень социальную структуру деревни, насильственная коллективизация породила чудовищную миграцию крестьян в города. Крестьянская Россия превратилась в страну бродяг, *в Русь бродячую.* С конца 1928 по конец 1932 года советские города были наводнены крестьянами, число которых близилось к 12 миллионам — это были те, кто бежал от коллективизации и раскулачивания. Только в Москве и Ленинграде появилось три с половиной миллиона мигрантов. Среди них было немало предприимчивых крестьян, предпочитавших бегство из деревни самораскулачиванию или вступлению в колхозы. В 1930—1931 годах бессчетные стройки поглотили эту весьма неприхотливую рабочую силу. Но начиная с 1932 года власти стали опасаться беспрерывного и неконтролируемого потока населения, который превращал города в подобие деревень, тогда как

властям нужно было сделать их витриной нового социалистического общества; миграция населения ставила под угрозу всю эту, начиная с 1929 года, тщательно разрабатываемую продовольственно-карточную систему, в которой число «имеющих права» на продуктовую карточку увеличилось с 26 миллионов в начале 1930 года до почти 40 к концу 1932 года. Миграция превращала заводы в огромные становища кочевников. По мнению властей, «новоприбывшие из деревни могут вызвать негативные явления и развалить производство обилием прогульщиков, упадком рабочей дисциплины, хулиганством, увеличением брака, развитием преступности и алкоголизмом»[13].

Чтобы победить *стихию,* власти решили в ноябре-декабре 1932 года принять репрессивные меры к нарушителям производственной дисциплины на работе и тем самым попытаться очистить города от «социально чуждых элементов». Постановление от 15 ноября 1932 года предусматривало за прогул следующие меры наказания: немедленное увольнение, лишение продовольственных карточек, выселение нарушителей с места жительства. Его очевидной целью было разоблачение «псевдорабочих». Постановление от 4 декабря 1932 года предоставляло предприятиям право самим решать, кого следует лишить продуктовых карточек, и преследовало цель выявления и удаления всех «мертвых душ» и «паразитов», несправедливо внесенных в муниципальные списки на продовольственные карточки.

Но чуть ли не самым главным стало введение 27 декабря 1932 года внутригосударственного паспорта. Паспортизация населения отвечала многим целям, обозначенным во вступлении к этому закону: ликвидации «социального паразитизма», ограничению проникновения кулаков в города, а также их рыночной деятельности, ограничению исхода сельского населения, сохранению чистоты городов. Все взрослые городские жители, т.е. лица, достигшие шестнадцати лет, не лишенные гражданских прав, железнодорожники, строительные рабочие, имеющие постоянный заработок, работники государственных сельскохозяйственных предприятий получили паспорта, выданные специальными службами. Но эти паспорта были действительны только при наличии прописки. *Прописка* определяла преимущества городского жителя: наличие продуктовой карточки, социального страхования, права на жилье. Города были разделены на две категории: «закрытые» и «открытые». «Закрытые» города — Москва, Ленинград, Киев, Одесса, Минск, Владивосток, Харьков, Ростов-на-Дону — имели привилегированное положение с точки зрения снабжения. Прописку в «закрытом» городе можно было получить либо родившись в нем, либо вступив в брак с жителем этого города, либо устроившись на работу «за прописку». В «открытых» городах прописку получить было легче*.

В течение 1933 года было выдано 27 миллионов паспортов, при этом паспортизация сопровождалась операциями по «очистке» городов от нежелательных категорий населения. Начавшаяся в Москве 5 января 1933 года первая неделя паспортизации работающих на двадцати промышленных предприятиях столицы помогла «выявить» 3 450 бывших белогвардейцев, бывших кулаков и других «чуждых и преступных элементов». В закрытых городах около 385 000 человек не получили паспортов и были вынуждены покинуть места прожива-

* Здесь: города, в которых трудно было получить прописку. Понятие «закрытый город» в СССР применялось к городам, въезд в которые был возможен только по специальному разрешению. *(Прим. ред.)*

ния в срок до десяти дней с запретом на устройство в другом городе, даже «открытом». «Надо, конечно же, добавить к этой цифре, — отчитывался в своем докладе начальник паспортного режима НКВД от 13 августа 1934 года, — тех, кто при объявлении операции по паспортизации сами предпочли покинуть города, зная, что они не смогут получить паспорт. В Магнитогорске, например, город покинуло 35 000 человек В Москве в ходе двух последних месяцев население уменьшилось на 60 000 человек. В Ленинграде за один месяц из города исчезло 54 000. «Открытые» города в результате операции были очищены более чем от 420 000 человек[14].

Милицейский контроль и массовые облавы на людей без документов способствовали изгнанию сотен тысяч человек В декабре 1933 года Генрих Ягода приказал своим службам «производить чистки» на вокзалах и рынках «закрытых» городов каждую неделю. В ходе первых восьми месяцев 1934 года в одних только «закрытых» городах более 630 000 тысяч человек были задержаны за нарушения паспортного режима. Среди них были посажены без суда и следствия, а затем высланы по графе «деклассированные элементы» 65 661 человек, 3596 предстали перед судом и 175 627 высланы без статуса спецпоселенцев; были и такие, кто отделался обычным штрафом[15].

В течение 1933 года были проведены наиболее впечатляющие операции «по паспортизации»: с 28 июня по 3 июля арестовали и депортировали к местам работы в Сибирь 5470 цыган из Москвы[16]. С 8 по 12 июля были арестованы и депортированы 4750 «деклассированных элементов» из Киева; в апреле, июне и июле 1933 года произведены облавы и высылка трех составов «деклассированных элементов из Москвы и Ленинграда», что составило в целом более 18 000 человек[17]. Первый из этих составов оказался на острове Назино, где за один месяц погибло две трети депортированных.

О том, как устанавливалась личность отдельных «деклассированных элементов», партийный инструктор из Нарыма писал в своем уже цитированном выше докладе:

> «Я бы мог привести массу примеров неоправданной депортации людей. Беда еще в том, что среди прибывших на трудовое поселение есть случайные наши элементы — рабочие, партийцы. Главная их масса умерла, потому что была менее приспособлена к условиям...
>
> Новожилов Владимир, из Москвы. Завод «Компрессор». Шофер, три раза премирован. Жена и ребенок в Москве. Окончил работу, собрался с женой в кино, пока она одевалась вышел за папиросами, не взяв с собой документы, и был взят.
>
> Виноградова, колхозница. Ехала к брату в Москву. Брат — начальник милиции 8 отделения. Взята по выходу из поезда в Москве.
>
> Войкин, Ник. Вас. Член КСМ с 1929 г. рабочий фабрики «Красный Текстильщик» в Серпухове. <...> Три раза премирован. В выходной день ехал на футбольный матч. Паспорт оставил дома. Взят.
>
> Матвеев И.М. Рабочий постройки хлебозавода № 9. Имел паспорт до декабря 1933 г. как сезонник. Взят с паспортом. По его словам, даже паспорт никто не захотел смотреть[18].

«Чистка» городов в 1933 году сопровождалась другими операциями в том же духе. На железнодорожном транспорте, отрасли стратегически важной, которой руководил железной рукой сначала Андреев, а затем Каганович, *8%* личного состава, т.е. около 20 000 человек были «вычищены» весной 1933 года.

О том, как разворачивалась одна из таких операций, читаем в отрывке из доклада начальника транспортного отдела ОГПУ «Об устранении контрреволюционных и антисоветских элементов на железных дорогах» от 5 января 1933 года:

> «Мероприятия по очистке транспорта по всем объектам 8-го Эксплуатационного] района, т[аким] о[бразом] ОГПУ выразились следующим:
>
> Предпоследняя чистка, в порядке оперативного изъятия (арест и суд) 700 чел[овек], из них: хитителей ж[елезно]-д[орожных] грузов: 325; уголовники и хулиганы: 221; бандитский элемент: 27; контрреволюционная] деятельность: 127.
>
> По делам шаек хитителей ж[елезно]-д[орожных] грузов расстреляно: 73 чел[овека].
>
> В порядке последней чистки транспорта <...> 200 человек арестовано, преимущественно] кулацкий элемент. Кроме того, удалено с транспорта путем увольнения — 300 чел[овек]. Таким образом, за последние 4 месяца удалено с транспорта 1270 чел[овек]. Чистка продолжается»[19].

Весной 1934 года правительство предпринимает репрессивные меры в отношении малолетних беспризорников и хулиганов, число которых в городах значительно возросло в период голода, раскулачивания и ожесточения социальных отношений. 7 апреля 1935 года Политбюро издало указ, в соответствии с котороым предусматривалось «привлекать к суду и применять необходимые по закону санкции к подросткам, достигшим 12 лет, уличенным в грабежах, насилии, нанесении телесных повреждений, членовредительстве и убийствах». Спустя несколько дней правительство направило в прокуратуру секретную инструкцию, где уточнялись уголовные меры, которые следует применять в отношении подростков, в частности, там было сказано, что следует применять любые меры, «включая высшую меру социальной защиты», иначе говоря — смертную казнь. Таким образом, прежние параграфы Уголовного кодекса, в которых запрещалось присуждать к смертной казни несовершеннолетних, были отменены[20]. Одновременно НКВД предписано было реорганизовать «приюты и дома призрения» для несовершеннолетних, находившиеся в ведении Народного комиссариата просвещения, и развивать сеть трудовых колоний для малолетних.

Однако размах детской преступности и беспризорничества был слишком велик, и эти меры не дали никакого результата. В докладе «О ликвидации преступности несовершеннолетних в период с 1 июля 1935 г. по 1 октября 1937 г.» отмечалось:

«Несмотря на реорганизацию сети приемников, ситуация не улучшилась <...>

В 1937 г. наблюдается, начиная с февраля месяца, значительный приток безнадзорных детей из сельских местностей в районах и областях, пораженных частичным недородом 1936 года. <...>

Уход такого большого числа детей из-за временной материальной нужды в семье обусловлен не только плохой организацией своевременной материальной помощи нуждающимся семьям через колхозные кассы взаимопомощи, но и прямым попустительством со стороны председателей целого ряда правлений колхозов, которые с целью избавиться от нищенствующих детей, снабжали детей всевозможными «справками о бедности и бездомности» и направляли их в ближайшие города и станции ж[елезных] д[орог]. <...>

Администрация железных дорог и железнодорожная охрана, вместо задержания и передачи в приемники-распределители НКВД беспризорных детей, насильно сажает их в мимо проходящие поезда, чтобы «очистить свой участок от беспризорных» <...> и беспризорные скопляются в больших городах»[21].

Несколько цифр помогут представить размах этого явления. В течение только одного 1936 года более 125 000 малолетних бродяг прошли через НКВД; с 1935 по 1939 год более 155 000 малолетних были упрятаны в колонии НКВД. 92 000 детей в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет прошли через судебные органы только за 1936—1939 годы. К 1 апреля 1939 года более 10 000 малолетних были вписаны в систему лагерей ГУЛАГа[22].

В первой половине 30-х годов размах репрессий, которые осуществлялись государством и партией против общества, то набирал силу, то немного ослабевал. Серии террористических актов и чисток с последующим затишьем позволяли сохранять определенное равновесие, каким-то образом организовать тот хаос, который мог бы породить постоянное противостояние или, хуже того, незапланированный поворот событий.

Весна 1933 года стала кульминационной точкой в ходе первого цикла террористических операций, начавшихся в 1929 году с раскулачивания. Власти тогда действительно столкнулись с непредвиденными проблемами. И прежде всего с тем, как в местностях, опустошенных голодом и чистками, организовать полевые работы для обеспечения будущего урожая. «Если мы не примем во внимание минимальные нужды колхозников, — предупреждал осенью 1932 года один деятель районного комитета партии, — некому будет сеять и убирать».

Далее надо было решить, что делать с тысячами недовольных режимом, которые заполнили тюрьмы и которых даже невозможно было использовать на каких-либо работах. «Какой эффект могут дать новые репрессивные меры?» — вопрошал другой ответственный партиец в марте 1933 года, когда стало известно о предложении прокуратуры освободить сотни колхозников, приговоренных за последние месяцы к двум и более годам лишения свободы за «срыв посевной кампании».

Эти проблемы получили в течение лета 1933 года два различных преломления, чередование и хрупкое равновесие которых характеризуют период с лета 1933 по осень 1936 года, т.е. период до начала Большого террора.

Вопрос о том, как провести в опустошенных голодом и раскулачиванием районах полевые работы и обеспечить будущий урожай, власти решили, мобилизовав городское население; начали они с массовых облав на «рабочую силу», которая отсылалась в деревню *manu militari.*

«Мобилизация городских жителей, — писал 20 июля 1933 года итальянский консул из Харькова, — приняла грандиозные размеры. <...> На этой неделе, по крайней мере, 20 000 человек посылаются ежедневно в деревню. <...> Позавчера был окружен базар, захвачены все здоровые люди: мужчины, женщины, подростки обоего пола и отвезены на вокзал под охраной ОПТУ — для отправки на поля»[23].

Массовый наплыв городских жителей в голодные деревни не мог не создать там определенного напряжения. Крестьяне поджигали бараки, где предполагалось расселить «мобилизованных», которых, конечно же, проинструкти-

* Вооруженной рукой *(лат).*

ровали, как вести себя в местностях, «населенных людоедами». Тем не менее исключительно благоприятные погодные условия, мобилизация свободной рабочей силы и буквально желание выжить, заставлявшее людей работать на земле, обеспечили осенью 1933 года вполне приличный урожай.

Вопрос о том, что делать с потоком заключенных, заполняющих тюрьмы, власти решили весьма прагматически — освобождая десятки тысяч человек. Специальное постановление Центрального комитета от 8 мая 1933 года признало необходимость «навести порядок в неизвестно кем произведенных арестах», разгрузить места заключения и «снизить в двухмесячный срок общее число заключенных с 800 000 до 400 000»[24], за исключением находящихся в лагерях. Операция по разгрузке мест заключения длилась около года, и приблизительно 320 000 арестованных были освобождены.

1934 год с точки зрения проведения репрессий был относительно спокойным. Об этом свидетельствует сильное уменьшение числа приговоренных подследственных ОГПУ, которое упало до 79 000 против 240 000 в 1933 году[25]. Политическая полиция была реорганизована. Согласно указу от 10 июля 1934 года ОГПУ стало одним из отделов нового Народного комиссариата внутренних дел, организованного в качестве всесоюзного. Теперь ОГПУ могло бы показаться почти затерянным среди менее опасных отделов, таких как рабоче-крестьянская милиция, пограничники и т.д., тем более что было изменено его название. Называясь теперь *Народным комиссариатом внутренних дел* или сокращенно НКВД, секретные органы потеряли часть своих юридических привилегий; по окончании следствия дела надо было «передавать в компетентные судебные органы», и они не имели больше возможности «приговаривать к смертной казни» без разрешения центральной политической власти. Создана была также процедура апелляции, а все списки приговоренных к смерти утверждались на Политбюро.

Эти перемены, представленные как «меры по укреплению социалистической законности», имели, однако, весьма ограниченную эффективность. Контроль за ордерами на аресты, подписанными прокуратурой, оказался невозможным, потому что генеральный прокурор Вышинский дал всю полноту власти репрессивным органам. С другой стороны, начиная с сентября 1934 года Политбюро приостановило им же утвержденную недавно процедуру рассмотрения приговоров к высшей мере и разрешило ответственным представителям местной власти не обращаться за утверждением таких приговоров к Москве. Но затишье длилось недолго.

1 декабря 1934 года произошло убийство Сергея Кирова, члена Политбюро и первого секретаря Ленинградской партийной организации. Убийцей оказался молодой экзальтированный коммунист Леонид Николаев, которому удалось с оружием проникнуть в Смольный, где размещались руководящие органы Ленинградской партийной организации.

В последующие годы гипотеза о прямом участии Сталина в убийстве его главного «политического соперника» подтвердилась в разоблачительной речи Хрущева, в его так называемом «закрытом докладе», сделанном в ночь с 24 на 25 февраля 1956 года на XX съезде партии. Однако эта гипотеза недавно была опровергнута в работе Аллы Кириллиной[26], которая опиралась на неопубликованные архивные данные. Из этого тем не менее не следует, что убийство Кирова не было на руку Сталину и не было им широко использовано в политических целях. Сталин сумел пустить в ход саму идею постоянного наличия заговора —

она позволяла поддерживать атмосферу кризиса и напряжения в стране. В любой момент заговор мог стать вполне осязаемым доказательством реального существования обширной конспиративной организации, угрожающей стране, ее правительству и социализму. Отныне всегда под рукой было блестящее объяснение слабостей системы: если что-то было не в порядке в стране, если жизнь трудна — а ведь, согласно Сталину, «жить стало лучше, жить стало веселее», — значит, вина лежит на убийцах Кирова.

Несколько часов спустя после убийства был издан декрет, известный как «Закон от 1 декабря». Эта необычная мера была принята по личному распоряжению Сталина, и только через два дня она была обсуждена на Политбюро, поддержавшем сокращение до десяти дней разбирательство дел террористов, обсуждение дел в отсутствии сторон, также, как немедленное исполнение приговора о смертной казни. Этот закон, отменивший «длительные», растянувшиеся на несколько месяцев, судебные процедуры, должен был стать идеальным инструментом в развязывании Большого террора[27].

В последовавшие за этим событием недели большое число бывших сталинских оппозиционеров внутри партии были обвинены в террористической деятельности. 22 декабря 1934 года пресса сообщила о «страшном преступлении» подпольной террористической группы, в которую, кроме Николаева, оказывается, входило еще 13 «бывших зиновьевцев», руководимых так называемым Ленинградским центром. Все члены этой группы были осуждены при закрытых дверях и немедленно расстреляны 28 и 29 декабря. 9 января 1935 года открылся процесс мифической «Ленинградской контрреволюционной зи-новьевской группы», включающей 77 человек, среди которых были многие известные партийные деятели, оказывавшие сопротивление сталинскому курсу; все они были приговорены к тюремному заключению. Разоблачение «Ленинградского центра» помогло выявить «Московский центр», в который входило 19 человек и лично Зиновьев и Каменев; они были обвинены в «идеологическом соучастии», сопричастности к убийству Кирова и осуждены 16 января 1935 года. Зиновьев и Каменев признали, что «прежняя деятельность оппозиции могла в силу объективных обстоятельств способствовать вырождению этих коммунистов в преступников». Ошеломляющее признание своей «идейной сопричастности», которое прозвучало после стольких раскаяний и публичных отрицаний, должно было представить двух бывших руководителей как искупительную жертву в будущей пародии на правосудие. А пока это им стоило пяти и десяти лет заключения. В общем, за два месяца —с декабря 1934 по февраль 1935 года — в соответствии с новой процедурой, предусмотренной Законом о терроризме от 1 декабря, было осуждено 6 500 человек[28].

На следующий день после приговора Зиновьеву и Каменеву Центральный комитет рассылает во все партийные организации секретное распоряжение, озаглавленное: «Уроки событий, связанных с подлым убийством товарища Кирова». В этом тексте говорилось о существовании заговора, руководимого •двумя зиновьевскими центрами» <...>, которые на самом деле «являются замаскированной формой белогвардейской организации», и напоминалось, что история партии была и остается постоянной борьбой с «антипартийными группами» троцкистов, демократических центристов, правых уклонистов, право-левацких уклонистов и т.п. Под подозрение попадают все те, кто когда бы то ни было высказывался против сталинской линии. Охота на бывших оппозиционеров усилилась. В конце января 1935 года 988 сторонников Зиновьева были

высланы из Ленинграда в Сибирь. Центральный комитет приказал всем местным партийным организациям составить списки коммунистов, исключенных из партии в 1926—1928 годах за принадлежность к троцкистскому и троцкист-ко-зиновьевскому блоку. На базе этих списков были потом произведены аресты. В мае 1935 года Сталин разослал в местные партийные инстанции новое письмо Центрального комитета, предписывающее тщательную проверку личного дела каждого коммуниста.

Согласно официальной версии убийство Кирова было совершено преступником, проникшим в Смольный с фальшивым партийным билетом, что определяло крайнюю необходимость и «огромную политическую важность» кампании по обмену партийных билетов. Кампания эта длилась более шести месяцев при участии НКВД, ибо оно доставляло в партийные инстанции дела «сомнительных» коммунистов, а партийные организации в свою очередь сообщали НКВД данные об исключенных из партии во время кампаний по обмену партбилетов. В ходе этой кампании из партии было исключено 9% членов, что составляет 250 000 человек[29]. Согласно данным, доложенным на пленуме Центрального комитета, собранном в декабре 1935 года начальником центрального отдела кадров Николаем Ежовым, отвечавшим за данную операцию, 15 218 исключенных из партии «врагов» были арестованы в ходе этой кампании. Но эта чистка, по мнению Ежова, разворачивалась не так, как следовало бы. Она длилась в три раза дольше, чем это было запланировано, и «проходила вяло, на грани саботажа» из-за большого числа устроившихся в аппарате бюрократических элементов. Несмотря на неоднократные призывы центральных властей разоблачать троцкистов и зиновьевцев, только 3% исключенных принадлежали к этой категории. Местные партийные руководители не слишком охотно шли на контакт с органами НКВД и не так быстро давали центру свои списки людей, которых необходимо выслать по административным соображениям. Короче говоря, Ежов в ходе кампании по обмену партийных билетов установил, что «круговая порука» местных органов партии препятствует эффективному контролю со стороны центральных властей над тем, что реально происходит в стране[30]. Это был очень важный урок, о котором Сталин потом вспомнит.

Волна террора, поднявшаяся на следующий день после убийства Кирова, охватила не только бывших оппозиционеров сталинской линии внутри партии. Под предлогом расправы с «белогвардейскими террористическими элементами, пересекшими западную границу СССР», Политбюро 27 декабря 1934 года приняло решение депортировать две тысячи «антисоветских семей» из приграничных районов Украины. 15 марта 1935 года аналогичные меры были приняты «ко всем сомнительным элементам», находящимся на границе с Ленинградом и в автономной республике Карелия, они были отселены в Казахстан и Западную Сибирь. Речь шла в основном о финнах, которые стали первыми жертвами этнической чистки, достигшей во время войны своего апогея. За этой первой большой депортацией десяти тысяч человек по национальному признаку последовала вторая, весной 1936 года, коснувшаяся 15 000 семей поляков и украинских немцев, которые были переселены в Казахстан, в район Караганды, и размещены в колхозах[31].

Как свидетельствуют цифры (они подняты из дел НКВД), репрессии набирали силу (267 000 в 1935 году, 274 000 в 1936 году[32]). Но в эти же годы были также осуществлены некоторые меры по ослаблению репрессий; так, напри-

мер, уничтожение категории лишенцев, отмена наказаний для приговоренных к пяти годам заключения колхозникам, досрочное освобождение 37 000 человек, осужденных законом от 7 августа 1932 года, восстановление гражданских прав спецпоселенцев, отмена дискриминации в отношении прав на высшее образование для детей депортированных. Однако принятые меры были противоречивыми. Так, депортированные кулаки, будучи восстановленными в своих гражданских правах, на самом деле не имели права покидать места своего проживания. Если бы они действительно были восстановлены в правах, то должны были бы вернуться в свои деревни, что повлекло бы за собой ряд неразрешимых проблем для властей. Можно ли разрешить им вступать в колхоз? И где им жить, поскольку их дома и имущество конфискованы? В логике репрессий возможны были только паузы, но не могло быть никакого отступления назад.

Напряженные отношения между режимом и обществом возрастали и по мере развития поддержанного властями стахановского движения, родившегося из знаменитого «рекорда» Алексея Стаханова, который в 14 раз увеличил добычу угля «благодаря замечательной организации работы бригады» и тем самым продвинул далеко вперед производительность труда. В ноябре 1935 года, два месяца спустя после знаменитого стахановского рекорда, Сталин подчеркнул «глубоко революционный характер движения, освобожденного от консерватизма инженеров, техников и руководителей предприятия». Началась организация дней, недель, декад стахановского движения, которые надолго расстраивали производство: оборудование разрушалось, несчастные случаи на работе умножались, после «рекордов» следовал длительный застой и упадок производительности труда. Покончив с преследованием «спецов» в 1928—1931 годах, власти вновь начали приписывать экономические трудности так называемым вредителям, проникшим в кадры инженеров и специалистов. Одно неосторожное слово, брошенное на встрече стахановцев, сбой в ритме соцсоревнования, производственный конфликт рассматривались как контрреволюционные действия. В ходе первого квартала 1936 года более 14 тысяч промышленных кадров были арестованы за вредительство. Сталин использовал стахановское движение для ужесточения политических репрессий, для того, чтобы поднять новую волну террора, который вошел в историю как Большой террор.

10

Большой террор (1936 — 1938)

Очень много уже написано о Большом терроре, о том, что советские люди называли ежовщиной. За период с сентября 1936 по ноябрь 1938 года, когда органы НКВД возглавлял Николай Ежов, разразились беспрецедентные репрессии, затронувшие все слои населения: от руководителей Политбюро до простых советских граждан, которых арестовывали на улицах только для того, чтобы обеспечить «квоту подлежащих подавлению контрреволюционных элементов». В течение последующих десятилетий трагедия Большого террора замалчивалась. На Западе вспоминают только три показательных процесса, которые состоялись в Москве в августе 1936 года, в январе 1937 года и марте 1938 года. В их ходе наиболее выдающиеся соратники Ленина (Зиновьев, Каменев, Крестинский, Рыков, Пятаков, Радек, Бухарин и др.) признались в своих злодеяниях: в организации террористических центров, повинующихся троц-кистам-зиновьевцам или право-троцкистам, имеющим целью свержение советской власти, убийство руководителей, реставрацию капитализма, осуществление актов вредительства, разрушение военной мощи СССР, расчленение Советского Союза в пользу иностранных государств и отделение от России Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, советского Дальнего Востока.

Потрясающим событием были московские процессы; именно они стали той сценой, на которую было направлено внимание приглашенных иностранных наблюдателей, и они не заметили того, что было за кулисами: массовых репрессий людей любых социальных категорий. Для этих наблюдателей уже прошло почти не замеченным раскулачивание, голод, развитие системы лагерей, и годы 1936—1938 стали только последним действием в политической борьбе, избавившей Сталина от его главных соперников; это годы последних столкновений между бюрократией сталинского термидора и «старой ленинской гвардией», хранившей верность ленинским революционным начинаниям.

Освещая основные темы работы Троцкого *Преданная революция,* появившейся в 1936 году, обозреватель французской ежедневной газеты *«Le Temps»* писал 27 июля 1936 года:

«Русская революция переживает свой термидор. Сталин познал всю бессодержательность чистой марксистской идеологии и мифа о мировой революции. Хороший социалист, он, прежде всего, патриот и понимает всю опасность, которой избегла страна, отойдя от идеологии этого мифа. Он, вероятно, мечтает о просвещенном деспотизме, о своего рода патернализме, конечно, далеко отошедшем от капитализма, но также весьма далеком от химер коммунизма».

«L'Echo de Paris» попыталась выразить ту же мысль более образно и менее уважительно к этой персоне (30 января 1937 года):

«Низколобый грузин стал, сам того не желая, прямым наследником Ивана Грозного, Петра Великого и Екатерины II. Он уничтожает своих противников — революционеров, верных своей дьявольской вере, снедаемых постоянной невротической жаждой разрушения»[1].

Следовало дождаться доклада Хрущева на XX съезде партии 25 февраля 1956 года, чтобы поднялась завеса над «многочисленными актами нарушения социалистической законности», совершенными в 1936—1938 годах по отношению к руководителям и членам партии. В последующие годы некоторое число ответственных работников, в частности военных, было реабилитировано. Но власти по-прежнему хранили молчание по поводу жертв среди «простых людей». Правда, на XXII съезде КПСС в октябре 1961 года Хрущев публично признал массовые репрессии, постигшие простых советских граждан, но он ничего не сказал о масштабах этих репрессий, за которые наряду с прочими руководителями непосредственно отвечал и он сам.

В конце 60-х годов историк Роберт Конквест, опираясь на свидетельства попавших на Запад советских людей, на советские публикации периода «хрущевской оттепели», на эмигрантскую печать, смог восстановить в общих чертах политическую интригу Большого террора; при этом он прибег к смелым и порой рискованным экстраполяциям по поводу механизмов принятия решений и сильно переоценил количество жертв[2].

Работа Роберта Конквеста положила начало множеству дискуссий, в частности, о централизации террора, о роли Сталина и Ежова, о числе жертв. Некоторые историки из американской ревизионистской школы оспаривают идею, согласно которой Сталин планировал развитие событий в период с 1936 по 1938 год. Настаивая на усилившемся напряжении между центральной властью и местным аппаратом, все более и более мощным, так же, как на бесконтрольном расширении репрессий, они объяснили их исключительный размах в 1936—1938 годах тем фактом, что, желая предотвратить удар, который был предназначен ему самому, местный аппарат направлял террор против многочисленных «козлов отпущения», демонстрируя тем самым Центру свою бдительность и непримиримость в борьбе против разнообразных «врагов»[3].

Другой точкой разногласий является число жертв. Для Конквеста и его учеников Большой террор — это, по крайней мере, 6 миллионов арестованных, 3 миллиона казненных и 2 миллиона похороненных в лагерях. Историкам ревизионистской школы эти цифры кажутся чересчур завышенными.

Открытие, пока частичное, советских архивов позволяет сегодня расставить точки над i при исследовании Большого террора. Речь идет не о том, чтобы переписать на нескольких страницах необычайно сложную и трагическую историю двух самых кровавых лет советского режима, но о том, чтобы прояснить вопросы, возникшие в течение последних лет, поспорить, в частности, о степени централизации террора, о затронутых им социальных категориях и числе жертв.

Что касается хода террора, то все доступные сегодня документы Политбюро[4] утверждают, что массовые репрессии явились результатом решений высоких партийных инстанций, в частности Политбюро и самого Сталина. Исторический анализ организации, а затем и кровавого развития репрессивных операций, «ликвидации бывших кулаков, преступных и других антисоветских элементов»[5], которые имели место в период с августа 1937 по май 1938 года, позволяет проследить роль Центра и местных парторганизаций, а также логи-

ку этих операций, призванных полностью решить проблему, которая не была до конца решена в предшествующие годы.

В течение 1935—1936 годов на повестке дня стоял вопрос о дальнейшей судьбе насильно выселенных раскулаченных. Несмотря на запрет покидать место, к которому они были приписаны, о чем им постоянно напоминали, спецпоселенцы все чаще и чаще появлялись среди свободных трудящихся. В докладе, датируемом августом 1936 года, Рудольф Берман, начальник ГУЛАГа, писал: «Многие спецпереселенцы, работавшие на протяжении нескольких лет в смешанных бригадах с вольнонаемными рабочими, пользуются «довольно свободным режимом». <...> Становится все сложнее их вернуть на место жительства. Они приобрели специальность, администрация предприятия не намерена их отпустить, они ухитрились добыть паспорт, женились на вольнонаемных, имеют свое хозяйство...»[6].

Многочисленные спецпоселенцы, приписанные к месту жительства возле больших промышленных предприятий, имели тенденцию растворяться в местном рабочем классе; были и такие, кто старался убежать подальше. Большое число беглецов без документов присоединялось к бандам «социальных отщепенцев» и хулиганов, все чаще встречавшихся вблизи городов. Проверка, произведенная осенью 1936 года в некоторых комендатурах, обнаружила нетерпимую, с точки зрения властей, ситуацию: так, в районе Архангельска на месте осталось только 37 000 поселенцев из 89 700, которым следовало бы здесь жить.

Навязчивая идея о «кулаке-саботажнике, просочившемся на предприятие», и «кулаке-бандите, бродящем вокруг города», поясняет, почему именно эта категория в первую очередь должна была стать искупительной жертвой в большой операции, проведенной Сталиным с начала июля 1937 года.

2 июля 1937 года Политбюро направило местным властям телеграмму с приказом «немедленно арестовать всех бывших кулаков и уголовников <...>, расстрелять наиболее враждебно настроенных из них после рассмотрения их дела тройкой [комиссией, состоящей из трех членов: первого секретаря районного комитета партии, прокурора и регионального руководителя НКВД] и выслать менее активные, но от этого не менее враждебные элементы. <... Центральный комитет предлагает представить ему в пятидневный срок состав троек, а также число тех, кто подлежит расстрелу и выселению».

В последующие недели Центр получил собранные местными властями данные, на базе которых Ежов подготовил приказ № 00447 от 30 июля 1937 года и представил его в тот же день на Политбюро. В рамках предполагаемой операции 259 450 человек должны были быть арестованы, из них 72 950 человек расстреляны[7]. Эти цифры были не окончательными, так как ряд регионов еще не прислал свои «соображения». Как и при раскулачивании, во всех районах были получены из Центра квоты для каждой из двух категорий (1-я категория — расстрел; 2-я категория — закючение на срок от 8 до 10 лет).

Заметим также, что элементы, на которые была направлена эта операция, относились к разнообразным социальным и общественно-политическим группам: рядом с раскулаченными и уголовными элементами фигурировали «элементы социально опасные», члены антисоветских партий, бывшие «царские чиновники», «белогвардейцы» и т.д. Эти ярлыки навешивали на любого подозрительного, принадлежал ли он к партии, был ли выходцем из интеллигенции или из народа. Что касается списков подозрительных, компетентные службы ОПТУ, потом НКВД имели достаточно времени, чтобы подготовить их и при необходимости пускать в ход.

Приказ от 30 июля 1937 года давал местным руководителям право запросить в Москве разрешение на составление дополнительных списков. Семьи приговоренных к лагерным работам или расстрелянных также могли быть арестованы сверх положенной квоты.

С конца августа Политбюро было буквально завалено просьбами о повышении квот. С 28 августа по 15 декабря 1937 года оно утвердило различные предложения по дополнительному увеличению квот в общем до 22 500 человек на расстрел, 16 800 — на заключение в лагеря. 31 января 1938 года оно приняло по предложению НКВД квоту на 57 200 человек, из которых следовало казнить 48 000. Все операции должны были быть закончены к 15 марта 1938 года. Но на и этот раз местные власти, которые были с предыдущего года несколько раз подвергнуты чистке и обновлены, сочли уместным продемонстрировать свое рвение. С 1 февраля по 29 августа 1938 года Политбюро утвердило дополнительные цифры на 90 000 человек.

Таким образом, операция, которая должна была длиться четыре месяца, растянулась более чем на год и коснулась 200 000 человек сверх тех квот, которые были оговорены вначале[8]. Всякий подозреваемый в «плохом» социальном происхождении был потенциальной жертвой. Уязвимы были также все те, кто жил в приграничной зоне или в той или иной степени имел контакты с иностранцами, были ли они военнопленными или родом из семей, эмигрировавших из СССР. Такие люди, а также радиолюбители, филателисты, эсперантисты имели шанс попасть под обвинение в шпионаже. С 6 августа по 21 декабря 1937 года по крайней мере 10 операций того же типа, что проводились по приказу НКВД № 00447, были запущены Политбюро и исполнителем его воли НКВД с целью «ликвидировать» национальность за национальностью как «шпионские и диверсионные группы»: немцев, поляков, японцев, румын, финнов, литовцев, эстонцев, латышей, греков, турок. За 15 месяцев с августа 1937 по ноябрь 1938 года в ходе операций, направленных против «шпионов», многие сотни тысяч были арестованы.

Среди прочих операций, о которых мы располагаем далеко не полной информацией (архивы бывшего КГБ и Архив президента РФ, где хранятся самые конфиденциальные документы, были недоступны для исследователей), перечислим:

—«польскую операцию» (приказ НКВД № 00485, одобренный Политбюро 9 августа 1937 года); в результате этой операции в период с 25 августа 1937 по 15 ноября 1938 года было осуждено 139 085 человек, из них приговорен к смерти 111 091[9];

—операцию по «ликвидации немецких контингентов, работающих на оборонных предприятиях», 20 июля 1937 года;

—операцию по «ликвидации террористической деятельности, диверсий и шпионажа японской сети репатриированных из Харбина», начатую 19 сентября 1937 года;

—операцию по «ликвидации правой военно-японской организации казаков», начатую с 4 августа 1937 года (с сентября по декабрь 1937 года более 19 000 человек были репрессированы в ходе этой операции);

—операцию по репрессиям в отношении семей арестованных врагов народа (№ 00486 от 15 августа 1937 года).

Этого краткого и очень неполного перечня операций, запущенных НКВД по решению Политбюро, достаточно, чтобы подчеркнуть централизованный

характер репрессий, которые велись по приказу Центра местными чиновниками; было ли это раскулачивание, чистка городов, охота на специалистов, они шли планомерно, без резких поворотов и отступлений. После Большого террора только одна комиссия была послана на места в Туркменистан, чтобы провести проверку злоупотреблений в период «ежовщины». В этой маленькой республике (1 300 000 жителей, 0,7% от населения СССР), 13 259 человек были приговорены «тройками» с августа 1937 по сентябрь 1938 года в рамках одной только операции по «ликвидации раскулаченных, преступных и других антисоветских элементов». Из них 4037 человек были расстреляны. Зафиксированные Москвой квоты составляли: 6277 (общее число осужденных) и 3225 (общее число расстрелов)[10]. Можно предположить, что подобные перегибы и злоупотребления имели место и в других регионах страны. Они происходили из указаний о квотах, из запланированных Центром указов, а также из административно-бюрократических методов исполнения, насаждавшихся в течение многих лет, так что на местах как бы старались предвосхитить желания Центра и угадать директивы из Москвы.

Другая серия документов подтверждает централизованный характер утвержденных Сталиным и Политбюро массовых убийств. Речь идет о списках тех, кто приговорен комиссией по судебным делам при Политбюро. Казни обсуждались Военной коллегией Верховного Суда СССР, военным судом или Особым совещанием. Эта комиссия, в состав которой входил Ежов, представила на подпись Сталину и членам Политбюро, по крайней мере, 383 Списка, включающих 44 000 имен руководителей, партийных работников, армейских чинов и экономистов. Более 39 000 из них были приговорены к смертной казни. Подпись Сталина стоит на 362 списках, Молотова — на 373, Ворошилова — на 195, Кагановича — на 191 списке, Жданова — на 177 списках, Микояна — на 62 (11).

Все эти руководители лично отправлялись на места, чтобы вести, начиная с лета 1937 года, чистки местных партийных организаций: так, Каганович был послан «вычищать» Донбасс, районы Челябинска, Ярославля, Иванова, Смоленска. Жданов, «вычистив» *свой* район, т.е. Ленинград, поехал заниматься тем же самым в Оренбурге, Башкирии, Татарстане. Андреев отправился на Северный Кавказ, в Узбекистан и Таджикистан, Микоян — в Армению, Хрущев — на Украину.

Хотя большинство инструкций о массовых репрессиях были подтверждены решениями Политбюро в полном составе, сегодня становятся доступными новые документы, автором и инициатором проведения в жизнь которых на всех уровнях является лично Сталин. Возьмем только один пример: когда 27 августа 1937 года в 17 часов секретариат Центрального комитета получил сообщение Михаила Коротченко, секретаря районного комитета партии из Восточной Сибири, о том, как проходил процесс над агрономами, «виновными во вредительстве», Сталин лично телеграфировал в 17 часов 10 минут: «Я вам советую приговорить вредителей Андреевского округа к смертной казни и опубликовать сообщение об их расстреле в печати»[12].

Все эти документы (протоколы Политбюро, распорядок рабочего дня Сталина, список принятых им в Кремле лиц) стали сегодня доступны и смогли подтвердить, что Сталин давал Ежову подробнейшие инструкции и контролировал его действия. Для инструктажа по делу о «военном заговоре» маршала Тухачевского и других высших военачальников Сталин принимал Ежова ежедневно[13]. На всех этапах «ежовщины» Сталин не ослаблял политического контроля над событиями. Именно он решил назначить Ежова на пост народного

комиссара внутренних дел, послав 25 сентября 1936 года в Политбюро из Сочи знаменитую телеграмму: «Считаю абсолютно необходимым и срочным делом назначение тов. Ежова на пост народного комиссара внутренних дел. Ягода явно оказывается не на высоте задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОПТУ опоздал в этом деле на 4 года». Именно Сталин решил приостановить перегибы НКВД. 17 ноября 1938 года по указу Центрального комитета партии был положен конец, впрочем, на весьма недолгое время, массовым арестам и депортациям. Неделю спустя Ежов был смещен с поста народного комиссара внутренних дел и заменен Берией. Большой террор закончился точно так же, как начался — по приказу Сталина.

Можно ли подвести документированный итог числу и категориям жертв периода «ежовщины»?

Мы располагаем сегодня несколькими сверхконфиденциальными документами, подготовленными для Никиты Хрущева и главных партийных руководителей в период десталинизации, в частности, длинным «списком репрессий, осуществленных в эпоху культа личности», составленным комиссией, созданной по окончании XXII съезда партии под руководством Николая Шверника[14]. Исследователи могут сопоставить эти данные со ставшими сегодня доступными данными из многих других источников, в которых приводится статистика администрации ГУЛАГа, Народного комиссариата юстиции, прокуратуры[15].

Сегодня стало ясно, что только за 1937 и 1938 годы были арестованы НКВД 1 575 000 человек; осуждены за тот же период 1 345 000 (85,4%); а 681 692 (51% от общего числа приговоренных за 1937—1938 годы) были расстреляны.

Процедуры осуждения арестованных были различными для разных групп. Так, дела крупных политиков, военных, экономистов, представителей интеллигенции, т.е. лиц, находящихся на виду и всем известных, обсуждались военными судами и специальными сессиями НКВД. Ввиду обширности проводимых на местах операций правительство в конце 1937 года предписало организовать на региональном уровне так называемые *тройки,* состоящие из прокурора, руководителя НКВД и начальника милиции. Эти тройки действовали необычайно быстро, т.к должны были соответствовать установленным Центром квотам. Для этого достаточно было пустить в ход старые списки подозреваемых ОПТУ. Следствие носило весьма упрощенный характер; «тройки» (а также *двойки,* состоявшие из руководителя местного НКВД и прокурора) пропускали через свои руки сотни дел в день, в «альбомном порядке»[16], как это подтверждает, например, недавняя публикация *Ленинградского мартиролога»,* ежегодника, в котором месяц за месяцем, начиная с августа 1937 года, перечислены репрессированные ленинградцы, арестованные и приговоренные к смерти на основе 58 статьи Уголовного кодекса. Срок между арестом и смертным приговором составлял от нескольких дней до нескольких недель. Смертный приговор без апелляции исполнялся в течение нескольких дней. В большинстве репрессивных операций, таких, например, как «ликвидация кулаков», начатая 30 июля 1937 года в рамках специальной операции по «ликвидации шпионов и диверсантов»; «ликвидация преступных элементов», начатая 12 сентября 1937 года; «депортация семей врагов народа» и т.д., шансы отдельных обывателей быть арестованными только потому, что органам надо было выполнить квоту, часто зависели от случая. Случайности могли носить «географический» характер (например, у лиц, живущих в приграничной полосе, шансов на арест было гораздо больше). Многое зависело также от особенностей биографии: в опас-

ности находились те, кто был в той или иной степени связан с заграницей или имел иностранное происхождение; опасности подвергались и однофамильцы намеченных к аресту. В случае, если в списке число лиц было недостаточным, местные власти всегда умели найти выход и выполнить «норму». Дадим только один пример того, как пополнялась категория «вредителей»: НКВД Туркмении использовал пожар на одном предприятии как предлог, для того чтобы арестовать всех лиц, проживающих в этой местности, все они были названы «соучастниками»[17]. Запрограммированный сверху, произвольно выбирающий категории политических врагов, террор самой своей природой порождал перегибы и эксцессы, которые могут многое сказать о «культивировании насилия» в низовом репрессивном аппарате.

Данные, из которых становится ясно, что коммунисты составляют лишь малую часть из 681 692 расстрелянных, не являются полными. В них не вошло общее число депортированных в эти годы (например, высланные с Дальнего Востока 172 000 корейцев, отправленные между маем и октябрем 1937 года в Казахстан и Узбекистан). В них не входят те, кто умер под пытками во время допросов или те, кто скончался в лагерях в эти годы (около 25 000 в 1937, более 90 000 в 1938 году)[18]. Даже если скорректировать в сторону уменьшения те примерные цифры потерь, которые обычно называют выжившие свидетели репрессий, картина получается все равно чудовищной: сотни тысяч погибших в результате террора, направленного против всего общества.

Можно ли сегодня как-то продвинуться в анализе категорий этих массовых убийств? Мы располагаем лишь некоторыми статистическими данными о заключенных ГУЛАГа в конце 30-х годов, они будут приведены ниже. Но эта информация касается всех заключенных (а не только тех, кто был арестован во время Большого террора), она содержит только самые общие сведения о количестве жертв, приговоренных к заключению в лагере в период «ежовщины». В этот период заметно увеличилось число заключенных, имеющих высшее образование (+70% между 1936 и 1939 годами), это подтверждает, что террор в конце 30-х годов был направлен, в частности, против образованной части общества, независимо от того, принадлежала ли она к партии или нет. Тем не менее и в этот период большинство жертв Большого террора составляли самые обычные граждане, люди «из народа».

Более всего известны преступления в отношении партийных кадров, именно эти преступления были разоблачены первыми на XX съезде партии. В своем докладе Хрущев подробно осветил этот вид репрессий, направленных в первую очередь против пяти верных сталинистов, членов Политбюро — По-стышева, Рудзутака, Косиора, Чубаря и Эйхе; уничтожены были также 98 из 139 членов Центрального комитета, 1108 из 1966 делегатов XVII съезда партии (1934 год). Репрессии коснулись и руководства комсомола: 72 из 93 членов и кандидатов в члены Центрального комитета ВЛКСМ были арестованы и расстреляны, также как 319 из 385 его областных секретарей и 2210 из 2750 районных секретарей. В общем, все обкомы и райкомы партии и комсомола «на местах» подозревались Центром в саботаже «безусловно правильных» решений, исходящих из Москвы; они якобы создавали препятствия эффективному контролю властей над тем, что происходит в стране, и потому были полностью обновлены. Во всегда находящемся под подозрением Ленинграде, где ранее партией руководил Зиновьев, а после убийства Кирова — Жданов и начальник местного НКВД Заковский, арестовали более 90% всех партийных кадров. Но

они составили лишь малую часть от тех ленинградцев, которые были арестованы в 1936—1939 годах[19]. Для стимуляции чисток эмиссары из Центра в сопровождении войск НКВД были направлены в провинцию со специальной миссией, образно определенной газетой *«Правда»* как «выкуривание и уничтожение троцкистско-фашистских клоповников».

Из отрывочных статистических данных, которыми мы располагаем, известно, что некоторые регионы были «вычищены» особо тщательно: в первую очередь, удар снова пал на Украину. За один только 1938 год после назначения Хрущева главой коммунистической партии Украины более 106 000 человек были арестованы на Украине (и большинство из них расстреляны). Из 200 членов Центрального комитета компартии Украины выжили только трое. По аналогичному сценарию прошли чистки во всех районных и местных комитетах партии, где были организованы десятки открытых процессов над коммунистическими вожаками.

В отличие от процессов при закрытых дверях или тайных заседаний троек, где судьба обвиняемого решалась за несколько минут, открытые процессы над коммунистическими руководителями республик, краев и областей имели популистскую окраску, выполняли важную пропагандистскую функцию. Они были направлены на создание более тесной связи между «представителями народа, честными простыми борцами, носителями справедливых решений», и главой партии и разоблачали местных партработников, «новых феодалов, всегда довольных собой <.„>, которые своим бесчеловечным отношением нарочно плодят недовольных и озабоченных, создавая резерв для троцкистов» (Сталин, речь 3 марта 1937 года). Как большие процессы в Москве, так и публичные процессы на местах, запись заседаний которых подробно воспроизводилась местной прессой, сумели — с позиций популизма — сплотить массы. Процессы разоблачали заговорщика, главную фигуру идеологии того времени, и выполняли некую карнавальную функцию (поскольку власть имущие превращались в их ходе в негодяев, а «простые люди» выступали как «носители справедливости»). Эти общественные процессы стали, по меткому выражению Анни Кри-гель, «чудовищным механизмом социальной профилактики».

Репрессии, направленные против местных партийных руководителей, естественно, представляли только надводную часть айсберга. Приведем в пример Оренбургскую область, о которой мы знаем из материалов местного управления НКВД, озаглавленных: «Операции по ликвидации подпольных троц-кистско-бухаринских групп, а также других контрреволюционных объединений, проведенные в период с 1 апреля по 18 сентября 1937 года» (т.е. до вступления в дело Жданова, чья миссия имела целью ускорение «чисток»)[20].

В этой местности были арестованы на протяжении пяти месяцев:

— 420 троцкистов, все кадры, имеющие отношение к политике и экономике и занимающие руководящие должности;

— 120 правых, все значительные местные руководители;

Эти 560 партийных руководителей составляли около 45% местной номенклатуры. Следствием миссии Жданова в Оренбурге стало еще 598 арестованных и расстрелянных. В этой области, как и в других областях, с осени 1937 года большинство политических и экономических руководителей были удалены и заменены новым поколением, так называемыми выдвиженцами: Брежневым, Косыгиным, Устиновым, Громыко, словом, будущим Политбюро 70-х годов.

Тем не менее наряду с тысячами арестованных коммунистических руководителей под удар попали рядовые члены партии, «вычищенные» коммунис-

ты, не имеющие ни титулов, ни наград, а также обыкновенные граждане, внесенные ранее в списки неблагонадежных, — именно они стали основными жертвами террора.

Возьмем один из рапортов Оренбургского НКВД:

—«арестованы более двух тысяч членов правой военно-японской организации казаков (из них около 1500 расстреляны);

—арестованы более 1500 офицеров и царских чиновников, сосланных в 1935 г. из Ленинграда в Оренбург [речь идет только «о социально чуждых эле ментах», сосланных после убийства Кирова в разные регионы страны];

—около 250 человек арестованы по так называемому польскому делу;

—приблизительно 95 человек были арестованы по делу об уроженцах Харбина;

—3290 человек [арестованы] в процессе операции по ликвидации бывших кулаков;

—1399 человек <...> при ликвидации преступных элементов».

Таким образом, если прибавить сюда еще 30 комсомольских работников и 50 курсантов из местного военного училища, всего было репрессировано НКВД за пять месяцев около 7 500 человек, и все это еще до усиленных репрессий, протекавших в период командировки сюда Андрея Жданова. Каким бы впечатляющим ни казался арест 90% кадров местной номенклатуры, он представляет собой лишь незначительный процент от общего числа не разделяемых на категории граждан, репрессированных в ходе специальных операций, одобренных Политбюро и, в частности, Сталиным.

Среди жертв Большого террора подавляющее большинство анонимны. Вот отрывки из «обычного» дела 1938 года:

Дело № 24260

1. Сидоров
2. Василий Клементьевич
3. 1893 г. Московская] обл[асть] Коломенского р[айо]на с[ело] Сычево
4. с[ело] Сычево, Коломенского р[айо]нэ
5. Торгово-служащий
6. Член профсоюза торговли и кооперации
7. 1 дом деревянный 8x8, крыт железом, двор тесово-рубленый 20x7 полукрыт тесом, 1 корова, овец 4, поросенка 2, дом[ашняя] птица.
8. В 1929 г. имущество, т[о] же самое, имел 1 лошадь.
9. В 1917 г. 1 дом деревянный 8x8 крыт тесом, двор 30x20, амбар 2, сарай 2, 2 лошади, 2 коровы, овец 7.
10. Служащий.
11. В 1915—16 г[одах] рядовой 6-го строительного] Туркестанского полка.
12. Нет.
13. Нет.
14. Считаю себя выходцем из середняцкой семьи.
15. Беспартийный.
16. Русский., гражданин] СССР
17. Беспартийный.

18. Образование низшее
19. На учете не состоит.
20. Не судим.
21. Болен грыжей.
22. жена — Анастасия Федоровна, 43 года, колхозница, дочь Нина 24 г.

Арестован Коломенским РО УНКВД 13 февраля 1938 г.

2. Выписки из протоколов допросов.

Вопрос: Дайте правдивые показания в отношении вашего социального] происхождения, со[циального] положения и имущественного положения до 1917 и после.

Ответ: Я, Сидоров, происхожу из семьи торговца. Примерно до 1904 г[ода] отец мой имел в Москве на Золоторожской ул[ице] железную лавку, в которой, как мне известно с его слов, торговлю производил сам лично. После 1904 г[ода] отец торговлю прекратил, т.к. его торговлю заглушили крупные купцы, с которыми он конкурировать не мог. Он вернулся в д[еревню] Сычево, где у отца имелось хозяйство, арендованной земли до 6 десятин, лугов арендованных до 2 га, косилка одна и другой с\х [сельскохозяйственный] инвентарь. В хозяйстве применялся один постоянный работник — Горячев, который работал много лет до 1916 г[ода]. После 1917 г[ода] имущественное положение отца осталось то же самое за исключением лошадей и рабочей силы. В хозяйстве отца я жил вместе до 1925 г[ода], затем я с братом хозяйство разделил.

Виновным себя не признаю.

3. Выдержки из обвинительного заключения.

...Сидоров, будучи враждебно настроен к политике ВКП(б) и советской] власти, систематически проводил активную антисоветскую] и к/р [контрреволюционную] агитацию, говоря: «Сталин со своей сворой никак не хочет уступать место, убил массу людей и все-таки власть не отдает... Большевики укрепляют себе власть, сажая честных невинных людей в тюрьмы, а сказать нельзя — в тюрьму попадешь на 25 лет». Допрошенный в качестве обвиняемого, Сидоров виновным себя не признал, но полностью изобличается показаниями свидетелей

Постановил: дело передать на рассмотрение Тройки.

Мл[адший] лейтенант милиции Коломенского Р.О.УНКВД, Салахаев Согласен:
Начальник] Коломенского Р.О.УНКВД, лейтенант Г.Б. Галкин

4. Выписка из протокола заседания Тройки при УНКВД СССР
от 16 июля 1938 г[ода].

Дело Сидорова В.К. <...> В прошлом торговец, имел совместно с отцом лавку. Обвиняется в том, что среди колхозников вел к/р [контрреволюционную] агитацию, высказывал пораженческие настроения с угрозами расправы над коммунистами, выступал против мероприятий партии и правительства, вел антиколхозную агитацию.

Постановили: Сидорова, Василия Клементьевича — расстрелять, лично принадлежащее имущество конфисковать.

Дата расстрела: 3 августа 1938 г[ода].

Реабилитирован посмертно — 24 января 1989 г.[21]

Однако некоторые категории были «прорежены» с пристрастием: это дипломаты и сотрудники Народного комиссариата по иностранным делам, попавшие под обвинение в шпионаже, а также чиновники из хозяйственников, директора заводов, подозреваемые во вредительстве. Среди дипломатов высокого ранга арестованы (и в большинстве своем расстреляны) Крестинский, Сокольников, Богомолов, Юренев, Островский, Антонов-Овсеенко, занимавшие посты в Берлине, Лондоне, Пекине, Токио, Бухаресте и Мадриде[22].

В некоторых комиссариатах почти все без исключения чиновники стали жертвами репрессий. Так, в Народном комиссариате станкостроения была обновлена вся администрация; были арестованы все директора заводов (кроме двух), связанных с этой отраслью. То же самое было сделано в других промышленных секторах, в частности в авиастроении, в кораблестроении, в металлургии, на транспорте, о чем мы располагаем лишь отрывочными сведениями. По окончании Большого террора Каганович объявил на XVIII съезде партии (март 1939 года), что «в 1937 и 1938 годах руководители тяжелой индустрии были полностью обновлены, тысячи новых выдвиженцев были назначены на руководящие посты вместо разоблаченных вредителей и шпионов. Теперь у нас есть такие кадры, с ко-. торыми нам по плечу будет любая задача, которую нам даст товарищ Сталин».

Среди партийных кадров, наиболее жестоко пострадавших во времена «ежовщины», оказались также руководители зарубежных коммунистических партий и члены Коммунистического Интернационала, проживавшие в роскошном отеле в Москве[23]. Среди арестованных коммунистических руководителей были Хайнц Нойманн, Герман Реммеле, Фриц Шульц, Герман Шуберт, все бывшие члены Политбюро немецкой компартии; Лео Флиг, секретарь ее Центрального комитета; Генрих Зускинд и Вернер Хирш, оба главных редактора *«Роте Фане»,* Гуго Эберлейн, делегат немецкой Компартии на учредительной конференции Коммунистического Интернационала. В феврале 1940 года, через несколько месяцев после заключения германо-советского договора, 570 немецких коммунистов были заключены в московские тюрьмы или переданы в руки гестапо на пограничном мосту в Бресте.

Большой террор настиг и венгерских коммунистов. Бела Кун, застрельщик венгерской революции 1919 года, был арестован и казнен, как и 12 других народных комиссаров, членов эфемерного коммунистического правительства в Будапеште, нашедшего «убежище» в Москве. Около 200 итальянских коммунистов были арестованы (среди них Паоло Роботти, родственник Тольятти), так же, как 100 югославских коммунистов (среди них генеральный секретарь партии Гор-кич и Влада Чопич — секретарь-организатор и руководитель Интернациональных бригад, а вместе с ними три четверти членов Центрального комитета).

Но дороже всего заплатили поляки. Положение польских коммунистов было особенным: Коммунистическая партия Польши отпочковалась от партии польской социал-демократии Королевства Польского и Литвы, в 1906 году она стала автономной организацией внутри социал-демократической партии России. Связи между русской и польской партиями, одним из руководителей которой до 1917 года был не кто иной как Дзержинский, были очень тесными. Из многочисленных польских социал-демократов карьеру в партии большевиков сделали тот же Дзержинский, Менжинский, Уншлихт (все руководители ВЧК — ГПУ), Радек... и это только самые известные имена.

В 1937—1938 годах Коммунистическая партия Польши была фактически полностью ликвидирована. Двенадцать членов ее Центрального комитета, на-

ходившегося в России, были казнены, так же, как и все польские представители в высших инстанциях Коммунистического Интернационала. 28 ноября 1937 года Сталин подписал документ, предполагающий «чистку» Коммунистической партии Польши. Обычно, когда вся партия была вычищена, Сталин подбирал новый руководящий состав, который принадлежал к одной из враждующих группировок, появившихся в ходе чисток. В случае Польской коммунистической партии все фракции были обвинены в том, что они «следовали инструкциям секретных служб польских контрреволюционеров». 16 августа 1938 года Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала проголосовал за роспуск Коммунистической партии Польши. Как объяснил Мануильский, «агентам польского фашизма удалось занять все ключевые посты в Польской коммунистической партии».

Следующими жертвами «чисток» стали советские руководители Коммунистического Интернационала, обвиненные в недостаточной бдительности: Кнорин, член Исполнительного комитета, Миров-Абрамов, начальник отдела по связям с зарубежными странами, Алиханов, начальник отдела кадров, а также сотни других. Все они были ликвидированы. Только очень редкие руководители, прямо не связанные со Сталиным, такие как Мануильский и Куусинен, пережили «чистку» Интернационала.

Еще одна категория, затронутая репрессиями в 1937—1938 годах, о которых мы располагаем точными данными, — военные[24].11 июня 1937 года пресса объявила, что специальный военный суд, заседавший при закрытых дверях, приговорил к смерти за предательство и шпионаж маршала Тухачевского, бывшего заместителя наркома обороны и главного организатора реформ в армии, которого часто со времен Польской военной кампании 20-х годов противопоставляли Сталину и Ворошилову; к смерти приговорили еще семерых военачальников: Якира (командующего войсками Киевского военного округа), Уборевича (командующего Белорусским военным округом), Эй-демана, Корка, Путну, Фельдмана, Примакова За десять последующих дней было арестовано 980 человек, из них 21 комкор и 37 комдивов. Дело о «военном заговоре», приписываемом Тухачевскому и его «сообщникам», было подготовлено за несколько месяцев. В мае 1937 года главные участники заговори были арестованы. На «энергичных» допросах (во время реабилитации, двадцать лет спустя, когда изучалось дело Тухачевского, было отмечено, что страницы показаний маршала запачканы кровью, а это значит, что он был подвергнут пыткам), в которых принимал участие сам Ежов, обвиняемые признались в своих «преступлениях» незадолго до приговора суда. Сталин лично следил за всем ходом следствия. 15 мая через посла в Праге он получил фальсифицированное досье, изготовленное нацистскими секретными службами, в котором были многочисленные письма, которыми Тухачевский якобы обменивался с немецким командованием. НКВД умело манипулировал даже немецкими спецслужбами.

За два года Красная Армия лишилась:

—3 маршалов из 5 (Тухачевский, Егоров, Блюхер, два последних были устранены один за другим в феврале и октябре 1938 года);

—13 командармов из 15;

—8 флагманов* флота из 9;

—50 комкоров из 57;

—154 комдивов из 186;

* Флагман — воинское звание лиц высшего начальствующего состава в ВМФ СССР в 1935— 1940 годах. *(Прим. ред.)*

—16 армейских комиссаров из 16;

—25 корпусных комиссаров из 28.

С мая 1937 года по сентябрь 1938 года 35 020 офицеров были арестованы или уволены из армии. Неизвестно, сколько еще их было казнено. Приблизительно 11 000 (среди них генералы Рокоссовский и Горбатов) были снова призваны на службу в армию между 1939 и 1941 годами. Но новые «чистки» начались после сентября 1938 года, и шли они так «успешно», что общее число арестов среди кадровых офицеров достигло в период Большого террора, по самым серьезным оценкам, 30 000 из общего числа 178 ООО[25]. Получается, что «чистка» в Красной Армии коснулась несколько меньшего числа лиц, чем обычно считают, но при этом значительно пострадал командный состав. Результаты же подобной политики сказались во время советско-финляндской войны 1940 года и в начале Великой Отечественной войны.

Несмотря на гитлеровскую угрозу, к которой Сталин, по правде говоря, относился значительно менее серьезно, чем такие руководители, как Бухарин или Литвинов (нарком по иностранным делам до апреля 1939 года), он, не колеблясь, пожертвовал большей частью лучших офицеров Красной Армии ради полного её обновления, заполнения такими кадрами, которые ничего не могли помнить из военных эпизодов времен гражданской войны. Они не могли изобличить Сталина как слабого военного руководителя, им не могло прийти в голову что-либо оспаривать, как это мог бы сделать, например, Тухачевский. Они ничего не знали о политических и военных решениях Сталина конца 30-х годов, в особенности, о его поисках путей сближения с нацистской Германией.

Интеллигенция — еще одна социальная группа, ставшая жертвой Большого террора, о которой мы располагаем относительно полной информацией?[6]. Сложившись как вполне определенная социальная группа, русская интеллигенция с середины XIX столетия всегда была в центре сопротивления деспотизму и насилию. Естественно, она подверглась «чистке» в первую очередь и в особенности жестоко. Следует различать несколько волн репрессивных действий: репрессии 1922 и 1928—1931 годов, которые были относительно умеренными, а также репрессии марта-апреля 1937 года, когда кампания в прессе обличала «уклонизм» в области экономики, истории, литературы. На самом же деле под прицелом оказались все области знания и творчества, соперничество и борьбу амбиций выдавали за антисоветские доктрины и враждебные политические установки. Так, в области исторической науки все ученики Покровского, умершего в 1932 году, были арестованы. Профессора, читающие общие лекции и выходящие таким образом на большие студенческие аудитории, были особенно подвержены ударам, о малейшем их критическом высказывании тут же сообщали прилежные стукачи. Университеты, институты и академии были основательно «вычищены», в особенности в Белоруссии (где 87 из 105 академиков были арестованы как «польские шпионы») и на Украине. В этой республике первая «чистка» «буржуазных националистов» была проведена в 1933 году: тысячи представителей украинской интеллигенции были арестованы за «превращение украинской Академии наук, Института Шевченко, Сельскохозяйственной академии, Украинского института марксизма-ленинизма, так же, как Народных комиссариатов просвещения, земледелия и юстиции, в оплот национализма и контрреволюции» (речь Постышева 22 июня 1933 года). Большой террор 1937—1938 годов завершил операцию, начавшуюся четырьмя годами раньше.

Под волну репрессий попали в эти годы также научные круги, не имеющие прямого отношения к политике, идеологии, экономике или обороне. Самые большие авторитеты в аэронавтике, такие, как авиаконструктор Туполев или стоявший у истоков первой советской программы по освоению космического пространства Королев, были арестованы и сосланы в одну из спецчастей НКВД, описанную Солженицыным в романе В *круге первом.* Также почти полностью (27 из 29) были арестованы астрономы Пулковской обсерватории, почти все ученые, занимающиеся статистикой в Центральном статистическом управлении, так как они осмелились отказаться от публикации сфальсифицированных результатов Всесоюзной переписи населения и тем самым осуществили к январю 1937 года «глубокое нарушение элементарных основ статистической науки и правил управления»; под прицелом оказались также многочисленные лингвисты, которые выступили против официально одобряемой Сталиным теории лингвиста-марксиста Марра*; сотни биологов, которые противились шарлатанству «официального биолога» Лысенко". Среди наиболее известных жертв — директор Института генетики профессор Левит, директор Института зерна Тулайков, ботаник Яната и президент Сельскохозяйственной академии им. Ленина, крупный ученый, академик Вавилов, арестованный 6 августа 1940 года и умерший в тюрьме 26 января 1943 года.

Обвиненные в защите буржуазной или враждебной точки зрения, в уходе от «норм социалистического реализма», писатели, публицисты, театральные деятели, журналисты заплатили тяжелую дань в годы «ежовщины». Около двух тысяч членов Союза писателей были арестованы, сосланы в лагеря или расстреляны. Среди них — автор *Одесских рассказов* и *Конармии* Исаак Бабель (расстрелянный 27 января 1940 года), писатели Борис Пильняк, Иван Катаев, поэты Николай Клюев, Николай Заболоцкий, Осип Мандельштам***, Гурген Маари, Тициан Табидзе. Арестованы были также музыканты (композитор Джелаев, дирижер Миколадзе), из театральных деятелей среди первых необходимо назвать великого режиссера Всеволода Мейерхольда. В начале 1938 года театр Мейерхольда был закрыт как «враждебный советскому искусству». Отказавшись от публичного признания своих ошибок, В. Мейерхольд был арестован в июне 1939 года, его пытали и казнили 2 февраля 1940 года.

За эти годы власти попытались «окончательно ликвидировать» (выражение эпохи) «последние остатки духовенства». Скрытые от народа результаты Всесоюзной переписи января 1937 года показали, что очень большое число населения, приблизительно 70%, несмотря на различное давление, положительно ответили на вопрос: «Считаете ли вы себя верующим?». Тогда советские руководители решили начать третье и последнее наступление на церковь. В апреле 1937 года Маленков направил Сталину служебную записку, в которой предло-

* Н.Я. Марр (1864—1934) —востоковед и лингвист. Выдвинул научно не обоснованную • яфетическую теорию» («Новое учение о языке»). *(Прим. ред.)*

** Т.Д. Лысенко (1898—1976)— агроном. Создатель псевдонаучного «мичуринского учения» в биологии. Отрицал классическую генетику как «идеалистическую» и «буржуазную». В результате «монополизма» Лысенко и его сторонников были разгромлены научные школы в генетике. (*Прим. ред.)*

*** О.Э. Мандельштам умер 27 декабря 1938 года в 12 часов 30 минут в стационаре пересыльного лагеря близ станции Вторая Речка под Владивостоком. См.: П. Нерлер , Н. Поболь. *Поезд пел на Урал..., "Русская мысль",* 1998,№4245, 12—18 ноября, с. 15. *(Прим. ред.)*

жил считать пройденным этапом все законы по делам религий, принятые до сих пор, и отменить закон от 8 апреля 1929 года. «Этот закон, — пояснял он, — легализировал активность некоторой части духовенства и членов сект, которые могут создать враждебную советской власти разветвленную организацию. <...> Пришло время с этим покончить, одновременно расправившись с клерикальными организациями и церковной иерархией»[27]. Тысячи священников и подавляющее большинство архиереев снова были отправлены в лагеря, но на этот раз очень большое их число было расстреляно. Двадцать тысяч церквей и мечетей, еще действовавших в 1936 году, были закрыты, в начале 1941 года их оставалось менее тысячи. Что касается официально зарегистрированных в начале 1941 года служителей культа, их число составило 5665 (больше половины от этого числа появились за счет присоединенных к СССР в 1939—1941 годах прибалтийских государств, областей Польши, Западной Украины и Молдавии), тогда как в 1936 году их было в России свыше 24 000[28].

Большой террор — внутренняя политика, проводимая высокими партийными инстанциями, т.е. Сталиным, который имел неограниченную полноту власти над своими коллегами из Политбюро, — преследовал две цели.

Первая заключалась в том, чтобы подчинить себе гражданскую и военную бюрократию, состоящую из молодых, воспитанных в сталинском духе кадров. Как сказал Каганович на XVIII съезде: «Этим молодым кадрам по плечу будет любая задача, которую <...> даст товарищ Сталин». До этого момента группы руководящих кадров на местах представляли собой смешение разнородных «буржуазных специалистов», сформированных бывшим режимом, и большевистскими кадрами, часто мало компетентными, но воспитанными в духе коллективизма времен гражданской войны. Зачастую административные работники пытались защитить свой профессионализм, свою административную логику или, проще говоря, автономию, свои сети клиентуры, чтобы не подчиняться слепо идеологическому волюнтаризму и приказам из Центра. Кампания по «обмену партбилетов» 1935 года столкнулась с трудностями — пассивным сопротивлением местных коммунистических руководителей, а также с отказом большинства служащих статистического управления «приукрашивать» результаты переписи в январе 1937 года, приводя их в соответствие с пожеланиями Сталина. Это заставило сталинских руководителей задуматься о качестве тех административных кадров страны, которые были у них в распоряжении. Стало очевидно, что значительная часть кадров, были ли они коммунистами или нет, совсем не готова следовать любому приказу, исходящему из Центра. Самым срочным делом для Сталина теперь стала замена этих людей более «действенными», т.е. более послушными.

Второй целью Большого террора стало окончательное устранение всех «социально опасных элементов», что звучало весьма расплывчато. Как было сказано в Уголовном кодексе, «социально опасным» признается тот, кто совершил хотя бы одно антиобщественное действие, кто имеет отношения с криминальной средой или в прошлом был уличен в чем-либо подобном. Согласно такому определению, «социально опасной» считалась вся обширная группа «бывших»: именно она становились чаще всего объектом репрессий в прошлом — бывшие меньшевики, бывшие эсеры, бывшие преступники, бывшие царские чиновники и т.д. Все эти «бывшие» были уничтожены Большим террором в соответствии со сталинской идеей, прозвучавшей на пленуме Центрального комитета в февра-

ле — марте 1937 года: «С приближением социализма нарастает классовая борьба, загнивающий класс ожесточается».

Во время речи на пленуме Центрального комитета в феврале-марте 1937 года Сталин настоял на принятии положения об «окружении СССР, единственной страны, строящей социализм, вражескими державами», Сталин утверждал, что пограничные государства, в частности Финляндия, страны Прибалтики, а также Польша, Румыния, Турция и Япония с помощью Франции и Великобритании заслали в СССР армии шпионов и диверсантов, задача которых — помешать строительству социализма в СССР. «Уникальное государство становится «священным» со «священными границами», которые также стали линиями фронта против постоянно существующей угрозы со стороны внешнего врага». Неудивительно, что в этом контексте началась охота за шпионами, т.е. за теми, кто имел хотя бы какой-нибудь, пусть небольшой, контакт с «другим миром»; ликвидация мифической «пятой колонны» стала сутью Большого террора.

Рассматривая основные категории жертв: руководящие кадры и специалисты, социально чуждые элементы («бывшие»), шпионы, — мы можем понять как, собственно, работал этот жуткий механизм, пожравший за два года почти семьсот тысяч человек

11
Империя лагерей

Тридцатые годы, годы беспрецедентных репрессий, отмечены рождением чудовищно разросшейся системы лагерей. Архивы ГУЛАГа, ставшие сегодня доступными, позволяют точно обрисовать развитие лагерей в течение этих лет, различные реорганизации, приток и число заключенных, их экономическую пригодность и распределение на работу в соответствии с типом заключения, а также пол, возраст, национальность, уровень образования[1]. Однако в тени остаются очень важные моменты: администрация ГУЛАГа достаточно точно вела учет заключенных, т.е. тех, кто прибыл на место назначения; но у нас нет статистических данных о тех, кто так и не добрался до места назначения, кто умер в тюрьме или во время бесконечных пересылок, и вообще, имеется ли во всех случаях описание «крестного пути» заключенного с момента ареста до вынесения приговора?

В середине 1930 года около 140 000 заключенных уже работали в лагерях, управляемых ОГПУ. Одно только огромное строительство Беломорско-Бал-тийского канала требовало 120 000 рабочих рук, иными словами, значительно ускорялся перевод из тюрем в лагеря десятков тысяч заключенных, в то время как поток приговоренных по делам, расследованным ОГПУ, все увеличивался: 56 000 в 1929 году, более 208 000 в 1930 году (1 178 000 приговоренных в обычных судах в том же 1929 году и 1 238 000 в 1931 году)[2]. В начале 1932 года более 300 000 заключенных отбывали повинность на стройках ОГПУ, где ежегодный процент смертности равнялся 10% от общего количества заключенных, как это было, например, на Беломорско-Балтийском канале.

В июле 1934 года, когда проходила реорганизация ОГПУ в НКВД, ГУЛАГ включил в свою систему 780 небольших исправительных колоний, в которых содержались всего 212 000 заключенных; они считались экономически малоэффективными и неудовлетворительно управляемыми и зависели тогда только от Народного комиссариата юстиции. Чтобы добиться производительности труда, приближающейся к той, что была в целом по стране, — лагерь должен был стать большим и специализированным; в больших исправительных лагерных комплексах содержались десятки тысяч заключенных, они-то и заняли первое место в сталинской экономике СССР. 1 января 1935 года в объединенной системе ГУЛАГа содержалось более 965 000 заключенных, из которых 725 000 попали в «трудовые лагеря» и 240 000 — в «трудовые колонии», были и небольшие подразделения, куда попадали менее «социально опасные элементы», приговоренные к двум-трем годам[3].

во внутренних структурах ГУЛАГа. Все центральные управления не были ни территориальными, ни собственно лагерными, они были специализированы по характеру строек: Управление строительства гидроэлектростанций, Управление строительства железных дорог, Управление строительства шоссе и тоннелей и т.д. Заключенный или спецпоселенец был товаром, предметом контракта для лагерных управлений и управлений промышленных министерств[6].

Во второй половине 30-х годов население ГУЛАГа более чем удвоилось — с 965 000 заключенных в начале 1935 года до 1 930 000 в начале 1941 года. В течение одного только 1937 года оно увеличилось на 700 000 человек[7]. Массовый приток новых заключенных до такой степени дезорганизовал производство 1937 года, что его объем уменьшился на 13% по отношению к 1936 году! До 1938 года производство находилось в состоянии застоя, но с приходом нового народного комиссара внутренних дел Лаврентия Берии, принявшего энергичные меры для «рационализации работ заключенных», все изменилось. В докладе от 10 апреля 1939 года, направленном Политбюро, Берия изложил свою программу реорганизации ГУЛАГа. Его предшественник Николай Ежов, объяснял он, «больше занимался охотой на врагов» в ущерб «здоровому экономическому управлению» рабочей силой заключенных. Нормой питания для заключенных было 1400 калорий в день, т.е. она была подсчитана «для сидящих в тюрьме»[8]. Число людей, пригодных для работы, постепенно таяло, 250 000 заключенных к 1 марта 1939 года оказались не способны к работе, а 8% общего числа заключенных умерло только в течение 1938 года. Для того чтобы выполнить план, намеченный НКВД, Берия предложил увеличение рациона, уничтожение всех послаблений, примерное наказание всех беглецов и другие меры, которые следует использовать в отношении тех, кто мешает увеличению производительности труда, и, наконец, удлинение рабочего дня до одиннадцати часов; отдыхать предполагалось только три дня в месяц, и все это для того, чтобы «рационально эксплуатировать и максимально использовать физические возможности заключенных».

Вопреки установившемуся мнению, архивы ГУЛАГа свидетельствуют, что ротация рабочей силы была весьма значительной: от 20% до 35% ежегодно освобождались. Объяснить эту ротацию возможно лишь относительно высоким числом заключенных, приговоренных к срокам менее пяти лет, — такие заключенные составляли 57% от всех находящихся в лагерях в начале 1940 года. Администрация и спецсуды произвольно, без колебаний присуждали политическим заключенным 1937—1938 годов по истечении их срока наказания второй десятилетний срок. Тем не менее попадание в лагерь не обязательно означало для всех «поездки в одном направлении». Но и для постлагерного периода была продумана целая система «дополнительных мер», например, подписка о невыезде или ссылка!

Также, вопреки общепринятому мнению, лагеря ГУЛАГа принимали не только политических заключенных, приговоренных за контрреволюционную деятельность по одному из пунктов знаменитой 58 статьи. Контингент «политических» колебался и составлял то четверть, то треть всего состава заключенных ГУЛАГа. Другие заключенные тоже не были уголовниками в обычном смысле этого слова. Они попадали в лагерь по одному из многочисленных репрессивных законов, которыми были окружены практически все сферы деятельности. Законы касались «расхищения социалистической собственности», «нарушения паспортного режима», «хулиганства», «спекуляции», «самовольных отлучек с рабочего места», «саботажа» и «недобора минимального числа трудодней» в кол-

хозах. Большинство заключенных ГУЛАГа не были ни политическими, ни уголовниками в собственном смысле слова, а лишь обычными гражданами, жертвами полицейского подхода к трудовым отношениям и нормам социального поведения. Таким был результат десятилетия репрессивных мер, применявшихся партией и государством к значительной части общества[9].

Попробуем теперь подвести количественные итоги по разным типам репрессивных акций:

—6 миллионов смертей в результате голода 1932—1933 годов —эту катастрофу следует отнести полностью на счет политики раскулачивания и грабительского изъятия государством колхозных урожаев;

—720 000 расстрелов были учинены по приговору — издевательство над правосудием! — непосредственно ГПУ-НКВД. Из них 680 000 приходится только на 1937—1938 годы;

—300 000 смертей зарегистрировано в лагерях между 1934 и 1940 годами; о 1930—1933 годах мы не располагаем точными данными, но, вероятно, они составляли около 400 000 в целом за десятилетие, если не
считать непроверенного числа лиц, скончавшихся между моментом их ареста и регистрацией лагерной администрацией как «прибывших»;

—600 000 смертей зарегистрировано среди депортированных, «перемещенных» и спецпоселенцев;

—около 2 200 000 сосланных, изгнанных или спецпоселенцев;

—6 миллионов — общая цифра поступивших в лагеря и колонии ГУЛАГа между 1934 и 1941 годами, с учетом того, что данные за 1930—1933 годы неточны.

К 1 января 1940 года 53 комплекса трудовых исправительных лагерей и 425 исправительных трудовых колоний объединяли 1 670 000 заключенных; годом позднее их стало 1 930 000. В тюрьмах содержалось 200 000 человек, ожидающих суда или отправки в лагерь. 18 000 комендатур НКВД управляло 1 200 000 спецпоселенцев[10]. Даже серьезно пересмотренные в сторону уменьшения, на основании исторических сочинений (в том числе недавних), а также воспоминаний свидетелей (последние часто путают поток прибывавших в ГУЛАГ с числом заключенных на конкретную дату), эти цифры дают нам представление о размерах репрессий, жертвами которых в 30-е годы стали все слои советского общества.

Новый поток заключенных хлынул в лагеря, колонии и спецпоселения ГУЛАГа в период с конца 1939 по лето 1941 года. Это было связано с советизацией новых территорий и беспрецедентной криминализацией социальных, в частности трудовых, отношений.

24 августа 1939 года мир был ошеломлен подписанием Договора о ненападении между сталинской Россией и Германией. Объявление о пакте произвело настоящий шок в европейских странах, прямо заинтересованных в разрешении кризисной ситуации; лишь немногие умы поняли тогда, что могло соединить страны со столь противоположной идеологией.

21 августа 1939 года советское правительство прервало англо-франко-советские переговоры в Москве, которые оно вело с 11 августа с целью заключения договора о взаимных трехсторонних обязательствах в случае герман-

ской агрессии в отношении одного из государств. С начала 1939 года советская дипломатия под руководством Вячеслава Молотова постепенно отходила от идеи заключения договора с Францией и Великобританией, подозревая их в желании заключить новое Мюнхенское соглашение против Польши, чтобы открыть немцам свободный путь на Восток В то время как переговоры между СССР, с одной стороны, и Францией и Великобританией — с другой, увязли, столкнувшись с неразрешимыми проблемами (например, в случае германского вторжения во Францию — пересечёт ли Красная Армия Польшу, чтобы атаковать Германию?), контакты советских и немецких представителей приняли новый оборот. 14 августа немецкий министр иностранных дел Риббентроп сообщил о намерении отправиться в Москву для заключения политического соглашения с советскими руководителями. На следующий же день Сталин принял решение.

И вот 19 августа Германия и СССР подписали очень выгодное для СССР торговое соглашение, переговоры о котором велись с конца 1938 года. В тот же вечер советские руководители согласились, чтобы Риббентроп прибыл в Москву для подписания пакта о ненападении, уже разработанного советской стороной и переданного прямо в Берлин. Немецкий министр, наделенный специальными полномочиями, прибыл в Москву 23 августа во второй половине дня, пакт о ненападении был подписан ночью и обнародован 24 августа. Он вступал в силу немедленно и имел десятилетний срок действия. Самая важная часть соглашения, которая разграничивала сферы влияния и аннексий двух стран в Восточной Европе, осталась секретной. До 1989 года советские руководители, вопреки всякой очевидности, отрицали существование «секретного протокола» — настоящего преступления против мира, совершенного двумя подписавшими соглашение государствами. Согласно тексту «секретного протокола», Литва попадала в сферу немецких интересов; Эстония, Латвия, Финляндия, Бессарабия — в сферу советских интересов. Что же касается Польши, то, хотя вопрос о сохранении остатков Польского государства не находил решения, СССР должен был при любом положении вещей в случае советско-германского вторжения в Польшу занять белорусские и украинские территории, которые он уступил, согласно Рижскому соглашению 1920 года, вместе с частью «исторически и этнически польских» территорий в Люблинском и Варшавском воеводствах.

Спустя восемь дней после подписания пакта нацистские войска вошли в Польшу. Еще неделю спустя, 9 сентября, перед подавлением польского сопротивления советское правительство, по настоянию немцев, сообщило Берлину о своем намерении немедленно занять территории, которые должны были отойти к СССР согласно «секретному протоколу» от 23 августа. 17 сентября Красная Армия вступила на территорию Польши под предлогом необходимости «прийти на помощь единокровным украинским и белорусским братьям», которым угрожал «развал Польского государства». Советское вторжение в тот момент, когда польская армия была полностью уничтожена, почти не встретило сопротивления. Советам досталось 230 000 военнопленных, из них 15 000 офицеров".

Намечавшаяся первоначально немцами и русскими идея оставить в Европе буферное Польское государство была вскоре отвергнута, что сделало еще более деликатным вопрос о границе между Германией и СССР. Если в начале, 22 сентября, предполагалось, что граница сферы интересов будет проходить по линии рек Нарев, Висла и Сан, то 28 сентября, во время приезда Риббентропа, она была отодвинута к востоку до Буга. В обмен на эту территориальную уступку (по сравнению с «секретным протоколом» от 23 августа) Германия вклю-

чила Литву в сферу интересов СССР. Раздел Польши позволил СССР аннексировать огромные территории в 180 тысяч квадратных километров с населением в 12 миллионов человек — белорусов, украинцев и поляков. 1 и 2 ноября, после некоторого подобия совета с народами, представляющими эти земли, они были включены в состав советских республик Украины и Белоруссии.

К этой дате «чистка» новых владений с помощью НКВД продвинулась довольно далеко. Первые, кто попал в поле репрессивных действий, были поляки, многие из которых были высланы как «враждебные элементы». Прежде всего это были помещики и «военные поселенцы» *(осадники войсковы),* получившие от правительства земельные наделы в пограничных районах как награду за их службу в период советско-польской войны 1920 года. Согласно статистике департамента спецпоселенцев ГУЛАГа, между февралем 1940 и июнем 1941 года только с территорий, вошедших в состав СССР в сентябре 1939 года, 381 000 польских граждан была сослана в спецпоселения Сибири, в район Архангельска, в Казахстан и другие отдаленные регионы СССР[12]. Цифры, зафиксированные польскими историками, значительно выше: депортированных было порядка одного миллиона[13]. Мы не располагаем, к сожалению, никакими точными данными об арестах и депортации граждан, совершенных в период между сентябрем 1939 и январем 1940 года.

В последующий период архивные документы, ставшие сегодня доступными, свидетельствуют о трех больших «чистках-облавах» 9 и 10 февраля, 12 и 13 апреля, 28 и 29 июня 1940 года[14]. Два месяца потребовалось эшелонам, чтобы проследовать в Сибирь, Казахстан или на Крайний Север и вернуться обратно. Из военнопленных поляков только 82 000 из 230 000 пережили лето 1941 года. Потери среди польских спецпоселенцев были также высоки. В августе 1941 года после подписания специального соглашения с польским правительством в изгнании советское правительство «амнистировало» поляков, депортированных начиная с 1939 года, при этом зафиксировано только 243 100 поселенцев, тогда как депортированных в период между февралем 1940 и июнем 1941 года было не менее 381 000. Всего же под амнистию попало 388 000 польских военнопленных, интернированных беженцев и просто гражданских лиц. Многие сотни тысяч исчезли в предыдущие годы. Большое число было казнено под предлогом того, что они являются «разоблаченными заклятыми врагами советской власти».

Среди них, в частности, было 25 700 офицеров и обычных польских граждан, которых Берия в письме, адресованном Сталину 5 марта 1940 года, предложил расстрелять. Частично рвы с расстрелянными поляками были обнаружены немцами в апреле 1943 года в Катынском лесу. В общей «братской могиле» оказались захороненными 4500 польских офицеров. Представители советской власти попытались обвинить в этой бойне немцев, и только в 1992 году во время визита Бориса Ельцина в Варшаву российские власти признали прямую ответственность Сталина и членов Политбюро за ликвидацию польской военной элиты в 1940 году.

Сразу же после аннексии принадлежавших Польше территорий, в соответствии с соглашением, подписанным с нацистской Германией, советское правительство пригласило в Москву глав эстонского, литовского и латышского правительств и навязало им «договоры о взаимной помощи», в силу которых эти страны изъявляли согласие иметь на своей территории военные базы СССР. Сразу же после этого в Эстонию прибыло 25 000 советских солдат, 30 000 обос-

новались в Латвии и 20 000 в Литве. Введенные войска по численности превышали армии этих стран, пока еще официально независимых. Вторжение советских войск в октябре 1939 года ознаменовало конец независимости стран Балтии. 11 октября Берия отдал приказ «вырвать с корнем все антисоветские и антисоциалистические элементы» в этих странах. С этого момента советские органы увеличили число арестов офицеров, должностных лиц, интеллигенции, — всех «ненадежных», мешающих достижению перспективных советских целей.

1940 г., марта 5, Москва. — Записка Л.П. Берии И.В. Сталину с предложением расстрелять польских офицероо, жандармов, полицейских, осадников и других из трех спецлагерей для военнопленных и заключенных тюрем западных областей Украины и Белоруссии.

№ 794/Б Сов. секретно ЦК ВКП(6)

товарищу Сталину

В лагерях для военнопленных НКВД СССР и в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в настоящее время содержится большое количество офицеров польской армии, бывших работников польской полиции и разведывательных органов, членов польских националистических к[онтр]р[еволюционных] партий, участников вскрытых к[онтр]р[еволюционных] повстанческих организаций, перебежчиков и др. Все они являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю.

Военнопленные офицеры и полицейские, находясь в лагерях, пытаются продолжать контрреволюционную] работу, ведут антисоветскую агитацию. Каждый из них только и ждет освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти.

Органами НКВД в западных областях Украины и Белоруссии вскрыт ряд к[онтр]р[еволюционных] повстанческих организаций. Во всех этих к[онтр]р[еволюционных] организациях активную руководящую роль играли бывшие офицеры бывшей польской армии, бывшие полицейские и жандармы.

Среди задержанных перебежчиков и нарушителей госграницы также выявлено значительное количество лиц, которые являются участниками контрреволюционных] шпионских и повстанческих организаций.

В лагерях для военнопленных содержится всего (не считая солдат и унтер-офицерского состава) 14 736 бывших офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, жандармов, тюремщиков, осадников и разведчиков, по национальности свыше 97 % — поляки.

Из них:
генералов, полковников и подполковников — 295
майоров и капитанов — 2080
поручиков, подпоручиков и хорунжих — 6049
офицеров и младших командиров полиции, пограничной охраны и жандармерии — 1030
рядовых полицейских, жандармов, тюремщиков и разведчиков — 5138
чиновников, помещиков, ксендзов и осадников — 144

В тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии всего содержится 18 632 арестованных (из них 10 685 — поляки), в том числе:

бывших офицеров — 1207
бывших полицейских, разведчиков и жандармов — 5141
шпионов и диверсантов — 347
бывших помещиков, фабрикантов и чиновников — 465
членов различных к[онтр]р[еволюционных] и повстанческих организаций и разного контрреволюционного] элемента — 5345 перебежчиков —
6127

Исходя из того, что все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти, НКВД СССР считает необходимым:
1. Предложить НКВД СССР:
1) дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14 700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадни-ков и тюремщиков,
2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11 000 человек членов различных к[онтр]р[еволюцион-ных] шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков —
— рассмотреть в особом порядке, с применением к ним **высшей меры** наказания — расстрела.
II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения в следующем порядке:
а) на лиц, находящихся в лагерях военнопленных, — по справкам, представляемым Управлением по делам военнопленных НКВД СССР,
б) на лиц, арестованных — по справкам из дел, представляемым НКВД УССР и НКВД БССР.
III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку, в составе т.т. Берия, Меркулова и Бэштэкова (начальник 1-го спецотдела НКВД СССР).

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
Л.Берия

В июне 1940 года, сразу же после победного блиц-наступления немецких войск на Францию, советское правительство решило конкретизировать все пункты секретного протокола от 23 августа 1939 года. 14 июня, воспользовавшись «провокацией против советских гарнизонов», оно выдвинуло ультиматум балтийским руководителям, поставив их перед необходимостью сформировать новое правительство, способное гарантировать «честное исполнение договора о взаимопомощи и обуздать противников этого договора». В последующие дни сотни тысяч советских солдат заняли прибалтийские республики. Сталин послал в столицы этих стран своих представителей, которые должны были заняться «советизацией» трех республик: прокурора Вышинского — в Ригу, Жданова — в Таллинн, а одного из руководителей секретных служб Декано-зова, заместителя наркома иностранных дел, — в Каунас. Парламенты и местные органы были распущены, а их члены арестованы. Компартия была единственной разрешенной партией, представляющей кандидатов на «выборы», которые прошли 14 и 15 июля 1940 года.

За недели, которые предшествовали этому подобию выборов, НКВД, под руководством генерала Серова, арестовало от 15 000 до 20 000 «враждебных

лементов». В одной только Латвии 1 480 противников нового режима были наспех расстреляны в начале июля. По окончании выборов парламенты обратились с просьбой о присоединении к СССР, которая, естественно, была «удовлетворена» в начале августа Верховным Советом, провозгласившим рождение трех новых советских социалистических республик. В тот день, 8 августа, когда газета *«Правда»* писала: «Солнце великой Сталинской конституции отныне согревает своими живительными лучами новые земли и новые народы», — для прибалтов начался период арестов, ссылок и расстрелов.

Архивы сохранили подробности многих операций по депортации социально враждебных элементов из Прибалтики, Молдавии, Западной Белоруссии и Западной Украины, проведенных в мае-июне 1941 года под руководством генерала Серова. В целом 85 716 человек были депортированы в июне 1941 года, из них 25 711 составляли прибалты. В своем докладе от 17 июля 1941 года Меркулов, «человек номер два» в НКВД, подвел итоги балтийской части операции. В ночь с 13 на 14 июня 1941 года были высланы 11 038 членов семей «буржуазных националистов», 3240 членов семей бывших жандармов и полицейских, 7124 члена семей бывших землевладельцев, промышленников, чиновников, 1649 членов семей бывших офицеров и 2907 «прочих». Эта операция была запланирована 16 мая 1941 года, когда Берия направил Сталину свой последний план «операций по чистке районов, недавно включенных в состав СССР, от антисоветских, социально чуждых и преступных элементов». Из доклада Меркулова ясно, что главы семейств были арестованы ранее и, возможно, расстреляны. Операция 13 июня касалась только «членов семей», признанных «социально чуждыми» [15].

Каждая семья имела право на сто килограммов багажа, включая пропитание в течение одного месяца. НКВД не обременял себя обеспечением пропитания во время транспортировки высланных. Эшелоны прибыли в место назначения только в конце июля 1941 года, по большей части в Новосибирскую область и в Казахстан. Некоторые доехали до места ссылки — Алтайского края — только в середине сентября! Можно лишь догадываться, сколько ссыльных, набитых по пятьдесят человек в небольшие вагоны для скота со своими пожитками и едой, прихваченными в ночь ареста, умерло в течение этих шести-двенадцати недель дороги. Другая с размахом задуманная операция была запланирована Берией на ночь с 27 на 28 июня 1941 года. Выбор этой даты подтверждает, что самые высокие государственные руководители совсем не ожидали германского нападения 22 июня. План «Барбаросса» оттянул на несколько лет продолжение «чисток» прибалтийских республик органами НКВД.

Несколько дней спустя после оккупации прибалтийских государств советское правительство направило Румынии ультиматум, требующий «немедленного возвращения СССР Бессарабии», которая была частью бывшей царской империи и упоминалась в секретном советско-германском протоколе от 23 августа 1939 года. Правительство потребовало также передачу СССР Северной Буковины, которая никогда не принадлежала царской империи. Оставленные немцами, румыны подчинились. Буковина и часть Бессарабии были включены в состав Украины, а остальная Бессарабия стала Молдавской Советской Социалистической Республикой, провозглашенной 2 августа 1940 года. В тот же день заместитель Берии Кобулов подписал приказ о депортации 31 699 «антисоветских элементов», живущих на территории Молдавской ССР, и еще 12 191 «антисоветского элемента» из районов Румынии, включенных в состав

Украинской ССР. Все эти «элементы» были взяты на учет хорошо отлаженным методом. Накануне, 1 августа 1940 года, Молотов представил Верховному Совету триумфальную картину разрастания Советского Союза при помощи германо-советского пакта («прирост» должен был составить 23 миллиона жителей за один год).

Но 1940 год был отмечен и другим «рекордом»: число охваченных ГУ-ЛАГом — высланных, посаженных в советские тюрьмы и приговоренных — достигло апогея. 1 января 1941 года в лагерях ГУЛАГа было 1 930 000 заключенных, их прибывало по 270 000 в год; более 500 000 человек с присвоенных Советами территорий были высланы, именно они вошли в состав спецпоселенцев, которых насчитывалось к концу 1939 года 1 200 000 человек; в советских тюрьмах, рассчитанных на 234 000 мест, содержались 462 000 человек[16]; и, наконец, в этом году значительно увеличилось общее число приговоренных — с 700 000 до 2 300 000 человек (17).

Это впечатляющий прирост стал результатом беспрецедентного ужесточения производственных отношений. В памяти рабочих 1940 год остался годом принятия 26 июня Закона о введении восьмичасового рабочего дня, семидневной рабочей недели, соблюдении трудовой дисциплины и борьбе с самовольными отлучками. Всякое немотивированное отсутствие, опоздание на срок свыше двадцати минут отныне стало уголовно наказуемо. Нарушитель приговаривался либо к шести месяцам «исправительных работ» без лишения свободы, либо к удержанию 25% зарплаты, эта мера иногда ужесточалась вплоть до заключения на два-четыре месяца в тюрьму.

10 августа 1940 года вышел другой закон, приговаривающий к одному-трем годам лагерей за хулиганство, за брак на производстве, а также за мелкие хищения на месте работы. В тех условиях, при которых работала советская индустрия, любой рабочий мог попасть под этот новый «подлый закон».

Эти законы, действовавшие вплоть до 1956 года, ознаменовали новый этап в ужесточении трудового законодательства. В течение первых шести месяцев со дня их вступления в силу более чем полтора миллиона человек были привлечены к ответственности, из них 400 000 приговорены к тюремному заключению; этим объясняется значительное увеличение числа заключенных в тюрьмах, начиная с лета 1940 года. В целом количество приговоренных к лагерным работам за хулиганство выросло со 108 000 в 1939 году до 200 000 в 1940 году[18].

Итак, конец Большого террора был отмечен новым беспрецедентным (после 1932 года) выступлением против прогульщиков на заводах и в колхозах. В ответ на «подлые законы» 1940 года большое число рабочих, как можно об этом судить из докладов осведомителей НКВД, обнаружили свои «нездоровые настроения», особенно в первые недели фашистского нашествия. Они вслух говорили об «уничтожении жидов и коммунистов» и распространяли «провокационные слухи». Вот, например, зафиксированные в НКВД слова одного московского рабочего: «Захватывая наши города, Гитлер обклеивает город объявлениями: "Я не буду судить рабочих за опоздание на двадцать одну минуту"»[19]. За такие речи наказывали с особой строгостью, как это видно из доклада Главного военного прокурора «Об уголовных преступлениях на железных дорогах между 22 июня и 1 сентября 1941 г.»: всего было подписано 2524 приговора, из них 204 к смертной казни; среди этих приговоров не менее 412 —за распространение контрреволюционных слухов, 110 железнодорожников за это преступление были приговорены к расстрелу[20].

Недавно опубликованный сборник документов об общественных настроениях в Москве в первые месяцы войны подчеркивает растерянность жителей Москвы перед германским нашествием летом 1941 года[21]. Москвичи как бы разделились на три группы: «патриоты», «болото», в котором рождаются всякие слухи, и «пораженцы», желающие победы немцев над ненавистными «жидами и большевиками». В октябре 1941 года во время демонтажа заводов с целью последующей их эвакуации на восток страны антисоветские беспорядки начались на текстильных предприятиях Ивановской области[22]. Пораженческие высказывания некоторых рабочих показывают то состояние отчаяния, в котором они находились, будучи вынуждены подчиняться давлению жесточайших законов о трудовой дисциплине 1940 года.

Поскольку нацистское варварство обещало советским «недочеловекам» только кабалу или уничтожение, народ в состоянии большого патриотического подъема примирился с советским режимом. Сталин очень ловко сумел воспользоваться русскими патриотическими ценностями. В своей знаменитой речи, произнесенной по радио 3 июля 1941 года, он употребил формулу церковного обращения к народу — «братья и сестры»*. Ссылки на «великий русский народ, давший миру Плеханова и Ленина, Пушкина и Толстого, Чайковского, Чехова, Лермонтова, Суворова и Кутузова» должны были стать опорой в «священной войне», которую стали называть «Великой Отечественной». 7 ноября 1941 года, прощаясь с батальонами добровольцев, отправляющихся на фронт, Сталин призывал их драться с врагом, вдохновившись «примером наших славных предков Александра Невского и Дмитрия Донского», первый из которых в XIII веке спас Россию от тевтонских рыцарей, второй — век спустя — от татаро-монгольского ига.

* В позднейших речах и приказах Сталина формула — «братья и сестры» относилась к советским гражданам, «временно подпавшим под иго немецких угнетателей». *(Прим. ред.)*

12

Обратная сторона победы

Принудительное выселение во время Великой Отечественной войны целых народов, подозреваемых в диверсиях, шпионаже и сотрудничестве с нацистскими оккупантами, — еще одно из многочисленных белых пятен советской истории, тщательно охраняемых от огласки. Лишь с конца 50-х годов власти признали «бесчинства» и «слишком широкие обобщения», имевшие место при выдвижении столь массовых обвинений. В 60-е годы наконец было восстановлено юридическое существование некоторого числа автономных республик, стертых с карты страны из-за «сотрудничества с оккупантами». Только в 1972 году представители депортированных народов фактически получили разрешение свободно выбирать место жительства. Крымские татары были полностью реабилитированы лишь в 1989 году. До середины 60-х годов вся информация о санкциях в отношении «наказанных народов» держалась в секрете; постановления, предшествующие указам 1964 года, никогда не публиковались. Надо было дождаться Декларации Верховного Совета от 14 ноября 1989 года, чтобы Советское государство признало наконец «преступное беззаконие и варварские акты, совершенные сталинским режимом в отношении принудительно высланных народов».

Немцы были первой этнической группой, коллективно высланной после начала германского нашествия. По переписи 1939года в СССР проживали 1 427 000 немцев; это были по большей части потомки немцев, призванных Екатериной II, тоже родившейся в Германии, в Гессене, на жительство в Россию для заселения больших пространств юга страны. В 1924 году советское правительство создало автономную немецкую республику на Волге. Немцы Поволжья насчитывали 370 000 человек и представляли приблизительно четверть населения немцев России, проживающих в районах Саратова, Сталинграда, Воронежа, Москвы, Ленинграда, на Украине (390 000 человек), на Северном Кавказе (в районах Краснодара, Орджоникидзе, Ставрополя), в Крыму и в Грузии. 28 августа 1941 года Президиум Верховного Совета принял закон, согласно которому все немецкое население Автономной немецкой республики Поволжья, районов Саратова и Сталинграда должно было быть выслано в Казахстан и в Сибирь. Такое решение было продиктовано якобы только гуманными соображениями и необходимостью соблюсти превентивные меры!

Отрывки из Постановления Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. о массовой депортации немцев

«По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсан-

тов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделены изобилующие пахотной землей районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахской ССР и другие соседние местности».

В то время как Красная Армия отступала на всех фронтах, теряя каждый день десятки тысяч убитыми и пленными, Берия выделил на эту операцию

14 000 человек из войск НКВД под руководством заместителя наркомвнудела генерала Ивана Серова, который уже прославился во время «чистки» прибалтийских республик. Учитывая обстоятельства, особенно беспрецедентное поражение Красной Армии в этот период, операция по выселению была проведена очень быстро и организованно. С 3 по 20 сентября 1941 года 446 480 немцев были депортированы в 230 эшелонах приблизительно по пятьдесят вагонов в каждом, примерно по 2 000 человек в каждом эшелоне! Передвигаясь по нескольку километров в час, эти эшелоны шли до места назначения от четырех до восьми недель, а направлялись они в районы Омска и Новосибирска, район Барнаула, на юг Сибири и в Красноярск в Восточной Сибири. Как прежде при высылке прибалтов, «перемещенные лица» имели согласно официальной инструкции *«определенный срок,* чтобы взять с собой пропитание минимум на месяц»!

Когда разворачивалась эта главная операция по выселению немцев, одновременно происходили и другие, «второстепенные» операции, число которых множилось в условиях военного времени. 29 августа 1941 года Молотов, Маленков и Жданов предложили Сталину «очистить» Ленинград и Ленинградскую область от 96 000 лиц немецкого и финского происхождения. 30 августа немецкие войска достигли Невы, перерезав железнодорожные пути, ведущие в Ленинград из остальной части страны. Угроза полного окружения города усиливалась день ото дня, однако компетентные органы не принимали никаких решений по эвакуации гражданского населения Ленинграда, никаких мер по созданию запасов продовольствия. Тем не менее 30 августа Берия издал распоряжение, согласно которому необходимо было начать высылку 132 000 человек из Ленинградской области, 96 000 — поездом и 36 000 — водным путем. Но НКВД хватило времени для ареста и высылки лишь 11 000 советских граждан немецкой национальности.

В последующие недели аналогичные операции были произведены в Московской области (9 640 немцев высланы 15 сентября), в Туле (2 700 немцев высланы 21 сентября), в Горьком (3 162 немца высланы 14 сентября), в Ростове (38 288 немцев высланы с 10 по 20 сентября), в Запорожье (31 320 немцев высланы с 25 сентября по 10 октября), в Краснодаре (38 136 немцев высланы

15 сентября), в Орджоникидзе (77 570 немцев высланы 20 сентября). В течение только октября 1941 года 100 000 немцев были высланы из Грузии, Армении, Азербайджана, Северного Кавказа и Крыма. В общем итоге к 25 декабря 1941 года 894 600 человек были высланы, и большинство из них в Казахстан и в Сибирь. Если взять в расчет немцев, депортированных в 1942 году, то их общее число составляет 1 209 430 человек, высланных за период менее года — с авгу-

ста 1941 по июнь 1942. Напомним, что, согласно переписи 1939 года, немецкое население в СССР составляло 1427 000 человек.

Таким образом, более 82% немцев, рассеянных по всей территории Советского государства, были единовременно принудительно высланы, хотя, казалось бы, катастрофическая ситуация, в которой находилась страна, требовала направить все усилия военных и милиции на вооруженную борьбу против врага, а не на высылку сотен тысяч невинных советских граждан. Число высланных граждан немецкого происхождения было в действительности еще более значительным, особенно если принять во внимание десятки тысяч солдат и офицеров немецкого происхождения, изгнанных из Красной Армии и отправленных в дисциплинарные батальоны «трудовой армии» в Воркуту, Котлас, Кемерово, Челябинск. Только в одном Челябинске более 25 000 немцев работали на строительстве металлургического комбината. Уточним, что условия работы и выживания в дисциплинарных батальонах «трудовой армии» были не лучше, чем в ГУЛАГе.

А сколько высланных погибло во время пересылки? Нет такого общего, доступного нам сегодня итогового документа, в котором бы объединялись разрозненные данные о том или ином эшелоне: в условиях войны и исключительной жестокости того времени проследить это было невозможно. Но сколько все-таки эшелонов не дошли до места назначения в хаосе осени 1941 года? В конце ноября 29 600 высланных должны были «по плану» достигнуть района Караганды. Но, по подсчетам на первое января 1942 года, их прибыло только 8304; «план» для района Новосибирска составлял 130 998 человек, но прибыло только 116612. Где же остальные? Погибли в пути? Были отправлены куда-нибудь еще? Для района Алтая было запланировано 11 000 высланных, а прибыло — 94 799! Еще более красноречивы, чем эта арифметика, рапорты НКВД об устройстве высланных на местах, в которых единодушно подчеркивается «неготовность мест приема».

Поскольку действия НКВД были засекречены, местные власти получали предупреждение о прибытии десятков тысяч ссыльных в самый последний момент. Никакого специального жилья для них не было предусмотрено, их селили где придется — в хлеву, под открытом небом, а был уже канун зимы. При мобилизации большую часть мужской рабочей силы отправляли на фронт, но местные власти, приобретя за десять лет некоторый опыт в решении таких вопросов, кое-как справлялись с «экономическим определением» новых ссыльных, делая это быстрее, чем когда-то в 1930 году с высланными и брошенными в тайге кулаками. Через несколько месяцев большинство высланных, как и предшествующие им спецпоселенцы, были расселены, определены на работу и начали получать снабжение, весьма скудное и непостоянное, а в комендатуре НКВД значилось, что они приписаны к колхозу, совхозу или промышленному предприятию[1].

Вслед за высылкой немцев началась вторая волна депортаций, проходившая с ноября 1943 по июнь 1944 года. Шесть народов (чеченцы, ингуши, крымские татары, карачаевцы, балкарцы и калмыки) были высланы в Сибирь, Казахстан, Узбекистан, Киргизию под предлогом их «коллективного сотрудничества с немецкими оккупантами». За этой главной волной депортаций, коснувшейся 900 000 человек, последовали, с июля по декабрь 1944 года, другие, призванные «очистить» Крым и Кавказ от прочих «сомнительных» национальностей: греков, болгар, крымских армян, турок-месхетинцев, курдов и хемшинов[2].

Недавно ставшие доступными архивы и документы не вносят ничего нового в вопрос о якобы имевшем место «сотрудничестве» горских народов Кав-

каза, калмыков и крымских татар с немецкими нацистами. Поэтому приходится говорить лишь о том, что в Крыму, Калмыкии, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, по-видимому, существовали небольшие очаги сотрудничества с немцами, но это сотрудничество не было массовым и не носило политического характера. Наиболее противоречивые свидетельства о фактах коллаборационизма относятся к периоду после сдачи Красной Армией Ростова-на-Дону в июле 1942 года и к периоду оккупации немцами Кавказа летом 1942 — весной 1943 годов. Так, например, в период безвластия после эвакуации советских органов управления и перед приходом нацистов некоторые авторитетные представители местного населения создали что-то вроде национальных комитетов в Микоян-Шахаре — столице Карачаево-Черкесии, в Нальчике — столице Кабардино-Балкарии, и в Элисте — столице Калмыкии. Немецкая армия признала власть этих местных национальных комитетов, пользовавшихся в течение нескольких месяцев правом на религиозную, политическую и экономическую автономию. Опыт национальных комитетов на Кавказе укрепил в Берлине «мусульманский миф», и крымским татарам было разрешено создать в Симферополе Центральный комитет мусульман.

Однако из-за опасности возрождения «пантюркистского движения», уже разгромленного советской властью в начале 20-х годов, немецкие власти запретили крымским татарам автономию, подобную той, которой в течение нескольких месяцев пользовались калмыки, карачаевцы и балкарцы. В ответ на предоставление им подобия самоуправления местные власти создали войска для борьбы с партизанами, т.е. с теми, кто оставался верным советскому режиму. В целом несколько тысяч человек составили весьма ограниченные войска: шесть батальонов крымских татар и корпус калмыцкой кавалерии.

Что касается автономной республики Чечено-Ингушетии, она была лишь частично занята нацистскими войсками всего два с половиной месяца: с начала сентября до середины ноября 1942 года. О сотрудничестве с врагом здесь не могло быть и речи. Но верно и то, что чеченцы, сопротивлявшиеся русской колонизации, пока не капитулировали в 1859 году, оставались народом непокоренным. Советская власть уже направляла туда карательные экспедиции для конфискации оружия у населения в 1925 году, потом в 1930—1932 годах подавляла сопротивление чеченцев и ингушей коллективизации. В марте — апреле 1930 года, затем в апреле — мае 1932 года при борьбе с «бандитизмом» специальные войска ОГПУ использовали артиллерию и авиацию. Тяжелый и спорный вопрос лег в основу конфликта между центральной властью и независимым народом, отказывающимся от опеки Москвы.

В период между ноябрем 1943 и маем 1944 года, в соответствии с решением о быстро проводимых операциях, весьма отличающихся от первых высылок раскулаченных, — операциях, по словам Берии, «повышенной эффективности», были проведены пять больших «чисток-облав». Материально-техническая подготовка была тщательно, в течение нескольких недель, организована под личным наблюдением Берии и его заместителей Ивана Серова и Богдана Кобулова, прибывших на места в своих бронированных вагонах. Нужно было подготовить невиданное число эшелонов: 46 составов по 60 вагонов каждый для высылки 93 139 калмыков за четыре дня с 27 по 30 декабря 1943 года, 194 эшелона по 65 вагонов каждый для высылки в течение шести дней с 23 по 28 февраля 1944 года 521 247 чеченцев и ингушей. Для проведения этих исключительных операций НКВД не щадило средств: для облавы на

чеченцев и ингушей было использовано 119 000 человек из специальных войск НКВД, и это в тот момент, когда вовсю шла война!

Операции, расписанные по часам, начались с арестов «потенциально опасных элементов». Их было 1—2% от всего населения, но население это состояло в основном из женщин, стариков и детей, поскольку большая часть дееспособных мужчин была призвана в армию. Если верить посылаемым в Москву телеграфным сообщениям, операции проходили очень быстро. Так «облава-высылка>> крымских татар проходила в период с 18 по 20 мая 1944 года; вечером первого дня ответственные за операцию Кобулов и Серов телеграфировали Берии: «Сегодня в 20 часов 90 000 человек отправлены на вокзалы. 17 эшелонов уже повезли 48 400 человек к местам нового поселения. 25 эшелонов находятся под загрузкой. При проведении операции не произошло никаких заслуживающих внимания осложнений. Операция продолжается». На следующий день, 19 мая, Берия информировал Сталина, что в конце этого дня 165 515 человек сосредоточены на вокзалах, 136 412 из них погружены в вагоны, направляющиеся «к обозначенным в инструкциях местам назначения». На третий день, 20 мая, Серов и Кобулов телеграфировали Берии, информируя об окончании операции в 16 часов 30 минут. Всего 63 эшелона, увозящие 173 287 человек, были в пути к станциям назначения. Четыре последних эшелона увезли 6727 оставшихся в тот же вечер (3).

Знакомство с бюрократическими сводками НКВД убеждает, что все операции по принудительному выселению сотен тысяч человек были лишь чистой формальностью, причем каждая следующая операция была более «успешной», «эффективной» и «экономичной», чем предыдущая. После депортации чеченцев, ингушей и балкарцев некто Милыптейн, один из высших чинов НКВД, составил пространный отчет об «экономии, по сравнению с тратами в предыдущих операциях, вагонов, досок, ведер и лопат». Он, в частности, написал: «Опыт транспортировки карачаевцев и калмыков дает нам возможность предпринять определенные меры для ограничения количества эшелонов и уменьшения числа осуществляемых поездок Мы поместили в каждой теплушке по 45 человек вместо 40, как в прежнее время, вместе с их личным багажом, сэкономив на этом значительное число вагонов, а также 37 548 погонных метров досок, 11 834 ведра и 3400 «буржуек»»[4].

За бюрократическим отчетом о превосходно, с точки зрения НКВД, выполненной операции скрывается ужасающая правда этого «путешествия». Вот несколько свидетельств, собранных в 70-е годы у выживших татар: «Поездка до станции Зерабулак в районе Самарканда длилась 24 дня. Оттуда нас отвезли в колхоз «Правда». Там нас заставили чинить старые машины. <...> Мы работали и очень хотели есть. Многих из нас качало от голода. Из нашей деревни вывезли тридцать семей. Выжили лишь один или два человека из пяти семей. Все остальные умерли от голода или болезней». Другой выживший татарин рассказывал: «В накрепко закрытых вагонах люди умирали, как мухи, от голода и недостатка воздуха: нам не давали ни пить, ни есть. В деревнях, которые мы проезжали, население было настроено против нас; им сказали, что везут предателей родины, и они бросали камни в двери вагонов. Когда наконец открыли двери посреди казахстанской степи, то дали военный паек, не давая пить, приказали выбросить трупы прямо возле железнодорожного пути и не дали их закопать, после чего мы снова отправились в путь»[5].

Прибыв на место «назначения» в Казахстан, Киргизию, Узбекистан или Сибирь, высланные определялись в колхозы и на предприятия. Проблемы жилья, работы, выживания были самыми насущными, как о том свидетельствуют

направлявшиеся в Центр местными органами НКВД отчеты, сохраненные в богатых фондах документации о «спецпоселениях» ГУЛАГа. Так, в сентябре 1944 года в отчете, присланном из Киргизии, упомянуто, что только 5000 из 31 000 недавно депортированных семей получили жилье. Однако жилье — понятие растяжимое. Внимательно читая текст, можно узнать, что в одном из районов Таласской области местные власти устроили на жительство 900 семей в 18квар-тирах одного совхоза, из чего следует, что на одну квартиру приходится 50 семей. Это совершенно невообразимое число означает, что семьи высланных с Кавказа, часто насчитывающие большое число детей, спали по очереди то дома, то на улице, и это накануне зимы.

Берия в письме, направленном Микояну, в ноябре 1944 года, т.е. год спустя после высылки калмыков, признавался, что «они были поставлены в чрезвычайно трудные санитарные условия проживания: большинство из них не имело ни жилья, ни одежды, ни обуви»[6]. Два года спустя двое ответственных сотрудников НКВД отчитывались: «30% калмыков, способных'работать, не работают, потому что у них нет обуви. Полная невозможность привыкнуть к суровому климату, к непривычным условиям, незнание языка проявляются постоянно и вызывают дополнительные трудности». Лишенные корней, голодные, назначенные на работу в колхоз, который не может обеспечить существование даже своим колхозникам, или определенные на предприятиях на работу, для выполнения которой они не имели подготовки, высланные были, конечно, довольно жалкой рабочей силой. «Положение высланных в Сибирь калмыков трагично, — писал Сталину Д.П. Пюрвеев, бывший президент Калмыцкой АССР. — Они потеряли свой скот. Они приехали в Сибирь лишенные всего. <...> Они мало приспособлены к существованию в качестве производителей. <...> Калмыки, распределенные по колхозам, не получили ничего, поскольку у самих колхозников ничего нет. Что касается тех, кто попал на предприятия, то им не удалось привыкнуть к новому для них положению рабочих, откуда проистекает их нетрудоспособность, не позволяющая им себя прокормить»[7]. Ясно, что калмыки, скотоводы-кочевники, растерялись перед станками, наблюдая, как под бременем штрафов исчезает их скудный заработок!

Вот несколько цифр, которые могут дать представление о смертности среди высланных. В январе 1946 года администрация специальных поселений приняла на учет 70 ЗбО калмыков из 92 000 высланных за два года до этого. 1 июля 1944 года 35 750 татарских семей, в составе 151 424 человек, прибыли в Узбекистан; спустя шесть месяцев насчитывалось на 818 семей больше, но в них было *на 16* 000 человек меньше! Из 608 749 высланных с Кавказа 146 892 человека умерли к 1 октября 1948 года, т.е. почти каждый четвертый, и только 28 120 человек за это время родились. Из 228 392 высланных из Крыма 44 887 человек умерли по истечении четырех лет, и было зарегистрировано только 6564 рождения[8]. Сверхсмертность становится еще более впечатляющей, когда узнаешь, что дети до шестнадцати лет составляли 40%—50% от числа всех высланных. Естественная смерть была лишь незначительной частью всех смертей. Что касается тех молодых, которые выживали, то какого же они могли ожидать для себя будущего? Из 89 000 детей школьного возраста, высланных в Казахстан, в 1948 году, т.е. через четыре года после их высылки, менее 12 000 имели школьное образование. Официальные инструкции предписывали, что обучение детей «спецперемещенных» должно вестись на русском языке.

В годы войны коллективная депортация поразила и другие народы. 29 мая 1944 года, несколько дней спустя после высылки крымских татар, Берия писал Сталину: «НКВД считает необходимым изгнать из Крыма всех болгар, греков, армян». Первым он вменяет в вину тот факт, что «во время немецкой оккупации они пекли хлеб и поставляли другие пищевые продукты для немецкой армии и сотрудничали с немецкими властями в поисках красноармейцев и партизан». Вторые после прибытия оккупантов создали промышленные предприятия; немецкие власти помогли грекам заниматься торговлей и перевозкой товаров и т.д. Что касается армян, то их обвинили в том, что в Симферополе они создали организацию коллаборационистов «Дромедар», под руководством армянского генерала Дро, которая «занималась, кроме религиозных и политических вопросов, еще мелкой торговлей и промышленностью». Как считал Берия, эта организация «создавала фонды для военных нужд Германии и способствовала созданию армянского легиона»[9].

Четыре дня спустя Сталин подписал указ Государственного комитета обороны, предписывающий «дополнить депортацию крымских татар выселением 37 000 болгар, греков и армян, как пособников немецких фашистов». При этом, как и для всех прочих операций по депортации, это постановление совершенно произвольно устанавливало квоты для каждого «принимающего района»: 7000 для Гурьевской области в Казахстане, 10 000 для Свердловской! области; 10 000 для Молотовской области на Урале; 6000 для Кемеровской области; 4000 для Башкирии. В официальных документах это звучало так: «Операция была успешно проведена 27—28 июня 1944 года. За эти два дня 41 854 человека были выселены, что составило выполнение плана на 111%».

После «очистки» Крыма от немцев, татар, болгар, греков и армян НКВД решило «расчистить» места вдоль границ Кавказа. Под прикрытием охраны безопасности «священных» границ эти широкомасштабные операции стали естественным продолжением «антишпионских операций» 1937—1938 годов, но прошли они по более продуманной схеме. 21 июля 1944 года новый указ Государственного комитета обороны, подписанный Сталиным, постановил провести высылку 86 000 турок-месхетинцев, курдов и хемшинов из приграничных районов Грузии. По причине сложности горного рельефа территорий, на которых веками жили народы бывшей Оттоманской империи (среди них было много кочевников, имевших привычку свободно переходить советско-турецкую границу), приготовления новой облавы-депортации были исключительно долгими. Операция продолжалась десять дней, с 15 по 25 ноября 1944 года, ее проводили 14 000 человек из специальных войск НКВД, были мобилизованы 900 грузовиков «Студебеккер», поставленных по лендлизу из США, страны, обеспечивавшей военным снаряжением большинство союзников[10]!

28 ноября Берия с гордостью докладывал Сталину, что 91 095 человек были выселены за десять дней «в чрезвычайно сложных условиях». Все эти лица (среди которых дети до шестнадцати лет составляли 49% всех высланных), объяснял Берия, были действующими турецкими шпионами: «Значительная часть населения этого района связана семейными узами с жителями пограничных селений Турции. Эти люди занимаются контрабандой, среди них очень заметна тенденция к эмиграции, пополнению разведывательных служб или бандитских групп, действующих на границе». По данным отдела спецпоселений ГУЛАГа, общее число высланных в Казахстан и Киргизию возросло до 94 955. Между ноябрем 1944 и июлем 1948 года 19 540 выселенных месхетинцев, кур-

дов и хемшинов, т.е. 21% от всех спецперемещенных, умерли. Такой процент смертности (от 20% до 25%) одинаков для всех репрессированных режимом народов[11].

С массовым прибытием сотен тысяч выселенных по этническому принципу контингент спецпоселенцев за время войны обновился и значительно вырос — с 1 200 000 до 2 500 000. Что же касается раскулаченных, которые до войны составляли большую часть спецпоселенцев, то их число упало с 936 000 в начале войны до 622 000 в мае 1945 года. Это объяснялось тем обстоятельством, что десятки тысяч из раскулаченных взрослых мужского пола, за исключением глав депортированных семей, были призваны в армию. Жены и дети призванных приобретали статус свободных граждан и вычеркивались из списков спецпоселенцев. Однако в условиях войны большинство из них не могли покинуть место своего безвыездного проживания, так как все имущество, включая дома, у них конфисковали[12].

Никогда прежде условия выживания в ГУЛАГе не были так ужасны, как в 1941 — 1944 годах: голод, эпидемии, скученность, бесчеловечная эксплуатация, доносы целой армии осведомителей, разоблачающих «контрреволюционные организации в среде заключенных», смертные приговоры и немедленное их исполнение.

Немецкое наступление первых месяцев войны заставило НКВД эвакуировать большую часть своих тюрем, трудовых колоний и лагерей, которые могли попасть в руки врага. С июля по декабрь 1941 года 210 колоний, 135 тюрем и 27 лагерей, в которых содержались 750 000 заключенных, были переброшены на Восток. Говоря о «деятельности ГУЛАГа в ходе Великой Отечественной войны», начальник ГУЛАГа Наседкин утверждал, что «эвакуация лагерей происходит организованно». Он добавлял также: «Из-за нехватки транспортных средств большинство заключенных были эвакуированы пешком на расстояния, превышающие тысячу километров»[13]. Можно себе представить, в каком состоянии заключенные прибыли на место назначения! Если не хватало времени для эвакуации лагерей, как это часто случалось в первые недели войны, заключенных просто расстреливали. Так было, в частности, на Западной Украине, где в конце июня 1941 года НКВД уничтожило 10 000 заключенных во Львове, 1200 в тюрьмах Луцка, 1500 в Станиславе, 500 в Дубно и т.д. Появившиеся там немцы нашли в окрестностях Львова, Житомира и Винницы десятки мест, где были свалены груды трупов. В ответ на «жидовско-большевистскую жестокость» немецкие *зондеркоманды* поспешили немедленно уничтожить десятки тысяч евреев.

Все донесения администрации ГУЛАГа в 1941 — 1944 годы признают чудовищное ухудшение условий в лагерях во время войны[14]. Лагеря были перенаселены, «жилая площадь», предоставленная каждому заключенному, упала с 1,5 до 0,7 $м^2$ на человека, и это означало, что заключенные спали на нарах по очереди, койки были роскошью, предназначенной для «ударников труда». В 1942 году «калорийная норма питания» упала на 65% по сравнению с довоенным уровнем. Заключенные голодали, и в 1942 году тиф и холера снова появились в лагерях; согласно официальным данным, около 19 000 заключенных умерло от них. В 1941 году было зарегистрировано 101 000 смертей в одних только лагерях, не считая колоний, т.е. смертность равнялась 8%. В 1942 году администрация лагерей ГУЛАГа зарегистрировала 249 000 смертей, т.е. смертность составила 18% от общего числа заключенных; в 1943 году было зарегистрировано

1б7 000 смертей, т.е. 17% от общего числа[15]. Если подсчитать расстрелы заключенных, количество смертей в тюрьмах и трудовых колониях, то общее число смертей в ГУЛАГе за 1941—1943 годы составляет 600 000. Что же касается выживших, то они были в жалком состоянии. Согласно данным администрации, в конце 1942 года только 19% заключенных были пригодны к тяжелой работе, 1*1%* — к физической работе «средней нагрузки» и 64% были пригодны только к «легкому физическому труду», т.е. были инвалидами.

Это, используя эвфемизм администрации ГУЛАГа, «значительно ухудшившееся санитарное состояние контингента» не помешало властям продолжать усиливать давление на заключенных, доводя их до полного истощения. «С 1941 по 1944 год, — как писал в своем отчете начальник ГУЛАГа, — средняя выработка дня увеличилась с 9,5 до 21 рубля». Многие сотни тысяч заключенных назначались на оборонные предприятия, заменяя мобилизованных в армию. Роль ГУЛАГа в военной экономике оказывается весьма значительной. По оценкам лагерной администраций, рабочая сила заключенных могла бы обеспечить около четверти производства в некоторых ключевых секторах оборонной промышленности, металлургии и добычи полезных ископаемых[16].

Несмотря на «патриотическое поведение» заключенных, из которых «95% участвовали в социалистическом соревновании», репрессии по отношению к «политическим» не прекращались. Согласно постановлению Центрального комитета от 22 июня 1941 года, лица, осужденные по 58 статье Уголовного кодекса за «контрреволюционные преступления», не могли быть освобождены до конца войны, даже если заканчивался срок наказания. Администрация ГУЛАГа направляла в особые лагеря усиленного режима, расположенные в районах самого тяжелого климата (на Колыме и в Арктике) тех политических заключенных, которые обвинялись в «принадлежности к троцкистской организации» или организации «правых уклонистов», а также осужденных за принадлежность к другой «контрреволюционной партии», за шпионаж, терроризм и предательство. В этих лагерях смертность ежегодно достигала 30%. Указ от 22 апреля 1943 года узаконил «каторгу усиленного режима», настоящие лагеря смерти, где заключенных эксплуатировали в условиях, не оставляющих им шанса на выживание: изнурительная работа, двенадцатичасовой рабочий день на золотых приисках, в угольных шахтах, на свинцовых рудниках, рудниках по добыче радиоактивных руд, расположенных, в основном, в районе Колымы и Воркуты[17].

За три года, с июля 1941 по июль 1944 года, специальные суды лагерей приговорили к новым срокам более 148 000 заключенных, из которых 10 858 были расстреляны: 208 человек за шпионаж, 4307 за «различные террористические акты», 6016 за организацию сопротивления или лагерный бунт. По сводкам НКВД, 603 «организации заключенных» были «перемолоты» за годы войны в лагерях ГУЛАГа[18]. Эта цифра должна была подтвердить «бдительность» лагерной охраны, периодически сменявшейся (часть спецвойск, охранявших лагеря, была назначена на другие объекты, в частности, переведена для осуществления облав-депортаций), но верно и то, что в первые годы войны имели место первые групповые побеги из лагерей и первые значительные массовые бунты заключенных.

За годы войны «личный состав» заключенных ГУЛАГа сильно изменился. После указа 12 июля 1941 года более 577 000 человек, осужденных за незначительные преступления, вроде прогулов или мелких хищений, были освобождены и направлены в ряды Красной Армии. В годы войны, по мере того как заклю-

ченные отбывали свой срок, их отправляли в армию: 1 068 800 человек из ГУЛАГа попали прямо на фронт[19]. Самые слабые заключенные, наименее приспособленные к безжалостным лагерным условиям — а это 600 000 человек, — умерли в ГУЛАГе только за период 1941 — 1943 годов, оставались и выживали в лагерях более крепкие, выносливые как среди политических, так и среди уголовников. Лагеря, кроме того, освобождались от множества заключенных, приговоренных к коротким срокам. Таким образом процент приговоренных к длительным срокам (более 8 лет) по 58 статье Уголовного кодекса значительно увеличился — с 27% до 43% от общего числа заключенных. Начавшаяся вместе с войной, эта эволюция «лагерного населения» стала более заметной в 1944—1945 годах, т.е. в течение тех двух лет, когда после периода затишья ГУЛАГ вдруг снова стал пополняться: число заключенных подскочило до 45% между январем 1944 года и январем 1946 года[20].

Спецсообщение зам. начальника Оперативного Отдела ГУЛАГа о состоянии Сиблага. 2 ноября 1941 г. ~

По сообщению Оперативного Отдела УНКВД Нооосибирской области, в Ахлурском, Кузнецком и Новосибирском отделениях Сиблэга имеет место значительный рост смертности среди заключенных. <...>

Причиной столь большой смертности, а также массового заболевания заключенных является — истощение от систематического недоедания, в условиях тяжелых физических работ и распространение вследствие этого пеллагры и ослабления сердечной деятельности.

Не менее серьезной причиной большой заболеваемости и смертности является несвоевременное оказание медицинской помощи заключенным со слабым здоровьем, использование заключенных на тяжелых физических работах с удлиненным рабочим днем без дополнительного питания. <...>

Имеют место также многочисленные факты смертности, истощения и эпидемических заболеваний среди этапируемых заключенных из пересыльных пунктов лагеря в отделения.

Так, из доставленных в Мэриинское отделение из Новосибирского пересыльного пункта 8.Х. 1941 г. 539 заключенных, более 30% оказалось завшивленными, все с резким истощением пеллагрического характера. Вместе с этапом доставлено было 6 трупов[21].

В ночь с 8 на 9.Х.с[его].г[ода]. умерло еще 5 человек.

Прибывший 20.1Х.с[его].г[ода]. в Мариинское отделение из того же пересыльного пункта этап, оказался на 100% завшивленным, многие из заключенных были без нательного белья. <...>

В последнее время, в Сиблаге выявлены факты вредительства со стороны некоторых медицинских работников лагеря из числа заключенных.

Так, лекпом Ангарского лагпункта Тайгинского отделения, осужденный по ст.58 п.10[22] создал группу из 4-х заключенных, которая организовала саботаж на производстве[20]. Участники группы умышленно посылали на тяжелые физические работы больных заключенных и несвоевременно оказывали им медицинскую помощь, чем стремились сорвать работу лагерного пункта...

Зам. начальника Оперативного Отдела ГУЛАГа
Капитан Госбезопасности
Когенман

Мир помнит опустошенный, но победивший в войне Советский Союз с позолоченной стороны медали. «Великая победоносная держава, — как писал Франсуа Фюре, — продемонстрировала соединение реальной силы с мессианством нового человека». Но есть и другая, тщательно скрываемая, сторона медали. Как свидетельствуют архивы ГУЛАГа, год победы стал годом апогея системы советских концлагерей. Мир, воцарившийся с внешней стороны государства, не дал ни передышки, ни даже маленькой паузы в мертвящем надзоре за обществом, изнуренным четырьмя годами войны. Напротив, 1945 год, по мере продвижения к западу Красной Армии, стал годом повторного установления контроля над территориями целых государств и отдельных регионов, включенных в Советский Союз перед войной, а также над миллионами советских людей, которые на какое-то время оказались «вне системы».

Занятые советскими войсками в 1939—1940 годах Прибалтика, западные районы Белоруссии, Молдавия, Западная Украина большую часть войны никак не были связаны с СССР, но им пришлось испытать все тяготы присоединения к Советам. Еще в 1939—1941 годах на этих территориях развивались национальные оппозиционные движения, вызвавшие к жизни сеть вооруженного сопротивления, а значит — ответные преследования и репрессии. Особенно сильным было сопротивление советским войскам на Западной Украине и в Прибалтике.

Первая оккупация Западной Украины в период с сентября 1939 по июнь 1941 года сопровождалась созданием довольно мощной подпольной организации ОУН (Организации украинских националистов), многочисленные члены которой завербовались в части СС для борьбы с евреями и коммунистами. В июле 1944 года после вступления Красной Армии ОУН создала Украинскую Головную Вызвольную Раду. Роман Шухевич, председатель ОУН, стал командующим Украинской повстанческой армии (УПА), которая, если верить украинским источникам, осенью 1944 года насчитывала более 20 000 бойцов. 31 марта 1944 года Берия подписал постановление об аресте и депортации в Красноярский край всех членов семей участников движения ОУН и УПА. С февраля по октябрь 1944 года 100 300 гражданских лиц, в основном женщин, детей и стариков, были высланы с Украины. Что касается 37 000 борцов ОУН, взятых в плен в этот период, то они были отправлены в лагеря ГУЛАГа. После смерти в ноябре 1944 года митрополита Украинской униатской церкви Андрея Шептицкого советская власть заставила эту церковь слиться с Русской православной церковью.

Чтобы подавить на корню всякое сопротивление Советам, агенты НКВД даже направлялись в школы для проверки ученических сочинений довоенного периода, когда Западная Украина была частью «буржуазной» Польши, и составления списка «лиц, которых стоит превентивно арестовать». На первом месте в этих списках стояли наиболее способные ученики, сочтенные «потенциально враждебными советской власти». Как следует из отчета одного из заместителей Берии Кобулова, более 100 000 «дезертиров» и «коллаборационистов» были арестованы в период между сентябрем 1944 и мартом 1945 года в западных районах Белоруссии, находящейся на том же счету, что и Западная Украина, — т.е. считающейся районом, «кишащим вражескими элементами». Не была забыта и Прибалтика: из коротких и очень неполных статистических отчетов следует, что в период с января по 15 марта 1945 года проведено 2257 «операций по чистке» в одной только Литве.

Эти операции сопровождались расстрелом 6 000 «бандитов» и арестом 75 000 «бандитов, членов националистических групп и дезертиров». В 1945 году более 38 000 «членов семей социально опасных элементов, бандитов и националистов» были депортированы из Литвы. В течение 1944—1946 годов процент украинцев и прибалтов среди заключенных вырос необычайно, увеличившись соответственно на 140% и 420%. В конце 1946 года украинцы представляли 23% заключенных лагерей, прибалты — 6%, это очень высокий процент, учитывая представительство этих национальностей в общем числе граждан СССР.

Увеличение контингента ГУЛАГа в 1945 году произошло за счет тысяч лиц, переведенных из фильтрационных лагерей. Эти лагеря создавались одновременно с рабочими лагерями ГУЛАГа с конца 1941 года с единственной целью изоляции советских военнопленных, освободившихся или вырвавшихся из рук врагов и сразу заподозренных в том, что они являются потенциальными шпионами или лицами, «испорченными» своим пребыванием «вне системы». В эти лагеря поступали также люди призывного возраста с территорий, временно оккупированных врагом, не говоря уже о старостах и других «неясных» личностях, живших в период оккупации на занятых врагом территориях и занимавших хотя бы небольшую должность в какой-нибудь вражеской администрации. С января 1942 по октябрь 1944 года более 421 000 человек, судя по официальным данным, прошли через проверочные и фильтрационные лагеря[24].

С продвижением Красной Армии на запад и освобождением территорий, оккупированных немцами, избавлением тысяч советских военнопленных и угнанных в Германию советских граждан вопрос об условиях их репатриации стал безотлагательным, и в октябре 1944 года советское правительство создало Управление по делам репатриации военных и гражданских лиц под руководством генерала Голикова. В интервью, опубликованном в прессе 11 ноября 1944 года, этот генерал утверждал, в частности, что «советская власть обеспокоена участью сыновей, попавших в рабство к нацистам. Они будут достойно приняты как сыны Отчизны. Советское правительство полагает, что даже те советские граждане, которые под угрозой нацистского террора совершили поступки, противоречащие интересам СССР, не будут за это отвечать, если они готовы честно выполнить свой гражданский долг по возвращении на Родину». Это широковещательное заявление ввело в заблуждение союзников. Как иначе объяснить то старание, с которым они выполнили все параграфы Ялтинского соглашения, касающиеся репатриации в СССР всех советских граждан, «находящихся в настоящее время за пределами своей родины»? Соглашение предусматривало обязательное «возвращение всех, кто носил немецкую форму или сотрудничал с врагом», и все «советские граждане, находящиеся за границей» были выданы агентам НКВД, уполномоченным обеспечить их возвращение.

Три дня спустя после подписания мира 11 мая 1945 года советское правительство отдало распоряжение о создании сотни новых контрольных лагерей и фильтрационных пунктов, рассчитанных каждый на десять тысяч мест. Вернувшиеся на родину советские военнопленные обязательно проверялись военной контрразведкой, организацией СМЕРШ, гражданские лица — специально созданными для этого службами НКВД. За девять месяцев с мая 1945 по февраль 1946 года более 4 200 000 советских граждан возвратились на родину: 1 545 000 выживших военнопленных из 5 миллионов, захваченных нацистами, 2 655 000 гражданских лиц, угнанных на работу в Германию или бежавших на Запад во

время боев. После обязательного прохождения через контрольный и фильтрационный пункты 57,8% репатриированных, в большинстве своем женщинам и детям, было разрешено возвратиться домой; 19,1% были отосланы в армию, в основном в штрафные батальоны; 14,5% были отправлены в строительные батальоны, как правило, на два года; 8,6%, т.е. приблизительно 3бО 000 человек, были отправлены в ГУЛАГ, большинство из них как «предатели родины», что означало: от десяти до двадцати лет лагерей или статус спецпоселенца под контролем одной из комендатур НКВД[25].

Особая судьба была у *власовцев* — советских солдат, последовавших за генералом Андреем Власовым, бывшим командующим 2-й армией, попавшим в плен в июле 1942 года. Антисталинист по убеждениям, генерал Власов пошел на сотрудничество с нацистами в целях освобождения родины от тирании большевиков. С одобрения германских властей Власов образовал Русский Освободительный Комитет и создал две дивизии Русской Освободительной Армии. После разгрома нацистской Германии генерал Власов и его офицеры были выданы союзниками Советам и казнены. Что касается солдат армии Власова, они были в результате декрета об амнистии в ноябре 1945 года высланы на шесть лет в Сибирь, Казахстан и на Крайний Север. В начале 1946 года 148 079 вла-совцев числились в списках Управления перемещенных лиц и спецпоселенцев Министерства внутренних дел. Тысячи власовцев, в основном младших офицеров, по обвинению в предательстве были отправлены в ИТЛ (исправительно-трудовые лагеря) ГУЛАГа[26].

Никогда еще «спецпоселения», лагеря и колонии ГУЛАГа, фильтрационные пункты, советские тюрьмы не имели такого количества заключенных, как в год победы, — около пяти с половиной миллионов человек всех категорий. Список «награжденных» подобным образом долго оставался незамеченным на общественной арене из-за впечатления от Сталинградской битвы и торжеств по поводу Победы. Конец Второй мировой войны ознаменовал начало длившегося приблизительно десятилетие периода, во время которого советская модель общества, как никогда прежде, оказывала влияние на мир, и десятки миллионов граждан из различных стран восхищенно смотрели на СССР. Тот факт, что за победу над германским фашизмом Россия заплатила миллионами человеческих жизней, скрыл характер сталинской диктатуры и освободил советскую власть от подозрений, которые волновали мир в период московских процессов и германо-советского пакта.

13
Апогей и кризис ГУЛАГа

Последние годы сталинизма не были ознаменованы публичными политическими процессами или Большим террором. Но в гнетущем и консервативном послевоенном общественном климате беззаконие достигло апогея. Надежды на либерализацию и обновление общества, задавленного войной, тихо таяли. «Народ пережил слишком много... Прошлое не может повториться», — писал в своих воспоминаниях Илья Эренбург 9 мая 1945 года. И добавлял, зная изнутри все звенья и природу советской системы, что «чувствует тревогу, недоумение, которые таятся где-то в глубине». Это предчувствие оправдалось.

«Народ, с одной стороны, удручен своим бедственным положением, с другой — надеется, что «что-нибудь изменится»», — так или примерно так писали в своих многочисленных отчетах в Москву инструкторы Центрального комитета, проводившие в сентябре-октябре 1945 года инспекцию городов и регионов СССР. Судя по этим отчетам, страна была повергнута в хаос. Эвакуация тысяч предприятий вместе с рабочими в 1941 — 1942 годах сильно ограничила производство. Волна масштабных забастовок, до сих пор властям незнакомых, всколыхнула металлургическую промышленность Урала. Нищета повсюду была совершенно неописуемой. В стране насчитывалось двадцать пять миллионов человек, лишенных крова, а хлебные пайки не превышали 500 г в день для рабочих, занятых на тяжелых работах*. В конце октября 1945 года в Новосибирске ответственные работники райкомов партии предложили даже не проводить демонстрации трудящихся по случаю годовщины Октябрьской революции, «потому что у населения нет ни одежды, ни обуви». Посреди нищеты и лишений поползли слухи о неминуемой ликвидации колхозов, еще раз доказавших неспособность чем-либо вознаградить крестьян за их усилия, кроме нескольких пудов пшеницы на всех и вся за весь трудовой сезон[1].

Положение на «сельскохозяйственном фронте» было драматично. В опустошенных войной деревнях, застигнутых засухой, в отсутствие сельхозтехники и рабочей силы, хлебозаготовки 1946 года почти провалились. Правительство еще раз должно было отодвинуть отмену карточной системы, объявленную Сталиным в речи 9 февраля 1946 года. Отказываясь видеть истинные причины провалов в сельском хозяйстве, приписывая трудности тому, что крестьяне отвернулись от колхозных полей и занимаются лишь своим личным подсобным хозяйством, правительство решило «ликвидировать нарушения в колхозах и изгнать враждебные элементы, которые срывают хлебозаготовки, воруют и

* В послевоенные годы нормы хлеба были: по «рабочим» карточкам — 800 г, по «служащим» 600 г и по «иждивенческим» — 400 г. *(Прим. ред.)*

расхищают урожай». 19 сентября 1946 года Сталин создал специальную комиссию под председательством Андреева — Совет по делам колхозов, который, в частности, должен был изъять государственные земли, «незаконно присвоенные» во время войны крестьянами. За два года колхозам были возвращены десять миллионов гектаров присвоенных крестьянами земель, обрабатывая которые, они попросту пытались выжить.

25 октября 1946 года вышло постановление правительства с выразительным названием «О сохранности государственного зерна», которое предписывало Министерству юстиции в десятидневный срок завершить расследование дел и со всей строгостью применить знаменитый закон от 7 августа 1932 года («о трех колосках»). В ноябре-декабре 1946 года более 53 300 человек, в большинстве своем колхозники, были приговорены к тяжелым лагерным работам за воровство колосков или хлеба. Тысячи председателей колхозов были арестованы за «вредительство в кампаниях по хлебозаготовкам». В результате этих мер за два месяца выполнение плана хлебозаготовок поднялось с 36% до 77%[2]. Но какой ценой! За словами «отставание в кампании хлебозаготовок» часто стояла трагическая реальность — голод.

Голод осени-зимы 1946—1947 годов поразил буквально все настигнутые засухой лета 1946 года области: Курскую, Тамбовскую, Воронежскую, Орловскую и Ростовскую. Число жертв голода достигло полумиллиона человек. Как и в 1932 году, голод 1946—1947 годов не имел общественного резонанса. Отказ снизить норму обязательной сдачи хлеба государству, при том, что в районах, пораженных засухой, удалось собрать всего по два с половиной центнера с гектара, способствовал окончательному наступлению голода. У голодных колхозников не было другого выхода, кроме как разворовывать хранящиеся в амбарах скудные запасы. За год число хищений увеличилось на 44% (3).

5 июня 1947 года пресса опубликовала два принятых накануне указа правительства, близких по духу и по содержанию закону от 7 августа 1932 года, и усиливающих наказания за «посягательство на государственную или колхозную собственность». Лица, нарушившие эти указы, подлежали наказанию от пяти до двадцати пяти лет лагерей в зависимости от того, была ли совершена индивидуальная или коллективная кража, в первый раз или повторно. Всякий, кто знал о готовящейся краже или стал свидетелем самой кражи и не донес об этом, подлежал наказанию от двух до трех лет лагерей. В суды было направлено секретное распоряжение, гласящее, что действующая мера наказания за мелкие хищения с места работы (лишение свободы сроком на один год) отменяется, и такого рода нарушители теперь тоже подпадают под Указ от 4 июня 1947 года.

К концу первого полугодия 1947 года под этот «злодейский указ» попали более 380 000 человек, из них 21 000 составили подростки в возрасте до шестнадцати лет. За воровство нескольких килограммов ржи давали от восьми до десяти лет лагерей. Вот отрывок из решения народного суда города Суздаля Владимирской области от 10 октября 1947 года: «НА и Б.С., несовершеннолетние, в возрасте пятнадцати и шестнадцати лет, охранявшие ночью колхозных лошадей, были пойманы с поличным при воровстве трех огурцов в колхозном огороде. <...> Приговорить НА. и Б.С. к восьми годам лишения свободы в трудовой колонии общего режима»[4]. За шесть лет 1 300 000 человек были осуждены, подпав под действие закона от 4 июня 1947 года, из них 75% — на пять лет и более, а в 1951 году осужденные по этому закону составляли 53% «уголовников» 1УЛАГа и около 40% от общего числа заключенных[5]. К концу 40-х годов строгое

применение закона от 4 июня 1947 года значительно повысило среднюю продолжительность сроков, присуждаемых обычными судами; процент приговоренных к пяти годам поднялся от *2%* в 1940 году до 29% в 1949 году! В эпоху наивысшего расцвета сталинизма обычные репрессии народных судов дополнялись «внесудебными репрессиями» расцветшего в 30-е годы НКВД[6].

Среди лиц, осужденных за воровство, было много женщин, вдов военных, матерей с грудными детьми, вынужденных просить милостыню или воровать. К концу 1948 года ГУЛАГ насчитывал около 500 000 заключенных женщин, вдвое больше, чем в 194 5 году. Детей в возрасте до четырех лет, содержавшихся в Доме младенца при лагере, где были заключены матери, было 22 815; этот показатель превысил 35 000 в начале 1953 года[7]. Чтобы избежать превращения ГУЛАГа в большие ясли, правительство постановило в апреле 1949 года объявить амнистию 84 200 женщинам с малолетними детьми. Однако благодаря постоянно растущему потоку заключенных, поступающих в лагеря на основании приговора за мелкие хищения, женщины вплоть до 1953 года составляли от 25% до 30% заключенных ГУЛАГа.

В 1947—1948 годах арсенал средств подавления общества обогатился новыми нормативными актами, отражающими климат эпохи: Указом о запрете браков с иностранцами от 15 февраля 1947 года, Указом об ответственности за разглашение государственной тайны или за потерю документов, содержащих государственные тайны от 9 июня 1947 года и Законом от 21 февраля 1948 года, который приговаривал «всех шпионов, троцкистов, диверсантов, уклонистов, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белых и другие антисоветские элементы к ссылке по окончании лагерного срока в районы Колымы, Новосибирскую область и Красноярский край, <...> в отдаленные области Казахстана». Предпочитая как следует упрятать «антисоветские элементы», администрация лагерей чаще решала присвоить новый срок заключенному, не устраивая новых процессов: так поступили со многими сотнями тысяч заключенных, осужденных по 58 статье в 1937—1938 годах.

21 февраля 1948 года Президиум Верховного Совета принял постановление, предписывающее высылку из Украинской ССР «всех отказавшихся от выполнения минимальной нормы трудодней в колхозах и ведущих паразитический образ жизни». 2 июня 1948 года эта мера распространилась на всю страну. Поскольку колхозы развалились и были неспособны гарантировать нормальную жизнь в обмен на трудодни, многочисленные колхозники из года в год не выполняли установленной властями нормы. Миллионы из них, таким образом, попадали под этот новый закон. Понимая, что строгое применение закона «о паразитических элементах» еще больше развалит производство, местные власти не особенно стремились им пользоваться. Тем не менее в одном только 1948 году более 38 000 «паразитов» были высланы и приписаны к комендатурам НКВД. На фоне этих мер Указ об отмене смертной казни от 26 мая 1947 года прошел почти незамеченным. Правда, эта отмена оказалась эфемерной и почти символической. Уже 12 января 1950 года «высшая мера» была восстановлена для того, чтобы привести в исполнение смертный приговор осужденным по «ленинградскому делу»[8].

В 30-е годы вопрос о «праве на возвращение» для перемещенных лиц и спецпоселенцев повлек за собой противоречивые и непоследовательные действия. В конце 40-х годов этот вопрос решился самым радикальным образом. Все высланные в 1941 — 1945 годы народы оставались на новых местах «навеч-

но». Проблема детей высланных, достигших совершеннолетия, больше не поднималась: они сами и их потомство — навсегда должны были остаться спецпоселенцами!

В течение 1948—1953 годов число спецпоселенцев продолжало увеличиваться: от 2 342 000 в начале 1946 до 2 753 000 в январе 1953 года. Это увеличение стало результатом новых волн депортированных. 22 и 23 мая 1948 года в Литве, которая всегда сопротивлялась насильственной коллективизации, НКВД начало облаву-выселение под названием «операция "Весна"». За 48 часов 36 932 человека, в том числе женщины и дети, были арестованы и высланы в тридцати двух эшелонах. Все они были квалифицированы как «бандиты, националисты и члены их семей». Дорога тянулась четыре-пять недель, затем их распределили по разным комендатурам Восточной Сибири и назначили на лесокомбинаты, где работа была особенно тяжелой. Насильственно высланные на лесокомбинат Игарки (территория Красноярского края), «литовские семьи, — как это можно прочитать в одной записке НКВД, — помещены в условия, непригодные для жизни: крыши протекают, в окнах нет стекол, никакой мебели, никаких спальных мест. Высланные спят на полу, подкладывая под себя сено и мох. Скученность и антисанитарные условия стали причиной тифа и дизентерии, иногда со смертельным исходом». В течение одного только 1948 года около 50 000 литовцев стали спецпоселенцами и 30 000 направлены в лагеря ГУЛАГа, 21 259 литовцев были убиты в ходе «операций по усмирению» этой республики, которая упрямо отказывалась от советизации и коллективизации. К концу 1948 года в Прибалтике, несмотря на всё усиливавшееся давление властей, менее *4%* земель подверглись коллективизации[9].

В начале 1949 года советское правительство решило ускорить процесс утверждения в Прибалтике советской власти и «вырвать с корнем бандитизм и национализм». 12 января Совет Министров принял Постановление о насильственном выселении за пределы Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР кулаков и их семей, семей бандитов и националистов, оказавшихся на нелегальном положении, семей бандитов, уничтоженных во время вооруженных столкновений, приговоренных или амнистированных, продолжающих вести активную вражескую деятельность, а также семей соучастников бандитов. Операции по высылке проходили с марта по май 1949 года, они затронули 95 000 прибалтов, которых насильственно выселили в Сибирь. Среди «вражеских и опасных для советского строя элементов», как отмечалось в отчете Круглова Сталину 18 мая 1949 года, было 27 084 ребенка в возрасте до шестнадцати лет, 1785 детей без родителей, 146 инвалидов и 2850 «дряхлых стариков»[10]! В сентябре 1951 года в результате новых облав было выслано 17 000 так называемых прибалтийских кулаков. За 1940—1953 годы из Прибалтики было насильственно изгнано всего 200 000 прибалтов, из них литовцев 120 000, 50 000 латышей и более 30 000 эстонцев (11). К этим цифрам следует добавить еще прибалтов, находившихся в ГУЛАГе — в 1953 году их было более 75 000 человек, из них 44 000 — в лагерях для самых опасных политических заключенных — причем прибалты составляли пятую часть этого лагерного контингента. В итоге 1*0%* взрослого населения прибалтийских республик было выслано или находилось в лагерях.

Из представителей других национальностей, недавно включенных в СССР, в лагерях оказались и молдаване, тоже яростно сопротивлявшиеся советизации и коллективизации. В конце 1949 года власти решили провести обширную облаву-депортацию «враждебных и социально чуждых элементов».

Разрешение на операцию давал лично первый секретарь Коммунистической партии Молдавии Леонид Ильич Брежнев, будущий Генеральный секретарь Коммунистической партии СССР. В докладе Круглова Сталину от 17 февраля 1950 года указано число насильственно высланных на «вечное поселение» молдаван— 94 792 человека. Если учесть процент смертности при переезде, в принципе, аналогичном всем прочим переездам-депортациям, то предполагаемое количество депортированных из Молдавии составляет 120 000 человек, т.е. *7%* от всего населения Молдавской ССР. Были проведены и другие подобные операции: насильственное выселение в том же 1949 году 57 680 греков, армян и турок с побережья Черного моря на Алтай и в Казахстан (12).

Во второй половине 40-х годов арестованные на Украине члены ОУНа (Организации украинских националистов) и бойцы УПА (Украинской повстанческой армии) продолжали пополнять и без того значительное число спецпоселенцев. С июля 1944 года по декабрь 1949 года советская власть семь раз призывала сопротивлявшихся сложить оружие, обещая амнистию, но не достигла каких-либо реальных результатов. В 1945—1947 годах западно-украинские деревни находились под контролем украинских националистов, поддерживаемых крестьянством, которое отказывалось от коллективизации. Восставшие действовали на границах Польши и Чехословакии, переходя из страны в страну, чтобы уйти от преследований. Можно себе представить, какое большое значение имел договор советского правительства с Польшей и Чехословакией о борьбе с украинскими «бандами». Следуя этому договору, польское правительство переместило украинское население на северо-запад Польши, вследствие чего повстанцы были лишены своих естественных баз[13].

Голод 1946—1947 годов, заставивший тысячи крестьян из восточных районов Украины бежать на Западную Украину, где не так чувствовалась рука Советов, увеличивал личный состав Повстанческой армии. Однако группы повстанцев комплектовались не только из крестьян. В предложении об амнистии, подписанном украинским министром внутренних дел 30 декабря 1949 года, указывалось на «молодежь, сбежавшую с заводов, шахт Донецка и ремесленных училищ». Западная Украина была окончательно «усмирена» только в конце 1950 года после насильственной коллективизации земель, депортации населения целых деревень, высылки или ареста 300 000 человек Согласно статистике Министерства внутренних дел около 172 000 членов ОУНа и бойцов УПА были высланы в период между 1944—1952 годами, чаще всего вместе с семьями, в Казахстан и Сибирь на спецпоселение[14].

Операции по депортации «других контингентов», если следовать терминологии Министерства внутренних дел, продолжались до самой смерти Сталина. Так, в ходе 1951 — 1952 годов были проведены операции меньшего размаха, в результате которых было выселено 11 685 мингрелов, 4707 грузинских иранцев, 4365 иеговистов, 4431 кулак из западных районов Белоруссии, 1445 кулаков из Западной Украины, 1415 кулаков из Псковской области, 995 человек из секты «истинных христиан», 2795 басмачей из Таджикистана, 591 бродяга. Отличие последней депортации от принудительного выселения «наказанных» народов заключалось в том, что они были депортированы не «навечно», а на десять-двадцать лет.

Как следует из недавно открытых архивов ГУЛАГа, на начало 50-х годов приходится наивысший размах пенитенциарной системы: никогда прежде в

лагерях и спецпоселениях не было такого количества людей и никогда еще кризис этой системы не был столь явным.

В начале 1953 года в ГУЛАГе содержалось 2 500 000 заключенных, распределенных по разным структурам:

—около 500 «трудовых колоний», в каждом регионе, включающих от тысячи до трех тысяч заключенных каждая, чаще уголовников, половина из которых были осуждены, как правило, на срок менее пяти лет;

—60 больших пенитенциарных комплексов, «трудовых лагерей», расположенных в северных и восточных регионах, в каждом из которых содержались десятки тысяч заключенных — уголовников и политических, осужденных в большинстве своем на срок более десяти лет;

—15 «лагерей особого режима», созданных по секретной инструкции Министерства внутренних дел 7 февраля 1948 года, где содержались «особо опасные» политические преступники в количестве около 200 000[15].

Итак, в местах заключения насчитывалось 2 500 000 заключенных, к ним следует добавить еще 2 750 000 спецпоселенцев, также находящихся в ведении ГУЛАГа. Все вместе они представляли серьезную проблему с точки зрения сохранения дисциплины и ведения постоянного надзора. В 1951 году министр внутренних дел генерал Круглов, обеспокоенный постоянным падением производства, использовавшего подневольную рабсилу, начал широкую проверку состояния ГУЛАГа. Посланные на места комиссии засвидетельствовали чрезвычайно трудное положение.

В «особых лагерях» содержались появившиеся после 1945 года новые «политические»: украинские националисты и прибалты, бывшие партизаны, разбитые и захваченные на своей территории; «чуждые элементы» из заново включенных в состав СССР республик, реальные или мнимые «коллаборационисты» и другие «изменники родины». Все это были более четко определенные категории врагов, в отличие от «врагов народа» 30-х годов — старых партийных кадров, чаще всего убежденных, что их заключение есть следствие какой-то чудовищной ошибки. Новые политические заключенные были осуждены на срок двадцать или двадцать пять лет, без надежды на досрочное освобождение. В лагерях специального режима не было уголовников, что давало возможность начать сопротивление, бунт против властей. Как подчеркивал Александр Солженицын, присутствие уголовников, точнее смешение уголовников с политическими, было главным препятствием развития солидарности среди заключенных. Украинцы и прибалты, имеющие большой опыт создания подполья, были чрезвычайно активны. Отказ от работы, голодовка, групповой побег, бунты учащались. Как показывают исследования событий в ГУЛАГе за 1950—1952 годы, пока еще не полностью завершенные, в это время там состоялось немало бунтов и серьезных забастовок, в которых принимали участие сотни заключенных[16].

Инспекционные комиссии Круглова 1951 года обнаружили общее ухудшение обстановки, т.е. «падение дисциплины», также и в обычных лагерях. В 1951 году был потерян один миллион рабочих дней по причине «отказа заключенных от работы». Внутри лагерей росла преступность, участились конфликты между надзирателями и заключенными, снизилась производительность труда заключенных. По мнению администрации, это положение было обусловлено столкновениями между различными группами заключенных: с одной стороны, «воры в

законе», отказывающиеся работать, с другой — «суки», которые соглашались занимать должности и подчиняться общелагерным правилам. Рост числа лагерных группировок и конфликтов между ними подрывал дисциплину и порождал «беспредел». Отныне в лагере чаще умирали от поножовщины, чем от голода или болезней. На совещании ответственных работников ГУЛАГа, состоявшемся в январе 1952 года в Москве, было доложено, что «администрация, до сих пор умело пользовавшаяся противоречиями между разными группами заключенных, теперь теряет контроль над своими «подопечными». <...> В некоторых лагерях мятежные группировки были готовы взять в свои руки управление лагерями». Чтобы нейтрализовать эти группировки, администрация вынуждена была постоянно переводить заключенных из лагеря в лагерь и проводить непрекращающуюся реорганизацию внутри самих лагерных комплексов, где порой содержалось от 40 000 до 60 000 человек[17].

Однако, помимо серьезных проблем, связанных с мятежными группировками, была и другая причина полной реорганизации лагерных структур и структур лагерного производства — появилась необходимость ограничить количество заключенных. К такому выводу пришли инспектора, проверявшие работу лагерей в 1951 — 1952 годы и изложившие это мнение в своих отчетах.

Полковник Зверев, отвечающий за большой комплекс лагерей в Норильске (69 000 заключенных), направил в январе 1952 года главе ГУЛАГа генералу Долгих доклад, в котором предлагалось провести некоторые преобразования, как то:

> «Изолировать заключенных, втянутых в враждующие группы. <...> Но из-за большого количества заключенных, активно охваченных обеими враждующими сторонами, <...> нам удается лишь изолировать вожаков этих уголовных групп;
>
> ликвидировать обширные зоны, в которых без охраны работают десятки тысяч заключенных, принадлежащих враждующим группировкам;
>
> организовать более объемные производственные подразделения, в которых надзор за заключенными был бы более эффективен;
>
> увеличить лимит охраны. <...> Но этого наблюдения организовать невозможно, т.к. надзирательная служба остается неукомплектованной на 50%;
>
> разделить использование заключенных от вольнонаемного состава. <...> Но в условиях технологической связи в работе разных предприятий комбината, расположение этих предприятий сообразно интересам непрерывного производственного процесса, связывающего их друг с другом, в условиях сильного недостатка жилья — эти мероприятия выполнить пока не представляется возможным <...> Вообще, задачу поднятия производительности труда и целесообразности производственного процесса может решить лишь досрочное освобождение и закрепление на предприятиях комбината 15 000 заключенных<...>»[18].

Это последнее предложение Зверева было довольно разумно в контексте времени. В январе 1951 года министр внутренних дел Круглов обратился к Берии с предложением об освобождении 6000 заключенных, которые будут работать как «вольные» на строительстве Сталинградской гидроэлектростанции, где использовался труд 25 тысяч заключенных при крайне низкой производительности. Практика досрочного освобождения квалифицированных заключенных была в начале 50-х годов довольно распространенной, и это свидетель-

ствует об актуальности вопроса экономической рентабельности раздутой лагерной системы, давно переставшей быть эффективной.

Борясь со вспышками протеста внутри лагерей, решая проблемы охраны и надзора за растущим числом заключенных (персонал конвойных и надзирателей в ГУЛАГе составлял 208 000 человек), громадная административная машина лагерного управления сталкивалась также с другого рода трудностями — приписками и фальшивыми балансами *(туфтой),* вообще сводящими на нет экономический смысл лагерей[19]. Существовало два способа решения этой проблемы: максимально эксплуатировать *рабсилу,* совершенно не заботясь о человеческих потерях, или делать то же самое, но все-таки заботясь об ее выживании. До 1948 года в основном преобладал первый подход. Но с конца 40-х годов власти начинают думать иначе, их беспокоит недостаток рабочих рук в обескровленной войной стране. Война заставила администрацию лагерных учреждений более «экономно» эксплуатировать труд заключенных. Чтобы поднять производительность труда, были введены премии и зарплаты, увеличен пищевой рацион. Смертность упала до 2—3% в год. Но эта «реформа» вскоре столкнулась с положением дел в лагерях.

В начале 50-х годов те предприятия, на которых были заняты заключенные, работали уже более двадцати лет, не получая никаких новых инвестиций. Громадные лагеря, в которых содержались десятки тысяч человек, стали трудными в управлении и совсем неэффективными, несмотря на многочисленные попытки улучшить их работу путем деления крупных структур на меньшие в 1949 и 1952 годах. Мизерная зарплата заключенных (несколько сотен рублей в год, т.е. в 15—20 раз ниже среднего заработка свободного рабочего), естественно, не могла быть стимулом, обеспечивающим повышение производительности труда. К тому же все большее число заключенных вообще отказывалось от работы, образовывались группировки, и это, в свою очередь, требовало повышенного надзора. Получалось, таким образом, что все заключенные те, кому лучше платят, те, кого лучше охраняют, подчиняющиеся лагерным требованиям или соблюдающие воровской закон, — все они обходятся властям всё дороже и дороже.

Те неполные данные, которые можно узнать из отчетов наблюдательных комиссий 1951 — 1952 годов, приводят к одному выводу: ГУЛАГ стал машиной, всё хуже и хуже управляемой. В результате последние великие сталинские стройки, возводившиеся силами заключенных: Куйбышевская гидроэлектростанция, Сталинградская гидроэлектростанция, канал в Туркменистане, канал Волго-Дон, — задерживались. Чтобы ускорить ход работ, власти должны были или перевести туда многочисленных свободных рабочих, или досрочно освободить заключенных — в тех случаях, когда для этого было достаточно оснований[20].

Кризис ГУЛАГа по-новому освещает Постановление об амнистии от 27 марта 1953 года, подписанное Берией через три недели после смерти Сталина. Оно коснулось судеб 1 200 000 заключенных. Переполненный и экономически все менее выгодный, ГУЛАГ требовал изменений, поэтому нельзя говорить, что только политические перемены стали причиной, по которой была объявлена амнистия. Будущие преемники Сталина были знакомы с трудностями исправительной системы и понимали ее экономическую несостоятельность. Однако страдающий от паранойи Сталин готовил новые «чистки», новый Большой террор и не откликался на просьбы администрации ГУЛАГа об уменьшении численности заключенных. В давящем и беспокойном климате конца эпохи сталинизма все противоречия обострялись...

14
Последний заговор

О раскрытии заговора «врачей-вредителей» — поначалу девяти, потом пятнадцати самых квалифицированных врачей Кремлевской больницы — сообщила газета *«Правда»* 13 января 1953 года. Их обвинили в «умерщвлении» руководителей страны с помощью неправильных методов лечения и ядов, в частности в том, что они ускорили смерть члена Политбюро А. Жданова, умершего в августе 1948 года, и Александра Щербакова, умершего в 1945 году, а также в попытке убийства советских военачальников по приказу «Интеллидженс Сервис» и организации еврейской взаимопомощи «Американ Джойнт Дистрибьюшн Комити». В то же самое время, когда врач Лидия Тимашук, «сигнализировавшая» властям об имевших место недостатках и упущениях, в торжественной обстановке получала «за бдительность» орден Ленина, у обвиняемых выбивали «признания». Как и в 1936—1938 годах, тысячи советских людей собирались на митинги, чтобы потребовать наказания виновных и возврата к истинно большевистской бдительности. В последующие после «заговора убийц в белых халатах» недели в прессе началась новая кампания в духе Большого террора с требованиями покончить с «преступной беспечностью в рядах партии и вредительством». Обществу навязывалась мысль о широком заговоре, объединяющем интеллигенцию, евреев, военных, высшие партийные кадры, крупных экономистов, а также должностных лиц из «нерусских» республик, что напоминало худшие времена «ежовщины».

Ставшие сегодня доступными документы[1] свидетельствуют, что сфабрикованный «заговор убийц в белых халатах» стал переломным моментом в эволюции сталинизма послевоенного периода. Одновременно он был как бы завершением кампании по борьбе с космополитами, точнее — антисемитской кампании, развязанной в печати в начале 1949 года. Она началась еще в 1946—1947 годах, когда проступили основные черты нового Большого террора, и была остановлена только со смертью Сталина. Кроме того, было еще одно немаловажное обстоятельство: борьба между различными группировками в Министерстве внутренних дел и в Министерстве госбезопасности, разделившимися в 1946 году и подвергавшимися постоянным реорганизациям. Эти столкновения внутри политических органов были отражением борьбы за власть наверху; каждый из потенциальных наследников Сталина уже видел себя главой государства. Впрочем, у «дела врачей-убийц» есть весьма специфический ракурс: через восемь лет после публичного осуждения практики нацистских лагерей всплыло антисемитское наследие царизма, против которого всегда выступали большевики; именно поэтому мы считаем, что сталинизм вступил в свою последнюю фазу.

У нас нет возможности распутать все нити «дела врачей-убийц» или, скорее, дел, которые слились в одно в этот финальный момент. Обозначим основные моменты эволюции этого последнего заговора. В 1942 году советское правительство, желая оказать давление на американских евреев с тем, чтобы те убедили правительство США открыть наконец «второй фронт» против нацистской Германии в Европе, благоприятствовало созданию в СССР Еврейского антифашистского комитета под руководством известного актера и режиссера Еврейского теа-тра в Москве Соломона Михоэлса. Сотни евреев развернули в этом Комитете активную деятельность: писатель Илья Эренбург, поэты Самуил Маршак и Перец Маркиш*, пианист Эмиль Гилельс, писатель Василий Гроссман и многие другие деятели науки и культуры. Но очень скоро Комитет превратился из официозной пропагандистской организации в учреждение, представляющее еврейскую общину и советский иудаизм. В 1944 году руководители этого Комитета Михоэлс, Фефер и Эпштейн обратились лично к Сталину с предложением о создании еврейской автономной республики в Крыму, которая, по их мнению, помогла бы забыть обидный эксперимент по образованию «Еврейского национального государства» в Биробиджане. Последнее было действительно создано в ЗО-е годы, но явно неудачно: за 10 лет менее 40 000 евреев поселились в этом забытом, пустынном и болотистом месте на Дальнем Востоке на границе с Китаем[2]!

Кроме того, Еврейский антифашистский комитет занялся сбором свидетельств об уничтожении евреев нацистами, а также о «ненормальном отношении к евреям», или, проще говоря, о проявлениях антисемитизма со стороны населения. Они были достаточно многочисленны. Традиционный антисемитизм был по-прежнему силен на Украине и в некоторых западных районах России, в частности, в бывшей «черте оседлости» Российской империи, где евреи, по разрешению царской власти, имели право на проживание. Первые поражения Красной Армии во Второй мировой войне продемонстрировали размах антисемитизма в народной среде. Как указывается в некоторых отчетах НКВД «о состоянии умов в тылу», широкие слои населения легко поддались нацистской пропаганде, согласно которой немцы вели войну не с русскими, а с евреями и коммунистами. В районах, занятых немцами, особенно на Украине, уничтожение евреев с ведома и на глазах у населения не вызвало, кажется, большого возмущения. Немцы сумели завербовать себе в помощь 80 000 украинцев, некоторые из них принимали участие в уничтожении евреев. Чтобы противостоять нацистской пропаганде и мобилизовать *единый* советский народ на борьбу с врагом, большевистские идеологи с самого начала отказывались признать, что Холокост имел весьма специфический характер. На этой почве развился антисионизм, затем официальный антисемитизм. В августе 1942 года Отдел агитации и пропаганды Центрального комитета распространил для внутреннего пользования записку «О преобладании евреев в артистических, литературных и журналистских кругах».

Деятельность Еврейского антифашистского комитета не могла не вызвать ответную реакцию властей. С начала 1945 года перестали публиковать произведения Переца Маркиша; публикация *Черной книги* о жестокостях нацистов в отношении евреев также была запрещена. «Основная идея этой книги состоит в том, что немцы воевали с СССР только с целью уничтожения евре-

* П.Д. Маркиш (1895—1952) — еврейский писатель. Писал на идиш. Автор романа *Война* (1941 — 1948), пьес, поэм, лирических стихов и др. Репрессирован в связи с делом Еврейского антифашистского комитета. *(Прим. ред.)*

ев», — так был сформулирован официальный предлог для запрета книги. 12 октября 1946 года министр госбезопасности Абакумов направил в Центральный комитет записку «О националистических проявлениях Еврейского антифашистского комитета»[3]. Сталин, намеревавшийся продолжать внешнюю политику, благоприятствующую созданию государства Израиль, не сразу на нее отреагировал. Только после того, как 29 ноября 1947 года СССР проголосовал за план раздела Палестины, Абакумову был открыт путь для ликвидации Комитета.

19 декабря 1947 года некоторые члены этого Комитета были арестованы*. Несколько недель спустя, 13 января 1948 года, Соломон Михоэлс был найден убитым в Минске. Согласно официальной версии он стал жертвой несчастного случая: его сбил автомобиль. Еще несколько месяцев спустя, 21 ноября 1948 года Еврейский антифашистский комитет был распущен под предлогом того, что он стал «центром антисоветской пропаганды». Различные его органы были запрещены, в частности, издававшаяся на идиш газета *«Эйникайт» (4),* с которой сотрудничала еврейская интеллектуальная элита. В последующие несколько недель все члены Комитета были арестованы. В феврале 1949 года пресса открыла «большую кампанию по борьбе с космополитами». Еврейские театральные критики были разгромлены за «невозможность понять национальный русский характер». «Разве какой-нибудь Гурвич или Юзовский могут правильно представить себе национальный русский характер?» — писала газета *«Правда» 2* февраля 1949 года. Сотни евреев-интеллигентов были арестованы в Москве и Ленинграде в первые месяцы 1949 года.

В середине 90-х годов журнал *«Нева»* опубликовал показательный для того времени документ — решение Ленинградского суда от 7 июля 1949 года, в котором Ахилл Григорьевич Ленитон, Илья Зеликович Шерман и Руфь Александровна Зевина приговаривались к десяти годам лагерей. Обвиняемые были признаны виновными в том, что позволили себе в частных беседах «антисоветскую критику резолюции Центрального комитета по поводу журналов *«Звезда»* и *«Ленинград»**;* и далее: «интернациональные марксистские решения они интерпретировали в контрреволюционном духе <...> и оклеветали политику советского правительства по национальному вопросу». Попытка опротестовать решение не удалась, коллегия Верховного суда только ужесточила прежний приговор: «При вынесении приговора Ленинградский суд не учел всей серьезности содеянного <...>. Обвиняемые, пребывая в плену националистических предрассудков, утверждали превосходство одного народа над другими народами Советского Союза и тем самым вели контрреволюционную пропаганду»[5]. Срок заключения был увеличен до 25 лет.

Начались систематические смещения евреев сначала с ответственных постов, которые они занимали в области культуры, информации, прессы, в издательской деятельности и в медицине. Затем число арестов увеличилось, по-

* В декабре 1947 года аресту подверглись лишь два члена ЕАК: экономист И. Гольдштейн и литературовед 3.Гриндберг. На основе «выбитых» из них показаний и начало «раскручиваться» дело ЕАК, по которому основные аресты производились в январе 1949 года. *(Прим. ред.)*

** Знаменитое Постановление ЦК ВКП(б) о журналах "*Звезда"* и *«Ленинград»* от 14 августа 1946 года легло в основу кампании против «космополитизма» и «низкопоклонства перед Западом», одним из главных инициаторов которой был секретарь ЦК А. Жданов. Ее первыми жертвами стали Михаил Зощенко, Анна Ахматова и Дмитрий Шостакович, а вслед за ними — многие литераторы, композиторы, деятели кино, философы, экономисты, историки и др. «Реакционной лженаукой» была объявлена генетика, на сходных основаниях развернута кампания против кибернетики. Кампания сопровождалась репрессиями и нанесла большой удар по развитию науки и культуры в СССР. *(Прим. ред.)*

разив самые разные социальные круги. Группа «инженеров-вредителей», в большинстве своем лиц еврейской национальности, была арестована на металлургическом комбинате в Сталино и расстреляна 12 августа 1952 года[6]. Другой пример: «за потерю документов, содержащих важные государственные секреты», была арестована 21 января 1949 года и затем приговорена к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере жена Молотова Полина Жемчужина, по национальности еврейка, занимавшая ответственный пост в руководстве текстильной промышленностью, а супруга-еврейка личного секретаря Сталина Александра Поскребышева была обвинена в шпионаже и расстреляна в июле 1952 года. Молотов и Поскребышев продолжали служить Сталину как ни в чем не бывало.

Однако следствие по делу Еврейского антифашистского комитета затянулось. Процесс проходил при закрытых дверях, и только в мае 1952 года, через два с половиной года после ареста обвиняемых, ему дали ход. Почему этот процесс шел так долго? Согласно документации, частично уже доступной, это может объясняться двумя причинами: во-первых, одновременно с «делом врачей-убийц» Сталин запустил еще одно, так называемое ленинградское дело, которое велось в строгой тайне, и вместе с делом Еврейского антифашистского комитета должно было, очевидно, стать важным этапом в подготовке новой большой «чистки». Во-вторых, он был озабочен глубокой реорганизацией служб безопасности, что стало ясно после ареста в июле 1951 года Абакумова. Этот арест был направлен и против всемогущего Берии, заместителя Председателя Совета Министров и члена Политбюро. Дело Еврейского антифашистского комитета было также непосредственно связано с делом «врачей-вредителей», а после смерти Сталина оказалось в самом центре борьбы за политическое наследование и раздел сфер влияния.

Из всех сфабрикованных процессов «ленинградское дело», разгром второй по значимости парторганизации Советского Союза и тайный расстрел ее руководителей и по сегодняшний день остается самым загадочным. 15 февраля 1949 года Политбюро приняло резолюцию «об антипартийной деятельности Кузнецова, Родионова и Попкова», трех представителей высшего партийного руководства. Все трое были сняты с должностей, а вместе с ними и председатель Госплана СССР Вознесенский, с работы было уволено также большинство членов ленинградского партаппарата. Ленинград в глазах Сталина всегда был подозрительным городом. В августе-сентябре 1949 года все партийные руководители были арестованы по обвинению в «организации антипартийной группы», связанной с «Интеллидженс Сервис». Абакумов начал тогда настоящую охоту на бывших членов ленинградской парторганизации, работавших на ответственных постах в других городах и республиках. Сотни ленинградских коммунистов были арестованы, а около 2000 просто исключены из партии и уволены с работы. Репрессии приняли ужасающие размеры, коснувшись даже самого города, его недавней истории. Так, в августе 1949 года власти закрыли Музей обороны Ленинграда, созданный в память о героической защите города во время Великой Отечественной войны. Несколько месяцев спустя ЦК партии поручил Михаилу Суслову организацию комиссии по ликвидации музея, которая работала до конца февраля 1953 года[7].

30 сентября 1950 года начался закрытый судебный процесс над основными обвиняемыми по «ленинградскому делу» — Кузнецовым, Родионовым, Попковым, Вознесенским, Капустиным, Лазутиным. Они были расстреляны на сле-

дующий день, буквально через час после оглашения приговора. Дело раскручивалось без какой-либо огласки. О нем не знал никто, даже дочь одного из обвиняемых, невестка Анастаса Микояна, бывшего министром и членом Политбюро! В течение октября 1950 года другие псевдоправедные суды приговорили к смертной казни десятки ответственных работников, когда-то состоявших в Ленинградской партийной организации: Соловьева, первого секретаря Крымского областного комитета партии, Бадаева, второго секретаря Ленинградского областного комитета партии, Вербицкого, второго секретаря Мурманского областного комитета партии, Басова, первого заместителя Председателя Совета Министров РСФСР и других[8].

Было ли «ленинградское дело» сведением счетов между группировками аппаратчиков или звеном в цепи дел, ведущих к ликвидации Еврейского антифашистского комитета, — таких, как заговор «убийц в белых халатах» и арест Абакумова? Вторая гипотеза представляется нам более вероятной. «Ленинградское дело», без сомнения, было решающей фазой в подготовке новой большой «чистки», публичный призыв к которой прозвучал 13 января 1953 года. Знаменательно, что расстрелянных ленинградских руководителей обвиняли в преступлениях того же сорта, что и мнимые преступления 1936—1938 годов. На пленарном заседании ленинградской парторганизации в октябре 1949 года новый первый секретарь Андрианов объявил ошеломленной аудитории, что бывшие руководители организации опубликовали троцкистско-зиновьевские произведения, в которых «они тайком, в скрытой форме, протащили идеи из статей самых злостных врагов народа Зиновьева, Каменева, Троцкого и других». Карикатурность этого обвинения была слишком очевидна для работников аппарата. Каждый был должен готовиться к новому 1937 году[9].

После казни главных обвиняемых по «ленинградскому делу» в октябре1950 года начались новые перестановки сил в органах Госбезопасности и Министерстве внутренних дел. Не доверяя больше Берии, Сталин сфабриковал дело о новом «мингрельском националистическом заговоре», целью которого якобы было присоединение Мингрелии, т.е. того района Грузии, где родился Берия, к Турции. Берия вынужден был «принять меры» по отношению к своим «соотечественникам» и провести «чистку» грузинской компартии[10]. В октябре1951 года Сталин нанес еще один удар по Берии, заставив его арестовать старых сотрудников прокуратуры и госбезопасности еврейского происхождения: генерала Наума Эйтингона*, проводившего под началом Берии операцию по убийству Троцкого; генерала Леонида Райхмана, принимавшего участие в организации московских процессов; полковника Льва Шварцмана, пытавшего Бабеля и Мейерхольда; следователя Льва Шейнина, бывшего правой рукой прокурора Вышинского во время больших московских процессов 1936—1938 годов.Все они были обвинены в организации большого «националистического еврейского заговора», руководимого <...> министром госбезопасности Абакумовым, ближайшим сподвижником Берии.

Абакумов был арестован незадолго до этих событий — 12 июля 1951 года. Сначала он был обвинен в том, что способствовал ликвидации Якова Этингера,

* 31 июля 1991 г. *«Известия»* писали о Науме Эйтингоне: «...генерал вплоть до 1950 г. был напрямую связан с секретной химической лабораторией КГБ, где отрабатывалось применение различных ядов на подлежащих уничтожению «врагах народа», за что после разоблачения Берии был осужден на длительный срок». *(Прим. ред.)*

врача-еврея, арестованного в ноябре 1950 года за антисоветскую сионистскую пропаганду и трагически погибшего в тюрьме во время допроса. «Убрав» Этин-гера, который имел большой опыт работы и лечил Кирова, Орджоникидзе, маршала Тухачевского, Пальмиро Тольятти, Иосипа Броз Тито и Георгия Димитрова, Абакумов, оказывается, «пытался помешать разоблачению преступной группы еврейских националистов, просочившихся в высокие сферы органов госбезопасности». Несколько месяцев спустя Абакумов был представлен следствием как «мозговой трест» еврейского националистического заговора! Таким образом, арест Абакумова в июле 1951 года стал переломным моментом в разоблачении «сионистского заговора», связующим звеном в плане ликвидации Еврейского антифашистского комитета, сигналом к которой было «дело врачей». Так в течение лета 1951 года (а не в конце 1952), задуманный сценарий принял четкие очертания".

С 11 по 18 июля 1952 года в обстановке строгой секретности состоялся процесс над членами Еврейского антифашистского комитета. Тринадцать обвиняемых были приговорены к смерти и расстреляны 12 августа 1952 года, вместе с ними были расстреляны «инженеры-вредители» с автомобильного завода им. Сталина. В целом по делу Еврейского антифашистского комитета было вынесено 125 приговоров, из них 25 смертных, все они были приведены в исполнение; 100 человек были приговорены к заключению в лагеря на срок от 10 до 25 лет[12].

К сентябрю 1952 года сценарий «сионистского заговора» был готов полностью. Его исполнение было задержано на несколько недель по причине проведения XIX съезда партии, собравшегося наконец в октябре 1952 года, т.е. через тринадцать с половиной лет после XVIII съезда. По окончании съезда были арестованы и заключены в тюрьму врачи-евреи, у которых под пытками выбивали признания, — так родилось дело «убийц в белых халатах». Одновременно с этими арестами, которые в тот момент еще были тайными, в Праге 22 ноября 1952 года открылся процесс по делу Рудольфа Сланского, бывшего секретаря Коммунистической партии Чехословакии, и тринадцати других коммунистических руководителей. Одиннадцать из них были приговорены к смертной казни и повешены. Одной из особенностей этого так называемого судебного процесса было то, что его целиком состряпали советники из органов госбезопасности СССР, и он носил откровенно антисемитский характер. Одиннадцать из четырнадцати подсудимых были евреями, всех их обвиняли в создании террористической «троцкистско-тито-сионистской группы». Подготовка этого процесса стала настоящей охотой на евреев в аппаратах коммунистических партий Восточной Европы.

На следующий день после казни одиннадцати «заговорщиков» по делу Рудольфа Сланского, 4 декабря 1952 года, Сталин заставил Президиум ЦК проголосовать за резолюцию, озаглавленную «О положении в органах госбезопасности», где он приказывал партийным инстанциям положить конец «бесконтрольным действиям органов». На скамье подсудимых оказались органы госбезопасности, обвиняемые в халатности: им-де не хватало бдительности, они позволили врачам-вредителям заниматься своей пагубной деятельностью. Иными словами, был сделан еще один шаг. Сталин рассчитывал использовать дело «врачей-вредителей» против госбезопасности и против Берии. Большой специалист по аппаратным интригам, последний не мог не знать о тайном смысле того, что готовилось.

То, что произошло в течение недель, непосредственно предшествовавших смерти Сталина, пока еще недостаточно известно. Вслед за официальной кампанией, призывающей к усилению большевистской бдительности, после митингов и собраний, где обличались «убийцы-космополиты», продолжалось расследование и велись допросы врачей. Новые ежедневные аресты принимали все более широкий размах.

19 февраля 1953 года был арестован заместитель министра иностранных дел Иван Майский, правая рука Молотова и бывший посол СССР в Лондоне. После многочасового беспрерывного допроса, он «признался», что был завербован как британский шпион самим Уинстоном Черчиллем, а вместе с ним была завербована Александра Коллонтай, известная большевичка, в свое время создавшая (вместе со Шляпниковым, расстрелянным в 1937 году) «рабочую оппозицию» и бывшая до конца Второй мировой войны послом СССР в Стокгольме[13].

Однако, несмотря на сенсационные «подвижки» в расследовании «заговора», нельзя не заметить, что, в отличие от подобных процессов в 1936—1938 годах, никто из высших партийных должностных лиц не выступил с какими бы то ни было разоблачительными заявлениями между 13 января и 5 марта, днем смерти Сталина. В 1970 году Н. Булганин, сталинский министр Вооруженных Сил, признался, что кроме Сталина, главного вдохновителя и организатора, лишь четверо советских руководителей были посвящены в детали готовящегося «дела» — Маленков, Суслов, Рюмин и Игнатьев. Остальные же не исключали угрозы для самих себя. Согласно тому же Булганину, процесс над «врачами-евреями» намечался на середину марта, следом должна была начаться массовая депортация советских евреев в Биробиджан[14]. В настоящее время, в связи с труднодоступнос-тью Архива Президента РФ, где хранятся самые секретные и, видимо, самые «неудобные» сведения, нет возможности доподлинно установить, существовал ли план массовой высылки евреев в начале 1953 года. Несомненно одно: со смертью Сталина прекратилось наконец-то пополнение списка его жертв.

15

После Сталина

Смерть Сталина, наступившая в середине 70-летнего существования Со ветского Союза, ознаменовала решающий этап, конец целой эпохи, если не конец всей системы. Кончина «вождя всех времен и народов» высветила, как писал Франсуа Фюре, «парадокс системы, якобы вписывающейся в законы общественного развития, но в которой все настолько зависело от воли одного человека, что стоило ему исчезнуть, как сама система тут же утратила нечто, что составляло ее основу». Одним из важнейших элементов этой «основы» оказался высокий уровень репрессивного подавления, которое в самых разнообразных формах осуществлялось государством против общества.

Для главных соратников Сталина — Маленкова, Молотова, Ворошилова, Микояна, Кагановича, Хрущева Булганина, Берии —самой сложной оказалась проблема политического наследования Сталину. Они должны были одновременно обеспечить преемственность системы, разделить между собой ответственность, найти равновесие между личной властью, пусть даже и не такой безграничной, как прежде, и коллегиальностью, уважая при этом честолюбивые чаяния каждого, соблюдая надлежащую субординацию и без промедления осуществляя определенные перемены, с необходимостью которых было согласно подавляющее большинство.

Сложность согласования всех этих целей объясняет тот непростой путь политического развития, который прошла страна между смертью Сталина и арестом Берии 26 июня 1953 года.

Ставшие ныне доступными стенограммы двух Пленумов Центрального комитета, состоявшихся 5 марта 1953 года (в день смерти Сталина) и со 2 по 7 июля 1953 года[1] (после устранения Берии) проливают свет на причины, толкнувшие советских руководителей положить начало «выходу из сталинизма», который Никите Хрущеву суждено было превратить в «десталинизацию». Ее кульминационными моментами стали XX съезд КПСС в феврале 1956, а затем XXII съезд — в октябре 1961 года.

Первой причиной такой политики был инстинкт самосохранения. В последние месяцы жизни Сталина почти все представители правящей верхушки чувствовали, насколько уязвимым сделался каждый из них. Никто не был в безопасности: ни Ворошилов, которого обозвали «агентом иностранных разведывательных служб», ни Молотов с Микояном, смещенные диктатором с постов в Президиуме Центрального комитета, ни Берия, вокруг которого плелись зловещие интриги в органах госбезопасности, инициируемые лично Сталиным. Руководители средних эшелонов власти тоже испытывали страх перед всесильной политической полицией, представлявшей практически единственную угрозу стабильности их карьеры.

Нужно было начать с разрушения того, что Мартен Малья справедливо назвал «машиной, созданной покойным диктатором для обеспечения своих личных целей», дабы никто уже не смог воспользоваться ею, чтобы утвердить верховенство над своими политическими товарищами и конкурентами. Существенные расхождения относительно реформ, которые требовалось провести, не помешали «наследникам Сталина» объединиться против Берии. Их сплотил страх появления нового диктатора, тем более могущественного, что он был хозяином огромного аппарата Министерства внутренних дел. Все усвоили один урок нельзя допускать, чтобы репрессивная машина действовала «вне контроля со стороны партии», т.е. стала орудием одного человека и представляла угрозу политической верхушке.

Вторая куда более существенная причина, побуждавшая к переменам, состояла в том, что все лидеры партии (Хрущев, Маленков и другие) прекрасно отдавали себе отчет в необходимости проведения экономических и социальных реформ. Управление экономикой, основанное исключительно на репрессивных методах, произвольном изъятии почти всего сельскохозяйственного продукта, криминализации общественных отношений, гипертрофии ГУЛАГа, привело к тяжелейшему экономическому кризису и застою в социальной области, которые препятствовали повышению производительности труда. Экономическая модель, внедрявшаяся в 3О-е годы против воли подавляющего большинства населения, уже явно себя изжила.

Наконец, третья причина была связана с самой динамикой борьбы за наследование власти. Никите Хрущеву — благодаря отважной готовности признать личную ответственность за свое сталинистское прошлое, искренним угрызениям совести, политической сноровке, какому-то особому, только ему присущему популизму, вере в «лучезарное будущее», намерению вернуться к тому, что он считал «социалистической законностью» и т.д., — в конце концов удалось вырваться вперед и пойти дальше всех своих соратников по пути десталинизации, умеренной и частичной в плане политическом, но радикальной в том, что касалось повседневной жизни населения.

Каковы же основные этапы ломки той репрессивной машины, которая в течение нескольких лет позволила превратить Советский Союз из системы с чрезвычайно высоким уровнем судебного и внесудебного подавления в авторитарно-полицейский режим, где память о терроре, в течение жизни целого поколения, служила самым надежным гарантом его постсталинистского порядка?

Не прошло и двух недель со дня смерти Сталина, как ГУЛАГ был в корне реорганизован. Он перешел в ведение Министерства юстиции. Что же касается экономических инфраструктур, то они были переданы под юрисдикцию соответствующих гражданских ведомств. Еще более поразительно, что все эти административные перемены, которые означали явное ослабление всесильного Министерства внутренних дел, сопровождались объявленной в *«Правде»* от 28 марта 1953 года широкомасштабной амнистией. На основании указа, принятого накануне Президиумом Верховного Совета СССР и подписанного его главой, маршалом Ворошиловым, амнистии подлежали:

1. Все, кто был приговорен к лишению свободы сроком менее, чем на пять лет.

2. Все лица, осужденные за должностные и экономические правонарушения, а также за злоупотребление властью.

3. Беременные женщины и матери, имеющие детей младше десяти лет, несовершеннолетние, мужчины старше пятидесяти пяти и женщины старше пятидесяти лет.

Более того, Указ об амнистии предусматривал сокращение наполовину срока лишения свободы для всех остальных узников, кроме тех, кто был осужден за «контрреволюционные преступления», хищения в особо крупных размерах, бандитизм и преднамеренное убийство.

В считанные недели ГУЛАГ покинули почти 1 200 000 заключенных, или около половины всех заключенных лагерей и исправительных колоний. Большинство из них были либо мелкими правонарушителями, осужденными за незначительные кражи, либо рядовыми гражданами, оказавшимися жертвами одного из бесчисленных репрессивных законов, которые предусматривали наказания практически в любой сфере деятельности, начиная с «самовольного ухода с рабочего места» и кончая «нарушением паспортного режима». Эта частичная амнистия (под нее не попали как раз политические узники и так называемые перемещенные лица) самой своей противоречивостью отражала еще не вполне определившиеся тенденции и сложность политической ситуации той памятной весной 1953 года. Это был период ожесточенной борьбы за власть, когда Лаврентий Берия, первый заместитель Председателя Совета Министров и министр внутренних дел, вдруг превратился в «великого реформатора».

Какими соображениями была продиктована эта массовая амнистия? По словам Эми Найт[2], биографа Берии, амнистия 27 марта 1953 года, объявленная по инициативе самого министра внутренних дел, вписывалась в целую серию политических шагов, свидетельствовавших о «крутом либеральном повороте» Берии, который включился в борьбу за наследование власти после смерти Сталина. Эта борьба предполагала раскручивание спирали политических обещаний. Дабы оправдать амнистию, Берия направил 24 марта в Президиум Центрального комитета пространное письмо, где он объясняет, что из 2 526 402 заключенных ГУЛАГа лишь 221 435 человек на самом деле являются «особо опасными государственными преступниками», содержащимися, главным образом, в «лагерях особого назначения». В подавляющем же большинстве, замечает Берия, заключенные не представляют для государства серьезной опасности (какое удивительное и знаменательное признание!). Широкая амнистия была нужна, чтобы быстро разгрузить пенитенциарную систему, чересчур обременительную и нерентабельную'.

Проблема все более и более сложного управления необъятным ГУЛАГом регулярно поднималась уже с начала 50-х годов. Кризис ГУЛАГа, который признавало большинство политического руководства еще задолго до смерти Сталина, объясняет амнистию 27 марта 1953 года. Следовательно, именно экономические, а не только политические причины побудили претендентов на роль наследников Сталина объявить широкую, хотя и частичную, амнистию.

В этой области, как и во многих других, никакие радикальные решения были невозможны, пока был жив Сталин. По меткому выражению историка Моше Левина, в последние годы жизни диктатора все было «мумифицировано». Тем не менее даже после смерти Сталина «не все еще стало возможным», поскольку за бортом этой амнистии оказались все те, кто были главными жертвами произвола системы, — политзаключенные, осужденные за «контрреволюционную» деятельность.

Исключение политических заключенных из числа амнистированных 27 марта 1953 года послужило причиной бунтов и мятежей среди узников лагерей особого режима системы ГУЛАГа, Речлага и Степлага[4].

4 апреля *«Правда»* объявила, что «убийцы в белых халатах» стали жертвами провокации, а их признания были вырваны «с помощью незаконных мето-

дов ведения следствия» (т.е. под пытками). Это признание получило еще больший резонанс благодаря постановлению ЦК партии «К вопросу о нарушении законности органами Государственной безопасности». Из этого постановления следовало, что «дело врачей-убийц» вовсе не было каким-то отдельным эпизодом — органы государственной безопасности действительно присвоили себе неслыханную власть и не раз творили беззаконие. Партия осудила эти методы и признала незаконными чрезмерные полномочия политической полиции. Надежды, порожденные этими заявлениями, послужили причиной многочисленных акций: судебные органы оказались буквально завалены тысячами просьб о реабилитации. Что касается заключенных, и прежде всего в лагерях особого режима, то они, отдавая себе отчет в общем кризисе репрессивной системы и видя замешательство охранников, единодушно отказывались работать и подчиняться приказаниям лагерного начальства. Кроме того, свою роль сыграла и амнистия, разозлив заключенных своим ограниченным и избирательным характером. 14 мая 1953 года более 14 000 заключенных различных лагерей Норильска объявили забастовку и организовали комитеты, избранные разными национальными группами, в которых ключевые роли играли украинцы и прибалты. Основными требованиями заключенных были: сокращение до девяти часов рабочего дня; упразднение регистрационного номера на одежде; отмена ограничений на переписку с родными; изгнание всех осведомителей; распространение амнистии на политических заключенных.

Официальное объявление 10 июля 1953 года об аресте Берии, который был заклеймен как английский шпион и «заклятый враг народа», окончательно убедило заключенных, что в Москве происходят какие-то кардинальные перемены, и побудило их настаивать на выдвинутых требованиях. Массовый отказ от принудительных работ принимал все больший и больший размах. 14 июля более 12 000 заключенных воркутинского лагеря объявили забастовку. Времена изменились, и в Воркуте, как и в Норильске, с бунтовщиками велись переговоры, а репрессивные меры против них многократно откладывались.

Волнения в лагерях особого режима не прекращались с лета 1953 года вплоть до февраля 1956, когда состоялся XX съезд КПСС. Самый значительный и самый продолжительный бунт разразился в мае 1954 года в третьем лагере пенитенциарной системы Степлага, в Кенгире, близ Караганды. Он продолжался сорок дней и был подавлен лишь после того, как в лагерь вошли войска особого назначения Министерства внутренних дел, усиленные танками. Около четырехсот заключенных были повторно осуждены, а шестеро выживших членов комитета, возглавившего бунт, — расстреляны.

Как свидетельство политических перемен, наступивших после смерти Сталина, следует отметить то обстоятельство, что ряд требований, выдвинутых восставшими узниками в 1953—1954 годах, все же был удовлетворен: рабочий день заключенных был сокращен до девяти часов, а условия содержания и повседневная жизнь существенно изменились в лучшую сторону.

В 1954—1955 годах правительство предпринимает целую серию мер, ограничивающих всевластие органов госбезопасности, уже и без того изрядно реорганизованных после устранения Берии. Были упразднены *тройки* — особые трибуналы, рассматривавшие дела, связанные с политической полицией. Сама политическая полиция была реорганизована и превращена в автономный орган, который получил название *Комитет государственной безопаснос-*

ти. В результате «чистки» из него было уволено около 20% личного состава, числившегося там до марта 1953 года, а во главе был поставлен генерал Серов, известный тем, что руководил всеми депортациями народов во время войны. Генерал Серов, один из приближенных Никиты Хрущева, олицетворял всю противоречивость переходного периода, когда немало ответственных работников недавнего прошлого сохраняли за собой ключевые посты. Правительство объявило о новых частичных амнистиях, наиболее значительная из которых, в сентябре 1955 года, предусматривала освобождение лиц, осужденных в 1945 за «сотрудничество с оккупантами», а также немецких военнопленных, которые все еще находились в местах заключения СССР. Наконец, известные меры были предприняты и для облегчения жизни спецпоселенцев. Главное, им было разрешено отлучаться из своих населенных пунктов и не так часто отмечаться в комендатуре, к которой они были приписаны. В результате германо-советских переговоров на высшем уровне именно депортированные немцы, которые составляли 40% общего числа ссыльных (немногим более 1 000 000 из примерно 2 750 000 человек), оказались первыми, кому с сентября 1955 года предстояло воспользоваться ослаблением ограничений, действовавших в отношении этой категории ссыльных. Тем не менее в текстах законов уточнялось, что отмена ограничений юридических, профессиональных, касающихся социального статуса или места жительства, отнюдь не предполагала «ни возмещения конфискованного имущества, ни права возвратиться в места, где спецпереселенец проживал до перемещения»[5].

Эти ограничения оказались весьма знаменательны для всей совокупности процессов, постепенных и частичных, для всего того, что принято называть «десталинизацией». Возглавляемая сталинистом Никитой Хрущевым, который, как и все лидеры его поколения, непосредственно участвовал в репрессиях: раскулачивании, «чистках», депортациях и казнях, — десталинизация не могла пойти дальше разоблачения отдельных злоупотреблений «периода культа личности». «Секретный доклад», зачитанный Хрущевым поздно вечером 24 февраля 1956 года перед советскими делегатами XX съезда, весьма избирательно осудил сталинизм, ни разу не подвергнув ни малейшему сомнению ни одно из основополагающих решений, принятых партией начиная с 1917 года. Явно избирательный характер обвинений проявился как в хронологии сталинских «уклонов», (их отсчет начинался с 1934 года, так что из числа преступлений фактически были исключены коллективизация и голод 1932—1933 годов), так и в выборе упомянутых жертв: все, как один, коммунисты, в основном, верные и послушные сторонники Сталина, но ни одного рядового гражданина страны. Ограничивая поле репрессий одними только коммунистами, жертвами личной диктатуры Сталина, и конкретными эпизодами, начиная со времени убийства Кирова, доклад обходил молчанием главное — вопрос об ответственности партии в целом перед обществом за все те события, которые происходили в стране с 1917 года.

За этим «секретным докладом» последовали конкретные мероприятия, дополнившие уже принятые ранее решения. В марте-апреле 1956 года все спецпоселенцы, относившиеся к категории «репрессированных народов», обвиненных в так называемом сотрудничестве с нацистской Германией и депортированные в период 1943—1945 годов, были «освобождены от административного надзора органов Министерства внутренних дел». Однако они были лишены права вернуться в родные места и претендовать на возврат конфискованного имущества. Все эти полумеры вызвали возмуще-

ние среди депортированных лиц, многие из которых отказывались подписывать обязательства, по которым им надлежало навеки отказаться от каких бы то ни было претензий на возврат своего имущества или на возвращение на родину. Оказавшись лицом к лицу со столь кардинальными переменами в политическом климате и умонастроениях людей, советское правительство было вынуждено пойти на новые уступки. 9 января 1957 года были восстановлены упраздненные с начала войны республики и автономные области депортированных народов, за исключением автономной республики крымских татар.

В течение трех десятилетий крымским татарам суждено было бороться за признание их права на возвращение в родные края. Карачаевцы, калмыки, балкарцы, чеченцы и ингуши начиная с 1957 года десятками тысяч возвращались на родину без всякой поддержки и помощи со стороны властей. Многочисленные инциденты вспыхивали между депортированными, желавшими вновь поселиться в своих прежних жилищах, и русскими поселенцами, которые были привезены в 1945 году из соседних областей и теперь обосновались в их домах. Не имея прописки, регистрации в местной милиции (а только она давала юридическое право проживать в данной местности), бывшие депортированные, вернувшись на родину, были вынуждены снова селиться в самодельных бараках, жалких халупах, палаточных городках, рискуя быть арестованными и получить два года тюремного заключения за нарушение паспортного режима. В июле 1958 года чеченская столица Грозный стала театром кровавого столкновения между русскими и чеченцами. Хрупкое спокойствие удалось восстановить лишь после того, как власти изыскали средства на постройку жилья для бывших депортированных[6].

Официально категория спецпереселенцев существовала вплоть до января I960 года. Украинские и прибалтийские националисты оказались последними из числа депортированных, кто был освобожден от своего статуса отверженных. Бесконечные административные препятствия со стороны властей стали причиной того, что менее половины депортированных украинцев и прибалтов вернулись на родину. Остальные — те, кто выжил, — пустили корни в местах депортации.

После XX съезда было освобождено подавляющее большинство заключенных, арестованных по политическим статьям. Если в 1954—1955 годах лишь менее 90 000 из них были выпущены на свободу, то в 1956—1957 ГУЛАГ покинули уже около 310 000 «контрреволюционеров». На 1 января 1959 года в лагерях оставалось 11 000 политических заключенных[7]. Чтобы ускорить процедуру их освобождения, в лагеря было направлено более двухсот специальных ревизионных комиссий, амнистировавших большое количество заключенных. Однако освобождение пока еще не означало реабилитации. За два года (1956—1957) было реабилитировано менее 60 000 человек. Подавляющему же большинству пришлось ждать многие годы, а иным и десятилетия, чтобы получить желанную справку. Тем не менее 1956 год остался в памяти людей как год «возвращения», что прекрасно описано Василием Гроссманом в повести *Все течет.* Это великое возвращение, проходившее при полнейшем безмолвии официальных властей, служило напоминанием о том, что миллионам не суждено вернуться на родину никогда, и это наносило тяжелейшую социальную и моральную травму, порождало глубочайшее смятение в умах, трагическое противостояние в обществе, где, по выражению Лидии Чуковской, «отныне две

России глядели в глаза друг другу. Одна, которая сидела, и другая, которая сажала». Осознавая сложившуюся ситуацию, власти прежде всего были озабочены тем, чтобы не поддаваться требованиям, индивидуальным или коллективным, касающимся преследования официальных чиновников, виновных в нарушении социалистической законности или в применении противозаконных методов ведения следствия в период культа личности. Вопросами обжалования судебных решений занимались исключительно комиссии партийного контроля. Что же касается реабилитаций, то по этому поводу власти направили в прокуратуры определенное число распоряжений, устанавливающих приоритет для членов партии и военных. Так, будто никаких других «чисток» не проводилось.

Вместе с освобождением политических заключенных стала таять и численность обитателей постсталинского ГУЛАГа, пока наконец не стабилизировалась к началу 60-х годов на уровне около 900 000 заключенных, включая твердое ядро из 300 000 уголовников и рецидивистов, приговоренных к длительным срокам заключения, и 600 000 мелких правонарушителей, часто получавших, в соответствии с продолжающими действовать репрессивными законами, наказания, явно не соответствующие тяжести проступка. Мало-помалу сошла на нет и роль ГУЛАГа как пионера в заселении Крайнего Севера и советского Дальнего Востока и в разработке их природных богатств. Обширная система исправительных лагерей сталинского периода распадалась на учреждения куда более скромных масштабов. Менялась и сама география ГУЛАГа: в большинстве своем лагеря восстанавливались на европейской части СССР. Одновременно и лишение свободы вновь обретало регулирующие функции, как в любом обществе, сохраняя, однако, в постсталинистском СССР некоторые особенности, свойственные системе, которая не была истинно правовым государством. На самом деле, к числу преступников периодически, в зависимости от кампаний, внезапно объявлявших вне закона те или иные проступки или вредные привычки (пьянство, хулиганство или тунеядство, например), добавлялись и рядовые граждане. По так называемым политическим статьям осуждалась незначительное — несколько сотен в год — число лиц.

Различные мероприятия по амнистиям и освобождению были дополнены существенными изменениями в уголовном законодательстве. Среди самых первых мер по реформе законодательства сталинских времен фигурировал Указ от 25 апреля 1956 года, который отменял антирабочий закон 1940 года, запрещавший менять место работы по собственному желанию. За этим первым шагом на пути к нормализации трудовых отношений последовали и многие другие постановления. Все эти частичные меры были систематизированы с принятием 25 декабря 1958 года новых «Основ уголовного права». В этом документе исчезли основополагающие статьи уголовного законодательства прежних кодексов и такие понятия, как «враг народа» и «контрреволюционное преступления». Кроме того, возраст, с которого можно привлекать к уголовной ответственности, был увеличен с четырнадцати до шестнадцати лет; насилие и пытки не могли более применяться, чтобы добиться признания; обвиняемый должен был непременно сам присутствовать на судебном разбирательстве, защищаемый адвокатом, предварительно ознакомившимся с его делом; судебное слушание, за особым исключением, должно быть открытым. И все же в Уголовном кодексе I960 года оставалось известное число статей, которые допускали наказание за политическое и идеологическое инакомыслие. Согласно статье 70-й, всякое лицо, «ведущее пропаганду, направленную на ослабление советской власти <...>

путем распространения клеветы, дискредитирующей государство и общество», могло быть арестовано и отправлено в лагерь на срок от шести месяцев до семи лет с последующей ссылкой на срок от двух до пяти лет. Статья 190 устанавливала за любое «недоносительство» о преступлении антисоветского толка наказание лишением свободы на срок от года до трех лет, которое могло быть заменено отправкой на «стройки народного хозяйства». В 60—70-е годы эти две статьи широко использовались против любых форм политического и идеологического «инакомыслия»: 90% из нескольких сотен человек, ежегодно привлекавшихся к судебной ответственности за «антисоветскую деятельность», были осуждены именно по этим двум статьям.

В течение лет политической «оттепели», когда повсеместно повышался уровень жизни, но в памяти людей были еще слишком живы воспоминания о репрессиях, активные формы несогласия или протеста оставались очень незначительными: КГБ признавал существование 1300 «диссидентов» в 1961 году, 2500 — в 1962,4500 — в 1964 и 1300 в 1965[8]. В 60—70-е годы объектами наиболее пристального надзора со стороны КГБ были три категории граждан: религиозные меньшинства (католики, баптисты, пятидесятники, адвентисты), национальные меньшинства, наиболее пострадавшие от репрессий сталинского периода (прибалты, крымские татары, немцы, западные украинцы, наиболее активно сопротивлявшиеся советскому режиму), творческая интеллигенция, примыкающая к диссидентскому движению, возникшему в начале 60-х годов[9].

После начатой в 1957 году последней антирелигиозной кампании, которая в большинстве случаев ограничилась закрытием определенного числа открытых в начале войны церквей, конфронтация между государством и Православной Церковью сменилась мирным сосуществованием. Все свое внимание спецслужбы отныне уделяли почти исключительно религиозным меньшинствам, которые казались подозрительными не столько из-за своих религиозных убеждений, сколько из-за поддержки, которую они, предположительно, могли получать из-за границы. Вот некоторые разрозненные данные, подтверждающие незначительные масштабы этого явления: в 1973—1975 годах были арестованы 116 баптистов; в 1984 году 200 баптистов были приговорены к заключению в тюрьме или лагере со средним сроком наказания в один год*.

На Западной Украине, которая издавна слыла одной из самых строптивых областей, упорно сопротивлявшихся советизации, в период 1961 — 1973 годов, в Тернополе, Запорожье, Ивано-Франковске и Львове было ликвидировано с десяток «националистических группировок», наследников ОУН. Приговоры членам этих группировок составляли, как правило, от пяти до десяти лет лагерей. В Литве, местные источники сообщают о некотором весьма ограниченном числе арестов в 60—70-х годах. Убийство в 1981 году трех католических священников при весьма подозрительных обстоятельствах, не исключавших участия органов КГБ, было воспринято как недопустимая провокация.

Вплоть до распада СССР проблема депортированных в 1944 году крымских татар, чья автономная республика так и не была восстановлена, оставалась тяжким наследием сталинского периода. С конца 50-х годов крымские татары,

* К этому перечню следует добавить несколько сотен последователей Международного Общества Сознание Кришны, которые подвергались различным формам преследований (в том числе и тюремному заключению) в 1981 — 1985 годах. *(Прим. ред.*

которые в большинстве своем поселились в Средней Азии, начали кампанию с требованием коллективной реабилитации и разрешения вернуться на родину — это еще одно свидетельство того, что времена существенно переменились. В 1966 году татарская делегация направила XXIII съезду партии петицию, под которой стояло 130 000 подписей. А в сентябре 1967 года указ Президиума Верховного Совета отменил обвинение в «массовом предательстве». Спустя три месяца новое постановление разрешало татарам селиться по своему усмотрению, но лишь при условии соблюдения паспортного режима, а значит, наличия оформленного по всем существующим правилам трудового договора. В период с 1967 до 1978 года лишь менее пятнадцати тысячам человек, или *2%* татарского населения, удалось обустроиться в полном соответствии с требованиями паспортного законодательства. Выступление генерала Григоренко в защиту движения крымских татар послужило причиной его ареста в мае 1969 года в Ташкенте и помещения в психиатрическую лечебницу (форма заключения, которой ежегодно подвергались в 70-х годах несколько десятков человек).

Историки обычно связывают начало диссидентского движения с первым публичным политическим процессом постсталинистской эпохи — судом над писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем, осужденными в феврале 1966 года соответственно на семь и пять лет лагерей. 5 декабря 1965 года, вскоре после ареста писателей, в Москве на Пушкинской площади прошла демонстрация в их поддержку, собравшая около пятидесяти человек Диссиденты — несколько сотен представителей интеллигенции в середине 60-х и от тысячи до двух в апогее их выступлений десятилетие спустя — положили начало движению, в корне отличному от всех, заявлявших о себе прежде. Вместо того чтобы отвергать законность самого режима, они требовали строгого соблюдения советских законов, Конституции и подписанных СССР международных соглашений. Особенности деятельности диссидентов были в полном согласии с этим новым принципом: отказ от нелегального положения, полная гласность, широчайшая информация обо всех своих акциях, как можно более частые пресс-конференции с привлечением иностранных корреспондентов.

В неравной борьбе между горсткой диссидентов (всего несколько сотен человек) и советским государством решающим оказалось мнение международного сообщества. В особенности это мнение сформировалось после появления на Западе в конце 1973 года книги Александра Солженицына *Архипелаг ГУЛАГ* и последующего выдворения писателя из Советского Союза. За несколько лет благодаря деятельности диссидентов вопрос о правах человека в СССР превратился в одну из важных международных проблем и стал центральной темой открывшейся в 1973 году в Хельсинки Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт Конференции, подписанный представителями СССР, укрепил позиции диссидентов, которые организовали в нескольких городах, где существовали их группы (Москве, Ленинграде, Киеве, Вильнюсе и др.), так называемые комитеты по контролю за соблюдением Хель-синских соглашений, задачей которых стало оповещение обо всех случаях нарушения прав человека. Эта информационная работа велась в тяжелейших ус-ловиях, начиная с 1968 года она сопровождалась публикацией каждые два-три месяца подпольного бюллетеня под названием *«Хроника текущих событий»,* сообщавшего о самых разных случаях посягательства на права и свободы граж-лан. В новом контексте международного освещения вопроса о правах человека СССР советская полицейская машина оказалась несколько стеснена в дейст-

виях. Поскольку отныне имена инакомыслящих были известны, их аресты уже не могли проходить незамеченными, и сведения об их участи быстро становились известны за границей. Весьма примечательно, что циклы полицейских репрессий следовали отныне в непосредственной зависимости от превратностей развития «разрядки международной напряженности»: аресты были более многочисленны в 1968—1972 и в 1979—1982 годах, чем в период 1973—1976 годов*. По доступным в настоящее время документам невозможно подвести точный итог арестов по политическим мотивам с I960 по 1985 год. По данным диссидентских источников, в самые суровые годы было проведено несколько сотен арестов. В 1970 году *«Хроника текущих событий»* сообщала о ста шести осужденных, из которых двадцать были направлены на «профилактическое заключение» в психиатрические больницы. На 1971 год цифры, приводимые в *«Хронике»,* составили соответственно 85 и 24. А в течение 1979—1981 годов, которые были годами международной конфронтации, было арестовано около пятисот человек.

В стране, где власть всегда была враждебна свободному выражению мнений, ставящих вопрос о самой сущности этой власти, явление диссидентства — радикальной оппозиции, выдвигавшей совершенно непривычную политическую концепцию в защиту не коллективных прав, а прав отдельной личности, не имело никаких шансов оказать непосредственное воздействие на основную часть общества. Истинные перемены крылись в другом: они были во многих сферах социальной и культурной жизни, которые начали развиваться в 60—70-е годы и еще более активизировались в середине 80-х годов, вызывая в определенных кругах политической элиты осознание необходимости перемен, более кардинальных чем те, что произошли в 1953 году.

* В этот период, однако, КГБ весьма активно пользовался скрытыми методами борьбы с диссидентами. Владимир Войнович в книге *Дело №34 840* рассказывает об убийстве весной 1976 года нелояльного к советским властям поэта и переводчика Константина Богатырева, совершённого кагэбистами под видом хулиганского нападения (в подъезде, бутылкой по голове). Очевидно, что оно было организовано с целью запугивания диссидентов: КГБ не только не скрывал, но даже намекал на свою причастность к убийству. В. Войнович описывает также попытку специального (исследовательского) отдела КГБ отравить его при помощи сигарет, обработанных неким химическим препаратом, и другие акции против инакомыслящих и членов их семей. См.: В. Войнович, *Дело №34 840, М, 1994- (Прим. ред.)*

Вместо заключения

Этот обзор не претендует на новое освещение фактического материала, свидетельствующего о способах применения насилия со стороны государства в СССР и о конкретных формах репрессий в течение первой половины существования советского режима. Эти особенности уже давно изучаются историками, которые не стали дожидаться открытия архивов, чтобы описать основные этапы и масштабы террора. Вместе с тем доступ к документальным источникам впервые позволяет восстановить картину событий в хронологической последовательности, количественных аспектах и конкретных формах. Такой очерк представляет собой первый этап в установлении круга вопросов о реальных методах этого насилия, их повторяемости и значения в различных обстоятельствах и условиях.

Начиная с открытия архивов (пусть даже частичного), историки попытались сопоставить историографию, созданную в «ненормальных» условиях, со ставшими доступными документальными источниками. Уже несколько лет историки, главным образом российские, делают достоянием гласности материалы, которые служат основой для уже опубликованных и еще ведущихся исследований. Некоторые темы оказались в центре наиболее пристального внимания, к ним следует прежде всего отнести тему концентрационных лагерей, тему противостояния власти и крестьянства, а также тему механизмов принятия решений на высшем уровне. Такие историки, как В. Н. Земсков или Н. Бугай, впервые подвели количественные итоги депортаций за весь сталинский период. В.П. Данилов в России и А. Грациози в Италии проанализировали характер противоречий между новым режимом и крестьянством. О. Хлевнюк, используя архивы ЦК, сумел пролить свет на деятельность «первого круга Кремля».

Опираясь на эти исследования, мы сделали попытку восстановить, начиная с 1917 года, все этапы насилия, которые в значительной степени определили общественную историю СССР. Мы отобрали источники, с наибольшей наглядностью демонстрирующие разнообразие форм насилия и репрессий, конкретные методы и группы пострадавших, а также выявляющие противоречия и расхождения слова с делом. Пример последнего — крайняя жестокость реквизиционных отрядов, которые в конце 1922 года продолжали терроризировать сельские местности, хотя уже больше года в стране был объявлен НЭП. Периоды беспрецедентных массовых арестов в ЗО-е годы чередовались с освобождением заключенных в рамках кампаний по «чистке тюрем». За множеством перечисленных в этой книге конкретных фактов стоит намерение подробно описать формы насилия и репрессий, что расширило бы понимание механизмов, размаха и смысла массового террора.

Применение подобных методов вплоть до смерти Сталина и их роль в общественной истории СССР объясняют, почему история политическая была отодвинута на задний план, во всяком случае, на первом этапе. К намерениям восстановить события в их истинном смысле здесь примешивается и попытка обобщения с учетом известных или преданных в последнее время гласности документов, вынуждающих поднимать новые вопросы. Такие документы чаще всего представляют собой сообщения с места событий. Переписка партийных чиновников по поводу голода, доклады местного отделения ЧК о забастовке рабочих в Туле, отчеты начальства концентрационных лагерей о состоянии заключенных — все они дают возможность воочию увидеть конкретные детали и ситуации в этом океане жесточайшего террора.

Дабы прояснить различные вопросы, рассмотренные в данном исследовании, следует, прежде всего, иметь в виду, что всплески насилия и репрессий проходили в несколько этапов.

Первый этап — с конца 1917 до конца 1922 года — начинается с захвата власти, который для Ленина непременно предполагал развязывание гражданской войны. После весьма недолгого периода стихийных проявлений насилия,исходя-щих из недр самого общества и явившихся разрушительной силой в борьбе против «старого режима», уже с весны 1918 года начинается решительное, продуманное наступление на крестьянство. Это наступление куда больше, чем военное противостояние между красными и белыми, на несколько десятилетий вперед определило конкретные пути террора и обусловило непопулярность, на которую сознательно шла политическая власть. Поразительно, что большевики, несмотря на их крайне шаткое положение, отказывались от каких бы то ни было переговоров, буквально рвались вперед, предвосхищая любое сопротивление, что особенно наглядно иллюстрируют репрессии, осуществленные ими против их собственных «естественных союзников» — рабочих, и в этом смысле Кронштадтское восстание оказалось лишь завершающей точкой. Этот первый этап не закончился ни с поражением белых, ни с началом НЭПа: он продолжился (ибо маховик насилия был уже раскручен) и завершился лишь с голодом 1921—1922 годов, который положил конец последним попыткам сопротивления со стороны крестьян.

Какой смысл следует придать короткой передышке, возникшей в период с 1923 до 1927 года, между двумя циклами насилия? Многие факторы позволяют говорить об исчезновении специфической культуры гражданской войны: заметно сократилась численность политической полиции, наметилось известное перемирие с крестьянством и начало юридического регламентирования. Однако политическая полиция не только не исчезла, но и по-прежнему сохраняла за собой функции контроля, надзора и наказания. Сама краткость этой паузы обессмыслила ее.

Если первый цикл репрессий вписывается в контекст всеобщего прямого противостояния, то второй начинается с наступления, предпринятого сталинской группировкой против крестьянства, в контексте политической борьбы наверху. Как с той, так и с другой стороны это внезапное возобновление насилия самого жесточайшего толка было воспринято как возврат к старому. Политические власти обратились к методам, уже апробированным несколько лет назад. Механизмы, способствовавшие ожесточению общественных отношений в течение первого цикла репрессий, снова пришли в движение, определив новую динамику террора, а одновременно и возврат к прошлому на грядущую четверть века. Эта вторая война, объявленная крестьянству, оказалась решающей в процессе введения террора как средства управления государством, причем во

многих областях сразу: частично она сыграла роль инструмента усиления социальной напряженности, возродив к жизни издревле тлеющую в деревенском мире «архаическую» подоплеку насилия; она положила начало массовой депортации; кроме того, эта война оказалась кузницей, где ковались политические кадры режима. Наконец, установив грабительский налог, дезорганизующий весь производственный цикл, система «военно-феодальной эксплуатации» крестьянства, по формуле Бухарина, преобразовалась в новый вид крепостничества и открыла путь беспрецедентному эксперименту сталинизма: голоду 1932—1933 годов, занявшему первое место по количеству жертв. После этой тупиковой ситуации — уже больше некому сеять и некуда сажать — наступила короткая передышка, продлившаяся два года. В этот период впервые было осуществлено массовое освобождение репрессированных. Но редкие меры послабления оказывались источником новых конфликтов: дети высланных кулаков вновь получали гражданские права, однако без разрешения вернуться в родные края.

Как же соотносятся между собой разные периоды террора — период крестьянской войны, 3О-е годы и последующее десятилетие? Чтобы охарактеризовать их, можно брать за основу разные ориентиры, в том числе и интенсивность, и радикальность репрессий. На годы Большого террора (конец 1936 —конец 1938 годов) приходится более 85% смертных приговоров, вынесенных чрезвычайными судами за весь сталинский период. Значительную часть казненных или арестованных в этот промежуток времени составляли партийные, советские и хозяйственные руководители, тем не менее огромное количество жертв было и среди всех остальных групп и слоев общества. Они были ликвидированы «случайно», просто чтобы выполнить разнарядку. Эти репрессии «по всем статьям», слепые и варварские, — не означают ли они в этой наивысшей точке террора неспособность власти обойти определенные препятствия и разрешить конфликт иными способами?

Еще одну точку отсчета в том, что касается последовательности репрессий, дает нам типология групп, оказавшихся их жертвами. На фоне растущего подавления в сфере социальных отношений можно выделить несколько характерных наступлений за десятилетие: последнее начиналось в 1938 году —это было ужесточение и без того жесткого рабочего законодательства, направленное против «простых горожан».

Начиная с 1940 года, в обстановке советизации новых аннексированных территорий, а потом и в условиях Великой Отечественной войны, поднимается новая волна репрессий, для которой характерен как выбор новых групп жертв — «националистов» и «враждебных народов», так и проведение систематических массовых депортаций. Предпосылки этой новой волны наблюдаются уже в 1936—1937 годах, когда под предлогом ужесточения пограничной политики была осуществлена депортация корейцев.

С 1939 года началась аннексия восточных областей Польши, а затем и прибалтийских стран; она дала повод к устранению представителей так называемой национальной буржуазии и депортации отдельных групп национальных меньшинств — например, поляков из Восточной Галиции. Эти методы особенно активно применялись в разгар войны, что было якобы продиктовано жизненной необходимостью защиты страны, которой угрожало полное уничтожение. Последовавшие одна за другой депортации целых этнических групп — немцев, чеченцев, татар, калмыков — свидетельствуют, помимо всего прочего, о приобретении с начала 30-х годов определенного опыта в осуще-

ствлении таких операций. Подобные акции вовсе не ограничились военным периодом. Они выборочно продолжались в течение 40-х годов и были частью долгого процесса усмирения и советизации новых областей, присоединенных к империи. Кстати, приток значительных национальных контингентов в ГУЛАГ в течение этого периода глубоко изменил сам облик концентрационных лагерей, где доля репрессированных народов и представителей национального сопротивления стала преобладающей.

Параллельно с этим по окончании войны мы видим новое ужесточение наказаний за антиобщественное поведение, следствием которого стал непрерывный рост численности обитателей ГУЛАГа. Этот послевоенный период ознаменовался не только максимальным уровнем «населенности» ГУЛАГа, но также и началом кризиса системы концентрационных лагерей, гипертрофированно раздутой, пронизываемой многочисленными противоречиями, все менее и менее рентабельной.

Впрочем, в последние годы сталинизма, все еще очень мало изученные, происходили определенные сдвиги и перемены. Идея заговора «врачей-вредителей», возникшая на фоне очередного всплеска антисемитизма, наводит на мысль о соперничестве неких группировок Возможно, что это было соперничество между отдельными «кланами» МГБ-МВД или региональными парторганизациями. Историки не отрицают вероятности подготовки нового витка Большого террора, главной жертвой которого могло стать еврейское население страны.

Этот краткий обзор истории СССР в первые 35 лет его существования изобилует примерами применения жестокого насилия, бывшего формой политического управления обществом.

Не правомерно ли в таком случае вновь поставить классический вопрос о преемственности двух периодов — «ленинского» и «сталинского»? Историческая обстановка в обоих случаях явно несравнима. Красный террор начался осе-нью1918 года в условиях всеобщего противостояния, и беспощадный характер репрессий еще можно было бы объяснить сложившимися в стране чрезвычайными обстоятельствами. Что же касается возобновления крестьянской войны, с которой начался второй виток насилия, то эта война, напротив, велась в мирной стране, и здесь речь идет уже о длительном наступлении, предпринятом против подавляющего большинства общества. Помимо бесспорной важности этого различия в обстановке, использование террора как главного инструмента осуществления ленинских политических планов было провозглашено еще до начала гражданской войны и рассматривалось как программа действий, которая, надо признать, мыслилась как переходная и временная. С этой точки зрения, краткая передышка в период НЭПа и оживление дискуссии между большевистскими лидерами о путях дальнейшего развития свидетельствуют о некоем стремлении к нормализации обстановки и к отказу от репрессивных методов как единственного способа разрешения социально-экономических противоречий. В самом деле, эти несколько лет сельское население прожило в мире и покое, а взаимоотношения между властью и обществом в значительной мере характеризовались тем, что они почти не напоминали друг другу о своем существовании.

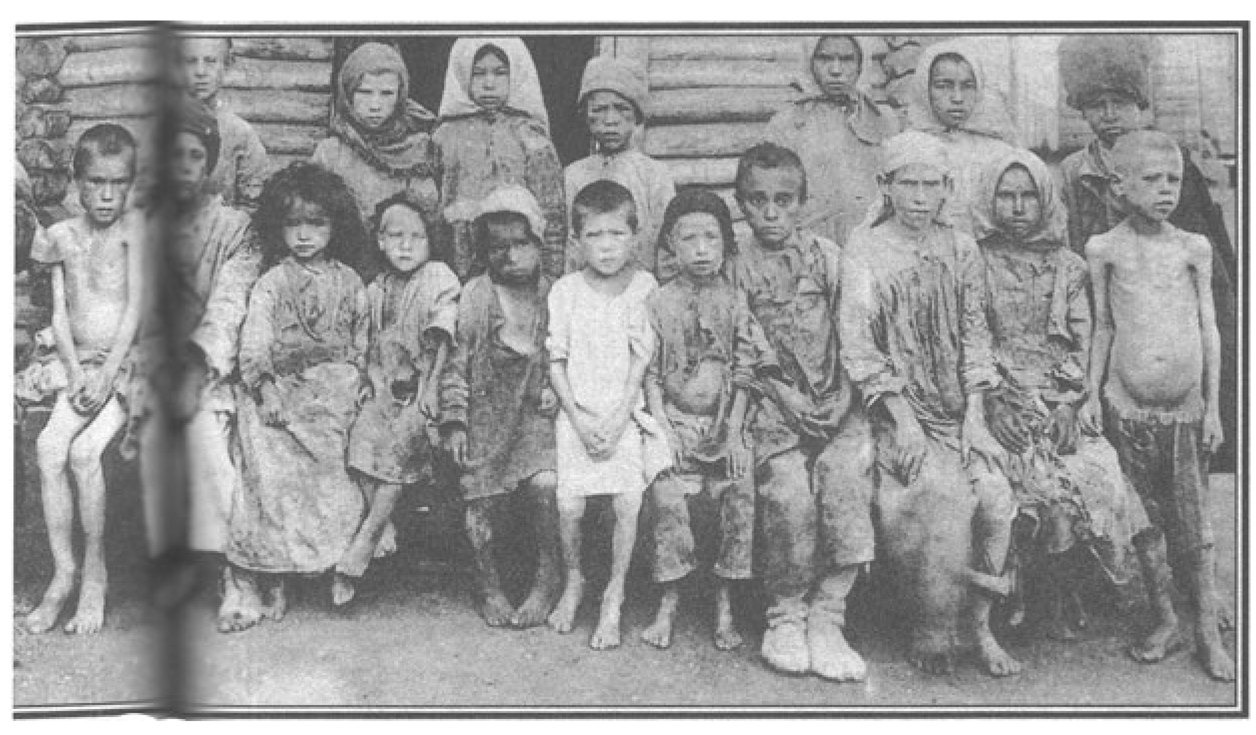
Крестьянская война, которая связывает воедино оба этапа насилия, представляется как бы матрицей, воспроизводящей методы, опробованные и примененные на практике в 1918—1922 годах: кампанию по насильственной реквизиции с помощью ловкого манипулирования социальной напряженностью

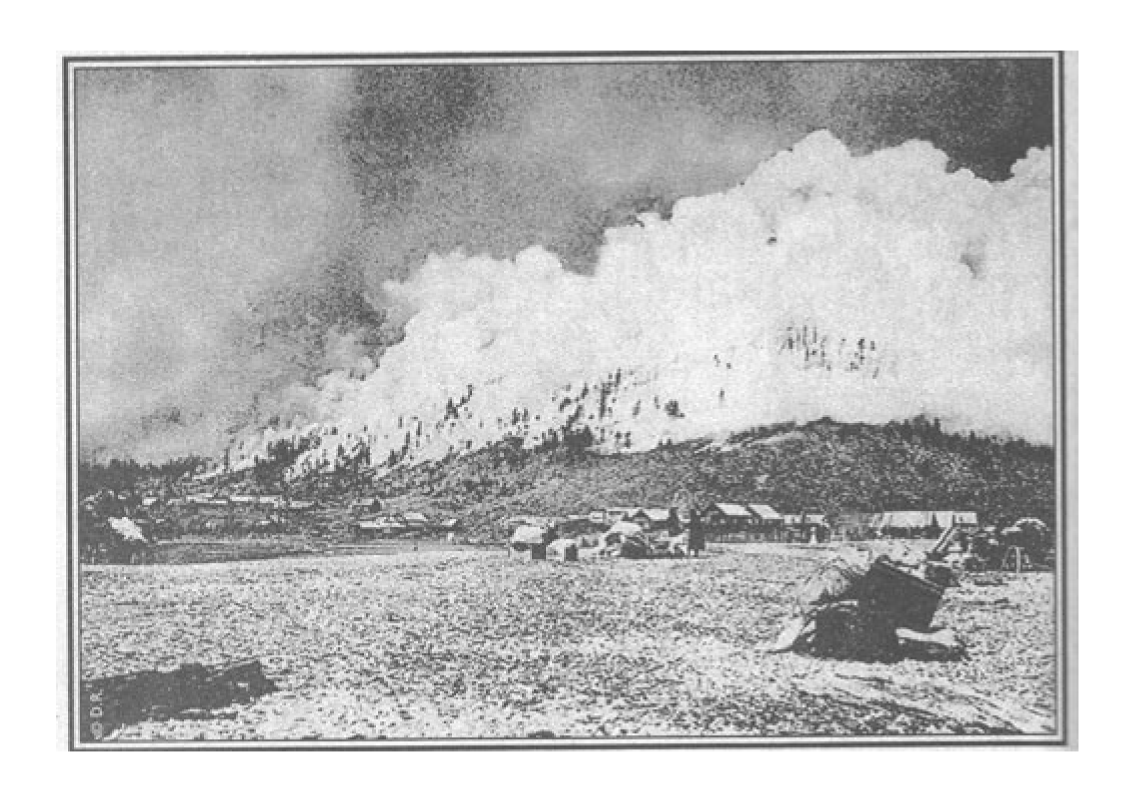

© Arch. russes de photographies, Krasnogorsk

© D.R.

© Lapi-Viollet

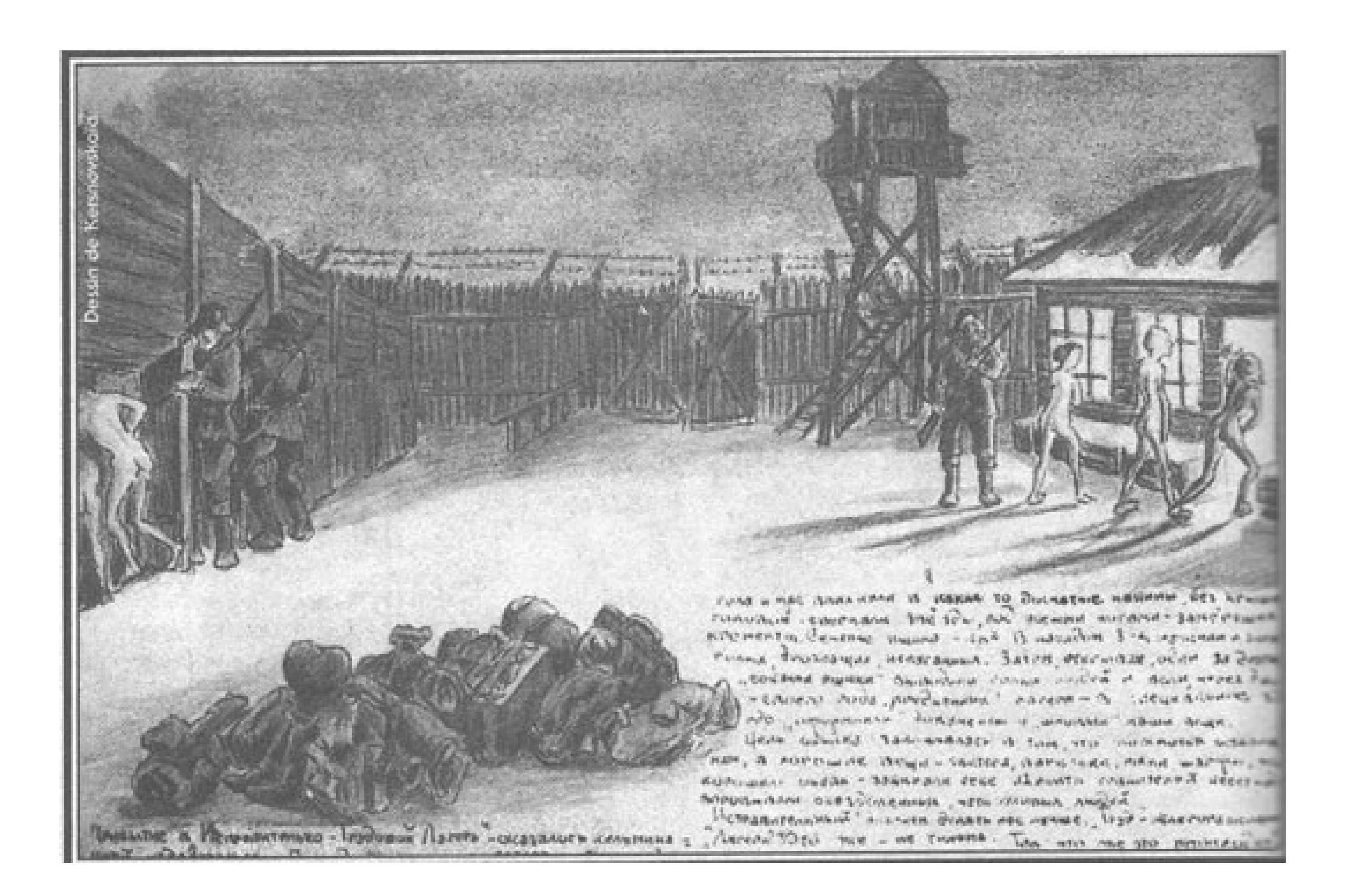

© Musée d'histoire contemporaine — BDIC

© D.R.

© Coll. Tomasz Kizny / Yu.

© D.R.

Dessin de Kersnovskaïa

© D.R.

© D.R.

среди крестьянства, прямые столкновения, усиливающиеся день ото дня, умело подогреваемые и доходившие до каких-то первобытных жестокостей. У обеих сторон — у исполнителей этих акций и у жертв — было убеждение, будто они действуют по уже известной схеме.

Террор был одним из основных инструментов в эпоху сталинизма. В этом состоит специфика «сталинского периода». Тем не менее правомерно задаться вопросом о преемственности между разными этапами и присущими им формами репрессий. С этой точки зрения, в качестве возможного примера можно рассматривать выселение казаков в 1919 — 1920 годах. В рамках захвата казачьих территорий правительство осуществило депортацию всего коренного населения. Эта операция последовала за первым наступлением на казаков, направленным против наиболее зажиточных из них, но приведшим к «массовому физическому истреблению» вследствие чрезмерного рвения со стороны местных уполномоченных. Во многих отношениях это наступление предвосхитило события следующих десятилетий: обвинение той или иной социальной группы, поток инструкций местным властям, затем искоренение путем депортации. И во всем этом мы отмечаем сходство с методами борьбы с кулачеством.

Если же принять во внимание более общее явление массовой дискриминации, а затем и изоляции так называемых враждебных группировок, следствием чего стало создание во время гражданской войны целой системы лагерей, то мы вынуждены подчеркнуть резкий разрыв между двумя этапами репрессий. Создание лагерей в период

гражданской войны и практика ссылок в 20-е годы несоизмеримы — ни по своим целям, ни по размаху—с концентрационной «вселенной» 30-х годов. В самом деле, знаменитая реформа 1929 года предусматривает не только отказ от обычных форм заключения, но и закладывает основы новой системы, официально вводящей, кроме всего прочего, исправительные работы. Феномен ГУЛАГа вновь возвращает нас к центральному вопросу: существовал ли на самом деле некий замысел изолировать от общества часть населения и в течение длительного времени использовать этих отверженных для претворения в жизнь плана социально-экономических преобразований? Многие факты говорят в пользу этого предположения, и они стали предметом серьезных исследований. Безусловно, планирование репрессий, проявившееся в том числе в методе «квотирования» жертв (начиная с периода борьбы с кулачеством и вплоть до Большого террора), вполне можно интерпретировать как подтверждение этого замысла. Обращение к архивным материалам подкрепляет идею о заранее рассчитанных акциях, в которых участвовали власти различных уровней — от верхушки до самых низов. Регулярные шифрованные отчеты явно свидетельствуют, что власти целиком и полностью держали под контролем процесс репрессий. Они также позволяют историкам восстановить масштабы репрессий, избегая при этом какого бы то ни было преувеличения количественных оценок Хронология отдельных волн репрессий, ныне известная лучше, чем прежде, в некоторой степени подтверждает точку зрения о продуманной последовательности операций.

Однако воссоздание всего репрессивного процесса в целом: всей цепочки, по которой передавались приказы, всех методов, какими они приводились в исполнение, факты проведения явно нелепых операций, — все это позволяет поставить под сомнение идею о четком, заранее продуманном замысле, осуществление которого держалось под постоянным контролем и было рассчитано на длительную перспективу. Если согласиться с предположением о заранее запланированных репрессиях, придется констатировать чересчур много случайностей, цепь следующих одна за другой неудач в осуществлении различных

этапов операций. С этой точки зрения одним из наиболее показательных примеров может служить ссылка кулаков без конкретного места назначения, иначе говоря, депортация «в никуда» с лишением всяких прав, которая дает представление о мере непродуманности и хаоса. Отсутствие четкой координации подтверждают и «кампании по чистке» мест заключения. Если сегодня рассмотреть процесс передачи приказов сверху вниз и их исполнения, нельзя не заметить, какую большую роль сыграли тут «избыток рвения» или «искажение линии», которые проявлялись на местах.

Возвращаясь к вопросу о ГУЛАГе, необходимо отметить, что по мере развития исследований все сложней и трудней для понимания оказывается оправданность и целесообразность этой системы. Ставшие ныне доступными документы настойчиво свидетельствуют о многочисленных противоречиях, которые переживала «вселенная» лагерей. Регулярное прибытие туда различных репрессированных групп, похоже, чаще способствовало дезорганизации производства, а не повышению его эффективности; несмотря на четко определенный для каждой категории репрессированных статус, границы между ними часто оставались довольно размытыми, если не сказать — не существующими. Наконец, вопрос об экономической рентабельности такой системы эксплуатации по-прежнему остается полностью открытым.

Многочисленные факты, свидетельствующие о противоречиях, «импровизациях», случайностях, приводящих к цепи непредсказуемых последствий, породили немало гипотез относительно причин, которые вынуждали верхушку периодически активизировать динамику массовых репрессий, а также относительно самой логики террора и насилия.

В своих попытках обнаружить движущие силы, которые запустили в ход чудовищный маховик сталинских репрессий, историки выявили роль незапланированных экспромтов и забегания вперед в осуществлении «великого перелома на пути к модернизации». Динамика «перелома» сразу же приобрела такой наступательный, агрессивный характер, что власти решили, будто сумеют держать ее под контролем только при условии расширения практики террора. С этого самого момента начался поток беспощаднейшего насилия, механизмы которого, последствия, сам беспрецедентный масштаб не укладываются в сознании подавляющего большинства современников. Сами репрессии как ответ на возникшие конфликты и препятствия, в свою очередь, вызывают к жизни неуправляемые импульсы, ускоряющие раскручивание спирали насилия.

Это ключевое явление в социально-политической истории СССР ставит сегодня все более и более сложные вопросы. В представленных исследованиях, во всяком случае частично, проанализированы его основные положения, которые долгое время считались главными в области советологии. Не ставя целью дать всеобъемлющее, окончательное объяснение явлению, которое в силу своих чудовищных масштабов остается непостижимым для человеческого разумения, эти исследования направлены в основном на анализ механизмов и динамики насилия.

В силу этого обстоятельства многие аспекты интересующего нас феномена по-прежнему остаются в тени, наиважнейшие из них связаны с социальным поведением сторон, участвовавших в этом упражнении в насилии. Если все же задаться вопросом *кто были исполнители?* — то придётся без конца расспрашивать все общество в целом, которое было не только жертвой, но также и главным участником произошедшего.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ТЕРРОР

1

Стефан Куртуа и Жан-Луи Панне

Коминтерн в действии

Придя к власти, Ленин сразу же стал мечтать о революционном пожаре, который охватит всю Европу, а затем и весь мир. Эта мечта соответствовала знаменитому лозунгу Маркса в *Манифесте коммунистической партии* 1848 года — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Но изначально ее питала также и реально возникшая крайняя необходимость: большевистская революция могла не удержать власть, не получив поддержки и защиты со стороны принявших у неё эстафету других, более развитых стран. Ленин особенно рассчитывал на Германию с ее отлично организованным пролетариатом и превосходным промышленным потенциалом. Из продиктованной обстоятельствами необходимости и родился вскоре политический проект под названием Мировая Революция.

События того времени как будто доказывали оправданность этого плана лидера большевиков. Уход с политической арены Германской и Австро-Венгерской империй после военного поражения 1918 года стал политическим шоком для Европы, закружившейся в революционном вихре. Революция, казалось, стихийно зародилась из разгрома Германии и Австро-Венгрии даже до того, как большевики смогли перейти от ее пропаганды к действию.

Революция в Европе

Еще до капитуляции Германию потряс бунт военного флота. Последующий разгром Рейха и возникновение возглавленной социал-демократами республики также сопровождались сильными волнениями, охватившими не только ряды армии, полиции и некоторые добровольческие отряды ультранационалистов, но и восхищавшихся большевистской диктатурой революционеров.

В декабре 1918 года Роза Люксембург и Карл Либкнехт, идейно размежевавшись с Независимой социал-демократической партией, опубликовали в Берлине программу группы «Спартак», с тем чтобы основать, слившись с другими организациями, Коммунистическую партию Германии (КПГ). В начале января 1919 года спартаковцы под руководством Карла Либкнехта, который был настроен гораздо более экстремистски, чем Роза Люксембург[1], и, следуя Ленину, отвергал идею Учредительного собрания, попытались поднять восстание в Берлине, но были разбиты войсками социал-демократического правительства. Оба лидера спартаковцев были арестованы и затем убиты 15 января. Неудача ждала левых и в Баварии, где один из вождей КПГ Эйген Левине 13 апреля 1919 года возглавил Баварскую советскую республику, национализировал банки и начал формировать Красную Армию. Мюнхенская коммуна

была разгромлена 30 апреля, и Левине, арестованный 13 мая, предстал перед военным трибуналом, был приговорен к смерти и 5 июня расстрелян.

Самым знаменитым примером послевоенных революционных вспышек стала Венгрия, болезненно пережившая отторжение Трансильвании победившими союзными державами[2]. Именно здесь большевики в первый раз смогли осуществить экспорт революции в Европу. Еще в начале 1918 года большевистская партия приступила к объединению всех сочувствующих ей иностранцев в Федерацию иностранных групп при ЦК РКП(б). Так возникла в Москве и венгерская группа, состоявшая в основном из бывших военнопленных. Уже в октябре 1918 года она нелегально направила около двадцати своих членов в Венгрию. 4 ноября в Будапеште была создана Коммунистическая партия Венгрии (КПВ), которую возглавил Бела Кун. Левый социал-демократ, он, оказавшись в плену в России, с воодушевлением присоединился к большевистской революции и уже в апреле 1918 года стал председателем только что созданной Федерации иностранных групп при ЦК РКП(б). Вернувшись в ноябре 1918 года вместе с восьмьюдесятью активистами в Венгрию, он был избран в руководство КПВ. В конце 1918 — начале 1919 годов в Венгрию, как полагают исследователи, прибыло от двухсот пятидесяти до трехсот агитаторов и эмиссаров. Венгерские коммунисты, воспользовавшись финансовой помощью большевиков, смогли расширить революционную пропаганду и усилить свое влияние.

18 февраля 1919 года на официальную газету социал-демократов «Не-*псава» («Голос народа»),* последовательно выступавшую против большевиков, напала собранная коммунистами толпа безработных и солдат, попытавшихся захватить и разгромить редакцию и типографию. Вмешалась полиция, восемь человек было убито и около ста ранено. В ту же ночь Бела Кун был арестован вместе со своим штабом. В тюрьме полицейские избили заключенных, стремясь отомстить за смерть своих коллег, убитых при осаде *«Непсава».* Венгерский президент Михай Каройи послал своего секретаря справиться о здоровье коммунистического лидера, которому облегчили режим, и он смог не только продолжить свою деятельность, но и вскоре изменить ситуацию. 21 марта, все еще находясь в тюрьме, он сумел подписать соглашение об объединении КПВ с социал-демократами. Объявленная в тот же день отставка президента Каройи открыла путь к провозглашению Республики Советов, освобождению коммунистов из-под ареста и к организации Революционного Государственного совета, составленного — по примеру большевиков — из народных комиссаров. Венгерская советская республика просуществовала 133 дня — с 21 марта по 1 августа 1919 года.

Уже на первом своем заседании наркомы решили создать революционные трибуналы, члены которых должны были избираться из народа. Ленин, которого Бела Кун приветствовал как вождя мирового пролетариата и который с 22 марта стал регулярно связываться с Будапештом по телеграфу (всего зафиксировано 218 переговоров и сообщений), дал совет расстреливать социал-демократов и мелких буржуа; в своем послании венгерским рабочим от 27 мая 1919'года он следующим образом оправдывал применение террора: "Эта диктатура [пролетариата] предполагает применение беспощадно сурового и решительного насилия для подавления сопротивления эксплуататоров, капиталистов, помещиков и их прихвостней. Кто не понял этого, тот не революционер». Вскоре нарком торговли Ракоши, нарком экономики Варга,

а также народный комиссар, отвечавший за революционные трибуналы, восстановили против себя торговцев, служащих и адвокатов. Воззвание, развешанное в те дни на стенах, очень точно передает дух того времени: «В государстве пролетариев только тот, кто работает, имеет право на жизнь!». Труд становился обязательным, предприятия, на которых было более 20 рабочих, экспроприировались, затем настал черед тех, где работали десять и даже меньше десяти рабочих.

Армия и полиция были распущены, учреждена новая армия, состоявшая из преданных революции добровольцев. Вскоре была создана террористическая группа «Красная охрана Революционного правительственного совета», ставшая известной под кличкой «Ленинские молодчики». «Молодчики» начали с того, что убили с десяток человек, среди которых были молодой лейтенант австро-венгерского флота; Ладислаш Добса, бывший первый заместитель Государственного секретаря, и его сын, управляющий железными дорогами; три офицера жандармерии. Руководил «Ленинскими молодчиками» Йожеф Черни, бывший моряк, набиравший в свой отряд наиболее радикальных коммунистов (особенно охотно — бывших военнопленных, участвовавших в русской революции). Он сблизился с самым радикальным коммунистическим лидером Самуэли и выступил против Бела Куна, решившего распустить «Ленинских молодчиков». Черни собрал своих людей и повел их на Дом Советов, где находился Бела Кун, однако тот получил поддержку социал-демократа Йожефа Гаубриха, заместителя народного комиссара по военным делам. Дело кончилось переговорами, и люди Черни были поставлены перед выбором: либо перейти в подчинение Народному комиссариату внутренних дел, либо стать частью регулярной армии, что большинство из них и предпочло.

Спор из-за Трансильвании еще не был решен окончательно, и в конце апреля 1919 года началось наступление румынских войск. «Железная рука», Тибор Самуэли, был назначен ответственным за безопасность тыла. Прибыв во главе двух десятков «Ленинских молодчиков» в только что отбитый у румын город Со-льнок, он расправился со многими видными жителями города. Они были обвинены в сотрудничестве с румынами и признаны врагами как с национальной точки зрения (проблема Трансильвании), так и с классовой (румынский режим был «буржуазным» и противостоял большевизму). Некий еврейский школьник пришел просить о помиловании своего отца и был убит за то, что назвал Самуэли «диким зверем». Командующий венгерской Красной Армией тщетно пытался укротить террористический пыл Самуэли, который разъезжал по Венгрии на реквизированном поезде и вешал крестьян, сопротивлявшихся коллективизации. Его заместителю Йожефу Керкешу, обвинявшемуся в убийстве ста пятидесяти человек, пришлось сознаться в том, что он лично расстрелял пятерых и своими руками повесил тринадцать человек Впрочем, точное число казней того времени не установлено. Артур Кестлер утверждает, что их было около пятисот[3]. Он замечает: «Я не сомневаюсь в том, что коммунизм в Венгрии со временем выродился бы в тоталитарное и полицейское государство, неизбежно следуя русской модели. Но эта позднее приобретенная уверенность никак не заслоняет для меня пыл первых, наполненных надеждой дней революции...». Историки приписывают «Ленинским молодчикам» 80 из 129 зафиксированных казней, но, по-видимому, эту цифру нужно увеличить до нескольких сотен жертв.

В связи с усилением оппозиции и ухудшением ситуации на фронте революционное правительство решилось прибегнуть к антисемитизму. Одно

из воззваний призывало к уничтожению евреев, отказывавшихся идти на фронт: «Уничтожайте их, если они не хотят отдавать жизнь за священное дело диктатуры пролетариата!». Бела Кун распорядился провести облаву на польских евреев, приехавших за провизией. Пять тысяч человек были арестованы и выдворены из страны, а их имущество конфисковано. Радикалы из КПВ настаивали, чтобы Самуэли взял дело в свои руки, и требовали устроить «красную Варфоломеевскую ночь», считая это единственным способом предотвратить крушение венгерской Республики Советов. Черни попробовал реанимировать своих «Ленинских молодчиков». В середине июля в *«Непса-ва»* появился призыв: «Мы просим бывших членов Красной охраны, всех тех, кто был демобилизован в момент ее роспуска, явиться к Йожефу Черни для возобновления службы...». На следующий день было напечатано официальное опровержение: «Мы предупреждаем каждого, что возобновление деятельности бывших «Ленинских молодчиков» никоим образом не предусматривается: они совершили столь тяжкие для пролетарской чести проступки, что возобновление их службы для Республики Советов исключено».

Последние недели Будапештской коммуны были полны хаоса и смятения. Против Бела Куна был организован путч, вдохновителем которого являлся, по-видимому, Самуэли. 1 августа 1919 года Кун покинул Будапешт под защитой итальянской военной миссии и летом 1920 года бежал в Советскую Россию. Сразу же по прибытии туда он был назначен комиссаром Красной Армии на Южном фронте, где отличился, казнив врангелевских офицеров, сдавшихся под гарантию сохранения им жизни. Самуэли попытался бежать в Австрию, но 2 августа 1919 года был арестован на австрийской границе и покончил жизнь самоубийством[4].

Коминтерн и гражданская война

В то самое время, когда Бела Кун со своими товарищами пытался учредить в Европе еще одну республику Советов, Ленин принял меры по созданию международной организации для распространения революции во всем мире. Коммунистический Интернационал, называемый также Коминтерн, или III Интернационал, был основан в Москве в марте 1919 года и сразу же заявил о себе как о наследнике II Интернационала, созданного в 1889 году. Однако съезд, созванный для формирования Коминтерна, свидетельствовал скорее о срочной необходимости создания такой организации и о стремлении участников разобраться в стихийных колебаниях, сотрясавших Европу, чем о реальной способности к объединению. Подлинное создание Коминтерна следует датировать скорее его Вторым съездом (точнее конгрессом — так впредь стали называть съезды Коминтерна), созванным летом 1920 года. Было утверждено *Двадцать одно условие* приема в Коминтерн, и тем самым создан предельно централизованный «штаб мировой революции», где преобладающий вес и значение получила партия большевиков, что было обусловлено ее престижем, опытом и государственной мощью (особенно с финансовой, военной и дипломатической точек зрения).

Коминтерн изначально задумывался Лениным как одно из подрывных средств революции на международной арене (наряду с Красной Армией, дипломатией, шпионажем и т.д.), и политическая доктрина этой организации оказалась, таким образом, калькой доктрины большевиков, главным по-

ложением которой было следующее: «Настало время заменить оружие критики на критику оружием». Манифест, принятый на II конгрессе, торжественно декларировал: «Коммунистический Интернационал — это интернациональная партия вооруженного восстания и пролетарской диктатуры». Третье из *Двадцати одного условия приема в Коминтерн* соответственно гласило: «Почти во всех странах Европы и Америки классовая борьба переходит в период *гражданской войны.* В этих условиях коммунисты не могут более ограничиваться буржуазными легальными методами борьбы. Они должны повсеместно создавать параллельно с легальными подпольные организации, способные в решительный момент выполнить свой революционный долг». Под расплывчатым выражением «решительный момент» подразумевалось революционное восстание, а «революционный долг» означал непременное вступление в гражданскую войну. И это была политика, которую следовало проводить не только странам с диктаторскими режимами, но и демократическим странам, конституционным монархиям и республикам.

Двенадцатое условие уточняло организационные требования, отвечавшие задачам подготовки революционной гражданской войны: «На сегодняшний день, когда идет ожесточенная гражданская война, коммунистическая партия сможет выполнить свою роль, лишь будучи организована наиболее централизованным способом, при условии, что в ней будет принята железная, граничащая с военной, дисциплина и ее центральный орган получит широкие полномочия и будет наделен неоспоримой властью при единодушном доверии членов партии». Тринадцатое условие предусматривало ситуацию, при которой члены вступившей в Коминтерн партии оказывались не «единодушны»: «Коммунистические партии <...> должны периодически осуществлять чистки внутри своих организаций, с тем чтобы избавить их от корыстных и мелкобуржуазных элементов».

Во время Третьего конгресса, который собрал в Москве в июне 1921 года многочисленные уже сформированные коммунистические партии, директивы были сформулированы еще более четко. В «Тезисах о тактике» указывалось: «Коммунистическая партия должна словом и делом прививать самым широким слоям пролетариата идею, что любой экономический или политический конфликт может при благоприятном стечении обстоятельств перерасти в гражданскую войну, во время которой задачей именно пролетариата станет захват политической власти». Также и «Тезисы о структуре, методах и деятельности коммунистических партий» подробно разъясняли вопросы об «открытом революционном восстании» и о «боевых организациях», которые каждая коммунистическая партия должна была нелегально подготовить. Тезисы уточняли, что подобная подготовительная работа необходима именно потому, что «в такой момент не может еще идти речи о формировании регулярной армии».

От теории до практики — один шаг, который и был сделан в марте 1921 года в Германии, где Коминтерн планировал развернуть широкую революционную деятельность под руководством... Бела Куна, избранного к тому времени членом президиума Исполнительного комитета Коминтерна. «Мартовское наступление» в Саксонии, предпринятое в тот момент, когда большевики подавили Кронштадтское восстание, потерпело поражение, несмотря на применение весьма действенных средств (в частности, был взорван скорый поезд «Галле — Лейпциг»). Этот провал привел к первой «чистке» в рядах Коминтерна. Пауль Леви, один из основателей КПГ (Коммунистической партии Герма-

нии) и ее руководитель, за критику подобного рода авантюристических методов («путчизма») был исключен из партии. Находясь уже под полным влиянием большевистской модели, коммунистические партии, которые «институционально» считались всего лишь национальными секциями III Интернационала, все более попадали в такую политическую и организационную зависимость от Коминтерна, при которой оставался один шаг до прямого подчинения: именно в этой организации властно разрешались все конфликты между ними и определялась в конечном счете политическая линия каждой из партий. Это стремление к постоянному провоцированию вооруженных восстаний, которое в большой степени инициировалось Григорием Зиновьевым, критиковал сам Ленин, который, хотя и признавал, по сути, правоту Пауля Леви, все же передал руководство КПГ его противникам. Власть аппарата Коминтерна от этого только усилилась.

В январе 1923 года французские и бельгийские войска заняли Рур с целью заставить Германию выплатить репарации, предусмотренные Версальским договором. Одним из ощутимых последствий этой оккупации стало сближение националистов и коммунистов, сплотившихся против «французского империализма». Оккупация вызвала также пассивное сопротивление населения, поддержанное правительством. Экономическая ситуация, и до этого нестабильная, коренным образом ухудшилась; деньги катастрофически обесценивались, и в августе доллар стоил 13 миллионов марок! Забастовки, демонстрации, беспорядки сменяли друг друга, В этой революционной атмосфере 13 августа правительство Вильгельма Куно пало*.

В Москве руководители Коминтерна решили, что возможен новый Октябрь. Как только были преодолены разногласия по поводу того, кто возглавит эту революцию — Троцкий, Зиновьев или Сталин, — Коминтерн перешел к серьезной организации вооруженного восстания. В Германию были посланы эмиссары (Огюст Гуральски, Матьяш Ракоши) в сопровождении лиц, компетентных в вопросах гражданской войны (в их числе был и генерал Александр Скоблевски, он же Горев). Было намечено опереться на новое правительство Саксонии, сформированное в начале марта. В него наряду с левыми социал-демократами вошло и несколько коммунистов. Именно здесь коммунисты надеялись при помощи государственного аппарата завладеть необходимым количеством оружия. Спешно отправленный в Саксонию Ракоши готовился взорвать железнодорожный мост, соединявший эту землю с Чехословакией, с целью спровоцировать вмешательство этой страны и тем увеличить смуту.

Акция должна была начаться в годовщину большевистского путча. Волнение охватило Москву, которая, будучи абсолютно уверена в победе, сосредоточила Красную Армию на западной границе, чтобы прийти на выручку восстанию. В середине октября коммунистические лидеры вошли в правительства Саксонии и соседней Тюрингии, чтобы укрепить пролетарское милицейское ополчение (несколько сотен человек), состоявшее на 25% из рабочих — социал-демократов и на 50 — из коммунистов. Но 13 октября при под-

* Правительство Вильгельма Куно представляло интересы тяжелой промышленности и финансовых магнатов Германии, то есть сторонников невыполнения Версальского договора, согласно которому Германия теряла восьмую часть своей территории и колонии и должна была выплатить репарации в размере 132 миллиардов золотых марок. *(Прим. ред.)*

держке рейхсвера правительство Густава Штреземана ввело в Саксонии, отныне оказавшейся под его прямым контролем, чрезвычайное положение. Несмотря на это Москва, призвала рабочих вооружаться, и возвратившийся из Москвы Генрих Брандлер решил объявить 21 октября всеобщую забастовку по случаю Конференции рабочих организаций в Хемнице. Этот маневр провалился — левые социал-демократы отказались следовать за коммунистами. Тогда те решили дать обратный ход, но из-за плохой связи информация не дошла до коммунистов Гамбурга, и утром 23 октября там вспыхнуло восстание: боевые группы коммунистов (от двухсот до трехсот человек) напали на полицейские участки. Однако повстанцы не смогли добиться своих целей. Полиция совместно с рейхсвером перешла в ответное наступление, и после боев, длившихся тридцать один час, восстание гамбургских коммунистов, оказавшихся в совершенной изоляции, было подавлено. Второй Октябрь, на который так надеялись в Москве, не наступил. Военный аппарат остался тем не менее, вплоть до 30-х годов, важной структурой КПГ, которую хорошо описал один из ее руководителей Ян Валтин (настоящее имя — Рихард Кребс[5]).

После Германии ареной очередной попытки переворота стала Эстонская Республика. Эта маленькая страна уже второй раз подвергалась нападению Советов. Захватившие власть 27 октября 1917 года большевики были изгнаны оттуда немецкими войсками через три с половиной месяца, и буквально накануне вступления немцев в Ревель (Таллинн) 24 февраля 1918 года была провозглашена независимость Эстонии. Немецкая оккупация длилась до ноября 1918 года, когда после свержения кайзера немецкие войска были вынуждены отступить. Коммунисты тотчас снова взяли инициативу в свои руки: 18 ноября в Петрограде было создано эстонское правительство (Временный революционный комитет) и две дивизии Красной Армии вступили в Эстонию. Цель этих действий была ясно обозначена в газете *«Северная коммуна»:* «Мы должны построить мост, соединяющий Россию Советов с пролетарскими Германией и Австрией. <...> Наша победа свяжет революционные силы Западной Европы с силами России. Она сделает неодолимой силу всемирной социальной революции»[6]. В январе 1919 года советские войска были остановлены в тридцати километрах от эстонской столицы контрнаступлением эстонцев. Второе наступление Красной Армии также провалилось, и 2 февраля 1920 года был заключен Тартуский мирный договор, по которому Эстония была признана независимой. В захваченных ими местностях большевики занимались резней: 14 января 1920 года, накануне своего отступления, они казнили двести пятьдесят человек в Тарту и больше тысячи — в районе Раквере. После освобождения Раквере 17 января были разрыты три могилы, в которых было обнаружено 86 трупов. Расстрелян-ных 26 декабря 1919 года в Дорпаде заложников подвергали пыткам, ломали ноги и руки, иногда выкалывали глаза. 14 января, перед самым бегством, большевики из двухсот пленных успели уничтожить лишь двадцать человек, среди которых был архиепископ Платон. Жертвы можно было опознать с трудом: убивали ударами топора и прикладов, у одного офицера погоны были гвоздями прибиты к телу!

* Г. Брандлер (1881 — 1967) в 1923 году занимал пост председателя Коммунистической партии Германии. *(Прим. ред.)*

Побежденная советская сторона не отказалась от своих планов захвата Эстонии. В апреле 1924 года во время секретных переговоров «эстонских товарищей» с Зиновьевым' в Москве, было решено, что Коммунистическая партия Эстонии начнет готовить вооруженное восстание. Коммунисты создавали боевые команды (к осени в них насчитывалось около тысячи человек), свои ячейки в армии, ведя работу по ее деморализации. Предусматривалось начать восстание, затем поддержать его забастовкой. Эстонская коммунистическая партия, которая насчитывала около трех тысяч членов и подвергалась суровым репрессиям, 1 декабря 1924 года попыталась захватить власть в Таллинне с целью провозгласить Советскую республику. Главная задача этой республики состояла бы в том, чтобы немедленно потребовать присоединения к Советской России и тем самым оправдать вступление в Эстонию Красной Армии. Попытка провалилась в тот же день. Во время путча офицеры, сдавшиеся повстанцам и объявившие о своем нейтралитете, были расстреляны — по причине той же самой занятой ими нейтральной позиции: путчисты считали врагами всех, кто не с ними[7]. Руководившему операцией Яну Анвельту удалось бежать в СССР. На протяжении многих лет он был чиновником Коминтерна, а затем исчез во время «чисток» 30-х годов[8].

После Эстонии действие переносится в Болгарию. 1923 год в этой стране был отмечен сильными потрясениями. Александр Стамболийский, руководитель коалиции, созданной коммунистами и его собственной партией «Земледельческий союз», был убит в июне 1923 года и заменен в правительстве Александром Цанковым, получившим поддержку армии и полиции. В сентябре коммунисты начали восстание, которое продлилось неделю и было жестоко подавлено. Начиная с апреля 1924 года коммунисты сменили тактику, создали партизанские отряды и перешли к прямым террористическим актам, не останавливаясь перед убийствами. 8 февраля 1925 года в результате нападения на супрефектуру Годеча было убито четыре человека. 11 февраля в Софии был убит депутат Никола Милев (Гео Милев), редактор газеты *«Словет»* и председатель профсоюза болгарских журналистов. 24 марта манифест Болгарской коммунистической партии предупредил о неизбежном падении Цанкова, раскрывая тем самым связь между террористической деятельностью и политическими целями коммунистов. В начале апреля произошло покушение на царя Бориса; 15 апреля был убит один из его приближенных, военный комендант Софии генерал Коста Георгиев.

Один из самых значительных эпизодов этой эры политического насилия в Болгарии — чудовищный взрыв 17 апреля во время отпевания генерала Георгиева в Софийском кафедральном соборе. Купол собора рухнул, погибло 140 человек, среди которых четырнадцать генералов, шестнадцать старших офицеров, три депутата. Как считает Виктор Серж, за этим терактом стоял военный отдел коммунистической партии. Двое из его руководителей, Коста Янков и Иван Минков, предполагаемые организаторы взрыва, были убиты, оказав вооруженное сопротивление при аресте.

Взрыв позволил властям оправдать безжалостные репрессии: три тысячи коммунистов были арестованы, трое из них публично повешены. Некоторые члены коминтерновского аппарата уже тогда возлагали ответственность

* Зиновьев занимал пост председателя Исполкома Коминтерна. *(Прим. ред.)*

за этот взрыв на главу болгарских коммунистов Георгия Димитрова, руководившего партией из эмиграции в Вене. В декабре 1948 года, выступая перед делегатами V съезда Болгарской коммунистической партии, он признал, что ответственность за взрыв лежит на нем и на военной организации. По другим источникам, динамит в соборе был заложен по распоряжению Меера Трилиссера, главы иностранного отдела ОГПУ, будущего заместителя председателя ГПУ, чьи боевые заслуги были отмечены в 1927 году орденом Красного Знамени[9]. В 3О-е годы Трилиссер стал одним из десяти секретарей Коминтерна, за деятельностью которого он осуществлял, по заданию НКВД, постоянный контроль.

После всех этих сокрушительных поражений в Европе Коминтерн по инициативе Сталина открыл для себя новое поле битвы — Китай, где он и сосредоточил свои усилия. Находившаяся в состоянии полной анархии, раздираемая внутренними междуусобицами и социальными конфликтами, но движимая колоссальным национальным порывом, огромная страна, казалось, созрела для «антиимпериалистической» революции. В соответствии с этой политической установкой китайские студенты, обучавшиеся в Москве в основанном в 1921 году Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), осенью 1925 года были собраны в Университете имени Сунь Ятсена.

Окруженное ставленниками Коминтерна и советских спецслужб, руководство коммунистической партии Китая, во главе которой еще не стоял Мао Цзэдун, пошло в 1925—1926 годах на тесный союз с более могущественной силой — китайской националистической партией Гоминьдан, уже стоявшей у власти в Южном Китае (кантонское правительство, в котором будущий вождь Гоминьдана Чан Кайши ведал организацией армии). Тактика Коминтерна заключалась в том, чтобы внедриться в Гоминьдан и сделать из этой партии что-то вроде Троянского коня революции. Эмиссар Коминтерна Михаил Бородин стал советником при Гоминьдане. В 1925 году левое крыло Гоминьдана, которое полностью поддерживало политику сотрудничества с Советским Союзом, захватило руководство партией. Коммунисты усилили пропаганду, поощряя социальное брожение и стремясь увеличить свое влияние настолько, чтобы занять господствующее положение на II съезде Гоминьдана. Вскоре, однако, перед ними возникло серьезное препятствие — Чан Кайши, обеспокоенный непрерывным расширением влияния коммунистов. Он справедливо заподозрил коммунистов в том, что те хотят его отстранить. Принимая против этой угрозы превентивные меры, Чан Кайши ввел 12 марта 1926 года военное положение, разоружил воинские части, которыми командовали офицеры-коммунисты, арестовал сторонников коммунистов в Гоминьдане и даже советских военных советников (все они были освобождены спустя несколько дней), отстранил лидера левого крыла своей партии и заставил принять пакт в восьми пунктах, ограничивавший прерогативы и деятельность коммунистов внутри партии. Чан Кайши стал отныне неоспоримым главой гоминьдановской армии. Учитывая новую расстановку сил, Бородин его действия одобрил.

7 июля 1926 года Чан Кайши, который получал значительную материальную помощь из СССР, объявил о начале Северного похода и бросил го-миньдановские войска на завоевание севера Китая, находившегося все еще под властью «феодалов-милитаристов». 29 июля он ввел военное положение в Кантоне. Китайские сельскохозяйственные провинции Хунань и Хубэй бы-

ли охвачены своего рода аграрной революцией, которая самой своей динамикой вновь ставила под сомнение союз коммунистов и националистов. В Шанхае, крупнейшем к тому времени промышленном центре Китая, профсоюзы при приближении армии Гоминьдана объявили всеобщую забастовку. Коммунисты, среди которых был знаменитый в будущем Чжоу Эньлай, призвали к восстанию, рассчитывая на неминуемое вступление гоминьдановской армии в город. Этого не случилось, восстание 22—24 февраля 1927 года потерпело поражение, и забастовка была жестоко подавлена генералом Ли Баочжуном.

21 марта новая еще более массовая всеобщая забастовка и новое восстание смели местную власть. Дивизия гоминьдановской армии вошла в Шанхай, куда вскоре прибыл Чан Кайши, решивший держать ситуацию под контролем и «навести порядок». Ему легко удалось добиться своей цели, потому что Сталин, видевший только «антиимпериалистический» аспект политики Чан Кайши, в конце марта приказал коммунистам сложить оружие и придерживаться общего фронта с Гоминьданом. 12 апреля 1927 года Чан Кайши повторил в Кантоне свою шанхайскую операцию, в результате которой там тоже начались преследования и убийства коммунистов.

Сталину пришлось менять политику в самый неподходящий для него момент — в разгар борьбы с оппозицией и внутри партии, и в Коминтерне. В августе, чтобы не ударить в грязь лицом перед критикой оппозиции[10], он послал двух «личных» эмиссаров, Виссариона Ломинадзе и Хайнца Ноймана, дабы те вновь запустили повстанческое движение, порвав союз с Гоминьданом. Так называемое «Восстание осеннего урожая», организованное сталинскими посланцами, провалилось, но, несмотря на эту неудачу, они продолжали упорствовать и спровоцировали восстание в Кантоне, «чтобы доставить своему вождю победный рапорт» (выражение Бориса Суварина*) в тот самый момент, когда собирался XV съезд ВКП(б), на котором было намечено исключить оппозиционеров из партии. Этот маневр показывает, сколь мало человеческая жизнь значила для большевиков, даже когда речь шла об их собственных сторонниках, — что для того времени было еще ново. Безрассудная Кантонская коммуна тому свидетельство, но в сущности кантонские события мало отличались от террористических актов в Болгарии несколькими годами ранее.

Итак, в течение сорока восьми часов несколько тысяч повстанцев нападали на войска, превышавшие их по численности в пять-шесть раз. Эта акция была плохо подготовлена и обречена на провал: во-первых, сказалась неблагоприятная политическая обстановка (рабочие Кантона придерживались осторожной выжидательной позиции), а во-вторых, вооружения было явно недостаточно. Вечером 10 декабря 1927 года гоминьдановские войска заняли позиции в местах, предусмотренных для сбора отрядов Красной Армии. Как и в Гамбурге, инициатива была на стороне повстанцев, но очень быстро это преимущество исчезло. Утром 12 декабря провозглашение «Советской Республики» совершенно не встретило отклика у населения, и уже после полудня гоминьдановские силы пошли в контрнаступление. На третий день красный флаг, развевавшийся над полицейским управлением, был сорван. В последовавших репрессиях погибли тысячи человек.

* Б. Суварин — французский журналист, сотрудник *«Юманите»,* в конце 20-х годов порвал с компартией, написал первую разоблачительную биографию Сталина, до настоящего времени сохранившую свое значение. *(Прим. ред.)*

Казалось бы, подобный опыт должен был послужить уроком для Коминтерна, но он был неспособен видеть и решать фундаментальные политические задачи. И снова, вопреки всему, применение насилия было оправдано Коминтерном; в книге *Вооруженное восстание,* опубликованной при поддержке Коминтерна в 1931 году на многих языках, можно прочесть следующие слова: «Мы недостаточно старались обезвредить контрреволюционеров. В течение всего того времени, что Кантон находился в руках повстанцев, *было уничтожено лишь сто человек.* Всех заключенных разрешено было убивать лишь после суда, произведенного над ними по всем правилам комиссией по борьбе против реакционеров. В разгар боя, в разгар восстания *эта процедура слишком медленна»*[11]. Урок был усвоен.

После этого провала коммунисты покинули города и вновь стали объединяться в отдаленных сельских зонах. В 1931 году в провинциях Хунань и Цзянси были созданы «советские районы», находившиеся под защитой Красной Армии.

Итак, с самого начала среди китайских коммунистов преобладала идея о том, что революция — это прежде всего военное дело, именно поэтому исполнение политической функции было возложено на военный аппарат. В 1938 году Мао резюмировал свою концепцию в знаменитой формуле: «Винтовка рождает власть». Дальнейшее развитие событий показало, что именно этот тезис и был квинтэссенцией коммунистического представления о способах захвата и сохранения власти.

Коминтерн, несмотря на свои неудачи в Европе в начале 20-х годов и провал в Китае, вовсе не был обескуражен и продолжал идти по выбранному пути. Все коммунистические партии, в том числе и легально существовавшие в демократических республиках, сохранили в своих недрах тайный военный аппарат, который при случае мог заявить о себе публично. Модель была задана КПГ, которая под пристальным контролем советских военных руководителей создала в Германии весьма значительный аппарат такого рода. Ему была поручена ликвидация вражеских деятелей, особенно крайних правых и полицейских осведомителей, проникших в партию, а также создание военизированных групп (например, знаменитый «Рот-Фронт», насчитывавший тысячи членов). Верно и то, что в Веймарской республике политическое насилие стало в конце 20-х годов повсеместным явлением. Коммунисты боролись не только с крайними правыми и зарождавшимся нацизмом, они, не колеблясь, нападали и на митинги социал-демократов[12], которых называли «социал-предателями» и «социал-фашистами», и на полицию республики, которую считали реакционной, даже фашистской. Дальнейший ход истории, начиная с 1933 года, показал, что такое настоящий фашизм (в данном случае национал-социализм); благоразумнее было бы вступить в союз с социал-демократами и защищать «буржуазную» демократию, но такую демократию коммунисты отвергали в корне.

Во Франции, где политический климат был спокойнее, Французская коммунистическая партия (ФКП) тоже создавала свои вооруженные группы. Их организовывал Альбер Трен, один из секретарей партии, — звание капитана, полученное им во время войны, делало его относительно компетентным в этой области. Дебют этих групп состоялся 11 января 1924 года во время коммунистического митинга. Трен, против которого выступила группа анар-

хистов, призвал на помощь службу охраны порядка. Десяток человек, вооруженных револьверами, поднялись на трибуну и стали стрелять в недовольных в упор, при этом два человека были убиты и многие ранены. Никого из убийц не преследовали. Аналогичная схватка произошла спустя год с небольшим. В четверг 23 апреля 1925 года, за несколько недель до муниципальных выборов, служба охраны порядка ФКП столкнулась на улице Дамремон с группой выходивших с предвыборного собрания членов организации крайне правых «Патриотическая молодежь» {*La jeunesse patriotique,* или сокращенно JP). Некоторые члены службы охраны ФКП были вооружены и, не колеблясь, воспользовались своими револьверами. Три члена JP были убиты, один из раненых умер спустя два дня. Жан Тетенже, глава JP, был задержан, а у коммунистических активистов полиция провела серии обысков.

Несмотря на трудности, ФКП продолжала эту линию. В 1926 году партийное руководство поручило Жаку Дюкло, одному из своих только что выбранных депутатов, пользовавшемуся парламентской неприкосновенностью, организовать антифашистские группы сопротивления, формируя их из бывших участников войны 1914—1918 годов, и антифашистскую «Молодую гвардию», набранную из коммунистической молодежи. Эти военизированные группы, созданные по модели немецкого «Рот-Фронта» и носившие сходную униформу, промаршировали по улицам Парижа 11 ноября 1926 года. Дюкло параллельно занимался антимилитаристской пропагандой и издавал журнал *«Le Combattant rouge»* («Красный боец»), в котором публиковались статьи с описанием и анализом уличных боев и т.п., т.е. фактически преподавалось искусство вести гражданскую войну.

В начале 1934 года во Франции была переиздана книга *Вооруженное восстание,* впервые опубликованная в 1931 году советскими руководителями, скрывшими свои имена под псевдонимом Нейберг[13], и представлявшая собой исследование опыта различных восстаний начиная с 1920 года. Лишь с момента поворота к политике Народного фронта летом-осенью 1934 года установка на восстания была отодвинута на второй план, что, однако, никак не означало какого-либо преуменьшения той фактически главной роли, которую играло насилие в коммунистической практике. Все способы оправдания насилия и проявлений классовой ненависти, все теоретические обоснования гражданской войны и террора вновь нашли свое применение в 1936 году в Испании, куда Коминтерн послал множество своих руководящих работников.

Вся работа по отбору, формированию и подготовке руководителей для будущего вооруженного восстания всегда проходила в тесном контакте с советскими секретными службами, точнее, с одной из них — Главным разведывательным управлением (ГРУ). Основанное под эгидой Троцкого как 4-й отдел Красной Армии, ГРУ никогда до конца не прекращало свою «воспитательную» работу с зарубежными коммунистами, даже если обстоятельства вынуждали сильно сократить ее масштаб. Даже в начале 70-х годов некоторые молодые руководящие работники Французской коммунистической партии еще тренировались в СССР в стрельбе, сборке и разборке обычного оружия, кустарном производстве оружия, передаче информации по радиосвязи, технике саботажа. Обучение проходило при спецназе — специальных советских войсках, предоставленных в распоряжение секретных служб. ГРУ также располагало военными специалистами, которых, в случае необходимости, оно всегда могло предоставить в распоряжение братских партий. Например,

Манфред Штерн, австриец, который был временно командирован в аппарат КПГ во время гамбургского восстания 1923 года, работал затем в Китае, Маньчжурии и стал наконец «генералом Клебером» интернациональных бригад в Испании.

Эти тайные военные организации коммунистов нередко формировались практически из бандитов, и некоторые группы превращались иногда в настоящие банды. Один из самых ярких примеров — Красная гвардия, или Красные эскадроны, Китайской коммунистической партии во второй половине 20-х годов. Красные эскадроны начали орудовать в Шанхае, считавшемся тогда фактическим центром деятельности партии, их возглавлял бывший гангстер Гу Шунцзян, состоявший до этого в тайной организации «Зеленая повязка» — одной из двух самых могущественных шанхайских мафий. Фанатичные бойцы Красных эскадронов боролись против националистов, в основном против «Синих рубашек» — организации, созданной по фашистской модели. Бои велись весьма сомнительными способами: террором отвечали на террор, засадой — на засаду, убийством — на убийство. Все это происходило при особенно активной поддержке консульства СССР в Шанхае, которое располагало как специалистами по военным вопросам (например, Горбатюк), так и реальными исполнителями грязных дел.

В 1928 году люди Гу Шунцзяна уничтожили семейную пару — коммунистов, работавших на полицию: во время сна супруги были изрешечены пулями. Чтобы заглушить шум от выстрелов, сообщники запустили на улице фейерверк. Вскоре подобные радикальные методы стали использоваться внутри самой партии для усмирения оппозиционеров. Иногда достаточно было простого доноса. Хэ Мынцянь примерно с двадцатью товарищами из «рабочей фракции», возмущенные тем, что ими пытались манипулировать делегат Коминтерна Павел Миф и руководители, подчинявшиеся Москве, собрались 17 января 1931 года в «Восточном отеле» в Шанхае. Не успели они начать дискуссию, как в зал ворвались с оружием в руках полицейские и агенты Дзяоча тончжи, Центрального бюро расследований Гоминьдана, и арестовали их. Националисты были якобы «анонимно» проинформированы о собрании.

После выхода из партии Гу Шунцзяна в апреле 1931 года, его возвращения в лоно «Зеленой повязки» и подчинения Гоминьдану, специальный комитет из пяти коммунистических руководителей продолжил его дело в Шанхае. Он состоял из Кан Шэна, Гуан Хоаня, Пан Ханьяня, Чен Юна и Же Цзинши. В 1934 году, когда городской аппарат КПК рухнул окончательно, два последних руководителя коммунистических вооруженных групп в городе, Динь Мокунь и Ли Шицзун, попали в руки Гоминьдана. Они тоже «подчинились», затем перешли на службу к японцам. Судьба их оказалась трагичной: первого как изменника расстреляли националисты в 1947 году, второго отравил японский офицер, под началом которого он работал. Что касается Кан Шэна, то он стал в 1949 году (и оставался до своей смерти в 1975 году) главой тайной маоистской полиции и был, таким образом, одним из главных палачей китайского народа при коммунистической власти[14].

Члены аппарата той или иной коммунистической партии использовались и в операциях советских специальных служб, как это было, судя по всему, при похищении Кутепова. В 1924 году в Париже великий князь Николай Николаевич вызвал Александра Кутепова и предложил ему возглавить Российский общевойсковой союз (РОВС). В 1928 году ОГПУ решило нанести РОВС мощ-

ный удар. 26 января генерал исчез. Разнеслось множество слухов, некоторые — с подачи заинтересованной в этом советской стороны. Инициаторы похищения стали известны благодаря двум независимым расследованиям: старого русского социалиста Владимира Бурцева, знаменитого еще с той поры, когда он разоблачил Евно Азефа, агента охранки, проникшего в руководящие ряды боевой организации социалистов-революционеров, и расследованию Жана Дела-жа, журналиста из *«L' Echo de Paris».* Делаж установил, что генерал Кутепов был, видимо, перевезен на советский корабль *Спартак,* отплывший из Гавра 19 февраля. Никто больше не видел генерала живым. 22 сентября 1965 года советский генерал Шиманов в газете *«Красная звезда»* раскрыл имя ответственного за операцию. Это был «Сергей Пузицкий, <...> который не только участвовал в захвате бандита Савинкова, <...> но еще и мастерски провел операцию по аресту Кутепова и многих других лидеров белогвардейцев»[15]. Сегодня у нас есть новые сведения, проливающие свет на похищение генерала Кутепова. В его эмигрантскую организацию проникло ОГПУ: начиная с 1929 года бывший министр правительства адмирала Колчака Сергей Николаевич Третьяков тайно перешел в советский лагерь, поставлял информацию под кодом УЖ/1 и под кодовым именем «Иванов». Благодаря подробной информации, которой он обеспечивал своего связного «Ветчинкина», Москва знала все или почти все о перемещениях белого генерала. Ударная группа задержала его машину прямо на улице под видом полицейской проверки, после чего псевдорегулировщик Онель, владелец гаража в Леваллуа-Перре, попросил Кутепова следовать за ним. В операции участвовал также его брат Морис Онель, находящийся в контакте с советскими службами (в 1936 году он был выбран депутатом от коммунистов). Кутепов отказался подчиниться и был, видимо, убит ударом кинжала. Его труп, по всей вероятности, был зарыт в подвале гаража Онеля (16).Заместителем генерала Миллера, преемника Кутепова, был генерал Николай Скоблин, давно завербованный советской разведкой. Вместе со своей женой, певицей Надеждой Плевицкой, Скоблин организовал в Париже похищение генерала Миллера. Миллер исчез 22 сентября 1937 года, а 23 сентября из Гавра отплыл советский корабль *Мария Ульянова.* Генерал Миллер действительно был на этом корабле, но французское правительство отказалось задержать отплытие судна. Генерал Скоблин предпочёл скрыться, так как подозрения на его счет у руководства РОВС становились всё отчётливее. В Москве после долгих допросов генерал Миллер был расстрелян[17].

Диктатура, уголовные преследования оппозиционеров и репрессии внутри Коминтерна

Коминтерн не только поддерживал по воле Москвы вооруженные группы в каждой коммунистической партии и готовил восстания и гражданские войны против властей в разных странах, но и применял полицейские и террористические методы внутри своей собственной организации. Основы диктаторского режима внутри партии большевиков были заложены на X съезде, проходившем 8—16 марта 1921 года, — в те самые дни, когда власти боролись с кронштадтскими мятежниками. Во время подготовки съезда было предложено и обсуждено не менее восьми различных платформ. Эти прения оказались последними проблесками демократии, которая так и не смогла утвердиться в России: лишь внутри партии сохранялось еще некое подобие

свободной дискуссии. Но ненадолго. На второй день работы съезда Ленин заявил: «Не надо теперь оппозиции, товарищи, не то время! Либо — тут, либо — там [в Кронштадте], с винтовкой, а не с оппозицией. Это вытекает из объективного положения, не пеняйте. И я думаю, что партийному съезду придется этот вывод сделать, придется сделать тот вывод, что для оппозиции теперь конец, крышка, теперь довольно нам оппозиций!»[18]. Он особенно метил в тех, кто, не составляя группы в буквальном смысле и не имея печатного органа, объединялись на так называемых платформах рабочей оппозиции (Александр Шляпников, Александра Коллонтай, Лутовинов) и демократического централизма (Тимофей Сапронов, Гавриил Мясников).

16 марта, в последний день работы съезда, Ленин представил две резолюции: первую, касавшуюся «единства партии», и вторую, затрагивавшую «синдикалистский и анархистский уклон в нашей партии» и обличавшую рабочую оппозицию. Первая из них требовала под угрозой немедленного исключения из партии немедленного роспуска всех групп, сформированных на основе особых платформ. Эта резолюция не подлежала оглашению вплоть до октября 1923 года, давала Центральному комитету полномочия в применении этой санкции. Для ГПУ обнаружилось, таким образом, новое поле деятельности: каждая оппозиционная группа внутри коммунистической партии становилась отныне объектом надзора, и в случае необходимости к ней могла быть применена санкция исключения, что для людей, считавших себя истинными борцами партии, равнялось политической смерти.

Обе резолюции, запрещавшие, вопреки уставу партии, свободную дискуссию, были тем не менее приняты. Что касается первой, Радек дал ей оправдание, оказавшееся провидческим: «Голосуя за эту резолюцию, я чувствовал, что она может обратиться и против нас, и, несмотря на это, я стою за резолюцию. <...> Пусть в момент опасности Центральный комитет примет, если посчитает нужным, самые строгие меры по отношению к лучшим товарищам. <...> Пусть даже это будет ошибка Центрального комитета! Ошибка менее опасна, чем та нерешительность, которую мы наблюдаем в данный момент». Выбор, который был сделан большевиками под влиянием обстоятельств, но соответствовал их глубинным устремлениям, определил будущее советской партии и, соответственно, Коминтерна.

X съезд приступил также к реорганизации Контрольной комиссии, роль которой состояла в заботе об «укреплении единства и власти в партии». С этого момента на каждого члена партии было заведено «личное дело», которое в будущем могло послужить главным материалом для обвинения: отношение к органам ГПУ, участие в оппозиционных группировках и т.д. Сразу по окончании съезда сторонники рабочей оппозиции подверглись притеснениям и преследованиям. Позднее Александр Шляпников объяснил, что «борьба продолжалась не на идеологической площадке, но путем сокращения с должностей, систематических переводов из одного района в другой и даже исключения из партии».

В августе началась проверка, которая длилась несколько месяцев. Примерно четверть всех коммунистических активистов были исключены из партии. «Чистки» стали с тех пор составной частью партийной жизни. Айно Куусинен оставил свидетельство об этом циклическом методе: «Собрание, на котором производились чистки, проходило следующим образом: обвиняемый назывался по имени, и его приглашали подняться на трибуну; члены Комис-

сии по чистке и остальные присутствующие задавали вопросы, Некоторым легко удавалось оправдаться, другим приходилось долго терпеть это суровое испытание. Если у кого-то были личные враги, они могли повлиять на дело решающим образом. Тем не менее решение об изгнании из партии могла вынести лишь Контрольная комиссия. Если обвиняемого не признавали виновным в совершении поступка, влекшего за собой исключение из партии, процедура прерывалась без голосования. В противном случае никто не выступал в защиту обвиняемого. Председательствующий просто задавал вопрос: кто против? — и, так как никто не решался выступить против, решение принималось «единогласно»[19].

Последствия решений X съезда дали о себе знать очень быстро: в феврале 1922 года Гавриил Мясников был исключен из партии на год за отстаивание, вопреки мнению Ленина, необходимости свободы печати. Рабочая оппозиция, которая не могла добиться, чтобы ее услышали, обратилась, естественно, к Коминтерну («Заявление двадцати двух»). Тогда Сталин, Дзержинский и Зиновьев потребовали исключения Шляпникова, Коллонтай и Медведева, в чем XI съезд им отказал. Находясь под все большим влиянием советской власти, Коминтерн был вынужден ввести вскоре тот же внутренний режим, что был у партии большевиков. Логичное и, в общем и целом, ничуть не удивительное последствие.

В 1923 году Дзержинский потребовал от Политбюро официального решения, согласно которому члены партии должны были доносить в ГПУ на любую оппозиционную деятельность. Предложение Дзержинского стало причиной нового кризиса внутри партии большевиков: 8 октября Троцкий направил письмо в Центральный комитет, за которым 15 октября последовало «Заявление сорока шести». Вокруг «нового курса», предложенного Троцким, завязалась дискуссия, которую подхватили и все секции Коминтерна[20].

Одновременно с конца 1923 года жизнь этих секций начала проходить под лозунгом «большевизации»; все они должны были реорганизовать свои структуры, опираясь на ячейки предприятий, и в то же время подтвердить свою верность московскому центру. Эта преобразования не встретили особой поддержки, что вызвало (в то самое время, когда велись дискуссии об эволюции власти в Советской России) значительное усиление роли и власти *missi dominici** Интернационала.

Во Франции один из лидеров ФКП Борис Суварин выступил против новой линии и разоблачил низкие методы, которые тройка Каменев—Зиновьев-Сталин использовала в отношении своего противника Льва Троцкого. 12 июня 1924 года по случаю XIII съезда ВКП(б) Борис Суварин был вызван для объяснения. Заседание перешло в обвинение и принуждение к обязательной самокритике. Комиссия, специально созванная, чтобы заняться «случаем Суварина», постановила временно исключить его из партии. Реакция руководителей ФКП прекрасно свидетельствует о том, что требовалось отныне от членов мировой партии: «В нашей партии (ФКП), которую революционная борьба до конца не избавила от старой социал-демократической основы, влияние личностей играет еще слишком большую роль. <...> Именно в той мере, в какой будут окончательно изжиты все мелкобуржуазные проявления индивидуалистического я, сформируется безымянная железная когорта фран-

* Посланник владетельной особы или государства *(лат.).*

цузских большевиков. <...> Если Французская коммунистическая партия хочет быть достойной Коммунистического Интернационала, к которому принадлежит, если Французская коммунистическая партия хочет следовать по славным следам Российской ВКП, она должна, не колеблясь, сломить всех тех в ее рядах, кто не захочет подчиниться ее закону!» *(«Юманите»,* 19 июля 1924 года). Анонимный автор не знал, что сумел сформулировать закон, который в течение десятилетий будет управлять жизнью ФКП. Профсоюзный деятель Пьер Монат охарактеризовал этот закон одним словом: «оказармивание» компартии.

Во время того же V конгресса Коминтерна летом 1924 года Зиновьев угрожал «переломать кости» оппозиционерам, демонстрируя таким образом политические нравы, господствовавшие в коммунистическом движении. Но эта угроза обернулась против него же. Ему самому Сталин «переломал кости», отстранив его в 1925 году от должности председателя Коминтерна. Зиновьев был заменен Бухариным, которого вскоре постигла та же участь. 11 июля 1928 года, накануне VI конгресса Коминтерна, проходившего с 17 июля по 1 сентября, Каменев тайно встретился с Бухариным, а позднее составил протокол беседы. Называя себя жертвой «полицейского режима», Бухарин объяснил ему, что его телефон прослушивается и что за ним следит ГПУ; дважды у него проскальзывал вполне реальный страх: «Он нас задушит... Мы не хотим выступать как раскольники, потому что тогда он нас задушит» (21), «Он» — это, конечно же, Сталин.

Первым, кого Сталин попытался «задушить», стал Лев Троцкий. Особенность сталинской борьбы с троцкизмом — в ее размахе. Основные события развернулись в 1927 году. Но уже раньше, во время заседания ЦК партии большевиков в октябре 1926 года, зазвучали зловещие предупреждения: «Либо исключение и легальный разгром оппозиции, либо решение вопроса путем пушечных выстрелов на улице, как в случае с левыми эсерами в июле 1918 года в Москве». Левая оппозиция (это было ее официальное название), изолированная и все более и более слабевшая, подвергалась провокациям со стороны ГПУ, которое выдумало существование подпольной типографии, возглавляемой бывшим офицером Врангеля (в реальности — одним из агентов ГПУ), где якобы печатались документы оппозиции. Во время X годовщины Октября оппозиция попыталась выйти на демонстрацию под своими собственными лозунгами. Помешало ей в этом грубое вмешательство милиции, а 14 ноября Троцкий и Зиновьев были исключены из партии большевиков. Следующим этапом стала начавшаяся в январе 1928 года высылка самых известных деятелей оппозиции в отдаленные регионы или за границу: Христиан Раковский, бывший советский посол во Франции, был сослан в Астрахань, а затем в Барнаул; Виктор Серж был выслан в 1933 году в Оренбург. Что касается Троцкого, то его силой привезли в Алма-Ату, за четыре тысячи километров от Москвы. Год спустя, в январе 1929 года, он был выслан в Турцию, избежав тюрьмы, двери которой все чаще захлопывались за его сторонниками. Арестовывали также членов бывшей рабочей оппозиции и группы демократического централизма, их отправляли в спецтюрьмы и *политизоляторы.*

С этого времени начали арестовывать и иностранных коммунистов, членов коминтерновского аппарата или просто живших в СССР. Их положение все больше уподоблялось положению советских коммунистов, посколь-

ку каждый иностранный коммунист, в течение длительного времени живущий в СССР, был вынужден вступать в ВКП(б) и, значит, подчиняться ее дисциплине. Хорошо известен пример югославского коммуниста Анте Силиги, члена Политбюро Коммунистической партии Югославии (КПЮ), которого прислали в Москву в 1926 году как представителя КПЮ в Коминтерне. Он поддерживал некоторые контакты с троцкистской оппозицией, затем начал все сильнее отдаляться от Коминтерна, где больше не было места настоящим идейным дискуссиям и руководители которого без колебаний применяли методы запугивания по отношению к своим противникам, — Силига назвал это «системой раболепия» в международном коммунистическом движении. В феврале 1929 года на общем собрании московских коммунистов-югославов была принята резолюция, осудившая политику руководства КПЮ, что равнялось косвенному обвинению руководства Коминтерна. Вслед за этим противники официальной линии, объединившись с советскими единомышленниками, организовали нелегальную (с точки зрения правил партийной дисциплины) группу. Вскоре по делу Силиги начали вести расследование, и он был исключен из партии на год. Тем не менее Силига, обосновавшись в Ленинграде, продолжал свою «нелегальную» деятельность. 1 мая 1930 года он отправился в Москву, чтобы встретиться с другими членами своей русско-югославской группы, которая очень критически относилась к тому, как проводилась индустриализация и проповедовала создание новой партии. 21 мая Силига был арестован вместе со своими товарищами, а затем на основании статьи 59 Уголовного кодекса отправлен в политизолятор Верхнеуральска. В течение трех лет, в разных тюрьмах и изоляторах, Силига, переходя от ходатайств к голодовкам, постоянно требовал предоставить ему право покинуть Россию. Ненадолго выпущенный на свободу, он пытался покончить с собой. ГПУ добивалось, чтобы он отказался от итальянского гражданства. Он был отправлен в Сибирь, но в конце концов 3 декабря 1935 года его выслали из СССР, что было исключением[22].

Благодаря Силиге мы имеем свидетельство о политических изоляторах: «Товарищи нам передавали газеты, которые издавались в тюрьме. Какое разнообразие мнений, какая свобода в каждой статье! Какая страсть и какая откровенность в изложении не только абстрактных и теоретических вопросов, но также и самых злободневных! <...> Но наша свобода этим не ограничивалась. Во время прогулки, на которой собирались заключенные из нескольких камер, мы имели обыкновение проводить в **углу** двора собрания по всем правилам: с председателем, секретарем, ораторами, по очереди бравшими слово»[23].

Условия, в которых содержались заключенные, он описывает так: «Питание состояло из традиционного рациона бедного мужика: хлеб и каша утром и вечером, и так в течение всего года. <...> Кроме того, на обед подавался суп, сваренный из испорченной рыбы, консервов или наполовину стухшего мяса. Тот же суп, но без мяса и рыбы, давали на ужин. <...> Порция хлеба в день была 700 грамм, порция сахара в месяц — один килограмм, кроме того, выделялись порции табака, папирос, чая и мыла. Этой однообразной пищи также не хватало. При этом нам приходилось ожесточенно добиваться, чтобы этот скудный паек еще не сократили; что говорить о борьбе, ценой которой мы добились некоторых незначительных улучшений. Однако по сравнению с режимом уголовных тюрем, в которых гнили сотни тысяч заключенных, и, в особенности, по сравнению с условиями жизни миллионов людей,

согнанных в северные лагеря, наш режим был в каком-то роде привилегированным»[24].

Тем не менее эти привилегии были весьма относительны. В Верхнеу-ральске в апреле и летом 1931 года, а затем в декабре 1933 года заключенные провели три голодовки в защиту своих прав, особенно настаивая на отмене практики возобновления сроков. С 1934 года особые политические тюрьмы все чаще стали закрывать (в Верхнеуральске они сохранялись вплоть до 1937 года), и условия заключения для «политических», попадавших в обычные уголовные тюрьмы, резко ухудшились: одни заключенные умирали от побоев, других расстреливали, третьих сажали в глухие одиночки, как например, Владимира Смирнова в Суздале в 1933 году.

Это превращение в преступников реальных или предполагаемых оппозиционеров внутри коммунистических партий распространилось вскоре и на высокопоставленных коммунистических руководителей. Сильной критике подверглась политика главы Испанской коммунистической партии Хосе Бульехоса, которого вызвали с несколькими товарищами в Москву осенью 1932 года. Наотрез отказавшись подчиниться диктату Коминтерна, они все были исключены из его рядов 1 ноября. После этого они жили под надзором в гостинице «Люкс», где размещались коминтерновцы. Француз Жак Дюкло, бывший коминтерновский делегат в Испании, пришел объявить им об исключении и уточнил, что любая попытка сопротивления будет подавлена «со всей строгостью советских уголовных законов»[25]. Бульехосу и его товарищам стоило неимоверного труда после двух месяцев тяжелых переговоров получить обратно паспорта и покинуть СССР.

В том же году завершилось еще одно невероятное дело, связанное на этот раз с Французской коммунистической партией. В начале 1931 года Коминтерн послал в ФКП своего представителя и инструкторов, которым было поручено снова взять над ней контроль. В июле фактический глава Коминтерна Дмитрий Мануильский тайно отправился в Париж и объявил Политбюро ФКП, что внутри него действует фракционная «группа». В действительности это был всего лишь спектакль. Его разыграли, чтобы спровоцировать кризис в руководстве ФКП, по выходе из которого самостоятельность партии должна была ослабеть, и ФКП, таким образом, полностью попала бы в зависимость от Москвы и ее людей. Среди лидеров пресловутой «группы» был назван Пьер Се-лор, один из главных руководителей партии с 1928 года. Селора вызвали в Москву под предлогом назначения его на должность представителя ФКП при Коминтерне. Но сразу же по прибытии с ним обошлись как с «провокатором». Подвергшись остракизму, лишенный зарплаты Селор выжил в эту суровую русскую зиму лишь благодаря продуктовой карточке своей жены, которая приехала вместе с ним и работала в Коминтерне. 8 марта 1932 года его вызвали на собрание, на котором в течение двенадцатичасового допроса члены НКВД старались заставить его признаться, что он «проник в партию как полицейский агент». Селор ни в чем не «признался», и после бесчисленных дрязг и шантажа ему удалось 8 октября 1932 года возвратиться во Францию, где его сразу же разоблачили как «шпика», придав этому делу огласку.

В том же самом 1932 году во многих коммунистических партиях были созданы, по модели ВКП(б), отделы кадров, подчинявшиеся Центральному отделу кадров Коминтерна; им было поручено составить полную картотеку

членов партии и собрать анкеты и подробные автобиографии всех руководителей. Только на членов Французской компартии в Москву до войны было передано более пяти тысяч такого рода личных дел. Анкета содержала более семидесяти вопросов и состояла из пяти больших рубрик: 1) происхождение и общественное положение; 2) партийная деятельность; 3) образование и интеллектуальный уровень; 4) участие в общественной жизни; 5) сведения о судимости и репрессиях. Все эти материалы, предназначенные для того, чтобы производить «чистку» партии, были сосредоточены в Москве. Они хранились у Антона Краевского, Черномордика или Геворка Алиханова, которые один за другим руководили отделом кадров Коминтерна, связанного с иностранной секцией НКВД. В 1935 году Меер Трилиссер, один из самых высокопоставленных руководителей НКВД, был назначен секретарем Исполнительного комитета Коминтерна по кадровой работе. Под псевдонимом Михаила Москвина он собирал сведения и доносы, решал, кому быть в опале, это был первый этап на пути последующего уничтожения[26]. Этим отделам кадров параллельно поручалось составлять «черные списки» врагов коммунизма и СССР.

Очень рано, если не с самого начала, секции Коминтерна стали служить для вербовки агентов разведки, действовавших в интересах СССР. В некоторых случаях коммунисты, которые соглашались заняться нелегальной и, следовательно, подпольной работой, не знали, что в действительности работают на одну из советских служб: Разведывательное управление Красной Армии (ГРУ, или 4-й отдел), иностранное отделение ВЧК-ГПУ (Иностранный отдел, ИНО), НКВД и т.д. Различные эти аппараты, представляя собой крайне запутанную сеть, яростно соперничали друг с другом, сманивали агентов, завербованных соседними службами. В своих воспоминаниях Эльза Порецкая приводит много примеров такой конкуренции- (27).

Черные списки ФКП

В 1932 голу ФКП начинает собирать сведения о подозрительных или опасных, с ее точки зрения, личностях и об их деятельности. Эти списки появились, следовательно, параллельно тому, как эмиссары Коминтерна взяли в свои руки аппарат кадров. Одновременно с созданием отдела кадров, предназначавшегося для отбора лучших активистов, появляется его оборотная сторона: списки, разоблачавшие тех, кто «нарушил» тем или иным образом партийную дисциплину. С 1932 по июнь 1939 года ФКП опубликовала двенадцать черных списков, заголовки которых были похожи, но одновременно и различались: Черный список провокаторов, предателей, осведомителей, изгнанных из революционных организаций Франции. Или: Черный список провокаторов, воров, мошенников, троцкистов, предателей, изгнанных из рабочих организаций Франции... Для оправдания этих списков, в которых вплоть до войны было инвентаризировано более тысячи имен, ФКП использовала простой политический аргумент: «Борьба буржуазии против рабочего класса и революционных организаций становится в нашей стране все более острой».

Члены партии должны были поставлять описание примет («рост и телосложение, волосы, брови, лоб, глаза, нос, рот, подбородок, форма и цвет лица, особые приметы». — Список № 10, август 1938 года), «все полезные сведения, облегчавшие розыск» разоблаченных, в том числе информацию о месте их проживания. Каждый член партии должен был более или менее сжиться с ролью помощника особой полиции, сыграть роль маленького чекиста.

Некоторые из таких «подозреваемых» были, вероятно, настоящими мошенниками, в то время как другие были просто противниками пэртийной линии — вне зависимости от того, принадлежали они к партии или нет. D 30-е годы мишенью стали вначале коммунистические деятели, которые последовали за Жаком Дорио и его отделом Сен-Лени, затем троцкисты. Аргументацию же французские коммунисты переняли ничтоже сумняшеся у своих старших советских братьев: троцкисты стали «одержимой и беспринципной бандой вредителей, диверсантов и убийц, действующих по приказу иностранных служб шпионажа» (свод №1 списков с 1-го по 8-ой).

Война, запрещение ФКП, выступавшей в поддержку германо-советского пакта, затем немецкая оккупация привели партию к тому, что полицейский зуд охватил ее еще сильнее. Были разоблачены члены партии, отказавшиеся одобрить союз Гитлер — Сталин, в том числе и те, кто вступил в Сопротивление, как, например, Адриан Лангюмье, который для прикрытия работал редактором в «Temps Nouveoux» Лушера (и, напротив, ФКП даже не попыталась разоблачить Фредерика Жолио-Кюри за сильно компрометирующую его статью, опубликованную им 15 февраля 1941 года в той же газете) или как Рене Нико, бывшего коммунистического депутата Ойоннакса, чье отношение к прежним товарищам было безупречно. Не приходится уж говорить о Жюле Фурье, которого «полиция партии» безуспешно пыталась ликвидировать. Фурье проголосовал за предоставление неограниченных полномочий Петену*, затем участвовал с конца 1940 года в создании сети Сопротивления; он был депортирован в Бухенвальд, а затем в Маутхэузен.

Та же участь постигла и тех, кто участвовал в 1941 году в создании Французской рабоче-крестьянской партии во главе с бывшим секретарем ФКП Марселем Житто-ном, убитым в сентябре того же года коммунистами. ФКП присвоила себе право объявить их «предателями Партии и Франции». Иногда обвинявшие их сообщения сопровождались ремаркой: «Понес заслуженное наказание». Был также случай с активистами, которых подозревали в измене и казнили, а затем, подобно Жоржу Дезире, «реабилитировали» после войны.

В самый разгар охоты на евреев ФКП стала применять странный способ разоблачения своих «врагов»: «С... Рене, она же Таня, она же Тереза, из XIV окр. Бессарабская еврейка», «ДеВ..., иностранный еврей. Отступник, чернит КП и СССР». «Иммиграционная рабочая сила» (MOI), организация, объединявшая иностранных коммунистов во Франции, также использовала этот характерный язык: «Р... Еврей (это его ненастоящее имя). Работает с вражеской группой евреев». ФКП по-прежнему ненавидела троцкистов: «Д... Ивон. 1, площадь Генерала Бере, Париж. VII округ. ... Троцкистка, была в связи с POUM**. Чернит СССР». Очень вероятно, что во время арестов и обысков полиция Виши или гестапо имели возможность завладеть подобными списками. Что сталось с разоблаченными таким образом людьми?

В 1945 году ФКП опубликовала новую серию черных списков с тем, чтобы «исключить из нации», как она выражалась, политических противников; иные из них едва спаслись от организованных на них покушений. Учрежденный черный список восходит, конечно же, к спискам потенциальных обвиняемых, которые составлялись советскими органами безопасности (ЧК, ГПУ, НКВД). Это универсальный прием коммунис-

*А. Петен (1856—1951) — французский маршал, и 1940—1944 годах, во время оккупации Франции, глава правительства, затем коллаборационистского режима «Виши». В 1945 году приговорен к смертной казни, замененной на пожизненное заключение. (Прим. ред.)

**POUM —испанская партия левого толка. (Прим. ред.)

тов, введенный с начала гражданской войны в России. В Польше сразу по ее выходе из войны, подобные списки стали насчитывать сорок восемь категорий людей, за которыми надо было установить наблюдение.

Вскоре взаимное дублирование служб было преодолено решительным образом: как Коминтерн, так и специальные службы стали отчитываться в своей деятельности перед высшей властью ВКП(б), вплоть до Сталина. В 1932 году Мартемьян Рютин, который со всем тщанием, но без эмоций репрессировал оппозиционеров, вступил в конфликт со Сталиным. Он составил программу, в которой писал: «Значение Сталина на сегодняшний день в Коминтерне равняется значению непогрешимого папы. <...> Сталин крепко держит в руках путем прямой и непрямой материальной зависимости все руководящие кадры Коминтерна не только в Москве, но и на местах. Это и есть тот решающий аргумент, который подтверждает его непогрешимость в теоретической области»[28]. С конца 20-х годов Коминтерн потерял всякую возможность быть независимым. И к финансовой зависимости от СССР, которая усугубляла политическую, прибавилась еще и полицейская.

Давление полицейских служб на членов Коминтерна все усиливалось и сеяло среди них недоверие и страх. В то же время клевета и доносы разлагали отношения, подозрительность туманила умы. Клевета была двух видов: добровольная и насильственная — под физическими и психическими пытками. Иногда к очернительству и доносам толкал просто страх. Некоторые деятели гордились тем, что доносили на своих товарищей. Пример французского коммуниста Андре Марти характерен для той параноической настойчивости, того бешеного усердия, с каким коммунисты стремились предстать перед партией самыми бдительными ее членами. В одном «строго конфиденциальном» письме от 23 июня 1937 года, адресованном штатному Генеральному секретарю Коминтерна Георгию Димитрову, Марти подробно разоблачает представителя Интернационала во Франции Эжена Фрида, удивляясь, как его еще не арестовала французская полиция... Ему это представляется по меньшей мере подозрительным![29]

О московских процессах

Практика террора и процессов неизбежно порождала различные интерпретации.

Вот что по этому поводу писал Борис Сувэрин:

«Действительно, сильным преувеличением будет утверждать, что московские процессы — это особое, исключительно русское явление. Если вглядеться, то под неоспоримо национальной оболочкой можно различить нечто другое, вполне общего порядка.

Прежде всего, важно отказаться от предрассудка, по которому то, что было доступно русскому, не было бы доступно французу. Показательно в данном случае, что публичные признания своей вины, которые вытягивались тогда у обвиняемых, озадачивают французов не больше, чем русских. И тех, кто из фанатической солидарности с большевизмом находят их естественными, несомненно больше за пределами СССР, чем внутри его <...>.

Во время первых лет русской революции было удобно объяснять все, трудно поддающееся разумению, ссылаясь на феномен славянской души. Тем не менее пришлось ведь затем наблюдать и в Италии, а потом и в Германии факты, еще недавно считавшиеся типично русскими. Если впадет в неистовство человеческий зверь, то одни и те же причины породят аналогичные результаты у романских, гер-

майских или славянских народов, несмотря на разницу форм и оболочек. С другой стороны, не видим ли мы во Франции и в других странах самых разных людей, которые вполне одобряют чудовищные деяния Сталина? Редакция Юманите, например, ни чем не уступает редакции Правды с точки зрения раболепия и подобострастия, а ведь ее нельзя оправдать тисками тоталитарной диктатуры. Академик Комаров в очередной раз опозорил себя на Красной площади Москвы, требуя голов, но он не мог бы отказаться от этого, не обрекал себя сознательно на самоубийство. Что же тогда сказать о каких-нибудь Ромене Роллане, Ланжевене или Мальро, которые восхищаются и оправдывают режим, именуемый советским, его культуру и его правосудие, не будучи принуждаемы к этому голодом или какой-либо пыткой?»

(«Le Figaro Litte'raire», 1 июля 1937 года.)

Вот в том же жанре и отрывок одного из писем, которые отсылались «товарищу Л.П. Берии» болгаркой Стеллой Благоевой, малоизвестной служащей отдела кадров Исполнительного комитета Коминтерна: «Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала располагает сведениями, собранными целым рядом товарищей, деятелей братских партий, и мы считаем необходимым направить вам эту информацию, чтобы вы могли ее проверить и принять необходимые меры. <...> Один из секретарей Центрального комитета Коммунистической партии Венгрии Каракаш ведет разговоры, которые свидетельствуют о его недостаточной преданности партии Ленина и Сталина. <...> Товарищи задают также очень серьезный вопрос: почему в 1932 году венгерский суд приговорил его лишь к трем годам тюрьмы, тогда как во время диктатуры пролетариата в Венгрии Каракаш приводил в исполнение смертные приговоры, вынесенные революционным трибуналом. <...> Многочисленные свидетельства немецких, австрийских, латышских, польских и других товарищей показывают, что политическая эмиграция особо засорена. Надо ее решительно прополоть»[30].

Российский историк и публицист Аркадий Ваксберг уточняет, что в архивах Коминтерна хранятся десятки и даже сотни доносов — явление, свидетельствующее о моральном разложении, которое охватило коминтерновцев и функционеров ВКП(б). Это разложение стало особенно очевидно во время крупных процессов над «старой гвардией» большевиков, которая принимала участие в формировании власти, опирающейся на «абсолютную ложь».

Большой террор бьет по Коминтерну

Убийство Кирова 1 декабря 1934 года послужило Сталину подходящим предлогом для того, чтобы перейти от суровых репрессий к настоящему террору". История партии и вместе с ней история Коминтерна вступили в новую фазу. Террор, который до сих пор применялся против общества, перекинулся теперь на представителей той безраздельной власти, которую осуществляла ВКП(б) и ее всемогущий Генеральный секретарь.

Первыми жертвами стали уже находившиеся в тюрьме члены русской оппозиции. С конца 1935 года освобожденные по истечении срока заключенные стали вновь возвращаться в тюрьмы. Несколько тысяч троцкистов были собраны в районе Воркуты: около пятисот на шахтах, тысяча в Ухто-Пе-чорском лагере, в целом же — несколько тысяч человек в радиусе Печоры. 27 ок-

тября 1936 года тысяча из них[12] начала 132-дневную голодовку. Они требовали отделения от уголовников и права жить с семьей. Через четыре недели умер первый заключенный, затем другие — и так до тех пор, пока администрация не объявила об удовлетворении их требований. Следующей осенью 1200 заключенных (примерно половина из них — троцкисты) были собраны неподалеку от старого кирпичного завода. В конце марта администрация составила список из двадцати пяти арестантов, которым выдали по килограмму хлеба и приказали готовиться к отправке. Некоторое время спустя после их отправки оставшиеся заключенные услышали пальбу. Все самые мрачные предположения подтвердились, когда арестанты увидели, что конвой быстро возвращается. На другой день — новый список к отправке и новая пальба. И так до конца мая. Охранники обливали тела бензином и сжигали их, чтобы уничтожить следы. НКВД передавало по радио имена расстрелянных «за контрреволюционную агитацию, саботаж, бандитизм, отказ работать, попытку побега...». Жена казненного, как и дети старше 12 лет, автоматически подвергались наказаниям: их сажали, отправляли в ссылку, лишали элементарных прав и условий для нормального существования.

В Магадане, «столице» Колымы, около двухсот троцкистов также прибегли к голодовке с целью добиться политического статуса. В своем воззвании они обличали «палачей-бандитов» и «сталинский фашизм, который гораздо хуже гитлеровского». 11 октября 1937 года они были приговорены к расстрелу, и семьдесят четыре из них были расстреляны 26—27 октября и 4 ноября. Подобные казни продолжались в 1937—1938 годах[33].

В каждой стране, где имелись ортодоксальные коммунисты, им было дано указание бороться с влиянием того меньшинства, которое объединялось вокруг Льва Троцкого. Начиная с войны в Испании, была радикально обновлена тактика: принадлежность к троцкизму приравнивалась к нацизму -и это в то самое время, когда Сталин шел на сближение с Гитлером.

Вскоре Большой террор, начатый Сталиным, настиг центральный аппарат Коминтерна. В 1965 году Бранко Лазич сделал первую попытку подступиться к проблеме ликвидации коминтерновцев в работе под красноречивым заголовком *Мартиролог Коминтерна (34).* Борис Суварин заключил свои *Комментарии к Мартирологу,* которые следовали за статьей Б. Лазича, замечанием по поводу скромных сотрудников Коминтерна, безымянных жертв Большого террора. «Большинство исчезли в этой резне Коминтерна, *которая была лишь ничтожной частью нескончаемой резни тех миллионов трудолюбивых рабочих и крестьян,* которые были убиты без всякого смысла чудовищной тиранией, нацепившей пролетарский ярлык».

Действия карательных органов были направлены против чиновников центрального аппарата и национальных секций, равно как и против простых граждан. С началом Большого террора жертвами карательной машины все чаще становились не только оппозиционеры, но и обычные чиновники коминтернов-ского аппарата и примыкающих к нему: Коммунистического интернационала молодежи (КИМ), Красного интернационала профсоюзов (Профинтерн), Международной организации помощи борцам революции (МОПР), Интернациональной ленинской школы, Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (КУНМЗ) и т.д. Дочь старого соратника Ленина Ванда Пам-пуш-Бронска сообщила (под псевдонимом), что в 1936 году КУНМЗ был распущен, весь преподавательский коллектив и почти все студенты были арестованы (35).

Историк Михаил Пантелеев, изучая в настоящее время материалы различных служб и секций Коминтерна, насчитал 133 жертвы — на штат общей численностью в 492 человека, т.е. 27 процентов[36]. Между 1 января и 17 сентября 1937 года Комиссия секретариата Исполнительного комитета в составе Михаила Москвина (Меера Трилиссера), Вильгельма Флорина и Яна Анвельта, а затем специальная Контрольная комиссия, созданная в мае 1937 года в составе Георгия Димитрова, М. Москвина и Дмитрия Мануильского, приняла решение об исключении 256 членов. Срок, отделявший исключение от ареста, варьировался: Елена Вальтер, исключенная из секретариата Димитрова 16 октября 1938 года, была арестована два дня спустя, в то время как Ян Боровский (Людвик Коморовский), исключенный из Исполнительного комитета Коминтерна 17 июля, был арестован лишь 7 октября. В 1937 году были арестованы 88 служащих Коминтерна, а в 1938 - 19 коминтерновцев. Других арестовывали прямо за рабочим столом, как, например, Антона Краевского (Владислава Стайна), ответственного за службу прессы и пропаганды. Его посадили 26 мая 1937 года. Многих арестовывали сразу же по их возвращении из заграничных командировок.

Под удар попали все службы — от Секретариата до представительств коммунистических партий. С 1937 по 1938 год был арестован 41 человек из Секретариата Исполнительного комитета, внутри его Отдела связи (Отдел международных связей — до 1936 года) насчитывалось 34 арестованных. Сам Москвин был схвачен 23 ноября 1938 года и приговорен 1 февраля 1940 года к расстрелу. Ян Анвельт умер под пытками, а датчанин А. Мунк-Петерсен скончался в тюремной больнице от последствий хронического туберкулеза. Пятьдесят чиновников, из них девять женщин, были расстреляны.

Швейцарка Лидия Дюби, ответственная за тайную сеть Коминтерна в Париже, была вызвана в Москву в начале августа 1937 года. Едва приехав, она была арестована со своими сотрудниками Бришманом и Вольфом. Ее обвинили в причастности к «антисоветской троцкистской организации» и в шпионаже в интересах Германии, Франции, Японии и... Швейцарии. Швейцарское гражданство никак ее не защитило. Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла ей смертный приговор 3 ноября, и через несколько дней ее расстреляли. Ее семье неожиданно, без каких-либо объяснений, сообщили о приговоре. Полька Л. Янковская была приговорена к восьми годам заключения как «член семьи предателя родины» — ее муж Станислав Скульский (Мер-тенс) был арестован в августе 1937 года и расстрелян 21 сентября. Принцип семейной ответственности, уже применявшийся в отношении простых гражданин, распространился, таким образом, на членов аппарата.

Иосиф Пятницкий (Таршис) оставался вплоть до 1934 года вторым человеком в Коминтерне после Мануильского, он вел всю организационную работу (в частности отвечал за финансирование иностранных коммунистических партий и тайные связи Коминтерна во всем мире), затем ему были поручены политическая и административная секции Центрального комитета ВКП(б). 24 июня 1937 года он выступил на пленуме ЦК с критикой усиления репрессий и осудил наделение чрезвычайными полномочиями главы НКВД Ежова. В ярости Сталин прервал заседание и стал грубо давить на Пятницкого, чтобы тот раскаялся. Желаемого результата это не принесло, и на следующий день заседание возобновилось, Ежов обличил Пятницкого как старого агента царской охранки. 7 июля тот был арестован. Тогда же Ежов заставил

одного из ранее арестованных — Бориса Мюллера (Мельникова) дать показания против Пятницкого, и 29 июля 1938 года, прямо на следующий день после расправы с Мюллером, Военная коллегия верховного суда провела судебное разбирательство по делу Пятницкого, который отказался признать себя виновным в шпионаже в интересах Японии. Ему вынесли смертный приговор и расстреляли в ночь с 29 на 30 июля.

Многих из этих расстрелянных коминтерновцев обвиняли в принадлежности к «антикоминтерновской организации, возглавляемой Пятницким, Кнориным (Вильгельмом Гуго) и Бела Куном». Других рассматривали просто как троцкистов и контрреволюционеров. Бывший глава венгерских коммунистов Бела Кун, выступивший в начале 1937 года против Мануильского, был привлечен этим последним к ответственности (вероятно, в соответствии со сталинскими инструкциями) за критику, якобы направленную непосредственно против Сталина. Кун клялся в своей искренности и вновь указал на Мануильского и Москвина как на ответственных за создание плохой репутации ВКП(б), которая была, по его мнению, причиной неэффективности Коминтерна. Среди тех, кто присутствовал на его выступлении, были Пальмиро Тольятти, Отто Куусинен, Вильгельм Пик, Клемент Готвальд и Арво Туоминен, но никто из них не встал на его защиту. В конце собрания Георгий Димитров предложил резолюцию, по которой «делом Куна» должна была заняться специальная комиссия. Вместо специальной комиссии Кун получил лишь право быть арестованным сразу по выходе из зала собрания. Он был казнен в подвалах Лубянки, когда — неизвестно".

По мнению М. Пантелеева, эти «чистки» имели конечной целью искоренить любую оппозицию сталинской диктатуре (38). Те, кто в прошлом симпатизировали оппозиции или поддерживали отношения с деятелями, некогда близкими Троцкому, становились первой мишенью репрессий. То же самое относится к немецким деятелям, которые принадлежали фракции, возглавлявшейся Ной-маном (ликвидирован в 1937 году), и к бывшим членам группы демократического централизма. В те годы, по свидетельству Якова Матусова, заместителя главы Первого отдела секретной политической секции ГУГБ при НКВД, на каждого высокопоставленного руководителя в государственном аппарате собиралось, разумеется, без его ведома досье, материалы которого могли в нужное время использоваться против него. Так, подобные досье существовали на Ворошилова, Вышинского, Кагановича, Калинина, Хрущева. Более чем вероятно, что руководители Коминтерна были в том же положении.

Добавим, что самые высокопоставленные иностранцы — лидеры Коминтерна активно участвовали в репрессиях. Наиболее показателен пример итальянца Пальмиро Тольятти, одного из секретарей Коминтерна, которого после смерти Сталина представляли как либерального, противостоящего террористическим методам человека. Но Тольятти привлек к ответственности Германа Шуберта, чиновника МОПРа, и не позволил ему объясниться во время партийного собрания; Шуберта вскоре арестовали и расстреляли. Супружеской паре Петерманов, немецких коммунистов, прибывших в СССР после 1933 года, Тольятти на одном из собраний предъявил обвинение как «гитлеровским агентам», основываясь на том факте, что те поддерживали переписку со своей семьей в Германии; они были арестованы несколько недель спустя. Тольятти не возражал против травли Бела Куна и подписал резолюцию, которая обрекала того на смерть. Он был также замешан в ликвидации коммунистической

партии Польши в 1938 году, в связи с этим он одобрил третий из московских процессов и заключил свое выступление так «Смерть поджигателям войны,смерть шпионам и фашистским агентам! Да здравствует партия Ленина — Сталина, которая бдительно хранит завоевания Октябрьской революции и является надежным гарантом мировой революции! Да здравствует тот, кто продолжает дело Феликса Дзержинского — Николай Ежов!»[39].

Террор внутри коммунистических партий

«Вычистив» центральный аппарат Коминтерна, Сталин принялся за национальные секции Коммунистического интернационала. Первой пострадала немецкая секция. В немецкую общину Советской России входили, не считая потомков поволжских переселенцев, деятели немецкой компартии (КПГ), антифашисты, нашедшие убежище в СССР, и рабочие, покинувшие Веймарскую республику, чтобы принять участие в «строительстве социализма». Эти заслуги были забыты, когда в 1933 году начались аресты. В общей сложности репрессии затронули две трети немецких антифашистов, уехавших из Германии и поселившихся в СССР.

Что касается коммунистических деятелей, то их судьба известна благодаря спискам «Kaderlisten», составленным под контролем руководителей КПГ Вильгельма Пика, Вильгельма Флорина и Герберта Венера, которые пользовались этими списками, чтобы исключать тех коммунистов, кто был наказан или стал прямой жертвой репрессий. Первый список датируется 3 сентября 1936 года, последний — 21 июня 1938 года. Другой документ, датируемый концом 50-х годов и составленный Контрольной комиссией СЕПГ (именно под названием Социалистической единой партии Германии восстановилась в будущей ГДР после войны коммунистическая партия Германии), зафиксировал 1 136 человек. Аресты достигли апогея в 1937 году (всего было арестовано 619 человек) и продолжились вплоть до 1941 года (арестован 21 человек)). Судьба половины этих людей, а именно 666 человек, неизвестна: предполагают, что они умерли в заключении. Но мы точно знаем, что 82 человека были казнены, 197 умерли в тюрьме или в лагере, а 132 — выданы нацистам. Примерно 150 выжившим осужденным удалось по истечении срока покинуть СССР. Одним из идеологических мотивов для оправдания ареста этих деятелей было обвинение в том, что они не смогли помешать Гитлеру, — как будто Москва не имела своей доли ответственности за захват власти нацистами[40].

Но самым трагическим эпизодом, в котором Сталин полностью проявил свой цинизм, стала выдача Гитлеру немецких антифашистов. Советские власти решили высылать немецких подданных уже в 1937 году. 16 февраля ОСО (Особое Совещание)* приговорило к высылке десятерых из них. Имена некоторых известны: Эмиль Лариш, техник, живший в СССР с 1921 года; Артур Тило, инженер, приехавший в 1931 году; Вильгельм Пфейфер, гамбургский коммунист; Курт Никсдорф, университетский преподаватель, работавший в Институте Маркса — Энгельса. Их арестовывали в течение 1936 года по обвинению в шпионаже или в «фашистской деятельности», а немецкий посол фон Шуленбург ходатайствовал за них перед Максимом Литвиновым, совет-

* ОСО организовано при НКВД СССР 5 ноября 1934 года. Являлось по сути органом внесудебной *расправы. (Прим. ред.)*

ским министром иностранных дел. Пфейфер, зная, что как коммунист он будет арестован тотчас по возвращении в Германию, старался добиться, чтобы его выслали в Англию. Через восемнадцать месяцев, 18 августа 1938 года, его отвезли на польскую границу, и там его следы теряются. Артуру Тило удалось попасть в британское посольство в Варшаве, но немногим выпадала такая удача. Отто Вальтер, ленинградский литограф, живший в России с 1908 года, приехал в Берлин 4 марта 1937 года и выбросился из окна приютившего его дома.

В конце мая 1937 года фон Шуленбург передал советским властям два новых списка арестованных немцев, чья высылка объявлялась желательной: всего 67 человек, среди них — ряд антифашистов, один из которых — Курт Никсдорф. Осенью 1937 года переговоры приняли новый оборот: советская сторона согласилась ускорить высылки, как о том просили немецкие официальные лица (было осуществлено уже около тридцати высылок). С ноября по декабрь 1937 года были высланы 148 немцев; в течение 1938 года — 445. Высылаемых, среди которых были и австрийские шуцбундовцы, отвозили на польскую или латвийскую, а иногда даже финскую границу, где их сразу же проверяли представители немецких властей. Иногда, как это было в случае с австрийским коммунистом Паулем Мейзелем в мае 1938 года, высылаемого везли до австрийской границы через Польшу, а затем передавали гестапо. Еврей Пауль Мейзель, очевидно, погиб в Освенциме.

Это взаимопонимание между нацистской Германией и СССР предвосхищало советско-нацистские пакты 1939 года, «в которых выражена истинная, стремящаяся к одной цели природа тоталитарных систем» (Жорж Семпрун). После их подписания высылки стали проходить в гораздо более драматичных условиях. После того как Гитлер и Сталин разгромили Польшу, Германия и СССР получили общую границу, позволявшую переправлять высылаемых из советских тюрем прямо в немецкие. С 1939 по 1941 год советская сторона, стремясь продемонстрировать своему новому союзнику готовность к сотрудничеству, выдала таким образом гестапо от 200 до 300 немецких коммунистов. 27 ноября 1939 года между обеими сторонами было подписано соответствующее соглашение. Затем, с ноября 1939 года по май 1941 года, было выслано около 350 человек, среди которых 85 австрийцев. В их числе был Франц Корицшонер, один из основателей Австрийской коммунистической партии, ставший чиновником Красного интернационала профсоюзов; его сослали на Крайний Север, затем передали люблинскому гестапо, перевезли в Вену, пытали и убили в Освенциме 7 июня 1941 года.

Еврейское происхождение многих высылаемых не было для советских властей помехой при передаче этих людей немецкой стороне. Так, композитор и дирижер Ганс Вальтер Давид, еврей и член КПГ, был выдан гестапо и в 1942 году погиб в газовой камере Майданека. Физику Александру Вайсбергу удалось выжить, впоследствии он написал воспоминания об этом страшном времени. Жена Хайнца Ноймана, Маргарет Бубер-Нойман, была отстранена от руководства КПГ и затем эмигрировала в СССР, она также свидетельствовала об этом невероятном взаимопонимании между нацистской и советской сторонами. После высылки в Караганду она была выдана гестапо в феврале 1940 года вместе со многими другими подругами по несчастью. Этот «обмен» обернулся для нее заключением в Равенсбрюк[41].

На мосту в Бресте

«01 декабря 1939 г. нас разбудили D 6 часов утра. <...> Одевшись и побрившись, [мы] должны были оставаться несколько часов в зале ожидания. Один венгерский коммунист, еврей по фамилии Блох, бежал в Германию после краха Коммуны в 1919 г. Там он жил под фальшивым паспортом и продолжал активно работать для партии. Позднее он эмигрировал* с теми же фальшивыми документами. Его тоже арестовали и, несмотря на его протесты, должны были выдать немецкому гестапо. <...> Незадолго до полуночи прибыли автобусы и отвезли нас на вокзал. <...> В ночь с 31 декабря 1939 г. на 1 января 1940 г. поезд тронулся. Он увозил семьдесят сломленных людей. <...> Через разоренную Польшу** мы ехали дальше, к Брест-Литовску. На мосту через Буг нас ждали сотрудники аппарата другого европейского тоталитарного режима — немецкого гестапо»[42].

«Три человека отказались перейти этот мост, а именно: венгерский еврей по фамилии Блох, рабочий-коммунист, осужденный нацистами, и немецкий учитель, чье имя я забыла. Их поташили к мосту силой. Бешенство нацистов, эсэсовцев, сразу вылилось на еврея. Нас поместили в поезд и отвезли о Люблин. <...> В Люблине нас передали гестапо. Именно тогда мы смогли убедиться, что нас не просто выдали гестапо, но что НКВД также выдало СС касающиеся нас материалы. Так, например, в моем досье было обозначено помимо всего прочего, что я жена Ноймана, а Нойман был одним из немцев, которых сильнее всего ненавидели немецкие нэцистьк...» (43).

* В СССР. (Прим. ред.)

** Имеются о виду бывшие польские земли Западной Белоруссии. (Прим. ред.)

Одновременно с немецкими коммунистами в тиски террористической машины попали руководящие работники Коммунистической партии Палестины (КПП), многие из которых эмигрировали из Польши. Йозеф Бергер (1904—1978), бывший секретарь КПП (с 1929 по 1931 год), был арестован 27 февраля 1935 года и освобожден лишь после XX съезда, в 1956 году. То, что он выжил, было исключением. Многие другие деятели партии были казнены в разное время или исчезли в лагерях. Вольф Авербух, ставший директором тракторного завода в Ростове-на-Дону, был арестован в 1936 году и казнен в 1941. Эта систематичность в политике истребления членов КПП и сионистски ориентированных групп, прибывавших в СССР, связана с общей советской политикой по отношению к еврейскому национальному меньшинству. Создание Биробиджана сопровождалось арестами его руководителей. Профессор Иосиф Либерберг, председатель Исполнительного комитета Биробиджана, был объявлен «врагом народа». После него репрессиям подверглись руководящие работники автономной области. Самуила Агурского (1884—1947) обвинили в принадлежности к так называемому иудейскому фашистскому центру. Вся еврейская секция ВКП(б) («Евсекция») была уничтожена. Советское государство стремилось ликвидировать еврейские учреждения, одновременно пытаясь заручиться поддержкой еврейских деятелей за пределами СССР[44].

Группа польских коммунистов стала одной из тех групп, которые террор затронул сильнее всего. В статистических данных по репрессиям они занимают второе место, сразу после советских коммунистов. Коммунистическая партия Польши (КПП), в порядке редкого исключения, была официально распущена после срочного голосования Исполкома Коминтерна 16 августа

1938 года. Сталин всегда подозревал КПП в том, что она заражена различного вида уклонами, сменявшими друг друга. Многие польские коммунистические лидеры принадлежали к ленинскому окружению до 1917 года и жили без юридической защиты в СССР. В 1923 году КПП выступила в защиту Троцкого. Накануне смерти Ленина ее руководство приняло резолюцию в пользу оппозиции. Затем критике подвергся польский «люксембургизм». Во время V конгресса Коминтерна в июне-июле 1924 года Сталин отстранил руководство КПП — Адольфа Барского, Максимилиана Валецкого и Веру Костреву. Это был первый шаг к тому, чтобы Коминтерн взял контроль над КПП в свои руки. Затем КПП была объявлена рассадником троцкизма. Было еще дело Польской военной организации (ПВО) в 1933 году. Но не только вышесказанным объясняется радикальная «чистка», которая обрушилась на польскую компартию, многие руководители которой были по происхождению евреями. Необходимо также помнить о следующем факторе: Коминтерн стремился — в интересах СССР и Германии — навязать польской секции деятельность, прямо направленную на ослабление Польши. Таким образом, гипотеза, по которой ликвидация КПП была вызвана, прежде всего, необходимостью подготовить подписание германо-советских соглашений, заслуживает самого серьезного к себе отношения. На это указывает и выбранный Сталиным метод: с помощью коминтерновского аппарата он сделал так, чтобы каждая намеченная жертва возвратилась в Москву, и следил, чтобы ни одна из них не могла ускользнуть от него. Выжили лишь те, кто находился в польских тюрьмах, как, например, Владислав Гомулка.

В феврале 1938 года официальная газета Коминтерна *«La Correspondance Internationale»,* выходившая два раза в неделю, опубликовала обвинение всей КПП, подписанное Ж. Свисиски. В период «чистки», начавшейся с июня 1937 года (в это время исчез вызванный в Москву генеральный секретарь ЦК КП Польши Юлиан Ленский), были уничтожены двенадцать членов Центрального комитета, многие руководители второго ранга и несколько сотен активистов. «Чистка» распространилась также на поляков, участвовавших в интернациональных бригадах: политические руководители бригады Домбровского Казимир Чиховский и Густав Райхер были арестованы сразу же по возвращении из Испании в Москву. Лишь в 1942 году Сталин решил, что необходимо восстановить Польскую коммунистическую партию под названием Польская рабочая партия (ПРП) и создать из нее ядро будущего правительства, которое должно было действовать по его указке и противостоять законному правительству, укрывшемуся в Лондоне.

От сталинского террора сильно пострадали и югославские коммунисты. Запрещенная в 1921 году коммунистическая партия Югославии была вынуждена перебазироваться за границу — сначала в Вену (с 1921 по 1936 год), затем в Париж (с 1936 по 1939 год), но ее главный центр сформировался после 1925 года именно в Москве. Вокруг учащихся Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (КУМНЗ), Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова и Ленинской интернациональной школы образовалось первое ядро югославских эмигрантов, которое укрепила вскоре новая волна эмиграции, связанная с установлением в 1929 году диктатуры короля Александра. В ЗО-е годы в СССР проживало от двухсот до трехсот югославских коммунистов[45], которые активно работали в международных адми-

нистративных учреждениях, особенно в Коминтерне и Коммунистическом интернационале молодежи. Они, естественно, были связаны и с ВКП(б).

Югославы пользовались дурной славой из-за многочисленных столкновений между разными фракциями, оспаривавшими друг у друга руководство КПЮ. В этих обстоятельствах руководство Коминтерна все чаще вмешивалось в жизнь югославской фракции и оказывало на нее давление. В середине 1925 года была проведена «чистка»-проверка в КУНМЗе, где югославские студенты, склонявшиеся на сторону оппозиции, вступили в конфликт с ректором Марией Фрукиной. Нескольких студентов, подвергнув критике, исключили. Четверо из них (Анте Силига, Дедик, Драгик и Эберлинк) были арестованы и сосланы в Сибирь. В 1932 году была проведена еще одна «чистка» внутри КПЮ — из партии исключили шестнадцать активистов.

После убийства Кирова надзор за политическими эмигрантами усилился, и осенью 1936 года — перед тем, как на них обрушился террор, — все деятели КПЮ подверглись проверке. О судьбах некоторых из них нам известно больше, нежели об участи рядовых политических эмигрантов. Так, 8 секретарей Центрального комитета ПКЮ, 15 других членов Центрального комитета и 21 секретарь региональных и местных организаций были арестованы и исчезли. Один из секретарей КПЮ Сима Маркович, вынужденный укрыться в СССР, работал в Академии наук, когда в июле 1939 года его арестовали. Он был приговорен к десяти годам без права переписки*. Других казнили на местах, подобно братьям Вуйович, Радомиру (члену ЦК КПЮ) и Грегору (члену ЦК Коммунистического интернационала молодежи); их брат Воя, бывший руководитель Коммунистического интернационала молодежи, проявивший в 1927 году солидарность с Троцким, исчез, его арест повлек за собой арест и его братьев. Секретарь Центрального комитета КПЮ с 1932 по 1937 год Милан Гор-кич был обвинен в создании «антисоветской организации внутри Интернационала» и в том, что «возглавлял внутри Коминтерна террористическую группу, руководимую Кнориным и Пятницким».

В середине 60-х годов КПЮ реабилитировала около сотни жертв репрессий, но не было предпринято никаких систематических расследований. Несомненно, что подобное расследование косвенно затронуло бы вопрос о сторонниках СССР, ставших жертвами репрессий в Югославии после раскола 1948 года. Немаловажным представляется и тот факт, что Иосиф Броз Тито возглавил партию после того, как в 1938 году была проведена особенно кровавая «чистка». Выступление Тито против Сталина в 1948 году никак не снимает с него ответственности за «чистки» 30-х годов.

Охота на «троцкистов»

Обезглавив ряды иностранных коммунистов, живших в СССР, Сталин принялся за «диссидентов», живших за границей. Таким образом, НКВД получил возможность продемонстрировать свое всемирное могущество.

Один из самых поразительных примеров — дело Игнатия Рейсса (настоящее имя — Игнатий Станиславович Порецкий). Рейсе был одним из тех молодых еврейских революционеров (он еще на гимназической скамье примкнул к революционному движению), которые были хорошо известны в

* Эвфемизм «десять лет без права переписки» означал смертный приговор. *(Прим. ред.)*

Центральной Европе и которых часто вербовал в свои ряды Коминтерн[46]. Профессиональный революционер, он работал в международной подпольной сети и был награжден в 1928 году орденом Красного Знамени. После 1935 года его «прибрал к рукам» НКВД, который контролировал все сети за границей и курировал шпионаж в Германии. Первый большой московский процесс потряс Рейсса, и он решил порвать со Сталиным. Зная нравы «хозяина», он тщательно подготовил свой уход и 17 июля 1937 года предал огласке письмо в Центральный комитет ВКП(б)*, в котором объяснял свой поступок и открыто напал на Сталина и сталинизм, «эту смесь — из худшего, ибо беспринципного оппортунизма с кровью и ложью», которая «грозит отравить весь мир и уничтожить остатки рабочего движения». Одновременно он заявил о своем присоединении к Льву Троцкому. Сам того не зная, он подписал себе смертный приговор. НКВД тотчас мобилизовал свою сеть во Франции, сумел определить местонахождение Рейсса в Швейцарии, где ему расставили ловушку. 4 сентября вечером в Лозанне его изрешетили пулями два французских коммуниста. Его жену и сына агенты НКВД готовились отравить с помощью коробки конфет, начиненных стрихнином. Несмотря на расследование в Швейцарии и во Франции, убийцы и их сообщники так и не были найдены и наказаны. Троцкий сразу же объявил о причастности к делу Жака Дюкло, одного из секретарей ФКП, и просил своего секретаря Яна Ван Хейеноорта направить телеграмму главе французского правительства: «Шо-тану, председателю Совета министров Парижа. Дело убийства Игнатия Рейсса, кража моих архивов и аналогичные преступления позволяют мне настаивать на необходимости подвергнуть допросу, по крайней мере свидетелем, Жака Дюкло, вице-президента Палаты депутатов, старого агента ГПУ»[47].

Дюкло был в то время, с июня 1936 года, вице-президентом Палаты депутатов, и телеграмма не имела никаких последствий.

Убийство Рейсса было, конечно, весьма дерзким, однако оно вполне вписывалось в обширный план уничтожения троцкистов. Не удивительно, что в СССР с троцкистами расправлялись так же, как и со множеством других, но обращает на себя внимание ожесточенная настойчивость, с которой специальные службы физически истребляли оппозиционеров из троцкистских групп, сформированных в разных странах. Подготовительным этапом этих акций была кропотливая работа по внедрению в троцкистские группы.

В июле 1937 года исчез руководитель Международного секретариата троцкистской оппозиции Рудольф Клемент. 26 августа в Сене было выловлено обезглавленное тело с отрубленными ногами, и вскоре было установлено, что это тело Клемента. Сын Троцкого Лев Седов умер в Париже 16 февраля 1938 года в результате перенесенной операции; очень подозрительные обстоятельства его смерти привели близких к выводу, что это было убийство, организованное советскими службами[48]. Павел Судоплатов в своих воспоминаниях[49], напротив, уверяет, что это не так. Но как бы то ни было, за Львом Седовым пристально наблюдал НКВД. Один из его близких друзей, Марк Зборовский, был агентом НКВД, проникшим в троцкистское движение.

* 17 июля 1937 г. Рейсс встретился с сотрудницей советского торгпредства в Париже Л. Грозовской и передал через нее пакет, где было письмо в ЦК ВКП(б) и орден Красного Знамени (В. Кривицкий.*Я был агентом Сталина.* М.: 1991, с. 47). *(Прим. ред.)*

Луи Арагон, Прелюдия ко времени вишен

Я славлю ГПУ — оно формируется
Во Франции, в этот час
Я славлю ГПУ — оно необходимо Франции
Я славлю все ГПУ, они нигде и повсюду
Я требую ГПУ, чтобы покончить с этим миром
Требуйте ГПУ, чтобы покончить с этим миром
чтобы защитить тех, кого предали
чтобы защитить тех, кого всегда предают
Требуйте ГПУ — вы, кого гнут и убивают
Требуйте ГПУ
Вам нужно ГПУ
Да здравствует ГПУ, диалектическое олицетворение героизма
противопоставленное этому глупому образу авиаторов,
которых глупцы принимают за героев, когда те разбивают свои
морды о землю
Да здравствует ГПУ — истинный образ величия материализма
Да здравствует ГПУ — наперекор богу Кьяппу* и «Марсельезе»
Дэ здравствует ГПУ — наперекор папе и паразитам
Да здравствует ГПУ — наперекор смирению перед банками
Да здравствует ГПУ — наперекор маневрам на Востоке
Да здравствует ГПУ — наперекор семье
Да здравствует ГПУ — наперекор злодейским законам
Да здравствует ГПУ — наперекор социализму убийц, подобных
Кабальеро Бонкуру Макдональду Цергибелю
Да здравствует ГПУ — наперекор всем врагам Пролетариата
ДА ЗДРАВСТВУЕТ ГПУ.

1931 г.[50].

* Кьяпп — префект Парижской полиции 30-х гг. (Прим. ред.)

Тот же Судоплатов признался, что в марте 1939 года Берия и Сталин лично поручили ему убить Троцкого. Сталин объявил ему: «Надо покончить с Троцким в течение этого года, до начала войны, которая неизбежна...» — и добавил: «Вы будете в подчинении непосредственно у Берии и ни у кого другого, но именно на вас полностью лежит ответственность за это задание»[51]. Началась безжалостная травля, которая через Париж, Брюссель и США докатилась до Мехико, где жил глава IV Интернационала. При участии Мексиканской коммунистической партии агенты Судоплатова подготовили первое покушение 24 мая*, но Троцкий чудом спасся. Тогда Судоплатов изменил тактику: его агент Рамон Меркадер под фальшивым именем сумел завоевать доверие одной троцкистки и вошел в контакт со «Стариком». Ничего не подозревавший Троцкий согласился принять Меркадера и высказать ему свое мнение о статье, написанной Меркадером с позиций троцкизма. Меркадер ударил Троцкого по голове ледорубом. Тяжело раненный Троцкий издал душераздирающий крик.

* В организации этого покушения одну из главных ролей сыграл известный мексиканский художник Д. Сикейрос (1896—1974), в то время один из руководителей мексиканской компартии. *(Прим. ред.)*

Его жена и телохранители кинулись на Меркадера, который застыл над поверженным Троцким, не пытаясь сопротивляться. Троцкий скончался на следующий день.

Связь между коммунистическими партиями, секциями Коминтерна и службами НКВД была разоблачена Львом Троцким, который прекрасно сознавал, что Коминтерн находится во власти ГПУ — НКВД. В письме к Генеральному прокурору Мексики от 27 мая 1940 года, три дня спустя после первой попытки покушения Троцкий писал: «Организация ГПУ прочно внедрила свои традиции и методы за пределами Советского Союза. ГПУ нуждается в законном или полузаконном прикрытии своей деятельности и в окружении, благоприятном для вербовки агентов; оно находит это окружение и это прикрытие в так называемых коммунистических партиях»[52]. В своей последней статье по поводу того же покушения 24 мая он снова в подробностях возвращается к операции, жертвой которой чуть было не оказался. Для него ГПУ (Троцкий употреблял название, принятое в 1922 году, когда он еще стоял у кормила власти) было «главным органом власти Сталина», «орудием тоталитарной власти» в СССР; по его словам, «дух раболепия и цинизма распространился в Коминтерне и отравляет рабочее движение до мозга костей». Он подробно говорит о взаимосвязи двух организаций — ОГПУ и Коминтерна, — которая во многом определяет политику на уровне коммунистических партий: «Как организации, ГПУ и Коминтерн не идентичны, но они неразрывно связаны друг с другом. Одна из них подчиняется другой, и это не Коминтерн приказывает ГПУ, а, напротив, ГПУ полностью властвует над Коминтерном»[5'].

Этот вывод, подкрепленный многочисленными аргументами, был плодом двойного опыта Троцкого: опыта, приобретенного в то время, когда он был одним из руководителей зарождавшегося Советского государства, и опыта изгнанника, которого преследуют убийцы из НКВД, имена которых сегодня достоверно известны. В данном случае речь идет о руководителях отдела «специальных заданий», созданного в декабре 1936 года Николаем Ежовым: Сергее Шпигельглассе, попытка которого сорвалась; Павле Судоплатове (умер в 1996 году) и Науме Эйтингоне (умер в 1981 году), которым удалось, благодаря многочисленным сообщникам, организовать убийство Троцкого[54].

Главные факты об убийстве Троцкого в Мексике 20 августа 1940 года стали известны благодаря ряду расследований, которые начались сразу же на месте, а затем были продолжены Юлианом Горкиным[55]. Впрочем, заказчик убийства не оставлял никаких сомнений; непосредственные же исполнители были известны, эту информацию недавно подтвердил Судоплатов. Рамон Меркадер дель Рио был сыном Карридад Меркадер, коммунистки, давно работавшей на спецслужбы, которая стала любовницей Н. Эйтингона. Меркадер появился около Троцкого под именем Жака Морнара. Этот последний действительно существовал, он умер в 1967 году в Бельгии. Морнар сражался в Испании, и, возможно, там советские службы «позаимствовали» у него паспорт. Меркадер использовал также другой паспорт — на имя Джексона, канадца, участвовавшего в Интернациональных бригадах и погибшего на фронте. Рамон Меркадер умер в 1978 году в Гаване, куда его пригласил Фидель Кастро в качестве советника Министерства внутренних дел. За совершенное преступление Меркадер был награжден Золотой звездой Героя Советского Союза, а Эйтингон, главный организатор этой акции, - орденом Ленина.

Сталин избавился от своего последнего политического противника, но охота на троцкистов на этом не прекратилась. Пример Франции очень показателен с точки зрения отношения коммунистов к деятелям маленьких троцкистских групп. Не исключено, что во время оккупации Франции коммунисты доносили на некоторых троцкистов во французскую и немецкую полиции.

Во французских тюрьмах и лагерях Виши троцкистам систематически объявляли бойкот. В Нонтроне (Дордонь) Жерар Блок был предан остракизму коммунистами, во главе которых стоял Мишель Блок, сын писателя Жана Ришара Блока. Жерара Блока поместили затем в тюрьму Исса. Там один католический учитель предупредил его, что заключенные-коммунисты решили расправиться с ним и ночью повесить[56].

Этой слепой ненавистью объясняется и исчезновение четырех троцкистов, среди которых был основатель Итальянской коммунистической партии Пьетро Трессо, которого в маки*, действовавшем в департаменте Верхняя Луара, называли «Водли». Это коммунистическое маки «взяло на себя заботу» о пяти троцкистских деятелях, сбежавших вместе с их товарищами-коммунистами 1 октября 1943 года из тюрьмы Пью-ан-Веле. Один из пяти троцкистов — Альбер Демазьер — случайно отстал от своих товарищей и единственный из всей группы остался в живых[57]. Остальные — Трессо, Пьер Салини, Жан Ребуль, Абраам Садек — были казнены в конце октября после весьма характерного процесса. Действительно, ныне здравствующие свидетели и участники рассказывают, что троцкистов обвинили в том, что они собирались «отравить лагерную воду» (сын Троцкого был обвинен в СССР в сходных намерениях), — обвинение, восходящее к средневековым судам над евреями-вредителями. Так коммунистическое движение демонстрировало свое мракобесие и грубый антисемитизм. Перед казнью четырех троцкистов сфотографировали — вероятно, чтобы высшие инстанции ФКП могли их идентифицировать, — и заставили написать автобиографии.

Даже в немецких концентрационных лагерях коммунисты, используя свое положение в лагерной иерархии, стремились физически уничтожать своих ближайших противников. Ответственного за бретонский сектор Интернационалистской рабочей партии Марселя Бофрера, арестованного в октябре 1943 года и отправленного в январе 1944 года в Бухенвальд, староста тюремных блоков — коммунист — заподозрил в троцкистских взглядах. Через десять дней Бофрер был предупрежден о том, что коммунисты, находящиеся в камере 34-го блока, приговорили его к смерти и собираются отправить в блок, где заключенным, как подопытным животным, прививали тиф. Марселю Бофреру удалось спастись в последний момент лишь благодаря вмешательству немецких товарищей[58]. Для того чтобы избавиться от политических противников, которые и сами были жертвами тех же самых гестаповцев и СС, коммунисты умело использовали концентрационную систему нацистов, отправляя неугодных в рабочие команды, выполняющие самую тяжелую работу. Марсель Хик и Ролан Филатр, узники Бухенвальда, были отправлены в лагерь смерти «Дора» «с согласия руководителей КПГ, которые выполняли административные функции в лагере», как писал Родольф Праже[59]. Марсель Хик там погиб. А Ролан Филатр уже в 1948 году едва спасся от покушения, устроенного прямо на рабочем месте.

* Маки *{франц.* maquis, первонач. - лесные заросли, чаща), во времена Второй мировой войны одно из названий французских партизан. *(Прим. перев.)*

«Ликвидация» троцкистов продолжалась и в период освобождения Франции от нацистов войсками антигитлеровской коалиции и силами движения Сопротивления. Так, молодой парижский рабочий из группы «Классовая борьба» Матье Бухгольц исчез 11 сентября 1944 года. В мае 1947 года газета его группы обвинила в этом сталинистов.

Достаточно значительным троцкистское движение было в Греции. Один из секретарей Коммунистической партии Греции (КПГ) Панделис Пу-лиопулос, впоследствии расстрелянный итальянцами, еще перед войной примкнул к троцкистам. Во время войны троцкисты вошли в состав Греческого национально-освободительного фронта (ЭАМ), созданного в сентябре 1941 года коммунистами. Генерал Народно-освободительной армии (ЭЛАС) Арис Велухиотис казнил около двадцати троцкистских руководителей. После освобождения число захватов троцкистских деятелей увеличилось. Многих из них пытали, заставляя выдавать товарищей. В 1946 году в докладе Центральному комитету КПГ Василис Бартциотас назвал число, — 600 человек троцкистов, казненных ОЗНБ (Организацией защиты народной борьбы). Сюда входили, вероятно, анархисты и инакомыслящие социалисты[60]. Преследовали и убивали также старых марксистов, объединившихся с 1924 года в самостоятельную организацию вне КПГ[61].

Не остались в стороне от антитроцкистского террора и албанские коммунисты. В ноябре 1941 года, после объединения вокруг Анастаза Лулы левых групп, между троцкистами, входившими в их состав, и ортодоксами (Энвер Ходжа, Мехмет Шеху), ориентировавшимися на Югославию, снова возникли разногласия. В 194 3 году Лулу казнили. Садику Премтаю, другому очень популярному троцкистскому лидеру, на которого было организовано несколько покушений, удалось добраться до Франции; в мае 1951 года он стал жертвой нового покушения, которое совершил Джемал Шами, бывший член Интернациональных бригад, ставленник албанской миссии в Париже.

В Китае троцкистское движение зародилось в 1928 году его главой стал Шэн Дуциу, основатель и бывший секретарь КПК. В 1935 году оно насчитывало лишь несколько сотен членов. Во время войны с Японией некоторым из них удалось вступить в 8-ю армию*. По распоряжению Мао Цзэдуна их казнили и ликвидировали возглавлявшиеся ими батальоны. Под конец гражданской войны троцкистов систематически преследовали и убивали. Судьба многих из них неизвестна.

В Индокитае ситуация в первое время была другой. Троцкисты из группы *ТраньДо* («Борьба») и коммунисты действовали с 1933 года заодно. Влияние троцкистов было особенно сильным на юге полуострова. В 1937 году Жак Дюкло в своей директиве запретил Коммунистической партии Индокитая продолжать сотрудничество с деятелями «Борьбы». В месяцы, последовавшие за поражением от японцев", другая ветвь троцкистского движения — Интернациональная коммунистическая лига (ИКЛ) — стала приобретать большое влияние, что вызвало обеспокоенность коммунистических лидеров. В сентябре 1945 года, когда прибыли английские войска, ИКЛ заклеймила тот

* Имеется в виду 8-я армия — народно-революционная армия — вооруженные силы КПК. *(Прим. ред.)*

** В 1941 — 1945 годах Вьетнам был оккупирован японскими войсками. *(Прим. ред.)*

мирный прием, который устроил англичанам Вьетминь (Демократический фронт независимости), созданный в мае 1941 года Хо Ши Мином. 14 сентября Вьетминь развернул широкую кампанию против троцкистских руководителей, которые на нее не ответили. Многие из них были схвачены и затем казнены. Бойцы ИКЛ, сражавшиеся против англо-французских войск*, отошедших на равнины Жонка, были уничтожены войсками Вьетминя. Начался второй этап кампании: Вьетминь принялся за деятелей «Борьбы». Их посадили в тюрьму в Бен-Суке и казнили при приближении французских войск. Позже был арестован исторический лидер движения Та Ту Тхау, его казнили в феврале 1946 года. В письме от 10 мая 1939 года Хо Ши Мин назвал троцкистов «самыми гнусными шпионами и предателями»[62].

Показателен пример гонений на инакомыслящих в Чехословакии — судьба Зависа Каландры. В 1936 году Каландра был исключен из КПЧ (Коммунистической партии Чехословакии) за брошюру, в которой он разоблачал московские процессы. Он участвовал в Сопротивлении и был депортирован немцами в Ораниенбург. В ноябре 1949 года Каландру арестовали, обвинили в том, что он возглавил «заговор против Республики», и подвергли пыткам. В июне 1950 года над ним начался процесс, на котором он выступил с самокритикой. 8 июня его приговорили к смерти. В газете *«Combat»* 14 июня 1950 года Андре Бретон публично просил Поля Элюара вступиться за человека, которого они оба знали еще с довоенных времен. Элюар ему ответил: «Я должен еще слишком много сделать для невинных, которые кричат о своей невиновности, прежде чем позволить себе заниматься виновными, которые кричат о своей виновности»[63]. Завис Каландра был казнен с тремя другими товарищами 27 июня.

Антифашисты и иностранные революционеры, жертвы террора в СССР

Истребление членов Коминтерна, троцкистов и других коммунистических диссидентов было лишь одним из проявлений коммунистического террора. В 30-е годы в СССР проживало много иностранцев, которые, не будучи коммунистами, поддались тем не менее обаянию советского миража. Многие из них заплатили за свою любовь к стране Советов свободой и жизнью.

В начале 30-х годов СССР развернул широкую пропаганду по привлечению людей в Карелию, играя одновременно и на возможностях, которые мог предоставить этот край на границе СССР и Финляндии, и на привлекательности самого дела «строительства социализма». Из Финляндии прибыло около двенадцати тысяч человек, к ним присоединились примерно пять тысяч финнов из США, в основном члены американской Ассоциации финских трудящихся, которые испытывали большие трудности в связи с начавшейся после кризиса 1929 года безработицей. «Карельская горячка» становилась всё сильнее, агенты Амторга (советского торгового агентства) предлагали работу, хорошую зарплату, жилье и бесплатный проезд из Нью-Йорка в Ленинград. Финнам рекомендовалось взять с собой свое имущество.

«Стремительное движение к утопии», по выражению Айно Куусинена, обернулось кошмаром. Сразу по прибытии у этих эмигрантов конфисковали

* В 1945 году французские войска (при участии англичан) развернули военные действия на юге Вьетнама, а затем повели захватническую войну по всей стране. *(Прим. ред.)*

их машины, орудия труда, сбережения. Они были вынуждены сдать паспорта и оказались, таким образом, пленниками в этом диком лесном крае, где условия жизни были очень трудны[64]. По свидетельству Арво Туоминена, по крайней мере двадцать тысяч финнов были отправлены в концентрационные лагеря[65]. Сам Арво Туоминен возглавлял Финскую коммунистическую партию, занимая вплоть до конца 1939 года должность кандидата в члены Президиума Исполнительного комитета Коминтерна, затем был приговорен сначала к смерти, а потом к более мягкому наказанию — десяти годам тюрьмы..

Куусинен, вынужденный после Второй мировой войны поселиться в Ки-ровакане, присутствовал при прибытии армян, которые, став жертвами ловкой пропаганды, решили обосноваться в Советской Армении. В ответ на призыв Сталина, обращенный к гражданам российского происхождения, жившим за границей, вернуться в СССР эти армяне, несмотря на то, что в свое время были высланы из Турции, решили тем не менее поехать именно в Армянскую республику, поскольку именно эту территорию они считали родиной своих предков. В сентябре 1947 года несколько тысяч армян собрались в Марселе. Три тысячи пятьсот человек поднялись на палубу корабля *Россия,* который переправил их в СССР. Как только корабль пересек символическую линию советских территориальных вод Черного моря, поведение советских властей резко переменилось. Многим стало понятно, что за ними захлопнулась гнусная ловушка. В 1948 году двести армян приехали из США. Им был оказан торжественный прием, но затем их постигла та же участь: по прибытии их паспорта были конфискованы. В мае 1956 года несколько сотен приехавших из Франции армян вышли на демонстрацию во время визита в Ереван министра иностранных дел Франции Кристиана Пино. Лишь шестьдесят семей смогли покинуть СССР, в то время как остальные стали жертвами репрессий*[6].

Террор коснулся не только тех, кто по собственной воле приехал в СССР, но и тех, кто бежал сюда от диктаторских режимов других стран. Согласно 129 статье Советской Конституции 1936 года, «СССР предоставляет право убежища иностранным гражданам, которых преследуют за защиту интересов трудящихся или из-за их научной деятельности, либо из-за их борьбы за национальное освобождение». В своем романе *Жизнь и судьба* Василий Гроссман описывает сцену столкновения между эсэсовцем и его пленным, старым большевиком. В длинном монологе эсэсовец произносит сентенцию, которая прекрасно иллюстрирует судьбы тысяч мужчин, женщин и детей, приехавших искать убежище в Советском Союзе: «Кто в наших лагерях, если нет войны, если нет в них военнопленных? В наших лагерях, если нет войны, сидят враги партии, враги народа. Знакомые вам люди, они сидят в ваших лагерях. И если в спокойное, мирное время наше Управление имперской безопасности включит в германскую систему ваших заключенных, мы их не выпустим, *ваши контингенты —это наши контингенты»*[67].

Уехали ли они из-за границы по собственному желанию в ответ на призыв СССР, или же были вынуждены покинуть страну, где с их политическими взглядами оставаться было опасно, — все эти эмигранты равно рассматривались как потенциальные шпионы. По крайней мере, именно это преступление указывалось чаще всего в их приговорах.

Одной из самых ранних эмиграции была эмиграция итальянских антифашистов, начавшаяся в середине 20-х годов. Многие из них надеялись най-

ти в «стране социализма» идеальное убежище, но были жестоко разочарованы и стали жертвами террора. В середине 30-х годов в СССР находилось около шестисот итальянских коммунистов и симпатизирующих им: около 250 политических руководителей и 350 студентов, посещавших занятия в трех школах политического просвещения. Многие из этих учащихся по окончании школ покинули СССР, и около сотни деятелей отправились в 1936—1937 годах воевать в Испанию. На тех, кто остался, обрушился Большой террор. Около двухсот итальянцев были арестованы (чаще всего за шпионаж); примерно сорок были расстреляны (личности двадцати пяти из них установлены), других отправили в ГУЛАГ — либо на золотые прииски Колымы, либо в Казахстан. Ромоло Каккавале выпустил полную впечатляющих подробностей книгу, в которой он описывает маршрут и трагическую судьбу нескольких десятков этих людей[68].

Приведем один пример: антифашист Назарено Скариоли, бежавший из Италии в 1925 году, добрался до Берлина, затем —до Москвы. Его приняла Итальянская секция Красного Креста, и в течение года он работал в сельскохозяйственной колонии в окрестностях Москвы. Затем его перевели в другую колонию, которая находилась в Ялте и где работали около двадцати итальянских анархистов под руководством Тито Скарзелли. В 1933 году колонию распустили, Скариоли вернулся в Москву, где нанялся на кондитерскую фабрику, а также участвовал в деятельности итальянской общины.

Наступили годы Большого террора. Итальянская община начала распадаться: каждый находился во власти страха и подозрений. Коммунистический лидер Паоло Роботти объявил Итальянскому клубу об аресте «врагов народа» — тридцати шести эмигрантов, рабочих шарикоподшипникового завода. Роботти вынудил собравшихся одобрить арест этих рабочих, которых отлично знал. Во время голосования Скариоли проголосовал против. Вечером следующего дня он был арестован. На Лубянке под пытками Скариоли подписал признание. Его отправили на Колыму, и там он работал на золотом прииске. Значительное число итальянцев разделили ту же участь, многие из них умерли: скульптор Арнальдо Сильва, инженер Черкетти, коммунистический руководитель Альдо Горелли (его сестра вышла замуж за ставшего впоследствии коммунистическим депутатом Силото), бывший секретарь Романской секции КПИ Винченцо Баккала, тосканец Отелло Гаджи, работавший швейцаром в Москве, Луиджи Каллигарис, рабочий из Москвы, венецианский профсоюзный деятель Карло Коста, рабочий из Одессы Эдмундо Пелузо, который встречался с Лениным в Цюрихе. В 1950 году Скариоли, который весил всего лишь тридцать шесть килограммов, покинул Колыму, но был вынужден продолжать работать в Сибири. Лишь в 1954 году его амнистировали, затем реабилитировали. В течение еще шести лет, получая скудную пенсию, он ждал визы, чтобы уехать в Италию.

Беженцами в СССР были не только коммунисты, члены КПИ или симпатизирующие им. Среди них были также анархисты, спасавшиеся от преследований в СССР. Самый известный пример — Франческо Гецци, профсоюзный и анархистский деятель, который приехал в Россию в июне 1921 года представителем «l'Unione sindicale italiana» при Красном интернационале профсоюзов. В 1922 году Гецци отправился в Германию, где был арестован. Итальянское правительство, обвинившее Гецци в терроризме, потребовало

его выдачи. Энергичная кампания в его защиту помогла Гецци избежать итальянского острога, но его вынудили вернуться в СССР. Осенью 1924 года у Гецци, который был связан с Пьером Паскалем и особенно с Николой Лазаревичем, начались первые неприятности с ГПУ. В 1929 году он был арестован, приговорен к трем годам заключения и посажен в суздальскую тюрьму, в которую сажать его, больного туберкулезом, было преступлением. Его друзья и поручители организовали во Франции и Швейцарии кампанию в его защиту. Ромен Роллан и другие деятели подписали петицию. Советские власти в ответ распространили слух о том, что Гецци был «агентом фашистского посольства». Выйдя на свободу в 1931 году, Гецци стал работать на заводе. В конце 1937 года он снова был арестован. На этот раз его друзьям за границей не удалось получить никаких сведений о его судьбе. Считают, что он умер в Воркуте в конце августа 1941 года[69].

Когда 11 февраля 1934 года в Линце руководители Шуцбунда (Союза обороны), военизированной организации австрийской социал-демократической партии, решили с оружием в руках выступить против Хаймвера (Союз защиты родины), стремившегося запретить социал-демократическую партию, они вряд ли могли представить себе дальнейшую судьбу своих товарищей.

Нападение хаймверовцев в Линце вынудило социал-демократов начать в Вене всеобщую забастовку, а затем — поднять вооруженное восстание. Войска австрийского канцлера Дольфуса после четырех дней ожесточенных боев одержали победу, и социал-демократы, избежавшие тюрьмы и лагерей для интернированных лиц, ушли в подполье или же бежали в Чехословакию. Впоследствии некоторые из них стали участниками гражданской войны в Испании. Многие решили искать убежища в СССР — туда зазывала интенсивная пропаганда, сумевшая настроить их против социал-демократического руководства. 23 апреля 1934 года триста человек приехали в Москву. Другие, уже менее значительные группы, продолжали прибывать вплоть до декабря. По подсчетам немецкого посольства, в СССР эмигрировало 807 шуцбундов-цев[70]; если учитывать членов семей, то цифра окажется большей — примерно тысяча четыреста человек.

Первую приехавшую в Москву колонну встречали руководители Коммунистической партии Австрии (КПА). Австрийские бойцы продефилировали по улицам столицы, заботу о них взял на себя Центральный совет профсоюзов. Ста двадцати детям, чьи отцы пали на баррикадах или были приговорены к смерти, был предоставлен приют. Сначала их отправили на время в Крым, затем разместили в Москве"[1] в специально открытом для этой цели детдоме № 6.

Австрийские рабочие, отдохнув несколько недель, были распределены на заводы Москвы, Харькова, Ленинграда, Горького и Ростова. Очень скоро они были разочарованы, поняв, в каких условиях вынуждены жить, и австрийским коммунистическим руководителям пришлось вмешаться. Власти давили на шуцбундовцев, чтобы они приняли советское гражданство. К 1938 году триста шуцбундовцев стали гражданами СССР, но большинство обращалось в посольство Австрии с просьбой репатриации. В 1936 году семидесяти семи шуцбундовцам удалось, видимо, вернуться в Австрию. По подсчетам немецкого посольства, в общей сложности около четырехсот человек возвратились на родину до весны 1938 года (после аншлюса в марте 1938 года авст-

рийцы стали подданными Германии). Сто шестьдесят человек отправились в Испанию и сражались на стороне республиканцев.

Многим не повезло, и они не смогли покинуть СССР. Сегодня насчитывают 278 австрийцев, арестованных с конца 1934 по 1938 год[72]. В 1939 году Карло Штайнер, автор книги *Семь тысяч дней в Сибири,* встретился в Норильске с уроженцем Вены Фрицем Коппенштайнером, но о дальнейшей его судьбе Штайнер не знает ничего[73]. Некоторых казнили, как Густля Дойча, бывшего ответственного за округ Флоридсдорфа и командовавшего полком «Карл Маркс», о котором советская сторона выпустила брошюру под названием *Февральские бои в Флоридсдорфе* (Москва, 1934).

Что касается детского дома № 6, то его тоже не пощадили. Осенью 1936 года начались аресты уцелевших родителей воспитанников этого дома; их дети сразу же переходили в распоряжение НКВД, который направлял их в специальные детские дома. Мать Вольфганга Леонарда была арестована и исчезла в октябре 1936 года. И лишь летом 1937 года сын получил открытку из Республики Коми. Его мать приговорили за «троцкистскую контрреволюционную деятельность» к пяти годам лагерных работ[74].

Трагическая одиссея семьи Сладек

10 февраля 1963 года социалистическая газета «Arbeiter Zeitung» напечатала историю семьи Сладек. D середине сентября 1934 года госпожа Слэдек с двумя сыновьями приехала в Харьков к мужу-железнодорожнику, бывшему шуцбундовцу, бежавшему в СССР. В 1937 году НКВД начал (позже чем в Москве и Ленинграде) проводить аресты в австрийской общине Харькова. Черед Йозефа Сладекэ пришел 15 февраля 1938 года. В 1941 году, еще до немецкого нападения, госпожа Сладек просила разрешения выехать из СССР и обратилась в немецкое посольство. 26 июля ее вместе с шестнадцатилетним сыном Альфредом арестовал НКВД, а другой сын — восьмилетний Виктор — был отправлен в детский дом НКВД. Сотрудники НКВД стремились любой ценой вырвать «признание» у Альфреда: его били, объявили, что мать расстреляна. Мать и сына при приближении немцев эвакуировали, и они случайно встретились в Ивдельском лагере на Урале. Госпожу Сладек приговорили к пяти годам лагерных работ за шпионаж, Альфреда Сладека — к десяти годам за шпионаж и антисоветскую пропаганду. Их перевели в Сарманский лагерь, и там они встретили Йозефа Сладека, приговоренного в Харькове к пяти годам тюрьмы. Но семью снова разлучили. В октябре 1946 года госпожу Сладек освободили и отправили в ссылку на Урал — в Соликамск, куда к ней через год приехал муж. Он был не в состоянии работать из-за туберкулеза и сердечной недостаточности. Железнодорожник из Земмеринга умер, прося милостыню, 31 мая 1948 года. В 1951 году Альфред был в свою очередь освобожден и приехал к матери. В 1954 году после тяжких хлопот они смогли выехать в Австрию и вернуться в Земмеринг. Последний раз они видели Виктора семь лет назад.

В 1924 году насчитывалось от 2600 до 3750 югославов, находившихся в России в 1917 году и решивших остаться после революции. К ним присоединились квалифицированные рабочие и специалисты, приехавшие из Америки и Канады с намерением участвовать в «строительстве социализма». Их колонии были расположены от Ленинска до Магнитогорска, проходя через Саратов. Некоторые из них (от 50 до 100) участвовали в строительстве московского метро. Югославские эмигранты также подверглись репрессиям. По

словам Божидара Масларича, участь их была ужасна. «В большинстве своем они были арестованы в 1937—1938 годах, и судьба их совершенно неизвестна»[75], — пишет он. Это — субъективное мнение, но оно основывается на том факте, что несколько сотен эмигрантов исчезли. В настоящее время все еще нет окончательных данных о работавших в СССР югославах, в частности о тех, кто участвовал в строительстве московского метро, протестовал против условий работы и подвергся суровым репрессиям.

В конце сентября 1939 года был произведен раздел Польши между нацистской Германией и СССР — раздел, о котором стороны тайно договорились еще 23 августа 1939 года. Оба захватчика скоординировали свои действия, чтобы обеспечить контроль над ситуацией и населением — гестапо и НКВД начали свое сотрудничество. Еврейские общины были разделены: из 3,3 миллиона людей примерно 2 миллиона жили под властью немцев; их преследовали (в частности, сжигали синагоги) и уничтожали, затем стали помещать в гетто. Лодзинское гетто было создано 30 апреля 1940 года, варшавское — в октябре, 15 ноября выход из него был закрыт.

В страхе перед наступавшей немецкой армией многие польские евреи бежали на восток В течение зимы 1939—1940 годов немцы не запрещали переход новой границы. Но те, кто решался попытать счастья, сталкивались с неожиданным препятствием: «Советские блюстители классового мифа в длинных тулупах и ушанках встречали отправившихся на землю обетованную кочевников штыками, собаками и пулеметными очередями»[76]. С декабря 1939 по март 1940 года эти евреи, оказавшиеся как в западне на ничьей земле восточного берега Буга шириной в полтора километра, были вынуждены разбить лагерь под открытым небом. Большинство из них вернулись в немецкую зону.

Солдат польской армии генерала Андерса, Л.С. (матрикулярный номер 15015) оставил следующее свидетельство об этой поразительной ситуации: •Территория эта представляла собой участок в 600—700 метров, где сбились в кучу 700—800 человек и жили так уже несколько недель; 90 процентов евреев, бежавших от немецкого надзора. <...> Мы были больны, совершенно промокли на этой влажной от осенних дождей земле, мы жались один к другому, а гуманные представители советской власти не соблаговолили предложить нам хотя бы кусочек хлеба или горячей воды. Они даже не пускали людей из близлежащей деревни, которые хотели как-то помочь нам продержаться и не умереть. Поэтому после нас на этом участке осталось много могил. <...> Могу утверждать, что люди, которые вернулись к себе на немецкую территорию, были правы, так как НКВД был никак не лучше немецкого гестапо. Разница заключалась лишь в том, что гестапо быстро убивает людей, в то время как те методы, которые НКВД применял для убийства и пыток, были ужаснее смерти, — тот, кому удавалось чудом спастись от его когтей оставался инвалидом I на всю жизнь»[77]. Эта ничейная земля становится неким символом в книге писателя Израэля Йешуа Зингера: его герой, ставший «врагом народа», погибает после бегства из СССР именно на ней[78].

В марте 1940 года сотни тысяч беженцев — некоторые исследователи приводят цифру в шестьсот тысяч — были вынуждены получить советский паспорт. Советско-германские соглашения предусматривали обмен бежен-цами. Некоторые из них в ситуации, когда семьи разъединялись, нищета и полицейский террор НКВД становились все тяжелее, решили вернуться в не-

мецкую часть бывший Польши. Юлий Марголин, который сам находился во Львове на Западной Украине, сообщает, что весной 1940 года «евреи предпочитали немецкое гетто советскому равенству»[79]. Им тогда казалось, что легче покинуть генерал-губернаторство и добраться до нейтральной страны, чем пытаться бежать через Советский Союз.

В начале 1940 года началась высылка польских граждан, продолжавшаяся вплоть до июня. Поляков отправляли железной дорогой на Крайний Север и в Казахстан. Партия ссыльных, в которой находился Юлий Марголин, ехала до Мурманска десять дней. Проницательный наблюдатель жизни концентрационных лагерей, Марголин писал: «Советские лагеря от всех остальных мест заключения в мире отличают не только их огромные невероятные пространства и гибельные условия жизни, но еще и необходимость бесконечно *лгать,* чтобы сохранить жизнь, всегда лгать, носить маску в течение долгих лет и никогда не иметь возможности сказать, что думаешь. В Советской России свободные граждане также вынуждены лгать. <...> Ибо утаивание и ложь становятся единственным способом самозащиты. Митинги, собрания, встречи, разговоры, стенные газеты пропитаны официальной слащавой фразеологией, в которой нет ни слова правды. Западному человеку трудно понять, что означает лишение прав и невозможность в течение пяти или десяти лет выражаться свободно, до конца, необходимость подавлять малейшую нелегальную мысль и оставаться немым, как могила. Под этим неимоверным прессом разрушается, деформируясь, внутренняя сущность человека»[80].

Смерть узников № 41 и № 42.

Виктор Альтер (родился в 1890 году), член бюро Социалистического рабочего интернационала, был членом Варшавского магистрата, а также председателем Федерации еврейских профсоюзов. Хенрик Эрлих был членом коммунального совета Варшавы и редактором ежедневной газеты на идиш «Folkstaytung». Оба принадлежали к Бунду, Еврейской социалистической партии Польши. В 1939 году они бежали в советскую зону. Альтера арестовали 26 сентября в Ковеле, а Эрлиха 4 октября в Брест-Литовске. Альтера перевезли на Лубянку и 20 июля 1941 года за «антисоветскую деятельность» приговорили к смерти (из обвинения следовало, что он возглавлял нелегальную деятельность бундовцев в СССР, находясь в связи с польской полицией). Этот приговор, вынесенный Военной коллегией Верховного суда СССР, был смягчен и заменен десятью годами лагерей. 2 августа Эрлих был также приговорен к смерти военным трибуналом войск НКВД Саратова. 27-го приговор был тоже смягчен и заменен на десять лет лагерей. Они были освобождены в сентябре 1941 года, после заключения соглашений Сикорского — Майского*. Их вызвал к себе Берия и предложил организовать работу Еврейского антифашистского комитета, и они согласились. Отправленные в эвакуацию в Куйбышев, они были снова арестованы 4 декабря по обвинению в связи с нацистами! Берия распорядился посадить их в одиночки: отныне они были заключенными № 41 (Альтер) и № 42 (Эрлих) — никто не должен был знать, кто они. 23 декабря 1941 годэ как советских граждан их снова приговорили к смерти за предательство (статья 58, п. 1). В те-

* В. Сикорский (1881—1943) — премьер-министр польского эмигрантского правительстве в 1939—1943 годах и И.М. Майский (1884—1975) — советский посол в Великобритании в 1932—1943 годах — 30 июля 1941 года подписали под давлением Англии соглашение о возобновлении дипломатических отношений между СССР и Польшей. После подписания этого соглашения многие польские граждане, среди них пленные, находившиеся в советских лагерях, были освобождены. (Прим. ред.)

чение следующих недель они неоднократно обращались с ходатайством к властям, но тщетно; вероятно, те не знали об их приговоре. 15 мая 1942 года Хен-рик Эрлих повесился на оконной решетке своей камеры; пока не открыли архивы, считалось, что он был казнен.

Виктор Альтер угрожал самоубийством. Тогда Берия приказал усилить за ним надзор. Виктора Альтера казнили 17 февраля 1943 года. Приговор, вынесенный 23 декабря 1941 годэ, был одобрен лично Сталиным. Показательно то, что приговор был приведен в исполнение вскоре после сталинградской победы. К этому убийству советские власти добавили еще и клевету: Альтер и Эрлих якобы занимались пропагандой в пользу подписания мирного договора с нацистской Германией[81].

Зимой 1945—1946 Джек Пэт, секретарь Еврейского рабочего комитета США, отправился в Польшу, чтобы заняться расследованием преступлений нацистов. По возвращении он опубликовал ряд статей в *«Jewish Daily Forward»* о евреях, бежавших в СССР. По его данным, 400 000 эмигрировавших в СССР польских евреев погибли в лагерях и в трудовых колониях. К концу войны 150 000 из них решили снова принять польское гражданство, чтобы бежать из СССР. «Сто пятьдесят тысяч евреев, пересекающих сегодня польско-советскую границу, не говорят больше о Советском Союзе, о социалистической отчизне, диктатуре и демократии. Для них эти разговоры закончились — они сказали свое последнее слово, решив бежать из Советского Союза»[82], — писал Джек Пэт.

Вынужденное возвращение в СССР военнопленных

Если человек, имевший контакты с иностранцами или приехавший в СССР из-за границы, был в глазах властей подозрителен, то тот, кто провел вне советской территории, в немецком плену четыре года, рассматривался ими как предатель, заслуживавший наказания. Указ № 270, принятый в 1942 году и вносивший изменения в статью 193 Уголовного кодекса, предписывал человека, взятого в плен врагом, считать ipso facto* предателем. Неважно, как он попал в плен и в каких условиях жили военнопленные. Условия, в которые попадали русские, были чудовищны: согласно нацистскому Welfanschaung** славяне, относящиеся к виду недочеловеков, должны были исчезнуть, и потому из 5,7 миллионов военнопленных 3,3 миллиона погибли от голода и жестокого обращения.

Итак, Сталин очень быстро решил, в ответ на просьбу союзников, которых стесняло присутствие на территории вермахта русских солдат, добиться репатриации всех русских, находившихся в западной зоне. Это не составило большого труда. Начиная с конца октября 1944 по январь 1945 года в СССР отправили, без их согласия, 332 000 пленных (1 179 — из Сан-Франциско). Британских и американских дипломатов не только не мучили угрызения совести, но они вообще подходили к этому вопросу с некоторым цинизмом, ибо не могли не знать (как, например, Ан-тони Иден***), что при «обсуждении» этого вопроса с самими военнопленными, возможно, пришлось бы применить силу.

Во время переговоров в Ялте (5—12 февраля 1945 года) три главных действующих лица — СССР, Англия и Америка — заключили тайные соглашения, касавшиеся как солдат, так и гражданских лиц, находившихся вне советской территории. Чер-

* Тем самым; в силу самого факта (лат.).
** Мировоззрение (нем.).
*** Антони Иден (1897—1977) — премьер-министр Великобритании в 1955—1957 годах. Консерватор. В 1940—1945 голах был министром иностранных дел Великобритании. (Прим. ред.)

чилль и Идеи согласились с тем, чтобы Сталин решал участь пленных, сражавшихся под началом генерала Власова в рядах Русской освободительной армии (РОА), как будто те могли рассчитывать на справедливый суд.

Сталин прекрасно знал, что часть этих советских солдат попала в плен прежде всего из-за плохой организации Красной Армии, за которую он первый нес ответственность, а также из-за его собственной бездарности и бездарности его генералов. В точности известно также, что многие солдаты совершенно не хотели сражаться за ненавистный режим, за который, если воспользоваться выражением Ленина, «проголосовали ногами».

После подписания Ялтинского соглашения не проходило недели без того, чтобы с Британских островов не отправлялись в СССР эшелоны военнопленных. За два месяца (с мая по июль 1945 года) было репатриировано более 1,3 миллиона человек, находившихся на западных оккупированных территориях и рассматривавшихся Москвой как советские граждане (в их числе были жители прибалтийских стран, присоединенных в 1940 году, и украинцы). К концу же августа Сталину было выдано более двух миллионов подобных «русских». Иногда выдачи происходили в чудовищных условиях — многие кончали жизнь самоубийством (индивидуально и коллективно — целыми семьями), калечили себя. Во время выдачи советским властям пленные напрасно пытались сопротивляться — англичане и американцы, дабы удовлетворить советские требования, не колеблясь применяли силу. По прибытии репатриированные пленные попадали под надзор специальных органов. 18 апреля, в день прибытия судна Альманзор в Одессу, людей казнили без суда и следствия. По тому же сценарию события разыгрались и в день прибытия в черноморский порт корабля Эмпайр прайд.

Запад опасался, что Советский Союз возьмет пленных англичан, американцев и французов в заложники и станет его шантажировать с помощью такой «разменной монеты». Опасения эти стали одной из причин того, что западные страны восприняли диктат советской стороны, которая таким образом добилась «репатриации» всех русских подданных или лиц русского происхождения, в том числе и тех, кто эмигрировал после революции 1917 года. Но эта совершенно сознательная политика Запада даже не облегчила возвращение его собственных граждан. Зато она позволила СССР запустить множество чиновников на поиски непокорных и действовать вопреки законам союзных государств.

Бюллетень французских военных властей в Германии утверждал, что к 1 октября 1945 года на советскую сторону выслали 101 000 перемещенных лиц. В самой Франции, с согласия властей, было построено 70 транзитных лагерей, которые чаще всего странным образом рассматривались как экстерриториальные (как, например, лагерь Борегара в парижском пригороде): Франция отказалась осуществлять какой-либо контроль за этими лагерями, предоставив, вразрез с национальным суверенитетом, советским агентам НКВД право действовать безнаказанно по их усмотрению. Советская сторона тщательно продумала проведение этих операций и приступила к ним, используя коммунистическую пропаганду, уже в сентябре 1944 годэ. Лагерь в Борегаре был закрыт лишь в ноябре 1947 года благодаря Управлению по территориальной безопасности. Оно вмешалось, когда было совершено похищение детей, которых оспаривали друг у друга разведенные родители. Роже Вибот, возглавивший операцию, заметил: «В действительности, по сведениям, которые мне удалось получить, этот транзитный лагерь больше похож на базу похитителей людей» (83). Протесты против этой

политики начались далеко не сразу и были довольно редки, мы можем привести пример одного из них, появившегося летом 1947 г. в социалистическом журнале «Mosses»: «Что находящийся у власти Чингисхан наглухо закрывает границы, стремясь не выпустить своих рабов, — понять легко. Но что совершенно не укладывается в рамки даже нашей испорченной послевоенной нравственности, так это то, как он добился от иностранных государств их выдачи? По какому нравственному праву и во имя какой политики можно заставить человека жить в стране, где он физически и духовно попадает в рабство? Какой благодарности мир ждет от Сталина, не реагируя на крики русских граждан, которые предпочитают самоубийство возвращению в родную страну?».

Авторы этого журнала обличали недавние высылки: «Английские военные власти в Италии с молчаливого согласия масс, которые преступно равнодушны к нарушению минимального права убежища, только что совершили возмутительное злодеяние: 8 мая из лагеря № 7 в Ручионе забрали 175 русских, якобы для того, чтобы отправить их в Шотландию, а из лагеря № 6 забрали 10 человек (там содержались целые семьи). Когда эти 185 человек отошли от лагеря, у них отобрали все, что могло послужить орудием самоубийства, и объявили, что в действительности их отправляют не в Шотландию, а в Россию. Некоторым все же удалось покончить жизнь самоубийством. В тот же самый день забрали 80 человек (все жители Кавказа) из лагеря в Пизе. Этих несчастных под надзором английских военных отправили на поезде в русскую зону в Австрию. Некоторые пытались бежать и были застрелены конвоирами...»[84].

Репатриированных пленных заключали в специальные лагеря, так называемые пункты фильтрации (их начали создавать с конца 1941 годэ), которые не слишком отличались от трудовых лагерей и в январе 1946 годэ были включены в систему ГУААГа. В 1945 году через них прошло 214 000 заключенных[85]. Эти заключенные попали в ГУЛАГ в период его апогея. Обычно их приговаривали по статье 58 п. 1-6 к шести годам лагерных работ. Среди них были бывшие члены РОА (Русская освободительная армия), которые сражались против эсэсовцев за освобождение Прэги.

Пленные враги

СССР не ратифицировал международные конвенции, касавшиеся военнопленных (Женева, 1929 год). Теоретически военнопленные находились под зэщитой этих конвенций, даже если их страна конвенций не подписала. СССР совершенно не обращал на это внимания. Победив Гермэнию, он держал у себя от трех до четырех миллионов немецких военнопленных. Среди них были немецкие солдаты, взятые в плен союзниками, но потом ими освобожденные. Вернувшись домой - в зону, контролируемую советской стороной, они были высланы в СССР.

В марте 1947 года Вячеслав Молотов объявил, что уже репатриирован один миллион немцев (в точности 1 003 974) и что в советских лагерях их остается еще 890 532. Эти цифры оспаривались. В марте 1950 года СССР объявил, что репатриации военнопленных окончены. Однако гуманитарные организации предупредили, что в СССР остается, по крайней мере еще 300 000 военнопленных и 100 000 гражданских лиц. 8 мая 1950 года правительство Люксембурга выступило против завершения операций по репатриациям, ибо в СССР оставалось еще 2000 люксембургских подданных. Была ли связана задержка информации со стремлением советской стороны скрыть печальную судьбу этих пленных? Вполне возможно, если учесть высокую смертность в лагерях.

По подсчетам специальной комиссии (комиссия Машке), один миллион немецких военнопленных умерли в советских лагерях. Так, из 100 000 солдат, захваченных в плен Красной Армией в Сталинграде, выжило лишь 6 000.

Наряду с немцами к февралю 1947 годэ осталось в живых примерно 60 000 итальянских солдат (часто приводится цифра в 80 000 человек). Итальянское правительство сообщило, что только 12 513 из них вернулись к этому времени в Италию. Надо заметить, что румынские и венгерские военнопленные, которые сражались на русском фронте, находились в аналогичных ситуациях. D марте 1954 годэ было освобождено сто добровольцев испанской «Голубой дивизии». Наш обзор был бы не полон без упоминания о 900 000 японских солдат, попавших в плен в Маньчжурии в 1945 году.

Солдаты поневоле

Поговорка, бывшая в ходу среди заключенных, красноречиво передает разнообразие национального состава сталинских лагерей: «Если страна не представлена в ГУЛАГе, то, значит, ее не существует». Франция тоже имела своих заключенных в ГУЛАГе, которых дипломаты не слишком рьяно пытались защитить и вызволить.

Особенным образом обошлись победившие нацисты с тремя департаментами — Мозель, Нижний и Верхний Рейн. Эльзас-Лотарингия была присоединена, онемечена и даже «нацифицированэ». В 1942 году нацисты решили пополнить германскую армию за счет юношей, родившихся в 1920—1924 годах. Многие мозельцы и эльзасцы, совсем не стремившиеся носить немецкую форму, пытались избежать этой «привилегии». До конца войны в Эльзасе в общей сложности была мобилизована 21 категория призывников, а в Лотарингии — 14 (всего 130 000 молодых людей). Большинство из них были посланы на Восточный фронт и 22 000 «солдат поневоле» пали в бою. СССР, который свободная Франция проинформировала об этой особой ситуации, стал призывать их к дезертирству, суля возвращение в ряды освободительной французской армии. В действительности же, 23 000 солдат из Лотарингии и Эль-заса оказались (при разных обстоятельствах) в плену — именно такое количество личных дел было передано в 1995 году российскими властями французским. Многие из этих пленных находились в тамбовском лагере № 188 под надзором МВД (бывший НКВД). Условия были чудовищны: недостаточное питание (600 граммов черного хлеба в день), принудительная работа в лесу, первобытное жилье (деревянные сараи-землянки), полное отсутствие медицинской помощи. Те, кто выжили в этом лагере смерти, полагают, что в 1944 и 1945 годах там умерло 14 000 их товарищей. Пьер Ригуло, называя число погибших — 10 000 человек, — считает, что это минимальная цифра[86]. Летом 1944 года после долгих переговоров было освобождено и отправлено в Алжир 1500 пленных. Самое большое количество пленных лота-рингцев и эльзасцев находилось в тамбовском лагере, но были они и в других лагерях, представлявших собой нечто вроде малого Архипелага, где жили французы, которые не могли сражаться за освобождение своей страны.

Гражданская война и война национально-освободительная

Если подписание советско-германского пакта в сентябре 1939 года вызвало отрицательную реакцию большинства коммунистических партий, поскольку их члены не могли согласиться с тем, что Сталин отказался от антифашистской политики, то нападение Германии на СССР 22 июня 1941 года вновь активизировало антифашистские настроения. Уже 23 июня Комин-

терн передал по радио и телеграфной связи всем своим секциям, что отныне надо бороться не за социалистическую революцию, но против фашизма, а также, что пришло время начать национально-освободительную войну. Одновременно он потребовал от коммунистических партий всех оккупированных стран немедленно перейти к вооруженным действиям. Война, таким образом, позволила коммунистам испробовать новую форму деятельности: вооруженную борьбу и диверсии против гитлеровской военной машины, которые могли перерасти в настоящую партизанскую войну. Военизированные аппараты были укреплены — так создавалась база для вооруженных коммунистических отрядов, которые в разных странах (в соответствии с их географией и внутриполитической ситуацией) быстро превращались в крупные партизанские формирования — с 1942 года в Греции и Югославии, затем в Албании, и, наконец, с конца 1943 года в Северной Италии. Эти партизанские формирования в ряде случаев помогали коммунистам захватить власть, последние при необходимости не останавливались и перед гражданской войной.

Самый характерный пример этой новой тактики коммунистов — события в Югославии. Весной 1941 года Гитлер был вынужден прийти на помощь своему итальянскому союзнику, которому оказывала сопротивление маленькая, но полная решимости армия Греции. В апреле он также был вынужден вмешаться, когда югославское правительство, благосклонно настроенное по отношению к Германии, было свергнуто пробританскими силами. В обеих странах существовали коммунистические партии, хотя и слабые, но накопившие к тому моменту большой опыт: в течение долгих лет они были запрещены диктаторскими режимами Стоядиновича и Метаксаса и находились в подполье.

После заключения перемирия Югославия была разделена между итальянцами, болгарами и немцами. Кроме того, была создана так называемая независимая Хорватия. Она находилась в руках правых экстремистов-усташей, возглавляемых Анте Павеличем, которые установили в отношении сербов настоящий апартеидный режим, истребляя их вместе с евреями и цыганами. Они начали также уничтожать оппозицию, что подтолкнуло многих хорватов присоединиться к Сопротивлению.

После капитуляции югославской армии 18 апреля, первыми, кто ушел в маки, стали роялистские офицеры, возглавляемые полковником Дража Михайловичем, которого вскоре королевское правительство в изгнании в Лондоне назначило главнокомандующим югославского Сопротивления, а затем и военным министром. Михайлович создал в Сербии армию «четников», состоявшую преимущественно из сербов. Лишь после нападения на СССР 22 июня 1941 года югославские коммунисты решили, что пришло время начинать национально-освободительную войну и «освободить страну от фашистского ига, тогда как время социалистической революции еще не настало»[87]. Однако, если Москва намеревалась как можно дольше не мешать королевскому правительству и не пугать своих английских союзников, то Тито почувствовал себя достаточно сильным, чтобы начать собственную игру, отказываясь подчиниться легальному правительству в изгнании. Будучи сам хорватом, он не установил никаких этнических ограничений для набора в свои партизанские отряды; в 1942 году они были дислоцированы в Боснии. Оба соперничающих движения, которые преследовали противоположные цели, схлестнулись. Перед лицом притязаний коммунистов Михайлович решил не мешать немцам и даже вступил в союз с итальянцами. Ситуация вконец запуталась: образовалась

взрывоопасная смесь из освободительной и гражданской войн, политических оппозиций и обострившейся во время оккупации этнической вражды. Обе стороны устроили междоусобную бойню, стремясь избавиться от своих непосредственных противников и навязать свою власть населению.

Историки полагают, что в целом было убито чуть больше миллиона человек (общая численность населения превышала шестнадцать миллионов). Расправы, расстрелы заключенных, убийства раненых, всевозможные репрессии сменяли друг друга, тем более что балканская политическая культура всегда была отмечена столкновениями между разными кланами. Тем не менее была разница между резней, которой занимались «четники», и той бойней, которую устраивали коммунисты: «четники», практически не подчинявшиеся централизованной власти (многие банды ускользали из-под контроля Михайловича), расправлялись с населением больше по этническим соображениям, чем по политическим. Коммунисты же убивали по причинам, имеющим строго военный и политический характер. Милован Джилас, один из соратников Тито, оставил много времени спустя следующее свидетельство: «Мы были уязвлены тем, как крестьяне объясняли свое решение присоединиться к "четникам". По их словам, они боялись, что их дома сожгут, а сами они подвергнутся репрессиям. Этот вопрос был затронут на одном из собраний с Тито, и был выдвинут следующий аргумент: если мы дадим понять крестьянам, что в случае их союза с захватчиком (обратим внимание на этот тонкий переход от "четников" — участников югославского роялистского сопротивления — к "захватчикам" — *замечание авторов),* мы тоже будем жечь их дома, то они передумают. <...> В конце концов Тито, несмотря на свои колебания, высказался категорически: «Хорошо, решено, время от времени мы можем поджигать дом или деревню. Позднее он публично отдавал подобные приказы, которые казались тем более решительными, что были сформулированы ясно и четко»[88].

После того как Италия капитулировала в сентябре 1943 года, Черчилль решил оказывать союзническую помощь Тито, а не Михайловичу, а сам Тито в декабре 1943 года создал Антифашистское Вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ) — таким образом коммунисты получили явное политическое преимущество перед своими противниками. В конце 1944 — начале 1945 года партизаны-коммунисты готовились подчинить себе всю Югославию. Когда стала близиться капитуляция Германии, Павелич вместе со своей армией, чиновниками и их семьями (в общей сложности несколько десятков тысяч человек) направился к австрийской границе. В Блейбурге к ним присоединились словенская Белая гвардия и черногорские «четники», где все они сдались английским войскам, которые передали их Тито.

Эти солдаты и полицейские были вынуждены пройти через всю Югославию дорогой в несколько сотен километров, которая вела их к смерти. Пленные были отправлены в Словению, в окрестности Косевье, где было убито от двадцати до тридцати тысяч человек[89]. Побежденным «четникам» не удалось избежать мести партизан: «четников» не брали в плен, их убивали. Милован Джилас вспоминает о смерти сербских солдат, не решаясь вдаваться в очевидно жуткие подробности этой последней кампании: «Войска Дража (Михайловича) были уничтожены примерно в то же время, что и словенские войска. Небольшие группы «четников», которые возвращались после разгрома в Черногорию, рассказывали о пережитых ими ужасах. Никто (даже те, кто громогласно заявлял о своих революционных убеждениях) не хотел больше

об этом говорить, как не хотят говорить об ужасном кошмаре»[90]. Дража Михайлович был схвачен, отдан под суд, приговорен к смерти и 17 июля 1946 года расстрелян. Во время процесса над Михайловичем офицеры союзных миссий, которых послали в генеральный штаб Михайловича сражаться против немцев, предлагали дать показания в его пользу, но их предложения, естественно, были судом отклонены[91]. Сразу после окончания войны Сталин объяснил Миловану Джиласу свое кредо: «Тот, кто занимает территорию, навязывает ей свою собственную социальную систему».

С началом войны греческие коммунисты оказались в ситуации, сходной с той, в которой находились их югославские товарищи. 2 ноября 1940 года, через несколько дней после вторжения Италии в Грецию, Никос Заха-риадис, первый секретарь ЦК Греческой компартии, находившийся с сентября 1936 года в заключении, стал призывать к сопротивлению: «Греческая нация ведет сегодня национально-освободительную войну, сражаясь против фашизма Муссолини. <...> Все в бой, каждый на свой пост»[92]. Но 7 декабря манифест Центрального комитета партии, находившегося в подполье, поставил под сомнение избранную ориентацию, и КПГ возвратилась к официальной линии Коминтерна — революционному пораженчеству. 22 июня 1941 года произошла поразительно резкая смена курса: КПГ отдала приказ всем своим членам «бороться, защищая Советский Союз, и свергнуть иностранное фашистское иго».

16 июля 1941 года КПГ создает подобно всем другим коммунистическим партиям Национальный рабочий фронт освобождения (ЭЭАМ — *Эрга-тикос Этникос Анелеветрикос Метонос),* который объединил три профсоюзных организации. 27 сентября появилась в свою очередь ЭАМ *(Этникос Анелеветрикос Метонос)* — Греческий национально-освободительный фронт, ставший политическим крылом КПГ. 10 февраля 1942 года родилась Народно-освободительная армия Греции ЭЛАС *(Элинкос Лайкос Анелеветрикос Стратос).* Ее первые партизанские отряды были созданы в мае по инициативе Ариса Велухиотиса, опытного борца, который, чтобы добиться освобождения из заключения, подписал покаянное признание. Численный состав ЭЛАС непрерывно рос.

Но ЭЛАС была не единственной военной организацией Сопротивления. В сентябре 1941 года военные и гражданские лица, ориентирующиеся на республиканцев, создали Национальный греческий демократический союз ЭДЭС *(Этникос Демократикос Элинкос Синдесмос).* Наполеон Зервас, полковник в отставке, возглавлял, в свою очередь, другую группу партизан. Третья организация, основанная в октябре 1942 года полковником Псарро-сом, называлась Движение за национальное и социальное освобождение ЭК-КА *(Этники Каи Коиники Анелеветеросис).* Каждая организация пыталась переманить к себе деятелей и борцов других формирований.

Успехи ЭЛАС были таковы, что коммунисты собирались хладнокровно подчинить себе всю сеть вооруженного Сопротивления. Силы ЭЛАС неоднократно нападали на бойцов ЭДЭС и ЭККА, отряды которых, чтобы уцелеть, были вынуждены разбиться на мелкие группы. В конце 1942 года в западной Фессалии, у подножья горы Пинд, майор Костопулос (перебежчик из ЭАМ) и полковник Сарафис создали подразделение Сопротивления в глубине территории, которую контролировала ЭАМ. Отряды ЭЛАС окружили это подразде-

ление и расправились с теми его бойцами, которым не удалось спастись и которые отказались перейти на службу в их ряды. Захваченный в плен Сарафис кончил тем, что стал начальником штаба ЭЛАС.

Присутствие британских офицеров, посланных на помощь греческому Сопротивлению, беспокоило руководителей ЭЛАС. Коммунисты опасались, что англичане постараются навязать реставрацию монархии. Но позиция руководителя военной организации Велухиотиса отличалась от позиции КПГ, возглавляемой Георгосом Сиантосом, который намеревался проводить политику антифашистской коалиции, т.е. следовать выбранной Москвой линии. Присутствие англичан положительным образом повлияло на ситуацию в Греции (правда, на короткое время): их военная миссия добилась в июле 1943 года подписания своего рода пакта между тремя главными организациями: ЭЛАС, насчитывающей к тому времени примерно восемнадцать тысяч человек, ЭДЕС (пять тысяч человек) и ЭККА (одна тысяча человек).

Капитуляция Италии 8 сентября сразу же изменила ситуацию. Началась братоубийственная война. Немцы предприняли яростное наступление на силы ЭДЭС, которые начали отступать и столкнулись с крупными батальонами солдат ЭЛАС, стремившимися их уничтожить. Решение избавиться от ЭДЭС было принято руководством КПГ, которое намеревалось таким образом воспользоваться сложившейся ситуацией и увереннее противостоять английской политике. После боев, продлившихся четверо суток, партизанам под командованием Зерваса удалось прорвать окружение.

Эта гражданская война внутри национально-освободительной войны предоставляла немцам прекрасную возможность маневра — их войска нападали то на одну организацию Сопротивления, то на другую[93]. Союзники предприняли меры по прекращению этой гражданской войны. Бои между ЭЛАС и ЭДЭС были прекращены в феврале 1944 года, и в Плаке было подписано мирное соглашение. Но оно оказалось недолговечным. Через несколько недель после его подписания ЭЛАС напала на ЭККА и полковника Псарроса. Бои длились пять дней, по истечении которых ЭЛАС одержала победу и взяла в плен Псарроса. Его офицеров расстреляли, ему самому отрубили голову.

Действия коммунистов привели к деморализации участников Сопротивления и подорвали авторитет ЭАМ. В некоторых областях ненависть к ней была так сильна, что иные партизаны вступали в немецкие батальоны, созданные для наведения порядка. Эта гражданская война завершилась лишь после того, как ЭЛАС согласилась сотрудничать с греческим правительством в изгнании в Каире. В сентябре 1944 года шесть представителей ЭАМ и ЭЛАС вошли в правительство национального единства, возглавляемое Георгиосом Папандреу. 2 сентября, когда немцы начали эвакуировать население Греции, ЭЛАС бросила войска на завоевание Пелопоннеса, который вследствие деятельности батальонов охраны порядка ускользал из-под его контроля. Завоеванные города и поселки были «наказаны». В Мелигале были убиты тысяча четыреста мужчин, женщин и детей. Казнили также примерно пятьдесят офицеров и унтер-офицеров батальонов охраны порядка.

Ничто, казалось, не препятствовало безраздельной власти ЭАМ—ЭЛАС. Однако Афины, освобожденные 12 октября, после высадки в Пирее британских войск, вырвались из-под их контроля. Руководство КПГ колебалось, применять ли ему силу. Маловероятно, что оно намеревалось вести игру внутри коалиционного правительства. КПГ отказывалась демобилизовать ЭЛАС,

как настаивало правительство, а в это время Яннис Зегвос, коммунист, министр сельского хозяйства, стал требовать роспуска подразделений, подчинявшихся приказам правительства. 4 декабря патрули из солдат ЭЛАС вошли в Афины, где столкнулись с правительственными силами. На следующий день ЭЛАС, собравшая в Афинах двадцать тысяч человек, взяла под свой контроль почти всю столицу. Но британцы, надеясь на подкрепление, продолжали сопротивляться. 18 декабря ЭЛАС напала также на ЭДЭС в Эпире. Одновременно с военными действиями коммунисты начали кровавую «чистку», направленную против монархистов.

Тем не менее их наступление не увенчалось успехом. Во время конференции в Варкизе они были вынуждены подписать соглашение о разоружении ЭЛАС. В действительности же, много оружия и боеприпасов было тщательно спрятано. Арис Велухиотис, один из главных лидеров ЭЛАС, отказался следовать заключенному в Варкизе соглашению и с группой около ста человек ушел в маки, затем перешел в Албанию, надеясь оттуда вновь развернуть вооруженную борьбу. Когда Велухиотису задали вопрос о причинах поражения ЭАМ—ЭЛАС, он откровенно ответил: «Дело в том, что мы недостаточно убивали. Англичане были заинтересованы в этом перекрестке, который называется Греция. Если бы мы расправились со всеми друзьями англичан, никуда бы они не высадились. Но люди мне говорили: убийца, — вот до чего они нас довели.<...> Революции одерживают победу, когда реки становятся красными от крови. Проливать ее — не напрасный труд, если наградой становится более совершенное человеческое общество»[94]. Основатель ЭЛАС Арис Велухиотис погиб в бою в июне 1945 года в Фессалии, через несколько дней после того, как его исключили из КПГ. После поражения ЭАМ— ЭЛАС вся ненависть, накопленная против коммунистов и их союзников, выплеснулась наружу. Военизированные группы убили большое количество коммунистических деятелей; многих захватили в плен; руководителей партии высылали на острова.

Никос Захариадис, генеральный секретарь КПГ, в мае 1945 года вернулся из Германии, освободившись из концлагеря Дахау. В первых же своих выступлениях он четко определил политику КПГ: «Либо мы возвращаемся к похожему на монархо-фашистский, но более суровому режиму, либо борьба ЭАМ за национальное освобождение увенчается учреждением в Греции народной демократии». Обескровленной Греции практически не удалось получить гражданский мир. В октябре VII съезд КПГ одобрил цели, намеченные Захариадисом. Первый этап на пути к их осуществлению предполагал уход британских войск с территории Греции. В январе 1946 года СССР высказал интерес к Греции, обратившись в Совет Безопасности ООН по поводу той угрозы, которую представляло присутствие англичан в этой стране. 12 февраля, когда ни у кого уже не оставалось сомнений в поражении КПГ на всеобщих выборах (сама она призывала бойкотировать выборы), КПГ решила организовать восстание с помощью югославских коммунистов.

В декабре члены ЦК КПГ встретились с югославскими и болгарскими офицерами. Греческие коммунисты были уверены, что Албания, Югославия и Болгария могут обеспечить им тыл. В течение трех лет греческие бойцы находили там убежище, а раненые - уход. Там же создавались склады для хранения греческого военного снаряжения. Все эти приготовления начались через

несколько месяцев после создания Коминформа* — восстание греческих коммунистов прекрасно вписывалось в новую политику Кремля. 30 марта 1946 года КПГ взяла на себя ответственность за развязывание третьей гражданской войны. Первые атаки Демократической армии (АД), созданной 28 октября 1946 года и возглавляемой генералом Маркосом Вафиадисом, проводились по одной и той же схеме: нападали на посты жандармерий, жандармов и чиновников убивали. Одновременно в течение всего 1946 года КПГ продолжала действовать открыто.

В первые месяцы 1947 года генерал Маркос активизировал деятельность своей армии: разрушенных деревень насчитывались десятки, сотни крестьян были убиты. Принудительный набор увеличивал число солдат АД[95]. Если жители деревни не соглашались идти в солдаты, они подвергались репрессиям. Одна македонская деревня дорого заплатила за свою нерешительность: сорок восемь домов было сожжено, двенадцать мужчин, шесть женщин и два младенца — убиты. Начиная с марта 1947 года люди Маркоса начали систематически убивать глав муниципалитетов и священников. В марте насчитывалось уже четыреста тысяч беженцев. Политика террора вызвала контртеррор: с коммунистами и левыми активистами начали расправляться группы крайних правых.

В июне 1947 года, посетив Белград, Прагу и Москву, Захариадис объявил о создании в скором времени «свободного» правительства. Греческие коммунисты, казалось, верили, что могут пойти по тому же пути, что Тито четыре года назад. Это «правительство» было «официально» создано в декабре. Югославы поставляли добровольцев из собственной армии[96]. Специальная комиссия ООН, занимавшаяся Балканами, в своих многочисленных отчетах сообщала, что эта помощь Демократической армии была очень значительна (около десяти тысяч человек). Разрыв Сталина с Тито весной 1948 года прямо отразился на греческих коммунистах. Помощь продолжала поступать вплоть до осени, но затем Тито ее отменил, и граница закрылась. Летом, когда правительственные силы развернули широкое наступление, Энвер Ходжа, глава албанских коммунистов, был вынужден закрыть и свою границу. Греческие коммунисты попадали во все большую изоляцию, и распри внутри КПГ становились все сильнее. Тем не менее бои продолжались вплоть до августа 1949 года. Многие бойцы отступили в Болгарию, затем осели по всей Восточной Европе, особенно в Румынии и СССР. В Ташкент стекались тысячи беженцев, среди которых было 7500 коммунистов. В КПГ в изгнании был проведен целый ряд «чисток», и в сентябре 1955 года конфликт между сторонниками Захариадиса и его противниками перерос в яростное столкновение, произошедшее в столице Узбекистана. Советская Армия была вынуждена вмешаться и восстановить порядок Сотни человек были ранены (97).

Прием греческих беженцев в СССР тем более парадоксален, что Сталин к тому моменту сильно разрушил старую греческую общину, которая уже много веков жила в России, в частности на Кавказе и Черноморском побережье, и насчитывала к 1917 году от 500 000 до 700 000 человек. В 1939 году их

* Коминформ — информационное Бюро коммунистических и рабочих партий, было создано на проходившем в Шклярской Порембе (Польша) с 22 по 27 сентября 1947 года, так называемом «частном информационном совещании» при участии 9-ти европейских компартий. На настоящий момент не существует достоверных сведений, при каких обстоятельствах и от кого исходило первоначальное предложение о его создании. Одной из причин его организации послужила, вероятно, необходимость собрать коммунистические партии под одной крышей после роспуска Коминтерна в 1943 году. Как известно, одним из оснований для роспуска Коминтерна было желание успокоить союзников по антифашистской коалиции. См.: *Совещания Коминформа, 1947,1948, 1949-Документы и материалы;* М, 1998, с. 21. *(Прим. ред.)*

оставалось 410 000, а в I960 году —лишь 177 000. Начиная с декабря 1937 года 285 000 греков, живших в больших городах, были высланы в Архангельскую область, Республику Коми и на северо-восток Сибири. Другие смогли вернуться в Грецию. Именно в эти годы в СССР были убиты А. Хайтас, бывший секретарь КПГ, и педагог Й. Йординис. В 1944 году 10 000 крымских греков — те, кто уцелел из процветавшей прежде общины, — были высланы по обвинению в пронемецких настроениях в Киргизию и Узбекистан. 30 июня 1949 года за одну ночь в Казахстан были высланы тридцать тысяч грузинских греков. В апреле 1950 года та же участь постигла и греков Батуми.

Греческие дети и советский Минотавр

Во время гражданской войны 1946—1948 годов греческие коммунисты произвели на всех находившихся под их контролем территориях перепись детей обоих полов от трех до четырнадцати лет. В марте 1948 годэ эти дети были собраны на пограничных участках, и несколько тысяч детей были отправлены в Албанию, Югославию и Болгарию. Деревенские жители пытались спасти своих детей и прятали их в лесах. Красный Крест с большими сложностями выявил 28 296 детей. Летом 1948 года после разрыва Тито с Коминформом часть этих детей (11 600), содержавшаяся в Югославии, была перевезена, несмотря на протесты греческого правительства, в Чехословакию, Венгрию, Румынию и Польшу. 17 ноября 1948 года III Ассамблея ООН приняла резолюцию, осудившую похищение греческих детей. В ноябре же 1949 года Генеральная Ассамблея ООН потребовала их возвращения. Все последующие (как и предыдущие) решения ООН игнорировались. Коммунистические власти соседних стран упорно заявляли, что дети жили у них в лучших условиях, чем могла бы предложить им Греция. Одним словом, они хотели заставить поверить, что эта депортация была гуманной акцией.

Однако дети, обреченные на принудительную ссылку, существовали в ужасных условиях: нищета, недоедание, эпидемии привели к тому, что многие умерли. Они жили в «детских деревнях», где должны были ходить, помимо занятий по общеобразовательным предметам, на занятия по политической подготовке. С тринадцати лет их заставляли работать, например, выкорчевывать кустарники в болотистых районах Хартага в Венгрии. Тайное намерение коммунистических руководителей заключалось в том, чтобы сформировать новое поколение беззаветно преданных борцов. Неудача была очевидна: в 1956 году грек по фамилии Константинидис пал в бою, сражаясь против русских на стороне восставших венгров. Другим удалось бежать из Восточной Германии.

Между 1950 и 1952 годами только 684 ребенка были возвращены Греции. В 1963 году было репатриировано около 4000 детей (некоторые из них родились уже в коммунистических странах). В начале 80-х годов греческая община Польши насчитывала несколько тысяч членов. Некоторые из них вступили в профсоюз «Солидарность» и были арестованы после переворота генерала Ярузельского. После 1989 года несколько тысяч греков покинули Польшу, где устанавливалась демократия, и возвратились в Грецию (98).

В остальных странах Западной Европы из-за присутствия англо-американской армии коммунисты вынуждены были отказаться от своего стремления полностью захватить власть, воспользовавшись сложной послевоенной ситуацией. В конце 1944 года Сталин в своих директивах дал распоряжение коммунистам спрятать оружие и ждать более благоприятного момента для за-

хвата власти. Эти сталинские директивы прекрасно иллюстрирует состоявшаяся 19 ноября 1944 года в Кремле беседа советского вождя с Морисом Торезом, Генеральным секретарем Французской коммунистической партии, который, проведя весь период войны в СССР, собирался вернуться во Францию".

Насилие и террор, свирепствовавшие внутри довоенного Коминтерна, сопровождали международное коммунистическое движение и после войны (по крайней мере, вплоть до смерти Сталина в 1953 году). В Восточной Европе с реальными или предполагаемыми диссидентами сурово расправлялись, часто путем фальсифицированных процессов, на которых разыгрывались целые спектакли. Своего апогея этот террор достиг в 1948 году в результате разрыва между Тито и Сталиным. Тито, который отказался подчиниться всемогущему Сталину, был назван новым Троцким. Сталин пытался его уничтожить, но Тито, находясь под защитой своего собственного государственного аппарата, был осторожен. За неимением возможности расправиться с Тито, коммунистические партии во всем мире стали совершать своего рода символические политические убийства, беспрерывно исключая из своих рядов служивших козлами отпущения «титов-цев». Одной из первых искупительных жертв стал старый коминтерновец и Генеральный секретарь Норвежской коммунистической партии, Педер Фуруботн, который уже один раз спасся от репрессий в 1938 году, бежав из Москвы (где он прожил долгое время) в Норвегию. 20 октября 1949 года во время одного из партийных собраний, ставленник Советского Союза, некий Странд Йохансен, обвинил Фуруботна в титоизме. Фуруботн, пользовавшийся большим влиянием в партии, 25 октября собрал Центральный комитет и объявил о том, что готов вместе со своей руководящей командой уйти в отставку, но при условии, что в самом скором времени будут организованы новые выборы в Центральный комитет и что обвинения против него будут рассмотрены международной комиссией. Противники Фуруботна были застигнуты врасплох. Тогда к всеобщему недоумению Йохансен проник со своими людьми в здание Центрального комитета и выгнал оттуда, с револьвером в руке, сторонников Генерального секретаря. Затем было организовано собрание, где проголосовали за исключение из партии Фуруботна и его единомышленников. Фуруботн, зная советские методы, заперся у себя с группой вооруженных друзей. В результате этого эпизода, достойного детективного фильма, Коммунистическая партия Норвегии потеряла большую часть своих борцов. Что касается Йохансена, которым манипулировали советские агенты, то он к концу своей жизни заболел психическим расстройством[100].

Последняя акция этой эпохи террора внутри международного коммунистического движения датируется 1957 годом. Венгерский коммунист Имре Надь, который в 1956 году возглавил бунт в Будапеште, укрылся в посольстве Югославии и отказывался его покинуть, опасаясь за свою жизнь. В результате хитрых и запутанных манипуляций советским агентам удалось схватить Надя. Было решено отдать его под суд в Венгрии, но венгерские коммунисты, не желая взять на себя ответственность за это «законное убийство», воспользовались проведением в Москве в ноябре 1957 года Совещания коммунистических и рабочих партий и поставили на голосование смертный приговор Надю. Все присутствовавшие коммунистические лидеры, в том числе француз Морис Торез и итальянец Паль-миро Тольятти, проголосовали «за» (исключение составлял, что знаменательно, поляк Гомулка). Надь был приговорен к смерти и повешен 16 июня 1958 года[101].

2
Стефан Куртуа и Жан-Луи Панне
Тень НКВД над Испанией

17 июля 1936 года испанские военные в Марокко под руководством генерала Франко подняли восстание против республиканского правительства. На следующий день бунт перекинулся на континент. 19 июля во многих городах (Мадриде, Барселоне, Валенсии и Бильбао) он был подавлен благодаря сопротивлению народных масс и объявлению всеобщей забастовки. Эта гражданская война назревала уже несколько месяцев. 16 февраля 1936 года Народный фронт победил на выборах с незначительным перевесом: правые набрали 3 997 000 голосов (132 депутата), центристы — 449 000; Народный фронт 4 700 000 голосов (267 депутатов). Социалисты были представлены 89 депутатами, левые республиканцы — 84, Республиканский союз — 37, Коммунистическая партия Испании (КПИ) — 16, POUM (Рабочая партия марксистского единения, которая возникла в 1935 году от слияния Рабоче-крестьянского блока Хоакина Морена и левых коммунистов, возглавляемых Андресом Нином) — всего одним депутатом. Не была представлена одна из основных сил Испании — анархисты Национальной конфедерации труда (CNT) и Иберийской федерации анархистов (1 577 547 членов, в то время как на Социалистическую партию и Общий союз труда приходилось 1 444 474 членов)[1]. Анархисты, следуя своей доктрине, не выдвинули кандидатов. Но они (вместе с сочувствующими) отдали свои голоса Народному фронту, который без их поддержки не мог бы победить на выборах. Представительство 16 депутатов-коммунистов явно не соответствовало численному составу КПИ: она утверждала, что насчитывает 40 000 членов, но, по-видимому, их было чуть больше 10 000. Они руководили организациями -сателлитами, насчитывавшими более 100 000 членов.

Отдельные левые партии разного толка, мощные правые силы и решительно настроенные крайние правые («Фаланга»), забастовки в городах и захват земель в деревнях, сильная армия, имевшая большие полномочия, слабое правительство, различные заговоры, рост политического насилия — все это способствовало началу гражданской войны, к которой многие всячески стремились. Она сразу же приобрела особый размах: в Европе она символизировала столкновение между фашистскими государствами и демократией. Когда в борьбу вступил Советский Союз, резкое противостояние правых и левых стало еще ощутимее.

Генеральная линия коммунистов

Поначалу Испания не была объектом пристального внимания Коминтерна. Он стал следить за ситуацией в этой стране лишь в 1931 году, когда пала испанская монархия, и особенно внимательно — в 1934 году, когда рабочие Асту-

рии* подняли восстание. Советское государство интересовалось Испанией не больше, чем Коминтерн, — обе страны признали друг друга лишь в августе 1936 года, после того как в Испании началась гражданская война, и Советским Союзом, Англией и Францией был подписан «пакт о невмешательстве»[2]. 27 августа советский дипломат Марсель Израилевич Розенберг вступил в должность посла СССР в Испании.

Стремившиеся усилить свое влияние коммунисты предложили слить КПИ с партией социалистов. Первым шагом на этом пути стало создание 1 апреля 1936 года Организации объединенной социалистической молодежи. Затем 26 июня была организована Объединенная социалистическая партия Каталонии.

В правительстве Ларго Кабальеро, пришедшего к власти в сентябре 193бгода, работали лишь два коммунистических министра: Хесус Эрнандес — министр народного просвещения и Винсенте Урибе — министр сельского хозяйства. Однако очень скоро Советский Союз приобрел в правительстве Кабальеро большое влияние. Розенбергу благодаря симпатизировавшим ему членам правительства (Альваресу дель Вайо, Хуану Негрину), удалось стать чем-то вроде заместителя премьер-министра и принимать участие в заседаниях Совета министров. В его руках был крупный козырь: СССР был готов поставлять республиканцам оружие.

Такое распространение влияния Советского государства за пределами своей территории приобретает особое значение: 1936 год стал переломным моментом в международной обстановке (почти через двадцать лет после захвата власти большевиками), и скоро СССР смог распространить свою власть на Центральную и Восточную Европу (в два этапа — в 1939—1941 годах, а затем в 1944—1945 годах). Испания 1936—1939 годов, благодаря размаху охватившего ее общественного движения (похожего на движения, возникшие после Первой мировой войны и Гражданской войны в России), представляла собой неожиданное поле деятельности и служила чем-то вроде испытательного полигона для Советского Союза. Обладая уже большим опытом, он использует в ней весь свой политический арсенал и апробирует новые методы, которые найдут применение в ходе Второй мировой войны. СССР преследовал различные цели, но первостепенная задача состояла в том, чтобы помочь Коммунистической партии Испании (которая полностью находилась под влиянием Коминтерна и НКВД) приобрести контроль над государственной властью — в случае успеха республика могла бы неукоснительно выполнять все требования Москвы. Для реализации подобной задачи требовалось применить советские методы и прежде всего — учредить вездесущую полицию и уничтожить все некоммунистические силы.

В 1936 году Эрколи (псевдоним итальянского коммуниста Пальмиро Тольятти, одного из руководителей Коминтерна), характеризуя своеобразие испанской гражданской войны, назвал ее «национальной революционной войной». По его мнению, благодаря испанской народной, национальной и антифашистской революции коммунисты столкнулись с новыми задачами: «Испанский народ решает задачи буржуазной демократической революции по-новому». Вслед за тем он указал на противников такого понимания испанской революции — это республиканские лидеры и «даже руководители социалистической партии», «те элементы, которые под прикрытием анархистских принципов вносят преждевременные проекты принудительной коллективизации и ослабляют сплоченность и единство Народного фронта». Он наметил цель: добиться

* Провинция в Испании. *(Прим. ред.)*

гегемонии коммунистов, создав «единый фронт социалистической и коммунистической партий, единую организацию рабочей молодежи, единую партию каталонского пролетариата [PSUC]», «преобразовав саму Коммунистическую партию в великую массовую партию»[3]. В июне 1937 года Долорес Ибаррури, испанская коммунистка, ставшая знаменитой благодаря своим призывам к сопротивлению, за что и была прозвана Пасионарией, выдвинула следующую цель — «демократическая и парламентарная республика *нового типа»*[4].

Сразу после франкистского переворота Сталин проявил относительное равнодушие к событиям в Испании, как об этом свидетельствует Джеф Ласт, сопровождавший Андре Жида в его поездке в Москву летом 1936 года: «Мы были ужасно возмущены тем, что столкнулись с полным отсутствием интереса к происходящим событиям. На собраниях о них не говорили ни слова, и когда в частных разговорах мы затрагивали эту тему, казалось, что собеседники тщательно избегают высказать свое личное мнение»[5]. Однако через два месяца, увидев, какой оборот приняли события, Сталин осознал выгоду, которую он мог извлечь из ситуации как с дипломатической, так и с пропагандистской точки зрения. Придерживаясь политики «невмешательства», СССР вступал в диалог с другими странами и мог таким образом способствовать тому, чтобы Франция укрепляла свою независимость по отношению к Великобритании. Одновременно СССР обязался тайно поставлять оружие Испанской республике и оказывать ей военную поддержку. Он рассчитывал также воспользоваться теми возможностями, которые предоставляло ему правительство Народного фронта во Франции, готовое пойти на сотрудничество с советскими службами, чтобы организовать материальную помощь испанским республиканцам. Следуя инструкциям Леона Блюма', Гастон Кюзен, заместитель заведующего канцелярией Министерства финансов, встретился с советскими официальными лицами и эмиссарами, которые, обосновавшись в Париже, организовывали оттуда перевозку оружия в Испанию и занимались набором добровольцев для республиканской армии. В то время как Советское государство заявляло, что находится вне игры, Коминтерн мобилизовал все свои секции для активной поддержки испанских республиканцев и, воспользовавшись ситуацией в Испании, развернул гигантскую, чрезвычайно выгодную для коммунистического движения антифашистскую пропаганду.

В самой Испании коммунисты стремились занять как можно больше руководящих должностей, чтобы направить правительственную политику в русло политики коммунистической партии Советского государства, которой было выгодно максимально использовать в своих интересах сложившуюся военную ситуацию. Хулиан Горкин, входивший в число руководителей POUM, в своем эссе «Испания, первая репетиция народной демократии» (Буэнос-Айрес, 1961), вероятно, в числе первых обозначил связь, существовавшую между советской политикой в республиканской Испании и учреждением народных демократий. Но если Горкин видел в этом заранее продуманную политику, то по мнению испанского историка Антонио Элорсы, политика коммунистов в Испании вытекала скорее из «монолитной, а не плюралистской концепции политических отношений внутри Народного фронта, при этом роль партии состояла в том, чтобы использовать союз как трамплин для завоевания гегемонии». Антонио Элорса подробно говорит о том, что станет неизменной целью политики ком-

* Леон Блюм (1872—1950) —лидер и теоретик Французской социалистической партии. В 1936—1938 годах глава правительства Народного фронта. *(Прим. ред.)*

мунистов: подчинение господству КПИ всех антифашистов «для победы не только над фашистами (внешним врагом), но и над внутренней оппозицией». И далее: «В этом смысле данный план — прямой источник стратегии прихода к власти в так называемых народных демократиях»[6].

План этот был уже почти реализован, когда в сентябре 1937 года Москва стала готовить выборы: списки с именами членов всего одной партии должны были позволить КПИ извлечь выгоду из этого «национального плебисцита». Задача этих выборов, которые были задуманы Сталиным и за проведением которых советский вождь внимательно следил, состояла в создании «демократической республики нового типа». Они предусматривали также устранение министров, враждебно относившихся к политике коммунистов. Но план провалился: он встретил сильное сопротивление со стороны союзников КПИ. К тому же положение республиканцев после неудавшегося нападения на Теруэль* 15 декабря 1937 года внушало опасения.

Советники и агенты

Как только Сталин понял, что Испания открывает много привлекательных возможностей для СССР, Москва сразу послала туда большое количество ответственных работников, находившихся в подчинении у различных ведомств. Первыми были отправлены военные советники (в общей сложности, по сведениям советского источника, их было 2044, но постоянно на местах находились от 700 до 800 человек), среди которых были будущие крупные военачальники — маршал РЯ. Малиновский и генерал П.И. Батов, а также генерал В.Е. Горев, военный атташе в Мадриде. Москва мобилизовала и своих коминтерновцев, официальных и полуофициальных «эмиссаров». Некоторые уже находились в Испании, как, например, аргентинец Витторио Кодовилья, который с начала 30-х годов фактически руководил КПИ, венгр Эрне Гере (товарищ Педро), ставший после Второй мировой войны одним из руководителей коммунистической Венгрии, итальянец Витторио Видали (его подозревали в участии в убийстве лидера коммунистов, кубинского студента Хулио Антонио Мелья в 1929 году), который впоследствии (с января 1937 года) стал первым комиссаром созданного коммунистами 5-го полка, болгарин Минев-Степанов, который с 1927 по 1929 год работал в секретариате Сталина, итальянец Пальмиро Тольятти, приехавший в Испанию в июле 1937 года как представитель Коминтерна. Другие коминтерновцы совершали в Испанию инспекционные поездки, как, например, французский коммунист Жак Дюкло.

Одновременно Москва направила в Испанию большое количество сотрудников спецслужб, среди которых были В А Антонов-Овсеенко[7] (он возглавлял в октябре 1917 года штурм Зимнего), приехавший в Барселону 1 октября 1936 года, Александр Орлов (настоящее имя Лев Фелдбин), глава НКВД в Испании, поляк Артур Сташевский, бывший офицер Красной Армии, впоследствии торговый атташе, генерал Ян Берзин, руководитель разведывательных служб Красной Армии, Михаил Кольцов, редактор *«Правды»,* тайный представитель Сталина, назначенный в Военное министерство. Наум Эйтингон (он же Леонид Эйтингон), майор НКВД, и его коллега Павел Судоплатов также прибыли в Барселону. В 1936 году Эйтинго-ну было поручено организовать террористические операции — Судоплатов приехал лишь в 1938 году (8). Одним словом, Сталин, решив вмешаться в дела Испании,

* Город в Арагоне (автономной области на северо-востоке Испании). *(Прим. ред.)*

сразу же направил туда целый штаб—людей, способных действовать согласованно по разным направлениям. По неуточненным данным, Ягода, глава НКВД в ночь на 14 сентября 1936 года созвал в Москве на Лубянке собрание по координации всего комплекса действий, связанных с коммунистической интервенцией в Испании. Было намечено вести борьбу с франкистами, немецкими и итальянскими агентами, а также осуществлять наблюдение, контроль и обезвреживание противников коммунистов и СССР внутри самого республиканского лагеря. Советское вмешательство должно было быть секретным, тщательно замаскированным, дабы не скомпрометировать советское правительство. По словам Вальтера Кривицкого, главы внешних служб НКВД в Западной Европе, из трех тысяч советских представителей, находившихся в Испании, лишь сорок действительно сражались, остальные были военными и политическими советниками или агентами разведки.

Вначале усилия советских представителей были направлены на Каталонию. В сентябре 1936 года Генеральный комиссариат общественного порядка Каталонии, в который уже проникли коммунисты, подписал декрет о создании внутри каталонских секретных служб (SSI) организации под названием «Группа информации» *(Grupo de information),* которую возглавил некий Мариано Гомес Эмперадор. Эта официальная организация (около пятидесяти человек) была в действительности замаскированными «щупальцами» НКВД. Одновременно Объединенная социалистическая партия Каталонии (название, придуманное коммунистами) создала Иностранную службу *(Servinio Extranjero),* которая размещалась в номере 340 отеля «Колон» на площади Каталонии и которой было поручено контролировать всех иностранных коммунистов, стремившихся сражаться в Испании и проезжавших через Барселону. Однако и эта служба была под контролем НКВД и служила прикрытием его деятельности.

Местный глава НКВД, некий немецкий коммунист по имени Альфред Херц (лицо, скрывавшееся за этим именем, еще до конца не установлено), состоял одновременно, как выяснилось, в обеих этих организациях, находясь в непосредственном подчинении у Орлова и Гере. Херц внедрился в Корпус службы безопасности *(Cuerpo de Investigation y Vigilancid)* правительства и контролировал паспортную службу, а значит — въезд и выезд из страны. Он имел право использовать «Штурмовую гвардию» — отборные отряды полиции. Создав свою сеть в Комиссариате общественного порядка, Херц получал информацию от других коммунистических партий: черные списки антифашистов, доносы на критически настроенных коммунистов, биографические данные, которые присылались отделами кадров каждой коммунистической партии, — все это он пересылал в Государственный департамент *(Departamento de Estado),* возглавляемый коммунистом Викторио Салой. Была создана даже специальная «Служба Альфреда Херца», которая в действительности являлась параллельной политической полицией, состоявшей из испанских и иностранных коммунистов. Под его руководством была создана картотека всех иностранцев, проживавших в Каталонии, а затем и во всей Испании, и составлены черные списки на лиц, подлежащих устранению. В первое время, с сентября по декабрь 1936 года, преследования оппозиционеров были не систематичны. Но постепенно НКВД подготовил целые планы репрессий против других политических сил республики. Первой мишенью стали социал-демократы, анархо-синдикалисты, троцкисты, инакомыслящие коммунисты или те, чьи взгляды расходились с политикой партии. Действительно, многие из этих «врагов» были критически настроены по отношению к коммунистам, не принимали их стремления к гегемонии и

равнения на СССР. Разумеется, как это всегда бывает в подобных ситуациях, репрессии были частично замешаны на сведении личных счетов[9].

Агенты, скрывавшиеся под двумя или тремя различными именами, использовали как самые банальные полицейские методы, так и более изощренные. Первостепенной задачей стала «колонизация» главных постов республиканской администрации, армии и полиции. Постепенное завоевание ключевых постов стало возможно в силу того, что СССР поставлял оружие не имевшим его республиканцам, а взамен требовал политических уступок. В отличие от Гитлера и Муссолини, помогавших националистам, СССР не поставлял оружия в кредит: за него нужно было платить заранее из золотых запасов Испанского банка, и советским агентам удавалось доставлять золото прямо в СССР. Каждая поставка оружия давала коммунистам возможность шантажировать испанцев, что они и делали.

Хулиан Горкин приводит яркий пример того сплетения войны и политики, которое отличало ситуацию в Испании: в начале 1937 года Ларго Кабальеро, глава испанского правительства, которого поддерживал Президент республики Мануэль Асанья, разрешил послу в Париже Луису Аракистану начать под патронажем Леона Блюма и Антони Идена тайные переговоры с итальянским послом в Лондоне Дино Гранди и с Яльмаром Шахтом, финансистом Гитлера, чтобы положить конец войне. Испанские коммунисты, предупрежденные прокоммунистическим министром иностранных дел Альваресом дель Вайо, совместно с главными руководителями советских служб решили отстранить Кабальеро от власти, исключая, таким образом, возможность разрешения конфликта путем переговоров, первым этапом которых стало бы обсуждение вывода с испанской территории итальянских и немецких солдат[10].

«После клеветы... пуля в затылок»

Именно так русско-бельгийский писатель Виктор Серж (вырвавшийся из СССР в апреле 1936 года) охарактеризовал политику коммунистов в беседе с деятелем POUM Хулианом Горкином в 1937 году, предупреждая последнего о неотвратимости подобного развития событий в Испании. Коммунисты сталкивались, однако, с серьезными препятствиями: анархо-синдикалистская масса CNT ускользала от их влияния, кроме того, их политике противостоял POUM. Зная о слабости и маргинальных позициях этой партии на политической шахматной доске, коммунисты наметили ее в жертву. Они полагали, что наступил благоприятный момент для того, чтобы воспользоваться сложившейся расстановкой политических сил. К тому же считалось, что POUM находится в связи с Троцким: в 1935 году Андрес Нин и Хулиан Горкин ходатайствовали перед каталонскими властями, чтобы изгнанный из Франции Троцкий мог обосноваться в Барселоне. В ситуации охоты на троцкистов, которая шла в то время в СССР, ничуть не удивительно, что собравшийся 21 февраля 1936 года (через пять дней после победы на выборах испанского Народного фронта) секретариат Коминтерна отдал распоряжение КПИ повести «энергичную борьбу против контрреволюционной троцкистской секты» (11). К тому же летом 1936 года партия POUM имела смелость выступить в защиту жертв первого московского процесса.

13 декабря 1936 года коммунистам удалось вывести Андреса Нина из Генерального совета Каталонии. Угрожая прекратить поставки оружия, они потребовали его исключения из Совета под тем предлогом, что тот якобы клеве-

тал на СССР. 16 декабря "Правда" развернула международную кампанию против противников советской политики; «В Каталонии началось уничтожение троцкистов и анархо-синдикалистов: их будут истреблять до победного конца с той же энергией, с какой их истребляли в СССР».

Любое разногласие с их собственной политикой воспринималось коммунистами как предательство, и рано или поздно они старались расправиться с оппозиционерами, применяя всегда и везде одни и те же методы. На членов POUM обрушились ложь и клевета. Их подразделения на фронте обвиняли в сдаче позиций врагу, хотя подразделения коммунистов полностью отказывали им в поддержке[12]. Французская ежедневная газета коммунистической партии *«Юманите»* особенно отличилась в этой травле, перепечатывая статьи Михаила Кольцова, большого друга Луи Арагона и Эльзы Триоле*. Центральная тема этой кампании сводилась к беспрерывно повторяющемуся утверждению: POUM — сообщница Франко, она действует в интересах фашизма. Коммунисты из предосторожности внедрили своих агентов в ряды POUM. Им было поручено собирать информацию и составлять черные списки ее деятелей, чтобы в нужный момент идентифицировать их при аресте. Один такой агент известен: это был Леон Нарвич. Он вступил в контакт с Ни-ном, но был разоблачен, а после исчезновения Нина и ареста руководителей партии был казнен группой самообороны POUM.

Май 1937 года и ликвидация POUM

3 мая подразделения Гражданской гвардии, которой руководили коммунисты, атаковали барселонскую телефонную станцию, которая находилась под контролем рабочих Национальной конфедерации труда и Всеобщего союза трудящихся (UGT). Подготовка к этой операции, которой руководил Родригес Салас, начальник Каталонской полиции и член партии PSUC, проводилась путем усиления пропаганды и преследований (радио POUM и ее газета *«La Batalla»* были закрыты). 6 мая в Барселону прибыли специально подготовленные отряды полиции, в составе пяти тысяч бойцов под руководством коммунистических лидеров. Коммунисты и их противники схлестнулись столь яростно, что были убиты пятьсот человек и более тысячи ранены.

Ставленники коммунистических служб, пользуясь царившим хаосом, не упускали ни одной возможности, чтобы расправиться с противниками коммунистической политики. Ударная группа из двенадцати человек похитила и казнила итальянского философа-анархиста Камилло Бернери и его друга Барбь-ери — их изрешеченные пулями тела были обнаружены на следующий день. Камилло Бернери расплатился таким образом за свое политическое мужество. В свое время он написал в редактируемой им газете *«Guerra di classe»:* «Сегодня мы сражаемся против Бургоса", завтра мы должны будем, защищая свою свободу, бороться с Москвой». Та же участь постигла и Альфредо Мартинеса, секретаря «Анархистской молодежи Каталонии», и троцкиста Ханса Фройнда, и бывшего секретаря Троцкого Эрвина Вольфа.

* Э.Триоле (1896—1970) — французская писательница. Жена Л.Арагона. Родилась в России. Первые её сочинения написаны на русском языке. *(Прим. ред.)*

** Бургос — город, где в 1936—1939 гг. находился штаб Франко. *(Прим .ред.)*

Австриец Курт Ландау, коммунист-оппозиционер, активно работал в Германии, Австрии и Франции, затем приехал в Барселону и вступил в POUM. Его арестовали 23 сентября, и он «исчез» при аналогичных обстоятельствах. Жена Ландау, Катя (она также была арестована) оставила следующее свидетельство об этих «чистках»: «Здания, принадлежавшие партии, как, например, Педрера, Пазео-де-Грасиа, казармы «Карл Маркс» и «Ворошилов», были настоящими мышеловками и разбойничьими притонами. В Педрере свидетели видели в последний раз двух товарищей из радио POUM, потом они «исчезли». Именно в коммунистические казармы отвезли молодых анархистов, там их пытали, калечили самыми невероятными способами, затем убили. Их тела были обнаружены случайно». Она цитирует статью анархо-синдикалистского печатного органа *«Solidaredad obrera»:* «Было установлено, что перед смертью их пытали варварскими способами, о чем свидетельствуют обнаруженные на телах жертв ушибы и гематомы, из-за которых животы кажутся распухшими и де-формированными<...>. По состоянию одного из трупов можно с достоверностью сказать, что пытаемого подвешивали за ноги: его голова и шея приобрели характерный ярко-фиолетовый цвет. На голове другого несчастного ясно видны следы от ударов ружейным прикладом».

Деятели POUM исчезали, и след их терялся навсегда (так, например, не был обнаружен исчезнувший Гвидо Пичелли). Джордж Оруэлл*, который добровольно вступил в одно из подразделений POUM, выжил в это, подобное Варфоломеевской ночи, время; ему пришлось скрыться и бежать. Впоследствии он описал царившую тогда в Барселоне атмосферу травли в приложении *Чем были майские беспорядки в Барселоне* к своей книге *Дань уважения Каталонии.*

Запланированные коммунистической полицией убийства совершались не только в Барселоне. В Тортосе 6 мая банда убийц вывела из карцера городской ратуши и расстреляла двадцать деятелей Национальной конфедерации труда, арестованных правительственными силами Валенсии. На следующий день в Таррагоне были хладнокровно казнены пятнадцать анархистов.

С теми, кого им не удалось ликвидировать физически, коммунисты расправлялись политическими средствами. Ларго Кабальеро, глава правительства, отказывался внять требованиям коммунистов и распустить POUM. Хосе Диас, генеральный секретарь КПИ, в мае *заявил:* «POUM должна исчезнуть из политической жизни страны». 15 мая, после столкновений в Барселоне, Кабальеро был вынужден уйти в отставку. На смену его правительству пришло правительство Хуана Негрина, «умеренного» социалиста, всецело подчинявшегося коммунистам. Все препятствия на пути реализации их целей были устранены. Негрин не только равнялся на коммунистов (именно он сообщил журналисту из "*Таймс*"* Герберту Л. Мэтьюсу, что POUM «контролируется людьми, которые не переносят <...> всего, что связано с единым верховным управлением борьбой и с общей дисциплиной»), но и одобрял террор, направленный против членов POUM[13]. Хулиан Горкин писал о происходивших радикальных переменах: «Через несколько дней после формирования правительства Хуана Негрина Орлов действовал уже так, как будто считал Испанию страной-сателлитом. Он явился в Генеральное управление безопасности и потребовал у полковника Ортеги, которого уже рассматривал как одного из своих подчиненных, ордера на арест членов Исполнительного комитета POUM»[14].

* Д. Оруэлл (1903—1950) — автор знаменитого романа *1984. (Прим. ред.)*

16 июня 1937 года Негрин запретил POUM, члены Исполнительного комитета были арестованы. Официальное запрещение позволило коммунистическим агентам действовать под прикрытием сомнительной законности.
В 13 часов того же дня Андрес Нин был задержан полицией. Никто из его товарищей не видел его больше ни живым, ни мертвым.

Приехавшие из Мадрида полицейские (более надежные, чем барселонские, — мадридская полиция целиком подчинялась коммунистам) осадили редакцию *«La Batalla»* и другие помещения POUM. Двести ее деятелей, среди них Хулиан Горкин, Аркер Хорди, Хуан Андраде, Педро Боне и др., были брошены в тюрьмы. Коммунисты, чтобы оправдать *a posteriori* ликвидацию POUM, полностью сфабриковали обвинение членов POUM в предательстве и шпионаже в пользу франкистов. 22 июня был создан специальный трибунал, и вслед за этим — развернута пропагандистская кампания. Во время обысков полицией — весьма своевременно! — были якобы обнаружены документы, подтверждавшие сфабрикованное обвинение в шпионаже. Макс Ригер (либо имя реально существовавшего журналиста, работавшего на коммунистов, либо коллективный псевдоним) поместил все эти «доказательства» в своей книге *Шпионаж в Испании,* которая распространялась на всех языках.

Андрес Нин, находившийся в руках Видали, Рикардо Бурильо и Гере, был подвержен пыткам с личным участием Орлова, но палачам не удалось ни вырвать у него «показания», которые подтвердили бы обоснованность обвинений против его партии, ни вообще заставить его подписать хоть какое-нибудь признание. Им не оставалось ничего другого, как уничтожить Нина, а затем и дискредитировать его, утверждая, что тот перешел на сторону франкистов. Убийство и клевета шли рука об руку. Открытие архивов в Москве подтвердило то, о чем друзья Нина догадывались еще в 1937 году[15].

Именно после операции с POUM (16—17 июня 1937 года) чекисты начали регулярно уничтожать всех «предателей», троцкистов и других «изменников». Для проведения операций они располагали информацией из полиции. Параллельно официальным местам заключения создавались нелегальные тюрьмы — секи (искаженное «Чека» — первое название советской политической полиции). Центральная «сека» Барселоны находилась в доме № 24 по *Avenida Pueria del Angel,* а филиал ее располагался в отеле «Колон» на площади Каталонии; кроме того, известны «секи» в бывших монастырях Аточа в Мадриде, Санта-Урсула в Валенсии, Алкала-де-Хенарес. Многие реквизированные частные дома также служили местами заключения, допросов, казней.

В начале 1938 года двести антифашистов и антисталинистов были отправлены в «секу» Санта-Урсула, которую с этого времени стали называть Дахау республиканской Испании (название, отсылавшее к первому концентрационному лагерю нацистов, где те расправлялись с политической оппозицией). «Когда сталинисты решили сделать из него секу, — рассказывает одна из жертв, — мы как раз расчищали маленькое кладбище. Чекистам пришла в голову дьявольская мысль: они оставили могилы открытыми, со скелетами и недавно захороненными разлагающимися телами, и опускали туда на много-много ночей самых непокорных заключенных. Они использовали и другие варварские пытки: так, многих заключенных подвешивали на целые сутки вниз головой. Других запирали в тесные шкафы с несколькими просверленными на уровне лица маленькими отверстиями, едва позволявшими дышать... Су-

ществовала еще более варварская пытка — ящиками. Заключенных заставляли садиться на корточки в квадратные ящики и держали в таком положении несколько дней. Некоторые так сидели без движения от восьми до десяти суток». Для выполнения этих операций советские агенты использовали всяких подонков, знавших, что их действия угодны режиму. Пасионария заявила на коммунистическом митинге в Валенсии: «Лучше осудить сто невиновных, чем оправдать одного виновного»[16].

К пыткам прибегали регулярно[17]. Так,, была пытка ванной, наполненной мыльной водой, использовавшейся как мощное рвотное средство. Технологии некоторых пыток были типично советскими, как, например, пытка сном* или водворение заключенного в «камеру-шкаф», в котором тот не мог ни сесть, ни встать, ни двигать руками и ногами. Он мог с трудом дышать, его постоянно слепила электрическая лампочка. Александр Солженицын подробно описывает такого рода камеры в том эпизоде *Архипелага ГУЛАГа,* где он вспоминает о своем прибытии на Лубянку.

Казни без суда и следствия были также обычным делом. «Лейтенант Ас-торга Вайо, работавший одновременно на *Senncio de Investigation Militar* (Службу военной разведки) и НКВД, нашел способ предотвращать побеги: так как заключенные выстраиваются шеренгами по пять человек, за каждого недостающего расстреливались четверо остальных (лейтенант угрожал также передним и задним шеренгам). Подобная тактика возмущала даже некоторых соратников Вайо. Его сняли с должности, но позднее он добился повышения и стал начальником одного из главных концентрационных лагерей Каталонии — лагеря Онельс-де-Нагайа в провинции Лерида»[18].

Количество арестов оценивается разными исследователями практически одинаково. По данным Кати Ландау, число заключенных в официальных и тайных тюрьмах составляло 15 000 (1 000 из которых — члены POUM) (19). Ив Леви, проводивший расследование на месте, говорит о «примерно десяти тысячах заключенных революционеров, штатских или солдат» из POUM, CNT, FAI. Некоторые умерли от плохого обращения, как, например, Боб Смилли, представитель Независимой лейбористской партии при POUM, или Манюель Морен (брат Хоакина Морена, выжившего в франкистском плену), погибший в *cdrcel modelo* («образцовой тюрьме»!) в Барселоне. В конце 1937 года, по свидетельству Хулиана Горкина, в тюрьме Санта-Клара находилось шестьдесят два заключенных, приговоренных к смерти.

После разгрома POUM и ловкого устранения социалистов оставались еще анархисты. В первые месяцы республиканского противостояния военному перевороту под влиянием анархистов росло количество крестьянских коллективных хозяйств, особенно в Арагоне. В 1937 году, через несколько недель после майских событий, города и деревни Арагона наводнили отряды «Штурмовой гвардии». Съезд крестьянских коллективных хозяйств был отменен, а 11 августа вышло постановление о расформировании возглавлявшего их Арагонского совета. Его президент Хоакин Аскасо, обвиненный в краже драгоценностей, был арестован и заменен губернатором Хосе Игнасио Мантеконой, членом партии левых республиканцев, а в действительности коммунистом[20]. Это была прямая атака на Национальную конфедерацию труда с целью подорвать ее влияние.

* Имеется в виду пытка, когда заключенному в течение длительного времени различными способами не дают спать. *(Прим. ред.)*

11-я дивизия, которой командовал коммунист Энрике Листер (на его счету к тому времени уже было множество преступлений, совершенных им в Кастилии: казни анархистов, насилие в отношении крестьян-коллективистов), 27-я (так называемая Дивизия Карла Маркса) и ЗО-я силой разогнали крестьянские коллективы. Сотни анархистов были арестованы и исключены из муниципальных советов, а на смену им пришли коммунисты; коллективно обрабатывавшиеся земли были разделены между бывшими владельцами. Дабы оправдать «чистки» в тылу, операция сочеталась с объявлением широкого наступления против Сарагосы*. Несмотря на гибель сотен людей, крестьяне восстанавливали свои коллективы. В Кастилии операциями против крестьян руководил знаменитый генерал-коммунист Эль Кампесино (генерал Гонсалес). По словам Се-сара М. Лоренцо[21], он превзошел в жестокости даже Листера. Снова крестьян убивали сотнями, деревни сжигали. Национальная конфедерация труда бросила свои силы на отражение этой агрессии и положила тем самым конец военной операции Эль Кампесино.

НКВД в действии

В Испании 1937 года НКВД (под видом «Группы информации») стал чем-то вроде дополнительного отдела Министерства внутренних дел. Под контролем коммунистических агентов находилось и Управление безопасности. Наиболее активный период деятельности «Службы Альфреда Херца» пришелся на весну и лето 1937 года. Самого Херца Хулиан Горкин назвал «большим специалистом по допросам и казням». Вместе с ним «работал» Хуберт фон Ранке[22] (на службе у Эрне Гере с 1930 года). Какое-то время он был, вероятно, комиссаром батальона «Тельман» Интернациональных бригад, а затем ему поручили наблюдение за германоязычными иностранцами, один из которых — Эрвин Вольф — был арестован и исчез вскоре после своего освобождения.

Катя Ландау, которую 11 сентября 1937 года арестовали два члена «Группы информации», оставила следующее свидетельство о методах фон Ранке: «Мориц Бресслер, он же фон Ранке, один из самых гнусных агентов ГПУ, сводил обвинение к ничтожному поводу. Он и его жена Сеппл Капаланц распорядились арестовать одного товарища: они подозревали, что тот знал, где находился Курт Ландау. "Если вы не сообщите его адрес, — говорили они, — вы не выйдете из тюрьмы. Это враг Народного фронта и Сталина. Как только мы узнаем, где он находится, мы его убьем"»[23].

В ночь с 9 на 10 апреля 1937 года молодой человек по имени Марк Рейн, участник движения норвежских и немецких крайних левых, исчез из своего номера в барселонском отеле. Через несколько дней друзья обнаружили его исчезновение и подняли тревогу. Марк Рейн был сыном высланного из России меньшевика Рафаила Абрамовича, руководителя II Интернационала. Известность его отца, усердие друзей и семьи, пытавшихся его разыскать, взбудоражили общественное мнение за границей и поставили республиканскую Испанию в очень затруднительное положение. Испанское правительство было вынуждено поручить одному из агентов своей разведки начать расследование, и вскоре оно, естественно, указало на «Службу Альфреда Херца» как на организатора по-

* Провинция в Испании, входящая в состав Арагона. Административный центр — город Сарагоса. *(Прим. ред.)*

хищения. Конфликт между полицией НКВД и правительством был столь сильным, что 9 июля 1937 года Государственный секретарь Министерства внутренних дел устроил при свидетелях очную ставку своему агенту (SSI-29) и обоим сообщникам — Херцу и Гомесу Эмперадору. Агента SSI-29 на следующий день арестовала служба Херца. Однако секретная служба, на которую он работал, была еще достаточно могущественна, чтобы его освободить. SSI-29 (настоящее имя Ларенцик) в 1938 году был «вычислен» и арестован франкистами, затем отдан под военный суд и казнен как агент НКВД!

Хотя дело Рейна так и не было прояснено (мы до сих пор ничего не знаем о его судьбе), но оно тем не менее привело к тому, что в июле 1937 года слишком заметная деятельность Альфреда Херца и Гомеса Эмперадора была приостановлена: их службы были распущены. Они были восстановлены позднее под руководством Викторио Сала. 15 августа министр обороны, социалист Индалесио Прието, создал *Servicio de Investigation Militar* (SIM) — службу, объединившую все группы политического надзора и борьбы со шпионажем. Вскоре SIM насчитывала уже 6000 агентов. Многих «специалистов» из службы Херца перебросили в SIM. В 1939 году Прието заявил, что SIM (предназначавшаяся в принципе для борьбы со шпионажем) была создана по инициативе СССР и что очень быстро, несмотря на принятые предосторожности[24] (службой вначале руководил друг министра), коммунисты прибрали ее к рукам и стали использовать в своих целях. Под давлением советской стороны и коммунистов 5 апреля 1938 года Прието был выведен из состава правительства.

Хулиан Горкин так описывал деятельность SIM: «Они арестовывают направо и налево - либо по собственной прихоти, либо в соответствии с планом политических репрессий НКВД. "Подозреваемого" бросают в тюрьму и фабрикуют его процесс <...>. SIM хранит досье в течение многих месяцев под предлогом получения дополнительной информации. И SIM, внушающая ужас судьям и адвокатам, вмешивается, если судья убеждается в невиновности заключенного»[25].

Бывшему механику, швейцарскому коммунисту Рудольфу Фрею, который в Москве посещал в 1931 — 1932 годах занятия Интернациональной ленинской школы, было поручено организовать переправку добровольцев в Испанию из Базеля. Он по собственному желанию уехал в Испанию в 1937 году и стал руководителем контрольной службы SIM, которой было поручено особенно пристально следить за швейцарцами[26]. Начиная с весны 1938 года многих антифашистов, находившихся в контролируемых коммунистами тюрьмах, начали посылать вместе с заключенными франкистами на фронт для принудительных земляных и других работ, которые велись в очень тяжелых условиях: без питания, медицинской помощи, под постоянной угрозой расстрела.

Карл Браунинг, один из уцелевших (ему удалось бежать), член диссидентской коммунистической группы, в декабре 1939 года, более полугода спустя после перенесенных страданий, рассказывал друзьям: «То, что мы пережили с июля, чудовищно и жестоко. Образы *Мертвого дома* Достоевского — лишь бледные копии того ужаса, что мы пережили <...>. При этом постоянное, доводящее до бредового состояния, чувство голода. От меня осталась лишь половина — кожа да кости. Я был болен и абсолютно без сил. На этой стадии стирается граница между человеком и животным. Это первая степень варварства. О! Фашисты еще многому могут научиться у этих бандитов и могут позволить себе роскошь предстать носителями культуры. Вероятно, на наших досье было помечено: "Физически уничтожить легальным способом". Что и пытались проделать до конца[27]».

«Московский процесс» в Барселоне

Несмотря на реорганизацию служб, операции по внедрению и маскировке, деятельность НКВД встречала на своем пути ряд препятствий: подвергшись жесточайшим репрессиям, POUM получила поддержку от различных революционных групп, которые образовали во Франции «Объединение защиты заключенных революционеров в республиканской Испании». Открытые общественные акции противопоставлялись, таким образом, тайным преступным действиям советских агентов. В общей сложности в Испанию отправились для проведения расследования три международных делегации. В ноябре 1937 года третьей делегации, возглавляемой членом Лейбористской партии Великобритании Джоном Макговерном и профессором Фелисьеном Шалле, удалось посетить барселонские тюрьмы, в частности «образцовые» *(carcel modelo),* где содержались пятьсот антифашистов, и собрать их рассказы о жестоком обращении с заключенными. Макговерн и Шалле добились освобождения двенадцати из них. Они также пытались проникнуть в секретную тюрьму НКВД на площади Хунты, но не смогли, несмотря даже на поддержку министра юстиции Мануэля де Ирухо. Макговерн заявил: «Маски сброшены. Мы сняли завесу и показали, в чьих руках находится настоящая власть. Министры хотели нам помочь, но это у них не получилось»[28].

С 11 по 22 октября 1938 года состоялся процесс над членами Исполкома POUM Горкином, Андраде, Хиронельей, Ровирой, Аркером, Ребулем, Боне, Эску-дером, представшими перед специальным трибуналом. Это судилище проходило по образцу сфабрикованных московских процессов, а настоящая его цель заключалась в том, чтобы подтвердить обвинения, предъявленные в СССР оппозиционерам, объединенным под словом «троцкисты». Но деятели POUM отвергли все основные пункты обвинений. Андре Жид, Жорж Дюамель, Роже Мартен дю Гар, Франсуа Мориак и Поль Риве отправили телеграмму Хуану Не-грину, в которой требовали предоставить обвиняемым все юридические гарантии. Так как обвинения опирались на показания, вырванные силой, процесс обернулся против обвинителей. Членам POUM не был вынесен смертный приговор, которого так настойчиво требовала коммунистическая пресса[29], и 2 ноября их приговорили к пятнадцати годам тюрьмы (за исключением Хорди Арке-ра, который получил одиннадцать лет, и Давида Рея, которого оправдали). Они были осуждены за то, что «ложно утверждали» в газете *«La Batalla»,* будто правительство республики выполняет волю Москвы и преследует всех тех, кто отказывается подчиняться ее приказам. И это расценивалось как признание!

Когда в марте 1939 года республика была окончательно разгромлена, последний руководитель SIM попытался выдать осужденных Франко, в надежде на то, что тот их расстреляет. Он рассчитывал, что враги республики закончат черную работу, которую не успели завершить агенты НКВД. К счастью, уцелевшим деятелям Исполкома POUM удалось спастись.

Интернациональные бригады

Борьба республиканцев вызывала сочувственный отклик во всем мире, и множество людей решили записаться в добровольцы, уехать в Испанию и, присоединившись к отрядам милиции или подразделениям вызывавших у них симпатию организаций, сражаться против националистов. Но Интернацио-

нальные бригады как таковые были созданы по инициативе Москвы и представляли собой настоящую коммунистическую армию[30] (хотя в них входили не только коммунисты). Впрочем, следует различать настоящих бойцов, сражавшихся на фронте, и людей из аппарата, которые лишь формально входили в бригады и не принимали участия в боях. Ибо история бригад не сводится лишь к героическим сражениям их бойцов.

Осенью и зимой 1936 года в Испанию стекались десятки тысяч добровольцев со всего мира. Коммунисты не допускали их в бригады без предварительной проверки. Прежде всего они стремились предотвратить проникновение в ряды Интербригад двойных агентов, франкистов, нацистов и др. Однако очень скоро (в то самое время, когда в СССР начинался Большой террор) коммунисты начали проверять политическую благонадежность добровольцев. Отделам кадров коммунистических партий было поручено вести «борьбу с провокациями», то есть изгонять всех инакомыслящих, критически настроенных и недисциплинированных. Они также пытались взять под свой контроль набор в бригады за пределами Испании: полиция Цюриха обнаружила у немецкого коммуниста Альфреда Адольфа список нежелательных добровольцев, составленный для советских агентов в Испании. В документе Исполкома Коминтерна, датированном осенью 1937 года, говорилось, что следует устранить из бригад всех политически подозрительных участников и «пристально следить за отбором добровольцев, дабы в бригады не проникли фашистские и троцкистские агенты разведывательных служб или шпионы»[31]. Показательно, что личные досье всех участников бригад, в которых содержались и сведения о политических убеждениях, хранились в ко-минтерновских архивах в Москве. Десятки тысяч досье...

Член Политбюро ФКП и секретарь Коминтерна француз Андре Марти в августе 1936 года приехал в Испанию как коминтерновский делегат при республиканском правительстве и взял на себя роль официального руководителя базы в Альбасете, где формировались Интернациональные бригады. Одновременно с бригадами коммунисты создали 5-й полк и поручили командование им Энрике Листеру, который жил в СССР с 1932 года и учился в Военной академии им. Фрунзе. SIM, разумеется, также присутствовала в Альбасете.

Вплоть до сегодняшнего дня продолжаются споры о количестве уничтоженных членов Интербригад. Одни довольствуются тем, что отрицают, несмотря на бесспорные свидетельства, ответственность Марти за казни, другие их оправдывают. Эль Кампесино впоследствии объяснял: «Видимо, ему пришлось избавиться от опасных личностей. То, что некоторых из них он *уиичгожил,бесспорно.* Но речь ведь шла о дезертирах, убийцах и предателях!»[32] Свидетельство Густава Реглера, заместителя комиссара 12-й бригады, показывает, методы какого характера использованы Марти: во время одного сражения в окрестностях Эскориала* два добровольца-анархиста пали духом. Реглер арестовал их и предложил отправить в санаторий. Он проинформировал Марти, и тот приказал доставить анархистов в Алькала-де-Хенарес. Лишь много времени спустя Реглер узнал, что в действительности речь шла не о санатории, но о месте, где находилось подразделение русских, которым было поручено совершать казни[33]. В обнаруженной в московских архивах записке, на которой стоит его собственноручная подпись, Марти обращается к Центральному комитету КПИ: «Я также сожалею, что ко мне в Альбасете присылают шпионов и фашистов, которых отправили в Валенсию и там

* Монастырь-дворец в Испании близ Мадрида. *(Прим. ред.)*

должны были казнить. Вы прекрасно знаете, что Интернациональные бригады здесь в Альбасете не могут взять на себя исполнение приговора* (34). Понятно, что казнить этих «шпионов» и «фашистов» (мы не знаем, кого имел в виду Марти) прямо на военной базе было не так просто. Во всяком случае, Марти предпочитал, чтобы эта грязная работа выполнялась кем-нибудь другим и в другом месте, что никак не снимает с него моральной ответственности.

В ноябре 1937 года Эрих Фроммельт, боец батальона «Тельман» 12-й бригады, за дезертирство был приговорен к смерти и казнен через 17 часов. Официально Фроммельт числился погибшим во время Теруэльского сражения[35]. Подобная маскировка заставляет задуматься о судьбах «дезертиров»: Роже Каду, в прошлом одному из интербригадовцев, довелось просматривать тюремные досье на членов Интернациональных бригад; при этом он обнаружил в этих документах сведения о большом количестве «смертей от переохлаждения». По его мнению, речь идет о расправах без суда и следствия. Кроме того, для арестованных интербригадовцев были отведены две тюрьмы: одна в квартале Орта в Барселоне (в 1937 году туда были отправлены 265 человек), другая — в Касте-льон-де-ла-Плана. Трудно определить, сколько человек из них было убито. Хулиан Горкин возлагает на Андре Марти личную ответственность за казни примерно пятисот «недисциплинированных» членов Интербригад или тех, кого просто подозревали в оппозиционных взглядах[36].

Приехавший из Глазго Робер Мартен свидетельствует о частоте арестов в Альбасете. Он сам был арестован и оказался в камере с семьюдесятью другими интербригадовцами, участниками боев (среди них были и раненые). Невыносимо тяжелые условия вынудили заключенных начать голодовку. Несмотря на объявление об их освобождении, всех маленькими группами отправили в Барселону. Робер Мартен и его товарищи сначала были помещены в отель «Фалькон» (бывшее здание POUM, преобразованное в тюрьму), затем в «Калье Корсига», где их сфотографировали и сняли отпечатки пальцев. Мартен, которому чудом удалось бежать, добрался до Франции. О судьбе своих товарищей он ничего не знает[37].

Социал-демократ Макс Ревентлоу рассказывает, что во время отступления республиканцев, когда националисты прорвались к Средиземному морю, бригады забрали с собой по крайней мере шестьсот пятьдесят заключенных. В Каталонии их поместили в Орту и Кастельон — две тюрьмы, находившиеся под началом у хорвата Копика, который расстрелял шестнадцать заключенных сразу же по их прибытии. В этих тюрьмах комиссия, без какого бы то ни было вмешательства правосудия, вынесла смертный приговор пятидесяти заключенным, которых расстреляли после побега пятидесяти других. Часто применялись пытки. Немецкого лейтенанта Ханса Рудольфа пытали шесть дней (ломали руки и ноги, вырывали ногти), и 14 июня 1938 года он был вместе с шестью другими заключенными убит выстрелом в затылок. Копик, который позднее предстал перед судом за шпионаж, спасся благодаря совместным усилиям его брата полковника Владимира Копика, Луиджи Лонго и Андре Марти[38].

Убив эсэсовца, немецкий депутат-коммунист Ханс Баймлер бежал из Да-хау и, добравшись до Испании, участвовал там в формировании батальона «Тельман». Он был убит 1 декабря 1936 года в Паласете. Густав Реглер утверждал, что Баймлер стал жертвой франкистов. Эту версию опровергла подруга Байм-лера Антония Штерн (у нее отобрали все документы, а затем выслали из Испа-

нии). Она считает, что Баймлср, по всей видимости, критиковал первый московский процесс и к тому же вступил в контакт с бывшими руководителями
КПГ Аркадием Масловым и Рут Фишер, которые возглавляли оппозиционную группу в Париже. Пьер Бруэ, основываясь на докладе *Servicio Secreto Inteligente* — специального департамента каталонской полиции, располагавшего осведомителями в рядах коммунистов, — склоняется к версии убийства[39].

В Интернациональные бригады вступали в порыве солидарности и благородства множество мужчин и женщин, готовых пожертвовать жизнью ради высоких идеалов. Сталин и его службы в очередной раз цинично воспользовались этим порывом, а затем оставили Испанию и бригады на произвол судьбы: Сталин уже шел на сближение с Гитлером.

Ссылка и смерть на «родине пролетариев»

После поражения республиканцев в марте 1939 года в Париже был создан комитет, руководство которым поручили Тольятти и который должен был отбирать тех испанцев, кому разрешалось уехать на «родину пролетариев». Эль Кампесино оставил свидетельство о том, как проходил его отъезд в СССР[0]. Он отплыл из Гавра 14 мая 1939 года на пароходе *Сибирь* (вместе с ним на пароходе находились триста пятьдесят человек члены Политбюро и Центрального комитета КПИ, коммунистические депутаты, командиры 5-го полка и около тридцати командиров бригад) и, приехав в СССР, присутствовал при воссоздании комитета под эгидой НКВД. Функция этого нового комитета заключалась в том, чтобы контролировать испанских беженцев (3 961 человек), которых сразу же разделили на восемнадцать групп и разослали в разные города. В изгнании большинство испанских руководителей шпионили и доносили на своих соотечественников, как, например, бывший секретарь одного из местных комитетов КПИ, в результате доносов которого была арестована половина испанской группы в Харькове, или другой аппаратчик, стараниями которого в Сибирь были отправлены большие группы испанских инвалидов. Эль Кампесино, которого выгнали из Военной академии им. Фрунзе за «троцкизм», начал в марте 1941 года работать в московском метро. Позднее его выслали в Узбекистан, затем в Сибирь, а в 1948 году ему удалось бежать и добраться до Ирана.

19 марта 1942 года в Тбилиси Хосе Диас, генеральный секретарь КПИ, выпал из окна четвертого этажа именно в тот момент, когда его жены и дочери не было дома. Как и многие его соотечественники, Эль Кампесино был убежден, что это не что иное, как убийство. Накануне своей смерти Диас (который казался разочарованным) работал над книгой, где делился своим опытом, а за некоторое время до этого он послал властям возмущенные письма, протестуя против того, как обращались с детьми в тбилисской колонии.

Во время гражданской войны тысячи испанских детей от пяти до двенадцати лет были вывезены в СССР[1]. После разгрома республики условия их жизни резко изменились. В 1939 году испанские учителя были обвинены в «троцкизме» и, по свидетельству Эль Кампесино, 60% из них были арестованы и помещены на Лубянку, в то время как других послали работать на заводы. Одну молодую учительницу пытали около двадцати месяцев и потом расстреляли. Детей постигла незавидная участь — колониями стали управлять советские начальники. Особенно недисциплинированные дети калужской колонии попали под начало всемогущих Хуана Модесто (генерала, который «проходил практику» в 5-м

полку) и Листера[42]. В 1941 году, по словам Хесуса Эрнандеса, 50% детей были больны туберкулезом, а 15% (семьсот пятьдесят человек) умерли еще до массовой эвакуации в июне 1941 года. В эвакуации дети очутились на Урале, в Центральной Сибири и Средней Азии, в частности в Коканде. Они организовывали воровские шайки, девочки занимались проституцией. Некоторые кончали жизнь самоубийством. По свидетельству Хесуса Эрнандеса, из 5000 детей 2000 умерли[4']. В 1947 году в честь десятой годовщины своего приезда в СССР 2000 молодых испанцев собрались на торжественную церемонию в Московском оперно-драматическом театре им. КС. Станиславского. В 1956 году 534 из них возвратились в Испанию; в общей сложности лишь 1500 испанцев, вывезенных в СССР детьми, вернулись на родину.

Другие испанцы тоже познали «жизнь и смерть в СССР». Речь идет о летчиках и моряках, которые, не будучи коммунистами, добровольно приезжали в СССР на учение. Эль Кампесино узнал о судьбе 218 молодых летчиков, приехавших в 1938 году на шести-семимесячную стажировку в Кировабад. В конце 1939 года полковник Мартинес Картон, член Политбюро КПИ, поставил их перед выбором: либо оставаться в СССР, либо уехать за границу. Те, кто решил покинуть Союз, были отправлены на заводы. 1 сентября 1939 года все они были арестованы по сфабрикованным обвинениям. Некоторых пытали, других убили на Лубянке, но большинство были приговорены к десяти или пятнадцати годам лагерей. Из группы, отправленной в Печор-лаг, в живых не остался никто. В конечном итоге из этих 218 летчиков выжили только шесть человек.

В 1947 году некоторым беженцам удалось покинуть Советский Союз. Тем, кто остался, предложили подписать обязательство о невыезде из СССР. В апреле 1948 года Хосе Эстер (политический заключенный № 64553 в Маут-хаузене) и Хосе Доменеч (политический заключенный № 40202 в Нойенгам-ме) провели пресс-конференцию в Париже от имени Испанской федерации политических заключенных, где предали гласности сведения о заключенных лагеря № 99 в Караганде (Казахстан), расположенного к северо-западу от озера Балхаш. Они сообщили имена 59 заключенных, среди которых были 24 пилота и 33 моряка. В манифесте от 1 марта 1948 года оба бывших заключенных так объясняли свою позицию: «Это наш несомненный долг, это несомненный долг всех тех, кто познал голод, холод и отчаяние под инквизиторской властью гестапо и СС, это обязанность каждого гражданина, который понимает слова «Свобода» и «Права человека» так, как их определяет закон, — из солидарности настойчиво требовать и добиваться освобождения людей, которым угрожает верная смерть».

После Второй мировой войны коммунисты и их спецслужбы продолжали уничтожать оппозиционеров. Хуан Фарре Гассо, бывший глава POUM Лериды, участвовал во французском Сопротивлении. Он был арестован при режиме Виши и посажен в тюрьму в Муасаке, а после освобождения собирался поехать к своей жене в маленькую деревушку французской Каталонии. По дороге в Монтобан Гассо был схвачен партизанами-коммунистами и казнен без суда и следствия[44]. Это убийство было продолжением одного из самых мрачных явлений испанской гражданской войны — практики убийств и «ликвидаций», жертвами которых становились тысячи самых решительных и мужественных антифашистов. Пример Испании показывает, что криминаль-

ная и полицейская деятельность коммунистов была неотделима от реализации их политических целей. Верно, что в Испании в период между двумя войнами регулярно применялись политическое насилие и насилие в отношении общества (чему всячески способствовала гражданская война). К тому же СССР, добиваясь под прикрытием борьбы с фашизмом своих целей, давил на Испанию всем весом могущественного Государства — Партии, которое само родилось из войны и насилия.

Очевидно, что главная цель Сталина и его эмиссаров состояла в осуществлении контроля над Республикой. Для достижения этой цели уничтожение левых оппозиционеров — социалистов, анархо-синдикалистов, членов POUM, троцкистов — было не менее важно, чем военное поражение Франко.

3

Реми Коффер

Коммунизм и терроризм

В 20—ЗО-е годы международное коммунистическое движение отдавало все силы на подготовку вооруженных восстаний, но все они потерпели поражение. Тогда коммунисты отказались от этой деятельности и, воспользовавшись проходившими в 40-е годы национально-освободительными войнами против нацизма и японского милитаризма, а также вспыхнувшими в 50—60-е годы войнами за деколонизацию, стали создавать настоящие военные подразделения — партизанские группы, которые постепенно превращались в регулярные войска, в настоящие красные армии. В Югославии, Китае, Северной Корее, затем во Вьетнаме и Камбодже такая стратегия позволила коммунистическим партиям захватить власть. Однако неудачи партизан в Латинской Америке (им противостояли сформированные американцами спецвойска) подтолкнули коммунистов вновь приняться за террористическую деятельность, которой они вплоть до этого момента занимались не часто (взрыв в Софийском соборе в 1924 году — исключение). Разница между чистым терроризмом и подготовкой к возможному вооруженному восстанию весьма относительна — часто на местах этим занимались одни и те же люди, даже если речь шла о двух разных задачах. Эти формы деятельности не исключают одна другую. Многие национально-освободительные войны (если воспользоваться общеупотребительной терминологией) охотно сочетали в своих вооруженных действиях терроризм и партизанскую войну, подобно, например, Фронту национального освобождения (ФНО) и Армии национального освобождения в Алжире.

Последний пример интересен тем, что партизаны французского Алжира видели в националистическом восстании прямой результат манипуляций Москвы и находили этому дополнительное подтверждение в том факте (надлежащим образом доказанном), что во время сражения в столице Алжира (в 1956—1957 годах) Алжирская коммунистическая партия предоставила в распоряжение Ясефа Саади, главы ФНО столицы, своих лучших специалистов по взрывным устройствам.

Означало ли это подчинение националистического движения коммунистам? События на месте говорят о противоположном: Алжирская компартия была вынуждена согласиться на унизительные условия ФНО. Что же касается внешних сношений, то ФНО совершенно открыто пользовался политической поддержкой СССР. Однако, не считая нескольких очень ограниченных операций своих спецслужб, Москва остерегалась напрямую вмешиваться в конфликт ФНО с Францией. Оружие ФНО поставляли насеровский Египет, титовская Югославия и — со стороны Восточного блока—действовавшая «по доверенности»

Чехословакия (некоторые руководители ФНО также обучались чехословацкими специалистами современным методам работы в подполье). СССР предпочел оставаться в стороне. Предчувствовали ли там, что в будущем Алжир, хотя и станет очень близок политически, но так же сильно будет стремиться к своей независимости? Реальность такова, что московские спецслужбы так и не получили доступа в святая святых нового режима, органы военной безопасности, — в отличие от ситуации с DGI* на Кубе.

Подобную же осторожность СССР проявил и в отношении национального движения в Ирландии. «Республиканизм», взятый на вооружение Ирландской республиканской армией (IRA, *Irish Republican Army),* основанной в Дублине во время неудавшегося восстания в апреле 1916 года, оставался характерной для Ирландии чертой. Не забывая о социальных вопросах, идеологи IRA ставили национальную проблему (после 1921 года ею стало воссоединение острова, при этом предполагалось отобрать у Британской короны шесть северных графств) в центр любой акции. Зато просоветские официальные лица, которые в 1933 году объединились в *Коммунистическую партию Ирландии* (КПИ), все больше отдалялись от чисто национальных интересов и выдвигали на первый план лишь «классовую борьбу».

Чтобы сражаться с англичанами, армии IRA требовалось оружие. В период между двумя войнами она старалась получить его у СССР. Несколько раз Москва вежливо уклонялась от этих неоднократно возобновлявшихся просьб: казалось неразумным снабжать оружием слишком независимых ирландцев, рискуя тем самым открыто вступить в конфликт с Великобританией. Тот факт, что несколько сот членов подпольной организации вступили в испанские Интернациональные бригады, никак не повлиял на ситуацию. В 1939—1940 годах, когда IRA начала новую серию терактов, взрывая бомбы даже в самой Англии, в ее наиболее секретное подразделение, состоявшее из маленькой группы националистических деятелей —протестантов (а значит, наименее подозреваемых), проникли агенты из коммунистического аппарата, возрожденного к жизни Бетти Синкле**. Диверсионные группы во всей Европе, как, например, сеть Эрнеста Вольвебера, были готовы напасть на немецкие, а также на британские и французские корабли. В данном случае Москва намеревалась использовать IRA: разрушая военные корабли Ее Величества, подпольная организация могла бы замаскировать тем самым советские антианглийские операции. Дело, однако, в конце концов провалилось. Из всего этого Москва вынесла некоторое чувство недоверия по отношению к ирландцам, готовым вступить в любой союз, лишь бы получить необходимое им оружие, но наотрез отказывавшимся идти на уступки, подчиняя свою стратегию стратегии другой стороны. В самом начале 70-х годов, после восстания католических гетто в Северной Ирландии, IRA снова выступила с оружием в руках против британцев. Вразрез с утвердившейся легендой ее оружие и взрывчатые вещества, которые она активно использовала, не имели никакого —ни прямого, ни косвенного — отношения к Советскому Союзу. В действительности источники помощи находились и поныне находятся за Атлантикой, внутри ирландско-американской общины (а не в странах Восточного блока).

* Кубинские спецслужбы. *(Прим. ред.)*

** С началом Второй мировой войны Ирландская коммунистическая партия официально прекратила свое существование. Ее наследницей стала Ирландская рабочая партия, созданная в 1948 году. *(Прим. ред.)*

Итак, «рука Москвы» была не вездесуща, что, однако, никак не преуменьшает той активной роли, которую СССР играл на Ближнем Востоке, поддерживая некоторые формы терроризма. Исходя из того, что национально-освободительное движение палестинских организаций похоже на деятельность алжирского ФИО, СССР очень рано открыто признал *Организацию освобождения Палестины* (ООП) Ясира Арафата и основную составляющую ее часть — Аль-Фатах. Но одновременно КГБ пристально наблюдал *за Народным фронтом освобождения Палестины* (НФОП) доктора Жоржа Хабаша, воплощавшим другую тенденцию палестинского национализма. Причисляя себя к марксистам-радикалам, участники этого хорошо структурированного движения без колебаний брали на себя ответственность за террористические акты и сенсационные угоны пассажирских самолетов. Их стратегия, продемонстрированная в июле 1968 года угоном «боинга» компании «Эль-Аль», затем в декабре террористическим актом в афинском аэропорту, достигла своего апогея в 1970 году — непосредственно перед разгромом палестинцев войсками иорданского короля Хусейна. На временном аэродроме Зарки члены НФОП угнали вместе со всеми пассажирами, взятыми в заложники, «боинг» авиакомпании TWA, «ДС-8» швейцарской авиакомпании и «вискаунт ВС-10» авиакомпании ВОАС, а затем взорвали самолеты.

Один из руководителей организации, Найдж Хаватма, обеспокоенный ее слишком ярко выраженной тенденцией к террористической деятельности, решил отделиться и создал в 1970—1971 годах НДФОП *(Народно-демократический фронт освобождения Палестины).* Во имя необходимости «работать с массами» и «пролетарского интернационализма» его организация, все более и более равнявшаяся на позиции ортодоксальных коммунистов, публично отреклась от практиковавшегося ею одно время терроризма. НДФОП, таким образом, выглядел как лучший палестинский союзник коммунистов. Но так только казалось: КГБ усиливал свою поддержку НФОП. Одновременно доктора Хабаша «обошел» «ответственный за внешние операции», его правая рука Вадди Хаддад, бывший стоматолог-хирург, окончивший американский университет в Бейруте.

Пьер Марион, бывший глава французских спецслужб DGSE, считает Хаддада истинным изобретателем современного терроризма: «Именно он придумал его структуры, именно он воспитал его главных руководителей, именно он усовершенствовал методы вербовки и обучения террористов, именно он отшлифовал тактику и технику терроризма»[1]. В конце 1973 — начале 1974 года Хаддад отделился от НФОП и создал свою собственную структуру НФОП-КВО (Командование внешними операциями), всецело предназначавшуюся для международной террористической деятельности, в то время как организация Хабаша одновременно с терроризмом пыталась организовывать партизанские операции против израильской армии и работу с массами в лагерях палестинских беженцев.

КГБ, однако, решил поддержать НФОП-КВО, о чем свидетельствует его откровенное сообщение, которое было отправлено 23 апреля 1974 года лично Л.И. Брежневу (№ 1071 — 1/05):

> «Комитет Госбезопасности с 1968 года эффективно поддерживает тайные сношения с Вадди Хаддадом, членом Политбюро НФОП, ответственным за внешние операции НФОП.
>
> В апреле прошлого года во время своей встречи с главой сети КГБ в Ливане Вадди Хаддад конфиденциально представил проект подрывной

и террористической деятельности НФОП, основные пункты которого изложены ниже».

После чего следовал список намеченных целей, террористических и диверсионных актов на израильской территории, нападений на ювелирные хранилища, покушений на израильских дипломатов, теракты на нефтяных установках и супертанкерах в Саудовской Аравии, Персидском заливе и даже Гонконге.

Далее уточнялось:

«В. Хаддад просит нас помочь его организации добыть некоторые типы специального оборудования, необходимого для подрывной деятельности. Сотрудничая с нами и прося нас о помощи, В. Хаддад прекрасно знает, что мы в принципе осуждаем террор, и не обсуждает вопросы, связанные с этой стороной деятельности НФОП. Характер отношений с В. Хаддадом позволяет нам контролировать в некоторой степени деятельность службы по внешним операциям НФОП, влиять на него в интересах СССР и осуществлять, соблюдая необходимую секретность, посредством этой организации выгодные нам активные операции».

Показательный пример двуличия. Заключение вытекало само собой: к чёрту принципы, пока мы можем безнаказанно наносить удары противнику, не будучи уличены. Этот документ был передан Суслову, Подгорному, Косыгину и Громыко и одобрен 26 апреля 1974 года[2].

Лучшим учеником Вадди Хаддада был молодой венесуэлец Ильич Рами-рес-Санчес, более известный под псевдонимом Карлос. Им обоим пришлось работать с уцелевшими участниками азиатской террористической группы — «Японской Красной армии», история которой очень поучительна. ЯКА была создана в конце 60-х годов, в момент радикализации японского студенческого движения и взлета маоистской волны, и быстро вошла в контакт с агентами Северной Кореи (корейская община на японском архипелаге была значительной). Эти последние обучали руководителей ЯКА террористическим методам и поставляли им оборудование. Но им не удалось предотвратить кровавую вендетту, вспыхнувшую внутри движения между «уклонистами» и «ортодоксами» в самом начале 70-х годов. В результате произошел раскол. Часть руководителей ЯКА перешли со всем своим оружием и имуществом на службу к северным корейцам. Укрывшись в настоящее время в Пхеньяне, они играют роль деловых людей и посредников между Северной Кореей и Западом. Другая часть решила еще более интернационализировать свою деятельность и примкнула к Вадди Хаддаду. Так, три члена ЯКА в мае 1972 года по заданию НФПО устроили резню в аэропорте Лод-Тель-Авив, в результате чего были убиты 28 человек

Тот факт, что НФОП-КВО тесно сотрудничал со швейцарским нацистским банкиром Франсуа Жену (сообщил об этом, основываясь на признаниях последнего, Пьер Пеан в книге *Экстремист),* совершенно не смущал КГБ[3]. Точно также последний не имел ничего против деятельности Карлоса, работавшего в начале на НФПО-КВО, а затем на свою собственную организацию.

Карлос и его отношения примерно с пятнадцатью секретными службами арабских стран и стран Восточного блока

По его собственному признанию, сделанному судье Бругьеру, Ильич Рамирес-Санчес, сын венесуэльского адвоката, великого почитателя Ленина (своих трех сыновей он назвал соответственно Владимиром, Ильичом, Ульяновым), в первый раз встретился с членом НФОП Рифээтом Абулом Ауном в 1969 году в Москве, где будущий Кар-лос смертельно скучал, изучая в Университете им. Лумумбы марксизм-ленинизм, физику и химию. Кэрлос, недовольный слабой активностью латиноамериканских коммунистических партий, чувствовал себя готовым к рискованным предприятиям и решительным действиям. К ним он и приступил, когда приехал в Иорданию и примкнул к НФОП-КВО. После периода обучения, в начале 1971 года он начинает действовать. Карлос свободно передвигается по Европе и совершает ряд дерзких террористических актов с человеческими жертвами.

27 июня 1975 года Карлос* убивает в Париже двух полицейских из Управления по территориальному надзору, а третьего смертельно ранит. В декабре он повел ударную группу на штурм венских помещений ОПЭК (Организация стран — экспортеров нефти). В итоге — трое убитых и билет на самолет в Алжир. Карлос в сопровождении членов своей команды (немцев из движения левых радикалов — революционных ячеек, возглавляемых Йоханном Вайнрихом) посещает Ливию, Йемен, Ирак, а также Югославию. В ГДР же службы Министерства государственной безопасности (MFS, Ministerium fr Staatssicherheit), или просто Штази, пристально наблюдали за этим экстремистом, способным на самые дерзкие предприятия.

В «Штази» его организация значилась под кодовым названием «Сепарат». В 1980 году главе «Штази» генералу Эриху Мильке было отправлено сверхсекретное досье, которое называлось: «Проект о методах действия MFS в отношении группы Кэр-лоса и контроля над ней». Бернар Виоле в своей снабженной многочисленными документами биографии Карлоса" пишет: «Вайнрих и Копп (соответственно — заместитель и подруга Карлоса) не являются, собственно говоря, агентами «Штази». Они не выполняют заданий по его распоряжению, им не платят за разведывательные операции в интересах ГДР. Зато именно через них осуществляется связь между восточно-германскими спецслужбами и другими членами группы». И добавляет, назвав в алфавитном порядке их восточно-германских «связных» (полковников Гарри Дала, Хорста Франца, Понтера Якеля и Хельмута Фойхтэ), что «Карлос полностью в курсе отношений, которые двое его друзей поддерживают с этими самыми службами».

Контакты Карлоса с немцами не помешали ему завязать тесные контакты с румынами и не давать покоя венгерский государственной безопасности в Будапеште, которую он рассматривал как свою тыловую базу. Группа Карлосэ, переименованная в «Организацию вооруженной борьбы за арабское освобождение» (или «Вооруженная рука»), совершает все больше смертоносных террористических актов. Так, полковник «Штази» Фойхт говорит об активном участии «Сепарат» в террористическом акте (при совершении которого два человека были убиты), организованном 25 августа 1983 года в Ломе Франции в Западном Берлине другой террористической группой, связанной с Восточным блоком и располагавшейся в Бейруте, —ТАОА (Тайной армией освобождения Армении).

* Именно в Париже состоялся знаменитый процесс над Карлосом, после того как он был, наконец, пойман и арестован в 1995 году. Карлос был осужден на пожизненное заключение. (Прим. ред.)

Может показаться удивительным, что MFS проявляло такую снисходительность в отношении своего протеже, который не приносил ему никакой выгоды. Решение было принято в самых верхах пирамиды «Штази». Говорили (но это психологическое объяснение ничем не было подтверждено), что Эрих Мильке, бывший руководителем боевых групп довоенной КПГ, обвиненный в убийстве двух берлинских полицейских, узнал себя в личности венесуэльского террориста — так же, как и в членах «Баадеровской группы». Видимо, следует копать глубже и искать более «объективные» общие интересы, которые могли бы объединять группы, связанные с международным терроризмом, и MFS. Гипотеза о романтико-революционных взглядах Мильке и восточно-германских руководителей кажется малоубедительной: тот факт, что Карлос постоянно поддерживал связи примерно с пятнадцатью секретными службами социалистических стран и арабского мира, не мог, конечно же, объясняться простой случайностью.

Терпимость коммунистических стран по отношению к экстремистам ближневосточного сектора распространялась не только на Карлоса. Абу Ни-даль и его Революционный совет, непримиримо враждебно настроенные против Ясира Арафата и ООП и работавшие сначала на Ирак, а затем на Сирию, также встречали снисходительное отношение со стороны коммунистов (хотя и в меньшей степени — их считали плохо поддающимися контролю). Тем не менее заболевший Абу Нидаль был тайно прооперирован под защитой «железного занавеса».

Другой пример непосредственного участия стран Восточного блока в меж-дународном терроризме — деятельность *Rote Armee Fraktion* (RAF, называемой в прессе «Баадеровской группой») в Германии. Эта маленькая организация, зародившаяся в студенческой среде, насчитывала около пятидесяти активных членов (своим влиянием она охватывала примерно тысячу человек) и развернула в 70-е годы ярко выраженную террористическую деятельность, направленную, в частности, против американских интересов. После 1977 года, убийства «патрона патронов» восточных немцев Ханса Мартина Шлейера и смерти в тюрьме руководителей RAF Ульрике Майнхофа и Андреаса Баадера ее члены нашли убежище по ту сторону Берлинской стены, всё больше подчиняясь «Штази» и становясь чем-то вроде её тайной «вооруженной руки». После падения Стены и воссоединения Германии последние уцелевшие члены этой организации были арестованы.

Манипулирование партизанами и террористическими группами вовсе не простое дело. Оно требует ловкости и политического чутья. Быть может, именно поэтому КГБ, осознававший трудность этой задачи, в 1969— 1970 годах решил — в лице одного из самых блестящих своих сотрудников, Олега Максимовича Нечипоренко, — создать практически из ничего, с помощью северных корейцев, движение *Movimiento de Accion Revolucionaria* (MAR), которое подчинялось вышеназванному Нечипоренко. Позднее (в 1971 году) оно было уничтожено мексиканской полицией[5]. Несомненно, цель столь дерзкого маневра заключалась в том, чтобы защититься от пустых обещаний, недисциплинированности и других рискованных инициатив кастровских и промаоистских групп. Некоторые из них ускользнули от своих предполагаемых кураторов. Испанский революционный антифашистский патриотический фронт (FRAP) заигрывал одно время с китайцами, затем в начале 70-х годов с албанцами в тщетной надежде получить оружие, позднее он от них отошел и создал Группы

антифашистского сопротивления 1-го октября (GRAPO). Что же касается перуанской террористической группы Абимаэля Гусмана «Светоносный путь», то вначале она объявила себя сторонницей радикального маоизма и, в частности, «продолжительной народной войны», а затем испытывала глубокое отвращение к Дэн Сяопину и к новым руководителям Пекина. В декабре 1983 года она даже попыталась напасть на китайское посольство в Лиме!

В некоторых весьма редких случаях (в послевоенной ситуации риск был слишком велик) коммунистические страны через свои спецслужбы непосредственно участвовали в совершении террористических актов. Так, в ноябре 1987 года двое северокорейских агентов (старый опытный руководитель Ким Сенъиль и молодая женщина Ким Хьюнхи, учившаяся в течение трех лет в Военной академии Кимсун) подложили на борт корейского самолета Южно-Корейских авиалиний, совершившего промежуточную остановку в Абу-Даби и направлявшегося в Бангкок, транзисторный приемник со взрывчаткой. Взрыв унес жизни ста пятнадцати человек. Ким Сенъиль, которого вычислили, покончил жизнь самоубийством, в то время как арестованная Ким Хьюнхп во всем созналась и даже написала книгу[6] — трудно пока судить, где в ней правда, а где нет. Во всяком случае, надо признать реальность такой, какова она есть: Северная Корея в конце 90-х годов — безусловно оставалась единственной коммунистической страной, которая регулярно занималась государственным терроризмом.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА — ЖЕРТВА КОММУНИЗМА

1

Анджей Пачковский

Польша, «нация — враг»

СОВЕТСКИЕ РЕПРЕССИИ В ОТНОШЕНИИ ПОЛЯКОВ

Поляки являются одним из народов, в наибольшей степени подвергшихся репрессиям со стороны советских властей, хотя общеизвестно, что организатором аппарата советского террора был поляк Феликс Дзержинский, и в руководящем составе «органов» — будь то ВЧК, ОГПУ или НКВД — насчитывалось немало его соотечественников. Истоки столь странной «привилегии» для представителей «враждебной нации» сложны и неоднозначны. Как представляется, кроме обычных механизмов функционирования советской репрессивной системы определенную роль здесь сыграла и традиционная вражда между двумя странами. Недоверие советских руководителей к Польше и полякам, в частности особенно подозрительное отношение Сталина к этой стране, сложилось на основе многовековых исторических конфликтов. В период между 1772 и 1795 годами Польша пережила три раздела, в ходе которых царской империи всякий раз доставалась львиная доля польской территории. Два национально-освободительных восстания поляков против российских угнетателей — 1830 и 1863 годов — были жестоко подавлены. С этого времени носителями идей патриотизма и борьбы против иноземных захватчиков — и российских, и прусских — становятся дворянство и католическое духовенство. Война 1914 года и почти одновременное падение трех империй — Германской, Российской и Австро-Венгерской, угнетавших Польшу на протяжении более ста лет, — стали важнейшей исторической вехой, обозначившей начало национального возрождения страны. Легионы добровольцев во главе с Юзефом Пил-судским, отстаивающие эту едва обретенную независимость, оказались, однако, явно неугодными большевикам, которые рассматривали Польшу как препятствие на пути экспортирования революции в Германию.

Летом 1920 года Ленин направил войска Красной Армии на Варшаву. Этот дерзкий маневр чуть было не увенчался успехом, но неожиданно бурный всплеск национального самосознания обеспечил полякам победу, и Советская Россия вынуждена была подписать мирный договор в 1921 году на весьма выгодных для Польши условиях. Сталин, проявивший в те далекие дни военный непрофессионализм, стоивший Красной Армии поражения, всегда помнил о пережитом бесчестье, за что и поплатились впоследствии подвергшие его критике Троцкий, руководивший тогда Красной Армией, и маршал Тухачевский (в то время командующий Западным фронтом). Так становится понятным особо предвзятое отношение советских лидеров, и особенно Сталина, к Польше, полякам и ко всем общественным силам, так или иначе способствовавшим восстановлению независимости: дворянству, армии и духовенству.

Поляков не спасало даже советское гражданство — где бы они ни жили, им довелось пройти все стадии сталинского террора: шпиономанию, раскулачивание, борьбу против религиозных и национальных меньшинств, Большой террор, «очистку» пограничных зон и тылов Красной Армии, многочисленные «усмирения» для передачи власти в руки польских коммунистов со всеми вытекающими последствиями: принудительными работами в трудовых лагерях, расправами над военнопленными, массовыми депортациями «социально опасных» элементов...

Дело ПОВ и «польская операция» НКВД (1933-1938)

К 1924 году, когда процесс массовой репатриации, проводившейся в соответствии с положениями Рижского мирного договора 1921 года, уже близился к завершению, на территории СССР проживало примерно 1 100 000 — 1 200 000 поляков. Большинство из них (900 000 — 950 000) были жителями Украины и Белоруссии; около 80% составляли потомки крестьян, переселенных в ходе польской колонизации XVII—XVIII веков. Несколько польских общин насчитывалось в крупных городах, таких как Киев и Минск. В самой России проживало 200 000 поляков, в основном в Москве, Ленинграде, Сибири и Закавказье, несколько тысяч из них были коммунистами-эмигрантами, примерно столько же — гражданами Польши, принимавшими участие в революционных действиях на стороне красных и не пожелавшими возвращаться на родину. Остальные оказались в России в результате экономической эмиграции, неизбежно сопутствующей переломным этапам истории.

Недружелюбие между двумя странами сохранялось и после заключения Рижского мирного договора и установления дипломатических отношений. На фоне недавних событий советско-польской войны 1920 года коммунистами повсюду насаждалась идея о «пролетарской крепости», осаждаемой империалистами. Неудивительно, что в такой международной обстановке многие поляки стали удобными мишенями и пополнили собой список жертв «охоты на шпионов». За 1924—1929 годы таких подозреваемых расстреливали сотнями, хотя истинными шпионами оказывались единицы. Тогда же советский режим развернул широкую антирелигиозную кампанию — преследованиям подверглись сотни католиков, десятки из них были расстреляны или пропали без вести. По сравнению с гонениями на Русскую Православную Церковь репрессии подобного масштаба выглядят малозначительными, тем не менее речь идет о разрушении института Церкви как такового — духовной и культурной основы мироощущения большинства польских крестьян.

Эти крестьяне фигурируют и среди жертв коллективизации. В соответствии с принятой тогда официальной классификацией 20% крестьян были признаны «кулаками», чуть большее их число — «подкулачниками». Поляки, проживавшие на территории Украины, оказали властям сопротивление, которое было подавлено самым жестоким образом: по не до конца уточненным данным, численность проживавших в этих регионах поляков только за 1933 год уменьшилась на 25%. На территории Белоруссии процесс раскулачивания польских крестьянских хозяйств протекал относительно бескровно.

Если не считать репрессий против «польских шпионов», то эти преследования явились закономерным следствием общего хода «классовой борьбы»,

включающей антирелигиозную борьбу и коллективизацию. Однако коллективизации показалось недостаточно, и появился новый повод для репрессий: в период между 15 августа и 15 сентября 1933 года по приказу властей было арестовано около двадцати польских коммунистов, в основном эмигрантов, один из которых был членом политбюро Коммунистической партии Польши (КПП). За этими арестами последовали новые. Общая формулировка обвинения была следующей: принадлежность к «шпионской вредительской организации ПОВ».

Польска Организация Войскова (ПОВ), основанная в 1915 году Юзефом Пилсудским для тайной деятельности против Австро-Венгрии и Германии, в 1918—1920 годах использовалась в разведывательных целях на территориях, охваченных Гражданской войной, в частности на Украине. Деятельность организации завершилась в 1921 году. Члены ПОВ в большинстве своем придерживались левых взглядов, среди них насчитывалось немало представителей Польской социалистической партии (ППС). Некоторые порвали с социалистами и вступили в ряды коммунистической партии. К 1933 году ПОВ уже не существовало. Тем не менее множество поляков были арестованы по ложному обвинению в принадлежности к ПОВ, некоторым был вынесен смертный приговор — так погиб известный поэт-авангардист Витольд Вандурский, другие — были замучены в тюрьмах. Уцелевшие заключенные были расстреляны в период Большого террора.

На протяжении долгих лет «дело ПОВ» служило питательной средой для внутренней борьбы в Коммунистической партии Польши: клеймо «провокатора ПОВ» было столь же опасным для жизни, как и звание «троцкиста». Еще более важный момент — составленные ОГПУ (впоследствии ГУГБ НКВД) списки поляков, работавших в тот период в советских административных органах, Коминтерне и службе госбезопасности. Показательно, что к этим спискам добавили перечень поляков, проживавших на Украине и в Белоруссии, в двух польских автономных районах. Первый, на территории Украины, носивший имя Юлиана Мархлевского (одного из создателей КПП, умершего в 1925 году), был образован в 1925 году; второй появился в 1932 году и был назван в честь Феликса Дзержинского. В каждом районе была своя местная администрация, пресса, театры, школы, издательства на польском языке, вместе они составляли включенную в состав СССР «советскую Польшу».

В сентябре 1935 года по Киеву, Минску и Москве прошла волна арестов, призванных, согласно официальной версии, положить конец так называемой агентурной сети ПОВ. Одновременно с этой акцией началась ликвидация польской региональной автономии. Аресты функционеров НКВД польского происхождения начались в 1936—1937 годах и были частью Большого террора. Сначала судебному преследованию подверглись верховные иерархи органов госбезопасности, затем стали допрашивать и рядовых членов. На пленуме Центрального комитета ВКП(б) в июне 1937 года Н. Ежов проинформировал присутствующих о том, что ПОВ «внедрилась в советские разведывательные органы» и что НКВД удалось «раскрыть и ликвидировать крупнейшую из польских подпольных шпионских организаций». Сотни поляков были интернированы, включая большинство руководителей КПП, предъявленные обвинения впоследствии подкреплялись признаниями, вырванными на допросах.

Летом 1937 года НКВД провел очередные репрессии против национальных меньшинств — сначала против немцев, затем против поляков. 11 августа Ежов подписал оперативный приказ № 00485 «О *полной ликвидации...* личного состава польской агентурной разведки, действующей в СССР».

Решение НКВД и Совета Народных Комиссаров от 15 ноября 1938 года положило конец «польской операции», за которой, впрочем, последовала «чистка» рядов самих сотрудников НКВД, участвовавших в операции. Репрессии коснулись не только партийных руководителей (были расстреляны 46 членов Центрального комитета и 24 кандидата), но и простых граждан — рабочих и, в большей мере, крестьян. Согласно донесению НКВД от 10 июля 1938 года, число заключенных польского происхождения составляло 134 519 человек, около 53% из них были жителями Украины и Белоруссии. От 40% до 50% из них были расстреляны (что составило примерно от 50 000 до 67 000 жертв[1]), оставшиеся в живых — отправлены в лагеря или депортированы в Казахстан.

Поляки составили 10% от общего числа жертв Большого террора и примерно 40% всех погибших в ходе операций, направленных против национальных меньшинств. Речь идет о минимальных показателях, поскольку тысячи поляков Украины и Белоруссии были высланы независимо от «польской операции». Освободились не только номера гостиницы «Люкс», где обитали польские коммунисты, и кабинеты, где они некогда работали, — опустели польские деревни и колхозы, в которых трудились сотни тысяч простых людей.

НКВД СССР, оперативный приказ № 00485 Приказываю:

1. Приступить 20 августа 1937 года к осуществлению широкомасштабной операции по полной ликвидации местных организаций ПОВ, в первую очередь руководящих кадров, занимающихся подрывной и шпионской деятельностью в промышленности, средствах массовой информации, совхозах и колхозах. Операция должна быть завершена в течение трех месяцев, т.е. к 20 ноября 1937 года.
2. Арестовать: а) самых активных членов ПОВ (в соответствии с прилагаемым списком), раскрытых на основе разведданных, подтвержденных в настоящее время; б) всех военнопленных польской армии, оставшихся на территории СССР; в) беженцев из Польши, независимо от момента их приезда в СССР; г) политических иммигрантов и политических заключенных, которыми обменялись с Польшей; д) бывших членов ППО и других антисоветских политических партий; е) наиболее активных антисоветских и националистических элементов из польских районов.
3. Операцию по аресту организовать в два этапа: а) в первую очередь следует арестовывать лиц, служащих в НКВД, Красной Армии, на оборонных предприятиях, в военных отделах остальных предприятий, работающих на транспорте — железнодорожном, наземном, морском и воздушном; в секторе энергетики и на всех промышленных предприятиях, на нефтеперегонных и газоперерабатывающих заводах; б) во вторую очередь следует арестовывать всех тех, кто работает на промышленных предприятиях, не имеющих стратегического значения для обороноспособности страны, представителей совхозов, колхозов и администрации.
4. Одновременно с арестами проводить следственную работу. Для выявления агентурной сети в ходе расследования следует оказывать давление на организаторов и руководителей диверсионных групп, вплоть до полного их разоблачения, немедленно арестовать всех шпионов, вредителей и членов диверсионных группировок, раскрытых благодаря показаниям арестованных ранее лиц. Для ведения следствия подготовить специальную оперативную группу.
5. По мере ведения следствия разделить всех арестованных лиц на две категории:

   а) первая категория, к которой принадлежат участники тайных польских организаций, ведущих шпионскую, диверсионную и подрывную деятельность, —

должна быть расстреляна; б) вторая категория — менее активная, чем первая, — подлежит тюремному заключению или ссылке в лагерь на срок от пяти до десяти лет. <...>

Народный Комиссар Внутренних Дел СССР, Генеральный комиссар Государственной Безопасности Н. Ежов,
Москва, 11 августа 1937 г.

Катынь, тюрьмы и депортации (1939-1941)

К пакту о ненападении, заключенному 23 августа 1939 года между СССР и Германией, прилагался секретный протокол, где стороны договаривались о разделе сфер влияния на польской территории. 14 сентября последовал приказ советского правительства «перейти в наступление против Польши», и три дня спустя Красная Армия пересекла границу Польской Республики, чтобы «освободить» территории, именуемые «Западной Белоруссией» и «Западной Украиной», от «польской фашистской оккупации» и включить их в СССР. Аннексия была стремительной, с использованием методов устрашения и репрессий.

29 ноября 1939 года Президиум Верховного Совета СССР предоставил советское гражданство всем жителям присоединенных территорий. Вильнюс и его окрестности были отданы Литовской Республике, доживающей последние дни своей независимости. Было очевидно, что советская репрессивная система начала действовать и в этом регионе — в ответ на оказываемое ей сопротивление. Действительно, несколько частей польской армии, избежавшие плена, той же осенью организовали партизанское движение. НКВД направил в эти регионы многочисленные подразделения (включая пограничные войска), повсюду внедрял свои структуры. Кроме того, новые власти были озабочены проблемой военнопленных и опасались реакции гражданского населения.

Проблема военнопленных стояла достаточно остро. В плен попало от 240 000 до 250 000 военнослужащих, около 10 000 из них — офицеры. На следующий же день после начала агрессии 19 сентября 1939 года Лаврентий Берия подписал Приказ № 0308 о создании в недрах НКВД Главного управления по делам военнопленных (ГУВП), а также широкой сети лагерей специального назначения. В начале октября постепенно началось освобождение рядовых солдат, но 25 000 из них были отправлены на строительство дорог, а 12 000 человек поступили в распоряжение Наркомата тяжелой промышленности для использования на принудительных работах. Еще неизвестно, сколько из них кануло навсегда в огромной разветвленной системе ГУЛАГа. Тогда же решено было создать два «офицерских» лагеря — в Старобельске и Козельске, а также особый лагерь для полицейских, тюремных надзирателей и пограничников в Осташкове. Вскоре Берия организовал специальную оперативную группу, уполномоченную вести юридическое расследование непосредственно в лагерях. К концу февраля 1940 года было интернировано 6192 полицейских (и приравненных к ним лиц), а также 8376 офицеров.

В течение нескольких месяцев в Москве решалась судьба этих заключенных. Для некоторых из них, в частности для содержащихся в лагере в Осташкове, готовилось обвинение по статье 58—13 Уголовного кодекса с весьма специфической формулировкой относительно лиц, «боровшихся с международным рабочим движением». Небольшого нюанса в толковании этой хитроумной

формулировки оказывалось вполне достаточно для вынесения обвинительного приговора против любого полицейского или надзирателя польской тюрьмы. В качестве наказания предусматривалось от пяти до семи лет лагерей. Предполагалась также ссылка в Сибирь и на Камчатку.

Окончательное решение о судьбе военнопленных было принято во второй половине февраля 1940 года, возможно, под влиянием событий, связанных с советско-финляндской войной. Судя по документам, ставшим в наши дни достоянием широкой общественности, для многих оно оказалось довольно неожиданным.

5 марта, по предложению Берии, Политбюро постановило применить высшую меру наказания ко всем узникам Козельска, Старобельска и Осташкова, а также к 11 000 поляков, интернированных в тюрьмах западной части Украины и Белоруссии.

Приговор был вынесен специальным судом, так называемой тройкой, в состав которой входили Иван Баштаков, Бачо Кобулов и Всеволод Меркулов. Предложение Берии завизировано личными подписями Сталина, Ворошилова, Молотова и Микояна. Существует пометка секретаря суда о поддержке данного решения отсутствовавшими в тот день на заседании Калининым и Кагановичем.

Свидетельское показание Станислава Святевича, избежавшего гибели во время массовой бойни в Катыни

«Под потолком я обнаружил отверстие, через которое наблюдал за происходящим снаружи <...>. Перед нами виднеется плац, заросший травой <...>. Вокруг плотное оцепление из сотрудников НКВД, они вооружены винтовками с примкнутым штыком.

Такую картину мы наблюдаем впервые. Даже на фронте, после захвата в плен, нас не конвоировали со штыками <...>. На плац прибывает скромный автобус, меньше автобусов, которые встречаются в городах Европы. Окна закрашены известкой. Вместимость — человек тридцать, дверца для пассажиров только сзади.

Мы недоумеваем, зачем понадобилось затемнять окошки. Немного подавшись назад, автобус подъезжает к ближайшему вагону вплотную, так, чтобы военнопленные в него поднялись непосредственно из вагона. Солдаты НКВД с примкнутыми штыками стоят по обе стороны от дверцы, следя за входом в автобус <...>. Через каждые полчаса автобус возвращается за новой группой. Стало быть, место, куда перевозят пленников, находится неподалеку <...>.

Высокорослый полковник НКВД, который отстранил меня от перевозки, теперь стоит посреди плаца, засунув руки в карманы своей широкой шинели. Судя по всему, именно он руководит этой операцией. Но в чем же заключается ее суть? Должен признаться, в тот светлый весенний день у меня и мысли не промелькнуло о возможных расправах <...»>[2].

На «техническую подготовку» массового убийства ушел месяц. За последующие полтора месяца (с 3 апреля по 13 мая) заключенных небольшими партиями перевозили из одних лагерей в другие. 4404 человека переправили из козельского лагеря в Катынь, где каждый из них получил пулю в затылок, после чего был погребен в братской могиле.

Заключенные из Старобельска (3896 человек) расстреляны в застенках НКВД в Харькове, тела их захоронены в окрестностях города, в Пятихат-ках. Пленники из Осташкова (6287 человек) ликвидированы НКВД в Кали-

нине (современное название - Тверь) и преданы земле в местечке Медное.Всего истреблено 14 587 человек. 9 июня 1940 года первый заместитель главы НКВД Василий Чернышев доложил о готовности лагерей к приему новых заключенных.

Упомянутые Берией 11 000 заключенных — лишь небольшая часть общего числа взятых под стражу поляков. Их разделили на несколько категорий.

Наиболее многочисленная из них — *беженцы,* т.е. лица, покинувшие польскую территорию в период немецкой оккупации. Через тюрьмы и КПЗ прошло 145 000 беженцев; часть из них была осуждена и отправлена в лагеря, часть — освобождена. Вторая категория — *перебежчики* — поляки, арестованные при попытке бегства в Литву, Венгрию или Румынию. Некоторых освободили спустя несколько недель, около 10 000 перебежчиков по приговору ОСО *(Особое совещание)* получили сроки от трех до восьми лет; они очутились в ГУЛАГе — большинство в Дальлаге, кое-кто на Колыме. Часть из них расстреляли по Постановлению от 5 марта 1940 года. Третью категорию составили участники отрядов Сопротивления, офицеры, которые не были мобилизованы в 1939 году, государственные служащие, представители местной администрации, различного типа *помещики,* в общем, всякого рода *«социально опасные элементы».* Именно к этой последней категории принадлежали, по большей части, 7305 человек, отобранных для расправы из 11 000 взятых на учет. Их ликвидировали на основании Постановления от 5 марта 1940 года. Место их погребения не найдено, известно лишь, что 3405 человек расстреляны на Украине, 3880 — в Белоруссии.

Общее число «тюремных жителей» на территориях, присоединенных к СССР (включая Литву, вошедшую в его состав летом 1940 года), точно не определено; на 10 июня 1941 года в тюрьмах западной Украины и Белоруссии насчитывалось 39 600 заключенных (среди которых примерно 12 300 человек уже «осужденных»). По сравнению с данными на март 1940 года число их удвоилось. Соотношение уголовников и политических неизвестно.

После нападения Германии на СССР участь всех заключенных была предрешена. В одних только украинских тюрьмах расстреляно около 6 000 человек Маловероятно, чтобы все они были приговорены к смертной казни в довоенное время. В рапортах НКВД подобные карательные мероприятия обозначены как «сокращение числа лиц, принадлежащих к первой категории»[3]. Несколько сотен человек были убиты при попытке бегства из-под конвоя. Известен случай, когда начальник охраны взял «под свою ответственность» расстрел 714 заключенных (500 из них так и не вышли за пределы тюремного двора). Со многими он расправился сам.

На территориях, аннексированных СССР, начинаются массовые депортации; всего было проведено четыре широкомасштабные операции по высылке различных групп населения. Следует заметить, что депортации отдельных семей и небольших групп начались уже с ноября 1939 года, и точное число депортированных неизвестно. Та же картина наблюдается в учете лиц, высланных из Бессарабии или из Восточной Белоруссии и Украины во второй половине 1940 года. Историкам пока не удалось установить точных цифр. До сегодняшнего дня за основу расчета брались сведения на 1941 год, полученные из материалов польского движения Сопротивления и из польского посольства. После открытия доступа к архивам НКВД большинство исследователей сходятся во мнении о явной заниженности имею-

щихся цифровых данных и считают необходимым пересмотреть их в сторону увеличения.

Первая волна депортаций обрушилась на поляков 10 февраля 1940 года, в ходе проведения в жизнь Постановления Совета Народных Комиссаров от 5 декабря 1939 года. На приготовления, связанные прежде всего с «рекогносцировкой местности» и окончательной редакцией списков, ушло два месяца. Организаторам депортаций пришлось преодолеть немало технических неудобств, в их числе — недостаточное количество железнодорожных путей, соответствующих по ширине колеи дорогам советского образца. Общее руководство было поручено заместителю Берии Меркулову, причем с предписанием о личном присутствии на месте, что явно свидетельствует об особой заинтересованности Советов в данной операции. Февральские депортации 1940 года затронули в основном крестьян, жителей небольших городов, польских переселенцев, размещенных в этих районах в рамках проведения в жизнь политики «полонизации», а также лесников. По данным НКВД, среди сосланных 140 000 человек поляки составили 82%. Жертвами этой операции стали также украинские и белорусские лесники. Эшелоны со ссыльными направлялись на север России, в Республику Коми и Западную Сибирь.

Пока Кремль принимал постановления о казни заключенных, СНК 2 марта 1940 года издал указ о новых депортациях. На сей раз речь шла о членах семей заключенных, и часто удар наносился одновременно с расправой над их «мужьями и отцами», — а также о «социально опасных элементах». Согласно данным НКВД, почти 60 000 человек были отправлены в Казахстан, в тяжелейшие условия голода и холода, о чем свидетельствуют ставшие доступными в наши дни воспоминания участников этих событий.

Отрывок из книги *Казахский триптих: воспоминания о ссылке* (Варшава,1992)

Люцина Дзюжинскэя-Сухон: «Никогда не забуду один из самых драматических эпизодов на-шей жизни. Мы несколько дней ничего не ели, в прямом смысле ничего. Суровая зима. Лачуга, доверху заваленная снегом. Кто-то прорыл туннель снаружи, чтобы выбраться. <...> Мама может выйти на работу. Она голодна, как и мы. Улегшись на убогом ложе и прижавшись друг к дружке, стараемся согреться. В глазах мерцает. Нет сил встать. В лачуге очень холодно <...>. Мы все спим и спим. Время от времени братишка просыпается и кричит: "Хочу есть!" — он не может больше ничего сказать, разве что: "Мама, я умираю". Мама плачет. Потом идет по соседним домикам, там живут наши друзья, она просит помочь. Напрасно. И тут мы начинаем молиться: "Отче наш..." Кажется, происходит чудо. На пороге появляется подружка из соседней лачуги с пригоршней зерна <...>».

Третья операция, осуществленная по той же директиве СНК, началась в ночь с 28 на 29 июня 1940 года. Задержанию подлежали лица, не проживавшие на аннексированных территориях до сентября 1939 года и не переходившие советско-германской границы, установленной обоими оккупантами. Беглецы, схваченные в той или другой оккупационной зоне, имели право на возвращение домой; таким образом 60 000 человек, среди них 1500 евреев, вернулись на территорию немецкого генерал-губернаторства. Среди 80 000 депортированных в ходе данной операции насчитывается 84% из числа тех самых евреев, которые спаслись от кровавых расправ, учиненных

летом 1941 *года Айнзацгруппами**. Теперь они оказались среди отправленных в ГУЛАГ.

Четвертая и последняя по счету операция была намечена на 22 мая 1941 года постановлением ЦК КПСС и Совета Народных Комиссаров от 14 мая. Ее цель — «очистка» пограничной зоны и прибалтийских республик от «нежелательных элементов». Ссыльные отнесены к категории *жилпоселенцев,* т.е. приговоренных к двадцати годам принудительного проживания в предписанном регионе, в частности в Казахстане. Формируется новый поток ссыльных — 86 000 человек, — и это исключая Латвию, Эстонию и Литву.

На основании материалов НКВД, число депортированных колеблется: от 330 000 до 340 000 человек. С учетом совокупности имеющихся данных можно привести другие количественные показатели жертв репрессий: от 400 000 до 500 000 человек. Существовали дополнительные группы лиц, которые окончательно осели на территории СССР, например, 100 000 молодых людей, вынужденных работать на советскую промышленность (преимущественно в Донецком угольном бассейне, на Урале и в Западной Сибири), или 150 000 юношей, мобилизованных в «трудовые батальоны» *(стройбаты}* Красной Армии.

За два года советского господства над аннексированной Польшей миллион человек, т.е. каждый десятый гражданин, в той или иной мере испытал на себе репрессии: будь то смертные приговоры, тюрьмы, лагеря, депортации или подневольный труд. Число расстрелянных достигает 30 000 человек, к ним следует прибавить 90 000 — 100 000 погибших в лагерях или при перевозках в железнодорожных эшелонах, что, по оценкам исследователей, составляет 8—10% от общей численности депортированных.

НКВД против Армии Крайовой

В ночь с 4 на 5 января 1944 года первые танки Красной Армии пересекли советско-польскую границу, установленную в 1921 году. На деле граница эта не признавалась уже ни Москвой, ни западными державами. После предания гласности убийств в Катыни СССР прервал какие бы то ни было дипломатические отношения с законным польским правительством, находившимся тогда в изгнании в Лондоне. Поводом послужило требование польского правительства провести судебное расследование под эгидой Красного Креста; аналогичное требование было выдвинуто и немецкими властями. Организаторы польского движения Сопротивления рассчитывали, что при приближении фронта части АК (Армия Крайова) сумеют мобилизовать население и вступить в бой с немцами, а затем, дождавшись прихода Красной Армии, выйдут ей навстречу в качестве законной властной структуры. Задуманной операции было присвоено кодовое название «Бужа» («Буря»). Первые бои разразились в конце марта 1944 года на Волыни, где командующий партизанской дивизией АК сражался против немцев бок о бок с советскими войсками. 27 мая Красная Армия разоружила некоторые части АК. В результате большая часть дивизии вынуждена была отойти в Польшу, продолжая вести бои с немцами.

* Айнзацгруппы — особые армейские подразделения, занимавшиеся в основном уничтожением евреев. Подсчитано, что из 6 миллионов евреев, убитых немцами, на их долю приходится от 1 до 1,5 миллиона человек. См.: Йосеф Телушкин, *Еврейский мир,* Иерусалим — Москва, Гешарим, 1992, с. 297. *(Прим. ред.)*

Подобный стратегический маневр советских властей — сначала сотрудничество на местном уровне, затем разоружение поляков — явление не единичное. Самый показательный пример — события, происходившие в это время в Вильнюсе. Так, не прошло и нескольких дней после окончания боевых действий, как прибыли внутренние войска НКВД и в соответствии с приказом № 220145, поступившим из Ставки Главнокомандующего, провели операцию по разоружению солдат АК. Согласно данным рапорта, отправленного Сталину 20 июля, арестовано было свыше 6000 партизан, примерно 1000 из них удалось вырваться из ловушки. Были поголовно арестованы все руководители штаба партизанских отрядов. Офицеры были интернированы в лагеря НКВД, солдатам — предложен выбор — лагерь или зачисление в части польской армии Зигмунда Берлинга, сформированной при покровительстве советских властей. Подразделения АК, принимавшие участие в освобождении Львова, постигла та же участь. По такому сценарию Москва осуществляла закрепление вновь присоединенных к СССР территорий.

На 8 августа 1944 года было запланировано взятие Варшавы войсками Первого Белорусского фронта Красной Армии. 1 августа 1944 года командиры АК подняли в польской столице вооруженное восстание. Сталин приостановил развернутое им наступление на Висле, к югу от Варшавы, предоставив подавление восстания немцам, завершившим расправу над бунтовщиками 2 октября.

Западнее «линии-Керзона»*, где АК удалось мобилизовать около 30 000 — 40 000 солдат и освободить многие населенные пункты, подразделения НКВД и опергруппы СМЕРШ (сокращение слов «смерть шпионам»; особое управление контрразведки) и отряды «фильтрации» следовали по намеченному уже пути, исполняя приказ Верховного Главнокомандующего № 220169 от 1 августа 1944 года. В рапорте за октябрь подводились итоги выполнения этой директивы: разоружено, арестовано и затем интернировано около 25 000 солдат и 300 офицеров.

Подразделения НКВД и оперативные группы СМЕРШ располагали собственными тюрьмами и лагерями, там они с равным успехом размещали как польских партизан, так и *фольксдойче*[4], и немецких военнопленных. Офицеры и солдаты, отказавшиеся от службы в армии Берлинга, подобно своим собратьям из Вильнюса и Львова, тотчас отправлялись в ГУЛАГ. Даже в наши дни не известно точное число участников операции «Бужа», интернированных советскими властями. По различным оценкам, цифра эта колеблется от 25 000 до 30 000 солдат. На вновь аннексированных СССР осенью 1944 года территориях происходили массовые аресты с последующим вынесением приговора и

* Названа по имени Дж. Н. Керзона (1859—1925) — британского государственного деятеля, дипломата, министра иностранных дел в 1919—1924 годах. Речь идет о границе между Польшей и Советской Россией. Линия Керзона проходила через Гродно — Ярловку — Немиров — Брест-Ли-товск — Дорогуск — Устилуг, восточнее Грубешова, через Крылов и далее западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля до Карпат. В ходе советско-польской войны 1920 года эта линия была рекомендована Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши, и Дж. Керзон в ноте советскому правительству требовал прекратить наступление Красной Армии на этой линии, что не было принято. Однако после резкого изменения ситуации в ходе советско-польской войны, когда части Красной Армии были отброшены от Варшавы и стремительно откатывались на восток, советское правительство согласилось на установление границы по «линии Керзона», но изменилась позиция польской стороны, и по Рижскому мирному договору 1921 года граница между двумя странами была установлена значительно восточнее «линии Керзона». В 1945 году, согласно договору между Польшей и СССР, была установлена новая граница, в целом соответствующая «линии Керзона». *(Прим. ред.)*

высылкой в ГУЛАГ или на принудительные работы в район Донецкого угольного бассейна. На этот раз львиную долю депортированных составляли украинцы, но, по имеющимся данным, жертвами репрессий в той или иной форме стали и несколько десятков тысяч поляков.

Репрессивная деятельность НКВД и СМЕРШ не прекратилась даже после рассредоточения большей части подразделений АК. 15 октября 1944 года Берия подписал Приказ № 0012266/44 о создании дивизии специального назначения и ее размещении на территории Польши (речь идет о 64-й дивизии внутренних войск НКВД, названной «Вольные стрелки»). В пограничной зоне операции, проводимые на польской стороне, всячески поддерживались подразделениями НКВД Белоруссии и Украины. Создание в конце 1944 года дивизии специального назначения тотчас ознаменовалось арестами 17 000 человек, 4000 из них были без промедления сосланы в разные отдаленные лагеря. Советские войсковые подразделения, находившиеся с 1 марта 1945 года в подчинении главного советника НКВД при польском Министерстве национальной безопасности генерала Ивана Серова, оставались в Польше до весны 1947 года. Вплоть до августа — сентября 1945 года они представляли главную силу, призванную «очистить» зоны наибольшего скопления партизанских отрядов, борющихся за национальную независимость. С января 1945 по август 1946 года были схвачены 3400 бойцов из различных отрядов Сопротивления — большинство оказались в лагерях, некоторые были переданы в руки польских властей; всего было задержано 47 000 человек. После введения войск Красной Армии на польские территории, аннексированные Германией в 1939 году, арестам подверглись не только *фалъксдойче,* но и поляки, которые под давлением немецких властей внесли свои фамилии в так называемый III национальный список *(Айнгдойче^).* По меньшей мере 25 000 — 30 000 граждан Померании и Верхней Силезии были депортированы в СССР, в том числе 15 000 шахтеров, всех их сослали в лагеря Донбасса и в Западную Сибирь.

Деятельность НКВД не ограничивалась массовыми репрессиями, охотой на людей и усмирениями. В конце лета 1944 года СМЕРШ внедрил на местах оперативные группы, уполномоченные проводить в Польше регулярные вербовки осведомителей. Наиболее известной стала операция, которой непосредственно руководил генерал НКВД Иван Серов. Были арестованы шестнадцать руководящих членов польского подпольного правительства: командующий АК, вице-премьер-министр подпольного правительства, три его заместителя и члены Совета национального единства (своего рода подпольного парламента), образованного в период немецкой оккупации. 22 февраля 1945 года этот Совет выразил протест против Ялтинских соглашений, заявив о своей готовности к прямым переговорам с советской стороной. В ответ на подобное заявление генерал Серов предложил руководителям подполья встретиться и установить личное знакомство. Когда они явились в назначенное место (в Прушкув, неподалеку от Варшавы), то были тотчас схвачены и доставлены прямо в Москву, на Лубянку. Случилось это 28 марта 1945 года. Следствие длилось несколько недель, после чего 19 июня начался показательный судебный процесс в Колонном зале Дома Союзов по образцу грандиозных московских процессов предвоенных лет. Тем временем в Москве велись переговоры между польскими просоветскими властями и представителями демократических сил этой страны, на которых они обсуждали статьи Ялтинских соглашений, касающиеся Польши; представители польской демократии также выразили желание выйти на прямой контакт с советскими властями. Су-

дебный приговор был объявлен в тот самый день, когда три сверхдержавы (Соединенные Штаты, СССР и Великобритания) ратифицировали заключенный различными польскими партиями договор о создании коалиционного правительства, в котором подавляющее большинство мест отводилось коммунистам и их союзникам. В результате вынесенных приговоров, вполне умеренных для того времени — до десяти лет тюремного заключения, — трое осужденных так и не вернулись в Польшу'. Командующий АК Леопольд Окулицкий в декабре 1946 года скончался в тюрьме.

ПОЛЬША 1944 — 1989: РЕПРЕССИВНЫЙ АППАРАТ

Каждый этап эволюции политической системы Польши сопровождался той или иной формой политических репрессий. Перефразируя одно известное изречение, можно утверждать: «Скажи мне, какой сейчас репрессивный аппарат, и я скажу, какой стадии коммунизма он соответствует».

При описании и анализе функционирования репрессивного аппарата возникают две основные трудности: 1) речь идет о чрезвычайно засекреченной области, многие следственные материалы до сих пор не стали достоянием гласности; 2) рассмотрение прошлого под углом гипертрофированного значения репрессивных органов приводит к односторонней оценке коммунистического режима, поскольку даже в периоды максимальных репрессий режим поддерживался и другими методами воздействия. При попытке постижения основополагающих принципов режима и его идеологических истоков следует прежде всего обозначить главное: сосредоточение власти в руках репрессивного аппарата, созданного в недрах системы. За 45-летний период монопольной власти компартии Польша пережила пять стадий террора. Все эти стадии объединяет наличие тайных охранительных органов и концентрация власти в руках партии или кучки ее руководителей.

На пути к захвату государства, или массовый террор (1944-1947)

Внутриполитические основы коммунистического государства в Польше были заложены благодаря присутствию Красной Армии. Для внешнеполитического курса решающим оказался сталинский протекторат. Советские органы безопасности не ограничились простым подавлением противников новой власти; организационные принципы НКВД/КГБ с некоторыми видоизменениями (правда, весьма существенными) были взяты на вооружение польскими коммунистами, прошедшими курс обучения в школе офицеров НКВД в Куйбышеве. Кроме того, была создана дублирующая польские спецслужбы организация, корпус *советников,* насчитывающий несколько сот человек во главе с генералом Серовым, генеральным советником. С помощью разветвленной сети советских экспертов руководители с Лубянки располагали всеми необходимыми данными, и Москва, таким образом, создала собственную систему осведомителей в Польше. Политические и идеологические интересы польских и советских органов полностью совпадали, так что польские службы безопасности вполне можно считать составной частью совет-

ского репрессивного аппарата. Это становится очевидным на примере организации польской военной контрразведки.

В Польше в те годы коммунисты являли собой группу маргиналов, не имеющих каких бы то ни было шансов на приход к власти демократическим путем. Отсутствие симпатии к ним усугублялось и традиционной для большинства поляков неприязнью, вернее, даже враждебностью, по отношению к СССР и особенно к России — сказывался печальный опыт «освобождения» Польши войсками Красной Армии. В первые послевоенные годы костяк антикоммунистического сопротивления составили партизанские отряды, политическое подполье и легальные партии, единственной значительной из которых явилась Польская крестьянская партия (ПСЛ)'. Таким образом, теперь перед новыми хозяевами стояли две первостепенные задачи,- подавить сопротивление поляков и захватить власть над этим государством. Весьма знаменателен следующий факт: первым публично представленным в Польше членом Комитета национального освобождения (создан в Москве 21 июля 1944 года) стал министр общественной безопасности Станислав Радкевич. Потребовался целый год, прежде чем органы безопасности, с 1945 года получившие название Министерства общественной безопасности (МБП), оформились организационно для решения главной задачи — упрочения власти, захваченной Красной Армией и НКВД. За второе полугодие 1945 года МБП создало систему оперативных групп, в которых было задействовано более 20 000 сотрудников (без учета милиции), в распоряжении министерства находилось также специальное военное подразделение — Корпус внутренней безопасности (КБВ), насчитывающий около 30 000 солдат. Новые отряды вели активные военные действия против подполья, отличающиеся особой жестокостью и беспощадностью. Так продолжалось до 1947 года, отголоски этих боев ощущались еще в начале 50-х годов. Польские историки расходятся во мнениях, стоит ли обозначать эти события термином «гражданская война», если учесть присутствие в Польше советских вооруженных сил (военных и НКВД).

На вооружении вновь созданного аппарата госбезопасности было немало методов воздействия, начиная с внедрения агентов и провокаций и кончая «умиротворением» целых территорий. Правоохранительные органы имели значительные материальные и человеческие ресурсы: оружие, средства связи, отряды КГБ, — и пользовались ими, не останавливаясь ни перед чем. По данным III управления, уполномоченного вести борьбу против антикоммунистического сопротивления, в 1947 году в ходе столкновений погибло I486 человек, в то время как число потерь со стороны коммунистов составило всего 136 человек[6]. Широкомасштабные операции по «умиротворению» велись силами подразделений КБВ с привлечением частей регулярной армии, специально прикомандированных для подобных целей. За время боев в 1945—1948 годы было убито примерно 8700 противников режима. Все операции проводились под руководством Государственной комендатуры безопасности, возглавляемой министрами безопасности и обороны. В случае необходимости организовывались массовые депортации. Такими же методами разрешались проблемы с украинским движением Сопротивления в юго-восточной Польше — в ходе операции «Висла» в апреле — июле 1947 года примерно 140 000 польских украинцев депорти-

* ПСЛ — партия, созданная в 1945 году С. Миколайчиком, премьер-министром польского правительства в Лондоне с 1943 года. *(Прим.ред.)*

рованы и рассеяны по бывшим немецким территориям на западе и севере страны.

Хроника деяний органов безопасности изобилует описаниями тщательно подготовленных операций: массовая фальсификация данных при проведении референдума в июне 1946 года, «подготовка» выборов в январе 1947 года, т.е. предшествовавшая им широкая пропагандистская кампания, тысячи арестов, особенно в селах, новая фальсификация; развитие широкой сети осведомителей (к 1 января 1946 года их число достигло 17 500). Точное число задержанных в ходе всех операций доподлинно не известно, несомненно одно: любые действия правоохранительных органов сопровождались применением грубой силы. В 1947 году сотрудниками III управления арестовано около 32 800 человек, большинство задержанных — обычные преступники; IV управление, отвечавшее за безопасность в области промышленности, произвело арест почти 4500 человек, в последние предвыборные недели силами различных подразделений МБП, милиции, КБВ и армии задержано примерно 50 000 — 60 000 активистов Польской крестьянской партии. Известно, что в нескольких случаях убийства были совершены по прямому указанию местных комитетов партии коммунистов.

Допросы велись с исключительной жестокостью, избиения и пытки были обычными явлениями, как и бесчеловечные условия содержания в тюремных камерах.

Казимир Мочарскио,
приговоренный к пожизненному заключению
(Статья 2 Декрета от 31 августа 1944 г.)

Штум, Центральная тюрьма 23 февраля 1955 года

Верховный Трибунал палаты по уголовным делам Дело: III К 161/52

В связи с запросом о пересмотре дела и подачей апелляции моими адвокатами <...> заявляю:

За время расследования, порученного офицеру бывшего Министерства общественной безопасности, в период с 9 января 1949 года по 6 июня 1951 года я был подвергнут сорока девяти видам издевательств и пыток, среди которых особо отмечаю следующие:

1. Удары резиновой дубинкой по особо чувствительным местам (переносица, подбородок, слюнные железы, выступающие части тела, такие, как лопатки).
2. Удары резиновыми кнутами по внешним сторонам стоп с упором на большие пальцы —очень болезненный прием.
3. Удары резиновой дубинкой по пяткам (10 ударов по каждой пятке несколько раз в день).
4. Вырывание волос на висках и на затылке («ощипывание гуся»), а также из бороды, на груди, в области промежности и половых органов.
5. Прижигание сигаретами губ и глаз.
6. Нанесение ожогов на пальцы обеих рук.
7. Лишение сна: в течение семи-девяти дней заключенного держат в стоячем положении в темном карцере и беспрестанно будят пощечинами <...>. Такая пытка, прозванная судебными следователями «пляж» или «Закопане»*, доводит человека до со-

* Закопане — известный горноклиматический курорт у подножья Татр. *(Прим. перев.)*

стояния, близкого к помешательству, — начинается психическое расстройство: обман зрения, слуха — подобный эффект достигается при приеме мескалина или других галлюциногенов.

К тому же следует отметить, что в течение шести лет и трех месяцев меня не выпускали на прогулку. За два года и три месяца я ни разу не принял ванну; около четырех с половиной лет я находился в строгой изоляции, не имея ни малейшей возможности контактировать с внешним миром (никаких новостей от моей семьи, ни писем, ни книг, ни газет и т.д.).

Описанные здесь мучения и пытки были применены с целью *запугать меня и вырвать показания, не соответствующие действительности, необходимые лишь для подтверждения линии следствия и заранее сфабрикованных обвине-ний.* Среди исполнителей могу назвать подполковника Луша Юзефа, майора Кас-кевича Ежи и капитана Химчака Эугенюша.

Действовали они по приказу полковников Розанского и Фейгина, сам заместитель министра, генерал Ромковский, 30 ноября 1948 года в присутствии полковника Розанского пообещал мне устроить адское следствие и слово свое сдержал ...»[7]

Участник антифашистского Сопротивления Казимир Мочарский был арестован в 1945 году и провел в заключении 225 дней, находясь в одной камере с генералом СС Юргеном Штроопом, который отдал приказ о ликвидации варшавского гетто в 1943 году. После освобождения он описал эту своеобразную очную ставку.*

Часто власти не ограничивались торопливыми приговорами, а устраивали показательные «открытые» процессы, где тщательно отобранная «общественность» выкрикивала оскорбления в адрес осужденных, демонстрируя мнимую «народную ненависть» к врагам. Даты процессов старались назначать с учетом окончания срока полномочий властных структур, для искусственного усиления их позиций с помощью пропаганды. Среди множества процессов выделяется важнейший — над деятелями подпольной организации «Свобода и независимость» *(Wolnosc i Niepodlegosz—WiN).* Подсудимые дожидались решения своей участи с ноября 1945 по январь 1947 года, т.е. процесс был устроен за неделю до выборов. Еще один прием: борцы антифашистского Сопротивления осуждены как коллаборационисты. Рассуждения коммунистов основывались на принципе — «кто не с нами, тот против нас». Следуя этому же принципу, делалось следующее заключение: раз главная сила, способная оказать организованный отпор немцам, Армия Крайова (АК), не боролась рядом с Советами против немцев, значит, ее надо расценивать как союзницу Гитлера. Для подтверждения подобных обвинений выбивались соответствующие ложные показания из содержащихся в заключении офицеров гестапо. Одно из самых скандальных юридических преступлений — процесс 1948 года над Витольдом-Пилецким. Главный пункт обвинения формулировался как «шпионаж по поручению иностранной державы».

Витольд Пилецкий

В 1920 году Витольд Пилецкий (1901 года рождения) принимает участие в обороне Вильно от большевиков. Впоследствии становится землевладельцем и офицером запаса, организует конные отряды, включенные в 1939 году в состав регулярной армии. После поражения Польши основывает одну из первых подпольных организаций Сопротивления: Польскую тайную армию (принял присягу 10 ноября 1939 го-

да). В 1940 году по собственной инициативе и с согласия высших чинов АК схвачен во время облавы и препровожден в лагерь Освенцим (числится там под регистрационным номером 4859), где организует движение Сопротивления. В апреле 1943 года бежит из лагеря и продолжает подпольную деятельность, теперь уже в движении *Niepodlegosz* («Независимость»), позднее становится участником Варшавского восстания. После капитуляции города заключен в концентрационный лагерь для пленных офицеров в Мурнау. Освободившись, присоединяется ко 2-му корпусу армии генерала Андерса. Осенью 1945 года возвращается в Польшу, вновь включаясь в подпольное движение. Создает небольшую, но весьма действенную группу, собирающую информацию для генерала Андерса о «большевизации» страны. Арестован 5 мая 1947 года, подвергнут пыткам, 15 марта 1948 года приговорен к смертной казни, убит выстрелом в затылок 25 мая. Реабилитирован в 1990 году.

Когда речь шла о крупном судебном процессе, решение о той или иной мере наказания принималось непосредственно партийным руководством. В его же компетенции находился контроль за назначениями на ключевые посты в органах госбезопасности.

К осени 1947 года были уже разгромлены все более или менее организационно оформленные структуры Сопротивления. После бегства большинства руководителей ПСЛ и ареста четвертого состава командования «Свободы и независимости» с движением Сопротивления было покончено на национальном уровне. Политическая обстановка начала стабилизироваться: обескровленная и опустошенная за годы войны страна больше не уповала на поддержку западных правительств. Все очевиднее становилась необходимость приспособления к реальным условиям, нередко унизительным или навязанным извне. Коммунистический государственный переворот в Чехословакии в феврале 1948 года усилил влияние Москвы на жизнь стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Польская рабочая партия и ее главный союзник Польская социалистическая партия готовились к объединению. Благодаря освоению бывших немецких территорий ускорился процесс восстановления хозяйства, что привело к улучшению экономического положения страны. Все эти факты позволили коммунистической партии перейти к новому этапу действий: советизации Польши и покорению общества в целом. Представляется вполне логичным последовавшее за этим сокращение личного состава Министерства общественной безопасности, а также уменьшение численности его агентов и секретных сотрудников, насчитывавших в те годы 45 000 человек.

Цель захвата — общество в целом, или разрастание террора (1948-1956)

После Пражского переворота и изгнания из международного движения Тито в странах Восточного блока происходят примерно одни и те же социальные трансформации: поглощение коммунистическими партиями партий социалистических с последующим формированием *(де-юре* или *де-факто)* однопартийной системы, полная централизация управления экономикой, ускоренная индустриализация по модели сталинских пятилеток, коллективизация земельных хозяйств, усиление антирелигиозной борьбы и т.п. Массовый террор, разрастаясь вширь, становится привычным явлением.

В 1945—1947 годы тысячи людей, не связанных с оппозицией, ни с легальной, ни с нелегальной, все же оказываются в числе жертв «усмирений» и «превентивных мер», хотя в принципе репрессивная машина развернута против конкретных активных противников ПРП (Польская рабочая партия)*. После 1948 года перед органами госбезопасности ставится новая задача: держать в страхе и подчинении общество в целом, включая и слои, более или менее усердно поддерживающие режим. Запугивание приобретает глобальный характер, любой гражданин может стать «объектом разработки», а значит, и жертвой службы госбезопасности. Важно заметить, что репрессиям с равным успехом подвергается также руководство компартии и государства. Некоторые функционеры высших звеньев госбезопасности уже в 1947 году выступают с призывами «усилить революционную бдительность», однако главным направлением деятельности органов госбезопасности этот призыв становится лишь летом 1948 года, соединившись со сталинским тезисом об «усилении классовой борьбы».

Отправной точщж стал конфликт с Тито — для Центральной и Восточной Европы неприятие его взглядов было аналогично борьбе с троцкизмом в СССР. В Польше подобное явление возникло в виде «критики правого националистического уклона» и в августе — сентябре 1948 года было конкретизировано применительно к Генеральному секретарю ЦК ПРП Владиславу Гомулке. Первые аресты в сеАдине октября еще не затрагивали ближайшего окружения Гомулки, однако те, кто был знаком со знаменитыми московскими процессами 30-х годов, прекрасно понимали, что в скором времени волна репрессий докатится до самой верхушки аппарата.

На фоне общей картины террора акции, направленные против коммунистов как таковых, в пропорциональном отношении незначительны, тем не менее, их рассмотрение заслуживает внимания. В Польше число жертв-коммунистов относительно невелико. В поисках подпольной «шпионской и диверсионной» организации органы госбезопасности сосредоточили свое внимание на командном составе и прежде всего кадровых офицерах, служивших в армии еще до войны. В частности, в результате совместных действий МБП и военной разведки (ЖЗИ - Главное управление информации) были заключены в тюрьмы сотни офицеров, затем последовали судебные процессы, приговоры и расстрел двадцати человек. Исчезновение с политической арены Гомулки, арестованного вместе с несколькими сотнями партийных руководителей самых различных уровней, фначало, что настали времена полной незащищенности любого аппаратчика — и партийного, и сотрудника органов безопасности (несколько высших чинов госбезопасности тоже оказались за решеткой). Поскольку процесс мад Гомулкой — как, впрочем, и другие запланированные процессы — не саЯрялся[9], советизация Польши не была отмечена ни одним гщндиозным показательным процессом, подобным тем, что были устроены в Будапеште над Райком и в Праге над Сланским.

Начиная с 1949 года аппарат госбезопасности активно разрастался, и к 1952 году в его рядах насчитывалось около 34 000 сотрудников, лишь незначительная их часть была скомпрометирована в деле, получившем название «про-

* Польская рабочая партия — преемница КП Польши — основана в 1942 году и действовала до декабря 1948 года, когда вошла в состав ПОРП (Польской объединенной рабочей партии) вместе с ПСП (Польской социалистической партией), основанной в 1893 году. *(Прим.ред.)*

вокации в недрах рабочего движения». В данном случае речь шла о Департаменте X, где работало примерно сто человек. При Политбюро была сформирована Комиссия безопасности во главе с Болеславом Берутом (1892—1956). Ей были доверены самые важные судебные расследования, здесь определялись организационные принципы МБП и ЖЗИ, а также формулировались основные директивы.

Вездесущность «Беспеки» (разговорное название госбезопасности) стала одной из примет эпохи. В ее ведении находилось 74 000 секретных сотрудников-осведомителей, этого, однако, показалось недостаточно, и летом 1949 года было принято решение организовать на предприятиях дополнительные ячейки органов госбезопасности, называемые службами охраны *(Referat Ochrony* - RO). Несколько лет спустя RO действовали уже на шестистах предприятиях. Из центра МБП с особым пристрастием наблюдали за службами защиты народного хозяйства, создавая все новые и новые подразделения. В 1951—1953 годах большинство задержаний (по пять-шесть тысяч в год) было осуществлено силами этой службы, располагавшей самой развитой организацией осведомителей (26 000 человек). Любая неисправность, любой пожар на предприятии рассматривались как результат саботажа или даже диверсии. Нередко под стражу заключались десятки работников одного и того же предприятия. В рамках «охраны государственных учреждений» эта служба, помимо всего остального, давала рекомендации по поводу возможных кандидатов на учебу в политехнических вузах. Так, в 1952 году по распоряжению службы защиты народного хозяйства 1500 молодых людей были лишены доступа к образованию.

Предметом особого внимания была «охрана сельскохозяйственных кооперативов» (т.е. коллективизация) и контроль за проведением в жизнь декретов о необходимых количественных показателях производства зерна и мяса. Этими вопросами более активно, чем органы госбезопасности, занимались созданные в 1945 году милиция и Чрезвычайная комиссия по борьбе со злоупотреблениями и саботажем. Одно только название, воскрешающее в памяти пресловутую ЧК, наводило ужас. Тысячи крестьян в каждом из пятнадцати воеводств были заключены в тюрьмы за то, что не сдали предписанную норму. Госбезопасность и милиция вели целенаправленную политику: наиболее зажиточные крестьяне («кулаки») арестовывались в первую очередь, даже если они сдавали необходимую норму. Неделями их держали под стражей, не возбуждая судебного дела, после чего выносили приговор о конфискации зерна, скота и даже их земельной собственности. Занималась Чрезвычайная комиссия и городскими жителями. Большинство жертв было осуждено за спекуляцию на черном рынке, ав1952—1954 годах — за хулиганство. Решения Чрезвычайной комиссии с течением времени становились все более и более жесткими: в 1945—1948 годах она приговорила к трудовым лагерям 10 900 человек, в 1949—1952 годах —46 700 человек. К 1954 году в трудовые лагеря было отправлено приблизительно 84 200 человек. Эти вердикты не относились к политическим преступлениям в точном смысле слова, так как в Польше принято рассматривать преступления в суде, а карательные меры против сельских жителей и «спекулянтов» просто отражали саму природу репрессивной системы, всегда отдающей предпочтение палке.

Что касается аппарата госбезопасности, главной его задачей оставалось преследование подпольщиков — и периода оккупации, и послевоенных: от бывших активистов ПСЛ до солдат, вернувшихся с Запада, а также чиновников,

кадровых политиков и офицеров довоенного времени. В начале 1949 года «списки подозрительных элементов» были стандартизированы и разделены на категории. На 1 января 1953 года в картотеках служб безопасности были зарегистрированы 5 200 000 человек, т.е. треть взрослого населения Польши. Несмотря на разгром нелегальных организаций, политические процессы продолжались. Число заключенных росло по мере проведения тех или иных «превентивных операций». Так, в октябре 1950 года во время акции «К» за одну ночь было арестовано 5000 человек. После некоторого затишья, последовавшего за массовыми арестами 1948—1949 годов, тюрьмы вновь стали наполняться: за 1952 год были взяты под стражу 21 000 человек. По официальным источникам, во втором полугодии 1952 года насчитывалось 49 500 политзаключенных. Открыта была даже специальная тюрьма для несовершеннолетних «политических преступников» (2500 заключенных в 1953 году).

После ликвидации оппозиции единственным независимым общественным институтом оставалась Католическая церковь. Начиная с 1948 года она постоянно подвергалась гонениям. С 1950 года начались аресты епископов. В сентябре 1953 года был устроен процесс над епископом Качмареком (приговоренным к двенадцати годам заключения), интернирован примас* Польши, кардинал Вышинский. В общей сложности, более ста священников познали все тяготы тюремного заключения. Свидетели Иеговы попали под прицел в качестве «американских шпионов»: в 1951 году более 2000 представителей этой секты были взяты под стражу.

Кто только не перебывал в тюрьмах в те времена: члены Политбюро, довоенные функционеры высшего звена (вплоть до бывшего премьер-министра), генералы, командиры АК, епископы, партизаны, боровшиеся сначала против немцев, а позднее направившие свое оружие против коммунистов, крестьяне, отказавшиеся записываться в колхозы, «шахтеры из рудника, где разразился пожар, попадались и юнцы за разбитое стекло на доске для объявлений или за нацарапанные на стенах надписи. Шел процесс вытеснения из общества всякого потенциального инакомыслящего; любое проявление свободы действий было строго запрещено. Одними из главных задач разрастающейся системы террора было внушение людям чувства постоянного страха и поощрение доносительства, которое раскалывало общество.

Отрывок из книги *Великое воспитание. Из воспоминаний политических заключенных Польской Народной Республики. 1945—1956 голы,* Варшава, 1990.

Сташек: «Туберкулез, несомненно, считался самой тяжелой болезнью в послевоенной Польше <...>. Тюрьма во Вронках, еще до 1950 года. Нас семеро в одиночке. Камера маленькая, метров восемь, едва помещаемся <...>. И тут прибывает новенький, восьмой по счету. Мы сразу замечаем: с ним что-то неладно. У него нет ни миски, ни одеяла, и на вид он серьезно болен. Вскоре становится очевидно, что человек этот уже на последней стадии туберкулеза, все тело его в язвах. На лицах моих товарищей страх, мне и самому не по себе <...>. Мы стараемся держаться от него подальше. Нетрудно представить, насколько бессмысленна попытка се-

* Примас *(от лат. primas* — глава) — титул главнейшего епископа в католической и англикан ской церкви. *(Прим. перев.)*

мерых человек спастись бегством от восьмого на площади в восемь квадратных метров. Обстановка еще больше накаляется, когда приносят завтрак. Бедняга без миски, но ни у кого не возникает ни малейшего желания ему ее дать! Я смотрю на остальных — все украдкой наблюдают друг за другом, избегая встретиться взглядом и с кем-то из сокамерников, и с этим человеком.

Не в силах больше терпеть, я протягиваю ему свою миску. Говорю, пусть сначала ест он, а я за ним. Он поворачивает в мою сторону свое неподвижное равнодушное лицо (ему уже все безразлично) и словно исповедуется передо мноО: "Товарищ, но я же обречен... это вопрос нескольких дней". — "Поешьте за мое здоровье", —отвечаю ему я. Окружающие в ужасе. Теперь они сторонятся не только больного, но и меня. Он завтракает, я наскоро споласкиваю миску водой из кувшина и ем вслед за ним».

Эта система начала меняться с конца 1953 года: подпольная сеть осведомителей уже не расширялась, улучшались условия тюремного содержания, часть заключенных была выпущена на волю «по состоянию здоровья», судебные процессы устраивались все реже и реже, а приговоры становились все более и более мягкими; практика истязания заключенных прекратилась. Офицеры с испорченной репутацией были уволены в отставку. Департамент X распущен, количество персонала служб госбезопасности сокращено. «Бомба» взорвалась 28 сентября 1954 года, когда радио «Свободная Европа» транслировало серию рассказов Юзефа Святло, бывшего заместителя директора Департамента X, который «выбрал свободу» в декабре 1953 года. За несколько недель произошла реорганизация МБП и его замена на две четко разделенные структуры: Министерство внутренних дел (МСВ) и Комитет общественной безопасности (КБП). Министр МБП и трое из пятерых его заместителей вынуждены были подать в отставку, в декабре вышел из тюрьмы Гомулка, а руководитель Следственного управления Юзеф Рожанский — заключен под стражу. Специальная комиссия по борьбе со злоупотреблениями была упразднена. В январе 1955 года Центральный комитет сообщил об «ошибках и злоупотреблениях», сваливая всю ответственность на аппарат госбезопасности, который «поставил себя над партией». Несколько палачей из МБП были арестованы, в службах госбезопасности продолжалось сокращение штатов.

Однако перемены эти носили чисто формальный характер. В 1955 году число политических заключенных достигало 30 000 человек, а во второй половине года состоялся процесс над бывшим министром Влодзимежем Леховичем[10], тем самым, который был арестован в 1948 году отрядом особого назначения Святло. Мариана Спыхальского — члена Политбюро до 1949 года — арестовали в 1950 году, и, хотя против него не было возбуждено уголовное дело, он оставался в заключении до апреля 1956 года. Что касается истинной «оттепели» карательной системы в целом, о ее наступлении можно было говорить лишь после XX съезда КПСС, состоявшегося в феврале 1956 года, и смерти Берута. Тогда была объявлена амнистия, хотя в тюрьмах еще томились 1500 политзаключенных. Кое-кого из осужденных реабилитировали, затем произошла смена Генерального прокурора и министра юстиции. Бывший заместитель министра безопасности и руководитель Департамента X были арестованы, тюрьмы, находившиеся до сей поры в ведении Министерства внутренних дел, переданы Министерству юстиции. Борьба фракций в верхах партийного руководства привела к тому, что карательный аппарат «сбился с курса». Многие секретные агенты отказывались продолжать сотрудничество. При этом речь не шла о перемене стратегического

курса: аппарат по-прежнему проявлял интерес к определенным категориям лиц; тюрьмы опустели лишь наполовину; несколько тысяч дел находилось в стадии расследования; даже после сокращения сеть осведомителей все еще насчитывала 34 000 сотрудников... Система всеобъемлющего террора продолжала функционировать, но с меньшим размахом. Она достигла поставленных целей: тысячи самых активных противников режима были мертвы, а общество, прекрасно усвоившее данный ему урок, теперь знало, чего стоит ожидать от «защитников народной демократии».

Реальный социализм, или избирательные репрессии (1956-1981)

Катаклизмы «железного» социализма сотрясали Польшу сравнительно недолго, наступила «оттепель», и службы госбезопасности изменили свою стратегию. Теперь они осуществляли надзор над населением, более завуалированный, но по-прежнему жесткий, усиленно наблюдая за легальной и нелегальной оппозицией, Католической церковью и интеллигенцией.

Политики надеялись, что аппарат безопасности способен в любой момент рассеять уличные манифестации. Но когда начались выступления рабочих Познани в июне 1956 года — вторые большие волнения в странах Восточного блока — органы безопасности, милиция, даже КБВ были застигнуты врасплох и с идеологической, и с технической точки зрения: забастовка сопровождалась многотысячной демонстрацией и в довершение всего — нападением на общественные учреждения. Восстание в Познани можно считать своеобразной заключительной главой противостояния общества и власти 1945—1947 годов; манифестанты осмелились даже открыть огонь — с этим надо было покончить раз и навсегда. Партия отреагировала весьма жестко: премьер-министр объявил, что «рука, поднятая против народной власти, будет отсечена»; на арену борьбы вступила армия с танками. Около 70 убитых, сотни задержанных, десятки участников демонстрации отданы под суд. Приговоры, вынесенные в период наступившей после октября 1956 года «оттепели», все же отличались известной умеренностью.

Сразу после VIII пленума ЦК (19—21 октября 1956 года), КБП был распущен, а служба госбезопасности — включена в МСВ. Число постоянных сотрудников сокращено на 40% (их осталось 9000 человек), уволено 60% осведомителей. Службы охраны на предприятиях были упразднены, половина следственных документов по уже начатым делам — оставлена без внимания. Последние советники из СССР возвратились в Москву, их сменили официальные представители КГБ. Реорганизация управления службами безопасности началась с последовательного избавления от большинства кадровых работников, преимущественно еврейской национальности, для освобождения дороги «молодым кадрам». Штаты репрессивного аппарата были урезаны самым радикальным образом. Однако руководство партии, и особенно пришедший к власти Гомулка, не были сторонниками жестких мер в отношении партийных функционеров. Прошло лишь несколько весьма скромных процессов. Аппарат, который мог еще пригодиться, нельзя было демобилизовывать раньше времени.

Уже в феврале 1957 года на первом общем собрании сотрудников МСВ министр Виха, признав, что тезис об усилении классовой борьбы оказался ошибочным, настаивал, тем не менее, *на радикализации* этой самой классовой

борьбы[11] Начиная с этого дня и до конца существования системы аппарат гос-безопасности, равно как и все остальные структуры — партийная, пропагандистская, армейская, — действовал в рамках тех же противоречивых установок.

В течение следующих двадцати лет репрессивный аппарат функционировал спокойно и методично, отвлекаясь от повседневной работы лишь для подавления забастовок и восстаний. Работа была многообразной: усиление системы надзора с использованием «человеческого фактора», т.е. сети осведомителей; сфера ее интересов распространялась на прослушивание с применением особой техники и контроль за перепиской... На этом поприще было достигнуто подлинное совершенство. В 70-е годы Служба безопасности (СБ) стала уделять особое внимание экономике: сфера ее интересов распространилась на современные технологии, рентабельные производства и т.д. Аварии больше не сопровождались арестами рабочих, теперь применялись такие меры, как ненавязчивое давление партийной организации и отстранение от должности директора — «нерадивого руководителя». МСВ взяла на вооружение новый инструмент воздействия, бесполезный в сталинские времена, но оказавшийся неоценимым во времена новые, — разрешение на выдачу заграничного паспорта (всякий раз для однократного использования). С помощью такой уловки можно было собирать информацию о том, что происходит в различных учреждениях, на предприятиях, в университетах, поскольку ради обладания таким паспортом многие готовы были сотрудничать с органами. Медленно, но верно СБ наращивала кадровый состав, особенно в направлениях, призванных квалифицированно и тонко проводить в жизнь генеральную линию коммунистической партии. Так, для успешного ведения антирелигиозной борьбы Министерство внутренних дел создало в июне 1962 года новое специализированное управление, раздуло его штаты до нескольких сот человек.

В 1967 году, в связи с шестидневной войной между Израилем и арабскими странами, на повестку дня была поставлена борьба с «сионизмом». Этот лозунг оказался продуктивным с трех точек зрения — политической, социальной и международной. Во-первых, режим искал новое обоснование для оживления национализма; во-вторых, руководящий состав ПОРП (Польской объединенной рабочей партии) использовал антисемитизм при отстранении от дел «старой гвардии», в результате чего открывались новые карьерные перспективы; и наконец, антисемитская кампания стала удобным средством для дискредитации студенческого движения в марте 1968 года. Был приведен в готовность спецотдел в несколько десятков сотрудников. Аппарат Министерства внутренних дел поставлял нужные сведения в местные партийные организации, а те, в свою очередь, атаковали указанных им лиц. Службы госбезопасности, как в Польше, так и в СССР, явились вдохновителями и организаторами партийного и государственного «антисемитизма без евреев».

Служба госбезопасности настолько глубоко проникла во все слои общества, что любые попытки создать какие-то организации, легальные или нелегальные, представлялись почти эфемерными. Члены таких объединений, как правило очень молодые, составляли большую часть политических заключенных, число их не превышало нескольких десятков человек. Одновременно на прицел была взята интеллигенция. В случае необходимости службе госбезопасности не представляло труда выполнить предписание властей по выявлению сотрудничества того или иного человека с радио «Свободная Европа» или с

эмигрантской прессой. Большинство единичных арестов приходится на начало 60-х годов. Много шуму наделало задержание популярного писателя Мельхиора Ванковича, бывшего уже в пожилом возрасте. Служба госбезопасности особо пристально следила за всеми отступниками коммунистического лагеря. Заключение под стражу нескольких маоистов и троцкистов не вызвало общественного резонанса, за исключением процесса над Яцеком Куронем и Каролем Модзелевским. В 1970 году было арестовано сорок восемь человек из нелегальной группы «Рух». Руководители были приговорены к тюремному заключению от семи до восьми лет — довольно суровое наказание для этого относительно мягкого исторического периода.

Аппарат госбезопасности заметно активизировался, когда через год после возвращения Гомулки к власти группа молодежи выступила с протестом против закрытия еженедельника *«Попросту»* — газеты, сыгравшей в 1956 году большую роль в борьбе за, перемены. Десятки человек были жестоко избиты, несколько — оказались на скамье подсудимых. Куда более масштабным событием стали забастовки и демонстрации в марте 1968 года, подавленные грубо и беспощадно: 2700 человек были арестованы, 1000 — отданы под суд. Десятки из них были приговорены к длительному тюремному заключению, сотни отбывали многомесячную трудовую повинность в армии, проходя там курс «перевоспитания». В первой половине 60-х годов происходило немало стычек милиции с верующими, собиравшимися для защиты незаконно, по мнению властей, установленных часовен или крестов. Наказания за такие проступки были по большей части безобидными, хотя сотни людей были за это избиты, а многие приговорены к штрафам.

Рабочие выступления оценивались иным образом. В декабре 1970 года демонстрации прокатились по всему побережью Балтики. Развязка оказалась драматической: несмотря на специально существующие для подобных ситуаций отряды милиции, власти прибегли к использованию армейских частей, было применено оружие, как четырнадцать лет назад в Познани. По официальным источникам, погибло около сорока человек Тысячи людей подверглись жестоким побоям в полицейских участках. Рабочих пропускали «сквозь строй», через так называемые дороги здоровья, т.е. между двух рядов полицейских, награждающих их ударами дубинкой. Характерно, что после декабрьских событий режим не стал возбуждать никаких дел против их участников. Взятые под стражу рядовые демонстранты после отставки Гомулки были отпущены на волю, а вожди забастовки подверглись гонениям на своих предприятиях.

Затем в июне 1976 года стачки прошли еще в нескольких городах. На этот раз власти отправили на их разгон спецподразделения милиции. До оружия дело не дошло, но тем не менее несколько забастовщиков погибли. Задержано было около тысячи человек, несколько сот из них — приговорены к различным штрафам, десятки — к различным срокам тюремного заключения.

В обществе произошли определенные сдвиги — рост оппозиционных настроений объединил членов семей арестованных рабочих, молодежь и интеллигенцию, начавшую борьбу за права человека и соблюдение Конституции. Впервые после запрета деятельности ПСЛ в 1947 году появились организованные оппозиционные движения (КОР, РОПСИО). Исходя из этой новой реальности, властные структуры вынуждены были изменить тактику. Прежде всего из-за страха перед резонансом за границей, связанным с усилением финансовой зависимости от Запада, власти избрали тактику беспокоящих действий:

многократные задержания без предъявления обвинений сроком на сорок восемь часов (разрешенные Уголовным кодексом), увольнения, психологическое давление, отказ от выдачи паспорта, конфискация множительной техники и т.д. Служба госбезопасности быстро обросла разветвленной агентурной сетью. Для противостояния поднявшей голову оппозиции на промышленных предприятиях в 1979 году было восстановлено специальное управление по «защите экономики».

Меры эти оказались недостаточно эффективными — в 1980 году началась новая волна забастовок. В партийном руководстве преобладали настроения «жесткой» линии, тем не менее никто не отважился принять решение о подавлении забастовок силовыми методами. К тому же на заседаниях Политбюро отмечалось, что брошенные для усмирения недовольных силы оказались слишком малочисленными и неподготовленными для противостояния многотысячным толпам забастовщиков с сотен заводов. На этот раз — в отличие от аналогичных выступлений 1956, 1970 и 1976 годов — стачечники действовали в соответствии с призывом Яцека Куроня: «Не сжигайте партийные комитеты, создавайте свои собственные».

Довольно жестоким преследованиям подверглось профобъединение «Солидарность», возглавляемое Лехом Валенсой. При этом властями использовалась тактика прошлых лет: ослабление профсоюза, провоцирование внутренних распрей с целью возможного его поглощения структурами, контролируемыми компартией (ПОРП), такими, как Фронт единства народа. С октября 1980 года МСВ и Генеральный штаб начали подготовку к введению военного положения. Систематически осуществлялось внедрение осведомителей в ряды «Солидарности» (в одной только Варшаве летом их насчитывалось 2400), МСВ провоцировало постоянные точечные конфликты, включая административные аресты на сорок восемь часов, отряды милиции требовали освободить общественные здания, в которых размещалась «Солидарность». В феврале 1981 года списки активистов, подлежащих интернированию, были уже подготовлены (равно, как и тюрьмы, готовые их принять), однако впоследствии ПОРП предпочитает продолжать тактику мелких уколов и провокаций, как и в марте 1981 года в Быдгоще, когда милиция просто-напросто отколотила непокорных профсоюзных деятелей. Органы госбезопасности, занимавшие довольно пассивную позицию, получили подкрепление в лице политической полиции ГДР «Штази», которая после забастовок 1980 года разместила одну из своих оперативных групп в Варшаве[12]. Событие достаточно показательное — впрочем, известно, что КГБ за несколько лет до того наладило координацию сотрудничества органов госбезопасности разных стран для борьбы с демократической оппозицией.

Такая ситуация сохранялась до начала декабря 1981 года, когда, желая проверить мобилизационные возможности «Солидарности», отряды милиции, созданные для борьбы с терроризмом, подавили забастовку учащихся варшавской школы пожарных. Десять дней спустя, в ночь с 12 на 13 декабря, на всей территории Польши было объявлено военное положение.

Военное положение: попытки усиления репрессий

Это была грандиозная полицейская и военная операция, подготовленная с поразительной скрупулезностью. Было задействовано 70 000 солдат, 30 000

сотрудников милиции, 1750 танков, 1900 бронетранспортеров, 9000 грузовых и легковых автомобилей, несколько эскадрилий вертолетов и транспортных самолетов. Эти силы были сосредоточены в крупнейших городах и промышленных центрах; перед ними стояли следующие задачи: сломить сопротивление забастовщиков, парализовать обычный ход жизни, терроризируя население, пресечь всякие ответные действия со стороны «Солидарности». Телефонная связь была отключена (что стало причиной смерти многих людей, не дозвонившихся до «скорой помощи»), закрыты границы и заправочные станции; для выезда из любого населенного пункта были введены пропуска, установлен комендантский час и цензура на переписку. Через десять дней с забастовками было покончено, демонстрации разогнаны — результативность запланированных мер налицо. 14 человек были убиты, несколько сот ранены, около 4000 забастовщиков арестованы. Первые судебные процессы состоялись уже на Рождество, приговоры — от трех до пяти лет тюремного заключения (самый суровый приговор — 10 лет). Все обвиняемые были осуждены военными трибуналами, правомочными рассматривать «правонарушения против закона военного времени». Войска СССР, ГДР и Чехословакии, приведенные в полную боевую готовность для предотвращения возможного перерастания забастовок и демонстраций в вооруженный мятеж (при неспособности польских войск к его подавлению), могли теперь отказаться от интервенции.

Второй этап карательных мероприятий, начавшийся ночью 12 декабря, — интернирование активистов оппозиции и «Солидарности». За несколько дней на основании постановления властей 5000 человек были помещены в сорок девять «центров изоляции», расположенных вдали от крупных городов. Так удалось парализовать профсоюзное движение и, избавившись от его руководителей, внедрить на их место сотрудников госбезопасности. Подобная практика интернирования продолжалась целый год и выглядела менее суровой, чем содержание в тюрьме, и более простой в исполнении, поскольку не требовала присутствия прокурора или возбуждения процесса. В отношении интернированных, заключенных и приговоренных лиц органы госбезопасности в большинстве случаев не прибегали к «запрещенным приемам», делая упор на «методы убеждения», подкрепленные применением силы. Параллельно служба госбезопасности вербовала новых сотрудников и подталкивала активистов нелегальных группировок к эмиграции, шантажируя их семьи.

Генерал Ярузельский, ставший главой правительства с 18 октября, вынужден был считаться и с партийными радикалами, особенно многочисленными среди партработников предприятий, и с отставными функционерами МСВ, и с партийными и военными аппаратчиками. Все они создавали группы самообороны (хотя никто не собирался на них нападать), обзаводились пистолетами, настойчиво требуя судебных процессов над интернированными, суровых приговоров, смертных казней. Словом, имевшее место нарастание накала репрессий было в их глазах слишком мягкой мерой, они выступали за всеобщий террор. Несмотря на массированную пропагандистскую кампанию против «Солидарности», партийное руководство все же не решилось на применение методов, навязываемых радикалами. Предпочтение было отдано «ослаблению напряженности». Тем не менее демонстрации «Солидарности», традиционно проводившиеся 1 и 3 мая (даты годовщины Конституции 1791 года и бывшего национального праздника), и демонстрация 31 августа, посвященная годовщине Гданьских соглашений, заключенных в 1980 году, были разогнаны, и доволь-

но грубо. Тысячи манифестантов были задержаны, сотни дел переданы в суд. Шесть человек были убиты. На открытых судебных процессах, проводившихся нерегулярно, руководителей подпольных группировок «Солидарности» приговаривали к тюремному заключению на срок до пяти лет. После закрытия центров интернирования в декабре 1982 года и официальной отмены осадного положения 22 июля 1983 года в тюрьмах оставалось около тысячи политических заключенных, осужденных за организацию нелегальных профсоюзных объединений, подпольную издательскую деятельность или распространение книг и другой печатной продукции, а порой просто за сбор пожертвований в пользу задержанных. Не гнушались власти и увольнениями со службы. Множество участников декабрьских забастовок 1981 года стали жертвами массовых увольнений, журналистов подвергали процедуре «проверки», после чего многие лишились работы.

В течение нескольких первых недель после 13 декабря Польша испытала последний всплеск террора, сопоставимого по жестокости с репрессиями 1949—1956 годов. Теперь аппарат госбезопасности располагал богатым выбором методов, обозначаемых на языке секретных спецслужб терминами «дезинформация» и «дезинтеграция», уже опробованных в 70-е годы, когда Министерством внутренних дел была создана отдельная «группа Д» с филиалами на местах. Вплоть до 1981 года объектом деятельности нового отдела были Церковь и религиозные круги. После введения военного положения радиус действия «группы Д» расширяется, охватывая и «Солидарность», по отношению к которой применялись следующие меры: неоднократные посягательства на собственность профсоюзных активистов (поджоги квартир, уничтожение автомобилей), нападение на них «неустановленных лиц», угрозы убийства, подбрасывание ложных листовок и фальшивых подпольных газет. Было организовано несколько похищений, жертв выбрасывали на дороги, предварительно накачав снотворными или наркотическими препаратами. Известны имена пострадавших от побоев, среди них — избитый в 1983 году в полицейском участке лицеист Гжегош Пжемык.

Самая шумная акция такого рода — убийство священника Ежи Попелюш-ко, совершенное 19 октября 1984 года сотрудниками отдела ДIV департамента МСВ. Согласно официальной версии, убийцы действовали по собственному умыслу, без чьего-либо ведома. Подобное толкование порождает множество сомнений, поскольку деятельность аппарата госбезопасности всегда находилась под строгим контролем, и все сколько-нибудь важные мероприятия проводились лишь после того, как министерство давало «зеленую улицу». Это был особенный случай — МСВ само передало виновных в руки правосудия; в нескольких последующих историях, связанных с умерщвлением священников или лиц, связанных с «Солидарностью», имена убийц так и остались нераскрытыми. Судя по реакции населения, действия в стиле «группы Д» не достигли поставленной цели — устрашения определенных социальных слоев. Эффект оказался обратным, решимость оппозиционеров лишь усилилась.

За жестокими конфронтациями в первые дни вступления в силу военного положения и крупными карательными экспедициями во время манифестаций 1982—1983 годов последующий период характеризуется довольно сдержанным давлением. Члены нелегальных группировок осознали, что им грозит не более нескольких лет тюремного заключения, регулярно прерываемого теми или иными амнистиями. На этой стадии эволюции репрессивная система уже очень далеко ушла от своих сталинских истоков.

От прекращения огня до капитуляции, или растерянность власти (1986—1989)

К концу лета 1986 года под влиянием советских перестройки и гласности, а также застоя в польской экономике команда генерала Ярузельского попыталась выделить из рядов польской оппозиции группировки, с которыми можно прийти к компромиссу. Любая попытка такого рода неизбежно предполагала резкое снижение репрессивного накала. Так, 11 сентября 1986 года Министерство внутренних дел объявило об освобождении всех политических заключенных, в общей сложности 225 человек. Для поддержания хотя бы минимального уровня строгости решено было за любое участие в запрещенной организации или за любую нелегальную публикацию наказывать штрафом или содержанием под стражей в следственном изоляторе, а не в тюрьме, как в прежние времена. Таким образом был осуществлен возврат к репрессивному уровню 1976—1980 годов. С одной лишь разницей: отныне властям приходилось сталкиваться не с сотнями непокорных, а с десятками тысяч представителей оппозиции. В начале 1988 года в ходе нескольких массовых забастовок репрессии вновь усилились, однако уже 26 августа было объявлено о начале переговоров с «Солидарностью».

Неудовлетворенные подобным поворотом событий, сотрудники аппарата госбезопасности повели себя тем не менее достаточно дисциплинированно, хотя не исключено, что кое-кто и пытался воспрепятствовать наметившемуся сотрудничеству. Об этом свидетельствует убийство в январе 1989 года двух священников, занимавших пасторские должности в местных объединениях «Солидарности»*. До сего дня никому не известно, организовано ли это покушение одной из «групп Д», либо речь идет об уголовном преступлении.

После выборов 4 июня 1989 года и создания правительства Тадеуша Мазовецкого контроль над «силовыми министерствами» (Министерством внутренних дел и Министерством обороны) сохранился в руках их бывших руководителей. 6 апреля 1990 года расформированная СБ преобразуется в Управление правительственной охраны (УОП).

Коммунистическая система в Польше никогда не была в рамках законности, поскольку не соблюдала ни норм международного права, ни собственной Конституции. Преступная с самого своего возникновения в 1944—1956 годах система всегда прибегала к силе, вплоть до военной. Везде и во всем.

* Эти преступления напоминают об убийстве демократически настроенного священника А. Меня, совершенном в 1990 году неподалёку от его дома под Москвой. До сих пор не подтверждена, но и не опровергнута причастность КГБ к этому убийству. *(Прим. ред.)*

2

Карел Бартошек

Центральная и Юго-Восточная Европа

«Импортный» террор?

В центрально-европейском пространстве террор необходимо осмысливать в связи с войной — высшим его выражением в первой половине XX века. Вторая мировая война, начавшаяся именно с этого региона, по беспощадности своей превзошла казавшиеся смелыми концепции генерала Люден-дорфа о «тотальной войне». По словам Мигеля Абенсура, в это время происходит «демократизация смерти», гибнут десятки миллионов человек, массовое уничтожение срастается с идеей войны. От нацистского варварства страдало в первую очередь гражданское население, наиболее показателен в этом смысле пример евреев. Об этом же красноречиво свидетельствуют цифры: в Польше потери среди военных составляли 320 000 убитых, в то время как потери среди гражданского населения достигали 5,5 миллионов; в Венгрии соответственно 140 000 и 300 000 человек; в Чехословакии потери среди гражданского населения составляли 80—90% от общего числа потерь...

Поражение Германии не положило конец грандиозному террору военных лет. В мирных условиях людям предстояли новые испытания — «национальные чистки», принявшие особенно жестокий характер с появлением на этих землях Красной Армии. Комиссары госбезопасности, а также спецслужбы — СМЕРШ и НКВД — уполномочены были досконально разобраться и провести «чистки». В итоге из государств, воевавших против Советского Союза —-Венгрии, Румынии, Словакии, — в советский ГУЛАГ были депортированы сотни тысяч человек (окончательные цифры еще предстоит уточнить).

Согласно новейшим венгерским и российским исследованиям, увидевшим свет после открытия архивов, были депортированы, по самым скромным подсчетам, сотни тысяч человек, солдат и штатских, начиная с тринадцатилетних детей и кончая восьмидесятилетними стариками: около 40 000 из Закарпатской Украины, принадлежавшей Чехословакии, затем оккупированной Венгрией после Мюнхенских соглашений 1938 года и фактически аннексированной Советским Союзом в 1944 году; из Венгрии, где общее число жителей составляет примерно девять миллионов, в те годы было депортировано более 600 000 человек (по сведениям советской статистики — только 526 604 человека). Это число прибывших в лагеря, без учета тех, кто погиб в пути и в пересыльных лагерях в Румынии (лагеря Брашов, Тимишоара, Марамуреш), в Молдавии (Фошканы), в Бессарабии (Балта) или в Галиции (Самбор). Примерно 75% ссыльных перевозились транзитом через эти лагеря. Среди депортированных находились также евреи, зачисленные в трудовые батальоны венгерской армии. Две трети заключенных были размещены в трудовые лагеря, одна треть (штатские) в лагеря для интернированных, где смертность из-за эпидемий вдвое превышала обычные

показатели. По современным оценкам, около 200 000 депортированных из Венгрии (включая также лиц, принадлежащих к немецкому меньшинству, русских, приехавших после 1920 года, французов и поляков, обосновавшихся в Венгрии) никогда оттуда не вернулись'.

Частично «чистки» проходили при участии судов, «народных» и «чрезвычайных»; в конце войны и в первые послевоенные месяцы преобладало внесудебное преследование с применением насильственных методов: казней, убийств, пыток, взятия заложников, — полная вседозволенность, забвение и несоблюдение законов и международных конвенций о военнопленных и гражданском населении. Болгария, где в ту пору проживало семь миллионов жителей, особенно отличилась в этой области. На следующий день после 9 сентября 1944 года, даты захвата власти Отечественным фронтом и вступления на болгарскую территорию Советской Армии, включились в работу народная милиция и государственная безопасность, находящиеся под контролем коммунистов; 6 октября был выпущен декрет, учреждающий «народные трибуналы». В марте 1945 года они уже вынесли 10 897 приговоров по 131 процессу и приговорили к смерти 2138 человек, среди которых фигурируют члены регентского совета, в том числе брат царя Бориса III, большинство членов парламентов и правительств за весь период после 1941 года, высшие военные чины, полицейские, судьи, промышленники, журналисты. Однако, по оценкам специалистов, именно «стихийная чистка» принесла наибольшее число жертв: от 30 000 до 40 000 человек. Это были, главным образом, местные видные деятели, мэры, учителя, священники, коммерсанты. Благодаря свидетелям, не побоявшимся раскрыть правду, после 1989 года были выявлены ранее не известные братские могилы. Следует отметить, что Болгария не воевала против Советского Союза и спасла большинство своих евреев от геноцида. Для определения масштаба коммунистических репрессий, обрушившихся на эту страну, стоит изучить данные о жертвах за период с 1923 по 1944 годы, когда в стране господствовал режим, изобличенный в Европе как диктаторский. Согласно проведенному в 1945 году новым парламентом сбору информации, список жертв включает 5632 убитых, казненных, умерших в тюрьме или во время предварительного заключения[2]; с 1941 по 1944 год — во время действия антифашистского Сопротивления и репрессий против него — были приговорены к смерти и казнены 357 человек, среди них — не только участники Сопротивления.

«Чистки», проходившие во многих странах при непосредственном участии сил Советской Армии, рождали в душах людей глубокий страх, поскольку жертвами становились не только те, кто оказывал активную поддержку нацистам или местным фашистам, но и множество ни в чем не повинных сторонников политики выжидания.

В документальном болгарском фильме, выпущенном в начале 90-х годов, после падения коммунистического режима, одна женщина рассказывает о событиях осени 1944 года: «После первого задержания отца на следующий день пополудни к нам домой пришел полицейский и передал моей матери повестку с требованием явиться в пять часов вечера в полицейский участок № 10. Мама оделась — она была такая красивая, кроткая — и ушла. Нас было трое малышей, мы ждали ее с нетерпением. Наконец она вернулась в половине второго ночи, белая как полотно, в смятой одежде, растерзанная. Войдя, она подошла к печке, открыла чугунную дверцу, разделась и сожгла всю одежду. Затем она приняла ванну и лишь после этого сжала нас в своих объятьях. Мы легли спать. На следу-

ющий день она попыталась покончить с собой, попытки эти повторялись три раза, позднее она еще два раза травилась. Она до сих пор жива, я ухаживаю за ней <...> у нее психическое заболевание. Мы так и не узнали, что тогда с ней сделали»?.

Под влиянием коммунистической пропаганды, превозносившей «Красную Армию — освободительницу», в европейских государствах усиливался процесс «переметывания» людей из одного идеологического лагеря в другой, процветало доносительство. Как это нередко случается в переломные моменты истории, кризис общественных отношений сопровождался личностным душевным кризисом отдельных членов общества. Это явление отразилось не только в выжидательной позиции пассивных пособников палачей, но и в поведении тех, кто сильнее всего пострадал, — евреев. Розенцвейги отныне предпочитают именоваться Розанскими, а Брайтенфельды — Баресами...

Господство террора, страха и отчаяния в Центральной и Юго-Восточной Европе продолжалось. Против новых властей велась вооруженная борьба, в частности в Польше, временами перекидываясь в Словакию, как это было в 1947 году, когда туда прибывали военно-террористические отряды «бандеровцев», изгнанные с Украины. Вооруженные отряды, состоявшие из бывших членов фашистской «Железной гвардии», свирепствовали в румынских Карпатах, называя себя «Черными плащами». Нередкими были в Центральной Европе и проявления воинствующего антисемитизма: последние в европейской истории погромы состоялись в Польше, в Венгрии и в Словакии. Новая еврейская трагедия разыгрывалась непосредственно после массовой бойни во время войны, став катастрофой и для народов, среди которых культивировался «неоантисемитизм» (это выражение принадлежит известному венгерскому мыслителю Иштвану Бибо). Насилие разрасталось вширь.

Агрессивный национализм часто выливался в антинемецкие настроения — отчасти это объяснялось событиями недавнего прошлого и преступлениями нацистской Германии, и агрессивность, подобно тяжелому грузу, сдерживала развитие демократического процесса на европейском континенте. Жестокость и насилие проникали в повседневную, будничную жизнь и влекли за собой перемещение миллионов человек, отнесенных к немецкому меньшинству, проживавшему на этих землях еще с XIII века: 6,3 миллиона немцев вынуждены были покинуть свои дома на территориях, возвращенных Польше; 2,9 миллиона изгнаны из Чехословакии; 200 000 — из Венгрии; более 100 000 — из Югославии... Общие цифры не могут заслонить тысяч личных драм: в то время как мужчины, в основном военные, оказались в лагерях для военнопленных, женщины, дети и старики вынуждены были покинуть свои дома, квартиры, лавки, мастерские и фермы. «Официальному» перемещению, утвержденному союзными державами в течение лета 1945 года, предшествовало в некоторых местностях перемещение «дикое»; и спущенные с цепи чешские националисты во время этой охоты на немцев убили несколько тысяч гражданских лиц.

Террор пустил корни на центрально-европейском пространстве еще до установления коммунистических режимов, жестокость часто являлась неотъемлемой частью социальных отношений и менталитета рассматриваемых стран. Тем труднее было им противостоять грядущей волне варварств, которая вскоре обрушилась на них.

Орудием новой волны насилия призваны были стать коммунистические партии центрально-европейских стран. Их руководители и аппаратчики — верные последователи большевистской теории, «обогащенной» опытом Совет-

ского Союза, возглавляемого Иосифом Сталиным. Как видно из предыдущих глав, цель у всех компартий была одной и той же: упрочить любыми средствами монопольную власть коммунистов и «руководящую роль партии» по советскому образцу сталинского покроя. Речь никоим образом не шла о каком бы то ни было распределении полномочий или разделении властей, политическом плюрализме или парламентской демократии, даже если парламентский режим формально поддерживался. Олицетворением доктрины в то время являлся Советский Союз, окруженный ореолом победителя нацистской Германии и ее союзников, он был главной революционной силой, всемирным вдохновителем. И местные коммунистические лидеры должны были не только согласовывать свои действия с Советами, но и безропотно подчиняться центру мирового коммунизма — Москве и великому вождю — Сталину.

Более всего монопольная власть коммунистов упрочилась в период освобождения в двух странах: в Югославии во главе с Иосипом Броз Тито и в Албании, где руководство КПА взял на себя Энвер Ходжа. В этих странах именно коммунисты оказались самой влиятельной силой, участвовавшей в сопротивлении нацистским и итальянским захватчикам, и, несмотря на давление извне, включая советское, они не согласились разделить власть с другими политическими силами, разве что ненадолго.

В истории не часто встречаются примеры, когда установлению новой власти предшествовало такое жестокое кровопролитие, как в Югославии (около миллиона жертв в стране с населением в пятнадцать с половиной миллионов жителей); наибольшее количество пострадавших — среди гражданских лиц, в основном женщин, детей и стариков; многочисленные внутренние распри—гражданские, этнические, идеологические и религиозные — принесли больше смертей, чем действенная и эффективная война союзников против оккупантов или даже карательные операции последних. Эта поистине братоубийственная война, доходящая порой до геноцида, привела к тому, что в буквальном смысле брат дрался против брата; в результате подобной «чистки» за период освобождения были уничтожены все внутриполитические соперники коммунистов и их вождя Тито. Подобного же рода «чистка» прошла и в соседней Албании, разумеется, не без помощи югославских коммунистов.

В других странах Центральной и Юго-Восточной Европы, за исключением Чехословакии, коммунистические партии предвоенных лет представляли собой силы скорее маргинальные, насчитывающие не более нескольких тысяч приверженцев; болгарская партия, например, играла важную роль в 1919— 1923 годах, затем действовала подпольно, принимая активное участие в Сопротивлении. В свете тогдашней политической конъюнктуры и при поддержке Советской Армии компартии сделались значительной силой. Входя в состав вновь сформированных правительств, коммунистические партии почти везде контролировали министерства, ответственные за репрессивные действия (Министерства внутренних дел и юстиции) или осуществляющие их (Министерство обороны). Начиная с 1944—1945 годов коммунисты входили в состав правительств в качестве министров внутренних дел — в Чехословакии, Болгарии, Венгрии и Румынии, министров юстиции — в Болгарии и Румынии. Министры обороны Чехословакии и Болгарии, генералы Людвик Свобода и Дамиан Вел-чев, оба были тайными сторонниками коммунистической партии. Люди, находившиеся у них в подчинении, возглавляли тайную полицию, органы госбезопасности — «Даржавна Сигурност» в Болгарии, «Аллам Ведельми Остайи» (АВО,

позднее АВХ) в Венгрии — и военную разведку, В Румынии спецслужба, предшественница знаменитой секуритате, находилась под началом Эмила Боднараша, бывшего армейского офицера, и, по свидетельству Кристины Бойко[4], ставшего советским агентом. Коммунисты прежде всего внедряли на местах аппарат насилия. По поводу полного контроля коммунистов над АВО генеральный секретарь ЦК КП Венгрии Матьяш Ракоши заявил: «Это единственное учреждение, где мы сохранили всестороннее руководство, категорически отказавшись разделить свои функции с другими коалиционными партиями в соответствии с долей участия каждой партии в наших общих делах»[5].

Политические процессы против некоммунистических союзников

Промелькнувшие в речах некоторых коммунистических руководителей той эпохи рассуждения о «национальных путях социализма» без «диктатуры пролетариата» по-советски служили лишь ширмой, прикрывавшей реальную стратегию коммунистических партий Центральной и Юго-Восточной Европы. Эта стратегия заключалась в проведении в жизнь большевистской теории и практики, прошедших испытания в России начиная с 1917 года; подобно тому, как большевики устранили своих бывших союзников, эсеров и членов других партий, их прилежные ученики начиная с 1946 года стали расправляться со своими партнерами по коалиции. Кроме того, исследователи высказывают мысль о «процессе советизации» местных режимов и о стратегическом плане, разработанном Москвой. И действительно, Сталин летом 1947 года отказался от плана Маршалла и стал инициатором создания Информационного бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформа) в сентябре 1947 года — так совершенствовался контроль за деятельностью правящих партий.

Разумеется, существовали различия в развитии рассматриваемых нами стран. Тем не менее коммунистические партии всегда и везде стремились к жестокому подавлению конкурентов: политических, идеологических, духовных, причем как реальных, так и потенциальных. Доктрина требовала окончательного устранения противников, и для достижения этой цели все средства были хороши, начиная со смертного приговора, расправ, долгосрочного тюремного заключения и кончая принудительной ссылкой на Запад, процедурой менее жестокой, однако существенно ослаблявшей силы антикоммунистического сопротивления,— она, к сожалению, пока недооценивается в аналитических исследованиях истории этих стран. Право на родину, на дом — одно из основополагающих прав человека. Тем не менее, начиная с 1944— 1945 годов десятки тысяч венгров, словаков, поляков и других коренных жителей вынуждены были покинуть свои страны из-за страха перед Советской Армией.

Первое орудие в арсенале карательных мер — политический процесс против вождей других партий, многие из которых не принадлежали к категории «коллаборационистов», сотрудничавших с нацистскими оккупантами или местными фашистами, а, напротив, были участниками сопротивления, прошли через нацистские тюрьмы и лагеря. Подобные процессы начались в странах — бывших союзницах Германии (Венгрии, Румынии и Болгарии) под непосредственным надзором Советской Армии; в межсоюзнических комиссиях, созданных в 1944 году и действовавших до 1947 года, советские военные имели преобладающее влияние и навязывали свою точку зрения. Так, в Венгрии партия мелких сельских хозяев, победившая на выборах 1945 года, набрав 57% голосов из-

бирателей, стала не только предметом политических маневров, но и широко развернутых полицейских мер. В январе 1947 года Министерство внутренних дел под управлением коммуниста Ласло Райка, сражавшегося в Интернациональных бригадах в Испании, а в конце войны ставшего руководителем сил Сопротивления, сообщило о раскрытии «антигосударственного заговора», предъявляя обвинение отряду «Венгерское содружество», сформированному во время войны для подпольной борьбы против нацистских оккупантов. Полиция арестовала министра и многих депутатов партии мелких сельских хозяев; главарь так называемых заговорщиков Дьёрдь Донат был приговорен к смерти и казнен, другие обвиняемые прошли через все тяготы тюрьмы.

В феврале 1947 года Бела Ковач, генеральный секретарь этой влиятельной партии, был арестован советскими властями за «заговор, угрожающий безопасности Советской Армии»; он содержался в советской тюрьме до 1956 года. Число пострадавших стремительно росло, поскольку коммунистическая полиция Венгрии, как и других стран, считала, что каждый «заговор» неизбежно сопровождается «разветвлениями».

Итак, через два года после окончания войны первая по численности партия Венгрии была обезглавлена и казнена[6]. Вслед за Бела Ковачем наиболее видные представители партии мелких сельских хозяев оказались либо в ссылке, либо в заключении: Ференц Надь, председатель Совета, его предшественник Золтан Тилди, президент Национальной ассамблеи Бела Варга, Йожеф Кёваго, мэр Будапешта; а заодно с ними — десятки депутатов и партийных активистов. С конца 1947 и до начала 1949 года распущены партия независимости и народно-демократическая партия. Позднее генеральный секретарь Коммунистической партии Венгрии Матьяш Ракоши, вернувшись из Москвы в сопровождении Советской Армии, превозносил «тактику салями», рекомендуя истреблять противников не сразу, а постепенно, отрезая по ломтику. При этом он был твердо убежден, что заглоченные ломтики салями не вызовут в дальнейшем несварения желудка...

Преследования социал-демократов в разных странах продолжались. В Венгрии в феврале 1948 года был арестован Юстус Келемен, заместитель министра промышленности. Если не считать Польши, то эти преследования начались с Болгарии, где лидер социал-демократов Крыстю Пастухов был приговорен в июне 1946 года к пяти годам тюрьмы. До наступления лета 1946 года пятнадцать членов Центрального комитета независимой социал-демократической партии, возглавляемой Костой Лулчевым, оказались в тюрьме. Сам Лулчев, как и другие руководители, был арестован в 1948 году и приговорен в ноябре к пятнадцати годам заключения. Репрессивные действия затронули в 1948 году и Румынию, где в мае были арестованы Константин Тител Петреску и Антон Дими-триу, соответственно президент и генеральный секретарь независимой социал-демократической партии, что болезненно отразилось на всех противниках насильственного объединения социал-демократических партий с правящими коммунистическими партиями. Альянс с социал-демократами, настойчиво навязываемый в период освобождения, оказался на деле чисто тактическим ходом — плюрализм рабочего движения в действительности никогда не выходил за рамки коммунистического режима. Особо массовое преследование социал-демократов развернулось в советской оккупационной зоне в Германии, ставшей впоследствии территорией Германской Демократической Республики. За 1945—1950 годы пять тысяч социал-демократов были приговорены советскими и восточно-германскими судами к различным срокам заключения, че-

тыреста человек погибли в тюрьмах. Последний крупный процесс против социал-демократов состоялся в конце 1954 года в Праге.

Тюрьма в Сигету

На северное границе Румынии расположен городок Сигету. В 1896 году там была сооружена тюрьма с толстыми стенами, которая в 1948 году была превращена в политическую тюрьму строгого режима.

В мае 1950 года в многочисленных товарных вагонах в Сигету были свезены более двухсот влиятельных лиц, включая нескольких министров из различных правительств послевоенного периода. Большинство из них — люди преклонного возраста, как, например, лидер национальной крестьянской партии Юлиу Маниу, 73 лет, или старейшина известной семьи Братьяну (основателей современной Румынии), 82 лет. Тюрьма заполнилась политическими деятелями, генералами, журналистами, священниками, греко-католическими епископами... За пять лет пятьдесят два узника встретили там свою смерть.

В Болгарии перед выборами, назначенными на 27 октября 1946 года, были убиты двадцать четыре активиста Болгарского земледельческого народного союза. Вождь партии Никола Петков был арестован 5 июня 1947 года в разгар заседания Народного собрания вместе с двадцатью четырьмя депутатами. Республиканец-франкофил Петков провел семь лет в изгнании во Франции после убийства фашистами в 1924 году его брата, Петко Петкова, руководителя левого крыла Земледельческого союза. В 1940 году Петков был на несколько месяцев интернирован в лагерь Гонда-Вода, позднее ему было назначено постоянное местожительство; за этот период он успел подготовить создание Отечественного фронта, куда были вовлечены и участники коммунистического Сопротивления. В конце войны он стал заместителем председателя Государственного совета, затем ушел в отставку, выражая протест против насилия и террора во время «чисток», проводимых представителями коммунистического меньшинства. И вот в 1947 Никола Петков, стоявший во главе объединенной оппозиции, бывший союзник коммунистов, был обвинен в «вооруженном антиправительственном заговоре», 5 августа отдан под суд, 16 августа приговорен к смерти, 23 сентября — повешен. Среди лиц, уполномоченных коммунистами и госбезопасностью на проведение подготовки ареста и судебного процесса над Пет-ковым, значится некто Трайчо Костов, который будет повешен два года спустя...

В двух других странах, бывших сателлитах Германии, главными мишенями политических процессов становились прежде всего руководители аграрных партий, часто содействовавших разрыву союза с Германией, что способствовало приходу Советской Армии. Так, в октябре 1947 года в Румынии руководители национал-крестьянской партии Юлиу Маниу и Ион Михалаке в результате грандиозного процесса, основанного исключительно на полицейских провокациях, были приговорены к пожизненному тюремному заключению; на различные сроки были осуждены еще семнадцать активистов этой партии. Этот процесс проложил дорогу для массового преследования политических деятелей некоммунистического толка. Юлиу Маниу скончался в 1952 году в тюрьме. Незадолго до выборов 18 ноября 1946 года многие политические деятели, в том числе либерал Винтила Братьяну, были осуждены военным трибуналом. Сфабрикованное обвинение гласило: «создание террористической организации».

Последнее заявление Николы Петкова

После выступления генерального прокурора, который потребовал вынесения смертного приговора, Николе Петкову было предоставлено право выступить с последним словом. Он достал из кармана лист бумаги и ровным голосом прочел:

«Господа судьи <...>, со спокойной совестью и полностью отдавая отчет в своей ответственности перед болгарским правосудием, перед обществом и политической организацией, членом которой я являюсь и за интересы которой готов отдать жизнь, считаю своим долгом заявить:

я никогда не участвовал ни делом, ни словом в нелегальной деятельности против народной власти, установленной 9 сентября 1944 года, одним из представителей которой я являюсь в качестве члена Земледельческого союза.

Я вступил в Болгарский земледельческий народный союз в 1923 году. В основе его идеологии заложены принципы мира, порядка, законности и власти народа, а используемое оружие — избирательный бюллетень, слово и пресса. Никогда Болгарский земледельческий союз не прибегал к неблаговидным, законспирированным и заговорщическим действиям; никогда не участвовал в государственных переворотах, хотя сам часто являлся их жертвой».

Далее Н. Петков напомнил о событиях 9 июня 1923 года и 19 мая 1934 года — «первых шагах фашизма в Болгарии», затем о своей отставке и уходе из правительства.

«Будь я, как утверждают господа прокуроры, жадным до власти человеком или карьеристом, я бы до сих пор занимал пост заместителя председателя Государственного совета Болгарии. С тех пор, как я перешел в ряды оппозиции, и до момента моего ареста я беспрестанно прилагал усилия для достижения договоренности между Земледельческим союзом и Коммунистическое» рабочей партией, поскольку считаю подобное соглашение исторической необходимостью. Я никогда не состоял на службе у реакции, ни внутри страны, ни за рубежом.

Господа судьи, в течение двух лет, начиная с 25 июня 1945 года, против меня развернута самая жестокая и безжалостная кампания, которая когда-либо велась против болгарского политического деятеля. Беспощадные удары нанесены и по моей частной, и по общественной жизни. Три раза я был символически погребен в Софии и десять раз в провинции. Я сам читал сообщение о моей смерти у входа на кладбище в Софии во время этих захоронений. Все это я перенес, не опускаясь до жалоб и нытья. Готов вытерпеть, не теряя присутствия духа, все, что меня ожидает, ибо такова неизбежность моей судьбы в печальной политической действительности современной Болгарии.

На что претендовать мне, скромному служителю на ниве общественной деятельности, если два человека, признанные сегодня великими государственными деятелями, Димитрий Петков и Петко Петков были убиты как предатели на улицах Софии». (Здесь Никола Петков напоминает о своем отце, Димитрие, председателе Государственного совета, убитом двумя выстрелами в спину 11 марта 1907 года, и брате Петко, депутате, убитом выстрелом в грудь 14 июня 1924 года.)

«Господа судьи, убежден, что вы отставите в сторону политику, которой не место в зале правосудия, и примете во внимание только бесспорно установленные факты. Уверен, что, движимые исключительно вашей судейской добросовестностью — на большее я и не надеюсь, — вы вынесете оправдательный приговор».

16 августа 1947 года, выслушав приговор о казни через повешение, провозглашенный «от имени болгарского народа», Никола Петков громко воскликнул:

«Неправда! Не от имени болгарского народа! Меня посылают на смерть по приказу ваших иностранных хозяев из Кремля или еще откуда-нибудь. Болгарский народ, раздав-

ленный кровавой тиранией, которую вы пытаетесь представить как правосудие, никогда не поверит *в* вашу гнусную ложь!»[7].

Что касается организации политических процессов против бывших союзников, Чехословакия представляет в какой-то степени пример неприкрытого и «безукоризненного» использования этого приема. Чехословакия принадлежала к лагерю стран-победительниц, и ее восстановление в 1945 году заставило позабыть об альянсе словацкого государства с Германией, чему способствовало и словацкое народное восстание против нацистских оккупантов в конце августа 1944 года. В ноябре 1945 года в соответствии с соглашениями союзных держав Советская Армия должна была отвести войска назад, а американцы — освободить западную Богемию. Коммунистическая партия выиграла выборы в мае 1946 года; правда, в Словакии она оказалась в меньшинстве, 62% избирательных голосов получила демократическая партия. Политические деятели, делившие власть с коммунистами после освобождения, подтвердили свою приверженность к свободе и демократии, участвуя в движении Сопротивления и внутри страны, и за рубежом, включая Словакию.

Рассекречивание чехословацких и советских архивов позволило со всей остротой ощутить безнравственность и аморальность большевистских прихвостней. В декабре 1929 года глава коммунистов, депутат Клемент Готвальд на обвинения о том, что КПЧ действует по указке Москвы, заявил на заседании парламента: «Мы — партия чехословацкого пролетариата, и верховная наша революционная штаб-квартира действительно находится в Москве. А знаете, зачем мы ездим в Москву? Поучиться у русских большевиков, как получше свернуть вам шею. Надеюсь, вам известно, что русские большевики — большие мастера в этой области»[8].

После выборов в мае 1946 года этот убежденный «сворачиватель шей», судьба которого (рабочий-самоучка, дослужившийся до поста вождя коммунистической партии большевистского толка) напоминает судьбу другого коммуниста — Мориса Тореза*, становится Президентом Чехословацкой Республики. Наконец-то он дирижер оркестра, теперь взмахом палочки он управляет репрессиями уже не за кулисами, а при свете рампы.

Словацкая демократическая партия стала первой мишенью; началось все с различных политических маневров, благодаря которым чешские некоммунистические силы оказались во власти антисловацких националистических настроений, а кончилось провокациями органов госбезопасности. В сентябре 1947 года полиция при подстрекательстве коммунистов объявила о раскрытии «антигосударственного заговора в Словакии». За этими клеветническими измышлениями последовал парламентский кризис, демократическая партия утратила свое большинство в словацком правительстве, двое из трех ее руководителей были арестованы.

Репрессивные действия ужесточились в феврале 1948 года после «Пражского переворота», открывшего широкие возможности для установления монопольной власти КПЧ. Февральский кризис сразу же вызвал уход в отставку большинства некоммунистических министров, а вскоре среди прочих в тюрьме оказались словак Ян Урсини, глава Демократической партии и бывший за-

* Морис Торез (1900—1964)—генеральный секретарь Французской коммунистической партии с 1930 по 1964 год. *(Прим.ред)*

меститель премьер-министра правительства Готвальда, вынужденный уйти в отставку осенью 1947 года, а также Прокоп Дртина, министр юстиции, оба — участники Сопротивления в период оккупации.

Уже в апреле — мае 1948 года на руководителей Словацкой демократической партии обрушились первые показательные процессы, сфабрикованные по всем правилам: двадцать пять человек были приговорены к различным срокам тюремного заключения, один из них — к тридцати годам. С этого момента формируются основополагающие принципы юридических и полицейских репрессивных действий: поиск «врагов» среди военных и сотрудников правоохранительных органов, а также среди политического руководства либерал-демократических и социал-демократических партий, которые до февраля 1948 года являлись искренними сторонниками всестороннего сотрудничества с коммунистами.

Рассмотрим два типичных случая «элитных» политзаключенных.

Генерал Гелиодор Пика, патриот и демократ, видный деятель движения Сопротивления. Сторонник сотрудничества с Советским Союзом, руководитель делегации чехословацких военных, посетивших СССР весной 1941 года незадолго до начала войны. В 30-е годы известен как последовательный инициатор налаживания дружеских связей с Москвой. Не остался незамеченным и его конфликт с «советскими органами»: он пытался вытащить из советских лагерей и тюрем более десяти тысяч чехословацких граждан, содержавшихся под стражей за «нелегальный переход через границу СССР» в 1938—1939 годах, и добиться включения их в состав чехословацкой армии, формируемой в Советском Союзе. Вплоть до 1945 года его патриотизм и заслуги перед «народно-демократической революцией» считались неоспоримыми, он исполнял обязанности первого помощника начальника штаба чехословацкой армии.

С конца 1945 года за его деятельностью стали наблюдать военно-разведывательные службы и лично их глава — Бедржих Райцин, коммунист, тесно связанный с советскими спецслужбами. В конце февраля 1948 года генерал Пика был уволен из рядов армии, в начале мая арестован и обвинен в том, что, будучи агентом английской разведки, он осуществлял диверсионную деятельность, направленную против чехословацкой армии в СССР в период войны, а также в нанесении ущерба интересам СССР и своей родины... Специально созданный в середине 1948 года для осуществления политических репрессий Государственный суд 28 января 1949 года вынес Пике смертный приговор. Он был повешен 21 июня 1949 года в шесть часов утра во дворе Пльзеньской тюрьмы. Райцин ясно изложил своим приближенным причины физического устранения генерала: этого потребовали «советские органы», поскольку тот «слишком много знал о работе советской разведки». Это, несомненно, объясняет, почему три года спустя Райцин также был казнен через повешение.

История Йосефа Подседника не менее поучительна. В феврале 1948 года он был мэром Брно — главного города Моравии и второго по величине города Чехословакии. Он оказался на этом посту в результате демократических выборов 1946 года, в которых участвовал в качестве кандидата от Национал-социалистической партии, созданной в начале века и не имевшей ничего общего с гитлеровским «национал-социализмом». Приверженец демократических и гуманистических идеалов, сформулированных первым президентом Чехословакии Томашем Масариком, избранным в 1918 году, он являлся представителем довольно широкого слоя чешских социалистов, ратующих за сотрудни-

чество с коммунистами. После февральских событий 1948 года мэр города Брно решается на эмиграцию, затем отказывается от этой идеи и остается, пытаясь облегчить участь бывших членов своей партии, подвергнутых гонениям на вверенной ему территории (на 31 декабря 1947 года их насчитывалось более шестидесяти тысяч). Арестован 3 сентября 1948 года, в марте 1949 года приговорен Государственным судом к восемнадцати годам тюремного заключения за нелегальную деятельность, направленную на ниспровержение существующего строя насильственным путем и в связи с «иностранной реакцией» и тд. С ним заодно приговорены девятнадцать членов его партии, суммарный срок тюремного заключения составляет семьдесят четыре года. Все свидетели, проходившие по этому делу, становились политзаключенными и также ожидали своей участи. Следующая группа пострадавших — тридцать два активиста из южной Моравии, они были приговорены позднее, но также в связи с «делом Подседника», в общей сложности к шестидесяти двум годам тюремного заключения.

Процесс Подседника был показательным. «Десятки руководителей КПЧ почтили своим присутствием этот первый грандиозный политический процесс, устроенный Государственным судом. Возглавлял эту делегацию Отто Слинг (один из будущих смертников, приговоренных в ходе процесса Слан-ского), который от души радовался в момент произнесения приговора»,— вспоминал впоследствии Йосеф Подседник, вышедший из тюрьмы лишь в 1963 году, отбыв наказание сроком в пятнадцать лет.

Кульминацией расправы с бывшими союзниками — демократами и социалистами — стал процесс над Миладой Гораковой, проходивший в Праге с 31 мая до 8 июня 1950 года. Перед судом предстали тринадцать человек: лидеры Национал-социалистической, Социал-демократиче'ской, Народной партий и один «троцкист»; четверо из них были приговорены к смерти, среди них Милада Горакова, четверо — к пожизненному заключению, пятеро — к различным срокам тюрьмы от пятнадцати до двадцати восьми лет (в совокупности сто десять лет). В отчете Верховного суда, опубликованном в 1968 году в период Пражской весны, указано, что процесс над Миладой Гораковой стал благодатной почвой для развертывания 300 новых политических процессов; одних только бывших членов Национал-социалистической партии было осуждено более 7 000 человек. Наиболее крупные процессы прошли в мае-июле 1950 года во многих провинциальных городах. Анализ результатов этих процессов демонстрирует «общенациональный размах» так называемого заговора: в ходе 35 процессов — 639 приговоренных, 10 из них —к смертной казни, 48 — к пожизненному заключению, остальные — к 7 850 годам тюремного заключения (в совокупности).

Процесс над Миладой Гораковой явился важным событием с различных точек зрения: это был первый процесс в стиле «грандиозного спектакля» (выражение заимствовано у чешского историка Карела Каплана); первый процесс, подготовленный непосредственно «советскими консультантами» — высшими чинами спецслужб, управлявшими репрессивным механизмом по «классическому» сценарию: вызубренные и прочитанные «признания», широкая пропагандистская кампания и т.п.

Процесс этот явился важной вехой в истории не только коммунистических политических репрессий в Европе; казни через повешение подверглась женщина, и не просто женщина, а участница Сопротивления, проявившая незаурядное мужество в период оккупации чешских земель во время Второй ми-

ровой войны, женщина, проведшая пять лет в нацистских тюрьмах, женщина демократических убеждений, никогда не помышлявшая о борьбе против коммунистической диктатуры с оружием в руках...

Отчего западное общественное мнение слабо отреагировало на преступление коммунистов? Отчего протесты физика Альберта Эйнштейна не были поддержаны кампанией по сбору подписей в поддержку пострадавшей? Отчего участники Сопротивления и во Франции, и в других странах не изобличили это злодеяние с достаточной силой и убедительностью? Отчего в самом массовом масштабе не выразили они солидарности с одной из своих представительниц, отчего не спасли ее от виселицы?

Странная игра коммунистической интеллигенции

В конце того далекого 1951 года только начинали поговаривать о психодрамах. Был вечер святого Сильвестра, и мы с Клер около полуночи ушли с одного «семейного» празднества, решив завершить новогоднюю ночь в другой моей «семье», у Пьера Куртада (журналиста и писателя-коммуниста). Там все уже были навеселе. «Как раз тебя мы и ждали!» — радостно воскликнули мои товарищи. Мне разъяснили правила игры. Жан Дювиньо (социолог-искусствовед) уверял тогда, что каждая эпоха изобретает свой литературный жанр: греки придумали трагедию; эпоха Возрождения — сонет; классицизму мы обязаны созданием пятиактных пьес в стихах с правилами «трех единств» и т.д. «Социалистический» век создал свой жанр искусства: московский судебный процесс. И тут участники этого позднего ужина, изрядно выпив, решили разыграть процесс. Дожидались прихода подсудимого, т.е. меня. Роже Вайян (писатель-коммунист) назначен прокурором. На Куртада возложены обязанности адвоката. Мне ничего не оставалось, как занять свое место на скамье подсудимых. Сначала я отбивался, потом подчинился правилам игры. Предъявленные мне обвинения неопровержимы — я виновен в нарушении закона по десяти статьям Уголовного кодекса: диверсионная идеологическая деятельность, поддерживание связи с культурным врагом, сговор со шпионами-космополитами, измена высоким философским принципам и т.д. Я попытался дискутировать в ходе допроса, чем вызвал озлобление прокурора, адвоката и свидетелей обвинения. Судебная речь моего адвоката была безнадежной: хоть я и имел право на смягчающие обстоятельства, меня все же должны были освободить от бремени земного существования, и в самое ближайшее время. Алкоголь ударил в голову, и шутовство постепенно превращалось в кошмар, а пародия — в оскорбления. В мсмент вынесения приговора (конечно же смертного) у двух женщин, выступавших на моей стороне, начался нервный припадок. Вокруг них засуетились, стали кричать, плакать, шарить по аптечкам в поисках нашатырного спирта, прикладывать полотенца с холодной водой. Прокурор, адвокат и обвиняемый склонялись над бьющимися в конвульсиях женщинами. Из всех присутствующих один я не был пьян. Было стыдно и совестно, и думаю, не мне одному.

Сегодня я без колебаний назову всех нас безумцами. Каждому, наверное, знакомы минуты помрачения рассудка и ослабления чувства ответственности. Так происходит не само по себе, слабоумие не обязательно ведет к безответственности, нередко душевнобольной сознательно выбирает сумасшествие, чтобы выбраться из узла противоречий, который он не решается разрубить.

Тогдашнее умопомешательство явилось следствием психического расстройства нашей исторической эпохи. Мы лишь воспроизвели — логически и эмоционально — невменяемость всеобщую[9].

Разрушение гражданского общества

В окружающем нас хаосе нелегко уяснить, а тем более уточнить, не претендуя на окончательное определение, что же на самом деле означает понятие «гражданское общество». Общество это эволюционирует сообразно развитию капитализма и современной системы государственности.

Служа противовесом государственной власти, гражданское общество независимо. Оно основано прежде всего на системе потребностей членов общества, где главную роль играет частная экономическая деятельность. Гражданское общество предполагает наличие людей с богатыми духовными запросами, в его основе лежат соответствующие этим запросам ценности, в своей деятельности оно исходит из понятий нравственности и является гарантом свободы личности. Личность представляет собой, с одной стороны, существо эгоистичное, независимое (буржуа), а с другой стороны, гражданина, интересующегося делами общества («человек общественный»). Философ и политолог Любомир Сохор определяет гражданское общество как «совокупность социальных институтов, надсемейных и в то же время негосударственных, объединяющих членов общества для совместно организованных действий и выражающих их личные мнения и интересы. Разумеется, при условии, что эти институты и организации являются автономными и не преобразованы в полугосударственные структуры или в промежуточные инстанции по передаче указаний сверху от государственных властных структур»[10]. Таким образом, к числу институтов гражданского общества следует отнести корпорации и сообщества, религиозные организации, профсоюзы, муниципалитеты и местные властные структуры *(органы самоуправления),* политические партии, общественное мнение.

Детально продуманная стратегия коммунистических репрессий, нацеленная на установление абсолютной власти после ликвидации политических конкурентов и всех обладателей — даже потенциальных — «реальной власти», как, например, руководителей армии, госбезопасности, продолжает действовать вполне последовательно, предпринимая атаки на структуры гражданского общества. Стремясь обеспечить себе монополию на власть и на истину в последней инстанции, репрессивная машина наносит удары по хранителям власти политической и духовной: политическим и профсоюзным лидерам и активистам, служителям Церкви, журналистам, писателям и т.д. Часто жертвы выбираются среди тех, кто занимает ключевые посты в партиях, церквях, профсоюзах, религиозных общинах, различных ассоциациях, прессе, органах местного самоуправления.

Необходимо упомянуть и о «международном» критерии выбора жертв репрессий. Органы власти, полностью подчиненные Советам, заинтересованы в разрушении многосторонних и разнообразных связей гражданского общества с зарубежными странами. Социал-демократы, католики, троцкисты, протестанты являются представителями общественных движений, по самой своей природе ориентированных не только на национальный уровень, но и на традиционно прочные и плодотворные международные отношения. Интересы и мировые стратегические задачи СССР состояли в разрушении этих связей.

В новых «народных демократиях» гражданское общество было еще довольно слабым. В предвоенные годы развитие его тормозилось авторитарными или полуавторитарными режимами, а также отсталой экономикой и неразвитой социальной сферой. Война, местные фашистские режимы, оккупационная

политика в значительной мере способствовали его ослаблению. В период освобождения позиция советских властей по отношению к гражданскому обществу и его структурам, а также бесконечные «чистки» еще более ограничивали его потенциал.

Действия Советской Армии в оккупационной зоне Восточной Германии отчасти объясняют относительную «мягкость» юридических и полицейских репрессий и отсутствие политических процессов в духе «грандиозного спектакля» в период становления Германской Демократической Республики (она была провозглашена в 1949 году). Репрессии и судебные процессы — неизменное сопровождение рождающегося коммунистического режима. Однако в тот момент в использовании этих орудий насилия не было необходимости: цели новой власти были уже достигнуты в ходе предыдущих репрессий. По последним данным, полученным после падения Берлинской стены в 1989 году, советские оккупационные власти в 1945—1950 годы интернировали в своей зоне 122 000 человек, из которых 43 000 погибли в заключении и 756 были приговорены к смертной казни. Руководство Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) по приказу собственного главы провело карательные мероприятия, в результате которых пострадало от 40 000 до 60 000 человек[11].

Чехословакия также представляет собой исключение с точки зрения жестокости репрессивных действий против гражданского общества после февраля 1948 года. Эта страна — единственная среди государств Центральной и Юго-Западной Европы, где уже в период между двумя войнами установилась реальная парламентская демократия (подобным же опытом, но в меньшей степени, располагала и Румыния). Более того, Чехословакия тогда входила в десятку самых развитых промышленных стран мира. После освобождения в 1945 году ее гражданское общество было воссоздано и по отла-женности внутренней структуры и уровню развития не знало равных в Центральной и Юго-Восточной Европе. Уже в 1946 году около двух с половиной миллионов граждан, что составляло почти половину взрослого населения, являлись членами четырех политических партий различных чешских земель (Богемии, Моравии и Силезии). Два миллиона чехов и словаков были членами объединенных профсоюзов. Сотни тысяч человек вступали в различные ассоциации; одна только политизированная спортивная организация «Сокол», созданная еще в конце XIX века на волне борьбы за торжество национального духа, в 1948 году насчитывала более семисот тысяч членов. Первые «соколы» были арестованы летом 1948 года во время их ежегодного слета на соревнования по гимнастике. Первые процессы против них состоялись уже в сентябре. Два года спустя ассоциация была почти уничтожена, часть ее была преобразована — в основном в сельской местности — в полугосударственные структуры, однако мощный «Сокол» был уже парализован арестами тысяч активистов. Подобно «Соколу», многие другие структуры гражданского общества, скаутские, протестантские, католические, были сокращены вплоть до полного уничтожения в результате юридического преследования, навязанных извне «чисток», захвата их помещений и конфискации имущества — таковы были основные меры воздействия, весьма искусно примененные агентами тайной полиции, действовавшими под прикрытием в созданных специально для этих целей в феврале 1948 года «комитетах действия».

Тюрьмы нацистские и тюрьмы коммунистические

И. Ньеште, участник венгерского Сопротивления, после войны — глава одной молодежной организации; отказался вступить в коммунистическую партию. Пройдя через судебный процесс, он отбыл наказание в лагере принудительных работ Рес до 1956 года; по его свидетельству, зимой заключенные были заняты на каторжных работах по двенадцать, а летом — по шестнадцать часов в день. Тяжелее всего он переносил голод.

«Различие между тайной полицией коммунистов и нацистов — а я один из немногих счастливцев, испытавших на себе обхождение и тех, и других, — состоит отнюдь не в том или ином уровне грубости или жестокости. Камера пыток в нацистских застенках такая же, как в застенках коммунистов. Разница в другом. Нацисты, арестовывая вас — политического диссидента, — как правило, интересуются сведениями о вашей деятельности, о ваших друзьях, о ваших планах и так далее. Коммунисты же не обременяют себя подобными расспросами. Арестовывая вас, они уже знают, под признанием какого рода вы поставите свою подпись. Даже если оно не имеет к вам ни малейшего отношения. *Я* совершенно не представлял, что сделаюсь когда-нибудь "американским шпионом"!»[12].

Церковь представляла для коммунистов огромный интерес с точки зрения решения их важнейшей задачи — контроля над социальными организациями гражданского общества и их подавления. Церковь — институт с глубокими корнями и многовековой историей. Использовать ее в своих целях большевикам оказалось проще в странах, знакомых с православием и византийской традицией цезарепапизма, т.е., сотрудничества Церкви с законной государственной властью, — несмотря на очевидность данного утверждения, не стоит недооценивать всей масштабности репрессий, испытанных представителями православия в России и Советском Союзе. Католическая церковь и ее международные связи, направляемые Ватиканом, оказались для зарождающегося «социалистического лагеря» явлением совершенно нетерпимым. Столкновение двух столиц, Москвы и Рима, олицетворявших два главных международных центра, две веры и две идеологии, было неизбежно. Стратегия Москвы была вполне определенной: разрыв Католической и Греко-католической церкви с Ватиканом и подчинение ставших «национальными» церквей властям; именно эти задачи, судя по докладу генерального секретаря ЦК КПЧ Рудольфа Сланского, обсуждались в ходе консультаций с советскими представителями на заседании Информационного бюро коммунистических партий в июне 1948 года.

Цели были ясны: ослабление влияния Церкви на общественную жизнь, придирчивый контроль над ней со стороны государства, превращение Церкви в инструмент политики коммунистов; методы достижения — сочетание репрессий с коррупцией и ... засылка агентов в ее иерархическую структуру. Рассекреченные недавно архивы неожиданно выявили, что в Чехословакии многие служители культа, включая епископов, значились как сотрудники тайной полиции. Быть может, таким способом они старались «избежать худшего»? Первым антирелигиозным репрессивным актом, не считая жертв «диких» «чисток», как, например, уже упоминавшаяся акция против болгарских священников, — следует считать события, произошедшие в Албании. Примас Гаспар Тачи, архиепископ Шкодерский, умер под домашним арестом, находясь в руках тайной полиции. Винсент Прендущи, архиепископ Дурресский, приговоренный к тридцати годам принудительных работ, скончался в феврале 1949 года, ско-

рее всего, от последствий пыток. В феврале 1948 года пятеро священников, среди которых два епископа, Волай и Гини, руководитель апостольской делегации,

были приговорены к смерти и расстреляны. Более ста монахов и монахинь, священников и семинаристов расстреляны или погибли в заточении. С этими событиями связана и расправа над одним мусульманином, юристом Мустафой Пипа — он был расстрелян за то, что вступился за францисканцев. Забегая вперед, отметим, что в 1967 году Энвер Ходжа провозгласил, что Албания стала первым атеистическим государством в мире. А газета *«Нендори»* гордо объявила, что все мечети и церкви были разрушены или закрыты (в общей сложности 2 169 культовых сооружений, из них 327 католических).

В Венгрии жестокая конфронтация между Католической церковью и государством началась летом 1948 года в ходе «национализации» религиозных учебных заведений, играющих значительную роль в этой стране[13]. В июле были осуждены пять приходских священников, осенью последовали новые аресты. Непокорный примас Венгрии кардинал Йожеф Миндсенти был арестован 26 декабря 1948 года, на второй день Рождества, и приговорен к пожизненному заключению 5 февраля 1949 года. При поддержке «сообщников» он якобы подстрекал к «заговору против Республики», занимаясь шпионской деятельностью и тд., — все это, разумеется, в пользу «иностранных держав», главным образом Соединенных Штатов. Год спустя власти вплотную занялись монастырями — из двенадцати тысяч монахов и монахинь, обитавших там, большинство были изгнаны. В июне 1951 года настоятеля епископата и ближайшего соратника Миндсенти архиепископа Калоца Греса постигла та же участь, что и его примаса. Преследования служителей церкви и монашеских орденов в Венгрии затронули не только католиков. Известны жертвы и среди не столь многочисленных кальвинистов и лютеран, гонениям подверглись епископы и пасторы, в том числе наиболее известный представитель кальвинизма епископ Ласло Равас.

В Чехословакии, как и в Венгрии, власти пытались организовать раскол в католической среде, стараясь склонить отдельных деятелей Церкви к сотрудничеству. Не добившись успеха, они усилили репрессии. В июне 1949 года архиепископ Праги Йосеф Беран, прошедший через нацистские лагеря Терезин и Дахау, был интернирован и находился под неустанным надзором властей. В сентябре 1949 года десятки викариев, выразивших протест против законов, касающихся Церкви, были арестованы. 31 марта 1950 года в Праге начался процесс над иерархами монашеских орденов, обвиненными в шпионской деятельности в пользу Ватикана и иностранных держав, в тайном хранении оружия и подготовке государственного переворота; видный представитель ордена редемптористов, ректор Теологического института Мастилак был приговорен к пожизненному заключению, остальные его соратники также пострадали, они были осуждены в общей сложности на сто тридцать два года тюремного заключения. В ночь с 13 на 14 апреля 1950 года Министерством внутренних дел была проведена массированная операция против монастырей, подготовленная в лучших военных традициях; большинство монахов были выселены и интернированы. Одновременно с этим полиция занялась организацией принудительного переселения епископов, поместив их в условия, где они были лишены возможности контактировать с внешним миром.

Весной 1950 года в восточной Словакии по приказу коммунистического режима ликвидируется Греко-католическая (униатская) церковь, отныне ей надлежало войти в состав Православной церкви — прием этот уже использо-

вался в советской Украине с 1946 года; недовольные служители Церкви были интернированы либо изгнаны из своих приходов. Протоиерей из советской Закарпатской Украины Йозеф Цати после сфабрикованного против него процесса был депортирован в лагерь в Воркуту и прожил в Заполярье с 1950 по 1956 год.

Карательные мероприятия против служителей культа планировались и осуществлялись под началом Коммунистической партии Чехословакии. В сентябре 1950 года партийное руководство выработало политическую концепцию судебного преследования против католиков, и уже с 27 ноября 1950 года в Праге начинается целая серия процессов; девять человек из ближайшего епископского окружения во главе со Станиславом Зела, главным викарием города Оломоуца в центральной Моравии, были сурово наказаны. А в Братиславе, столице Словакии, 15 января 1951 года завершился процесс над тремя епископами, один из которых принадлежал к Греко-католической церкви. Все обвиняемые на этих двух «процессах против агентов Ватикана в Чехословакии» (обычная в те годы формулировка) были приговорены к различным срокам тюрьмы — от десяти лет до пожизненного заключения. Эта серия процессов закончилась в феврале 1951 года, за ней последовало еще несколько процессов против епископского окружения. Однако репрессии на этом не кончились. Штефан Троха, епископ Литомержский из центральной Богемии, участник Сопротивления, арестованный в мае 1942 года и пробывший в заключении до конца войны в концлагерях Терезин, Маутхаузен и Дахау, приговорен к двадцати пяти годам тюрьмы... в июле 1954 года.

Инициаторы репрессий сочли необходимым не только обезглавить церковную иерархическую верхушку, но также нанести удар по христианской интеллигенции. Участница Сопротивления, преподаватель истории искусства в Карловом университете Ружена Вацкова, пользующаяся большим уважением в среде политзаключенных, была осуждена в июне 1952 и оставалась в заключении до 1967 года! В ходе двух процессов 1952 года жестоко пострадала элита католической интеллигенции. Второй процесс, проходивший в Брно, столице Моравии, является, возможно, крупнейшим процессом над интеллигенцией за всю европейскую историю XX века.

«Признание» и небытие одного католика

Видный представитель чешской католической интеллигенции, не стремившийся продвинуться по церковной иерархической лестнице, Бедржих Фучик, арестован весной 1951 года и приговорен к пятнадцати годам тюремного заключения на показательном процессе 1952 года в Брно; амнистирован в 1960 году. На допросах подвергался физическим истязаниям. Однажды после семичасовых уклончивых ответов своим палачам («ничего», «я не знаю», «никто») он не выдержал и начал «признаваться». «Оставьте меня в покое, умоляю вас, — просил он судебных следователей, — сегодня больше не могу, это день смерти моей матери». Целую неделю перед процессом его заставляли заучивать ответы на приготовленные заранее вопросы, с тем чтобы он их воспроизвел на суде. До ареста он весил шестьдесят один килограмм, теперь — сорок восемь и был в ужасном состоянии.

Вот несколько фрагментов из интервью с ним, записанных Карелом Бартошеком в Праге в период между 1978 и 1982 годами: - Чувствовали ли вы себя на суде актером какой-то комедии или спектакля?

— Да. Я уже знал обо всем заранее.

— Но зачем вы разыграли эту комедию? Вы, католик, интеллектуал, потворствова-

ли вешим следователям в постановке сталинско-коммунистического показательного процессе...

— Это было самое страшное из того, что я перенес D тюрьме. Голод, холод, пробелы в памяти... мучительные головные боли, вплоть до потери зрения... все это забывается... даже если дремлет в глубинах вашего сознания. Не забудется никогда — самое ужасное, что теперь навсегда останется со мноо, — ощущение, что вдруг в вас появляется два существа... Два человека. «Я» под номером один — тот, кем я был всегда, — и «я» под номером два, которое говорит первому: «Ты — преступник, ты совершил то-то и то-то». А первый от всего отрекается. И эти двое начинают вести диалог внутри меня, происходит полное раздвоение личности, один без конца унижает другого: «Нет, ты лжешь! Все было иначе!». Другой отвечает: «Это правда! Я это подписал, я же...»

— Не вы первый делаете подобные «признания». Таких «признавшихся» очень много. Каж-
дый из вас — личность с неповторимым физическим и интеллектуальным обликом, и тем не менее все вы действовали одинаково или сходно: подчинились правилам постановки преступного спектакля, согласились играть в комедии, выучили розданные вам роли. Я уже записывал на пленку интервью с коммунистами, анализировал их «признания», причины их надлома и подавленности. Вы — человек совершенно иного мироощущения. Отчего такое случилось с вами? Отчего пошли вы на сотрудничество с этой властью палачей?

— Я не сумел защититься, ни психически, ни физически, не устоял против их «обработ-
ки». Я подчинился. Я уже рассказывал вам о моменте ощущения своей внутренней капитуляции. (Мой собеседник возбуждается все сильнее и сильнее, он почти кричит.) Я уже не был собой... Это состояние небытия — самое страшное унижение, падение в бездну, разрушение самого сокровенного, человеческого. Тобой самим.

Репрессивные действия против различных конфессий в балканских странах разыгрывались по единому сценарию. В Румынии уничтожение Греко-католической (униатской) церкви, второй по численности после Православной, приняло резко выраженный характер осенью 1948 года; Православная церковь молчаливо отреагировала на эти репрессии, поскольку ее верхушка уже научилась договариваться с режимом, что, впрочем, не спасло от закрытия многочисленные церкви и от арестов — многих священников. В октябре были поголовно арестованы все униатские епископы. 1 декабря 1948 года Греко-католическая церковь была официально запрещена; тогда она насчитывала 1 573 000 прихожан (на население в пятнадцать миллионов человек), 2498 культовых сооружений, 1733 священника. Власти конфисковали имущество Греко-католической церкви, закрыли ее соборы и культовые сооружения, сожгли ее библиотеки; 1400 священников (около 600 —в ноябре 1948 года) и примерно 5000 прихожан были арестованы, 200 из них — убиты в тюрьме.

С мая 1948 года в Румынии стали разворачиваться гонения на Римско-католическую церковь, насчитывавшую 1 250 000 прихожан. Все началось с ареста 92 священников. В приказном порядке закрывались католические школы, было конфисковано имущество благотворительных и медицинских заведений. В июне 1949 года были арестованы многие епископы; месяц спустя — запрещены монашеские ордена. Репрессии против Римско-католической церкви достигли кульминации в сентябре 1951 года, на большом процессе в военном трибунале Бухареста; множество епископов и мирян были осуждены как «шпионы».

Вот свидетельство одного греко-католического епископа, тайно посвященного в сан и проведшего пятнадцать лет в заключении, впоследствии ставшего чернорабочим: «Долгие годы во славу имени святого Петра мы сносили пытки, удары, голод, холод, лишения, презрительные насмешки. Обнимали, словно святыни, свои наручники, цепи и железные решетки тюремных камер. Обожествляли свою арестантскую робу, как ризу священника. Предпочитали нести свой крест, невзирая на беспрестанные предложения свободы, денег и легкой жизни в обмен на отказ от Рима. Наши епископы, священники и прихожане, приговоренные в совокупности к пятнадцати тысячам лет заточения, успели отбыть — более тысячи лет. Шестеро епископов не вынесли страданий и погибли, сохранив верность Риму. И несмотря на столь кровавые жертвы, церковь наша сейчас насчитывает епископов не меньше, чем в эпоху Сталина и православного патриарха Юстиниана, когда ее торжественно провозгласили несуществующей!»[14]

«Маленький человек» и концентрационная система

История диктаторских режимов сложна и неоднозначна, и коммунисты в данном случае не являются исключением. Установление коммунистических режимов в Центральной и Юго-Восточной Европе часто сопровождалось мощной поддержкой народных масс. И явление это вполне объяснимое — к надеждам на лучшее будущее после разгрома нацистской диктатуры прибавляется неоспоримое мастерство коммунистических вождей поддерживать иллюзии и фанатизм, особенно среди молодежи. Показательный пример: левому блоку, созданному в Венгрии по инициативе коммунистов, оказавшихся после выборов в меньшинстве, удалось организовать в марте 1946 года в Будапеште «чудовищную» демонстрацию, собравшую чуть ли не четыреста тысяч участников...

Зарождающийся коммунистический режим на первых порах способствовал повышению жизненного и культурного уровня сотен тысяч выходцев из слоев, прежде поставленных в неблагоприятные условия. В Чехословакии, стране промышленно развитой, где к категории рабочих можно было отнести примерно 60% населения в чешских землях и 50% в Словакии, от двухсот до двухсот пятидесяти тысяч рабочих либо заняли места людей, пострадавших от различных «чисток», либо перешли на службу, «усилив» аппарат; большинство этих рабочих являлись членами КПЧ. Миллионы мелких крестьян и сельских рабочих в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в первые послевоенные годы извлекли немалую выгоду из раздела крупных земельных владений (включая и те, что принадлежали Католической церкви), а ремесленники и лавочники — из конфискации имущества высланных немцев.

Благоденствие одних, основанное на несчастье других, нередко оказывается призрачным. Большевистская доктрина призывала к ликвидации частной собственности и полному искоренению «собственников». В контексте политики холодной войны «теория» вдохновенно провозглашала «усиление классовой борьбы» и ее «наступательный характер». Начиная с 1945 года новые режимы проводили национализацию крупных предприятий; операциям этим часто придавалась законная сила как экспроприации собственности «немцев, предателей и коллаборационистов». Вслед за этим узнать, что такое монополия государства на все виды собственности, пришлось мелким хозяевам, лавочникам и ремесленникам. У владельцев небольших мастерских и скромных лавочек,

никогда никого не эксплуатировавших, кроме себя самих и членов собственной семьи, накопилось достаточно поводов для недовольства, — как и у мелких крестьян, подвергшихся в 1949—1950 годах насильственной коллективизации под давлением советских распорядителей. Недовольны были и рабочие, особенно в промышленных центрах, испытавшие на себе различные «мероприятия», которые снизили уровень их жизни или почти свели на нет социальные завоевания прошлых лет.

Нарастающее недовольство вызвало обострение социальной напряженности. Рабочие уже не ограничивались словами и резолюциями, но перешли к более продвинутым формам борьбы — забастовкам и уличным демонстрациям. В течение лета 1948 года, через несколько месяцев после «победного февраля», они устроили в пятнадцати чешских и моравских городах, а также в трех городах Словакии забастовки и демонстрации. «Рецидивы» были отмечены в последние месяцы 1951 года: по всем промышленным районам прокатилась волна забастовок, заводских собраний протеста и демонстраций (на улицы Брно вышли от десяти до тридцати тысяч человек). Позднее, в начале июня 1953 года, в знак протеста против денежной реформы на десятках крупнейших заводов прошли забастовки и были прекращены работы. Манифестации в городе Пльзене переросли в уличные бои. В 195 3 году 472 забастовщика и демонстранта были арестованы, и руководство КПЧ незамедлительно потребовало предоставить списки участников, предписав «изолировать их и поместить в трудовые лагеря».

Порой бунтовали и крестьяне. Один из участников мятежа румынских крестьян рассказывает, как в июле 1950 года они безоружными собрались вокруг здания компартии и один коммунист-активист стал стрелять из револьвера. «Тогда мы ворвались в дом, — продолжает он, — сбросили на пол портреты Сталина и Георгиу-Дежа и стали топтать их ногами. <...> Прибыло подкрепление. Сначала деревенские жандармы. <...> К счастью, одна молодая девушка по имени Мария Стоян перерезала телефонный провод и стала звонить в колокола. Они, большевики эти, стали стрелять в нее. <...> Утром, думаю, часам к десяти, приехали из секуритате с пулеметами и чуть ли не с пушками. Женщины и старики упали на колени: "Не стреляйте в нас и в наших детей. У вас тоже есть дети и старые родители. Мы умираем с голоду и собрались здесь, чтобы просить вас — не отнимайте у нас зерно"». Автор этого рассказа был арестован, подвергнут пыткам и выслан на принудительные работы, выйти на свободу ему удалось лишь в 1953 году[15].

При режимах, попирающих свободы и основные права человека, всякое выражение недовольства воспринималось как «антигосударственное» и «политическое». И лидеры этих режимов последовательно применяли репрессивные меры, дабы насадить в обществе то, что Карел Каплан назвал «психологией страха», поскольку они понимали, насколько важен подобный «фактор стабилизации».

В 1949—1954 годах миллионы людей подверглись репрессиям: речь идет не только о заточенных в тюрьмы, но и о членах их семей. Репрессии принимали разнообразные формы; не стоит забывать и о всех тех, кто из Будапешта, Софии, Праги, Бухареста был «переселен на другие квартиры» в провинцию; по данным на лето 1951 года, в числе таких жертв оказались четырнадцать тысяч евреев Будапешта, уцелевших от нацистской бойни, в ту пору это была самая крупная еврейская община в Центральной Европе. Упомянем еще семьи эмиг-

рантов; студентов, исключенных из университетов; сотни тысяч людей, фигурировавших в списках «политически неблагонадежных» или «враждебно настроенных», составляемых службами безопасности с 1949 года.

Полноводное море страданий беспрестанно подпитывалось неоскудева-ющими потоками. После вытеснения представителей политических партий и структур гражданского общества настал черед «маленьких людей». На заводах «нарушителей порядка» осуждали как «саботажников» и наказывали в соответствии с «классовой справедливостью». В деревнях гонениям подверглись наиболее влиятельные и почтенные хозяева, умудренные богатым жизненным и земледельческим опытом, такие лица противостояли насильственной коллективизации и навязыванию модели «лучшего сельского хозяйства на свете». Многие из тех, кто верил обещаниям коммунистов, теперь разочаровались, пеняв, что их политика — просто тактический обман. Кое-кто даже дерзнул выразить свое недовольство.

Пока еще не проведено исследований по выявлению истинного размаха репрессий против «маленьких людей». Мы располагаем надежными статистическими сведениями только по чешским землям и по Словакии, где были открыты архивы, с которыми удалось ознакомиться. В остальных странах приходилось довольствоваться журналистскими опросами и свидетельствами, благо после 1989 года их стало предостаточно.

В Чехословакии в середине 1950 года среди лиц, обвиненных в «преступлениях против государства», рабочие составляли 39,1%; второе место (28%) занимали мелкие служащие, ставшие жертвами административных «чисток». В 1951 — 1952 годах рабочие составляли уже половину всех арестованных органами госбезопасности; второе место принадлежало «конторским служащим», за ними следовали крестьяне.

Из протокола о «деятельности судов и прокуратуры» за 1950 год мы узнаем, в частности, что в чешских землях из всех приговоренных окружными судами за «мелкие преступления против Республики» (подстрекательство к бунту, распространение ложной информации, мелкое вредительство и т.д.) было 41,2% рабочих и 17,7% крестьян; в Словакии — соответственно 33,9% и 32,6%. Количество рабочих и крестьян, проходивших по «крупным делам» перед Государственным судом, менее значительно; рабочие как общественный класс, включая сельских рабочих, все же представляли собой самый многочисленный отряд. В целом широкие слои населения, включая крестьян, составляли 28,8% осужденных, 18,5% приговоренных к смерти, 17,6% осужденных на пожизненное заключение.

Такая же картина наблюдалась и в других странах, иногда на первом месте среди общего числа жертв репрессий оказывались крестьяне. Наплывом «маленьких людей» в тюремный мир объясняется, очевидно, установление и разрастание целой *системы* концлагерей — явление, возможно, наиболее показательное для бесчеловечных коммунистических режимов. Тюрем оказалось недостаточно для размещения такой массы арестантов, и тогда власти уже в который раз использовали опыт Советов по созданию системы лагерей.

Большевизм и нацизм, несомненно, «обогатили» историю репрессий XX века, создав в мирное время лагерную систему. До возникновения ГУЛАГа лагеря в исторической науке считались «одним из арсеналов репрессий и изоляции военного времени»,, как отмечает Аннетта Вевьорка в своем предисловии к материалам о лагерях в журнале *«Двадцатый век»* за 1997 год. Во время Второй

мировой войны система концлагерей обосновалась на европейском континенте, начиная с Урала и кончая Пиренеями. История их, однако, не завершилась с поражением Германии и ее союзников.

Фашистские и авторитарные режимы стран — союзниц Германии продолжили практику создания концлагерей. В Болгарии политические оппозиционеры были интернированы в специально созданные правительством консерваторов лагеря на острове Святой Анастасии в Черном море вблизи Бургаса, позднее появились лагеря в Гонда-Вода и Бяло-Поле. В Словакии пришедшие к власти популисты[16] между 1941 и 1944 годами учредили пятнадцать «исправительных трудовых колоний» при стройках, испытывающих недостаток в рабочей силе, и отправили туда «асоциальные элементы», главным образом цыган. В Румынии диктаторский режим маршала Антонеску по всей территории, простирающейся между Днестром и Бугом, создал лагеря для политзаключенных, как, например, в Тыргу-Жиу, а также в других местах, где репрессии проводились по расовому признаку.

К концу войны было множество лагерей, которые теперь в случае необходимости могли служить в роли пересылочных для вновь прибывших депортированных, а также для интернированных лиц, подозреваемых в поддержке нацизма; речь идет о знаменитых концлагерях нацистского периода Бухен-вальд и Заксенхаузен, расположенных в советской оккупационной зоне на территории Восточной Германии.

Начиная с 1945 года появляются новые лагеря, куда власти интернируют своих политических противников. Первенство в их создании следует отдать Болгарии — в 1945 году там был издан указ, позволяющий полиции создавать своеобразные общежития по трудовому воспитанию (ТВО); сотни человек, преимущественно анархистов, были отправлены в лагерь Кучан неподалеку от крупного горнопромышленного центра Перник, прозванный в те времена «Ласки смерти», а также в Бобов-Дол и Богданов-Дол, ставший «лагерем теней» для заключенных. В марте 1949 года усилиями французских анархистов, извлекших на свет документальные данные, заведения эти были изобличены как «большевистские концентрационные лагеря»[17].

Итак, в 1949—1950 годах на территории Центральной и Юго-Восточной Европы расположился еще один «архипелаг ГУЛАГ». Для обобщения исторических материалов об этих лагерях мы, к сожалению, не располагаем столь же многочисленными исследованиями и свидетельствами, какие существуют в отношении лагерей нацистских. Тем не менее сделать это необходимо как для глубинного осознания природы коммунистических режимов, так и из уважения к памяти жертв произвола в этом регионе Европы.

Серьезное изучение устройства советского ГУЛАГа склоняет нас к гипотезе о том, что лагеря *в качестве системы* выполняли функцию прежде всего экономическую. Вполне очевидно, что была задумана система для изоляции и наказания определенных лиц. Однако, наблюдая на карте размещение коммунистических лагерей, можно увидеть, что расположены они там, где режим нуждался в многочисленной, дисциплинированной и дешевой рабочей силе. Эти современные рабы строили не пирамиды, а каналы, плотины, заводы или сооружения в честь новых «фараонов»; использовали их и на шахтах — угольных и урановых. Не объясняются ли отбор жертв, масштаб репрессий и их периодичность «заказом на рабов» для строек или горнорудной промышленности?

В Венгрии и Польше лагеря располагались неподалеку от угольных бассейнов. В Румынии большая часть лагерей была выстроена вдоль канала Дунай — Черное море и в дельте Дуная; большинство названий этих лагерей нам известно: Порта Альба и окружающие его лагеря Сернавода, Меджидия, Вала Неагра, Басараби; в дельте Дуная — Периправа, Килия Вече, Стоенешти, Тата-ру. Строящийся канал Дунай — Черное море все называли «каналом смерти». Это была страшная стройка, где погибали крестьяне, противившиеся коллективизации, и разного рода «подозрительные личности». В Болгарии заключенные лагеря Кучан трудились на рудных разработках под открытым небом, в Бухово — на урановом руднике, в Белене заключенные укрепляли дамбы на Дунае. В Чехословакии наибольшее скопление заключенных наблюдалось вокруг урановых рудников в районе Яхимов, в западной Богемии, и в угольном бассейне Остравы, в северной Моравии.

Отчего эти места заключения назывались «трудовыми лагерями»? Их устроители не могли не знать, что у входа в нацистские лагеря красовалась надпись *Arbeit machtfrei* («Труд делает свободным»). Условия жизни в лагерях принудительных работ, особенно в период 1949—1953 годов, были крайне суровыми, ежедневный изнурительный труд приводил к полному истощению заключенных.

Только в наши дни становится известно точное число тюрем и лагерей. Установление количества людей, их населявших, — задача более сложная. На карте, составленной Одиль Даниель для Албании, отмечено 19 лагерей и тюрем. На карте «болгарского ГУЛАГа», составленной после 1990 года, указано 86 мест заключения, в которых содержалось в период с 1944 по 1962 год приблизительно 187 000 человек, согласно регистрации, проведенной после 1989 года Ассоциацией бывших политзаключенных; это число включает не только осужденных, но также лиц, сосланных в лагеря без судебного постановления или заключенных под стражу, порой по несколько недель томившихся в полицейских участках, в частности крестьян, которых таким способом принуждали вступать в сельскохозяйственные кооперативы. Согласно другим оценкам, в период с 1944 по 1953 год в лагерях находилось 12 000 человек, а в период с 1956 по 1962 год — приблизительно 5000.

В Венгрии в период с 1948 по 1953 год сотни тысяч человек подвергались гонениям, по другим источникам, от 700 000 до 860 000 человек были осуждены. В большинстве случаев приговоры выносились по статье о «причинении вреда государственной собственности». Следует также, как и в других странах, принять в расчет административные аресты, проводимые политической полицией. В Германской Демократической Республике, где еще не была установлена стена на границе с Западом, «новых», не упомянутых в предыдущей главе, политзаключенных было относительно немного.

В Румынии при примерном подсчете лиц, взятых под стражу за весь период коммунистического правления, выявлены показатели между 300 000 и 1 000 000; второй показатель включает не только политзаключенных, но и тех, кто осужден по бытовым статьям (например, в случае «тунеядства» грань между политической и бытовой статьей кодекса весьма зыбкая). В румынских лагерях в начале 50-х годов, по данным английского историка Денниса Дили-тента, содержалось 180 000 заключенных. В Чехословакии в 1948—1954 годах, по современным подсчетам, число политзаключенных достигало 200 000 (на население в 12,6 миллионов жителей приходилось 422 лагеря и тюрьмы). Цифра эта включает не только осужденных и приговоренных лиц, но также заклю-

ченных в тюрьму без судебного решения, интернированных в лагеря в результате беззаконных действий местных властей.

Тюремный уклад жизни во всех странах был примерно одинаков — и это неудивительно, поскольку вдохновение все режимы черпали из одного источника — Советов, чьи эмиссары повсюду внедряли предписанную модель развития. Отдельные страны, такие как Чехословакия, Румыния и Болгария, на наш взгляд, сумели даже «усовершенствовать» эту модель.

Так, для Чехословакии характерно чрезмерное стремление к бюрократическому «идеалу»; многие аналитики считают, что существенное влияние на почерк местных коммунистов оказала тяжеловесная бюрократическая машина Австро-Венгерской империи. Чего стоит уникальное законодательство чешских властей, и в частности закон № 247 от 25 октября 1948 года, предписывающий создание ТНП (лагеря принудительного труда) для заключения лиц от восемнадцати до шестидесяти лет в целях «воспитания» на срок от трех месяцев до двух лет, — срок, подлежащий сокращению... или продлению. Закон касался не только правонарушителей и «уклоняющихся от работы», но и тех, чей «образ жизни требует исправительных мер». Уголовно-административный закон № 88 от 12 июля 1950 года давал полномочия посылать в ТНП тех, кто непочтительно относился к «охране сельского хозяйства и лесоводства» или тех, кто выказал «враждебное отношение к народно-демократическому строю Республики и его строительству». Такие административные меры позволяли, как указывалось в отчете Национальному собранию, «вести эффективные репрессивные действия в отношении классовых врагов»[18].

В соответствии с этими законами решение о ссылке «врагов» в лагеря принималось комиссией из трех членов, организованной при районном Народном комитете, с 1950 года — при окружном Народном комитете, или Комиссией по уголовным делам при этом комитете, возглавляемой председателем Отдела безопасности^ Местные коммунистические власти посылали в ТНП в основном «маленьких людей», в первую очередь рабочих, как показывают результаты исследований, проведенных после 1989 года.

Коммунистическое чиновничество еще в 1950 году изобрело новый инструмент репрессий через посредство армии — ПТП (батальон технической помощи). Возраст призывников таких батальонов часто превышал общепринятые возрастные ограничения военнослужащих, к тому же их использовали на тяжелых работах в шахтах; условия их содержания приближались к условиям в лагерях принудительных работ.

Вслед за Чехословакией обогащением истории репрессий самобытными чертами в Центральной и Юго-Восточной Европе занялась Румыния: она первой на европейском континенте стала использовать метод «промывания мозгов», доведя его до совершенства еще до массового применения этого метода азиатскими коммунистами. Замысел поистине дьявольский: заключенные должны были сами пытать друг друга. Изобретение это проходило обкатку в Питешти — относительно современной тюрьме, построенной в 30-е годы в ста десяти километрах от Бухареста. Эксперимент проводился с начала декабря 1949 года и длился около трех лет. Предпосылки успеха данного предприятия были самыми разнообразными: политическими, идеологическими, общечеловеческими и личными. Основой послужило своеобразное соглашение между коммунистом Александру Никольски, одним из руководителей румынской политической полиции, и Эудженом Туркану, заключенным с фашистским про-

шлым, ставшим в тюрьме вождем движения под названием «Организация заключенных с коммунистическими убеждениями» (ОДСС). Задачей этой организации было перевоспитание политзаключенных при помощи изучения текстов из коммунистического учения в сочетании с физическими и моральными издевательствами. Ячейкой, призванной обеспечить перевоспитание, стала группа из пятнадцати специально отобранных для этой цели узников, им было предписано завязать нужные контакты, а затем собрать сведения о тех, кто им доверился. В книге философа Вирджила Ерунка[19] описаны четыре фазы перевоспитания.

Первая фаза называлась «внешнее разоблачение»: заключенный доказывал свою лояльность, признаваясь в том, что он скрыл во время следствия по своему делу, в частности в дружеских связях с теми, кто остался на свободе. Вторая фаза предполагала «внутреннее разоблачение» тех, кто оказал ему поддержку непосредственно в тюрьме. На третьей фазе «морального и публичного разоблачения» уже надлежало глумиться над всем, что прежде было свято: родителями, женой, невестой, друзьями, Богом. И тогда наступала четвертая фаза: испытуемый становился кандидатом на вступление в ОДСС, для этого он должен был «перевоспитать» своего лучшего друга, истязая его своими руками и становясь, таким образом, палачом. «Пытка являлась ключом к успеху. Она беспощадно расставляла знаки препинания в последовательности вырываемых на каждой фазе признаний. <...> Мучений нельзя было избежать. В лучшем случае, их можно было смягчить, обвинив себя во всех смертных грехах. Некоторых студентов пытали в течение двух месяцев; те, кто был склонен к сотрудничеству, отделывались одной неделей»[20].

В 1952 году румынские власти решили распространить свои эксперименты в Питешти на трудовой лагерь строящегося канала Дунай — Черное море, но эта попытка сорвалась. Тайна была раскрыта и разглашена западными радиостанциями, и в августе 1952 года коммунистическое руководство положило конец «перевоспитанию». На судебном процессе 1954 года Эуджен Турка-ну и шестеро его сообщников были приговорены к смертной казни, однако ни один из истинных виновников — высокопоставленных чинов полицейского аппарата — не пострадал.

Преисподняя Питешти

Румынская политическая полиция секуритате пользовалась на допросах «классическими» методами пыток: избиением, ударами по подошвам ног и подвешиванием за ноги вниз головой. По жестокости пытки в Питешти оставили далеко позади всю эту классику: «Практиковался полный набор телесных наказаний, мыслимых и немыслимых: прижигание различных частей тела сигаретами; избиение до некроза — кожа на ягодицах у жертв свисала, как у прокаженных; палачи насильно заставляли заглатывать испражнения, наполняющие солдатский котелок, в случае рвоты — заталкивали в глотку рвотные массы».

Безумное воображение Туркану неистовствовало с особой силой, когда дело касалось верующих студентов, отказывавшихся богохульствовать. Некоторых из них каждое утро крестили следующим образом: их голову погружали в чан, полный мочи и экскрементов, остальные заключенные стояли вокруг, распевая псалмы, сопровождающие крещение. Чтобы пытаемый не захлебнулся, время от времени его голову вытаскивали из чана, давая сделать глоток воздуха, после чего вновь погружали в зловонное месиво. Один из таких крещеных, систематически подвергав-

шийся этим издевательствам, достиг автоматизма: к великой радости своих перевоспитателей, по утрам он приходил и сам погружал голову в сосуд с испражнениями. Семинаристов Туркану заставлял священнодействовать на черных мессах, которые устраивал самолично, предпочтительно в Страстную неделю и в пасхальный вечер. Одних он назначал певчими, других — священниками. Насквозь пронизывая текст литургии порнографией, Туркану на дьявольский лад перефразировал оригинал. Святая Лева именовалась великой потаскухой, а Иисус — идиотом, подохшим на кресте. Семинарист, исполнявший роль священника, должен был раздеться донага, его заворачивали в простыню, испачканную экскрементами, и прицепляли на шею искусственный фаллос с мылом и хлебным мякишем, посыпанным ДАТ. D пасхальную ночь 1950 года студенты в порядке перевоспитания проходили перед таким священником, целовали фаллос и произносили: "Христос воскрес"»[21].

Наконец, третья страна, вписавшая свою оригинальную страницу в историю европейских коммунистических репрессий, — Болгария. Ее знаменитый лагерь Ловеч был создан в 1959 году, когда прошло уже целых шесть лет после смерти Сталина, три года — после разоблачительной речи Хрущева на XX съезде КПСС, когда уже закрывались многие лагеря для политзаключенных, в том числе и в Советском Союзе. Лагерь был небольшой, рассчитанный не более чем на тысячу узников, но бойни, устраиваемые его палачами, были чудовищны. Там людей истязали и лишали жизни самым примитивным из всех существующих способов: битьем палкой.

Власти открыли лагерь в Ловече после закрытия лагеря в Белене, запечатлевшегося в памяти болгар как место, где трупы умерших или убитых узников отдавали на съедение свиньям.

Официально лагерь в Ловече был создан для рецидивистов и закоренелых преступников. Однако, по свидетельствам очевидцев, опубликованным после 1990 года, большинство мучеников оказались там без судебного постановления. «Ты носишь брюки западного покроя, длинные волосы, слушаешь американскую музыку, говоришь на незнакомых вражеских языках, на которых заговаривают с иностранными туристами... и попадаешь в западню!» Получается, что в этом своеобразном лагере — исправительном общежитии — содержалась большей частью молодежь.

В предисловии к книге, воспроизводящей свидетельства как заключенных и их близких, так и представителей репрессивного аппарата, Цветан Тодо-ров так описывает итог лагерной жизни в Ловече:

«На утренней перекличке начальник полиции (в лагере это уполномоченный госбезопасности) выбирает жертв; обычно он вынимает из кармана зеркальце и протягивает им: "Держи, взгляни на себя в последний раз!" Приговоренные получают мешки, вечером в них принесут их трупы в лагерь. Им надлежит нести мешки самим, подобно Христу, несшему свой крест на Голгофу. Они отправляются на стройку, в данном случае на каменоломню. Там они будут забиты насмерть старшими надзирателями, их трупы упрятаны в мешки, перевязанные куском проволоки. Вечером товарищи положат их на ручные тележки и повезут обратно в лагерь, трупы будут складированы за туалетами, пока их не наберется двадцать, чтобы грузовик не ездил порожняком. Те, кто не выполнили дневную норму, вечером будут удостоены особого расположения: начальник полиции концом своей палки очертит на земле круг; те, кого он пригласит туда войти, будут забиты до смерти»[22].

Точное число умерщвленных в этом лагере до сих пор не установлено. Но даже если речь идет о нескольких сотнях человек, Ловеч, закрытый болгарскими властями в 1962 году после явного улучшения общей политической ситуации в стране в 1961, все равно останется одним из вопиющих символов варварства коммунистического режима.

В завершение необходимо подчеркнуть, что этот поистине массовый террор отнюдь не оправдан контекстом эпохи «холодной войны», начавшейся в 1947 году и достигшей апогея в 1950—1953 годах, когда грянула настоящая, «горячая» война в Корее. Граждане упомянутых стран, не согласные с коммунистическим режимом, в подавляющем своем большинстве не оказывали ожесточенного или вооруженного сопротивления. Исключение составляет Польша, несколько вооруженных отрядов действовали также в Болгарии и Румынии. Оппозиция чаще всего оказывалась стихийной, плохо организованной и облаченной в демократические одежды. Политические деятели не эмигрировали, полагая, что репрессии — явление преходящее. Случаи вооруженных выступлений крайне редки; чаще всего речь шла о «сведении счетов» секретных служб или о безрассудных всплесках возмущения, напоминающих скорее хронику криминальных происшествий, нежели заранее спланированную политическую акцию.

Таким образом, необузданная беспощадность репрессий не оправдывается необходимостью ответных мер на действия оппозиции. При этом есть множество фактов, подтверждающих, что время от времени властями организовывались рейды «классовой борьбы», оппозиционные группировки нередко создавались провокаторами, состоявшими на службе у тайной полиции. И нередки случаи, когда в благодарность за их услуги Великий манипулятор отдавал этих провокаторов на заклание.

И в наши дни при изучении истории коммунизма можно столкнуться с рассуждениями, призывающими «учитывать контекст эпохи», «социальный аспект» и тд. Подобные речи лежат в основе идеологического подхода к истории, порождающего «ревизионизм» иного рода — неуважение к установленным фактам, препятствующее поискам истины. Те же, кого эти факты трогают за живое, наверняка заинтересуются социальными параметрами репрессий и судьбами «простых людей», подвергшихся столь жестоким гонениям.

Процессы над коммунистическими руководителями

Судебные процессы над коммунистами — важнейшие факты истории репрессий в Центральной и Юго-Восточной Европе в первой половине XX века. Международное коммунистическое движение и его национальные ответвления резко критикуют «буржуазную полицию и правосудие» и еще более резко — фашистские и нацистские репрессии, что вполне обоснованно: тысячи коммунистических активистов в годы Второй мировой войны пали жертвами фашиствующих режимов и нацистских оккупантов.

Преследования коммунистов, однако, вовсе не завершились с установлением прогрессивных «народных демократий», когда на смену государству буржуазному пришло государство «диктатуры пролетариата».

С 1945 года в Венгрии содержались в тюрьме Пал Демени, Йожеф Школьник и несколько их товарищей. Они считали себя коммунистами и именно в этом качестве руководили подпольными отрядами Сопротивления, в которые

нередко привлекали молодежь и рабочих; в крупных промышленных городах участников таких объединений насчитывалось куда больше, чем членов коммунистической партии, связанной с Москвой. Для этой партии коммунисты, прошедшие боевую закалку отряда Демени, сразу же стали конкурентами и расценивались как «троцкисты» и «уклонисты». После войны участник Сопротивления Пал Демени разделил судьбу тех, с кем боролся, - он оставался за решеткой до 1957 года. В Румынии судьба Штефана Фориша, с середины 30-х годов занимавшего пост генерального секретаря ЦК РКП (Румынской коммунистической партии), оказалась более трагической: обвиненный в тайном сотрудничестве с полицией, он с 1944 года жил под надзором, в 1946 году был убит ударом железного прута по голове. Престарелая мать Фориша, разыскивающая повсюду своего сына, также была уничтожена: ее труп с привязанными к шее тяжелыми камнями был обнаружен в реке в Трансильвании. Политическое убийство Форища и его исполнители были раскрыты в 1968 году при Чаушеску.

Судьбы Демени, Фориша и других подтверждают незыблемость принципов репрессивного аппарата: существуют «хорошие» коммунисты, организованные в партию, преданно служащую Москве, и «плохие» — отказывающиеся присоединиться к рядам этой слепо подчиненной чужой воле партии. Тем не менее уже в 1948 году преследования коммунистов становятся более изощренными.

В июне 1948 года Информационное бюро коммунистических партий осудило политику Югославии, проводившуюся Иосипом Броз Тито, и призвало к ниспровержению главы государства. В последующие месяцы неожиданно возникло явление, совершенно не характерное для истории коммунистического движения, — «уклон», оппозиция по отношению к властителям из Москвы, стремление к автономии и независимости от «царствующего центра», и не на уровне маленьких воинственных отрядов, а облеченное в «огосударствленную» форму. Маленькое балканское государство, где монопольная власть компартии не раз доказывала свою состоятельность и жестокость, бросило вызов центру коммунистической империи. Обстановка все более накалялась, открывая невообразимые до сей поры перспективы преследования коммунистов: в государствах, руководимых коммунистами, сами же коммунисты были раздавлены как «союзники» или «агенты» другого коммунистического государства.

Рассмотрим две стороны этого исторического новшества в практике гонений на коммунистов. Югославский феномен долгое время оставался в тени и, как правило, замалчивался в истории народных демократий. После распада единства «Тито—Сталин» в Югославии возникло резкое ухудшение экономического положения: по словам многочисленных свидетелей, стало «хуже, чем во время войны». Все каналы связи с внешним миром оказались перекрыты, над страной нависла угроза вторжения советских войск: у границ Югославии уже были сконцентрированы советские танки. Таким образом, в 1948—1949 годах для страны, изможденной постоянными конфликтами, перспектива войны не была пустым звуком.

На вынесение приговора «югославскому предательству» и на реальные угрозы белградские власти отреагировали изоляцией приверженцев Москвы, прозванных *информбюровцами* («коминформовцами»), а также всех тех, кто одобрял июньскую резолюцию Коминформа. Изоляция не означала простого интернирования и лишения контакта с внешним миром. Титовская власть, глубоко пронизанная большевистской доктриной, обратилась к методам, соответствовавшим ее политической культуре, — лагерям. Югославии принадлежит

множество островов, а потому главный лагерь, созданный по образу и подобию

первого большевистского лагеря в Соловках, возник на острове Голи-Оток. Во всех лагерях методы перевоспитания сильно напоминали приемы, разработанные в румынском лагере Питешти, что позволяет назвать их «балканскими». Например, «ряд бесчестья»: вновь прибывший проходил сквозь две шеренги заключенных, те, кто хотели избежать наказания или улучшить свое положение, колотили его, оскорбляли, швыряли в него камни. Также любой ритуал «критики и самокритики» был связан с выбиванием «признаний».

Пытки были каждодневной реальностью лагерей. Среди многочисленных наказаний отметим «кадку» — голову узника держали над емкостью, наполненной экскрементами, а также «бункер» — нечто вроде карцера, расположенного в траншее. Самое распространенное издевательство, используемое надзирателями-«перевоспитателями», напоминающее пытки нацистских лагерей, — дробление камня, в изобилии имеющегося на этом скалистом острове в Адриатическом море. Главное унижение для исполнителей этой бесполезной работы — выбрасывание гравия в море...

Преследование коммунистов в Югославии, достигшее кульминации в 1948—1949 годах, явилось одним из наиболее массовых в Европе после гонений в Советском Союзе в 20—40-е годы, в Германии — 30-х и репрессий против коммунистов во время нацистской оккупации. Преследования эти можно назвать массовыми, учитывая количество жителей Югославии и численность членов компартии. По официальным источникам, долго державшимся в тайне, гонениям подверглись 16 731 человек, среди которых 5037 —в результате судебных решений; три четверти из них были отправлены в Голи-Оток и лагерь Гргур. По оценке независимого эксперта Владимира Дедиера, через один только лагерь Голи-Оток прошли 31 000 — 32 000 человек. Современные исследования не могут, к сожалению, назвать точное число узников, павших жертвами расправ, истощения, голода, эпидемий или самоубийств, последнее зачастую было крайним решением некоторых коммунистов в ответ на необходимость выбора: быть охотником или дичью.

Вторая разновидность преследования коммунистов более известна: это репрессии против «титовских агентов» в странах народной демократии. Чаще всего эти процессы выглядели как «большой спектакль», призванный задействовать общественное мнение не только означенных стран, но также и других держав, силой втянутых в «единый лагерь мира и социализма». Развертывание подобных процессов имело целью доказать обоснованность излюбленного лозунга Москвы, согласно которому главного врага следует искать в недрах самих коммунистических партий, насаждая всеобщую подозрительность и неусыпную бдительность.

С начала 1948 года Румынская коммунистическая партия (РКП) занялась делом Лукрециу Патрашкану, министра юстиции с 1944 по 1948 год, известного марксистского теоретика, одного из создателей партии в 1921 году (в ту пору ему исполнился всего 21 год). По мнению некоторых высших представителей обвинения, дело Патрашкану должно было стать прелюдией к будущей кампании против Тито. Смещенный с должности в феврале 1948 года и заключенный под стражу, Патрашкану был приговорен к смертной казни лишь в апреле 1954 года и казнен 16 апреля, после шести лет заточения, через год после смерти Сталина. Тайна столь запоздалой расправы еще не до конца раскрыта, по одной из последних гипотез, генеральный секретарь РКП Георгиу-Деж, видя

в Патрашкану конкурента, помешал его реабилитации; по другой гипотезе, два партийных вождя конфликтовали еще со времен войны.

В 1949 году процессы касались прежде всего коммунистических руководителей соседних с Югославией стран. Первый прошел в Албании, где партийное руководство теснее всего было связано с югославскими коммунистами. Избранная жертва — Кочи Ксоксе, один из руководителей коммунистического вооруженного Сопротивления, министр внутренних дел и генеральный секретарь компартии послевоенных лет; он действительно был человеком, преданным Тито. После внутрипартийной политической кампании, развернутой осенью 1948 года и бичевавшей «троцкистскую проюгославскую фракцию, возглавляемую Ксоксе и Кристо», союзники югославских коммунистов были арестованы в марте 1949 года. Кочи Ксоксе был осужден в Тиране вместе с четырьмя другими партийными руководителями — Панди Кристо, Васко Колечи, Нури Хута и Ванго Митройорги. Приговоренный к смерти 10 июня, Ксоксе был казнен на следующий же день. Четыре его товарища были приговорены к тяжелым наказаниям. Остальные проюгославские коммунисты вскоре стали жертвами «чистки» рядов албанской компартии.

Второй показательный процесс из серии «антититовских» проводился в сентябре 1949 года в Будапеште над знаменитым Ласло Райком, бывшим интер-бригадовцем, сражавшимся в Испании, одним из вождей венгерского Сопротивления. Находясь на посту министра внутренних дел, он жестоко покарал демократов-некоммунистов; впоследствии стал министром иностранных дел. Райк был арестован в мае 1949 года, подвергнут пыткам и шантажу со стороны бывших своих соратников по руководству: от него добивались, чтобы он «помог партии», и не казнили до тех пор, пока он не подчинился и не подписал признания, содержащие серьезные обвинения против Тито и югославов как «врагов народной демократии». Вердикт венгерского суда, вынесенный 24 сентября, был окончательным и обжалованию не подлежал: Ласло Райк, Тибор Се-ньи и Андраш Салаи приговаривались к смертной казни, югослав Лазар Бран-ков и социал-демократ Пал Юстус — к пожизненному заключению. Райк был казнен 16 октября. В ходе дополнительного расследования военный трибунал приговорил к смерти еще четырех офицеров высшего ранга.

Вслед за процессом Райка началась целая лавина репрессий, в Венгрии было арестовано и осуждено девяносто четыре человека; пятнадцать приговоренных были казнены, одиннадцать — скончались в тюрьме, пятьдесят обвиняемых поплатились более чем десятью годами заключения. Число погибших в результате этого дела увеличится до шестидесяти человек, если мы включим сюда самоубийства родственников, а также судей и офицеров, вовлеченных в следствие.

На выбор в качестве жертв Ласло Райка и его окружения существенно повлияла озлобленность и внутренние распри правящей группировки, а также особое рвение генерального секретаря компартии Матьяша Ракоши и шефов тайной полиции. Эти и другие факторы все же не должны заслонять главного: распорядители из Москвы, среди которых фигурировали высшие чины госбезопасности и разведки, уполномоченные курировать регион Центральной и Восточной Европы, с особым пристрастием относились к проискам и интригам против определенных деятелей во время этой первой волны репрессий. Они усиленно хлопотали, чтобы во всей полноте раскрыть «международный антисоветский заговор». Ведущая роль в этом спектакле была отведена процессу над Райком, а в самом процессе — главному свидетелю обвинения Ноэлю

Филду, американцу, тайно служившему коммунистам и сотрудничавшему с советскими спецслужбами, что ясно подтверждено недавно рассекреченными архивами[23].

Попытка «интернационализировать» заговор, в данном случае «титов-ский», нашла новое выражение в Софии, на процессе против Трайчо Костова. Заслуженный коминтерновец, приговоренный к смерти царским режимом, руководитель вооруженного национального Сопротивления, заместитель Председателя послевоенного Совета министров, Костов по праву считался возможным преемником Георгия Димитрова. Состояние здоровья бывшего Генерального секретаря Коминтерна и вождя Болгарской коммунистической партии с 1946 года заметно ухудшилось, и начиная с марта 1949 года Димитров проходил курс лечения в Москве, где и скончался 2 июля.

С конца 1948 года руководство БКП (Болгарской коммунистической партии), так называемые москвичи (партийные деятели, которые всю войну провели в Москве, подобно Ракоши из Венгрии и Готвальду из Чехословакии), — стало критиковать «ошибки и недостатки» Костова, в частности его «неподобающий отзыв о Советском Союзе», касающийся экономических вопросов. С согласия Димитрова, резко осудившего его в письме, отправленном из советского санатория 10 мая, Костов в июне 1949 года был арестован, несмотря на активную «самокритику». Такая же участь постигла многих его соратников.

Процесс против Трайчо Костова и девяти его товарищей начался в Софии 7 декабря 1949 года, приговор был вынесен 14 декабря: Костов приговаривался к смерти как «агент», работающий одновременно и на старорежимную болгарскую полицию, и на «предателя Тито», и на «западных империалистов»; четверо других партийных руководителей — Иван Стеланов, Никола Павлов, Никола Нечев и Иван Тутев — были осуждены на пожизненное заключение; из остальных обвиняемых трое были приговорены к пятнадцати годам лишения свободы, один — к двенадцати и один — к восьми. Два дня спустя просьба о помиловании была отклонена, и Трайчо Костов был повешен.

Софийский процесс занимает особое место в истории подобных разбирательств в эпоху коммунистических режимов: в ходе первых показаний перед судом Костов отказался от предыдущих своих признаний, вырванных во время следствия, и объявил себя невиновным. Лишенный впоследствии слова, он все-таки выразил свою позицию в последнем заявлении и назвал себя другом Советского Союза — ему, разумеется, не дали закончить речь. Такие «непредвиденные обстоятельства» давали постановщикам показательных процессов пищу для размышлений на будущее.

«Дело Костова» не завершилось в момент казни через повешение его главной жертвы. В августе 1950 года в Болгарии начался процесс над двенадцатью «сообщниками Костова» — чиновниками, занятыми в народном хозяйстве; следующий процесс — против двух «членов заговорщической банды Костова» — был развернут в апреле 1951 года, затем последовал третий — против двух членов Центрального комитета БКП. В рамках этого дела состоялись еще несколько процессов при закрытых дверях против офицеров армии и госбезопасности.

В Чехословакии в июне 1949 года партийные вожди были предупреждены: главные «заговорщики» скрываются в недрах самой КПЧ. Для их розыска, в частности для обнаружения «чехословацкого Райка», в Праге создается отряд особого назначения, в котором задействованы активисты аппарата

Центрального комитета, политической полиции и Контрольной комиссии КПЧ. В 1949 году были арестованы третьестепенные коммунистические руководители. На этой первой волне репрессий против коммунистов режиму удалось устроить только одно «антититовское» судилище, прошедшее с 30 августа по 2 сентября 1950 года в столице Словакии Братиславе, — над шестнадцатью обвиняемыми, десять из которых — югославы. Возглавлял этот список Стефан Кевич, вице-консул Югославии в Братиславе. На этом процессе были приговорены к смерти двое словаков, один из них, Рудольф Лан-санич, был казнен.

К концу 1949 года полицейская машина, усиленная стоящими у руля опытными сотрудниками, присланными из центральных московских спецслужб, вознамерилась во что бы то ни стало отыскать «чехословацкого Райка» и заработала на полную мощность. Главные «советские консультанты» не скрывали цели своей миссии. Один из них, Лихачев, раздраженный недостаточным усердием словацкого руководителя спецслужб, воскликнул: «Меня сюда послал устраивать процессы сам Сталин, и я не намерен терять время. Я приехал в Чехословакию не дискутировать, а снимать головы. Не позволю свернуть себе шею, предпочитаю свернуть сто пятьдесят чужих шей»[24].

Кропотливый анализ и воссоздание исторической картины этих репрессий стали возможны с 1968 года благодаря тому, что историки получили доступ к скрытым прежде партийным и полицейским архивам, а после ноября 1989 года смогли углубить эти исследования.

В связи с подготовкой в Венгрии процесса Л. Райка прежде всего арестовали в мае 1949 года супругов Павлик; процесс над Гезой Павликом начался в июне 1950 года. В июне 1949 года в Праге Матьяш Ракоши передал председателю КПЧ Клементу Готвальду список, содержащий фамилии приблизительно шестидесяти чехословацких ответственных лиц, всплывшие в ходе расследования дела Райка. Прага в связи с процессом Райка постоянно испытывала давление со стороны советских и венгерских служб безопасности и проявляла особый интерес к коммунистам, оказавшимся в годы войны на Западе, и в частности к бывшим членам Интернациональных бригад. Осенью КПЧ организовала специальное подразделение службы госбезопасности для «выявления врагов внутри партии» и даже прибегла к помощи уцелевших сотрудников гестапо, «специалистов» по международному коммунистическому движению. С арестом в ноябре 1949 года Эвжена Леб-ла, заместителя министра внешней торговли, репрессии против коммунистов вышли на новый уровень: отныне они проводились в отношении «руководителей высшего звена», что окончательно стало очевидным в 1950 году; среди прочих в этот поток оказались активно вовлечены и региональные партийные руководители.

В январе и феврале 1951 года прокатилась мощная лавина репрессий, затронувшая всю пирамиду власти. Среди пятидесяти арестованных высших партийных и государственных чиновников насчитывалось несколько «франкоязычных коммунистов» и тех, кто так или иначе уполномочен был налаживать контакты с другими партиями, как, например, Карел Шваб Ярлык «главы заговора» передавался от одного к другому, и потребовалось два года, прежде чем удалось выявить «чехословацкого Райка». Только летом 1951 года, с услужливого согласия Клемента Готвальда, Сталин лично решил назначить таковым не кого-нибудь, а Рудольфа Сланского, генерального

секретаря КПЧ*, второй значимой фигурой был избран Бедржих Геминдер, «правая рука» Сланского, видный деятель аппарата Коминтерна. Его имя повсюду находится рядом с именем Сланского— и в переписке Сталина с Готвальдом, и в допросах взятых под стражу коммунистов в преддверии ареста Сланского. Советские авторы сценария рассматривали Геминдера в качестве «запасной головы». Госбезопасность арестовала обоих вождей «заговора» 24 ноября 1951 года. В течение нескольких месяцев вслед за ними за решетку попали еще два важных чиновника: 12 января 1952 года — Рудольф Марголиус, заместитель министра внешней торговли, а 23 мая 1952 года — Йозеф Франк, заместитель Рудольфа Сланского.

Советские консультанты и их подчиненные на местах изощрялись изо всех сил, готовя постановку грандиозного процесса-спектакля, который состоялся 20 ноября 1952 года в Праге под названием «процесс над руководством антигосударственного заговорщического центра, возглавляемого Рудольфом Сланским». На этот раз судили коммунистических лидеров высшего эшелона власти. 27 ноября суд вынес вердикт: одиннадцать обвиняемых приговорены к смертной казни, трое — к пожизненному заключению. Ранним утром 3 декабря, с 3 часов до 5 часов 45 минут палач тюрьмы Панкрац в Праге вздернул на виселицу одиннадцать человек.

Процесс над Сланским — символической фигурой репрессий

После московских процессов 30-х голов над большевистскими руководителями дело Сланского — наиболее яркое и исследованное в истории коммунизма. Среди приговоренных — виднейшие представители аппарата международного коммунистического движения, именно им Прага обязана присвоенным ей в годы «холодной войны» титулом «коммунистической Женевы». Тогда чехословацкая столица играла ключевую роль в поддержании прочных отношений с французской и итальянской компартиями.

Рудольф Сланский — генеральный секретарь КПЧ с 1945 года, безоговорочный сторонник Москвы, председатель «Группы пяти», созданной специально для ежедневного наблюдения за ходом репрессий; в этой должности он лично утвердил десятки смертных приговоров.

Бедржих Геминдер и Йозеф Франк — заместители генерального секретаря.

Геминдер, поработав в верхушке аппарата Коминтерна, вернулся из Москвы в Прагу, чтобы возглавить там международный отдел КПЧ. Франк, проведя 1939—1945 годы в нацистских концлагерях, теперь контролировал экономические вопросы и финансовую помощь западным компартиям. Рудольф Марголиус в качестве заместителя министра внешней торговли был уполномочен налаживать связи с коммерческими организациями, контролируемыми компартиями Запада. Отто Фишл, заместитель министра финансов, также был в курсе кое-каких финансовых махинаций КПЧ. Людвик Фрейка в годы войны принимал участие в чехословацком Сопротивлении в Лондоне, а с 1948 года, когда Клемент Готвальд стал Президентом республики, руководил экономическим отделом его канцелярии.

Среди осужденных, либо напрямую, либо посредством аппарата международного коммунистического движения связанных с советскими спецслужбами, кроме Сланского

* Генеральный секретарь компартии Чехословакии являлся в те годы второй по значимости должностью после председателя. Вторым лицом Сланский был и в правительстве Чехословакии, занимая пост заместителя председателя. Председателем являлся К. Готвальд. *(Прим. ред)*

и Геминдера следует отметить следующих деятелей; Бедржиха Рэйцина, руководителя военной разведки, впоследствии, с февраля 1948 года, заместителя министра обороны; Карела Шваба, узника нацистских концлагерей, затем начальника отдела кадров центрального аппарата КПЧ (эта работа позволила ему занять пост заместителя министра национальной безопасности); Андре Симона, журналиста, работавшего до войны в Германии и во Франции; и наконец, Артура Лондона, сотрудника советских спецслужб во время войны в Испании, участника Сопротивления во Франции, после 1945 годэ высланного за помощь коммунистической разведке в Швейцарии и во Франции, с 1949 годэ ставшего заместителем министра иностранных дел в Праге.

Еще два ответственных работника Министерства иностранных дел фигурируют среди приговоренных: словак Владимир Клементис, министр с весны 1948 года, до войны — адвокат-коммунист, высланный во Францию, где за выражение критической позиции по отношению к советско-германскому пакту был исключен из партии, в 1945 году решение это было отменено; Вавро Хайду, тоже словак, заместитель министра. Третий словак, участник процесса, Эвжен Лебл провел войну в изгнании, в Лондоне, арестован в должности заместителя министра внешней торговли.

Отто Слинг также участвовал в чехословацком Сопротивлении в Лондоне, прежде был активистом Интербригад в Испании. После войны стал региональным секретарем КПЧ в столице Моравии Брно.

В отношении трех приговоренных к пожизненному заключению — Вавро Хайду, Артура Лондона и Эвжена Лебла — было упомянуто об их «еврейском происхождении», выявленном в ходе процесса. Это касалось также восьмерых из одиннадцати приговоренных к смерти, за исключением Клементиса, Франка и Шваба.

Процесс над Сланским стал символом репрессий не только в Чехословакии, но и во всех странах народной демократии. Чудовищный характер этого судилища не должен, однако, заслонять того бесспорного факта, что основными жертвами репрессий явились не коммунисты, а обычные люди. За весь период с 1948 по 1954 год среди общего числа пострадавших на территории Чехословакии коммунисты составляют около 0,1 % осужденных, 5% приговоренных к смерти, 1 % тех, чей смертный приговор был приведен в исполнение, самоубийц, лиц, умерших от прямых последствий пребывания в тюрьмах и лагерях (несчастные случаи во время работ на рудниках, убийства, совершенные надзирателями в ходе «попыток к бегству» или «актов неповиновения»).

Процесс над Сланским подготавливался советскими консультантами кропотливо и основательно, ибо действовали они в соответствии с интересами верхушки сталинских властных структур в Москве. Дело Сланского стало вехой второй волны показательных политических процессов против коммунистических руководителей, развернутых в странах народной демократии начиная с 1949 года.

За грандиозным спектаклем-процессом над Сланским в 1953—1954 годы в Чехословакии один за другим следуют процессы, явившиеся результатом «дела Сланского»; этому не в силах была помешать даже смерть Сталина и Готвальда в марте 1953 года. Кульминация судебных разбирательств наступила в 1954 году. Первый крупный процесс проходил с 26 по 28 января этого года в Праге: Мария Швермова, стоявшая у основания КПЧ, член руководящего ее состава с 1929 по 1950 годы, была приговорена к пожизненному тюремному заключению; шестеро других обвиняемых — высших чинов партийного аппарата —

в общей сложности к ста тринадцати годам тюрьмы. Месяц спустя, с 23 по 25 февраля, последовал второй процесс: семь членов «Большого троцкистского совета», состоявшего из активистов КПЧ, приговорены в общей сложности к ста трем годам тюремного заключения. Третий процесс прошел в Братиславе с 21 по 24 апреля, его жертвами стали бывшие руководители Коммунистической партии Словакии, осужденные как «группа словацких буржуазных националистов». Густав Гусак, один из руководителей Сопротивления, был приговорен к пожизненному заключению, четверо других обвиняемых — к шестидесяти трем годам тюрьмы. На протяжении 1954 года было организовано еще шесть «больших процессов» против высших армейских чинов, хозяйственных управленцев (одиннадцать человек в совокупности были осуждены на двести четыре года лишения свободы), против «нелегального руководства социал-демократической партии»; наконец, многих судили не как членов группы, а индивидуально. Согласно традиции, выработанной за долгие годы подготовки всех «важных» процессов, секретариат КПЧ утверждал обвинительный акт и выносимые приговоры, а затем на заседании руководства КПЧ обсуждался ход судебной процедуры.

Процессы 1953—1954 годов уже не походили на грандиозные спектакли. Последним политическим процессом периода 1948—1954 годов явился начавшийся 5 ноября 1954 года процесс над крупным хозяйственным руководителем Эдуардом Утратой.

Освальд Заводский, бывший интербригадовец, участник французского Сопротивления, бывший ссыльный, глава госбезопасности с 1948 года, был последним коммунистом, казненным на этой волне репрессий. Трибунал приговорил его к смертной казни в декабре 1953 года, и вершители судеб отказали ему в помиловании. Он, как и многие другие, слишком много знал о работе советских спецслужб. В результате 19 мая 1954 года он был повешен в пражской тюрьме.

Чем объяснить эту нелепую расправу с высокопоставленными коммунистами? Подчинен ли выбор той или иной жертвы хотя бы какой-нибудь логике? Новейшие исследования, проведенные по материалам открывшихся архивов, по многим пунктам совпали с данными, представленными до 1989 года: все процессы сфабрикованы заранее, ведущая роль отведена вырванным во время следствия «признаниям», режиссер спектакля — Москва, непременным является идеологическое и политическое неистовство — сначала антититов-ское, затем антисионистское и антиамериканское, — которое претворяется в определенные юридические акты. Множество фактов пополняют и уточняют уже сложившиеся представления. Рассекречивание архивов позволяет также осмыслить отличие второй волны репрессий против коммунистов от первой, вызванной безотлагательной необходимостью перебороть югославскую «ересь»; теперь стало легче продвинуться в понимании этого явления и сформулировать определенные гипотезы.

Исследования, подкрепленные богатой документацией, высвечивают определяющий фактор — стремление Москвы к интервенции и вмешательству. Процессы над коммунистами неразрывно связаны с международной обстановкой тех лет, когда сталинская власть после бунта Тито стремилась принудить коммунистическое движение к полному подчинению и ускорить превращение европейских «стран народной демократии» в сателлитов Советской империи. Репрессии эти также влияли на решение политических, социальных и экономических проблем каждой страны: приговоренный коммунистический руководитель служил козлом отпущения; его ошибки призваны были «разъяснить»

промахи правительства, а его наказание — направить в нужное русло «народный гнев»; вездесущий террор посеял и взрастил страх в господствующих слоях, а это было необходимо, чтобы добиться абсолютного послушания и безоговорочного подчинения «указам партии» и потребностям «лагеря мира», определяемым советскими вождями.

Глубокие внутренние разногласия в правящих кругах, несомненно, повлияли на выбор жертв репрессий. Следует принять во внимание также взаимную озлобленность и зависть, которые неизбежно возникают среди сборища лакеев, прислуживающих колониальному хозяину. Наверняка, Великому манипулятору предоставлялись сведения и предлагались интересные варианты игр, которые он беспрестанно вел и собирался вести со своими запуганными прислужниками; он заранее получал подробную информацию обо всех интригах и склоках.

Обе волны репрессий, направленные против коммунистических руководителей, сформировали, в свою очередь, и тип образцовой жертвы. Чаще всего страдали от гонений бывшие добровольцы, сражавшиеся на гражданской войне в Испании, участники международного движения Сопротивления, партизаны Югославии, эмигрировавшие во Францию и Англию; в Венгрии, Болгарии и Словакии мишенями преимущественно оказывались коммунисты, принимавшие участие в движении Сопротивления своих стран.

Следует пойти еще дальше и поставить такой вопрос: отчего процесс над Рудольфом Сланским стал самым значительным из всех подобных, превратившись в спектакль *мирового* уровня? Какие глубинные внешнеполитические интересы сталинских властей всплыли благодаря ему на поверхность? Чем обусловлены такая публичность, такая безжалостность приговоров, показательная жестокость, и именно в период, когда СССР, казалось, великолепно контролирует обстановку в странах народной демократии? Формы этого надзора теперь хорошо известны: письма-«указы», собрания-«консультации», деятельность тысяч советских представителей на местах.

В поисках глубинной логики, лежащей в основе репрессивных действий, представляется необходимым сформулировать первую гипотезу: советский блок готовился к войне — да, задумывалась война на европейском континенте. «Американский империализм» объявлялся главным врагом, и советские руководители верили — либо пытались заставить других поверить, — что враг готовит агрессию против их «лагеря». Процесс над Сланским, его ход, великолепная организация откликов на него, его мощная антиамериканская идеология (при постоянном присутствии элемента антититоизма все же преобладает антиамериканизм) — все эти факторы свидетельствуют о явных военных приготовлениях советских властей. «Педагогика трупов» нацелена не только на коллег-коммунистов, но и на политических противников. Сталин уже опробовал такую «методику преподавания» в Советском Союзе, устраивая «великие чистки» в предвоенной обстановке 30-х годов. Был ли он уверен, что сумеет прибегнуть к этому приему снова?

При ознакомлении с многочисленными архивными источниками тех лет становится очевидно, что начиная с 1950—1951 годов, в разгар войны в Корее, страны советского блока интенсивно готовились к неизбежной, по их представлениям, войне на европейском континенте, имея в виду возможную оккупацию Западной Европы.

На заседании политических и военных представителей стран-участниц соцлагеря в 1951 году Сталин упомянул о вероятности войны в 1953.

Во всех странах блока милитаризация экономики достигла максимальных показателей.

Военная промышленность Чехословакии отличалась высокой конкурентоспособностью, традиции ее развития были заложены еще во времена Австро-Венгерской монархии, в 30-е годы эта страна являлась одним из главных мировых экспортеров оружия. Начиная с 1949 года Чехословакия стала поставщиком оружия в страны социалистического лагеря. Решение это было подкреплено неудержимой милитаризацией экономики и социальной сферы, массированной пропагандой идеи о неизбежности войны и беспрецедентным увеличением военного бюджета — за пять лет расходы, предназначенные для армии, были увеличены в семь раз! В дополнение к этому под руководством советских экспертов проводилось безудержное разрушение социальных структур и систематическое опустошение урановых рудников.

Военный историк Индржих Мадры, изучавший архивы, рассекреченные после 1989 года, в последнем своем исследовании делает следующее заключение[25]. К маю 1953 года вооруженность Чехословакии достигла максимальных показателей ввиду ожидания «неизбежной войны». Бюджет Министерства обороны, запланированный на 1953 год, должен был в десять раз превысить бюджет 1948 года. В соответствии с советскими требованиями, чехословацкая экономика должна была развиваться как «предвоенная». К 1 января 1953 года личный состав вооруженных сил достиг 292 788 человек, что вдвое превышало численный состав 1949 года, а в апреле Президент республики принял решение удлинить срок военной службы, доведя его до трех лет. В ожидании войны происходило накопление финансовых и материальных ресурсов, в этой обстановке в июне 1953 года была проведена денежная реформа, из-за которой пострадало огромное число вкладчиков. По некоторым источникам, ситуация несколько изменилась в июне 1953 года, когда «неизбежная война», казалось, уже не входила в стратегические планы новых хозяев из Москвы.

Рассматривая репрессии против коммунистических активистов с такой точки зрения, можно яснее понять логику выбора жертв. «Старший брат» хорошо знал своих преданных товарищей, и у него было особое представление о своих противниках на Западе. Его «педагогика трупов», похоже, достигла вершин макиавеллизма. Как действовать, дабы убедить противников в своей силе и решимости и тем самым привести их в полное смятение? Как убедить приверженцев, посвященных в таинства коммунистического движения, в серьезности положения, в потребности соблюдать железную дисциплину в обстановке грозящего конфликта, в священной необходимости жертвоприношений?

Принести в жертву самых верных соратников, отобрать среди них наиболее видных — тогда решение их судеб вызовет сильный резонанс на международном уровне, по всем направлениям, включая Советский Союз. В качестве оружия использовать самую грубую и примитивную ложь и идти на нее сознательно. Постановка грандиозного спектакля не удастся, если «агентами империализма» объявить неких малоизвестных московскому и прочим аппаратам Антонина Запотоцкого или Антонина Новотного. Кто в наши дни согласится с тем, что Торез или Тольятти, Хрущев или Готвальд хоть на секунду поверили, что в 1952 году Рудольф Сланский, Бедржих Геминдер и другие их приближенные были «американскими агентами»? Но даже посвященные, выбиваясь из сил, вынуждены были расшифровывать и постигать эти заведомо ложные измышления, в чем и коренилась одна из главных целей этой операции в духе Макиавелли.

Согласно версии Анни Кригель, «инфернальная педагогика» предполагала отбор жертв, расправа с которыми обеспечит широкий отклик; это должны были быть лица, известные в антифашистских кругах Испании, Франции, СССР, Англии, побывавшие в нацистских лагерях. Верхушка партийного аппарата была прекрасно осведомлена, сколь ценные услуги оказали в свое время партии многие из приговоренных коммунистов и насколько непоколебима была их лояльность по отношению к Москве. Среди принесенных в жертву коммунистов было достаточно много тех, кто в прошлом занимал ответственные должности и на чьей совести лежали преследования и убийства некоммунистов; многие тесно сотрудничали с советскими органами.

Процессы устраивались еще и в 1953 и 1954 годах, до тех пор, пока Советский Союз не высказался за начало новой стратегии — «мирного сосуществования».

Вторая гипотеза, требующая рассмотрения, касается антисемитизма — фактора, непременно присутствовавшего в репрессиях против коммунистов. При анализе этих процессов постоянно всплывает один аспект этого феномена: «борьба с сионизмом» и «сионистами» (что по сути означает обыкновенный антисемитизм) явно неотделима от изменения советской политики по отношению к Израилю и арабскому миру. Недавно созданное израильское государство, в рождение которого особый вклад внесла именно Чехословакия, поставлявшая туда оружие, вдруг стало заклятым врагом; советская стратегия теперь делала ставку на арабские страны и их «борьбу за национальное освобождение».

Николя Верт (см. часть I настоящей книги) отчетливо показал антисемитский компонент репрессий, проводившихся в СССР после декабря 1947 года, который вновь проявился в начале 50-х годов, в период приготовления к последним «великим чисткам». В Центральной Европе антисемитизм открыто заявил о себе на процессе Райка: судья не преминул подчеркнуть еврейское происхождение фамилий четырех обвиняемых и даже попытался приписать Райку несуществующего еврейского деда. Апогея антисемитские настроения достигли на процессе Сланского, где делались акценты на «еврейском происхождении» одиннадцати обвиняемых и на их связях с «международным сионизмом».

Чтобы оценить всю степень лицемерия этого закулисного антисемитизма, достаточно прочитать высказывание одного из главных советников из Москвы, уже упоминавшегося выше. Товарищ Лихачев, запросивший сведения о подрывной деятельности некоторых словацких руководителей, заявил (речь идет о доказательствах, предоставленных его собеседником — словацким сыщиком): «Мне наплевать, откуда вы их извлекли. И безразлично, достоверны ли они. Я готов в них поверить, а уж как я ими распоряжусь — мое дело. Непонятно, отчего вы так печетесь об этом еврейском дерьме?»[26]

Существует еще один аспект, обычно ускользающий при осмыслении источников антисемитизма. Есть основания полагать, что Сталин и ему подобные властители других стран старались свести счеты с евреями в аппарате международного коммунистического движения путем решительного их вытеснения. Евреи эти, собственно, и не принадлежали к иудейскому вероисповеданию. Они скорее отождествляли себя с той нацией, с которой ассимилировались, либо со своим членством в международном коммунистическом сообществе. К сожалению, нам недостает первоисточников и свидетельств о том, как повлиял на изменение этой идентификации печальный опыт геноцида. Известно, что многие их близкие завершили свои дни в нацистских лагерях смерти.

Весомое представительство евреев-коммунистов в аппарате Коммунистического Интернационала существовало и в послевоенные годы - они по-прежнему занимали ключевые посты во многих партиях и государственных аппаратах стран Центральной Европы. В своем историческом обзоре о венгерском коммунизме Миклош Молнар пишет: «Руководители партийной верхушки почти без исключения еврейского происхождения, так же, чуть в меньшей пропорции, обстоит дело и с аппаратом Центрального комитета, политической полицией, в прессе, издательском деле, в театре, в кино... Несомненное повышение жизненного уровня рабочего класса и его роли в обществе не должно заслонять непреложного факта — партийцы, в самой значительной мере определяющие принятие важнейших решений, являются преимущественно выходцами из мелкой еврейской буржуазии»[27]. В январе 1953 года руководитель госбезопасности Венгрии и старый друг Райка Габор Петер оказался в тюрьме как «сионистский заговорщик». Причем с официальной обвинительной речью, заклеймившей «Петера и его шайку» (имелись в виду еще несколько офицеров госбезопасности), выступил еврей-коммунист Ракоши.

В Румынии решение о судьбе участницы Коминтерна еврейки Анны Пау-кер было принято в 1952 году. Она входила в руководящую «тройку» вместе с главой партии Георге Георгиу-Дежем и Василе Лука. По одному свидетельству, не вполне совпадающему с другими источниками, Сталин во время своей встречи с Георгиу-Дежем в 1951 году выразил удивление по поводу того, что в Румынии до сих пор еще не арестованы агенты титоизма и сионизма, и настаивал на необходимости «железной руки». Как бы то ни было, Василе Лука в мае 1952 года был смещен с должности министра финансов, равно как Теохари Джорджеску — с должности министра внутренних дел, и приговорен к смерти, затем наказание было заменено на пожизненное тюремное заключение, во время которого он скончался. Анна Паукер, министр иностранных дел, была снята с работы в начале июля, арестована в феврале 1953 года, освобождена в 1954 году и вернулась в свою семью. Одновременно с ее делом прокатилось еще несколько репрессивных волн с душком антисемитизма уже в отношении кадров низшего звена.

События, происходившие тогда в Москве, — серьезная реорганизация службы госбезопасности, арест ее вождя Абакумова в июле 1951 года — позволяют выдвинуть третью гипотезу: фактором, определившим и выбор жертв, сотрудничавших со спецслужбами, и суровость наказания, была борьба кланов в аппарате советской госбезопасности. Карел Каплан пишет в своем последнем труде: «До сих пор остается открытым вопрос: не лежат ли у истоков ликвидации группы, сотрудничавшей с советскими спецслужбами, и ее замены другими лицами (Василек, Кепперт и прочие), конфликты и перемены в недрах центральной московской службы безопасности?»[28]

Обоснованность этой последней гипотезы будет документально подтверждена лишь в ходе длительных кропотливых изысканий в крупнейших московских архивах. Несомненно, что в конце сталинского правления возникали распри между возможными его преемниками Хрущевым, Маленковым и Берией, связанными с различными руководителями и подразделениями служб госбезопасности; стоит прислушаться и к соображениям о соперничестве между спецслужбами армии и НКВД. Именно в странах народной демократии, куда армия сумела проникнуть первой, конкуренция эта ощущалась с особой остротой[29].

Материалы пражских архивов отражают настроения некоторой нерешительности тогдашних советских спецслужб. Весной 1950 года московский центр сменил советников, прибывших в Прагу в начале октября 1949 года, так как они «не достигли намеченных результатов». На заседании, состоявшемся в Кремле 23 июля 1951 года, куда был приглашен Готвальд, приславший своего представителя — министра национальной обороны Алексея Цепишка, Сталин критиковал советников за безответственное отношение к делу. Кроме того, в письме к Готвальду, привезенному из Москвы Цепишкой, где речь шла о судьбе Сланского и Геминдера, Сталин заявил: «Нам известны ваша положительная оценка работы товарища Боярского [главного советского консультанта] и ваше желание оставить его в должности советника Министерства национальной обороны Чехословацкой республики, мы же придерживаемся иного мнения. Опыт работы товарища Боярского в Чехословацкой республике со всей наглядностью продемонстрировал его недостаточную квалификацию для ответственного исполнения возложенных на него обязанностей советника-консультанта. Поэтому мы решили отозвать его из Чехословакии. Если вы действительно нуждаетесь в консультанте по вопросам госбезопасности (вам самим решать), то мы постараемся найти уполномоченного посолиднее и поопытнее»[30].

При таких условиях работы ничуть не удивляют примеры неустойчивости психики руководителей служб госбезопасности; начальник чехословацкого следственного отдела записал слова одного из советников: «Выйти из службы безопасности раньше срока можно только вперед ногами». Индржих Веселы, руководитель госбезопасности, совершил попытку самоубийства (самосожжения) в 1950 году, но безуспешно. В 1964 году он все-таки покончил с собой. Перед этим он составил длинное и откровенное объяснение причин своего самоубийства, сохранившееся в архивах Центрального комитета КПЧ. В этой исповеди Индржих Веселы описывает также и мотивы первой своей попытки. Он прекрасно знал, как Сталин регулярно устранял глав служб госбезопасности, и предпочел именно так избежать подобной участи.

В поисках закономерностей в выборе жертв среди руководителей-коммунистов следует остановиться на четвертой гипотезе: грандиозный показательный процесс в московской метрополии коммунистической империи готовился исподволь, он призван был увенчать целую серию политических процессов в других странах и затем сурово покарать мнимых участников громадного «международного заговора» в самом его центре, в Москве. В новых материалах, проанализированных в главе «Последний заговор» настоящей книги, приводятся серьезные доводы, подтверждающие такое истолкование репрессивных действий против коммунистов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

От «посттеррора» к посткоммунизму

Прежде чем приступить к рассмотрению периода с 1955—1956 годов по 1989—1990, названного венгерским историком Миклошем Молнаром «посттеррором», когда в большинстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы происходило разложение коммунистических режимов, обозначим некоторые характерные черты этих режимов, приобретенные ими ко второй половине 50-х годов. Возможно, они облегчат понимание эволюции репрессивных действий и их закономерностей.

Начнем с того, что следующие одна за другой репрессии в период становления коммунистических режимов в Европе можно без преувеличения квалифицировать как массовый террор, поскольку репрессии основывались — собственно в этом и заключалась их задача — на нарушении и уничтожении основных прав и свобод личности; определены и уточнены были эти права и свободы в международных соглашениях, и в частности во Всеобщей декларации прав человека, за которую в декабре 1948 года на Генеральной Ассамблее проголосовали страны — участницы ООН вопреки воле СССР и пяти стран «народной демократии», воздержавшихся при голосовании. Репрессии по своей сути полностью противоречили букве и духу конституций, официально действовавших в этих странах; в действительности же основные установки и рамки законов определялись исключительно руководством и аппаратом компартии — организации неконституционной. В Чехословакии, например, лишь в Конституции I960 года, провозглашенной второй социалистической конституцией (первой была Конституция СССР), была законодательно закреплена «руководящая роль Коммунистической партии». Частые репрессии в стране проводились с нарушением действовавших законов: ни в одном законодательстве не разрешено повсеместное использование пыток и тюремного заключения во время следствия; ни один закон не предоставляет всей полноты власти политической полиции — машине, фабрикующей судебные процессы. Интересно отметить в этой связи, что в комментариях, сопровождавших первые пересмотры судебных постановлений коммунистических процессов, полиция осуждалась за то, что «возвысилась над партией», а не «над законом»; здесь явно прослеживается стремление ослабить и затушевать ответственность политического руководства за участие в преступной деятельности полицейской машины.

Теперь о специфических особенностях коммунистической диктатуры. Она охватывала не только одно государство, занимающее шестую часть земного шара, а распространилась на множество стран, а значит, интернационализировалась. Коммунистические диктатуры представляли собой систему сообщающихся сосудов, связанных друг с другом и с центром в Москве. Благодаря рассекречиванию архивов теперь известен вдохновитель и организатор репрессий, проходивших еще с 1944 года в будущих «странах народной демократии», — могущественный международный коммунистический аппарат, сложившийся в недрах Коминтерна и впоследствии сросшийся с центральным советским аппаратом. 12 июня 1943 года сразу после роспуска Коминтерна, объявленного 9 июня, был создан Отдел международной информации ЦК ВКП(б) во главе с Александром Щербаковым, заместителями были назначены Георгий Димитров и Дмитрий Мануильский. Теперь управление компартиями было возложено на этот отдел; истинной его душой с момента создания стал Димитров, в декабре 1943 года по решению советского политбюро он назначается его официальным руководителем. Отдел международной информации выдавал директивы, пользуясь средствами радио- и курьерской связи, имевшимися в распоряжении многочисленных представительств иностранных компартий, расположенных в СССР (у Албании и Югославии таких представительств не было), позднее директивы доводились до сведения во время московских консультаций. Известна беседа Владислава Гомулки с Димитровым 10 мая 1945 года в Москве. Димитров упрекал Гомулку в недостаточной суровости карательных мер, предпринимаемых им в Польше, и добавил: «Нам не обойтись без лагерей». Значит, сразу же после окончания войны лагерная система рассматривалась коммунистами как средство борьбы с политическими противниками.[31]

Распространение большевистского опыта на территорию государств, не включенных в состав Советского Союза, вскоре встретило нежданное препятствие: национальные чувства и традиции продолжали существовать, несмотря на активное вмешательство Москвы, пытавшейся унифицировать государственные режимы в советском блоке. После событий в Югославии в 1948—1949 годах, в Венгрии между 1953 и 1956 годами, в Польше в 1956 году, установилось многообразие коммунистических режимов, принявшее резко выраженные черты, что даже привело к разрыву отношений Советского Союза и Китая в начале 60-х годов; последствия этого явления обнаружились и в европейских странах-сателлитах, в частности Албании и Румынии.

Наконец, нельзя не отметить способности коммунистов, некогда стоявших у руля, смело выступать против своего бесславного прошлого; в этом заключается одно из коренных отличий коммунизма и нацизма, не породившего ни Хрущева, ни Надя, ни Дубчека, ни Горбачева. На протяжении 50-х годов реабилитация жертв стала главной ставкой в играх политических верхов, велась открытая борьба за наследование власти, обусловленная либо уходом в небытие первого лица (Сталина и Готвальда в 1953 году, Берута в Польше в 1956 году), либо смещением генерального секретаря (Ракоши в 1956 году в Венгрии). Реабилитация означала не только раскрытие вопиющих злодеяний, но и поиск виновников. В битвах за верховную власть сильные мира сего не раз прибегали к реабилитациям, так продолжалось и в 60-е годы, например в Чехословакии. Феномен этот затронул и людей, искренне веривших в высоконравственность коммунистических идеалов, носителей утопических взглядов (преимущественно интеллигенцию), после разоблачения преступного режима обманутых в своих надеждах. Начиная с 1953 года и в течение 60-х были объявлены многочисленные амнистии. Пусть порой они оказывались частичными — в любом случае это высоко значимые политические акции.

Итак, в 1955—1956 годах машина по уничтожению людей еще работала, но работала со скрипом. Шефы политической полиции, искусные организаторы репрессий с 1949 по 1953 год, были либо отозваны, либо арестованы и осуждены, правда, на небольшие сроки. Политические лидеры вынуждены были уйти в отставку, уступая места бывшим политзаключенным. Высшие посты, например, заняли Гомулка в Польше и Кадар в Венгрии. В целом, репрессии стали более «мягкими»...

В 50—6О-е годы массовый террор и репрессивные методы еще не раз давали о себе знать. Именно к этой категории мы считаем правомерным отнести военные вторжения Советской Армии. Танк — символ подавления — на улицах города призван был посеять страх в людских душах.

Впервые советские танки вторглись в ГДР: 17 июня 1953 года они появились на улицах Восточного Берлина и других крупных городов, чтобы разогнать стихийные демонстрации рабочих, выступавших против правительственных мер, направленных на ужесточение условий труда. По последним данным, не менее 51 человека погибли во время этого бунта и последовавшей за ним расправы: 2 человека раздавлены танками, 7 человек приговорены советскими судами и 3 человека — судами ГДР, 23 человека умерли от ран, погибли 6 сотрудников органов безопасности. До 30 июня было официально арестовано 6171 человек, после этой даты — примерно 7000 человек[32].

После XX съезда КПСС советские руководители еще два раза устраивали показательные военные вмешательства — в 1956 году в Венгрии и в 1968 году

в Чехословакии. В обоих случаях танкам поручено было подавить народное антитоталитарное восстание, охватившее широчайшие слои населения.

На территории Венгрии подразделения Советской Армии появлялись дважды: в Будапеште 24 октября в 2 часа ночи, затем 30 октября они были отведены. Второй раз танки появились в ночь с 3 на 4 ноября. Тяжелые бои продолжались до вечера 6 ноября, несколько очагов обороны, преимущественно в рабочих предместьях, продержались до 14 ноября, тогда же в горах Мечек было подавлено сопротивление действовавшего там повстанческого отряда. Вооруженные столкновения вновь возникали в декабре, в основном в связи с уличными выступлениями. В Шалготарьяне 8 декабря советские и венгерские подразделения открыли стрельбу, в результате чего был убит еще 131 человек.

Насильственная смерть и угроза ее ожидания — главный элемент устрашения — на несколько недель стали неотъемлемой принадлежностью мадьярских будней. В ходе боев было убито около 3000 человек, две трети из них — в Будапеште; примерно 15 000 — ранено. Венгерские историки, получившие доступ к открытым недавно архивам, установили число жертв и со стороны карателей: за период с 23 октября по 12 декабря по всем подразделениям — политической полиции (АВХ), советской и венгерской армиям, Министерству внутренних дел — потерь в живой силе было зарегистрировано примерно 350 человек; еще 37 человек (неясно откуда — из АВХ, полиции или армии) были казнены — либо расстреляны, либо подвергнуты линчеванию. Таким образом, по выражению историков, «честь революции была запятнана»[33].

За подавлением Венгерской революции последовали репрессии, весьма активно проводимые советской военной полицией вплоть до начала 1957 года. Пострадало более ста тысяч человек: 12 декабря несколько десятков тысяч из них были отправлены в официально восстановленные лагеря; возбуждены судебные процессы по уголовным делам против 35 000 человек, 25 000—26 000 из них заключены под стражу; тысячи венгров депортированы в СССР; 229 повстанцев приговорены к смерти и казнены; 200 000 человек, спасаясь от репрессий, вынуждены были эмигрировать.

Для осуществления репрессивных действий использовался уже отработанный механизм: чрезвычайное судебное ведомство во взаимодействии с народными судами плюс особая Палата военных трибуналов. Процесс над Имре Надем состоялся в Народном суде Будапешта. Этот старый партиец, эмигрировавший в Москву во время войны, был отстранен от власти в 1948 году и стал премьер-министром в 1953 году, снова отстранен от власти в 1955 году, после чего принял на себя руководство мятежным правительством*. Процесс над Надем и другими обвиняемыми завершился в июне 1958 года. Двоих обвиняемых уже не было в живых: Геза Лошонци, журналист-коммунист, бывший участник Сопротивления, уже побывавший в заключении с 1951 по 1954 год, министр правительства Надя, скончался в тюрьме 21 декабря 1957 года, предположительно, не без участия судебных следователей; Йожеф Силади, в довоенные годы — коммунист, участник Сопротивления, во время войны — заключенный, в 195бтоду — начальник канцелярии кабинета министров Надя, был пригово-

* Имре Надь возглавил Венгерское правительство 24 октября 1956 года после победившей демократической революции, главными требованиями которой были — восстановление национального суверенитета (прежде всего вывод советских войск с территории Венгрии) и проведение выборов на многопартийной основе. *(Прим. ред)*

рен к смерти 22 апреля и казнен 24-го. По сохранившимся документальным данным, Й.Силади во время следствия сам выступил как решительный обвинитель: в частности, он не раз заявлял следователям, что по сравнению с тюрьмами, где его держат сейчас, застенки фашистского режима Хорти напоминают санатории.

Приговор по процессу Имре Надя, начавшемуся 9 июня 1958 года, был вынесен 15 июня, трое приговоренных к смерти были казнены 1б июня. Помимо Имре Надя к высшей мере наказания были приговорены генерал Пал Мале-тер, участник Сопротивления во время войны, коммунист с 1945 года, министр обороны мятежного правительства в 1956 году, арестованный советскими властями, а также Миклош Гимеш, журналист-коммунист, организовавший после подавления революции издание подпольной газеты. Пятеро остальных обвиняемых были приговорены к различным срокам тюремного заключения, от пяти лет до пожизненного.

Процесс над Имре Надем — один из последних значительных политических процессов в странах народной демократии — явился новым подтверждением того, что коммунистическая власть, реставрированная благодаря советскому военному вмешательству, не может обойтись без этой высшей формы репрессий. Правда, нынешний режим уже не устраивал показательных процессов; Надя судили при закрытых дверях, в здании центральной тюрьмы и штаб-квартире политической полиции Будапешта, в специально оборудованном зале. В 1958 году Надь и его соратники, отказавшиеся признать законность советского вмешательства и взятия власти группировкой под руководством Яноша Кадара, стали символическими фигурами народного восстания, и поэтому они не должны были оставаться в живых.

Новейшие исследования отмечают жестокость репрессий и не колеблясь употребляют в ее отношении термин «террор». Впрочем, порой они все же констатируют неоднозначность рассматриваемого периода и его отличие от предшествующего этапа развития репрессий — 1947—1953 годов. В 1959 году еще устраивались процессы против повстанцев, но уже объявлялись и первые амнистии, в основном частичные. В I960 году чрезвычайные меры были уже не в ходу, лагеря для интернированных упразднены и т.д. В 1962 году приступили к «чистке» политической полиции, выявляя агентов, скомпрометировавших себя в ходе процессов, сфабрикованных в период правления Ракоши; окончательно были реабилитированы Райк и 190 других невинных жертв. В 1963 году была провозглашена всеобщая амнистия, не затронувшая лишь некоторых повстанцев, осужденных как убийцы. С репрессиями в жесткой форме было покончено. Тем не менее реабилитация Имре Надя и его «сообщников» произошла только в 1989 году, а в 1988 году — полиция еще колотила демонстрантов, собравшихся в годовщину его казни...

Решающее влияние на такого рода эволюцию оказали два внешних фактора: с одной стороны, усиленная критика сталинского правления в СССР и отстранение его сторонников от участия в руководстве страной; с другой стороны, новая международная обстановка и пробивающая себе дорогу идея о мирном сосуществовании Востока и Запада. Два фактора, имевшие большой резонанс не только в Венгрии...

Надоедливые гробы

После расправы над одиннадцатью приговоренными по процессу Сланского в декабре 1952 годэ тела их были кремированы, а пепел развеян по заснеженным дорогам и полям окрестностей Праги. Шесть лет спустя коммунистические правители Венгрии в аналогичных обстоятельствах нашли другое решение.

Имре Надь и его товарищи после казни сначала были похоронены под толстым слоем бетона на территории тюрьмы на улице Козма, где проходил судебный процесс. Но эти бетонированные трупы, упрятанные в неведомом родственникам месте, являлись постоянным источником беспокойства. Летом 1961 года останки были эксгумированы и ночью в глубокой тайне зарыты на муниципальном кладбище Будапешта неподалеку от места, где были погребены еще двое, умерщвленные на этом процессе, — Геза Лошонци и Йожеф Силади. Гробы перенесли через стены кладбища так, что кладбищенским служителям ничего не было известно об этих мертвецах, зарегистрированных под фиктивными именами.

В течение тридцати лет все усилия близких узнать о месте погребения оказывались тщетными. Основываясь на неточных сведениях, родственники украшали несколько могил на участке № 301 муниципального кладбища. Полиция грубо обращалась с посетителями и постоянно разрушала могилы, затаптывая их лошадиными копытами.

В марте 1989 года тела умерших наконец были извлечены на свет. Вскрытие трупа Гезэ Лошонци выявило многочисленные переломы ребер, некоторые из них были получены от трех до шести месяцев ранее наступления смерти, остальные — незадолго до кончины.

Правительство уполномочило нескольких молодых офицеров провести опознание личностей, находящихся в данных местах погребения. Среди тех, кто отказался помочь следователям, фигурирует Шандор Райнаи, ответственный за организацию расследования судебного процесса Сланского; в 1988—1989 годах он был послом Венгрии в Москве[34].

Через двенадцать лет после Венгрии советские танки, атаковали Чехословакию. Военное вмешательство 1968 года отличается от вмешательства в 1956 году, хотя оба они преследовали одну и ту же цель — подавление народного восстания против установления в стране «социализма по советскому образцу». Отличия были обусловлены и изменившимися временами, и новым международным положением, и особыми условиями существования мировой системы социализма. Главные ударные части были, конечно, советские, хотя к участию во вторжении были привлечены и другие четыре страны Варшавского договора: Болгария, Венгрия, Польша и Германская Демократическая Республика. Следует особо подчеркнуть коренное отличие: в Чехословакии подразделения Советской Армии не были расквартированы на месте, как в 1956 году в Венгрии — побежденной стране, оккупированной советскими дивизиями, которые вмешались в ход уличных боев. Советский Генеральный штаб прекрасно отдавал себе отчет в возможном отпоре нашествию со стороны чехословацкой армии, т.е. дело могло дойти до войны — локальной и даже до общеевропейской.

С учетом всех этих обстоятельств становится понятным столь впечатляющий масштаб задействованных военных сил. В ночь с 20 на 21 августа 1968 года началась операция под кодовым названием «Дунай», готовившаяся с 8 апреля, когда была подписана директива ГОУ/1/87654 маршала Гречко, советского министра обороны. Были приведены в действие советские войска, разме-

щенные на территориях ГДР, Польши и Венгрии. Речь прежде всего шла о танковых частях (снова эти бесценные танки, повсюду символизирующие репрессии, — не обошлось без них и во время известных событий на площади Тяньаньмынь в Пекине в 1989 году). Передовые войска составляли 165 000 человек и 4600 танков; пять дней спустя Чехословакия была оккупирована 27 дивизиями, в их распоряжении находилось 400 000 солдат, 6300 танков, 800 самолетов, 2000 пушек.

Чтобы яснее представить масштабность вторжения этих монстров — вестников ужаса, — отметим, что в 1940 году Франция была атакована примерно 2500 танками, значительно более легкими и хуже вооруженными, нежели отправленные в 1968 году в Чехословакию. Гитлеровская Германия в июне 1941 года для нападения на СССР мобилизовала 3580 танков. Следует учесть, что в Чехословакии проживало примерно 14,3 миллиона человек, что составляет менее половины населения Франции 1940 года.

Локальной войны не было, сопротивление нашествию оказалось мирным, невооруженным. Захватчики все же убили 90 человек, главным образом в Праге; более 300 чехов и словаков получили тяжелые ранения, более 500 —легкие. Число жертв в самих оккупационных войсках (сюда относятся пострадавшие в результате дорожных происшествий, из-за неловкости в обращении с оружием, при расправах над дезертирами) до сих пор точно не известно; есть сведения, что чехи застрелили одного болгарского солдата. Советские власти арестовали и депортировали многих влиятельных лиц, но уже через несколько дней вынуждены были их освободить и вступить с ними в переговоры. В конечном счете политический сценарий интервенции потерпел досадную неудачу: оккупантам не удалось создать предусмотренного коллаборационистского «рабоче-крестьянского правительства».

Репрессии, связанные с военным вмешательством, не завершились в 1968 году. К числу пострадавших, безусловно, следует отнести и людей, публично совершивших акт самосожжения в знак протеста против оккупации. С тех пор и до наших дней они остаются символами самопожертвования. Первым такую участь избрал Ян Палах, двадцатилетний студент, совершивший акт самосожжения 16 января 1969 года в 14.30 в центре Праги; его смерть три дня спустя вызвала массовые демонстрации. В феврале его примеру последовал еще один студент — Ян Заиц; третий «заживо сгоревший» — сорокалетний коммунист Эв-жен Плочек — совершил акт самосожжения в начале апреля в Моравии.

Вскоре репрессии в Чехословакии приобрели специфические черты: стали осуществляться силами внутренней «нормализующей» армии и полиции. Давление советских властей, подкрепленное длительным присутствием оккупационных войск, стало чрезмерным. И тут возникло еще одно непредвиденное обстоятельство — стихийные полумиллионные демонстрации в ночь с 28 на 29 марта 1969 года. Чехи и словаки вышли на улицы шестидесяти девяти городов, чтобы отпраздновать победу на чемпионате мира своей национальной хоккейной команды над командой Советского Союза*; 21 из 36 советских гарнизонов подверглись нападениям. Над властями предержащими нависла угроза; Александра Дубчека, тогдашнего генерального секретаря КПЧ (до 17 апреля) вежливо предупредили, что он рискует разделить участь Имре Надя...

* Одним из популярных лозунгов демонстрантов был: «Вы нас — пушками, мы вас — шайбами». *(Прим. ред.)*

Репрессивный потенциал чехословацких «нормализующих» сил - особых подразделений армии и полиции, а также народной милиции, созданной на предприятиях, — подвергся испытанию во время первой годовщины оккупации. В этот день произошло множество стычек с демонстрантами, преимущественно молодежью. Удары были энергичными, особенно в Праге, где 20 августа были убиты двое юношей. Во все большие города были введены особые армейские подразделения, оснащенные танками и бронетранспортерами. Этот жестокий эпизод в наши дни расценивается историками как «наиболее значительная военная операция чехословацкой армии в послевоенные годы». Еще трое демонстрантов погибли 21 августа, десятки людей были тяжело ранены, тысячи человек арестованы и избиты. До конца 1969 года 1526 участников манифестаций были осуждены согласно декрету Президиума Федерального собрания, имеющему силу закона, подписанному 22 августа председателем означенного органа Александром Дубчеком[35].

В 1969 году были арестованы еще несколько человек, принимавших участие в волнениях 1968 года, затем пострадала молодежная группировка Движение революционной молодежи (ХРМ), проявившая активность в подготовке манифестаций по случаю первой годовщины оккупации; полиции удалось внедрить в ХРМ осведомителя. Тем не менее, несмотря на мощное давление со стороны «ультра», власть «нормализаторов» не давала хода политическим процессам против коммунистических лидеров 1968 года. По имеющимся данным, новый аппарат власти опасался приступать к таким процессам, памятуя о прошлом и страшась, как бы орудие не обернулось против него самого. И новому Первому секретарю КПЧ Густаву Гусаку назначенному советским руководством, все это было хорошо знакомо: приговоренный в 1954 году к пожизненному заключению на показательном процессе против «словацких буржуазных националистов», он провел более девяти лет за решеткой. Теперь массовые репрессии, направляемые Москвой, осуществлялись в иной манере, коварной и жестокой по сути, но более гибкой стратегически — страх насаждался более изощренно: тысячи людей лишались возможности участвовать в общественной жизни, страдали от запретов на профессии, даже дети их становились заложниками — им ограничивали доступ к среднему и высшему образованию. С самого начала «нормализации» режим нанес удары по структурам гражданского общества, едва возрожденным в 1968 году: около семидесяти организаций были запрещены или ликвидированы путем слияния с другими, официальными; восстановлена жесткая цензура и тд. Десятки тысяч чехов и словаков пополнили ряды эмигрировавших. За период сорокалетнего правления коммунистов около четырехсот тысяч человек — в основном дипломированных и высококвалифицированных специалистов — избрали путь изгнания; после 1969 года суды регулярно устраивали против них заочное рассмотрение дела.

Политический процесс не исчез окончательно из арсенала репрессий, связанных с подавлением Пражской весны. В мае 1971 года был устроен процесс против шестнадцати членов ХРМ, на котором лидер группировки Петр Ул был приговорен к четырем годам лишения свободы; за лето 1972 года власти успели провести девять процессов над «второразрядными» участниками событий 1968 года, преследуемыми за свою деятельность во время оккупации. Среди 46 осужденных, две трети которых были в прошлом коммунистами, 32 человека приговорены к девяноста шести годам тюремного заключения, 16 — после многих месяцев содержания под стражей — осуждены на двадцать один год

условно. Максимальный срок заключения — пять с половиной лет — был «милосердным» по сравнению со зверствами периода установления режима. Многие осужденные этой волны репрессий — Петр Ул, Ярослав Сабата, Рудольф Батек — оказались снова приговорены уже после того, как отбыли наказание, и в результате за 70—80-е годы провели в тюрьмах девять лет своей жизни. Таким образом, Чехословакия удерживала в ту пору печальный рекорд политических преследований в Европе.

Массовые выступления 1956 и 1968 годов и их подавление наводят на мысль о еще одной закономерности репрессий, которую можно назвать принципом сообщающихся сосудов. Потрясения в одних странах переносились на другие, особенно в случае военного вмешательства центральной державы. В 1956 году встревоженное венгерскими событиями постсталинское руководство КПЧ готово было отправить в Венгрию части чехословацкой армии; власти усиливали репрессии, возвращая в тюрьмы некоторых освободившихся политзаключенных и преследуя чехов и словаков, симпатизирующих венгерскому восстанию. 1163 человека были привлечены к ответственности за простое словесное выражение своей солидарности; большинство из них — рабочие (53,5%); сроки, согласно приговору, чаще всего не превышали одного года тюремного заключения. В Албании в это время репрессии были скорее показательными: 25 ноября 1956 года режим Энвера Ходжи объявил об осуждении и расправе над тремя «титоистскими» руководителями — речь шла о беременной женщине Лири Гега, члене Центрального комитета КПА (Коммунистической партии Албании), генерале Дале Ндреу и Петро Були. В Румынии Георгиу-Деж, начавший разыгрывать «китайскую карту» в своих отношениях с Советским Союзом, проявил милосердие к гонимым националистам, в то же время он устроил шумный процесс над руководителями внешней торговли, большинство из них были евреями-коммунистами.

Еще в 1968 году, незадолго до начала военного вмешательства в Чехословакии и непосредственно после его окончания, все коммунистические режимы, включая советский, в страхе перед заразительностью идей Пражской весны усилили репрессии. Судьба Альфреда Фосколо — явное тому подтверждение, история его жизни прекрасно передает атмосферу той эпохи. Сын болгарки и француза, преподававшего в Болгарии до 1949 года, этот молодой француз, изучавший право и восточные языки в Париже, постоянно проводил летние каникулы в Болгарии. В 1966 году он помог своим болгарским друзьям распечатать во Франции пятьсот экземпляров листовок и переправил их в Софию. В этих листовках молодые люди требовали свободных выборов, свободы печати и передвижения, самоуправления рабочих, отмены Варшавского договора, реабилитации жертв репрессий. В том же году у него родилась дочь, матерью девочки была болгарка Райна Арашева. Альфред и Райна подали запрос на разрешение оформить брак, но выдача разрешения затягивалась. И тут наступил 1968 год.

Вот как описывает эти события сам Альфред Фосколо: «В начале 1968 года я поступил на военную службу. В июле посольство Болгарии довело до моего сведения, что разрешение на брак мне будет предоставлено лишь при условии моего приезда в Софию. Я отправился туда в надежде получить разрешение в течение двух недель. Но на месте меня ожидал новый отказ. Дело было в августе 1968 года, 21 числа Советы вторглись в Прагу; 28 августа, так ничего и не добившись, я сел на Восточный экспресс и отправился в Париж. Но доехать туда

мне суждено было лишь через несколько лет: на границе я был задержан сотрудниками Държавна сигурност. Тайно помещенный в камеру предварительного заключения госбезопасности, я исчез на пятнадцать дней для всего внешнего мира, за исключением капитана Недкова, выложившего мне всё прямо и без обиняков: либо я сотрудничаю с органами, признавая себя агентом империализма, либо никто обо мне больше не услышит. Я дал согласие, надеясь восстановить истину в ходе судебного процесса.

Процесс начался 6 января 1969 года. На скамье подсудимых по обе стороны от меня сидели двое моих товарищей и Райна. На заявление прокурора, требующего для меня смертной казни, мой адвокат ответил, что я ее вполне заслуживаю, однако он все же просит о снисхождении. На самом деле это был просто юридический фарс, устроенный в пропагандистских целях. Меня приговорили в общей сложности к двадцати семи годам тюремного заключения, в них включены пятнадцать лет строгого режима за шпионаж. Друзьям досталось по десять и двенадцать лет. Райна, ничего не знавшая о листовках, получила один год. Мой приятель, болгарский политический эмигрант из Парижа, приговорен к смерти заочно.

Проведя месяц в блоке для смертников центральной тюрьмы Софии (7 отделение), я был переведен в тюрьму в Стара-Загора, где содержалась большая часть из двухсот—трехсот политических заключенных страны. Я подробно изучал историю тюремной жизни Болгарии за первые двадцать пять лет коммунистического режима и отдавал себе отчет, что собственные мои терзания — ничто в сопоставлении с тем, что довелось пережить многим болгарам. Пришлось мне стать свидетелем бунта заключенных 8 октября 1969 года, который для некоторых из них закончился смертью. В те же дни мы с Райной, оба находясь в заключении, снова подали ходатайство о разрешении на брак, оно снова было отклонено.

Против всякого ожидания 30 апреля 1971 года я был освобожден и отправлен во Францию. В 1968 году наш арест и сопровождавший его показательный судебный процесс, устроенный в период чехословацких событий, призваны были подтвердить вмешательство «империалистических сил» Запада во внутренние дела стран Восточной Европы. Теперь же, в обстановке начавшегося Хельсинкского процесса, мое присутствие в болгарских тюрьмах оказалось нежелательным. Что касается двух моих болгарских товарищей, им не удалось воспользоваться такой милостью.

По возвращении в Париж я стал разрабатывать различные сценарии своего соединения с Райной и дочерью. В конце концов 31 декабря 1973 года я тайно отправился в Софию по чужому паспорту, везя с собой документы, купленные для моих близких. Благодаря этим подложным документам и необычайному везению, мы все трое в ночь с 1 на 2 января 1974 года пересекли болгаро-турецкую границу. Через день мы уже были в Париже»[36].

В период с 1955—1956 по 1989 год полицейский аппарат в соответствии с основными закономерностями развития любого диктаторского режима перешел к регулярному чередованию тех или иных репрессивных приемов, направленных против оппозиции, которая проявила себя в основном в стихийных общественных движениях — забастовках и уличных демонстрациях. Кроме того, могла возникнуть и сознательная, действующая намеренно оппозиция, отстаивающая свои права и прилагающая усилия к формированию соб-

ственной организационной структуры. Стремясь предупредить и задушить оппозиционную деятельность в условиях, когда во всем обществе вызревало недовольство существующим порядком, а международная обстановка второй половины 70-х годов определялась Хельсинкскими соглашениями, аппарат находил опору во все большем расширении осведомительской работы. Именно таким способом коммунистическая система осуществляла контроль над обществом. В Чехословакии, например, политическая полиция в период между 1954—1958 годами пользовалась услугами около 132 000 завербованных осведомителей. К концу 80-х годов полиция нуждалась уже более чем в 200 000 осведомителей!

В обстановке «посттеррора» сильнее чем прежде проявилась национальная специфика репрессий, связанная с новой расстановкой сил в обществе и степенью прочности режима, зависящей от успешного или неудачного разрешения существующих политических и экономических проблем. Так, 13 августа 1961 года по инициативе руководства СЕПГ, одобренной советскими властями, была установлена Берлинская стена, явившаяся воплощением панического страха за свое будущее.

В Румынии коммунистические власти четко проявили независимую позицию, отказавшись участвовать в военном вмешательстве в Чехословакии. Некоторое время спустя, в 80-е, годы румынский «национальный коммунизм» тем не менее оказался, наряду с албанским коммунизмом, наиболее репрессивным из всех режимов, господствовавших в странах рассматриваемого нами региона. Таким образом, можно утверждать, что репрессии неотделимы от коммунистической системы в целом, даже если советская метрополия непосредственно в них не вмешивалась.

Румыния Николае Чаушеску — правителя, заставившего всех поклоняться себе как вождю, дуче, фюреру, — во второй половине 70-х годов оказалась перед лицом глубокого экономического и социального кризиса, вызвавшего массовый протест. Подобно борьбе за демократические свободы в других странах, народное возмущение в Румынии вылилось прежде всего в выступления рабочих. Тридцатипятитысячная забастовка шахтеров в долине реки Жиу в августе 1977 года, демонстрации и забастовки летом 1980 года с занятием заводских помещений в Бухаресте, Галаце, Тырговиште и в горнорудных бассейнах, бунт в долине Мотру осенью 1981 года и другие выражения недовольства существующим порядком вызвали жестокие репрессии со стороны власти Чаушеску. Последовали аресты, вынужденные переселения, ссылки, избиения, увольнения, помещение в психиатрическую больницу, судебные процессы, убийства — словом, полное и широкомасштабное использование всего арсенала репрессивных действий. Все эти меры вызвали только кратковременный эффект. Демонстрации протеста и забастовки с новой силой вспыхнули в 1987 году, достигнув кульминации в ноябре 1988 года во время народного восстания в Брашове, втором по величине румынском городе, насчитывающем триста тысяч жителей. Ожесточенные столкновения с силами правопорядка сопровождались кровопролитием; множество человек было убито, сотни — арестованы.

Крестный путь политических заключенных Румынии продолжался. Вот только несколько примеров: Георгиу Кальчу Думитраса, 1927 года рождения, студент-медик, был арестован и заточен в уже знакомую нам тюрьму в Питеш-ти. Заключение его продолжалось до 1964 года. Выйдя из тюрьмы, он решил стать священником. Оказавшись в числе основателей Свободного профсоюза румынских трудящихся (СЛОМР), 10 мая 1979 года он был приговорен при за-

крытых дверях к десяти годам лишения свободы за «передачу информации, угрожающей государственной безопасности». В тюрьме пять раз объявлял голодовку. Еще один страдалец, Йон Пую, бывший руководитель Народно-крестьянской партии, приговоренный в 1947 году к двадцати годам заключения, вышел из тюрьмы в 1964 году. Вновь оказался в заключении в 1987 году за участие в оппозиции.

Усиление или ослабление репрессий всегда определялось международной политической обстановкой, взаимоотношениями Востока и Запада, изменениями советского политического курса. Мир пережил эволюцию от Брежнева до Горбачева, попутно развивалась и идеология репрессий. Начиная с 60-х годов почти не преследовали за поддержку «титоизма» или «сионизма». В большинстве стран политическая полиция в основном занималась «идеологической диверсией» и «нелегальными связями с заграницей», особенно с Западом.

Румынские политические заключенные 1987 года

Францышек Барабаш, сорок лет, механик текстильного предприятия, приговорен к шести годам лишения свободы. Этот венгр из Трансильвании вместе с братом и бу-дущей женой распространял листовки на венгерском языке: «Долой сапожника! До-лой убийцу!» (Чаушеску начинал с ремесла сапожника).

Йон Буган, электрик, родился в 1936 году. Приговорен к десяти годам тюремного заключения за то, что выставил в своей машине плакат с надписью: «Мы не хотим вас, палачи!» и разъезжал с ним по центральным улицам Бухареста в марте 1983 года.

Йон Гузилэ, инженер, в конце 1985 года приговорен к четырехлетнему заключению за распространение листовок с требованием смены главы государства.

Георгиу Настасеску, строительный рабочий, пятьдесят шесть лет, приговорен к девяти годам за антигосударственную пропаганду. До этого уже провел в тюрьме четыре года за «антисоциалистическую пропаганду». Осенью 1983 года в Бухаресте разбрасывал со строительных лесов листовки, призывающие людей к активному выражению своего недовольства.

Виктор Тоту, Георгиу Павел, Флорин Власчэну, рабочие, все 1955 года рождения, приговорены к семи и восьми годам лишения свободы; вечером 22 августа 1983 года, накануне национального праздника, делали надписи: «Долой Чаушеску», сравнивая его режим с нацистским.

Димитру Юга, сорок лет, в 1983 году приговорен к десяти годам заключения; неоднократно собирал молодых людей для организации массовых выступлений против Чаушеску. Действовать намеревались мирным путем. Тем не менее семеро юношей были приговорены к пяти годам и освобождены — за исключением Юга — в 1984 году благодаря амнистии.

Николае Литой, двадцать семь лет, в 1981 году приговорен к пятнадцати годам лишения свободы за «заговор против государственной безопасности». Летом 1981 года он швырнул петарду в стенд, висевший на здании партийного центра в Плоешти, а также разбрасывал листовки с крыши магазина «Омниа» в Плоешти. Его зять, Георгиу Мэну, приговорен к восьми годам только за то, что знал о его намерениях.

Аттила Кун, врач, в январе 1987 годэ приговорен к трем годам лишения свободы за отказ выдать свидетельство о смерти одного политзаключенного, умершего под пытками.

И. Борбели, преподаватель философии, пятьдесят лет, в 1982 году приговорен к восьми годам за публикэцию в самиздате на венгерском языке[37].

В то же время репрессии стали приобретать иные формы, как, например, выдворение из страны, особенно часто практиковавшееся в ГДР и Чехословакии, либо, по советскому образцу, «лечение» в психиатрической больнице. Любое проявление жестокости со стороны режима становилось тотчас известно и широко комментировалось и разоблачалось в западных средствах массовой информации. Некоторым жертвам репрессий представилась недоступная прежде возможность опубликовать свидетельства о своих мытарствах огромными тиражами. Злодеяния коммунистической системы отныне могли стать достоянием гласности — это заставило задуматься вождей коммунистических режимов, в том числе и в Румынии.

Несмотря на некоторые послабления, страдания угнетенных не прекращались. Лагеря были упразднены везде, кроме Албании и Болгарии, где они даже в 80-е годы служили для интернированных болгарских граждан турецкого происхождения. Политические процессы долго еще оставались составной частью карательной политики рассматриваемых нами стран, за исключением Венгрии. Как и до 1956 года, методы устрашения применялись к тем, кто старался возродить структуры гражданского общества, уничтоженные когда-то партии и независимые профсоюзы, к тем, кто пытался извлечь из тени забвения Церковь. Правда, теперь процессы против коммунистических руководителей устраивались только в виде исключения. В этой связи можно упомянуть несколько имен: Пауль Меркер в ГДР, приговоренный в марте 1955 года к восьми годам тюремного заключения и освобожденный в 1956 году; Рудольф Барак, чехословацкий министр внутренних дел, приговоренный в апреле 1962 года к шести годам лишения свободы; Милован Джилас, известный диссидент, осуждавший югославский коммунизм, провел в заключении с 1956 по 1961 год и затем снова сидел за решеткой с 1962 по 1966 год. Впрочем, когда Албания порвала с СССР и стала ориентироваться на Китай, просоветски настроенные Лири Белишова, член Политбюро, и Кочо Ташко, председатель Контрольной комиссии Албанской партии труда, были весьма сурово наказаны, а контр-адмирал Темо Сежко и многие его офицеры были казнены в мае 1961 года. В 1975 году, когда отношения с Китаем также были прекращены, Энвер Ходжа приказал ликвидировать министра обороны Бекира Баллуку и начальника Генерального штаба Петрита Дума.

Перечисление главных политических процессов данного периода может быть долгим, ограничимся здесь лишь несколькими примерами.

Известно, что смертные приговоры были редки — только за реальные факты шпионажа — и, как правило, не приводились в исполнение. Так произошло в 1961 году с болгарином Димитаром Пенчевым, приговоренным к смерт-ной казни, и его товарищем, пожелавшим возродить аграрную партию Николы Петкова, привлекая в нее молодежь; после апелляции приговор был смягчен, смертная казнь заменена на двадцатилетнее лишение свободы. Пенчев был освобожден осенью 1964 года благодаря всеобщей амнистии. После этого он стал рабочим, однако в скором времени снова оказался в тюрьме и пробыл в заключении с 1967 по 1974 год, на этот раз за «нелегальный переход границы», во время которого погиб один из его друзей. В 1985 году по подозрению в терроризме он на два месяца был помещен в лагерь на острове Белене, в конце концов ему определили место жительства в маленьком горнопромышленном городке Бобов-Дол...

За период «посттеррора» число убитых и пострадавших от репрессий явно уступает аналогичным показателям периода, предшествовавшего 1956 году.

Кроме уже упомянутого числа убитых в 1956 году в Венгрии и в 1968—1969 годах в Чехословакии следует учесть еще несколько сотен человек; большинство из них — около 200 — были расстреляны при переходе через границу ГДР и через пресловутую Берлинскую стену. Один из последних политических заключенных этого периода, погибший в результате репрессий, — чех Павел Вонка, скончавшийся в тюрьме из-за плохого обращения 26 апреля 1988 года...

Подсчеты продолжаются, хотя вести их не всегда просто, поскольку в список погибших следует включить и убийства, осуществленные тайной полицией и замаскированные, например, под автомобильную катастрофу, как это произошло с двумя румынскими инженерами, вожаками забастовки в долине реки Жиу в 1977 году, погибшими через несколько недель после ее подавления. Доподлинно известно, что уколом отравленного зонтика в сентябре 1978 года в Лондоне был убит болгарский писатель-диссидент Георгий Марков.

Будущим исследователям еще предстоит определить типологию жертв и выявить характерные черты политического заключенного, подобно тому, как это было сделано для периода до 1956 года. Теперь известно, что в число жертв репрессий этих лет входят не только взятые под стражу. Сюда следует отнести и тех, кто был убит во время военных вмешательств, и тех, кто совершил безнадежные попытки перехода через границу. Ошибочным было бы подробно освещать лишь судьбы чешского драматурга Вацлава Гавела, венгерского философа Иштвана Бибо, румынского писателя Паула Гомы или других представителей интеллигенции, оставляя в тени «простых людей». Ограничиться анализом репрессий с точки зрения прямого урона, нанесенного ими культуре, значило бы приуменьшить их масштабы. Быть может, в 1956—1989 годах казнили или умертвили будущего Бабеля или Мандельштама? Среди молодежи, пострадавшей от репрессий, было немало талантов, которые могли бы расцвести. Во всех странах — пример Румынии явное тому подтверждение — большинство убитых и заключенных составляют именно «простые люди», и история не должна предавать забвению имена этих жертв.

Общеизвестно, насколько опасались коммунистические диктаторские режимы всякого проявления свободомыслия. Коммунисты Чехословакии просто запаниковали, обнаружив в 1977 году 260 подписей под манифестом оппозиционной политической группы «Хартия-77». Еще более встревожились полицейские режимы, когда десятки тысяч людей, выражая свое недовольство, вышли на улицы.

В конце 80-х годов репрессии явно уже не дотягивали до массового террора. Угнетенные покончили со страхами и тревогами, готовясь к решительному штурму власти.

Сложности интерпретации прошлого

Возможно ли забыть или заставить забыть о людях, пострадавших от безжалостной системы и ее временщиков? О человеческих мучениях, длившихся десятилетиями? Возможно ли стать великодушным и снисходительным к побежденным, если речь идет о палачах и истязателях? Намереваясь установить демократию и правовое государство, как следует поступить со свергнутыми правителями и их многочисленными приспешниками, с вездесущим разветвленным государственным аппаратом, с партией, которая правила им?

Вопросы эти были отнюдь не праздными для зарождающихся демократий в Центральной и Юго-Восточной Европе после падения там коммунисти-

ческих режимов. При всех неприятных ассоциациях, связанных со словом «чистка», в борьбе с отслужившим коммунистическим аппаратом возникла именно эта проблема. Неудивительно, что новые руководители, многие из которых бывшие коммунисты, разошлись во мнениях о масштабах и методах подобного очищения. Обращались к радикальным приемам, к запрещению коммунистической партии как «преступной организации», к судебным процессам против бывших руководителей из высших эшелонов власти. С другой стороны, пытались избежать слишком сильнодействующих средств, напоминающих о былых коммунистических бесчинствах. Для разоблачения низостей и преступлений отжившего режима и изгнания его сторонников из властных структур ни польский премьер-министр Тадеуш Мазовецкий, ни Президент Чехословакии Вацлав Гавел не насаждали режима авторитарной власти. Эти известные демократы-антикоммунисты не намеревались править в атмосфере страха и с помощью страха. Венгерский писатель Дьердь Далош, на протяжении многих лет оппозиционно настроенный по отношению к авторитарному режиму, писал в 1990 году: «Любые чистки, даже приукрашенные и переименованные в великое весеннее очищение, порождают чувство неуверенности в среде квалифицированных специалистов, работавших при старом режиме, в услугах которых мы так остро нуждаемся <...>. Досадно, если страх породит новый вид лояльности, плохо сочетающейся с демократической идеей как таковой»[38].

С первых же дней установления свободы в центре всех разбирательств об ответственности и виновниках оказалась фигура жертвы коммунистического режима — конкретная жертва, живая или мертвая, молчаливая или протестующая. Жертва в самом широком смысле: несправедливо убитые и заключенные в тюрьмы, «экспроприированный» кустарь-сапожник и, наконец, миллионы ежедневно унижаемых, закабаленных заложников царящей повсюду лжи. По словам Вацлава Гавела, посткоммунистическое общество вынуждено лицом к лицу столкнуться с «чудовищным наследством» и серьезнейшими проблемами преступления и наказания. Главный свидетель обвинения — жертва — взывал к постановке нового политического спектакля, который бы описал, обыграл или умиротворил его горькие воспоминания о пережитых страданиях. Одни подливали масла в огонь, пытаясь извлечь выгоду из чужих бед, другие не торопились разжигать пожар мести и слепой злобы; некоторые наблюдали со стороны и, отдавая себе отчет в сложности и неоднозначности человеческой природы, старались доискаться до истинных причин зла, предлагая путь демократических преобразований. При всех коммунистических режимах существовало «молчаливое большинство», состоявшее, как правило, из напуганных до полусмерти, потакающих властям трусов, которые при малейших переменах тотчас настойчиво призывали к беспощадному мщению.

Неудивительно, что после стольких лет «ампутированной» памяти интерпретация недавнего прошлого исполнена страстного поиска новых подлинных и обоснованных фактов. Немудрено, что в условиях совершившихся политических потрясений все точки зрения в первую очередь выражались через освобожденную от цензуры прессу. Так называемый журналистский, событийный подход, погоня за «сенсацией» привели к упрощенному, черно-белому видению и осмыслению исторических событий, сведению эволюционных процессов к отношениям палача и жертвы, где вся нация и каждый ее представитель проявляют ту или иную степень стойкости к навязанному извне режиму. При подобном рассмотрении истории никто не заботился о словарных тонкостях, так, на-

пример, часто употребляется понятие «геноцид»: геноцидом называют спровоцированные коммунистами репрессии против румынского, чешского и других народов; говорят, что при коммунистическом режиме чехи пытались подвергнуть геноциду словацкий народ... В Румынии изобрели понятие «красный Холо-кост», а в Болгарии по поводу лагерей охотно применяют формулировку «эти бесчисленные Освенцимы без крематориев».

Появляются и беспристрастные исследования недавнего исторического опыта. Вторая мировая война рассматривается как важнейший фактор в формировании посткоммунистических обществ; особенно показателен пример бывшей Югославии, где только что завершившаяся война* являлась продолжением братоубийственных боев в годы, предшествовавшие установлению власти коммунистов, и где манипулирование общественным мнением и исторической памятью во многом предопределило возникшие конфликты. Темные тучи военных лет еще не рассеялись, особенно в странах — союзницах нацистской Германии. Будь французский маршал Петен румыном или словаком, нашлись бы те, кто объявил бы его жертвой коммунизма; так случилось с румынским диктатором Антонеску и словацким президентом Йозефом Тиссо, казненными после войны, — они разделили ответственность с теми, кто чинил зверства в их государствах.

История коммунистических режимов в высшей степени политизирована, и появляются все новые и новые партии и движения, пытающиеся обнаружить свои истоки в прошлом, придумывая себе предков и традиции. Анджей Пачковский в поисках традиций в нынешней Польше говорит о «гражданской войне» — к счастью, это только метафора, если сравнить положение в Польше с реальными событиями в Югославии. И отдельные люди, и различные группировки стараются найти свою индивидуальность, припоминая некие детали былой истории. Формальный подход и манипулирование фактами прошлого приводят к возрождению старых мифов и рождению новых. Особого внимания в этой связи заслуживает число жертв режима. По мнению французского историка Робера Франка, цифра эта представляет собой «ключевой символ» в «научном (математическом) обрамлении», который позволяет вести речь о«смер-ти в цифровом выражении» и «сакрализовать» жертв массовых убийств. Такой подход к историческому прошлому в отношении жертв коммунистического режима нашел отражение во всех странах. Необходимым условием исследований для серьезного ученого является чрезвычайная осторожность в выводах, иначе не избежать национальной и групповой мифологии.

Крайняя политизация в толковании истории облегчает углубленные исследования политической эволюции рассматриваемых стран, полагает венгерский ученый Дьердь Литван, директор Института истории венгерской революции 1956 года, — обращение к недавнему прошлому дает порой гораздо больше сведений о демократических корнях того или иного движения, нежели рассуждения о современных экономических и иных текущих его задачах.

Воспоминания о прошлом создаются и воссоздаются, в том числе и «официальные»: законодатели и вершители судеб определяют, какие предания способны послужить преамбулой конституции, отбирают тех, чье изображение появится на новых банкнотах, решают, какие национальные праздники отмечать, какие присуждать награды, какие исторические даты вспоминать, как переименовывать улицы, площади и общественные места, и, конечно, опреде-

* Завершившаяся ли? *(Вопр. ред.)*

ляют содержание учебных программ. Герои, павшие жертвами коммунистического периода истории, безусловно, не должны быть преданы забвению. Тем не менее народам, испытавшим все его тяготы, предлагают поместить историю коммунистического режима как бы в скобки (скобки «злополучные», «преступные» — эпитетов достаточно). Так уже не раз случалось в XX веке, отмечает итальянский историк Мария Феретти, специалист по России[39], напоминая о предложении Бенедетто Кроче, поместить в скобки историю итальянского фашизма. Однако реальность свидетельствует о том, что прошлое в скобках не более чем самообман: несколькими десятилетиями нельзя «пренебречь», их нельзя ни отбросить, ни стереть из памяти; они наложили глубокий отпечаток на подавляющее большинство граждан, ныне населяющих ту или иную страну, ее города, деревни, поселки. Непредвзятые научные исследования интерпретируют истоки подобных взглядов как: отсутствие (или неразвитость) «исторической самокритики» у отдельных индивидуумов, группировок и народов, желание избежать неприятных размышлений о «коллективной ответственности» за молчаливое попустительство режиму, чувство принадлежности к «многострадальному народу», поиск оправданий для виновных (Александра Леньель-Лавастин при изучении румынского «коллективного мартиролога» выявила «комплекс невиновности», заключающийся в перекладывании вины с себя на другого).

Интерпретациям исторического прошлого посткоммунистических государств следовало бы посвятить целую книгу. Сегодня мы можем получить новые подтверждения исторического своеобразия каждой страны; речь идет на этот раз о той или иной политической обстановке, о поддержке «старых структур» или отказе от них. В частности, в Румынии деятели коммунистического аппарата контролировали власть в стране вплоть до выборов в палату депутатов и президентских выборов 1996 года; подобная же ситуация довольно долго существовала и в Болгарии. Но даже в этих странах выходит (и выходила в последние годы) в свет обширная документальная литература об истории коммунистических репрессий. Следует подчеркнуть еще, что каждый гражданин восточно-европейских стран имеет в своем распоряжении достаточное число документов, дающих представление о рассматриваемом историческом периоде. Средства массовой информации, особенно радио и телевидение, предоставляют многочисленные свидетельства о пережитых в ту пору бедствиях. Серьезной историографии этого периода, основанной на подлинных архивных исследованиях, пока не существует нигде, за исключением Чешской Республики, Польши и отчасти Венгрии.

Отметим также, что нигде коммунистическая партия не была запрещена. Бывшие правящие партии в основном сменили название, только в Чешской Республике был организован внутрипартийный «референдум», высказавшийся за сохранение старого названия. Почти во всех других странах наиболее скомпрометировавшие себя руководители высшего эшелона власти были исключены из партии, на их место пришли деятели новой формации.

В настоящее время судебные процессы против ныне живущих виновников репрессий — большая редкость. Наиболее яркое действо было устроено в Румынии в форме псевдопроцесса над Николае Чаушеску и его женой 25 декабря 1989 года, труп диктатора демонстрировался по телевидению. В Болгарии бывший генеральный секретарь компартии Тодор Живков в апреле 1991 года был осужден, однако остался на свободе. Он повинен *лишь* в следовании одной из заповедей болгарской номенклатуры: «Мы взяли власть ценой крови

и отдадим ее только с кровью». В Албании несколько коммунистических руководителей были арестованы за... «злоупотребление общественным имуществом и нарушение равноправия граждан», в их числе — вдова Энвера Ходжи, получившая одиннадцатилетний срок тюремного заключения. В Чехословакии Мирослав Штепан, член ЦК и секретарь Пражского обкома КПЧ, в 1991 году был приговорен к двум годам тюрьмы как виновник жестокого разгона студенческой демонстрации в Праге 17 ноября 1989 года. Несколько судебных дел было возбуждено против руководителей ГДР, самый недавний процесс состоялся над последним Президентом Эгоном Кренцем в августе 1997 года: приговоренный к шести с половиной годам тюремного заключения, он был отпущен на свободу в ожидании пересмотра своего дела. Многие судебные и следственные дела не закрыты до сих пор, как, например, в Польше, где генералу Ярузельскому вменялось в вину введение военного положения в декабре 1981 года, или в Чехии, где бывшее руководство было осуждено за «приглашение» оккупантов в августе 1968 года.

С другой стороны, посткоммунистическое правосудие возбудило несколько процессов против функционеров аппарата органов госбезопасности, принимавших непосредственное участие в злодеяниях. Один из наиболее интересных примеров — процесс в Польше против Адама Хумера и одиннадцати его сообщников, офицеров УБ *(Urzad Bezpieczenstwa*—Департамента безопасности), обвинявшихся в преступлениях, совершенных в ходе репрессий против оппозиционеров в конце 40-х и в начале 50-х годов; Адам Хумер был тогда полковником, заместителем начальника следственного отдела Министерства общественной безопасности и оставался на этом посту до 1954 года. Его преступления были расценены как преступления против человечности — согласно законодательству не подлежащие сроку давности. В ходе этого процесса, растянувшегося на два с половиной года, бывший полковник был приговорен к девяти годам тюремного заключения 8 марта 1996 года. В Венгрии виновники расстрела толпы 8 декабря 1956 года в промышленном городке Шалготарьян к северо-востоку от Будапешта были осуждены в январе 1995 года за преступления против человечности. Однако вердикт Верховного суда от января 1997 года гласил, что начиная с 4 ноября 1956 года, вследствие незаконного вторжения советских войск, две страны находились в состоянии войны, а значит, данные деяния следует квалифицировать как военные преступления против гражданского населения, и они не являются преступлениями против человечности.

Как Чешская Республика трактует преступления коммунистов

Среди стран бывшего советского блока Чешская Республика занимает особую позицию в вопросе о трактовке коммунистического прошлого. Это единственная страна, которая — еще имея статус федеративного государства двух народов, чехов и словаков, — приняла законы о реституции имущества, конфискованного властями после 25 февраля 1948 года, и о массовой реабилитации несправедливо осужденных; в 1994 году окружные и районные суды реабилитировали около двухсот двадцати тысяч человек. Только в этой стране принят часто оспариваемый и на территории самой республики, и за рубежом закон о так называемых люстрациях, предполагающий ограничение доступа к государственно-административной деятельности; согласно этому закону каждый, желающий поступить на государственную службу, должен получить подтверждение и дать четкое разъяснение

фактов своего прошлого, пройдя проверку по спискам сотрудников политической полиции. Лишь в Чешской Республике создана особая организация по привлечению к ответственности за бесчинства старого режима — Следственное бюро по сбору документации о преступлениях коммунизма. Бюро вошло в состав следственного отдела полиции Чешской Республики и облечено полномочиями производить следствие, предъявлять иск, а также собирать материалы обо всех преступлениях за период с 1948 по 1989 годы. Решению этой нелегкой задачи посвятили себя девяносто человек. Бюро действует в качестве правового органа, осуществляющего судопроизводство, ему вменяется в обязанность вести следствие по каждому правонарушению, собирать доказательства и передавать дело в прокуратуру с обвинительным заявлением. В 1997 году эта организация провела следственное дознание по девяноста восьми делам, прокурор республики предъявил обвинительный акт против двадцати человек, пятеро из них предстали перед судом и один — бывший руководитель следственного отдела госбезопасности — был приговорен к пяти годам тюремного заключения. Срок давности рассмотренных правонарушений истекает 29 декабря 1999 года.

В настоящее время директором Бюро является Вацлав Бенда, сенатор, христианский демократ, математик по образованию; в 70—80-е годы был в оппозиции, за что провел четыре года в тюрьме. В недавнем интервью он выразил свою позицию по отношению к преступлениям коммунистов как к преступлениям против человечности: «Неприменимость срока давности к преступлениям против человечности присутствует в нашем законодательстве, однако следует осознать, на какие именно преступления коммунистического режима она распространяется. Мы не можем автоматически отнести все преступления коммунистического режима в разряд преступлений против человечности. К тому же следует учесть, что Чехословакия присоединилась к странам, взявшим на себя такого рода международные обязательства, в 1974 году, а юристы расходятся во мнениях — какие преступления, совершенные до этой даты, следует рассматривать как подпадающие под действие срока давности»[40].

Павел Ричецкий, заместитель премьер-министра федерального правительства в 1991—1992 годах, ведавший правовой системой, в настоящее время сенатор, избранный по списку социал-демократов, председатель Законодательной комиссии чешского Сената, в июне 1997 года заявил: «В Чешской Республике многие считают судебные процессы нужными и необходимыми, и вовсе не затем, чтобы покарать одряхлевших злодеев, а для того, чтобы предать гласности позорное прошлое — только так возможно наше нравственное очищение. Но большая часть событий тех далеких лет уже известна, и вряд ли мы обнаружим нечто еще более ужасное. Геноцид как преступление против человечности, конечно, не подпадает под срок давности. Однако в Чехословакии нет оснований квалифицировать таким образом ни одно из преступлений коммунистов, поскольку невозможно доказать, что речь идет о деяниях, соответствующих подобному определению. В Советском Союзе, например, несомненно осуществлялся преступный геноцид по отношению к вполне определенным этническим группам населения: казакам, чеченцам и т.д. Но подобное преступление ненаказуемо, поскольку в момент совершения не рассматривалось действовавшим тогда законодательством».

Подобные примеры, а их можно привести немало, позволяют еще раз удостовериться: многие преступления остаются безнаказанными, то ли по прошествии срока давности, то ли из-за отсутствия свидетелей или доказательств.

Новое усовершенствованное правосудие становится независимым от исполнительной власти и предусматривает соблюдение норм, принятых в «цивилизованных» странах, а именно: принципа соблюдения срока давности и правила о том, что закон не имеет обратной силы, — следственным действиям подлежат лишь те правонарушения, которые признаны караемыми согласно законам того времени, когда они были совершены. Многие страны видоизменили законодательство ради возможности привлекать к ответственности за определенные виды преступлений. В Польше законом от 4 апреля 1991 года внесены поправки в закон от апреля 1984 года о Главной комиссии по расследованиям гитлеровских преступлений и об Институте народной памяти. Новый закон ставит коммунизм в один ряд с оккупацией, фашизмом и вводит понятие сталинских преступлений, давая следующее определение: «Сталинские преступления в законодательном смысле охватывают посягательства на права индивидуума или группы лиц, совершенные коммунистическим режимом, а также инспирированные и дозволенные режимом в период, предшествующий 31 декабря 1956 года»[41]. Эти преступления не погашаются сроком исковой давности. В 1995 году статьи Уголовного кодекса о сроке давности были изменены, наиболее тяжкие преступления, ущемляющие гражданские свободы, совершенные до 31 декабря 1989 года, подлежат преследованию в судебном порядке в срок до тридцати лет начиная с 1 января 1990 года. Принятый в Чешской Республике в 1993 году Закон о незаконности коммунистического режима и о противодействии по отношению к нему продлил до конца 1999 года срок давности для преступлений, совершенных между 1948 и 1989 годами, относя их к разряду политических.

Очевидно, что интерпретация событий прошлого — задача не из легких. И наказание виновных, на наш взгляд, осуществлялось в свое время не должным образом. Находились приверженцы — и мы из их числа — введения в Чехословакии не состоявшейся, к сожалению, процедуры, подобной той, что существовала в послевоенной Франции, когда за коллаборационизм карали «поражением в правах», т.е. лишением гражданских прав. Весьма разумной представляется немецкая инициатива: отныне любой гражданин страны получает доступ к рассекреченным архивам «штази» — политической полиции ГДР. Каждый осознает свою историческую ответственность, каждый выносит прошлое на свой собственный суд и решает, как ему жить дальше.

Неизлечимая, незаживающая рана.

Часть четвертая

Коммунистические режимы Азии: От перевоспитания к кровавой резне

Жан-Луи Марголен
Китай, Вьетнам, Лаос, Камбоджа

Пьер Ригуло
Северная Корея

Посвящается Жану Паскуалини, скончавшемуся 9 октября 1997 года, поведавшему миру о зверствах китайской концентрационной системы.

Коммунистические системы Азии, если сравнивать их с подобными европейскими режимами, имеют три особенности. Во-первых, они порождены прежде всего стараниями партийных аппаратов своих стран, за исключением Северной Кореи, оккупированной Советами в августе 1945 года. Им удалось (это относится и к послевоенному Пхеньяну) установить собственные независимые режимы, привитые на древе их прошлого, вскормленные марксизмом-ленинизмом советского образца и сильно сдобренные национализмом. Этого не скажешь о Лаосе — налицо его полная зависимость от «старшего брата», Вьетнама.

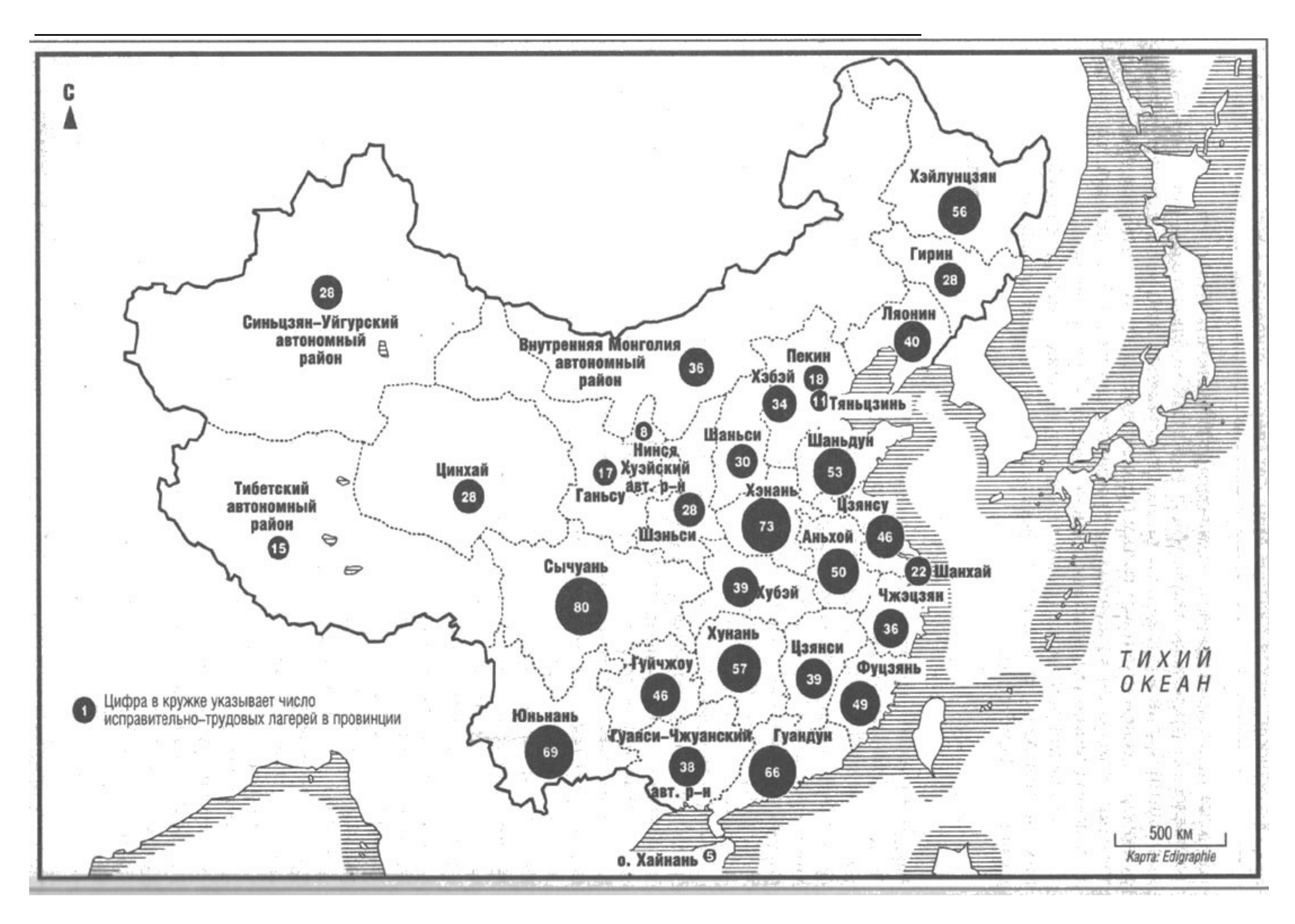
Во-вторых, сейчас, когда пишется эта книга, упомянутые режимы все еще господствуют, хотя в Камбодже власть держится ценой огромных уступок.

И, наконец, никому не доступны пока центральные архивы этих государств, кроме тех, что разоблачают тиранию Пол Пота. Закрыты и архивы Коминтерна в Москве, хотя уже сошла со сцены первая коммунистическая система Азии.

Тем не менее потребовался десяток лет для того, чтобы понять суть этих режимов и их прошлого. Сейчас стало относительно легко посетить Китай, Вьетнам, Лаос или Камбоджу, проехать по этим странам и найти нужные материалы. Доступны важные источники информации, а кое-что уже тщательно исследовано: обзоры политологов, публикации в местной прессе, воспоминания бывших вождей, письменные свидетельства беженцев и диссидентов, записи устных рассказов участников событий. Словом, великие драмы, которые видела Азия, открыты нашим взорам, а руководство Пномпеня даже поощряет разоблачение ужасов режима Пол Пота, как и пекинское руководство — безобразий «культурной революции». Но на сегодняшний день пока неизвестно, что же происходило в упомянутых странах в высших эшелонах власти. Например, смерть маршала Линь Бяо в 1971 году, преемника Мао, им же назначенного, остается и сегодня тайной за семью печатями. Выборочное рассекречивание информации искажает картину, так как, с одной стороны, есть интересные и исчерпывающие материалы и монографии о «культурной революции» в уездах и провинциях Китая, но с другой — истинные намерения и побуждения самого Мао остаются загадкой. Почти не изучены «чистки» 50-х годов в Китае и Вьетнаме или «большой скачок». Режимы еще живут и не позволяют покушаться на их идеологические основы. Замалчиваются события, происходившие в огромных и самых смертоносных лагерях Западного Китая. Судьбы кадровых коммунистов и научно-технической интеллигенции, попавших в жернова репрессий, описаны сейчас подробнее, чем участь «маленьких людей» — самых мно-

гочисленных жертв произвола, и возникает иллюзия, будто этих людей не было вовсе! По-прежнему закрыта для внешних наблюдателей Северная Корея, последний бастион ортодоксального коммунизма, и до нас доходят только обрывочные сведения о том, что там происходит. Сведения, которые представлены в нижеследующих разделах, — приблизительны, и в будущем предстоит сделать дополнения и уточнения о численности жертв режимов.

Но когда речь идет о конечных результатах и методах коммунистических систем Азии, невозможно усомниться в истинном характере происходивших там событий...

ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ЛАГЕРЯ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Китай: великий поход в ночь

Уничтожив вооруженного врага, подумаем о врагах скрытых, а они неизбежно поднимутся против нас не на жизнь, а на смерть: поэтому будьте бдительны. Не поставить вопрос ребром сегодня — будет смертельной ошибкой завтра.

Мао Цзэдун[1]

Тирания в коммунистическом Китае... Не была ли она копией опыта и методов работы «большого брата» — СССР эпохи Сталина, портрет которого еще в начале 80-х годов красовался на самом видном месте в Пекине?[2] И да, и нет. Нет, потому что, на первый взгляд, в Коммунистической партии Китая не было явных массовых и смертоносных «чисток», и политическая полиция была сдержанной, хотя на заднем плане всегда маячила тяжелая тень ее беспощадного шефа Кан Шэна, вышедшего из партизан Яньани в 40-х годах и бессменно оставшегося на этой должности до конца своих дней в 1975 году[3]. Но решительно — да, если иметь в виду, исключая период гражданской войны, все лежащие на совести режима случаи насильственной смерти китайских граждан. И хотя нет еще строгих статистических данных, но, по серьезным оценкам, выявляются от шести до десяти миллионов явных, прямых жертв, включая сотни тысяч тибетцев. Кроме того, десятки миллионов «контрреволюционеров» провели долгие годы в исправительно-трудовых лагерях, а двадцать миллионов там погибли. Еще раз да, если прибавить к ним двадцать миллионов (а по другим подсчетам — сорок три миллиона), жертв периода 1959—1961 годов, который в этом смысле и в самом деле можно назвать «большим скачком», — жертв голода, лежащего на совести одного-единственного человека, Мао Цзэдуна, с его бредовыми проектами, а позднее — с его же преступным нежеланием признать свои ошибки и постараться сгладить губительные последствия голода. Наконец, если посмотреть на происходившее в Тибете — разве это не геноцид? Здесь в результате китайской оккупации на пять—десять жителей приходилась одна жертва. Отнюдь не притворным было удивление Дэн Сяопина по поводу массового избиения на площади Тяньаньмынь в июне 1989 года, когда погибли около тысячи человек: «Разве это резня? Это мелочь по сравнению с тем, что видел Китай совсем недавно!» Честное признание, не правда ли? А что подразумевалось под «недавними» потерями — прискорбные последствия ужасной гражданской войны (будто она не закончилась давным-давно, и с 1950 года не установился новый режим) или вообще продолжение зловещей истории государства: если не учитывать японскую оккупацию (при которой, впрочем, не было всеобщего голода), то придется переместиться в 80-е годы XIX века. Только там мы найдем убийства и голод, сравнимые по масштабу с теми, что видел недавно Китай. Но и тогда события не были столь планомерными, систематическими и всеобщими, как маоистские зверства. Этот период в истории Китая был исключительно трагическим.

История китайского коммунизма важна вдвойне. Во-первых, начиная с 1949 года пекинский режим контролировал более двух третей коммунистиче-

ского лагеря. После распада Советского Союза в 1991 году и освобождения ряда восточноевропейских стран из-под гнета коммунизма эта доля приблизилась к девяти десятым, и стало еще очевиднее, что судьба разбросанных обломков «реального социализма» будет все больше зависеть от будущего китайского коммунизма. Во-вторых, с I960 года, после охлаждения советско-китайских отношений, к Пекину перешла роль «второго Рима» марксизма-ленинизма, а фактически это произошло еще раньше, в период Особого района Яньани (1935— 1947 годы)* после «Великого похода»", когда корейские, японские и вьетнамские коммунисты находили в Китае убежище и средства к существованию. Если режим Ким Ир Сена предшествовал триумфу Коммунистической партии Китая (КПК) и обязан своим существованием советской оккупации, то его выживание во время агрессивной корейской войны (ноябрь 1950 года) — целиком заслуга миллионов хорошо вооруженных китайских солдат-«добровольцев». Формы репрессий в Северной Корее во многом определялись сталинской «моделью», но из маоизма (который с момента существования Особого района Яньаня полностью слился с китайским коммунизмом) хозяин Пхеньяна взял «линию масс»: кадровую подготовку, тотальную идеологическую обработку населения страны и — как логическое продолжение — настойчивое «непрерывное воспитание», ставшее главным средством надзора за обществом. Слова Ким Ир Сена: «линия масс — это активная защита интересов трудящихся, их воспитание и перевоспитание с целью сплочения вокруг Партии, объединения их усилий и мобилизации всех на выполнение революционных задач»[4], — это отголоски идей Мао Цзэдуна.

Влияние Китая на возникшие после 1949 года азиатские коммунистические режимы несомненно. После публикации воспоминаний перебежавшего в Пекин вьетнамского партийного руководителя Хоанг Ван Хоана[5] стало известно, что с 1950 года и до Женевских соглашений 1954 года китайские советники курировали вооруженные силы и администрацию Вьетминя***, а тридцать тысяч пекинских солдат «на исключительно добровольной основе» поддерживали в 1965—1970 годах северо-вьетнамские силы в войне в Южном Вьетнаме. Победитель при Дьенбьенфу****, генерал Во Нгуен Зяп, в 1964 году прямо признал китайскую помощь: «С 1950 года, после победы Китая, наша армия и наш

* Особый район Китая — зона коммунистического влияния в результате прихода в Янь-ань китайской Красной армии (в частности её 4-го корпуса под командованием Чжу Дэ и Мао Цзэдуна — политкомиссара). В своих дневниках П. Владимиров, связной Коминтерна при руководстве ЦК КПК, командированный из Москвы в Яньань, пишет: «"Великий поход" свел воедино Красную армию на северо-западе Китая в конце 1935 года. На территориях, занятых прежде войсками маршала Чжан Сюэляна и местных милитаристов образовался Освобожденный район с центром в Яньани. Тогда в Яньань прорвалось около 25-ти тысяч бойцов и командиров — это всё, что уцелело в результате "Великого похода"» (П.П. Владимиров, *Особый район Китая. 1942—1945.* М., 1973, с. 10). Особый район включал в себя провинции Шэньси, Ганьсу, Нинся с центром в Яньане. *(Прим. ред.)*

** «Великий поход» (Северо-Западный поход) — 1934—1936 — перебазирование под натиском гоминьдановских войск основных сил китайской Красной армии из северных районов в Центральном и Южном Китае на северо-запад страны. *(Прим. ред.)*

*** Полное название: Вьетнам док-лап донг-минь — Лига борьбы за независимость Вьетнама, существовала с 1941 по 1951 год. Создана по инициативе Коммунистической партии Индокитая. *(Прим. ред.)*

**** Дьенбьенфу — город и уезд на Северо-Западе Вьетнама. В уезде в марте — мае 1954 года произошло решающее сражение, закончившееся победой Вьетнамской народной Армии над французскими войсками. *(Прим. ред.)*

народ смогли извлечь ценные уроки из действий Народно-освободительной армии Китая". Мы смогли воспитываться на военных идеях Мао Цзэдуна. И это стало важным фактором, определившим зрелость нашей армии, и способствовало нашим дальнейшим победам»[6]. Коммунистическая партия Вьетнама (КПВ), позднее переименованная в Партию трудящихся Вьетнама, в знак признательности Мао Цзэдуну вписала в свой Устав 1951 года следующие слова: «Партия трудящихся берет за основу идеи Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и теоретическую мысль Мао Цзэдуна и будет опираться на них в ходе вьетнамской революции; они станут базой нашей революционной идеологии и путеводным маяком, указывающим направление нашей работы»[7]. «Линия масс» и их перевоспитание были поставлены в центр вьетнамской политической системы. Жестокие «чистки» в середине 50-х годов *(чинь хуан)* стали вьетнамским вариантом «реформы стиля работы» *(шэн фен),* состряпанной в Яньани[8]. Что касается красных кхмеров в Камбодже (1975—1979 годы), то и они получили мощное вливание в виде китайской помощи и, «творчески» переработав миф о «большом скачке», добились «успехов», которых не удалось достичь и самому Мао. Китайский и другие коммунистические режимы Азии опирались на проверенные временем воинственные традиции (менее укоренившиеся в Северной Корее, хотя Ким Ир Сен и хвастался своими вымышленными подвигами времен антияпонской партизанской войны), плавно перешедшие в перманентную милитаризацию общества. Показательно, что в этих странах на армию были возложены политико-репрессивные задачи, тогда как в советской системе эту роль выполняла политическая полиция.

Насилие как традиция

Всемогущего Мао Цзэдуна при жизни называли «красным императором». Все, что известно о его деспотизме, необузданности, своенравии, кровавых преступлениях и распутстве до последних дней жизни[9], ставит его в один ряд с тиранами Поднебесной. И все же дикое насилие, возведенное в принцип при правлении Мао Цзэдуна, выходит далеко за рамки отнюдь не либеральной национальной традиции Китая.

Дело не в том, что Китай часто испытывал жажду крови, а в том, что религиозный вектор мироощущения народа приводил к этому состоянию. Две великие китайские нравственные системы— конфуцианство и даосизм —различны в плане идейных предпосылок примат рационального и общественного у Конфуция и опора на индивида и его интуитивно-чувственное иррациональное начало у Лао-цзы, проповедника Дао. Эти две важнейшие национальные «закваски» в разной степени присутствуют в каждом китайце. В кризисные моменты истории вторая нейтрализует первую, и самые обездоленные и растерявшиеся бросаются на носителей конфуцианского начала — просвещенную интеллектуальную элиту («пирамиду грамотных»), то есть государство. Разгорались восстания и крестьянские войны, инспирированные апокалиптическими и мессианскими сектами: движение «Желтых повязок» 184 года, майтрейис-тов в 515 году, восстание манихейцев в 1120 году под предводительством Фан Ла[10], восстание «Белого лотоса» 1351 года, «Восьми триграмм» 1813 года и другие[11]. Движущая сила этих восстаний одинакова, в ней сливаются даосизм и на-

* Народно-освободительная армия (НОА) — вооруженные силы КПК. *(Прим. ред.)*

родный буддизм под знаменем Будды грядущего, Майтрейи, чье лучезарное и спасительное пришествие состоится ценой великого потрясения «старого мира», а верноподданные — государственная элита — должны способствовать исполнению этого пророчества и в ожидании свершения прославлять его. Прервутся старые связи, в том числе и семейные. Как свидетельствуют хроники династии Вэй 515 года, «и отец не узнавал больше сына, а брат брата»[12].

Нравственно-этические принципы базируются в китайской традиции на уважении семейных уз; там, где они прерываются, поселяется вседозволенность. На место семьи приходит секта и полностью подчиняет себе человека. Тем, кто вне ее, уготованы мучения ада в загробной жизни и насильственная смерть на земле. Например, известны случаи (в 402 году), когда чиновников расчленяли на куски, заставляя жену и детей есть их мясо, а если те отказывались, расчленяли их самих. В 1120 году кровавая бойня унесла жизни миллионов человек[13]. Попирались все нравственные принципы; в одном воззвании (в 1130 году) утверждалось, что «убивать — людей значит выполнять буддийский закон[14], *дхарму»;* убийство есть акт сострадания, и оно освобождает дух; воровство приближает всеобщее равенство, а суицид —это счастье на зависть всем. Чем ужаснее собственная смерть, тем возвышеннее воздаяние за мученичество. Как записано в источнике XIX века, «смерть от медленного расчленения человеческого тела на кусочки вознесет жертву на небо, и там она предстанет в пурпурных одеждах»[15]. И как не сравнивать далекие кровавые события с жестокостями, сопутствовавшими азиатским революционным движениям нашего века! Не стоило бы тратить время на описание этих чудовищных подробностей, но они помогают понять, почему восторжествовали новые режимы и почему сопровождавшее их насилие кажется нормальным, почти банальным явлением.

Государственные устои должны оставаться крепкими, а всеобщий порядок — незыблемым. Путешественники-европейцы, с опаской ехавшие в Китай в Средние века и в эпоху Просвещения, покидали страну, завороженные царившим в «древней империи» Великим Миром. Конфуцианство — государственная доктрина — в качестве официального учения преподавалось в школах и проникло в самую далекую крестьянскую хижину. Добродетель монарха считалась наивысшей нравственной ценностью. Моделью государственного устройства была семья. Провозглашенные в далекие времена вечные *гуманистические принципы* осуждали кровопролития, самой большой ценностью признавалась человеческая жизнь. Среди древних мыслителей, труды которых больше двадцати веков считаются каноническими, первым вспоминается китайский философ Мо-цзы (479—381 гг. до н.э.). Вот какими словами он осуждает агрессивные войны: «Если убийство одного считается преступлением, а многочисленные убийства во время нападения на другие государства восхваляются как благое дело, то где граница между добром и злом?»[16]. Философ и полководец Сунь-цзы (ок. 500 г. до н.э.) в своей знаменитой книге *Искусство войны* говорил: «Война подобна пожару: кто не захочет опустить меч, тот от меча и погибнет»[17]. Побеждать надо не числом, а уменьем, малой кровью, не затягивая войну: «Никогда еще не бывало, чтобы война продолжалась долго, и это было бы выгодно государству. Сто раз сразиться и сто раз победить — это не лучшее из умений <...>. Рано пировать тому, кто победил противника: придет время и обратится против победителя сила проклятий побежденных»[18]. Главная заслуга военачальника — сберечь войско, но нельзя допускать и истребления противника: «Пленение вражеской армии есть большее достижение, чем ее уничтожение. Не поощряй

убийство!»[19]. Это не только нравственное наставление, но и соображение целесообразности: кровопролитие и жестокость порождают у побежденного энергию ненависти и отчаяния, и, повернув ее против соперника, он может переломить события в свою пользу. Чтобы одолеть врага, «лучше сохранить государство противника в целости, чем стереть его с лица земли»[20].

Вот типичное, опирающееся на конфуцианство умозаключение в духе великой китайской традиции: нравственно-этические принципы не формируются в сфере бессознательного, они зарождаются и живут в сфере деятельности, гармонично накладываясь на производительную общественную систему, которая, в свою очередь, стимулирует и охраняет нравственность. Другого рода «прагматизм» проповедовали легисты*, современники Конфуция и Сунь-цзы, считавшие, что государство должно утверждать свою силу террором, навязывая его обществу. Легизм проявил свою глубинную несостоятельность, когда его теоретики были в фаворе при династии Цинь, и постепенно сошел на нет в начале династии Северный Сун (96О—1127 годы). Тогда немилость и ссылка в отдаленный район, не исключавшие помилования и возврата домой, были самым обычным наказанием для провинившегося мандарина. В 654 году при династии Тан была введена система, также карающая за умышленный проступок, но смягчающая наказание раскаявшемуся преступнику. Была отменена круговая семейная ответственность за участие в восстании; усложнилась и стала более тщательной процедура вынесения смертного приговора, упразднены самые суровые наказания и впервые введена система апелляционного суда[21].

Произвол государства в отношении населения был ограничен. Китайские историки всегда с ужасом упоминают о погребении заживо четырехсот шестидесяти ученых и чиновников по приказу основателя Циньской династии Цинь Ши-хуанди (годы правления — 221—210 до н.э.). Этот бездушный и циничный монарх, взятый за образец Мао Цзэдуном, однажды приказал собрать и сжечь тома китайской классической литературы, он приговорил к смерти или к ссылке почти двадцать тысяч мелких землевладельцев, безжалостно бросил десятки, а может быть, сотни тысяч жизней на строительство первой Великой Китайской стены. При династии Хань (206 до н.э.—220 г. н.э.) конфуцианство снова вошло в силу, и империя долго не знала ни тирании, ни кровопролитий. Порядок стал твердым, законы строгими. Если бы не многочисленные мятежи и вторжения соседей, жизнь населения можно было назвать более спокойной и надежной, чем в других государствах, включая и большинство стран европейского Средневековья и Нового времени.

В XII веке даже при миролюбивой династии Сун смертный приговор мог быть вынесен почти по тремстам обвинительным статьям. Но каждый приго-

* Легизм — «школа закона» в традиционной китайской философии. Основание школы относится к периоду «борющихся государств» (Чжаньго), расцвет — к периоду империи Цинь (221—202 гг. до н.э.). Основные положения легизма изложены к книге Шан Яна *Шан Цзюнь Шу* («Книга правителя области Шан»), направленной преимущественно на критику положений конфуцианства в области государственного управления и социальной политики. Социально-государственная система понимается в легизме не как семья, а как универсальная и отлаженная машина, особое значение придается целенаправленной социальной инженерии, обузданию человеческой природы посредством жестоких законов и насильственного характера их воплощения. Социально-политические принципы легизма были воплощены в эпоху империи Цинь. Это выразилось в преследовании всех инакомыслящих, сожжении конфуцианских и пр. книг, введении жестоких карательных законов и массовых принудительных работ. После распада империи Цинь «школа закона» объединилась с конфуцианством. *(Прим. ред.)*

вор обязательно рассматривался императором и скреплялся его личной печатью. В войнах гибли сотни тысяч людей, но цифры общей смертности были на порядок выше из-за эпидемий, голода, наводнений (сопровождавшихся прорывами дамб во время катастрофических разливов Янцзы и Хуанхэ), дорожных происшествий во время военных действий. Тайпинское восстание* и его подавление унесли с 1850 по 1864 год, по разным подсчетам, *от двадцати до ста миллионов жертв,* с 1850 по 1873 год численность населения Китая упала с 410 до 350 миллионов человек[22]. Однако лишь самая малая часть этих жертв приходится на целенаправленные массовые убийства (около миллиона человек, убитых во время Тайпинского восстания[23]); этот период — один из самых напряженных и беспокойных моментов истории, отмеченный многочисленными восстаниями, неоднократными вторжениями войск западных империалистических стран и растущим отчаянием обедневшего населения. К несчастью, в такой обстановке росли два, три или четыре поколения предков революционеров-коммунистов, воспитанных в атмосфере насилия и падения нравов.

Несмотря на это, даже в первой половине XX века еще ничто не предвещало повсеместного разгула изощренного маоизма. Если революция 1911 года не была богата драматическими событиями, то в последующие пятнадцать лет частичной стабилизации при режиме Гоминьдана" наблюдались случаи массовых кровопролитий. Так было в Нанкине, колыбели революции, где с июля 1913 по июль 1914 года военный диктатор Юань Шикай казнил несколько тысяч непокорных[24]; в июне 1925 года полиция Кантона расстреляла пятьдесят два участника рабочей демонстрации; в мае 1926 года в Пекине в ходе мирной антияпонской манифестации погибли сорок семь студентов. И, наконец, в апреле-мае 1927 года в Шанхае, а позднее и в других крупных городах Восточного Китая, тысячи коммунистов были расстреляны войсками Чан Кайши, главы нового режима, привлекшего на свою сторону люмпен-пролетариев и бродяг. А. Мальро в работе *Условия человеческого существования* описывает исключительно жестокие расправы, например, сожжение неугодных в топке паровозов. И если первые эпизоды гражданской войны, где столкнулись коммунисты и го-миньдановцы, не сопровождались крупномасштабной резней, как было во время «Великого похода» 1934—1935 годов, то действия японских войск между 1937 и 1945 годами на обширной оккупированной территории Китая были неописуемо жестокими.

Еще более смертоносными были голодные 1900, 1920—1921 и 1928— 1930 годы. Основной удар пришелся на подверженные частым засухам Северный и Северо-Западный Китай: вторая засуха унесла полмиллиона, а третья — от двух до трех миллионов человек[25]. На несчастья, принесенные второй засухой, наложилась дезорганизация транспорта, вызванная гражданской войной. Вряд ли можно усмотреть в этих событиях некий «голодный заговор» и говорить об умышленной жестокости, хотя трагедия в провинции Хэнань в 1942— 1943 годах, когда голод унес два или три миллиона жизней, то есть в среднем

* Тайпинское восстание (1850—1864) — крупнейшая крестьянская война в Китае под руководством Хун Сюцюаня, Ян Сюцина и других против династии Цин. Повстанцы создали в долине Янцзы «Небесное государство великого благоденствия» («Тайпин тяньго») с центром в Нанкине (1853). *(Прим. ред.)*

**Гоминьдан —политическая партия в Китае, националистического толка. Создана в 1912 году Сунь Ятсеном. С 1931 года — правящая партия под руководством Чан Кайши. После провозглашения КНР в 1949 году находится на Тайване, где является правящей партией. *(Прим. ред.)*

одного жителя из двадцати, и были случаи людоедства, наводит на подозрения. Несмотря на то, что последствия неурожаев были губительными, правительство, располагавшееся в Чунцине*, не пошло на снижение налогов и за долги описывало имущество крестьян. Приближение линии фронта не улучшило положения, напротив, лишенных привычных доходов крестьян отправляли на принудительные работы, такие, как рытье пятисоткилометровых противотанковых рвов, оказавшихся к тому же бесполезными[26]. Эти действия правительства стали прообразом провалов «большого скачка», хотя некоторые неудачи в Хэнани можно было объяснить продолжавшейся войной. Во всяком случае, озлобленность крестьян становилась огромной.

В целом, наиболее чудовищные и многочисленные преступления того периода совершались во множестве глухих китайских деревень, они не привлекали внимания и почти не оставляли следов, ибо совершались в процессе борьбы одних бедняков (или полубедняков) с другими. Помимо «случайных» убийц существовало несметное число настоящих бандитов, порой объединявшихся в страшные банды, которые грабили, занимались шантажом, вымогательством, захватом заложников и которые готовы были убить любого, кто оказывал им сопротивление или отказывался платить. Случалось, бандиты попадали в руки крестьян, и те вершили самосуд при всем народе... Самым большим бедствием были солдаты — куда более страшным, чем бандиты, с которыми они должны были бороться. Известно прошение, направленное деревенскими жителями властям провинции Фуцзянь в 1932 году. Они просили отозвать присланных к ним стражей порядка, потому что, писали крестьяне, «нам хватает разборок и с бандитами»[27]. В 1931 году в той же провинции восставшие крестьяне, не желая мириться с постоянными грабежами и насилием, вырезали почти весь присланный им «в помощь» отряд из 2500 солдат. В 1926 году на западе провинции Хунань крестьяне, действуя под прикрытием подпольной организации «Красные пики», избавились от полусотни тысяч «солдат-бандитов», а в 1944 году в том же самом районе, при наступлении японцев, крестьяне, припомнив все, что они претерпели от своих «защитников» в прошлом, начали охоту за отставшими от своих войсковых частей солдатами, ловили их и зачастую живьем закапывали в землю: тогда погибли около пятидесяти тысяч человек[28]. Солдаты, однако, были такие же бедняки, как и их палачи, несчастные и запуганные жертвы рекрутского набора. По воспоминаниям американского генерала Уидемейера, они обрушивались на крестьян, умножая жертвы голода и наводнений.

Некоторые выступления крестьян были направлены против налоговых поборов. В Китае налогами облагались земельные наделы, посевы опийного мака, самогоноварение, свежезабитые свиньи, возводимые строения. Самые страшные удары крестьяне наносили своим же братьям — крестьянам. Бессмысленные побоища между деревнями, кланами и тайными обществами опустошали крестьянские селения и умножали неистребимую ненависть, подогреваемую обычаем кровной мести. Так, в сентябре 1928 года группа «Короткие мечи» одного из уездов провинции Цзянсу уничтожила двести «Длинных мечей» и сожгла шесть деревень. С конца XIX века в восточных уездах провинции Гуандун деревни были поделены на сферы влияния двух смертельно враждовавших групп, носивших названия «Черные флаги» и «Красные флаги». В уезде

* Чунцин в 1937—1946 годах был временной столицей Китая. *(Прим. ред.)*

Пунин той же провинции члены клана Линь преследовали и убивали всех жителей, имевших несчастье носить фамилию Хо, не щадя ни больных проказой, которых они сжигали на кострах, ни проживавших там многочисленных христиан. Эта борьба не имела политической или социальной окраски, местные царьки укрепляли таким образом свой авторитет. Врагом часто был инородец — иммигрант или житель с другого берега реки[29].

Революция, неотделимая от террора (1927-1946)

Однако, когда в январе 1928 года жители одной из деревень, контролируемых «Красными флагами», увидели на своих улицах отряд с развевавшимся впереди флагом «родного» цвета, они с энтузиазмом присоединились к одному из первых китайских Советов. Это была Хайлуфынская революционная база — первый в Китае советский район, организованный Пэн Баем. Коммунисты держались от Советов в стороне, старались использовать вражду местных группировок; действуя быстро и напористо, они вошли в доверие к населению и поощряли новообращенных деревенских активистов к расправам и насилию. В течение нескольких месяцев 1927—1928 годов за сорок — пятьдесят лет до китайской «культурной революции» и режима красных кхмеров репетировались худшие эпизоды будущих событий. С 1922 года это движение подогревалось крестьянскими профсоюзами, созданными усилиями Коммунистической партии, и закончилось враждебным противостоянием «крестьянской бедноты» и подвергавшихся непрерывным нападкам «землевладельцев», хотя ни вековые традиции, ни даже современная действительность не делали акцент на этом различии. Отмена прежних долговых обязательств и упразднение арендной платы за землю обеспечили Хайлуфынской революционной базе поддержку народа, которой воспользовался Пэн Бай, чтобы установить режим «демократического террора». Все население сгонялось на процессы над «контрреволюционерами», которых неизменно приговаривали к смертной казни. Люди должны были участвовать в расправах, поддерживая красногвардейцев криками «убей, убей!», пока те методично расчленяли жертву на куски, которые присутствующие — иногда и члены семьи казненного — должны были жарить и съедать на глазах еще живого несчастного. Устраивались массовые трапезы с поеданием печени и сердца «врагов» либо митинги, где оратор произносил обличительную речь перед строем пик, увенчанных головами убитых. Тяга к мстительному каннибализму повторится позже в полпотовской Камбодже. С этим перекликаются и другие древнейшие азиатские архетипы, возрождавшиеся в самые бурные моменты китайской истории. Например, в период иностранных нашествий император Ян-ди из династии Суй не только отомстил предводителю восстания 613 года, но и истребил весь его род. «Самое суровое наказание состояло в том, что казнили четвертованием, а голову выставляли на шесте в назидание всем, либо виновному отрубали конечности и расстреливали его из лука. Самым именитым сановникам император даровал право съедать по кусочку мяса казненного»[30]. Известный писатель Лу Синь, сторонник коммунизма, свободного от национализма и антизападного духа, написал однажды: «Китайцы суть каннибалы»... Менее массовыми, чем кровавые оргии, были грабежи в монастырях, учинявшиеся отрядами Красной армии в 1927 году, и репрессии по отношению к монахам — даосам. Верующим приходилось перекрашивать изображения своих богов в красный цвет, чтобы спасти их от

уничтожения. Началось постепенное обожествление Пэн Бая. За четыре месяца власти Советов провинцию покинули около пятидесяти тысяч человек, главным образом, бедные крестьяне[31].

Пэн Бай (расстрелян в 1931 году) был ярым сторонником сельского милитаризованного коммунистического движения. Его идею быстро подхватили коммунисты-маргиналы, например Мао Цзэдун, тоже выходец из крестьян, который развил ее в знаменитом *Докладе о положении крестьян в Хунани* (1927), противопоставив сельский коммунизм городскому рабочему коммунистическому движению, в тот момент полностью разбитому Гоминьданом под предводительством Чан Кайши. Идея стала набирать силу и привела к созданию одной из первых «красных баз» в горах Цзинган на границе Хунани и Цзянси в 1928 году. Седьмого ноября 1931 года (в годовщину Октябрьской революции) в этой провинции были проведены укрепление и расширение Центральной революционной базы и провозглашена Китайская республика Советов, а Мао Цзэдун стал председателем Совета народных комиссаров. До победы в 1949 году китайский коммунизм испытал много превратностей и перекосов, но модель была задана: сосредоточение революционных усилий на строительстве государства, милитаристского по своей природе, способного покончить с врагами, в данном случае —с армией «марионеточного» правительства Чан Кайши, «окопавшегося» в Нанкине. Неудивительно, что в той революционной ситуации стоящие перед армией военно-репрессивные задачи являлись центральными и основополагающими. Революционная ситуация в то время была далека от русского большевизма и еще дальше от марксизма, но именно *путем большевиков,* путем захвата власти и утверждения национал-революционного государства с 1918—1919 годов шли к коммунизму основатели КПК и их «мозговой трест» Ли Дачжао[32]. Везде, где верх брала КПК, возникал казарменный социализм (особенно чрезвычайные суды и карательные отряды). Пэн Бай тщательно отработал эту модель.

Трудно понять, откуда взялось пристрастие китайского коммунизма к репрессиям: сталинский Большой террор 1936—38 годов был *позже* террора китайских Советов, жертвами которого стали, по некоторым оценкам, 186 тысяч гражданских лиц в одной только провинции Цзянси с 1927 по 1931 год[33]. Почти все жертвы — противники поспешной аграрной реформы, тяжкого налогового гнета, мобилизации молодежи на войну. Население было пассивным и с неохотой втягивалось в реформы, которые коммунизм внедрял крайними методами (с 1931 года Мао подвергался критике за применение насильственных методов и был временно отстранен от руководства). Местные партийные кадры постепенно оттеснялись от партийной работы (как, например, в уездах вокруг «советской» столицы, Жуйцзиня), и наступление Гоминьдана со стороны Нанкина встретило слабое сопротивление. Силы Нанкина были мобильнее и одерживали победы над самыми удаленными и отрезанными от главных направлений «базами», чьи гарнизоны уже вкусили плоды политики террора[34]. На территории советского района на севере Шэньси вокруг Яньаня творились насилия, которые коммунисты научились «дозировать», действуя более изощренно и менее кроваво. Налоговое бремя было для крестьян невыносимо. В 1941 году у крестьян было изъято 35% урожая — это вчетверо больше, чем в провинциях, занятых Гоминьданом. Жители деревень открыто желали смерти Мао... Партия подавляла сопротивление и пыталась «оздоровить экономику», поощряя выращивание и экспорт опи-

умного мака (разумеется, не афишируя этого), который до 1945 года приносил в казну от 26 до 40% дохода[35].

Как это часто бывало при коммунистических режимах, активные проводники политики «на местах» стали жертвами подозрений, не прошедших для них бесследно; они умели доходчиво объясняться с крестьянами, и, самое главное, они были частью крестьянского общества, проросли в него многими корнями, и эти корни не были еще перерублены. С некоторыми активистами счета были сведены спустя десятилетия... Наибольшие подозрения почти всегда вызывали те руководители, которые работали в своих родных деревнях, районах, уездах. Оппоненты, сильнее зависящие от центрального аппарата, обвиняли их в «местничестве» — они и в самом деле действовали иногда более осторожно, рискуя даже уклоняться от выполнения директив. За одним конфликтом скрывался другой: члены партии, работавшие в сельских районах, часто были выходцами из зажиточного крестьянства, из семей землевладельцев (наиболее образованного слоя), примкнувшими к коммунистической идее из радикальных националистических убеждений. Партийные работники центральных органов пришли из маргинальных и деклассированных слоев. Это были бандиты, бродяги, нищие, бывшие наемные солдаты, проститутки. В 1926 году Мао предвидел их важную роль в революции: «Эти люди могут очень храбро сражаться и — если мы направим их туда, куда нам нужно, — смогут стать революционной ударной силой»[36]. Не стал ли он сам похож на тех, о ком писал? Недаром много позже, в 1965 году, он показался американскому журналисту Эдгару Сноу «опирающимся на дырявый зонтик монахом, одиноко бредущим при свете звезд»[37]. Остальное население (кроме твердого оппозиционного меньшинства — нередко тоже представителей элиты), включая бедное и среднее крестьянство, составляли, по словам коммунистических лидеров, классовую опору революции в деревне. (Тем не менее коммунистами было сказано об этих людях: «От них веет пассивностью и холодом».) Деклассированные личности стали самыми активными кадрами революции. Их приобщение к партии, обретение социального статуса, подсознательная жажда реванша, а также уважительное отношение опирающегося на них Центра[38] толкали их на радикальные действия и — как только представится случай — на расправу с провинциальными коммунистами. Такое противостояние объясняет начавшуюся после 1946 года кровавую истерию аграрной реформы[39].

Первая большая «чистка» смела в 1930—1931 годах революционный район Донгу на севере провинции Цзянси. Напряженность обострилась здесь в результате активной деятельности политического полицейского формирования Гоминьдана — корпуса АБ («антибольшевистского»), умело подогревавшего подозрения в измене среди членов КПК. В партию в большом количестве вступали члены тайных обществ. Она значительно окрепла после того, как в 1927 году туда пришел руководитель «Общества трех принципов». Подозрения сделали свое дело, началась «чистка». Сразу же были ликвидированы кадры на местах, затем «чистке» подверглась Красная армия. Были расстреляны две тысячи военных. Части заключенных в тюрьму местных руководителей удалось бежать, и они попытались поднять бунт против Мао Цзэдуна, «партийного императора», который пригласил их приехать к нему на переговоры, арестовал и собирался расстрелять. После того как одно из подразделений Второй армии восстало, армию расформировали, а весь ее офицерский состав ликвидирова-

ли. В течение года был уничтожен каждый десятый среди военных и членов партии; счет жертв шел на тысячи. Из девятнадцати высших партийных руководителей революционного округа Второй армии, основоположников этой революционной базы, двенадцать были расстреляны как «контрреволюционеры», пятеро расстреляны гоминьдановцами, один умер от болезни и один скрылся, навсегда сойдя с революционной стези[40].

По этой же схеме, после того как Мао обосновался в Яньани, был ликвидирован основатель опорной революционной базы, легендарный партизан Лю Чжидань. В центральном аппарате партии было немало сотрудников, талантливых по части вероломства и макиавеллизма. Операцией руководил «большевик» Ван Мин, «рука Москвы», жаждавший выслужиться и подчинить себе войска Лю. Тот, ничего не подозревая, не сопротивлялся аресту и после пыток не признался в «измене»; его видные сторонники были тогда похоронены заживо. Соперник Ван Мина Чжоу Эньлай освободил Лю Чжиданя, продолжавшего настаивать на праве самостоятельно командовать армией, за что получил клеймо «крайне правого» и был отправлен на фронт, где его убили, возможно, выстрелом в спину...[41]

Наиболее известная «чистка», предшествовавшая 1949 году, началась в июне 1942 года с удара коммунистов по самой блестящей интеллигенции Янь-аня. Через пятнадцать лет «чистка» повторилась уже в масштабе всей страны. В 1942 году Мао начал с объявления двухмесячной кампании свободы критики. Затем активные участники кампании были «приглашены открыто побороться» на многочисленных митингах с Дин Лин, заявившей, что объявленное коммунистами равноправие мужчин и женщин — это демагогия, и с Ван Шивэем, осмелившимся требовать свободы творчества и предостерегавшим творческих работников от искушений власти. Дин признала критику правильной, покаялась и напала на строптивого Вана. Последний был исключен из партии и расстрелян в суматохе временной эвакуации из Яньани в 1947 году. Догма о том, что интеллигент должен подчинить творческие интересы политическим, изложенная председателем партии в феврале 1942 года в *Беседах о литературе и искусстве,* возымела силу закона. Повсеместно велось *шэн фен* («обучение новому стилю работы») вплоть до полного подчинения интеллигенции. В начале июля 1943 года кампания вспыхивает с новой силой, борьба идет не на жизнь, а на смерть. Дьявольской душой этой «спасительной кампании», призванной защитить борцов революции от слабостей и тайных сомнений, становится член Политбюро КПК Кан Шэн, поставленный Мао Цзэдуном в июне 1942 года во главе нового комитета по воспитанию, призванного руководить «исправлением». Кан Шэн — «затянутая в черную кожу черная тень» на черном коне, всегда в сопровождении дикого черного пса» — был креатурой советского НКВД, организатором в коммунистическом Китае первой подлинно «массовой кампании» повальной критики и самокритики. Он проводил выборочные аресты, а затем, выбивая признания, расширял круг обвиняемых и соответственно — арестованных. Никто не мог так искусно организовать публичное шельмование жертвы и ее экзекуцию. Он продвигал вперед "светлые и безупречно правильные идеи Мао — вершины теоретической мысли". Обращаясь на митинге к присутствующим, он заявлял: «Вы все агенты Гоминьдана... мы еще долго будем перевоспитывать вас»[42]. Аресты, пытки, смерти (более шестидесяти только в ЦК, в их числе и самоубийства) настолько распространились, что вызывали беспокойство руководства партии, хотя Мао предупреждал: «Шпионов столько,

сколько волосков на меховой шубе»[43]. Однако, с 15 августа были отменены «беззаконные методы» репрессий, а 9 октября Мао Цзэдун, полностью изменив курс (проверенная тактика!), заявил: «Мы не имеем права разбрасываться людьми, даже аресты, возможно, были ошибкой»[44], и прежняя кампания была тотчас закрыта. Критикуя в декабре свои недавние действия, Кан Шэн был вынужден признать, ЧТО «ТОЛЬКО» 10% арестованных были виновны и жертвы следует реабилитировать. Сам же Мао принес публичные извинения перед собранием высших партийных работников в апреле 1944 года и трижды поклонился памяти невинных жертв, сорвав аплодисменты присутствующих, показавших тем самым решительное неодобрение политики крайних мер. Однако вряд ли можно было стереть воспоминания о терроре 1943 года у тех, кто его пережил. Падение популярности Мао компенсировалось страхом, надолго вбитым в души людей[45].

Репрессии становились еще изощреннее, а политические убийства долго готовились даже в тех случаях, когда терроризм можно было списать на счет войны с Японией или Гоминьданом (3 600 жертв за три месяца 1940 года только на небольшой территории провинции Хэбэй, взятой под контроль коммунистами)[46]. Под особым прицелом находились отступники, что было характерно и для тайных обществ. Как признавался один отставной партизанский командир, «мы убили много предателей, чтобы остальным некуда было свернуть с революционного пути»[47]. Расширялась тюремная система, и смертные приговоры выносились гораздо реже, чем прежде. С 1932 года Советы провинции Цзянси расширили сеть исправительно-трудовых лагерей, цинично ссылаясь на закон, принятый еще при Гоминьдане. В 1939 году осужденные на долгие сроки были переведены в производственно-трудовые центры, в то время как повсюду заседали трибуналы, обеспечивающие непрерывность потока новых заключенных. Преследовалась тройная цель: не провоцировать недовольство населения слишком жестокими наказаниями, использовать бесплатную рабочую силу и пополнить отряд верноподданных на основе теперь уже правильного «перевоспитания». Даже военнопленные японцы получают шанс — «перевоспитавшись» — вступить в ряды Народно-освободительной армии, преемницы Красной армии Китая, и бороться против Чан Кайши![48]

Методы маоистов в Яньани глазами советского деятеля сталинской эпохи*

Партийная дисциплина держится на бессмысленно жестоких формах критики и самокритики. За что и кого критиковать на каждом собрании, указывает председатель ячейки. «Избивают», как правило, одного коммуниста на каждом собрании. D «избиении» участвует каждый. Должен участвовать. За «избиваемым» единственное право: каяться в «ошибках». Если же он не признает их и полагает себя невиновным или не в достаточной мере «покаялся» <...>, «избиение» возобновляется. <...> Настоящая психологическая муштра. <...> Я понял одно трагическое обстоятельство: этот безжалостный метод психологического принуждения, который Мао называет «нравственным очищением», создает удушливую атмосферу в партийной системе Яньани. Некоторые коммунисты — а таких немало — покончили с собой, бежали или сошли с ума...

* Этот деятель — Игорь Владимирович Южин, корреспондент группы ТАСС в Особом районе. *(Прим. ред.)*

Метод чжэнфынэ отвечает принципу: «Все должны знать все о каждом». Это глумливая и низменная программа любого собрания. Интимное, сугубо сокровенное и личное — все предается унизительному суду. Под маркой критики и самокритики устанавливается контроль за мыслями, желаниями, поступками[49].

Аграрная реформа и городские «чистки» (1946-1957)

Китай в 1949 году, когда коммунисты пришли к власти, не был страной спокойствия и гармонии. Выливавшееся в резню насилие давно стало привычным средством управления страной, ее защиты и сведения счетов с соседями. Методы захвата власти соответствовали принципу: насилие против насилия (одна из жертв Пэн Бая, судья местного масштаба, сам организовывал расправы над членами местного крестьянского союза), и большинство сельских жителей принимали насилие как нормальный порядок вещей и как метод борьбы за власть. Именно поэтому данный период истории Китая выглядит благообразно и в официальной постмаоистской исторической науке (до начала «антиправого движения» 1957 года «Великого Кормчего» почти «не в чем упрекнуть»), и в глазах многочисленных очевидцев, которые извлекли из событий прямую пользу (или считали, что это польза) и спокойно устроились за счет несчастий своих соотечественников. «Чистки» не слишком коснулись коммунистов (включая интеллигенцию). Тем не менее речь идет об одной из самых кровавых волн репрессий, инициированных компартией; при том, что, как было сказано выше, это был относительно спокойный период в истории Китая. Судя по размаху кампании, численности ее жертв и ее продолжительности (после коротких передышек почти ежегодно запускалась очередная «массовая кампания»), а также по тому, как искусно она была спланирована и виртуозно управлялась Центром, это был новый качественный скачок жестокости. Яньаньская «чистка» 1943 года стала лишь прологом, генеральной репетицией в масштабе одного уезда (Особого района), отделенного от главной территории страны. Кровавые расправы с некоторыми слоями общества приняли размах неведомого Китаю геноцида против всей нации (даже монголы в XIII веке не пошли дальше северных провинций империи). Некоторые жестокости списывались на гражданскую войну (длившуюся уже три года), как, например, убийство пятисот жителей, большей частью католиков, во время захвата маньчжурской деревни Шиванцзы. Когда в 1948 году коммунисты перешли в решительное наступление, они не торопились освобождать военнопленных, как делали раньше в пропагандистских целях. Не поместившиеся в тюрьмах сотни тысяч пленных стали первыми поселенцами новых исправительно-трудовых лагерей *(лаодон гайцзао,* или, сокращенно *лаогай),* совмещавших перевоспитание заключенных и военные действия[50]. Но самые худшие эксцессы *военного времени* имели место в тылу, вне всякой военной необходимости.

Деревни: усмирение и социальная инженерия

В отличие от революции 1917 года в России, китайская революция 1949 года шла из деревень в города. И поэтому вполне логично, что городским «чисткам» предшествовала аграрная реформа. У коммунистов был давний опыт в этой области, но в 1937 году им пришлось отложить это фундаментальное ме-

роприятие своей программы, так как первоочередной задачей стало создание и сохранение антияпонского «единого фронта» с центральным правительством Гоминьдана. После поражения Японии они вернулись к этой идее в обстановке развернувшейся в 1946 году гражданской войны, которая должна была привести их к власти, В сельские районы — чаще всего территории, только что «очищенные» от врага Народно-освободительной армией, — направлялись тысячи бригад, составленных таким образом, чтобы входившие в них агитаторы-профессионалы были непременно выходцами из других районов и не могли, следовательно, симпатизировать местным жителям, отдавать предпочтение одному из семейных кланов или сочувствовать тайным обществам. С продвижением армии реформа распространилась до южных и западных границ страны, не коснувшись пока еще Тибета.

Было бы ошибкой видеть в этой аграрной революции, которая перетасовала одну за другой сотни тысяч китайских деревень, лишь управляемый сверху переворот; столь же наивно считать, что коммунистическая партия пошла навстречу «чаяниям масс»[51], которые имели основания быть недовольными своим положением и требовать перемен.

Вопиющей несправедливостью тех лет было имущественное неравенство крестьян. В деревне Длинный Овраг (провинция Шаньси), где наблюдал революционные события Уильям Хинтон[52], 7% крестьян владели 31% плодородных земель и 33% всего рабочего скота. По статистическим данным 1945 года, 3% сельских богачей принадлежало, в среднем по Китаю, 26% земель[53]. Имущественное неравенство усугублялось ростовщичеством (ссудный процент был 3—5% в месяц и доходил до 100% в год[54]), которым злоупотребляли богатые жители.

Богатые или просто менее бедные? В южных приморских районах Китая встречались помещики, которым принадлежало несколько сот гектаров земли. Более скромные владели двумя-тремя гектарами. В Длинном Овраге из тысячи двухсот жителей села самые богатые землевладельцы едва ли имели по десять гектаров. Границы между крестьянскими имущественными группами были очень размытыми, и большинство сельских жителей занимали среднее положение между безземельной беднотой и собственниками, жившими в основном за счет наемного труда. По сравнению с резкими социальными контрастами послевоенной Восточной Европы и тем, что сейчас наблюдается в Латинской Америке, в китайской деревне было *относительное* равенство. Конфликты между богатыми и бедными не были причиной беспорядков. Как в 1927 году в советском районе Хайлуфын, так потом и во всем Китае, появились социальные «инженеры» — коммунисты, самым главным из которых был Мао. Они-то и начали искусственное стравливание сельских групп, их произвольное разделение и разграничение (партийный аппарат установил твердые «квоты» на социальные группы сельского населения — с обязательными 10%—20% «привилегированных»). Цифра из этого интервала в конкретной деревне зависела от прихотей и уловок диктуемой Центром политики, и всегда можно было сослаться на то, что неравноправие — главная причина крестьянских бед.

Вышеупомянутые агитаторы начали с того, что разбили всех крестьян на четыре группы: самые бедные, бедняки, середняки и богачи. Из классификации были исключены те, кого называли «землевладельцами», в данных условиях — будущие жертвы репрессий. Иногда — из-за несовершенства дискриминационного критерия или потому, что бедняки вошли во вкус, — некоторых несправедливо причисляли, идя дальше распоряжений партии, к «богачам». Сельским авторитетам поневоле пришлось вступить в продуманную игру. Завершение

кампании было для них мучительным, а для политиков — эффективным. Следовало заставить участвовать в реформе «широкие массы» таким образом, чтобы они сами оказались «замаранными» и боялись ответственности в случае поражения коммунистов, а также, если возможно, создать у них иллюзию, что они действуют по собственной воле, лишь поддерживаемые новой властью. По всей стране и путь, и цель стали едиными. От деревни к деревне, от района к району лишь немного менялись конкретные условия. Сегодня все знают, каких усилий стоила показуха «крестьянской революции» самим активистам, которым приходилось кулаком вбивать в людей нужные идеи. Не потому ли во время войны многие предпочитали убегать в зону японской оккупации, только бы их не забрали в Народно-освободительную армию? Крестьяне, всегда инертные, зависимые от землевладельцев и даже готовые тайком платить тем прежнюю арендную плату, хотя государство, приступая к реформе, снизило ее, были весьма далеки от понимания идеалов партии и от того, чтобы самим стать частью новой общественной системы. Агитаторы делили крестьян по принципу их политической активности на активистов, индифферентных, отсталых и приспешников землевладельцев. Затем с грехом пополам они подверстывали эти категории к существующим социальным группам, получая некие социальные суррогаты, складывающиеся в общность, где не последнее место занимали сведение счетов или корыстный интерес, а иногда даже желание избавиться от ненавистного супруга[55]. Классификацию можно было произвольно изменить: например, чтобы не затягивать с переделом земельных угодий, власти Длинного Оврага (240 дворов) произвольно уменьшили число бедняцких хозяйств с девяноста пяти до двадцати восьми![56] Кадровые коммунисты из гражданского населения становились «пролетариями», а коммунисты-военные — «бедными» или «средними крестьянами», тогда как и те и другие в действительности вышли из привилегированных слоев...[57].

Ключевым мероприятием аграрной реформы стали так называемые собрания горечи. Перед односельчанами представал предварительно названный «предателем» зажиточный крестьянин, иногда несколько крестьян, часто их объединяли с действительными пособниками японских оккупантов, «забывая» при этом (но не в 1946 году—самом начале кампании), что бедные крестьяне тоже, бывало, грешили сотрудничеством с японцами. То ли из страха перед недавно могущественным столпом деревни, то ли понимая несправедливость происходящего, присутствующие не сразу входили в раж, и организаторам этого судилища приходилось на первых порах самим подавать пример, пиная и унижая несчастных. Затем нерешительные присоединялись к злобствующим активистам, и фонтан разоблачений бил ключом. Атмосфера накалялась, и уже нетрудно было, возродив в памяти пытки из арсенала крестьянских войн, спровоцировать людей на вынесение «хозяевам» смертного приговора (приняв сначала решение о конфискации их имущества). Нередко приговор приводился в исполнение на месте при более или менее активном участии крестьян. Но чаще всего партийное руководство требовало, чтобы обвиняемого отправили под конвоем в главный город уезда или провинции для подтверждения приговора, вынесенного жертве односельчанами. За период, завершившийся в 1976 году смертью главного режиссера этого театра, где большие куклы в совершенстве затвердили свои роли и где разыгрывались драмы классовой борьбы и трагедии самобичевания, в зрителях и актерах побывал *весь* Китай. Здесь демонстрировалось традиционно китайское изысканное искусство ритуала и конформизма и все то, что циничная власть использует в своих интересах.

Нет точных данных о числе жертв аграрной революции, но если бы «по разнарядке» убивали минимум одного крестьянина в каждой деревне[58], то это число приблизилось бы к миллиону человек, а большинство авторов сходятся на двух-пяти миллионах[59]. От четырех до шести миллионов китайских «кулаков» были отправлены в девять лаогаев; вдвое большее число жертв на совести местных властей, обычными методами которых были слежки, трудовые повинности, преследования во время «массовых кампаний»[60]. В деревне Длинный Овраг по крайней мере пятнадцать человек были расстреляны, и если экстраполировать эту цифру на всю страну, то число жертв достигнет ужасающей величины, тем более что в этой деревне реформа началась раньше, чем в других местах. После 1948 года превышать полномочия уже не разрешалось, хотя до этого репрессии регулярно потрясали деревню. Характерны были такие акции, как уничтожение всех членов семьи председателя местной католической общины (церковь после этого закрыли), избиение и конфискация имущества ставших на сторону богачей бедных крестьян, выявление «феодального происхождения» в трех предшествующих поколениях (после чего почти все жители подверглись угрожающему пересмотру «сословной принадлежности»), жестокие истязания (часто приводившие к смертельному исходу) с целью выбить признание о местонахождении некоего мифического «клада», постоянные допросы, сопровождавшиеся пытками каленым железом, преследование членов семей, подвергшихся расправе, разрушение и разорение их семейных захоронений. Некий ответственный работник, в прошлом бандит, принудительно выдал четырнадцатилетнюю девочку замуж за своего сына и объявил всем: «Мое слово — закон, и всякий, приговоренный мною к смерти, умрет»[61]. Именно по этой причине, т.е. по произволу властей, на другом краю Китая, в провинции Юньнань, Хэ Лю, полицейский при прежнем режиме, внесен в списки «землевладельцев». Но к принудительным работам его приговорили уже как «чиновника». В 1951 году в самый разгар местной аграрной реформы его водили от деревни к деревне как «классового врага», приговорили к смерти и казнили, не предъявив никакого конкретного обвинения. Его старший сын, военный, поднявший в свое время восстание в одной из армейских частей Гоминьдана и уговоривший однополчан перейти на сторону НОАК (Народно-освободительной армии), получил официальную благодарность от властей, а позднее его назвали «реакционером» и поставили «под надзор»[62]. Все эти действия, как представляется, одобрялись основной массой односельчан, которым впоследствие разрешали делить экспроприированные земли. Некоторые крестьяне, часто из-за того, что были обижены их семьи, объявляли себя незаконно пострадавшими. Их стремление отомстить обидчикам реализовалось в годы «культурной революции» в проявлениях ультрарадикализма в отношении нового *истеблишмента*[63], то есть избиение козлов отпущения не закончилось и после того, как крестьяне единодушно пошли за партией-«защитницей».

Реальные цели, которые преследовало это мощное движение, были прежде всего политическими, затем экономическими и, в последнюю очередь, социальными. Несмотря на то что 40% земель было перераспределено и передано новым владельцам, сосредоточение больших земельных площадей в руках малочисленной группы крупных феодалов, а также непомерная скученность поселений в Китае помешали беднейшим крестьянам получить достаточную свободу землепользования. На долю каждого в среднем приходился надел площадью не более 0,8 га[64]. В других государствах этой части азиатского региона

(в Японии, на Тайване, в Южной Корее) в те же годы успешно завершились достаточно радикальные земельные реформы, проходившие в условиях большего, чем в Китае, имущественного неравенства сельского населения. Известно, однако, что в названных странах не зарегистрировано ни одного кровавого передела земель, и хозяева экспроприированных владений получили более или менее удовлетворительную компенсацию от правительства. Отвратительная дикость китайского варианта передела земель объяснялась, таким образом, не потребностями реформы, а политическими целями тотального захвата власти коммунистической партийной верхушкой. В Китае он сопровождался формированием активного воинствующего меньшинства, то есть надежных партийных кадров, «сделками на крови» приобщенных к расправам с крестьянством. Строптивцы и мягкотелые получили наглядный урок того, как партия в случае надобности умеет развязывать самый крайний террор. Это позволило в конце концов «внушить» народу глубокое понимание процессов и взаимоотношений в недрах деревни, призванных в перспективе создать условия для накопления промышленного капитала посредством коллективизации.

Города: тактика «салями» и методы экспроприации

Хотя движение развивалось так, как было запланировано, Мао Цзэдун решил лично одобрить кровавые репрессии и заявил в трудный момент ввода китайских войск в Северную Корею в ноябре 1950 года: «Мы решительно должны расправиться со всеми реакционными элементами, которые заслуживают смерти»[65]. Важность этого высказывания в том, что оно сделано отнюдь не по поводу аграрной реформы, почти завершенной в Северном Китае (а в Южном Китае, «освобожденном» несколько позже, реформа в это время разворачивалась в более оппозиционных по духу провинциях, например, в Гуандуне, где к началу 1952 года она еще продолжалась)[66]. Это высказывание обозначило начало аппаратной «чистки» в городах в рамках планомерной, целенаправленной, равномерной либо ударной серии мероприятий под лозунгом «движение масс». «Чистка» должна была немного «образумить», а потом и окончательно подчинить интересам партии разные группы городского населения: интеллигенцию, буржуазию, включая и мелких хозяев, беспартийных активистов, некоторых слишком уж независимых коммунистов — всех, кто мог угрожать тоталитарной власти КПК. Совсем немного — всего несколько лет — разделяло начало «тактики салями» и установление европейских народных демократий. Это будет время самого откровенного советского давления — как на экономику, так и на политико-репрессивный аппарат тех стран. По-своему, но решительно, будет укрощена в Китае уголовная преступность («между оппозиционерами, классовыми врагами и бандитами — всеми "врагами народной власти" — установились опасные связи») и подавлены криминальные и криминогенные элементы общества. Все, кто связан с проституцией, игорными домами, курильнями опиума и т.п., будут искоренены; по данным самой КПК, два миллиона «бандитов» были «ликвидированы» в 1949—1952 годах и, вероятно, столько же отправлены в места заключения[67].

Система государственного подавления, выстроенная еще до победы революции в Китае, быстро накопила необходимые силы. В конце 1950 года в стране было 5,5 миллионов милиционеров, в 1953 году— 3,8 миллиона пропагандистов и активистов и 75 тысяч осведомителей, призванных координи-

ровать действия первых и вторых, а может быть, и умерять их рвение... Усовершенствовав отработанную еще при Гоминьдане систему соглядатайства и сплошной слежки *(баоцзя),* власти городов создавали у себя домкомы из пятнадцати—двадцати семей, а те, в свою очередь, подчинялись уличным или районным комитетам[68]. Ничто не должно было ускользнуть от внимания жильцов: ни чужой припозднившийся гость, ни приезд «чужака» на пару дней к соседу. Об этом следовало сообщать в домком. Каждый горожанин должен был иметь *хюкоу,* то есть справку о том, что он житель данного города. Это должно было предотвратить тайную несанкционированную миграцию из деревни. Каждый уполномоченный был связан с милицией. Ее численность росла, она формировалась сначала из тюремных или судебных служащих «старого режима», которые позднее, когда была исчерпана их временная полезность, стали естественной мишенью карательных мероприятий. После взятия Шанхая в мае 1949 года там было 103 городских полицейских участка, в конце года их стало 146[69]. Политическая полиция —силы безопасности — насчитывала 1,2 миллиона человек™. Везде, даже в самом отдаленном городке, открылись временные «кутузки». Места заключения в больших городах были безнадежно переполнены: в центральной тюрьме Шанхая, например, на 100 квадратных метрах размещались до 300 заключенных, а всего их здесь находилось восемнадцать тысяч. Скудное питание, бесчеловечное обращение, физические истязания (например, удар прикладом, если заключенный поднимал голову в строю: во время переходов она должна быть низко опущена). Средняя смертность среди заключенных, видимо, значительно превышавшая *5%* в год (это средняя цифра в тюремной системе 1949—1978 годов), на принудительных работах в Гуанси достигала 50% за полугодие, а на некоторых шахтах Шаньси умирали до 300 заключенных в день. Садистские пытки были привычным делом. Чаще всего провинившихся подвешивали за запястья или большие пальцы рук. Известен случай, когда китайский священник умер после допроса, продолжавшегося 102 часа без перерыва. Безудержно зверствовали надзиратели; начальник одного из лагерей лично убил или заставил заживо похоронить 1 320 человек: о многочисленных изнасилованиях не приходится и говорить. В начале кампании заключенные — среди них много военных с боевым опытом — еще не были сломлены морально, и многочисленные мятежи осужденных заканчивались бойней. На нефтяных полях в Яньчане была казнена не одна тысяча из двадцати тысяч работавших там каторжников. В ноябре 1949 года на одной из лесозаготовок тысяча человек из 5 тысяч восставших были живьем зарыты в землю[71].

Кампания за «искоренение контрреволюционных элементов» началась в июле 1950 года, а в 1951 году одна за другой были развязаны еще три кампании: «три против» (против коррупции, бесхозяйственности и бюрократизма государственных и партийных кадров), антибуржуазная «пять против» (против взяточничества, коррупции, уклонения от уплаты налогов, должностных преступлений и разглашения государственной тайны) и нацеленная против прозападной интеллигенции «реформа мышления». Участникам этих кампаний предстояло пройти все ступени «перевоспитания» и показать в своих «рабочих коллективах» *(дан вэи),* какого «прогресса» они достигли. Совпадение по времени всех трех кампаний означало, что ни один член общества отныне не останется в тени, а понятие «контрреволюционный» стало настолько многогранно и растяжимо, что любое идейное расхождение с линией КПК — в настоящем или прошлом — может стать достаточным для осуждения. Это означало пере-

дачу неограниченных репрессивных полномочий райкомам партии и парткомам предприятий. С одобрения Центра и при помощи «вооруженной руки», то есть органов безопасности, стало возможным творить расправу. Есть все основания вслед за Аленом Ру назвать эти кампании «красным террором», особенно страшным был 1951 год[72].

Некоторые цифры впечатляют: за одну ночь в Шанхае были арестованы 3000 человек, за четыре месяца — 38 000. В Пекине в один день вынесено 220 смертных приговоров с публичным приведением в исполнение, в течение девяти месяцев состоялось 30 000 обличительных митингов. В Кантоне за два месяца произведено 89 000 арестов, 23 000 из них закончились смертным приговором[73]. 450 000 частных предприятий (из них 100 000 в Шанхае) подверглись строжайшей ревизии, после чего больше трети хозяев и множество сотрудников были признаны виновными в денежных махинациях, чаще всего в уклонении от уплаты налогов, и наказаны в зависимости от тяжести преступления (около 300 000 жертв получили разные тюремные сроки)[74]. Особое внимание было обращено на горожан-иностранцев. В 1950 году арестованы 13 800 «шпионов», преимущественно служителей культа; арестован и приговорен к пожизненному заключению даже итальянский епископ. В результате этих действий из 5500 католиков — миссионеров, работавших в Китае в 1950 году,— к 1955 году уцелел едва ли десяток. Верующие китайцы подверглись невиданной по размаху расправе без единого свидетеля: не менее 20 000 арестов в 1955 году и сотни тысяч брошенных в тюрьмы христиан всех конфессий в течение двух последующих десятилетий[75]. Из числа политических и военных кадров Гоминьдана, с помпой амнистированных в 1949 году с единственной целью — предупредить их бегство на Тайвань и в Гонконг, в течение последующих десяти лет был казнен каждый десятый, и пресса совершенно серьезно оправдывала это тем, что «терпимость масс к реакционерам небезгранична». Уголовное законодательство способствовало усилению репрессий: различая среди «контрреволюционеров» «активных» и «исторических», и карая последних, оно произвольно вводило принцип обратной силы закона. Кроме того, иногда использовалось обвинение по аналогии (основанное на трактовке преступления с учетом наиболее близкого к нему), когда не совершивший правонарушений арестант умышленно подводился под статью закона. Выносились неоправданно суровые приговоры. Минимальный срок за «обычное» преступление, как правило, — восемь лет, но нормы приближались к двадцати.

Очень трудно дать общие количественные оценки масштабам репрессий. В 1957 году Мао Цзэдун сам назвал число ликвидированных в кампаниях контрреволюционеров — 800 тысяч человек. Число расправ в городах приближается к миллиону, что составляет треть от числа «ликвидаций» на селе. Поскольку на одного горожанина приходилось примерно пять сельских жителей, можно предположить, что именно город тяжелее всего пострадал от репрессий. Картина будет еще более мрачной, если учесть два с половиной миллиона заключенных в «лагеря перевоспитания», то есть около 4,1% от числа горожан; доля сельских жителей, находившихся в тюрьмах, составляла 1,2%[76]. Следует помнить и о многочисленных самоубийствах среди осужденных и подследственных, это число равно 700 тысячам, по данным Чжоу Чинвеня[77]. Случались дни, когда в Кантоне происходило до пятидесяти самоубийств «контрреволюционеров». Приемы «чистки» в городах не отличались от приемов проведения аграрной реформы, но маоисты превзошли даже сыск в СССР, где он был почти

исключительно полицейским и строго секретным. Местный комитет партии сохранил контроль за действиями полиции, и в городах старались заставить максимально широко участвовать в репрессиях само население, не давая ему, разумеется, такой реальной власти, как в деревнях.

Рабочие, поголовно состоявшие в уличных комитетах, устремились в атаку на «логово тигров капитализма», заставляли их (капиталистов) демонстрировать всем бухгалтерские книги своих частных предприятий, выслушивать критику и заниматься самокритикой, соглашаться с необходимостью государственного контроля над частным производством. Если те полностью «раскаивались», то могли сами участвовать в группах народного контроля и обличать других частников. Но если они что-то скрывали, процедура повторялась. Почти так же обращались с интеллигентами. Те должны были посещать собрания «смирения и возрождения», проводимые в учреждениях, где они состояли на службе, честно признавать свои ошибки, доказывать коллегам, что прежде заблуждались, настаивая на «либерализме» и «приоритете западной культуры», а теперь разобрались в происках «американского культурного империализма», убили того «старого дьявола», что сидел в них и исподтишка нашептывал сомнения и пробуждал собственные мысли. Подобная проработка могла занимать до двух месяцев в году, с полным отстранением на этот срок от работы. У обвинителей было достаточно времени, от их бдительного суда некуда было спрятаться. Оставалось только самоубийство — старый как мир выход, единственный и традиционный для тех, кто сгорал от стыда после очередного отступничества, позора обязательных обличений коллег или просто был безнадежно сломлен всем происходящим. То же самое, но с большим размахом происходило во время «культурной революции» и сопровождалось физическим насилием. Ни один житель города, ни одна мелочь из его жизни не ускользали от бдительного ока всевидящей партии. С 1951 года владельцы предприятий должны были по первому требованию представлять для ревизии свои бухгалтерские реестры, их душили налогами; с декабря 1953 года они обязаны были открыть для государства свои капиталы, а с 1954 года — отчислять часть доходов в общественные комитеты по продовольствию. (В стране уже была введена всеобщая карточная распределительная система). В октябре 1955 года началась генеральная ревизия, и в январе следующего года всем частникам было «предложено» принять активное участие в коллективизации, за что было обещано каждому скромное пожизненное содержание, а некоторым — пост технического директора на их бывших предприятиях (в годы «культурной революции» все эти гарантии были отменены). Один директор из Шанхая, не согласившийся отдать государству предприятие, был предан суду своими рабочими, через два месяца разорен и отправлен в трудовой лагерь. Многие владельцы небольших мастерских, ограбленные в одночасье, кончали жизнь самоубийством. К хозяевам больших корпораций относились лучше. Опытные и компетентные специалисты, пока еще полезные государству, они имели прочные и плодотворные связи с богатой китайской диаспорой в других странах, за поддержку которой Китай тогда жестоко конкурировал с Тайванем[78].

А чудовищная мясорубка тем временем работала бесперебойно, и, разумеется, все кампании, запущенные в 1950—51 годах, были объявлены выполненными в 1952—53 годах. Уже не оставалось «сырья» для перемалывания. Однако безжалостные репрессии не прекращались, и в 1955 году развернулась новая кампания — за «уничтожение скрытых контрреволюционеров» *(суфанъ),* осо-

бенно болезненно обрушившаяся на интеллигенцию, включая теперь тех соратников по партии, которые отважились показать хотя бы минимум независимости. Так, блестящий писатель марксист Ху Фэн, ученик высокочтимого Лу Синя, высказал в июле 1954 года ЦК КПК сомнение в полезности вбивавшегося в головы писателей партийного принципа «пяти кинжалов», особенно той его части, которая призывает к подчинению творчества «генеральной линии партии». В декабре того же года против него разразилась кампания: известные деятели литературы и искусства должны были соперничать друг с другом в обличениях, а позднее к их улюлюканью присоединились и «широкие массы». Подвергнутый остракизму и изолированный от мира писатель в январе 1955 года представил на всеобщий суд свою самокритику, но она была отвергнута. В июле того же года его арестовали вместе со ста тридцатью «пособниками», десять лет он провел в лагерях, а в 1966 году его снова ждали арест и этапирование из лагеря в лагерь вплоть до полной реабилитации в 1980 году[79]. В эти же годы впервые были проведены повсеместные аресты членов партии, а газета *«Жэнь-минъ жибао»* объявила о затаившихся в рядах партии 10% «скрытых предателей», и, видимо, эта цифра стала служить руководством к действию[80].

Источники не единодушны в оценке численности жертв кампании «су-фань»: одни считают, что была арестована 81 тысяча человек — довольно скромная цифра. Другие говорят, что были 770 тысяч погибших. Китайские тайны... А когда вспоминают о знаменитых «Ста цветах»* в мае — июне 1957 года, соглашаются, что это была уже подлинно массовая репрессивная акция, одна из серии целенаправленных кампаний, где уничтожение «ядовитых ростков» подогревалось надеждами на провозглашенную Мао Цзэдуном либерализацию общества, которую он в течение нескольких недель обещал, а потом отменил. Он преследовал двойную цель. С одной стороны, в период любых свежих веяний и «исправления ошибок» (а эти «веяния» чувствовались даже в тюрьмах)[81] у кого-то нет-нет да и вырвется нечаянное словечко, а то и более смелое суждение, и потом ничего не стоит выявить и сокрушить тех, у кого были «дурные мысли». С другой стороны, такой нелицеприятной и поощряемой критикой можно упрочить единство партийных работников, крепче сплотить их вокруг радикальной позиции председателя партии. XX съезд КПСС подчеркнул эту тенденцию к узакониванию репрессивной практики в Китае — усилению контроля судов за деятельностью госбезопасности и за исполнением приговоров[82]. Кроме того, эта политика способствовала укреплению культа Мао. Коммунисты из интеллигентов, которые «обожглись» после Яньани, в целом предусмотрительно держались в тени. Но сотни тысяч наивных людей (нередко это были «попутчики» с 1949 года), особенно членов «демократических партий-захребетниц», до которых у КПК все никак не доходили руки, оказались заложниками своего собственного выбора, и на них пришелся удар «антиправого» дышла. И вот — почти без расстрелов — от 400 до 700 тысяч человек (по скромным подсчетам, 10% китайской научно-технической интеллигенции), украшенные позорным ярлыком «правый», получили солидную «двадцатку» — достаточный срок, чтобы раскаяться, — с отбыванием заключения в лагерях или в забытой богом деревушке. Те из них, которые дотянули до окончания срока, пережили

* В ответ на призыв Мао, прозвучавший 27 февраля 1957 года в речи «О правильном разрешении противоречий внутри народа», — *Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ* — была развернута кампания «Сто цветов». *(Прим. ред.)*

голод 1959—1961 годов, отчаяние следующих лет и еще несколько лет ураганного марша хунвэйбинов*, услышали в 1978 году о первых реабилитированных. Миллионы научно-технических работников (сто тысяч в одной Хэнани[83]) и студентов временно — а некоторые и пожизненно — «приобщались к сельскому труду» в отдаленных районах Китая. Это было не только своеобразной мерой наказания, но и предвидением «большого скачка», который обрушился на те местности, где были сконцентрированы ссыльные «правые».

Когда началась кампания борьбы с «правыми», тюремной изоляции предшествовала общественная изоляция. Никто больше не желал знать отверженного, даже если речь шла о том, чтобы просто дать ему немного горячей воды. Он должен был ходить на работу, но только для того, чтобы делать признание за признанием, посещать одно за другим собрания по «воспитательной критике». Соседи по дому, коллеги по работе, даже их дети[84] не дают ему перевести дух. Сарказм, оскорбления, запрет ходить по левой стороне улицы, «потому что ты —правый», детская считалка, заканчивающаяся словами «народ будет бороться[85] с правыми до смерти», — эти нападки приходилось выслушивать без ропота, чтобы не было еще хуже[86]. Случались многочисленные самоубийства. С помощью бесконечных анкет и публичной самокритики, с помощью «чистки», которая (о бюрократическое чудо!) должна была затронуть минимум *5%* членов *каждого* рабочего коллектива *(7%* — в университетах, ставших особой мишенью для критики со времени «Ста цветов»)[87], партийные функционеры стали во главе основных культурных учреждений: весь блестящий цвет культурной и художественной интеллигенции Китая первой половины века был уничтожен. «Красные охранники» (хунвэйбины и цзаофани") впоследствии постарались истребить даже воспоминания о них[88].

Тем временем зрелое и вооруженное идеями маоизма общество обретало четкие формы. Потрясения «культурной революции» поколеблют его лишь на короткое время (чтобы эта страница была перевернута, понадобилось ждать первых великих реформ Дэн Сяопина). Направляющим лозунгом стали слова Великого Кормчего: «Помни о классовой борьбе!» Она началась в 1951 году всеобщим наклеиванием ярлыков на каждого члена общества, продолжилась в кампаниях аграрной реформы, массовых городских движениях, а завершилась только в 1955 году. Главную роль в борьбе играл рабочий коллектив, но последнее слово оставалось за полицией. Речь идет о нелепом расчленении общества, которое имело поистине дьявольские последствия для десятков миллионов людей. Известно высказывание в 1948 году некоего чиновника из уже упоминавшегося нами Длинного Оврага: «Образ мыслей определяется способом зарабатывать на жизнь»[89]. И если следовать логике маоизма, социальные (определенные довольно произвольно) и политические группы перемешивались, чтобы составить затем две группы: «красную» (рабочие, бедные и средние крестьяне, партийцы, военные из Народно-освободительной армии и «мученики-революционеры») и «черную» (землевладельцы, крестьяне-богачи, контрреволюционеры, «вредные элементы» и правые уклонисты). Между этими двумя формиро-

* Хунвэйбины («красные охранники») - участники созданных в 1966 году во время «культурной революции» в Китае отрядов из учащихся средних школ и студентов. Использовались для расправы с политическими и общественными деятелями. С 1968 года были убраны с политической арены, впоследствии преступления хунвэйбинов были осуждены. *(Прим. ред.)*

** Отряды бунтарей, в которые входила рабочая молодежь. Были созданы в декабре 1966 года с целью распространить «культурную революция» за пределы учебных заведений. *(Прим. ред.)*

ваниями вклиниваются «нейтральные категории» (интеллигенты, капиталисты и т.п.), которых перебрасывают ближе к «черным» вместе с деклассированными, маргиналами, «партийными работниками, идущими по капиталистическому пути», и «шпионами». Во время «культурной революции» интеллигенция была официально объявлена «гнусной девятой категорией», разумеется, «черной». Ярлык буквально прирастал к коже: даже официально реабилитированный правый становился первоочередной мишенью ближайшей массовой кампании и никогда уже не мог вернуть себе права снова жить в городе[90]. Адская логика сложившейся системы была такова: будущий враг всегда должен быть под рукой, его поспешат разгромить, а потом уничтожат, и «запас» нужно непрерывно пополнять. Одного можно объявить преступником или лишенцем, другого — например, кадрового коммуниста, — правым уклонистом...

Речь не идет о классах в марксистском толковании, скорее имеется в виду формирование неких каст, по типу индийских, хотя китайская традиция, подчеркнем это, не знала ничего подобного: устойчивая социальная система сложилась в Китае *задолго до* 1949 года (хотя позднее она не раз переворачивалась вверх дном). Впрочем, социальный статус в Китае обычно переходит от отца к детям (жена, напротив, сохраняет свою добрачную социальную принадлежность): подобное наследование способствовало окостенению общества, называвшего себя революционным, и не оставляло надежд тем, кому не повезло с генеалогией, — «худородным». Дискриминация становилась неизбежной для «черных» и их детей, будь это поступление в высшие учебные заведения или активное участие в жизни общества (согласно директиве, принятой в июле 1957 года), не говоря уже о приеме в политические организации. Таким отверженным трудно было вступить в брак с «красным», они подвергались остракизму, так как окружающие боялись трений с властями, неизбежными, если поддерживались знакомство с изгоями. Приклеивание ярлыков и уродливая травля достигли апогея во время «культурной революции» и продемонстрировали свою пагубность даже с точки зрения режима.

Самый страшный голод в истории (1959-1961)

На Западе уже давно прижился миф о том, что, конечно, китайская модель демократии далека от совершенства, но все-таки «Мао удалось дать каждому китайцу, по крайней мере, чашку риса». Увы, нет ничего более ложного: мы еще увидим, что, с одной стороны, весьма скромные продовольственные нормы на душу населения за время его правления существенно не выросли, несмотря на невиданные в истории, неимоверные усилия, прилагавшиеся в Китае для того, чтобы поднять крестьянство. С другой стороны, гораздо важнее то, что Мао и созданная им государственная система непосредственно виновны в национальном бедствии, которое останется в историческом прошлом Китая как самый страшный, унесший несметное число жертв, голод.

Допустим, что Мао не ставил целью истребить своих соотечественников. Но зато можно утверждать, что его совсем не интересовали миллионы тех, кто умер голодной смертью; в эти черные годы он был больше озабочен тем, как бы получше скрыть произошедшую катастрофу, чтобы никто не догадался, что народные беды лежат на его совести. Среди охватившего страну хаоса трудно было разобраться, что породило неудачи: нереальные планы или срыв грандиоз-

ных замыслов. Обнаруживаются экономическая некомпетентность, неосведомленность о сложившейся в стране ситуации, самодовольный отрыв от народа и волюнтаристский утопизм всего партийного руководства, и в первую очередь председателя КПК. Кооперирование сельского хозяйства в 1955—1956 годах вначале было положительно воспринято большинством крестьян. Кооперативы объединяли крестьян в пределах одной деревни, и право выйти из кооператива не было пустым обещанием: например, в 1956—1957 годах 70 тысяч хозяйств воспользовались этим правом в Гуандуне, и многие кооперативы были распущены[91]. Наглядный успех кампании и хороший урожай 1957 года побудили Мао в августе 1958 года сформулировать и навязать колеблющимся задачи «большого скачка» (выдвинуты на обсуждение в декабре 1957 года и окончательно утверждены в мае 1958 года), а средством достижения его целей должны были стать «народные коммуны».

По замыслу Мао, одновременно и за очень короткий срок предстояло (тут же появился лозунг момента — «три года труда и лишений и тысяча лет благоденствия») перевернуть весь жизненный уклад крестьян, обязав их вступать в гигантские объединения из десятков тысяч крестьянских дворов: обобществлялись орудия труда и собственность, в том числе — продукты питания; за этим планировался грандиозный рост сельскохозяйственного производства на базе строительства гигантских оросительных сооружений и внедрения новых агрономических методов и в конце концов — полное стирание грани между сельским и индустриальным трудом; этому должно было решительно способствовать повсеместное строительство кустарных мастерских и малых плавильных печей (идея, достойная Хрущева с его «агрогородом»). Главная задача состояла в том, чтобы добиться «самообеспечения» каждой общины и одновременно с этим — развития промышленности, то есть местных производственных предприятий, ускоренными темпами. Предполагалось, что излишки продукции «народные коммуны» будут сдавать государству, которое направит часть полученного дохода на развитие крупной индустрии, что обеспечит ее дальнейший рост. В такой идиллии —до коммунизма оставалось рукой подать — вот-вот произойдут накопление капитала и быстрый подъем уровня жизни. Дело было за малым — претворить в жизнь спущенные сверху планы...

В течение нескольких месяцев все шло как по маслу. Под трепещущими на ветру флагами работа кипела днем и ночью, производилось «больше, быстрее, лучше и экономнее», местные власти рапортовали о рекорде за рекордом. Планка поднималась все выше и выше. Преследуемая цель — 375 миллионов тонн зерна в 1958 году, в два раза больше собранных годом раньше 195 миллионов тонн (довольно высокий показатель). В декабре было объявлено, что задача выполнена. Однако правда и то, что сотрудники Центрального комитета по статистике, несомненно «правые уклонисты», выражали после посещения полей свое недоверие... Никто не сомневался, что Великобритания, которую Китай планировал перегнать через пятнадцать лет, при таких темпах останется позади уже через два года, потому что — так говорит председатель Мао — «ситуация отличная». И снова растут производственные задания, нормы выработки, заполняются закрома, и есть решение сократить пахотные земли для обустройства на них производственных мастерских. Образцовая провинция Хэнань посылает двести тысяч своих работников на помощь в другие провинции, где результаты скромнее[92]. «Социалистическое соревнование» движется дальше ликвидированы частные наделы, закрыты сельские рынки, отменяется право

увольняться из трудового коллектива и проводится повсеместный сбор металлической кухонной утвари для переплавки в сталь, нередко снимаются с петель деревянные двери для поддержания огня в пресловутых малых плавильных печах*. В качестве компенсации все принадлежащие коммуне запасы продовольствия разрешено пустить на общественные трапезы. «Поесть мяса... Самое революционное желание», — вспоминает один из участников трапез в Шаньси[93]. Ведь не за горами новый невиданный урожай... «Воля масс — решающая сила» — такими заголовками пестрели газеты в Хэнани в дни местной конференции по проблемам орошения земель в октябре 1957 года[94].

Но вскоре местные руководители партии, которые иногда спускаются с небес на землю (чего не скажешь о самом Мао), убедились, что, сами того не подозревая, попались в собственную ловушку, западню притворного оптимизма, выдуманных успехов. Они поняли, что ослеплены мнимым всемогуществом своих высоких начальников, получивших посты за заслуги во время «Великого похода», взявшихся командовать экономикой и рабочей силой, как армией на марше. Стало ясно, что чиновнику проще подтасовать показатели трудовых достижений и заставить подчиненных сделать то же самое для получения намеченных результатов, чем признаться, что священные задания не выполнены. Ведь, по Мао, «сползание влево» (волюнтаризм, догматизм и насилие считались левизной) было всегда не так опасно, как правая «серость». В 1958—1959 годах чем грубее была ложь, тем быстрее продвигался вверх ее автор. Бег ускоряется, страсти накалены, потенциальные скептики сидят в тюрьме или роют оросительные каналы.

Причины разыгрывающейся драмы — чисто технические. Некоторые агрономические методы были навеяны опытом советского академика Лысенко и — при волюнтаристском отрицании генетики — стали в Китае, как и в стране Большого брата, непреложной догмой. Навязанные крестьянам, они приводили к удручающим результатам, но Мао уверял, что «чем гуще посеять зерна, тем легче им взойти в хорошей компании; когда они растут вместе, то чувствуют себя лучше»[95]. Вот что значит творчески применить к природе понятие классовой солидарности! Тем временем загущенность посевов в пять-десять раз выше нормы убивала молодые всходы, слишком глубокая вспашка сушила почву и выступала соль, а пшеница оказалась не слишком «хорошей компанией» кукурузе. Принудительная замена традиционного ячменя пшеницей на холодных высокогорьях Тибета стала катастрофой для местных жителей. Причиной других ошибок стало не копирование советских методов, а собственная инициатива. Уничтожение вредителей зерна — воробьев — привело к потерям урожая из-за засилья насекомых-паразитов; огромная сеть ирригационных сооружений — примитивных и размещенных по принципу «где густо, а где пусто» — оказалась непродуктивной, а то и вредной, и поэтому в одних районах поля были залиты водой из-за разрыва ненадежно состыкованных гидротехнических сооружений, а в других — почва подвергалась быстрой эрозии от избыточной сухости; кроме того, строительство унесло множество человеческих жизней. На полях провинции Хэнань погибали десять из шестидесяти тысяч рабочих.

* Под лозунгом «Вся страна варит сталь» в Китае развернулось движение за создание «малой металлургии». Была поставлена задача соорудить более десяти тысяч малых и средних металлургических печей. Небольшие печи создавались как в городах, так и в сельской местности. Кампания, в которой приняли участие миллионы людей, стала одной из многих подобных волюнтаристских кампаний: «нетрадиционные методы обработки земли», «борьба с четырьмя вредителями» (крысами, мухами, комарами и воробьями), амбициозные ирригационные проекты и т.п. *(Прим. ред.)*

Деятельное стремление потрясти мир будущими урожаями зерновых (как и выплавкой стали — *чем больше, тем лучше)* губило на корню вспомогательные сельскохозяйственные производства, в том числе животноводство, как правило, незаменимое для сохранения продовольственного баланса; в Фуцзяни ради расширения посевов риса были уничтожены ценнейшие чайные плантации.

И, наконец, экономические ошибки. Распределение финансирования в экономике было чудовищно разорительным. Отчисления в фонд накопления капитала были неоправданно большими (43,496 бюджета в 1959 году)[96], но расходовались они в основном на обычно безуспешную ирригацию сельскохозяйственных земель и на массированное развитие промышленности в крупных городах. Появился знаменитый лозунг Мао — «Китай идет на двух ногах!». Вся «кровь» сельскохозяйственной «ноги» должна перекачиваться в промышленную «ногу». Столь нелепое распределение ассигнований влекло за собой диспропорцию рабочей силы, занятой в разных сферах экономики: в 1958 году на государственные предприятия был направлен 21 миллион рабочих, прирост рабочего класса составил 85% за один год! В результате за период 1957— I960 годов рабочий класс стал составлять не 15%, а 20% населения Китая, и государству приходилось его кормить[97]. Сходные процессы шли на селе, где крестьяне должны были заниматься всем на свете: сооружать малые плавильни, вся продукция которых была некондиционной и годилась только на свалку, разрушать старые деревенские постройки и строить новые дома и т.д., — кроме работы на полях. Еще не были обмолочены «сногсшибательные» урожаи 1958 года, а государство уже решило снизить на 13% площади, отводимые под зерновые[98]. Результатом такого соединения «экономического бреда и политического вранья»[99] стала уборочная кампания I960 года - тогда у голодных крестьян не было сил убрать урожай. Провинция Хэнань, первой объявившая о полном — на 100% — завершении ирригационных работ и строительства дамб, стала впоследствии одним из наиболее пострадавших от голода регионов; по оценкам из разных источников, здесь погибли от двух до восьми миллионов человек[100]. Отчисления зерна государству в это время достигают самых высоких цифр: 48 миллионов тонн (17% зернового запаса) в 1957 году, 67 миллионов (28%) в 1959 году и 51 миллион в I960 году. Обманщики оказались в ловушке, но больше всего, к несчастью, пострадали те, кем они командовали. Было объявлено, что в Фыньяне, «образцовом» районе провинции Аньхой, собрано в 1959 году 199 тысяч тонн зерна, больше, чем годом раньше (178 тысяч!). На самом же деле было собрано 54 тысячи тонн по сравнению с 89 тысячами в 1958 году, но государство потребовало свою долю, — 29 тысяч тонн «фантомного» урожая! Следовательно, в следующем году всех ожидала пустая рисовая похлебка да очередной сюрреалистический лозунг на злобу дня, напечатанный в газете *«Жэнъминъ жибао»* в конце 1959 года: «Жить в воздержании в год изобилия». Китайская пресса пустилась превозносить животворную силу послеобеденного сна, а китайские светила медицины - восхвалять уникальную физиологическую организацию китайского индивида, способного автономно продуцировать даже излишнее количество жиров и протеинов[101].

Казалось, время ослабить петлю и приступить к исправлению положения настало уже в декабре 1958 года. Однако начавшиеся трения в отношениях с СССР и, особенно, выступление авторитетного маршала Пэн Дэхуая на июльском пленуме КПК 1959 года против проводимой самим Мао стратегической линии вынудили Великого Кормчего по *соображениям чисто политической*

тактики отказаться признать стоящие перед страной трудности и, следовательно, хотя бы малейшую ошибку со своей стороны. На смену слишком проницательному министру обороны Китая пришел другой маршал, Линь Бяо, который вел себя как услужливый приспешник «Кормчего». Отправленного в отставку Пэн Дэхуая в 1967 году вначале исключили из партии, а потом арестовали и приговорили к пожизненному заключению. Он умер в тюрьме в 1974 году: Мао был злопамятен. Пытаясь направить свою власть в новое русло, Мао Цзэдун бросил в августе 1959 года новый клич к углублению «большого скачка»: теперь нужно было распространить опыт «народных коммун» и на города (что в конечном итоге провалилось). Самый большой голод в Китае был еще впереди, но Мао выживет. Потому что — как будет утверждать потом Линь Бяо — «ис-торию делают гении...».

Голод охватил всю страну. Каждая спортплощадка в Пекине была вскопана под огород. Два миллиона кур закудахтали на балконах столицы[102]. Несмотря на огромные земельные площади и разнообразие сельскохозяйственных культур, не спаслась ни одна провинция. Этого достаточно, чтобы опровергнуть ссылки властей на «самые ужасные в этом веке природные катастрофы». Если смотреть правде в глаза, то 1954 и 1980 годы были более неблагоприятными с точки зрения погодных условий. В I960 году только восемь из ста двадцати китайских метеостанций зарегистрировали сильную засуху, а одна треть всех станций — сухую погоду[103]. Урожай I960 года— 143 миллиона тонн зерна — был на 26% ниже урожая 1957 года (чуть больше, чем в 1958 году). Он упал до уровня 1950 года, а численность населения Китая возросла на сто миллионов человек[104]. Города оказались в более благоприятном положении за счет близости центральных властей и введения твердых норм на продовольствие. В наиболее тяжелый момент —в 1961 году — горожане получали в среднем 181 кг зерна на душу населения, тогда как крестьянам отпускали по 153 кг. Нормы продовольствия на человека снизились в деревнях на 25%, а в городах — на *8%.* Мао Цзэдун, верный традициям великих китайских правителей, но вопреки угодливо сотканной вокруг его имени легенде, проявил весьма скупое сочувствие к страданиям таких грубых и примитивных созданий, как крестьяне. Различные районы пострадали неодинаково: сказались неравные условия в разных провинциях и даже уездах. Самые уязвимые в голодные годы прошлого века провинции Северного и Северо-Восточного Китая и на этот раз пострадали больше других. Напротив, провинция Хэйлунцзян на самом севере Китая, почти не освоенная в хозяйственном отношении, была мало затронута голодом и стала пристанищем для голодных беженцев, население в ней выросло в эти годы с 14 до 20 миллионов человек. Как и в Европе голодных лет, сильно пострадала экономика районов Китая, специализировавшихся на выращивании промышленных культур (сахарного тростника, масличных культур, кормовой свеклы и, главное, хлопка), производство которых упало местами на две трети. В этих районах голодающему населению просто не на что было покупать продукты. Там цены свободного (черного) рынка на рис, например, выросли в пят-надцать-тридцать раз. Тяжелое положение усугублял партийно-маоистский догматизм. Политика того момента категорично *навязывала* «народным коммунам» диктат самообеспечения и накладывала запрет на перевозку продуктов питания через территориальные границы. Остро ощущалась нехватка угля. Голодные шахтеры бросали забои и уходили на поиски еды или работали на приусадебных огородах. Голод провоцировал всеобщую апатию и рост преступности.

Результатом голодных лет в такой индустриально развитой провинции, как Ляонин, стало падение собственного производства сельскохозяйственной продукции в I960 году до половины объемов 1958 года и снижение ввоза продуктов питания: в 50-х годах сюда ввозилось ежегодно 1,66 миллиона тонн продовольствия, а в 1958 году *все провинции* Китая получили 1,5 миллиона тонн.

То, что голод имел политические причины, видно из того факта, что самая большая смертность приходилась на те провинции, где правили самые радикальные маоисты, хотя их провинции в прежние годы были главными экспортерами зерна. Это Сычуань, Хэнань, Аньхой. В Аньхое, центре Северного Китая, жертвы голода наиболее многочисленны. Здесь в I960 году смертность достигла 6,8% (по сравнению с 1,5% в обычные годы), а рождаемость упала до 1,1% (против прежних 3%). В результате за один только год[105] население уменьшилось на два миллиона человек, что составляет 6% от всего населения провинции. Активисты Хэнани в унисон с Мао уверяли, что в трудностях виноваты утаивающие зерно крестьяне. Вот высказывание представителя городских властей Синьяна (города в провинции Хэнань), где проживало десять миллионов человек и где возникла первая в стране «народная коммуна»: «Еды хватит, и зерно есть. Беда, что 90% населения не в ладах с идеологией»[106]. Именно на сельское население осенью 1959 года обрушивается атака сродни военной, и начальники, отставив на время тезис об «общих классовых шеренгах», извлекают на свет приемы времен партизанской войны с Японией. Не менее десяти миллионов крестьян отправлены в тюрьмы, а многие гибнут от голода. Дан приказ отобрать у владельцев и разбить вдребезги всю кухонную утварь (уцелевшую после переплавки в некондиционную сталь), чтобы тем было неповадно кормиться дома и расхищать кооперативные ресурсы. Нельзя разводить огонь, хотя на носу суровая зима! Шквал репрессий обрушивается на все население. Тысячи арестантов подвергаются систематическим пыткам, детей убивают, ошпаривая кипятком и запахивая в поля вместо удобрения, а в это же время по всей стране прокатывается кампания под лозунгом: «Учиться у Хэнани!». В провинции Аньхой, где принято решение «держать красное знамя, даже если 99% из нас умрут»[107], тем временем возрождаются обычаи прошлого: людей живьем закапывают в землю или пытают каленым железом. Запрещено хоронить покойников, власти боятся, как бы массовые похороны не переросли в общественные демонстрации протеста. Запрещено подбирать беспризорных детей: «Чем больше детей мы подберем, тем больше их нам подбросят»[108]. Отчаявшиеся крестьяне бегут в города, где их встречают пулеметным огнем. В уезде Фыньян погибли 800 человек, а 12,5% его сельского населения, или 28 тысяч крестьян, были наказаны различными способами. Дело обернулось настоящей антикрестьянской войной. Как писал Жан-Люк Доменак, «слияние утопии с политикой всегда приводит к террору в обществе»[109]. В ряде деревень голод унес половину крестьян. В Хэнани было официально зарегистрировано 63 случая каннибализма, особенно в разгар «сезонных торгов», когда родители отдавали своих детей на съедение[110].

В середине XX века, в эпоху первых космических полетов, в стране с сетью железных дорог протяженностью в 30 тысяч километров, с радио и телефоном совершались жестокости, подобные тем, что случались в средневековых европейских монархиях, где борьба за выживание шла не на жизнь, а на смерть. Теперь же подобные зверства творились в стране с населением, равным населению *всего мира* в XVIII веке. Толпы истощенных людей утоляли голод отварами трав или древесной корой, а в городах — листьями тополей. Они броди-

ли по дорогам в поисках съестного, нападали на продовольственные конвои. Иногда безысходное отчаяние толкало их на бунт, подобный разразившемуся в уездах Синьян и Ланькао в Хэнани[111]. После расстрела двух-трех «зачинщиков» все оставалось по-прежнему: еды все равно не было, болезни и эпидемии умножали смертность, рождаемость падала, потому что голодным женщинам было не до детей. Заключенные трудовых лагерей (лаогаев) тоже сотнями умирали голодной смертью, их положение было столь же зыбким, как и свобода крестьян, иногда осаждавших лагерные ворота с просьбами о подаянии. Три четверти лагерной бригады, где с августа I960 года работал Жан Паскуалини, через год умерли или были при смерти[112], а живые, чтобы продержаться, были вынуждены выискивать червей и непереваренные зерна кукурузы в конском и коровьем навозе[113]. Люди стали подопытным материалом, на котором проводилось апробирование новых «питательных» эрзац-смесей, например, муки с 30% целлюлозы для выпечки хлеба или болотного планктона с рисовой кашей. От первого продукта весь лагерь страдал непроходимостью кишечника и некоторые умирали в мучениях; от второго также болели, а самые слабые гибли. Наконец, специалисты выбрали оптимальный вариант — труху из молотых стержней кукурузных початков, и это «достижение» триумфально внедрялось по всей стране[114].

В масштабах Китая смертность подскочила с 1,1% в 1957 году до 1,5% в 1959 и 1961 годах, достигнув пика — 2,9% —в I960 году. Рождаемость упала с 3,3% в 1957 году до 1,8% в 1961 году[115]. Без учета снижения рождаемости (около 33 миллионов) потери от возросшей от голода смертности исчисляются за период 1959—1961 годов от 20 миллионов человек (это обнародованные в 1988 году данные, которые можно считать официальной статистикой) до 43 миллионов [116]. По всем показателям, особенно по абсолютным цифрам, это не только самый жестокий голод за всю историю Китая (на втором месте стоит голод 1877—1878 годов, унесший на севере страны от 9 до 13 миллионов жизней), но и самый тяжелый в мировой истории. Голод 1932—1933 годов в СССР, в сходных политико-экономических условиях, все-таки нанес государству меньший ущерб (он стоил жизни примерно 6 миллионам человек), чем голод в Китае периода «большого скачка», если судить по соотношению потерь к численности всего населения в Китае и в СССР[117]. Смертность в деревнях была на 30%—60% выше, чем в городах в обычные годы, а в I960 году она удвоилась (2,9% против 1,4%). Крестьянам удалось продержаться дольше по сравнению с горожанами, потому что они начали забивать скот, который считался неприкосновенным запасом. С1957по19б1 год было забито на мясо 48% государственного свиного стада и 30% всего тяглового скота[118]. Что касается технических культур, особенно хлопка — базовой культуры сельского хозяйства Китая, то закрепленные за ними посевные площади уменьшились примерно на одну треть между 1959 и 1962 годами. Падение производства технических культур отразилось на соответствующих отраслях промышленности. С конца 1959 года правительство вынуждено было снова разрешить торговлю на крестьянских рынках, но из-за падения государственного сельскохозяйственного производства рыночные цены были столь высоки, что мало кто из голодного населения мог делать покупки на рынке. В 1961 году цены на свиное мясо на рынке были в четырнадцать раз выше, чем в государственных магазинах. Однако на зерно цены выросли еще больше, особенно на пастушеском Северо-Западе, где оно традиционно было в дефиците. В провинции Ганьсу люди умирали от недоедания даже в 1962 году, и нормы зерна на душу населения были там вдвое ниже, чем требовало даже полуголодное существование.

Воспоминание о «большом скачке», или как Вэй Цзиншэн порвал с маоизмом

«Приехав сюда"', я часто слышал, как крестьяне ругали "большой скачок", называя его концом света, и радовались, что остались в живых. Я стал их расспрашивать во всех подробностях. Тогда я уже кое-что понимал, знал о трех годах природных бедствий, что никакие они не природные, а все дело было в заведомо неправильной политике. К примеру, крестьяне рассказывали, что в 1959—1960 годах — как раз во время коммунистического ветра[120] — голодуха была такая, что у них не осталось сил собрать созревший рис, а урожай в тот год был отменный, и многие умирали с голоду, глядя, как зерна падают из метелок на землю, и их гонит ветер. В некоторых деревнях никто не мог дойти до посевов. Раз я пошел с родственником в другую деревню в нескольких ли от нашей. Нас пригласили туда в гости, ну, мы и пошли. Миновали безлюдную деревню, где не было ни одного крытого дома, а все крыши были сорваны и стояли одни глинобитные стены.

Я был уверен, что все покинули деревню во времена "большого скачка" и укрупнения деревень, поэтому удивился:

Разве нельзя снести стены и распахать землю под пашню?

Мой спутник сказал, что, дескать, эти дома ведь кому-то пока еще принадлежат, и можно ли сравнять их с землей без спросу?

Разглядывая хибарки, я не мог поверить, что в них кто-то живет.

Конечно, никто! Все умерли от голода при «коммунистическом ветре». Ни один не вернулся. Тогда земли отдали соседним бригадам. Только люди думали, может, кто вернется, и не стали трогать домишки и дворы. А теперь уж столько времени прошло, боюсь, никто не вернется.

А мы уже шли вдоль деревни. Сорняки грелись под теплым солнцем, а изумрудная трава пробилась через глинобитные стены, и все это так не вязалось с ухоженными полями риса вокруг, которые еще больше подчеркивали запустение. Глядя на сорняки, я вдруг вспомнил сцену, некогда разыгравшуюся перед моими глазами: родители обменивались детьми, чтобы не видеть, как тех отдадут на кухню. Я отчетливо видел страдальческие лица родителей, жевавших мясо детей, вместо которых они отдали своих. И малыши, гонявшие бабочек на лугу недалеко от заброшенной деревни, которую мы миновали, казались мне воплощением тех маленьких жертв. Мне тогда было жаль и детей, и, особенно, их родителей. Кто заставил их глотать — под рыдания и горькие причитания других родителей — то, что им не могло бы присниться раньше и в самом страшном сне? Я понял тогда, кто был тот палач, подобного которому тысячи лет до этого не рождала земля[121]. То был Мао Цзэдун. Он и его банда, их политика и государственная преступная система заставляли обезумевших от голода родителей отдавать плоть от плоти своей, чтобы утолить голод плотью от плоти других, обезумевших от голода родителей.

Чтобы смыть с себя только что совершенные преступления и убийство демократии[122], он, Мао Цзэдун, затеял "большой скачок" и заставил тысячи и тысячи обезумевших крестьян убивать — лопатой по голове — своих соседей и спасаться самим, поедая под угрозой смерти своих же друзей детства! Не они были убийцы, не эти крестьяне, убийцы были Мао Цзэдун и его клика. Лишь тогда я понял, почему Пэн Дэхуай нашел в себе силы выступить с критикой против ЦК КПК и Мао Цзэдуна. Я понял, почему крестьяне так ненавидели коммунизм и хмурились, когда начались нападки на политику трех свобод и одной гарантии Лю Шаоци*: просто-напросто

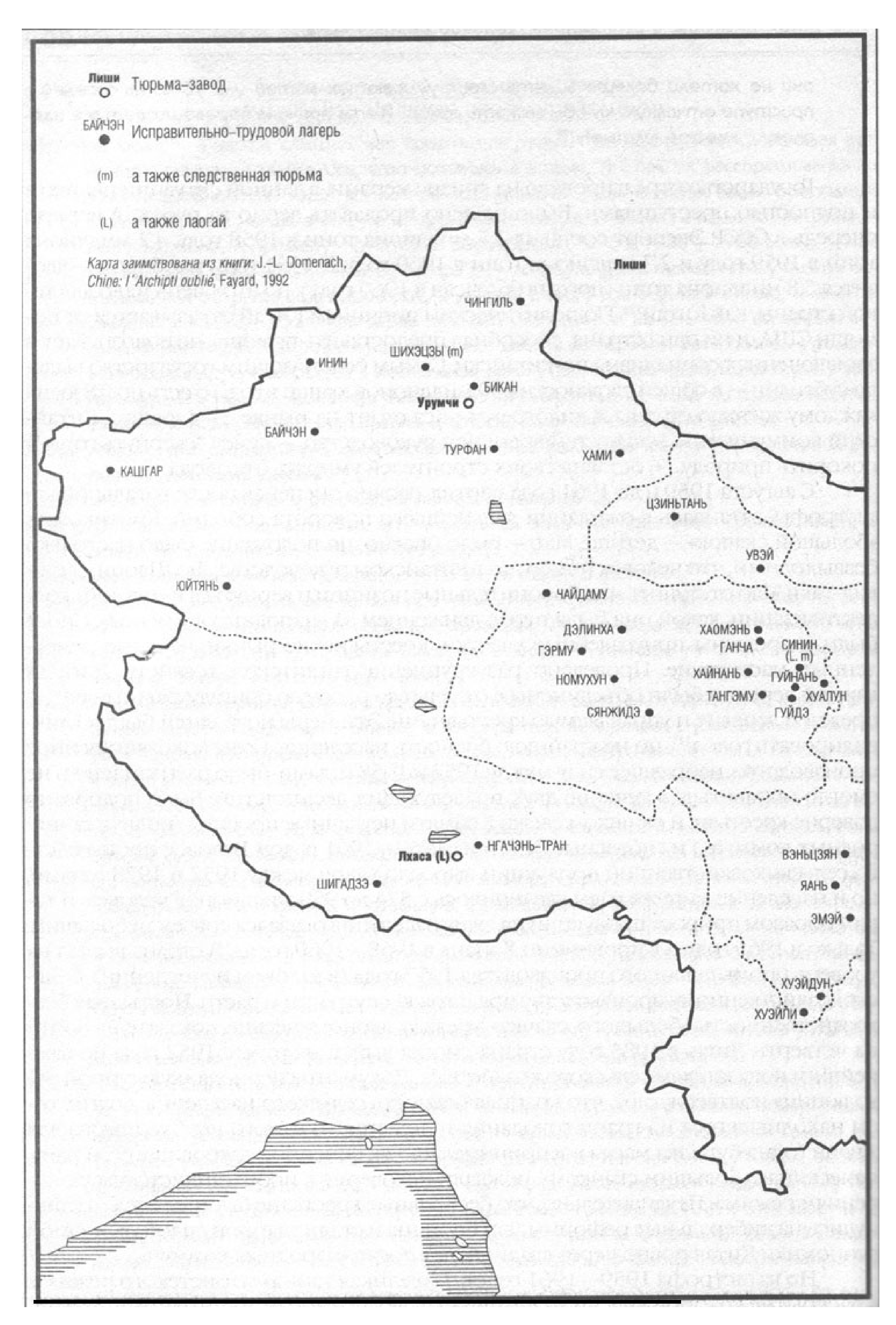
* Встав в оппозицию генеральное линии КПК, Лю Шаоци фактически предложил отойти от политики коммунизации и осуществить деколлективизацию деревни. *(Прим. ред.)*

> они не хотели больше видеть своих умирающих детей или убивать соседей в приступе отчаяния, чтобы выжить самим. И эта причина перевешивает все идеологии, вместе взятые!»[123].

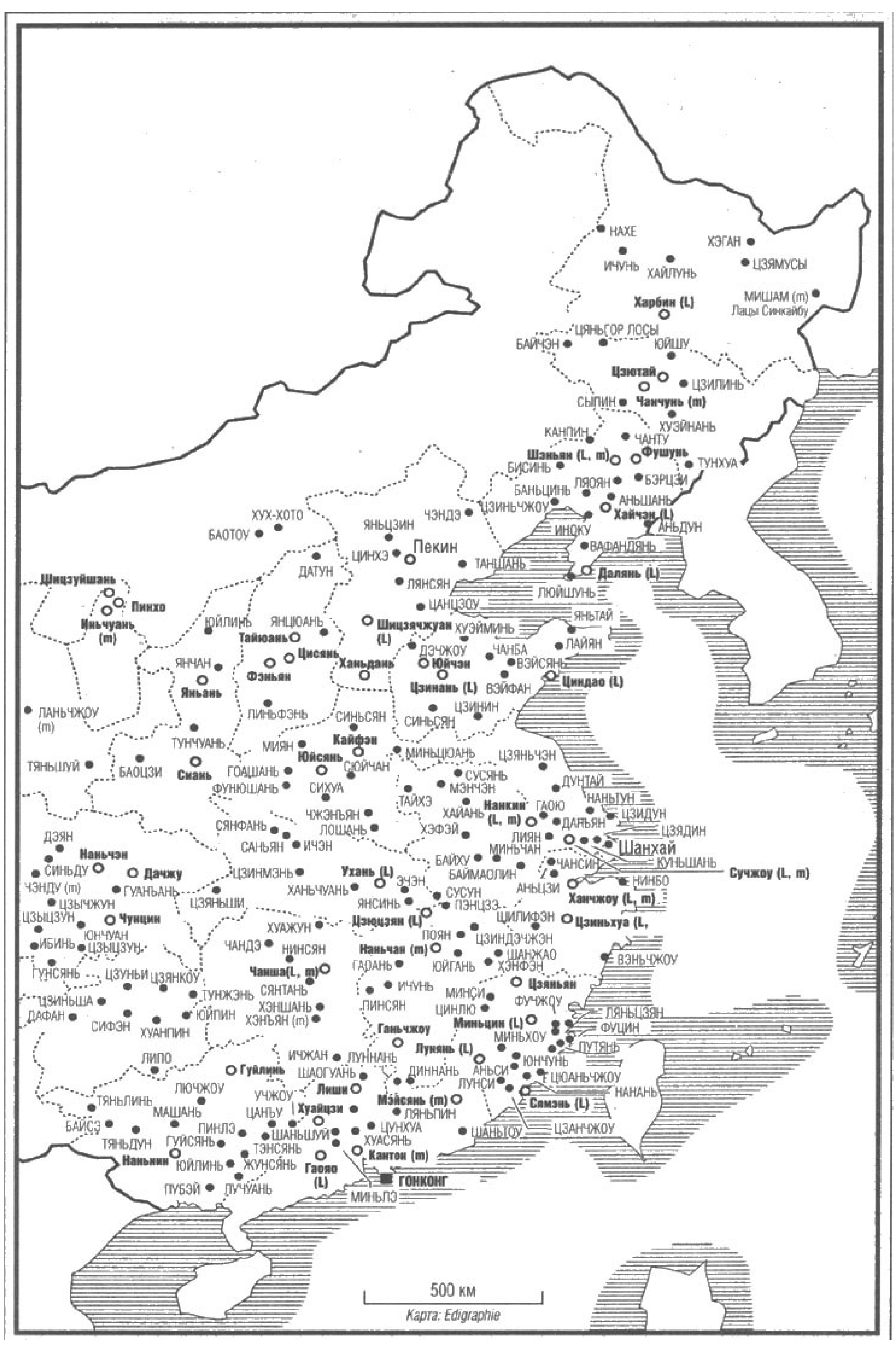
Государство отреагировало на кризис мерами, в данной ситуации целиком и полностью преступными. Было решено продавать зерно за рубеж, в первую очередь в СССР. Экспорт составил 2,7 миллиона тонн в 1958 году, 4,2 миллиона тонн в 1959 году и 2,7 миллиона тонн в I960 году. В 1961 году, наоборот, — ввозится 5,8 миллиона тонн (против *66* тысяч в I960 году), но это очень мало для такой страны, как Китай[124]. По политическим причинам Китай отказывается от помощи США, и ни одна страна, способная предоставить помощь, не подозревает о злоключениях социализма по-китайски. Самым бедствующим государство выдало субсидии — в общей сложности 450 миллионов юаней в год, то есть по 0,8 юаня каждому жителю страны, а килограмм риса стоит на рынке 2—4 юаня... «Китайский коммунизм, — вещает тем временем руководство, — сумел "свернуть горы и покорить природу.."», оставив своих строителей умирать от голода.

С августа 1959 и до 1961 года партия, словно оцепенев после тотальной катастрофы, затаилась в ожидании дальнейшего поворота событий. Критиковать «большой скачок» — детище Мао — было опасно, но положение было настолько безвыходным, что человек номер два в китайском руководстве, Лю Шаоци, заставил-таки Мао отступить на оборонительные позиции и вернуться к «мягкой» коллективизации, какой она была перед движением за «народные коммуны». Снова были разрешены приусадебные участки, крестьянские рынки, частные ремесленные мастерские. Проведено разукрупнение гигантских хозяйств. Жители каждой деревни были объединены в отдельную рабочую бригаду, равнозначную прежней деревне и управляемую крестьянами. Эти меры позволили быстро ликвидировать голод[125], но не крайнюю бедность населения. Сельскохозяйственное производство, набравшее силу между 1952 и 1958 годами, было разгромлено и не смогло оправиться в течение двух последующих десятилетий. Было подорвано доверие крестьян, и слишком свежи в памяти неудачные проекты (политика «народных коммун») и гибельные бедствия 1959—1961 годов. Валовое производство сельскохозяйственной продукции выросло вдвое между 1952 и 1978 годами, но и население за те же годы увеличилось с 574 до 959 миллионов человек, и таким образом прирост продукции на душу населения оказался совсем небольшим. Только в 1965 году, а в провинции Хэнань в 1968—1969 годах[126], страна вышла на уровень промышленного производства 1957 года (в валовом исчислении). Сельскохозяйственному производству предстояло еще расти и расти. Постыдная бесхозяйственность «большого скачка» урезала экономические показатели почти на четверть. Лишь в 1983 году страна смогла выйти на рубеж 1952 года по важнейшим показателям сельского хозяйства[127]. Документы периода «культурной революции» подтверждают, что крайняя бедность сельского населения, долгие годы находившегося на грани голодания и лишенного самого необходимого для жизни (одна бутылка масла воспринималась как семейное сокровище)[128], и рана, нанесенная «большим скачком», рождали недоверие к пропагандистским ухищрениям режима. Неудивительно, что бесправные крестьяне быстрее всех откликнулись на либеральные реформы Дэн Сяопина и стали ударной силой рыночной экономики Китая ровно через двадцать лет после «народных коммун».

Но катастрофа 1959—1961 годов — «великая тайна» маоистского режима, в раскрытие которой внесли значительный вклад многие иностранные очевид-

ОСНОВНЫЕ МЕСТА ЗАТОЧЕНИЯ ЛАОГАЯ (1)

ОСНОВНЫЕ МЕСТА ЗАТОЧЕНИЯ ЛАОГАЯ (2)

цы, так никогда и не была признана таковой. Лю Шаоци в январе 1962 года сделал большой шаг вперед, заявив на закрытой конференции кадровых работников, что недавний голод на 70% был спровоцирован людьми, а не обстоятельствами[129]. В тот момент нельзя было прямо указать на Мао как виновника этой трагедии. Даже после его смерти и до вынесения «окончательного приговора» КПК в 1981 году «великий скачок» не подвергался осуждению, во всяком случае во всеуслышание.

Лаогай: тайный ГУЛАГ

Застенки китайского коммунизма полны трупов, и самым непостижимым, без сомнения, является то, что ему удается скрывать их столь длительное время от взоров всего мира.

Китайская система концлагерей — это тайна за семью печатями.

Даже в недавних, относительно подробных аналитических трудах, посвященных КНР, практически ничего не говорится о почти тысяче крупных лагерей *(см. карту),* и об огромном множестве центров заключения поменьше. Здесь приговаривали не к «заключению» или «принудительному труду» (как при прежней власти), а к «исправлению» или «перевоспитанию трудом». Населенные пункты нового места жительства арестантов благоразумно были названы народными предприятиями. И не всякий мог догадаться, что под вывеской «Химическое красильное предприятие» в Цзиньчжоу скрывалась тюрьма № 3 провинции Хубэй или что «Хозяйство по выращиванию чая» в местечке Индэ — одна из исправительно-трудовых колоний № 7 провинции Гуандун[130]. На письмах указан был указан безликий номер почтового ящика. Тюремные законы эры маоизма запрещали родственникам видеться с отправленными на «обучение». Сроки пребывания в таких заведениях были не меньше года. Семьи обычно не знали, в какие места вывезены их близкие. О смерти заключенного родным либо не сообщали, особенно во времена «культурной революции», либо делали это много позже. Дети бывшего председателя КНР Лю Шаоци, содержавшегося в особо секретной тюрьме, узнали о его смерти (последовавшей в ноябре 1969 года) лишь в августе 1972 года. Только тогда им разрешили навещать мать, с 1967 года также находившуюся в тюрьме[131]. Во время редких переездов заключенных из лагеря в лагерь они становились как бы невидимыми. Как правило, вне камеры они шли молча, низко опустив головы, но на железнодорожной станции инструкции менялись: «В поезде вести себя естественно. Категорически запрещено опускать голову. Если нужно в уборную, дайте охране знак — кулак сжат, большой палец отставлен в сторону. Разрешается курить и разговаривать. Никаких шуток. Охрана открывает огонь без предупреждения»[132].

Нечего было и думать о том, чтобы получить устные или письменные свидетельства о жизни бывших заключенных. При Мао надзор был очень строгим, да и мало кто выходил тогда на свободу. К тому же свобода давалась под жестокую клятву молчать о том, что пережил бывший арестант, иначе — новый срок. Поэтому воспоминания писались только иностранными жертвами китайских репрессий, а их было не так уж много, кроме того, правительства их государств предпринимали меры по их освобождению и иногда добивались успеха. Заключенные-иностранцы, составлявшие очень незначительную часть всех заключенных, понимали, что на них возлагалась тайная миссия поведать миру о страданиях армии молчаливых теней, их солагерников. Так случилось с

Жаном Паскуалини (китайское имя — Бао Жован). Один из соседей по камере как-то объяснил Жану, почему остальные заключенные так бережно относятся к нему, Бао Жовану, заботятся о его здоровье и безопасности. «Все эти люди, — объяснял он, — и я сам <...> и мечтать не можем о том, что нам посчастливится выйти отсюда. Мы здесь до конца наших дней. А ты, Бао, — другое дело. Возможно, придет час — тебе откроют главную дверь <...> и ты уйдешь. Иностранца могут выпустить. Нас — никогда. Только ты расскажешь всем о нас, если выйдешь отсюда. Потому-то мы так хотим, чтобы ты жил, Бао <...>, и пока ты здесь, обещаю, будешь жив. И в других лагерях о тебе будет кому подумать. Ты ценный груз, старик!»[133].

Самая густонаселенная тюремная система всех времен

Лаогай... «Черная дыра», куда «яркое солнце маоизма» загоняло десятки миллионов безымянных людей (50 миллионов до середины 80-х годов, по самым скромным подсчетам Гарри Ву[134], — цифра дает представление только о порядке величины). Многие остались там навеки. Если доверять приблизительным данным Жана-Люка Доменака, согласно которым погибали десять миллионов человек ежегодно, то есть *\%—2%* населения Китая, а иногда — в решающие моменты жизни страны — до 5%, то получится, что почти двадцать миллионов китайцев умерли в заключении, из них приблизительно четыре миллиона не выжили в голодные годы «большого скачка», в период между 1959 и 1962 годами (а к «достаточным» нормам продовольствия, впрочем, минимальным, страна подошла только в 1964 году[135]). Суммируя исключительно важные свидетельства Ж Паскуалини и исследования Ву и Доменака, можно восстановить примерную картину того, что происходило в самой закрытой из трех крупнейших мировых концентрационных систем века.

Эта система характеризовалась не только необъятностью и бесконечностью (до 1978 года, первой большой волны освобождений[136]), но и разнообразием. Во-первых — типов заключенных: 80% «политических» в 1955 году (нетрудно было придать политическую окраску нарушениям, подпавшим под обычное право, она становилась отягчающим обстоятельством), около 50% в начале следующего десятилетия и почти две трети от общего числа осужденных в 1971 году[137], что указывает на растущее недовольство режимом в разных слоях населения и на всплеск преступности в нестабильном обществе. Во-вторых, это разнообразие исправительных учреждений[138]: центры предварительного заключения; тюрьмы (среди них были специальные заведения для «падших» представителей власти); собственно лаогай в чистом виде; более «мягкие» формы изоляции от общества *—лаоцзяо* и *цзюе. Центры заключения* (их было около 2500) представляли собой отстойники на пути в тюремно-лагерный архипелаг. Они располагались в городах, где подсудимые подвергались разным по длительности — нередко до десяти лет! — следственным мероприятиям. Здесь же отбывались незначительные — продолжительностью до двух лет — сроки наказания. До 13% заключенных находились в *тюрьмах,* которых насчитывалось в стране не более тысячи. Они подчинялись, в основном, непосредственно центральным властям и соответствовали европейским тюрьмам «строгого режима». Здесь под усиленным надзором содержались самые закоренелые и опасные преступники (в частности, приговоренные к смерти с исполнением приговора в течение двух лет; это удивительный воспитательный прием китай-

ского права, милостиво дающего преступнику отсрочку приговора ради его, преступника, «искреннего перевоспитания»). Существовали камеры, где отбывали сроки так называемые неприкосновенные заключенные и те, кто «на виду» — высокие партийные чиновники, иностранцы, священнослужители, инакомыслящие, шпионы и т.д. Условия жизни в тюрьмах были разными и иногда вполне сносными. Так, в пекинской тюрьме № 1 арестанты ели досыта и спали не на голых нарах, а на циновках — мечта всех прочих поселенцев архипелага"[9]. Но это образцовое учреждение, и сюда водили на экскурсии иностранцев. Однако здесь была железная дисциплина, тяжелые условия на принудительных работах, напряженная идеологическая «накачка». И здешние обитатели зачастую добивались отправки «на свежий воздух», в исправительно-трудовой лагерь, где, как им казалось, было лучше.

Самый массовый преступный контингент отбывал наказания в огромных исправительно-трудовых лагерях, разбросанных в малонаселенных и полупустынных районах Северной Маньчжурии, Внутренней Монголии, Тибета, Синьцзяна и, особенно, Цинхая — этой «провинции-тюрьмы»[140], китайской Колымы, где летом умирали от палящей жары, а зимой от ледяного холода... Цин-хайский лагерь № 2 с 50 тысячами депортированных — самый обширный и населенный в Китае[141]. Отдаленные лагеря западных и северо-восточных районов Китая имели репутацию очень строгих. Исправительно-трудовые заведения, базировавшиеся на заводах в городах, славились гораздо более суровым режимом, чем крупные «воспитательные» сельскохозяйственные колонии. Почти все заключенные Китая отбывали свои сроки в лагерях, расположенных в той же провинции или в том же уезде, где они родились и выросли (только Шанхай принимал заключенных из других провинций), и в лагерях Восточного Китая нельзя было встретить заключенных из Тибета. В отличие от советских лагерей, исправительно-трудовые учреждения Китая интегрированы в экономику провинций и уездов, где они находятся, и лишь в исключительных случаях участвуют в общенациональных экономических проектах, таких, например, как «Дорога дружбы», которая должна была соединить Китай с Советской Киргизией, но осталась недостроенной в результате тридцатилетнего перерыва в советско-китайских отношениях...

Узники исправительно-трудовых лагерей делились на три группы, имевшие разный статус. Самая многочисленная и постоянная группа, по замыслу Мао, подлежала «исправлению трудом» в лагерях *лаогай*[142]. Эти заключенные были осуждены на средние или длительные сроки и сгруппированы по типу военных формирований (дивизии, батальоны, роты и т.п.). Они были лишены гражданских прав, работали бесплатно и очень редко виделись с родными и близкими. В тех же лагерях, реже в специальных учреждениях, содержались лица, которым предстояло «перевоспитание трудом», или *лаоцзяо*. Это введенное в августе 1957 года в разгар борьбы с правым уклоном административное наказание — не предусмотренная законом форма изоляции от общества за нарушения, ранее отслеживавшиеся органами безопасности. У таких заключенных не было приговоров (то есть их пребывание в лагере не имело твердого срока), за ними были сохранены их гражданские права (хотя в таких лагерях не голосовали на выборах), они получали часть заработной платы (но основная ее часть вычиталась за пропитание и крышу над головой). Инкриминируемые им правонарушения не являлись тяжкими, и их отсидка в лаоцзяо длилась всего несколько лет, но им упорно намекали на то, что если они будут вести себя плохо.

то... Дисциплина, условия содержания и труда в лаоцзяо были такие же, как и в лаогай, за теми и другими заключенными надзирали сотрудники ведомства госбезопасности.

В несколько более «привилегированном» положении находились «проштрафившиеся поднадзорные», содержавшиеся в условиях *цзюе,* иногда их называли «свободными работниками». Но свобода их была очень относительной, так как этим заключенным запрещено было покидать место работы, которым чаще всего был лагерь. Два раза в год им давался краткосрочный отпуск. Надзиратели и охрана относились к ним лучше, чем к другим категориям. Им платили больше, чем в лаоцзяо, они могли вызвать к себе семью или вступить в брак. Условия жизни у них были «комфортнее», чем у других лагерников. Но, по сути, это было «гетто для освобожденных»: несмотря на послабления, даже они иногда состояли «при лагере» всю оставшуюся жизнь. До 60-х годов почти 95% тех, кто получал освобождение из трудовых лагерей, были арестантами цзюе. В начале 80-х годов их было 50%. От 20% до 30% освободившихся тогда же приходилось на узников лаоцзяо[143]. Но из-за того, что эти люди были вырваны из своей среды, потеряли работу и право на прописку в городе, порвали с семьей (как правило, городские власти заставляли оставшегося на свободе супруга оформлять развод с «преступным элементом»), они до конца жизни оставались на подозрении, и, что самое ужасное, им некуда было податься и негде провести остаток дней. Смирившиеся со своей участью, без надежды на будущее, эти люди вызывали жалость даже у узников лаогай. «Свободные работники, которые нам встречаются на пути, представляют собой жалкое зрелище. Ленивые, неприспособленные, грязные. По-видимому, они давно смирились со своей долей, дескать, что ни делай, все впустую, и в определенном смысле они правы. Они бродят постоянно голодные, под окрики охранников и надзирателей, ночуют в бараках вместе с заключенными. Их единственное отличие от нас — это то, что они могут навестить семью, и больше ничего. Конечно, они получали жалованье, но это была такая малость, что все уходило на еду и одежду. Этим свободным рабочим было плевать на все <...>»[144]. При Мао любой срок заключения был чаще всего пожизненным.

В поисках «нового человека»

Не ограниченная сроками изоляция гражданина от общества делала в корне невыполнимой задачу тюремной системы, обозначенную высокопарными фразами: исправить заключенного, преобразить его в «нового человека». В самом деле, по словам Жан-Люка Доменака, объявлялось, что «заключение это не наказание, а, дескать, данная преступнику возможность стать полноправным членом общества»[145]. Секретная инструкция органов госбезопасности регламентирует воспитательные приемы воздействия на заключенного: «Выходить на суд можно только, если ты уже осознал свои преступления. Осознание преступления — обязательная предпосылка, а покорность перед судом — первый шаг к перевоспитанию. Осознание и покорность — суть два главных урока, которые должно преподать арестанту и твердить ему в течение всего периода перевоспитания». Из этого следует, что, порвав со своим прошлым, заключенный уже готов к усвоению «правильных идей». «Настоятельно необходимо уяснить четыре базовых воспитательных принципа, что позволит направить политическое мышление преступника в правильное русло. Это марксизм-ленинизм,

вера в идею Мао, в Коммунистическую партию Китая и в народно-демократическую диктатуру»[146]. Как следствие этой ориентации, государственные исправительные учреждения становились местом обучения этих «плохих учеников» — беспокойных и несообразительных, судьбой которых стала тюрьма. «Добро пожаловать к нашим новым товарищам по учебе!»—таким транспарантом встретил трудовой лагерь Ж Паскуалини[147]. Главное — учеба. И это не праздные слова: она продолжалась в течение всего срока «перевоспитания», не менее двух часов каждый вечер в тюремной камере. Но если «успехи» некоторых заключенных были неудовлетворительны или если по стране шла новая политическая кампания, учеба растягивалась на целый день, на неделю, а то и на месяц[148]. Для новичков период «безостановочной» учебы мог продолжаться от двух недель до трех месяцев. На уроке предписывается подчиняться жесткой дисциплине. Категорически запрещалось ходить, вставать (если заключенный хотел сменить позу, нужно было попросить на это разрешение), разговаривать и... дремать, а это желание было особенно острым у людей, весь день занимавшихся тяжелым физическим трудом. Получивший католическое воспитание Ж Паскуалини с удивлением обнаружил, что уроки марксизма-ленинизма не исключали медитации, исповеди и отпущения грехов, с той разницей, что эти «таинства» были массовыми и признания делались во всеуслышание. И цель была другая: не восстановить прерванное единение с Богом, а спрессовать всех в единую массу, душой и телом преданную партии. Для разнообразия уроки откровенного (и, непременно, самого подробного) признания своих прегрешений тем или иным заключенным перемежались комментированными читками газеты *«Жэнъминъ жибао»* (во время «культурной революции» изучали *Труды* Мао Цзэдуна, а сборник цитат *(Цитатник)* из его произведений требовалось иметь при себе постоянно). Популярны были также «обсуждения» текущих событий, незаметно переходившие в назидательную беседу.

Цель в каждом случае была одна — полностью обезличить заключенного. Староста камеры, такой же заключенный, как и остальные, зачастую бывший партиец, играл главную роль. «Он без устали втягивал нас в дискуссии, требовал, чтобы каждый непременно высказался, без конца читал нам нравоучения. Посторонние, естественные в нашем положении мысли о семье, еде, спорте, развлечениях и, само собой, о сексе, были категорически недопустимы. Правительство призывает нас учиться вместе и следить друг за другом — этот девиз висел в тюрьме на каждом шагу»[149]. Заключенные должны были непрерывно «очищаться», признаваться в неблаговидных поступках. «К какой бы категории заключенных мы ни принадлежали, мы все виноваты в преступлениях, потому что позволяли себе очень плохие мысли», — убежденно учил староста[150]. А раз так, значит, среди арестантов засела зараза: мысли — капиталистические, империалистические, реакционные, и в конечном итоге все правонарушения — политические. Да и может ли быть иначе в обществе, где от политики некуда спрятаться.

Решить проблему просто: надо сменить идеи и — так как веление сердца в Китае сопровождается действием — выковать из себя подлинного революционера, а то и героя вроде Лэй Фына. Солдат этот сгорал от желания стать безмозглым «винтиком» в механизме «Великого Дела», которое его потом и раздавило, а в начале 60-х годов маршал Линь Бяо объявил его примером для подражания. «Заключенный очень быстро привыкает говорить лозунгами, и слова ни к чему его не обязывают. Опасность в том, что он непременно будет мыслить лозунгами. Примеры — на каждом шагу»[151].

Моча и диалектика

Однажды холодным ветреным вечером я вышел из камеры во время учебы на двор помочиться. Ледяной ветер ударил мне в лицо, и мне совсем не хотелось бежать к уборной метров двести. Я зашел за угол склада и помочился около стены. В конце концов, думал я, кто меня увидит в такой темноте? Я подошел к складу и пописал на стену.

Однако я ошибался. Сильный удар сзади чуть не сбил меня с ног. Обернувшись, я увидел во тьме фигуру и лишь по голосу узнал нашего охранника.

«Забыл о порядках? О правилах гигиены? — закричал он. — Назови свое имя!»

Я назвал себя. То, что произошло потом, стало мне хорошим уроком на всю жизнь. <...> «Я признаю, что не прав, гражданин надзиратель, но мой проступок — лишь нарушение внутреннего распорядка тюрьмы, а вот вы сами — вы преступили закон. Сотрудники тюрьмы не имеют права бить заключенных. Физическое насилие запрещено».

Воцарилось ледяное молчание. Фигура задумалась, и я приготовился к худшему.

«Твоя правда, Бао, — ответил он сдержанно, — допустим, я виноват, не отрицаю, и я сделаю признание перед всеми на ближайшем собрании самокритики надзирателей. А ты сможешь, вернувшись в камеру, написать мне подробное признание?» Такой поворот озадачил меня. И, растрогавшись, — где это видано, что надзиратель признается перед арестантом, — я пробормотал: «Да, конечно, я все напишу».

<...> Я пришел в камеру, взял карандаш и приступил к исповеди. А через несколько дней во время очередного еженедельного собрания, где мы отчитывались в своих проступках, я громко зачитал свое признание перед всей камерой.

«Мой проступок, — добавил я, закончив читать, — кажется, на первый взгляд, не очень тяжким, но если внимательно проанализировать случившееся, то мои действия говорят о том, что я не уважаю распоряжений руководства тюрьмы, затягиваю процесс перевоспитания. Помочившись у стены, я тем самым тайком пошел на поводу у своей лени, и это малодушие. Решив, что никто из руководства меня не видит, я словно плюнул в лицо нашей администрации. И я прошу только об одном — наказать меня за мой проступок как можно строже».

Это признание передали охраннику Яню, и я ждал, что он скажет мне. Собрав все свое мужество, я уже готовился к карцеру. Через два дня Янь пришел в нашу камеру.

«Несколько дней назад, — сказал он, — один из вас вообразил, что может нарушать правила распорядка, и совершил грубый проступок. <...> На этот раз мы его простим, но не думайте впредь, что сможете отделаться оправдательным письмом»[152].

«Промывание мозгов», о котором так часто пишут на Западе, не имеет ни малейшего отношения к тому, что делалось здесь. Никакого индивидуального подхода и тонкого метода. Лишь грубое внушение прямолинейной идеологии, и она получала тем больший отклик, чем упрощеннее было сознание воспринимающих ее. Цель состояла в том, чтобы не дать заключенному ни малейшей возможности проявить себя. Она достигалась многочисленными средствами. Самый простой — не кормить заключенного досыта. Это отбивало охоту сопротивляться и сводило внутреннюю жизнь человека к мыслям о еде. Затем — постоянное вдалбливание в голову «правильных» понятий на фоне отсутствия у арестанта свободного времени (весь день расписан по минутам и занят учебой, работой, дежурствами), своего угла (камеры переполнены, всю ночь горит свет, разрешено иметь минимум предметов первой необходимости), возможности выражать свои собственные суждения (несмотря на то что выступления на занятиях поощрялись начальством, каждая фраза до последнего слова фиксировалась в личном деле). Когда в 1959 году Ж. Паскуалини осмелился на мол-

чаливое неодобрение китайской интервенции в Тибете, это дорого ему стоило. Обычными методами были еще, например, такие: тюремное начальство отбирало нескольких заключенных и заваливало их пропагандистской работой, а потом рапортовало о высоком уровне идеологической подкованности всего контингента. Заключенные непрерывно обыскивали своих товарищей, оценивали результаты работы друг друга (от этих оценок зависел рацион питания). Особенно большое значение придавалось критике и самокритике. Одни критиковали других, а те покорно соглашались с каждым словом и отчаянно ругали себя. Самокритика призвана была стать доказательством того, что работа по «перевоспитанию» идет успешно[153].

Еда — это оружие

«Чем лучше кормят в тюрьме — а это единственно важная вещь, самая сильная мотивация во всей пенитенциарной системе, — тем чаще радуются заключенные. Я имел несчастье попасть в Аллею тумана на траве[154] через месяц после того, как нормирование рациона стало официальным методом следствия. Совершенно пустая и водянистая каша из маисовой крупы, маленькие твердые сухари из во-тоу[155] да еще овощная бурда сделались центром нашей жизни и объектом самого пристального внимания. Каждый день нам давали одно и то же, и мы худели. Мы научились жевать каждый кусок как можно дольше, растягивая порцию насколько возможно. Ходили слухи, и рассказы некоторых очевидцев это подтверждали, что в трудовых лагерях еды навалом и она вкуснее. Как я узнал потом, эти байки и сплетни нарочно подбрасывались нам — это было изобретение следователей, чтобы вынудить нас побольше наговорить на себя. Прожив около года в такой обстановке, я был готов сознаться бог знает в чем, лишь бы поесть досыта.

Тюремщики прекрасно знали, что значит для заключенного недостаток еды. Нам давали еды ровно столько, сколько надо, чтобы не умереть, и никогда — досыта. Лень и ночь у нас сводило животы. За пятнадцать месяцев тюрьмы мне только раз дали риса; мяса я не ел ни разу. Через шесть месяцев после ареста на месте живота у меня была впадина, а на коже появились характерные омертвевшие участки, мне было больно, когда я ложился в казенную кровать. Кожа на ягодицах свисала складками, как грудь у старухи. В глазах темнело, голова кружилась. Мой авитаминоз достиг такой степени, что ногти на пальцах ног ломались, едва я прикасался к ним. Можно было обходиться без ножниц. Волосы стали выпадать.<...>

Раньше нам жилось получше, чем сейчас, — говорил мне Лю, — раз в две недели давали плошку риса, ломоть настоящего белого хлеба в конце месяца, а по большим праздникам — под Новый год, Первого мая и Первого октября[156] — немного мяса. Не так уж было плохо!

Все изменилось после одного случая. Во время кампании Сто цветов[157] в тюрьму приехала делегация от народной инспекции. И они возмутились, что заключенных кормят досыта! Мыслимо ли, заключили они, чтобы контрреволюционерам — отбросам общества и врагам народа — жилось лучше, чем многим крестьянам. И с ноября 1957 года мы даже по праздникам не видим ни риса, ни мяса, ни пшеничного хлеба.

Мы постоянно бредили едой, просто сходили с ума при одной мысли о ней. Были готовы на все, даже проситься в трудлагерь. А следователи тут как тут. У них даже бумажка была заготовлена — дескать, прошу вас разрешить мне доказать общест-ву, что я раскаиваюсь в совершенных преступлениях и хочу загладить свою вину в

исправительно-трудовом лагере. И никто не вышел из Аллеи тумана на траве, пока не подписал такое заявление. А после, как бы трудно ни приходилось в лаге-

ре, любой надзиратель мог тебе ткнуть D лицо эту бумажку. Мол, сем сюда просился. И он был прав на все сто»[15]".

Другие способы давления на заключенного были старыми и испытанными, в первую очередь, это всевозможные провокации. После того как заключенный признавал свои «преступления» и обещал помогать начальству, примерно вести себя, всячески способствовать «перевоспитанию» других заключенных, его вынуждали доносить на своих «сообщников» или непокорных сокамерников (ведь если он хотел «исправиться», нужно было быть искренним, и, кроме того, есть «такой замечательный способ» раскаяния, как изобличение тайных замыслов соседей[159]). В кабинетах следователей часто висел такой плакат: «Мы снисходительны к тем, кто признает свою вину, суровы к тем, кто запирается, простим того, кто заслужил наше доверие, и вознаградим за особые заслуги»[160]. Многие заключенные, надолго приговоренные к нечеловеческому труду, начинали усердствовать и буквально «рыли землю» в надежде на снижение срока хотя бы на пару лет. Но вся проблема в том — и это не раз подчеркивал Паскуалини, — что никто никогда не признавал, что заключенные заслужили свободу: либо их «примерное поведение» недостаточно перевешивало тяжесть наказания, либо они сами толком не знали, какой срок им будут снижать, потому что приговор объявлялся устно, то есть осужденный не имел на руках своего приговора, а некоторые вообще попали сюда без суда и следствия, и в таких обстоятельствах вожделенное «снижение срока» на деле оборачивалось отбыванием полного срока заключения. «Коммунисты, — говорил заключенный с большим лагерным опытом,— и не думают держать данные своему «врагу» обещания. Ничем не брезгуют, лишь бы вытянуть из вас то, что им нужно. Все идет в ход — хитрости, уловки, угрозы, обещания. <...> И запомни покрепче — предателю они сами не дают спуску»[161].

Дисциплинарная прибавка к сроку грозила тем заключенным, которые не хотели признаваться, отказывались доносить («сокрытие сведений от руководства карается как преступление»[162]), сеяли сомнения в других, подавали апелляцию на вынесенный приговор и не доверяли «воле правосудия». В таких случаях они вместо пяти лет проводили в лагерях всю жизнь... Иногда сами заключенные вредили друг другу. «Карьера» старосты тюремной камеры зависела от его «паствы», и он жестоко третировал неуступчивых, а двуличные были у него на поводу. Для них находилась возможность выслужиться, инсценировать «испытание на прочность» или «сопротивление». Жертву подсказывало начальство, место было выбрано заранее — камера или тюремный двор, время назначено, и процедура давно отлажена. Все шло как по маслу в смертоносной атмосфере крестьянских погромов, сопровождавших аграрную реформу. «Нашей жертвой на сей раз был заключенный лет сорока, обвиненный в ложных убеждениях. Он махровый контрреволюционер, так обзывал его надзиратель, приложив ко рту картонный рупор. <...> Иногда тот поднимал голову в надежде сказать нам что-то в ответ — нас не интересовало, правду или неправду, — мы сразу же обрушивались на него.- «Лжец!», «Позор человечества!», «Предатель!» <...>. Это повторялось опять и опять в течение трех часов, и мы все больше мерзли и хотели есть, а от этого зверели еще больше. Я думаю, тогда мы могли бы разорвать его в клочья, чтобы добиться своего. Позже, поразмыслив, я понял, что и нас самих в тот момент начальство проверяло на прочность, наблюдая, готовы ли мы бездумно исполнять приказ и оскорблять любого человека, даже достойного уважения»[163].

Неудивительно, что в таких условиях почти все заключенные, судя по внешним проявлениям, готовы были полностью подчиняться своим мучителям. Мы не будем настаивать на том, что это особенность китайского характера. Пленные, попавшие в китайские тюрьмы и лагеря во время французской войны с Вьетминем и прошедшие ту же, но более щадящую, школу «перевоспитания», интуитивно выбирали подобную линию поведения[164]. Эффективность «перевоспитания» опиралась на одновременное действие двух мощных факторов психологического насилия: во-первых, формирование у воспитуемого ярко выраженной инфантильности, младенческой зависимости от матери — партии и отца — государства, которые как бы заново учат свое дитя говорить и ходить (низко опустив голову, трусцой, под окрики надзирателей), умерять аппетит и гигиенические потребности и т.д.; во-вторых, слияние с коллективом себе подобных, воспитывающее рефлекторную способность контролировать свои жесты и слова, не высовываться, при этом исключается возможность встреч с преж-ней семьей, которую заменяет новая. Впрочем, жену заключенного, как правило, принуждали оформить развод с мужем, а детей — отречься от отца сразу после его ареста.

Насколько, однако, успешно это обновление, перерождение заключенного? Он говорит лозунгами и двигается, как робот, теряется среди других и растворяется в общей массе, его больше нет, он прошел через «моральное самоубийство»[165], отгородился от внешних соблазнов, научился выживать, уцелел. Наивно было бы думать, что ему легко держать язык за зубами и что он привык к двойной морали. Зато теперь он не презирает Большого брата и принимает решения исходя из соображения личной пользы, а не собственных убеждений. Паскуалини пишет, что как-то раз (это было в 1961 году) он поймал себя на мысли, что «его перевоспитание продвигается очень успешно, и он уже искренне верит любому слову охранников». И тут же добавляет: «Я очень хорошо знал, что в моих интересах первым делом вести себя так, чтобы ни в коем случае не нарушать тюремных правил»[166]. В качестве противоположного примера он рассказывает об одном ультрамаоисте, старосте тюремной камеры, который — чтобы все видели его преданность режиму и рвение — так рьяно призывал сокамерников встать пораньше и поработать в пятнадцатиградусный мороз (трудовые повинности при такой температуре отменялись), что даже надзиратель прервал его излияния и сделал ему замечание, что это совершенно «противоречит духу преданности Партии»[167]. Только тогда остальные заключенные вздохнули с облегчением. Как и многие китайцы в подобном положении, они не очень поверили доводу надзирателя, но молча предпочли не иметь неприятностей.

Преступник по всем статьям!

Отметим, что в тюрьме никогда не принималась в расчет возможность ложного обвинения или оправдательного приговора. В Китае арестовывали не потому, что человек виноват. Здесь действовала другая логика: раз арестован — значит, виноват. Только так, потому что любой арест проводила полиция — «орган народного правительства», которую направляла Коммунистическая партия под предводительством Мао Цзэдуна. Оспаривать обоснованность своего ареста значило идти наперекор революционному курсу председателя Мао и показывать свою подлинную сущность контрреволюционера. Все, даже самый младший надзиратель, могли положить конец этому безобразию и возмутиться: «Как!

Замахиваться на народное правительство!» Единственный удел заключенного — безропотно признаваться в грехах и всем подчиняться. Соседи по нарам только поддакивали начальству: «Ты контрреволюционер, как мы все. Других сюда не сажают»[168]. Замороченный этими невразумительными логическими построениями, циркулирующими в замкнутом круге, обвиняемый начинал сам изобретать обоснования ареста. «Расскажи-ка нам, как ты оказался здесь», — первым делом спрашивал следователь. Арестованный сам формулировал обвинительное заключение, где были и рекомендации относительно «заслуженной» кары, и подписывался под ним. Потом, если возникали какие-либо серьезные проблемы, «признания» возобновлялись — всегда без свидетелей, и, если следователь был недоволен, все начиналось с нуля. На это уходили месяцы кропотливого труда, заполнялись сотни протоколов — вся жизнь арестованного была как на ладони, с самого детства. Наконец наступала очередь бесконечных допросов, они растягивались на месяцы, а некоторые длились до «трех тысяч часов»[169]. «Все время принадлежит партии», — без устали твердили следователи, их излюбленными методами воздействия были ночные допросы и угрозы увеличить срок заключения или даже довести дело до смертного приговора. Иногда заключенному показывали комнату пыток: будто невзначай проводили мимо открытой двери и уже потом только успокаивали — «тут-де у нас музей»[170].

Физические расправы в тюрьме были редкими. По крайней мере, с середины 50-х годов и до «культурной революции» о них не упоминалось. Формально пытки, побои, даже оскорбления были запрещены; заключенные знали об этом и делали попытки спровоцировать надзирателей — возможно тогда начальство из боязни разоблачения хотя бы немного ослабит узду. Но начальство знало приемы «скрытого наказания действием», как, например, «испытание на прочность» (побои *от других заключенных* не были запрещены) или жуткий каменный мешок — карцер, где холодно и нечем дышать. В нем трудно было даже повернуться, тем более, если круглые сутки на ногах были цепи, а руки за спиной скованы наручниками. Заключенный не мог толком ни поесть, ни умыться, ни оправиться... Если наказание длилось больше недели, узник, голодный и доведенный до животного состояния, зачастую там и умирал. Постоянно находиться в тесных наручниках — та же пытка, только «скрытая», и она широко практиковалась. Очень скоро боль становилась невыносимой, руки отекали, на них появлялись незаживающие язвы. «Надеть на заключенного наручники, покрепче стиснув ему запястья, — это форма пытки, очень распространенная в тюрьмах Мао. Бывало, ноги заковывали в цепи на уровне щиколоток. И еще было крайне жестокое наказание: наручники соединяли цепью с оконной решеткой, и арестант не мог ни поесть, ни попить, ни справить нужду. Цель была одна: унизить заключенного <...>. Когда народное правительство постановило отменить все виды пыток, они все равно остались, только стали называться наказание или убеждение»[171].

Как я сопротиолялась Мао

Утром того дня, когда я должна была вернуться в тюремную больницу, надзирательница вдруг сунула мне в руки чернильницу с пером:

«Садись и пиши признание. Следователь ждет».

Я взяла свернутый в трубку лист бумаги, переданный следователем, расправила его и поняла, что это не просто чистый лист, как те, что мне давали в 1966 году для написания автобиографии. На этом листе в красной рамке сверху было отпечатано: «Всегда помни!», а ниже цитата из Мао Цзэдуна: «Им дано единственное пра-

во — слушаться и подчиняться. У них нет права говорить и действовать, когда их не просят об этом». В самом низу галочка: «Подпись преступника».

При виде оскорбительного слова «преступник» меня захлестнула ярость, и я решила: не подпишусь! Однако после минутного размышления я нашла — как мне казалось — способ повернуть ситуацию в свою пользу и нанести удар маоистам.

Я нарисовала еще одну рамку под цитатой Мао и вписала туда те же слова: «Всегда помни!». Ниже я вписала другое назидание Мао Цзэдунэ, позаимствованное не из Красного цитатника, а из статьи О способе разрешения противоречий среди народа. Цитата гласила: «Везде, где появляется контрреволюция, мы должны безжалостно ее подавить, но если мы допустили ошибку, то обязаны непременно ее исправить».

Я передала бумагу надзирательнице, и в тот же день меня вызвали на допрос.

В комнате сидели те же люди, знакомые мне по прежним допросам, кроме одного военного. Угрюмые лица... Я не ожидала другого, была готова ко всему еще тогда, утром, когда решилась восстать против их права считать меня преступницей, хотя я не совершила никакого преступления. Не дожидаясь особого приглашения, я сразу же поклонилась портрету Мао и прочитала вслух цитату, на которую указал следователь: «В борьбе с собаками-империалистами, а также с теми, кто защищает интересы землевладельцев и реакционной клики Гоминьдана, мы должны направить на их подавление всю силу нашей диктатуры. Им дано единственное право — слушаться и подчиняться. У них нет права говорить и действовать, когда их не просят об этом».

Следователь тем временем уже разглядывал лист бумаги, который утром передала ему надзирательница. Я села на стул. Вдруг следователь ударил кулаком по столу и закричал:

«Что это ты тут написала? Думаешь, мы будем шутить с тобой?»

«Ваше поведение несерьезно», — поддержал следователя пожилой рабочий из комиссии.

«Если не пересмотрите свое отношение к делу, — врезал мне молодой рабочий, перещеголяв того, пожилого, — вы никогда не выйдете из этого места».

Не успела я и рта раскрыть, как следователь швырнул на пол мою бумажку, разметал по столу другие листки из моего досье и поднялся с места:

«Возвращайся в камеру и перепиши все, как положено!»

Ко мне подошел охранник и увел меня[172].

Главная задача следствия — получить признание (после чего вина уже автоматически «доказана») и собрать доносы от «свидетелей», подтверждающие «искренность» сделанного признания и расторопность полицейского сыска маоизма, у которого было неписаное правило — арестовывать подозреваемого после трех поступивших на него доносов. А дальше все шло по накатанному пути... За редким исключением, следователь знал, как «расколоть» арестованного. Для этого существовал целый ряд профессиональных приемов: показать допрашиваемому, что в его ответах есть противоречия; сделать вид, что следствию давно все известно, и дело только в признании арестованным своего преступления; сравнить признания подследственного с другими признаниями или доносами — здесь следствие прибегало к силе или к услугам многочисленных добровольных осведомителей (благо в городах на каждом углу были предусмотрены специальные ящики для подметных писем); невозможно было скрыть от дознания любой, даже давно забытый факт биографии подследственного. Когда Ж. Паскуалини получил возможность прочитать все доносы из своего тюремного досье, он был поражен их количеством: «Это стало для меня настоящим потрясением. Сотни страниц писем, даже анкеты с разоблачениями.

И подписи коллег, друзей, а то и случайных знакомых, с которыми я виделся, может быть, пару раз <...>. Сколько их было, предавших меня? Тех, кому я доверился, не подозревая ничего плохого!»[173] Нень Чэн, освобожденная из заключения в 1973 году, так ни в чем и не признавшись (исключительный случай, явившийся результатом ее выдержки и мужества, а также — отчасти — следствием некоторых ударов по судебно-полицейской системе страны в годы «культурной революции»), многие годы прожила в кругу родных, друзей, учеников, *каждый* из которых прежде давал против нее показания в той или иной форме в органах госбезопасности, причем сами эти люди иногда этого не скрывали: они считали, что у них не было выбора[174].

Когда следствие подходило к концу, начиналась подготовка к выходу в свет «романа из жизни преступника», бывшего «коллективным творчеством» двух соавторов — судьи и подсудимого, виртуозной интерпретацией «неопровержимых улик»[175]. «Преступление» должно быть достоверным и жизненным, поэтому обвинителям необходимо было позаботиться о правдоподобии следственных фактов. Для этого использовался эффектный прием — привлечение «соучастников». Дело основательно перетасовывалось, и обвинение приобретало уже другой характер: упор делался на оппозиционные настроения и политический радикализм. Всплывало некое письмо к другу-иностранцу о том, что в годы «большого скачка» в Шанхае были снижены нормы выдачи зерна населению, и это становилось основанием для обвинения в шпионаже, хотя «крамольные» цифры публиковались во всех газетах и были известны всей зарубежной общине города[176].

Отречься от самого себя

Заключенный быстро терял веру в себя. За многие годы полиция Мао усовершенствовала методы дознания и достигла такого мастерства, что никто не мог ее перехитрить — ни китаец, ни иностранец. Нужно было не столько заставить человека признаться в несовершенных преступлениях, сколько внушить ему, что вся его жизнь была мерзкой и преступной, что наказание закономерно, иначе быть не может, потому что мы, полиция, говорим вам: так жить нельзя, нужны другие идеалы. Основа успеха этих методов заключалась в отчаянии арестованного, сознававшего, что он полностью, навсегда и без всякой надежды находится во власти своих тюремщиков. И заключенные были беззащитны перед ними. Раз арестован, значит, виноват. (Уже отсидев в тюрьме много лет, я познакомился с невиновным заключенным. Он действительно сел в тюрьму по ошибке: инкриминированное ему преступление совершил другой, его однофамилец. Через несколько месяцев он признался во всех преступлениях того, настоящего преступника, и когда правда вышла наружу, тюремное начальство выбилось из сил, убеждая его выйти на свободу и вернуться к семье. «Нет, — твердил тот, — я слишком виноват перед вами».) У заключенного не было шансов выйти на открытый судебный процесс, ему давали от силы полчаса на все слушание, и это было обкатанной процедурой. Права на адвоката и на апелляцию, как это принято в европейском судопроизводстве, у него тоже не было[177].

После оглашения приговора заключенного этапировали в исправительно-трудовой лагерь (на государственное сельскохозяйственное предприятие, шахту, завод и т.п.). И хотя там продолжались изнуряющие «воспитательные»

занятия, а иногда —для встряски — заключенный проходил «испытание на прочность», то есть подвергался побоям сокамерников, главным в жизни лагерника с этого момента становился труд. Заключенному приходилось выдерживать двенадцать часов изнурительной рабочей смены с двумя короткими перерывами на обед и ужин, при этом еда была более чем скудной, как и в следственной тюрьме. Наипервейший ингредиент лагерной диеты — морковь, «движущая сила перевыполнения производственных норм», более высоких для «трудоустроенного преступника», чем для «вольных» рабочих. Учитывался и вклад каждого отдельного арестанта в совокупную результативность труда камеры или барака, проводились кампании ударного труда и коллективные соревнования (в конце 50-х годов они получили название «запуск спутника»), во время которых заключенные работали по 16—18 часов без перерыва, превращаясь в бессловесных животных во славу приютившего их исправительно-трудового учреждения. Выходные дни здесь выпадали только на большие праздники и проводились за слушанием бесконечных проповедей на политическую злобу дня. Одежда заключенного едва прикрывала тело, иногда он не один год донашивал одежду, в которой его арестовали. Зимняя спецодежда полагалась только в лагерях Северной Маньчжурии (этой китайской Сибири), раз в год согласно тюремной инструкции лагерник получал один комплект нижнего белья[178].

Месячная продуктовая норма заключенного составляла 12—15 кг зерна, а «лодырям» ее снижали и до 9 кг: это меньше того, что выдавали французским каторжникам во времена Реставрации, столько же получали заключенные в советских лагерях и примерно столько же — заключенные вьетнамских лагерей в 1975—1977 годах[179]. Почти полностью отсутствовали в рационе мясная пища, сахар, растительное масло, заключенные получали минимум овощей и фруктов, вследствие чего возникал опасный для здоровья дефицит витаминов и протеинов. Бывали случаи воровства продуктов, за что провинившихся очень строго наказывали. На предприятиях сельскохозяйственного профиля заключенные имели возможность «подкормиться»: они либо ловили мелких грызунов, например крыс, которых ели в сушеном виде, либо собирали съедобные растения. Медицинской помощи почти не было, ее оказывали только заразным больным, а ослабленных, безнадежных больных и стариков переводили в настоящие «лагеря смерти», где половинные рационы быстро довершали дело[180]. Единственное относительно светлое воспоминание в жизни заключенного оставляло его пребывание в следственной тюрьме, где и дисциплина была мягче, и заключенные другие — незапуганные, не боявшиеся нарушать правила при любом удобном случае. Там существовал особый язык и жесты, понятные только «своим», то есть можно было рассчитывать на некоторую солидарность.

Время от времени главная стержневая задача системы лаогай — «перевоспитание трудом» — начинала как бы отходить на второй план, затушевываться. И тогда жизнь заключенного подчинялась новому политическому курсу, взятому партией. На стадии «совершенствования» (примерно 1954—1965 годы), система лаогай преобразила миллионы заключенных в старательных учеников, умеющих работать над собой без окриков со стороны, а некоторых — в образцовых преданных коммунистов. Но однажды вся эта система была разрушена. Началась «культурная революция». Налаженная дисциплина постепенно стала сходить на нет, все чаще и чаще в тюрьмах формировались шайки, тюремные власти были деморализованы. Подчинение начальству и уважение к нему перестало быть автоматическим. Администрация делала попытки восстановить

дисциплину либо уступками, либо насилием, что зачастую влекло за собой выступления заключенных против тюремных властей. Реформа мышления, обучение добровольному рабству ударили по их же авторам — не было ли это противоречие изначально заложено в самой системе «перевоспитания»? Она, хотя и призывала человека развиваться, совершенствоваться и соединиться с пролетарскими массами на пути к сияющему будущему, по сути предполагала жизнь в неволе, из которой не было выхода. Если же кто-нибудь и становился *по-настоящему* свободным, то его повсюду подвергали остракизму. Это и есть то противоречие, которое произвело на свет социальный взрыв — «культурную революцию» — и, не разрешившись, ускорило ее поражение.

Скорая расправа в лаогае

В толпе охранников стоял наш парикмахер, закованный в цепи. На шее — петля из шнура, протянутая вниз к брючному поясу. Голова низко опущена, руки заложены за спину. Охранники выставили его перед строем на всеобщее обозрение. Он стоял молча, похожий на кающегося грешника. Охранник начал речь.

«Я должен сообщить вам нечто ужасное. Я этому не рад и совсем не горжусь тем, что именно мне выпало говорить. Но это мой долг, а вам он послужит уроком. Это тухлое яйцо, которое стоит перед вами, законченный негодяй. Он попал в тюрьму за аморальное поведение, за гомосексуальную связь. Ему дали семь лет. Позже, работая на бумажной фабрике, он вел себя все хуже и хуже. Не раз был пойман на воровстве, за что ему удвоили срок. А недавно мы выяснили, что он совратил девятнадцатилетнего заключенного, вдобавок умственно отсталого. Будь это на свободе, его бы жестоко наказали. Но здесь он совершил не просто аморальный поступок. Это пятно на репутации нашей тюрьмы и на великой политике «перевоспитания трудом». Так как это повторное преступление, представитель Высшего народного суда зачитает вам сейчас приговор».

Мужчина в синем форменном костюме вышел вперед и стал читать документ с кратким описанием всех проступков заключенного. Смертный приговор надлежало привести в исполнение немедленно.

Все, что случилось дальше, промелькнуло перед глазами, как страшный сон. Я даже не успел испугаться. Как только человек в синем закрыл рот, парикмахер был уже мертв. Стоявший сзади охранник вытащил огромный пистолет и выстрелом разнес ему голову. Кровь и мозги фонтаном брызнули во все стороны, запачкав тех из нас, кто стоял в переднем ряду. Я отвел взгляд в сторону, чтобы не смотреть на корчившееся на траве тело, и меня вырвало. Охранник опять вышел вперед и сказал угрожающе:

«Пусть это будет вам предупреждением. Мне приказано сообщить, чтобы впредь вы не ждали никакого снисхождения. С сегодняшнего дня все безнравственные поступки будут караться так же. А теперь марш по камерам и обсудите то, что произошло»[181].

«Культурная революция» 1966— 1976 годов — анархический тоталитаризм

На фоне почти астрономического, но малоизвестного мартиролога аграрной реформы, или «большого скачка», число жертв «Великой пролетарской культурной революции»[182], которое мы воспроизводим по данным из разных источников, — от 400 000 до 1 000 000 человек (последняя цифра, на наш взгляд, более соответствует истине) — может показаться скромным. Эта «культурная революция» потрясла мир и воображение людей намного сильнее, чем любой другой эпизод новейшей истории Китая, в силу не только своего крайнего радикализма, но и потому, что она осуществлялась преимущественно в городах и наносила удар за ударом по политической и интеллектуальной элите нации. Кроме того, в отличие от предыдущих движений и кампаний, ее подвергли официальному осуждению сразу, как только она закончилась, и стало хорошим тоном разоблачать на каждом углу преступления хунвэйбинов, сожалеть о потерях в рядах старых партийных кадров и бывшего коммунистического руководства, осуждать — не слишком заостряя на этом внимание — кровопролития и зверства, которые позволяла себе Народно-освободительная армия Китая в заключительной фазе революции, при восстановлении «порядка».

Первый парадокс «культурной революции» в Китае состоит в том, что никогда прежде экзальтированный экстремизм не торжествовал так, как на этот раз, никогда прежде революционный процесс не был так тщательно направлен в нужное русло (меньше чем за один год пройдясь ураганом почти по всем вершинам власти), но и никогда прежде революция не была таким избирательным мероприятием, затрагивающим только города и опиравшимся только на учащуюся молодежь. В тот момент, когда деревня еще не оправилась после «большого скачка», а конфликт с СССР достиг своего апогея, *Группа по делам «-культурной революции»* (ГКР)[183] приняла волевое решение не подвергать репрессиям научно-исследовательские кадры, сконцентрированные на создании ядерного вооружения, крестьянство и армию. Тактика ГКР предполагала паузу, откат назад, с тем чтобы потом сделать большой рывок вперед. Режиссеры «культурной революции» не прочь были навести революционный порядок во всех сферах общества и государства. Но в тот момент крестьянские массы крепко держались за свой приусадебный участок и «маленькие свободы», данные им Лю Шаоци (см. выше). Нечего было и думать о том, чтобы трогать армию или промышленность. Печальный опыт «большого скачка» взывал к благоразумию, особенно в отношении рабочего класса. Оставалось начать с наведения порядка в интеллектуальной и художественной «надстройке» и прибрать к рукам государственную власть. Вторая задача, однако, не была выполнена полностью. Иногда ограничения в отношении крестьянства нарушались, но и тогда не было крупных столкновений или большой резни в сельских районах, где традиционно проживало большинство китайцев. Самые заметные стычки и столкновения (64% «сельских беспорядков») произошли в пригородных зонах наиболее крупных китайских промышленных городов[184]. Однако на завершающей фазе «взятия власти» в некоторых отчетах фигурировали расправы над отдельными крестьянами, разумеется, «контрреволюционерами», а иногда и над городскими хунвэйбинами, сбежавшими в деревни. Наконец — и это было существенным отличием от «чисток» 50-х годов, — данная кампания не ставила цели глобального уничтожения какого-либо слоя населения. Даже представи-

тели интеллигенции со временем перестали занимать верхние строчки в списках преследуемых, тем более что сами гегемоны «культурной революции» были зачастую выходцами из их среды. Леденящие кровь расправы являлись, как правило, результатом «срывов» и не были продиктованы общей стратегией. Даже когда Центр дал добро на начало военных операций, а значит, и на кровопролитие, это была уже, по *сути, реакция* на неконтролируемую ситуацию. Поэтому «культурная революция» останется в памяти как первый явный пример несостоятельности китайского коммунизма, растерявшего весь свой революционный пыл.

Второй парадокс «культурной революции» помогает понять, почему мы уделяем столько места обсуждению сопровождавших ее событий. Дело в том, что движение хунвэйбинов, по сути, было репрессиями под прикрытием «справедливого» мятежа[185], и его разгром также был широкомасштабной репрессией. Уже с начала 20-х годов стало понятно, что китайский коммунизм не сможет обойтись без терроризма. В 1966-1967 годах радикально настроенные группы, посягнувшие даже на государственные структуры, в то же время прочно опирались на власть, и там было кому их воодушевлять, например, председателю Мао, главному советчику, на которого всегда можно было сослаться, принимая любое тактическое решение. Следуя давней китайской традиции, хунвэйбины считали, что репрессии не могут быть слишком жесткими[186]... Критикуя «мягкотелость» властей по отношению к «классовому врагу», мятежники сразу же ввели собственные бригады «следователей», свою «полицию нравов», свои «суды» и тюрьмы. Во время «культурной революции» «снова идет борьба низов против верхов, однако теперь это мобилизованные, маневренные, организованные «низы», и за ними официальная власть и ее действующие инкогнито хозяева». Взаимоналожение властей, где одна есть зеркальное отражение другой и где каждая подвергает другую критике и нападкам — и есть «определяющая маоизм формула, которую пришлось очень долго выводить и в которой понятия *империя* и *мятеж* попеременно замещают друг друга в изменчивой политике государства»[187]. Вэй Цзиншэн в своей автобиографической повести показал в конечном итоге губительные противоречия движения, вылившегося в протест: «Этот взрыв гнева приобрел форму культа тирана и был специально направлен в русло борьбы за тиранию и самопожертвования ради нее <...>. [Это] привело к созданию такой абсурдной и парадоксальной ситуации, в которой люди борются против своего правительства только ради того, чтобы лучше его защитить. Народу противостоит иерархическая система, которая его закабалила, а он размахивает флагами в поддержку основателей этой системы. Люди требуют демократических прав, а сами с недоверием косятся на демократию и позволяют, чтобы в борьбе за эти права ими манипулировал деспот»[188].

О «культурной революции» существует обширная и бесценная литература, особенно воспоминания непосредственных свидетелей — и участников, и жертв, и эти события более известны, чем их подоплека. В «культурной революции» следует видеть несамостоятельную, незрелую, сбитую с толку псевдореволюцию, но все же революцию, а не очередную «массовую кампанию». Она не исчерпывается репрессиями, террором, преступлениями; в определенные моменты и в разных местах она принимала разные формы. Далее мы будем говорить лишь о репрессивных аспектах «культурной революции». Здесь можно выделить три ярко выраженных периода: наступление на интеллигенцию и партийные кадры (1966-1967 годы), фракционные

междоусобицы отрядов хунвэйбинов (1967-1968 годы) и, наконец, зверские операции по восстановлению порядка силами военных (1968 год). В 1969 году на IX съезде КПК делались попытки (провалившиеся) правового закрепления некоторых достижений 1966 года. Одновременно начались внутрипартийные интриги вокруг будущего преемника уже немощного Мао, вызвавшие резкие скачки и метания из стороны в сторону: исчезновение в сентябре 1971 года с политической арены Линь Бяо, провозглашенного Мао Цзэдуном своим официальным преемником; повторное назначение Дэн Сяопина на пост вице-премьера Госсовета Китая в 1973 году и возвращение в партийный аппарат старых кадров, потерявших посты в годы борьбы с «ревизионизмом»; наступление на правых в 1974 году; попытка «шанхайской четверки»* во главе с супругой Мао Цзян Цин взять власть в 1976 году — в момент безвластия между смертью в январе умеренного премьер-министра Чжоу Эньлая и кончиной в сентябре самого Мао Цзэдуна. В октябре 1976 года «четверку» (к тому времени, видимо, арестованную) уже называли «бандой», и Хуа Гофэн, бывший хозяином страны в течение следующих двух лет, дал отбой «культурной революции». Мы еще коснемся «серого времени» (по определению Ж.-Л. Доменака), наступившего после подавления хунвэйбинов и напомнившего о суровых репрессиях 50-х годов.

Действующие лица и исполнители

«Культурная революция» 1966— 1967 годов стала поединком одного человека с целым поколением. Этот человек —Мао Цзэдун. Его авторитет *среди партийного аппарата* был подорван полным крушением «большого скачка», и он был вынужден с 1962 года отойти от активного руководства страной и передать бразды правления в руки председателя республики Лю Шаоци. Мао сохранил за собой пост председателя КПК и полностью отдался «магии слова», а в этой области он, как известно, не имел себе равных. Опытный стратег, он старался занять позиции, с которых можно было бы опять увлечь страну глобальными планами. Партию держал в крепких руках Лю Шаоци и его заместитель, генеральный секретарь Дэн Сяопин; что касается правительства, которым — как и во всех коммунистических странах — уверенно командовала партия, оно, руководимое интеллигентом-оппортунистом Чжоу Эньлаем, могло стать нейтральным элементом в будущей фракционной борьбе. Мао сознавал, что потерял поддержку главной массы кадровых работников и интеллигенции после «чисток» 1957 года и крестьянства — после голода 1959—1961 годов. Но в такой стране, как коммунистический Китай, пассивное большинство не так опасно, как боевое и занимающее стратегические позиции меньшинство. С 1959 года Народно-освободительной армией Китая руководил Линь Бяо, который молился на Великого Кормчего, и Мао постепенно формировал из нее центр альтернативной власти. Уже в 1962 году армия была задействована в «Движении за социалистическое воспитание», нацеленном на «чистку» правых, утверждение чистоты нравов, укрепление дисциплины и преданности партии, то есть сугубо армейских ценностей. К 1964 году не менее трети новых политических деятелей страны носили военную форму и тесно сотрудничали с небольшой груп-

* В «шанхайскую четверку» входили Цзян Цин, Ван Хунвэнь, Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань, составлявшие костяк Группы по делам «культурной революции». *(Прим. ред.)*

пой интеллигенции и деятелей искусства, сплотившихся вокруг супруги Мао — Цзян Цин, которая выдвинула программу тотального уничтожения произведений литературы и искусства, идущих не в ногу с партией. В учебных заведениях был введен новый обязательный предмет — военная подготовка. Армия взяла под свое крыло милицию, и с 1964 года на заводах, а также в городских кварталах и в сельских уездах дежурили ее вооруженные отряды и патрули. Армия не претендовала на власть — ни тогда, ни в будущем. Партия контролировала ее снизу доверху, а министр обороны Линь Бяо (ходили слухи, что он употреблял героин) не имел ни настоящего партийного мышления, ни серьезного политического лица[189]. Но в тот момент, больше чем когда-либо, армия стала для Мао, говоря его же словами, «Великой стеной»[190].

Был еще один рычаг, который, как считал Мао, можно удержать в руках. Это новое поколение, точнее, его часть — учащиеся средних школ, университетов, профессиональных училищ (включая и военные училища и академии, единственные преданные НОАК учреждения, которым была поручена подготовка отрядов хунвэйбинов)[191]. Их бесценное преимущество состояло в том, что они находились в городах, где впоследствии развернулась борьба за власть, как, например, в Шанхае, четверть жителей которого в начале 60-х годов были школьниками[192]. Те, кому было тогда 14—18 лет, в 1966 году стали самыми восторженными сторонниками Мао, его оружием, потому что в них одновременно уживались фанатизм и разочарование. Это было первое городское поколение, выросшее после 1949 года, следовательно, ничего не знавшее об ужасах «большого скачка»[193] (о котором Лю и его свита горько сожалели, не критикуя его официально). Убаюканные сладкими речами режима («вам принадлежит весь мир и будущее Китая»[194]), поверившие, что для Мао Цзэдуна они и вправду тот «чистый лист бумаги», на котором напишут славную эпопею коммунизма, они выросли с убеждением, что «партия —наша мать, партия —наш отец»[195], как пелось в песне хунвэйбинов. И если их родителям этот рефрен не нравился, то им самим было ясно — при необходимости они смогут отказаться от тех, кто дал им жизнь. Паскуалини описывает происходившее в 1962 году свидание отца-лагерника с сыном, «негодным сопливым мальчишкой лет десяти-один-надцати. Он злобно орал: Я и не хотел сюда ехать, да мать заставила. Ты контрреволюционер, позор для семьи. Ты вредитель и тебе место в тюрьме. Слушай меня: перевоспитайся, а не то хуже будет. Даже охрана была шокирована этой тирадой. Отец вернулся в камеру в слезах — а было запрещено плакать — и говорил, всхлипывая, что знать бы раньше, он задушил бы его после рождения. Даже Тян[196] [надзиратель] не орал на него на этот раз»[197]. А в 1966 году этому пареньку исполнилось пятнадцать, самый подходящий возраст для хунвэйбина...

Иногда у этих молодых, хорошо натасканных «красных роботов» возникало ощущение, будто у них отняли мечту о героизме. Родители прожужжали им все уши рассказами о своих подвигах на войне и в революции, о «Великом походе», революционных базах, партизанских вылазках против японцев. И вот история повторилась — опять революция, но уже в форме фарса. У них не было иных идеалов, потому что они не читали книг, не имели возможности свободно общаться с учителями, так как те были сверхосторожными, помня 1957 год, время «выпрямления сознания». Это молодое поколение имело за душой только произведения Мао и краем уха слышало что-то из Ленина. Многие дети, выходцы из «черных слоев», с малых лет наталкивались на квоты, отборы, словом «отбраковывались» по принципу классовой принадлежности. Они уже зна-

ли, что никогда не получат хорошую должность, не реализуют свои способности. Учебные заведения, в которых эти «черные» были в большинстве, в основном и становились поставщиками революционеров. Официальное разрешение на формирование особых отрядов из хунвэйбинов «дурного происхождения», выданное Группой по делам «культурной революции» 1 октября 1966 года[198], сразу же продвинуло «культурную революцию» далеко вперед[199].

«Культурная революция» распространялась вширь: 16 ноября решено было организовывать отряды хунвэйбинов на заводах, а с 15 декабря — в деревнях. В мае 1966 года были отменены все политические приговоры, вынесенные рабочим с начала «культурной революции». Интересы текущего момента требовали, чтобы рабочие вступили в борьбу под предлогом снятия ярлыков, клеймивших их как «правых», и уничтожения секретных досье. Таким образом, в это время к студентам и школьникам-хунвэйбинам присоединились две категории рабочих: так называемые отсталые элементы и политические «неприкаянные» — молодые сезонные рабочие, поденщики без видов на постоянную работу и защиты со стороны профсоюза, составляющие большую часть пролетариата новых крупных заводов. Они боролись за повышение заработной платы и право на трудоустройство[200]. К ним примкнули юные честолюбцы, карьеристы, ответственные работники, в прошлом пережившие гонения и сжигаемые жаждой мщения[201], а также приспособленцы разного толка. Вскоре появились недовольные, охваченные злобой и жаждой общественного успеха. Они бросались на штурм любых бастионов, будь то школа, завод, контора... Находясь в меньшинстве (их было не более 20% среди горожан, а в масштабах страны — еще меньше), они устраивали беспорядки, в то время пока армия была занята своими делами. В конечном счете только один Мао был вправе открывать и закрывать клапаны революционного пара, но иногда и он не знал, что делать дальше. Расстановка сил быстро менялась, надо было учитывать местные особенности; то и дело приходилось мирить «бунтарей» с властями, то есть с империей. Когда разные группировки «бунтарей» объединялись под лозунгом «даешь власть», то междоусобные противоречия и личные интересы победителей вырастали непомерно. Вспыхивали непримиримые сражения, часто с применением оружия, и начиналась борьба между фракциями, именовавшими друг друга не иначе, как с приставкой *контр*[202].

Славный час хунвэйбинов

Расправы 1966 года, творимые студентами и школьниками — так называемыми революционными бунтарями, — останутся символом и основным содержанием «культурной революции». В целом они как две капли воды напоминали расправы 50-х годов, жертвами которых стала интеллигенция. Разница в том, что деяния хунвэйбинов были менее кровавыми, но чуть более изобретательными — с элементами садизма, приправленного юношеской экзальтацией и, возможно, в них было больше импровизации. Наивно было бы думать, что Мао и его группа лично направляли каждый отряд хунвэйбинов, однако можно увидеть несомненную личную заинтересованность супруги Великого Кормчего Цзян Цин в такой, например, акции, как публичные оскорбления Вань Гуань-мэй, жены председателя республики Лю Шаоци[203]. Последний стараниями Мао оказался в изоляции, был вынужден согласиться на «самокритику» и умер от мучений в тюрьме. А беспощадно раскритикованный Чжоу Эньлай все же избежал

мучительных издевательств. Характерной чертой «культурной революции» было неуклонное и последовательное сведение счетов в верхних эшелонах власти. Это делалось силами хунвэйбинов, которые, решительно искоренив «круговую поруку» среди руководителей «Великого похода», занялись «чисткой» партийных рядов (60% кадровых коммунистов были сняты со своих постов; впрочем, впоследствии многие, как и Дэн Сяопин, вернулись обратно еще до смерти Мао в сентябре 1976 года). Удары наносились избирательно, и в этом смысле события в Китае существенно отличаются от сталинских «чисток» 30-х годов в СССР. Большинство китайских высших партийных руководителей выжили после тяжелых испытаний. Однако, министр угольной промышленности был убит хун-вэйбинами (и эта трагедия не стала объектом судебного разбирательства), Лю Шаоци умер в тюрьме от помешательства в 1969 году, Пэн Дэхуай получил двусторонние переломы ребер в одной из «боевых дискуссий» в июле 1967 года и умер в 1974 году от рака. Министр иностранных дел Чэнь И, подвергшийся жестокой критике и отправленный на «перевоспитание» в деревню в 1969 году, все же нашел в себе силы вернуться ненадолго на политическую сцену после смерти Линь Бяо. Самой драматичной представляется судьба министра госбезопасности Ло Жуйцина. Он был «вычищен» со своего поста в ноябре 1965 года, его место занял Кан Шэн. Арестованный в 1966 году, Ло Жуйцин был ранен в ногу при попытке выброситься из окна; ее пришлось ампутировать в 1969 году но операцию оттягивали до тех пор, пока он, не выдержав мучений, не признался в своих «грехах»; тем не менее, он пережил Мао Цзэдуна. Унизительные и тяжелые условия тюремного содержания этих высокопоставленных заключенных были все-таки мягче (например, им полагалась медицинская помощь), чем у всех остальных, которых они сами отправляли в лаогай[204].

Во всех концах огромного Китая, где были школы и университеты, расправы хунвэйбинов разыгрывались по одному и тому же сценарию. Все началось 1 июня 1966 года после прочтения по радио *дацзыбао**, сочиненного Не Юаньцзы, преподавателем философии пекинского университета Байда, самого престижного в Китае. Плакат звал на борьбу и поносил противников линии партии: «Решительно, радикально, целиком и полностью искореним засилье и зловредные замыслы ревизионистов! Уничтожим монстров — ревизионистов хрущевского толка!»[205]. Миллионы школьников и студентов организовались в отряды и без труда начали выискивать подлежащих искоренению «монстров и демонов» среди своих преподавателей, университетского руководства, а затем среди местных и городских властей, которые пытались защищать преподавателей. Тогда же хунвэйбины изобрели новые «ярлыки», например, «зловредные всезнайки», «бычьи скелеты», «лягушачьи мозги»... Экстремист из Группы по делам «культурной революции» Ци Бэньюй заявлял в адрес Пэн Дэхуая на митинге 18 июля 1967 года: «Ядовитый змей почти не дышит, но он еще жив! Бумажный тигр Пэн Дэхуай стреляет без промаха, ведь он кадровый военный. Пусть вас не обманывает его бледность, он просто притворяется, как хамелеон. Он только притворяется мертвым. Даже у насекомых и зверей есть инстинкт самосохранения, не говоря уже об этом кровожадном звере. Бросьте его на землю! Пинайте его! Топчите!»[206]. Хунвэйбины стремились подавить в окружающих любой проблеск сочувствия к человеческому достоинству, они уже имели боевой

* Букв.: *газета больших иероглифов* — настенные рукописные листовки и плакаты, получившие распространение в Китае в 50-70-е годы XX века. *(Прим. ред.)*

опыт и знали, что оскорбления распаляют толпу перед смертельной травлей несчастной жертвы. На "классовых врагов" вешали дацзыбао, напяливали шутовской колпак, иногда надевали унизительные лохмотья (чаще на женщин), раскрашивали лица черными чернилами, заставляли лаять по-собачьи; им приказывали идти нагнувшись или ползти, они выглядели нелепо, страдали от боли и унижений. Профессора Ма (имя которого по-китайски означает «лошадь») заставили есть траву. Вот мнение одного пожилого университетского преподавателя, чьи студенты забили насмерть одного из его коллег: «Я могу понять, как это происходило. Собственники были тогда врагами. Конечно, они не люди, к ним нужно применить насилие. Это правильно!»[207]. В августе 1967 года пекинские газеты развернули пропагандистскую кампанию: антимаоисты — это «шныряющие по улицам крысы... Убивайте, убивайте их!»[208]. Все это напоминало зверства периода аграрной реформы 1949 года. (Тогда собственников-землевладельцев запрягали в соху и ударами кнута заставляли тянуть ее, приговаривая: «Ты обращался с нами, как с животными, теперь сам побудешь нашей скотиной»[209]. Миллионы таких «животных» были истреблены, бывали и случаи людоедства. В районе Гуанси были убиты и съедены 137 человек, старший преподавательский состав и местная административно-партийная верхушка.) Случалось, хунвэйбины заставляли поваров готовить и подавать в столовых блюда из человеческого мяса. По-видимому, то же происходило и по приказу некоторых администраций. Гарри Ву рассказывал, что в 1970 году, когда он отбывал срок заключения в трудовом лагере, один сотрудник безопасности сожрал мозг заключенного за то, что тот — преступление из преступлений — крикнул: «Долой председателя Мао!»[210].

Трудно понять, что было движущей силой хунвэйбинов — смутное желание социальных преобразований или стремление поразвлечься во время летних каникул? 18 августа Мао бросил новый лозунг для простаков: «Всегда есть повод начать борьбу!». Но реально только Центр мог решать, *кому* давать «право на борьбу» и *когда* начинать борьбу. Отряды хунвэйбинов соперничали за то, чтобы заполучить это ценное право. Кое-кто не прочь был воспользоваться призывом «Огонь по штабам»* и начать атаку на хунвэйбинов, однако армия под командованием Линь Бяо не давала их пока в обиду, а Министерство транспорта осенью 1966 года даже выделило им бесплатные поезда для разъездов по стране с целью «обмена опытом» (на деле эти мероприятия часто оборачивались головокружительными гулянками для молодых людей, прежде ни разу не выезжавших из родного города). Нередкими были и коллективные встречи с Мао, сопровождавшиеся восторженными слезами (обязательными для девушек) при виде «Великого Кормчего», случались и революционные манифестации, и кровавые потасовки[211].

18 августа Мао сказал: «Нам не нужны нежности, нам нужна война» — и вот уже хунвэйбинка Сон Биньбинь, то есть «нежная Сон», пожелала именоваться Сон Яову — «Сон воинственная»[212]. Новый министр госбезопасности Се Фучжи, человек из окружения Цзян Цин, в конце августа заявил перед собранием сотрудников китайской милиции: «Мы не можем зависеть от рутинного судопроизводства и от уголовного кодекса. Ошибается тот, кто арестовывает человека за то, что он избил другого... Стоит ли арестовывать хунвэйбинов за то,

* «Открыть огонь по штабам» — под таким названием Мао Цзэдун опубликовал собственное дацзыбао в августе 1966 года. *(Прим. ред.)*

что они убивают? Я думаю так убил так убил, не наше дело... Мне не нравится, когда люди убивают, но если народные массы так ненавидят кого-то, что их гнев нельзя сдержать, мы не будем им мешать... Народная милиция должна быть на стороне хунвэйбинов, объединиться с ними, сочувствовать им, информировать их — особенно насчет пяти черных категорий»[213]. Наступление началось без особого риска: партийный аппарат, раздираемый на части противоположными мнениями, всецело находящийся под давлением Мао, не осмеливался осудить движение. Интеллигенцию и все, что связано с ней (книги, живопись, фарфор, музеи, библиотеки, памятники культуры), можно было считать своей добычей, с чем согласились кланы всех мастей.

Известно, что антиинтеллектуализм всегда был «славной традицией» КПК, сам Мао был его живым воплощением. Именно его изречение было в ходу среди хунвэйбинов: «Класс капиталистов — кожа, интеллигенция — волосы; когда кожа отмирает, то и волос больше нет?»[214]. Представители власти не могли произнести слово «интеллигент», не добавив к нему эпитет «вонючий». Ж. Паскуалини однажды вытирал обувь на выходе из свинарника, и столкнувшийся с ним охранник рявкнул на него: «Твои мозги еще грязнее, чем свиной навоз. Отставить буржуазные штучки! Прочисти-ка лучше мозги!»[215]. В начале «культурной революции» студентам и школьникам выдали небольшие сборники изречений Мао об образовании, где тот поносил профессоров за «ненужную ученость»: «они не способны различить пять зерен», «чем больше они знают, тем они глупее». Здесь же Мао осуждал принцип аттестации по результатам экзаменов: университеты для «красных», а не для «всезнаек» — дорогу «красным» по происхождению![216]

Интеллигенция тем временем пережила две-три кампании «самокритики» и почти перестала сопротивляться. Престарелые писатели часами, до изнеможения, стояли в «позе самолета» перед толпой оскорбляющих их юнцов или брели в шутовских колпаках по улицам, где каждый встречный норовил их ударить. Не выдержав поругания, многие умирали, кончали жизнь самоубийством, как, например, писатель Лао Шэ (в августе) или известный переводчик Бальзака и Малларме Фу Л эй (в сентябре). Пострадали многие деятели культуры: Тен То был убит; Ву Хан, Чао Шули и Лю Чин умерли в тюрьме; Па Кинь многие годы томился под домашним арестом[217]; у Дин Лин конфисковали рукописи — плод ее десятилетнего труда[218]. Садизм и фанатизм «бунтарей»-палачей производили тяжелое впечатление. В университете города Сямынь в провинции Фуцзянь вывесили дацзыбао следующего содержания: «Некоторые [преподаватели] не выдерживают собраний критики и борьбы, начинают плохо себя чувствовать и умирают, скажем прямо, в нашем присутствии. Я не испытываю ни капли жалости ни к ним, ни к тем, кто выбрасывается из окна или прыгает в горячие источники и гибнет, сварившись заживо»[219]. Каждый десятый школьный учитель проходил через процедуру «классовой борьбы», но беспокойство и тревога мучили всех.

В период организованной Линь Бяо 18 августа кампании «против четырех старых»: старых мыслей, старой культуры, старых привычек и старых обычаев, — горожане ожидали приезда хунвэйбинов, как стихийного бедствия вроде тайфуна. Они заранее баррикадировали входы в монастыри, прятали реликвии и ценности, замазывали краской фрески, перевозили книги в надежные укрытия. Однако хунвэйбины врывались в монастыри, оставляя после себя следы разрушений и вандализма, иногда устраивали публичные сожжения культовых зданий, ломали все, что можно было сломать. Они сожгли декорации и костю-

мы к спектаклям Пекинской оперы: в театрах должны идти только написанные госпожой Цзян «революционные оперы из современной жизни». В течение десяти лет они были единственным жанром сценического искусства, разрешенным официальной цензурой. Хунвэйбины снесли часть Великой Китайской стены, употребив вынутые из нее кирпичи на постройку «более необходимых» свинарников. Усилиями Чжоу Эньлая и военных отрядов удалось частично отстоять Дворец императора в Пекине[220]. Хунвэйбины не обошли стороной и религию. Они разогнали монахов знаменитого буддийского комплекса Вутай, сожгли там старинные рукописи, разрушили часть из его шестидесяти храмов. В Синьцзяне они уничтожили старинные уйгурские экземпляры Корана. Был наложен запрет на празднование китайского Нового года... Крайние проявления ксенофобии ошеломили даже тех, кто давно привык ничему не удивляться. Хунвэйбины оскверняли могилы и надгробья «империалистов»[221], почти полностью запретили христианские богослужения и обряды, сбили надписи на английском и французском языках со здания Городского совета в Шанхае. Нень Чэн, вдова британского подданного, рассказывала, что в ответ на предложение хунвэйбину, проводившему у них обыск, выпить чашечку кофе, ее муж услышал следующее: «Почему вам надо пить заморское питье? Почему вы не едите китайскую пищу? Зачем так много иностранных книг? Вы уж *чересчур* иностранец!»[222]. Хунвэйбины запрещали горожанам заводить кошек, птиц, разведение цветов в палисаднике считалось *контрреволюционным занятием.* Потребовалось вмешательство китайского премьер-министра, чтобы не допустить *красных пожаров* по всей стране. В больших городах, таких, как Шанхай, отряды хунвэйбинов отрезали косы и сбривали крашеные волосы у женщин, раздирали слишком узкие брюки, обламывали высокие каблуки на женской обуви, разламывали пополам остроносые туфли, заставляли владельцев магазинов и лавок менять название. В городе появились сотни заведений под вывеской *Красный Восток* с портретом Мао Цзэдуна и стопкой его книг в витрине, что сбивало с толку старых шанхайцев[223]. На оконных рамах и ставнях были прилеплены небольшие портреты Мао, как будто дом опечатан за долги или сдается в наем, но сорвать бумажку считалось святотатством. Хунвэйбины останавливали прохожих на каждом углу и читали им цитаты из Мао по своему выбору[224]. Многие жители опасались выходить из дома.

Самым страшным для миллионов «черных семей» были обыски, во время которых хунвэйбины неистовствовали, обшаривая дома в поисках «доказательств» неблагонадежности хозяев, тут же реквизируя деньги и ценности в пользу города, своего отряда или... в собственный карман. Дело доходило до беспардонных грабежей и конфискаций имущества хозяев, все это сопровождалось унижениями, оскорблениями и побоями. Некоторые пытались защитить себя, но терпели неудачу. Самая легкая улыбка презрения, насмешливое слово, нежелание открыть «тайники» перед непрошеными гостями — все это становилось поводом для зуботычин, разгрома жилища, а то и убийства[225]. Потери среди хунвэйбинов при этом бывали крайне редкими. Иногда после недавнего обыска в дом врывались новые экспроприаторы из других организаций. Они отбирали у несчастных хозяев даже тот мизерный запас, что великодушно оставили разгромленным «капиталистам» предыдущие реквизиторы. После таких «рейдов» возрастало количество самоубийств, хотя точный подсчет практически невозможен, так как многие убийства выдавались за самоубийства.

Некоторые данные помогают восстановить картину разыгравшегося в стране «красного террора». В одном только Пекине зарегистрировано 1700 смертей, в 33 600 квартирах произведены обыски и 84 тысячи «черных» высланы из города[226]. 150 тысяч шанхайских квартир были конфискованы, реквизированы 32 тонны золотых изделий. В большом промышленном городе Ухань в провинции Хубэй 21 тысяча обысков сопровождалась избиениями, после которых 32 человека умерли, а 62 покончили с собой[227]. В уезде Дасин к югу от столицы Китая за пять дней разгула хунвэйбинов, проводившегося в рамках мероприятий «культурной революции», было убито 325 «черных» — самой старшей жертве было восемьдесят с лишним лет, самой младшей — полтора месяца. Рассказывали, что один врач был замучен до смерти как «убийца красного», его обвинили в неправильном лечении больного, умершего от аллергического шока после инъекции пенициллина[228]. «Расследование» деятельности руководящих работников, проводившееся милиционерами под видом хунвэйбинов, привело к новым жертвам. При «разбирательстве» в Министерстве госбезопасности пострадали 1200 сотрудников, 22 тысячи человек были допрошены и вскоре отправлены за решетку. Когда собирали досье на Лю Шаоци, около 60% членов ЦК партии, почти никогда не собиравшихся вместе, и три четверти партсекрета-рей в провинциях были отставлены от дел и впоследствии арестованы. За все годы «культурной революции» лишением свободы было наказано от 3 до 4 миллионов членов партии (из общего числа 18 миллионов), 400 тысяч военных — хотя хунвэйбинам было запрещено трогать армию[229]. В среде интеллигенции расправам подверглись 142 тысячи преподавателей, 53 тысячи научно-технических работников, 500 профессоров-медиков, 2600 писателей и других работников культуры подверглись преследованиям, были убиты или доведены до самоубийства[230]. По обнародованным в 1978 году официальным данным, в Шанхае, где эти слои общества были особенно многочисленными, во время беззаконных кампаний «культурной революции» насильственной смертью погибли 10 тысяч человек[231].

Больше всего поражает та легкость, с которой молодое поколение, уже потрясшее все слои общества, обрушилось в конце 1966 — начале 1967 года именно на своих «крестных отцов» — высокое партийное руководство. Среди деятелей, «критиковавшихся» на огромных пекинских стадионах и замученных до смерти, — партийный секретарь Тяньцзиня, председатель городского совета Шанхая, которого привязали к трамвайной дрезине, волокли и избивали так, что он повторял только одну фразу тем, кто требовал от него самокритики: «лучше сдохнуть»[232]. Мы находим для этого только одно объяснение: все действия направлялись самим Мао и его ближайшим окружением. Роспуск 26 июля 1966 года учащихся всех учебных заведений, школ и университетов на шестимесячные каникулы, способствовал разгулу молодежи и пополнению рядов хунвэйбинов дополнительными 50 миллионами несовершеннолетних учащихся. Общество подверглось натиску армии бездельников, творивших насилие при полной безнаказанности. Если они убивали кого-то, в протоколе записывалось: «несчастный случай». Дикие и неуправляемые, поддерживаемые средствами массовой информации, они сметали на своем пути все!

Их первый погром

<...> Наплававшись, мы возвращались с пляжа и уже входили в школьные ворота, как вдруг услышали крики и улюлюканье. Несколько наших товарищей бежали к нам, дико восклицая:

«Борьба! Начинается борьба!»

Я побежал на школьный двор и там на спортивной площадке перед новенькой трехэтажной школой увидел преподавателей, человек сорок-пятьдесят, построенных в шеренги. Их головы и лица были густо намазаны черными чернилами, так что они и вправду напоминали «черную шайку». На шее каждого висел плакат, надписи были разные: «ученый реакционер такой-то», «классовый враг такой-то», «вставший на капиталистический путь такой-то», «такой-то глава злостной банды», — словом, все они повторяли газетные формулировки. Каждую надпись перечеркивал красный крест, и это делало людей похожими на заключенных-смертников, ожидающих исполнения приговора. На головах у всех были «дурацкие» колпаки, и на них — крупными печатными буквами — те же надписи. За спину каждому привязали грязную щетку, метелку и ботинки.

На шее висело ведро, полное камней. Л увидел нашего директора, его ведро было такое тяжелое, что металлическая ручка глубоко врезалась в кожу, он шатался. Все шли по площадке босиком, били в металлические гонги, кастрюли и кричали:

«Л бандит такой-то!»

Потом все упали на колени и стали умолять Мао Цзэдуна «простить им их преступления». Зрелище оглушило меня, и я побледнел, а наши девочки попадали в обморок.

Потом начались побои и издевательства. Такого я прежде никогда не видел. Их заставляли есть помои и насекомых, пытали электрическим током, ставили на колени на битое стекло, делали им «ласточку», подвешивая за связанные руки и ноги.

Самые жестокосердные школьники первыми схватили палки и стали избивать преподавателей. Ребята были из семей партработников и военных, принадлежали к «пяти красным категориям», в эти же категории входили дети рабочих, бедняков, середняков и дети мучеников революции. <...> Те ребята с палками всегда были грубыми и жестокими, важничали перед остальными, они привыкли пользоваться положением родителей и задирали одноклассников, а учились так плохо, что их едва не выгоняли из школы. Потому-то, видно, они и отыгрывались на преподавателях. Возбуждаемые провокаторами, другие ученики вопили: «Бейте их!» — и набрасывались на преподавателей, размахивая кулаками и ударяя ногами.

Младшие ученики стояли молча, но стоило только начаться этому надругательству над людьми, как и они, обязанные поддерживать зачинщиков, начали громко кричать, поднимая кулаки <...>.

В этот день самым жестоким ударом стала для меня смерть моего доброго учителя **Чэн** Кутеха, его я уважал и любил больше остальных. <...>

Учителю Чэну было за шестьдесят, и у него часто поднималось артериальное давление. Его вывели на площадку около полудня, и он простоял под палящим солнцем больше двух часов, а потом его еще заставили вместе с другими ходить взад и вперед с ведром и плакатом и бить в барабан. После этого они поволокли его на второй этаж школы, затем спустили на первый, потом опять затащили наверх, и на всем пути били его щетками и кулаками. На втором этаже его затащили в класс и стали избивать бамбуковыми палками. Я умолял их остановиться:

«Стойте! Это уж слишком!».

Несколько раз он терял сознание, мой несчастный учитель, но всякий раз ведро холодное воды приводило его в чувство. Он мог двигаться с большим трудом. Его ноги крово-

точили от порею» и вонзившихся в кожу колючек. Но его дух еще не был сломлен. «Почему вы не убиваете меня? — воскликнул он. — Убейте!»

Это издевательство продолжалось шесть часов, он просился в уборную, но они смеялись над ним и не пускали туда. Мучители попытались засунуть ему палку в задний проход. В конце концов он не выдержал и рухнул на пол в последний раз. Они опять облили его водой, но это уже не помогло. Убийцы на миг остолбенели: они впервые забили человека до смерти, а мы впервые видели подобное. Все разбежались один за другим <...>. Тело жертвы вытащили во двор и проволокли к деревянной беседке в углу двора, где на перемене учителя обычно играли в пинг-понг. Бандиты бросили его на грязную циновку, сбегали за школьным врачом и приказали ему:

«Подтверди, что он умер от гипертонии. Да так, чтобы никто не придрался к диагнозу! И не возражай нам!»

Доктор осмотрел тело и сказал, что учитель умер от побоев и пыток. Тогда бандиты схватили его и стали бить, приговаривая:

«И ты туда же? Хочешь того же, что и он?!»

Конечно, доктор написал в справке, что «смерть наступила в результате внезапного гипертонического криза»[233].

Революционеры и их учитель

На Западе давно в ходу легенда о том, что хунвэйбины — это родные братья, может быть, более фанатичные своих европейских современников — революционно настроенной молодежи конца 60-х годов[234]. Есть и другая легенда: после расправы с «шанхайской четверкой» к хунвэйбинам стали относиться в Китае как к фашистам и подпевалам банды политических авантюристов. На самом деле «бунтари» считали себя коммунистами-маоистами, абсолютно чуждыми идеям демократии и свободы. Такими они в сущности и были. Еще меньше они смыслили в демократическом централизме и превратились в некую «параллельную компартию» (что и положило конец их двухлетней эпопее) именно в тот момент, когда раскол в партии полностью парализовал ее. Готовые умереть за Мао, находившиеся в идеологической зависимости от Линь Бяо и особенно Группы по делам «культурной революции» под руководством Цзян Цин, они превратились в альтернативу городским и местным властям, оказавшимся вражеской мишенью для маоистского Центра, и вспомогательной силой для сведения счетов в пекинском руководстве. Неиссякаемая энергия этих десятков миллионов юнцов была сугубо разрушительной. В те моменты, весьма непродолжительные, когда им действительно удавалось получить власть, они не смогли воспользоваться ею и пошатнуть фундамент тоталитаризма. Хунвэйбины как будто бы имитировали принципы Парижской коммуны 1871 года, но ни разу организованные ими избирательные кампании не были ни свободными, ни открытыми. Все главные решения принимали маленькие самопровозглашенные комитеты. Смена руководства происходила у них только методом непрекращающихся силовых ударов, направленных внутрь их организаций[235] и административных структур, которые они подчинили себе силой. Кроме этой «малости», им были даны некоторые «свободы», иногда им позволяли почувствовать социальное превосходство над рабочими[236], но тем более жестоким стал разгром их движения в 1968 году...

Хунвэйбины были связаны с коммунистическим аппаратом тысячами нитей. В мае — июле 1966 года рабочие бригады «красных охранников» были

посланы в средние школы группой Лю Шаоци и местными органами власти нижнего звена составлять первичные списки «черных вражьих нор», преподавателей — кандидатов на поношения. Хотя с начала августа 1966 года они были официально «сняты с операции» после удара Мао по Центральному комитету, они долго сохраняли авторитет в местных организациях ряда уездов[237]. Это они решительным образом стимулировали дикую ненависть общества к профессорским и учительским кадрам и давали добро наступлению на «четырех старых». Эта инициатива, поддержанная местными, властями проводилась в жизнь силами милиции, составлявшей списки конфискаций и определявшей места сбора конфискованных предметов. (Нень Чэн была удивлена, когда в 1978 году ей удалось найти большую часть своего фарфора, конфискованного у нее самым беззаконным образом двенадцатью годами раньше). Искупительными жертвами оставались те, кого преследовали во всех предыдущих кампаниях, к ним прибавились еще работники среднего звена, заслонившие собой более высокопоставленных руководителей.

Продвижение «культурной революции» на заводы способствовало цели Мао Цзэдуна, которому нужно было устранить из аппарата своих соперников, и потому он всячески поощрял широкомасштабные столкновения между «бунтарями» и муниципальным руководством или руководством провинций. С одной стороны, местные руководители создавали так называемые консервативные массовые организации, которые по сути были трудно отличимы от более близко стоящих к линии Мао «бунтарей». С другой стороны, более независимые местные «бунтари», видели свое спасение в смычке с «тем сверх-ЦК», каким стала Группа по делам «культурной революции», где Кан Шэн играл столь же тайную, сколь и центральную роль. У него были курьерские отряды (состоявшие по началу, в основном, из столичных студентов), осуществлявшие связь с Пекином. Он регулярно пересылал из Центра инструкции и черные списки (куда наряду с рядовыми членами партии включал две трети Центрального комитета), получал с обратной почтой результаты допросов и самокритики, после чего рассылал своим единомышленникам долгожданные «красные ярлыки», которые потом долго служили их владельцам «охранной грамотой» для армейских патрулей[238].

Все-таки «бунтари» были более вовлечены в оборот государственной машины, чем «консерваторы», т.е. они всё же отличались друг от друга. Трудно сказать, насколько прочным было единство между отдельными группами и фракциями в вопросе о репрессиях, — очевидно, что существует огромная разница между китайским феноменом и революционной традицией Запада. Если в Китае и критиковали систему лаогай, мало затронутую революцией, то только чтобы пожаловаться на ее «терпимость». Нень Чэн на себе ощутила жестокость и бесчеловечность охранников-маоистов «нового набора». С другой стороны, когда Хуа Линьшань, ультралевый «бунтарь», открыто боровшийся против армии, занял слесарно-механический цех тюремного завода, чтобы изготавливать там оружие, он заметил, что: «во время всего нашего пребывания [заключенные] оставались в камерах и мы совершенно не встречались с ними»[239]. Хун-вэйбины, которые часто прибегали к похищению детей, считая это важным тактическим приемом, имели свою собственную судебно-следственную систему: в каждой школе, в здании местной администрации, на заводе были особые помещения, чуланы, учебные классы, где были заперты «враги», проводились допросы, всегда под рукой имелись орудия пыток и можно было дать волю воображению и мастерству. Вот как описывает Лин «неформальные уроки психо-

логии» в своей школе: «Мы старались поменьше говорить о пытках, но всегда считали их искусством <...>. Мы пришли к выводу, что нашим исследованиям в этой области не хватает научности. Мы знаем много методов, но удобный случай представляется не всегда, и не все еще применено на практике»[240]. «Радикальная» добровольная дружина Ханчжоу, почти целиком состоящая из «черных» по рождению, уже прошедших репрессии до работы в дружине, содержала в трех своих следственных центрах около тысячи человек. Двадцать три заключенных были осуждены за клевету на своего руководителя Вэн Сэньхэ. Члены этой дружины за один день дежурства получали три выходных дня, кроме того, их бесплатно кормили[241]. Как свидетельствуют все бывшие хунвэйбины, репрессивные мероприятия занимали в их жизни так много места, что они только и делали, что обсуждали между собой то сбитого с ног противника, то пытки, то унижения, которым они подвергали других, а то и убийства, и, судя по всему, никто против этого никогда не возражал. Показательно, что во время «культурной революции» участились повторные заключения тех, кто уже побывал за решеткой, и повторные обвинения уже реабилитированных жертв, некогда «правых уклонистов». Участились аресты иностранцев и проживавших за рубежом китайцев. Практиковались новые подлости, например, дочь заставляли отбывать срок, который не досидел в тюрьме умерший там отец[242]. Гражданская администрация сильно пострадала, но у лагерного начальства были развязаны руки. И кто скажет, что это было за поколение — бунтарей или надзирателей?[243] Что касается взглядов молодежи на общество, политику и экономику, то даже самым активным правдолюбцам, которые живо интересовались теоретическими вопросами — как, например, *труппе Шэнвулян* из Хунани[244], — ни на шаг не удавалось отойти от цитат Мао. Хотя все понимали, что мысли председателя уже настолько туманны[245], а высказывания так противоречивы, что можно иногда понимать их по-своему и «добавить чуточку от себя». И у «консерваторов», и у «бунтарей» порой бывали при себе одинаковые цитатники, но одни и те же изречения каждый трактовал на свой лад. В этом непостижимом Китае времен «культурной революции» один взятый с поличным воришка оправдывался фразой из Мао, что, дескать, «это была взаимовыручка»[246]. А другой, попавшийся на краже кирпичей рабочий из «черных», не испытывал ни малейших угрызений совести, потому что «рабочий класс должен иметь свою собственную линию»[247]. Однако теория была выстроена по железным законам логики с целью оправдания насилия[248], радикализма, классовых стычек и их политических последствий. Все разрешалось тому, кто знал, какой путь «правильный». «Бунтари» не могли дистанцироваться от официальной пропаганды, у которой они позаимствовали ее кондовый язык, и по-прежнему продолжали беззастенчиво обманывать и массы, и своих товарищей по организации[249].

Самые драматичные моменты «культурной революции» связаны с политикой «кастовости», опробованной в 50-е годы (см. выше) и закрепленной «культурной революцией». Группа по делам «культурной революции», чтобы огонь борьбы не погас, открыла двери своих организаций «черным», и те поспешили в них закрепиться. Вполне естественно, что они органично вписались в ряды «бунтарей». Например, 45% «бунтарей» города Кантона составляли дети из семей интеллигенции, а 82% «консерваторов» большого индустриального южного района — дети кадровых работников и заводских рабочих. «Бунтари», опиравшиеся на наемных рабочих, были естественными противниками политических работников, в то время как «консерваторы» сосредоточили свои на-

падки на «черных». Но из-за того, что мышление «бунтарей» не позволяло им разделять политические и социальные категории, а также чтобы смыть позорное пятно своего собственного происхождения, они бросились в атаку на «консерваторов» и «черных», моля Бога, чтобы удар прошел мимо их собственных родителей... Что еще хуже, они взяли на вооружение неизвестное ранее понятие *классовой наследственности,* популярное сначала только среди хунвэйбинов Пекина, где преобладали дети партийных работников и военных.

Новая идея нашла выражение в одном из революционных маршей хунвэйбинов:

Если отец храбр, то сын— герой, Если отец — реакционер, то сын —
дырка в заднице. Если ты революционер, иди вместе с нами вперед,
Если ты не революционер, то покажись.

Покажитесь!
Мы вас изгоним с ваших проклятых постов!
Убивай! Убивай! Убивай![250]

Вот комментарий «удачно рожденного» революционера: «Мы *родились красными*[251]. Красное передается нам от матери. А тебе я честно скажу: ты родился черным! Таким ты и умрешь!»[252]. По всей стране пронесся ураган — охота за «черными». Вот Чжай Чжэньхуа — в руке ремень, на языке одни ругательства. Он заставляет «черную половину» своего класса сесть за парты и изучать произведения председателя Мао: «Они должны стыдиться своего позорного происхождения. Стыдиться и ненавидеть своих родителей. И речи быть не может о том, чтобы принять их в красные отряды»[253]. На Пекинском центральном вокзале патрули хунвэйбинов избивали и отправляли назад тем же поездом своих сверстников из других городов, если выяснялось, что у тех «нереволюционное» происхождение. В провинции люди были терпимее, и там «черные» часто допускались на ответственные посты. Но если среди них были люди, чье происхождение «лучше», их пропускали вперед. «Идеальное классовое происхождение Свинки[254] — самая надежная характеристика. Она была из семьи каменщиков и хвасталась тем, что три поколения ее предков не имели крыши над головой»[255]. В идейных дискуссиях происхождение было незыблемым аргументом, этот пункт биографии оппонентов выяснялся в первую очередь. Хуа Линьнань, очень воинственную хунвэйбинку, не пустили в поезд другие, консервативные хунвэйбины. «И я чувствовала кожей, — признавалась она, — что мое присутствие было оскорбительно для них, позорило их <...>. Тогда мне самой показалось, что я — какая-то поганая вещь»[256]. На демонстрациях во главе колонн всегда ставили «пятерых красных»[257]. Подобный *апартеид* расползся по всему китайскому обществу. На одном из собраний — а дело было в 1973 году — Нень Чэн по недосмотру села рядом с рабочими. «Их будто ударило электрическим током. Оказавшиеся рядом пролетарии немедленно отодвинули от меня свою скамейку, и в переполненном зале я оказалась одна. Я решила подсесть к группе женщин: там были одни неприкасаемые Революции из семей предпринимателей и интеллигенции». Надо сказать, что ни партия, ни милиция не вводили подобную сегрегацию[258].

От фракционных стычек к разгрому «бунтарей»

В начале января 1967 года, когда встал вопрос о власти, «культурная революция» вступила во вторую фазу. Маоистский Центр понимал, что нет пути назад, к противостоянию старому руководству Лю Шаоци, который уже был обезврежен в Пекине, но еще рассчитывал на авторитет и поддержку в большинстве провинций. Чтобы окончательно сразить Лю, «бунтари» должны были лишить его власти. Армия, главный козырь, пока безмолвствовала, поэтому новые отряды председателя Мао могли действовать беспрепятственно. В январе из Шанхая* поступил сигнал действовать, и по всей стране начались ничем не сдерживаемые нападки на городские администрации и партийные комитеты. Теперь речь шла не о критике этих органов, а об экспроприации власти. Кампания набирала обороты. Однако трения и разногласия между соперничающими отрядами «бунтарей», между студентами и рабочими[259], между штатными рабочими и работавшими по контракту выливались в городские беспорядки; вот-вот могли начаться вооруженные столкновения, а пока в ход шли ремни и ножи. Маоистское руководство было уже близко к успеху, но его охватил страх: внезапно упало промышленное производство. В Ухане в январе оно снизилось на 40%[260]. Местные власти были свергнуты, а те, кто пришли им на смену, никак не могли поделить посты. Китай испытывал острую нехватку опытных кадровых работников, поэтому на освободившиеся посты были возвращены те, кого репрессировали прежде. Нужно было срочно возобновить выпуск продукции на заводах и фабриках. Учебные заведения не могли быть закрыты на неопределенный срок. В конце января началось претворение в жизнь двойного плана. Формировалась новая властная структура — революционные комитеты, или ревкомы, основанные на принципе «три в одном», то есть на единстве рабочих отрядов, старых партийно-административных кадров и армии. Хунвэйбинов, мягко, но верно начали оттеснять на обочину революции, точнее говоря, возвращать в школьные классы и университетские аудитории. В революцию вступала другая «вооруженная рука» Мао Цзэдуна — армия, полгода ожидавшая своего часа.

Тем не менее «культурная революция» каждый день преподносила сюрпризы. С апреля темпы возврата к прежнему порядку настолько превзошли ожидания Мао, что у него появился новый повод для беспокойства. «Консерваторы» и стоящие за ними январские пораженцы подняли головы и объединялись в опасный единый фронт с армейскими гарнизонами; так случилось в Ухане, где «бунтари» были обращены в бегство новыми объединенными силами. Налицо был очередной удар слева, подкрепленный в июле двухдневными арестами эмиссаров Группы по делам «культурной революции» силами армейских подразделений. Но всегда, когда хунвэйбины чувствовали, что в их сторону дуют холодные ветры, они развязывали насилие и фракционную борьбу, вызывавшую разгул анархии, и ревкомам не всегда удавалось удержаться на плаву. В сентябре армия получила разрешение открыть огонь (до этого момента она находилась в резерве и наблюдала, как разворовывались ее арсеналы), вместе с тем «бунтарей» еще раз спустили с цепи. 1968 год отчасти повторял 1967-й. Мао

* В январе 196 7 года центр политического движения переместился в Шанхай. Именно здесь цзаофани развернули движение за «захват власти». Сначала они поставили под свой контроль редакции крупнейших шанхайских газет, а затем, после многодневной осады захватили партийный комитет города. Вслед за этими событиями «захват власти» был организован и в других городах и провинциях Китая. *(Прим. ред.)*

опять был неспокоен и в марте дал волю левым, однако уже сдержаннее, чем год назад. Выступления «бунтарей» становились все шире и кровопролитнее, но в июле их устранили, на сей раз радикально.

Теперь многое зависело от Мао, который должен был выбирать: либо хаос, который несут левые силы, либо порядок правых. Все «действующие лица» замерли в ожидании решающего указания «режиссера», каждый ждал для себя благоприятного исхода. Ситуация была очень странной: все смертельные враги являлись приверженцами одного живого бога. Многочисленная консервативная федерация «Миллион героев» из Уханя выразила неодобрение по поводу событий июля 1967 года*, но заявила: «Что бы ни думали о теперешней ситуации, мы должны не колеблясь выполнять решения Центра», и тут же самораспустилась[261]. Однако Центр не давал единых четких указаний, а с парткомами, которые могли бы дать разъяснения, никто не считался. Всюду царило замешательство, никто не знал истинных намерений Центра и никто не хотел верить, что там царит нерешительность. Чаши весов поочередно перевешивали, всех переполняла враждебность, и сиюминутные победители не отличались великодушием.

Причины ужесточения насилия дополняли два внутренних обстоятельства, характеризующие особенности участвующих организаций, особенно объединений «бунтовщиков». Интересы малых групп и амбиции отдельных личностей, никогда не ориентированных на демократию, вели к новым разногласиям между ними. В это время циничные политические дельцы пользовались своим влиянием и пытались извлечь как можно больше выгоды. Они входили в доверие к руководству региональных штабов Народной армии или «шанхайской четверки» и сливались с новыми местными властями. Фракционная борьба теряла политическую остроту и сводилась к противостоянию групп — тех, что уже пробились к власти, и тех, которые хотели ее захватить[262]. Многие из опыта пребывания в «лаогае» знали, что в Китае прав тот, кто обвиняет, потому что его охраняет цитата и лозунг, и если защищаться, то будет еще хуже. Единственный эффективный отпор обвинителю — еще более страшное обвинение в адрес обидчика. Не важно, насколько вразумительны контрдоводы, главное — выразить их в политически правильных терминах[263]. Логика спора толкала к непрерывному расширению фронта атаки и числа атакуемых. Все носило политический характер — малейший инцидент мог быть произвольно перетолкован и использован как доказательство самых тяжких преступных намерений. Суд довершал дело смертным приговором...

Понятие «гражданская война» точнее характеризует эти события, нежели «резня», хотя вторая почти автоматически ведет к первой. Все воюют против всех. В конце декабря 1966 года в Ухане «бунтари» бросили в тюрьму 3100 «консерваторов» и кадровых работников[264]. Первая смерть в стычках между группами «бунтарей» и отрядами общества «Миллион героев» зарегистрирована 27 мая 1967 года. После этого противники вооружились и заняли стратегические высоты. 17 июня погибли 25 «бунтарей» из рабочих отрядов, а к 30 июня в их рядах не хватало уже 158 бойцов. В конце июля после полного поражения потери «консерваторов» были огромны: 600 человек были убиты, *66* 000 обращены в бегство, многие из них ранены. Когда в марте 1968 года наметился поворот влево, десятки тысяч арестованных были согнаны на стадион для рас-

* См. ниже. *(Прим. ред)*

правы, шла охота на инакомыслящих. Милиция, в рядах которой давно орудовали бандиты и хулиганы, насаждала террор. Оружие поступало из соседних провинций. В мае столкновения между группами бунтарей приняли размах гражданской войны. 27 мая из арсеналов армии было похищено 80 тысяч единиц оружия (своеобразный рекорд для одного дня). Страна превращалась в подпольный рынок торговли боеприпасами. Заводы принимали военные заказы от политических группировок, собирали танки и делали бомбы. В середине июня крадеными пулями были убиты 57 человек. Магазины и банки были разграблены. Жители бежали из города. Пекинский *deus ex machina"* приказал приступить к ликвидации «бунтарей», и 22 июля китайская армия легко расправилась с противником. В сентябре отряды и организации хунвэйбинов самораспустились[265]. В ряде провинций, например, в Фуцзяни, где мало промышленных предприятий, борьба шла не столько между «консерваторами» и «бунтарями», сколько между отрядами горожан и сельских жителей. Когда хунвзйбины из Сямыня хлынули в столицу провинции, местные жители восстали против них с криками: «Фучжоу — для жителей Фучжоу! <...> Жители, помните, это город ваших предков! Мы всегда будем заклятыми врагами людей из Сямыня!»[266]. В Шанхае более ограниченные стычки на улицах были вызваны противостоянием выходцев с севера и юга провинции Цзянсу[267]. Даже в маленькой деревушке Длинный Овраг, уже упоминавшейся нами выше, под видом старой ссоры между кланом Лу, контролировавшим северную часть деревни, и Шэн, более популярным на южной окраине, шла «революционная борьба». Это был хороший повод для сведения старых счетов, которые тянулись со времен японской оккупации или кровавого начала аграрной реформы двадцатилетней давности[268]. В сельскохозяйственном Гуанси-Чжуанском автономном районе, где не было ни заводов, ни фабрик, изгнанные из Гуйлиня «консерваторы» оцепили город отрядами народной милиции и в конце концов заняли его[269]. В Кантоне в июле-августе 1967 года в вооруженных боях между отрядами организации «Красное знамя», с одной стороны, и «Ветер коммунизма», с другой, погибли 900 человек[270], причем в перестрелках участвовала артиллерия.

Приведем свидетельство об этом трудном периоде бывшего хунвэйбина (в то время четырнадцатилетнего подростка): «Мы были молоды. Мы были фанатиками. Верили, что председатель Мао — великий человек, что он говорил правду и был сама правда. И я верил культурной революции. Мы верили, что мы революционеры, последователи председателя Мао, а раз так, сможем побороть все трудности и решить все задачи, стоящие перед обществом»[271]. Жестокость стала более массовой, но и более привычной, чем год назад. То, что происходило в городе Ланьчжу провинции Ганьсу, было для страны явлением характерным: «Там подогнали около пятидесяти машин, и к радиатору каждой приставили по человеку, а к некоторым — по двое. Людей положили по диагонали, привязали к машинам проводами или прикрутили проволокой... Толпа окружала по очереди каждого привязанного и колола его ножами до тех пор, пока он не превращался в кровавое месиво»[272].

* Букв.: «бог из машины» *(лат.)* — непредвиденное обстоятельство, спасающее положение, казавшееся безнадежным *(в античной трагедии развязка неожиданно наступала благодаря вмешательству какого-либо бога, появлявшегося на сцене при помощи механического приспособления). (Прим. ред.)*

Во второй половине 1968 года армия взяла ситуацию в стране под контроль и разогнала хунвэйбинов. Осенью миллион молодых людей (а в 1970 году 5,4 миллиона[273]) были сосланы в отдаленные районы, откуда они вернулись нескоро. Многие пробыли там более десяти лет. До смерти Мао в деревню были сосланы от 12 до 20 миллионов человек[274], из них миллион шанхайцев (18% от общего числа горожан[275]). Три миллиона отстраненных от работы чиновников были определены в центры перевоспитания, подобные исправительным лагерям и полутюрьмы, такие, как «школы 7 мая»[276]. 1968 год был годом самых больших кровопролитий, так как в борьбу вступили отряды рабочих — партийцев и солдат. Многие города на юге страны были взяты штурмом. Город Учжоу Гуаньси-Чжуанского автономного района обстреливали из артиллерии и бомбили напалмом. 19 августа в город Гуйлинь после долгой позиционной войны вошли 30 тысяч солдат и бойцов народной крестьянской милиции. Равнодушие сельских жителей к «культурной революции» сменилось враждебностью к ней, которую партийный аппарат и армия поощряли, используя настроения крестьян в своих интересах. В течение шести дней в городе истребили почти всех «бунтарей». После того как военные действия закончились, в окружающих селах и деревнях продолжался беспощадный террор. Здесь истреблялись «черные» и бывшие гоминьдановцы, вечные козлы отпущения. Разгул террора был такой, что некоторые села могли с гордостью заявить, что у них «полностью ликвидированы все «пять черных элементов»»[277]. Будущий председатель КПК, а в 1968 году представитель Министерства госбезопасности в своей провинции Хуа Гофэн именно тогда получил от населения прозвище «юньнаньский мясник». Больше всего от войны пострадал юг страны. В Гуанси-Чжуанском автономном районе погибло 100 тысяч человек, в Гуандуне 40 тысяч, 30 тысяч в Юньнани[278]. Хунвэйбины были жестоки. Но на данном этапе революции больше всего жертв лежит на совести их палачей — военных и милиции, выполнявших приказ партии.

Армия против хунвэйбинов в Гуйлине

Как только рассвело, милиция взялась прочесывать дома и начались аресты. Военные с рупорами ходили по улицам и отдавали приказы населению. У них были списки леся-ти преступлений, таких как «участие в захвате тюрьмы», «налет на банк», «на-падение на военных», «проникновение силой в штаб-квартиру госбезопасности», «ограбление поезда», «участие в вооруженной стычке» и другие. Достаточно, чтобы тебя уличили в одном из них — и ты арестован «именем диктатуры пролетариата». Я раскинул мозгами и понял, что имею в активе пунктов шесть из этих главных обвинений. Но какие из них не были совершены с «необходимостью для дела революции»? Если бы я не хотел «делать революцию», я не совершил бы ни одного из этих преступных деяний. Теперь на меня хотели взвалить всю ответственность. Это казалось мне несправедливым, и мне было страшно. <...>

Я понял, что милиционеры уже расправились с некоторыми «боевыми героями». В больнице они отключили капельницы и сорвали кислородные маски с тех, кому делали переливания, и появились новые жертвы. Тех, кто мог самостоятельно идти, лишили медикаментов и отправили во временные тюрьмы.

Один раненый по дороге сбежал; милиция оцепила целый квартал и стала опять обшаривать дома горожан. Тех, кто не был зарегистрирован в домовых книгах, арестовывали. Меня тоже схватили и повели. <...>

На том этаже, куда меня отвели [школа № 7 Гуйлиня была переоборудована под тюрь-

му], я встретил приятеля из механического училища, и тот рассказал мне, что милиционеры расстреляли одного «боевого героя» из его школы. Тот когда-то отстреливался в этой школе от милиции три дня и три ночи, и тогда главный цзаофань отметил его храбрость и назвал «героем-одиночкой». Милиция потом захватила школу и приступила к аресту. Ему приказали выйти из строя. Они посадили его в полотняный мешок и подвесили к дереву. Он, в самом деле, был похож на «желчный пузырь»[279]. Затем в присутствии всех остальных милиционеры били его прикладами по очереди, пока он не умер. <...>

В тюрьме рассказывали жуткие истории. Я больше не мог выносить эти ужасы. За два дня, что я пробыл здесь, в городе участились расстрелы, все о них только и говорили. А потом в какой-то момент я понял, что кровавые ужасы уже не трогают меня, я стал глух к этим рассказам. И сами рассказчики были равнодушны и бесчувственны, как и я. Будто все это происходило в другой жизни, не в нашей.

Страшнее всего было тогда, когда в комнату приходил один из наших парней, который согласился работать на тюремное начальство. Его приводили делать опознание. Надзиратели приказывали нам: «Поднять собачьи морды!» И другие люди — в масках — тоже приходили и подолгу разглядывали нас. Увидев знакомое лицо, они винтовкой указывали на него. Милиционеры тогда хватали жертву и под прицелом тащили к выходу. Иногда цзэофаней убивали на месте[280].

В 1968 году работа государственного механизма наладилась. Государство взяло в свои руки монополию законного насилия и не ограничивало себя в ее использовании. Начались публичные наказания. Милиция получила большие полномочия, возродились прежние карательные методы, применявшиеся до «культурной революции». В Шанхае бывший рабочий, а теперь заместитель председателя партии Ван Хунвэнь, креатура Цзян Цин, будущий заместитель председателя партии, провозгласил «победу над анархией»; 27 апреля нескольких руководителей «бунтарей» приговорили к смерти и расстреляли на месте перед огромной толпой[281]. В июле Чжан Чуньцяо, еще один член «четверки», заявил: «Если кто-то осужден по ошибке <...>, это еще не так страшно. Страшнее, когда истинным врагам удается скрыться от нас»[282]. Началась охота за призраками, которая закончилась массовыми арестами; общество снова стало безмолвным. Только смерть Линь Бяо в 1971 году немного смягчила, но не остановила кампанию террора, самую жестокую с 50-х годов.

Первым шумным делом стал процесс так называемой Народной партии Внутренней Монголии. В 1947 году она была распущена, и ее члены автоматически влились в КПК. Но тогда же она была тайно возрождена. С февраля по май 1968 года по обвинению в тайной деятельности были схвачены 346 тысяч человек, из них две трети — монголы. Последовали расстрелы, пытки, самоубийства. Жертвы составили 16 тысяч убитых и 87 тысяч увечных[283]. В провинции Юньнань вспыхнули волнения национальных меньшинств, после чего были казнены 14 тысяч человек[284]. Особенно мрачное впечатление произвело раскрытие заговора в Полку имени 16 мая, ультралевой крошечной организации пекинских хунвэйбинов, оставившей о себе память несколькими враждебными надписями о Чжоу Эньлае в июле 1967 года. Десятки тысяч таких организаций были разбросаны по всей стране, но в 1970—1971 годах по малопонятным причинам именно на нее указала карающая рука маоистского Центра, и организацию обвинили во враждебных высказываниях. Закрутилась шумная кампания, завершившаяся лишь в 1976 году без суда и каких бы то ни было результа-

тов. По всей стране прокатилась волна арестов, последовали допросы, пытки, «исповеди», «самокритика». Из двух тысяч сотрудников Министерства иностранных дел Китая по этому процессу проходили 600 человек Дело войсковой части № 8341, занимавшейся обеспечением личной безопасности председателя Мао, публично разбиралось в Пекинском университете. Было выявлено 178 «врагов», из них десять человек погибли. Выяснилось, что на одном из заводов провинции Шаньси в конце 1968 года «действовала группа из 547 шпионов», которым помогали 1 200 сообщников. Оперная певица Янь Фэньин, обвиненная по тринадцати пунктам, предпочла издевательствам самоубийство в апреле 1968 года. Во время вскрытия медицинская бригада тщательно искала в ее теле якобы спрятанный там миниатюрный радиопередатчик. Трое спортсменов, известных чемпионов по настольному теннису, тоже нашли свою смерть в те страшные дни[285].

В недрах мрачной действительности зарождалось новое будущее, и многие события указывают но это. Китай 1969 года и последующих лет — это оплот жестокости, арена бесконечных кампаний под разными лозунгами. Обвал «культурной революции» оттолкнул городскую молодежь от маоистского режима, обманувшего и предавшего ее. Прогрессировали цинизм, жестокость, преступность. В 1971 году ничем не оправданная опала Линь Бяо, ранее самим Мао назначенного своим преемником, стала наводить людей на мысль, что и сам «Великий Кормчий» может ошибаться[286]. Китайцы были ошарашены событиями и новостями, которые сваливались на них. Многие жили в страхе за свою жизнь, люди исчезали каждый день. Лаогай был переполнен, там находилось не менее двух миллионов заключенных, даже после амнистий 1966 и 1976 годов[287]. Жители Китая по-прежнему продолжали изображать верность вождю, но постепенно в них пробуждалось и зрело гражданское самосознание. В 1976— 1979 годах оно вылилось в протест, отвечавший надеждам людей больше, чем «культурная революция», во время которой люди действовали по указке Мао Цзэдуна. Характерны слова одного «образцового» студента, произнесенные им в августе 1966 года: «Я восстал, потому что послушался»[288].

<u>Сцена «схватки» в театре террора</u>

1969 год. Присутствующие о зале люди выкрикивают лозунги, потрясая красными цитатниками: «Да здравствует наш великий руководитель, председатель Мао! Доброго здоровья Линь Бяо, главнокомандующему и помощнику председателя Мао!»

Все приветствуют Линь Бяо не только потому, что его авторитет заметно вырос после IX съезда КПК. Постарались и его трубадуры, организовавшие этот митинг. Не они ли ведут следствие по моему делу?

Я стою, низко опустив голову. В поле моего зрения появляются две ноги, над головой раздается мужской голос, усиленный микрофоном, и сообщает всем о моем происхождении. Я уже давно заметила, что, когда революционеры зачитывают мою биографию, с каждым разом я становлюсь все зажиточнее, а моя жизнь — роскошнее и беспечнее. Первый раз я перенесла подобное судилище в 1966 году и с тех пор набралась опыта. На этот раз фарс достиг фантастического размаха. Я твердо решила молчать, поэтому чувствовала себя спокойнее и не так напряженно, как раньше. Все в зале вдруг вскочили с мест, несколько человек окружили меня плотным кольцом, возбужденно выкрикивая оскорбления мне в лицо. Они негодовали особенно сильно, когда оратор назвал меня «агентом империализма».

Издевательства были так невыносимы, что я инстинктивно подняла голову, чтобы оп-

равдаться. Женщины перешли на визг, и кто-то с такой бешеной силой дернул вверх мои руки в наручниках, заломленные за спину, что я согнулась пополам, пытаясь хоть немного убавить боль. Они так и держали меня в этом положении, пока оратор-обличитель не закончил речь. Все опять начали скандировать лозунги, потом отпустили мне руки, и я смогла разогнуться. Много позже я узнала, что это «поза ныряльщика» — излюбленная революционная пытка. <...>

Участники собрания вошли в экстаз. Их вопли заглушали голос оратора. Кто-то вдруг ударил меня сзади, и я неловко пошатнулась, сбив на пол микрофон. Одна из женщин наклонилась, чтобы его поднять и установить на место, запуталась в проводах и упала, увлекая за собой и меня. Из-за наручников я не могла опереться на руки, вставала и опять падала лицом на пол. Поднялся переполох, кто-то упал на меня сзади, потом еще кто-то и еще... Стоял сплошной крик. Потом меня подняли и поставили на ноги.

Силы покидали меня, и я молила небо, чтобы все побыстрее закончилось, но ораторы выходили к микрофону один за другим, речи не прекращались, словно каждый должен был обязательно внести свою лепту. Они больше не нападали на меня, сменили тему выступлений. Теперь все пели дифирамбы Линь Бяо, выбирал самые льстивые эпитеты нашего богатого китайского языка.

Вдруг я услышала, как сзади открылась дверь и какой-то мужчина крикнул, что товарищ такой-то уехал. Эффект был мгновенным. Очередной оратор даже не закончил речь, замер на полуслове. Я поняла, что в боковой комнате сидел важный чиновник и слушал, что здесь говорилось. Оказывается, все предыдущие речи были предназначены для его ушей. И некоторые присутствующие потянулись к выходу, а другие собирали сумки и куртки. Оратор наспех выкрикнул в зал несколько лозунгов, но их не поддержали, как прежде. В ответ раздалось лишь несколько выкриков, да и зал был уже почти пуст. Никто больше не смотрел на меня с негодованием. Они скользили по мне равнодушными взглядами: я была для них одной из бесчисленных жертв, которыми «оживляли» митинги. Теперь зрители были свободны до следующей «схватки». Сделав все, что от них требовалось, они заспешили по домам. Меня толкнули, я пошатнулась, и какой-то мужчина даже поддержал меня, чтобы я не упала. Люди уходили с собрания, как с киносеанса, беспечно болтая о том и о сем, какая на улице погода, не жарко ли, не пошел ли дождь <...>.[289]

Эра Дэн Сяопина: ограничение террора

В сентябре 1976 года скончался Мао Цзэдун, но его политическая смерть наступила раньше. Об этом свидетельствует сдержанная реакция народа на его смерть, равно как и его неспособность обеспечить преемственность. «Четверо», к которым он был идеологически близок, были брошены в тюрьму менее чем через месяц после смерти своего «крестного отца». Хуа Гофэну, надежному гаранту неизменности курса, намеченного Мао, пришлось в декабре 1978 года передать остатки своих полномочий «непотопляемому» Дэн Сяопину, объекту ненависти маоистов. Резкий поворот в развитии событий скорее всего произо-шел 5 апреля 1976 года, в день поминовения усопших, когда жители Пекина устроили массовую манифестацию в память умершего в январе премьер-мини-стра Чжоу Эньлая. Власти пребывали в растерянности и страхе перед этой готовностью масс объединиться и противостоять им: она не вписывалась в обыч-ную фракционную борьбу, не поддавалась контролю партии; некоторые речи, сопровождающие возложение венков на могилы умерших, содержали намеки

на несостоятельность немощного председателя. Толпу теснили. На площади Тя-ньанмынь пока не стреляли (стрелять здесь будут в 1989 году), но на совести властей было восемь смертей самых непокорных, двести раненых, тысячи заключенных по всей стране, так как и провинция откликнулась на поминальные церемонии в Пекине. Было казнено около пятисот человек, из них около ста — арестованные демонстранты, велись дознания и следствия. К октябрю 1976 года следственными мероприятиями уже были охвачены десятки тысяч человек[290]. Но наступила эпоха постмаоизма, и Центр больше не в состоянии был сдерживать народные волнения. «Если в 1966 году мы видели на площади Тянь-аньмынь доверчивых, потерявших свободу людей с блаженными лицами и слезами на глазах, то в 1976 году на том же месте стояла непробиваемая стена сопротивления, противостоящая тому же самому человеку»[291].

Начиная с января 1978 года новую ситуацию символизирует Стена демократии (просуществовала до весны 1979 года), одновременно показывая ее пределы. С согласия Дэн Сяопина плеяда бывших хунвэйбинов демонстрирует у Стены свои реформаторские настроения, созревшие при маоизме. Самый красноречивый «бунтарь», Вэй Цзиншэн, держит *дацзыбао* «Демократия — пятая модернизация»[292] и говорит о том, что правящая верхушка «феодал-социалистов» эксплуатирует народ, что демократия — это единственное условие стабильного процветания страны на долгие времена и, следовательно, успеха предложенных Дэном «четырех модернизаций» — экономических и технических. Вэй считает, что марксизм есть источник тоталитаризма, что следует взять на вооружение теории социалистической демократии. В марте 1979 года уверенный в своей власти Дэн отдает приказ арестовать Вэя и его соратников. Бывшего хунвэйбина приговорили к пятнадцати годам тюрьмы за «передачу информации иностранцу», что являлось «контрреволюционным преступлением». Освобожденный в 1993 году, так ни в чем и не сознавшийся Вэй, выйдя на свободу, опять резко выступает против режима и в 1995 году получает новый срок — четырнадцать лет тюрьмы — за «действия, направленные на свержение государственной власти»[293]. Власть все так же не выносит критику...

Однако при Дэне можно было критиковать и выжить — явный прогресс по отношению к эпохе Мао, когда за одно лишнее слово или надпись на стене могли расстрелять. Разумеется, в центре постмаоистских реформ стояла экономика, но не была забыта и политика. Всё, начиная с экономических преобразований, шло в направлении эмансипации общества и ограничения произвола власти. В 80-е годы под контролем КПК осталась всего десятая часть крестьянства[294]. Произошел возврат к семейному типу хозяйствования. В городах начал разрастаться частный производственный сектор, освобождая из-под прямого партийно-государственного контроля значительную рабочую силу. Государственные структуры упростились, это привело к тому, что людям было предоставлено больше прав и свобод. В 1978 году была объявлена амнистия примерно для 100 тысяч заключенных, реабилитированы многие деятели культуры и науки (чаще всего посмертно). Жертва «чистки» 1957—1958 годов Дин Лин в 1979 году вернулась из деревенской ссылки и после долгих лет преследований возвратилась в Яньань. Стала зарождаться новая «литература раненых», писатели понемногу отвоевывали свободу творчества. В города вернулись две трети ссыльных времен «культурной революции». Новая конституция восстановила минимум легитимных прав личности и регламент прокурорского надзора за судопроизводством. В 1979 году первый Уголовный кодекс КНР (Мао Цзэдун

предпочитал, чтобы у него были развязаны руки, и всячески тормозил его принятие), сохранив смертную казнь для совершивших особо тяжкие преступления, восстановил право обжалования приговора, с условием, что он не может быть усилен вышестоящей инстанцией. Судебная система вышла из-под партийного контроля.

1982 год был отмечен всплеском реабилитаций. Только в Сычуани были сняты обвинения с 242 тысяч человек. В провинции Гуандун 78% тех, кто носил ярлык «контрреволюционера», восстановлены в правах и получили небольшую денежную компенсацию за каждый год, проведенный в тюрьме. Среди новых судебных дел политические преступления составляли 0,5%. В 1983 году была ограничена сфера влияния Министерства государственной безопасности. Из его компетенции было выведено и передано в ведение Министерства юстиции Управление трудовых лагерей. Прокуратуры аннулировали аресты, рассматривали протесты против беззаконных действий органов милиции, рукоприкладство тюремных охранников стало наказуемым. Проводилось обследование условий содержания заключенных в трудовых лагерях. Было запрещено учитывать классовую принадлежность обвиняемого. С 1984 года идеологическое промывание мозгов в тюрьмах и лагерях заменили профессионально-трудовым обучением. Было предусмотрено смягчение наказания, уменьшение тюремного срока, если заключенный ведет себя примерно. Отбыв срок, он мог теперь вернуться к своей прежней семье[295]. С 1986 года численность лагерно-тюремного контингента снизилась примерно до пяти миллионов человек и держится на этом уровне. Это вполовину меньше, чем в 1976 году, и составляет 0,5% населения Китая (столько же, сколько в США, и меньше, чем бшо в СССР в последние годы перед его распадом[296]). Несмотря на значительные усилия процент от общего валового дохода, приходящийся на долю лаогай, остается в три раза меньше, чем в конце 50-х годов[297].

Поступательное развитие общества продолжилось и после «второй Тянь-аньмынь»*. С 1990 года граждане Китая могут подавать судебные жалобы на органы власти. С 1996 года наказания за административные проступки не превышают одного месяца, а максимальный тюремный срок в лаоцзяо сокращен до трех лет. Выросла роль и самостоятельность адвокатуры, с 1990 по 1996 год число адвокатов в стране удвоилось. С 1995 года в муниципальных органах введена конкурсная система приема на работу новых сотрудников, тогда как раньше в их штате преобладали отставные военные или милиционеры[298].

Китаю, однако, еще предстоит пройти долгий путь, прежде чем он станет правовым государством. Здесь пока нет презумпции невиновности, из уголовного кодекса не вычеркнуто такое «преступление», как контрреволюционный заговор, хотя его используют с осторожностью. В декабре 1994 года все исправительные заведения Китая вместо «лаогай» стали называться единым словом «тюрьма», хотя, как пишут в прессе, нужно уточнить, что «функции, характер и задачи тюремной администрации» остались без изменений[299]. Судебные процессы остаются, как правило, закрытыми, приговоры не мотивируются и выносятся поспешно, без тщательного предварительного следствия. Общество насквозь коррумпировано, но по обвинению в коррупции в 1993—1995 годах было осуждено не более 3% привлекавшихся к уголовной ответственности по этой

* Имеется в виду разгон студенческой демонстрации на площади Тяньаньмынь в 1989 году. *(Прим. ред.)*

статье[300]. Члены коммунистической партии — их в стране *4%* от всего населения — в 80-е годы составляли 30% всех лиц, привлекавшихся к суду, и только 3% казненных[301]. Единственное объяснение этому обстоятельству — продолжающиеся тесные дружеские связи между политико-партийными органами и работниками судов. В середине 90-х годов состоялся громкий судебный процесс над сотрудниками Пекинского городского совета, обвиненными в крупной растрате. Но он так и остался единственным событием такого рода. Коммунистическая номенклатура, все более вовлекающаяся в предпринимательство, остается практически неуязвимой.

В Китае продолжает широко применяться смертная казнь. Ежегодно к ней приговаривают сотни людей по обвинению в таких преступлениях, как контрабанда, нелегальный вывоз из страны произведений искусства, разглашение государственной тайны — последнее трактуется в Китае весьма свободно. С 1982 года председателю страны предоставлено право помилования, но на практике оно не используется. Ежегодно в Китае приводится в исполнение несколько тысяч смертных приговоров. Это больше половины всех казней, совершаемых на планете — слишком большая цифра по сравнению с концом 70-х годов и огромная по сравнению с последними столетиями Китайской империи[302]. Эту легкость физического уничтожения людей можно объяснить периодами различных кампаний и кризисов. В 1983 году наблюдался всплеск преступности, было проведено свыше миллиона арестов и около десяти тысяч человек были казнены (многие казни были осуществлены публично в «педагогических» целях, что в принципе запрещено Уголовным кодексом). Многие судебные дела были преданы огласке, процессы походили на судилища 50-х годов. Официальная власть хотела расправиться со всеми, кто угрожал ей. В ходе кампании «борьбы с моральной нечистоплотностью» преследованиям подверглись неугодные деятели науки и культуры, священнослужители, иностранцы[303]. После событий на площади Тяньаньмынь весной 1989 года Дэн Сяопин и его свита были так напуганы, что жестокостью расправ с восставшим народом превзошли маоистское руководство образца 1976 года. В Пекине насчитывалось более тысячи погибших, около десяти тысяч раненых и десятки тысяч арестованных. Всего по Китаю было арестовано более 30 тысяч человек. В провинциях сотни расстреляны, часто тайком, без суда и следствия, иногда арестованных судили как уголовников. Тысячи людей были приговорены к разным тюремным срокам, а нераскаявшиеся организаторы выступлений получили до 13 лет тюрьмы. Власти возродили давно забытые приемы расправы с неугодными и их семьями, публичное шельмование арестованного, требования перед вынесением приговора покаяться и признать ошибки. Политические теперь составляют лишь незначительную часть от общего числа заключенных: в 1991 году их насчитывалось 100 000, среди которых — одна тысяча диссидентов[304]. Коммунистический Китай конца XX века — это более процветающая и менее жестокая страна, чем в эпоху Мао. Здесь простились с утопией и «очистительной» гражданской войной. Однако следует помнить, что пока мир не увидит истинного лица основателя китайской коммунистической деспотии, Китаю будет угрожать возможность реставрации коммунизма и как следствие — возрождение его зловещих методов насилия над людьми.

Тибет: геноцид под «крышей мира»

Нигде в Китае перегибы эпохи Дэн Сяопина не отозвались так губительно, как в Тибете. И нигде так отчетливо не проявилась преемственность политики двух «кормчих» — «Великого» и «Малого». Китай, будучи унитарным государством, предоставил своим национальным меньшинствам особые права, а самым многочисленным из них — более или менее широкую административную автономию. Однако от четырех до шести миллионов тибетцев выразили свое недовольство подобным административным делением, так как в прежние времена они были полноправными хозяевами своей земли, а историческая территория состояла не только из Тибетского автономного района (которому на сегодняшний день выделена лишь половина прежних владений), а включала все исконные области. Часть из них после передела отошла соседним китайским провинциям: Цинхай, образованной в 50-е годы за счет тибетского района Амдо; Сычуань, Ганьсу и Юньнань. В них немногочисленные тибетские народности еще больше были ущемлены в правах, чем население Тибетского автономного района. Это часто приводило к бурным протестам, например, к восстанию в районе Амдо в Северном Тибете, которое было жестоко подавлено[305].

Вторжение в Тибет Народно-освободительной армии Китая в 1950— 1951 годах обернулось настоящим бедствием для местных жителей. Эта драма подогревалась презрением всего населения КНР к «этим отсталым дикарям», обитающим на высокогорных плато. Так, по данным независимых наблюдателей, 70 тысяч тибетцев умерли от голода в 1959 и 1962—1963 годах. Как и в других труднодоступных провинциях Китая, вспышки голода здесь продолжались дольше, чем в остальных районах[306]. Потери составили от 2 до *3%* населения Тибета. По недавним подсчетам, проводившимся Беккером, число умерших от голода было гораздо выше, чем объявлено официально. В районе Цинхай, где родился нынешний далай-лама, погибло до 50% населения[307]. В 1965—1970 годах в Тибете было проведено, как и в других местах, только несколько позднее, насильственное объединение крестьянских дворов в милитаризованные народные коммуны. Требование правительства Китая собрать здесь, в Тибете, такие же «огромные», как по всей стране, урожаи зерновых, вынуждало местные власти ставить перед крестьянами абсурдные задачи: ускорять строительство плохо спроектированных ирригационных сооружений, создавать насыпные поля на склонах гор, отказываться от многопольного земледелия, необходимого на бедных и малоудобренных землях, и переходить на однопольное, заменять традиционную культуру — морозоустойчивый и сухостойкий ячмень — на более капризную пшеницу. Одновременно были сокращены пастбищные угодья, в результате чего снизилось поголовье яков. Тибетцы ощутили нехватку молочных продуктов (животное масло — основа питания тибетцев) и шкур, которыми зимой они покрывали свои жилища (вследствие чего некоторые жители погибли от холода). Объемы обязательных поставок государству сельскохозяйственных продуктов, как и повсюду, оказались непомерно высокими для тибетских хозяйств. В 1953 году местное население испытало дополнительные трудности: переселение в Восточный Тибет (Сычуань) десятков тысяч китайских крестьян, которым пришлось выделить часть коллективных земель. До этого в Тибетском автономном районе уже проживало около трехсот тысяч китайцев, в том числе двести тысяч военнослужащих, и обеспечение их продовольствием ложилось на плечи местных властей и, следовательно, населения.

С 1962 года в Китае по инициативе Лю Шаоци принудительно вводилось обновление сельского хозяйства. В Тибете оно насаждалось с 1965 года под лозунгом «один двор — один як»[308].

Тибет не обошла стороной и «культурная революция». С июля 1966 года хунвэйбины (среди них была и тибетская молодежь[309], что разрушило популярный среди сторонников далай-ламы незыблемый миф о единодушии тибетцев) обшаривали жилища крестьян, конфискуя изображения Будды и помещая на домашние алтари портреты Мао Цзэдуна, заставляли монахов участвовать в бесконечных «схватках» и «боевых дискуссиях», из которых те не всегда выходили живыми. С особой энергией хунвэйбины принимались громить монастыри, не щадя даже те из них, которые имели мировую известность. Чжоу Эньлаю пришлось даже издать особое распоряжение о неприкосновенности опустевшей резиденции «живого бога»* — дворца Потала в Лхасе и выделить отряд для его охраны. Разорение монастыря Джоханг дало толчок тысяче других кощунственных набегов на тибетские религиозные святыни. Вот что пишет о них один из монахов, свидетель происходивших тогда событий: «Там высились сотни часовен, а уцелели только две. Остальные разграблены и осквернены. Облачение, священные рукописи, церковная утварь — все разворовано и неизвестно, где сейчас находится <...>. Хунвэйбины не тронули лишь статую Шакьямуни у входа в Джокханг и то <...> потому, что она символизирует связь Тибета с Китаем. Целую неделю они бесчинствовали, а потом устроили в Джокханге солдатскую казарму, а в другом здании — скотобойню...»[310]. Тот, кто знает, какое значение имеет религия в тибетском обществе, поймет, насколько велик — больше, чем где бы то ни было, — ущерб, нанесенный разрушениями и грабежами. Армия, сплошь состоявшая из пришельцев и не имевшая корней в местном населении, была готова яростно защищать хун-вэйбинов, особенно когда местное население давало им отпор. Самые жестокие «фракционные разборки» между маоистскими группировками (в одной только Лхасе были тысячи убитых) пришлись здесь на конец «культурной революции» (лето 1968 года), когда армия навязала Тибету революционный комитет, который сама же и возглавила. За годы «культурной революции» здесь погибло не меньше китайцев, чем тибетцев[311].

Во все времена тяжелые испытания приходили в Тибет вместе с китайской армией. Но еще труднее пришлось Тибету в 1959 году, когда на местных жителей обрушилась насильственная коллективизация, уже три года как завершившаяся во всех остальных районах Китая. Ответом на нее было восстание, которое было зверски подавлено. Затем начались репрессии против местного населения, заставившие далай-ламу, первое духовное и светское лицо Тибета, эмигрировать в Индию в сопровождении около ста тысяч соратников, принадлежащих к самой просвещенной элите Тибета. И хотя в самом Китае 50-е годы также не были идиллией, однако на Тибетском нагорье власти продемонстрировали все свое жестокосердие по отношению к маленькому несгибаемому народу, в том числе к кочевникам-скотоводам, составлявшим почти 40% всего населения региона, и к обитателям монастырей. Завершение процесса коллективизации в середине 50-х годов не принесло тибетцам облегчения. Партизанское восстание в Чампо было беспощадно подавлено армией. В 1956 году во время празднования тибетского Нового года громадный монастырь Чоде-Га-

* Дворец Потала — бывшая резиденция далай-ламы. *(Примфед)*

ден-Пхенделинг в Батанге был разрушен бомбардировкой с воздуха, погибло более двух тысяч собравшихся там монахов и паломников[312].

Список жестокостей ужасен, и часто они не поддаются учету. Опираясь на свидетельства очевидцев, далай-лама с болью заявил всему миру, что тибетцев «не только расстреливали, но и забивали насмерть, распинали, сжигали заживо и бросали в воду, унижали, морили голодом, душили, вешали, бросали в кипяток, живьем хоронили в земле, четвертовали, обезглавливали»[313]. 1959 год стал самой печальной вехой истории Тибета. Тогда в Кхаме (Восточный Тибет) произошло восстание, завершившееся взятием Лхасы. Причиной этого восстания стали, с одной стороны, реакция населения на создание народных коммун и «большой скачок», стихийное выступление против многолетних поборов и вымогательств, а с другой — деятельность ЦРУ по массовой вербовке в партизаны Кхампа*, проходивших обучение ведению партизанской войны на базах в Гуаме и Колорадо[314]. Гражданское население, симпатизировавшее повстанцам и помогавшее им, пережило массированный обстрел района восстания китайской артиллерией. Победители заживо хоронили раненых повстанцев или бросали их на съедение голодным собакам; этим объясняется, что многие повстанцы покончили жизнь самоубийством. Взятие Лхасы и пленение 20 тысяч тибетцев, вооруженных охотничьими ружьями и саблями, произошло 22 марта, при этом погибло, по разным сведениям, от двух до десяти тысяч человек. Во время штурма столицы Тибета китайской армией дворец Римпоче и монастырь Потала использовались как мишени. Именно тогда духовный глава Тибета Далай-лама XIV и преданные ему люди были вынуждены бежать на чужбину, в Индию[315]. Еще одно восстание было поднято в Лхасе в 1969 году, и оно тоже было потоплено в крови. Партизанская война кочевников-кхампа вспыхивала в разных уездах Тибета вплоть до 1972 года. С октября 1987 года кровавый круговорот — мятежи, репрессии, снова мятежи — возобновился, особенно в Лхасе, и события приняли такой размах, что в марте 1989 года в столице было введено военное положение. Ранее Лхаса уже пережила трехдневные демонстрации протеста сторонников независимости Тибета, которым предшествовали антикитайские выступления. Затем в течение полутора лет, по данным генерала Чжан Шаосуна[316], власти выловили и казнили более 600 участников. В 90-е годы обращение китайских властей с тибетцами значительно улучшилось, таких жестокостей, как раньше, уже не было. Тем не менее некоторые действия оккупантов, например, обращение с монахинями, были недопустимыми. Редкая тибетская семья не понесла утраты в годы китайской оккупации[317].

Самая большая драма современного Тибета — сотни тысяч интернированных жителей, в среднем один тибетец из десяти. В 50—60-х годах мало кто вышел живым (некоторые источники называют цифру 2%[318]) из 166 трудовых лагерей, большая часть которых размещалась в Тибете и прилегающих к нему провинциях, а штаб-квартира проживающего в изгнании далай-ламы сообщила в 1984 году, что в этих лагерях погибли 173 тысячи тибетцев. Общины разоренных тибетских монастырей иногда в полном составе загонялись в угольные шахты. Заключенные содержались в ужасных условиях голода, холода или смертельной жары. Есть данные о казнях заключенных после их отказа отречься от идеи независимости Тибета и о случаях людоедства среди обезумевших заключенных в годы голодного «большого скачка»[319]. Каждый шестой тибетец

* Кхампа — жители Сычуани и соседних районов Тибета. *(Прим. ред.)*

был объявлен правым уклонистом — даже в Китае их было меньше: один ревизионист на двадцать жителей. Власти представляли дело так, будто тибетский народ — при том, что четверть его взрослого населения ламы — сплошь состоит из подозрительных «политических». В равнинном Тибете, в Сычуани, где местное население некогда помогло Мао собраться с силами после отступления, двое из трех местных жителей, арестованных в 50-х годах, были освобождены только в 1964, а то и в 1977 году. Панчен-лама, второй иерарх тибетского буддизма, в послании к Мао в 1962 году осмелился осудить голод и репрессии, сократившие численность его народа, за что был брошен в тюрьму, а позднее, в 1977 году, отправлен в ссылку; вынесенный ему «приговор» отменили лишь в 1988 году[320].

Мы не беремся утверждать наверняка, что китайские власти планировали физический геноцид тибетского народа, но культурный геноцид насаждался целенаправленно и планомерно. Первой жертвой стали буддийские монастыри и пагоды. На исходе «культурной революции» лишь в 13 из 6259 культовых зданий отправлялись службы. Здания, которым повезло, были переоборудованы под тюрьмы, казармы, ангары; несмотря на причиненный огромный ущерб, они смогли устоять, и некоторые теперь снова открыты. Но многие здания были разрушены до основания, а их сокровища (старинные рукописи, фрески, иконы-танки, статуи и т.д.) — уничтожены или разграблены, особенно если реликвии содержали драгоценные металлы. Они направлялись в переплавку; в 1973 году одна из пекинских плавилен получила под видом металлолома 600 тонн тибетских скульптур. В 1983 году посетившая Пекин тибетская миссия разыскала в китайской столице 32 тонны ламаистских святынь— 13 537 скульптурных изображений[321]. Политика искоренения буддизма сопровождалась указаниями нарекать тибетских новорожденных китайскими именами, до 1979 года новые школьные программы Тибета строились с упором на китайский язык и преподавание истории Китая. Ориентируясь (абсолютно неуместно) на печальный опыт антиманьчжурской революции 1911 года*, хунвэйбины насильно обрезали косы у тибетцев и тибеток и навязывали им модели одежды, популярные в тот момент среди китайцев.

Процент насильственных смертей от общей численности населения был в Тибете, несомненно, выше, чем в целом по Китаю. Трудно принять на веру данные, обнародованные в 1984 году тибетским правительством в изгнании, о том, что жертвы составляли 1 миллион 200 тысяч человек, то есть одна смерть на четыре человека. Особенно маловероятным представляется, что в военных столкновениях погибло 432 тысячи человек Но, учитывая число жертв репрессий среди мирного населения и узников лагерей, а также систематические расправы с коренным населением Тибета, можно говорить *о массовом истреблении* тибетского народа. Согласно официальной статистике население Тибетского автономного района уменьшилось с 2,8 миллионов жителей в 1953 году до 2,5 миллионов в 1964 году. Прибавив к этому эмиграцию и совершенно не учитываемые статистикой цифры рождаемости, получим 800 тысяч «дополнительных смертей», и общая цифра потерь среди тибетского населения станет соизмерима с численностью потерь среди населения в Камбодже во времена красных

* В знак освобождения от маньчжурского ига все участники революционных выступлений 1911 года срезали свои косы, в течение всего маньчжурского господства служившие символом подчинения китайцев маньчжурам. *(Прим. ред.)*

кхмеров[322]. Тибетские женщины зачастую не обращались в больницы, боясь искусственного прерывания беременности или стерилизации, которая, по слухам, ожидала их там даже при самом кратком визите к врачу. Не это ли показатель их полной незащищенности перед грубой политикой ограничения рождаемости, давно уже апробированной в многомиллионном Китае на коренном народе, но официально не распространявшейся на национальные меньшинства? Генеральный секретарь КПК Ху Яобан в дни своего визита в Лхасу в 1980 году плакал от стыда перед открывшейся ему нищетой, дискриминацией и сегрегацией тибетцев и заговорил о «явном государственном колониализме»[323]. Маленький, но верный себе народ имеет несчастье проживать в районе исключительной стратегической важности в самом сердце Азии. Должен ли он платить за это своим физическим уничтожением — по счастью, невероятным — или утратой души?

2

Северная Корея, Вьетнам, Лаос: посев Дракона

Пьер Ригуло

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ТЕРРОР И СЕКРЕТНОСТЬ В СЕВЕРНОЙ КОРЕЕ

Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) была создана 9 сентября 1948 года на территории к северу от 38-й параллели. По договору, подписанному с американцами в августе 1945 года, СССР взял на себя обязательство осуществлять в этой зоне временное управление; в ведение Соединенных Штатов отошла Южная Корея, расположенная к югу от 38-й параллели.

Вскоре советские власти запретили доступ на север Кореи всем представителям международного сообщества, и Северная Корея быстро превратилась в самое закрытое коммунистическое государство мира.

В первые два года существования КНДР эта закрытость еще более усилилась.

25 июня 1950 года Северная Корея развязала войну, которая до сих пор официально не прекращена, так как отсутствует мирный договор, а действует лишь перемирие, подписанное 27 июля 1953 года с войсками ООН. Эта война, во время которой значительно расширился круг тем, подпадающих под понятие «государственная тайна», усугубила тяжесть пропагандистской лжи и дезинформации.

Однако к этому привела не только война, причиной также была замкнутость северокорейского коммунистического режима, мало зависящего от остального коммунистического мира (во время китайско-советского конфликта этот режим лавировал, не принимая надолго сторону ни одного из соперников), а также боязнь внешних влияний, способных «поколебать идеологическое единство народа и партии». Эта же боязнь была присуща албанским и камбоджийским коммунистам. Неудивительно, что Северная Корея заслужила прозвище «государство-отшельник». Эта замкнутость получила идеологическое оформление: так называемые идеи чучхе, проповедующие выдержку, любовь к независимости и самодостаточность, были официально закреплены в уставе Корейской рабочей партии на ее V съезде в ноябре 1970 года.

В подобных условиях трудно надеяться на появление всеобъемлющей и подробной информации о репрессиях в Северной Корее, тем более что ни в самой стране, ни за ее пределами, в отличие от СССР и стран Восточной Европы, не была организована активная оппозиция, которая бы собирала и распространяла соответствующие сведения. Приходится довольствоваться интерпретацией официальных сообщений, а также свидетельствами перебежчиков. В последнее время количество последних увеличилось, тогда как в прежние годы их было крайне мало. Соседние страны, особенно Южная Корея, собирают о Северной Корее разведывательную информацию, однако к ней следует относиться с осторожностью.

Перед созданием коммунистического государства

Корейский коммунизм не является детищем Ким Ир Сена, как ни силятся доказать обратное панегирики вождю, которыми с пеленок пичкают северных корейцев. Он зародился гораздо раньше: уже в 1919 году в стране существовали две яростно соперничавшие группировки, называвшие себя большевистскими. Вначале Москва не поддерживала ни одну. Первыми жертвами корейского коммунизма были сами коммунисты. Сражавшиеся с японцами партизаны из так называемой иркутской группы Всероссийской партии коммунистов Кореи одновременно боролись с партизанами другой группировки, образовавшей в июне 1921 года Корейскую коммунистическую партию. Эта вражда, стоившая жизни нескольким сотням человек, вынудила Коминтерн вмешаться в события и попытаться объединить корейское коммунистическое движение.

Корейские коммунисты часто оказывались в авангарде борьбы с японцами (в 1910 году Япония превратила Корею в свою колонию), которые не щадили своих врагов. Многие коммунисты пали жертвами антиколониальной борьбы, тем не менее, часть ответственности за подавление корейских коммунистов лежит на них самих: кадры, формировавшиеся за границей, не знали собственной страны, а героические выступления, например, манифестации по символическим датам (вроде 1 мая), приводили к катастрофическим последствиям.

Многие коммунисты стали жертвами фракционной борьбы при разделе страны на две части после поражения Японии во Второй мировой войне. Ким Ир Сен, простой командир партизанского отряда, сражавшегося у границ Маньчжурии, был возвышен советским руководством, пренебрегшим коммунистами, давно действовавшими в стране. С сентября 1945 года в Пхеньяне началось истребление видных коммунистов — противников Ким Ир Сена, таких, например, как Хён Чхун Хек Каким было количество жертв? Десятки? Сотни? Это по сей день остается загадкой.

Националисты, которых еще терпели в Пхеньяне зимой 1945-46 годов, также вскоре подверглись преследованиям и арестам. Эти деятели во главе с Чхо Ман Сиком осудили решение московского совещания министров иностранных дел великих держав, состоявшегося в декабре 1945 года, согласно которому Корея должна была оставаться под международной опекой не менее пяти лет. Чхо Ман Сик был арестован 5 января 1946 и казнен в октябре 1950 года, во время эвакуации жителей Пхеньяна, которому угрожало наступление войск ООН. Разумеется, та же судьба постигла многих его политических соратников...

Репрессии обрушились и на население страны. В ее северной части Советский Союз всеми силами сколачивал государство по собственному образу и подобию: аграрная реформа, нацеленная на коллективизацию, единственная партия, охват населения идеологизированными общественными организациями и т.д. На любого политического противника, любого земельного собственника, всякого недовольного аграрной реформой, всякого гражданина, заподозренного в сотрудничестве с японцами, заводилось дело. Считать «чистки» прерогативой коммунистов было бы несправедливо: не исключено, что националисты действовали бы не менее жестоко. Однако кровавая бойня, устроенная именно утвердившимся коммунистическим режимом, заставила бежать в южную зону сотни тысяч корейцев: это перечисленные выше слои общества и вообще все, кто опасались за свою жизнь и имущество. Север очень быстро оказался закрыт для официальных международных организаций и для корейского Юга, однако

до 1948 года (официального провозглашения КНДР) у людей еще оставалась возможность перехода с Севера на Юг.

Жертвы вооруженной борьбы

Массовое бегство, продолжавшееся на протяжении первых трех лет коммунистического правления, в условиях разделившегося государства, не значило, что коммунистическое руководство отказалось от полной «коммунизации» населения полуострова. Просто предполагалось, что скоро под его властью объединится вся Корея. Недавно открытые для изучения московские архивы свидетельствуют, что Ким Ир Сену не терпелось опрокинуть тех, кого он называл марионетками американцев. Армия Юга значительно уступала в численности армии Севера, коммунисты устраивали по всему Югу, где господствующей была авторитарная концепция власти, забастовки, покушения и партизанские вылазки, а население Юга, по мнению Ким Ир Сена, испытывало доверие к нему и к его армии[1]. Зимой 1949—50 годов Ким Ир Сен получил от Сталина добро на вторжение в Южную Корею, и 25 июня 1950 года северокорейские войска неожиданно захватили Юг. Это было началом страшной бойни, стоившей населению обеих Корей более полумиллиона человеческих жизней. Среди китайцев, пришедших на помощь северным корейцам, когда войска ООН под командованием генерала Макартура вот-вот должны были одержать над ними блестящую победу*, погибли примерно 400 тысяч человек и еще больше было ранено. Среди северокорейских солдат погибших было 200 тысяч человек, среди южно-корейских — 50 тысяч, среди американских — 50 тысяч. Миллионы людей остались без крова. Французский батальон войск ООН потерял 300 человек убитыми и 800 ранеными.

Немного найдется войн, причиной которых столь явно выступало бы желание коммунистов распространить — «ради блага народа», разумеется, — зону своего влияния... В то время многочисленные французские интеллектуалы левого крыла (например, Жан-Поль Сартр) поддерживали коммунистов и обвиняли Южную Корею в нападении на миролюбивое государство. Сегодня благодаря изучению находящихся в нашем распоряжении архивов отпали последние сомнения: ответственность за эти и многие другие преступления несут коммунисты. На их совести гибель в плену шести тысяч американских военнослужащих и примерно такого же количества солдат других стран (в основном южнокорейцев), преследования французских и английских дипломатов, оставшихся в Сеуле и подвергнутых северными корейцами аресту и депортации, высылка миссионеров из Южной Кореи[2].

Как известно, трехлетние военные действия завершились подписанием в июле 1953 года перемирия, по условиям которого между двумя Кореями примерно по тому же рубежу, который разделял их перед началом боев, то есть по 38-й параллели, была учреждена демилитаризованная зона. Но перемирие — еще не мир. Северная Корея продолжила вторжения на территорию Юга, сопровождавшиеся многочисленными жертвами. Среди нанесенных Севером ударов особенно ощутимыми были: рейд 1968 года, когда отряд в количестве 31 человека совершил налет на дворец южнокорейского президента (среди

* Войска ООН (США и ряда других государств) оказали поддержку Южной Корее (Республике Корея) после вторжения на ее территорию северокорейских войск. *(Прим. ред.)*

Photos © F.Carte / Gamma

нападавших в живых остался всего один человек); нападение на членов сеульского правительства в бирманской столице Рангуне 9 октября 1983 года, приведшее к гибели 1б человек, в том числе 4 южнокорейских министров, и взрыв в воздухе самолета южно-корейской авиакомпании со 115 пассажирами на борту 29 ноября 1987 года.

По признанию арестованного террориста, эта акция (взрыв самолета) была организована Пхеньяном с целью доказать всему миру, что Сеул не в состоянии обеспечить безопасность предстоящих Олимпийских игр и подорвать его престиж[3].

Речь идет о единоборстве со всем капиталистическим миром. В 60-е и 70-е годы Северная Корея укрывала разного рода террористов, в частности членов японской Красной армии, совершавшей покушения в Израиле, палестинских и филиппинских партизан и подобных деятелей.

Коммунисты — жертвы северокорейской партии-государства

Как известно, в своем докладе на XX съезде КПСС Хрущев осудил в первую очередь преступления Сталина против самих коммунистов. В Северной Корее список жертв «чисток» внутри Трудовой партии тоже достаточно длинен. Подсчитано, что из 22 членов первого северокорейского правительства 17 были вероломно убиты, казнены или подвергнуты «чистке»[4].

Одновременно с подписанием перемирия в Панмунджоне стало известно о «чистке» в северокорейской партии, затронувшей ряд высокопоставленных функционеров. 3 августа 1953 года начался большой процесс над коммунистами из органов внутренних дел, обвиненных в шпионаже в пользу американцев и в намерении свергнуть правящий режим. Венгерский писатель и журналист Тибор Мераи, присутствовавший на процессе, был знаком с одним из обвиняемых, Сол Ян Сиком, переводчиком северокорейской делегации на переговорах в Кэсоне в июле-августе 1951 года, поэтом, переводившим на корейский язык Шекспира.

«Номер 14»

«На спине у каждого заключенного был вышит номер. Главный обвиняемый был помечен номером 1, наименее значительный — 14.

Номер 14 носил Сол Ян Сик. Я с трудом его узнал. Его красивое лицо, прежде полное вдохновения, было теперь хмурым, крайне усталым и покорным. Чуть раскосые глаза больше не светились, он двигался как робот. Через много лет я узнал, что перед процессом заключенных на протяжении нескольких недель хорошо кормили, чтобы не были заметны следы пыток. При публичном слушании дела власти пытались создать у присутствующих, особенно у журналистов, впечатление, будто заключенные здоровы, хорошо питаются, их физическое и психическое состояние не вызывает опасений. На этом процессе западных корреспондентов не было, присутствовали только представители советской прессы и коммунистических газет; цель постановщиков заключалась в том, чтобы лишний раз продемонстрировать виновность подсудимых, унизить этих людей, прежде занимавших видные посты.

Без учета этой особенности процесс очень походил на политические процессы в Венгрии, Чехословакии или Болгарии. Я был так поражен видом Сола, а перевод на суде был так плох, что почти не уловил смысла обвинений (я лишь надеялся,

что он меня не заметит; надежда была обоснованной» ввиду переполненности зала). Насколько я помню, речь шла о заговоре против корейской народной демократии и попытке убить Ким Ир Сена, любимого вождя народа. Обвиняемые якобы мечтали возродить старые феодальные порядки, <...> передать Северную Корею в лапы Ли Сынмана*, а главное, осуществляли шпионаж в пользу американских империалистов и их приспешников <...>»[5].

• Ли Сынман (1875—1965) — президент Южной Кореи в 1948—1960 голах. (Прим. ред.)

Среди подсудимых было немало высокопоставленных деятелей, в частности Ли Сун Ёп, секретарь ЦК коммунистической партии, Пэк Хюн Бок из Министерства внутренних дел, Чхо Ир Мун, заместитель министра культуры и пропаганды. Сол был в сравнении с ними мелкой сошкой. Многие из обвиняемых были уроженцами юга Кореи.

Министр иностранных дел Пак Хон Ён, коммунист с большим стажем подпольной борьбы, был приговорен к смерти 15 декабря 1955 года и спустя три дня казнен как «тайный американский агент». В 1956 году за ним последовали другие, среди прочих — Му Чхон, представитель так называемой яньаньской группы, бывший генерал 8-й китайской армии, командующий северокорейской артиллерией, впоследствии — начальник Генерального штаба совместных корейско-китайских войск во время войны с Югом и ООН. Следующая «чистка» затронула кадры, связанные с СССР, в частности Хо Кэя, и — повторно — кадры, связанные с «яньаньской группой» и с китайцами, например Ким Ду Бона, схваченного в марте 1958 года. Тогда же пострадали деятели, положительно относившиеся к хрущевским реформам. Новые волны «чисток» прокатились в 1960—1967 годах (в лагерь был отправлен Ким Кван Хип, член секретариата партии), в 1969 году (наиболее известная жертва этой «чистки» — Ху Хак Бон, отвечавший за тайные операции против Юга; тогда же исчезли 80 студентов Пхеньянского революционного института иностранных языков), в 1972 году (в лагерь попал Пак Кум Чхул, бывший вице-премьер и член Политбюро), в 1977 году (в лагерь был заключен Ли Ён Му, бывший член Политбюро; тогда же исчезло много студентов — детей ответственных работников), в 1978—1980 годах и т.д.

Все эти «чистки» носили системный, а не случайный или конъюнктурный характер. В сентябре 1997 года разразилась очередная «чистка», жертвами которой стали армейские офицеры и партийные работники, слывшие реформаторами, во главе с премьер-министром Кван Сон Саном. Согласно показаниям беженцев, всякий раз при возникновении в обществе напряжения, вызванного новыми материальными лишениями, власти, не желая нести ответственность за происходящее, объявляют козлами отпущения очередную группу коммунистов, которых отправляют в тюрьмы, лагеря или казнят.

Казни

Количество казненных неизвестно, но в северокорейском Уголовном кодексе насчитывается на менее 47 составов преступления, наказываемых смертью. Они подразделяются на следующие категории:

преступления против суверенитета государства;

преступления против государственных органов и государственной собственности;
преступления против личности;
преступления против имущества граждан;
воинские преступления.

Согласно оценке одного из лучших специалистов по северокорейской юридической системе 60—70-х годов Кан Ку Чхина, только во внутрипартийных «чистках» 1958—1960 годов пострадали примерно 9 тысяч человек: они были исключены из партии, преданы суду и казнены. Экстраполировав эту серьезную оценку и учтя количество известных массовых «чисток» (около десяти), получаем ужасающую цифру: 90 тысяч казненных! Речь идет, разумеется, лишь о порядке цифр, поскольку архивы Пхеньяна ныне не доступны.

Кое-какие выводы можно сделать из показаний перебежчиков. Они рассказывают о публичных казнях, преследующих цель произвести впечатление на гражданское население: казнят за проституцию, измену, убийства, изнасилование, мятеж... Толпа должна принимать активное участие в этом действе, поэтому исполнение приговора сопровождается криками, оскорблениями, в смертников летят камни. Иногда дело доходит до настоящего линчевания: приговоренного забивают до смерти под выкрикиваемые толпой лозунги. Большую роль играет во всем этом классовая принадлежность. Двое свидетелей рассказали представителям организации «Asia Watch», что за изнасилование наказываются смертью только граждане «самых низких категорий».

Судьи, послушные приказам партии (с самого начала от них требовали строгого следования марксистско-ленинской доктрине), судебные процессы, на которых предстают далеко не все, кто будет подвергнут заключению или казни, донельзя упрощенная судебная процедура, назначаемые партийными инстанциями адвокаты — вот основные особенности северокорейского судопроизводства.

Тюрьмы и лагеря

Г-жа Ли Сун Ок была членом Трудовой партии и заведовала центром снабжения ответственных работников. Став жертвой очередной «чистки», она была арестована вместе с другими товарищами. После долгих пыток водой и электротоком, побоев и лишения сна она призналась во всем, что от нее потребовали, в частности, в присвоении государственной собственности. Приговор —тринадцать лет тюремного заключения. Речь идет о настоящей тюрьме, хотя официально это название в стране не употребляется. 6 тысяч человек, в том числе 2 тысячи женщин, работали в исправительном комплексе с половины шестого утра до полуночи. Они мастерили тапочки, кобуры для револьверов, мешки, ремни, взрыватели, искусственные цветы. Беременных заключенных грубо принуждали к аборту. Родившегося в тюрьме ребенка либо душили, либо ему перерезали горло[6].

У нас уже есть свидетельства, проливающие свет на суровость условий в заключении. Потрясающие подробности о происходившем в северокорейских тюрьмах в 60—70-х годах поведал Али Ламеда, венесуэльский поэт-коммунист, сочувствовавший режиму и работавший в Пхеньяне переводчиком официальных пропагандистских текстов. Высказанного Ламедой сомнения в эффективности этой пропаганды оказалось достаточно, чтобы в 1967 году его арестовали. Сам он на протяжении лет, проведенных в неволе, не подвергался пыткам, од-

нако утверждает, что слышал вопли тех, кого пытали. За годы заключения он потерял 20 кг веса и покрылся нарывами и язвами.

В брошюре, опубликованной «Международной амнистией», он рассказывает о пародии на суд, в результате которой его приговорили к 20 годам принудительных работ за «попытку саботажа, шпионажа и помощи иностранным агентам в проникновении на территорию КНДР», а также об условиях заключения и об освобождение по прошествии шести лет благодаря неоднократным демаршам венесуэльских властей[7].

Существуют также свидетельства о применении голода как средства подавления у заключенного воли к сопротивлению. Пища дается в недостаточном количестве, негодного качества. Заключенные страдают поносами, болезнями кожи, пневмонией, гепатитом и цингой.

Тюрьмы и лагеря образуют обширную сеть репрессивных учреждений. К ним относятся:

—посты безопасности — подобие транзитных тюрем, где заключенные ожидают суда за мелкие политические провинности, а также за правонаруше ния и преступления неполитического характера;

—трудовые исправительные центры, в каждом из которых содержатся от ста до двухсот человек, признанных антиобщественными личностями или тунеядцами. Такие центры имеются почти в каждом городе. Содержание в центре продолжается от трех месяцев до года, часто без суда и приговора;

—лагеря принудительных работ. Таких в стране двенадцать, в каждом содержатся от 500 до 2500 человек. Обычно это уголовники, осужденные за кражи, покушение на убийство, изнасилования; однако среди них встречаются и дети политзаключенных, лица, осужденные за попытку покинуть страну, и др.;

—зоны депортации, где сосредоточены так называемые неблагонадежные элементы (члены семей лиц, перебежавших на Юг, родственники бывших землевладельцев и др.). Это принудительные поселения в отдаленных районах, охватывающие десятки тысяч людей;

—зоны особого режима — настоящие концентрационные лагеря, где содержатся, в частности, политзаключенные. Таких зон также насчитывается двенадцать, в них сосредоточены 150—200 тысяч человек. Данная цифра представляет собой 1% от всего населения страны, что гораздо ниже уровня, достигнутого советским ГУЛАГом к началу 50-х годов. Этот показатель следует расценивать не как следствие особенной снисходительности к нарушителям закона, а, скорее, как проявление высочайшего уровня контроля над населением.

Зоны особого режима концентрируются в северной части страны, в труднодоступных горных районах. Самой крупной является, видимо, зона Йодок: там содержатся 50 тысяч человек. Она включает изолированные лагеря Йонпян и Пёнджон, на долю которых приходится около двух третей заключенных зоны, а также лагеря Ку Юп, Ипсок и Дэсук (в них содержатся бывшие жители Японии — семьи отдельно от холостяков). Зоны особого режима имеются также в Кэчхоне, Хвасоне, Хверёне и Чхонджине.

Эти лагеря были созданы в конце 50-х годов для изоляции «политических преступников» и всех членов партии, не согласных с Ким Ир Сеном. Количество заключенных в них резко возросло в 1980 году в результате крупной «чистки», которая последовала за поражением противников учреждения династического коммунизма на VI съезде Трудовой партии. Некоторые из лагерей, как, напри-

мер, лагерь № 15 в зоне Йодок, поделены на «сектор революционного перевоспитания», заключенные которого еще сохраняют надежду выйти на свободу, и «сектор усиленного режима», откуда уже не выходит никто.

В «секторе революционного перевоспитания» содержатся главным образом бывшие члены политической элиты и репатрианты из Японии, поддерживавшие отношения с руководством японских организаций, имеющих связи с Северной Кореей.

Из рассказов немногих перебежчиков, прошедших через лагеря, вырисовывается страшная картина: колючая проволока, злобные сторожевые псы, вооруженная охрана, минные поля по периметру, чрезвычайно скудное питание, полная изоляция от внешнего мира, тяжелый труд (шахты, карьеры, рытье ирригационных каналов, лесоповал по двенадцать часов в сутки), к которому прибавляется еще несколько часов «политического воспитания». Возможно, самой страшной пыткой является голод. Заключенные идут на любые ухищрения, в частности, ловят и поедают лягушек, крыс, земляных червей...

Эта картина, словно взятая из ночного кошмара или фильма ужасов, дополняется использованием заключенных на «специальных работах» вроде рытья секретных тоннелей, на опасных участках с высоким риском радиоактивного заражения, а также в качестве живых мишеней на стрельбищах охраны. К этому следует добавить пытки, сексуальное насилие и другие ужасающие «аспекты» существования северокорейских заключенных.

Помимо всего вышеописанного, режим практикует семейную ответственность: семья попадает в лагерь целиком, даже когда осужден только один ее член. Правда, в этой сфере ощущается послабление: во время большой «чистки» противников Ким Ир Сена в 1958 году наказание распространялось на три поколения, что сейчас уже не применяется. Тем не менее существуют более поздние примеры подобных наказаний. Так, молодой перебежчик Кан Чхул Хван попал в лагерь в 1977 году в возрасте 9 лет. Он был интернирован вместе с отцом, братом, дедом и бабкой, потому что дед, бывший работник Ассоциации корейцев в Киото, допустил неосторожные замечания о преимуществах жизни при капитализме... До 15 лет Кан Чхул Хван находился в лагере для малолетних. По утрам он ходил в школу, где главным предметом было изучение «жития» «национального гения» Ким Ир Сена, а днем работал (прополка, собирание камней и т.д.)[8].

Можно сослаться на свидетельство французских дипломатов, попавших в северокорейский плен в июле 1950 года, в самом начале войны, или на опыт экипажа американского разведывательного корабля *«Пуэбло»,* задержанного в 1968 году. При всем различии обстоятельств рассказы тех и других дают представление о жестокости, практикуемой на допросах, циничном равнодушии к человеческой жизни, отвратительных условиях содержания[9].

В 1992 году еще два перебежчика сообщили свежие данные о жизни в крупнейшем северокорейском лагере Йодок. По их словам, условия в лагере настолько суровы, что, невзирая на ограждение, через которое пропущен электрический ток, сторожевые вышки через каждый километр, неминуемое судилище и публичную казнь в случае провала, каждый год попытку побега совершают полтора десятка заключенных. Таким образом, список преступлений коммунизма неуклонно отягощается: ведь, по словам этих двух корейцев, до них осуществить побег еще не удавалось никому...

Остановимся подробнее на рассказе бывшего охранника лагеря из зоны Хверён. В 1994 году этот человек сбежал в Китай, а потом добрался до Сеула. Благодаря ему наши представления о мире северокорейских лагерей значительно расширились[10].

По словам бывшего охранника Ан Мун Чхула, «плохие заключенные» обречены на смерть. К «плохим» относятся нарушители дисциплины, подстрекатели к неповиновению, убийцы, беременные женщины (заключенным запрещены сексуальные связи), лица, повинные в падеже скота и порче оборудования. Их уводят в карцер, ставят на колени, просовывают между бедрами бревно, привязывают к нему стопы и надолго оставляют в такой позе. Из-за нарушения кровообращения возникают органические изменения, и даже в случае прекращения пытки несчастные теряют способность самостоятельно передвигаться и через несколько месяцев умирают.

В этом лагере больше не устраивают публичных казней. Прежде это практиковалось, причем так активно, что не раз возникала опасность бунта согнанных на казнь зрителей. Требовалось присутствие чрезмерного количества вооруженной охраны, поэтому с 1984 года публичные казни были отменены.

Смертоносные лопаты

«Кто приводит в исполнение смертный приговор? Выбор принадлежит сотрудникам госбезопасности. Если им не хочется марать руки, то они расстреливают жертв; если возникает желание насладиться агонией, жертву ждет медленная смерть. Как выяснилось, убивать можно палкой, камнями, лопатой. Иногда заключенных убивают играючи: соревнуются в стрельбе, целясь в глаз. Порой их принуждают к гладиаторским битвам, в результате которых они раздирают друг друга на части. <...> Я неоднократно видел собственными глазами трупы со следами мучительной смерти. Женщины редко умирают без мучений <...>. Я видел отрезанные кинжалами груди, вывороченные древком лопаты гениталии, разбитые молотками затылки. <...> Смерть в лагере — заурядное явление. Политические заключенные отчаянно борются за выживание. Они готовы на все ради лишней порции кукурузы и сала. Но, несмотря на их желание выжить, в среднем четверо-пятеро ежедневно гибнут в лагере от голода, несчастных случаев или от рук охраны.

Сбежать из лагеря практически невозможно. Охранник, поймавший беглеца, может рассчитывать на партбилет и место на университетской скамье. Бывает, охранники принуждают заключенных лезть на заграждение из колючей проволоки, открывают пальбу и докладывают о предотвращении побега.

Политических охраняют не только люди, но и собаки. Это отлично обученные, страшные звери, настоящие машины для убийства. В июле 1988 года в лагере № 13 собаки напали на двоих заключенных. От несчастных не осталось ничего, кроме костей. В 1991 году собаки разорвали двух пятнадцатилетних юношей <...>».

Тот же очевидец рассказывает о подслушанном им разговоре начальника охраны лагеря № 13 с двумя подчиненными, в котором упоминались методы, использовавшиеся, как прежде считалось, только в нацистских лагерях уничтожения. «Товарищ, — сказал один охранник, заместитель командира отделения, — я вчера видел дым над трубой Третьего отдела [одно из подразделений Агентства национальной безопасности, ответственное за пограничные районы: данный лагерь находится вблизи китайской границы]. Правда ли, что там вытапливают жир из трупов?»

Начальник охраны ответил, что побывал однажды в тоннеле Третьего отдела под холмом.

«Я почувствовал запах крови и увидел на стене прилипшие волосы.., В ту ночь я не смог уснуть. Ты видел дым от сжигания костей преступников. Больше не смей об этом говорить, иначе поплатишься. Как бы тебе не получить черную фасолину [т.е. пулю] в башку...»

Другие охранники рассказывали свидетелю о том, как у них в лагере заключенных морят голодом, изучая сопротивляемость организма.

«Сотрудники, которым поручено казнить или проводить такие эксперименты, пьют спиртное, прежде чем идти убивать. Они превратились в настоящих специалистов: умеют так ударить заключенного молотком по затылку, чтобы отбить ему память. Из таких полутрупов делают живые мишени и практикуются с их помощью в меткости стрельбы. Когда у Третьего отдела кончается материал, черный грузовик, прозванный вороном, приезжает за пополнением, сея ужас среди заключенных. Ворон наведывается в лагерь раз в месяц и увозит неизвестно куда сорок-пятьдесят несчастных...»

Аресты всегда производятся тайно, без юридического оформления, так что в неведении остаются даже родители и соседи арестованных. Поняв, что человек исчез, они не задают никаких вопросов, чтобы не навлечь беду и на себя.

На фоне всех этих ужасов меркнут истории о лагерях северокорейских лесорубов, существующих в Сибири с 1967 года, хотя и там крайне тяжелые условия труда, полуголодное существование, вооруженная охрана, карцеры для непослушных по северокорейскому образцу и прочее.

После распада СССР благодаря показаниям нескольких сбежавших лесорубов и усилиям Сергея Ковалева, бывшего тогда председателем Комиссии по правам человека при Президенте РФ, условия жизни и труда этих рабочих улучшились и теперь контролируются не только северокорейской стороной.

Подведем некоторые итоги. Согласно показаниям одного очевидца, в лагере № 22 содержится 10 тысяч человек; в день умирают в среднем пятеро. Зная, что всего в северокорейских лагерях содержится порядка 200 тысяч заключенных (это число весьма приблизительно: разброс составляет от 150 до 400 тысяч), можно предположить, что в день в них расстаются с жизнью 100 человек, то есть 36 500 человек в год. Увеличив эту цифру в 45 раз (45 лет с 1953 по 1998 год), получим полтора миллиона смертей, за которые ответственность несет непосредственно северокорейский коммунистический режим.

Контролируемое население

Лагеря представляют собой концентрированный ужас, но и за их пределами не приходится говорить о свободе. Северная Корея — это место, где отрицаются индивидуальный выбор и автономия личности. «Все общество должно представлять собой единую политическую силу, вдохновляемую общими идеалами и могучей волей верховного руководителя», — было сказано по радио 3 января 1986 года. Распространенный в Северной Корее лозунг гласит: «Думать, говорить, действовать, как Ким Ир Сен и Ким Чен Ир*»...

* Сын Ким Ир Сена, бывший до его смерти (в 1994 году) вторым лицом в государстве. Ныне генеральный секретарь ЦК Трудовой партии Кореи. *(Прим. ред.)*

Государство, партия, общественные организации и полиция пронизывают общество снизу доверху и контролируют граждан во имя «десяти партийных принципов обеспечения единства». Именно этот текст, а не конституция, до сих пор управляет повседневной жизнью северных корейцев. Ограничимся третьим параграфом этого «великого» документа, гласящим: «Мы свято верим в мудрость нашего Вождя»...

Уже в 1945 году появился Отдел общественной безопасности, ответственный за тотальный контроль над населением. В 1975 году был официально учрежден Национальный цензурный комитет (на деле таковой существовал, естественно, уже давно), в 1977 году— Юридический комитет социалистического образа жизни".

Что касается политической полиции, то она действует в рамках созданного в 1973 году Министерства национальной политической безопасности, именуемого ныне Агентством национальной безопасности. Оно состоит из нескольких отделов: Второй отдел надзирает за иностранцами, Третий отвечает за охрану границ, Седьмой ведает лагерями и тд.

Раз в неделю каждый кореец «приглашается» на идеологические занятия и еще раз — на сеанс критики и самокритики, именуемый в Северной Корее «итогами жизни». Там надлежит уличить самого себя хотя бы в одной политической погрешности и адресовать не менее двух упреков своим слушателям...

Ответственные работники пользуются различными привилегиями, но при этом подвергаются усиленному контролю. Они живут в особых кварталах, все их разговоры, в том числе телефонные, прослушиваются, принадлежащие им аудио- и видеокассеты подвергаются проверке так называемыми ремонтниками или газовщиками, ищущими «утечки». Все северные корейцы из-за системы блокировки кнопок могут ловить на своих радио- и телеприемниках только государственные станции; на любые поездки требуются согласие с места работы и разрешение местных органов власти; прописка в Пхеньяне, как и в столицах многих других коммунистических стран, строго ограничена.

Попытка интеллектуального геноцида?

Мы уже говорили о закрытости Северной Кореи как о неотъемлемой части метода правления: практически невозможно получить точную и надежную информацию о том, что происходит в этом государстве. Изоляция от внешнего мира сочетается здесь с постоянной идеологической обработкой населения. Разумеется, перебежчики, которым удается вырваться из ежовых рукавиц режима, являются живыми доказательствами потрясающей способности человека к сопротивлению. Потому противники тоталитаризма и утверждают, что сопротивление существует всегда и везде и что «тотальность» — идеал *большого брата* — остается недостижимой.

В Северной Корее пропаганда ведется в двух основных направлениях. Первое — классическое марксистско-ленинское: революционное социалистическое государство обеспечивает своим гражданам непревзойденную по благополучию жизнь. При этом необходима постоянная бдительность в отношении враждебного империалистического окружения (тем более, добавляем мы сегодня, что почти все заграничные «товарищи» уже капитулировали). Второе направление архаично и окрашено национальным колоритом: пренебрегая диалектическим материализмом, северокорейское руководство создало мифо-

логию, призванную убедить подданных династии Ким, что союзниками их вождя являются даже небо и земля. Приведем только несколько примеров. 24 ноября 1996 года официальное северокорейское агентство сообщило, что во время инспекционной поездки Ким Чен Ира по частям северокорейской армии в Панмунджоне (район, где было подписано перемирие; там же проходила линия соприкосновения между армией Севера и военными силами Юга и США) местность неожиданно окутал густой туман. Благодаря этому «любимый руководитель» смог побывать в разных точках и обследовать вражеские позиции, оставшись незамеченным. Туман волшебным образом рассеялся, стоило Ким Чен Иру пожелать сфотографироваться с группой солдат... Схожее явление наблюдалось на острове в Желтом море. Прибыв на передовой наблюдательный пост, Ким Чен Ир стал изучать оперативную карту. Дождь и ветер стихли, как по волшебству, облака рассеялись, в небе засияло солнце... В сообщениях того же официального агентства говорилось, среди прочего, о «загадочных явлениях, наблюдавшихся по всей Корее с приближением третьей годовщины смерти Великого вождя <...>. В уезде Кумчхон затянутое облаками небо внезапно стало голубым, <...> а к Пхеньяну устремились три скопления розовых облаков. К 20.10 четвертого июля шедший с утра дождь прекратился, и над статуей президента засияла двойная радуга <...>. С наступлением темноты над статуей загорелась звезда невиданной яркости»... И так далее[12].

Строжайшая иерархия

В этом государстве, называющем себя социалистическим, население не только подвергается тотальному контролю, но и строго поделено на группы в зависимости от социального происхождения, места рождения (откуда происходит семья — с Севера или с Юга), политической деятельности в прошедшие годы и проявлений лояльности режиму. Такое «научное» деление населения существует уже с 50-х годов. Усилиями бюрократии была выделена 51 категория граждан. Принадлежностью к той или иной категории определяется материальное, социальное и политическое будущее каждого гражданина. Система оказалась тяжеловесной, поэтому в 80-е годы она была упрощена: число категорий уменьшилось с 51 до 3. (Особое внимание секретные службы уделяют тем гражданам, которые побывали за границей, независимо от того, жили они там постоянно или просто находились с временным визитом.)

Оставшиеся три категории это: «центральная» — «ядро общества», «неопределенная» и «враждебная». На долю последней приходится примерно четверть северокорейского населения. С помощью такого разграничения северокорейская коммунистическая система установила подлинный апартеид: молодой человек «хорошего происхождения» (скажем, потомок партизан, боровшихся с японской оккупацией) не может взять в жены девушку «плохого происхождения» (например, родом с Юга). Бывший дипломат Ко Ён Хван, работавший в 80-е годы первым секретарем северокорейского посольства в Заире, утверждает: «В Северной Корее действует система, еще более жесткая, чем кастовая»[13].

Если подобная дискриминация по признаку происхождения еще может быть как-то объяснена требованиями марксистско-ленинской доктрины, то биологическую дискриминацию оправдать гораздо труднее. Тем не менее факты неопровержимо свидетельствуют о жестоком остракизме, которому подвергаются северокорейские инвалиды. Им запрещено проживать в Пхеньяне;

до последнего времени их отправляли в ближайшие пригороды столицы, где их могли навещать родственники. Теперь же инвалидов ссылают в отдаленные районы, в горы или на острова Желтого моря. Точно известны названия двух таких мест ссылки; Боуджун и Ыйджо на севере, недалеко от китайской границы. Недавно дискриминация в отношении инвалидов была усугублена высылкой их из других крупных городов: Нампхо, Кэсона и Чхонджина.

Кроме инвалидов, преследованиям, арестам и высылкам в лагеря подвергаются карлики, которых лишают не только свободы, но и права иметь потомство. «Порода карликов должна исчезнуть!» — провозгласил сам Ким Чен Ир[14].

Беглецы

Несмотря на строгую охрану границ, кое-кому из северных корейцев все же удается бежать. За послевоенное время на Юг пробрались примерно 700 человек; считается, что китайскую границу перешла не одна тысяча беженцев. Не имея понятия о происходящем за пределами их страны, северные корейцы, жертвы неусыпного контроля, пока еще не очень активно переходят границу. По некоторым оценкам, за 1997 год в Южную Корею перешли около ста человек Таким образом, наблюдается заметный рост по сравнению со средними показателями 80-х годов, а тем более предшествовавших десятилетий. С 1993 года количество переходящих границу за год выросло впятеро и имеет тенденцию к дальнейшему увеличению. Обычно отваживающиеся на тайный переход границы бегут от нависших над ними репрессий или являются людьми, уже имевшими случай побывать за рубежом. Недаром среди перебежчиков велика доля дипломатов и ответственных работников. В феврале 1997 года убежище в посольстве Южной Кореи в Пекине нашел главный партийный идеолог Кван Чан Ёп; конечной целью его бегства стал Сеул. Посол КНДР в Египте, перебравшийся в конце августа того же года в Соединенные Штаты, имел основания опасаться за свое политическое будущее: годом раньше «исчез» его сын. Ко Ян Хван, уже упоминавшийся выше дипломат из корейского посольства в Заире, тоже боялся ареста: во время просмотра телевизионного репортажа о процессе над четой Чаушеску он имел неосторожность пожелать, чтобы в его стране «не произошло ничего подобного», — вопиющее доказательство недоверия к руководству. Он сбежал, узнав о появлении в посольстве агентов государственной безопасности через несколько дней после его злосчастной оговорки. По его свидетельству, любая раскрытая и предотвращенная попытка бегства неминуемо означает арест и заключение в лагерь. Бывало и хуже: корейский дипломат в иорданской столице Аммане, заподозренный в попытке сбежать, был «нейтрализован»: закован в гипс с головы до ног и немедленно выслан в Пхеньян.

Простым людям, чьи попытки бегства кончаются неудачей, везет не больше. Как писала недавно французская пресса[15], с беглецами, скорее всего, расправляются почти сразу после поимки, и потому они не подвергаются наиболее жутким издевательствам: «Свидетельские показания, собранные вдоль течения реки Ялу, совпадают. Полицейские, поймав беглецов, пропускают проволоку через щеки или ноздри предателей родины, подло замысливших ее покинуть. После этого их ждет казнь, а их семьи — отправка в трудовые лагеря».

Действия за границей

Не довольствуясь грубым пресечением любой попытки бегства, северокорейское руководство отправляет своих агентов за рубеж, чтобы они и там разили врагов режима. Так, в сентябре 1996 года во Владивостоке был убит культурный атташе Южной Кореи. Япония подозревает северных корейцев в похищении примерно двадцати японок, которые впоследствии в принудительном порядке были отправлены в школу подготовки шпионов и террористов. Другая причина напряженности между Японией и Северной Кореей — судьба сотен японок, поселившихся в КНДР после 1959 года с мужьями-корейцами. Вопреки обещаниям, данным в свое время северокорейскими властями, ни одна из них не смогла побывать на родине, даже временно. Из свидетельств редких перебежчиков, прошедших лагеря, явствует, что некоторые из этих женщин были арестованы и что уровень смертности в их среде чрезвычайно высок. Из четырнадцати японок, заключенных в конце 70-х годов в лагерь Йодок, в живых через пятнадцать лет остались всего две. Северокорейские власти пользуются этими несчастными, которым сулят отъезд, для получения продовольственной помощи. Правда, в сообщениях корейского информационного агентства не говорится, сколько килограммов риса стоит, по мнению властей, одна освобожденная японская женщина. Данной ситуацией занимаются кроме прочих организация «Международная амнистия» и Международное общество защиты прав человека.

Практикуется также похищение южно-корейских рыбаков. За 1955— 1995 годы насчитывается множество подобных инцидентов. По данным правительства Южной Кореи, было похищено более четырехсот рыбаков. К другим южно-корейским гражданам, ставшим жертвами северокорейской жестокости на чужой территории, относятся, в частности, пассажиры и члены экипажа угнанного в 1969 году и не возвращенного Югу самолета; южно-корейский дипломат, похищенный в Норвегии в апреле 1979 года; преподобный Ан Сун Ун, похищенный в Китае и переправленный в июле 1995 года в Северную Корею.

Недоедание и голод

Недавно возникла новая тема, бросающая тень на северокорейский режим: острая нехватка продовольствия у населения страны. Продовольственное снабжение оставалось там неудовлетворительным всегда, однако за последние годы ситуация настолько осложнилась, что сами северокорейские власти, пренебрегая священным принципом самообеспечения*, стали просить о международной помощи. Урожай зерновых составил в 1996 году 3,7 миллиона тонн, что на 3 миллиона тонн меньше, чем в начале 90-х годов. Сотрудникам Программы всемирной продовольственной помощи ООН, а также Соединенным Штатам и Европейскому сообществу Северная Корея в качестве причин неурожая называла различные природные бедствия, обрушившиеся на страну (наводнения в 1994 и 1995 годах, засуха и цунами в 1997 году), однако в действительности катастрофа с продовольствием была вызвана спецификой планового, централизованного сельского хозяйства, присущей любой социалистической стране. Грубейшие ошибки, вроде полного сведения лесов в холмистой местности, поспешного устройства тер-

* Центральный принцип традиционного корейского учения «чучхе». *(Прим. ред.)*

рас' некомпетентными работниками, выполнявшими указания партийной верхушки, также сыграли роль в увеличении ущерба от наводнений. Крушение советского коммунизма и новый курс Китая привели к резкому уменьшению помощи, которую эти страны оказывали КНДР. Ныне Россия и Китай стремятся торговать по законам мирового рынка, а не помогать безвозмездно. У властей Северной Кореи почти нет валюты на покупку сельскохозяйственной техники, удобрений и горючего.

Какова же на самом деле серьезность ситуации с продовольствием? Об этом ничего не известно в точности, несмотря на утверждения о катастрофе таких гуманитарных организаций, как «World Vision», оценивавшей в 1997 году число жертв в 2 миллиона, или немецкого Красного Креста, считающего, что в Северной Корее гибнет от голода 10 тысяч детей в месяц[16].

Однако существуют явные указания на серьезные трудности. Доклады экспертов ООН подтверждают слухи, циркулирующие среди населения пограничных районов Китая. Недоедание охватило всю страну, а в некоторых районах свирепствует настоящий голод. Впрочем, использование свиде-тельств сердобольных путешественников, с легкостью заявляющих о «миллионах, которых ждет гибель, если не прийти им на помощь», распространение за границей фотографий истощенных детей и видеозаписей телепередач, в которых корейским зрителям даются советы, как питаться травой, — все это указывает на хорошо оркестрованную кампанию, призванную представить в совершенно черном свете ситуацию, о которой, конечно, нельзя сказать ничего обнадеживающего. Сегодня речь идет не о том, чтобы заставить кого-то сказать — как когда-то президента Э. Эррио** об Украине, - будто все идет хорошо, в то время как там свирепствует голод. Утверждается как раз обратное: Северная Корея поражена ужасным голодом и всякая остановка помощи может спровоцировать необдуманные и опасные акции, способные подорвать стабильность на полуострове и мир на всем Дальнем Востоке. Огромная северокорейская армия тем не менее хорошо питается и вооружается все более точными ракетами.

Мы не располагаем точной информацией о жертвах, вызванных нехваткой продовольствия, если не считать данных, предоставляемых самими северокорейскими властями. Известно лишь о высокой доле детей с признаками недоедания. Специалисты по питанию Всемирной программы продовольственной помощи обследовали 4200 детей, отобранных самими северными корейцами, и получили результат: 17% страдают от недоедания[17]. Это как будто подтверждает наличие проблемы по всей стране и существование локальных или даже региональных очагов голода. Недоедание, даже голод, теснейшим образом связаны с политикой северокорейского режима, однако борьбу с этим злом ведет «империалистический» мир, поставляющий зерно миллионами тонн. *Чрезвычайно важный вывод состоит в том, что будь северокорейское население оставлено один на один со своим коммунистическим режимом, в стране разразился бы настоящий голод, последствия которого были бы ужас-ны.* Следует также иметь в виду, что при всей опасности недоедания его послед-

* Сооружения, искусственно изменяющие поверхности сильно покатых склонов и образующие уступы; применяются для борьбы с водной эррозией почвы. *(Прим. ред.)*

** Эррио Эдуар — премьер-министр Франции в 1924—1925, 1926,1932 годах. Правительство Эррио установило дипломатические отношения (1924) и подписало договор о ненападении (1932) с СССР. *(Прим. ред.)*

ствия проявляются не непосредственно, а часто как общее ослабление организма и его подверженность различным заболеваниям.

С другой стороны, говоря о многих сотнях тысяч прямых и косвенных жертв нехватки продовольствия, нельзя забывать об усилиях самого северокорейского правительства всячески очернить положение. Точно так же поступали большевики, создавшие в июле 1921 года Комитет помощи голодающим, чтобы привлечь внимание ненавистного буржуазного мира к своим проблемам и получить необходимую помощь.

Конечный итог

Несчастья, обрушившиеся на Северную Корею по вине коммунистов, труднее, чем где бы то ни было, охарактеризовать количественно. Причина в скудости статистики, невозможности изучить ситуацию на месте, недоступности архивов и, кроме того, в закрытости страны. Как выразить в цифрах продукт лживой навязчивой пропаганды? Как передать с помощью арифметики отсутствие любых свобод — объединений, слова, передвижения и других? Как оценить исковерканную жизнь ребенка, отправленного в лагерь потому, что его дед был осужден, или женщины, находящейся в заключении и принуждаемой к аборту в ужасных условиях? Как изобразить методами статистики убожество жизни, где не хватает всего: еды, тепла, удобств, одежды? Чего стоит в сравнении с этим «американизация» южно-корейского общества, о которой с гневом говорят наши ультралибералы, смеющие ставить знак равенства между несовершенной демократией Юга и организованным кошмаром Севера?

Иногда также замечают, что северокорейский режим является такой же карикатурой на коммунизм, как и правление красных кхмеров, архаичным сталинистским исключением. Все так, только этот азиатский «музей коммунизма» по-прежнему функционирует...

Итак, прибавим к ста тысячам жертв внутрипартийных «чисток» 1,5 миллиона погибших в лагерях и 1,3 миллиона убитых в развязанной коммунистами войне — до сих пор не оконченной и беспрерывно множащей список жертв путем проведения точечных, но вполне смертоносных операций (нападения северокорейских диверсантов на Юг, террористические акты и т.д.). Присовокупим сюда прямые и косвенные жертвы голода. По этому последнему вопросу нам катастрофически недостает данных. Но если удовлетвориться подсчетами, согласно которым с 1953 года из-за ослабления организма, вызванного недоеданием, и от настоящего голода скончались 500 тысяч человек (а сейчас множатся, оставаясь неподтвержденными, слухи о распространении каннибализма), то получится, что в стране с населением в 23 миллиона жителей коммунизм за полвека правления лишил жизни более трех миллионов человек.

Жан-Луи Марголен
ВЬЕТНАМ: ТУПИКИ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА

«Мы превратим тюрьмы в школы!»

Ле Зуан, генеральный секретарь Коммунистической партии Вьетнама[18].

Большому числу людей на Западе до сих пор трудно осудить вьетнамский коммунизм. Ведь многие поддерживали борьбу *Коммунистической партии*

Вьетнама (КПВ)* сначала с французским колониализмом, потом с американским империализмом и были готовы объявить ее выразительницей чаяний народа, обуреваемой стремлением построить общество равенства и братства. Остальное сделали располагающий облик основателя партии и ее вождя до 1969 года Хо Ши Мина, исключительная стойкость бойцов и умелая внешняя пропаганда, построенная на ценностях мира и демократии. Насколько трудно симпатизировать Ким Ир Сену и его твердокаменной политике, настолько естественным казалось предпочесть прогнившему сайгонскому режиму Нгуен Ван Тхиеу (1965—1975) улыбчивый аскетизм красных мандаринов Ханоя. Хотелось верить, что КПВ — не сталинистская партия, что, преследуя прежде всего цели национального освобождения, она просто воспользовалась коммунистической этикеткой, чтобы получать помощь от Советского Союза и Китая.

Никто не отрицает искренность патриотизма, проявленного вьетнамскими коммунистами в их длившейся полвека беспримерной борьбе с французами, японцами, американцами и китайцами. Обвинение в измене или в коллаборационизме часто звучало во Вьетнаме (так же, как обвинение в контрреволюционной деятельности в Китае). Однако повсюду, а особенно в Азии, коммунизм оказался вполне совместим с национализмом и даже с ксенофобией. Под маской симпатичного всем национального единства скрывался верный отцам-основателям режим сталинско-маоистского толка, быстро показавший свое подлинное лицо.

Молодая *Коммунистическая партия Индокитая* (КПИК) начинала довольно плохо[19]. Едва образовавшись, она уже в 1930 году была осуждена на громком процессе сайгонских активистов, которые казнили в 1928 году своего товарища и сожгли его труп (вполне в традициях тайных обществ и националистического терроризма); вся вина казненного состояла в том, что он соблазнил женщину — члена партии[20]. В 1931 году КПИК чересчур активно занялась созданием в Нгетине сельских «советов» по примеру Цзянси, не учитывая разницы в масштабах Китая и Вьетнама, и тут же принялась сотнями уничтожать землевладельцев. Часть жителей разбежались, что способствовало быстрому возвращению и победе колониальных войск. Влившись в состав «единого фронта» — Лиги борьбы за независимость Вьетнама *(Вьетминя)* вьетнамские коммунисты рискнули приступить к широкомасштабной вооруженной борьбе и весной 1945 года занялись «предателями» и «реакционерами» (иногда имелось в виду все чиновничество). Среди врагов, подлежащих уничтожению, хорошо вооруженные японские оккупанты не фигурировали... Один из видных членов КПИК предложил провести кампанию покушений для «ускоренного прогресса движения»[21]. В числе мишеней оказались деревенские собственники: создавались «народные трибуналы», судившие их и конфисковывавшие имущество[22]. Жертвами террора стали также политические противники слабой КПИК, в которой состояли в тот момент всего 5 тысяч членов: требовалось как можно быстрее обезглавить движение национального освобождения, чтобы самим занять место устраненных вождей. Поддерживаемая японцами националистическая партия «Дайвьет» была подвергнута яростным преследованиям: одно мест-

*КПВ — основана в феврале 1930 года. С октября 1930 года по февраль 1951 года называлась Коммунистической партией Индокитая (КПИК); с 1951 года по февраль 1976 года — Партия трудящихся Вьетнама; с 1976 года — вновь КПВ. *(Прим. ред.)*

ное отделение Вьетминя потребовало у Ханоя электрогенератор и специалиста для крупномасштабных пыток «предателей»".

Августовская революция в 1945 году и капитуляция японцев вознесла Хо Ши Мина на вершину власти, а КПИК превратилась в главную структуру нового государства. На протяжении нескольких недель, предшествовавших прибытию союзных войск (французских и британских на юге, китайских на севере), партия активно искореняла политическую конкуренцию. Не были забыты ни умеренные конституционалисты (в том числе их знаковая фигура Буй Куанг Тьею), ни политико-религиозная секта *Хоахао* (включая ее основателя Хюинь Фу Шо, также ответственного за множество убийств), ни крупный правый политик-интеллектуал Фам Куинь. Подлинному истреблению подверглись не слишком многочисленные троцкисты, сохранявшие активность в окрестностях Сайгона. Их лидер Та Ту Тхау был в сентябре арестован и убит в Куангнгае, особенно пострадавшем от «чисток»[24]. Сайгонский коммунистический лидер Чан Ван Зяу, получивший подготовку в Москве, впоследствии отказывался от ответственности за эти убийства, хотя в действительности поощрял их. 2 сентября он заявил: «Предатели родины крепят свои ряды и идут в услужение врагу <...>. Необходимо наказать банды, которые, создавая трудности Демократической Республике Вьетнам (ДРВ), помогают захватническим планам врага»[25]. В прессе Ханоя, контролировавшейся Вьетминем, 29 августа была помещена статья, призывавшая создавать во всех кварталах и деревнях «комитеты уничтожения предателей»[26]. Количество пойманных и убитых троцкистов составило десятки, если не сотни; другие троцкисты, участвовавшие в октябре в обороне Сайгона от франко-британских сил, были лишены боеприпасов и продовольствия, большинство из них погибли[27]. 25 августа в Сайгоне были учреждены органы государственной безопасности по советскому образцу, после чего опустевшие было тюрьмы быстро заполнились. При Вьетмине был создан «Комитет штурма и уничтожения», проводивший уличные шествия; его члены, навербованные из городских низов, устроили 25 сентября антифранцузский погром, после которого на улицах валялись десятки изуродованных трупов[28]. Вьетнамки, сожительствовавшие с французами, подвергались систематическим нападениям, большинство из них были убиты; вину за это возлагали на «лже-Вьет-минь». Только за август-сентябрь 1945 года Вьетминь записал на свой счет тысячи убийств и десятки тысяч арестов; часто это происходило по инициативе местных деятелей, однако невозможно оспаривать, что всей кампанией заправлял центральный аппарат. Впоследствии КПИК даже высказывала сожаление, что недостаточно активно истребляла «врагов»[29]. На севере, остававшемся под контролем КПИК до начала Индокитайской войны, в декабре 1946 года были созданы лагеря для заключенных и политическая полиция. В результате в ДРВ у власти осталась единственная партия - КПИК. Радикальные националисты из партии *Вьетнам Куок Дан Данг* (ВКДД, Национальная партия Вьетнама, основанная в 1927 году) физически истреблялись, начиная с июля 1946 года, в ходе кровавого противостояния с Вьетминем. Руководство КПИК не хотело вспоминать, что в период правления колониальных властей эта партия подвергалась не меньшим репрессиям, чем коммунистическая, особенно, после организации мятежа в Йенбае в 1930 году.

Впоследствии репрессии и жестокость, свойственные коммунистам, долгое время были направлены на вооруженное сопротивление французским войскам. Имеется немало свидетельств нечеловеческих условий содержания в пле-

ну бойцов Французского экспедиционного корпуса[30]. Многие не вышли оттуда живыми: после подписания Женевских соглашений в июле 1954 года из 20 тысяч человек освободились только 9 тысяч[31]. Пленные были лишены медикаментов, средств гигиены, часто их сознательно морили голодом, поэтому их еще сильнее косили страшные болезни, свирепствовавшие на индокитайском нагорье. Практиковались избиения, иногда настоящие пытки, пленные-французы использовались как ценный материал: этих «военных преступников» принуждали к «раскаянию» в пропагандистских целях. «Перевоспитание» на китайский манер (с 1950 года во Вьетнам стали прибывать посланные Мао советники) дало ряд блестящих результатов — чаще из-за физического и психологического истощения «раскаявшихся». Впоследствии в ДРВ отказались от этих методов, ибо пленные-вьетнамцы, с которыми обращались гораздо хуже, чем с французами, были уже не способны даже на «раскаяние».

В декабре 1953 года, когда победа была уже почти одержана, в освобожденных районах началась аграрная реформа. До конца 1954 года она распространилась на всю территорию севернее 17-й параллели, закрепленную, согласно Женевским соглашениям, за ДРВ, и продолжалась до 1956 года. Темпы и цели реформы совпадали с темпами и целями аграрной реформы в Китае в 1946—1952 годах: укрепление связи партии — вновь официально учрежденной в 1951 году под названием Партии трудящихся Вьетнама (ПТВ) — с беднейшим и средним крестьянством, подготовка экономического роста путем расширения государственного контроля и уничтожение самой возможности сопротивления коммунизму. Во Вьетнаме традиционная сельская элита, стремившаяся к национальному освобождению, в еще большей степени, чем в Китае, поддерживала победителей — Вьетминь. Тем не менее способы проведения аграрной реформы в точности соответствовали китайской модели: в каждой деревне активисты «разогревали» (иногда с трудом, при помощи театрализованных представлений) бедняков и середняков, после чего начиналось «осуждение» несчастных, иногда выбранных произвольно (следовало соблюдать квоту — 4%—5% населения; вспоминаются вечные *5%* — краеугольный камень маоизма)[32]. Осужденных ждали либо смерть, либо заключение и конфискация имущества. Как и в Китае, позору подвергалась вся семья репрессированного. Нежелание принимать во внимание его политические «достоинства» свидетельствует о безжалостном догматизме ПТВ и о ее желании установить полный контроль над обществом. Наглядный пример — история вьетнамки Лонг, земельной собственницы и богатой ком-мерсантки, матери двух преданных борцов Вьетминя, заслуженной «помощницы революции». Она дважды становилась объектом кампании осуждения, однако односельчане оба раза оставались пассивны. Тогда на место была выслана группа, получившая подготовку в Китае. Она обвинила г-жу Лонг в убийстве троих арендаторов в 1945 году, в сожительстве с французом, в пресмыкательстве перед колонизаторами и в шпионаже в их пользу. Измученная заключением, женщина во всем «созналась» и была приговорена к смерти. Сын, находившийся в Китае, был возвращен домой, разжалован, лишен наград и приговорен к 20 годам тюремного заключения[33]. По аналогии с китайским «судопроизводством» обвиняемый заранее считался виновным: партия не ошибается. В этих условиях наименьшим злом было сыграть предписанную роль. Получалось, что «лучше убить своих родителей и потом в этом сознаться, чем молчать по причине полной невиновности»[34].

Насилие приняло потрясающий размах. Тема *ненависти* к врагу — классовому или внешнему — становится ключевой. По словам Ле Дык Тхо, разделившего впоследствии с Генри Киссинджером Нобелевскую премию мира, «чтобы крестьяне взялись за оружие, сначала надо разжечь в них ненависть к врагу»". В январе 1956 года газета *«Нян Зан»* («Народ»), официальный орган коммунистической партии, писала: «Класс крупных земельных собственников не прекратит сопротивления, пока не будет полностью уничтожен»[36]. Как и в Китае, лозунг момента звучал так: «Лучше десять безвинно погибших, чем один уцелевший враг»[37]. Пытки получили столь широкое распространение, что в конце 1954 года это вызвало беспокойство у самого Хо: «Некоторые ответственные работники еще ошибочно прибегают к пыткам. Это — дикие методы, практиковавшиеся империалистами, капиталистами и феодалами с целью обуздания масс и революции. <...> На данном этапе (!) пытки строжайше запрещены»[38].

Во Вьетнаме к «исправлению» общества методом аграрной реформы была добавлена реформа самой партии (в Китае это произошло позже). Видимо, это объясняется тем, что большое количество партийцев были выходцами из привилегированных слоев. Снова всплыли пресловутые *5%* элементов, просочившихся в ПТВ из рядов националистов (ВКДД) — союзников китайского Гоминьдана; по примеру «чисток» в Цзянси в Китае началась охота за «контрреволюционными антибольшевистскими элементами». Паранойя превосходила все мыслимые границы: герои Индокитайской войны гибли или попадали в лагеря. Эта вспышка репрессий оставила в народной памяти глубокий след: даже теперь 1956 год (самые свирепые «чистки» приходились на начало года) в речах вьетнамских коммунистов является олицетворением ужаса. Рассказывают, как один из секретарей коммунистической партии, приговоренный к расстрелу, под дулами винтовок воскликнул: «Да здравствует Коммунистическая партия Индокитая!» Не будучи в состоянии понять, что происходит, он умер в уверенности, что его казнят фашисты[39]. Потери трудно выразить цифрами, но известно, что они были огромны: примерно 50 тысяч казней в сельской местности (не считая погибших во время боевых действий), что составляет 0,3%—0,4% всего населения (это очень близко к среднему количеству жертв аграрной реформы в Китае)[40]. Количество заключенных оценивается в 50 — 100 тысяч человек; в сельских партячейках было подвергнуто «чистке» 86% состава, среди участников антифранцузского сопротивления — до 95%. По словам одного из организаторов «чистки», признавшегося в июле 1956 года в «ошибках», «руководство неверно оценило организационную структуру партии. Оно решило, что сельские ячейки, прежде всего в недавно освобожденных районах, полностью находятся в руках врага или пронизаны вражеским влиянием, и даже местные органы управления испытывают воздействие земельных собственников и контрреволюционных элементов»[41]. Отсюда рукой подать до осуждения всего «нового народа» (см. главу о Камбодже).

Первой структурой, где были организованы отделы идеологической проработки, стала в 1951 году армия[42]. В 1952—1956 годах велось тотальное перевоспитание. На некоторых «занятиях» напряжение было так велико, что у людей потом приходилось отбирать ножницы и ножи, а ночью - не выключать свет во избежание самоубийств[43]. Конец «чистке» положила армия. Преследования настолько сильно затронули ее кадры, что участились случаи дезертирства и бегства в Южный Вьетнам[44]. Возникла угроза ослабления армии и невыполне-

ния возложенной на нее миссии по объединению страны. Военные нужды Вьетнама были гораздо более насущными, чем в Китае, что диктовало необходимость реалистического взгляда на вещи, а скромные размеры страны облегчили бегство недовольным (наглядным примером является судьба католиков Севера (1,5 миллиона человек, или 10% населения): будучи хорошо организованы, они под угрозой репрессий воспользовались возможностью уйти вместе с французскими войсками. Не менее 600 тысяч католиков перешли на Юг). В результате произвол и насилие стали ослабевать.

Сказалось и влияние XX съезда КПСС, состоявшегося в феврале 1956 года. С апреля того же года во Вьетнаме тоже стали расцветать скромные «Сто цветов». В сентябре стал выходить журнал *«Нян Ван»* («Гуманизм»), ненадолго ставший рупором интеллигенции, охваченной жаждой свободы. Писатели осмелились подвергнуть осмеянию прозу официального цензора То Хы, автора следующих стихов:

Да здравствует Хо Ши Мин,
Маяк пролетариата!
Да здравствует Сталин,
Огромное вечное дерево,
В тени которого процветает мир!
Убивать и убивать, и да не устанет рука даже на минуту,
Чтобы уродилось побольше риса,
Чтобы побыстрее собирались налоги!
Чтобы крепла партия, мы маршируем в едином порыве,
Восхищаемся председателем Мао,
Вечно поклоняемся Сталину[45].

Дерзость не прошла вольнодумцам даром: уже в декабре 1956 года литературно-критические журналы были запрещены и началась сходная с китайской кампания против свободы творчества, которую лично поддерживал Хо Ши Мин[46]. У правительства возникла необходимость обуздать ханойских интеллектуалов — членов партии, а также близких к ней лиц, многие из которых состояли ранее в рядах партизан. В начале 1958 года 476 «саботажников идеологического фронта», после принудительной «самокритики», были заключены в лагерь, подобный китайскому лаогаю[47]. Таким образом, в ДРВ, как и в КНР, оттепель наподобие хрущевской очень быстро сменилась новым приступом тоталитаризма. Но в отличие от Китая, во Вьетнаме его размах был ограничен войной на Юге: в 1957 году она вспыхивает с новой силой как реакция на суровые антикоммунистические репрессии поддерживаемого Соединенными Штатами режима Нго Динь Дьема. В мае 1959 года ПТВ принимает тайное решение расширить военные действия и отправить на Юг своих солдат и оружие, какого бы напряжения это ни стоило населению Севера. Это не мешает предпринятому в феврале 1959 года рывку в духе «большого скачка» в сельском хозяйстве, последовавшему за серией вдохновенных статей Хо, опубликованных в октябре 1958 года[48]. Развертывание гигантских ирригационных строек совпало с сильной засухой, что привело к падению производства и серьезному голоду, число жертв которого не установлено до сих пор[49]. Разрастающаяся война не помешала «чисткам» «просоветских» кадров в 1963—1965 годах, а затем в 1967 году (в время последней пострадал, в частности, бывший личный секретарь

«дядюшки Хо», так как ПТВ разделяла в то время «антиревизионизм» китайских коммунистов). Всего были репрессированы несколько сотен человек, некоторые из них томились потом в лагере без суда[50] целое десятилетие.

Война с американцами*, закончившаяся только с подписанием Парижских соглашений (январь 1973 года) и выводом американских войск, вернее, падением южновьетнамского режима (30 апреля 1975 года), не сопровождалась, вопреки опасениям многих, «кровавой баней» как это случилось позже в соседней Камбодже. Правда, вьетнамцы, воевавшие на противоположной стороне и попавшие в плен к коммунистам, как и «изменники» из рядов самих коммунистов, подвергались ужасному обращению и часто ликвидировались при перемещениях[51]. Очевидно, что гражданская война (она же «освободительная борьба») сопровождалась с обеих сторон зверствами, в частности, в отношении гражданского населения, упорствовавшего в поддержке того или другого лагеря. В связи с этим крайне трудно учесть все жертвы и определить, кто кого превзошел в использовании методов террора. За коммунистами числится как минимум одна крупномасштабная бойня: на протяжении нескольких месяцев, пока в руках вьетконговцев (так называли на Юге вьетнамских коммунистов) находилась древняя императорская столица Хюе, захваченная в ходе «наступления месяца Тэт» (февраль 1968 года), они убили не менее 3 тысяч человек (что оставляет позади наихудшие преступления американской армии), среди которых были вьетнамские священники, французские монахи, немецкие врачи и местные чиновники различных рангов. Некоторые из них были похоронены заживо, других вызывали на «учебу», с которой они не возвращались[52]. Понять эти преступления, так и не признанные теми, кто их совершил, очень трудно, но можно видеть, насколько они предвосхищают политику красных кхмеров. Не поступили бы коммунисты схожим образом, овладей они Сайгоном уже в 1968 году?

Однако в 1975 году они повели себя по-другому. На протяжении нескольких недель целый миллион бывших чиновников и военнослужащих сай-гонского режима имел даже основания надеяться, что пресловутая «политика снисхождения президента Хо» окажется не пустым звуком; эти люди без опаски регистрировались в органах новой власти. Но уже в начале июня их стали вызывать на «перевоспитание»: на три дня — рядовых солдат, на месяц — офицеров и крупных чиновников[53]. В действительности «три дня» превратились в три года, «месяц» — в семь-восемь лет; последние выжившие из «перевоспитанных» возвратились только в 1986 году[54]. Фам Ван Донг, тогдашний премьер-министр, признал в 1980 году, что на перевоспитание было отправлено 200 тысяч жителей Юга; по экспертным оценкам, их насчитывалось от 500 тысяч до 1 миллиона (при населении около 20 миллионов человек), в том числе студенты, интеллигенция, священнослужители (особенно буддийские, но также и католики), политические деятели (среди них были и коммунисты), многие из которых симпатизировали сторонникам северовьетнамских коммунистов из Фронта национального освобождения Южного Вьетнама. Этот Фронт оказался просто ширмой для северовьетнамских коммунистов, которые, захватив власть на Юге, немедленно нарушили все свои обещания по поводу уважения прав человека, свойственного Югу. Как и в 1954—56 годах, вчерашние попут-

* Официально война с американцами, поддерживавшими Южный Вьетнам, длилась с 1964 по 1973 год. *(Прим. ред.)*

чики и соратники были подвергнуты «перековке». К людям, годами томившимся в специальных учреждениях, следует добавить неизвестное, но, очевидно, значительное число тех, кто «легко отделался», то есть становился на несколько недель узником своего места работы или учебы. Отметим, что в периоды наибольшего свирепствования южновьетнамского режима противники слева обвиняли его в том, что в тюрьмах томятся двести тысяч человек...[55]

Условия заключения бывали разными. Многие лагеря, находившиеся вблизи городов, не были обнесены колючей проволокой и отличались более или менее приемлемым режимом. «Трудновоспитуемые» отсылались в малонаселенные горные районы Севера с нездоровым климатом; некоторые находящиеся там лагеря были первоначально предназначены для пленных французов. Для этих мест была характерна строгая изоляция, почти полное отсутствие медицинской помощи. Возможность выжить зависела зачастую от продуктовых посылок родственников, которых эти посылки буквально разоряли. Нехватка еды была столь же вопиюща в тюрьмах (в день 200 г красноватого риса вперемешку с мелкой галькой и песком), где часто удерживались в порядке предварительного заключения подозреваемые. Зоан Ван Тоай оставил душераздирающее описание мест заключения, сильно походящих на китайские, а если и отличающихся от них, то в худшую сторону — в смысле скученности, антисанитарии, жестоких и нередко приводящих к смертельному исходу телесных наказаний (среди которых была порка) и затянутости предварительного следствия. В камеру, рассчитанную на 20 человек, запихивали по 70—80, прогулки были невозможны из-за спешного возведения во дворе новых помещений для заключенных. Камеры, оставшиеся с колониальных времен, казались по сравнению с новыми сказочной роскошью. Тропический климат и недостаточная вентиляция затрудняли дыхание (заключенные старались пробраться к единственному крохотному оконцу), в камерах стояла нестерпимая вонь, арестанты страдали от непрекращающихся кожных болезней. Вода была строго нормирована. Но труднее всего было вынести многолетнюю изоляцию и отсутствие связи с семьей. Пытки применялись не открыто, а завуалировано, то же относится к казням. Любое нарушение режима наказывалось заключением в карцер; нормы питания в карцере были настолько мизерными, что через несколько недель пребывания там человеку грозила голодная смерть[56].

К этой картине «освобождения» следует добавить мучения сотен тысяч вьетнамцев, бежавших из страны на лодках: спасаясь от репрессий и нищеты, эти люди часто гибли в штормах или от пуль пиратов. Некоторое облегчение наступило только в 1986 году, когда новый генеральный секретарь Нгуен Ван Линь освободил большинство политзаключенных; в 1988 году были закрыты последние лагеря смертников в горных районах; впервые был принят Уголовный кодекс. Тем не менее либерализация отличалась половинчатостью и непоследовательностью; 90-е годы характеризуются непрочным равновесием между консерваторами и реформистами. Репрессивный зуд погасил многие надежды, хотя аресты и утратили былой размах. Многие интеллектуалы и священнослужители подвергались преследованиям и арестам; недовольство сельских жителей на севере вылилось в бунты, которые были жестоко подавлены. Надежда на улучшение ситуации коренилась, несомненно, в неуклонном расширении частного сектора экономики, позволявшего значительной части населения вырваться из-под контроля партии и государства. Государство тем временем пре-

вращалось в коррумпированную мафиозную структуру, что было чревато для еще более бедного, чем в Китае, населения новым, хотя и лишенным идеологической подоплеки, подавлением.

Заявление заключенных вьетнамских патриотов (отрывки)

Мы,

— рабочие, крестьяне и пролетарии,

— монахи, художники, писатели, работники умственного труда — патриоты, томящиеся в разных тюрьмах Вьетнама, прежде всего выражаем нашу горячую признательность:

— всем прогрессивным движениям мира,

— всем движениям борьбы трудящихся и интеллигенции,

— всем, кто на протяжении последнего десятилетия поддерживал движения за защиту прав человека во Вьетнаме, демократию и свободу для эксплуатируемых и подавляемых вьетнамцев. <...>

На смену репрессивному старому режиму, вызывавшему справедливое осуждение со стороны мирового общественного мнения, пришел другой - еще более изощренный по части бесчеловечной жестокости. Всякие контакты между заключенным и его семьей, в том числе и переписка, категорически запрещены. Семья заключенного, ничего не зная о его судьбе, живет в невыносимой тревоге и, опасаясь новых притеснений, вынуждена хранить молчание, иначе заключенный, удерживаемый практически как заложник, в любой момент может быть казнен <...>.

Условия заключения невообразимы. В одной только официальной сайгонской тюрьме Тхи-хоэ при старом режиме содержались около 8 тысяч заключенных, что подвергалось безусловному осуждению. Сегодня в той же самой тюрьме томятся около 40 тысяч человек. Заключенные часто умирают от голода, удушья, пыток, кончают жизнь самоубийством. <...>

Во Вьетнаме существуют два типа мест заключения: официальные тюрьмы и концентрационные лагеря. В последних, затерянных в джунглях, узники обречены на бессрочный принудительный труд; над ними не было суда, их защитой не могли заниматься адвокаты. <...>

Если современное человечество действительно пасует перед продвижением коммунизма, в особенности перед так называемой «непобедимостью» вьетнамских коммунистов, «сокрушивших всемогущий американский империализм», то мы, вьетнамские заключенные, просим Международный Красный Крест, гуманитарные организации всего мира, всех людей доброй воли срочно выслать для каждого из нас по ампуле цианистого калия, чтобы мы могли самостоятельно положить конец своим страданиям и унижениям. Мы хотим немедленной смерти! Помогите нам сделать это, помогите умереть! За это мы будем вам бесконечно признательны.

Вьетнам, август 1975 — октябрь 1977 года[57].

ЛАОС: НАСЕЛЕНИЕ В БЕГАХ

О драме вьетнамских «людей в лодках» знают все. Но и из Лаоса, ставшего коммунистическим одновременно с Южным Вьетнамом*, в 1975 году началось тотальное бегство, причем, учитывая численность населения, гораздо бо-

* Лаосская Народно-Демократическая Республика была образована в 1975 году. *(Прим. ред.)*

лее массовое. Для того чтобы оказаться в Таиланде, здесь достаточно переплыть реку Меконг, а большая часть лаосцев живет в долине этой реки или поблизости от нее. Поскольку река Меконг обладает значительной протяженностью, пресечение массового бегства было достаточно трудной задачей для властей. По всем этим причинам страну покинули около 300 тысяч человек, или 10% всего населения, в том числе 30% местного национального меньшинства кхму (примерно 100 тысяч человек), проживающего в горах, и почти 90% работников умственного труда, технической интеллигенции и чиновничества. Столь впечатляющие цифры заставляют задуматься. Применительно к коммунистическим странам Азии подобная статистика сопоставима только с количеством населения, сбежавшего из Северной Кореи в период корейского конфликта.

С 1945 года обстановка в Лаосе находилась в непосредственной зависимости от вьетнамских событий. Сначала французы, а затем американцы поддерживали, в том числе военными средствами, правый монархический режим в стране. Вьетнамские коммунисты взращивали в противовес ему небольшое движение Патет-Лао, где доминировали немногочисленные местные коммунисты, часто имевшие с вьетнамцами личные связи. В военном отношении движение полностью зависело от помощи Вьетнама. Слабозаселенный восток страны стал ареной боев во время американской фазы индокитайского конфликта: там проходили жизненно важные «тропы Хо Ши Мина», которые подвергались постоянным бомбардировкам американской авиации; ЦРУ организовало на территории расселения народности кхму мощное антикоммунистическое движение. Сам конфликт протекал вяло, со спорадическими обострениями, и в ходе его не было зафиксировано вопиющих жестокостей. К 1975 году коммунисты контролировали три четверти территории страны, в том числе всю ее восточную часть, однако там проживала только треть населения: остальные, включая примерно 600 тысяч внутренних беженцев (каждый пятый лаосец), скопились на западе, вблизи Меконга.

Захват власти, осуществившийся в результате изменения соотношения сил в Индокитае, был мирным, чем-то вроде азиатской «бархатной революции». Бывший премьер-министр, нейтральный Суванна Фума стал специальным советником новых властей, возглавляемых принцем Суфанувонгом, родственником свергнутого короля. Тем не менее новая народно-демократическая республика пошла вьетнамским путем: практически все чиновники прежнего режима (около 30 тысяч человек) были отправлены на «занятия», вернее, в лагеря перевоспитания, расположенные по большей части в северных и восточных провинциях вблизи вьетнамских границ, отдаленных и отличающихся нездоровым климатом. Там им пришлось провести в среднем по пять лет. Наиболее закоренелые «преступники» (офицеры армии и полиции, около 3 тысяч человек) оказались в лагере строгого режима на островах Намнгум. Семейство бывшего короля было арестовано в 1977 году; последний наследный принц умер в заключении. Все это усилило бегство людей из страны, также сопровождавшееся трагедиями - в беглецов нередко стреляли.

Главное отличие лаосской ситуации от вьетнамской заключается в существовании в стране упорного антикоммунистического сопротивления, в котором участвовали несколько тысяч бойцов, в основном народности кхму. Оно вызывало у вьентьянских властей такое беспокойство, что в 1977 году они подвергли удерживаемые повстанцами районы бомбардировке. Свидетели на-

стойчиво говорят о применении властями химических или бактериологических «желтых дождей», однако неопровержимые доказательства отсутствуют. Однако очевидно другое: партизанская война, вспыхнувшая вслед за мобилизацией мужчин кхму во время войны, тоже спровоцировала массовое бегство. С 1975 года в сторону Таиланда двинулись огромные колонны людей. Сообщается по крайней мере об одном крупном столкновении с коммунистической армией. Сами беглецы оценивают количество убитых и погибших от истощения во время марша в 45 тысяч человек, однако проверить эти данные не представляется возможным. В 1991 году в таиландских лагерях еще оставались 55 тысяч лаосцев, из них 45 тысяч составляли жители горных районов (главным образом кхму), ожидавших решения своей судьбы (некоторые обрели убежище во Французской Гвиане).

Государственная и партийная верхушка и здесь не избежала «чисток», правда, бескровных. Это происходило в 1979 году, при разрыве с Китаем, и в 1990 году, когда появились желающие последовать восточно-европейскому примеру. Вывод пятидесятититысячного вьетнамского воинского контингента в 1988 году, активная экономическая либерализация и открытие границы с Таиландом разрядили обстановку. В стране уже почти нет политзаключенных, коммунистическая пропаганда ведется менее напористо. Однако в «страну миллиона слонов» пока возвратились лишь несколько тысяч беженцев. Укрепление связей этой чрезвычайно бедной и отсталой страны с квалифицированной и зажиточной диаспорой является для нее основным гарантом будущей стабильности[58].

3

Камбоджа: в стране немыслимых преступлений

«Мы обязаны представить историю партии
чистой и безупречной».
Пол Пот[1]

Родство Мао Цзэдуна и Пол Пота не вызывает сомнений. Правда, мы сталкиваемся здесь с парадоксом, с трудом поддающимся анализу и тем более пониманию. Имя ему — «кхмерская революция», принявшая обличье вакханалии смерти. С одной стороны, камбоджийский тиран, эта вопиющая посредственность, предстает лишь бледной копией изощренного пекинского правителя, сумевшего без существенной помощи извне создать в самой населенной стране планеты режим, до сих пор не исчерпавший своей жизнеспособности. С другой стороны, «культурная революция» и «большой скачок» Мао предстают жалкими потугами и невнятицей по сравнению с «величественными» деяниями Пол Пота, которые останутся, видимо, в истории как радикальнейшая попытка социальной трансформации. В Камбодже попробовали установить коммунизм *сразу,* обойдясь без переходного периода, считавшегося одним из краеугольных камней марксистско-ленинской догмы. Одним махом были упразднены деньги, полная коллективизация заняла менее двух лет, социальные различия были уничтожены путем истребления всех собственников, интеллигентов, торговцев. Тысячелетний антагонизм деревни и города исчез за неделю, просто благодаря уничтожению последнего. Казалось, стоит сильно захотеть — и установится земной рай. Пол Пот воображал, очевидно, что вознесся еще выше, чем его славные предшественники — Маркс, Ленин, Сталин, Мао Цзэдун, и что Революция XXI века будет говорить по-кхмерски, подобно тому, как языками Революции XX века были сначала русский, потом китайский.

Однако красные кхмеры[2] смогли оставить в истории только грязный, кровавый след.

Чтобы лишний раз в этом убедиться, достаточно ознакомиться с обширной библиографией, посвященной недолгому эксперименту по истреблению человека. Все — и выжившие счастливчики, и специалисты — больше не доказывают самого факта страшных репрессий, а задают вопрос — почему? Как такое оказалось возможно?

Да, камбоджийский коммунизм превзошел все остальные варианты коммунистического устройства и резко от них отличается[3].

Одни считают его исключительным, маргинальным явлением, что как будто подтверждается его недолговечностью (всего 3 года и 8 месяцев), другие видят в нем карикатуру, зловещий гротеск, выявивший многие родовые черты коммунизма. Споры еще не завершены — потому, в частности, что мы плохо знакомы с лидерами красных кхмеров, скупыми на речи и письменные документы, а архивы их наставников (сначала в этом качестве выступали вьетнамцы, потом китайцы) закрыты и по сей день.

Зато факты существуют в огромном изобилии: Камбоджа последней установила коммунизм и оказалась первой страной, отказавшейся от него (в 1979 году) — во всяком случае, от его явных проявлений. Сменившая коммунизм причудливая «народная демократия», удерживавшаяся у власти на протяжении десяти лет вьетнамской военной оккупации, ввиду полной дискредитации социализма находила себе единственное идеологическое обоснование в осуждении «преступной клики Пол Пота — Йенг Сари, практиковавшей геноцид»[4].

Жертвы, частично оказавшиеся за границей, получили стимул для откровенности (и они охотно рассказывают о пережитом при любом удобном случае), ученые — для исследований. Установление в 1992 году плюралистического политического режима в Камбодже под эгидой ООН и решение Конгресса США выделить средства на программу Йельского университета «Камбоджийский геноцид» увеличили возможности разобраться в этой проблеме[5].

Напротив, призывы к всекамбоджийскому примирению, вплоть до вовлечения в политическую игру остатков красных кхмеров, чреваты для страны опасной амнезией; поэтому вызывают тревогу настойчивые требования закрыть Музей геноцида (бывшую главную тюрьму) и снова закопать вскрытые раньше массовые захоронения.

Кошмар, пережитый камбоджийцами в 1975—1979 годах, более или менее известен внешнему миру, хотя многое еще предстоит выяснить относительно количества жертв, местных особенностей, хронологии и порядка принятия решений Кампучийской коммунистической партией (ККП). Теперь понятно, насколько оправданны были предупреждения Франсуа Поншо, а до него — Саймона Лейса, проигнорированные в свое время левыми интеллектуалами-конформистами[6].

Постепенно — отчасти благодаря свидетельствам вьетнамских коммунистов — сведения о терроре красных кхмеров перестали вызывать сомнения. Они сыграли заметную роль в кризисе коммунизма и марксизма на Западе. По примеру евреев, напрягавших последние силы, чтобы донести до мира правду о Холокосте, немногочисленные спасшиеся камбоджийцы сделали смыслом своей жизни свидетельство о страшной судьбе своей страны. Их упорство принесло плоды. Долг человечества — принять из их рук факел правды. Это наша обязанность — например, перед Пин Ятхаем, месяц скитавшимся в джунглях и едва не умершим от голода. Этот человек вдохновлялся миссией поведать людям о камбоджийском геноциде, описать пережитое, рассказать о программе уничтожения миллионов стариков, женщин и детей, об опустошении, погружении страны в доисторические времена, о пытках... «Мне хотелось выжить, чтобы умолять мир помочь еще живым избежать полного уничтожения»[7].

Спираль ужаса

Здравомыслящие камбоджийцы при всех своих националистических предрассудках признают, что их страна стала, в сущности, жертвой самой себя, вернее, кучки идеалистов, оказавшихся душегубами, и трагически бессильной национальной элиты. Впрочем, такой коктейль далеко не исключительное явление как в Азии, так и на других континентах, но не так уж часто приводит к революциям. Но в Камбодже роковым образом сошлись географическое положение (протяженная граница с Вьетнамом и Лаосом) и историческая ситуация (вьетнамская война, полыхавшая с 1964 года).

Гражданская война (1970-1975)

Кхмерское королевство, ставшее в 1863 году французским протекторатом, в 1946—1954 годах практически избежало вовлечения в Индокитайскую войну. В 1953 году, когда в стране стало формироваться партизанское движение, связанное корнями с Вьетминем, король Сианук сумел организовать мирный «поход за независимость», который благодаря хорошим отношениям короля с Парижем позволил ему перехватить инициативу у противников слева. Однако в условиях конфронтации вьетнамских коммунистов с Соединенными Штатами король, пытаясь сохранить в чрезмерно тонкой политической игре камбоджийский нейтралитет, постепенно лишился поддержки внешних сил и вызвал недоверие к себе внутри страны.

В марте 1970 года король был свергнут собственным правительством во главе с генералом Лон Нолом, вскоре ставшим маршалом, и Ассамблеей, получившими благословение ЦРУ (которое, судя по всему, все же не было непосредственным организатором переворота). Сползание страны к войне ознаменовалось страшным погромом вьетнамского меньшинства (примерно 450 тысяч человек, две трети из них вынуждены были бежать в Южный Вьетнам), поджогом представительств коммунистического Вьетнама и ультиматумом (оставшимся невыполненным) с требованием вывода из страны иностранных войск. Ханой, чьими единственными союзниками в Камбодже оставались красные кхмеры, решил всячески их поддержать: оружием, советниками, военной подготовкой во Вьетнаме. Намерение Ханоя состояло в том, чтобы под флагом красных кхмеров, вернее Сианука, униженного свержением и готового на союз даже с самым заклятым врагом, захватить большую часть страны. Следуя советам Пекина и Ханоя, местные коммунисты спешно расстелили перед королем ковровую дорожку, однако не уступили ему ни йоты контроля над движением сопротивления. Коммунисты-роялисты повели борьбу против эфемерной Кхмерской республики[9].

Режим Лон Нола, теснимый превосходящими северовьетнамскими силами, не сумел использовать в своих интересах непопулярность Сианука среди средних городских слоев и интеллигенции и вскоре обратился за помощью к американцам. Те помогли бомбежками, оружием, советниками и организовали безуспешную интервенцию южновьетнамских сухопутных сил.

После неудачи операции «Тьэнла-II» в начале 1972 года и разгрома лучших республиканских частей война превратилась в затяжную агонию. Вокруг главных городов, снабжаемых исключительно воздушным путем, все туже сжималась петля. Эти арьергардные боевые действия несли с собой жертвы, разрушения и вселяли ужас в мирное население, которое, в отличие от вьетнамского, впервые столкнулось со смертельной опасностью. Американцы сбросили на районы боев 540 тысяч тонн бомб, причем половина из них взорвались за полгода, предшествовавшие запрету бомбардировок Конгрессом США в августе 1973 года. Бомбежки замедлили продвижение красных кхмеров, зато обеспечили им пополнение в лице сельских рекрутов, воспылавших ненавистью к США. Республику все больше дестабилизировал поток беженцев в города (они составили не меньше трети от всех 8 миллионов камбоджийцев)[10]. Последнее обстоятельство впоследствии облегчило красным кхмерам обоснование эвакуации городских жителей. Победители потом без

зазрения совести повторяли свое главное пропагандистское заклинание: «Мы победили сильнейшую державу мира — значит, перед нами не устоят ни природа, ни вьетнамцы...»[11]

Взятие Пномпеня 17 апреля 1975 года и падение последних оплотов республиканцев настолько ждали, что даже побежденные встретили их с облегчением: казалось, ничто не может быть хуже жестокой и бессмысленной войны... Но красные кхмеры не дожидались победы, чтобы продемонстрировать нечеловеческую жестокость и приверженность к самым крайним мерам. «Освобожденная» страна покрывалась «центрами перевоспитания», все меньше отличающимися от «центров задержания», предназначенных для закоренелых «преступников». Сначала эти учреждения создавались по образцу вьетнамских лагерей 50-х годов и принимали главным образом военнослужащих армии Лон Нола. О соблюдении Женевских конвенций о военнопленных не было речи: республиканцы считались не военными, а предателями. Тем не менее во Вьетнаме не происходило преднамеренного уничтожения заключенных — ни французов, ни даже коренных жителей. Зато в камбоджийских лагерях свирепствовал жесточайший режим: видимо, там сразу было решено, что самый естественный выход для любого заключенного — смерть. Генри Локард[12] изучал крупный лагерь на тысячу с лишним заключенных, созданный в 1971 или 1972 году. Туда отправляли солдат противной стороны, а также их родственников (настоящих и воображаемых), в том числе детей, а помимо них — буддистских монахов, «подозрительных» путешественников и других лиц. Большинство заключенных и *все без исключения* дети погибали из-за плохих условий, голода и болезней. Активно практиковались казни: до тридцати казненных за вечер. (Красные кхмеры всегда устраивали казни по вечерам, во всем соблюдая секретность.)

Другие источники свидетельствуют об убийстве десяти тысяч человек во время взятия бывшей королевской столицы Удонг в 1974 году[13].

Массовые депортации гражданских лиц начались с 1973 года: 40 тысяч человек были переправлены из провинции Такео в районы на границе с Вьетнамом, но многие из этих людей сбежали в Пномпень. После неудачной попытки взятия города Кампонгтяма красные кхмеры, отступая, в принудительном порядке увели с собой тысячи горожан[14]. Кратьэх, первый крупный город из занятых, был полностью «освобожден» от населения.

Еще в 1973 году произошло размежевание между красными кхмерами и Северным Вьетнамом: последний, возмущенный отказом ККП участвовать в организации вывода американских войск, обусловленного Парижскими соглашениями 1973 года, резко сократил помощь бывшим союзникам. Давле-\ ние Вьетнама было, таким образом, ослаблено, чем и воспользовалась группа Пол Пота[15], приступившая к физическому истреблению возвращавшихся в Камбоджу уцелевших «кхмеров Вьетминя» — бывших бойцов антифранцузского сопротивления (общей численностью около тысячи человек), перебравшихся после заключения Женевских соглашений 1954 года в Ханой[16].

«Кхмеры Вьетминя», располагая большим опытом и связями с вьетнамскими коммунистами, являли собой альтернативу полпотовскому руководству, обратившемуся к коммунизму в основном *после* Индокитайской войны или во Франции, где они учились и брали пример с французских коммунистов[17]. Переписывая историю, верхушка красных кхмеров навязывала представление, будто ККП появилась на свет только в I960 году, а не в 1951, из

недр *Коммунистической партии Индокитая* (КПИК)*, ориентируясь на Хо Ши Мина и Вьетнам, как было в действительности. Цель состояла в том, чтобы лишить исторической легитимности основателей партии 1951 года, которых с этого времени начали преследовать, и объявить свою партию равной партии вьетнамских коммунистов (ПТВ). Для равновесия были заодно ликвидированы последователи Сианука, ушедшие в подполье. Судя по всему, тогда же, в 1973 году, начались военные столкновения вьетнамских частей и красных кхмеров[18].

Депортации и дробление населения (1975-1979)

Изгнание населения из Пномпеня сразу после победы стало шоком как для горожан, не ожидавших такой развязки, так и для мировой общественности, впервые понявшей, что в Камбодже творится нечто невиданное.

Решение о судьбе населения столицы было принято, видимо, в январе 1975 года. Тогда же было решено отказаться от денег, хотя новые денежные знаки были только что отпечатаны. Единственным руководителем, который возражал против этого решения, был один из основателей КПК, бывший министр Сианука Ху Юн, после чего в ближайшие месяцы он «исчез». Это была первая «чистка» на столь высоком уровне, открывшая длинный список последующих жертв.

Сначала жители Пномпеня пытались усмотреть логику в доводах новой власти, смысл которых сводился к защите населения от возможных американских бомбардировок и гарантированному снабжению. Эвакуация городских жителей, которая, видимо, навсегда останется визитной карточкой режима, была впечатляющей операцией, но как будто не сопровождалась большим количеством жертв. Горожане были сыты, одеты и могли иметь при себе ценности — золото, драгоценности и... доллары. (Как уже было сказано выше, красные кхмеры, придя к власти, немедленно аннулировали кхмерские деньги. В результате доллар стал единственной обменной валютой, существующей, разумеется, нелегально.)

Вначале до крайней жестокости пока еще не доходило, если не считать убийств особо непокорных для острастки населения и казней военнослужащих побежденной армии. У депортированных, как правило, не отбирали имущество, не практиковался даже обыск. Прямые и косвенные жертвы эвакуации — раненые и больные, изгнанные из больниц, одинокие старики, самоубийцы, среди которых нередко были целые семьи, — исчислялись примерно десятками тысяч[19]. В общей сложности на улицу выкинули от двух до трех миллионов жителей столицы и несколько сотен тысяч жителей других городов, что составляло от 46% до 54% всего населения страны[20].

* Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в январе 1963 года на подпольном съезде НРПК (Народно-революционной партии Кампучии) — предшественнице ККП. На этом съезде Пол Пот занял пост генерального секретаря, а Иенг Сари стал членом Постоянного бюро. На этом же съезде произошла смена названия партии — она стала называться Кампучийской коммунистической (ККП). Переименование партии стало большой победой радикального крыла (будущих красных кхмеров). «Пол Пот <...> заявлял, что компартия Индокитая была создана в свое время вьетнамцами для образования в последующем Индокитайской федерации, для захвата кампучийских и лаосских земель». (См.: *Краткая история НРПК— передовой силы рабочего класса и всего народа Кампучии,* Пномпень, 1984 (на кхмерском языке). Цит. в кн.: АД. Мосяков, *Социально-политическое развитие Камбоджи в XX веке,* М., 1999, с. 76). *(Прим. ред.)*

Выжившие навсегда остались травмированы. Их принудили менее чем за сутки расстаться с домами и имуществом, предложив в качестве утешения наглую ложь, будто их угоняют «всего на три дня» (это отчасти объясняет тот факт, что многие ушли почти с пустыми руками и не взяли с собой предметы, которые можно было бы поменять на «черном рынке», ставшем в последующие месяцы и годы единственным способом выжить). Люди приходили в ужас, вливаясь в живой поток, в котором ничего не стоило потерять, порой навсегда, своих близких. Их подгоняли непоколебимые, не умеющие улыбаться солдаты *(йотхэа).* Район назначения зависел от района, в котором находился человек во время отправки, что стало трагедией для семей, члены которых на момент угона оказались не вместе. Несчастных ждали смерть и отчаяние. На протяжении всего пути, длившегося в некоторых случаях по нескольку недель, красные кхмеры не помогали изгнанникам ни пищей, ни чем-либо другим.

Во время депортации на перекрестках дорог производилась сортировка. Сначала она была поверхностной и декларативной: как ни странно это покажется в свете дальнейшего полицейского контроля, красные кхмеры приказали всем уничтожить удостоверения личности. (Видимо, догматическая враждебность к бумаге с любыми не революционными письменами (книги либо уничтожались, либо оставлялись, как в Национальной библиотеке, без присмотра, либо шли на самокрутки) возобладала над всеми остальными соображениями. Это позволило бесчисленным чиновникам и военным назваться другими именами и получить надежду — увы, призрачную — на жизнь[21].) Сортировка проходила под следующими предлогами: отбор для службы новому режиму в столице, достойная встреча Сианука, остававшегося до 1976 года номинальным главой государства, потребность в чиновниках среднего и высшего звена и, главное, в армейских офицерах. Большая часть вызвавшихся была либо немедленно умерщвлена, либо погибла чуть позже в тюрьмах.

Управлять огромными потоками горожан красные кхмеры не могли ввиду своей малочисленности (в 1975 году общее число членов организации и сочувствующих, по большей части недавних, не превышало 120 тысяч человек, из которых только половина была вооружена), поэтому эвакуированным дозволялось оседать там, где те захотят и смогут осесть, с согласия деревенского старейшины. Камбоджа невелика и не очень густо заселена, к тому же почти все горожане имели родственников в деревнях; многие сумели добраться до родных, чем повысили свои шансы выжить: деревенские жители помогали им устраиваться на новом месте и даже резали скот в честь эвакуированных[22]. Однако позднее некоторые были депортированы вновь.

До самого падения режима, но особенно в начале эвакуации, к изгнанным проявлялось скорее сочувствие, чем враждебность; притеснения и побои случались редко, убийства — никогда[23]. Особое дружелюбие проявляли *кхмеры лы* — этническое меньшинство[24] в отдаленной провинции. Именно на их территории красные кхмеры создали свои первые базы, именно им режим больше всего благоволил до 1977 года; отсюда напрашивается вывод, что напряженность, постепенно возникшая между эвакуированными и крестьянами, была вызвана крайней нищетой и голодом, когда лишний кусок для одного означал мучительный голод для другого, — ситуацией, в которой не может расцвести альтруизм[25].

Появление в деревнях горожан сломало привычное течение деревенской жизни и равновесие между ресурсами и потреблением: на плодородных

рисоводческих равнинах 5-го района (на северо-западе страны) к 170 тысячам местных жителей добавилось 210 тысяч новых![26] К тому же ККП активно углубляла пропасть между «местными» *(Пратъеатъон Ча),* которых называли еще числительным «70», ибо они находились под контролем красных кхмеров с самого начала войны (с 1970 года), и «новым народом» *{Пратъеатъон Тлей),* или «пришлыми», именуемыми также «75» или «17 апреля» (дата взятия Пномпеня красными кхмерами в 1975 году). Разжигалась «классовая ненависть» «пролетариев-патриотов» к «капиталистам — лакеям империалистов». Только «местные», за которыми в целом по стране сохранялось незначительное большинство, имели возможность, особенно на начальном этапе, возделывать свой собственный участок, поесть в обязательной общественной столовой раньше и немного сытнее других, иногда даже принять участие в «выборах» из одного кандидата. Это был законченный апартеид: люди, принадлежащие к разным категориям, были лишены права не только жениться, но даже общаться и жить рядом друг с другом - за каждой категорией закреплялась своя часть деревни[27].

Внутри обеих главных групп населения также разжигались противоречия. В среде «местных» «беднота» противопоставлялась «землевладельцам», «богачам» и бывшим торговцам (при том, что коллективизация была быстрой и полной). В среде «пришлых» создавались всяческие условия для противопоставления не принадлежавших к чиновничеству и необразованных людей бывшим госслужащим и интеллигенции. Две последние категории ждала обычно незавидная судьба: постепенно, опуская их все ниже по иерархической лестнице, мучители подвергали их «чистке», добиваясь порой полного уничтожения; в 1978 году очередь дошла до женщин и детей.

Одного «окрестьянивания» камбоджийского населения руководству ККП оказалось недостаточно: проведя на новом месте считанные месяцы, большая часть «пришлых» была вынуждена снова тронуться в путь, на сей раз уже не имея ни малейшего права голоса. Только за сентябрь 1975 года сотни тысяч людей покинули восток и юго-запад страны и отправились на северо-запад[28]. Нередко одни и те же люди претерпевали по три-четыре депортации подряд, и это не считая участия в «рабочих бригадах», когда молодых и бездетных взрослых надолго, иногда на месяцы, угоняли далеко от деревни, ставшей им новым пристанищем. Режим преследовал при этом четыре цели:

—препятствие установлению прочных и политически опасных связей между «местными» и «пришлыми», равно как и в среде самих «местных»[29];

—последовательная «пролетаризация» «пришлых» путем запрета брать с собой во время эвакуации даже самые жалкие пожитки[30] и препятствования сбору посеянного ими урожая;

—установление полного контроля за потоками населения, позволяющего начинать крупные проекты и осваивать ненаселенные горы и джунгли на окраинах страны;

—уничтожение максимального количества «лишних ртов».

(Новые переселения — иногда пешие, в лучшем случае на повозке или в переполненном и еле ползущем железнодорожном составе, которого приходилось дожидаться неделями, — действительно были крайне изнурительными, а иногда и чреватыми гибелью для недоедающих, страдающих от отсутствия лекарств людей.)

Особый случай представляли собой так называемые «добровольные» перемещения. «Пришлым» нередко предлагалось «вернуться в родную деревню» или перейти в кооператив с менее суровым режимом, с лучшим климатом и питанием. Всех «добровольцев», а их было немало, неизменно обманывали и отправляли в еще более страшные места. Пин Ятхай, сам ставший жертвой такого обмана, пишет: «Этим способом выявлялись индивидуалисты. <> Горожанин доказывал, что еще не избавился от своих постыдных наклонностей и должен подвергнуться более суровой идеологической обработке в деревне с особенно трудными условиями жизни. Называя себя кандидатами на переезд, мы выдавали себя мучителям. Так красные кхмеры нащупали эффективный способ выявления самых ненадежных, наименее удовлетворенных своей участью»[31].

Период «чисток» и массовых убийств (1976-1979)

Репрессии, движущей силой которых было безумное стремление классифицировать и уничтожать людей, распространившись на все общество, докатились и до самой верхушки государственной власти. Как мы уже знаем, подлинные «провьетнамские» деятели и Ху Юн были уничтожены на самом раннем этапе; дипломаты «королевского правительства», не являвшиеся коммунистами, были отозваны на родину в декабре 1975 года, где все они, за исключением всего двух человек, подверглись пыткам и были казнены[32].

В ККП, никогда не функционировавшей в нормальном режиме, процветала подозрительность: изменником мог быть объявлен любой. Это было вызвано большой автономией зон страны на первом этапе (армия была объединена только после 17 *апреля),* провалами в экономике, а с 1978 года — успехами вьетнамского контрнаступления в пограничных районах.

После ареста в сентябре 1976 года Кэо Мэаха, занимавшего шестое место в иерархии ККП, партию стали разрывать на части внутренние распри. Судебные процессы не устраивались, четких обвинений не прозвучало ни разу; все арестованные подвергались страшным пыткам, после чего их казнили. О содержании обвинений можно судить только по «признаниям» обвиняемых, хотя расхождения кающихся с линией Пол Пота трудно назвать вопиющими. Скорее, цель репрессий состояла в том, чтобы раздавить всех, кто благодаря своим личным достоинствам, независимости, связям с вьетнамской компартией (или с китайской «бандой четырех», как в случае с Ху Нимом) мог когда-либо оказаться опасным или бросить вызов главенствующему положению Пол Пота[33]. Кампучийская паранойя предстает страшной карикатурой на худшие периоды сталинщины. Так во время учебы кадров компартии на начальном этапе «чисток» Центр призвал к «яростной, безжалостной, смертельной борьбе против классового врага <...>. особенно в наших собственных рядах»[34]. Партийный ежемесячник *«Тунг Паде-ват»* («Революционные знамена») писал в июле 1978 года: «Повсюду в наших рядах затаились враги: в центре, в штабе, на местах, в деревнях»[35]. К этому моменту пятеро из тринадцати крупнейших (на октябрь 1975 года) руководителей были казнены; та же судьба постигла большинство районных партсекретарей (каждая зона состояла из районов). Двое из семи членов нового руководства образца 1978 года были ликвидированы до января 1979 года, в том числе вице-премьер Ворн Вет, которого бил сам Пол Пот (и даже сломал ему ногу).

«Чистка» разрасталась: для ареста достаточно было трех обвинений Типа «агент ЦРУ»; на допросах из арестованных выколачивали признания (Ху Ним проходил через этот ад семь раз подряд)[36]. Воображаемые заговоры росли как на дрожжах, ширились «шпионские сети». Дикая ненависть к Вьетнаму перешла все границы: один врач оговорил себя, назвавшись «сотрудником вьетнамского ЦРУ», его якобы завербовал в Ханое в 1956 году американец, выдавший себя за туриста[37]. Продолжались массовые расправы: только в одном округе умудрились разоблачить 40—70 тысяч жителей как «предателей, сотрудничающих с ЦРУ»[38].

Однако размера подлинного геноцида репрессии достигли только в Восточной зоне. Ввиду близости враждебного Вьетнама военно-политический руководитель зоны Сао Пхим создал себе мощную базу власти; там же произошло уникальное явление — бунт местного руководства против Центра, переросший в скоротечную гражданскую войну в мае — июне 1978 года. С апреля в Туолслэнге были блокированы 409 ответственных работников Восточной зоны; в июне Сао Пхим, поняв, что проиграл, покончил с собой. Его жена и дети были убиты в момент, когда совершался погребальный ритуал. Остатки вооруженных сил зоны попытались взбунтоваться, затем перешли во Вьетнам, где стали ядром Объединенного фронта национального спасения, который впоследствии вступил в Пномпень вместе с армией Ханоя. Победивший Центр обрек на смерть «вьетнамцев в кхмерских рядах», то есть жителей Восточной зоны. С мая по декабрь 1978 года были убиты от 100 до 250 тысяч человек (из 1,7 миллиона населения зоны), удары в первую очередь наносились по молодежи и активистам. Так, были уничтожены все 120 семей (700 человек) в родной деревне Сао Пхима; в другой деревне спаслись всего 7 человек из 15 семей (12 семей были искоренены полностью)[39].

С июля началась депортация выживших — в грузовиках, поездами и водным путем — в другие зоны, где их ожидало постепенное уничтожение (тысячи погибли еще в пути). Обреченных одевали в *синее* (одежда прибывала специальным транспортом из Китая), тогда как форма полпотовцев была черной. «Синие» исчезали бесшумно, незаметно для других жителей деревень; в одном из кооперативов Северо-Запада к моменту прихода вьетнамских войск[40] из трех тысяч переселенцев в живых осталась какая-то сотня людей. Незадолго до падения режима зверства еще больше усилились: наряду со взрослыми мужчинами принялись убивать женщин, детей, стариков; «местных» стали убивать так же активно, как и «пришлых»; не справляясь со своими задачами, красные кхмеры принуждали население, включая категорию «75», оказывать им помощь. «Революция» превратилась в сплошное безумие и угрожала проглотить всех камбоджийцев до единого.

Наглядным доказательством отчаяния, до которого довели красные кхмеры камбоджийцев, служат масштабы бегства за границу. Не считая немногочисленных беженцев апреля 1975 года, в ноябре 1976 года в Таиланде их насчитывалось 23 тысячи[41]. В октябре 1977 года во Вьетнаме находились примерно 60 тысяч камбоджийцев[42].

При этом бегство было крайне опасным предприятием, чреватым неминуемой смертью в случае поимки либо днями, а то и неделями скитаний в джунглях в состоянии крайнего истощения[43], поэтому большинство склонявшихся к побегу людей были вынуждены от него отказаться. Из решившихся

лишь малая часть достигала цели (например, четверо из двенадцати членов группы Пин Ятхая, хотя она была неплохо подготовлена).После 20 месяцев спорадически вспыхивавшего пограничного конфликта, сначала тайного, а с января 1978 года явного, приход вьетнамцев в январе 1979 года был воспринят подавляющим большинством камбоджийцев как освобождение (так это официально именуется и поныне). Показательно, что жители деревни Самлаут (участники восстания 1967 года), подобно многим другим, перебили «своих» красных кхмеров, не успевших вовремя сбежать[44]. Напоследок те уничтожили заключенных: во многих тюрьмах[45], в частности в Туолслэнге, освобождать оказалось некого.

Вопреки иногда раздающимся утверждениям, что Ханой руководствовался вовсе не гуманными соображениями, бесспорно одно: учитывая бесчеловечный характер полпотовского режима, особенно в 1978 году, приход вьетнамских бронетанковых частей спас от смерти огромное количество людей. Страна стала возрождаться, ее жители постепенно получили свободу перемещений, смогли снова возделывать свои поля, учиться, верить, любить.

Варианты мартиролога

Истинный ужас не нуждается в цифровом выражении. Того, что уже известно, вполне достаточно, чтобы дать определение режиму, установленному ККП. Если заниматься подсчетами, то, скорее, с целью понять: *какая* категория населения стала основной жертвой (при том, что не избежала потерь ни одна)? Где и когда все это происходило? Какое место занимает эта трагедия Камбоджи среди всех трагедий века и в истории страны? Только сочетание нескольких методов (демографического, математического, обработки показаний пострадавших и очевидцев), которые по отдельности не дают удовлетворительного результата, позволяет приблизиться к истине.

Два миллиона убитых?

Без общей оценки обойтись не удастся, однако следует учитывать, что разброс цифр чрезвычайно широк. Это тоже говорит о размахе явления: чем хуже поддается объяснению бойня, тем труднее вычислить количество ее жертв. К тому же слишком многие заинтересованы в том, чтобы замести следы, ведущие в самых разных направлениях: красные кхмеры продолжают отказываться от ответственности за содеянное, вьетнамцы и их камбоджийские подручные тоже стремятся оправдать свои действия. В своем последнем интервью, данном журналистам в декабре 1979 года, сам Пол Пот уверял, что «вследствие наших ошибок при осуществлении политики народного благоденствия не могло погибнуть больше нескольких тысяч камбоджийцев»[46]. Кхиэу Сампхан уточнял в официальной брошюре 1987 года: 3000 жертв «ошибок», 11 000 казненных «вьетнамских агентов», 30 000 убитых «проникших к нам вьетнамских агентов»... В том же документе уточнялось, впрочем, что вьетнамские оккупанты убили якобы в 1979—1980 годах «примерно полтора миллиона человек». Разумеется, последняя цифра не имеет никакого отношения к «вьетнамским оккупантам», скорее ее можно считать невольным признанием уровня смертности в период с 1975 года, в которой почти полностью повинны сами красные кхмеры[47]. «Трупокрадство» приобретает еще

более вопиющий характер, когда речь заходит об оценке размаха убийств *до* 17 апреля, во время гражданской войны: Пол Пот называл в июне 1975 года явно преувеличенную цифру 600 тысяч; в 1978 году этот показатель «вырос» до «более 1,4 млн.»[48]. Бывший президент Лон Нол, говоря о жертвах красных кхмеров, предпочитал цифру «два с половиной миллиона», а бывший генеральный секретарь *Народно-революционной партии Кампучии* (НРПК)* Пен Сован (бывший у власти начиная с 1979 года) назвал цифру, принятую НРПК и вьетнамской пропагандой: 3 100 000 человек.

Первые серьезные подсчеты были проведены Беном Киернаном, получившим цифру 1 500 000. Исследователь основывался на экстраполяции микроисследований в разных слоях населения: 25% потерь в семьях беженцев; 35%, 41% и 53% — потери в трех деревнях в эпоху Демократической Кампучии; 42% в одном из районов Пномпеня (из которых только четверть — жертвы голода и болезней); 36% потерь в группе из 350 жителей Восточной зоны (почти все убиты). Майкл Викери приводит в два раза меньшую цифру (однако он исходит из первоначальной численности населения, которая явно занижена). Стивен Хедер признает данные Киернана, причем делит число потерь пополам между «местными» и «пришлыми» (с чем трудно согласиться) и считает, что от голода погибло столько же людей, сколько и от насильственной смерти[49]. Д. Чандлер, признанный специалист, говорит о 800 тысячах— 1 миллионе как о минимальной цифре[50]. Исследование ЦРУ, опирающееся на приблизительные данные, оценивает общее снижение численности населения в 1970—1979 годах, то есть включая жертвы войны 1970—1975 годов (сюда входит снижение рождаемости, вызванное плохими условиями жизни), в 3 800 000; в 1979 году население страны составило 5 200 000 человек[51]. Существует и оценка, опирающаяся на площадь возделываемых рисовых чеков" в 1970 и 1983 годах: она составляет 1 200 000 жертв[52]. Марек Сливин-ский, осуществивший недавно новаторское исследование на основе демографических данных (приблизительных ввиду отсутствия переписей населения с 60-х годов до 1993 года), говорит о более чем двух миллионах смертей, то есть о 26% населения (сюда не входит естественная смертность — 7%). Он единственный из исследователей попытался разложить избыточную смертность в 1975—1979 годах по категориям пола и возраста: 33,9% мужчин, 15,7% женщин. Это различие уже говорит о том, что основной причиной смертности были убийства. Смертность была ужасающей во всех возрастных категориях, но особенно среди молодых взрослых людей (34% мужчин от 20 до 30 лет, 40% — от 30 до 40) и среди людей обоих полов старше 60 лет (54%). Как и во время голода и эпидемий при старом режиме, резко сократилась рождаемость: 3% в 1970 году, 1,1% в 1978 году[53]. Совершенно очевидно, что ни одна страна мира не переживала с 1945 года подобного бедствия. Даже к 1990 году не восстановилась численность населения 1970 года. Значи-

* В противовес полпотовской компартии, образованной по заявлению ее лидеров в I960 году, оппозиционные Пол Поту коммунисты сформировали свою — Народно-революционную партию, видимо, чтобы продемонстрировать неразрывное единство со «старой» Народно-революционной партией, которая была теснейшим образом связана с вьетнамцами, выделившись в 1951 году из Компартии Индокитая. Эта партия встала у власти в Камбодже после падения режима красных кхмеров в 1979 году. *(Прим. ред.)*

** Чек — огороженный земляными валиками, тщательно выровненный участок поля для выращивания риса. Площадь чека — 1—4 га, укрупненного чека (карты-чека) — 12—16 га. *(Прим. ред.)*

тельным остается дисбаланс полов: на одного мужчину приходится 1,3 женщины; среди взрослых в 1989 году насчитывалось 38% вдов на 10% вдовцов[54]. Среди взрослого населения 64% — женщины, 35% семей также возглавляются женщинами. Такие же данные получены и в отношении 150 тысяч беженцев-камбоджийцев в США[55].

Подобный масштаб потерь среди населения — один человек из семи, а возможно, один из пяти или даже четырех — сам по себе опровергает довольно распространенную гипотезу о том, что жестокость красных кхмеров, при всей ее недопустимости, стала *реакцией* обезумевшего от гнева народа на «первородный грех» — американские бомбардировки[56].

Достаточно сказать, что другие народы, подвергавшиеся не менее сильным бомбардировкам (британцы, немцы, японцы, те же вьетнамцы), не стали жертвами подобного экстремизма, иногда даже наоборот. Главное же в том, что беды, причиненные войной, сколь бы тяжкими они ни были, не идут ни в какое сравнение с деяниями ККП в *мирное время,* даже если оставить за скобками события последнего года, отмеченного пограничным конфликтом с Вьетнамом. Сам Пол Пот, вряд ли склонный преуменьшать, назвал, не утруждаясь расшифровкой, довольно высокую цифру: 600 тысяч человек. Как ни странно, ее воспроизводят многие специалисты: Чандлер говорит о полумиллионе жертв; число погибших от американских бомб он определяет, по разным источникам, от 30 до 250 тысяч человек[57]. Сливинский выводит среднюю цифру — 240 тысяч человек, к которым следует добавить 70 тысяч гражданских вьетнамцев — в основном жертв погрома 1970 года. На счет американских бомбардировок он относит 40 тысяч погибших (четверть из них — бойцы), отмечая, что больше всего бомб упало в наименее населенных провинциях, где проживали в 1970 году чуть более 1 миллиона человек, многие из которых быстро переселились в города, и наоборот, убийства военного времени, ответственность за которые в основном несут красные кхмеры, унесли около 75 000 жизней[58]. Не вызывает сомнения, что война ослабила сопротивляемость общества, уничтожила или деморализовала его элиту и необыкновенно усилила красных кхмеров: сыграла свою роль и стратегия Ханоя, и безответственная политика Сианука. Разумеется, организаторов переворота в марте 1970 года и его «крестных отцов» тоже есть в чем упрекнуть. Однако это нисколько не уменьшает ответственности ККП за события после 1975 года: зверства носили не спонтанный, а продуманный характер.

Следует также разобраться в *структуре* массовых убийств. Серьезные исследования, несмотря на противоречивость, дают некоторое представление на сей счет. Насильственное «окрестьянивание» горожан (депортации, непосильный труд) привело к гибели максимум 400 тысяч человек. Меньше всего определенности существует в отношении казней. По разным оценкам, среднее число жертв составляет около 500 тысяч человек. При этом Локард, действуя методом экстраполяции, определяет число жертв тюрем (сюда не входят казни «на месте», также многочисленные) в 400—600 тысяч человек[59]; Сливинский говорит о миллионе убитых. Главными причинами смертей были, безусловно, голод и болезни: количество унесенных ими людей доходило до 700 тысяч[60]. Сливинский называет цифру 900 тысяч, включая сюда прямые последствия «окрестьянивания»[61].

Жертвы и подозрительные

Сделать общие выводы достаточно сложно также и потому, что «распределение» репрессий оказалось крайне неравномерным. Категория «70» пострадала гораздо меньше категории «75», особенно от голода, хотя следует делать поправку на то, что опубликованные свидетельства принадлежат почти исключительно «пришлым». Среди бывших горожан смертность была очень высока: пострадали все семьи без исключения, что составляет значительную часть населения. Например, из 200 семей, переселенных в одну из деревень Северной зоны, к январю 1979 года выжили только 50, и лишь в одной убыль ограничилась «только» дедом и бабкой[62].

Другие категории населения пострадали еще сильнее. Уже говорилось об охоте на чиновников администрации Лон Нола и военных. Постоянные «чистки» последовательно обрушивались на все слои общества[63].

Незаменимыми были признаны только железнодорожники, которым удалось сохранить свои посты, хотя начальник станции из благоразумия именовал себя стрелочником[64].

Монахи, традиционно многочисленные в буддийской стране, представляли собой конкурирующую силу, подлежащую уничтожению: те, кто не расставался с саном, систематически истреблялись. Так, из группы в 28 монахов, переселенных в деревню в провинции Кандал, к 1979 году выжил только один[65]. Всего по стране их погибло от 60 до 100 тысяч[66]. Исчезли все до единого газетные фотографы[67].

Судьба интеллигенции складывалась по-разному. (Для того чтобы быть отнесенным к этой категории, порой достаточно было иметь среднее образование или даже просто оказаться грамотным человеком.) Иногда людей преследовали именно за «интеллигентность», и в таких случаях полный отказ от любых претензий на знания и от их символических атрибутов (книг и даже очков) становился путем к спасению.

Положение «местных» было немного лучше, особенно в смысле продовольственного снабжения: они могли потреблять некоторое количество фруктов, сахара, мяса; их рационы были обильнее, и — безумная роскошь при Пол Поте! — они получали порой «твердый» рис вместо пресловутой похлебки из светлого риса, символа голода для большинства их соотечественников. Вооруженные красные кхмеры ели первыми, несмотря на провозглашаемую ими воздержанность в пище. Категория «70» допускалась иногда в настоящие медицинские учреждения и могла пользоваться медикаментами, произведенными в Китае. Однако эти преимущества были относительными: деревенским жителям часто приходилось подолгу трудиться вдали от дома, график работы также был выматывающим. Малочисленный рабочий класс, живший в условиях военного лагеря, в который превратился Пномпень, вынужденно подчинялся суровой дисциплине. Неимущие крестьяне, считавшиеся более лояльными, постепенно заменяли рабочих, трудившихся на своих местах до 1975 года[68].

В 1978 году появились признаки стирания грани между «пришлыми» и «местными»: «пришлые» уже допускались порой к руководящим должностям. Существуют два толкования этого явления. Согласно первому, выжившие счастливчики считались адаптировавшимися к требованиям режима, во втором — делается упор на решении крепить национальное единство перед ли-

цом конфликта с Вьетнамом, как поступил Сталин в 1941 году, когда разразилась война с Германией. К тому же тотальные «чистки» проделали в кадровых рядах зияющие бреши, которые требовалось заполнить. Так или иначе, процесс «стирания граней», на фоне усугубления репрессий в последний год существования режима, носит характер дальнейшего нивелирования населения страны. Недаром именно тогда большинство «местных» стали переходить в молчаливую оппозицию к красным кхмерам.

Двадцать этнических меньшинств, составлявших в 1970 году не менее 15% населения страны, постигла разная судьба. Прежде всего следует различать *городские* (китайцы, вьетнамцы) и *сельские* меньшинства (мусульмане тямы из приозерных и речных районов, кхмеры лы — обобщенное название для разных групп, живущих как в джунглях, так и в горах). Первые как таковые не подвергались репрессиям до 1977 года. В мае — сентябре 1975 года 150 тысяч вьетнамцев были репатриированы[69] на добровольной основе, что сократило общину до нескольких десятков тысяч человек, в основном жен и мужей кхмеров. Однако бегство от красных кхмеров было таким желанным исходом, что многие кхмеры пытались выдать себя за вьетнамцев. В тот момент это не представляло большой опасности. В местах депортации не наблюдалось дискриминации между представителями городских меньшинств и другими бывшими горожанами. Более того, общие испытания сплотили людей. «Все горожане — камбоджийцы, китайцы, вьетнамцы — были собраны без различий, все получили постыдное клеймо «пришлых». Все мы стали братьями, забыв о национальном соперничестве и взаимных претензиях <...>. Хуже всех было все же камбоджийцам: им внушали отвращение действия их соотечественников-палачей — красных кхмеров. <...> Тот факт, что мучители принадлежат к тому же народу, что и жертвы, не мог не возмущать»[70].

Чем же тогда объяснить, что большая часть этих народностей пала жертвой режима красных кхмеров? Считается, что потери среди 400 тысяч китайцев[71] достигли 50%, еще выше они были среди вьетнамцев, оставшихся в стране после 1975 года. Сливинский говорит об исчезновении 37,5% вьетнамцев и 38,4% китайцев[72].

Ответ можно получить, сравнив этнические меньшинства с другими группами населения: по подсчетам Сливинского, исчезли 82,6% офицеров республиканской армии, 51,5% лиц, имевших высшее образование, 41,9% (!) жителей Пномпеня[73]. Последняя цифра очень похожа на данные по меньшинствам: те преследовались, в частности, как «заядлые горожане» (в 1962 году в Пномпене проживало 18% китайцев и 14% вьетнамцев)[74].

Кроме того, инородцам приписывали «ультрамеркантилизм»: многие не сумели вовремя скрыть свое социальное положение в прошлом. Их благосостояние, часто превышавшее благосостояние кхмеров, было одновременно благом (то, что они сумели унести с собой, помогало им выжить, так как они торговали на «черном рынке»[75]) и несчастьем, так как превращало их в явные мишени для новых господ. Последние, будучи правоверными коммунистами, отдавали предпочтение классовой борьбе (или тому, что они под этим понимали) перед расовой и межнациональной.

Это не означает, однако, что красные кхмеры были свободны от национализма и ксенофобии. В 1978 году Пол Пот утверждал, что Камбоджа строит социализм, не ориентируясь ни на какие чужие модели, а его речь памяти Мао Цзэдуна (произнесенная в Пекине в 1977 году) не транслировалась на

Пномпень. Ненависть к Вьетнаму, «укравшему» в XVIII веке у Камбоджи большой кусок территории, область Кром, отошедшую к Кохинхине*, стала постепенно основной темой пропаганды и до сих пор остается единственным оправданием движения красных кхмеров. В середине 1976 года вьетнамцы, оставшиеся в Камбодже, попали в ловушку: им запретили покидать страну. На местах начались убийства и погромы. Кампания обрела мощь после принятия директивы Центра от 1 апреля 1977 года, предписывавшей арест и передачу силам безопасности всех вьетнамцев, а заодно их друзей и кхмеров-вьетнамофилов. В провинции Кратьэх, соседствующей с Вьетнамом, против которого уже велись боевые действия, наличие у человека хотя бы одного предка-вьетнамца становилось «черной меткой», поскольку власти объявили вьетнамцев «историческими врагами»[76]. В этой атмосфере объявление всех жителей Восточной зоны в 1978 году «вьетнамцами в кхмерском обличье» оказалось равносильным смертному приговору.

Горстка камбоджийских католиков стала самой гонимой группой населения: по подсчетам Сливинского, их численность сократилась на 48,6%[77]. Будучи в большинстве горожанами, они к тому же чаще всего были вьетнамцами по национальности, следовательно — были связаны с «колониальным империализмом». В результате католический собор Пномпеня стал единственным зданием города, уничтоженным полностью.

Этнические меньшинства были лишены права на национальную самобытность. Один из декретов объявлял, что «в Кампучии одна нация и один язык — кхмерский. Отныне в Кампучии не существует прочих национальностей»[78].

Жители гор (кхмеры лы), немногочисленные лесные охотники, первоначально находились в привилегированном положении: именно на их землях ККП создала свои первые базы и многих из них вовлекла в свои ряды. Однако с конца 1976 года, желая увеличить производство риса, власти приступили к разрушению горных деревень. Жителей принуждали к переселению в долины, что полностью изменило их образ жизни и стало для них драмой[79]. В феврале 1977 года охранники Пол Пота — выходцы из этого племени — были арестованы и ликвидированы.

Что касается главного национального меньшинства — тямов, растениеводов и рыбаков, численность которых составляла в 1970 году 250 тысяч человек, — то их ввиду приверженности исламу постигла печальная участь. Из-за того, что тямы слыли отважными воинами, красные кхмеры обхаживали их в начале своей «освободительной войны». Тямы были отнесены главным образом к «местным», хотя их упрекали в слишком активной торговле (они снабжали рыбой большую часть камбоджийцев). Тем не менее уже в 1974 году Пол Пот тайно распорядился расселить деревни тямов, что постепенно и осуществлялось. В 1976 году все ответственные работники режима — выходцы из тямов — были лишены постов. В 1975 году красные кхмеры издали распоряжение, предписывающее тямам «поменять свои имена на кхмерские. Народности тямов больше не существует. Те, кто не последуют распоряжению, понесут за это ответственность»[80]. В Северо-Западной зоне за тямскую речь можно было поплатиться жизнью. Женщинам запрещалось носить саронг (национальную юбку) и длинные волосы.

Однако к наиболее драматическим последствиям привела попытка искоренения ислама. С 1973 года в «освобожденных» районах разрушались ме-

* Так в период господства французских колонизаторов назывался Южный Вьетнам. *(Прим. ред.)*

чети и запрещались молитвы. С мая 1975 года эти меры стали применяться повсеместно. Кораны отбирались и сжигались, мечети превращались в хозяйственные помещения или сносились. В июне были казнены тринадцать уважаемых мусульман: одни — за предпочтение молитве, а не политическому собранию, другие — за просьбу разрешить мусульманский обряд бракосочетания. Часто мусульман ставили перед выбором: разведение свиней и употребление свинины в пищу — или смерть; в стране, где из рациона людей на долгие годы исчезло мясо, тямам дважды в месяц предлагалось есть свинину (некоторые, поев, искусственно вызывали у себя рвоту). Больше остальных пострадали священнослужители: из тысячи *хаджи* (мусульман, совершивших паломничество в Мекку) выжили тридцать человек. В отличие от остальных камбоджийцев тя-мы часто восставали, за что их карали смертью[81]. В середине 1978 года красные кхмеры приступили к систематическому истреблению многочисленных общин тямов, не щадя ни женщин, ни детей даже в тех случаях, когда несчастные соглашались есть свинину[82]. Б. Киернан считает, что погибла половина тямов, Сливинский приводит цифру 40,6%[83].

Пространственно-временные характеристики смертности

Уровень смертности был неодинаковым в разных местностях. Многое определялось происхождением жертвы. По данным Сливинского, до 1979 года дожили 58,1% бывших жителей Пномпеня (примерно миллион человек) и 71,2% бывших жителей Кампонгтяма (густонаселенная провинция); зато в Са-мроунге (находящемся на Севере, почти безлюдном) выжили целых 90,5% — смертность из-за действий режима составила всего 2,6%[84]. Естественно, в районах, захваченных позже остальных, густонаселенных и находящихся близко к столице (эвакуация провинциальных населенных пунктов проходила менее драматично), процент пострадавших был выше. Однако в первую очередь выживание зависело от зоны, где люди оказались (добровольно или в результате депортации) в период существования так называемой Демократической Кампучии. Отправка в лесной или горный район, в места возделывания технических культур, например джута, была, ввиду почти полного отсутствия внутреннего обмена продовольствием, равносильна смертному приговору[85].

Где бы ни оказались люди, режим повсюду требовал от них одних и тех же норм, но никак не способствовал их выполнению. Часто приходилось корчевать лес, строить убогую хибару, работать от рассвета до заката, получая мизерную пайку. Ослабленных людей косила дизентерия и малярия. Результаты были ужасающими. Пин Ятхай подсчитал количество смертей в одном из лесных лагерей: там в конце 1975 года за 4 месяца вымерла одна треть всех обитателей[86]. В новой деревне Донэй, построенной на месте сведенных джунглей, царил голод, перестали рождаться дети, смертность достигла 80%[87].

Зато, попав в благополучный полеводческий район, можно было надеяться выжить, особенно если «пришлых» было не слишком много. С другой стороны, там существовал куда более строгий контроль, и была велика опасность попасть под кампанию «чистки». Возможно, наилучшим вариантом было переселение в наиболее отдаленный район, где власти проявляли больше снисходительности, а аборигены (горные кхмеры) — больше гостеприимства; там главной опасностью были болезни.

В деревнях решающее значение приобретало поведение местного руководства, от которого зависели отношения между «пришлыми» и «местными». Слабость и некомпетентность кхмерской бюрократии развязывали руки местным властям, что имело свои негативные и позитивные стороны. (К тому же коммунистические бонзы Камбоджи в отличие от коммунистических руководителей других стран очень мало перемещались. Об их поездках по стране нет ни письменных, ни даже устных свидетельств.) Среди местных руководителей попадались и жестокие садисты (часто таковыми оказывались молодые женщины[88]), и карьеристы, ни к чему не годные люди, пытавшиеся утвердиться с помощью репрессий и завышения норм выработки.

Но бывало и гуманное начальство, дававшее надежду на жизнь. Так, некий представитель деревенских властей (старший по деревне) в 1975 году выгонял новичков на работу только на 4 часа в день[89]. Другие просто шли навстречу в трудную минуту: разрешали ослабевшему или больному отдохнуть, мужу — навестить жену, закрывали глаза на запрещенное самостоятельное питание, без которого можно было еще быстрее протянуть ноги. Но настоящими спасителями оказывались наиболее продажные руководители, способные за наручные часы или грамм золота перевести дарителя в другую деревню, бригаду, даже разрешить на время вести образ жизни, полностью выходящий за рамки предписанного[90].

Увы, со временем усиление централизации свело на нет первоначальные послабления, а адская логика «чисток» диктовала замену гуманного и коррумпированного начальства на новое, более молодое, «неиспорченное» и не ведающее пощады.

Смертность также не всегда была одинаковой. Недолговечность режима красных кхмеров и, главное, природное разнообразие областей, попавших под него, не позволяют произвести четкую периодизацию. К тому же страх и голод были постоянной и повсеместной данностью. Варьировалась только их интенсивность, но от нее в огромной степени зависела возможность выжить.

Очевидцы предоставляют тем не менее достаточно информации для хронологии репрессий. Первые несколько месяцев режима были отмечены массовыми казнями по социальному признаку, которым способствовала первоначальная наивность категории «75». Зато недоедание не представляло до осени ощутимой проблемы, а общественные столовые еще не стали обязательной заменой семейному столу. (Правда, для депортированных в джунгли обстановка менялась к худшему гораздо быстрее.) С конца мая по октябрь Центр неоднократно приказывал прекратить истребление людей, что говорит о сохранявшемся еще влиянии более умеренных лидеров и в еще большей степени — о стремлении приструнить не привыкшие к подчинению зональные штабы. Убийства продолжились и позже, но уже в более умеренных масштабах. По свидетельству банкира Компхота, беженца из Северной зоны, «людей убивали по одному. Массовых убийств не было. Начали с дюжины пришлых, заподозренных в том, что они служили в армии. За первые два года была убита по одному примерно десятая часть пришлых, включая их детей. Не знаю, сколько всего людей полегло»[91].

1976 год был годом страшного голода и безумного размаха гигантских проектов, стоивших сил многим людям и подорвавших сельское хозяйство

страны. Урожаи 1976 года были не так уж малы, и в первой половине года ситуация как будто пошла на поправку (главный урожай убирается в стране в декабре — январе); однако собрана была примерно половина от средних урожаев 60-х годов[92]. По некоторым данным, катастрофой стал 1977 год: к опустошительному голоду прибавились возобновившиеся «чистки»[93].

Эти «чистки» отличались от подобных мероприятий 1975 года: они стали более политизированными (будучи часто отзвуками жестоких стычек внутри руководства), в большей степени национально-ориентированными и, как мы уже видели, метили в новые категории, в частности в богатых и даже средних крестьян, в «местных» и — более систематически, чем раньше, — в учителей[94]. (Распространение «классовой борьбы» на деревню, а также завершение полной коллективизации, включавшей запрет питаться в семьях и собственными средствами, стали, по Киернану, этапом, с которого началось наступление на «местных».)

Кроме того, новые «чистки» отличались крайней жестокостью: уничтожение жен и детей республиканских офицеров было предписано инструкциями 1975 года, но только в 1977 году начались аресты и казни жен ранее казненных людей. Не являлось исключением уничтожение целых семей и даже деревень, как, например, родной деревни экс-президента Лон Нола (350 человек) 17 апреля 1977 года в ознаменование «славного» праздника Освобождения[95].

1978 год был более противоречивым. По мнению Сливинского, голод значительно уменьшился благодаря росту урожаев и, главное, послаблениям в управлении. Твининг же, чье мнение поддерживается многими очевидцами, напротив, утверждает, что засуха и война спровоцировали беспрецедентные лишения. Несомненно одно: из-за распространения репрессий на «местных» и усугубления их в Восточной зоне массовые убийства приняли невиданный размах[96].

Смерть как повседневная реальность

«В Демократической Кампучии не было ни тюрем, ни судов, ни университетов, ни лицеев, ни денег, ни почт, ни книг, ни спорта, ни развлечений... На протяжении суток не допускалось ни единой минуты праздности. Повседневная жизнь состояла из двенадцати часов физического труда, двух часов на еду, трех часов на отдых и обучение, семи часов на сон. Мы попали в огромный концентрационный лагерь. Справедливости больше не существовало. Всей нашей жизнью руководил Ангкор (революционная организация — *Анг-кор падеват* — служила ширмой для так и не вышедшей на поверхность ККП). Для оправдания своих противоречивых приказов и поступков красные кхмеры часто прибегали к притчам. Человека они сравнивали со скотиной: «Взгляните на буйвола, тянущего плуг. Он ест то, что ему приказывают. Если пустить его на пастбище, он будет есть там. Если отвести его на другое поле, где мало травы, он все равно найдет, что щипать. Он не может передвигаться самостоятельно, за ним все время следят. Ему велят тянуть плуг, и он подчиняется. Он никогда не думает о жене и детях...»[97]

В памяти всех выживших Демократическая Кампучия осталась странным местом, где были утрачены все ориентиры и все ценности. Люди попали в настоящее Зазеркалье, где шанс на выживание зависел от часто менявшихся правил игры. Наипервейшим правилом было полное презрение к человеческой жизни: «Если ты пропадешь, это не потеря. Если со-

хранишься, в этом не будет никакой пользы». Эту страшную формулу приводят все очевидцы[98].

Камбоджийцы пережили настоящее сошествие во ад, причем для многих оно началось еще в 1973 году: на «освобожденных» территориях Юго-За-пада уже тогда шло подавление буддизма, отрыв.молодежи от семей, навязывание единообразия в одежде, принудительное зачисление в производственные кооперативы. Трудно перечислить все пути к гибели. Тем не менее мы попытаемся это сделать.

Светлое будущее: рабство и голод

Все камбоджийцы, в первую очередь категория «75», сразу оказывались чем-то средним между рабочей скотиной и рабами (здесь сразу вспоминается старая имперская традиция...)[99].

«Местные» принимали изгнанников охотнее, если те были крепкими на вид и не приводили с собой слишком много ненужных ртов[100].

Людей постепенно лишали их имущества: во время эвакуации этим занимались солдаты, в деревне — начальство и «местные». На «черном рынке» в период голода цена 250-граммовой миски риса могла доходить до 100 долларов[101]. Приходилось мириться с искоренением образования, отсутствием свободы передвижения, всякой легальной торговли, медицины, достойной называться таковой, религии, письменности; соглашаться со строгим единообразием в одежде (черная форма, застегнутая до подбородка, с длинными рукавами) и в поведении (никаких проявлений чувств, споров, ругательств, жалоб и слез). Человек был обязан слепо повиноваться любому приказу, присутствовать (изображая интерес) на бесконечных собраниях, кричать и радоваться по команде, заниматься критикой и самокритикой... В Конституции Демократической Кампучии 1976 года ясно указывалось, что первейшее право гражданина — право на труд; никаких других прав «пришлые» не ведали. Неудивительно, что на первых порах существования режима страну захлестнула волна самоубийств; они стали настоящей эпидемией среди тех, кто оказался оторван от близких, среди престарелых, ощущавших себя обузой для семьи, среди людей, привыкших к комфорту.

Категория «75» должна была приспосабливаться к новой жизни. Начиная с осени 1975 года большинство «пришлых» попадали в районы с нездоровым климатом. Ни на что, кроме самого примитивного инвентаря и голодной пайки, надеяться не приходилось; никакой технической помощи, практической подготовки, жестокие санкции для не выполняющих установленные рабочие нормы, независимо от причин неудачи: даже явный физический недостаток не спасал от универсального наказания — смерти (хотя семьи редко разбивались). Никто, за редкими исключениями, не мог надеяться на окончательное постоянное местопребывание: тасование рабочих бригад и непрерывные переезды усугублялись ощущением собственного бессилия и всемогущества властей. Те, в ком еще теплились силы, постоянно порывались сбежать куда-нибудь, где еще оставалось подобие здравого смысла, предсказуемости, гуманности. Часто эти побеги оказывались формой отложенного самоубийства: не имея компасов и карт (Пин Ятхай по случаю разжился обрывком карты, потому и спасся), выбирая для побега сезон дождей, чтобы затруднить задачу преследователям, почти без еды, крайне ослабленные, бегле-

цы чаще всего гибли еще до встречи с патрулями, получившими приказ не брать пленных. Тем не менее побеги не прекращались, чему способствовала не очень бдительная охрана (как было сказано выше, красные кхмеры испытывали нехватку личного состава)[102].

Прижиться в новых условиях было крайне трудно, прийти в себя — невозможно. Руководство почему-то уверовало, что до «светлого будущего» — рукой подать, стоит только выполнить четырехлетний план 1977—1980 годов, оглашенный Пол Потом в августе 1976 года. План предусматривал резкий рост производства и экспорта сельскохозяйственной продукции — единственного богатства страны — в целях первоначального накопления средств. Предполагались индустриализация сельского хозяйства, развитие многоассортиментной легкой промышленности, впоследствии — создание мощной тяжелой промышленности[103].

Все эти фантасмагорические планы должны были стать продолжением прошлых «побед». «Наш народ, сумевший создать Ангкор, способен на любые свершения», — заверял Пол Пот в своей бесконечно длинной речи 27 сентября 1977 года, в которой прозвучало наконец, что Ангкор и Кампучийская коммунистическая партия[104] — одно и то же. Еще одним проявлением волюнтаризма красных кхмеров стало утверждение, будто «славное 17 апреля» доказало превосходство бедных камбоджийских крестьян над крупнейшей империалистической державой — США.

От населения потребовали невозможного: добиться урожайности риса 3 тонны с гектара, хотя в 1970 году урожайность была немногим больше одной тонны. (Характерно, что таких же показателей потребовал от соотечественников в 1975 году тогдашний китайский вице-премьер Хуа Гофэн.) Столь же неосуществимым было тройное увеличение площадей под посевы риса на плодородном Северо-Западе. Конкретно для этого пришлось бы свести лес на огромных территориях, создать колоссальную ирригационную систему и быстро перейти от одного к двум-трем урожаям риса в год. (Следует учитывать, что в малонаселенной Камбодже прежде принято было надеяться на естественные осадки и ежегодное затопление чеков). Все прочие культуры отходили на второй план. Никто так и не определил, каких усилий это потребовало бы от «трудовой армии» в лице изможденных «пришлых»[105].

«Армия», то есть практически все население, выбивалась из сил и стремительно гибла. Быстрее других сходили на нет самые сильные, от которых требовали больше, чем от остальных. Нормой был 11 -часовой рабочий день, но нередко, устраивая соревнования между деревнями, начальство выгоняло людей на работу в 4 часа утра и не отпускало до 10—11 часов вечера...[106].

Выходные местами были отменены совсем, местами объявлялись раз в десять дней (видимо, по примеру Французской революции, боровшейся с «религиозным» воскресеньем), но и они посвящались бесконечным политическим собраниям. Сам ритм работ совпадал, как правило, с обычным ритмом труда камбоджийского крестьянина. Разница заключалась в полном отсутствии отдыха и в хроническом недоедании[107].

Обещая подданным светлое будущее, власти гарантировали им беспросветное, даже убийственное настоящее. Американское посольство в Бангкоке, опираясь на показания беженцев, оценило сокращение посевных площадей к ноябрю 1976 года по сравнению с периодом до 1975 года в 50 %[108]. Путешествовавшие по сельской местности рассказывали о заброшенных полях и

обезлюдевших деревнях — последствиях массового переселения на стройки и вырубки.

Дезорганизация деревни

«По обеим сторонам дороги раскинулись, насколько хватает глаз, незасеянные земли. Напрасно я ищу взглядом работающих крестьян. Только километров через десять замечаю маленькую бригаду — несколько девушек. Где же сотни юношей из мобильных бригад, о которых талдычит радио?

Иногда мне попадаются вяло бредущие группы мужчин и женщин с узлами за плечами. По некогда ярким одеждам, превратившимся в лохмотья, драным штанам и юбкам узнаю «пришлых» — бывших горожан, изгнанных из своих жилищ.

Мне известно о новых перемещениях населения в середине года, призванных восстановить равновесие, вызванное безумными действиями «банды предателей».

Сначала эти горожане были отправлены в малонаселенные районы Юго-Запада, где на фоне полного обнищания намечалось создать «новую модель мира». Плодородные районы временно остались без работников. Вся страна корчилась в тисках голода, тогда как обрабатывалась только пятая часть всех пахотных земель! Куда же подевались те, кто работал на этой земле раньше? Слишком много вопросов остается без ответа.

Что касается мобильных бригад, якобы прославившихся своим трудолюбием, то они живут в суровых условиях. Еду им приносят в поле: подобие растительной похлебки, немного риса — половина того, что мы получали в Пномпене. На таком голодном пайке невозможно толком трудиться и что-либо производить. <...>

У меня глаза лезли на лоб. Зрелище было ужасающим: непередаваемая нищета, полная дезорганизация, неразбериха, грязь...

Навстречу машине бросился, размахивая руками, старик. На обочине лежала женщина — видимо, больная. Водитель вывернул руль, и старик остался стоять посреди дороги, воздев руки к небу»[10'].

Экономические прожекты ККП сулили стране немыслимое напряжение. Это усугублялось неспособностью руководства претворить в жизнь собственные намерения. Краеугольным камнем плана была ирригация: ее развивали, не щадя сил и жертвуя настоящим ради будущего. Однако ущербность проектов и их практического осуществления сделала принесенную народом жертву напрасной. Всего несколько дамб, каналов и плотин были спроектированы и построены со знанием дела. Они используются и по сей день, тогда как остальные либо были смыты в первый же паводок (вместе с сотнями строителей и крестьян), либо пустили воду не в том направлении, либо рухнули или были залиты в считанные месяцы. Инженеры-гидростроители, попавшие в ряды бесправной «трудовой армии», бессильно наблюдали за происходящим: всякая критика воспринималась как враждебность к Ангкору и последствия наступали незамедлительно и не отличались разнообразием... «Чтобы строить плотины, достаточно политического образования», — внушали рабам[110]. Для безграмотных крестьян, часто предводительствовавших этим рабским стадом, единственной доступной технологией было максимальное скопление землекопов, увеличение продолжительности работ и объемов перелопаченной земли.

Презрение к технике и техникам сопровождалось отказом от элементарного крестьянского здравого смысла. Стройками и деревнями руководи-

ли бедняки с мозолистыми руками, но над ними стояли городские интеллектуалы, как будто обязанные мыслить рационально, но слишком уверовавшие в свое всезнание. Эти люди и приказали срыть мелкие перемычки между рисовыми чеками, учредив новый стандарт делянки: 1 гектар[111]. Календарь сельскохозяйственных работ определялся централизованно и спускался для целой зоны без учета местных экологических условий[112]. Единственным критерием успешности был объявлен валовой сбор риса, посему многие руководители решили вырубить все деревья, в том числе фруктовые. Уничтожение гнездовий птиц, наносивших ущерб полям, привело к исчезновению одного из источников питания для голодающего населения[113].

Бедствие постигло даже природу, не говоря о людях. Все население было поделено на категории, каждую из которых мобилизовали по отдельности: лиц от 7 до 14 лет, от 14 лет до брачного возраста, стариков и т.д. (Как всегда при строительстве «светлого будущего», трудящиеся были уподоблены армии, а производства — военной кампании.) Кроме того, действовал принцип узкой специализации. Формировались бригады, предназначенные для выполнения единственной конкретной задачи. Одновременно высокое начальство, уверовавшее в свое могущество, вместо повседневной работы с подчиненными ограничивалось категоричными приказами, не утруждая себя разъяснениями и обсуждениями.

Даже голод, годами косивший камбоджийцев, использовался для их дальнейшего закабаления. Ведь ослабленные люди, не способные создать запас продовольствия, вряд ли решатся на побег. Люди были постоянно озабочены утолением голода, вытеснившего все остальные мысли и желания, вплоть до сексуального. Скудная пайка превратилась в универсальный способ управления: благодаря ей проще было проводить принудительное перемещение больших масс людей и заставлять их питаться в общественных столовых. Несколько сытных кормежек — и все проникаются пылкой любовью к Ангкору... С помощью той же пайки удавалось сломить солидарность, нарушить связь между родителями и детьми. Мало кто осмеливался кусать кормящую руку, пусть она и проливала кровь[114].

Грустная ирония заключалась в том, что режим, приносивший людей в жертву божеству Рису (в СССР божество звалось Сталью, на Кубе — Сахаром), сделал этот продукт эфемерным. Камбоджа с 20-х годов ежегодно экспортировала сотни тысяч тонн риса и полностью обеспечивала этим основным продуктом питания собственное население. С начала 1976 года, когда коммунисты ввели систему общественных столовых, рацион значительной части камбоджийцев был ограничен жидкой рисовой похлебкой (равной по питательности 4 чайным ложкам риса на человека)[115].

Урожаи риса были катастрофически низкими. Дневной рацион постоянно снижался. Подсчитано, что в районе Баттамбанга до 1975 года взрослый человек потреблял примерно 400 г риса в день — минимальное количество, обеспечивающее функционирование организма. При красных кхмерах, согласно свидетельствам всех без исключения очевидцев, невиданной роскошью считалась одна миска риса (250 г) на человека. Зачастую на пятерых, шестерых, даже восьмерых человек приходилась одна миска риса в день[116].

Все это делало жизненно необходимым «черный рынок», где можно было разжиться рисом. Поставщиками этого «лишнего» риса были руководящие работники, пускавшие «налево» рацион незадекларированных умерших,

а также лица, занимавшиеся запрещенным промыслом — индивидуальным поиском пропитания. Считалось, что Ангкор печется о благе людей, *следовательно,* рационы полностью обеспечивают их потребности; впрочем, данный запрет действовал не слишком строго[117], пока не доходило до воровства. Для голодных людей не существовало разницы между коллективным достоянием (рисовыми чеками до или во время уборки, фруктовыми насаждениями) и скудным индивидуальным имуществом (птичниками, домашними животными «местных»). В пищу шла мелкая живность: крабы, лягушки, улитки, ящерицы, змеи, кишащие в заливных чеках, красные муравьи, огромные пауки, пожираемые живьем, а также побеги, грибы и плоды лесных растений. Из-за плохой сортировки и недостаточной кулинарной обработки это часто приводило к смертельному исходу. (Всякое индивидуальное приготовление пищи было запрещено, но запрет умудрялись обходить, делая вид, что кипятят воду; эту меру профилактики красные кхмеры поощряли.) Картины, которые можно было наблюдать, превосходили все, что случалось видеть специалистам даже в беднейших странах: люди отнимали помои у свиней[118] и ели полевых крыс...[119]

Индивидуальный сбор пропитания был наказуемым проступком. Провинившийся мог отделаться выговором, а мог получить и пулю — для острастки населения и предупреждения массовых набегов на поля[120].

Хроническое недоедание, ослаблявшее организм, способствовало заболеваниям (особенно дизентерии) и усугубляло их остроту. Еще одним распространенным недугом была «болезнь голодных», возникающая в подобных ситуациях, — общая отечность, которой способствовала чрезмерная соленость ежедневной рисовой похлебки. Со временем «естественную» смерть от этого недуга (слабость, затем забытье и угасание) многие, особенно старики, стали считать завидной...[121]

Повальные болезни (порой никто в целом поселении не мог встать на ноги)[122] не производили на руководство красных кхмеров ни малейшего впечатления. Заболевший приравнивался к ослушнику, лишающему Ангкор «боеспособной единицы его трудовой армии»[123].

Несчастный, всегда подозреваемый в симуляции, мог отказаться от работы только в случае обращения в медпункт или в больницу, где рационы были вдвое ниже и был велик риск заразиться инфекционными болезнями. Генри Локард справедливо называет кхмерские больницы «местами уничтожения населения, а не его исцеления»[124].

Пин Ятхай за несколько недель лишился четырех близких родственников, помещенных в больницу. Пятнадцать молодых людей, заболевших при нем ветряной оспой, не получали никакого лечения: их заставляли выходить на работу и спать прямо на земле, несмотря на страшные язвы на коже. В итоге из пятнадцати в живых остался всего один.

От уничтожения нравственных ориентиров — к полному озверению

Голод, как известно, не способствует гуманности. Голодный занят только собой и отвергает все, что не имеет отношения к его выживанию. Как иначе объяснить нередкие случаи каннибализма? Тем не менее в Камбодже это явление получило меньшее распространение, чем в Китае во время «большого скачка», и ограничивалось, видимо, поеданием умерших. Пин Ятхай при-

водит два конкретных примера: в одном случае бывшая учительница съела собственную сестру, а в другом — обитатели больничной палаты расчленили и съели только что умершего молодого человека... Людоедство каралось как самое страшное преступление: учительница (заодно со своей дочерью) была забита до смерти на глазах у всей деревни[125].

Существовал и каннибализм как способ наказания, отмечавшийся также в Китае. Лы Хэнг[126] рассказывает о кхмерском солдате-дезертире, которого перед казнью заставили съесть собственные уши. Упоминается и употребление в пищу человеческой печени, хотя этим занимались не только красные кхмеры: в 1970—1975 годах республиканские солдаты порой скармливали этот орган своим врагам; данный ритуал вообще имеет некоторое распространение в Юго-Восточной Азии[127].

Хаинг Нгор[128] рассказывает, как из трупа убитой в тюрьме беременной женщины был вырван зародыш, печень и молочные железы; зародыш был выброшен к другим, уже сушившимся на крыше тюрьмы, остальное было унесено со словами: «Вот и мясо на сегодня!» Кен Кхун рассказывает о главе кооператива, делавшем глазное лекарство из человеческих желчных пузырей[129]; он снабжал снадобьем всех желающих и нахваливал вкусовые качества человеческой печени[130]. (Подобные случаи отмечались также в среде горных кхмеров лы.)

Представляется, что этот возврат к антропофагии представляет собой частное проявление более общего процесса — исчезновения человеческих ценностей, нравственных и культурных ориентиров, прежде всего сострадания, играющего такую большую роль в буддизме. Один из парадоксов режима красных кхмеров состоял в том, что они, заявляя о намерении построить общество равенства, справедливости, братства и самоотверженности, спровоцировали, подобно всем остальным коммунистическим режимам, разгул постыдного себялюбия, торжество принципа «каждый сам за себя», неравенство *во власти* и бескрайний произвол. Чтобы выжить, необходимо было прежде всего уметь врать, жульничать, красть и не испытывать угрызений совести.

Примером служили представители самой верхушки власти. Пол Пот, ушедший в партизаны еще в 1963 году, ничего не сделал для восстановления связи со своей семьей даже после 17 апреля 1975 года. Два его брата и невестка были депортированы вместе с остальными, один брат быстро погиб. Двое выживших, узнав на портрете своего родича и поняв, кто стал диктатором страны, сочли за благо (и, по всей видимости, поступили мудро) никому не говорить о своем родстве с ним[131].

Режим делал все, чтобы ослабить, а лучше порвать семейные узы между людьми, справедливо усматривая в них источник спонтанного сопротивления тоталитарному проекту установления полной зависимости каждого индивидуума от всесильного Ангкора. Рабочие бригады часто имели собственные жилища (иногда это были просто циновки на земле или гамаки), расположенные недалеко от деревни. Получить разрешение отлучиться оттуда было крайне трудно; мужья неделями не видели жен, дети — престарелых родителей. Подростки по полгода не знали о судьбе своих родных (этому способствовало упразднение почтовой связи) и, вернувшись, нередко узнавали, что тех уже нет в живых[132]. Эта модель тоже навязывалась сверху: многие руководители жили раздельно со своими женами[133]. Мать ставила себя в опасное положение, если слишком много времени уделяла ребенку, даже младенцу.

Мужей лишили власти над женами, родителей — над потомством. За пощечину, отвешенную супруге, можно было получить пулю; то же могло произойти, если дети, подвергнутые родителями телесному наказанию, доносили на них властям; за ругань или ссору полагалось наказание в виде самокритики[134]. Гуманизма в этом не было ни на грош: таким образом режим обеспечивал себе монополию на законное насилие и препятствовал всяким проявлениям власти помимо собственной. Презренные семейные чувства подвергались осмеянию и безжалостно подавлялись. Родственники часто разлучались навсегда, не сумев залезть в один грузовик. Иногда два грузовика, следовавшие один за другим, на повороте неожиданно разъезжались в разные стороны. Начальству было наплевать, что старики и дети отрываются от родных и остаются из-за этого без помощи. «Ничего, — звучало в ответ на жалобы, — Ангкор обо всем позаботится. Или вы не доверяете Ангкору?»[135]

Заменив погребение кремацией (за редкими исключениями, которых приходилось подолгу добиваться), красные кхмеры нанесли еще один удар по семейной солидарности: для кхмера оставить умершего родственника на холоде или в грязи, не исполнив церемониала (запрещенного властями), равносильно лишению умершего права на элементарное уважение, препятство-ванию его реинкарнации, даже обречению на скитание в виде призрака. В условиях постоянных перемещений большой удачей считалось сохранить при себе горстку праха покойного. Подобные действия властей были одним из проявлений решительного наступления на богатые культурные традиции Камбоджи. Искоренялись буддийские обычаи и близкие к буддийским, «примитивные» обряды кхмеров лы (равно как и ритуалы, возникшие в империи Ангкор), народные песни, шутки, придворные танцы; уничтожались храмовые росписи, скульптура. План 1976 года, скопированный, несомненно, с китайской «культурной революции», не признавал иных форм художественного самовыражения, кроме революционных песен и поэм[136].

Циничное отношение к мертвым было лишь продолжением равнодушия к живым. «Я не человек, а животное», — заявил в своих показаниях один из бывших вождей, министр Ху Ним[137]. Но стоил ли человек столько же, сколько животное? За потерю скотины можно было поплатиться жизнью, за избиение скотины — подвергнуться жестоким пыткам[138]. При вспахивании земель людей запрягали наравне с рабочим скотом и нещадно хлестали, поскольку их силы не могли сравниться с тягловой силой животных...[139] Вот и вся цена человеческой жизни!

«У тебя индивидуалистские наклонности. <...> Ты должен <...> от них избавиться», — сказал Пин Ятхаю кхмерский солдат, узнав, что тот пытается помочь своему раненому сыну. Когда сын умер, Пин Ятхай хотел получить разрешение с ним проститься, но его вынудили доказывать, что он «не будет зря тратить силы, принадлежащие Ангкору», и долго твердили, что «этим займется Ангкор». Придя на помощь тяжело больной женщине с двумя маленькими детьми, он услышал от палачей: «Вы не обязаны ей помогать. Вы обнаружили, что у вас сохранилась жалость, чувство дружбы. Следует отказаться от этих чувств, избавиться от индивидуализма. Сейчас же возвращайтесь к себе!»[140]

Систематическое отрицание человечности имело свою оборотную сторону: жертвы начинали напропалую врать, увиливать от работы, стоило отвернуться надсмотрщикам и стукачам, воровать. Последнее было вопросом жизни и смерти, учитывая голодный паек, на который посадил всех Анг-

кор. Воровали все, от мала до велика; поскольку буквально все принадлежало государству, похищение нескольких фруктов расценивалось как государственное преступление. Общество, не предоставившее своим членам иного выбора, кроме смерти, обмана и воровства, поймало себя в адскую ловушку: в среде камбоджийской молодежи до сих пор царствуют цинизм и эгоизм, лишающие страну надежды на нормальное развитие.

Триумф жестокости

Еще одно изначальное противоречие режима заключалось в том, что требование абсолютной открытости жизни и мыслей, предъявляемое гражданам, сочеталось с патологической секретностью, окружающей все, что касалось правящей верхушки. Ситуация в Камбодже не имеет аналогов во всем коммунистическом мире: существование ККП было официально признано только 27 сентября 1977 года, через 30 месяцев после прихода к власти полпо-товского режима 17 апреля 1975 года! Строжайшей тайной была окутана личность самого Пол Пота. Впервые он появился по случаю «выборов» в марте 1976 года, под видом рабочего каучуковой плантации. В действительности он никогда не работал ни там, ни на «родительской ферме», как это утверждалось в официальной биографии, распространенной во время его визита в Северную Корею в октябре 1977 года. Только тайным службам западных стран удалось, сопоставив много данных, прийти к выводу, что Пол Пот — это Салотх Сар, коммунистический активист, сбежавший в 1963 году из Пномпеня и объявленный руководством ККП «погибшим в подполье». Желание Пол Пота оставаться в тени, дабы укреплять свою абсолютную власть, было так велико, что в стране не было его живописных и скульптурных изображений, не издавалась официальная биография, его фотографии публиковались редко, сборники трудов — ни разу. Ни о каком культе личности не было речи; только после января 1979 года камбоджийцы узнали, кто был их главой[141].

Пол Пот выдавал себя за Ангкор* и наоборот; казалось, в качестве некоего анонимного божества он присутствует в любой крохотной деревушке, невидимо стоит за спиной всякого представителя власти. Это также было одним из приемов психологического воздействия на население: в обстановке неведения никто никогда не может чувствовать себя в безопасности.

Рабы системы не принадлежали более самим себе. Их настоящее — неустанный труд под неусыпным наблюдением, постоянный поиск пропитания, бесконечные собрания с самокритикой; малейшее ослушание могло дорого обойтись. Прошлое тоже находилось под пристальным контролем (порой людей заставляли ежемесячно пересказывать подробную автобиографию; малейшее расхождение с предыдущей версией каралось смертью)[142]. Если возникали сомнения в правдивости показаний, людей арестовывали и подвергали пыткам, домогаясь признания в том, что они якобы пытались утаить. Люди находились в полной зависимости от доносов, боялись случайных встреч с бывшими коллегами, соседями, учениками... Что касается будущего, то оно висело на волоске и полностью зависело от каприза всемогущего Мо-

* Исторически Ангкор (имя которого присвоили себе Пол Пот и его режим) — это грандиозный комплекс храмов, дворцов, водохранилищ и каналов близ города Сиемреап (сооружен в IX—XШ веках). *(Прим. ред.)*

лоха. Ничто не могло ускользнуть от всевидящей власти, имевшей «глаза размером с ананас», как гласил распространенный лозунг. Во всем усматривался политический подтекст, любое отступление от правил воспринималось как проявление оппозиционных настроений, читай: «контрреволюционное преступление». Человек старался избежать любой мелкой промашки: следуя параноической логике красных кхмеров («нас повсюду окружают невидимые коварные враги»), случайностей и непреднамеренных ошибок быть не могло, все квалифицировалось исключительно как измена. Разбивший стакан, неумело обошедшийся с буйволом или неверно проведший борозду мог предстать перед трибуналом, состоявшим из членов кооператива, среди которых были его родные и друзья. Недостатка в обвинителях никогда не наблюдалось. Нельзя было упоминать мертвых: предателей, получивших по заслугам, и трусов, не желавших трудиться на Ангкор. На само слово «смерть» было наложено табу: вместо него приходилось употреблять словосочетание *бат клуон* («исчезнувшее тело»).

Система имела свои слабости: отсутствовали судебный аппарат (не было проведено ни одного процесса) и, главное, нормальная полиция. Внутренней безопасностью занималась малопригодная для этого армия. Несовершенство аппарата подавления оставляло лазейки для спекуляции, воровства, но также и для свободного обмена мнениями... Следствием малочисленности кадровой полиции стало массовое использование детей и подростков в качестве помощников жандармов. Одни, так называемые *тьхлоп,* были частью аппарата красных кхмеров и являлись по сути обыкновенными шпионами: прячась на сваях домов, они подслушивали, не ведется ли где недозволенных разговоров, и высматривали, не укрываются ли запрещенные запасы продовольствия. Другие, обычно малолетние, докапывались до политической подноготной собственных родителей, братьев и сестер и доносили на них «ради своего же блага». Всем камбоджийцам без исключения запрещалось все, что не было специально разрешено (или могло квалифицироваться как таковое). Тюрьма была по сути прихожей морга, поэтому мелкие нерецидивные проступки, за которыми следовала уничижительная самокритика, либо прощались, либо наказывались переменой места работы (например — по китайскому образцу — переводом в свинарник) или побоями разной степени тяжести, обычно после собрания коллектива. Предлоги не приходилось слишком долго искать. Члены семьи не могли не пытаться увидеться, проведя врозь много месяцев и работая всего в нескольких километрах друг от друга. В трудовом процессе трудно было избежать мелких погрешностей, тем более людям, не имевшим опыта подобной работы; сказывалась также усталость, притуплявшая бдительность. Кроме того, работать приходилось отслужившими свой срок инструментами. А как не поддаться соблазну подобрать что-то съедобное или «украсть», то есть сорвать, банан? Любое из этих преступлений могло привести к тюремному заключению или казни[143].

Подобные проступки совершали *все,* и кара за них чаще всего бывала умеренной. Но всё относительно: если порка для молодых была банальным наказанием, то людей пожилого возраста нередко забивали до смерти. Пытали иногда сами военные — красные кхмеры, но чаще провинившегося били его «коллеги», такие же «75», сами боявшиеся оказаться на месте неудачника. Спасение избиваемого зависело от его умения изобразить полную покорность: мольбы, тем более возмущение, расценивались как протест против на-

казания, а значит, против режима. Цель состояла не только в каре, но и в устрашении. Поэтому широкие масштабы приняла имитация казней[144].

Убийство как способ управления

«Стране, которую мы строим, хватит одного миллиона хороших революционеров. Остальные нам ни к чему. Лучше уничтожить десятерых невинных, чем сохранить жизнь одному врагу», — твердили красные кхмеры на собраниях кооперативов[145].

Логика геноцида повсеместно находила практическое воплощение. Смерть была при Пол Поте банальнейшим явлением. Убийство было более частой причиной смерти, чем болезни или преклонный возраст. «Высшая мера» ввиду частоты применения и незначительности поводов лишилась оттенка исключительности. Более того, в случаях, расцениваемых как действительно серьезные, виновных отправляли в тюрьму (что означало ту же смерть, только растянутую во времени), где из них выбивали признания в заговорах и имена сообщников. При всей загадочности репрессивной системы, кое-кто из депортированных понял, как она функционирует. «Не исключено, что параллельно существовали две системы подавления. Одна — тюремная, неотъемлемая часть бюрократии, подкармливавшая сама себя и тем доказывавшая свою необходимость, другая — неформальная, позволявшая вершить правосудие начальству кооперативов. Итог в обоих случаях был для узников одинаковым». О том же говорит Г. Локард[146].

К этому надо добавить третий способ умерщвления, особенно распространенный перед концом режима. Имеется в виду «военная чистка» (заставляющая вспомнить «адские колонны» во время войны в Вандее в 1793—1795 годах*): войска, присланные Центром, устроили расправу над местным руководством, целиком истребили «подозрительные» деревни, вырезали все население отдельных зон, как, например, Восточной. Здесь уже никого конкретно не обвиняли, никто не мог защититься, никто не надеялся сообщить о судьбе пострадавших их близким или коллегам. «Ангкор убивает и никогда ничего не объясняет», — говорили в народе[147].

Составить полный список преступлений, каравшихся смертью, представляется нелегкой задачей. Трудно назвать нарушение или простое отклонение от требований, за которое *нельзя было бы* поплатиться жизнью. Члену организации красных кхмеров рекомендовалось придумывать самое фантастическое толкование малейшего проступка: тем самым активист доказывал свою политическую подкованность. Нам придется ограничиться перечислением основных причин умерщвления. Начнем с наиболее распространенных.

Смертные приговоры сплошь и рядом выносились за сбор рисовых метелок после уборки урожая" и за кражу риса из амбаров и общественных ку-

* Вандея — департамент на западе Франции, центр роялистских мятежей в период французской революции. В 1793— 1795 годах там развернулись настоящие военные действия между противниками и сторонниками республики. В этом противостоянии отличились так называемые адские колонны республиканцев, которые с крайней жестокостью «очищали» страну от противника. *(Прим. ред.)*

** Здесь трудно не вспомнить закон «о трех колосках», принятый в СССР 7 августа 1932 года. Согласно этому закону преступлением считался сбор на колхозных полях оставшихся после уборки колосков ржи или пшеницы. *(Прим. ред.)*

хонь (выше уже было сказано о первостепенной роли риса в питании камбоджийцев и «рисовой» идее-фикс режима); мародеров часто казнили прямо на месте «преступления» ударами мотыг и бросали в поле в назидание прочим[148]. У голодного, укравшего не драгоценный рис, а фрукты или овощи, было больше шансов отделаться избиением. Тем не менее голодная женщина, кормящая младенца грудью и укравшая несколько бананов, могла быть казнена[149].

Подростков, совершавших набеги на сады, отдавали на «суд» сверстников (у тех не было возможности уклониться от роли «судей»), признавали виновными и расстреливали. «Мы тряслись от страха. Нам сказали, что это послужит нам уроком», — вспоминал очевидец[150].

Домашних животных крали реже: птица и прочая живность быстро исчезли, оставшиеся хорошо охранялись. Кражи крупного скота не практиковались из-за скученности проживания. Семью, полакомившуюся теленком, могли поголовно вырезать[151].

Не менее опасно было тайно навещать родных, даже если отлучка получалась непродолжительной: это приравнивалось к дезертирству. Впрочем, смертью это каралось чаще в случае рецидива, если, конечно, не сопровождалось преступлением из преступлений — невыходом на работу. На чрезмерную любовь к родным смотрели косо, однако ссора с близкими, как и с чужими людьми, могла стоить скандалисту жизни (но тоже не с первого раза). В крайне пуританской атмосфере (мужчине не рекомендовалось приближаться к собеседнице, если это не близкая родственница, ближе, чем на три метра) внебрачные половые связи систематически карались смертью: рисковали жизнью и молодые влюбленные, и распутники из рядов красных кхмеров[15]-. К тяжким преступлениям относилось также потребление спиртных напитков (обычно это был перебродивший пальмовый сок), впрочем, это распространялось в основном на ответственных работников и «местных», так как «пришлые» и без того достаточно рисковали жизнью, разыскивая себе пропитание. Курили, наоборот, все, в том числе самые юные из кхмерских солдат; на наркотики, распространенные гораздо меньше, не было специального запрещения. Что касается отправления религиозных обрядов, то оно, даже будучи предосудительным, не каралось смертью, если совершалось в индивидуальном порядке (в буддизме это возможно, в исламе крайне затруднительно); впрочем, впавшего в транс могли пристрелить[153].

Разумеется, смертельно опасным было всякое неповиновение. Те немногие, кто шли на подобный риск, особенно поначалу, поверив в мнимую свободу критики и заговорив, например, о плохой кормежке и вещевом снабжении, быстро исчезали; та же участь постигла отважных депортированных учителей, устроивших в ноябре 1975 года демонстрацию протеста против голодного рациона (хотя сама демонстрация, как ни странно, разогнана не была)[154].

Естественно, любые «крамольные» речи — пожелание режиму сгинуть или пасть под ударами вьетнамцев (последнее было тайным чаянием многих камбоджийцев в 1978 году), — а также простое признание, что ты голоден, были равносильны смертному приговору. Соглядатаям-тьхлоп вменялось в обязанность фиксировать подобные разговоры, порой даже провоцировать их.

Крайне рискованно было не выполнить задание, независимо от причины невыполнения. От ошибок и случайностей не застрахован никто, следовательно, каждому в любой момент грозила пуля. По этой причине часто казнили немощных, инвалидов, психически больных: объективно они были еще

более бесполезны, чем толпа «пришлых». Разумеется, на исчезновение были обречены все раненые бойцы республиканской армии. Смерть грозила каждому, кто почему-либо не мог уяснить или исполнить приказы и запреты: «сумасшедший», сорвавший стебелек маниока* или бубнящий слова недовольства, ликвидировался на месте[1]". De facto кхмерские коммунисты оказались стихийными последователями евгеники**.

Демократическую Кампучию захлестнула волна разнузданного насилия. Однако большинство кампучийцев трепетали не столько перед самим зрелищем смерти, сколько перед непредсказуемостью и тайной, окружавшими исчезновение людей. Убийства чаще всего совершались вдали от глаз. Недаром активисты и ответственные работники ККП славились своей вежливостью: «Речи их неизменно были сердечны и ласковы, даже в худшие моменты. Даже убивая, они оставались учтивы: жертва до последней секунды внимала ласковым словам. Желая развеять ваше недоверие, они были способны пообещать вам все, что угодно. Я знал, что все преступления сопровождаются или предваряются любезными речами. Красные кхмеры оставались неизменно вежливы, пусть через секунду им предстояло заколоть жертву, как последнюю скотину»[156].

Объясняется это в первую очередь тактическими соображениями. Ят-хай прав, говоря, что, действуя неожиданно, палачи исключали противодействие со стороны жертвы. Вторая причина относится к сфере культурной традиции: буддизм требует от человека самообладания; любой, кто проявляет эмоции, роняет свое достоинство. Третья причина — из области политики: как и в период расцвета китайского коммунизма (до «культурной революции»), доблестью считалось доказать железный рационализм всех действий партии, не подверженной мимолетным страстям и индивидуальным побуждениям, ее ежесекундную готовность руководить событиями. То обстоятельство, что казни были тщательно скрыты от посторонних глаз, явственно свидетельствовало о том, что они координировались из Центра (первобытное, импульсивное насилие — например погромы — всегда слишком заметно). Солдаты приходили под вечер, чтобы отвести обреченного на «допрос», «учебу», наконец, на пресловутый «сбор хвороста». Иногда арестованному связывали за спиной руки — этим видимое постороннему глазу насилие кончалось. Потом в лесу находили незарытый труп — возможно, убитых не предавали земле для устрашения живых; опознать его не всегда удавалось. Земля Камбоджи усеяна местами массовых казней: в каждой из двадцати провинций таких мест насчитывается более тысячи![157]

Порой красные кхмеры осуществляли свою традиционную угрозу — «пустить человека на удобрение под рис»[158]. «Убитые люди были постоянным источником удобрений. Их зарывали в братских могилах, поверх которых сеяли сельскохозяйственные культуры, чаще всего маниок. Часто, собирая клубни, можно было извлечь из земли человеческий череп с торчащими из глазниц корнями»[159]. Видимо, хозяевам страны казалось, что на человеческих

* Маниок — род растения семейства молочайных. Возделывают для получения крупы из крахмала его клубней. *(Прим. перев.)*

** Евгеника — наука о наследственном здоровье человека, о возможных методах влияния на эволюцию человечества для совершенствования его природы. Прогрессивные ученые ставили перед евгеникой гуманные цели. Однако ее идеи нередко использовались для оправдания расизма (например, фашистская расовая теория). *(Прим. ред.)*

трупах рис и маниок растут как на дрожжах. В этом — проявление крайней степени их нравственного падения, заключающегося в лишении «классового врага» права быть человеком[160].

Дикость системы проявлялась и в момент казни. Чтобы сэкономить патроны и одновременно дать выход своему садизму, палачи часто не расстреливали своих жертв, а прибегали к другим способам казни[161] (согласно подсчетам Сливинского, расстрелы составляли 29% расправ[162]; эта и последующие цифры даны здесь округленно). У 53% убитых разбит череп (железным прутом, рукоятью заступа, тяпкой), 6% повешены или задушены (полиэтиленовый пакет на голову), у 5% перерезано горло, столько же насмерть забито. Все очевидцы твердят в один голос, что только *2%* казней совершались публично — так казнили опозорившихся руководителей. Их лишали жизни самыми варварскими способами, в которых большую роль играл огонь (уж не очистительный ли?): зарывали по пояс в яму с тлеющими углями[163], макали головой в бензин и поджигали. На память приходят мучения — возможно, вымышленные, — которым подвергали кхмеров вьетнамские оккупанты в первой половине XIX века: зарыв человека в землю по подбородок, ему поджигали голову и кипятили на этом костре чай...[164]

Тюремный архипелаг

Утверждалось, что Демократическая Кампучия не знала тюрем. Сам Пол Пот заявил в августе 1978 года: «У нас нет тюрем, мы даже не пользуемся этим словом. Правонарушители занимаются общественно полезным трудом»[165].

Красные кхмеры похвалялись этим, подчеркивая двойной разрыв: с политическим прошлым и с религией, где в соответствии с законом кармы человек за совершенные грехи расплачивается в другой жизни. Теперь же наказание следовало непосредственно за прегрешением[166].

Существовали также «центры перевоспитания», именуемые также «районными полицейскими центрами». Старые тюрьмы, остававшиеся от колониальной эпохи, опустевшие, как и города, больше не заполнялись. Исключение составляли тюрьмы некоторых провинциальных городков, где в камеры, рассчитанные на нескольких человек, набивали по тридцать заключенных. В качестве тюрем стали использовать бывшие школы, иногда храмы[167].

Конечно, от классических тюрем, даже строгого режима, эти учреждения сильно отличались. В них ничего не делалось, чтобы облегчить заключенным жизнь или хотя бы выживание: голодный паек (нередко, по свидетельству Пин Ят-хая, всего одна миска риса на 40 человек[168]), отсутствие медицинской помощи, невероятная скученность, ограниченная подвижность (женщины и некоторые мужчины, посаженные за «мелочь», были привязаны к общему железному штырю *(кхнох)* на полу камеры за одну ногу, остальные мужчины — за обе; некоторым связывали за спиной локти); не было ни туалетов, ни умывальников... Понятно, почему новый заключенный не мог надеяться выжить в таких условиях больше трех месяцев; из полпотовских тюрем редко кто выходил живым. (Например, из восьмидесяти заключенных местной тюрьмы, о которой пишет Пин Ятхай[169], свободу увидели всего трое.) Один такой счастливчик так отзывается о своем узилище в Западной зоне «Там убивали только половину заключенных, а то и меньше»[170].

Этому человеку действительно повезло: его забрали в конце 1975 года, когда еще существовала хоть какая-то надежда выйти на волю (совсем как до

17 апреля). До 1976 года из тюрем вышли 20%—30% заключенных. Причина в том, что в этот период некоторые представители власти еще принимали всерьез воспитательную функцию лишения свободы — стержень китайско-вьетнамской пенитенциарной системы. В начале депортаций у чиновников и даже военных старого режима сохранялась возможность освобождения — при условии послушания и усердного труда[171].

Позднее стала использоваться особая терминология: лишение свободы часто обозначалось как «вызов на учебу». «Педагогическая» функция «перевоспитания» перестала существовать повсюду, кроме лагеря Бунгтрабек, где, по свидетельству И Пхандары, держали камбоджийцев, вернувшихся из-за границы, в основном студентов. Сохранилось распоряжение местного руководства арестовывать детей вместе с матерями независимо от возраста, «чтобы избавиться сразу от всех»[172]. Так наполнялся конкретным содержанием лозунг: «При прополке не забывай про корни сорняков», представлявший собой радикальное толкование понятия «классовая наследственность», столь дорогого сердцу маоистов-экстремистов[173].

Судьба этих детей, лишенных всякой заботы, была особенно печальна; но еще хуже пришлось юным правонарушителям, которых бросали за решетку независимо от возраста.

Дети в районной тюрьме

«Наибольшее сострадание вызывает судьба двадцати малышей, особенно тех из них, чьи родители были депортированы после 17 апреля 1975 года. Эти дети воровали, чтобы не умереть с голоду. Их арестовали не для наказания, а чтобы с особой жестокостью лишить жизни:

— тюремные надзиратели били и пинали их до смерти:

— превращая в живые игрушки, привязывали за ноги к крыше, потом раскачивали уда-
рами;

— палачи швыряли маленьких узников в болото рядом с тюрьмой и топили ударами ног,
когда несчастные начинали захлебываться, позволяли им высунуть голову и начинали игру сызнова.

Мы, взрослые заключенные, тайно оплакивали несчастных детей, уничтоженных с такой жестокостью. Надзирателей-палачей было восемь. Начальник, Бун, и некто Лан (я запомнил только эти два имени) проявляли особенную бесчеловечность, однако остальные тоже участвовали в этом подлом деле. Все они соревновались в жестокости, причиняя юным соотечественникам страшные страдания»[174].

Существовали две группы заключенных: узники, обреченные на медленное угасание, и приговоренные к казни. Зависело это от причин ареста: нарушение запрета, неблагонадежное происхождение, явная нелюбовь к режиму, участие в «заговоре». В трех последних случаях арестованных допрашивали, чтобы выбить признание в принадлежности к «плохой» профессии или в своей виновности — и тогда заставить назвать сообщников. При малейшем запирательстве изверги прибегали к пыткам, причем делали это более жестоко, чем палачи любого другого коммунистического режима. Красные кхмеры, поднаторевшие в допросах, проявляли неисчерпаемое садистское воображение[175].

Самым распространенным способом было удушение жертвы полиэтиленовым пакетом, надетым на голову. Многие ослабленные заключенные не выдерживали жестоких пыток и умирали. Первыми жертвами становились

женщины — им выпадали самые ужасные издевательства. Палачи оправдывали свои методы эффективностью — пытки безотказно вытягивали из несчастных «правду». В одном из отчетов о допросе написано, что сначала «заключенного допрашивали мягко, без побоев. Однако это не давало возможности удостовериться, правдивы ли его показания»[176].

В наиболее серьезных случаях, когда «признания» сулили дальнейшие аресты, заключенного переводили на следующий уровень тюремной системы. Из местной тюрьмы его могли отправить в районную, потом в зональную, наконец, в центральную — Туолслэнг. Конец всегда был одним и тем же: когда в результате многонедельных, а то и многомесячных допросов из заключенного выколачивали все, что было возможно, его выбрасывали, как ненужную вещь, то есть убивали — обычно холодным оружием. Здесь существовали местные особенности: например, в Трамкаке человеку ломали шею железным прутом. Крики агонии заглушались бравурной музыкой из громкоговорителей.

Среди причин заключения фигурировали такие, за которые можно было поплатиться жизнью и в кооперативе. В тюрьму попадало и много простых воришек, но лишь в тех случаях, когда воровство принимало широкие масштабы или совершалось группой сообщников. Часто в тюрьмы попадали за внебрачные половые связи, еще чаще — за «подрывные» высказывания: осуждение неравенства в продовольственном снабжении, падения уровня жизни, подчинения Китаю; выражение усталости от сельхозработ, проводимых как военная кампания; вышучивание революционного гимна; распространение слухов об антикоммунистических партизанах; упоминание буддийских предсказаний насчет неизбежной гибели мира, где властвуют атеисты. Так, была арестована женщина (принадлежавшая к категории «70»), сломавшая в столовой ложку, чтобы таким образом выразить свой гнев — голод уже унес четырех ее детей, а с пятым,.умирающим в больнице, ей не разрешали находиться...

Наряду с «политическими» делами существовали и «социальные»: люди, скрывавшие свою прежнюю профессию или компрометирующие эпизоды своей биографии, например, продолжительное пребывание на Западе. Кроме того, определенный процент заключенных приходился на «местных», даже солдат и чиновников из числа красных кхмеров. Так, в тюрьме Трамкак таких было 46 из 477. Причиной их ареста тоже была усталость или «дезертирство», то есть отлучка с целью навестить родных. Что касается кадров среднего и высшего звена, то их чаще всего отправляли в распоряжение Центра, в тюрьму Туолслэнг.

Выжить в аду

«Моим преступлением было владение английским языком. Красные кхмеры схватили меня и приволокли на веревке в тюрьму Катьротех вблизи Баттамбанга. Это было только начало. Меня приковали цепью, рассекшей кожу, к другим узникам. На ногах у меня остались следы от кандалов. На протяжении месяцев меня часто пытали. Единственным спасением был для меня обморок. Каждую ночь надзиратели, ворвавшись в камеру, вызывали одного, двух, трех заключенных. Их уводили, и больше я их не видел. Их убивали по приказу красных кхмеров. Насколько мне известно, я попал в число немногих заключенных, выживших в Катьротехе — настоящем лагере пыток и уничтожения. Я выжил только благодаря тому, что рассказывал басни Эзопа и классические кхмерские сказки про зверей охранявшим нас детям и подросткам»[177].

Посещение Туолслэнга — бывшего лицея, обозначенного в организационной схеме ККП кодом S-21, — равносильно схождению в ад. А ведь это всего лишь один из сотен центров заключения, далеко не самый страшный, хотя в нем содержались 20 тысяч узников. В этой тюрьме были убиты только *2%* всех погибших, через нее прошли *5%* всех заключенных. Никаких специфических методов пыток, за исключением широкого применения электротока. Особенности были обусловлены статусом «тюрьмы Центрального комитета», принимавшей разжалованных ответственных работников. Это была настоящая «черная дыра», откуда в принципе нельзя было выйти живым: в общей сложности из тюрьмы освободились шестеро-семеро узников... По нашим сведениям, всего с 1975 до середины 1978 года в эту тюрьму были посажены 14 тысяч человек, из которых удалось выбить несколько тысяч подробных показаний; как свидетельствуют протоколы, во многих показаниях изобличаются видные фигуры режима[178].

Четыре пятых заключенных сами были красными кхмерами, хотя в 1978 году к ним подсадили рабочих и техников, чаще всего китайского происхождения, и нескольких иностранцев (в основном моряков)[179]. В тюрьме постоянно содержались от тысячи до полутора тысяч арестованных, однако *текучка* была значительной, как следует из данных о поступлении в тюрьму, которые более или менее соответствуют числу жертв за год: максимум 200 заключенных в 1975 году, но уже 2250 в 1976 году, 6330 в 1977 году, 5765 только в первом полугодии 1978 года. Перед следователями стояла дилемма. В одной из инструкций было сказано: «Мы считаем пытки совершенно необходимыми». С другой стороны, пытки могли привести к гибели узника до того, как он успел во всем «сознаться», а это наносило «ущерб делу партии». Заключенные были обречены на смерть, однако при пытках присутствовал медперсонал[180] <...>. С некоторыми не приходилось подолгу возиться: от жен и детей заключенных и казненных избавлялись быстро, к конкретным датам. Так, 1 июля 1977 года были убиты 114 женщин, 90 из них были женами казненных; на следующий день настала очередь 31 сына и 43 дочерей заключенных, из которых 15 были специально доставлены из детского учреждения. Максимум казней за один день был достигнут вскоре после официального заявления о существовании ККП: 15 октября 1977 года были уничтожены 418 человек[181]. Подсчитано, что на объекте S-21 были убиты 1200 детей[182].

Причины безумия

Как в случае с другими массовыми бойнями в нашем столетии, чудовищность происходившего побуждает искать *ultima ratio**, а не сваливать все на одного безумца. Конечно, снять ответственность с Пол Пота немыслимо, однако это не должно служить оправданием ни для национальной истории Камбоджи, ни для международного коммунистического движения, ни для конкретных стран, повлиявших на ситуацию, особенно для Китая. Диктатура красных кхмеров стала результатом их совокупного влияния, но одновременно ее необходимо рассматривать только в конкретном географическом и временном контексте.

* Последний довод *(лат.).*

Кхмерское исключение?

«Кхмерская революция беспрецедентна. То, что пытаемся совершить мы, ни разу еще не совершалось в мировой истории»[183].

Сами красные кхмеры, едва избавившись от вьетнамских покровителей, принялись настаивать на уникальности своего эксперимента. В их официальных речах почти никогда не делалось ссылок (за исключением негативных) на зарубежные источники, не цитировались ни отцы-основатели марксизма-ленинизма, ни даже Мао Цзэдун. Их национализм сильно напоминает националистические устремления предшественников — Сианука и Лон Нола, в нем перемешаны экстремизм угнетенных и шовинистические амбиции. Страна-жертва, «постоянно попираемая алчными соседями, одержимыми желанием ее погубить (застрельщиком среди которых извечно выступал Вьетнам)», — и одновременно «земля обетованная, любимица богов, гордая своим славным прошлым, населенная самым лучшим на свете народом, призванным встать в один ряд с авангардом планеты». Для этого всегда «недоставало самой малости[184]...»

Хвастовство не знало границ. «Мы стоим на пороге уникальной революции. Известна ли вам хоть одна страна, осмелившаяся, подобно нам, упразднить рынки и деньги? Мы во многом обошли китайцев, глядящих на нас с восхищением. Они пытаются нас копировать, но пока еще не достигли в этом успеха. Мы будем примером для всемирного подражания», — вещал ответственный партиец-интеллектуал, посланный за границу[185]. Даже после свержения Пол Пот продолжал считать 17 апреля 1975 года величайшим революционным событием в истории, «за исключением Парижской коммуны 1871 года». (Здесь слышатся отголоски китайской «культурной революции»: «Шанхайская коммуна» 1967 года тоже подражала Парижской.)

Однако реальность была куда прозаичнее и печальнее: маленькая страна слишком долго оставалась погруженной в себя, а потом оказалась законсервированной французским протекторатом в положении хранительницы старых добрых традиций. Различные кланы, не прекращавшие междоусобицы, никогда не боялись призывать на помощь иностранных интервентов; никто в стране никогда всерьез не задумывался о ее экономическом развитии. В результате там было мало предприятий, средний класс был слаб, недоставало специалистов, доминировало отсталое сельское хозяйство. Одним словом, Камбоджа была типичной отсталой страной Юго-Восточной Азии. (В наши дни ее опыт частично повторяют Лаос и Бирма*. Однако первый стал единым государством только в 1945 году, а вторая процветала при британских колонизаторах и никогда не выглядела слабой по отношению к соседям.) Крайняя оторванность от реальности способствует экстремальным методам; из сочетания недоверия к другим странам и неумеренного возвеличивания собственных возможностей рождаются волюнтаризм и стремление к самоизоляции; слабость экономики и нищета большей части населения увеличивают притягательность людей, сулящих стране бурный прогресс. Итак, Камбоджа являла собой слабое звено как экономически, так и политически; остальное довершила международная обстановка, главным образом вьетнамская война. Что касается зверств красных кхмеров, то они стали след-

* Современное название — Мьянма. *(Прим. перев.)*

ствисм непреодоленных противоречий между амбициями и тяготами существования.

Некоторые специалисты высказывают мнение, что массовые убийства, совершавшиеся красными, кхмерами, коренятся в специфических чертах камбоджийской нации. Сыграл свою роль, еще не до конца понятную, и буддизм: своим безразличием к социальным контрастам и надеждой на следующую жизнь, где воздастся за нынешние заслуги и грехи, он как будто абсолютно не смыкается с революционными принципами. Однако присущим ему антииндивидуализмом сумели воспользоваться красные кхмеры, проводя политику подавления личности. Ограниченная ценность индивидуума в сравнении с бесчисленными перерождениями и принципы ненасилия ослабили сопротивление верующих репрессиям[186].

Хаинг Нгор, едва выйдя из тюрьмы, услышал от одной старухи: «Наверное, в своей прошлой жизни вы совершили что-то очень дурное и теперь понесли за это наказание». — «Да, — ответил ей недавний узник, — так, наверное, и есть. Наверное, у меня плохая *кама* (так звучит по-кхмерски слово карма)»[187].

В отличие от ислама, буддизм, несмотря на обрушившиеся на него гонения, не стал объединительной идеей для противников режима красных кхмеров.

Настоящее часто заставляет оглядываться на прошлое. Задача не в том, чтобы на северокорейский манер переиначить факты, а в том, чтобы правильно выстроить их иерархию и адекватно интерпретировать. Внешне мирная Камбоджа времен Сианука, долго остававшаяся островком нейтралитета посреди индокитайских войн, вынесла на первый план «кхмерскую улыбку». Действительно, рельефы Ангкорского комплекса полны изображений добродушных монархов, крестьян, увлеченно выращивающих рис и пальмы, удящих в озерах рыбу. При всей архаичности своей архитектуры, сближающей его скорее с фараоновским Египтом, нежели с готическими соборами, Анг-кор не может не потрясти воображение; тем не менее среди его рельефов батальные сцены занимают не последнее место. Гигантские постройки и еще более гигантские резервуары для воды появились только благодаря труду огромного количества рабов.

Существует очень мало письменных свидетельств об эпохе сооружения Ангкора (VIII—XIV вв.), однако все индуистско-буддистские монархии на Индокитайском полуострове (Таиланд, Лаос, Бирма) строились по одной и той же схеме. Их история, полная насилия, схожа с историей Камбоджи. Повсюду было принято затаптывать слонами отвергнутых жен, повсюду властители садились на трон ценой истребления своей родни, повсюду производилась массовая депортация побежденных в пустынные районы. В каждом из этих обществ глубоко укоренился абсолютизм, а всякий голос протеста воспринимался как святотатство. Население было исключительно послушным: в отличие от Китая, в Индокитае редко случались антимонархические бунты, а спасения люди искали, скорее, в бегстве в другие государства (обычно недалекие) или в глухую провинцию. (Многие этнологи подчеркивают, что камбоджийцам присуща менее сильная связь с землей и предками, чем в китаизированном мире, включая Вьетнам.)

Правление Сианука (продолжавшееся с 1941 года, хотя до 1953 года страна оставалась под французским протекторатом) может произвести идиллическое впечатление по сравнению с событиями, последовавшими за

его свержением в марте 1970 года. Однако и принц не останавливался перед применением насилия, особенно против левой оппозиции. В 1959—1960 годах, встревоженный растущей популярностью левых, близких к коммунистам и критикующих власть за коррумпированность, он то ли приказывает убить, то ли не препятствует убийству главного редактора газеты *«Пратъеа-тъон»* («Народ»), потом — избиению на глазах у прохожих директора франкоязычного еженедельника *«Обсерватер»* (имевшего один из крупнейших тиражей среди изданий страны), будущего члена руководства красных кхмеров Кхиеу Сампхана. Только в августе I960 года было произведено 18 арестов, главные органы печати левых сил были закрыты. В 1962 году при загадочных обстоятельствах (видимо, от рук тайной полиции) погиб генеральный секретарь подпольной НРПК (будущей ККП) Тоу Самоут. Это убийство способствовало выдвижению на первые роли Салотх Сара. В 1967 году восстание в Самлауте и рост влияния китайской «культурной революции» в некоторых китайских школах привели к невиданным репрессиям, окончившимся для многих гибелью. Тогда, с уходом в подполье последних легальных коммунистов и сотни симпатизировавших им интеллектуалов, и стало формироваться партизанское движение красных кхмеров[188].

Но можно ли согласиться с Генри Локардом, считающим, что «полпо-товская жестокость коренится в сиануковских репрессиях»?[189] С точки зрения хронологии, он как будто прав: всевластный принц, потом (после 1970 года) славный маршал изо всех сил давили людей, критиковавших их бессильные режимы, и в итоге единственной способной на реальную борьбу оппозицией осталась ККП. Однако в том, что касается генеалогии режима, с ним невозможно согласиться: идеологические основы и конечные цели красных кхмеров никак нельзя считать *реакцией* на предшествующие репрессии. Они находятся в русле «великой ленинской традиции», оплодотворенной деяниями Сталина, Мао Цзэдуна и Хо Ши Мина. Беды Камбоджи после достижения независимости и ее последующее втягивание в войну только *облегчили* захват власти экстремистами из ККП и *узаконили* разгул насилия; однако сам их радикализм невозможно объяснить никакими внешними обстоятельствами.

Радикальный перелом (1975 год)

Камбоджийской революции проще было перечислить то, от чего она отказывается, чем огласить свои предложения. Она черпала силы в воле к реваншу — именно здесь она нашла социальную опору, к которой позже прибавился радикальный коллективизм. Это был реванш деревни, мстившей городу: «местные» быстро отняли у «пришлых» все их имущество — с помощью «черного рынка» или простого воровства[190].

В деревне это был реванш беднейших крестьян над местными «богатеями» (таковыми считались те, у кого была продукция на продажу, и те, кто использовал наемную рабочую силу). Однако еще важнее для отдельных личностей была возможность попрания прежних профессиональных, семейных и прочих иерархий. Очевидцы дружно рассказывают о неожиданном восхождении на местные руководящие посты деревенских маргиналов, в частности алкоголиков: «Эти люди, реабилитированные Ангкором и облеченные на-

чальственными полномочиями, могли убивать своих соотечественников, не моргнув глазом»[191].

Хаинг Нгор видит в этом политическое освящение самого темного, что есть в кхмерской душе, — *кум,* смертельной злобы, над которой не властно время. Над Нгором больше всего издевались тетка, оставшаяся в родной деревне, вместо того чтобы воспользоваться помощью городской родни, а также санитар, который, будучи «пришлым», добивался, чтобы Нгора, врача, казнили, а сам он стал бы бригадиром, опрокинув тем самым иерархию, которой прежде обязан был подчиняться[192].

Так обнажались трения, присущие камбоджийскому обществу, которые далеко не всегда можно назвать «социальными» в *строгом значении* этого понятия.

Происходила радикальная смена ценностей: занятия, прежде вызывавшие пренебрежение (повар, уборщик в столовой, рыбак), превратились в самые желанные, так как приближали к вожделенной еде. Зато дипломы мигом стали «бесполезными бумажками», опасными для тех, кто осмеливался их сохранять. Наиглавнейшим достоинством стала покорность. Среди бывших руководителей, вернувшихся в село, самым популярным занятием стала уборка туалетов: способность преодолеть отвращение считалась доказательством идеологической перековки[193]. Ангкор заменил и монополизировал даже семейные узы: к нему прилюдно обращались как к «отцу и матери» (так возникало смешение понятий партия — государство, характерное для азиатского коммунизма); революционный период после 1975 года обозначался термином *самай поук-ме* («эра отцов-матерей»). Военное начальство звалось «дедушками»[194]. Страх перед городом и ненависть к нему достигали колоссальных масштабов: Пномпень, замаранный космополитизмом, меркантилизмом, любовью к удовольствиям, был для красных кхмеров «проституткой на Меконге»[195]. Одно из объяснений тотальной эвакуации столицы состояло в разоблачении «тайного военно-политического замысла американского ЦРУ и режима Лон Нола по совращению наших воинов и нанесению удара по их боевому духу с помощью девок, спиртного и денег»[196].

Камбоджийские революционеры еще серьезнее самих китайцев относились к знаменитым словам Мао: «Самые прекрасные поэмы пишутся на чистом листе»[197]. Имущество горожанина не должно было превосходить имущество бедного крестьянина. Камбоджийцы, отправленные в деревню, были вынуждены отказаться от всякого багажа, в том числе книг. Книги с «империалистическим шрифтом» (английские и французские), а также кхмерские («прах феодальной культуры»)[198] обрекались на уничтожение. Хаинг Нгор слышал от десятилетних кхмерских солдат: «Хватит капиталистических книг! Иностранные книги — инструменты прежнего режима, предавшего страну. Почему у тебя книжки? Ты что, агент ЦРУ? Нет иностранным книгам при Ангкоре!»[199]. В огонь летели дипломы, удостоверения личности, даже фотоальбомы-[00]: революция — это начало с абсолютного нуля. Такая логика способствовала возвышению людей без прошлого. Один из лозунгов утверждал, что «только новорожденный не запятнан»[201].

Образование было низведено на примитивнейший уровень. Либо никакой школы вообще, либо — и это было наиболее распространенной практикой — немногочисленные уроки чтения, письма и, главное, революционного песнопения для детей 5—9 лет, длившиеся около часа в день. Сами учителя были порой малограмотными. Значение имели только практические навыки.

Далекие от бесполезной книжной культуры, «наши дети из сельских районов всегда обладали полезнейшими знаниями. Они умеют отличить спокойную корову от бодливой, умеют удержаться на буйволе. Они умеют вести стадо. Они подчинили себе природу. <...> Они знают сорта риса, как свои пять пальцев. Им присущи знания, в высшей степени отвечающие реальной жизни нации»[202].

Диктатура Пол Пота, или дети у власти... Все очевидцы говорят о крайней молодости большинства кхмерских военных. Их ставили под ружье с 12 лет, а иногда и раньше; у Сианука тоже были малолетние охранники, развлекавшиеся тем, что мучили кошек...[203]

Лы Хэнг рассказывает о кампании набора (распространявшейся и на «пришлых») непосредственно перед приходом вьетнамцев: мобилизовали всех от 13 до 18 лет, без различия пола. Ввиду неудачи добровольного набора, мобильные молодежные бригады были вынуждены отправиться со строек в армию[204]. Новобранцы теряли всякую связь с близкими и родной деревней. Жившие в военных лагерях, отрезанные от населения (которое боялось и избегало их), зато обласканные властью, они верили в свое всемогущество и знали, что «чистки» им угрожают меньше, чем гражданскому руководству. По признаниям перебежчиков, молодежь вдохновлялась «возможностью не работать и убивать»[205].

Наибольший ужас вселяли дети младше 15 лет. «Их забирали совсем юными и учили только дисциплине. Подчиняйся приказам и ни о чем не думай <...>. Для них не существовало ни религии, ни традиций, ничего, кроме приказов красных кхмеров. Поэтому они уничтожали собственный народ, включая младенцев, так легко, словно давили комаров»[206].

До 1978 года в армию брали только представителей категории «70». Дети из категории «75» в возрасте 8—9 лет часто использовались как шпионы; однако их преданность режиму была так слаба, что часто они сговаривались с людьми, за которыми им полагалось подсматривать, чтобы те заранее обнаруживали их присутствие[207]. Едва успев подрасти, они иногда становились «детьми-ополченцами», помощниками новых глав кооперативов (после обширной «чистки» местного руководства), в их обязанности входили выявление, арест и избиение виновных в самостоятельных поисках пропитания[208].

Исследования Лоранс Пик показывают, что со временем «детская диктатура» грозила распространиться и на гражданскую сферу. Она описывает ускоренную «подготовку» деревенских детей.

«Им внушали, что первое поколение служащих — предатели, второе не лучше. Поэтому скоро за дело придется браться им. <...> Среди нового поколения появились дети-врачи — шесть девочек 9— 13 лет. Они едва умели читать, но партия вручила каждой по коробке шприцов и поручила им делать уколы.

«Наши дети-врачи, — слышала я, — выходцы из крестьянства и готовы служить своему классу. Они поразительно умны. Скажите им, что в красной коробочке лежат витамины, и они запомнят. Покажите, как стерилизовать иглу, и они сумеют делать это сами».

Эти дети были, несомненно, чисты, но какое же опьянение вселяет умение сделать укол! Очень скоро дети-врачи стали проявлять бескрайнее высокомерие, даже наглость»[209].

Перелому способствовали также подавление религии и крайний нравственный аскетизм, навязываемый во всех областях повседневной жизни. Как уже говорилось, в обществе не оставалось места для любых «уклонистов»,

в том числе для хронических больных, умалишенных, инвалидов. Скоро система вошла в противоречие с официальным проектом могущественной и многочисленной нации: ограничения, наложенные на сексуальность и брак, а также постоянное недоедание убивали всякое желание (по словам Пин Ятхая, красные кхмеры постепенно превратили нас в «евнухов»[210]) и привели к резкому падению рождаемости: от 30 новорожденных на 1 тысячу в 1970 году до примерно 11 в 1978 году[211].

Все, что могло вольно или невольно воспрепятствовать планам ККП, было обречено на уничтожение. Любое ее решение объявлялось верхом прозорливости. Уже по этой причине всякий задержанный ждал смерти: как и в Китае, арест являлся исчерпывающим доказательством виновности, а все последующие показания могли только лишний раз доказать правильность действий Ангкора. Один человек, схваченный в 1972 году, ухитрился после двух лет допросов снять с себя обвинение в принадлежности к республиканской армии. Счастливчик был освобожден после пропагандистского собрания, прославлявшего снисходительность Ангкора, который «учел честность и искренность бывшего лонноловского офицера»[212].

Это произошло, однако, еще до всплеска репрессий, до зловещего 17 апреля...

Произвол был полнейшим: партия не объясняла ни свои политические решения, ни критерии подбора кадров, ни смену линии и руководителей. Горе тому, кто не понял вовремя, что «вьетнамцы — лютые враги» или что тот или иной исторический лидер движения — на «самом деле агент ЦРУ»! Измена и саботаж эксплуататорских классов и их сообщников — вот единственный угол, под которым Пол Пот и его клика рассматривали все более вопиющие экономические, а потом и военные провалы режима. Ответом на измену и саботаж мог быть только террор[213].

Новый мир

«В Демократической Кампучии, при «славном» правлении Ангкора, мы должны думать о будущем. Прошлое похоронено, «пришлые» должны забыть коньяк, дорогую одежду и модные прически. <...> Нам совершенно не нужна капиталистическая технология! При новой системе не нужно посылать детей в школу. Наша школа — село, наша бумага — земля, наша ручка — плуг, наши письмена — пахота! Документы и экзамены ни к чему; умейте пахать и рыть каналы — вот новые дипломы! Врачи нам тоже больше не нужны! Если кому-то нужно вырвать внутренности, я сам это сделаю!»

На случай, если намек показался кому-то слишком туманным, оратор изобразил жестом, как выпускает человеку кишки.

«Сами видите, до чего это просто! Ходить в школу для этого не обязательно. Другие капиталистические профессии — инженеры, профессора — нам тоже ни к чему. Не нужны нам директора школ, диктующие, что нам делать: все они продажные. Нужны только люди, умеющие упорно трудиться в поле! И все же, товарищи, попадаются такие, кто отказывается от работы и самопожертвования, агитато-ры, не умеющие мыслить по-революционному... Вот кто наши враги, товарищи! Некоторые из них находятся сейчас здесь!»

Слушателям стало не по себе, все заерзали. Красный кхмер продолжил, вглядываясь в лица:

«Эти люди цепляются за старое, капиталистическое мышление. Их легко узнать: вот и среди вас есть такие, кто еще носит очки! Зачем им очки? Они что, не увидят меня, если я захочу отвесить им пощечину?»

Он кидается к нам, занеся руку.

«Ага! Дергают головами — значит, видят, значит, не нужны им очки! Они их носят, чтобы следовать капиталистической моде, они воображают, что так красивее! Не надо нам этого: те, кто хотят красоваться, — лентяи и кровососы, питающиеся энергией народа!»

Заклинания и прыжки продолжаются часами. Наконец все начальство встает в шеренгу и в один голос вопит: **«Кровь за кровь!»** Они ударяют себя кулаком в грудь, салютуют вытянутой рукой со сжатым кулаком. **«Кровь за кровь! Кровь за кровь!»**

С дикарской убежденностью они ревут лозунги. Устрашающая демонстрация завершается кличем: «Да здравствует камбоджийская революция!»[214]

В этой системе, не способной ни на свершения, ни даже на создание собственного привлекательного образа, погрязшей в воинственности, объектом поклонения стала ненависть, выражавшаяся в превозношении кровопролития. Показателен в этом смысле первый куплет национального гимна *Славная победа 17 апреля.*

Алая кровь залила города и деревни родины-Кампучии,
Кровь наших славных рабочих и крестьян,
Кровь революционных бойцов, мужчин и женщин,
Кровь, пролитая в неукротимой ярости, в лютой схватке
17 апреля, под стягом Революции,
Кровь, освобождающая от рабства.
Славься, великая победа 17 апреля!
Победа еще более грандиозная, чем эпоха Ангкора![215]

Вот как комментирует гимн сам Пол Пот: «Как известно, наш национальный гимн сочинен не поэтом. В нем слышно бурление крови всего нашего народа, всех, кто пал в течение многих веков. Это гимн, в котором звучит зов крови"[216].

Пин Ятхай слышал колыбельную песенку, заканчивавшуюся словами: «Никогда не забывай про классовую ненависть»[217]...

Крайности марксизма-ленинизма

Маниакальное стремление сеять смерть, отличавшее красных кхмеров, вводит в соблазн объявить их режим явлением, схожим с Холокостом. Именно это и утверждали прочие коммунистические режимы и их адвокаты: для них полпотовская тирания — ультралевый вывих, а то и «красный фашизм», только замаскированный под коммунизм. Однако со временем становится все более ясно, что победившая ККП принадлежала к единой «славной» семье; Камбодже присущи, конечно, свои особенности, но и Албания — далеко не Польша... Камбоджийский коммунизм ближе к китайскому, чем албанский — к советскому.

Красные кхмеры испытали на себе много разных влияний. Никуда не деться, например, от «французского следа»: ведь почти все главари красных кхмеров учились во Франции, большинство, в том числе сам Пол Пот, состояли в ФКП[218].

Исторические прецеденты, служившие для них ориентирами, свидетельствуют об их образовании. Так, Суонг Сикоеуен, заместитель Иенг Сари, утверждал: «На меня сильно повлияла Французская революция, особенно Робеспьер. Чтобы превратиться в коммуниста, мне оставался всего шаг. Робес-

пьер — мой герой. Робеспьер и Пол Пот — братья-близнецы, цельные натуры, полные решимости»[219].

Тем не менее робеспьерова непреклонность — практически единственное, что осталось в заявлениях и действиях ККП от Франции и даже французского коммунизма. Главари красных кхмеров были не столько теоретиками, сколько практиками: их вдохновлял конкретный опыт построения «реального социализма».

Одно время опыт черпался в Северном Вьетнаме. Его, а не ФКП, следует считать прародителем камбоджийского коммунизма, он же вел его за руку до 1973 года. Изначально ККП вообще была всего лишь секцией *Коммунистической партии Индокитая* (КПИК), где заправляли вьетнамцы; позднее, в 1951 году, КПИК разделилась на три национальные ветви (но не исчезла как таковая). До начала войны ККП не располагала ни малейшей автономией по отношению к ПТВ ни в программном, ни в стратегическом, ни в тактическом отношениях. Самостоятельные вооруженные вылазки камбоджийских коммунистов в период Вьетнамской войны представляли собой лишь способ давления на Сианука, тем более что вооружение и специалисты поставлялись Вьетнамом. Даже после государственного переворота революционная администрация «освобожденных зон» создавалась вьетнамцами, так же, как и набор в камбоджийскую армию. Даже восстание в Самлауте в 1967 году, официально провозглашенное началом вооруженного сопротивления, стало всего лишь реакцией на намерение Лон Нола сократить поставки камбоджийского риса северо-вьетнамской армии.

Трещина появилась только после подписания Парижских соглашений в январе 1973 года: стратегия Ханоя вынуждала ККП к ведению переговоров, однако это было бы на руку Сиануку, к тому же могло выявить организационные слабости красных кхмеров. (Тогда же они впервые отказались от роли марионеток, располагая к тому времени соответствующими возможностями.)

В чем проявилось влияние вьетнамского коммунизма на ККП? Ответить на этот вопрос не слишком просто, поскольку методы ПТВ восходят в свою очередь к китайской практике. Из Пномпеня нелегко различить, что пришло непосредственно из Пекина, а что опосредованно, через Ханой. Но кое-что в красных кхмерах явственно напоминает Вьетнам. В первую очередь, это пристрастие к *тайне и скрытности:* сам Хо Ши Мин объявился в 1945 году как из-под земли, не раскрывая свое богатое прошлое сотрудника Коммунистического Интернационала Нгуен Ай Куока; подробности его карьеры вышли на свет только благодаря рассекречиванию советских архивов[220].

КПИК объявила в ноябре 1945 года о самороспуске и о создании Вьет-миня, в 1951 году она снова сформировалась под названием Партия трудящихся Вьетнама и вернулась к определению «коммунистическая» только в 1976 году. Южно-вьетнамская Народно-революционная партия была лишь составной частью Фронта национального освобождения. Тем не менее все эти организации управлялись железной рукой, из единого центра, представлявшего собой кучку ветеранов коммунистического движения. В перевоплощениях Пол Пота (имеются в виду сообщения после поражения в 1979 году о его отставке, потом — о смерти), в играх «Ангкор — ККП», в невидимости руководства просматриваются аналогичные ходы, опробованные вьетнамскими товарищами, но нигде более в коммунистическом мире не достигшие такого уровня.

Второе сходство вьетнамского и кампучийского коммунизма — это широкое использование *единого фронта.* В 1945 году бывший император Бао Дай был какое-то время союзником Хо Ши Мина, а тот сумел привлечь на свою сторону американцев и списал свою Декларацию независимости с американской. В свою очередь, красные кхмеры входили в 1970 году в королевское правительство национального единства и попытались прибегнуть к той же тактике, когда были свергнуты. Вьетминь, как и Ангкор, никогда не заявлял о своей приверженности марксизму-ленинизму и бесстыдно играл на национальных чувствах. Наконец, те и другие исповедовали *военный коммунизм,* для которого как воздух необходим был вооруженный конфликт: неудачи Вьетнама после 1975 года служат ярким тому подтверждением. Будучи милитаристами до мозга костей, те и другие превратили армию в становой хребет, главный смысл режима. (В Китае эта тенденция ощущалась во время правления маршала Линь Бяо в 1967—1971 годах.) Армия же обеспечивала мобилизацию гражданского населения для военных и экономических нужд.

Что касается северокорейского влияния, то можно привести пример использования красными кхмерами корейского «крылатого коня» *(Чхольли-ма)* как символа экономического прогресса[221]. Пхеньян стал одной из двух столиц иностранных государств, которые Пол Пот успел посетить как глава правительства; восстанавливать камбоджийскую промышленность помогали многочисленные северокорейские специалисты[222]. У Ким Ир Сена Пол Пот почерпнул, видимо, идею непрерывных «чисток», тотального полицейского контроля и всеобщего соглядатайства, а также демагогию, в которой классовая борьба отступала на второй план, замененная противостоянием между «всем народом» и «горсткой изменников». Смысл состоял, видимо, в том, что репрессии могут быть направлены против кого угодно и что ни одна общественная группа не должна мечтать о подмене собой Партии-Государства. К маоизму это имеет мало отношения, зато к сталинизму — самое прямое.

После 1973 года ККП решила сменить «старшего брата». На эту роль подошел маоцзэдуновский Китай, близкий полпотовцам своим радикализмом и способный нажать на враждебный Вьетнам. В сентябре 1977 года в китайской столице был устроен роскошный прием камбоджийскому диктатору, впервые совершавшему официальный заграничный вояж, после чего дружба двух стран была провозглашена «нерушимой». Так Камбоджа была принята в общество ближайших друзей Китая, в котором прежде состояла одна Албания[223]. Китайские специалисты хлынули в Пномпень уже с мая 1975 года, их работало там не меньше 4 тысяч человек (Киернан называет цифру 15 тысяч); Китай обещал друзьям помощь в миллиард долларов[224].

С Китая решили брать пример в области реорганизации страны на основе коллективизации деревни. Народная коммуна (обширная многоотраслевая структура, работающая по принципу самообеспечения), трудовая мобилизация и максимальный контроль за населением — вот основы камбоджийской кооперации. Китайские новации 1958 года были воспроизведены во всех подробностях: обязательное питание в общественных столовых, «коммунизация» детей, коллективизация предметов быта, огромные ирригационные стройки, поглощавшие рабочую силу, предпочтение (пусть даже входящее в противоречие с глобальным проектом) одной-двух сельскохозяйственных культур, совершенно фантастические цифры плана, упор на скорость его выполнения, уверенность в неограниченных возможностях

правильно отмобилизованной рабочей силы... Мао говорил: «Если иметь зерно и сталь, то можно достигнуть всего». Красные кхмеры отвечали Мао: «Имея рис, мы имеем все»[225].

В камбоджийской версии нетрудно заметить отсутствие стали: красным кхмерам хватило реализма, чтобы не изобретать в бедной минеральными ресурсами Камбодже месторождения стали или угля. Впрочем, конец китайского «большого скачка» Пол Пота не интересовал. Сианук утверждает, правда, будто Чжоу Эньлай предупреждал в 1975 году камбоджийское руководство, что этому примеру лучше не следовать... В выступлениях красных кхмеров «большой скачок» занимал много места. Даже национальный гимн завершался словами: «Выстроим нашу родину, совершим большой скачок вперед! Огромный, славный, великий скачок!»[226]

Демократическая Кампучия осталась верна китайскому «большому скачку» до самого конца и получила в результате массовый голод.

Зато «культурная революция» почти не нашла отклика в Камбодже. Пномпеньские коммунисты, равно как их единомышленники в других странах, понимали, насколько опасно мобилизовать массы, даже хорошо организованные, против того или другого партийного клана. Кроме того, «культурная революция» была порождением города, она вышла из образовательных учреждений, следовательно, не подлежала пересадке на камбоджийскую почву. Правда, и в Камбодже, как в Китае в 1966 году, наблюдались вспышки анти-интеллектуализма. Отрицание культуры в Китае символизировалось «революционными операми» Цзян Цин; при Пол Поте пытались их копировать[227]. А выезд миллионов бывших хунвэйбинов на село стал, возможно, образцом для выселения жителей из камбоджийских городов.

В целом же создается впечатление, что красные кхмеры вдохновлялись больше теорией, даже просто лозунгами маоизма, чем конкретными действиями китайских коммунистов. Конечно, китайская провинция, очаг революции, стала местом ссылки для миллионов городских интеллигентов, особенно сразу после «культурной революции», а китайский режим по сей день насильственно ограничивает переселение из деревни в город. Но крупные города остались главной движущей силой государства и после 1949 года, а профессиональные рабочие стали любимчиками режима. Китайские коммунисты никогда не собирались превращать города в пустыни, депортировать население целых районов, отменять деньги и всю систему образования, подвергать преследованию всю интеллигенцию целиком. Мао использовал любую возможность, чтобы продемонстрировать этой категории населения свое презрение, однако он не представлял, как можно без нее обойтись. Хунвэйбинами часто становились студенты престижных вузов. Кхиеу Сампхан прибег к типичной маоистской риторике, призывая в 1976 году интеллигентов, вернувшихся в Камбоджу, доказать преданность режиму: «Вам ясно говорят: в вас не нуждаются. Здесь нужны люди, умеющие обрабатывать землю, и никто больше. <...> Политически грамотный человек, хорошо понимающий руководство, может делать все что угодно, навыки придут потом <...> для того, чтобы выращивать рис и кукурузу и разводить свиней, инженеры не нужны»[228].

В Китае, напротив, отрицание всякого знания никогда не превращалось в реальную политику. Более того, в «Срединной империи» наблюдалась своеобразная динамика: за каждым головокружительным виражом, отдающим утопизмом, за каждой волной репрессий быстро следовал возврат к бо-

лее или менее нормальным принципам, причем инициатива такого возврата исходила из недр самой компартии. Это и обеспечило режиму долговечность, тогда как партия камбоджийских коммунистов быстро изжила самое себя.

Те же противоречия отличают и способы проведения репрессий. Сама репрессивная идеология была, безусловно, заимствована в Китае (и отчасти во Вьетнаме): бесконечные собрания с критикой и самокритикой якобы с целью обучения или перевоспитания; повторяющиеся сборы письменных автобиографий и «покаяний»; «классовая личина» (происхождение, профессия) как основа политического лица, определяющего отношения с карательными органами, распространение наследственного и семейного, а не индивидуального подхода к человеку. Наконец, как и в других азиатских странах, торжество тоталитаризма и всестороннего подавления личности Партией-Государством.

Тем не менее Камбодже были присущи некоторые специфические особенности. Главное различие заключается в том, что китайские и вьетнамские коммунисты — во всяком случае до 60-х годов — серьезно относились к «перевоспитанию» и даже выпускали на свободу некоторых заключенных, особенно политических. Теоретически «хорошее поведение» открывало заключенному путь на свободу, к реабилитации, хотя бы возможность перевода на щадящий режим содержания; из камбоджийских тюрем почти никого не выпускали, тамошние заключенные очень быстро отправлялись на тот свет. В Китае и во Вьетнаме массовые репрессии проходили волнами, а в промежутках между ними жизнь более или менее налаживалась. Репрессиям подвергались целые группы населения, однако численно весьма ограниченные; зато в Камбодже в подозреваемые попала вся категория «75», и репрессии не знали спадов. Наконец, технология репрессий. Другие коммунистические режимы Азии стремились, по крайней мере на первом этапе, к какой-то организации, эффективности, относительной слаженности, даже целесообразности (пусть извращенной). Ничего подобного в Камбодже не было: там в репрессиях, развертываемых зачастую по местной инициативе (хотя основные принципы спускались сверху), властвовала ничем не ограниченная жестокость. В других азиатских странах не было казней и массовой резни на месте «преступления», за исключением Китая в короткий период аграрной реформы (да и то жертвами тогда становились только землевладельцы или причисленные к таковым), а также в разгар «культурной революции», но не в тех масштабах. Подводя итог сказанному, можно сделать следующий вывод: маоис-ты с берегов Меконга избрали самый примитивный, или, говоря другими словами, выродившийся *сталинизм.*

Образцовый тиран

И Сталин, и Мао накладывали на свои режимы такой сильный личный отпечаток, что сразу после их смерти начинались серьезные перемены, касавшиеся в первую очередь масштаба репрессий. Можно ли по аналогии со сталинизмом и маоизмом говорить о полпотовщине?

История камбоджийского коммунизма буквально пронизана личностью Салотх Сара. Но были ли у самой этой личности палаческие наклонности? Можно было бы начать с его прошлого: оно настолько противоречит революционной легенде, что он сам всеми силами его отрицал. Одна его сестра была танцовщицей, другая — сожительницей короля Монивонга, один брат

прослужил в королевском дворце до самого 1975 года, а сам он провел почти все детство в святая святых архаичной монархии... Наверное, это стало поводом для «самоочищения» путем истребления старого мира. Кажется, что Пол Пот всю жизнь отрицал окружающую реальность, иначе пришлось бы определить в ней свое собственное место... Приверженец аппаратных игр, он рано проявил амбиции, хотя лучше чувствовал себя перед кучкой соратников, чем перед толпой. С 1963 года он жил в отрыве от мира: лагеря в джунглях, секретные резиденции

(не обнаруженные по сию пору) в холодном и чужом Пномпене. Мания преследования не давала ему ни минуты покоя: даже когда он находился в зените могущества, всех его посетителей тщательно обыскивали; он часто переезжал с места на место, подозревал своих поваров в намерении его отравить и велел казнить монтеров, «виновных» в перебоях с электричеством[229].

Как не назвать безумцем человека, с которым в августе 1978 года беседовал корреспондент шведского телевидения:

«Каково важнейшее достижение Демократической Кампучии за три с половиной года?»

«Важнейшее достижение — то, что мы разоблачили все заговоры, подавили все попытки бунта, саботажа, государственного переворота, отразили все акты агрессии со стороны врагов всех мастей»[230].

Невольное, но красноречивейшее признание полного провала режима!

Чувствительный и робкий профессор, влюбленный во французскую поэзию и почитаемый студентами, пылкий пропагандист революции (таким его описывают все очевидцы с 50-х до 80-х годов) был на самом деле воплощением двуличия: придя к власти, он швырнул в застенки самых старых своих революционных соратников, считавшихся его близкими друзьями, не отвечал на их умоляющие письма, приказал жестоко их пытать, а потом казнить; говорят, он даже принял личное участие в их казни[231].

Его покаяние после поражения, произнесенное в 1981 году, — образец лицемерия. Приведем свидетельство очевидца: «Он сказал, что знает о том, что многие жители страны ненавидят его и считают ответственным за массовые казни. Знает о гибели множества людей. Говоря это, он чуть не упал в обморок, пустил слезу. Знает о своей ответственности: левизна была излишней, он не имел достаточного представления о происходящем. Якобы он был как глава семьи, не знающий о делах своих детей, якобы слишком доверял людям. <...> Они говорили ему неправду: мол, все идет хорошо, только такой-то или такой-то — изменник. В действительности они сами и были настоящими изменниками. Главной проблемой были руководители, получившие подготовку во Вьетнаме»[232].

Может быть, стоит поверить старому соратнику Пол Пота, его бывшему зятю Иенг Сари, обвинившему его в мании величия: «Пол Пот считает себя несравненным гением в экономической и военной области, в гигиене и в написании песен (Сианук утверждает, что гимн Ангкора — сочинение Пол Пота), в музыке и в танце, в кулинарии, моде — во всем, в том числе в искусстве лжи. Пол Пот считает себя превыше всех на свете, богом, сошедшим на землю»[233].

Очень похоже на психологический портрет Сталина. Совпадение ли это?

Под грузом реальности

Помимо больной национальной совести и исторической памяти, а также влияния победивших коммунистических режимов, зверства красных

кхмеров были вызваны временными и пространственными координатами реального функционирования режима. Явившись последствием огромной войны, зацепившей маленькую Камбоджу, этот режим, не успев победить, ужаснулся своей слабости и изолированности в собственной стране. Остальное доделали враждебность Вьетнама и удушающие объятия Китая.

17 апреля наступило слишком поздно: мир к этой дате успел состариться. Первая и, возможно, самая большая слабость красных кхмеров заключается в том, что они оказались исторической аномалией — скорее *анахронизмам,* чем утопией. Это был «запоздалый коммунизм» — в том же смысле, в каком мы говорим о «запоздалой античности» в момент, когда мир устремляется к иным высотам. Ко времени прихода к власти Пол Пота были мертвы и Сталин, и Хо Ши Мин; Мао тоже стоял уже одной ногой в могиле (он умер в ноябре 1976 года) Оставался один Ким Ир Сен, да и тот был правителем маленькой и далекой страны. Великая китайская модель разваливалась прямо на глазах у нового диктатора. В 1975 году «банда четырех» попыталась вдохнуть новую жизнь в «культурную революцию», но из этого ничего не вышло: смерть «Кормчего» разрушила их карточный домик. Красные кхмеры хотели было присоединиться к непреклонным маоистам, но те вели с конца 1977 года арьергардные бои, сознавая неминуемое возвращение к власти Дэн Сяопина и его сторонников-реформаторов. Спустя год официальному маоизму пришел конец. В Камбодже продолжались массовые убийства, а Китай, забывший про «большой скачок», снова «погряз в ревизионизме». Остальная Азия, с точки зрения Пномпеня, представляла собой еще более тоскливую картину: после недолго подъема, вызванного победой революционных сил в Индокитае, партизаны-маоисты Таиланда, Малайзии и Бирмы спрятали голову в песок. Хуже того, предметом зависти и восхищения стали, наряду с «драконом» — Японией, «дракончики» — Сингапур, Тайвань, Южная Корея, Гонконг, страны с процветающей экономикой и выраженной антикоммунистической политикой, которым была оказана западная поддержка. То, что в далекой Камбодже было известно о западной интеллигенции, все решительнее отвергавшей марксизм, не могло не повергать в уныние. Неужели история повернулась вспять?

На этот поворот можно было отреагировать двояко: либо двинуться в том же направлении, проявив умеренность, пересмотреть догмы — но с риском потерять лицо и лишиться смысла существования; либо проявить твер-докаменность, усилить радикализм, удариться в сверхволюнтаризм, как в Северной Корее с ее идеями чучхе. Тот и другой варианты были, как теперь понятно, тупиковыми, но один — мирный, ориентирующийся на «еврокоммунизм» (это было время его расцвета), другой символизировали «красные бригады» (в 1978 году ими был убит Альдо Моро*). Казалось, люди, бывшие французскими студентами в 50-х годах, поняли, что, не сумев немедленно, любым путем осуществить свою утопию, они тоже погрязнут в компромиссах с неумолимой реальностью. Оставалось либо навязать беспомощным людям «нулевой год», либо быть сметенными ходом истории. Китайский «большой скачок» не дал результатов, «культурная революция» провалилась — и все из-за полумер, из-за неспособности выкорчевать очаги контрреволюционного сопротивления: продажные и непокорные города, интеллектуалов, гор-

* Альдо Моро (1916—1978) —премьер-министр *Италии* в 1963—1968, 1974—1976 годах. Лидер левоцентристского крыла итальянской Христианско-демократической партии. *(Прим. ред.)*

дых своими знаниями и воображающих, будто умеют самостоятельно мыслить, деньги и отношения купли-продажи, носителей капиталистической реставрации и изменников, проникших в партийные ряды. Это желание поскорее создать совершенно другое общество и нового человека не могло — из-за покорности камбоджийцев или вопреки ей — не натолкнуться на непобедимое сопротивление самой реальности. Не желая признавать свое поражение, режим все глубже погружался в море крови, которую, как он полагал, необходимо было пролить, чтобы удержаться у власти. ККП считала себя славной последовательницей Ленина и Мао, но исторически оказалась предшественницей группировок, превративших марксизм-ленинизм в лицензию на неограниченное насилие: *Сендера люминоза* («Светоносный путь») в Перу, *Тигров Та-мил-Илама* в Шри-Ланке, *Рабочей партии Курдистана* и им подобных.

Неудача красных кхмеров заключается в их слабости. Ее, конечно, тщательно скрывали мишурой победных заклинаний. Но в действительности 17 апреля стало следствием двух главных обстоятельств: военной помощи Северного Вьетнама и бессилия режима Лон Нола (и к тому же непоследовательности американской политики). Ленин, Мао и в значительной степени Хо Ши Мин одерживали победу собственными силами, причем над серьезными противниками. Их партии (а у двух последних и армии) создавались медленно и терпеливо, поэтому к моменту захвата власти они уже стали серь-езной силой. Ничего подобного в Камбодже не было. Вплоть до самого разгара гражданской войны красные кхмеры полностью зависели от поддержки Ханоя. Даже в 1975 году насчитывалось всего 60 тысяч вооруженных красных кхмеров (менее 1% населения), возобладавших над 200 тысячами солдат деморализованной республиканской армии.

Слабая армия, слабая партия. Источники, пусть не до конца достоверные, определяют членство в ККП: 4 тысячи человек в 1970 году и 14 тысяч в 1975 году — от мелкой группы до маленькой партии...[234]

Из этих данных явствует, что опытные кадры, даже к концу кровавого правления, были чрезвычайно малочисленны, что придает еще больше драматизма постоянным партийным «чисткам». О последствиях рассказывают очевидцы: на одного компетентного руководителя приходилось множество неквалифицированных, чья слепота усугублялась заносчивостью и жестокостью. «Местные», становясь руководителями, на каждом шагу проявляли невежество. Они всё на свете пытались объяснять революционной фразеологией. Их некомпетентность еще более озлобляла красных кхмеров[235]. Слабость режима, в которой они не хотели сознаваться, и порождаемое ею чувство опасности выливались во все более жестокое насилие. Возникала атмосфера недоверия, страха, неуверенности в завтрашнем дне, травмировавшая выживших. Она отражала ощущение изолированности, мучившее верхушку: им повсюду чудились притаившиеся предатели. «Ошибочно арестовать человека — не беда, беда — ошибочное освобождение», — гласил один из лозунгов[236]. Это был открытый призыв к террору. Вот как анализирует этот адский замкнутый круг Пин Ятхай: «Красные кхмеры боялись народного гнева и потому укрепляли репрессивный аппарат. Преследуемые вечным страхом бунта, они заставляли нас же расплачиваться за нашу покорность. То было царство страха. Мы боялись преследований, они — народного возмущения и одновремен-но идеологических и политических маневров соратников по борьбе <...>»[237].

Оправдан ли был страх народного выступления? О волнениях известно мало (самые полные сведения приводит Киернан[238]); все они подавлялись без труда, быстро и жестоко. Однако при малейшей возможности (например, почувствовав, что мучители временно дестабилизированы очередной «чисткой») рабы вымещали гнев на надсмотрщиках, усугубляя террор.

Некоторые бунты были вызваны отчаянием, некоторые — безумными слухами. Люди, забитые, превращенные в рабочую скотину, отвечали своим палачам дерзостью и насмешками. С погруженной в ночную тьму строящейся плотины слышались злые шутки в адрес сидящего на ограждении охранника — солдата красных кхмеров[239]. Создавалось впечатление, что «пришлые» не опасались беседовать друг с другом, свободно и легко сговаривались о кражах и укрывании краденого; видимо, предательства случались нечасто, доносительство не получило широкого распространения. Это еще раз доказывает, что категория «75» полностью так и не подчинилась режиму. Власти нашли выход сначала в создании военного лагеря, затем — в развязывании настоящей войны. Этот метод неоднократно доказывал свою эффективность в прошлом. Лозунги говорят сами за себя: «Одна рука держит заступ, другая разит врага»[240], «С помощью воды выращивают рис, с помощью риса ведут войну»[241]. Слова у красных кхмеров разошлись с делами: риса у них не бывало вдоволь, а войну они проиграли.

Геноцид?

Дать определение преступлениям красных кхмеров — задача ученых. Необходимо найти место камбоджийской катастрофы среди других трагедий века и вписать ее в историю мирового коммунизма. Этим обязаны заняться и юристы: многие руководители ККП до сих пор живы. Неужели возможно примириться с их безнаказанностью? Если нет, то какие им предъявить обвинения?[242]

Виновность Пол Пота и его сообщников в военных преступлениях не вызывает сомнений: захваченные в плен военнослужащие республиканской армии систематически подвергались жестокому обращению, многие были казнены; даже те, кто сложил в апреле 1975 года оружие, стали затем жертвами безжалостных преследований. Также очевидны преступления против человечности: недостойными существовать были признаны целые группы населения; малейшее политическое несогласие — реальное или мнимое — каралось смертью. Трудность возникает тогда, когда речь заходит о геноциде. Если понимать этот термин буквально, то возникает опасность погрязнуть в абсурдной дискуссии. Ведь геноциду можно подвергнуть только национальную, этническую, расовую или религиозную группу; поскольку *все* кхмеры не обрекались на уничтожение, приходится перенести внимание на небольшие этнические меньшинства и буддийское духовенство. Однако даже если собрать их вместе, жертв будет немного; к тому же, как было показано выше, неверно утверждать, будто красные кхмеры специально уничтожали меньшинства (кроме вьетнамцев - начиная с 1977 года, но их к тому времени оставалось в стране не много). Тямы пострадали потому, что ислам, который они исповедовали, представлял собой источник сопротивления. Некоторые авторы, желая устранить проблему, предлагают понятие *полицид,* называя этим словом геноцид по политическим мотивам (можно было бы говорить и о *социоциде* — геноциде социальных групп)[243].

На самом деле главное — это решить, достигли ли репрессии размаха геноцида. Если да — а большинство исследователей этого не оспаривают, — то зачем создавать лишние трудности, отказываясь от понятного всем термина? Нелишне напомнить, что при обсуждении в ООН Конвенции о геноциде только СССР по вполне понятным причинам воспротивился возможности квалифицировать *политические группы* как объект преступления. Выходом могло бы стать использование понятия *расовый* (отличного от «народности» и «нации»), ведь раса, как доказано наукой, — это фантом, существующий только для того, кто собрался эту «расу» искоренить; «еврейская» раса — такой же вымысел, как, скажем, «буржуазная». Красным кхмерам, как и китайским коммунистам, некоторые социальные группы представлялись преступными по определению; более того, ответственность за подобные «преступления» несли супруги и потомство. Появляется основание для придания социальной группе *признаков расы.* ее физическое уничтожение, предпринятое в Камбодже и проводимое там со знанием дела, вполне может быть квалифицировано как геноцид. Вот что сказал И Пхандаре некий красный кхмер по поводу 17 апреля: «Режим предателя Лон Нола поддерживали горожане. Среди них много предателей. Коммунистическая партия проявила бдительность и многих истребила. Оставшиеся трудятся в деревне. У них уже нет сил восстать против нас»[244].

В душах миллионов сегодняшних камбоджийцев время Пол Пота оставило незаживающий след. В 1979 году 42% детей были сиротами, причем отцов у них не было втрое чаще, чем матерей; 7% лишились обоих родителей. В 1992 году в самом ужасном положении находились подростки: *64%* были сиротами[245].

Большая часть страшных социальных язв, до сих пор разъедающих камбоджийское общество, как то — повальная преступность (с широким распространением огнестрельного оружия), всеобщая коррупция, отсутствие всякой солидарности, каких-либо общих интересов — является следствием разразившейся 20 лет назад катастрофы. Сотни тысяч беженцев, оказавшихся за рубежом (150 тысяч только в Соединенных Штатах), тоже страдают от пережитого: их мучают кошмары, у них самая большая заболеваемость нервными расстройствами среди всех выходцев из Индокитая; женщины, приехавшие одни, остаются одинокими: мужчины их поколения гибли гораздо чаще[246]. И все же камбоджийское общество не утратило инстинкт самосохранения: когда в 1985 году окончательно были ликвидированы последствия коллективизации на селе, рост производства позволил почти сразу покончить с нехваткой продовольствия[247].

Преступники, ответственные за диктатуру красных кхмеров — эту лабораторию наиболее страшных экспериментов коммунизма, — не могут остаться безнаказанными. Камбоджийцы, при их понятном желании вернуться к нормальной жизни, не должны одни нести тяжесть страшного прошлого. Остальной мир, проявлявший снисходительность к их палачам, обязан, хотя и с опозданием, разделить с ними эту драму.

Заключение

Однозначно ответить на вопрос, существует ли азиатский коммунизм, подобно тому, как существовал коммунизм восточно-европейский, не так-то просто. В Европе (не исключая Югославии и Албании) коммунизм имел общего «родителя». Там коммунистические режимы испустили дух почти одновременно, когда дела у «родителя» *стали* совсем плохи, и дружно последовали за ним в могилу. В Азии аналогичные отношения связывают разве что Вьетнам и Лаос, судьбы которых органически переплетены. В остальных странах поражает разнообразие процессов завоевания и укрепления власти. В Азии, как бы этого ни желал Пекин, никогда не существовало «единого коммунистического блока»: не хватало тесного экономического сотрудничества, широкомасштабного обмена кадрами, общности образования, а главное, не было общей сети военно-полицейских аппаратов. Попытки изменить положение к лучшему были ограниченными и быстро провалились (за единственным исключением: опять-таки Лаоса и его «старшего брата» — Вьетнама), примерами могут служить отношения между Китаем и Северной Кореей во время корейского конфликта и какое-то время после; Китаем и Вьетнамом в 50-е годы; Китаем и Камбоджей Пол Пота; Вьетнамом и Камбоджей в 80-е годы.

Итак, в Азии существуют только *национальные* коммунистические организации, опирающиеся на силовые структуры (за исключением Лаоса), хотя в некоторые моменты ключевое значение приобретала китайская (а иногда и советская) помощь. Только в Азии в конце 70-х годов разразились чисто коммунистические войны: между Вьетнамом и Камбоджей, между Вьетнамом и Китаем. Что касается образования, пропаганды, трактовки истории, то таких националистически, даже шовинистически настроенных коммунистов, как в Азии, нет больше нигде в мире. Только это и можно считать их общей чертой; беда в том, что коммунисты-националисты часто враждуют с собратьями по ту сторону границы...

Но стоит приступить к разбору их политики, особенно в области репрессий (тема, которая занимает нас в данном случае больше всех остальных), как в глаза бросается сходство, на которое мы неоднократно обращали внимание в предыдущих главах. Прежде чем обсудить основные общие черты, полезно провести *хронологическое* сравнение изучаемых режимов. В Европе основные этапы истории каждого коммунистического государства, за исключением Албании, находятся в единых хронологических рамках (это относится, правда в меньшей степени, даже к Румынии и Югославии). В странах Азии гораздо дальше отстоят друг от друга исходные моменты захвата власти коммунистами: 1945 и 1975 годы; в разное время проводи-

лись и аграрные реформы, коллективизация, даже в Северном и Южном Вьетнаме.

Захватывая власть, коммунистическая партия никогда не выступала с открытым забралом: какое-то время после победы сохранялась либо видимость «единого фронта» с другими силами (в Китае это продолжалось восемь лет), либо, как в Камбодже до 1977 года, партия вообще не обнаруживала себя. Однако если до победы многие еще верили обещаниям плюралистической демократии (это способствовало успеху коммунистов, как, например, во Вьетнаме), то *после* — маска быстро спадала. Так, в одном из северовьетнамских лагерей для пленных солдат Юга до 30 апреля 1975 года заключенных прилично одевали, кормили и не заставляли работать, а сразу после «освобождения» Юга рационы питания были резко сокращены, дисциплина ужесточена, стал использоваться принудительный тяжелый труд, началось подавление личности. Лагерное начальство так объяснило перемену: «Раньше на вас распространялся режим военнопленных <...>. Теперь, когда вся страна освобождена, мы — победители, вы — побежденные. Радуйтесь, что вы вообще остались в живых! В России после революции 1917 года были ликвидированы все побежденные»[1]. После установления партийной диктатуры слои общества, обласканные в период «народных фронтов», особенно интеллигенция и местные капиталисты, подвергались остракизму и репрессиям.

Хронология в этом смысле не имеет принципиального значения. Северная Корея живет в собственном ритме с конца 50-х годов, давно превратившись в изолированный «музей сталинизма». Охотников повторить следом за Китаем «культурную революцию» тоже не нашлось. Пол Пот восторжествовал в тот момент, когда Китай Мао находился уже на излете: он грезил о «большом скачке», от которого в самом Китае отказались 14 лет назад. Но есть и важное сходство: повсюду, где власть захватывали коммунистические партии, устанавливался режим сталинистского типа, со свойственными ему «чистками» и всевластием органов госбезопасности. Волна, поднятая XX съездом КПСС, повсюду спровоцировала позывы к политической либерализации, очень быстро сменившиеся новым «закручиванием гаек», а в экономической области — волюнтаристскими утопическими проектами (китайский «большой скачок», его вьетнамский и корейский суррогаты). Повсюду, за исключением Кореи, 80-е и 90-е годы отмечены либерализацией экономики: в Лаосе и на юге Вьетнама этот процесс набрал силу сразу после коллективизации, так и не доведенной до конца. Реформы в экономике с неожиданной стремительностью приводят к нормализации и смягчению практики репрессий, даже если этот процесс половинчатый, движется толчками и полон противоречий. Повсюду, за исключением Пхеньяна, отошел в область воспоминаний массовый террор, а число политических заключенных уже не превышает норму, задаваемую банальными латиноамериканскими диктатурами. Так, в Лаосе, по данным «Международной амнистии», этот показатель снизился с 6—7 тысяч в 1985 году до 33 человек в марте 1991 года; аналогичное снижение отмечено во Вьетнаме и в Китае. Наше время, вопреки всему, бывает отмечено добрыми вестями, наводящими на мысль, что в коммунистических странах Азии, как и в Европе, массовые казни остались в прошлом.

Возвращаясь к центральной проблематике настоящего сборника — *террору,* — приходится признать, что он свирепствовал очень долго (примерно до 1980-х годов) и повсюду собрал огромную жатву. Ныне он сменился просто *ре-*

прессиями, избирательными и имеющими своей целью устрашение, а не уничтожение; наблюдается также и возврат к куда менее зловещей практике «перевоспитания».

Ключ к хронологическим совпадениям, которые обращают на себя гораздо больше внимания, чем расхождения, уже с 1956 года следует искать в Пекине, а не в Москве. XX съезд испугал Мао Цзэдуна, Хо Ши Мина и Ким Ир Сена не меньше, чем Мориса Тореза. Тем больше уважения должна вызывать у нас смелость хрущевских инициатив. После них, как уже указывалось, роль коммунистической Мекки для коммунистов Азии стал играть Пекин. Однако престиж сталинского СССР оставался огромным, велика была также его экономическая и военная мощь. Переориентация на Китай началась еще с его активного участия в корейском конфликте, за которым последовала действенная помощь Вьетминю; с 1956 года Мао *фактически* возглавил «антиревизионистский» лагерь, к которому примкнули братские страны Азии.

Потрясения «культурной революции» середины 60-х годов ослабили духовное влияние Китая. Вьетнам, нуждаясь в военной помощи, оказался втянутым в орбиту СССР. Тем не менее, инициативы, регулярно выдвигавшиеся Китаем, находили и находят в Азии верных подражателей. Все коммунистические режимы — близкие родственники, однако в Азии они больше напоминают продукты клонирования — взять хотя бы пример аграрной реформы в Китае и во Вьетнаме.

То, что «либеральный коммунизм» хрущевского образца так мало привлекал коммунистов Азии (по крайней мере до начала 80-х годов), объясняется тем, что им еще предстояли революционные войны; к тому же эти режимы представляли собой жесткие *идеократии**. Согласно конфуцианской традиции «исправления имен» (а все описываемые страны, за исключением Камбоджи, впитали конфуцианство), реальность должна подчиняться слову. В уголовно-процессуальной сфере важно не деяние, а приговор и навешиваемый на осужденного ярлык, а они зависят от многих обстоятельств, не имеюищх отношения к самому деянию. Мир и согласие должны быть установлены веским словом, а не добрым поступком. Отсюда и свойственная азиатскому коммунизму двойственность: сверхидеологизация в сочетании с волюнтаризмом. Первое проистекает из классификационно-организационной мешанины, создаваемой сочетанием конфуцианского мышления и революционных представлений о полной переделке общества. Второе, учитывая стремление вождей к новациям, служило рычагом для проникновения «верных идей» в сознание масс. Выше рассказывалось о словесных баталиях, победа в которых достигалась путем приведения цитаты из Мао, на которую противнику нечего было ответить. «Большой скачок» был еще и буйством словесности... Но и иррациональность азиатов имеет пределы: они видят, когда реальность слишком активно сопротивляется словоблудию. Поняв, что слова потерпели полный крах, и испытав на собственной шкуре бесчисленные катастрофы, этими словами вызванные, они уже не желают слушать ничего, кроме совершенно антиидеологических откровений Дэн Сяопина: «Неважно, какого цвета кошка, главное, чтобы она ловила мышей».

Однако специфика азиатского коммунизма состоит в том, что ему удалось передать сверхидеологизацию и волюнтаризм, каких не было даже в сталинском СССР, *от партии всему обществу.* В Китае, равно как и во Вьетнаме и Корее, уже давно не существует свойственной Западу дистанции между культу-

* Буквально — *власть идеи (греч.). (Прим. перев.)*

рой элиты и народной культурой. Конфуцианство сумело, почти не претерпев изменений, перейти от правящего класса к населению самых отдаленных провинций. В Китае оно уживалось с самыми дикими традициями (вроде перевязывания женских ступней для ограничения их роста). При этом государство так и не сумело окончательно выделиться в автономную от общества структуру, опирающуюся на систему законов. Что бы ни заявляли о себе монархи китайского образца, им всегда недоставало узаконенных инструментов вмешательства, которыми уже к концу Средневековья располагали королевства Запада[2].

Править они могли только при согласии подданных. Согласие это добывалось не методом демократического обсуждения или утряски различных интересов, а путем широкого распространения единых норм гражданской нравственности, опирающейся на семейную и общественную мораль. Именно это Мао и называл «линией масс». Государство морали (или идеологии) имеет в Восточной Азии давнюю и богатую историю. По сути такое государство бедно и слабо; однако, если ему удается привязать сознание всех групп, семей, каждого человека к своим нормам и идеалам, то его могущество становится неограниченным; пределом ему могут быть разве что силы природы — главные враги Мао во время «большого скачка». Верные исторической традиции, коммунистические режимы Азии пытались и даже в какой-то момент сумели создать глубоко *холистические* общества*. Неудивительно, что староста вьетнамской тюремной камеры, тоже заключенный, считал себя вправе кричать на своего же товарища: «Ты противоречишь старосте камеры, назначенному революцией. Значит, ты — враг революции!»[3]. Отсюда неодолимое желание превратить всех до одного заключенных, вплоть до французских офицеров, в носителей и проводников идей партии. Русская революция так и не сумела засыпать ров между «ними» и «нами», тогда как «культурная революция» почти что уверила многих, что Государство и Партия — это они, «массы»: хунвэйбины, не будучи членами партии, порой считали себя вправе исключать партийцев из рядов КПК Коммунисты Запада тоже проходили через критику, самокритику, бесконечные собрания, навязывание канонических текстов; однако происходило это в основном в недрах самой партии. В Азии одни и те же нормы распространялись на всех.

На репрессиях это отразилось двояко. Во-первых, в глаза бросается неоднократно подчеркивавшееся выше отсутствие необходимости оправдывать произвол статьями закона: все исчерпывалось политикой. Запоздалое принятие уголовных кодексов (в 1979 году в Китае, в 1986 году во Вьетнаме) совпало с окончанием «большого террора» в этих странах. Во-вторых, не могут не обратить на себя внимание *повсеместная массовость и кровавость* репрессий: они захватывали либо общество целиком, либо очень широкие его слои (крестьянство, горожан, интеллигенцию и т.д.). При Дэн Сяопине утверждалось, что во время «культурной революции» преследованиям подверглись сто миллионов китайцев... Проверить эту цифру невозможно; погибло, впрочем, не более миллиона человек — очень «либеральное» соотношение по сравнению с большими сталинскими «чистками». Действительно, зачем убивать, если можно как следует запугать? Неудивительно, что «политическая смертность» в немалой

* Холизм — одна из форм современной идеалистической философии; в основе — принцип иерархии «целостностей», понимаемых как духовное единство, нематериальная структура; принцип подчинения части целому используется для обоснования имперских притязаний, колониальных захватов. *(Прим. ред.)*

степени формировалась самоубийствами: интенсивность кампаний, в которых участвовали друзья, родные, соседи, оказалась для многих невыносимой — отступать было некуда.

Наши рассуждения требуют одной оговорки. Она касается Камбоджи (и в гораздо меньшей степени Лаоса). Туда никогда не проникало конфуцианство, политическая традиция Камбоджи в гораздо большей степени индийская, нежели китайская. Не стал ли апогей жестокости в Камбодже, превзошедшей все мировые аналоги, попыткой применения китайско-вьетнамских рецептов к отторгающему их населению? Здесь есть о чем поразмыслить; однако для этого необходимо тщательнее разобраться в ситуации, в которой разразилась камбоджийская драма.

Наша задача в данном случае формулировалась иначе: мы пытались понять специфику азиатского (точнее, китайско-азиатского) коммунизма. Читатель и сам может обнаружить его тесные связи с мировым коммунизмом и его главным вдохновителем — Советским Союзом. Мы заострили внимание на многих явлениях («чистый лист» — желание начать с абсолютного нуля, культ молодежи и манипулирование ею...), которые нетрудно выявить и на других континентах. Остановимся же на том, что судьбы коммунизма в Европе и Азии заставляют задуматься о принципиальных отличиях разных форм этого мирового феномена.

Часть пятая

Паскаль Фонтен
Ив Сантамария
и Сильвен Булук

Третий мир

1

Паскаль Фонтен

Латинская Америка — коммунистический эксперимент

КУБА: ОСТРОВ ТОТАЛИТАРИЗМА

Самый большой остров Карибского моря с началом века вступил в полосу активной политической жизни, отмеченной печатью демократических и социальных движений. Уже в 1933 году военный путч, возглавленный сержантом-стенографистом Рубеном Фульхенсио Батистой-и-Сальдиваром, сбросил диктатуру Херардо Мачадо-и-Моралеса. Став начальником Генерального штаба, возглавив армию, Батиста в течение двух с лишним десятилетий выдвигал и устранял президентов страны, стараясь все же проводить социально ориентированную политику и противостоять американскому вмешательству. В 1940 году Батиста стал президентом, и при нем была принята довольно либеральная конституция. В 1952 году бывший сержант осуществил свой последний государственный переворот, сорвав назначенные на этот год свободные выборы президента и парламента. Тем самым он приостановил процесс демократизации и правил единолично, опираясь попеременно на разные политические партии, в числе которых была и Народно-социалистическая партия, созданная несколькими годами раньше на базе Коммунистической партии Кубы.

Под властью Батисты кубинская экономика проявила отчетливые тенденции роста, хотя жизненные блага распределялись слишком неравномерно[1]; велик был дисбаланс между страдающей от малоземелья деревней и городами с сильной инфраструктурой, обусловленной притоком легких денег итало-американской мафии, в частности, в Гаване в 1958 году насчитывалось 11 500 проституток. Коррупция и аферы процветали в эру Батисты, и мало-помалу диктатор стал терять поддержку среднего класса[2].

И только в 1953 году студенты, вдохновленные Хосе Антонио Эчеверрией, создали Революционную студенческую Директорию, а при ней вооруженную группу, которая попыталась в марте 1957 года захватить Президентский дворец. Попытка провалилась: Эчеверрия был убит, и Директория оказалась обезглавленной. 26 июля 1953 года группа студентов атаковала казарму Монкада. Многие погибли, а один из их лидеров, Фидель Кастро, был арестован. Приговоренный к пятнадцати годам тюрьмы, он вскоре был освобожден и эмигрировал в Мексику, где занялся формированием партизанского «Движения 26 июля», куда активно вступала либерально настроенная молодежь. Вооруженной борьбе между этими молодыми людьми — барбудос — и Батистой предстояло длиться двадцать пять месяцев.

Репрессии, проводимые режимом Батисты, были жестокими и унесли тысячи жизней[3].

Больше всего досталось городским жителям: 80% жертв против 20% у сельских партизан Сьерры.

7 ноября 1958 года отряд партизан (герильерос) во главе с Эрнесто Геварой выступает в поход на Гавану. 1 января 1959 года Батиста спасается бегством, примеру вождя следуют многие высшие должностные лица его диктатуры; двое палачей — Роландо Масферрер, глава так называемых «тигров» — наводящей страх на всю страну неофициальной полиции, и Эстебан Вентура, начальник тайной полиции, — добираются до Майами. Лидер Конфедерации кубинских трудящихся (CTC) Эусебио Мухаль, заключивший немало соглашений с Батистой, предусмотрительно укрывается на территории посольства Аргентины. Легко доставшаяся партизанам победа затмила вклад остальных общественных движений в разгром Батисты. На самом деле, отряду Гевары выпало участвовать в малозначительных сражениях, и поражение Батисты объяснялось тем, что он потерял контроль над Гаваной в борьбе с городскими террористами. Американское эмбарго на ввоз оружия также сыграло свою роль в поражении Батисты.

Итак, 8 января 1959 года Кастро, Гевара и *барбудос* с триумфом вошли в столицу. Тотчас после взятия власти начались массовые расправы в гаванской тюрьме Кабана и в Санта-Кларе. По данным зарубежной прессы, в итоге пятимесячной «чистки» число жертв среди сторонников Батисты составило шестьсот человек Создаются чрезвычайные суды, единственное их назначение — произнесение приговоров. «Способ ведения судебных процессов и принципы, положенные в их основу, явно свидетельствовали об изначальной их приверженности к тоталитарному режиму», — констатирует Жаннина Вердес-Леру[4]. Инсценировка суда устраивается на фоне народного празднества: восемнадцатитысячная толпа собравшихся во Дворце спорта торжественно «осуждает» сторонника Батисты команданте Хесуса Соса Бланко, которому инкриминируют многочисленные убийства. Большие пальцы рук собравшихся направлены вниз. «Это под стать Древнему Риму!» — восклицает обвиняемый. Вскоре он был расстрелян.

В 1957 году Кастро, давая в Сьерра-Маэстре интервью журналисту Герберту Мэтьюсу из *«Нью-Йорк Таймс»,* заявил: «Власть меня не интересует. После победы я вернусь в свою деревню и займусь адвокатской практикой». Эта декларация о намерениях, явно лицемерная, тотчас была опровергнута проводимой Кастро политикой. Сразу после захвата власти в молодом революционном правительстве начинается глухая междоусобная борьба. 15 февраля 1959 года уходит в отставку премьер-министр Миро Кардона. Его сменяет Кастро, занимавший до этого пост главнокомандующего армией. В июне он отменяет запланированные ранее свободные выборы, которые когда-то пообещал провести в течение восемнадцати месяцев. В его обращении к жителям Гаваны звучит простое «объяснение»: «Выборы! Зачем они нужны?» Тем самым он отрекается от одного из основных пунктов программы революционных преобразований, созданной борцами против режима Батисты. Так Кастро по сути закрепил порядок, установленный свергнутым диктатором. Более того, Кастро приостанавливает действие Конституции 1940 года, гарантировавшей основные права, и начинает руководить исключительно при помощи декретов, вплоть до введения в 1976 году Конституции, составленной по советскому образцу. Не забывает он также и об утверждении текстов двух законов, № 53 и № 54 (о союзах и объединениях), ограничивающих права граждан на свободу объединений.

Кастро действовал в это время в тесном контакте с близкими ему людьми, добиваясь изгнания демократов из правительства, и опирался на поддержку своего брата Рауля (члена Народно-социалистической партии (PSP), по сути коммунистической) и яростного поклонника Советов — Гевары. С июня 1959

года складываются два противостоящих лагеря -либералы и радикалы, которых разделяет отношение к аграрной реформе, начавшейся 17 мая. В первоначальном проекте предусматривалось создание средней сельской буржуазии путем перераспределения земель. Кастро избрал политику более радикальную, опорой ему послужил ортодоксально-марксистский Народный институт аграрной реформы, INRA *(Institute national de reforma agraria),* где он стал первым директором. Одним росчерком пера он аннулировал план, предложенный министром сельского хозяйства Умберто Сори Марином. В июне 1959 года для ускорения реализации аграрной реформы Кастро отдал приказ армии — взять под контроль сотню хозяйств в провинции Камагуэй.

Кризис, протекавший прежде в скрытой форме, разразился в июле 1959 года: в отставку ушел президент Республики Мануэль Уррутия, в прошлом следователь, мужественно выступивший в 1956 году в защиту *барбудос.* Вскоре министр иностранных дел Роберто Аграмонте заменен одним из первых кастров-цев — Раулем Роа. Министр социального обеспечения, неодобрительно высказавшийся по поводу приговора, вынесенного летчикам по обвинению в преступлении против гражданского населения, также отправлен в отставку[5]. Усилившийся кризис продолжался на протяжении всего I960 года, в результате чего в марте министр финансов с января 1959 года Рупо Лопес Фреске порывает с Кастро, уходит в оппозицию, а затем удаляется в изгнание. В том же году окончательно покидает родину и другой член правительства — Анрес Суарес. Исчезают последние независимые периодические издания, ведется методичное обуздание свободы печати. 20 января I960 года в ссылку отправляется главный редактор антибатистовской газеты *«Авансе»* Хорхе Зайяс; в июле Кубу покидает главный редактор *«Боэмии»* Мигель Анхель Кеведо (*«Боэмия»* в свое время печатала заявления Фиделя Кастро на судебном процессе Монкада). Остается только коммунистическая периодика — *«Ой».* Осенью I960 года арестованы последние видные деятели оппозиции — политики и военные, такие как Уильям Морган и Умберто Сори Марин. Моргана, бывшего команданте в Сьерре, расстреляли в начале 1961 года.

Из правительства уходят последние демократы — министр общественных работ Маноло Рей[6] и министр связи Энрике Олтуцкий. С этой поры начинается первая волна отъездов: в добровольное изгнание отправляются более пятидесяти тысяч представителей среднего класса, когда-то приветствовавших революцию. Недостаточное количество врачей, учителей и адвокатов еще долгие годы будет давать о себе знать ослаблением кубинского общества.

Вслед за средним классом гонениям подверглись рабочие. Как только выявились истинные черты нового режима, восстали непокорные профсоюзы. Одним из ведущих лидеров стал глава профсоюза сахарной промышленности Давид Сальвадор. Он придерживался левых взглядов, порвал с Народно-социалистической партией, когда она отказалась от борьбы с диктатурой Батисты; организовал массовые забастовки на сахарных заводах в 1955 году; был арестован и подвергнут пыткам за то, что в апреле 1958 года оказал поддержку забастовке, инициаторами которой стали кастровцы из «Движения 26 июля». Избранный в 1959 году демократическим путем генеральным секретарем Конфедерации кубинских трудящихся, он вдруг обнаружил двух навязанных ему заместителей — это были старые партийцы-коммунисты, не прошедшие испытаний демократическими выборами. Он попытался предотвратить возникновение коммунистических ячеек и установление коммунистического контроля

над профсоюзом, но с весны I960 года был все-таки оттеснен на обочину. В июне Сальвадор вынужден был уйти в подполье. Его арестовали в августе 1962 года, после чего он отбыл двенадцатилетний срок тюремного заключения. Еще один из виднейших борцов против режима Батисты оказался отстраненным от дел. В конце концов Кастро создает единый профсоюз СТС и в 1962 году добивается от него отмены права на забастовку. «Профсоюз — не забастовочный орган», — уточнил некий партаппаратчик.

После ареста в 1953 году жизнь Фиделя Кастро находилась под угрозой, и спасением он был обязан участию в его судьбе архиепископа Сантьяго-де-Куба монсеньора Переса Серантеса. Духовенство с облегчением восприняло отставку Батисты. Несколько священников даже последовали за партизанами в Сьерру. Однако церковь возражала против скорых судов над батистовцами, причем с тем же пылом, с каким прежде осуждала преступления «тигров» Ма-сферрера. Начиная с 1959 года церковные деятели начинают разоблачать усилившееся влияние коммунистов. В ответ Кастро, под предлогом разбирательства по делу в бухте Кабаньяс[7], издает правительственный приказ о запрещении религиозного журнала *«La Quincena»*. В мае 1961 года закрываются все религиозные колледжи, в том числе и иезуитский колледж в Белене, где учился сам Кастро, а здания их конфискуются. Вечно затянутый в военную форму Лидер Максимо («Верховный вождь») провозгласил: «Пусть эти попы-фалангисты поскорее собирают свои чемоданы!» Предупреждение оказалось небезосновательным — 17 сентября 1961 года с Кубы были высланы приходские священники и монахи, всего 131 человек. Чтобы выжить, церкви пришлось замкнуться в своей внутренней жизни. Правящий режим, наоборот, всячески способствовал маргинализации религиозных учреждений. Один из методов состоял в предоставлении каждому кубинцу возможности открыто заявлять о своем вероисповедании с сознанием того, что он не рискует утратить доступ в университет и к административной карьере.

В полной мере испытали удары репрессий и люди искусства. Начиная с 1961 года Кастро четко определяет роль творческих работников в обществе. Итогом его воззрений явился короткий лозунг: «В революции — всё, вне революции — ничто!» Судьба революционного писателя Эрнесто Падильи прекрасно иллюстрирует состояние тогдашней культуры. Падилья, подвергнутый унизительной процедуре «самокритики», в 1970 году вынужден был покинуть Кубу. После десятилетних скитаний, на волне массовой эмиграции из порта Мари-ель окончательно уезжает с Кубы и Рейнальдо Аренас.

Че Гевара: обратная сторона мифа

Фидель Кастро не раз говорил, ссылаясь на Французскую революцию: у якобинского Парижа был Сен-Жюст, у герильерос Гаваны — Че Гевара, латиноамериканский Нечаев.

Эрнесто Гевара — выходец из буржуазной семьи, родился в 1928 году в Буэнос-Айресе. Еще до получения медицинского диплома этот хрупкий буржуазный юноша, страдавший хронической астмой, успел проехать на мопеде от Пампы* до джунглей Центральной Америки. В начале 50-х годов он оказался в бедствующей Гватемале, где прогрессивное правительство Хакобо Арбенса было свергнуто американскими

* Пампа (пампасы) — приравнинная область на востоке Аргентины. (Прим. ред.)

интервентами. Там Гевэра научился ненавидеть Соединенные Штаты. «По идеологическим соображениям я придерживаюсь мнения, что разрешение проблем нашего мира осуществляется по ту сторону так называемого железного занавеса», — пишет он одному из друзей в 1957 году[8]. D 1955 году, в Мексике, ночью, он знакомится с молодым кубинским адвокатом. Находясь в изгнании, тот готовится к возвращению на Кубу — это Фидель Кастро. Гевара принимает решение выступить на стороне кубинцев, которые впоследствии высадились на остров в декабре 1956 года. В партизанском отряде Гевару назначают команданте «колонны», и он тотчас проявляет необычайную суровость нрава. Один мальчишка-герильеро из его колонны за мелкую кражу продовольствия был расстрелян на месте без суда и следствия. Этому «ярому стороннику авторитарности», по выражению его бывшего соратника по Боливии Режи Дебре[9] повсюду насаждавшему коммунистическую революцию, нередко приходилось преодолевать сопротивление со стороны кубинских команданте демократическое ориентации.

Осенью 1958 годэ он открывает второй фронт на равнине Лэс-Вильяс, в центральной части острова. В Санта-Кларе он блестяще проводит атаку на поезд с подкреплением, посланным Батистой: военные спасаются бегством, уходя от боя. Одержав победу, Гевара берет на себя полномочия «прокурора» — теперь от него зависит исход просьб о помиловании. Тюрьма Кабана, где он священнодействует, рассматривая все дела, становится местом многочисленных экзекуций, жертвы которых — старые товарищи, оставшиеся демократами.

После назначения на посты министра национальной промышленности и президента Национального банка Кубы он никогда не упускает случая воплотить в жизнь свою политическую доктрину, внедряя на Кубе «советскую модель». Выказывающий презрение к деньгам, но проживающий в самых престижных кварталах Гаваны, этот министр промышленности, лишенный самых элементарных представлений о хозяйственной деятельности, в конце концов разоряет Национальный банк. Ему больше нравится учреждать «добровольные воскресники» — плод его восхищения СССР и Китаем, приветствует он и «культурную революцию». Режи Дебре[10] отмечает: «Именно он, а не Фидель, додумывается до создания на полуострове Гуа-наха первого исправительно-трудового лагеря (вернее сказать — лагеря принудительных работ)...»

В своем завещании прилежный ученик школы Террора превозносит «продуктивную ненависть, превращающую человека в деятельную, жестокую, избирательную и хладнокровную машину для убийства»". «Я не могу дружить с тем, кто не разделяет моих взглядов», — признается этот фанатик, окрестивший своего сына Владимиром в честь Ленина. Догматичный, бездушный и нетерпимый по характеру Че (аргентинское прозвище) — полная противоположность открытых и горячих по нраву кубинцев. На Кубе он становится одним из инициаторов вербовки молодежи, готовой приносить жертвы на алтарь культа нового человека.

Одержимый идеей экспорта революции кубинского образца, этот ослепленный ненавистью антиамерикэнист стремился распространить герильи (партизанские войны) по всему свету, о чем в мае 1967 годэ он выразился так: «Создать два, три... множество Вьетнамов!» В 1963 году он отправляется в Алжир, затем в Дар-эс-Салам и наконец оказывается в Конго, где пути его пересекаются с небезызвестным марксистом Дезире Кабилой, хозяйничавшим в Заире и не гнушавшимся массовых избиений гражданского населения.

Кастро использовал Гевару в тактических целях. Когда взгляды их разошлись, Гевара уехал в Боливию. Там он пытался воплотить в жизнь теорию фокизма (от foco —

очаг), то есть разжечь очаг партизанской войны, ничуть не считаясь с особой позицией боливийской коммунистической партии. Не найдя поддержки у крестьян — ни один из них не присоединился к его передвижному партизанскому отряду, — одинокий и преследуемый властями, Гевэра был схвачен и казнен 8 октября 1967 года.

В армии тоже начинается процесс установления контроля над бывшими повстанцами. В июле 1959 года сподвижник Кастро майор авиации Диас Ланс, уйдя в отставку, отправляется в Соединенные Штаты. Месяц спустя прокатывается первая лавина арестов, начавшаяся под предлогом расстройства планов заговорщиков, готовящих государственный переворот.

Убер Матос еще с 1956 года оказывал помощь находящимся в Сьерре *барбудос,* организовывал поддержку в Коста-Рике, переправлял для них на личном самолете оружие и боеприпасы, а впоследствии освобождал второй по величине город страны Сантьяго-де-Куба во главе колонны № 9 «Антонио Гутьеррас». Назначенный губернатором провинции Камагуэй, он решительно возражает против «коммунизации» режима и слагает с себя полномочия. Кастро усматривает в его действиях попытку заговора и поручает герою партизанской войны Камильо Сьенфуэгосу арестовать Матоса по обвинению в «антикоммунизме». Не принимая во внимание заслуги этого пламенного бойца, Кастро устраивает над ним «московский процесс в Гаване», лично участвуя в судебной процедуре. Он оказывает мощное давление на суд, заявляя: «Скажу вам прямо. Выбирайте: Матос или я!», и препятствует выступлению свидетелей, готовых дать показания в пользу обвиняемого. Матос приговаривается к двадцати годам тюремного заключения и полностью, до последнего дня, отбывает свой срок. Заключены под стражу и все его близкие.

Лишенные всякой возможности выразить свое мнение, оппозиционные Кастро силы уходят в подполье, к ним присоединяются бывшие вдохновители городского восстания против режима Батисты. В начале 60-х годов подпольная оппозиция трансформируется в повстанческое движение с центром в горах Эскамбрай. Движение возглавили истинные *барбудос,* выступавшие против осуществляемой диктатурой насильственной коллективизации земли. Стремясь раз и навсегда покончить с мятежниками, Рауль Кастро спешно отправляет на место действия все имеющиеся в его распоряжении военные средства: танки, артиллерию, отряды милиции. В целях подрыва массовой народной поддержки восстания насильственно перемещают семьи крестьян-бунтовщиков. Их переселяют за сотни километров от гор Эскамбрай, на крайний запад острова, в районы табачных плантаций Пинар-дель-Рио. В первый и последний раз кастровский режим прибегает к депортации населения.

Бои продолжались еще в течение пяти лет. Постепенно партизаны оказывались во все большей и большей изоляции и гибли один за другим. Суд над повстанцами и их вожаками был скорым. Гевара воспользовался удобным случаем для расправы над одним из бывших молодых вождей антибатистовской гери-льи Хесусом Каррерасом, выражавшим несогласие с его политикой еще с 1958 года. Раненного в бою Каррераса притащили к столбу, к которому привязывали расстреливаемых. В помиловании Гевара ему отказал. В Санта-Кларе схвачены и осуждены «бандиты» — 381 человек В тюрьме Ла-Лома-де-лос-Кочес после победы 1959 года и разгрома партизан с гор Эскамбрай расстреляны свыше тысячи «контрреволюционеров».

После ухода с поста министра сельского хозяйства Умберто Сори Марин пытается создать на территории Кубы очаг вооруженной борьбы. Представ перед военным трибуналом, он осужден на смертную казнь. Его мать умоляет Кастро о помиловании, напоминая о его старинном знакомстве с Сори Марином еще с начала 50-х годов. Кастро обещает спасти жизнь Умберто Сори Марину, однако через несколько дней последнего расстреляли.

Периодически, вслед за партизанскими выступлениями в горах Эскам-брай, совершались попытки высадки на кубинскую землю боевых групп коммандос. Большинство коммандос принадлежало к движению *Либерасьон* Тони Куэста и к отрядам «Альфа *66»,* появившимся в начале 60-х годов. Почти все эти выступления, вдохновленные поданным некогда самим Кастро примером, окончились неудачей.

В I960 году упраздняется несменяемость судей, после чего судьи оказываются под контролем центральной власти. Упразднение принципа разделения властей — одна из характерных черт диктатуры.

Насаждение всеобщего повиновения не миновало и университет. Молодой студент факультета гражданского строительства Педро Луис Бойтель выставил свою кандидатуру на звание председателя Федерации студентов университета (FEU). Будучи прежде в оппозиции к режиму Батисты, он являлся не менее яростным противником Фиделя Кастро. При поддержке братьев Кастро на пост председателя FEU был избран ставленник режима Роландо Кубелья. Некоторое время спустя Бойтель был арестован и приговорен к десятилетнему сроку лишения свободы с отбытием наказания в одной из наиболее жестоких тюрем — Бониато. В знак протеста против бесчеловечного обращения он не раз объявлял голодовку. Борясь за сносные условия содержания под стражей, 3 апреля 1972 года он начинает очередную голодовку. Бойтель решительно заявляет одному из представителей тюремного начальства: «Я устраиваю голодовку, добиваясь применения ко мне прав, принятых для политических заключенных. Тех самых прав, соблюдения которых вы требуете по отношению к узникам диктатур всех стран Латинской Америки и в которых вы отказываете заключенным собственной страны!» Однако поступок этот ничем не облегчил его положения. Лишенный медицинской помощи, Бойтель медленно агонизировал. На сорок пятый день состояние его стало критическим; на сорок девятый — он впал в полукоматозное состояние. Власти ни во что не вмешивались. 23 мая в 3 часа ночи, после пятидесяти трех дней голодовки Бойтель скончался. Власти отказались показать его матери тело сына.

Кастро быстро наладил эффективную работу разведывательной службы, ставшей ему опорой во всех делах. Служба безопасности была доверена Рамиро Вальдесу, министерством обороны командовал Рауль Кастро. Он восстановил деятельность военных трибуналов, и вскоре *paredon* — столб, к которому привязывали приговоренных к расстрелу, — стал полноправным юридическим инструментом.

Прозванный кубинцами красным гестапо, Департамент государственной безопасности (DSE), известный также под названием Генеральное управление контрразведки *(Direction General de Contra-Inteligencid),* впервые приступил к работе в 1959—1962 годы, выполняя поручение проникнуть в оппозиционные к Кастро организации с последующим их уничтожением. DSE руководил кровавой операцией по ликвидации партизанских отрядов в горах Эскамбрай и ку-

рировал отправку провинившихся на принудительные работы. Само собой разумеется, что именно в его ведении находилась и вся пенитенциарная система.

Созданный по советской модели, DSE с момента своего возникновения находится под управлением Рамиро Вальдеса, сподвижника Кастро еще со времен Сьерра-Мадре. С годами DSE усиливает свое влияние на общество, достигая известной независимости. Формально он зависел от Министерства внутренних дел (Minit). Департамент имел множество ответвлений, позднее о них подробно рассказал генерал авиации дель Пино, нашедший в 1987 году убежище в Майами. Существовали подразделения, уполномоченные следить за всеми государственными служащими. 3-е отделение контролировало работников культуры, спорта и людей творческих профессий (писателей, деятелей кино и т.д.). 4-е отделение занималось организациями, связанными с экономикой, министерствами транспорта и связи. 6-е отделение оплачивало более тысячи сотрудников, осуществлявших прослушивание телефонных разговоров. 8-е отделение наблюдало за почтой, то есть фактически нарушало тайну переписки. Другие подразделения осуществляли надзор за дипломатическим корпусом и иностранными гостями. DSE способствовал сохранению кастровской правящей системы — использование на принудительных работах тысяч заключенных было весьма выгодно с экономической точки зрения. Он представлял собой привилегированный мир, наделенный неограниченной властью.

Специальное управление министерства внутренних дел *(Direction Special del Ministerio del Interior)* — DEM — набирало тысячи осведомителей для надзора над населением. DEM действует по трем направлениям: первое называется «информация» — суть его состоит в заведении досье на каждого жителя Кубы; второе — «состояние общественного мнения» — прощупывает и разведывает намерения людей; третье направление — «идеологическая линия» — выполняет миссию наблюдения за церковью и конгрегациями путем внедрения в их ряды специальных агентов.

Начиная с 1967 года Министерство внутренних дел получает свои собственные вооруженные подразделения — Войска особого назначения *(Fuerzas Especiales)*. В 1995 году они насчитывали пятьдесят тысяч человек. Эти ударные отряды тесно сотрудничали с 5-м управлением и службой личной охраны *(Direction de Seguridad Personal)*. Служба телохранителей Кастро, DSP, состояла из трех отрядов сопровождения, более чем по сотне человек в каждом. Служба личной охраны была усилена подразделением аквалангистов и военно-морским отрядом, ее задача — физическое прикрытие Фиделя Кастро. В 1995 году подразделения, выполнявшие эту работу, состояли из нескольких тысяч человек Сверх того специальные эксперты изучали возможные сценарии покушений на жизнь вождя, дегустаторы пробовали его еду, двадцать четыре часа в сутки в его распоряжении находилась специальная медицинская часть.

5-е управление специализируется на устранении оппозиционеров. Два убежденных противника режима Батисты, ставшие впоследствии антикастровцами, пали жертвами этого Управления: Элиас де ла Торрьенте, ликвидированный в Майами, и Альдо Вера, один из вождей городского восстания против Батисты, убитый в Пуэрто-Рико. Находящийся в изгнании в Майами Убер Матос вынужден окружить себя дежурящей днем и ночью вооруженной охраной. Заключения под стражу и допросы производились 5-м управлением в тюремном центре Вилья-Мариста в Гаване, старинном здании конгрегации «Братья общества Марии». Пытки — скорее психологические, нежели физические,.— прово-

дились в замкнутом пространстве, скрытом от посторонних глаз, заключенный оказывался в полной изоляции от внешнего мира.

Другое подразделение политической полиции, Генеральное разведывательное управление *(Direction General de lalnteligencid),* действовало в стиле классической разведывательной службы. Предпочтительными методами воздействия были шпионаж, контрразведка, внедрение агентов в управленческие структуры некоммунистических стран и в эмигрантские кубинские организации.

Можно подвести итоги репрессий 60-х годов: от семи до десяти тысяч человек расстреляны, число политических заключенных доходит до тридцати тысяч. Кастровский режим быстро сориентировался, как лучше распорядиться своими многочисленными политзаключенными, в частности участниками событий в горах Эскамбрай и Плая-Хирон — бухте Кабаньяс.

Военный отдел поддержки производства (UMAP), действовавший с 1964 по 1967 год, первым освоил опыт организации исправительных работ. Вступившие в строй с ноября 196 5 года заведения UMAP представляли собой настоящие концлагеря, где вперемешку содержались религиозные деятели (католические, среди которых находился сегодняшний архиепископ Гаваны монсеньор Хайме Ортега; протестантские; свидетели Иеговы), сутенеры, гомосексуалисты и всякие «потенциально опасные для общества» элементы. Заключенные сами строили свои бараки, в частности в провинции Камагуэй. «Социально опасные лица» подчинялись военной дисциплине, постепенно перераставшей в дурное обращение, недостаточное питание и изоляцию. Желая вырваться из этого ада, заключенные порой сами наносили себе увечья. Некоторые выходили из мест заключения с психическими расстройствами. Одной из главных функций UMAP было «перевоспитание» гомосексуалистов. Еще до создания этого карательного органа многие из них потеряли работу, чаще всего в сфере культуры; Гаванский университет стал ареной антигомосексуалистских «чисток», в порядке вещей было устраивать судилища над гомосексуалистами — публичные и по месту работы. Их вынуждали признать свои «пороки» и отказаться от них — иначе им грозило увольнение, после чего следовало заключение под стражу. Неоднократные международные протесты способствовали закрытию лагерей UMAP, просуществовавших два года.

В 1964 году программа исправительных работ воплощалась в жизнь на острове Сосен, называлась она «план Камильо Сьенфуэгоса». Заключенных распределяли по бригадам, разделенным в свою очередь на группы по сорок человек, *cuadrilla,* под управлением сержанта или лейтенанта; бригады были задействованы на сельскохозяйственных работах или добыче мрамора в карьерах. Условия труда были очень тяжелые, узники работали почти голыми, в одних кальсонах. Провинившихся в виде наказания заставляли стричь траву собственными зубами, других на несколько часов погружали в выгребные ямы.

Жестокость пенитенциарной системы отразилась не только на уголовниках, но и на политических. Прежде всего это выражалось в допросах, устраиваемых DTI *(Departamento Tёcnrco de Investigaciones)* — подразделением, уполномоченным вести следствие. DTI использовало методы изоляции и воздействия на психику заключенных: так, одна женщина ужасно боялась насекомых — ее запирали в камере, кишащей тараканами. Применялись в DTI и физические методы давления: заключенных принуждали подниматься по лестнице в обуви, наполненной свинцом, а затем сталкивали их вниз по ступенькам. Издеватель-

ства физические сочетались с психическими, с применением психотропных средств: заключенных заставляли принимать тиопентал и другие снотворные препараты, не разрешая при этом спать. В госпитале Масора исключительно с карательными целями, без всяких ограничений проводилось воздействие электрошоком. Тюремщики спускали сторожевых собак, создавали видимость близкой расправы; в карцерах отключали воду и электричество; длительным содержанием в одиночке добивались разложения личности узника.

Ответственность на Кубе считалась коллективной, наказание — тоже. Согласно этой установке применялось еще одно средство давления: близких заключенного подвергали социальным гонениям за политические взгляды их родственника; детей не принимали в университет, а супругов выгоняли с работы.

От «обычных» тюрем следует отличать тюрьмы, находящиеся в ведении служб госбезопасности, таких, как политическая полиция (GII). Тюрьма «Кило 5,5» (удаленная на 5,5 км от автострады Пинар-дель-Рио, что отражено в названии) — это тюрьма для особо опасных преступников, существующая и в наши дни. Управлял ею капитан Гонсалес, по прозвищу Эль Нато, и здесь содержались вперемешку и политзаключенные, и уголовники. В камеры, предназначенные для двоих, набивали по семь-восемь человек, спали прямо на полу. Карцеры заслужили название *Tostadoms* (тостеры) из-за нестерпимой жары, поддерживаемой в них и зимой, и летом. «Кило 5,5» была закрытым учреждением, где заключенные занимались ручным трудом. Существовало отделение, предназначенное для женщин. В Пинар-дель-Рио создавались специально оснащенные подземные камеры и залы для допросов. В течение нескольких лет там применяли пытки преимущественно психологического плана, в частности, активно прибегали к лишению сна, широко известному со времен репрессий 30-х годов в СССР. К прерыванию нормального ритма сна и нарушению представлений о времени добавлялись угрозы в адрес близких и шантаж, основанный на ограничении числа посетителей. В тюрьме «Кило 7» в Камагуэе охрана была особенно жестокой. В 1974 году в результате спровоцированной там драки погибли сорок заключенных.

Централ GII в Сантьяго-де-Куба, построенный в 1980 году, обладал отвратительным «преимуществом» — в нем были камеры с очень высокой и очень низкой температурой. Узников будили каждые двадцать-тридцать минут. Такое могло длиться месяцами. Раздетые, полностью отрезанные от внешнего мира, люди после психологических пыток начинали страдать необратимыми психическими расстройствами.

Самую печальную славу приобрела тюрьма Кабана, где были казнены Сори Марин и Каррерас. Даже в 1982 году здесь были расстреляны около ста заключенных. Кабана «специализировалась» на тесных карцерах, прозванных *ratoneras* (крысиными норами). Эта тюрьма была закрыта в 1985 году. Однако расправы не кончились, они продолжались в Колумбио, в Бониато — тюрьме для особо опасных преступников с беспримерно жестокими условиями содержания, где десятки политических заключенных умерли от голода. От страха быть изнасилованными уголовниками, некоторые политзаключенные обмазывались испражнениями. Вплоть до наших дней Бониато, знаменитая своими решетчатыми камерами, *tapiadas,* оставалась тюрьмой для смертников — как политических, так и уголовных. Десятки заключенных погибли там из-за отсутствия медицинской помощи. Свидетельства о необыкновенно суровых услови-

ях пребывания в этой тюрьме оставили поэты Хорхе Вальс, приговоренный к 7340 дням заключения, и Эрнесто Диас Родригес, а также команданте Элой Гутьеррес Менойо. В августе 1995 года в знак протеста против невыносимых условий содержания была объявлена совместная голодовка политзаключенных и уголовников. Узники, бастовавшие около месяца, жаловались на испорченные продукты и инфекционные болезни (тиф, лептоспироз).

В некоторых тюрьмах вновь стали использоваться железные клетки. В конце 60-х годов в тюрьме Трес-Масиос-дель-Орьенте клетки *(gavetas),* предназначенные для уголовников, были заняты политическими. Речь идет о камере шириной 1 метр, высотой 1,8 метра и длиной около десяти метров. В этом замкнутом пространстве, при невероятной скученности, отсутствии воды, в антисанитарных условиях, вперемешку держали политических и уголовников, порой месяцами.

В 60-е годы были введены в карательных целях ночные проверки *(requisas).* Посреди ночи заключенных будили и насильно выгоняли из камер. Подталкивая пинками, чаще всего по обнаженному телу, их заставляли собираться и ждать конца этой инспекции, лишь после этого позволяя вернуться в камеры. Порой такие мероприятия устраивались по нескольку раз в месяц.

Посещения родственников предоставляли надзирателям еще одну возможность поиздеваться над заключенными. В Кабане узников заставляли показываться перед семьями в обнаженном виде. Содержащиеся под стражей мужья присутствовали при личном — весьма нескромном — обыске своих жен.

Положение женщин в тюремном мире Кубы было еще более трагичным — они оказывались совершенно беззащитными жертвами садизма охранников. Начиная с 1959 года по политическим мотивам было осуждено свыше одиннадцати тысяч женщин. В 1963 году они были заточены в тюрьму Гуанахай. Собраны многочисленные материалы, свидетельствующие об избиениях и унижениях узниц; так, перед прохождением душа заключенные женщины должны были раздеться перед охранниками, и те осыпали их ударами. В лагере Потоси, неподалеку от Лас-Викториос-де-лас-Тунас, в 1986 году насчитывалось три тысячи заключенных женщин — преступниц, проституток и политических. В Гаване крупнейшей женской тюрьмой считается тюрьма Нуэво-Аменасер (Новая заря). Старинная сподвижница Кастро, в 60-е годы представлявшая Кубу в ЮНЕСКО, врач Марта Фрайде так описывала этот централ и царившие там нечеловеческие условия жизни: «Камера размером пять на шесть метров. Нас двадцать два человека, спим на койках, расположенных по две-три одна над другой. <...> В камере нас оказалось сорок два человека. <...> Несносные условия, невозможно соблюдать правила гигиены. Баки, предназначенные для мытья, заполнены нечистотами. Полная невозможность совершить свой туалет. <...> Нехватка воды. Никак не опорожнить нужники. Они наполняются, выходя из берегов. Слой испражнений растекается по всему пространству наших камер. Затем неудержимый поток затопляет коридор, лестницу, сливаясь в сад. <...> Политические поднимают такой шум, что тюремное руководство решает вызвать автоцистерну. <...> Стоячей водой из цистерны мы отмываем экскременты. Однако воды в цистерне недостаточно, и нам приходится п-опрежнему терпеть тошнотворную лужу, от которой удается избавиться лишь несколько дней спустя»[12].Один из крупнейших концентрационных лагерей Эль-Манби располагается в провинции Камагуэй. В 80-е годы там насчитывалось более трех тысяч

человек Лагерь Сибоней, известный отвратительными условиями содержания и скверным питанием, по-своему уникален благодаря находящемуся на его территории собачьему питомнику. Немецкие овчарки использовались для поисков беглых заключенных.

Существуют на Кубе и лагеря «строгого режима», где арестованные попадают в руки Рабочих советов заключенных *(Consejos de trabajo de lospresses),* выполняющих роль надсмотрщиков, подобно капо в нацистских лагерях: «советники» из числа заключенных судят и наказывают своих собственных товарищей.

Часто местное начальство самовольно увеличивало меру наказания. Нарушителю дисциплины к первоначальному сроку добавлялся новый. Второе наказание могло явиться следствием отказа носить арестантскую форму, неучастия в «планах реабилитации», объявления голодовки. Во всех этих случаях суды считали, что заключенный пытался совершить посягательство на государственную безопасность, и ходатайствовали о наказании за «преступление» *post delictum* («после преступления», *лат.).* Речь идет по сути о добавлении к тюремному сроку одного-двух лет лагерей принудительных работ. Нередко узники отбывали дополнительный срок, составлявший треть или половину первоначального срока. Бойтель, приговоренный к десяти годам лишения свободы, по данной системе «накопил» сорокадвухлетний срок тюремного заключения.

Расположенный неподалеку от Сантьяго-де-Лас-Вегас лагерь Арко-Ирис был задуман как место поселения полутора тысяч подростков. Такой лагерь не единственный: подобное заведение под названием «Нуэва-Вида» («Новая жизнь») существует и на юго-западе острова. В районе Палос находится Капатиолио — специальный лагерь для интернирования детей от десяти лет. Подростки трудятся на тростниковых плантациях или на кустарном производстве, подобно детям, которых в 80-е годы эфиопский режим и МПЛА (Народно-освободительное движение Анголы) посылали на стажировку на территорию Кубы. Другие обитатели тюрем и лагерей, гомосексуалисты, также испытали на себе все виды лагерного режима: за принудительными работами и УМАП следовали «классические» тюремные сроки. Иногда им предоставлялись отдельные помещения внутри тюрьмы, как, например, в Нуэва-Карсераль-де-Ла-Гавана-дель-Эсте.

Лишенный всяких прав заключенный тем не менее включался в «план реабилитации» — его готовили к возвращению в общественную и профессиональную жизнь социалистического общества. План предполагал прохождение трех этапов: первый назывался «период максимальной безопасности» и проводился в тюрьме; второй был назван «периодом средней безопасности» и проходил в исправительно-трудовых лагерях *(гранхас);* третий — «период минимальной безопасности» — в строительных и других мастерских на открытом воздухе *(фронтас).*

«Плановые» заключенные носили синюю форму, как уголовники. Таким способом режим пытался уравнять политических заключенных с уголовниками. Политических, отказывавшихся от участия в «плане», переодевали в желтую форму армии Батисты, что было чрезвычайно болезненно и оскорбительно для многих заключенных, в свое время убежденных борцов-антибатистовцев. Эти «недисциплинированные» заключенные, противившиеся выполнению «плана», решительно отвергали и ту, и другую одежду. Порой власти карали их, заставляя годами ходить в одних кальсонах — отсюда происходит их прозвище

кальсонсильос *(calzoncillos),* — а также лишая их встреч с близкими. Убер Матос — один из тех, кто испытал на себе подобную участь: «Долгие месяцы я прожил и без одежды, и без посещений. В изоляции я оказался только за то, что не стал подчиняться произволу начальства. <...> Все же я предпочел оставаться голым среди других таких же раздетых узников в условиях невыносимой тесноты».

Переход от одного этапа к другому зависел от решения «офицера-перевоспитателя»; как правило, он добивался смирения, изнуряя своего подопечного физически и морально. Бывший прислужник режима Карлос Франки так описывает эту систему перевоспитания: «Оппозиционер — это больной, а полицейский — его врач. Заключенный будет отпущен не ранее, чем начнет внушать доверие полицейскому. Если же он не согласится на курс лечения, время растянется на неопределенный срок».

Длительные сроки заключения арестованные отбывали в тюрьмах. Тюрьма Кабана, до своего закрытия в 1974 году, располагала специальными помещениями — и для военных (зона 1), и для гражданских лиц (зона 2). В зоне 2 насчитывалось свыше тысячи человек, распределенных по галереям в тридцать метров длиной и шесть метров шириной. Другие тюрьмы подчинялись GII — политической полиции.

Заключенные, приговоренные к небольшим срокам лишения свободы (от трех до семи лет), отправлялись на *фронтас. Гранхас* — новшество, изобретенное кастровцами. Это множество бараков, находящихся под присмотром охранников Министерства внутренних дел, которые имеют право стрелять по всякому, кто пытается бежать[13]. Окруженные рядами колючей проволоки и сторожевыми вышками, *гранхас* явно напоминают исправительно-трудовой лагерь советского образца. В каждом отделении барака размещаются от пяти до семи человек. Условия заключения ужасные: труд по двенадцать—пятнадцать часов в сутки, полная безнаказанность охранников, подгоняющих узников штыковыми ударами для ускорения темпа работы.

Фронтас — строительные и прочие мастерские на открытом воздухе, в некотором роде напоминающие сталинские «шарашки». Количество заключенных обычно колеблется от 50 до 100 человек, на крупных фронтас оно доходит до 200 человек И политические, и уголовники из гранхас производят сборные строительные элементы, работники фронтас собирают готовую продукцию. Заключенным фронтас в конце каждого месяца дается отпуск на три дня. По многочисленным свидетельствам, кормят здесь лучше, чем в лагерях. Мастерские (или строительные объекты) обособлены друг от друга, что облегчает управление, к тому же так уменьшается концентрация политических заключенных и снижается опасность возникновения очагов диссидентства.

Система подобного типа весьма выгодна с экономической точки зрения[14]. Например, все заключенные привлекались к уборке сахарного тростника. Папито Струч, управляющий всеми тюрьмами провинции Орьенте в южной части острова, заявил: «Заключенные — главная рабочая сила страны».

В 1974 году стоимость выполненных ими работ оценивалась в сумму, превышающую 348 миллионов долларов. Государственные учреждения постоянно прибегают к использованию подневольного труда. Около 60% рабочей силы, занятой на строительных объектах «Развития социальных и сельскохозяйственных работ» (DESA), — заключенные. Трудятся узники и на десятках ферм в Лос-Вальес-де-Пикадура. На их примере демонстрируется благотворное влияние труда на процесс перевоспитания. Множество высокопоставлен-

ных гостей, вплоть до глав государств, такие как Леонид Брежнев, Хуари Бумедьен и Франсуа Миттеран, посетили эти заведения.

Все средние провинциальные школы построены политическими заключенными, вольнонаемный труд использовался минимально, были привлечены всего несколько специалистов. В Орьенте и Камагуэ заключенные построили более двадцати политехнических школ. Благодаря их труду на всей территории острова появляются сахарные заводы. Еженедельник *«Боэмия»* подробно рассказывает о сооружениях, возведенных руками тюремных жителей: молочных фермах, животноводческих центрах в провинции Ла-Гавана; плотницких мастерских и средних школах в Пинар-дель-Рио; свинарнике, молочной ферме, плотницкой мастерской в Матансасе; двух школах и десяти молочных фермах в Лас-Вильясе... Планы работ год от года становятся все более грандиозными, и для их осуществления требуется все большее число заключенных.

В сентябре I960 года Кастро создает Комитеты защиты революции (CDR). Эти комитеты действуют на уровне жилого квартала, за каждую группу домов назначается ответственный, ему вменяется в обязанность отслеживать «контрреволюционные» происки подведомственных жителей. Подобное разделение территории на участки было тщательно отработано. Члены комитета проводили собрания CDR и принимали участие в обходах домов с целью расстроить планы «вражеского проникновения». Такая система надзора и доносительства привела к тому, что доверия и преданности больше не существует даже в семьях.

Целесообразность CDR была убедительно доказана в марте 1961 года, когда по приказу главы службы госбезопасности Р. Вальдеса организуется гигантская облава, проведенная за два выходных дня. По спискам, составленным CDR, задержаны более ста тысяч человек, несколько тысяч из них препровождены в центры предварительного заключения, оборудованные на стадионах, в жилых домах или в спортивных залах.

Глубоким потрясением для кубинского общества явилось массовое бегство из порта Мариель в 1980 году. Этому исходу в немалой степени способствовали организованные CDR «обличения предателей» *(actos de repudid),* призванные отстранить от общественной жизни и морально подавить всех оппозиционеров и членов их семей, именуемых отныне не иначе как *gusanos* (земляные черви). Перед жилищем инакомыслящего собирается озлобленная толпа, забрасывающая дом камнями и поносящая его обитателей. Стены расписываются кастровскими лозунгами и оскорблениями. Полиция не вмешивается до тех пор, пока «массовая революционная акция» не станет физически опасной для жизни жертвы. Подобная практика, разжигающая чувство взаимной ненависти среди жителей маленького острова, где все знакомы со всеми, напоминает линчевание. Акты «обличения предателей» способствуют разрыву отношений между соседями, расшатывают социальные структуры; в такой атмосфере легче навязать идею всемогущества социалистического государства. У жертвы, освистанной с криками: «Прочь, земляной червь!», «Агент ЦРУ!» и, разумеется, «Вива, Фидель!», нет никакой возможности защитить себя юридически. Председатель кубинского Комитета по правам человека Рикаро Бофиль в 1988 году был подвергнут акту «обличения». В 1991 году жертвой подобной процедуры становится глава христианского движения «Освобождение» Освальдо Пайяс Сардинас. Тем не менее, многие кубинцы выражали свое отвращение к нагнетанию всеобщей ненависти, и тогда власти при проведении очередного мероприятия по «обличению» стали привлекать нападающих из чужих кварталов.

Согласно статье 16 Конституции Республики Куба, государство «организует, управляет и контролирует хозяйственную деятельность в соответствии с единым планом социально-экономического развития». За этой коллективистской риторикой скрывается реальность куда более прозаическая: гражданин Кубы в собственной стране не распоряжается ни своей рабочей силой, ни своими деньгами. В 1980 году по всей стране прокатилась волна недовольств и беспорядков, после чего службы госбезопасности провели в различных провинциях рейды по разгону стихийных сельских базаров; по стране была развернута широкомасштабная кампания борьбы со спекуляцией на черном рынке.

Принятый в марте 1971 года закон № 32 предусматривал карательные меры за прогул на работе. В 1978 году утвержден закон о предупреждении правонарушений. Иными словами, отныне каждый житель Кубы мог быть арестован под любым предлогом, если, по мнению властей, он представлял опасность для государства, пусть он и не предпринял никаких действий в этом направлении. На деле закон этот объявлял преступлением проявление любого несогласия с канонами режима. Более того, каждый гражданин считался отныне потенциально подозрительным.

Используя опыт UMAP, режим принуждал работать тех, кто проходил обязательную военную службу. Созданная в 1967 году Юношеская колонна имени Столетия революции[15] в 1973 году преобразована в Рабочую молодежную армию *(El Ejercito Juvenil del Trabajo).* Это была полувоенная организация, где молодежь трудилась на полях и стройках, часто в тяжелейших условиях и с напряженнейшим графиком, за жалкую зарплату в 7 песо, что в 1997 году соответствовало третьей части доллара.

Такая милитаризация общества проводилась вплоть до начала войны в Анголе. Каждый кубинец после прохождения военной службы должен был представить в военкомат свое удостоверение с последующим его предъявлением каждые шесть месяцев для подтверждения социального статуса (места работы, адреса).

Начиная с 60-х годов кубинцы «голосуют веслами». Массовое бегство с Кубы первыми предприняли рыбаки в 1961 году. Кубинский бальсеро (плотовщик), подобно своему собрату — эмигранту из Юго-Восточной Азии, покидающему страну на подвернувшемся судне, стал явлением столь же привычным на Острове свободы, как сборщик сахарного тростника. Кастро весьма тонко использует изгнание как инструмент для урегулирования внутренних общественных конфликтов. Поток беженцев, возникший с начала описываемых событий, не иссякал до середины 70-х годов. Эмигранты добирались до Флориды или до американской базы Гуантанамо.

Об этом привычном для Кубы явлении становится известно всему миру лишь во время апрельского кризиса 1980 года. Измученные невыносимыми условиями существования, тысячи кубинцев осаждают посольство Перу в Гаване, требуя у властей получения выездных виз. Через несколько недель те дают разрешение ста двадцати пяти тысячам из них (общее число проживавшего тогда на Кубе населения составляло десять миллионов) покинуть страну на судне, отходившем из порта Мариель. Кастро воспользовался предоставившейся возможностью «отпустить на свободу» психически больных и мелких правонарушителей. Массовый исход стал явным свидетельством всеобщего непризнания существующего строя, поскольку так называемые *маривлитос* принадлежали к самым обездоленным слоям общества, обычно служившим опорой режима. Бе-

лые, черные, мулаты — преимущественно молодые — дружно спасались от кубинского социализма. После Мариеля многие кубинцы стали записываться в очередь на предоставление права выезда из страны. Прошло почти двадцать лет, а они по-прежнему ждут разрешения.

Летом 1994 года Гавана впервые после 1959 года становится местом жестоких стычек. Желающие выехать из страны, не сумевшие отплыть на *бальсас* — импровизированных паромах, — сталкиваются с полицейскими. На улицах квартала Коломб и на набережной *Малекон* в Гаване происходит настоящее побоище. При установлении порядка арестованы несколько десятков человек, но в конце концов Кастро все же дает согласие на эмиграцию еще двадцати пяти тысяч кубинцев. С тех пор отъезды не прекращались, и американские базы в Гуантанамо и в Панаме наводнились добровольными изгнанниками. Кастро снова попытался сдержать бегство на плотах, посылая вертолеты, забрасывавшие утлые суденышки мешками с песком. В течение лета 1994 года при таких переправах погибли около семи тысяч человек. В целом подсчитано, что не добирается до цели примерно треть беглецов. За тридцать лет попытку побега морским путем совершили от двадцати пяти до тридцати пяти тысяч кубинцев. В результате многочисленных потоков эмиграции 20% кубинских граждан живут вдали от родины. На общее число населения в 11 миллионов человек приходится 2 миллиона кубинцев, проживающих за пределами острова. Отъезд разрушил многие семьи, разбросанные теперь где-то между Гаваной, Майами, Испанией и Пуэрто-Рико...

С 1975 по 1989 год Куба оказывала поддержку коммунистическому режиму, установленному Народным движением за освобождение Анголы (МПЛА), в оппозиции к которому находился Национальный союз за полную независимость Анголы (УНИТА) под руководством Жонаса Савимби. Помимо бесчисленных специалистов и десятков технических советников Гавана послала туда экспедиционный корпус в пятьдесят тысяч человек[16]. Кубинская армия вела себя в Африке, как на завоеванной территории. Незаконная торговля (серебром, слоновой костью, алмазами) и коррупция были в порядке вещей. После разрешения конфликта путем подписания в 1989 году соглашений в Нью-Йорке кубинские формирования, большей частью состоявшие из чернокожих солдат и офицеров, вернулись на родину. Потери в живой силе расцениваются примерно от семи до одиннадцати тысяч человек

Этот опыт расшатал моральные устои офицерского состава. Генерал Арнольдо Очоа — глава экспедиционного корпуса в Анголе и, кроме того, член Центрального комитета Коммунистической партии Кубы — совершает попытку заговора с целью свержения Кастро. Арестованный генерал осужден военным трибуналом вместе со многими высшими военными чинами и руководителями службы госбезопасности. Среди осужденных — братья Гуардия, замешанные в незаконной торговле наркотиками и действовавшие по поручению службы МС, спецподразделения, испанскую аббревиатуру которого кубинцы расшифровывают как «Марихуана и Кокаин». Очоа, привезший из Анголы лишь немного слоновой кости и алмазов, к наркотикам не имел никакого отношения. В действительности Кастро просто ухватился за возможность избавиться от потенциального соперника, обладающего достаточным авторитетом и политическим весом, чтобы направить царящее в обществе недовольство в нужное для себя русло. После осуждения и казни Очоа в армии была проведена «чист-

ка», еще более дестабилизировавшая и ослабившая её. Принимая во внимание озлобленность офицерства по отношению к режиму, Кастро назначает на пост министра внутренних дел генерала, сподвижника Рауля Кастро, принеся в жертву его предшественника, обвиненного в «коррупции» и «халатности». Отныне режим может рассчитывать лишь на слепую преданность спецслужб.

В 1978 году число заключенных по политическим мотивам колебалось между 15 000 и 20 000 человек. Многие из них — бывшие участники «Движения 26 июля», антибатистовских студенческих движений, партизанских отрядов, ветераны сражений в Эскамбрай и бухте Кабаньяс. В 1986 году[17] в пятидесяти «региональных» тюрьмах, рассредоточенных по всей территории острова, насчитывалось от 12 000 до 15 000 политзаключенных. К этому числу теперь следует добавить многочисленные фронтас с бригадами в пятьдесят, сто и даже двести заключенных. Многие фронтас были организованы в городских условиях. Так, к концу 80-х годов в одной только Гаване их насчитывалось шесть. Сегодня правительство признает существование четырехсот — пятисот политических заключенных. Тем не менее весной 1997 года по Кубе прокатилась новая волна арестов. Если верить высказываниям кубинских борцов за права человека, которые зачастую сами прошли через тюрьмы, на Кубе больше не пытают физически. По словам тех же правозащитников и по данным «Международной амнистии», в 1997 году на Кубе насчитывалось от 980 до 2500 политзаключенных (мужчин, женщин и подростков).

Начиная с 1959 года свыше ста тысяч кубинцев испытали на себе ужасы лагерей, тюрем и исправительно-трудовых лагерей. От 15 000 до 17 000 человек были расстреляны. «Нет хлеба без свободы, нет свободы без хлеба», — провозгласил в 1959 году молодой адвокат Фидель Кастро. Впрочем, по замечанию одного диссидента, высказанному им до введения «специального режима питания», последовавшего за окончанием советской помощи, «тюрьма, пусть даже заваленная продуктами, все равно остается тюрьмой».

В 1994 году Кастро — тиран, бросивший вызов времени, свидетель провала своего режима и лишений, переживаемых Кубой, — снова заявил, что «скорее умрет, чем отречется от революции». Какую цену предстоит еще уплатить кубинцам, чтобы насытить его гордыню?

НИКАРАГУА: ПРОВАЛ ТОТАЛИТАРНОГО ПЛАНА

Никарагуа — маленькое государство в Центральной Америке, приютившееся между Сальвадором и Коста-Рикой, с устойчивыми традициями кровавых политических потрясений. В течение нескольких десятилетий власть в стране удерживало семейство Сомоса, глава которого — генерал Анастасио Де-байле Сомоса — в 1967 году был «избран» президентом Республики*. Постепенно, при поддержке грозной Национальной гвардии, семейство Сомоса прибрало к рукам более 25% эксплуатируемых земель, большую часть табачных, сахарных, рисовых, кофейных плантаций, а также множество заводов.

Подобное положение вызвало всплеск вооруженных выступлений оппозиционных сил. Карлос Фонсека Амадор и Томас Борхе, вдохновленные кубин-

* Сомоса Дебайле Анастасио (1925—1980), президент Никарагуа в 1967—1972 и в 1974— 1979 годах. Продолжал диктаторскую политику отца — Анастасио Сомосы (1896—1956), президента Никарагуа в 1936—1947, 1950—1956 годах. *(Прим. ред.)*

ским революционным опытом, основывают Сандинистский фронт национального освобождения (СФНО), названный в честь Сесара Сандино, убитого в 1934 году офицера, организовавшего партизанское движение еще в довоенные годы. Фронт, не пользующийся поддержкой извне, с трудом разжигал новые очаги восстаний. В 1967 году начались волнения в Манагуа, тогда на улицах столицы от пуль Национальной гвардии погибли не менее двухсот человек После убийства в 1978 году по приказу диктатора Сомосы владельца либеральной газеты *«La Prensa»* Педро Хоакина Чаморро, СФНО, теперь уже несколько лет поддерживаемый Кубой, вновь разворачивает партизанские действия. На этот раз речь идет о настоящей гражданской войне между Фронтом и сомосовской гвардией. 22 февраля 1978 года восстает город Масая. В августе команданте Эден Пастора захватывает президентский дворец Сомосы в Манагуа и добивается освобождения многих руководителей СФНО. В сентябре Национальная гвардия, пытаясь вернуть утраченные позиции, сбрасывает на город Эстели напалмовые бомбы; происходят жестокие уличные бои, унесшие жизни многих мирных жителей. 16О 000 человек бегут из Никарагуа в соседнюю Коста-Рику. В апреле 1979 года вооруженные восстания вспыхивают с новой силой не только в городах Эстели и Леон, но и в Гранаде. На этот раз революционные силы сумели лучше организовать и скоординировать свои действия, чем год назад, им удалось поднять против сомосовцев почти все население и победить. В июне взбунтовалась столица, Манагуа, и 17 июля 1979 года лишенный международной помощи диктатор был вынужден покинуть страну. Гражданская война и репрессии унесли порядка 25 000—35 000 жизней, сандинисты приводят цифру в 50 000 жертв. В любом случае это чрезмерно дорогая цена для страны с трехмиллионным населением.

Ортега—Пастора: два революционных пути

Оба они — никарагуанцы, с молодых лет прошедшие курс обучения в застенках Сомосы. Пастора — выходец из средней сельской буржуазии, во времена победы *барбудос* на Кубе ему едва исполнилось двадцать лет. Ортега родился в 1945 году в простой семье. D начале 60-х годов он активный борец против режима и член многочисленных антисомосовских молодежных организаций.

Сандинистский фронт национального освобождения, созданный в 1961 году Карлосом Фонсекой Амадором и Томасом Борхе, в той или иной мере явился объединением различных общественных течений. Впрочем, двое его основателей не скрывали расхождений во взглядах. Амадор — кастровец, в то время как Борхе объявляет себя сторонником Мао Цзэдуна. Несколько лет спустя в недрах СФНО формируются три течения. Первое — «Затяжная народная война» (ЗНВ, маоистского толка) — ставит на первое место борьбу в деревне. Марксистско-ленинское, или «пролетарское», направление, представленное Амадором и Джеймсом Уилоком, опиралось на зарождающийся пролетариат. Третье течение — «повстанческое» — объединило в своих рядах марксистов-диссидентов и демократов, стремившихся придать организованность городскому восстанию. Именно к этому направлению принадлежал Пастора, начинал с таких взглядов и Ортега, позднее примкнувший к «пролетариям». Лзниель Ортега пришел в революцию по политическим убеждениям, а Пастора — чтобы отомстить за отца, оппозиционного демократа, убитого гвардейцами Сомосы. После вооруженных выступлений 1967 года, вызванных фальсифицированными президентскими выборами. Пастора был арестован. Его подвергали пыткам, заставляя пить собственную кровь. Выйдя на

свободу, он готовится отомстить своим истязателям. К нему присоединяются два повстанца — Дэниель и Умберто Ортега. Позднее Лэниель Ортега попадает в лапы сомосовской полиции. Эден Пастора продолжает работу по организации партизанской войны. На встрече с Фиделем Кастро он вновь подтверждает свою приверженность парламентской демократии и завязывает связи с демократами центрально-американских стран — костариканцем Фугересом и панамцем Торрихосом. Ортега был освобожден в 1974 году в обмен на взятого в заложники одного видного сомосовского деятеля. Первым же самолетом он спешно отправляется в Гавану. Пастора продолжает руководить своими сторонниками.

В октябре 1977 года в нескольких никарагуанских городах проходят организованные восстания. Не выдержав ударов гвардии и бомбежек сомосовской авиации. Пастора и Ортега отступают в джунгли. В январе 1978 года вся страна охвачена пламенем войны. В августе того же года Пастора берет штурмом Палату депутатов и добивается освобождения всех политических заключенных, в их число попадает Томас Борхе. Ланиель Ортега курсирует между Гаваной и северным фронтом Никарагуа. Во время атаки на Масаю погибает один из братьев Даниеля, Камильо Ортега. Хорошо организованное, опирающееся на помощь кубинских советников восстание добивается успеха. Укрывавшиеся прежде на Кубе члены СФНО возвращаются в Никарагуа. К югу от Манагуа Пастора и его бойцы упорно сражаются с элитными гвардейскими частями.

После победы сандинистов в июле 1979 года Пастора оказывается на посту заместителя министра внутренних дел, в то время как Ортега, что и неудивительно, избран президентом Республики. Ортега открыто равняется на Кубу. В Манагуа стекаются военные советники и кубинские интернационалисты. Пастора, вновь подтверждающий свою преданность парламентской демократии, оказывается в одиночестве. Разочарованный Эден Пастора в июне 1981 года уходит в отставку и организует вооруженное сопротивление на юге страны.

Победившие антисомосовцы тотчас объединились в Руководящий совет (хунту) Правительства национального возрождения, в состав которого вошли представители различных политических сил — социалисты, коммунисты, демократы и умеренные. Здесь разрабатывается программа реконструкции из пятнадцати пунктов, предусматривающая установление демократического режима, основанного на всеобщем избирательном праве и свободе объединений в политические партии. Но пока в руках хунты, где явно преобладают сандинисты, сосредоточилась исполнительная власть.

Хунта признает приоритетность отношений с Кубой[18], не исключая при этом участия западных стран в национальном возрождении Никарагуа, где убытки, причиненные гражданской войной, оцениваются в 800 миллионов долларов. Тем не менее очень скоро демократов отстраняют от дел. В марте 1980 года уходит в отставку вдова Педро Хоакима Чаморро Виолетта Чаморро — одна из крупнейших фигур антисомосовского движения, вскоре за ней последовал другой лидер, Адольфо Робело. Оба они осуждали господство СФНО в Государственном совете.

В условиях политического кризиса руководимая СФНО хунта приводит в действие тайную полицию. Сандинисты создают собственные вооруженные силы, превращая 6000 повстанцев 1979 года в организованную армию, которая десять лет спустя будет насчитывать 75 000 человек. Обязательная военная служба вводится с 1980 года: мужчины с семнадцати до тридцати пяти лет под-

лежат мобилизации и попадают под юрисдикцию военных трибуналов, созданных в декабре 1980 года. Любой студент, не прошедший курса военной подготовки, не мог надеяться на получение диплома. Такая армия была воплощением мечты, зародившейся во время эйфории побед, которые одерживались одна за другой по всей Центральной Америке, начиная с Сальвадора. С января 1981 года власти этой страны сообщают о набегах сандинистских боевиков на свою территорию.

Новая власть создает чрезвычайные суды. Декрет № 185 от 5 декабря 1979 года учреждал специальные отделения суда для рассмотрения дел бывших бойцов Национальной гвардии и сторонников Сомосы среди гражданских лиц. Сандинисты собирались судить «сомосовских преступников» подобно тому, как кастровцы судили «батистовских преступников». Заключенные осуждались в соответствии с Уголовным кодексом, действующим на момент совершения правонарушения, в то время как полномочия чрезвычайных судов выходили за пределы обычной юридической системы, и апелляция могла быть подана лишь в апелляционный суд тех же чрезвычайных трибуналов. От таких методов было невозможно защититься — так создавалась особая судебная практика за рамками обычного юридического аппарата. Судебные процессы были полны беззаконий. Так, часто преступления рассматривались без какого бы то ни было конкретного доказательства их совершения. Судьи не принимали во внимание презумпцию невиновности, и обвинения основывались скорее на понятии коллективной ответственности, нежели на доказательстве индивидуальной виновности. Приговоры порой выносились без малейшего фактического подтверждения преступных действий.

Репрессии подобного масштаба нуждались в соответствующем органе, способном их осуществлять. 15 000 сотрудников Министерства внутренних дел тотчас распределили страну на участки. Функции политической полиции были возложены на специальную службу *Direction General de Securidad del Estado* (DGSE) — Генеральное управление государственной безопасности. Созданное с помощью кубинских сотрудников GII, DGSE напрямую подчинялось Министерству внутренних дел. В его обязанности входили аресты и допросы политических заключенных, а также проведение пыток, технику которых преподавали кубинские и восточногерманские эксперты. Подразделения регулярной армии часто арестовывали и держали под стражей в военных лагерях в течение нескольких дней подозрительных гражданских лиц из отдаленных сельских районов, после чего отправляли их в DGSE. Допросы велись в централе Чипоте, в военном комплексе «Герман-Помарес» — военной зоне, расположенной у подножия вулкана Лома-де-Тискапа, прямо за отелем «Интерконти-ненталь» в Манагуа. Два члена Социал-христианской партии Хосе Родригес и Хуана Бландон подтверждают факты шантажа родственников заключенных, а также использование метода прерывания сна. В арсенале органов госбезопасности имелось множество способов унизить заключенного. Узников запирали в крошечные темные камеры кубической формы, называемые *чикитас* (малютки). Человек не мог принять сидячего положения, поскольку площадь пола не превышала одного квадратного метра. В камерах была кромешная темнота, полное отсутствие свежего воздуха и какой бы то ни было санитарной техники. Порой узников держали в таких условиях больше недели. Допросы устраивались в любое время дня и ночи. Иногда под дулом пистолета или с инсценировкой скорой казни и угрозами убийства. Некоторых заключенных после ареста

лишали пищи и воды. После нескольких дней заточения многие из них были доведены до такого физического изнеможения, что в конце концов подписывали ложные показания, сознаваясь в инкриминированных им преступлениях.

15 марта 1982 года хунта объявляет военное положение, что позволяет закрыть независимые радиостанции, отменить право на собрания, ограничить свободы профсоюзов — эти организации оказались настроенными враждебно, в то время как им отводилась роль прислужников властей, способствующих упрочению режима. Одновременно преследованиям подвергаются религиозные меньшинства — протестанты, моравские братья и свидетели Иеговы. В июне 1982 года, по данным «Международной амнистии», в тюрьмах страны содержались 4000 человек, многие из них — сомосовские гвардейцы, несколько сотен — политические заключенные. Год спустя число заключенных оценивалось в 20 000 человек Первые итоги, подведенные к концу 1982 года Постоянной комиссией по правам человека, выявляют многочисленные еще более серьезные факты, такие как «исчезновения» арестованных «контрреволюционеров» и убийства «при попытке к бегству».

Параллельно с запуском репрессивной системы режим добивается строжайшей экономической централизации: государство контролирует свыше 50% средств производства. Все жители вынуждены признать социальную модель, навязанную СФНО. По образу и подобию Кубы молодая сандинистская власть наводняет страну массовыми организациями. В каждом квартале создается свой Комитет защиты сандинизма (CDS), исполняющий ту же функцию, что и кубинские Комитеты защиты революции, — надзор над жителями. Дети, охваченные школьным обучением лучше, чем при Сомосе, также объединены в пионерские организации под названием *Камильитос (Camillitos)* — в честь убитого в Масае Камильо Ортеги, брата сандинистского лидера Даниеля Ортеги. Женщины, рабочие и крестьяне вербуются в различные «ассоциации», жестко контролируемые СФНО. Ни одна политическая партия не располагает никакой реальной свободой. Прессу заставляют молчать, журналисты подвергаются беспощадной цензуре. Подобную политику прекрасно охарактеризовал Жиль Батайон: сандинисты претендуют на «всеобъемлющий захват социального и политического пространства»[19].

Сандинисты и индейцы

На атлантическом побережье Никарагуа проживали около 150 000 индейцев: мискито, суму и рама, а также креолы и ладино. Долгое время они пользовались автономией, дававшей им важное преимущество, унаследованное от колониальной эпохи: освобождение от налогов и воинской повинности. Сандинисты не замедлили напасть на эти общины, те в свою очередь решительно поднялись на защиту своей земли и своего языка. В октябре 1979 года был убит глава области Альпромису Листер Атдерс, произошло это через два месяца после его ареста. В начале 1981 года арестованы национальные лидеры Мисурасата — политической организации, объединяющей представителей различных племен. 21 февраля армейские силы, обрушившиеся на учителей грамоты, убили семерых и ранили семнадцать представителей мискито. 23 декабря 1981 года в Леймусе сандинистская армия перебила семьдесят пять шахтеров, требовавших выплаты задержанной зарплаты. На следующий день той же участи удостоились еще тридцать пять шахтеров.

Другой маневр сандинистской политики состоял в перемещении населения под предлогом «защиты от вооруженных нападений бывших сомосовских гвардейцев, обосно-

вавшихся в Гондурасе». В ходе этой операции армия совершила множество преступлений. Тысячи индейцев (по примерным расчетам тех лет, от 7000 до 15 000) укрылись в Гондурасе, 14 000 индейцев были заключены под стражу в Никарагуа. Сандинисты стреляли в беглецов, переправлявшихся через реку Рио-Коко. Сложившаяся тяжелейшая ситуация — массовое истребление, перемещение населения и вынужденное изгнание за пределы страны — позволила этнологу Жилю Батайону говорить о «политике этноцида».

Авторитарные методы администрации Манагуа вызвали протест со стороны индейских племен, выступивших единым фронтом в двух партизанских движениях — Мисура и Мисурата. Партизанские отряды состояли вперемешку из индейцев сумо, рама и мискито, чей общинный образ жизни был несовместим с политикой интеграции, проводимой команданте из Манагуа.

На заседании Совета министров Эден Пастора в негодовании воскликнул: «Лаже тиран Сомоса оставил их в покое. Если он их только эксплуатировал, то вы хотите их насильно пролетаризировать!» Крайне маоистски настроенный министр внутренних дел Томас Борхе возразил ему, что «Революция ни для кого не допустит исключения».

Правительство приняло решение, и сандинисты начали осуществлять принудительную ассимиляцию. Военное положение, объявленное в марте 1982 года, длилось до 1987 года. Начиная с 1982 года сандинистская Народная армия «переселила» в глубь страны около десяти тысяч индейцев. Грозным оружием в руках режима становится голод. Правительственные чиновники выдали сгруппированным в центре страны индейцам строго ограниченное количество продуктов. Первые же годы сандинистского правления на побережье Атлантики характеризуются многочисленными злоупотреблениями, очевидными нарушениями прав человека и систематическим уничтожением индейских деревень.

Вся страна, от севера до юга, взбунтовалась против явно тяготеющего к тоталитаризму диктаторского режима Манагуа. Началась новая гражданская война, затронувшая многие регионы, такие как Хинотега, Эстели, Нуэва-Сеговия на севере, Матагальпа и Боако в центре, Зелая и Рио-Сан-Хуан на юге. 9 июля 1981 года почитаемый всеми команданте Зеро, он же заместитель министра обороны Эден Пастора, порывает с СФНО и покидает Никарагуа. Организованные отряды, оказавшие сопротивление сандинистам, обозначаются словом «контрас», то есть контрреволюционеры. На севере под эгидой Никарагуанского демократического движения (FON) бок о бок сражаются бывшие сомосовцы и подлинные либералы. На юге, в Коста-Рике, бывшие сандинисты при поддержке крестьян, отказывающихся от коллективизации, и индейцев, перебежавших в Гондурас и Коста-Рику, учреждают Демократический революционный союз (ARDE), политическим главой которого становится Адольфо Робело, а военачальником — Эден Пастора.

В апреле 1983 года для борьбы против оппозиционных формирований государство основывает Антисомосовские народные суды (TPA), предназначенные для тех, кто находится под следствием по обвинению в связях с контрас, и участников военных операций. Такие преступления, как неповиновение властям и саботаж, также рассматривались TPA. Члены TPA назначались правительством из числа лиц, состоявших в одной из ассоциаций СФНО. Адвокаты, набранные чаще всего из простых судейских служащих, довольствовались соблюдением обычных формальностей. Как правило, TPA признавали в качестве доказательств внесудебные свидетельства, собранные не следствием, а другими инстанциями. АНС были распущены в 1988 году.

Новая гражданская война набирает силу. Самые жестокие бои ведутся с 1982 по 1987 год на севере и юге страны, бесчинствуют обе стороны. Никарагуанский конфликт протекает в контексте противостояния Востока и Запада. командным составом Сандинистскую народную армию обеспечивает Куба, ее представители есть в каждой армейской части. Присутствуют кубинцы даже на заседаниях Совета министров в Манагуа, а Фидель Кастро не отказывается от роли наставника никарагуанских команданте. Эден Пастора, еще до своего ухода в оппозицию, был ошеломлен, наблюдая за весьма необычной сценой в Гаване: сандинистское правительство в полном составе собрано в кабинете Кастро, который каждому дает советы по управлению сельским хозяйством, обороной и внутренними делами. Манагуа целиком зависел от Кубы. Главным военным советником одно время был кубинский генерал Арнольдо Очоа. В такой обстановке, при поддержке болгар, восточных немцев и палестинцев, сандинисты осуществляют перемещение населения на большие расстояния.

В 1984 году правительство, желая придать себе демократическую внешность и обзавестись новой легитимностью, организовало президентские выборы. В мае 1984 года в речи Баярдо Арсе, одного из девяти руководителей национального управления СФНО, с особой ясностью обрисовываются намерения сандинистов: «Мы полагаем, что выборами нужно воспользоваться для доказательства того, что за сандинизм проголосуют все, поскольку именно сандинизм ставится под сомнение и подвергается осуждению со стороны империалистов. Выборы позволят продемонстрировать, что, как бы то ни было, никарагуанский народ выступает за тот самый сандинизм и за марксизм-ленинизм. <...> Теперь подумаем о том, как положить конец хитрым уловкам плюралистов и существованию социалистической партии, коммунистической партии, социал-христианской партии и социал-демократической партии; до сегодняшнего дня они еще бывали нам полезны. Но теперь пришло время покончить со всем этим...» И Баярдо Арсе предлагает своим собеседникам из Никарагуанской социалистической партии (просоветской ориентации) слиться в единую партию[20].

Опасаясь насилия со стороны т*урбас* — головорезов из сандинистской партии, кандидат консерваторов Артуро Крус снял свою кандидатуру, и избран был, естественно, Даниель Ортега, что, впрочем, не способствовало успокоению страны. В 1984—1985 годах правящий режим не раз предпринимает крупномасштабные наступления на непокорных антисандинистов. В 1985—1986 годах войска Манагуа обрушиваются на приграничные с Коста-Рикой районы. Несмотря на поддержку части местного населения, Эден Пастора в 1986 году прекращает бои и вместе со своими людьми укрывается на территории Коста-Рики. Начиная с 1985 года в разделенной сандинистскими командос на участки Москитии наблюдаются лишь единичные всплески сопротивления. Военные силы *контрас* и антисандинистского сопротивления разбиты, но не уничтожены.

Правительство оправдывает введенную им отмену многих политических и гражданских свобод действиями *контрас.* Ко всему этому добавляется эмбарго, объявленное Соединенными Штатами 1 мая 1985 года (впрочем, смягченное действиями европейских стран), внешний долг страны стремительно растет, в 1989 году инфляция достигает высшей точки — 36 000%. Правительство вводит продовольственные карточки. Более 50% бюджета уходит на военные расходы. Государство не в состоянии вывести народ из нужды; острая нехватка молока и мяса; кофейные плантации опустошены войной.

В 1984—1986 годах по сельским районам прокатилась лавина арестов. Уполномоченный СФНО Карлос Нувес Тельос отстаивал идею продления сроков предварительного заключения, ссылаясь на «необходимость, вызванную затруднениями при проведении в сельской местности сотен допросов». Члены оппозиционных партий — либералы, социал-демократы, христианские демократы, оппозиционные синдикалисты — арестовывались по обвинению в деятельности, «благоприятствовавшей врагу». Во имя «защиты Революции» DGSE все чаще отдает приказы об арестах. Никаких обжалований. Известная своей беспощадностью тайная полиция наделена полномочиями арестовывать любую подозрительную личность и бесконечно долго держать ее в заточении, в полной изоляции, не предъявляя обвинений. Условия содержания узника и его контакты с адвокатом и близкими также зависят от тайной полиции. Некоторым заключенным так никогда и не довелось связаться со своим адвокатом.

Отдельные тюремные заведения отличались особой жестокостью. Так, в Лас-Техасе узники вынуждены постоянно находиться в стоячем положении, не имея возможности согнуть ни рук, ни ног. Все камеры по одной модели: без электричества и санитарных узлов. Иногда заключенных держали в таких условиях месяцами. После разоблачительной кампании, проведенной правозащитными организациями, в 1989 году были уничтожены *чикитас.* По данным «Международной амнистии», в централах DGSE было не очень много смертных случаев. Тем не менее, по официальной версии, от «сердечного приступа» скончались Данил о Росалес и Соломон Тельевия. В 1985 году заключенный Хосе Анхель Вильчис Тихерино, сам испытавший на себе удары прикладом, стал свидетелем смерти одного из своих товарищей по заключению, наступившей от избиений. «Международная амнистия» и другие неправительственные организации разоблачили немало злоупотреблений, совершенных в сельских районах. По заявлению одного из узников тюрьмы Рио-Бланко в Матагальпе, его с двадцатью другими заключенными заперли в тесной камере, и они вынуждены были спать стоя. Еще одному заключенному, лишенному в течение пяти дней пищи и воды, чтобы выжить, приходилось пить собственную мочу. В ходу были и пытки электричеством.

Пенитенциарная система Никарагуа скопирована с кубинской модели. Закон о помиловании от 2 ноября 1981 года, составленный по образцу аналогичных кубинских документов, ставил решение об освобождении заключенного в зависимость от его поведения. Вскоре закон достиг предела своих возможностей. И хотя сотни приговоренных чрезвычайными судами заключенных были помилованы, никаких систематических пересмотров таких приговоров не проводилось.

Аресты производились согласно представлению о так называемом сомосовском преступлении, что не означало ничего конкретного. Так, в 1989 году на 1640 человек, отбывавших тюремный срок за контрреволюционные правонарушения, приходилось лишь 39 сомосовских активистов. Впрочем, в личном составе контрас число бывших сомосовских гвардейцев никогда не превышало 20%. А ведь этот потрясающий довод приводили сандинисты, заключая под стражу своих противников. Более шестисот человек были таким образом помещены в тюрьму Карсель-Модело. Фальсификация доказательств и даже бездоказательные обвинения — характерные черты первых лет санди-нистской «юриспруденции».

В 1987 году в никарагуанских застенках томились свыше 3700 политических заключенных. Централ Лас-Техас известен дурным обращением с заклю-

ченными. Перед отправлением в камеры DGSE узникам предписывалось раздеться и облачиться в синюю форму. Крошечные камеры были оснащены койками, врезанными в бетонную стену. Камеры были без окон и освещались тонкой полоской света, пробивавшейся сквозь густую вентиляционную решетку над стальной дверью.

К этому прибавлялась трудовая реадаптация. Существовали пять категорий тюремного заключения. Те, кого объявляли непригодными к трудовым программам из соображений безопасности, содержались в блоках для особо опасных преступников. Они встречались с семьей лишь один раз в сорок пять дней и покидали камеру лишь на шесть часов в неделю. Узники, включенные в реадаптационные программы, допускались к выполнению оплачиваемых работ. Они имели право на одно супружеское посещение в месяц и раз в две недели могли видеться с близкими. Те, кто удовлетворял требованиям, предусмотренным трудовой программой, могли обратиться с просьбой о своем переводе на ферму с менее строгим режимом работы, названным «полуоткрытым», затем следовал переход на «открытый» режим.

В 1989 году в централе Карсель-Модело, в двадцати километрах от Манагуа, находились 630 заключенных. Тридцать восемь бывших сомосовских гвардейцев отбывали наказание в отдельном блоке. Остальные политические заключенные были заточены в региональные тюрьмы: Эстели, Ла-Гранха, Гранада. Некоторые заключенные, в частности в Карсель-Модело, из идеологических соображений отказывались от участия в исправительных работах. Не обходилось без наказаний. «Международная амнистия» отмечает факты избиения тех, кто выражал протест и объявлял голодовку.

19 августа 1987 года десяток обитателей Эль-Чипоте были избиты охранниками. Заключенные свидетельствовали об использовании электрошоковых дубинок В феврале 1989 года 90 узников Карсель-Модело объявили голодовку в знак протеста против суровых условий их содержания. Тридцать забастовщиков были переведены в Эль-Чипоте, где были наказаны: их заставили раздеться догола, согнали в одну камеру и продержали там два дня. В других тюрьмах многих узников также держали под стражей раздетыми, в наручниках и без воды.

Правительство продолжало перемещать население, признанное сочувствующим вооруженной оппозиции. Многочисленные наступления и контрнаступления двух враждующих лагерей усложняют точный подсчет понесенных потерь. Тем не менее известно, что в сельских районах, где велись наиболее жестокие бои, были казнены сотни оппозиционеров. Кровавые расправы, похоже, стали привычными для боевых армейских частей и подразделений Министерства внутренних дел. Отряды особого назначения находились в подчинении у министра внутренних дел Томаса Борхе. Это был аналог войск особого назначения при кубинском *Minit* (Министерстве внутренних дел).

Известны факты жестоких расправ над жителями деревень в провинции Селая. Мы не располагаем точными данными. Тела жертв, как правило, изуродованы, мужчины кастрированы. Убивали крестьян, заподозренных в содействии контрас. Дома их были стерты с лица земли, а оставшиеся в живых хозяева переселены. Таковы факты, вменяемые в вину солдатам регулярной армии. Правительство насаждало свою политику путем террора, лишая вооруженную оппозицию любой социальной опоры. Не в силах преградить путь участникам сопротивления, сандинисты обрушивали свою месть на головы их родственников. В феврале 1989 года «Международная амнистия» констатировала десят-

ки внесудебных экзекуций, в частности в провинциях Матагальпа и Хинотега. Изуродованные тела жертв были найдены поблизости от их домов и опознаны родными. На протяжении всей войны отмечены многочисленные исчезновения людей, приписываемые неустанной деятельности подразделений DGSE. Все это сопровождалось и насильственным перемещением населения в глубь страны. Особо пострадали индейцы мискито и крестьяне из приграничных областей. Жестокость усиливалась от одной военной кампании к другой. Так, министр внутренних дел без колебаний лично расстрелял из автомата политических заключенных в Манагуа.

Новый импульс мирному процессу был задан в августе 1987 года при заключении соглашений, подписанных в Эскипуласе, в Гватемале. С сентября 1987 года разрешено возобновление выпуска оппозиционного еженедельника *«La Prensa». 7* октября того же года подписан договор об одностороннем прекращении огня в трех зонах — провинциях Сеговия, Хинотега и Селая. Освобождено свыше 2000 политических заключенных, хотя в феврале 1990 года их все еще насчитывалось 1200 человек В марте 1988 года в Сапоа, в Коста-Рике, положено начало прямым переговорам между правительством и оппозицией. В июне 1989 года, за восемь месяцев до президентских выборов, большая часть из 12 000 участников антисандинистской войны возвратилась на свои базы в Гондурасе.

Война обошлась стране в 45 000—50 000 человеческих жизней, основное число жертв — гражданское население. Не менее 400 000 никарагуанцев спаслись бегством из родной страны, укрываясь на территории Коста-Рики, Гондураса и Соединенных Штатов — в Майами и особенно в Калифорнии.

Не в силах дальше навязывать обществу свою идеологию, сражаясь как внутри страны, так и за ее пределами, подточенные внутренними распрями, сандинисты вынуждены были продолжать политические игры демократическими методами. 25 февраля 1990 года в ходе выборов президентом становится демократический лидер Виолетта Чаморро, набравшая 54,7% голосов. Впервые за сто шестьдесят лет независимости смена политических сил совершается в спокойной обстановке. Непрекращающееся состояние войны стало причиной стремления к миру.

Что бы ни явилось тому причиной — достигнутое, наконец, понимание значимости демократии или подчинение новому соотношению сил, — никарагуанские коммунисты не последовали примеру других коммунистических режимов и не стали доводить до конца логику террора во имя сохранения власти любой ценой. Тем не менее во имя стремления к политической гегемонии и проведения в жизнь доктрин, не имеющих ничего общего с реальностью, сандинисты сбили с курса справедливую борьбу против кровавой диктатуры и спровоцировали вторую гражданскую войну, повлекшую за собой временный отход от демократии и приведшую к многочисленным жертвам среди гражданского населения.

ПЕРУ: КРОВАВЫЙ «ВЕЛИКИЙ ПОХОД» ПО «СВЕТОНОСНОМУ ПУТИ»

17 мая 1980 года, в день президентских выборов, Перу становится ареной первой вооруженной акции небольшой маоистской группы под названием «Светоносный путь» *(Sendere luminoso).* Молодые активисты движения захватывают и сжигают избирательные урны в Чусчи, что означает объявление «народной войны», — тогда никто еще не придает значения этому предупреждению. Несколько дней спустя жители столицы обнаруживают повешенных на улич-

ных столбах собак, а на прикрепленных к ним дощечках надписи с именем Дэн Сяопина, китайского «ревизионистского» руководителя, некогда обвиненного в предательстве «культурной революции». Каково же происхождение этой странной политической группы со столь угрожающими приемами?

Конец 70-х годов в Перу отмечен бурными событиями: шесть всеобщих забастовок, следующих одна за другой между 1977 и 1979 годами, предшествующие им массовые мобилизации в крупнейших провинциальных городах — Аякучо, Куско, Уанкайо, Арекипа, Пукальпа. Внезапно появляются многочисленные *Фронты обороны,* формирующиеся в соответствии с теми или иными требованиями бастующих. Организация подобного типа несколько лет просуществовала в Аякучо, она и явилась своего рода образцом для «Светоносного пути». На кечуа, языке индейцев, Аякучо означает «уголок мертвецов»; этот департамент — одно из самых обездоленных мест Перу: пахотных земель менее 5%, средний годовой доход на одного жителя составляет 500 франков, средняя продолжительность жизни — сорок пять лет. Детская смертность достигает рекордного показателя в 20%, в то время как по всей стране показатель этот — «всего лишь» 11%. В такую почву, удобренную отчаянием, пускает корни «Светоносный путь».

Аякучо — еще и университетский центр, проявляющий высокую политическую активность после 1959 года. Там преподают уход за детьми младенческого возраста, прикладную антропологию и механизацию сельского хозяйства. Очень скоро организуется Фронт революционных студентов, который приобретает особое влияние в университете. Упорно оспаривают влияние на студенчество ортодоксальные коммунисты, геваристы и маоисты. Начиная с 60-х годов руководящие позиции захватывает молодой маоистский активист, преподаватель философии Абимаэль Гусман.

Родился Абимаэль Гусман 6 декабря 1934 года в Лиме. Замкнутый по характеру юноша блестяще завершил учебу. В 1958 году вступил в коммунистическую партию и тотчас стал заметен благодаря своим незаурядным ораторским данным. В 1965 году он принимает участие в создании коммунистической группы *Bandera Roja* («Красное знамя»), способствуя расколу в рядах Перуанской коммунистической партии, наступившему вследствие осложнения китайско-советских отношений. По одним источникам, он побывал в Китае, по другим — нет[21]. В 1966 году уставшее от студенческих волнений и мятежей правительство закрывает Университет. Тогда маоисты из *Bandera Roja* организуют Фронт обороны жителей Аякучо, и начиная с 1967 года Гусман переходит к вооруженной борьбе. В июне 1969 года в Уэрте, на севере провинции Аякучо, он принимает участие в захвате супрефекта Октавио Кабрера Роча; в 1970 году Гусман был взят под стражу по подозрению в совершении государственного преступления, но через несколько месяцев освобожден. В 1971 году на IV Конференции *Bandera Roja* происходит очередной раскол, в результате которого возникает новая коммунистическая группировка «Светоносный путь». Название заимствовано у Хосе Карлоса Мариатеги[22], который в свое время писал: «Марксизм-ленинизм проложит революции светоносный путь». Активисты движения превозносили Гусмана, называя его «четвертым мечом марксизма» (после Маркса, Ленина и Мао). Варгас Льоса так излагает его «революционный план»: «<...> Перу в 20-е годы, по описаниям Хосе Карлоса Мариатеги, в основном совпадает с китайской действительностью тех лет, охарактеризованной в трудах Мао как полуфеодальное и полуколониальное общество, и он [Абимаэль Гусман] намерен добиться освобождения страны, применяя стратегию в духе

Китайской революции: затяжная народная война, использующая сельские районы в качестве станового хребта и затем «штурмующая» города. <...> Он отстаивает свое право на модель социализма, образованную из сталинской России, культурной революции в Китае и режима Пол Пота в Камбодже»[23].

С 1972 по 1979 год «Светоносный путь» сосредоточивается на завоевании контроля над студенческими организациями, используя подкрепление из числа студентов Технологического университета Сан-Мартин-де-Торрес в Лиме. Деятели «Светоносного пути» также подключают к борьбе Профсоюз учителей начальной школы, преподавателей часто назначают руководителями колонн сельских повстанцев. С конца 1977 года Гусман скрывается в подполье. Завершается процесс, начало которому положено в 1978 году: 17 марта 1980 года в ходе своего второго пленарного заседания маоистская партия высказалась за вооруженную борьбу. Численный состав «Светоносного пути» был увеличен за счет склоняющихся к троцкизму сторонников Карлоса Мессича и маоистских диссидентов группы Пукальякта. Пробил час вооруженной борьбы, подтверждением тому стала операция в Чусчи, завершившаяся 23 декабря 1980 года убийством землевладельца Бенигно Медины — первым актом «народного правосудия». Насчитывающий в своих рядах первоначально всего двести—триста человек, «Светоносный путь» тем не менее систематически проводит устранение представителей имущих классов и сотрудников органов правопорядка.

В 1981 году атакованы полицейские посты в Тотосе, Сан-Хосе-де-Секке и Кинке. В августе 1982 года маоисты штурмом берут полицейский участок во Вьекауамане, убиты шесть полицейских из антипартизанских сил *Sinchis* (слово на кечуа, означающее «храбрый», «смелый»), пятнадцать остальных спаслись бегством или взяты в плен. Без всякой поддержки извне восставшим удается захватывать оружие с полицейских складов, взрывчатку со строительных площадок, не останавливаются они и перед нападениями на шахтерские поселки. Динамитная шашка, запущенная с помощью традиционной *пращи марака,* становится их излюбленным оружием. Кроме того, постоянно осуществлялись налеты[24] на общественные учреждения, линии электропередачи, мосты. Коммандос, прочно обосновавшись в Аякучо, в марте 1982 года блокируют город, захватывают тюрьму и освобождают 297 заключенных (политических и уголовников). В тщательной разработке техники атак, в проникновении на территорию города, в нескольких одновременно проводимых операциях по захвату полицейских казарм постепенно постигался учебный курс подрывной деятельности.

Сендеристы (от Sendere luminoso; члены группы «Светоносный путь») упорно разрушали государственные учреждения и инфраструктуры для создания собственных «народных коммун». Так, в августе 1982 года одна боевая группа разгромила научно-исследовательский агрономический центр в Альпааке: подопытные животные уничтожены, оборудование сожжено. Год спустя настал черед Института технических исследований семейства верблюдовых (ламы, гуанако, альпага) исчезнуть в пламени и дыму. Мимоходом налетчики убивают инженеров и специалистов как представителей коррумпированных элементов капитализма. Руководитель научного проекта Тино Алансая убит, тело его взорвано динамитом. Для своего оправдания сендеристы объявили его «агентом бюрократического феодального государства!». За восемь лет в сельской местности убиты шестьдесят инженеров. Не щадили и иностранных специалистов различных неправительственных организаций, работающих по соглашению о сотрудничестве в развивающихся странах: в 1988 году от рук сендеристов по-

гибает американец Константин Грегори из *Agency for International Development.* 4 декабря того же года убиты два французских специалиста.

Гусман предрек: «Победа Революции обойдется в миллион смертей!» — в тогдашнем Перу насчитывалось девятнадцать миллионов жителей. Руководствуясь этим принципом, маоисты неустанно расчищали путь к «победе Революции». В январе 1982 года они учинили расправу над двумя учителями на глазах учеников. Через несколько месяцев, в ходе очередного акта «народного правосудия», публично уничтожены 67 «предателей». Расправы над латифундистами и другими землевладельцами не очень шокировали крестьян, задавленных налогами и задушенных кабальными процентами займов. Зато притеснение мелкой буржуазии и коммерсантов лишало их целого ряда преимуществ (ссуды под приемлемые проценты, предоставление работы, различные формы поддержки). В знак заботы о «революционной чистоте», а также для подтверждения своей неограниченной власти сендеристы истребляют банды «похитителей скота», разбойничавшие в высокогорьях. Такая борьба с преступностью носила исключительно тактический характер, поскольку начиная с 1983 года сендеристы вступают в сотрудничество с наркодельцами Уануко.

В регионах этнических конфликтов «Светоносному пути» удалось разжечь ненависть к центральной власти в Лиме — пережитку «ненавистного колониального прошлого», как любил напоминать председатель Гонсало (Гусман). Изображая из себя защитника национально-культурной самобытности индейцев, подобно Пол Поту, ссылавшемуся на кхмерскую чистоту эпохи Ангкора, «Светоносный путь» привлек на свою сторону симпатии некоторых индейских племен, правда, со временем те все меньше и меньше мирились с насилием со стороны маоистов. В 1989 году в Верхней Амазонии индейцев асанинкас принудительно объединяли в бригады или подвергали гонениям. Двадцать пять тысяч из них долго укрывались в джунглях, пока не были взяты под защиту регулярной армией.

Регион Аякучо, оказавшийся во власти маоистов, зажил по новому моральному кодексу, где преследование преступников происходило следующим образом: проституток коротко остригали, ветреных мужей и пьяниц наказывали кнутом, упорствующим на волосяном покрове головы выстригали изображение серпа и молота; праздники, признанные безнравственными, запрещались. Общины управлялись «народными комитетами» во главе с пятью «политическими комиссарами» — такая пирамидальная структура характерна для политического и военного устройства «Светоносного пути». Из нескольких комитетов формировалась опорная база, которая подчинялась главной колонне — формированию, включавшему от семи до одиннадцати таких баз. К политическим комиссарам прикреплялись комиссары, ответственные за организацию сельскохозяйственного производства. Под их руководством проводились коллективные работы в «освобожденных зонах». Не допускалось никакого отказа, за малейшей провинностью тотчас следовала смерть провинившегося. «Светоносный путь» последовательно проводил автаркическую политику*, вплоть до разрушения мостов в целях изоляции сельских районов от городов; первая же такая акция незамедлительно обернулась нескрывае-

* Автаркия — политика хозяйственного обособления страны, создание замкнутой, самообеспечивающейся экономики. *(Прим. ред.)*

мым недовольством крестьян. В попытках упрочить господство над населением сендеристы насильственно забирали детей, с тем чтобы впоследствии шантажировать их родителей.

Первое время правительство для борьбы с терроризмом привлекало специальные группы коммандос *(Sinchis)* и морскую пехоту. Но все усилия были тщетны. В 1983—1984 годах «народная война» приобрела наступательный характер. В апреле 1983 года пятьдесят бойцов «Светоносного пути» захватили Луконаманку, где расправились топорами и ножами с тридцатью двумя «предателями», а заодно и со всеми, кто пытался бежать. Общее число убитых достигло шестидесяти семи человек, четверо из них — дети. Этими зверствами «Светоносный путь» дал властям понять: пощады не будет никому. В 1984—1985 годах ведется наступление на представителей власти. В ноябре 1983 года убит мэр шахтерского городка Серро-де-Песко, тело его взорвано динамитом. Чувствуя себя брошенными на произвол судьбы и не рассчитывая на поддержку властей, уходят в отставку несколько мэров, спасаются бегством несколько священников.

В 1982 году война унесла двести человеческих жизней. В 1983 году цифра эта выросла в десять раз. В 1984 году на счету сендеристов было свыше 2600 террористических актов. В ходе военных операций погибли более четырехсот солдат и полицейских. В ответ на преступные действия «Светоносного пути» следовали репрессии со стороны армии. Когда в июне 1986 года сендеристы, скорее всего с целью переноса войны на территорию городов, развязали бунт в трех тюрьмах Лимы, ответ армии отличался особой жестокостью: были убиты свыше двухсот человек. Маоисты потерпели неудачу, стараясь надолго укорениться в хорошо организованных профсоюзах шахтеров с их надежно отработанной сетью общественных связей. Для поддержания своего влияния «Светоносный путь» наносит массированные удары по партии правящего большинства APRA (Народная партия)[25]. Партия создана в 1924 году перуанцем Виктором Раулем Ая де ла Торре. Первоначально в качестве сферы влияния рассматривался весь континент, однако постепенно присутствие APRA ограничилось лишь территорией Перу. В 1985 году убиты семь апристов, их лица изуродованы: уши и языки отрезаны, глаза выколоты — так обходятся с доносчиками. В том же году сендеристы открывают новый фронт в Пуно. Война охватывает департаменты Либертад, провинции Уануко и Мар, Верхнюю Амазонию. Устраиваются подрывы электростанций, обслуживающих города Куско и Арекипа. В июне 1984 года маоисты пустили под откос поезд, перевозивший свинцовый концентрат; вскоре наступает черед другого поезда — с медью. В 1984 году из 146 провинций Перу в десяти объявлено чрезвычайное положение.

Пытаясь пресечь разрастание террора, армия сначала прибегла к карательным мерам: за шестьдесят убитых крестьян штаб пообещал ликвидировать трех партизан-сендеристов. В первое время подобная репрессивная политика лишь подтолкнула сомневающихся к переходу на сторону «Светоносного пути». В начале 90-х годов правительство сменило курс: крестьянин рассматривался уже не как враг, а как возможный партнер. Преобразования в военной иерархии и совершенствование набора призывников способствовали упрочению связей и согласованных действий с крестьянством. Тактика «Светоносного пути» также становится изощреннее; на III конференции маоистской группы разработаны четыре формы борьбы: партизанская война, са-

ботаж, выборочный терроризм и психологическая война, например нападение на сельские базары.

Как только по рядам партии прокатилась диссидентская волна, последовали расправы над «предателями, придерживающимися буржуазной линии». Для наказания тех, кто изменил «народным силам», «Светоносный путь» организует в Амазонии трудовые лагеря. В декабре 1987 года триста голодных женщин, стариков и детей сбежали из этого «перуанского ГУЛАГа» и добрались до границы девственных лесов Белема. С 1983 года крестьяне, занятые на принудительных работах, покидали районы, подчиненные сендеристам, где батраков обязывали возделывать землю, кокаиновые поля, а также удовлетворять все нужды воинствующих маоистов; за попытку к бегству убивали на месте. Многие дети, родившиеся на высокогорье, погибли в младенчестве. Запертых в лагерях людей морили голодом, заставляя заучивать тексты председателя Гонсало и сдавать по ним экзамены. Так происходило на территории Конвенсьон, в лагере, где содержались пятьсот человек.

В сентябре 1983 года полиция совершает первый важный шаг, арестовывая одного из руководителей штаба Гусмана Карлоса Мессича. Крестьяне, уставшие от жестокости сендеристов, не способных облегчить их участь, больше не переходят на сторону гусмановской революции. Кроме того, «Светоносный путь» оттесняется другими политическими движениями. Объединенные левые силы при мощной поддержке профсоюзов успешно противостоят попыткам расширения сфер влияния «Светоносного пути» — организации, в конечном счете с куда большим рвением использующей кровавые террористические методы, нежели участвующей в общественнополезной деятельности. Так, в 1988—1989 годах непосредственными мишенями для «Светоносного пути» становятся Лима и Куско, вернее их самые бедные районы, поскольку, согласно установкам председателя Гонсало, именно трущобы являются питательной средой революционной культуры: «Трущобы рассматриваются как низовые организации, а пролетариат — как их руководитель!» В соответствии с этими директивами «Светоносный путь» разделяет барачные городки-фавелы на участки, устраняя сопротивление непокорных. Его активисты внедряются в некоторые благотворительные организации, такие как Народная помощь Перу. По сути это означает стремление маоистской группы изгнать укоренившихся на городской почве левых — классических марксистов. Несколько попыток прибрать к рукам профсоюзы снова оканчиваются неудачей. В довершение всего на своем пути сендеристы натыкаются на преграду — MRTA (Революционное движение имени Тупака Амару). Столкновение противников отличается неслыханным кровопролитием. В 1990 году убиты 1584 представителя гражданского населения и 1542 повстанца. Потесненный движением MRTA и изрядно потрепанный армией, «Светоносный путь» постепенно клонится к закату.

12 и 13 сентября 1992 года арестованы Гусман и его заместительница Элен Ипаррагире. Несколько дней спустя в руки полиции попадает «активист номер три» — Оскар Альберто Рамирес. 2 марта 1993 года арестована военная руководительница «Светоносного пути» Марго Домингес (подпольная кличка Эдит). И наконец, в марте 1995 года службой безопасности разоружена колонна из тридцати сендеристов во главе с Мархье Клаво Перальтой. Несмотря на все это, продолжается рост численности организации: в 1995 году

2

Ив Сантамария

Афрокоммунизм: Эфиопия, Ангола, Мозамбик

Мировое общественное мнение рассматривало связь между развивающимися странами и коммунистическим движением в зависимости от той поддержки, которую это движение оказало антиколониальной борьбе еще до того, как началась «холодная» война. Не соглашаясь с антиколониальной политикой Вашингтона, французская IV Республика* пыталась доказать, что любое отступление перед лицом туземных националистов становится *ipso facto* поощрением амбиций Москвы. Ведь согласно высказыванию, которое приписывается Ленину, с Востока кажется, что дорога на Париж проходит через Алжир. Так что установление просоветских режимов в бывших португальских колониях в Африке и Эфиопии стало подтверждением мысли о том, что зло не ограничивается геополитическими рамками.

Африканский вариант коммунизма

«Черные кхмеры» — такое прозвище еще в 1989 году, вскоре после падения Берлинской стены, дали бойцам Патриотического фронта Руанды *(тутси),* которые подозревались в симпатиях к полпотовскому режиму. Их руководителя, Поля Кагаме, получившего образование в Соединенных Штатах, французские чиновники, внимательно следившие за англосаксонскими происками на африканском континенте, прозвали «Американцем»[1]. Можно ли теперь сомневаться в «африканском коммунизме»? Даже мозамбикский президент Жоаким Чиссано без колебаний согласился, что в то время, как маятник Истории пошел вспять в Восточной Европе, «эта ситуация с марксизмом начинает нам создавать проблемы»[2]. И если для генерала де Голля СССР не переставал быть «дорогой и могучей Россией», почему бы Народному движению за освобождение Анголы (МПЛА) не стать воплощением «марксизма-ленинизма»? Что касается призывов отказать «красному негусу»** Менгисту в звании «коммуниста», то, как известно, в этом определении в среде ультралевых марксистов, где не последнюю роль играли троцкисты, в свое время неизменно отказывали и Сталину.

На самом деле, серьезность ссылок на Маркса со стороны государств и режимов, здесь названных, не оспаривалась в течение всего рассматриваемого периода (в основном 1974—1991 годы) ни самими действующими лицами, ни их противниками. Формально к коммунистическому лагерю принадлежало

*Буржуазная республика во Франции в 1946—1958 годах, фактически — с 1944 года. *(Прим. ред.)*

*В Эфиопии до упразднения монархии (март 1975 года) сокращенный титул императора (негус негусов — царь царей). *{Прим. ред.)*

меньшинство; по советским оценкам, в 1939 году эта цифра составляла 5000 человек во всей Африке, затем в начале 70-х годов она увеличилась до 60 000[s]. Однако многочисленные примеры, особенно европейские, должны напомнить, что по ленинской логике единственно важным считается, чтобы идеологии соответствовала *власть* (больше чем уклад жизни или форма государственного устройства), и что власть малочувствительна к предварительному насыщению общества коммунистической культурой. Придя к власти, новые руководители тут же символически поделили землю, умножая свидетельства разрыва с •«африканским социализмом», который расцвел сразу же после завоевания независимости в 50—60-е годы. Уроки провала первой волны формулировались следующим образом: известно что, аграрная политика *(юамаа),* которую проводил в Танзании Джулиус Ньерере, не принесла нужных результатов, но, согласно как ФРЕЛИМО[4], так и эфиопским экспертам, произошло это потому, что партия ТАНЮ/АСП[5] не была в достаточной степени «марксистско-ленинской». Принятие «научного социализма» позволяло руководящей элите нейтрализовать племенное единство, и, как его следствие, «незапланированную» крестьянскую солидарность. Соглашаясь с утверждением, что государство создает нацию, силы, находящиеся у власти, стремились войти с этой идеей в международное сообщество. Каждому должно было стать ясно, что, приземляясь в Мапуту, столице Мозамбика, он попадал в «свободную зону человечества»[6].

Лозунг на фасаде аэропорта провозглашал два основных положения коммунистической программы: антиимпериализм перед лицом расизма Южной Африки и вступление вместе с социалистическими государствами в мировую коммунистическую систему. Страны «социалистической ориентации» — Мозамбик, Ангола и Эфиопия — заняли в ней свое место. Действительно, начиная со времен Хрущева, советские аналитики начали заботиться о том, чтобы сделать более тонкой их типологию: появление новых «прогрессивных» наций заставляло применять адекватную терминологию, приберегая место для тех из них, которые, сойдя с «капиталистического пути», не смогли заслужить ярлык "социалистических"[7]. Этот ярлык действительно означал определенные гарантии материальной и финансовой поддержки со стороны Советского Союза. Разумеется нельзя забывать и о военном сотрудничестве — «долге пролетарской помощи» со стороны Большого брата[8]. В смысле поставок военной техники советская клиентура в Африке, конечно, не ограничивалась только Мозамбиком, Анголой и Эфиопией, но именно они извлекали максимум выгоды из сближения с СССР. Интеграция в мировую коммунистическую систему позволила их руководству пользоваться ее ресурсами: наряду с 8850 советскими советниками, действовавшими на континенте, в 1988 году отмечается присутствие 53 900 кубинцев, нельзя не упомянуть также восточно-германских специалистов, особенно в области госбезопасности[9].

Необходимо также упомянуть о «политике брюха»[10] мафиозного типа, когда из-за отсутствия «класса буржуазии» использование государственного имущества становилось единственным источником личного обогащения.

Можно задаться вопросом, почему в идеологическом беспорядке XX века элита, дорвавшаяся до власти в этих государствах, делает свои идеологические ставки на марксизм-ленинизм?[11] Конечно, важную роль здесь играет ослепление доктриной, открывающей неограниченные возможности для диктаторов. Но коммунизм в Африке является лишь эпизодом в долгой череде насилия, изучение которого начинается с попыток преодолеть противопоставление доко-

лониальной гармонии (или варварства), колониального порядка (или репрессий) и последующего беззакония, порожденного независимостью и/или неоколониальными притязаниями[12]. Безусловно, коммунистическая Африка не была одиноким островком насилия: Нигерия во время войны с Биафрой и Руанда с геноцидом хуту внесли свой значительный вклад, достаточный, чтобы привести в отчаяние себе подобных. Однако, Эфиопия, Ангола и Мозамбик имеют свою преступную специфику, заключающуюся в процессе переделки структуры общества, например, в насильственном объединении в деревни сельского населения или в использовании голода в политических целях. Они также напоминают о знакомых явлениях, таких, как «чистка» партии, ликвидация левого движения или отношение к оппозиции — националистической, этнической, партизанской или религиозной.

Уже невозможно далее отрицать массовые убийства, и размеры преступлений африканского коммунизма вызывают к жизни всё новые оправдания: каждое начинание марксистско-ленинского государства представляется ими как реакция на наступление контрреволюционных сил. Старые споры по поводу террора Французской революции, воскрешенного революцией большевиков, призывы к «тирании, смягченной обстоятельствами», становятся в африканском контексте предметом ревностной защиты со стороны коммунистов. В этом смысле размах полемики, начавшейся на Западе именно в связи с Эфиопией, Анголой и Мозамбиком, оправдывает их выбор в качестве объектов нашего исследования[13].

ЭФИОПИЯ — КРАСНАЯ ИМПЕРИЯ

12 сентября 1974 года исчезла империя, воплощенная в 82-летнем негусе Хайле Селассие I. Режим рухнул без больших потрясений: страна была ослаблена неуверенностью своего властелина (объяснявшейся как сомнениями в личности преемника, так и разразившимся нефтяным кризисом), пограничными войнами, недостатком продовольствия, что вызывало недовольство городской прослойки, стремившейся к модернизации общества. У руля государства встала армия — проводник геополитических амбиций свергнутого монарха[14],— покрывшая себя славой, сражаясь на стороне американцев в Корейской войне. 108 человек вошли в *Дерг* — Временный военно-административный совет (ВВАС), в котором, казалось, все идеологические разногласия отступили перед громким лозунгом *Эфиопия тыкдем* («Эфиопия прежде всего»). Однако очень скоро иллюзии рассеялись. Поставленный во главе правительства генерал Аман Андом, эритреец* по происхождению, герой войны с Сомали, был убит в ночь с 22 на 23 ноября. Через несколько часов пришла очередь еще 59 человек: либеральные политики подверглись той же участи, что и традиционалисты, связанные со старым режимом. Судьба остальных членов ВВАС отныне зависела от человека, которого они признали своим вождем еще в июле. Звали его Менгисту Хайле Мариам. 21 декабря 1974 года он объявил, что Эфиопия пойдет по пути социализма.

Биография этого человека пока еще не написана[15]. Менгисту с удовольствием взял на себя роль парии, играя на цвете своей кожи и маленьком росте

* Эритрея — государство на Северо-Востоке Африки. В 1962—1987 годах — провинция, затем — административный район Эфиопии. *(Прим. ред.)*

(который, правда, подправлялся высокими каблуками), изображая из себя *барьях* (раба), борющегося против клана *амхара,* основы императорского режима. Между тем он сам принадлежал к этому привилегированному сословию, так как его мать происходила из аристократического рода. Несмотря на то что он был незаконнорожденным ребенком (его отец — неграмотный капрал), Менгисту пользовался покровительством своего дяди, министра в правительстве негуса, и тот облегчил ему начало военной карьеры. Образование Менгисту ограничивалось начальной школой, но его без аттестата приняли в военное училище Холетта, предназначенное для юношей из бедных семей. Он командовал механизированной бригадой и благодаря своим качествам смог после двух попыток пройти стажировку в Форт-Левенворте (Техас).

Движимый непомерным властолюбием, он сумел за 3 года устранить своих соперников: сначала полковника Сысае (за организацию «правого» заговора), затем, 3 февраля 1977 года, — генерала Тефери Банте и восьмерых его товарищей. Как утверждает легенда, ему помог пулемет калибра 12,7 мм. Именно этот пулемет решил судьбу «капитулянтов» на памятном заседании руководства ВВАС.

В Большом дворце, построенном Менеликом II* после основания Аддис-Абебы в 1886 году, высший руководитель Эфиопии мог теперь пользоваться всем, что осталось после императора, за исключением парламента[16]. В беспощадном стиле руководства Менгисту, популяризированном очень профессионально поставленной пропагандой, не было ничего, что могло бы смутить подданных покойного «царя царей». Его легитимность была бесспорна в глазах социалистического лагеря, который получил в нем теперь надежного партнера: февральскому перевороту предшествовал визит Менгисту в Москву в декабре 1976 года. В апреле 1977 года Эфиопия порвала военные отношения с США. Куба и Советский Союз предоставили ей мощную помощь как снаряжением, так и людьми[17]. И эта поддержка стала решающей в борьбе против эритрейских сепаратистов и сомалийского наступления в июле 1977 года в Огадене. Советский Союз по достоинству оценил усилия по советизации, предпринятые режимом (отчасти в подражание социализму, который проповедовался в Сомали, в то время союзника СССР). «Эфиопский путь», намеченный в декабре 1974 года Временным советом, окончательно оформился в январе 1975 года, когда ВВАС национализировал банки, страхование и основные секторы промышленности. В марте произошла отмена частной собственности на землю и ограничение собственности на недвижимость: один объект на семью, что свидетельствует о радикализации режима. Москва толкала его еще дальше, на создание единственного, на ее взгляд, инструмента, способного заставить руководителей совершить качественный скачок — партии. Однако Комиссия по организации партии трудящихся начала свою деятельность только в 1979 году. Работа ее 2-го съезда в январе 1983 года была оценена Советским Союзом как достаточно плодотворная, и 11 сентября 1984 года создание Рабочей партии Эфиопии (РПЭ) увенчало церемонию празднования 10-й годовщины революции. Признав себя наследницей Великой Октябрьской революции, РПЭ получила доступ в мировую коммунистическую систему и возможность пользоваться межпартийными связями. Но в ранг «народной демократии» Эфиопию не возвели: межэтническая раздробленность и экономическая зависимость от Запада все еще оставались «неизлечимыми болезнями»[18].

* Менелик II (1844—1913) — Император Эфиопии с 1899 года. *(Прим. ред.)*

Ритм строительства партии никак не обеспечивал ее «правильного» социального состава. Вопреки усилиям, предпринятым, чтобы придать РПЭ вид, более соответствующий «партии рабочего класса», соотношение социальных групп накануне официального ее создания было следующим: рабочие — менее четверти всего состава, военные и функционеры — три четверти, крестьяне — всего 3%[19]. (И это в стране, где крестьяне составляют 87% населения.) На уровне руководства, соотношение сил еще более склонялось в пользу военных кадров. Политбюро РПЭ в основном состояло из выживших членов ВВАС. Сокращение до минимума представительства интеллигенции объясняется ее ликвидацией «как класса». 50 тысяч студентов, вернувшихся после обучения в университетах Европы и США, и некоторые преподаватели были отправлены в сельскую местность «на встречу с миром крестьянства» в рамках кампании сотрудничества (*замека),* которая велась в духе мао-популизма. Их возвращение в город дало толчок усилению организаций марксистско-ленининского толка — Революционной партии народа Эфиопии (РПНЭ) и Социалистического всеэфиопского движения (СВЭД). В глазах совершенно индифферентного населения соперничество между двумя движениями объяснялось их этническим составом. Амхара преобладали в РПНЭ, а оромо - в СВЭД. Идеологически близкие, две организации расходились в подходе к эритрейскому вопросу. СВЭД даже забегало вперед по сравнению с централизаторскими мерами ВВАС. Играя на вооруженных стычках между двумя группировками, ловко квалифицируя их как «белый террор», Менгисту провел операцию по их ликвидации в два приема. Для начала осенью 1976 года «красный террор» уничтожил РПНЭ. Во время публичного выступления 17 апреля 1977 года Менгисту призвал народ к борьбе с «врагами революции». Дополнив слово делом, он последовательно разбил три флакона крови (по всей видимости, ненастоящей), которые символизировали «империализм», «феодализм» и «бюрократический капитализм». СВЭД оказало ему широкую поддержку, мобилизовав 293 *кебеле* — городских ополченцев из организации, созданной ВВАС по модели парижских «секций» времен Французской революции[20] и получавшей при необходимости оружие от армии. После казни 11 ноября подполковника Атнафу Абате[21], главного покровителя СВЭД в ВВАС, пришел черед и этой организации. Капкан захлопнулся, и за СВЭД взялись печально известные эфиопцам 504 белых «душителя» («эскадроны смерти», действовавшие по приказам служб госбезопасности)[22].

Получить какие-либо точные данные о числе жертв террора сегодня все еще невозможно.

На процессе в Аддис-Абебе, проходившем в мае 1995 года, говорилось о 10 000 политических убийств за период с февраля 1977 по июнь 1978 года только в одной столице[23]. Проводить различия между жертвами (с одной стороны маоисты, с другой — фалаши, местные евреи, жертвы резни 1979 года) может показаться неуместным. Об этом напоминал Карел Бартошек в связи с Чехословакией[24]: «Прошло время, когда среди жертв побоищ осмеливались выделять тех, кто подыгрывал большевистскому Сатурну, который, как известно, пожирает своих детей». По примеру сталинских процессов, где одни и те же люди обвинялись в том, что состояли на содержании у Гитлера, Чемберлена, Даладье и микадо* одновременно, в состряпанных наспех обвинительных речах прокуроров, подчинявшихся ВВАС, огромное количество предназначенных к ликви-

* Титул императора Японии. *(Прим. ред.)*

дации членов РПНЭ именовались «реакционерами, контрреволюционерами, врагами народа, анархистами и диверсантами РПНЭ». Как в бывшем СССР, здесь снова и снова находили братские могилы, где лежали останки огромного числа «исчезнувших», взятых впоследствии на учет «Международной амнистией». Семьи должны были избавить государство от части расходов, оплачивая приведение в исполнение приговоров (так называемая «плата за пулю»); подобная практика существовала и в Китае. Визитной карточкой полковника Тека Тулу (прозванного «Гиеной»), одного из самых ненавистных руководителей государственной безопасности, стала нейлоновая удавка («бабочка Менгисту»), часто применявшаяся для умерщвлений. Этим способом в августе 1975 года был убит свергнутый император. По официальным сводкам, кончина наступила (как и в случае с внучкой монарха, принцессой Иджегаеху Асфа) из-за неудачного хирургического вмешательства.

Помощь служб госбезопасности Восточной Германии («Штази») и СССР была высоко оценена. От расправы не были избавлены и студенты, находившиеся в Москве. Часто советские власти отдавали их в руки эфиопских спецслужб. В Аддис-Абебе сержант Легессе Асфау был посредником между европейскими «специалистами» и их местными коллегами. Последние в целях назидания выставляли жертвы своих пыток на тротуарах Аддис-Абебы[25]. 17 мая 1977 года генеральный секретарь шведского *Фонда спасения детей* свидетельствовал: «Тысячи детей были убиты в Аддис-Абебе, их тела валялись на улице и становились добычей бродячих гиен. <...> Когда выезжаешь из Аддис-Абебы, на обочине дороги можно видеть груду тел убитых детей в возрасте от 11 до 13 лет»[26].

1823 дела, возбужденных после 1991 года, во время президентства Мелеса Зенауи[27], касаются главным образом видных городских деятелей. Но концентрация внимания на столице искажает социологическую и географическую картину террора, обрушившегося на страну, занимающую 1 222 000 кв. км, с населением около 40 миллионов человек Провинция Уолло, где РПНЭ пользовалась известным влиянием, также подверглась репрессиям. В мае 1997 года перед Уголовной палатой Верховного суда в Аддис-Абебе предстали полковник Фантае Ихдего и лейтенанты Хайле Джебеяху и Амбачоу Алему, которым предстояло отвечать за свои преступления, в том числе за умерщвление отравляющим газом в феврале 1977 года 24 членов РПНЭ в Дэссе и Комбалче[28]. За пределами провинции Шоа[29] лучше всего известна ситуация в Эритрее, где прекрасно организованная и пользующаяся широкой поддержкой марксистских движений стран «третьего мира» националистическая оппозиция сумела собрать и распространить информацию, дискредитирующую режим Аддис-Абебы в глазах мирового общественного мнения[30].

Этот режим утвердил с 20 декабря 1974 года целостность государства; отделение территории бывшей итальянской колонии[31], действительно, лишало Эфиопию выхода к Красному морю. Что касается Юго-Востока, выходящего к Индийскому океану, здесь панэфиопские тенденции столкнулись с притязаниями на Огаден со стороны Сомали, где с 1969 года режим Сиада Барре также принял в качестве официальной идеологии марксизм-ленинизм. К тому же, сближение между Москвой и Могадишо только что достигло высшей точки — был заключен Договор о дружбе (1974 год). СССР должен был сделать выбор между двумя своими подопечными. После того как провалился объединительный план «Эфиопия - Сомали - Южный Йемен», Советский Союз сделал ставку на Аддис-Абебу. Теперь Менгисту, используя огневую мощь и материально-тех-

нические средства Советской армии, а также кубинские войска, смог — в ходе операции «Красная звезда*, проходившей с июля 1977 по январь 1978 года, — отразить наступление Народного фронта освобождения Эритреи (марксистов-ленинцев) и сомалийской армии.

Эффективность действий Менгисту была такова, что во время 39-й сессии Всемирной федерации профсоюзов (организация, в которую входила французская Всеобщая конфедерация труда (CGT), руководимая тогда Генри Красуцким), состоявшейся в Аддис-Абебе 30 марта 1988 года, он был награжден золотой медалью за «вклад в дело борьбы за мир и за безопасность народов, за их национальную и экономическую независимость». На деле этот «вклад» оборачивался иногда трагедией для тех же самых народов: вскоре после закрытия сессии, в июне 1988 года, 2500 жителей Хаузена погибли под бомбами[32]. Как и в Гернике, баскском городе Испании, бомбежка пришлась на базарный день.

Была ли это колониальная война или антинародные репрессии, периферию империи (Эритрея, Тигре, Оромо, Огаден, Уоллега, Уолло) всегда сотрясали восстания; часто в них были замешаны «народные фронты», члены которых разделяли со своими противниками марксистско-ленинскую идеологию[33]. Против этих «фронтов» использовались разнообразные военные средства, и за эти репресии иные левацкие и/или прокитайские движения с удовольствием возлагали ответственность то на США, то на СССР, то на Израиль[34]. По аналогии с мероприятиями, направленными против американской интервенции во Вьетнаме, в мае 1980 года в Милане состоялась сессия Постоянного трибунала Международной лиги за права и свободу народов. В 1981 году бельгийский Комитет содействия Эритрее в своих публикациях отражал позицию Народного фронта освобождения Эритреи[35] (НФОЭ). Некоторые данные, подтвержденные докладами «Международной амнистии», позволяют сравнивать эти репрессии со многими подобными военными операциями; так, в рассказе французского обозревателя о массовых убийствах гражданского населения, согнанного в церкви, внезапно появилось название Орадур-сюр-Глан («французской Хатыни»). В брошюре, выпущенной Постоянным трибуналом, рассказывается о деревне Уокидуба, где летом 1975 года в православной церкви были уничтожены 110 человек. «Эскадроны смерти», действовавшие в Асмаре, предпочитали бежевые грузовики «Фольксваген» белым «Пежо» Аддис-Абебы, чтобы конвоировать на «скотобойню» (к общим могилам) тех, кого больше не могли оставлять в концлагере Ади-Куалла, около Мендефера.

Еще предстоит подвести итог «тотальной войны», начатой Менгисту в августе 1977 года против эритрейских сепаратистов. По некоторым данным, насчитывалось 80 000 погибших среди мирного населения и военных только за период 1978—1980 годов. К этой оценке[36], которая в основном принимает во внимание жертвы массовых репрессий и террористические воздушные рейды, законно было бы добавить политику систематического разрушения сельской жизни.

Города лучше снабжались продовольствием, кроме того, в них проживали получавшие зарплату военные, что благоприятствовало торговле; сельское хозяйство в то же самое время страдало от потери скота, особенно из-за пристрастия летчиков к охоте на верблюдов, а также от мин, гибели лесов и дезорганизации товарообмена по вине властей. Женщины, в основном и трудившиеся в сельском хозяйстве, постоянно подвергались насилию со стороны солдат, и это создавало атмосферу постоянной опасности, мало способствующую полевым работам[37].

Трудно утверждать, что правительственные старания отрезать партизан от их гражданских баз были первой причиной широкомасштабных перемещений населения во время голода 1982—1985 годов, хотя в иных местностях произошли значительные демографические сдвиги. Но если Эритрея почти не была затронута, то Уолло сильно пострадала: из 525 000 Лиц, перемещенных с ноября 1984 года по август 1985 года, 310 000 (то есть 8,5% населения этой провинции) были уроженцами Уолло[58]. Некоторые приграничные районы (Гондэр) были буквально опустошены, и значительная часть населения (30%—40%) была собрана в Судане в лагерях, контролируемых оппозиционными организациями[39]. Голод, затронувший около 25% населения, вписывается в длинный многовековой ряд подобных бедствий, из которых последнее (в 1972—1973 годах) в значительной мере способствовало падению императорского режима. Ситуация осложнилась из-за обнищания большой части крестьянства, которое было вынуждено лишать себя самого необходимого, чтобы обеспечить квоты поставок, назначенные государством. Обложенные высокими налогами, крестьяне иногда были вынуждены покупать на рынке зерно по высокой цене. Это зерно затем скупалось у них администрацией по установленным ею ценам. Многим крестьянам пришлось отказаться от скота. Голодный период, начавшийся в 1982 году, был следствием сильной засухи. Кризис принял огромные размеры из-за паралича товарооборота, в котором преследование торговцев и отсутствие безопасности сыграли не последнюю роль. Этот кризис был поставлен режимом Менгисту на службу целям, определенным *Комиссией по помощи и реабилитации* (КПР), этим творением эфиопского Политбюро. Используя контроль над средствами и перемещениями людей, продовольственное «оружие» имело множество задач, среди которых значительное место занимают подавление диссидентов и «научное» обустройство страны при помощи Партии - Государства[40]. Запрещение неправительственным организациям вмешиваться в ситуацию где-либо, кроме Уолло, отклоненная помощь, которая предназначалась для Тигре, способствовали тому, чтобы сельское население, до этого контролируемое партизанами, стало стекаться в районы, занятые армией. Насильственное переселение, которое часто подслащивали тем, что объявляли о раздаче продуктов питания, было представлено как естественное перемещение с сухого Севера на влажный и плодородный Юг. Причем приоритетной целью была отнюдь не помощь жертвам голода — всеми правдами и неправдами старались поместить население под контроль военных. Положение с продовольствием в переселяемом районе не играло никакой роли. И в этом отношении жители районов, за которые шел спор между ВВАС и Фронтом освобождения Тигре, представляли характерный пример. Принцип добровольности отступал на задний план, хотя его и нельзя полностью отрицать, перед массивным напором депортаций. Этот обустраивающий деспотизм был не без остроумия назван его организаторами *бего* (добрая воля) *тесено* (принуждение) — «добровольно-принудительным». С 1980 года он применялся уже за счет других «добровольцев», набранных военными в больших населенных пунктах для работы на государственных фермах, условия существования на которых были объектом внимания англосаксонских обществ, выступающих против рабства[4'].

Политика насильственного объединения разрозненных индивидуальных хозяйств в посёлки наталкивалась на сильное сопротивление, иногда кровавое, обогатившее зловещую антологию крестьянских войн при коммунистическом режиме. Нацелясь, как в Мозамбике, на то, чтобы собрать сельских

обитателей в таких местах, где партии удобнее их контролировать, политика эта должна была между тем позволить крестьянству «изменить свою жизнь и свою идеологию и открыть новую главу в создании современного общества в сельской местности и помочь строительству социализма»[42]. Эта политика вместе с программой переселения намечала как расширение совхозного сектора в сельском хозяйстве, так и создание «нового человека». Географ Мишель Фуше[43] установил, что «последствия голода выходят далеко за рамки отдельных регионов и групп населения, пораженных природным бедствием, так как они позволяют приступить к обширной насильственной реорганизации среды обитания». Не отрицая успеха некоторых базовых расчетов, мы все же не берем на себя смелость назвать точные цифры человеческих потерь в результате всего мероприятия. Процент смертности (14%) в некоторых перевалочных лагерях, таких, как Амбассель в Уолло, был выше, чем процент смертности среди голодающих[44]. Несомненно, к 200—300 тысячам жертв безалаберности, а также утаенных можно смело прибавить такое же количество людей, принесенных на алтарь ускоренного перехода от «феодализма» к «социализму», оставленных преднамеренно вне досягаемости международной помощи, убитых при облавах и попытках к бегству, задохнувшихся в грузовых АНах на пути к «раю», брошенных без средств к существованию в обстановке смертельной враждебности со стороны тех, кто прибыл раньше. Итоги, которые начали подводить средства массовой информации, были неутешительными для режима, и после неудачных попыток скрыть размах голода Менгисту пошел в контратаку. Извлекая выгоду из шокирующих сообщений, распространенных на Западе осенью 1984 года, он заявил 16 ноября (в то время, когда обеспокоенность ситуацией достигла высшей точки) о намерении переместить 2,5 миллиона человек — в надежде на обещанную ему международную помощь в поддержку его проектов, а также вопреки враждебно настроенной администрации Рейгана. Во Франции мнения разделились. Организация «Врачи без границ» оказалась единственной, которая решила не поддерживать политику *переселения,* поэтому 2 декабря 1985 года ее сотрудники были объявлены режимом *persona non grata.* Что касается мирового сообщества, то план переселения, напротив, получил широкую поддержку многих экспертов ООН и беспрецедентную гуманитарную солидарность; особенно нужно отметить американских рок-звезд, таких, как Боб Гелдорф и Майкл Джексон, да и других процветающих представителей американского шоу-бизнеса. Возможно, что гимн *We are the World* останется единственным следом эфиопской драмы в памяти десятков миллионов бывших подростков ушедших 80-х годов!

Сумерки Менгисту, начавшиеся в 1988 году, только частично совпали с закатом СССР. Отъезд советских советников из зон боев был объявлен в марте 1990 года. К этому времени соотношение сил изменилось: на всех направлениях армия отступала под натиском мятежников народных фронтов освобождения Эритреи и Тигре, и режиму уже не удавалось играть на струнах патриотизма, бросая лозунг «Отечество в опасности». Приостановка политики переселения и широковещательные заявления о мерах по либерализации экономики были дополнены «чисткой» вооруженных сил, и 16 мая 1989 года преждевременная попытка путчистов, ряды которых были нашпигованы агентами секретных служб, захлебнулась в крови. 21 июня 1990 года Менгисту объявил всеобщую мобилизацию: теоретически ей подлежали молодые люди старше 18 лет. Но она не щадила и совсем юных (14—16 лет), которых вылавливали на футбольных

стадионах и около школьных зданий. 1991 - это год, когда были закрыты все высшие учебные заведения и все студенты были призваны принять участие в войне для спасения нации. Тиски сжимались вокруг Аддис-Абебы, и тогда 19 апреля 1991 года Менгисту объявил о создании армии на основе всеобщей воинской повинности по-иракски, рассчитывая довести ее до миллиона бойцов. Но самая многочисленная армия присахарской Африки, состоящая из 450 000 человек (против 50 000 в 1974 году), больше не реагировала на приказы, и ее новые американские и израильские союзники видели с удовлетворением, что намечается поворот к переменам. 21 мая 1991 года полковник Менгисту вылетел в столицу Зимбабве Хараре через Кению: герой борьбы против белых родезийских колонистов Роберт Мугабе дал ему политическое убежище. Осенью 1994 года государство Зимбабве ответило отказом на ходатайство о выдаче для суда в Аддис-Абебе человека, ответственного за эфиопскую трагедию, того самого, который произнес перед восточно-германскими журналистами из *«L'Ethiopian Herald»* одну из самых звонких своих деклараций: «Мы ликвидируем сатанинское наследие прошлого и берем природу под свой контроль»[45].

НАСИЛИЕ В ПОРТУГАЛОЯЗЫЧНЫХ СТРАНАХ: АНГОЛА, МОЗАМБИК

Португалия, присутствующая на африканских берегах с XV века, поздно начала колонизацию огромной империи (в 25 раз превосходящую площадь метрополии), которую позволили ей создать на Черном континенте внутриев-ропейские раздоры. Эта поздняя и поверхностная оккупация не устраняла, конечно, ощущения зависимости от колонизаторов у населения этих территорий. Организации, которые начали в 60-х годах вооруженную борьбу за освобождение, опирались на антиколониальные чувства цветного населения, более сильные, чем их национальные стремления[46].

Отдавая себе отчет в тех препятствиях, на которые наталкивались его якобинские замашки, националистическое руководство поспешило наброситься на *I'lnimigo interno* («внутреннего врага») — традиционных старейшин, сотрудничавших с колонизаторами, политических диссидентов[47], которых они обвиняли в «угрозе отечеству». Эти характерные черты политической культуры, двойной генетический код которой — салазаровский и сталинский — совершенно не располагал к представительной демократии, обозначились по мере ухода португальских опекунов.

НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКИ АНГОЛА

В момент, когда, к возмущению белого населения, офицеры, находившиеся у власти в Лиссабоне, высказались 27 июля 1974 года за независимость колоний, португальская армия была хозяином на земле Анголы. Ее быстрый «выход из игры» расчистил путь трем организациям борцов за независимость: Народному движению за освобождение Анголы — МПЛА (MPLA—*Movimento Popular de Libertagao de Angola),* Национальному фронту за освобождение Анголы — ФНЛА (FNLA — *Frente National de Libertagao de Angola)* и Национальному союзу за полную независимость Анголы — УНИТА (UNITA — *Uniao National para a Independencia Total de Angola).* 15 января 1975 года новая Португальская Республика признала их во время подписания соглашения о независимости в Алворе

«как единственных законных представителей ангольского народа». План был многообещающим: выборы в Учредительное собрание через 9 месяцев; провозглашение независимости 11 ноября 1975 года. Но в то время как с февраля по июнь 1975 года продолжался исход 400 000 португальцев, правительственная коалиция (где МПЛА взяло в свои руки информацию, правосудие и финансы) быстро показала себя нежизнеспособной. Кровавые инциденты между «борцами за независимость» умножались, и каждое движение собирало силы и готовило вторжение своих иностранных союзников.

С октября 1974 года советское оружие увеличивало потенциал отрядов МПЛА, которое пользовалось также поддержкой левого крыла португальской армии, объединенного в Движение вооруженных сил (МФА). Оказавшись под влиянием компартии Португалии, его отряды могли рассчитывать на то, что с мая 1974 года в Луанде окажется «красный адмирал» Роза Кутиньо. В марте 1975 года первые советские и кубинские представители высадились в Анголе. Фидель Кастро позже высказал следующую мысль: «Африка сегодня — слабое звено империализма. Здесь существуют прекрасные перспективы, чтобы перейти от почти первобытнообщинного строя к социализму, минуя различные этапы, которые должны были пройти некоторые другие регионы мира»[48]. После падения правительства (8— 11 августа) к берегам Луанды подошло судно *Vietnam Heroico,* на его борту было много сотен солдат. Когда 23 октября Южно-Африканская Республика вступила в борьбу на стороне УНИТА, названного *«Правдой»* «марионеточной силой, вооруженной наемниками Китая и ЦРУ при помощи южно-африканских и родезийских расистов», солдат было уже 7000[49]. Оценка, данная *«Правдой»,* не была такой уж фантастичной. Смоделированное по маоистскому образцу, руководство УНИТА несло в себе некое дьявольское начало. Но доставляемая по воздуху и морю советско-кубинская военная помощь сыграла в деле выживания режима МПЛА решающую роль. 11 ноября 1975 года МПЛА и УНИТА провозгласили порознь независимость страны[50]. Вырисовывалась новая карта бывшей жемчужины португальской *короны:* МПЛА взяло в свои руки порты, нефть и алмазы, то есть все побережье; его противники (среди которых главный — УНИТА) опирались на Север и особенно на Центральное плато.

Отныне Западу, как, впрочем, и коммунистам Южной Африки стало понятно, с чем идентифицировать главных действующих лиц. Для мозамбикского руководителя Саморы Машела картина беспощадной борьбы виделась так: «В Анголе есть две противоборствующие силы: с одной стороны, империализм, его союзники и марионетки, с другой — прогрессивные силы, которые поддерживают МПЛА. Ничего другого»[51]. Признанный лидер движения Агостиньо Нето — чернокожий выходец из давно ассимилированной *(assimilado)* семьи протестантских пасторов, был просоветски воспитан Португальской компартией еще с 50-х годов в просоветском духе. Основанное в 1956 году МПЛА готовило своих руководителей (таких как Ж. Матеуш Пауло Туло или А. Домингуш Ван Дунем) в духе тогдашнего марксизма-ленинизма во время их частых и длительных пребываний в СССР в течение 60-х годов. К изучению научного социализма для некоторых из них (Ж Ньямба Йемина) добавлялось военное образование, полученное в Советском Союзе или в партизанских школах Кубы. После прихода к власти съезд МПЛА в Луанде (4—10 декабря 1977 года) принял постановление о необходимости перехода от движения фронтового типа к авангардной структуре «передового отряда», скопированной с большевистской

модели и способной пополнить ряды «братских партий» в международном коммунистическом движении. Новая «МПЛА — Партия труда» была немедленно признана присутствовавшим на съезде Раулем Кастро как «единственно способная правильно выражать интересы трудящихся». Концепция государства — «инструмента, способного следовать по направлению, начертанному единой партией», — возлагала на новую партию обязанность усилить бдительность по отношению к формированиям соперников, «способных камуфлировать свою контрреволюционную сущность левацкой фразеологией», а также подтверждала испытанный принцип демократического централизма. Следовательно, нечего удивляться тому, что на южных широтах стала применяться практика борьбы с «уклонистами», бывшая до сих пор уделом Северного полушария. Еще до официального провозглашения ангольского большевизма Нето проявил свое искусство в этой области. Когда в феврале 1975 года он резко уменьшил (при помощи португальских войск) численность фракции «Восстание Востока», руководимой представителем народа овимбунду Даниелем Шипендой, последний выдвинул против Нето официальное обвинение в многочисленных ликвидациях диссидентов в рядах МПЛА, осуществлявшихся с 1967 года. Теперь становится понятным коммюнике, опубликованное МПЛА в феврале 1974 года, из которого следовало, что движению удалось «предотвратить заговор» внутренней контрреволюции, «направленный на физическое уничтожение президента и его ближайшего окружения»[52].

Министр местного управления, соперник Нето, Нито Алвиш находился в Луанде, когда грянули события 25 апреля 1974 года*, ставшие погребальным звоном по колониальному режиму. В отсутствие внешнего руководства ему удалось привлечь доброжелательное внимание городских цветных тем, что он не признавал за белыми права на ангольское гражданство, за исключением тех, кто доказал свои антиколониальные настроения. Он опирался на сеть районных комитетов *(Подер популер),* для победы которых не отступал перед типично сталинскими действиями, не удивлявшими, впрочем, его жертвы (в основном, маоистской ориентации)[53]. Уверенный в поддержке Советского Союза, Кубы и португальских коммунистов, он попытался совершить 27 мая 1977 года государственный переворот, чтобы предотвратить «чистку» рядов его сторонников, начатую незадолго до этого. Когда провал переворота стал очевиден (вероятно, из-за выжидательной политики иностранных советников Нито Альвеса), Нето выступил по радио: «Я думаю, что наш народ поймет причины, по которым мы будем действовать с определенной жестокостью против тех, кто связан с этими событиями». Фракционеры, обвиненные «в расизме, в трайбализме** и в регионализме», стали предметом радикальной «чистки». Пока полностью обновлялся ЦК и аппарат[54], на улицах Луанды лилась кровь, репрессии захватили и главные города провинций: в Нгунзе (Южная Куанза) за одну только ночь 6 августа было убито 204 «уклониста»[55], что подтверждает цифры, названные после 1991 года оставшимися в живых; по их свидетельствам, МПЛА подверглась радикальной «чистке» по этому поводу и потеряла много тысяч своих членов. Политические комиссары вооруженных сил (ФАПЛА) тоже стали жерт-

* Имеется в виду революция, установившая в Португалии демократический *режим. (Прим. ред.)* ** Культурно-бытовая, культовая и общественно-политическая племенная обособленность. *(Прим. перев.)*

вой бдительности Сапилинья, члена ЦК, который лично руководил их ликвидацией в Луэне (Мошико)[56]*. Относительная популярность Нито Алвиша объяснялась и заявлениями на страницах *«Diario de Luanda»* и в радиопрограммах «Куди-бангела» и «Пово эм армас» об ухудшении условий жизни. Эти источники указывали на жестокую нехватку продовольствия в некоторых районах (сторонники Нито уже прямо говорили о голоде), крайнее истощение городских жителей, рабочих и служащих, с которыми режим начал обходиться по законам военного времени: ноябрьский закон 1975 года и мартовский декрет 1976 года устанавливали строгую дисциплину, внепрофсоюзная забастовка (то есть антипартийная) квалифицировалась как преступление против партийного лозунга «производить и преодолевать». Итак, начали появляться признаки недовольства, протесты против ухудшающихся условий жизни. Бюрократические ссылки на уход белых и на войну не помогали. Ангольская экономика, процветавшая с 60-х годов, буквально рухнула в 1975 году, и государственный контроль системы все с большим и большим трудом маскировал всеобщую долларизацию: монополия власти и возможность получения валюты, курс которой на «черном рынке» в пятьдесят раз превышал официальный, способствовали возникновению номенклатуры, совершенно безразличной к условиям существования «трудового народа». В течение десяти лет никто не был в состоянии верно оценить ситуацию с продовольствием на всем огромном пространстве страны. С того времени, когда правительству удалось отделить городской рынок, подпитываемый нефтяной рентой, от местных производителей, государство не обращало никакого внимания на деревню, страдающую от войны и поборов, производимых обоими враждующими лагерями. Слово «голод», которое старались не употреблять до сих пор официальные круги, появилось в 1985 году в предостережении FAO. В процессе широкой кампании самокритики, спровоцированной советской перестройкой, ангольское правительство признало серьезность ситуации, которая, как в начале 1987 года указало сообщение ЮНИСЕФ (United Nations International Children's Emergency Fund — Международный фонд помощи детям, созданный ООН в 1946 году), в предыдущем году привела к гибели многих десятков тысяч детей от голода.

Богатый нефтяными запасами Кабинды[57], но бедный кадровыми, военными и производственными ресурсами, режим немного мог выделить на свои планы коллективизации и организации поселков. Действия режима рассматривались многими группами крестьянства как угроза их существованию. Особенное недовольство вызывали налоговые поборы, недостаточность инвестиций в сельское хозяйство, помехи коммерциализации и обмельчание городских рынков сбыта, результатом чего стал упадок села. Через 13 лет после провозглашения независимости, ангольское правительство опубликовало в официальном докладе[58] предупреждение агронома Рене Дюмона, осуждающего на языке, понятном его аудитории, «неэквивалентный товарообмен», который лишает крестьян их «прибыли». Эта ситуация быстро привела к враждебному отношению к населению побережья, где преобладает культура *ассимиладуш* — креолов или метисов, широко представленных в высших эшелонах МПЛА. И вот на этой основе, усиленной ненавистью к иностранцам — кубинцам, русским, восточным немцам и северным корейцам[59], — УНИТА Жонаса Савимби смогла (несмотря на то, что его люди прекрасно владели искусством жить за счет местных жителей) воспользоваться поддержкой крестьян, все более растущей и за пределами земель

* Город на северо-западе Анголы. *(Прим. ред.)*

народа овимбунду, который представлял его опорную этническую базу. Войну сталинского типа, которую МПЛА вело против крестьянства, точнее было бы назвать «крестьянской войной». Поддерживаемые администрацией Рейгана, но пропитанные культурой маоизма, руководители УНИТА легко прибегали к риторическим высказываниям типа «деревня против города», клеймя от имени «африканского народа» «креольскую аристократию» МПЛА[60]. Однако трудно определить, насколько широко накануне решающих перемен на Востоке крестьяне поддерживали Савимби. Во всяком случае, вслед за прекращением вмешательства Кубы и Южно-Африканской Республики в результате Нью-Йоркских соглашений 22 декабря 1988 года в МПЛА произошли обнадеживающие перемены.

Принятие его руководством в июне 1990 года рыночной экономики, также, как и партийного плюрализма, привели во время выборов 1992 года к поражению УНИТА.

Неоспоримое и неуклонное развитие организации УНИТА в течение пятнадцати первых лет независимости было в основном реакцией отторжения политики построения системы «Государство — МПЛА»; сама же организация была плодом «болезни», порожденной пятнадцатью годами разрушения товарообмена, насильственного рекрутского набора и массового перемещения населения, а также отсутствием юридических гарантий, которые привели к массовым преследованиям инакомыслящих.

Переходный период к плюрализму, однако, не особенно располагал к поиску ответственных за нарушения прав человека, и члены политической полиции (часто выходцы, как и в СССР, из этнических меньшинств) не были призваны к ответу за свою прежнюю деятельность: правительство изменилось мало, преемственность сохранилась. За исключением небольших групп, где нашлись пережившие «чистку» люди, ни одна из двух больших партий не посчитала нужным пролить свет на судьбу десятков тысяч жертв. Со свойственной ей лаконичностью «Международная амнистия» отметила, что это не соответствует «нормам справедливости, признанным во всем мире».

МОЗАМБИК

25 сентября 1974 года португальские военные прежде чем установить многопартийную систему в Лиссабоне, доверили судьбы Мозамбика исключительно Фронту освобождения Мозамбика ФРЕЛИМО (FRELIMO — *Frente de Libertagao do Mozambique),* возникшему в июне 1962 года[61]. Фронт смог под руководством доктора антропологии Эдуарду Шивамбо Мондлане привлечь симпатии международного сообщества и воспользоваться военной поддержкой как Китая, так и СССР. В отличие от Анголы, ФРЕЛИМО удалось накануне «революции гвоздик» в Португалии (25 апреля 1974 года) доставить много трудностей колониальным войскам, в большинстве состоящим из африканцев[62]. Фронт присоединил к себе значительную часть национальной интеллектуальной элиты и отражал существовавшие в ней идеологические различия. Однако к 1974 году стало все более заметно проникновение марксизма-ленинизма в его руководство. Начиная со 2-го съезда Фронта (1968 год) ход антиимпериалистической борьбы, развернутой Саморой Машелом* в духе китайской стратегии создания

* Самора Машел (1933—1986) — Президент Мозамбика (с 1975 года), с 1970 года — председатель ФРЕЛИМО. *(Прим. ред)*

«освобожденных районов», все более оправдывал слова, произнесенные незадолго до своего исчезновения в 1969 году доктором Мондлане: «Из этого я сегодня заключаю, что ФРЕЛИМО — более социалистический, революционный и прогрессивный, чем когда-либо, и что наша линия с каждым днем все более направлена к марксистско-ленинскому социализму». Причины подобного развития он видел в следующем: «Условия жизни в Мозамбике таковы, что наш враг не оставляет нам выбора».

На следующий день после провозглашения независимости казалось, что враг должен дать какую-то передышку новым хозяевам. Эти хозяева, среди которых превалировал городской элемент *ассимиладу* — белые, метисы или индийцы, — с энтузиазмом взялись за национальное строительство. В сельской стране обретение нации предполагало, на их взгляд, регламентирующую деятельность Партии-Государства — единственной силы, которая может обеспечить последовательную политику создания коммун-поселков, способствующих появлению *homem novo* (нового человека), столь дорогого сердцу поэта Сержио Жиейры[63]. Уже испытанная с начала 70-х годов в различающихся между собой по уровню жизни «освобожденных районах» политика «собирания в поселки» начала систематически проводиться по всей стране. Предполагалось, что все сельские жители, а это 80% населения, покинут свои традиционные жилища, чтобы объединиться в поселках. В энтузиазме независимости население на первых порах благосклонно отвечало на призывы администрации, засевая коллективные поля (быстро заброшенные в последующие годы), участвовало иногда в строительстве новых жилищ, далеко не всегда соглашаясь в них поселяться. На бумаге, однако, страна покрывалась сетью иерархизированных административных подразделений, находившихся теоретически под контролем партийных ячеек. Партия в 1977 году открыто выдвинула требование наследовать большевизму и призывала к расширению коллективизации земель и к укреплению связей с международным коммунистическим движением. Были заключены многочисленные договора с государствами Востока и налажена поставка оружия и инструкторов в поддержку родезийских националистов из *Zimbabwe African National Union.*

После того, как Мозамбик присоединился к советскому блоку, «белая» Родезия Яна Смита, из страха быть задушенной им, с помощью репрессий решила поддержать сопротивление режиму ФРЕЛИМО, начавшее проявляться в деревнях. *Resistencia NationalMocambicana* (Национальное сопротивление Мозамбика — РЕНАМО) под руководством Альфонса Длакама действовало под патронажем родезийских спецслужб до дня провозглашения независимости Зимбабве, даты, с которой военно-техническая опека перешла к Южной Африке (1980 год). К удивлению многих обозревателей, сопротивление сельского населения росло, несмотря на варварство методов РЕНАМО, действия которого приводили в ужас даже его родезийских покровителей. Но, как показали спасшиеся из «лагерей перевоспитания», которые умножались с 1975 года[64] стараниями *Servio National de Segurana Popular* (Национальная служба народной безопасности — СНАСП), методы «народной безопасности» были не менее отвратительны.

В раздираемой гражданской войной стране стремление любой ценой добиться контроля над возможно большей частью населения стало жизненно важным для каждого из противоборствующих лагерей, и редкие свидетельства этих усилий подтверждают наблюдения правозащитной организации *Human*

Rights Watch о размахе и жестокости репрессий по отношению к гражданскому населению с обеих сторон[65].

Насилие со стороны РЕНАМО, не поддерживаемое в отличие от ФРЕЛИМО государственным аппаратом, тем не менее не ограничилось действиями вооруженных банд, предоставленных самим себе после того, как их покровители отвернулись от них. Поддержка, которой РЕНАМО пользовалось, несмотря ни на что, выявляет ненависть к государству, корни которой кроются в неслыханной жестокости действий режима ФРЕЛИМО, оправдываемой им необходимостью вести «борьбу с трайболизмом и обскурантизмом», т.е. отправлением религиозных культов. Верность родовым отношениям и племенным вождям расценивалась режимом как «феодализм»[66].

Полномочия СНАСП начали неуклонно расширяться еще даже до того, как размах угрозы, представляемой РЕНАМО, был замечен властями Мапуту. Созданная в октябре 1975 года Служба народной безопасности была наделена правом арестовывать и брать под стражу всякого, кто подозревался в покушении на «безопасность государства» (понятие, включающее и экономические преступления). СНАСП была создана для передачи этих лиц суду, но следствие было возложено на нее. «Народная безопасность» могла также направить их прямиком в «лагерь перевоспитания». Право *Habeas corpus**, в котором задержанным в соответствии со статьей 115 уголовно-процессуального кодекса было отказано, к моменту первого крупного налета сил Сопротивления на лагерь перевоспитания в Сакузе (1977 года) оставалось воспоминанием (если предположить, что оно применялось во времена Салазара**). Проводимые Саморой Машелом время от времени наступления во имя законности *(pfensivas para legalidade)* не лишали СНАСП прерогатив, они имели целью подогнать правовые нормы под факты; такова была логика закона 2/79 от 28 февраля 1979 года (о преступлениях против безопасности народа и народного государства), устанавливавшего смертную казнь, отмененную в Португалии и во всех ее колониях с 1867 года. Высшая мера наказания не всегда, впрочем, применялась по формальному приговору, особенно, когда она касалась диссидентов ФРЕЛИМО. Таковы, к примеру, участь Лазару Нкавандане, Жонаса Симану и Уриа Симанго, уничтоженных во время их заключения в 1983 году. Судьба их оставалась неизвестной вплоть до того дня, когда партия поставила крест на марксизме-ленинизме[67]. Чтобы рассчитаться сполна, в том же 1983 году режим затронул и юриспруденцию, объявив о закрытии юридического факультета имени Эдуарду Мондлане, поскольку, как было сказано в правительственном сообщении, там готовили юристов «не к защите интересов народа, а к защите интересов эксплуататоров»[68].

Интеллигенция довольно быстро разочаровалась в режиме, но в основном помалкивала, предпочитая подкармливаться из официальной кормушки *Ассоциации мозамбикских писателей* и заниматься дома сравнениями «Народ-

* Название закона о свободе личности, принятого английским парламентом в 1679 году (по первым словам текста). Поэтому закону никто без решения суда не мог подвергнуть кого-либо задержанию или аресту. Каждый гражданин имел право требовать, чтобы в течение суток ему было предъявлено судебное обвинение, а при отсутствии такого требовать освобождения из иод ареста. *(Прим. ред.)*

** Антониу Салазар (1889—1970) — глава правительства Португалии в 1932—1968 годах. Основатель партии фашистского типа Национальный союз. Установил в Португалии диктаторский режим. *(Прим. ред.)*

ной безопасности» с КГБ и ЦРУ[69]. Очень редко встречались такие, как поэт Жорж Вьегас, заплативший за свое диссидентство сначала пребыванием в психиатрической больнице, а затем ссылкой.

Явное политическое ужесточение начала 80-х годов сочеталось, согласно логике, уже испытанной во время первых шагов Советской России, с поворотом в экономике. Разумеется, в отношении к загранице о повороте почти не приходится говорить: западные инвестиции всегда приветствовались, как и положено стране «социалистической ориентации», которой СССР отказал во вступлении в Совет экономической взаимопомощи[70]. Но в отношении к крестьянству поворот произошел: IV съезд ФРЕЛИМО (1983 год) остановил политику коллективизации, давшую негативные результаты. В одном из своих выступлений на съезде Самора Машел произнес следующие слова: «Мы забываем тот факт, что наша страна прежде всего состоит из крестьян. Мы упорно говорим о рабочем классе и мы отодвигаем на второй план большую часть населения»[71]. Каждая крестьянская лачуга, подожженная отрядами правительственной милиции по приказам иерархов, озабоченных темпами коллективизации, автоматически усиливала РЕНАМО. Непонятно, что больше осложняло положение с продовольствием — разрушение культурной системы, деградация обмена между городом и деревней, крах торговли или упадок земледелия. Не думается, однако, что оружие голода использовалось систематически как властями, так и РЕНАМО. В то же время контроль за распределением продовольственной помощи явился для ФРЕЛИМО далеко не самым последним средством привлечения на свою сторону населения, за которое боролись оба лагеря. Факт роста рядов сельских жителей, неспособных что-либо производить на новом месте и лишенных возможности вернуться на свои земли, был главным генератором будущих трудностей с продуктами питания. В общем, согласно *Human Rights Watch,* недостаточность необходимого питания в период 1975—1985 годов привела к многим смертям, число которых превысило число жертв военных действий[72]. Международная помощь для спасения населения была оказана. В январе 1987 года посол США в Мапуту направил в Государственный департамент доклад, где говорилось о 3,5 миллионах человек, которым угрожает голод в Мозамбике[73]; помощь от Вашингтона и различных международных организаций последовала незамедлительно. Между тем наиболее удаленные и подверженные климатическим случайностям зоны стали жертвами жестокого и смертоносного голода, масштабы которого трудно оценить. В районе Мемба, по сведениям гуманитарных организаций, 8 тысяч человек умерли от голода весной 1989 года[74]. Что касается земель, возрожденных международной солидарностью, то здесь рынок быстро вошел в свои права. Это один из выводов доклада Европейского сообщества 1991 года[75], откуда следует, что только 25% продовольственной помощи было продано по условленным ценам, 75% осталось в руках политико-административного аппарата, чтобы затем быть проданной по высоким рыночным ценам. «Новый человек», которого пытались создать Самора Машел и его окружение, был «глубоко патологическим продуктом компромисса: в плане индивидуальном он представлял из себя бесчестье, ложь и шизофреническое безумие. Он хочет жить, но для этого он должен раздвоиться, вести жизнь тайную, но настоящую, и жизнь публичную, но фальшивую, соглашаться на вторую, чтобы защитить первую, лгать без конца, чтобы сохранить где-то уголок правды»[76].

Неожиданный и внезапный крах Партий-Государств в восточных странах привел к совершенно естественному повороту в сторону внимательного изучения слабостей этих режимов, и особенно того сопротивления, какое они встречали в гражданском обществе. Даже если в течение пятнадцати рассматриваемых лет общественная характеристика африканского коммунизма как «современной политической легитимности»[77] могла бы иметь печальные последствия для какого-нибудь туземного преподавателя университета, такое восприятие все же сохраняет свою поучительность и многое объясняет. И если верно то, что специфика насилия, наблюдаемая в государствах, приверженных марксизму-ленинизму, мало чем выделяется на общем фоне континента, где чаще всего видишь власть одной партии, убийства мирных жителей и голод, то в действительности, хотя африканские страны и были (как об этом пишет А. Мбембе) «колонизированы и приведены к независимости западными державами, они в результате выбрали в качестве модели режимы советского типа», и потому никакие усилия демократизации не изменили «глубоко ленинскую природу африканских государств». В конце этой фразы следовало бы поставить вопросительный знак

3

Сильвен Булук

Коммунизм в Афганистане

Афганистан[1] занимает площадь в 640 тысяч кв. км, то есть территорию чуть больше Франции, и граничит с Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменией на севере, с Ираном на западе, с Пакистаном на востоке и юге, кроме того, на востоке имеет небольшую, всего в несколько десятков километров, границу с Китаем. Более трети его территории занимают высокие горы, некоторые из них превышают 7 тысяч метров. По данным на 1979 год, население Афганистана насчитывало 15 миллионов человек и состояло из множества этнических групп. Доминирующей этнической группой численностью в б миллионов человек, живущих главным образом на юге страны, являются пуштуны, придерживающиеся в большинстве своем суннитского направления ислама и говорящие на собственном языке — пушту. Таджики в основном относятся к персидской ветви суннизма, они говорят на языке дари, принадлежащем к персидской языковой группе, насчитывают около 4 миллионов человек и населяют главным образом восточные районы страны. Другие последователи суннизма — узбеки, тюрко-язычная группа численностью в 1,5 миллиона, живущая на севере страны. Примерно столько же, около 1,5 миллионов, составляют хазары, в основном они придерживаются шиитской ориентации ислама и живут в центральных районах страны. Прочие этнические группы, среди которых туркмены, киргизы, белуджи, аймаки, кохистанцы и нуристанцы, расселены по всей территории и в совокупности составляют примерно 10% всего афганского населения.

Главным фактором национального единства страны является ислам. Афганистан на 99% состоит из мусульман, в том числе 80% принадлежат к суннитской и 20% — к шиитской ветви ислама. Есть там еще религиозные меньшинства индусов и сикхов, а также небольшая еврейская община. Именно умеренный ислам определял ритм повседневной жизни Афганистана как в городах, так и в провинции. Он сохранил в неприкосновенности традиционные структуры общинно-племенной системы, где старейшины управляли всей жизнью небольших сообществ. В Афганистане, стране по преимуществу сельской, в 1979 году был лишь один крупный город с населением более 500 тысяч жителей — это расположенная на востоке столица страны Кабул; население в других, куда меньших по численности городах — таких, как Герат на западе, Кандагар на юге, а также Мазари-Шариф и Кундуз, — не превышало 200 тысяч жителей. Другим фактором, способствующим сплоченности жителей Афганистана, была многолетняя традиция сопротивления любым попыткам завоевания страны извне. Афганцы противостояли вторжению монголов, потом русских. В середине XIX века Афганистан попал под английскую опеку, которая существовала вплоть до 1919 года. Пока Англия и Россия, а позже Советский Союз, сталкивая

между собой народы Центральной Азии, боролись за господство в этом регионе, афганская монархия всегда старалась утвердить свою относительную независимость, ибо часто оказывалась ставкой в политической игре и соперничестве между двумя великими державами. Успешный захват власти в 1963 году шахом Захиром ускорил процесс культурного, экономического и политического обновления страны. Начиная с 1959 года женщинам было уже не обязательно носить чадру, они могли посещать школы, а университеты стали смешанными. Шах избрал путь демократизации режима, Афганистан шел к установлению парламентской системы: в 1965 году были признаны политические партии, прошли свободные выборы. Коммунистический государственный переворот27 апреля 1978 года и последующая советская интервенция нарушили равновесие в стране, поколебали традиционные устои и надолго затормозили ход прогрессивных перемен.

Афганистан и СССР с 1917 по 197 3 год

Советский Союз с Афганистаном связывали давние узы. В апреле 1919 года афганский король Аманулла-хан установил дипломатические отношения с новыми московскими властями, что позволило им открыть пять консульств.
28 февраля 1921 года были подписаны мирный договор и соглашение о сотрудничестве, после чего Советский Союз принял участие в создании в Афганистане линии телеграфной связи. Ежегодная субсидия, выплачиваемая шаху Советским Союзом, составляла 500 тысяч долларов. Все эти шаги свидетельствовали о намерениях советских руководителей не только обеспечить противовес английскому влиянию в Афганистане[2], но и распространить революцию на страны, находившиеся под колониальным и полуколониальным господством. Так, в ходе Съезда народов Востока, проходившего с 1 по 8 сентября 1920 года в Баку, руководящие работники Коминтерна, рассчитывая, что антиколониалистские и антиимпериалистические лозунги способны привлечь в их лагерь «угнетенные нации», выступили с заявлениями, где вместо понятия «классовая борьба» фигурировал термин *джихад* («священная война»). Имеются сведения, что в этом съезде принимали участие трое афганцев: Ага-заде от афганских коммунистов, Азим от так называемых беспартийных и Кара Таджиев, который впоследствиитакже стал представителем беспартийных в Конгрессе Интернационала[3]. Так, в резолюциях IV Конгресса Коминтерна, который открылся 7 ноября 1922 года, содержался призыв к ослаблению «империалистических держав» путем создания «единого антиимпериалистического фронта».

Тем временем советские войска под командованием одного из руководителей Красной Армии Михаила Васильевича Фрунзе (1888—1925), который, кстати сказать, участвовал в подавлении украинского анархистского движения под предводительством Нестора Махно, аннексировали в сентябре 1920 года Бухарское ханство, входившее одно время в состав королевства Афганистан. Одновременно Красная Армия расширяла военные операции против местных дехкан — так называемых басмачей или бандитов, упорно не желавших мириться с русским, а позднее большевистским владычеством в этом среднеазиатском регионе, — прибегая примерно к тем же самым методам, какие использовались против мятежного крестьянства в России. Окончательное присоединение этого региона состоялось в 1924 году, хотя и после этого борьба не затухала, а миллион басмачей нашли пристанище в Афганистане. И лишь

в 1933 году Красной Армии удалось, наконец, окончательно подавить сопротивление басмачей. Тем временем уже ощутимо чувствовалось влияние коммунистов на правящие круги Афганистана; немало афганских офицеров направлялись в военные учебные заведения СССР. Параллельно занимались подпольной деятельностью и так называемые советские дипломаты и специалисты: за подобную деятельность были высланы из страны один военный атташе и несколько инженеров[4]. Существует свидетельство присутствия в Афганистане и агентов ГПУ, в частности, Георгия Агабекова, сотрудника ЧК с 1920 года, который был внедрен в Иностранный отдел, став таким образом нелегальным резидентом сначала в Кабуле, а затем в Стамбуле, где продолжал заниматься Афганистаном вплоть до своего разрыва с ГПУ в 1930 году[5].

В 1929 году Аманулла приступил к проведению аграрной реформы. Одновременно велась и антирелигиозная кампания. Законы были скопированы с законодательной системы турецкого реформатора Кемаля Ататюрка и послужили причиной крестьянского восстания под рукововодством «сына водоноса» Бачаи Саккао, которое и свергло режим Амануллы[6]. Поначалу Коминтерн воспринял это восстание как антикапиталистическое. Позже СССР помог войскам прежнего режима под командованием афганского посла в Москве Гулям-Наби-хана вновь вернуться в Афганистан. Советские войска (отборные ташкентские соединения, поддерживаемые с воздуха русской авиацией) в афганской военной униформе вошли в Афганистан. Пять тысяч афганцев, представлявших правительственные вооруженные силы, были убиты, любого попадавшегося на пути мирного крестьянина казнили на месте[7]. Аманулла-хан и Гулям-Наби-хан бежали за границу, на том советская помощь прекратилась. Тогда во главе афганской армии встал спешно вернувшийся из Франции, где жил в изгнании, Надир-шах; знать и племенные старейшины провозгласили его законным монархом, а «сын водоноса» Бачаи Саккао, поначалу скрывавшийся, был арестован и казнен. Надир-шах пытался договориться как с англичанами, так и с Советским Союзом. Его признали и выслушали в Москве — в обмен на обещание с его стороны прекратить поддержку мятежнх басмачей. Предводителя басмачей Ибрагим-бека силами афганской армии оттеснили на территорию СССР, где он был арестован и казнен[8]. Новый договор о ненападении между Кабулом и Москвой был подписан 24 июня 1931 года. Надир-шах погиб от руки какого-то студента, и в 1933 году королем страны стал его сын Захир-шах.

После 1945 года Афганистан пережил несколько волн «модернизации», плоды которой чувствовались главным образом в столице, — в жизнь претворялись пятилетние и семилетние планы. Были заключены новые соглашения о дружбе и сотрудничестве с Советским Союзом. В частности, договор, подписанный в декабре 1955 года, провозглашал принцип невмешательства во внутренние дела друг друга. А тем временем в Афганистан для оказания помощи в модернизации афганской армии прибывало все больше советников из СССР.

Принц Мухаммед Дауд, двоюродный брат короля и премьер-министр, находился у власти с 1953 по 1963 год. Он принимал участие в создании движения неприсоединения. Со временем влияние СССР на страну становилось решающим, советские советники внедрялись в армию и во все ключевые области жизни Афганистана. Почти все экономические соглашения отдавали исключительное предпочтение отношениям с СССР, несмотря на то что принц регулярно предпринимал попытки добиться сближения с Соединенными Штатами. В 1963 году он был отстранен от власти Захир-шахом, который с тех пор зна-

чительно укрепил свое положение. На протяжении десятилетия (1963—1973 годы) Захир пытался превратить режим в конституционную монархию. Были легализованы политические партии, а в январе 1965 года в стране прошли первые свободные выборы. Второе голосование было проведено в 1969 году. В результате выборов большинство голосов было отдано в пользу местной знати и групп, поддерживающих правительство. Афганистан явно усваивал западно-европейский образ жизни и вступал на путь обновления и модернизации, хотя тогда его еще нельзя было назвать по-настоящему демократической страной. «Режим королевской власти был далек от совершенства: он грешил чванством, основывался на привилегиях и нередко оказывался коррумпированным, — подчеркивает Майкл Барри. — И все же он вовсе не был погружен в пучину варварства, хотя афганские коммунисты любили изображать дело именно так Кроме того, еще с 1905 года монархия отменила пытки, в стране перестали применять даже телесные наказания, предусмотренные шариатом. По сравнению с этим коммунистический режим представляет собой возвращение назад к варварству»[9].

Афганские коммунисты

Коммунистическая партия Афганистана, находившаяся в подполье, была легализована под названием Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА). Выборы позволили Бабраку Кармалю и его подруге Анатихе Ратебзад пройти в депутаты. Еще двое коммунистов, одним из которых оказался Хафизулла Амин, были избраны в результате выборов 1969 года. Состоявшийся в начале 1965 года съезд НДПА назначил, по указке Советского Союза, генеральным секретарем партии Нур Мухаммеда Тараки. Между тем за фасадом внешнего единства в партии существовали и разногласия, и соперничество, проистекающие как из соображений политического толка, так и порождаемые племенными противоречиями и личной неприязнью. Бабрак Кармаль происходил из *кабули,* то есть аристократов, близких к королевской семье, он был сыном генерала Мухаммеда Хосейн-хана, а Кармаль — всего лишь псевдоним, в переводе означающий «друг трудящихся». По словам одного перебежчика из КГБ, Кармаль многие годы сотрудничал с советскими органами госбезопасности. Другой основатель партии, Нур Мухаммед Тараки, был сыном зажиточного крестьянина и родился в одной из деревень провинции Газни. Он принадлежал к этнической группе пуштунов, а в правящие круги проник благодаря тому, что владел английским языком. Хафизулла Амин тоже был из пуштунов, он родился в предместье Кабула в семье мелких чиновников[10].

НДПА состояла из двух фракций — *Халък* («Народ») и *Парчам* («Знамя»), у каждой из них была своя газета. «Хальк» объединял пуштунов юго-восточных районов страны, вокруг «Парчам» группировались представители зажиточных классов, говорящие на диалектах персидского языка и стремящиеся осуществить на практике теорию единого фронта. Обе фракции не скрывая демонстрировали полнейшую ортодоксальность и послушно следовали советским политическим директивам, хотя, похоже, «Парчам» прислушивался к *пожеланиям* Москвы с чуть большей готовностью. Раскол между двумя фракциями продолжался с 1966 по 1976 год, причем каждая из них тем временем утверждала, будто представляет афганских коммунистов и действует от имени НДПА. «Хальк» и «Парчам» вновь объединились в 1976 году. Судя по всему, численность партии вряд ли когда-нибудь превышала 4000 — 6000 членов[11]. Наряду с этими двумя

группировками, объединенными в рамках НДПА, в стране существовали и прокитайские разновидности коммунизма. Партия *Шолайи-Джавид* («Вечный огонь»), которая вербовала своих сторонников главным образом среди шиитского населения и студенчества, впоследствии разделилась на множество ветвей. Все группы маоистского направления приняли участие в повстанческом движении. В 196 5—1973 годах афганские коммунисты вели непрекращающуюся кампанию, направленную на дискредитацию правительства и монархии. Они все чаще устраивали манифестации, срывали своими демаршами заседания парламента. Одновременно активисты НДПА предпринимали попытки завербовать новых сторонников в правящих кругах страны.

Государственный переворот Мухаммеда Дауда

Дауд, отстраненный от власти Захир-шахом в 1963 году, поднял мятеж, и в 1973 году при поддержке офицеров-коммунистов ему удалось совершить государственный переворот. Следует заметить, что мнения на сей счет расходятся: одни склонны полагать, что это было акцией, управляемой из Москвы[12], другие же считают, что Дауд воспользовался влиянием коммунистов. Как бы то ни было, но факт остается фактом: в правительстве Дауда насчитывалось семеро министров-коммунистов, принадлежащих к фракции «Парчам». Были приостановлены конституционные свободы. При подстрекательстве коммунистов прокатилась первая волна репрессий. «Лидер националистического движения» Хашим Мейвандваль (бывший премьер-министр либеральной ориентации, находившийся у власти в 1965—1967 годах) был арестован по обвинению в заговоре вместе с четырьмя десятками других, из которых четверо были казнены. По официальной версии, Мейвандваль покончил с собой в тюрьме. По общему же мнению, речь шла об убийстве, которое было специально спланированной акцией, направленной на то, чтобы отрезать Дауду все пути к отступлению и устранить ряд влиятельных лиц некоммунистической ориентации [13]. Террор и пытки повсеместно стали обычным делом, а в 1974 году первых узников приняла зловещая тюрьма Поли-Чарки.

Все же Дауд отстранил в 1975 году коммунистов от власти и заключил новые торговые соглашения со странами Восточного блока, а также с Ираном и Индией. Отношения с СССР стали ухудшаться, а во время официального визита в Советский Союз он поссорился с Брежневым и попытался укрепить экономическую независимость своей страны. Однако дни его были сочтены, и 27 апреля 1978 года Дауд был свергнут. Майкл Барри очень точно характеризует ситуацию в стране накануне этого государственного переворота: «До 1978 года Афганистан был светским государством, нетерпимым даже к мусульманской оппозиции объединительного толка, официально нейтральным, снисходительным в отношении Советского Союза, никоим образом не оспаривавшим ни его границ, ни порабощения им других мусульман. <...> Нет никакого смысла утверждать, будто СССР сделал упреждающий шаг, желая блокировать подъем объединительного мусульманского движения, ведь, устранив Дауда, он скорее усилил исламское влияние, которое до этого времени имел тенденцию недооценивать; более того, создается впечатление, будто с этим коммунистическим переворотом поторопились для того, чтобы буквально в самый последний момент помешать Афганистану вырваться из объятий советской империи»[14].

Апрельский переворот 1978 года, или «саурская революция»

Инцидентом, послужившим толчком к коммунистическому перевороту, стало убийство при весьма загадочных обстоятельствах одного из основателей НДПА Мир Акбара Хайбара. По одной версии, выдвинутой после прихода к власти сторонников фракции «Парчам», он был устранен людьми «Халька» во главе с Хафизуллой Амином. Вторая версия сводится к тому, что убийство было делом рук будущего главы афганских секретных служб Мухаммеда Наджибуллы при пособничестве секретных служб СССР[15]. Следствием этого убийства стали участившиеся выступления коммунистов и свержение Дауда. Хотя этот захват власти, судя по всему, был спланирован заранее. Глава «Халька» Амин, особенно тесно связанный с военными кругами, первоначально намечал государственный переворот на апрель 1980 года[16]. В сущности, характерной особенностью внедрения коммунизма в Афганистане было то, что он принял на вооружение методы, опробованные в Испании и с успехом использованные впоследствии в странах «народной демократии», а именно: проникновение в правящие круги, подрывная деятельность в армии и в высших эшелонах власти, потом насильственный захват власти, как это и было сделано в апреле 1978 года. Государственный переворот получил название «апрельской», или «саурской революции» (что в переводе означает «революция быка»). Отстранение от власти коммунистов и убийство Мир Акбара Хайбара ускорили приготовления. Множились и расширялись выступления коммунистов. Дауд приказал арестовать главных коммунистических лидеров или взять у них подписку о невыезде. Амин, содержавшийся под домашним арестом, сумел склонить на свою сторону полицейских (судя по всему, членов НДПА, которым было поручено следить за его домом), и таким образом ему удалось организовать государственный переворот, не выходя за пределы своего жилища[17].

Президентский дворец был взят приступом с применением танков и самолетов 27 апреля 1978 года. Дауд, его семейство и президентская гвардия отказались сдаться. На следующий день он сам и семнадцать членов его семьи были убиты. Начиная с 29 апреля среди военных, не принадлежавших к коммунистической партии, была проведена первая «чистка», результатом которой были 3 тысячи жертв. А репрессии против сторонников старого режима унесли около 10 тысяч жизней. От 14 до 20 тысяч человек были брошены в тюрьмы по политическим мотивам[18].

О создании нового правительства во главе с Нур Мухаммедом Тараки было объявлено 30 апреля. Тараки, принадлежавший к группировке «Хальк», стал президентом Демократической Республики Афганистан, Бабрак Кармаль из фракции «Парчам» — вице-президентом и вице-премьер-министром, а Хафизулла Амин из «Халька» получил посты второго вице-президента и министра иностранных дел. Советский Союз был первым государством, признавшим новое правительство[19], между двумя странами был подписан договор о взаимопомощи и сотрудничестве. Тараки объявил о проведении реформ, которые, по мнению всех обозревателей и очевидцев, разрушали традиционные устои афганского общества: были отменены крестьянские долги и упразднена залоговая плата за землю, школьное обучение стало обязательным для всех, была развернута антирелигиозная пропагандистская кампания. Тараки был провозглашен «вождем и отцом апрельской революции». Однако эти реформы вызвали всеобщее недовольство; первые восстания были подняты в июле 1978 года в Асмаре,

на юго-востоке Афганистана. Политическое насилие стало неотъемлемой частью повседневной жизни общества. 14 февраля 1979 года американский посол Адольф Дабс был похищен маоистской группировкой «Сетем-и-Милли»; они требовали освобождения одного из своих главарей Баррудима Бахеса, к тому времени уже казненного АГСА (так назывались афганские службы безопасности, не пренебрегавшие советами своих советских коллег). В дело вмешались агенты АГСА, убив как американского посла, так и его похитителей[20]. По мнению исследователей, «есть основания подозревать, что эта операция была исподтишка направлена на то, чтобы скомпрометировать дипломатическое положение режима Тараки»[21]. В любом случае ни одного очевидца этого захвата заложника в живых не осталось.

В это же время коммунистическое правительство развязало широкую антирелигиозную кампанию. В общественных местах сжигали Коран, арестовывали и зверски убивали мусульманских религиозных деятелей — имамов. Так, в клане Моджаддеди, одном из весьма влиятельных религиозных кланов шиитского толка, в ночь на 6 января 1979 года были зверски убиты все мужчины — 130 человек, состоящих в родстве[22]. Отправление религиозных обрядов было запрещено для всех конфессий, включая и небольшую еврейскую общину, насчитывавшую всего 5 тысяч верующих, которые жили в основном в Кабуле и Герате, (впоследствии они нашли убежище в Израиле).

А мятеж тем временем ширился, принимал все новые и новые формы, хотя и без централизованной организации. Сначала он охватил города, потом распространился и на сельские местности. «Каждый клан, каждая этническая группа в соответствии со своими традициями постепенно вливались в единый поток повстанческого движения. В сопротивлении участвовало множество группировок, поддерживающих постоянные контакты с населением; главным, что связывало их воедино, был ислам»[21]. Оказавшись перед лицом поголовного отказа смириться с захватом власти, афганские коммунисты с помощью своих советских советников прибегли к террору. «В марте 1979 года, — пишет Майкл Барри, — деревня Керала стала афганским *Орадур-сюр-Глан*:* 1700 взрослых и детей, все мужское население поселка, было согнано на площадь и расстреляно в упор; мертвые и раненые с помощью бульдозера были погребены вперемешку в трех общих могилах. До смерти перепуганные женщины еще долго видели, как колыхалась, вздымаясь холмиками, земля — это погребенные заживо пытались выбраться наружу. Потом — ничего, тишина. Матери и вдовы все как одна бежали в Пакистан. И эти «продавшиеся китайско-американским империалистам контрреволюционные феодалки» в своих жалких беженских халупах, рыдая от боли, с ужасом рассказывали о том, что им довелось пережить»[24].

И тогда афганские коммунисты стали просить у Советского Союза помощи, сначала скромной, а потом все большей и большей. В марте 1979 года вылетевшие с территории Советского Союза самолеты бомбардировали только что захваченный силами повстанцев город Герат, оказавший сопротивление коммунистической власти. В результате бомбардировок и последующих репрессий (армии было приказано провести «зачистку» мятежного города) погибли, согласно различным источникам, от 5 до 25 тысяч человек из общего двухсоттысячного населения. Свидетельств о размахе репрессий не осталось[25]. Тем временем мятеж распространялся по всей стране, и коммунистам вновь

* Поселок во Франции, уничтоженный вместе с жителями в 1944 году нацистами. *(Прим. ред.)*

пришлось обратиться к Советскому Союзу за помощью, которая с готовностью и была оказана. «Оборудование особого назначения на общую сумму 53 миллиона рублей, в том числе 140 дальнобойных орудий, 90 бронетранспортеров (из которых 50 в срочном порядке), 48 тысяч единиц стрелкового оружия, около 1 000 единиц гранатометов, 680 единиц авиационных бомб. <...> В качестве первоочередной помощи Советский Союз поставил 100 цистерн с зажигательной смесью, 150 ящиков бомб, но вынужден был извиниться, что не смог удовлетворить просьбу афганцев и поставить бомбы, начиненные токсичным газом, а также направить пилотов для вертолетных экипажей»[26]. Тем временем в Кабуле царил террор. Расположенная в восточной части города тюрьма Поли-Чарки была превращена в настоящий концентрационный лагерь[27]. Начальник тюрьмы Сайед Абдулла пояснял заключенным: «Вы попали сюда, чтобы мы превратили вас в отбросы». Пытки вошли в повседневную реальность. «Высшей мерой тюремного наказания стало погребение заживо в выгребной яме»[28]. Заключенных казнили по многу сотен за ночь, а «мертвых и корчащихся в агонии закапывали живьем с помощью бульдозеров»[29]. Так вновь были применены сталинские приемы, уже зарекомендовавшие себя в борьбе против неугодных власти народов. В частности, 15 августа 1979 года по подозрению в поддержке повстанческого движения были арестованы 300 человек, принадлежавших к хазарской этнической группе. «Сто пятьдесят из них были погребены заживо с помощью бульдозеров; остальных же облили бензином и заживо сожгли»[30]. В сентябре 1979 года сами тюремные власти признавали, что было уничтожено 12 тысяч заключенных. Начальник тюрьмы Поли-Чарки обращался к населению с такими словами: «Мы намерены оставить в живых только один миллион афганцев, этого вполне хватит, чтобы построить социализм!»[31].

Пока Афганистан постепенно превращался в сплошную гигантскую тюрьму, НДПА по-прежнему раздирали стычки между сторонниками группировок «Хальк» и «Парчам». Преимущества были явно на стороне фракции «Хальк». Сторонников же «Парчама» отправили по посольствам восточных стран. Их лидера Бабрака Кармаля, который был агентом КГБ[32], по настоятельной просьбе Советского Союза сослали в Чехословакию. 10 сентября 1979 года премьер-министром и генеральным секретарем НДПА становится Амин. Он устраняет потенциальных противников, организовав убийство Тараки, — по официальной версии, последний умер вследствие продолжительной болезни, возвращаясь из поездки в СССР. Многие обозреватели отмечали присутствие в Афганистане 5 тысяч советских консультантов, и в том числе начальника Генерального штаба сухопутных войск СССР генерал-полковника Ивана Григорьевича Павловского[33].

Немногим более года спустя итог коммунистического переворота оказался прямо-таки устрашающим. Шах Базгар, автор книги о событиях в Афганистане, пишет: «Сам Бабрак Кармаль признал, что в результате чисток, проведенных его предшественниками Тараки и Амином, погибли 15 тысяч человек. Хотя на самом деле жертв было не меньше 40 тысяч. Среди них, увы, в каторжной тюрьме Поли-Чарки бесследно исчезли два моих двоюродных брата по материнской линии. Один из них, Селаб Сафей, был известным писателем, чьи произведения читали по радио и на телевидении. Я питал к нему глубочайшее почтение. Другой мой кузен, его родной брат, был учителем. Была обезглавлена вся элита страны. Те немногие, кому удалось уцелеть, свидетельствуют о чудовищных злодеяниях коммунистов. Отворялись двери камер, и солдаты со спи-

сками в руках выкрикивали имена узников. Те поднимались. Несколько мгновений спустя раздавался оглушительный треск автоматов»[34]. Названное выше число жертв относится только к событиям в Кабуле и других крупных городах страны. Расправы в провинции, где коммунисты наводили порядок с помощью террора, пытаясь подавить любые формы сопротивления, а также бомбардировки тех же самых деревень стоили жизни почти 100 тысячам человек. Число спасавшихся от массовой резни афганских беженцев, по некоторым экспертным оценкам, перевалило за 500 тысяч человек[35].

Советская интервенция

Афганистан все больше погрязал в гражданской войне. Несмотря на все репрессии, коммунистам так и не удавалось утвердить свою власть, и им снова пришлось обратиться за помощью к Советскому Союзу. 27 декабря 1979 года началась операция «Шквал 333», и советские войска вошли в Афганистан. Согласно договору о дружбе и сотрудничестве они были призваны на помощь своим кабульским «братьям». «Группе боевиков из десантно-диверсионной группы КГБ под командованием полковника Бояринова <...> было поручено штурмом взять президентский дворец, убить Амина, а также уничтожить всех свидетелей, которые могли бы рассказать об этих событиях»[36]. Амин, похоже, пытался выйти из-под советской опеки, налаживал контакты с американцами (сам он в 50-е годы учился в Соединенных Штатах) и расширял связи со странами, которые не находились под прямым влиянием Советского Союза. В сущности, в Советском Союзе его судьба была решена уже 12 декабря 1979 года*. Его место занял Бабрак Кармаль. Наверное, Амину следовало бы добровольно отказаться от власти и принять почетную отставку. Но он этого не захотел, и расположенная на юге Советского Союза радиостанция сообщила о создании нового правительства, даже не дождавшись, пока Амин будет убит".

Относительно советского вторжения бытует множество версий. Некоторые видят в нём продолжение русской экспансии с целью получить выход к теплым морям; для других оно свидетельствует о намерении добиться стабилизации в регионе перед лицом экспансии радикального исламизма, если, конечно, исключить, что это вторжение было продиктовано имперскими устремлениями Советского Союза или, скажем, мессианскими намерениями марксистского режима, который стремился вовлечь все народы в орбиту своего коммунистического влияния. Наверняка сказалось и желание советского руководства встать на защиту государства, в котором у власти стояли коммунисты и которому якобы угрожали «агенты империализма»[38].

Советские войска вторглись в Афганистан 27 декабря 1979 года. Начиная с 1980 года советский контингент насчитывал около 100 тысяч человек. Война в Афганистане разворачивалась в четыре этапа. Первый этап — ввод войск — продолжался в период с 1979 по 1982 год. Самая суровая фаза этой тотальной войны выпала на 1982—1986 годы, свертывание военных действий относится к 1986—1989 годам. В Афганистане постоянно дислоцировались 200 тысяч советских солдат. Последняя фаза, которая пришлась на 1989 —1992 годы, озна-

* 12 декабря 1979 года состоялось закрытое собрание узкого круга членов Политбюро ЦК КПСС, на котором было принято решение о вводе войск в Афганистан и о смене его руководства. *(Прим. ред.)*

меновалась советской поддержкой Мухаммеда Наджибуллы, которому отводилась роль этакого афганского Горбачева, сулившего всеобщее национальное примирение. Это был период, когда, после вывода 15 февраля 1989 года своих войск, Советский Союз не скупясь направил в Афганистан военной техники на сумму 2,5 млрд. рублей в 1989 году и на сумму 1,4 млрд. в 1990 году. Правительство Наджибуллы пало лишь в 1992 году вслед за распадом Советского Союза[39].

С момента вторжения советских войск одновременно использовались две тактики: с одной стороны, тотальная война СССР, проводившего политику «выжженной земли», а с другой — массовый террор и систематическое уничтожение противников или подозреваемых в антиправительственных действиях в специальных тюрьмах организации АГСА (Организация по защите интересов Афганистана), превратившейся в 1980 году в КХАД (Служба государственной информации), а потом, в 1986-м, в ВАД (Министерство государственной безопасности), которые непосредственно финансировались КГБ и послушно следовали советам его инструкторов. Управление страной путем массового террора осуществлялось вплоть до вывода советских войск из Афганистана в 1989 году. На деле эта практика продержалась до 1992 года, когда окончательно пало правительство Мухаммеда Наджибуллы.

В течение четырнадцатилетней войны советским войскам и афганским коммунистам удалось подчинить себе не более 20% территории страны. Они довольствовались тем, что удерживали под своим контролем главные магистрали, основные города, а также районы, богатые зерном, газом и нефтью, — их продукция, естественно, шла Советскому Союзу. «Разработка и использование природных ресурсов Афганистана укладывается в рамки типичной экономики колониальной эксплуатации: колония поставляет сырьевые материалы и должна потреблять промышленную продукцию метрополии, обеспечивая таким образом функционирование своей собственной индустрии. <...> В соответствии с хорошо известными советскими методами оккупанты вынуждают оккупированную страну оплачивать все расходы по ее завоеванию и оккупации. Содержание армии, танки, бомбардировка населенных пунктов — все занесено в счет и за все приходится платить ее газом, ее хлопком, а позже — ее медью и электричеством»[40]. За четырнадцать лет Советский Союз с помощью афганской армии разжег настоящую тотальную войну. Однако афганская армия, численность которой составляла в 1978 году 80 тысяч человек, сокращалась день ото дня вследствие возраставшего дезертирства. В результате два года спустя численность ее уже не превышала 30 тысяч. В 1982 году на действительную службу были призваны резервисты. А в марте 1983 была объявлена всеобщая мобилизация всех мужчин старше восемнадцати лет. Пятнадцатилетних подростков забирали насильно.

Направленные в Афганистан солдаты, не считая соединений особого назначения, состояли в основном из граждан союзных республик — украинцев, латышей, литовцев, эстонцев. Ими заменяли контингенты советских мусульман, так как власти опасались заразы радикального исламизма. В общей сложности в Афганистан было направлено не меньше 600 тысяч военнослужащих. Число погибших советских солдат превысило 30 тысяч человек[41]. Их тела не только не были доставлены родственникам, но даже не возвращены в СССР. В опломбированные цинковые гробы вместо трупов насыпали песок или вместо тел одних погибших помещали тела других[42]. Деморализованные этой войной, солдаты находили забвение в алкоголе и наркотиках — гашише, опиуме

и героине. Часть подпольной торговли наркотиками была организована КГБ. Доходы от сбыта афганских наркотиков превысили выручку от «золотого треугольника»*. Горя желанием во что бы то ни стало вернуться домой, солдаты добровольно наносили себе увечья. По возвращении многие из мобилизованных на эту войну были брошены на произвол судьбы: одни с душевными расстройствами попадали в психиатрические лечебницы[43], другие были втянуты в преступные группировки, а третьи ступили на путь националистической демагогии, которая породила ультранационалистическое движение антисемитского толка «Память», снискавшее весьма доброжелательную поддержку со стороны КГБ[44].

В ответ на советскую интервенцию стало создаваться движение афганского сопротивления. Численность его участников, по экспертным оценкам, составляла от 60 до 200 тысяч человек. Они пользовались поддержкой населения. Афганское повстанческое движение состояло из семи суннитских группировок с тылами в Пакистане и восьми партий шиитской ориентации, чьи базы поддержки располагались в Иране[45]. Все группировки, порожденные повстанческим движением, провозглашали себя сторонниками радикального или умеренного исламизма — как, например, группировка полевого командира Масуда. Движение сопротивления пользовалось поддержкой американского конгресса, снабжавшего повстанцев оружием, в том числе, начиная с середины 80-х годов, ракетами «Стингер», которые позволяли повстанцам отражать советские атаки с воздуха, бывшие одним из важнейших методов ведения захватнической войны. Основной стратегией Советского Союза была стратегия террора. Любой человек, любой населенный пункт, так или иначе заподозренный в помощи мятежникам, немедленно становился жертвой репрессий. Расправы совершались непрерывно и повсеместно.

Чудовищные злодеяния присущи всякой войне. Взрыв насилия, порожденный всеобщим ожесточением и расширением военных действий СССР против Афганистана[46], охватил всю страну. В массовой резне повинны были и афганские повстанцы. И если мы здесь оставляем такие случаи в стороне, то это вовсе не значит, что мы не считаем их неприемлемыми и непростительными. В отличие от других подобных конфликтов, таких, как, например, вьетнамский, с которым нередко сравнивали Афганистан, эта война практически не освещалась средствами массовой информации и лишь незначительному количеству видеоматериалов о ней удавалось просачиваться на экраны. А ведь речь шла о всеобщем, распространившемся по всей стране восстании в ответ на коммунистический переворот, сопровождавшийся иностранной интервенцией. Следует, впрочем, отметить, что державы, поддерживавшие повстанцев, не слишком обращали внимание на то, насколько они сами соблюдали права человека, оказывая порой помощь самым беспощадным мракобесам. Однако это ничуть не ставит под сомнение тот факт, что ответственность за события в Афганистане полностью лежит на местных коммунистах и их союзниках из СССР. Правление с помощью массового террора и системы принуждения остается неизменным фактором истории коммунизма.

* Зона наркобизнеса в Юго-Восточной Азии. *(Прим. ред.)*

Размах репрессий

Проблема беженцев

Поток беженцев непрерывно возрастал. В конце 1980 года их число, по некоторым экспертным оценкам, перевалило за миллион. Известно, что 80% интеллигенции покинули страну 4 июля 1982 года. На начало 1983 года количество беженцев достигло примерно 3 миллионов, и это при общей численности населения всего в 15 миллионов человек. А в 1984 году число беженцев превысило 4 миллиона человек, что соответствует четверти населения страны[47], в начале 90-х оно составляло уже 5 миллионов. К беженцам, покинувшим Афганистан, следует добавить «внутренних беженцев», которые покидали свои жилища, свои деревни, стремясь уйти от войны и репрессий, — их число достигало почти 2 миллионов человек. По данным организации «Международная амнистия», беженцы, покинувшие Афганистан, являются «самой значительной группой беженцев в мире»[48]. Подавляющее большинство из них, более двух третей, поселилось в Пакистане, третья часть живет в Иране, и лишь незначительному меньшинству удалось обосноваться в странах Западной Европы или в Соединенных Штатах. Вот свидетельство Майкла Барри, работавшего в Афганистане: «Осенью 1985 года, в ходе секретного обследования, проведенного по заданию Международной федерации по правам человека в четырех провинциях восточной и центральной части страны, шведскому доктору Йоханну Лагерфельту и мне самому удалось провести перепись в двадцати трех населенных пунктах; по нашим оценкам, сокращение населения там достигло порядка 5б,3%»[49]. По всей территории страны примерно половина афганского населения была вынуждена покинуть свои жилища — бегство было прямым следствием широкомасштабного террора, осуществляемого Советской армией и ее афганскими единомышленниками.

Уничтожение селений и военные преступления

С самого начала интервенции советские атаки концентрировались главным образом на четырех направлениях: вдоль границы, в долине реки Пяндж, на юге страны в районе Кандагара и на востоке в районе Герата (последние две области были оккупированы в феврале 1982 года). Развязанная Советским Союзом тотальная война была довольно скоро осуждена Постоянным народным трибуналом, (наследником «трибуналов Рассела», деятельность которых была «непосредственно вдохновлена Нюрнбергским трибуналом; его юридические нормы легли в основу их судопризводства»[50]). Постоянный народный трибунал провел расследование массовых убийств. Оно было поручено специалисту по Афганистану Майклу Барри, юристу Рикардо Фреле и фотографу Мишелю Баре. Расследование подтвердило, что 13 сентября 1982 года советские солдаты заживо сожгли 105 жителей селения Падхаби-Шана (в провинции Лсгар, к югу от Кабула), укрывавшихся в подземном ирригационном канале. Солдаты использовали нефть, пентрит и динитротолуол (чрезвычайно легко воспламеняющееся жидкое топливо), которые по трубам из грузовиков с цистернами накачивали под землю, чтобы умертвить прятавшихся там афганцев. Состоявшееся 20 декабря 1982 года заседание Постоянного народного трибунала официально осудило это преступление. Представитель афганского правительства

в Париже, назвав трибунал игрушкой в руках империалистов, опроверг обвинение, мотивируя это тем, что «потолки *карезов»** не превышают нескольких сантиметров в высоту, так что человеку совершенно невозможно туда проникнуть»[51].

Сходное массовое убийство было совершено в селении Хашамкала, расположенном в провинции Логар. Сто мирных жителей, не имевших отношения к движению повстанцев, были умерщвлены тем же самым способом[52]. Всякий раз, когда советские войска входили в какое-нибудь селение, немедленно начиналась резня: «Завидев селение, вооруженный отряд делал остановку. После предварительного артиллерийского обстрела блокировались все дороги, затем солдаты выходили из бронемашин и принимались обшаривать деревню в поисках врагов. Очень часто — и тому есть бесчисленные свидетельства — обыски селений сопровождались акциями слепого вандализма, перепуганных женщин и стариков убивали на месте при малейшем неосторожном движении. Солдаты, как советские, так и афганские, забирали из домов радиоприемники и ковры, срывали с женщин украшения»[53]. Военные преступления и акты варварской жестокости совершались с поразительной регулярностью: «Советские солдаты облили руки мальчика керосином и подожгли на глазах у родителей за то, что те отказались сообщить им какие-то сведения. Чтобы заставить крестьян заговорить, их принуждали подолгу стоять босиком на снегу при очень низкой температуре. "Мы не берем военнопленных, — пояснил один солдат. — Ни единого. Обычно мы расстреливаем пленных на месте <...>" Во время карательных операций женщин и детей не убивали огнестрельным оружием. Их запирали в каком-нибудь помещении и забрасывали гранатами»[54].

Основной целью Советского Союза было посеять страх, запугать население и отбить у людей охоту оказывать поддержку повстанцам. В том же духе проводились и карательные операции. Обнаженных женщин сбрасывали с вертолетов, а в отместку за смерть одного советского солдата уничтожались целые селения. Вот свидетельства очевидцев: «13 октября 1983 года, в отместку за нападение на конвой вблизи селения Мушкизе в районе Кандагара, были уничтожены жители селений Колшабад, Мушкизе и Тимур-Калача. Общее число жертв составило 126 человек, в том числе: 40 — в Тимур Калача, или поголовно все жители этого селения, 51 — в Колшабаде и 35 — в Мушкизе. В основном это были женщины и дети: 50 женщин в возрасте от двадцати до тридцати двух лет и 26 детей; все мужчины, узнав о приближении отряда, покинули селения, чтобы избежать призыва на военную службу»[55]. Кроме того, населенные пункты систематически подвергались бомбардировкам, дабы предотвратить контрудары мятежников. Так, 17 апреля 1985 года советские войска стерли с лица земли ряд селений, уничтожив около тысячи жителей, чтобы подорвать тылы сопротивления в районе Лагмана. 28 мая 1985 года советские войска оставили зону Лагман-Кунар и провели «зачистку» населенных пунктов[56].

При этом систематически нарушались международные конвенции. В ходе бомбардировок советской авиацией сельских районов Афганистана интенсивно применялись напалм и фосфорные зажигательные бомбы[57]. Против гражданского населения также регулярно использовались различные типы

* Карез — ирригационное сооружение, позволяющее подводить воду к посадкам под землей, чтобы избежать ее испарения на жарком солнце. Практикуется с давних времен в. Центрально-азиатском регионе. Представляет собой большой тоннель, по которому течет вода из подземного источника. Постепенно тоннель сужается и разветвляется на подземные рукава, оканчивающиеся тонкими керамическими трубами. *(Прим. ред.)*

токсичных газов. Существуют многочисленные свидетельства о распылении с воздуха в ходе бомбардировок отравляющих веществ возбуждающего и удушающего действия, а также слезоточивых газов. 1 декабря 1982 года было отмечено применение против афганских повстанцев отравляющих веществ нервно-паралитического действия, однако число жертв осталось неизвестно[58]. В 1982 году Государственный департамент США отметил применение биологического оружия — микотоксина. Журнал *«Les Nouvelles d'Afghanistan»* в декабре 1986 года сообщал: «Этим летом, судя по всему, советские войска применили в Кандагаре химическое оружие, а согласно журналу *«Le Point»* от 6 октября 1986 года, использование смертоносных химических веществ отмечалось также в Лагмане»[59]. Одновременно советские войска отравляли токсичными веществами источники питьевой воды, что вызывало гибель людей и домашнего скота[6"]. Советское командование приказывало подвергать бомбардировкам селения, где укрывались дезертиры, дабы афганцам неповадно было предоставлять им убежище[01]. То же самое командование направляло афганских солдат разминировать территории и на аванпосты. В конце 1988 года, чтобы «зачистить» основные направления и таким образом подготовить себе пути к отступлению, Советская армия использовала ракеты типа «Скад» и «Ураган». В 1989 году советские войска вновь ступили на путь, опробованный десятью годами раньше, взяв под контроль дороги, дабы застраховаться от атак повстанцев. Накануне окончательного свертывания военных действий советские войска прибегли к новой стратегии: уничтожению беженцев. «Международная амнистия» отмечала, что «группы мужчин, женщин и детей, бежавших из своих деревень, подвергались интенсивным бомбардировкам со стороны советских и афганских вооруженных сил — это были карательные меры за атаки партизан. Среди упомянутых случаев приводится следующий: группа из сотни семей селения Шерхудо в провинции Фарьяб на северо-западе страны дважды подвергалась атакам на протяжении пятисоткилометрового пути к границе с Пакистаном, где беженцы надеялись найти убежище. Во время первой атаки в октябре 1987 года они, судя по всему, были окружены правительственными войсками, в результате чего были убиты девятнадцать человек, в том числе семеро детей младше шести лет. Две недели спустя с вертолетов был открыт огонь по той же самой группе беженцев, жертвами атаки стали еще пятеро мужчин»[62]. Несколько раз подвергались бомбардировкам и селения беженцев на территории Пакистана, которые могли служить тыловыми базами повстанцев; 27 февраля 1987 года целью такой бомбардировки стал расположенный в Пакистане лагерь Матазангар[63].

Наблюдатели констатировали и массированное использование противопехотных мин. Было размещено 20 миллионов мин, главным образом вокруг зон безопасности. Эти мины служили для защиты советских войск и промышленных объектов, которые поставляли продукцию в Советский Союз. Кроме того, их сбрасывали с вертолетов в сельскохозяйственные районы, чтобы помешать возделыванию плодородных земель[64]. В результате взрывов противопехотных мин были искалечены не менее 700 тысяч человек, жертвы продолжают множиться и по сей день. Стараясь терроризировать гражданское население, советские войска избирали мишенью детей, преподнося им «подарки» — начиненные смертоносной взрывчаткой игрушки, которые чаще всего сбрасывались с самолетов[65]. Описывая систематическое уничтожение селений, Шах Базгар в заключение отмечает: «Советские войска с остервенением набрасывались

на каждое жилище, грабя, насилуя женщин. Такое варварство было не просто продиктовано животными инстинктами, судя по всему, эти акции планировались специально: захватчики знали, что, совершая подобные злодеяния, они подрывают основы нашего общества»[66].

Стратегия «выжженной земли» и тотальной войны сопровождалась также и систематическим разрушением культурного наследия Афганистана. Так, Кабул прежде слыл городом космополитическим, где «царил особый кабульский дух — обстановка жизнелюбия, доброжелательности и граничащей с вольнодумством терпимости, которые свидетельствовали о свободе нравов и тем отличались от сурового уклада провинции»[67]. Эти характерные для города культурные традиции исчезли в результате войны и советской оккупации. А город Герат превратился в город-мученик вследствие многократных советских бомбардировок, проводившихся в качестве карательных мер за всеобщее восстание, охватившее запад страны с марта 1979 года. Был нанесен серьезный ущерб таким историческим памятникам этого города, как Соборная мечеть XII века и возведенный в XVI веке Старый город, а восстановлению их препятствовала советская оккупация[68].

К беспощадной войне против гражданского населения добавлялся непрерывный политический террор в районах, контролируемых афганскими коммунистами, которые опирались на поддержку Советского Союза. Афганистан при советской власти был превращен в гигантский концентрационный лагерь. Тюрьмы и пытки стали обычными средствами, которые систематически применялись ко всем, кто выступал против режима.

Политический террор

Бразды правления в стране находились в руках КХАД, афганской секретной полиции, аналогичной советскому КГБ. Эти службы держали под контролем места заключения и широко применяли пытки и убийства. Если официально деятельностью КХАД заправлял Мухаммед Наджибулла, то «пытки и допросы в подвластных КХАД местах лишения свободы с начала советской оккупации держал в своих руках сорокалетний <...> советский таджик по имени Ватан-шах»[69]. Тюрьма Поли-Чарки, расположенная в двенадцати километрах к востоку от Кабула, опустела после амнистии, объявленной с приходом к власти Бабрака Кармаля. Однако в феврале 1980 года Кармаль ввел военное положение, и тюрьмы снова заполнились. «Эта тюрьма состоит из восьми блоков, расположенных на манер спиц вокруг оси колеса. <...> Блок номер один был отведен для заключенных, уже допрошенных, но пока еще не осужденных. Во втором блоке были собраны самые важные узники, главным образом уцелевшие коммунистические деятели из утративших власть группировок. <...> В четвертом блоке держали нерядовых заключенных <...>, блока номер три боялись больше всего, ибо он был окружен двумя другими и до него не доходили солнечные лучи; именно здесь, в этих карцерах, содержали самых строптивых узников. Камеры третьего блока были такими тесными, что в них нельзя было ни встать, ни лечь. Камеры были переполнены. <...> Весной 1982 года тюрьму расширили вглубь за счет создания подземных казематов. Должно быть, именно об этих подземных камерах с ужасом вспоминали узники, называя их «тоннелями». <...> По сведениям, в тюрьме Поли-Чарки содержалось от 12 до 15 тысяч узников. К этой цифре следует добавить по меньшей мере еще 5 тысяч политических заклю-

ценных, сидевших в других тюрьмах Кабула и еще в восьми основных местах лишения свободы»[70].

Опубликованный в начале 1986 года Организацией Объединенных Наций доклад о правах человека в Афганистане[71] содержал обвинение КХАД, там же эта организация была названа «машиной для пыток». В докладе указывалось, что под началом КХАД находятся семь мест заключения в Кабуле: «1) Отдел № 5, известный под названием Хад-и-Пяндж. 2) Штаб-квартира КХАД в районе Шашарак. 3) Здание Министерства внутренних дел. 4) Центральный отдел допросов, известный как Седарат. 5) Отделы военного подразделения КХАД, известные под названием Кхади-Низами, и два отдельных строения по соседству со зданием Седарата. 6) Дом Ахмад Шах-хана. 7) Дом Вазир Акбар-хана, где размещался отдел КХАД в районе Ховзаи-Банкат»[72].

Кроме того, КХАД реквизировал двести частных домов вокруг столицы и в крупных городах, а также тюрьмы и военные пункты[73]. «Что касается характера пыток, — говорилось далее в докладе, — то специальному уполномоченному удалось получить свидетельства о полном наборе применявшихся способов пыток. Один бывший офицер службы безопасности в своих свидетельских показаниях назвал восемь типов пыток: пытки электрошоком, применявшиеся главным образом на мужских половых органах и женской груди; вырывание ногтей с применением электрошока; лишение узников возможности отправлять свои естественные физиологические потребности, так что по истечении какого-то времени они были вынуждены оправляться на глазах у сокамерников <...>; введение в анус мужчин деревянных предметов, чаще всего этому подвергались особо уважаемые люди почтенного возраста; выдергивание у заключенных бороды по волоску, эта участь главным образом постигала стариков и служителей религиозного культа; кроме того, заключенным крепко сжимали горло, заставляя широко разинуть рот, а потом мочились туда; против узников использовали полицейских собак; узников на длительное время подвешивали за ноги вниз головой; женщин насиловали, связывая их по ногам и рукам, а также засовывали им во влагалище различные предметы»[74]. Ко всем физическим пыткам следует добавить и пытки психологического свойства: имитация убийства, насилие над близкими на глазах заключенного, ложное освобождение[75]. Советники из СССР принимали участие в допросах и оказывали палачам вооруженную поддержку[76]. Кристофер Эндрю и Олег Гордиевский* отмечают, что «КГБ перенесло на афганскую землю многие ужасы своего сталинского прошлого»[77]. В КХАД насчитывалось 70 тысяч афганцев, в том числе 30 тысяч гражданского населения, которые находились под контролем полутора тысяч офицеров *КГБ*[8].

Несмотря на политический террор, который свирепствовал в Кабуле с момента коммунистического переворота, возрастало число повстанческих группировок, и бомбы то и дело точно попадали в места пребывания руководящих коммунистических функционеров. Множились массовые манифестации. Так, 27 апреля 1980 года студенты объявили недельную забастовку, желая таким образом на свой манер отметить годовщину государственного переворота. В ходе этой манифестации, по некоторым оценкам, были убиты шестьдесят студентов, среди них шесть девушек[79]. Забастовка продлилась целый месяц. В результате в тюрьме оказалось множество студентов и студенток, некоторые из них подвергались пыткам. «Самыми удачливыми были те, кого временно или

* Бывший сотрудник КГБ, бежавший на Запад. *(Прим. ред.)*

окончательно исключили из учебных заведений»[80]. К людям, не принадлежащим к коммунистической партии, применялся запрет на профессии. Еще более суровые репрессии коснулись преподавателей и учащихся. «Желая нагнать побольше страха на учащихся средних учебных заведений, палачи отводили их в камеры ужаса, где пытали повстанцев; Фарида Ахмади видела в камере ужаса КХАД отрубленные и разбросанные по полу человеческие конечности. <...> Выборочно жертв из студенческой среды иногда выпускали на свободу, чтобы они сеяли ужас среди товарищей и своими рассказами предостерегали тех от новых выступлений»[81].

Осенью 1983 года «Международная амнистия» опубликовала документ, где содержался призыв к освобождению некоторых заключенных. Профессор Хасан Каххар, декан исторического факультета, специалист по афганской истории, который преподавал в Бостонском и Гарвардском университетах, был арестован за то, что оказывал поддержку членам фракции «Парчам» (хоть и не состоял членом НДПА) и давал у себя приют многим нуждающимся в нем людям. Суд над ним шел при закрытых дверях, без адвоката. Он был осужден за контрреволюционные преступления и приговорен к восьми годам лишения свободы. Двое его коллег, тоже профессора, были осуждены на десять и восемь лет тюремного заключения. Единственный афганский физик-атомщик Мухаммед Юнис Акбари был в 1983 году отстранен от работы, арестован и лишен свободы без предъявления обвинения; до этого он уже дважды сидел за решеткой — в 1981 ив 1983 годах[82], после чего в 1984 году был приговорен к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение в 1990 году[83]. Представителей интеллигенции, которые принимали участие в деятельности групп, пытавшихся найти пути к восстановлению мира в стране, также сажали в тюрьмы. Всякого, кто мог представлять хоть малейшую угрозу режиму, методично устраняли.

Любая достоверная информация держалась под строжайшим контролем. Иностранцы, не получившие аккредитации режима, объявлялись *persona non grata;* та же участь неотвратимо постигала врачей и журналистов. С момента ареста советские представители препровождали их в центральную тюрьму, где подвергали допросу. Физических пыток к ним не применяли, ведь гуманитарные общества были в курсе, что они находились на территории Афганистана, и незамедлительно требовали их освобождения. И все же, несмотря на гуманитарный характер их присутствия на территории страны, в ходе фальсифицированных, ловко инсценированных судебных процессов их все-таки вынуждали делать ложные признания в шпионской деятельности в пользу иностранных государств и участии в вооруженных выступлениях мятежников[84].

Поскольку иностранцы были неудобными свидетелями, их не пытали и не убивали[85]. Любого же попавшего под подозрение афганца, напротив, методично и неотвратимо арестовывали, подвергали пыткам, а потом, как правило, убивали. Так, сторонники созданной в 1966 году пуштунской социал-демократической партии *(Афган Мелат)* были арестованы 18 мая 1983 года, хотя в то время ее члены не оказывали никакой поддержки афганским повстанцам. «Международная амнистия» опубликовала список (дополненный впоследствии новыми именами) из восемнадцати подвергнутых аресту сторонников партии, которые якобы выступили с «публичными признаниями». В период между 8 июня 1980 года и 22 апреля 1982 года правительство официально объявило о более чем пятидесяти смертных приговорах за контрреволюционную деятельность, в 1984 году — о семидесяти семи приговорах, в 1985 — о сорока[86].

19 апреля 1992 года была захвачена тюрьма Поли-Чарки и освобождены 4 тысячи заключенных. А в мае 1992 года вблизи нее обнаружили место массового захоронения, где были погребены 12 тысяч трупов[87]. Летом 1986 года Шах Базгар провел опрос, в котором участвовали 52 тысячи узников тюрем Кабула и 13 тысяч побывавших в местах заключения Джелалабада. По подсчетам специалистов общее число узников тюрем превысило 100 тысяч человек[88].

В 1986 году Бабрак Кармаль был лишен всех постов и заменен президентом горбачевского толка Мухаммедом Наджибуллой, который поначалу предпочитал называться «товарищ Наджиб», чтобы избежать каких бы то ни было ассоциаций с Аллахом, и снова стал Наджибуллой, когда пришла пора призвать к общенациональному примирению. Бывший врач, посол в Иране, член «Парчама», Наджибулла был ставленником Москвы. Он возглавлял КХАД с 1980 по 1986 год, и за свою службу был удостоен похвалы Юрия Андропова, прежнего главы КГБ, ставшего впоследствии Генеральным секретарем ЦК КПСС. Его брат, Седдикулла Рахи, прозвал его Быком и сравнивал с Берией. Он утверждал, будто за шесть лет Наджибулла подписал 90 тысяч смертных приговоров[89]. Кроме общего руководства секретными службами Наджибулла не раз лично пытал заключенных. Так, один из немногих оставшихся в живых очевидцев свидетельствовал: «После того, как я многократно отказывался признать обвинения, которые мне пытались инкриминировать, Наджибулла подошел ко мне и нанес несколько ударов в лицо и в живот. Я рухнул на пол. Уже лежа, почти в бессознательном состоянии, я чувствовал, как меня еще долго били ногами по лицу и спине. Изо рта и носа ручьем текла кровь. Я пришел в сознание лишь несколько часов спустя, уже оказавшись в своей камере».

Политический террор сопровождался самым беспредельным произволом. Так, один торговец, бывший депутат Национального собрания при короле Захире, был арестован по ошибке, подвергнут пыткам, потом выпущен на свободу. «Мой арест произошел примерно в половине десятого вечера, — свидетельствовал он. — <...> Меня поместили в камеру, где сидели еще двое заключенных, рабочий из Калахана, что к северу от Кабула, и чиновник из провинции Нангахар, который работал в Министерстве сельского хозяйства. Судя по виду рабочего, обращались с ним явно весьма жестоко. Одежда его была вся в крови, а руки сплошь покрыты ужасными синяками и ссадинами. <...> Меня повели на допрос. Там мне сообщили, будто в последние несколько недель я посетил Мазари-Шариф и Кандагар и якобы целью моих поездок было посеять смуту и поднять бунт против правительства. <...> Я не покидал Кабула уже более шести месяцев. Я опроверг обвинение, доказывая свою невиновность, но стоило мне об этом заявить, как меня принялись бить. <...> К пальцам моих ног подсоединяли телефонные провода и, крутя ручку аппарата, вызывали электрические разряды. <...> После этого меня больше не допрашивали. Спустя два дня у меня в камере появился один из агентов КХАД, принимавших участие в моем допросе, и объявил, что я свободен. Он сказал, что теперь КХАД убежден, что меня арестовали по ошибке...»[90].

Не миновал террор и детей. Их похищали, отправляли в Советский Союз, где из них готовили малолетних шпионов, которым надлежало внедряться в ряды повстанцев. Так, десятилетний Наим рассказывал Шах Базгару: «Я родом из Герата. Когда мне было восемь лет, меня забрали из школы и заставили вступить в Сазман [Коммунистическая молодежная организация Афганистана], потом я девять месяцев провел в СССР. Некоторых родителей приходилось при-

нуждать к этому силой. Что же до меня, то мой отец был за коммунистов, он был согласен. Мать умерла. Он снова женился. В доме, кроме брата и сестры, все были из группы «Хальк». Отец продал меня советским. В течение многих месяцев он получал за меня деньги. <...> Мы должны были заниматься шпионажем». Детей, чтобы ограничить их свободу, приучали к наркотикам, а те, кто постарше, могли пользоваться услугами проституток

Из беседы Шах Базгара с Наймом:

«— Доводилось ли тебе видеть, как при тебе умирали дети?

— Много раз. Однажды от электрошока. Детское тельце подскочило и отлетело, наверное, на метр, потом упало на землю. Этот мальчик отказался шпионить. В другой раз к нам привели еще одного мальчика. Его обвиняли в том, что он не донес об одном из своих приятелей, который будто бы залез под русский танк, чтобы поджечь его. Его повесили на дереве прямо на наших глазах. А начальники кричали: "Вот что вас ждет, если вы не будете выполнять то, что от вас требуют"[91].

В общей сложности в СССР были отправлены 30 тысяч детей в возрасте от шести до четырнадцати лет. Родителей, выражавших протест, приравнивали к повстанцам и бросали в тюрьмы.

Террор затронул все население, жертвами этой тотальной войны и тоталитарной политики оказались представители всех возрастов и всех социальных групп. Оккупационные советские войска стремились уничтожить любой очаг сопротивления. Чтобы добиться этой цели, они использовали широкомасштабный террор: бомбардировки гражданского населения, массовое уничтожение сельских жителей, их вынужденную массовую эмиграцию. К террору против гражданского населения добавлялся и террор политический: в каждом крупном городе были созданы особые тюрьмы, где узников подвергали пыткам и чаще всего лишали жизни.

Последствия интервенции

Коммунистический переворот, а затем и советская интервенция в Афганистан имели для страны самые трагические последствия. Начиная с 60-х годов страна встала на путь демократических преобразований и модернизации экономики, но этот процесс был резко прерван осуществленным при поддержке коммунистов государственным переворотом Дауда. Захват власти людьми, управляемыми из Москвы, прервал экономический взлет страны. Афганистан погрузился в пучину гражданской войны. Экономика его превратилась в экономику военного времени, ориентированную главным образом на нужды Советского Союза, и была в скором времени почти разрушена, зато процветали все виды подпольной торговли (оружием, наркотиками и др.). Еще и сегодня трудно оценить весь размах бедствия. Из населения общей численностью примерно в 16 миллионов человек более 5 миллионов жителей были вынуждены покинуть страну и бежать в Пакистан или в Иран, где влачат нищенское существование. Общее число погибших с трудом поддается точному подсчету: по оценкам свидетелей, война унесла от 1,5 до 2 миллионов жизней, из которых 90% приходится на гражданское население. Кроме того, от двух до четырех миллионов получили ранения. Трудно отрицать также прямую или косвенную вину коммунизма в подъеме исламистского движения и в пробуждении межэтнических противоречий. Из страны, ступившей на путь обновления, Афганистан был превращен в страну войны и насилия.

Стефан Куртуа

Почему?

«Голубые глаза Революции
Пылают необходимой жестокостью»

Луи Арагон. Красный Фронт

Эта книга представляет собой попытку нарисовать, возвысившись над ослеплением, страстями и добровольным беспамятством, картину преступлений, совершенных коммунистическим миром, не гнушавшимся ни индивидуальными убийствами, ни массовыми бойнями. Недавно, в 1991 году, коммунизм XX века пережил поворотный момент: в Москве рухнул стержень системы, и документы, находившиеся доселе под завесой секретности, стали доступны для изучения. Однако даже самые точные, самые обоснованные сведения, как они ни необходимы, не удовлетворяют нашей жажды знания и не заставляют умолкнуть совесть. Остается без ответа самый главный вопрос: — ПОЧЕМУ? Почему современный коммунизм, едва появившись на свет в 1917 году, почти с ходу обернулся кровавой диктатурой, а потом — преступным режимом? Неужели его цели не могли быть достигнуты иначе, чем запредельной жестокостью? Как объяснить, что коммунистическая власть на протяжении десятилетий воспринимала преступление как банальную, нормальную, повседневную практику?

Советская Россия стала первой страной, где установился коммунистический режим. Она была сердцем, двигателем мировой коммунистической системы, разраставшейся сначала скромными темпами, а после 1945 года совершившей могучий прыжок. Ленинско-сталинский Советский Союз — это исходный образец для современного коммунизма. Образец этот сразу же предстал преступным монстром. Это не может не поражать: ведь мировой социализм развивался в прямо противоположном направлении.

На протяжении всего XIX века размышления о революционном насилии сопровождались воспоминаниями об опыте Французской революции. Эта революция прошла в 1793—1794 годах стадию ничем не ограниченного насилия в трех главных формах. Самые дикие, так называемые сентябрьские убийства тысячи человек были совершены в Париже бунтовщиками без всякой поддержки свыше, без подстрекательства какой бы то ни было партии. Далее был учрежден Революционный трибунал, «комитеты бдительности [доносов] и гильотины», отправившие на смерть 2625 человек в Париже и еще 16 600 — по всей Франции. Долго замалчивался террор, осуществлявшийся «адскими колоннами» Республики, призванными искоренить Вандею, от рук которых пали десятки тысяч безоружных людей. И все же месяцы террора представляют собой лишь кровавый эпизод, оставшийся точкой на протяженной траектории, символом которой является формирование демократической республики, располагающей конституцией, законно избранной ассамблеей и свободой политических дискуссий. Как только Конвент набрался храбрости, с Робеспьером было покончено, с террором тоже.

Франсуа Фюре показывает тем не менее генезис особого представления о Революции, неотделимого от крайних мер: «Террор — это правление страха, которое Робеспьер теоретическими ухищрениями превратил в правление добродетели. Рожденный как средство искоренения аристократии, террор переродился в средство борьбы со злоумышленниками и преступниками. Он стал нераздельным спутником Революции: только он один способен породить республику граждан. <...> Если республики свободных граждан еще не существует, значит, виноваты люди, развращенные прошлой историей; посредством террора Революция, эта небывалая, новейшая история, выкует нового человека»[1].

Кое в чем террор предвосхитил деятельность большевиков: это касается манипулирования социальной напряженностью, которой занималась якобинская фракция, ожесточенного идеологического и политического фанатизма, развязывания войны против взбунтовавшейся части крестьянства... Робеспьер несомненно уложил первый булыжник в мостовую, по которой позднее пришел к террору Ленин. Разве не он заявил Конвенту: «Чтобы наказать врагов родины, достаточно определить их имена. Это будет не наказание, а уничтожение»[2]?

Это террористическое наследие не слишком вдохновляло главных революционных мыслителей XIX века. Сам Маркс уделил ему мало внимания: он, конечно, подчеркивал и оправдывал «роль насилия в истории», но усматривал в нем самую общую предпосылку, не предполагая систематического, намеренного применения насилия против людей; впрочем, его позиции была присуща некоторая двойственность, которой воспользовались адепты терроризма, стремящиеся решать социальные конфликты при помощи силы. Опираясь на катастрофический для рабочего движения опыт Парижской коммуны, за которой последовали суровые репрессии (не менее 20 тысяч убитых), Маркс резко критиковал такого рода действия. В дискуссии, развернувшейся в рамках I Интернационала между Марксом и русским анархистом Михаилом Бакуниным, первый одержал, казалось бы, безоговорочную победу. Накануне войны 1914 года внутренняя дискуссия в социалистическом и рабочем движении на тему о террористическом насилии как будто сама собой угасла.

Новым и очень важным обстоятельством было ускоренное развитие парламентской демократии в Европе и Соединенных Штатах. Благодаря парламентским выборам социалисты неуклонно набирали политический вес. На выборах 1910 года Французская секция II Интернационала завоевала 74 депутатских места; независимые социалисты, предводитель которых Мильеран с 1899 года работал в «буржуазном» правительстве, добились 30 мест. Жан Жорес олицетворял синтез старой революционной риторики и повседневной реформистско-демократической деятельности. Лучше всех организованы и сильны в Европе были немецкие социалисты: накануне 1914 года число членов в их партии достигло 1 миллиона человек, в парламенте заседало 110 социалистов, в ландтагах (местных законодательных органах) их было 220, муниципальных советников-социалистов насчитывалось 12 тысяч. Немецкая социалистическая партия издавала 89 газет. Многочисленным и организованным было и английское лейбористское движение, опиравшееся на мощные профсоюзы. Большую активность проявляла скандинавская социал-демократия, придерживавшаяся реформистских, парламентских воззрений. В недалеком будущем социалисты могли рассчитывать на завоевание абсолютного парламентского большинства и начало коренных, но исключительно мирных социальных реформ.

Эту тенденцию теоретически обосновывал Эдуард Бернштейн*: не наблюдая в капитализме признаков краха, предсказанного Марксом, он настаивал на постепенном и мирном переходе к социализму, опирающемся на усвоение рабочим классом ценностей демократии и свободы. Сам Маркс с 1872 года высказывал надежду, что в Соединенных Штатах, Англии и Голландии революция может принять мирные формы. Эта тенденция была развита его другом и последователем Фридрихом Энгельсом в предисловии ко второму изданию труда Маркса *Классовая борьба во Франции,* опубликованного в 1895 году.

Тем не менее отношение социалистов к демократии не было достаточно определенным. В период «дела Дрейфуса»** во Франции рубежа веков они придерживались противоречивой позиции: Жорес выступал в защиту Дрейфуса, тогда как Жюль Гед, крупный деятель французского марксизма, презрительно заявлял, что пролетариату ни к чему вмешиваться во внутренние свары буржуазии. Европейское левое движение не было однородным: некоторые его течения — анархисты, синдикалисты, бланкисты — по-прежнему тяготели к радикальному, часто насильственному сопротивлению парламентаризму. Тем не менее накануне войны 1914 года II Интернационал, официально провозглашавший приверженность марксизму, склонялся к мирным решениям, уповая на активность масс и всеобщее голосование.

В Интернационале с начала века выделялось экстремистское крыло, к которому принадлежала самая непримиримая фракция русских социалистов — большевики, возглавляемые Лениным. Придерживаясь к европейской марксистской традиции, большевики одновременно были связаны корнями с русским революционным движением. Последнее на протяжении всего XIX века было пронизано насилием, первым радикальным проявлением которого стала деятельность знаменитого Сергея Нечаева, вдохновившего Достоевского на создание образа Петра Верховенского, революционера из романа *Бесы.* В 1869 году Нечаев написал *Катехизис революционера,* где были такие слова: «Революционер — заранее обреченный человек. У него нет собственных интересов, частных дел, чувств, личных привязанностей, собственности, даже имени. Он целиком поглощен единственной заботой, вытесняющей все прочие, единственной мыслью, единственной страстью — революцией. Он не только на словах, но и на деле порвал все связи с существующим порядком, со всем цивилизованным миром, со всеми законами, приличиями, общественными условностями и правилами морали этого мира. Революционер — непримиримый враг всего этого, он живет только для того, чтобы разрушить все это до основания»[3].

Далее Нечаев уточняет свои цели: «Революционер проникает в политический мир, в свет, в так называемую просвещенную среду, живет в ней только для того, чтобы поскорее полностью ее разрушить. Тот не революционер, у кого хоть что-то в этом мире вызывает жалость»[4]. Дальше — о деле: «Все это подлое общество должно быть разделено на несколько категорий. В первую войдут обреченные на

* Эдуард Бернштейн (1850—1932) —один из лидеров германской социал-демократической партии и II Интернационала, идеолог реформизма. Во второй половине 90-х годов выступил с критикой теоретических основ марксизма как устаревших. *(Прим. ред.)*

** Дело Дрейфуса было сфабриковано в 1894 году французской военщиной по ложному обвинению офицера французского Генштаба, еврея по национальности, А. Дрейфуса, в шпионаже в пользу Германии. Несмотря на отсутствие доказательств, суд приговорил Дрейфуса к пожизненной каторге. Борьба вокруг дела Дрейфуса привела к политическому кризису. *(Прим. ред.)*

немедленную смерть. <...> Во вторую — лица, которым временно оставляют жизнь, чтобы своими чудовищными действиями они подтолкнули народ на восстание».

У Нечаева появились конкуренты. 1 марта 1887 года было совершено покушение на царя Александра III. Царь уцелел, покушавшиеся были арестованы. Среди них оказался старший брат Ленина Александр Ильич Ульянов, которого повесили вместе с четырьмя сообщниками. Ненависть Ленина к режиму имела глубокие корни; именно он тайно от соратников принял решение о казни царской семьи и организовал ее в 1918 году.

По мнению Мартена Малья, жестокость кучки интеллигентов, «этот воображаемый возврат к Французской революции, обозначил появление на мировой арене терроризма как систематической тактики в политике (в отличие от индивидуального террора). Народническая стратегия восстания, родившаяся внизу (в массах), соединившись с террором, идущим сверху (от правящих кругов), привела к узакониванию в России политического насилия, превосходящего все, что происходило в Западной Европе с 1789 по 1871 год»[5].

Насилие в политике оказалось, однако, продолжением насилия, являвшегося на протяжении веков неотъемлемой частью русской жизни. Как пишет в своей книге *Русское несчастье* Элен Каррер д'Анкос, «беспримерное несчастье этой страны кажется загадкой всем, кто изучает ее судьбу. Пытаясь разобраться в глубинных причинах этих вековых бед, мы выявили роковое звено: злосчастную связь между завоеванием или удержанием власти и политическим убийством — индивидуальным или массовым, реальным или символическим. <...> Эта давняя традиция сформировала коллективное сознание, в котором нет места мирному политическому сосуществованию»[6].

Царь Иван IV, прозванный Грозным, уже тринадцати лет от роду приказал в 1543 году рвать собаками своего первого министра князя Шуйского. В 1560 году он впал в мстительную ярость из-за смерти жены: в каждом подозревая потенциального предателя, он, идя как бы концентрическими кругами, истреблял не только своих реальных и мнимых врагов, но и их близких. Его личная гвардия опричников получила право сеять индивидуальный и коллективный террор. В 1572 году Иван казнит опричников, потом убивает своего родного сына, наследника престола. При его царствовании окончательно оформляется крепостное закабаление крестьянства. Петр Первый был не менее жесток с заклятыми врагами России, аристократией и собственным народом и так же не остановился перед уничтожением своего сына-наследника.

В период от Ивана Грозного до Петра Первого в России сложилась специфическая система, при которой воля к прогрессу, исходящая от абсолютной власти, сочеталась со все более жестоким подчинением и народа и высших слоев обществ диктаторскому, террористическому государству. Василий Гроссман так написал об отмене крепостного права: «Это событие, как показало последующее столетие, было более революционным, чем события Великой Октябрьской социалистической революции: это событие поколебало тысячелетнюю основу основ России, основу, которой не коснулись ни Петр, ни Ленин: зависимость русского развития от роста рабства». Естественно, рабство удерживалось на протяжении веков благодаря постоянному насилию.

Томаш Масарик, просвещенный государственный деятель, основавший в 1918 году чехословацкое государство, хорошо зная революционную Россию (он пробыл там с 1917 по 1919 год), показал преемственность между царским

насилием и насилием большевиков. В 1924 году он писал: «Русские, в том числе большевики, — дети царизма; он лепил их из веку в век. Царя они сумели свергнуть, царизм — нет. Они по-прежнему щеголяют в царских мундирах, вывернутых наизнанку. <...> Большевики не были готовы к административной, позитивной революции, поэтому совершили революцию негативную: из-за своего доктринерского фанатизма, узости мышления и отсутствия культуры произвели массу бессмысленных разрушений. Прежде всего я обвиняю их в том, что они, по примеру царей, с наслаждением предались убийствам»[7].

Насилие было распространено не только в правящих кругах. Крестьянские восстания тоже сопровождались убийствами дворян и диким террором. Два таких восстания оставили особенно глубокий след в коллективной памяти народа: восстание Стеньки Разина в 1667—1670 годах и бунт Емельяна Пугачева, возглавившего в 1773—1775 годы огромную крестьянскую армию. Пугачев заставил пошатнуться трон Екатерины II и залил кровью берега Волги, за что был четвертован и отдан на съедение псам.

Если верить писателю Максиму Горькому, свидетелю и бытописателю нищеты дореволюционной России, насилие пронизывало все тамошнее общество. В 1922 году, осуждая большевистские методы, он писал:

«Жестокость — вот что меня всю жизнь поражало и преследовало. В чем заключаются, где лежат корни человеческой жестокости? Я много думал об этом, но так ничего и не понял и до сих пор не понимаю. <...> Теперь, после ужасающих безумств европейской войны и кровавых революционных событий <...> я вынужден отметить, что русская жестокость не изменилась; сами ее формы остались прежними. Хроникер писал в начале XVII века о пытках своей эпохи: одним порох клали в рот и поджигали, другим совали его в зад. Дырявили женщинам груди, продевали в дыры веревки и подвешивали... В 1918—1919 годах то же самое происходило на Дону и на Урале: несчастных подрывали, вставив в зад динамитные шашки. По-моему, русскому народу свойственны — в той же степени, в какой англичанам чувство юмора, — особая, хладнокровная жестокость, какое-то стремление испытать пределы человеческого терпения кстра-даниям, испробовать живучесть ближнего. В русской жестокости ощущается какая-то дьявольская изощренность: в ней есть тонкость, изысканность. Нельзя объяснить эту особенность словами психоз или садизм, которые по сути ничего не объясняют. <...> Если бы эта жестокость была всего лишь проявлением извращенной психологии отдельных людей, о ней не стоило бы говорить: это относилось бы к области психиатрии, а не морали. Но я говорю о коллективном наслаждении страданием. <...> Кто более жесток — красные или белые? Они одинаково жестоки, ибо те и другие — русские. На вопрос о степени жестокости дает ясный ответ история: более жесток тот, кто более активен»[8].

А ведь с середины XIX века Россия, казалось бы, пошла более умеренным, более «западным», более «демократическим» путем. В 1861 году царь Александр II отменил крепостное право и освободил крестьян, создал *земства* — органы местной власти. В 1864 году, стремясь к построению правового государства, он учредил независимую судебную систему. Процветали университеты, искусства, литература и публицистика. К 1914 году была в значительной степени преодолена неграмотность на селе, где проживали 85% населения. Общество как будто стало более цивилизованным, что вело к снижению уровня насилия. Даже

разгромленная революция 1905 года подстегнула движение всего общества в сторону демократии. Парадокс состоит в том, что именно в тот момент, когда реформа получила, наконец, шанс возобладать над насилием, темнотой и приверженностью старине, разразилась война, положившая конец этим позитивным переменам. 1 августа 1914 года на европейской арене восторжествовало массовое, безудержное насилие.

Мартен Малья пишет: «Еще Эсхил показал в *Орестее,* что преступление порождает преступление, насилие — насилие, и так будет продолжаться вплоть до искупления первородного греха рода человеческого. Точно так же кровь августа 1914 года стала в европейском доме чем-то вроде проклятия Атридов, развязавшего страшную череду международного и социального насилия, которым отмечен весь XX век: бойня Первой мировой была несопоставима с выигрышем, на который могли рассчитывать противоборствующие стороны. Именно война стала причиной русской революции и захвата власти большевиками»[9]. Ленин согласился бы с этим выводом: ведь начиная с 1914 года он призывал к «перерастанию войны империалистической в войну гражданскую» и пророчествовал, что капиталистическая война приведет к социалистической революции.

Разгул насилия продолжался четыре года, превратившись в беспрерывное и бессмысленное взаимное истребление; головы сложили восемь с половиной миллионов человек. То была война нового типа, названная германским генералом Людендорфом *тотальной:* наряду с военными гибли в огромном количестве гражданские лица. Тем не менее насилие, достигшее невиданных в истории масштабов, хоть как-то вводилось в рамки многочисленными законами и международными соглашениями.

Каждодневные массовые убийства, да еще при отягчающих обстоятельствах—с использованием отравляющих газов, одновременной гибелью тысяч солдат под ливнем снарядов и долгой агонией раненых на ничейной земле между позициями противоборствующих сторон, — оказали сильное влияние на человеческую психику, ослабили сопротивляемость человека смерти — своей собственной и ближнего. Это привело к всеобщему притуплению чувств. Карл Каутский, лидер и теоретик немецкого социализма, писал в 1920 году: «Война повинна в замене гуманизма жестокостью. <...> На протяжении четырех лет мировая война перемалывала здоровое мужское население, брутальные милитаристские тенденции достигли вершин бесчувственности и озверения, так что даже пролетариат не мог воспротивиться их влиянию. Подхватив эту заразу, он теперь несет на себе ее клеймо. Люди, вернувшиеся с поля боя, проявляют склонность и в мирное время отстаивать свои интересы и требования в духе военных нравов — прибегая к кровопролитию и насилию в отношении соотечественников. Налицо один из побудительных мотивов гражданской войны»[10].

Как ни парадоксально, ни один из большевистских главарей не участвовал в войне: одни были в эмиграции (Ленин, Троцкий, Зиновьев), другие отбывали срок в Сибири (Сталин, Каменев). Все эти люди, кабинетные ученые или митинговые ораторы, не имели военного опыта, никогда не участвовали в серьезных боях, где царит смерть. До момента захвата власти их войны оставались словесными, идеологическими, политическими. Их представление о смерти, убийстве, людских бедствиях было абстрактным.

Это незнание практической стороны дела способствовало жестокости режима. Большевики исходили из сугубо теоретического классового анализа,

не имея представления о национальной, даже националистической подоплеке военного столкновения. Возлагая ответственность за бойню на капитализм, они априори оправдывали революционное насилие: положив конец власти капиталистов, революция покончит с войной, пусть придется пожертвовать ради этого горсткой капиталистов, виновных в катастрофе. То были бесчеловечные спекуляции, основанные на совершенно ложной гипотезе, согласно которой со злом следует бороться с помощью зла. Однако в 20-е годы пацифизм, порожденный отвращением к войне, подталкивал многих в объятия коммунистов.

При этом, как справедливо подчеркивает Франсуа Фюре в своей работе *Прошлое одной иллюзии,* «война — дело массы гражданских людей, выстроенных в шеренги и переведенных из состояния независимого гражданина в воинское подчиненное положение на неизвестный им срок, брошенных в ад и пламень, где следует «держаться», а не дерзать и побеждать. Никогда еще воинская служба не падала так низко в глазах миллионов людей, оторванных от нормального существования. <...> Война— наиболее странное политическое состояние для гражданина. <...> Ее необходимость диктуется страстями, а вовсе не желанием заключить выгодную сделку или примирить противников, воззвав к их разуму. <...> Армия, ведущая войну, предсгавляет собой общественный институт, в котором не существует личности, и его негуманность порождает неодолимую инерцию»[11]. Война стала оправданием насилия и презрения к человеку, она ослабила нарождавшуюся демократическую культуру и возродила культуру общества несвободы.

На рубеже веков экономика России вошла в фазу бурного роста, общество день за днем становилось все более независимым от власти. Тяготы войны подвергли людей и производство жестокому испытанию и обнажили пороки режима, царственный глава которого не обладал энергией и прозорливостью, необходимыми для спасения положения. Февральская революция 1917 года стала реакцией на катастрофическую ситуацию и развивалась сначала по классическому сценарию: буржуазно-демократическая революция — выборы Учредительного собрания — рабоче-крестьянская революция в социальной сфере. После большевистского переворота 7 ноября 1917 года все рухнуло: революция вошла в этап эскалации насилия. Спрашивается, почему из всех стран Европы одна Россия пережила подобный катаклизм?

Мировая война и русская привычка к насилию помогают, конечно, понять ситуацию, в которой пришли к власти большевики; однако остается неясно, почему они сразу прибегли к насильственным методам, так резко контрастирующим с Февральской революцией, протекавшей сначала действительно мирно и демократически. Насилие навязал революции тот же человек, который навязал своей партии захват власти, — Ленин.

Диктатура Ленина быстро превратилась в террористическую и кровавую. Революционное насилие сразу перестало быть лишь реакцией, защитным рефлексом перед лицом монархических сил, — ведь они прекратили существование за несколько месяцев до того. Нет, то было активное насилие, пробуждение старых инстинктов зверства, разжегшее дремавшую жестокость социального возмущения. Красный террор был официально объявлен только 2 сентября 1918 года, однако на самом деле он начался гораздо раньше: Ленин сознательно развязал террор еще в ноябре 1917 года, в отсутствие всякого открытого сопротивления других партий и социальных слоев. 4 января 1918 года он приказал разогнать Учредительное собрание, избранное впервые в русской истории всеобщим голосованием, и стрелять в демонстрантов, протестовавших против произвола.

Первая фаза террора была немедленно и решительно осуждена лидером меньшевиков, русским социалистом Юлием Мартовым, писавшим в августе 1918 года: «С первых дней своего пребывания у власти, даже отменив на словах смертную казнь, большевики начали убивать. Убивать пленных гражданской войны, как поступают все дикари. Убивать врагов, которые сдались после боя, поверив обещанию сохранить им жизнь. <...> После этих убийств, организованных или не остановленных большевиками, власти сами занялись истреблением своих врагов. <...> Уничтожив десятки тысяч без суда, большевики перешли к казням <...> по всей форме. Создан новый Высший революционный трибунал для суда над врагами советской власти»[12].

Мартова томили тяжелые предчувствия: «Зверь лизнул теплой человечьей крови. Машина человекоубийства пущена на полный ход. Г-да Медведев, Бруно, Петерсон, Карелин — судьи ревтрибунала — засучили рукава и сделались добровольными мясниками. <...> Но кровь взывает к дальнейшему кровопролитию. Политический террор, развязанный с октября большевиками, затянул Россию кровавым туманом. Свирепствует Гражданская война, превращающая людей в беспощадных дикарей. Все больше предаются забвению великие принципы истинного человеколюбия, всегда питавшие социализм». Мартов дает резкую отповедь Радеку и Раковскому — социалистам, перешедшим в ряды большевиков: «Вы явились к нам, чтобы культивировать наше первобытное варварство, взращенное царями, покадить у древнего русского алтаря жертвоприношений, довести до степеней, неведомых даже в нашей дикой стране, презрение к человеческой жизни и выстроить на этой почве громадину великорусского бюрократического палачества. <...> Центральной фигурой русской жизни стал палач!»

В отличие от террора Французской революции, который повсюду, за исключением Вандеи, коснулся очень незначительного слоя населения, ленинский террор затронул все политические структуры и все категории жителей: дворянство, крупную буржуазию, военных, полицейских, а заодно с ними кадетов, меньшевиков, эсеров, даже простонародье — рабочих и крестьян. Особенно досталось интеллигенции. 6 сентября 1919 года Горький, ужаснувшись аресту нескольких десятков крупных ученых, направил Ленину гневное письмо: «Для меня богатство страны, могущество народа измеряются количеством и качеством его интеллектуального потенциала. Революция имеет смысл только в том случае, если она способствует росту и развитию этого потенциала. С людьми науки надлежит обращаться с максимальной предупредительностью и уважением. Мы, напротив, спасая свою шкуру, рубим народу голову, уничтожаем его мозг»[13].

Насколько глубоки были мысли Горького, настолько грубо ответил ему Ленин: «Неверно отождествлять интеллектуальные силы народа с «силами» буржуазной интеллигенции. <...> Интеллектуальные силы рабочего класса и крестьянства крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее приспешников — мелких интеллигентиков, лакеев капитала, воображающих себя мозгом нации. На самом деле они не мозг, а г...». Это высказывание об интеллигенции было главным признаком того глубокого презрения, которое Ленин испытывал к своим современникам, даже самым светлым умам из их числа. Скоро презрение воплотилось в уничтожении.

Главная цель Ленина заключалась в том, чтобы удержаться у власти как можно дольше. Уже через полтора месяца, когда был перекрыт срок пребывания у власти парижских коммунаров, Ленин позволил себе помечтать о буду-

щем, и его желание не уступать власть многократно возросло. У истории могло быть несколько путей, но русская революция, оседланная большевиками, двинулась по самой неизведанной тропе.

Почему сохранение власти оказалось настолько важным, что оправдывало применение любых средств и забвение элементарнейших требований морали? Потому что только так Ленин мог претворить в жизнь свои идеи «построения социализма». Этот ответ выявляет подлинную движущую силу террора: ленинскую идеологию и совершенно утопическое стремление воплотить в жизнь доктрину, абсолютно расходящуюся с реальностью.

В связи с этим можно спросить: что общего между ленинизмом до 1914 года и особенно после 1917 года и марксизмом? Конечно, Ленин оправдывал свои действия примитивными марксистскими заклинаниями: классовая борьба, «насилие — повивальная бабка Истории», пролетариат как класс-носитель смысла Истории и т.д. Но уже в 1902 году в своей знаменитой работе *Что делать?* он обосновал новую концепцию революционной партии, состоящей из профессионалов, объединенных в тайную организацию с дисциплиной, близкой к военной. То было развитие нечаевской модели, очень далекое от концепции крупных социалистических организаций на немецкий, английский, даже французский манер.

В 1914 году произошел окончательный разрыв ленинцев со II Интернационалом. В отличие от большинства социалистических партий, поддавшихся националистическим настроениям и поддержавших правительства своих стран, Ленин взялся за теоретическое обоснование «перерастания войны империалистической в войну гражданскую». Холодное рассуждение не могло не привести к выводу, что социалистическое движение еще не так сильно, чтобы побороть национализм, и что после неминуемой войны — раз уж ее не удается избежать — ему придется перегруппироваться, чтобы противостоять новым вспышкам воинственности. Однако у Ленина возобладала революционная страсть: он пошел на риск, поставив на карту все. На протяжении двух лет ленинское пророчество не сбывалось. Но потом произошла ниспосланная свыше случайность: в России началась революция. Ленин не сомневался, что она является ярким подтверждением его предсказания. Так нечаевский волюнтаризм возобладал над марксистским детерминизмом.

Прогноз о возможности захватить власть блестяще подтвердился, однако предположение о готовности России пойти по социалистическому пути, сулящему ей невиданный прогресс, оказалось ложным. Именно в этом просчете и коренится одна из глубочайших причин террора: то было расхождение между реальностью — Россией, жаждущей свободы, — и ленинским стремлением приобрести абсолютную власть для экспериментального внедрения своей доктрины.

В 1920 году Троцкий так определил суть этой трагической цепочки: «Совершенно очевидно, что, поставив целью уничтожение частной собственности на средства производства, мы можем достичь ее только путем концентрации всей государственной власти в руках пролетариата, установления на переходный период жесточайшего режима. <...> Диктатура совершенно необходима, ибо речь идет не о частичных изменениях, а о самом существовании буржуазии. Здесь невозможно никакое соглашение, решить дело можно только силой. <...> Тот, кто поставил себе цель, не может щепетильничать со средствами»[14].

Ленину хотелось применить свою доктрину на практике, но одновременно необходимо было удержать власть, и тогда он изобрел миф о всемирной

большевистской революции. С ноября 1917 года он тешил себя надеждой на революционный пожар, который охватит все воюющие страны, и в первую очередь Германию. Однако мировой революции не случилось, напротив: после поражения Германии в ноябре 1918 года возникла новая Европа, становлению которой не смогли помешать быстро потушенные революционные вспышки в Венгрии, Баварии, даже в самом Берлине. Грозным предвестником провала ленинской теории европейской и мировой революции стал разгром Красной Армии под Варшавой в 1920 году. Неудача октябрьского восстания 1923 года в Германии окончательно оставила большевиков в одиночестве, лицом к лицу с Россией, погруженной в анархию. Теперь — больше, чем когда-либо, — все решал террор. Он один давал надежду удержать власть, начать переделку общества согласно теории, заткнуть рот всем, кто своими речами, делами, даже одним своим существованием — социальным, экономическим, интеллектуальным — изо дня в день опровергал жизнеспособность теории. У власти стала утопия, и это было смертоносно.

Этот двойной разрыв — сначала между марксистской теорией и теорией Ленина, затем между ленинской теорией и реальностью — сразу спровоцировал дискуссию о значении русской революции и большевистского переворота. Уже в августе 1918 года Каутский огласил не подлежащий обжалованию приговор: «Нет никаких оснований даже помыслить, что в Западной Европе могут повториться события Великой французской революции. Если сегодняшняя Россия демонстрирует столько сходства с ситуацией во Франции в 1793 году, то это доказывает ее близость к стадии Французской революции. <...> То, что там происходит, — не первая социалистическая, а последняя буржуазная революция»[15].

Произошло событие эпохального значения: полное изменение статуса идеологии в социалистическом движении. Еще до 1917 года Ленин демонстрировал свою убежденность, что один он владеет истинной социалистической доктриной, один он расшифровал подлинный «смысл Истории». Разразившаяся в России революция и особенно захват власти были восприняты Лениным как «сигналы свыше», как неопровержимое доказательство правильности его идеологии, его анализа[16]. После 1917 года его политика и сопровождающее ее теоретическое обоснование берут на себя роль Священного Писания. Идеология становится догмой, абсолютной, универсальной истиной. Эта сакрализация идеологии и ее результаты хорошо обобщены К. Касториадисом: «Если существует верная теория истории, если в явлениях найдено рациональное зерно, то становится ясно, что управление событиями следует доверить специалистам по этой теории, экспертам, проникшим в рациональную суть. Абсолютное владычество партии <...> имеет философское измерение, оно основано на материалистической концепции истории. <...> Если эта концепция верна, власть и должна быть абсолютной, а всякая демократия превращается в уступку человеческим слабостям вождей или становится педагогическим методом, который только они вправе применять в надлежащих дозах»[17].

Итак, идеология и политика возводятся в ранг Абсолютной, то есть научной Истины. Из нее и проистекает коммунистический тоталитаризм. От имени этой Истины единственная партия правит обществом. Та же Истина оправдывает террор. Она же обязывает власть проникать во все без исключения сферы общественной и личной жизни.

Провозглашая свою идеологию единственно верной, Ленин объявил себя представителем малочисленного русского пролетариата, который он не замед-

лил раздавить, стоило тому поднять голову. Безусловное отождествление себя с пролетариатом как классом явилось одним из ярчайших проявлений ленинского самозванства; в 1922 году оно спровоцировало жесткую отповедь со стороны Александра Шляпникова, одного из немногих большевистских руководителей, вышедших из рабочих. На XI съезде партии он заявил: «Владимир Ильич говорил вчера, что в России отсутствует пролетариат в марксистском понимании. Позвольте вас поздравить: вы осуществляете диктатуру от имени несуществующего класса!» Это манипулирование именем пролетариата мы находим у всех коммунистических режимов Европы и «третьего мира», от Китая до Кубы.

Одна из главных характеристик ленинизма заключается в его склонности манипулировать понятиями, отрывать слова от реальности, которую они должны обозначать, в абстрактном подходе к обществу: при таком подходе люди утрачивают плоть и превращаются в винтики огромного историко-социального механизма. Это абстрагирование, тесно связанное с идеологизацией, является одной из фундаментальных основ террора: уничтожению подлежат не люди, а «буржуи», «капиталисты», «враги народа»; казнили не Николая II с семьей, а «символы феодализма», «кровососов», «паразитов», «презренных вшей»!..

Подобная идеология приобрела значительную власть над обществом благодаря исповедовавшему ее государству — символу законности, престижа и могущества. Доказывая истинность своего учения, большевики перешли от символического насилия к насилию фактическому: захватив бесконтрольную власть, они нарекли ее «диктатурой пролетариата», воспользовавшись выражением, которое Маркс случайно применил в одном из писем. При этом большевики вовлекали в свой храм новообращенных, создавая иллюзию чистоты революционной идеи. Этот призыв быстро нашел отклик в сердцах тех, кого обуревала послевоенная жажда мести, а также тех — часто это были одни и те же люди, — кто мечтал о возрождении революционного мифа. Большевизм быстро получил международное признание и приобрел сторонников на всех пяти континентах. Социализм оказался на перекрестке: одна стрелка указывала в сторону демократии, другая — диктатуры.

Своей книгой *Диктатура пролетариата,* изданной летом 1918 года, К Каутский разбередил рану. Большевики находились у власти всего полгода, и еще трудно было предположить, каким кошмаром обернется их правление, а Каутский уже назвал вещи своими именами: «Противоречия между двумя течениями в социализме <...> вытекают из коренной несовместимости двух методов: демократического и диктаторского. Оба течения хотят одного: освобождения пролетариата, а вместе с ним и всего человечества, путем установления социализма. Но пути, которыми предполагается идти к этой цели, настолько противоположны, что течения предрекают друг другу полный крах. <...> Настаивая на свободной дискуссии, мы сразу избираем демократию. Напротив, диктатура стремится не опровергнуть противоположное мнение, а насильственно подавить тех, кто его выражает. Два метода — демократический и диктаторский — доказывают свою непримиримость еще до начала дискуссии. Один ее алчет, другой отвергает»[18].

Делая центром своей аргументации демократию, Каутский ставит вопрос ребром: «Диктатура меньшинства всегда находит самую прочную опору в лице преданной армии. Но чем больше она заменяет большинство вооруженной силой, чем больше препятствует всякой оппозиции в ее поисках спасения, опираясь на штык и кулак, а не на урну для голосования, тем больше политическая

и общественная оппозиция склоняется к *гражданской войне.* В обстановке, где нет полной общественно-политической апатии или удушающего страха, диктатуре меньшинства постоянно грозит государственный переворот или непрерывная гражданская война. <...> Диктатуре, не способной одержать победу в гражданской войне, грозит опасность быть раздавленной. Такая война является величайшим препятствием для построения социалистического общества. <...> В гражданской войне каждая сторона борется за свое выживание, так как побежденному грозит полное уничтожение. Осознание этого и делает гражданские войны такими жестокими»[19].

Эти пророческие слова требовали немедленного ответа. Ленин, несмотря на свою занятость, пишет знаменитую *работу Пролетарская революция и ренегат Каутский.* Уже из ее названия вытекает отношение к дискуссии, или — как предрекал сам Каутский — отказ от всякой дискуссии. Ленин так определяет подоплеку своих мыслей и действий: «Государство является в руках правящего класса машиной, предназначенной для подавления сопротивления его классовых противников. В этом смысле диктатура пролетариата ни в чем, в сущности, не отличается от диктатуры любого другого класса, поскольку пролетарское государство есть машина подавления буржуазии». Столь примитивное представление о государстве заставляет Ленина раскрыть сущность своей диктатуры: «Диктатура — это власть, которая впрямую опирается на насилие и не связана никакими законами. Революционная диктатура пролетариата — это власть, завоеванная и удержанная при помощи насилия, которое пролетариат применяет к буржуазии, власть, не связанная законами».

Сталкиваясь с центральным вопросом — о демократии, Ленин идет на подмену понятий: «Пролетарская демократия, одной из форм которой выступает власть Советов, развила и расширила демократию, как нигде в мире, в пользу именно огромного большинства населения, в пользу эксплуатируемых и трудящихся»[20]. Запомним эту «пролетарскую демократию», которой на протяжении десятилетий будут прикрывать наихудшие злодеяния.

В столкновении Каутского и Ленина проявились главные противоречия большевистской революции — между марксизмом, якобы учитывающим так называемые «исторические законы», и деятельным субъективизмом, для которого сгодится все что угодно, лишь бы это подогревало революционные страсти. Само различие в подходах между ранними и поздними работами Маркса, начавшего в 1848 году мессианским *Манифестом коммунистической партии* и закончившего холодным анализом общественных явлений в *Капитале,* преобразилось под влиянием мировой войны и двух революций — Февральской и Октябрьской — в глубокий и непреодолимый раскол между социалистами и коммунистами. Тема их спора не потеряла актуальности по сей день: демократия или диктатура, гуманность или террор?

Два главных действующих лица первой фазы большевистской революции — сжигаемые революционными страстями Ленин и Троцкий, окунувшись в водоворот событий, не отказались от теоретического обоснования своих действий. Вернее, придали идеологическое оформление выводам, продиктованным политической конъюнктурой. Их изобретением стала перманентная революция: в России ситуация позволила перейти от буржуазной (Февральской) к пролетарской (Октябрьской) революции. Переход от перманентной революции к перманентной гражданской войне тоже получил идеологическое оформление.

Война диктовала революционерам свою логику. Троцкий писал: «Каутский видит в войне, в ее ужасающем влиянии на нравы одну из причин кровавого характера революционной борьбы. С этим не поспоришь»[21]. Однако далее выводы расходятся. Немецкий социализм, ощутивший тяжесть милитаризма, все больше смещался в сторону демократии и защиты человеческой личности. Для Троцкого же «развитие буржуазного общества, из которого вышла современная демократия, совершенно не представляет собой процесса постепенной демократизации, о которой мечтал до войны величайший из утопистов социалистической демократии Жан Жорес и о которой теперь мечтает самый просвещенный из педантов, Карл Каутский»[22].

Обобщая свои соображения, Троцкий рассуждает о «безжалостной гражданской войне, охватившей весь мир». По его мнению, планета переживает эпоху, «когда политическая борьба быстро перерастает в гражданскую войну», в которой скоро столкнутся в решающей битве «две главные силы: революционный пролетариат под руководством коммунистов и контрреволюционная демократия под командованием генералов и адмиралов». Троцкий совершил двойную ошибку. Во-первых, история показала, что тяга к демократии и борьба за нее охватили весь мир и достигли к середине 80-х годов даже Советского Союза. Во-вторых, Троцкий, как и Ленин, переоценивал Значение русского опыта, интерпретируя его в искаженном виде. Большевики были убеждены: раз в России развязана гражданская война — во многом по их вине, — значит, она должна вспыхнуть и обязательно вспыхнет в Европе, а потом и во всем мире. Тем не менее на этой двойной ошибке было выстроено оправдание коммунистического террора, свирепствовавшего на протяжении десятилетий.

Выводы Троцкого безапелляционны: «Можно и необходимо понять, что в ходе гражданской войны мы уничтожаем белогвардейцев, иначе они уничтожат трудящихся. Следовательно, наша цель — не уничтожение человеческих жизней, а их сохранение. <...> Врагу надо помешать причинять нам вред, что в военное время может выражаться только в его подавлении. В революции, как и в войне, требуется сломить волю врага, заставить его капитулировать на условиях победителя. <...> Вопрос о власти в стране, то есть о жизни или гибели буржуазии, будет решаться не в соответствии со статьями Конституции, а через различные формы насилия[23]. Так под пером Троцкого возникают положения, схожие с концепцией «тотальной войны» Людендорфа*. Большевики, считавшие себя великими новаторами, на самом деле находились во власти ультрамилитаризма, характеризовавшего их эпоху.

Высказывание Троцкого по поводу функций и свободы печати в военное время доказывает степень проникновения в умы большевиков военной ментальности: «В военное время все институты, органы государственной власти и общественного мнения прямо или косвенно становятся органами ведения войны. В первую очередь это относится к печати. Ни одно правительство, ведущее серьезную войну, не может позволить распространять на своей территории издания, прямо или косвенно поддерживающие неприятеля. Тем более это касается гражданской войны. Природа ее такова, что в тылу противоборствующих лагерей остается враждебное население. На войне, где критерием успеха

* Э. Людендорф (1865—1937) — немецкий генерал, один из идеологов германского милитаризма. Автор концепции «тотальной войны», т.е. подготовки и ведения агрессивной войны с применением любых средств и способов массового уничтожения вооруженных сил и мирного населения противника. Эта концепция легла в основу фашистской военной доктрины. *(Прим. ред.)*

или неудачи является смерть, вражеские агенты, проникшие в тыл армии, подлежат смертной казни. Этот закон, конечно, негуманен, но никто еще не называл войну, тем более гражданскую, школой гуманизма»[24].

Во время гражданской войны, охватившей Россию с весны-лета 1918 года и продолжавшейся без малого четыре года, зверствовали не одни только большевики, но обе воюющие стороны: те и другие распинали, сажали на кол, четвертовали и сжигали живьем. Однако только большевики нашли теоретическое оправдание гражданской войне и считали ее абсолютно необходимой. Под влиянием доктрины и новых нравов, сформированных войной, гражданская *война превращается для них в постоянную форму политической борьбы.* За войной против белогвардейцев скрывается другая, гораздо более серьезная борьба — со значительной частью рабочего класса и крестьянства, которая уже с лета 1918 года лишила большевиков своей поддержки. Война не соответствовала больше традиционной схеме, согласно которой конфликт развивался между двумя политическими группировками: она превратилась в противостояние между властью и большинством общества. При Сталине это стало *борьбой Партии-Государства* со всем обществом. Это было совершенно новое явление, и оно не смогло бы просуществовать достаточно долго и на столь обширной территории без опоры на тоталитарную систему, контролировавшую в обществе всё и вся и использовавшую такое орудие подавления, как массовый террор.

Недавнее изучение архивов показало, что именно «грязная» война 1918— 1921 годов (см. часть I настоящей книги) породила советский режим. Она была горнилом, выковавшим людей, которые понесли знамя революции дальше, адским котлом, из которого вышла специфическая ментальность ленинско-сталинского коммунизма — смесь идеалистической восторженности, цинизма и бесчеловечной жестокости. Гражданская война, распространенная с советской территории на весь мир и призванная длиться столько времени, сколько понадобится для победы социализма во всем мире, утверждала жестокость как нормальную систему отношений между людьми. Плотины, традиционно сдерживавшие разгул насилия, были прорваны.

Тем не менее с первых же дней большевистской революции русских революционеров мучили проблемы, обозначенные Каутским. Исаак Штейнберг, левый эсер, союзник большевиков, занимавший с декабря 1917 по май 1918 года пост народного комиссара юстиции в их правительстве, уже в 1923 году назвал большевистскую власть «системой методического государственного террора» и поднял ключевой вопрос — о пределах насилия в революции: «Свержение старого мира, его замена новой жизнью, сохранившей прежние пороки, зараженной все теми же старыми принципами, — вот что ставит социализм перед радикальным выбором: старое насилие [царское, буржуазное] или революционное насилие в момент решительной борьбы. <...> Старое насилие есть порочная защита рабства, новое — болезненный путь к освобождению. <...> Этим и определяется наш выбор: мы берем в руки инструмент насилия для того, чтобы навечно покончить с насилием. Ведь других инструментов борьбы с ним не существует. Именно здесь разверзается зияющая нравственная рана на теле революции. Здесь коренится ее антиномия, ее внутренняя боль, ее противоречие». И добавлял: «Подобно террору, насилие, принимающее также формы принуждения и лжи, сперва отравляет жизненные ткани души побежденного, потом губит победителя, потом — общество целиком»[25].

Штейнберг отдавал себе отчет в рискованности социалистического эксперимента хотя бы с точки зрения «универсальной морали» и «естественного

права». Аналогичных взглядов придерживался Горький, писавший 23 апреля 1923 года Р. Роллану: «У меня нет ни малейшего желания возвращаться в Россию. Я бы не смог писать, если бы был вынужден тратить время на повторение старой песни "не убий"»[26]. Но все сомнения революционеров, не принадлежавших к большевикам, все предупреждения самих большевиков были превращены в ничто яростью Ленина, на смену которому пришел Сталин. 2 ноября 1930 года Горький, уже примкнувший к «гениальному вождю», пишет тому же Роллану: «По-моему, вы бы подходили к событиям в Союзе более здраво и уравновешенно, если бы согласились с простейшим фактом, а именно: советская власть и авангард рабочей партии находятся в состоянии гражданской войны, то есть войны классовой. Враги, с которыми они борются и должны бороться, — это интеллигенция, пытающаяся реставрировать власть буржуазии, и богатое крестьянство, которое, защищая свою жалкую собственность, основу капитализма, препятствует делу коллективизации; они прибегают к террору, к убийствам колхозников, к поджогам обобществленного имущества и прочим методам партизанской войны. А на войне убивают»[27].

Так Россия вошла в третью фазу революции, символом которой до 1953 года был Сталин. Она характеризовалась массовым террором, символом которого стал Большой террор 1937—1938 годов. Теперь под удар попало все общество, включая государственный и партийный аппараты. Сталин методично определял группы людей, подлежавшие уничтожению. Для развязывания этого террора уже не требовалось исключительно благоприятных условий войны. Он свирепствовал даже в периоды внешнего мира.

В отличие от Гитлера, никогда самостоятельно не занимавшегося репрессиями, доверявшего эти «второстепенные» задачи надежным людям вроде Гиммлера, Сталин проявлял к этим вопросам личный интерес и сам инициировал и организовывал репрессии. Он утверждал расстрельные списки из тысяч имен и заставлял заниматься тем же членов Политбюро. За 14 месяцев Большого террора 1937—1938 годов в рамках 42 тщательно подготовленных кампаний были арестованы 1,8 млн. человек, из которых расстались с жизнью 690 000. Страна жила в обстановке непрерывной гражданской войны, то более яростной, то более вялой. Выражение «война классов», часто заменявшее «классовую борьбу», перестало быть метафорой, превратившись в диагноз. Политическим врагом был уже не тот или иной оппозиционер, равно как и «враждебный класс», а все общество.

Со временем террор, нацеленный на уничтожение общества, не мог не докатиться и до удерживающей власть партии. Уже в 1921 году, то есть при жизни Ленина, уклонисты и оппозиционеры стали объектами санкций. Однако потенциальными врагами были тогда беспартийные. При Сталине в ранг потенциальных врагов были возведены и сами партийцы. Тем не менее только после убийства Кирова Сталин, воспользовавшись этим событием как предлогом, получил возможность казнить членов партии. Это было возвращением к идеям Нечаева, которому Бакунин писал в июне 1870 года, сообщая о своем разрыве с ним: «В основе нашей деятельности должен лежать простой закон: честность и доверие между всеми братьями [революционерами]; ложь, хитрость, мистификация, а при необходимости — насилие в отношении наших врагов. <...> Вы же, любезный друг, — и в этом заключается ваша главная, колоссальная ошибка — пошли по пути

Лойолы* и Макиавелли. <...> Приняв на вооружение полицейские, иезуитские методы, вы надеетесь построить на них свою организацию <...>, потому и поступаете с друзьями, как с врагами»[28].

Другая новация Сталина состояла в том, что палачам тоже предстояло перейти в разряд жертв. После казни Зиновьева и Каменева, старых товарищей Бухарина по партии, последний заявил жене: «Я страшно рад, что эти собаки расстреляны!»[29]. Не прошло и двух лет, как сам Бухарин был расстрелян, как собака. Это изобретение сталинского режима было взято на вооружение большинством других коммунистических режимов.

Некоторым своим «врагам» Сталин уготовил особую участь: они становились подсудимыми на показательных процессах. Первым практику таких фальсифицированных процессов ввел Ленин, устроив в 1922 году судилище над эсерами. Сталин усовершенствовал это изобретение и превратил его в постоянное орудие репрессий. С 1948 года показательные процессы стали устраивать и в Восточной Европе.

Анни Кригель вскрыла социально-профилактический смысл этих процессов, «адскую педагогику», заменившую обещанный религией ад[30]. Одновременно действовала «педагогика» классовой ненависти, обличения врага. Азиатские коммунисты, пришедшие к власти, довели эту процедуру до логического завершения, устраивая «дни ненависти».

«Педагогику» ненависти Сталин дополнил «педагогикой» тайны: все аресты, их причины, приговоры, судьба репрессированных были окружены завесой абсолютной секретности. Тайна вкупе с террором держали всё население в парализующем страхе.

Большевики считали, что ведут войну, и придумали новую терминологию для обозначения неприятеля: «вражеские агенты», «население, сочувствующее врагу» и т.д. Воинственность вернула политику в далекое прошлое, к простейшему противопоставлению «друг — враг», «мы —они»[31]. Возобладало мышление категориями «лагерей», также имеющими военное происхождение: «революционный лагерь», «лагерь контрреволюционеров». Каждый был обязан под страхом смерти примкнуть к одному из лагерей. То было плачевным отступлением на архаичную стадию политики, перечеркнувшим сто пятьдесят лет усилий индивидуума-буржуа, стремившегося к демократии.

Как определить врага? При политике, сведенной к гражданской войне двух сил — буржуазии и пролетариата — и требующей уничтожения одной из сторон насильственными методами, враг перестал быть просто представителем старого режима, аристократом, крупным буржуа, офицером; любой, кто смел противиться большевистской политике, превращался в «буржуя». Слово «враг» обозначало уже всякого человека или социальный слой, представлявшийся большевикам препятствием для их абсолютной власти. Это явление дало о себе знать еще до воцарения террора — на выборах в Советы. Каутский, предчувствуя в 1918 году такой итог, писал: «Право выбора [в Советы] имеют только те, кто добывает средства к существованию производственным или иным общественно полезным трудом. Но что такое производственный или иной общественно полезный труд? Слишком растяжимое определение. Столь

* Лойола (1491 — 1556) — испанский дворянин, основатель Ордена иезуитов. Выработал организационные и моральные принципы Ордена. *(Прим. ред.)*

же растяжим декрет, касающийся лиц, лишенных права голосования, к которым относятся те, кто использует наемный труд для достижения прибыли. <...> Нетрудно заметить, что при избирательной системе, принятой в Советской Республике, проще простого заработать клеймо капиталиста и лишиться избирательного права. Эластичность определений, применяемых в избирательном законодательстве, открывает шлюзы для разнузданного произвола. Дело здесь не в законодательстве, а в его объекте. Сам термин пролетариат не подлежит точному, юридически безупречному определению»[32].

После замены понятия «патриот», применявшегося при Робеспьере, понятием «пролетарий» категория врага стала весьма растяжимой — в зависимости от проводимой в данный момент политики. «Враг» превращается в основной элемент коммунистической теории и практики. Цветан Тодоров уточняет, что «враг — главное обоснование террора. Тоталитарное государство не может существовать без врагов. Если их нет, приходится их изобретать. Назначенные врагами не заслуживают пощады. <...> Враг — это несмываемое, наследственное пятно. <...> Иногда приходится слышать, что евреи преследовались не за свои дела, а просто за то, что они евреи. Так же поступают и властители-коммунисты: они требуют репрессий (а в кризисный период — уничтожения) против буржуазии как класса. Достаточно простой принадлежности к этому классу, *делать* что-либо необязательно»[33].

Остается важнейший вопрос: зачем уничтожать «врага»? Традиционная роль репрессий заключалась, как известно, в «наблюдении и наказании». Или фаза «наблюдения и наказания» осталась в прошлом? Так ли безнадежен «классовый враг»? На этот вопрос ответил Солженицын, показав, что в ГУЛАГе отношение к уголовникам было заведомо лучше, чем к политическим. Это объяснялось не только практическими соображениями (уголовники играли роль пособников охраны), но и «теоретическими» выкладками. Ведь советский режим гордился тем, что создал «нового» человека, и тем, что способен перевоспитывать закоренелых преступников. Это было одним из главных направлений коммунистической пропаганды и в сталинской России, и в Китае Мао Цзэдуна, и на Кубе Фиделя Кастро.

И все-таки, зачем разить «врага» насмерть? В конце концов, разделение на врагов и друзей — далеко не новое предназначение политики. Еще в Евангелии сказано: «Кто не со мной, тот против меня». Новизна здесь состоит в том, что Ленин говорит не только: «Кто не со мной, тот против меня», но и — «Кто не со мной, тот должен умереть». Кроме того, он переносит сферу применения этого лозунга с политической жизни на жизнь общества в целом.

При терроре противник становится сначала врагом, затем преступником, исключенным из жизни общества. Исключенность почти автоматически приводит к идее уничтожения. Ведь одной диалектики «друг — враг» мало для разрешения фундаментальной проблемы тоталитаризма — стремления к созданию нового, очищенного, неантагонистического человечества. Осуществиться это должно благодаря мессианскому марксистскому проекту, согласно которому пролетариат объединяет всех людей и делает их подобными самому себе. Этот проект реализуется посредством насильного объединения партии, общества, империи и отбрасывания всех, кто не вписывается в схему. Логика политической борьбы сменяется логикой исключения, идеологией уничтожения и, наконец, физическим истреблением всех «нечистых». В конце концов такая логика приводит к преступлению против человечности.

Коммунисты некоторых стран Азии, например Китая и Вьетнама, относятся к проблеме немного иначе: там под влиянием конфуцианской традиции придается больше значения перевоспитанию. Заключенный, именуемый «учеником» или «воспитанником», обязан изменить свое мышление под наблюдением наставников-тюремщиков. В этом «перевоспитании» видится лицемерие, отличающее его от банального уничтожения. Не более ли это бесчеловечно — принудить противника к смирению перед палачом? Красные кхмеры, наоборот, сразу сделали выбор в пользу радикального решения: сочтя, что о перевоспитании части народа нечего и думать, ибо народ слишком «испорчен», они решили сменить народ. Отсюда уничтожение всего образованного населения, вообще горожан, которому, впрочем, предшествовало психологическое истребление обреченных, истребление личности: несчастные должны были заниматься «самокритикой», позоря самих себя, что все равно не спасало их от казни.

Главари тоталитарных режимов присваивают привилегию отправлять себе подобных на смерть, считая, что имеют на это «моральное право». Оправдываются они всегда одинаково: в своих действиях они руководствуются якобы научной необходимостью. Размышляя о корнях тоталитаризма, Цветан Тодоров пишет: «Созданию идеологического обоснования тоталитаризма способствовал сциентизм*, а не гуманизм. <...> Связь между сциентизмом и тоталитаризмом не исчерпывается оправданием зверств чисто научной (биологической или исторической) необходимостью: надо уже быть поклонником сциентизма (пусть «дикого»), чтобы уверовать в полную прозрачность общества и возможность переделать его революционными средствами согласно собственному идеалу»[34].

Троцкий в 1919 году доказывал это следующими словами: «Пролетариат — класс, находящийся на историческом подъеме. <...> Буржуазия в наше время — вырождающийся класс. Она не только не играет главной роли в производстве, но и разрушает методами империалистического захвата мировую экономику и культуру человечества. Тем не менее буржуазия обладает колоссальной исторической живучестью. Она цепляется за власть и не собирается ослаблять хватку. Так, она угрожает увлечь за собой в пропасть все общество. Необходимо лишить ее власти, а для этого приходится рубить ей руки. Красный террор — это оружие, обращенное против обреченного на гибель, но огрызающегося класса»[35]. Далее он делает следующий вывод: «Насильственная революция стала необходимостью именно потому, что насущные требования истории не могли быть удовлетворены средствами парламентской демократии»[36]. Снова перед нами обожествление Истории, в жертву которой позволительно принести все на свете, и неизлечимая наивность революционера, воображающего, будто своей диалектикой он способствует созданию более справедливого и более гуманного общества, хотя прибегает для этого к преступным методам. Гораздо жестче высказался спустя 12 лет Горький: «Против нас ополчается все, отжившее свой срок, отмеренный историей, и это дает нам право считать себя бойцами непрекращающейся гражданской войны. Отсюда следует естественный вывод: если враг не сдается, его уничтожают». В том же году Луи Арагон облек эту мысль в стихи: «Голубые глаза Революции / Пылают необходимой жестокостью».

* Сциентизм — абсолютизация роли науки в системе культуры, духовной жизни общества. *(Прим. перев.)*

Но еще в 1918 году Каутский подходил к этой проблеме куда смелее и откровеннее: «В действительности наша конечная цель — не социализм, а устранение всякой эксплуатации и угнетения, направлены ли они против какого-то класса, партии, пола или расы. <...> Если нам сумеют доказать, что мы ошибаемся и что освобождение пролетариата и всего человечества может произойти только на основе частной собственности на средства производства, то нам придется отказаться от социализма, что не станет отказом от нашей конечной цели. Мы должны будем сделать это именно в интересах достижения конечной цели»[37]. Каутский явно ставил гуманизм впереди марксистской научности, хотя являлся ее виднейшим представителем.

Умерщвление — задача педагогическая: человеку свойственно естественное колебание перед необходимостью прикончить ближнего, поэтому наиболее эффективная педагогика заключается в том, чтобы заранее отказать жертве в праве быть человеком! Ален Бросса справедливо отмечает: «Варварский ритуал чисток, работа на полные обороты машины уничтожения тесно связаны в речах и действиях палачей с анимализацией Другого, низведением воображаемых и действительных недругов до животного состояния»[38].

И действительно, на московских показательных процессах прокурор Вышинский — интеллигент, юрист, человек, получивший хорошее классическое образование, — бессовестно оскорблял обвиняемых, сравнивая их со зверями: «Застрелить, как бешеных псов! Смерть банде, скрывающей от народных масс свои хищные клыки, свой плотоядный оскал! Уничтожить стервятника Троцкого, исходящего ядовитой пеной, которой он брызжет на великие идеи марксизма-ленинизма! Обезвредить этих лгунов, фигляров, жалких пигмеев, бессильных шавок, мосек, лающих на слона! <...> Долой это подлое отродье! Покончим с презренными помесями лисицы и свиньи, со смердящей падалью! Истребить бешеных собак капитализма, замысливших расчленить лучших сынов нашей советской земли! Заткнем им глотки их же зверской ненавистью к вождям нашей партии!» Не кто иной, как Жан-Поль Сартр, восклицал в 1952 году: «Любой антикоммунист — собака!» Эта дьявольская зоологическая риторика лишний раз подтверждает гипотезу Анни Кригель о педагогическом значении спектаклей под названием «показательные процессы». На них, как в средневековых мистериях, народу показывали злодееветретиков: сначала это были «троцкисты», потом их сменили «сионисты-космополиты», одним словом, дьяволы во плоти...

Бросса напоминает о карнавальной традиции анимализации Другого, известной в политической карикатуре с XVIII века. Так, с помощью метафоры, как правило зоологической, находили выражение латентные конфликты и кризисы. Но в Москве 30-х годов речь шла не о метафорах: противник, уподобленный животному, превращался сначала в преследуемую дичь, потом в того, «по ком виселица плачет», то есть в кандидата на уничтожение. Сталин систематизировал и обобщил эту методику, которая широко использовалась потом его китайскими, камбоджийскими и прочими последователями. Однако первооткрывателем Сталин не был: первое слово было сказано, скорее, Лениным, который, захватив власть, называл своих врагов «вредными насекомыми», «вшами», «скорпионами» и «кровососами».

Во время фальсифицированного процесса так называемой промпартии Лига прав человека опубликовала гневный протест, подписанный, в частности, Альбертом Эйнштейном и Томасом Манном. Горький ответил им открытым

письмом: «Считаю эту казнь совершенно законной. Вполне естественно, когда рабоче-крестьянская власть давит своих врагов, как клопов»[39].

Ален Бросса делает из всего этого следующие выводы: «Как всегда, поэты и мясники тоталитаризма выдают себя прежде всего лексикой: то, что московские палачи называли «ликвидацией», у нацистских убийц звалось «обработкой». Вместе эти два слова составляют языковой микрокосм непоправимой умственной и культурной катастрофы, наиболее заметной сейчас на советском пространстве: человеческая жизнь утратила свою ценность, категории («враги народа», «изменники», «благонадежные элементы» <...>) подменили понятия, насыщенные позитивной этикой рода человеческого. <...> В речах нацистов и их истребительной практике анимализация Другого, тесно связанная со страхом перед грязью и заразой, была привязана к расистской идеологии. Эта идеология подразумевала строгую иерархию сверх- и недочеловеков; <...> однако в Москве 1937 года расистские речи и связанные с ними тоталитарные проявления были немыслимы. Тем важнее представляется анимализация Другого как метод обоснования и осуществления политики тоталитарной вседозволенности»[40].

Однако нашлись желающие преодолеть идеологический барьер и перейти от социальных критериев к расовым. В одном из писем 1932 года Горький, бывший, кстати, личным другом шефа ГПУ Ягоды и отцом сотрудника этой организации, писал: «Классовая ненависть должна культивироваться путем органического отторжения врага как низшего существа. Я глубоко убежден, что враг — существо низшего порядка, дегенерат как в физическом, так и в моральном отношении»[41].

Не останавливаясь и на этом, Горький способствовал созданию в СССР зловещего Института экспериментальной медицины. В самом начале 1933 года он пишет, что «близится время, когда наука обратится к так называемым нормальным людям с настойчивым вопросом: хотите, чтобы болезни, уродства, слабоумие и преждевременная гибель организма подверглись тщательному изучению? Такое изучение невозможно, если ограничиваться опытами на собаках, кроликах, морских свинках. Необходимо экспериментировать над самим человеком, необходимо изучать на нем самом, как работает его организм, как протекает межклеточное питание, кроветворный процесс, химия нейронов и все остальное. Для этого потребуются сотни человеческих единиц. Это будет настоящая служба человечеству — несомненно, гораздо более важная и полезная, чем истребление десятков миллионов здоровых людей ради комфортабельной жизни одного жалкого класса, выродившегося физически и морально, класса хищников и паразитов»[42]. Так сошлись воедино самые негативные стороны социально-исторической и биологической научности, возводимой в абсолют.

Этот «биологический уклон» помогает лучше понять, в чем состоят преступления коммунизма против человечности и почему марксистско-ленинская идеология могла терпеть и даже оправдывать эти преступления. Говоря о юридических решениях, связанных с последними открытиями в биологии, Бруно Гравье указывает: «Законы о биоэтике <...> привлекают внимание к более страшным опасностям, вызываемым прогрессом науки, роль которой в развитии идеологий, основанных на терроре как «законе движения», еще не выяснена до конца. <...> Евгенические убеждения таких крупных медиков, как Рише и Каррель, стали предвестниками массового уничтожения и постыдных действий нацистских врачей»[43].

Коммунизм оказывается пропитанным социально-политической евгеникой, социальным дарвинизмом. Как пишет Доминик Кола, «Ленин, знаток эволюции общественных видов, решает, кому надлежит исчезнуть вследствие приговора истории»[44]. С момента издания декрета, провозгласившего, что буржуазия является пройденным этапом в эволюции человечества, и «подкрепленного» идеологической и политико-исторической наукой — марксизмом-ленинизмом, начинается ликвидация буржуазии как класса, то есть ликвидация конкретных людей, составлявших этот класс или якобы к нему принадлежавших.

Говоря о нацизме, Марсель Колен указывает на «классификацию, сегрегацию и прочие чисто биологические критерии, свойственные преступной идеологии. Этим лжеученым, рассуждавшим о наследственности, гибридизации и расовой чистоте, была присуща склонность к фантастике, они оперировали тысячелетиями и планетарными масштабами»[45]. Подобные же лженаучные измышления, но только в применении к истории и обществу (вроде «пролетариата — носителя смысла истории» и др.), при всей их фантастичности и напыщенности, пронизывают коммунистический эксперимент. Из них вытекает криминогенная идеология, учреждающая, согласно чисто идеологическим критериям, произвольную сегрегацию (буржуазия/пролетариат) и классификацию (мелкие буржуа, крупные буржуа, кулаки, середняки и бедняки и т.д.). Закрепляя это деление — словно речь идет о раз навсегда заданных параметрах и люди не могут переходить из одной категории в другую, — марксизм-ленинизм устанавливает примат категории, абстракции над реальностью и человеком; каждый индивид или группа приобретают характер архетипов примитивной и безжизненной социологии. Это облегчает преступление: доносчики, следователи, палачи НКВД не доносят, не преследуют, не убивают живых людей, а уничтожают вредную для всеобщего счастья абстракцию.

Доктрина становится преступной идеологией уже потому, что отрицает фундаментальный факт — единство того, что Робер Антельм называл «человеческим видом» и что в преамбуле Декларации прав человека 1948 года определено как «человеческая семья». Корни марксизма-ленинизма уходят, возможно, не столько в учение самого Маркса, сколько в извращенный дарвинизм, который, будучи применен к социальной сфере, приводит к чудовищным выводам, напоминающим расовую теорию нацистов. Ясно одно: преступления против человечности есть порождение идеологии, отказывающейся от всеобъемлющего и разностороннего подхода к человеку и человечеству и низводящей их на более низкий уровень: биологический / расовый или социально-исторический. Своей пропагандой коммунисты сумели создать впечатление, будто их подход универсален и подразумевает все человечество. Различие между нацизмом и коммунизмом часто усматривалось именно в том, что нацисты исповедовали узко националистический, расовый подход, тогда как ленинское учение ценно именно своим универсализмом. Это не имеет ни малейшего отношения к истине: как в теории, так и на практике Ленин и его последователи безоговорочно исключили из рода человеческого капиталистов, буржуев, контрреволюционеров и прочих, превратив их в абсолютных врагов. Каутский еще в 1918 году называл понятие врага «резиновым», позволяющим беззастенчиво вычеркивать из числа людей кого угодно. Это напрямую ведет к преступлениям против человечности.

М. Дельмас-Марти пишет: «Сами биологи, например Анри Атлан, признают, что понятие человечности выходит за пределы биологии, которой почти нечего сказать о человеческой личности. <...> Действительно, ничто не мешает

считать человеческий вид одним из видов животного царства, видом, создаваемым самим человеком, уже научившимся выводить новые виды животных и растений»[46]. Не это ли попытались сделать коммунисты? Не лежала ли в основе коммунистического проекта идея «нового человека»? Не пытались ли лысенки, страдающие мегаломанией, вывести, наряду с новыми сортами кукурузы и помидоров, новую человеческую породу?

Этот подход, более свойственный концу XIX века, времени торжества медицины, навел Василия Гроссмана на следующие мысли относительно большевистских лидеров: «Этот характер ведет себя среди человечества, как хирург в палатах клиники <...>. Душа хирурга — в его ноже. Суть подобных людей — в фанатичной вере во всесилие хирургического ножа. Хирургический нож — великий теоретик, философский *лидер* двадцатого века». Логическим следствием этого подхода стали действия Пол Пота, который одним движением отсек от общественного тела пораженную гангреной часть — «новый народ», или «пришлых», оставив «здоровую» часть — «местных». При всем своем безумии идея эта не так уж и нова. Уже в 70-х годах XIX века русский революционер Петр Ткачев, достойный продолжатель дела Нечаева, предлагал истребить всех русских старше 25 лет, не способных претворить в жизнь идею революции. Бакунин возмущался в своем письме Нечаеву этим людоедством: «Наш народ — не чистый лист бумаги, на котором какое-то тайное общество может написать то, что ему вздумается, — например, вашу коммунистическую программу»[’7]. Мао тоже сравнивал себя с гениальным поэтом, выводящим каллиграфические письмена на чистом листе. Как будто цивилизацию, насчитывающую не одну тысячу лет, можно уподобить чистому листу бумаги!

Террор, о котором идет речь в этой книге, зародился в ленинско-сталинском Советском Союзе, и его проявления в различных странах, заявляющих о своей приверженности марксизму-ленинизму, могли носить несколько видоизмененный характер, поскольку каждая страна, каждая коммунистическая партия прожила собственную историю, отмечена своими локальными и региональными особенностями. Однако все это вписывается в шаблон, создававшийся в Москве с ноября 1917 года и не противоречит заданному «генетическому коду».

Как понять действующих лиц этой ужасающей системы? Есть ли у них какие-либо особенные черты? В каждом тоталитарном режиме находятся люди, способные обеспечивать работу его механизмов. Больше всех выбивается из общего ряда Сталин. В области стратегии он был достойным наследником Ленина, умевшим держать под контролем внутреннюю ситуацию и влиять на положение в мире. С исторической точки зрения он представляется величайшей политической фигурой XX столетия, так как сумел превратить слабый Советский Союз образца 1922 года в мировую сверхдержаву и на долгие десятилетия навязать человечеству коммунизм как альтернативу капитализму.

Одновременно он был одним из крупнейших преступников века, знавшего немало кровавых палачей. Следует ли видеть в нем нового Калигулу, как называли его в 1953 году Борис Суварин и Борис Николаевский? Или это был параноик, как утверждал Троцкий? Или, наоборот, фанатик, чрезвычайно одаренный политик, отвергавший демократические методы? Сталин довел до конца дело Ленина, воплотившего выдвинутые Нечаевым идеи: применил экстремальные средства для проведения экстремальной политики.

Сталин сознательно встал на путь преступления против человечности как средства правления, поэтому мы обязаны разобраться в чисто русской со-

ставляющей этой личности. Уроженец Кавказа, он с детства преклонялся перед великодушными *разбойниками-абреками* — кавказскими горцами, изгнанными из своего клана, поклявшимися отомстить своим недругам и черпавшими отвагу в отчаянии. Он избрал себе кличку «Коба» в честь мифического благородного разбойника, своего рода Робин Гуда, защитника вдов и сирот. А вот что писал Бакунин в своем письме Нечаеву, где объявлял о своем разрыве с ним:

> «Помните, как вы на меня рассердились, когда я назвал вас *абрекам,* а ваш катехизис — катехизисом *абреков?* Вы говорили, что такими должны быть все люди, что абсолютная самоотверженность и отказ от всех личных потребностей, удовольствий, чувств, привязанностей и уз должны быть нормальным, естественным, повседневным состоянием для всех без исключения. Свою собственную жестокость, полную самоотречения, свой крайний фанатизм вы стремитесь прямо сейчас превратить в правило для всех людей. Вам хочется нелепости, невозможного, полного отрицания природы, человека и общества»[48].

Бакунин, беззаветно преданный революции, понял в 1870 году, что даже на революционные действия должны распространяться определенные моральные ограничения!

Коммунистический террор часто сравнивают с террором Святой инквизиции. Здесь лучше обратиться за разъяснениями к писателям, а не к историкам. В своем великолепном романе *Позорная сутана* Мигель Кастильо утверждает: «Цель не в том, чтобы пытать и жечь, цель в том, чтобы задать нужные вопросы. Запугивание без истины бессмысленно, истина — причина запугивания. Если не дойти до истины, то как признать свою ошибку? <...> А уверенность в обладании истиной не позволяет оставлять ближнего прозябать в заблуждении»[49].

Церковь сулит прощение первородного греха и спасение на том свете или вечные муки в аду. Маркс верил в прометеево самоискупление человечества. Это была мессианская мечта о «Тайной вечере». Напротив, Лешек Колаковский считал, что «идея, будто существующий мир настолько испорчен, что улучшить его немыслимо и что именно поэтому мир, который сменит теперешний, окажется воплощением совершенства и апофеозом освобождения, — идея эта есть одно из чудовищнейших заблуждений человеческого ума. <...> Конечно, заблуждение это изобретено не в наше время; однако приходится признать, что религиозная мысль, противопоставляющая всем преходящим ценностям силу сверхъестественной благодати, внушает куда меньший ужас, чем светские доктрины, утверждающие, будто мы можем спастись, совершив один прыжок из бездны ада в небесные кущи»[50].

Эрнест Ренан был, безусловно, прав, когда писал в своих *Философских диалогах,* что для завоевания абсолютной власти в обществе безбожников мало грозить пламенем мифического ада: приходится устраивать настоящий ад, концентрационный лагерь, где ломают бунтарей, чтобы запугать всех остальных; там должна служить специальная полиция, состоящая из людей, не отягощенных муками совести и полностью преданных существующей власти, «послушных машин, готовых на любую жестокость»[51].

После освобождения большинства узников ГУЛАГа, даже после XX съезда КПСС, покончившего с самыми откровенными формами террора, сам принцип террора остался на вооружении и сохранил свою эффективность. Одной

памяти о терроре было достаточно, чтобы парализовать волю. Айно Куусинен вспоминает: «На наших сердцах тяжелым камнем лежало воспоминание о терроре. Кажется, никто не верил, что со Сталиным покончено. В Москве почти не было семей, которые не пострадали бы от преследований, однако об этом никто не говорил. Точно так же и я, к примеру, никогда не вспоминал в присутствии друзей тюрьму и лагерь, а они никогда меня об этом не спрашивали. Нас слишком туго спеленал страх»[52]. Жертвы террора так никогда и не избавились от памяти о нем, для палачей же он оставался источником вдохновения. Уже при правлении Брежнева в СССР была выпущена марка в честь 50-й годовщины ЧК и сборник, поющий ей хвалу[53]*.

Напоследок предоставим еще раз слово Горькому, восхвалявшему Ленина после его смерти в 1924 году в таких словах: «Мой старый знакомый, сормовский рабочий, человек нежной души, пожаловался, что ему трудно работать в ЧК. Я ответил: "Мне тоже кажется, что вам это не подходит. У вас не тот характер". — "Совсем не тот", — грустно согласился он, а потом, поразмыслив, добавил: "Но когда я думаю, что Ильичу тоже наверняка приходится держать свою душу за крылья, мне становится стыдно своей слабости". Случалось ли Ленину держать свою душу за крылья? Он обращал слишком мало внимания на себя, чтобы говорить о себе с другими; он лучше любого умел скрывать тайны своей души. Лишь однажды он сказал мне, лаская ребятишек "Их жизнь будет лучше нашей; многого из того, что выпало нам, они избегнут. Их жизнь не будет такой жестокой". И, глядя вдаль, мечтательно добавил: "И все-таки я им не завидую. Наше поколение решило задачу громадного исторического значения. Жестокость нашей жизни, продиктованная обстоятельствами, будет понята и прощена. Все будет понято, все!"»

Да, понимание начинает приходить, но совсем не то, на какое надеялся Владимир Ильич Ульянов. Что осталось ныне от «задачи громадного исторического значения»? Покончено даже с иллюзорным «строительством социализма», длится лишь чудовищная трагедия, продолжающая калечить жизни сотен миллионов людей и грозящая вползти в третье тысячелетие. Василий Гроссман, служивший военным корреспондентом в Сталинграде, писатель, у которого КГБ конфисковал вместе с рукописью его главного романа *Жизнь и судьба* и его собственную жизнь, высказывал, однако, оптимизм, который не мешало бы позаимствовать: «Наш век — век высшего насилия государства над человеком. Но вот в чем сила и надежда людей. Именно двадцатый век поколебал гегелевский принцип мирового исторического процесса: "Все действительное разумно", принцип, который в тревожных десятилетних спорах освоили русские мыслители прошлого века. И именно теперь, опрокидывая Гегелев закон, в пору торжества государственной мощи над свободой человека, подготавливается русскими мыслителями в лагерных ватниках высший принцип всемирной истории: "Все бесчеловечное бессмысленно и бесполезно"».

Да, да, да, во времена полного торжества бесчеловечности стало очевидно, что все созданное насилием бессмысленно и бесполезно, существует без будущего, бесследно».

* К сожалению, хвалу ЧК продолжают петь и в наши дни в современной демократической России. Портреты Ф. Дзержинского продолжают висеть в кабинетах сотрудников ФСБ; летом 1999 года с огромной помпой отмечалась очередная годовщина со дня рождения Ю. Андропова, долгое время возглавлявшего КГБ и совершившего на этом посту множество неблаговидных поступков. Всё это подтверждает мысль, высказанную А. Яковлевым во вступительной статье, о том, что в России окончательного «краха [коммунизма] еще не случилось». *(Прим. ред.)*

АВТОРЫ

Стефан Куртуа. Ведущий научный сотрудник Национального центра научных исследований (CNRS — GEODE, Париж X). Редактор-издатель журнала «Коммунизм». Автор многих книг, посвященных французской компартии и ее роли во Второй мировой войне.

Николя Верт. Научный сотрудник Института новейшей истории (IHTP). Автор книг о сталинской эпохе в СССР, в которых подробно исследуются различные аспекты жизни советского общества того времени. На русском языке издана его книга «История советского государства» (М., Прогресс, 1992).

Жан-Луи Панне. Историк Один из авторов «Словаря французского рабочего движения».

Анджей Панковский. Вице-директор Института политических исследований Польской Академии наук, член научного совета Архивов Министерства внутренних дел и администрации. Автор книг по истории Польши.

Карел Бартошек. Историк Родом из Чехии. Работал с 1983 года по 1996 год в Национальном центре научных исследований. Редактор журнала «La Nouvelle Alternative», специалист по Центральной и Восточной Европе. Автор книг по истории Чехословакии.

Жан-Луи Марголен. Доцент университета Прованса, научный сотрудник Института изучения Юго-Восточной Азии (CNRS).

В работе над книгой принимали участие:

Реми Коффер. Специалист по истории разведывательных служб, терроризма и секретных органов. Автор книг по этой тематике.

На русском языке вышла его книга «Всемирная история разведывательных служб» в 2-х томах (М., Терра, 1997, перевод с французского издания 1993-1994 г.).

Пьер Ригуло. Научный сотрудник института социальной истории. Главный редактор издания «Cahiers d'histoire sociale». Автор книг, в которых исследуется тема: французы и ГУЛАГ.

Паскаль Фонтен. Журналист, специалист по Латинской Америке.

Ив Сантамария. Научный сотрудник, доцент институтов IUFM в Мансе и IEP в Париже.

Сильвен Булук Историк, ассоциированный сотрудник GEODE (Париж X).

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издание **«Черной книги коммунизма»** в России вписывается в общий процесс подведения итогов XX века. Множество людей, участвовавших в создании книги, воспринимали работу над ней как свой вклад в гуманитарное противостояние насилию, одним из воплощений которого стал коммунизм.

Изданная на многих языках мира, эта книга скорби и надежды пришла, наконец, и к нашему читателю. Она воздействует не только на сознание, но апеллирует к нашей генетической памяти — памяти нации, в течение 70 лет находившейся под гнетом коммунистического режима. И пусть «зло не ограничено геополитическими рамками», как сказано в этой книге, но мы верим, что общими усилиями оно может быть побеждено.